

Фернан Бродель

СТРУКТУРЫ ПОВСЕДНЕВНОСТИ:

ВОЗМОЖНОЕ
И НЕВОЗМОЖНОЕ

·Прогресс·

Фернан Бродель

*Материальная
цивилизация,
экономика
и капитализм,
XV-XVIII вв.*

СТРУКТУРЫ ПОВСЕДНЕВНОСТИ:

ТОМ I

ВОЗМОЖНОЕ
И НЕВОЗМОЖНОЕ

Перевод с французского
доктора исторических наук
Л. Е. КУББЕЛЯ

Вступительная статья и редакция
доктора исторических наук
Ю. Н. АФАНАСЬЕВА

Москва · Прогресс · 1986

ОГЛАВЛЕНИЕ

- 5   **ФЕРНАН БРОДЕЛЬ И ЕГО ВИДЕНИЕ ИСТОРИИ**
- 29   **К СОВЕТСКОМУ ЧИТАТЕЛЮ**
- 33   **ВВЕДЕНИЕ**
- 37   **ПРЕДИСЛОВИЕ**
- Глава 1.   41   **БРЕМЯ КОЛИЧЕСТВА**
- 42   Население мира : цифры, которые приходится выдумывать
Система приливов и отливов 42. Недостаток цифр 45. Как считать? 49. Равенство Китая и Европы 49. Население мира в целом 51. Спорные цифры 52. Века в сравнении друг с другом 57. Недостаточность старых объяснений 58. Климатические ритмы 60.
- 62   **Шкала отсчета**
Города, армии и флоты 63. Преждевременно перенаселенная Франция 66. Плотность населения и уровни цивилизации 68. Какие еще идеи порождает карта Гордона Хьюза 74. Книга диких людей и зверей 76.
- 84   **Завершение биологического Старого порядка с наступлением XVIII в.**
Равновесие всегда торжествует в итоге 84. Голод 87. Эпидемии 93. Чума 97. Циклическая история болезней 102. Биологический Старый порядок в пределах длительной временной протяженности: 1400–1800 гг. 104.
- 107   **Многочисленные против слабых числом**
Против варваров 108. Постепенное исчезновение «чистых» кочевников до XVII в. 109. Завоевание пространств 112. Когда культуры оказывают сопротивление 115. Цивилизации против цивилизаций 117.
- Глава 2.   118   **ХЛЕБ НАСУЩНЫЙ**
- 122   **Пшеница**
Пшеница и второстепенные зерновые культуры 123. Пшеница и севообороты 128. Низкие урожаи,

- компенсация и катастрофы 135. Повышение урожайности и расширение посевных площадей 137. Локальная и международная торговля хлебом 139. Хлеб и калории 144. Цены на зерно и уровень жизни 148. Хлеб богачей, хлеб и каши бедняков 151. Покупать хлеб или печь свой? 154. Итак, царствует хлеб 158.*
- 160 Рис
Рис суходольный и рис поливной 161. Чудо рисовых плантаций 164. Ответственность риса 169.
- 174 Кукуруза (маис)
Наконец-то выяснено ее происхождение 174. Маис и американские цивилизации 176.
- 179 Продовольственные революции XVIII в.
Кукуруза за пределами Америки 180. Еще важнее картофель 184. Трудно есть непривычный хлеб 188.
- 190 А как же остальной мир?
Мотыжные земледельцы 190. А как же первобытные народы? 195.
- Глава 3. 199 **ИЗЛИШНЕЕ И ОБЫЧНОЕ: ПИЩА И НАПИТКИ**
- 203 Стол: роскошь и массовое потребление
И все-таки запоздалая роскошь 203. Европа плотоядная 206. Уменьшение мясного рациона начиная с 1550 г. 211. И все же привилегированная Европа 216. Есть слишком хорошо, или Причуды застолья 219. Сервировка стола 220. Медленно прививающиеся хорошие манеры 224. За столом христовым 225. Повседневная пища: соль 226. Повседневная пища: молочные продукты, жиры, яйца 227. Повседневная пища: дары моря 231. Лов трески 234. После 1650 г. перец выходит из моды 238. Сахар завоевывает мир 243.
- 246 Напитки и «возбуждающие»
Вода 246. Вино 251. Пиво 257. Сидр 260. Запоздалый успех алкоголя в Европе 260. Алкоголизм за пределами Европы 266. Шоколад, чай, кофе 268. Возбуждающие средства: величие табака 280.
- Глава 4. 286 **ИЗЛИШНЕЕ И ОБЫЧНОЕ: ЖИЛИЩЕ, ОДЕЖДА И МОДА**
- 286 Дома всего мира
Строительные материалы для богатых: камень и кирпич 287. Прочие строительные материалы: дерево, земля, ткани 291. Сельское жилище Европы 295. Городские дома и квартиры 298. Урбанизированные деревни 301.

- 303 **Интерьеры**
Бедняки без мебели 303. Традиционные цивилизации, или Неизменные интерьеры 305. Двойная китайская мебель 308. В Черной Африке 312. Запад с его разнообразием мебелировки 314. Полы, стены, потолки, двери и окна 315. Камин 319. Печи и плиты 321. Мебельщики перед тщеславием покупателей 324. Важны лишь ансамбли 327. Роскошь и комфорт 332.
- 333 **Костюмы и мода**
Если бы общество было недвижимым 333. Если бы существовали одни бедняки 335. Европа, или Безумие моды 338. Была ли мода лёгкомысленна? 344. Два слова о географии тканей 348. Моды в широком смысле и их колебания в пределах длительной временной протяженности 350. Что сказать в заключение? 355.
- Глава 5. 357 **РАСПРОСТРАНЕНИЕ ТЕХНИКИ: ИСТОЧНИКИ ЭНЕРГИИ И МЕТАЛЛУРГИЯ**
- 359 **Ключевая проблема – источники энергии**
Человеческий привод 360. Мускульная сила животных 364. Водяные двигатели, ветряные двигатели 376. Парус: пример европейских флотов 386. Повседневный источник энергии: дерево 386. Каменный уголь 392. И чтобы закончить... 395.
- 397 **Бедный родственник – железо**
Начальная стадия простейшей металлургии (за исключением Китая) 399. Успехи XI–XV вв.: Штирия и Дофине 402. Эпизодическая концентрация производства 405. Немного цифр 407. Прочие металлы 408.
- Глава 6. 410 **ТЕХНИЧЕСКИЕ РЕВОЛЮЦИИ И ТЕХНИЧЕСКАЯ ОТСТАЛОСТЬ**
- 411 **Три великих технических новшества**
Изобретение пороха 411. Артиллерия становится мобильной 412. Артиллерия на борту кораблей 414. Аркебузы, мушкеты, ружья 417. Производство и бюджет 418. Артиллерия в масштабах всего мира 421. От изобретения бумаги к книгопечатанию 423. Изобретение подвижного шрифта 424. Книгопечатание и большая история 427. Подвиг Запада: плавание в открытом океане 428. Флоты Старого Света 428. Морские дороги мира 431. Простая проблема Атлантики 434.
- 440 **Медлительность сообщений**
Устойчивость маршрутов 441. Превратности истории дорог: их значение 445. Речное судоходство 446.

- Архаичность транспортных средств; неизменность, отставание 448. В Европе 449. Смехотворные скорости и пропускная способность дорог... 450. Перевозчики и перевозки 452. Транспорт как тормоз экономики 456.*
- 457 Неспешная история техники
Техника и земледелие 457. Техника как таковая 458.
- Глава 7. 464 ДЕНЬГИ
- 469 Несовершенные экономические и денежные системы
Примитивные деньги 470. Меновая торговля в самом центре денежной экономики 473.
- 477 За пределами Европы: экономики и металлическая монета в младенческом возрасте
В Японии и Турецкой империи 477. Индия 479. Китай 481.
- 486 Некоторые правила функционирования денег
Спор между драгоценными металлами 487. Утечка, накопления и тезаврация 492. Расчетные деньги 494. Запасы металлов и скорость денежного обращения 497. За пределами рыночной экономики 499.
- 500 Бумажные деньги и орудия кредита
Это старинная практика 502. Деньги и кредит 504. Последуем за Шумпетером: все – деньги и все – кредит 506. Деньги и кредит – это определенный язык 507.
- Глава 8. 509 ГОРОДА
- 509 Город как таковой
От незначительной роли городов к их глобальному значению 510. Постоянно возобновляющееся разделение труда 514. Город и пришлый люд, особенно нищие 520. Высокомерие городов 522. На Западе: города, артиллерия, экипажи 528. География городов и связи между ними 531. Иерархия городов 536. Города и цивилизации: мусульманский мир 537.
- 541 Своеобразие городов Запада
Свободные миры 542. Новизна городов 544. Поддаются ли моделированию формы западного города? 547. Иные варианты развития 553.
- 558 Крупные города
На чьей это совести? Ответственность государств 558. Чему служили столичные города? 560. Миры, утратившие равновесие 561. Неаполь: от Палаццо Реале до Меркато 564. Санкт-Петербург в 1790 г. 567. Предпоследнее путешествие: Пекин 573. Лондон: от

Елизаветы до Георга III 581. Урбанизация – предвестие появления нового человека 590.

- 593 ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ
- 599 СПИСОК ГРАФИКОВ
- 600 СПИСОК КАРТ И СХЕМ
- 601 СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ
- 605 УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН
- 610 УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

ФЕРНАН БРОДЕЛЬ И ЕГО ВИДЕНИЕ ИСТОРИИ

Советскому читателю предлагается русский перевод изданного во Франции в 1979 г. трехтомного сочинения Ф. Броделя «Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв.». Это – второе крупное исследование Ф. Броделя. Первое – «Средиземное море и мир Средиземноморья в эпоху Филиппа II»¹ – было опубликовано в 1949 г. В течение тридцати лет, разделяющих эти две даты, Ф. Бродель занимал центральное место во французской историографии. После Марка Блока (1886–1944 гг.) и Люсьена Февра (1878–1956 гг.) – основателей исторической школы «Анналов» – Ф. Бродель, став общепризнанным лидером этого научного направления, продолжил их «битвы за историю»², предназначением которой, как они считали, должно было стать не простое описание событий, не беззаботное повествование о них, а проникновение в глубины исторического движения, стремление к синтезу, к охвату и объяснению всех сторон жизни общества в их единстве.

Две основные работы Ф. Броделя и представляют собой конкретную попытку такого исторического синтеза: в одном случае в масштабе крупного Средиземноморского региона XVI в., а в другом – в масштабе всего человечества с XV по XVIII в. Эти работы – высшее достижение школы «Анналов», лучшее выражение присущего этому историографическому направлению способа воссоздания истории, а их автор Ф. Бродель – оригинальный мыслитель, один из крупнейших современных историков, достойный представитель прогрессивной французской интеллигенции, способствовавший укреплению интернациональных связей между учеными всех стран, в частности между французскими и советскими историками. Как исследователь он всегда выбирал непроторенные пути, отыскивал для решения сложные проблемы. Не все они, разумеется, решались одинаково успешно, но в целом творческие поиски Ф. Броделя оказались весьма плодотворными.

Именно этим, очевидно, и объясняется все нарастающий в последние годы интерес к нему во многих странах мира: его

¹ Braudel F. *La Méditerranée et le Monde méditerranéen de Philippe II*. P., 1949.

² «Битвы за историю» – так Л. Февр назвал опубликованный в 1953 г. сборник своих статей: Fevre L. *Combats pour l'histoire*. P., 1953.

³ См. например:

Hexter J. H. *Fernand Braudel and the Monde Braudelien.*—“*Journal of Modern History*”, Chicago, 1972, № 4; Trevor-Roper H. R. *Fernand Braudel, the Annales and Mediterranean.*—“*Journal of Modern History*”, Chicago, 1972, № 4; Cedronio M., Dias F., Russo C. *Storiografia francese di ieri e di oggi.* Napoli, 1977; Stoianovich T. *French Historical Method.* London, 1976.

Perrot J.-Cl. *Le présent et la durée dans l'oeuvre de Fernand Braudel.*—“*Annales E.S.C.*”, 1981, № 1.

⁴ См., например:

Историография новой и новейшей истории стран Европы и Америки. М., 1977; Соколова М. Н. *Современная французская историография.* М., 1979; Афанасьев Ю. Н. *Историзм против эклектики.* М., 1980; Далин В. М. *Историки Франции XIX–XX веков.* М., 1981.

⁵ Бродель Ф. *Свидетельство историка*—“*Французский ежегодник, 1982*”, М., 1984, с. 174.

⁶ Там же, с. 175.

труды переводятся на многие языки и издаются большими тиражами, а критическая литература о нем исчисляется на сегодня сотнями названий³. В советской историографии работы Ф. Броделя, его историческая концепция были проанализированы с марксистских позиций, дана оценка его изысканиям как в области методологии истории, так и конкретно-исторических вопросов⁴.

Публикация в русском переводе работы «Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв.» призвана расширить представление советского читателя о творчестве этого ученого.

I

Ф. Бродель родился в 1902 г. в небольшой деревушке на востоке Франции. Там он провел свое детство, туда он многократно навещался уже в зрелом возрасте. Эти годы жизни в деревне оставили в нем, по его признанию, глубокий след: «Я еще видел за работой деревенского кузнеца и тележника, бродячих лесорубов; видел, как крутилось колесо старой мельницы, быть может построенной некогда для местного сеньера одним из моих предков»⁵. Возможно, деревенская жизнь во многом способствовала и формированию свойственного Ф. Броделю мировосприятия, которое нашло отражение в его работах; она наделила его умением внимательно наблюдать за медленным, почти незаметным течением времени, за «мелочами» спокойной повседневности. И видимо, не случайно даже в довольно кратком введении к первому тому «Материальной цивилизации» Ф. Бродель в очередной раз говорит о своих деревенских впечатлениях. Его философско-исторические размышления об отмеченной знаком рутины материальной жизни, о сложных переплетениях различных уровней исторической реальности, о диалектике времени и пространства и тому подобное дополняются воспоминаниями о деревне, которую он хорошо знал и которая «еще в 1929 г. жила чуть ли не в XVII и XVIII вв.».

Годы учебы Ф. Бродель провел в Париже. Он окончил лицей Вольтера и Сорбонну. Его дипломная работа была посвящена довольно типичной для того времени локальной теме—«Бар-ле-Дюк в первые три года Революции». «Как и всех левых студентов того времени,—писал Ф. Бродель,—меня больше всего привлекала Революция 1789 г.»⁶

С начала 20-х и примерно до середины 30-х годов (исключая 1925–1926 гг., когда он служил в армии) Ф. Бродель находился в Алжире, читая курс истории в одном из местных лицеев. Это были годы, во многом предопределившие всю его дальнейшую творческую жизнь. Прежде всего отметим обстоятельство, на первый взгляд не столь уж серьезное,—он полюбил Средиземное море. Совершая поездки по странам Северной Африки вплоть до Сахары, он увидел этот регион как бы с «другого берега». Это, казалось бы, сугубо личное, психологическое обстоятельство повлияло не только на проблематику его исследований, но в значительной мере и на его исторические воззрения в целом.

Пребывание в Алжире способствовало духовному обогащению Ф. Броделя, формированию его политических взглядов. Правда, поначалу, восхищаясь пейзажами Средиземноморья, он и не подозревал, какая социально-политическая, колониальная драма вызревала в этом регионе. «Угрызения совести»⁷, как он сам об этом говорит, осознание царящей здесь социальной несправедливости придут к нему несколько позднее. А пока что, особенно с начала 30-х годов, он испытывал огромное беспокойство в связи с событиями, происходившими в Германии.

В 1928 г. Ф. Бродель опубликовал свою первую статью «Испанцы в Северной Африке», а в 1930 г. выступил с докладом на конгрессе французских историков, состоявшемся в Алжире. Примерно в это же время определилась и первоначальная тема его диссертации – «Филипп II. Испания и Средиземноморье». Это была классическая для Сорбонны того времени тема из области политической истории, и в таком ее виде она не таила в себе каких-то особых возможностей для крупных открытий. Научное прозрение Ф. Броделя, а вместе с ним и совершенно иной поворот исследования произойдет где-то в конце 30-х годов, после нескольких лет, проведенных им в архивах разных городов Европы (Парижа, Мадрида, Венеции, Нюрнберга, Аугсбурга, Лейпцига, Дрездена и др.), после прочтения километров снятых им в хранилищах микрофильмов.

Становление Ф. Броделя как историка происходило в период глубоких перемен в представлениях о социальной сущности современного мира и о физических его свойствах. Прошло совсем немного времени после первой мировой войны и потрясшей весь мир в 1917 г. величайшей в истории революции. В 1929 г. на Западе разразился жесточайший экономический кризис. Устоявшаяся в веках система ценностей стала пересматриваться. Под воздействием открытий, с одной стороны, Бора – Резерфорда, с другой – Лоренца – Пуанкаре – Эйнштейна рухнули вековые представления о микро- и макромире, о способах познания.

В первые три десятилетия XX в. в результате явной неспособности дать научное объяснение исторического процесса потерпели полное банкротство многие кощепции из арсенала традиционной буржуазной историографии, а вместе с ними и доминировавшие в ней школы и направления. У тех обществоведов, которые пытались найти вне марксизма ответы на поставленные жизнью вопросы, назрела потребность в более широких научных обобщениях, в более углубленных раздумьях о судьбах цивилизации. Выразителями этих потребностей во Франции стали ученые – историки, социологи, географы, экономисты, – которые объединились в сравнительно небольшую группу вокруг созданного М. Блоком и Л. Февром в 1929 г. в Страсбурге журнала «Анналы экономической и социальной истории»⁸. Основоположники «Анналов» выступили против «прозябавшей в эмбриональной форме повествования» «событийной истории»⁹ во имя создания проблемной, «синтетической» истории, призванной ставить и решать проблемы. Основную задачу исторической науки они видели в создании всеобъемлющей истории – «истории, которая стала бы центром, сердцем обще-

⁷ Там же, с. 176.

⁸ Журнал несколько раз менял название: с 1929 г. по 1939 г. – “*Annales d'histoire économique et sociale*”, с 1939 по 1941 г. – “*Annales d'histoire sociale*”, с 1942 по 1944 г. вместо закрытых в годы фашистской оккупации «Анналов» выходили отдельные сборники – “*Mélanges d'histoire sociale*”. В 1945 г. вышли два сборника в честь М. Блока – “*Annales d'histoire sociale*”. С 1946 г. и по настоящее время – “*Annales. Économies. Sociétés. Civilisations*”.

⁹ См.: Блок М. *Апология истории*. М., 1973, с. 12.

¹⁰ "Annales E. S. C.", 1953, p. 512.

ственных наук, средоточием всех наук, изучающих общество с различных точек зрения — социальной, психологической, моральной, религиозной, эстетической и, наконец, с политической, экономической и культурной»¹⁰. Выступая за обновление истории, М. Блок и Л. Февр доказывали, что к числу исторических фактов относятся не только «события» из сферы политической жизни, но прежде всего явления, процессы, в том числе социально-экономического развития. «Анналы» М. Блока и Л. Февра выступили за разработку «истории масс» в противовес «истории звезд», они ратовали за человека-труженика, за историю, видимую не «сверху», а «снизу». В «Анналах» разрабатывалась «география человека», история материальной культуры, историческая антропология, социальная психология и другие остававшиеся до того в тени направления исторических исследований.

В том же русле развивались и творческие поиски Ф. Броделя. Он неоднократно встречался с М. Блоком, со многими из тех, кто объединился тогда вокруг «Анналов», а в 1932 г. встреча с Л. Февром положила начало их дружбе на всю жизнь.

В 1939 г. Ф. Бродель готов был приступить к написанию книги о Средиземноморье. Казалось, все необходимое для реализации этого замысла было налицо: за год до этого он получил назначение в Практическую школу высших исследований в Париже, подготовительная работа была завершена. Но началась война, и Ф. Бродель оказался на фронте. Во время разгрома французской армии он попал в плен и с 1940 по 1945 г. провел в лагерях для военнопленных; сначала он находился в Майнце, а с 1942 г. был переведен в лагерь особого режима в Любеке.

Эти трудные годы Ф. Бродель жил напряженной, до предела насыщенной интеллектуальной жизнью. То были годы раздумий, когда складывалось его видение истории. Не имея под рукой необходимых материалов, но обладая феноменальной памятью, он много работал, списывая одну школьную тетрадь за другой и регулярно отправляя их Л. Февру. В результате им был написан первый вариант огромной по объему (1160 страниц) и увлекательнейшей по содержанию книги об истории Средиземноморья.

Броделевское видение истории с этого времени определялось прежде всего стремлением понять людские свершения и сделать их понятными для других. Правда, под воздействием той страшной обстановки, в которой оказался весь мир, под воздействием тягостных событий тех лет и на основе уже сформировавшихся у него к тому времени мыслей об истории это стремление преломилось весьма своеобразно. Ф. Бродель всеми силами хотел отойти от событий войны, от повседневности тех трудных лет, но отойти не в смысле отвернуться от них, будто этих событий вовсе нет, а отойти в смысле подняться над ними, взглянуть на них несколько со стороны, увидеть за ними те глубинные силы, овладев которыми можно было бы не допустить, преодолеть эти события. Вот откуда поначалу совершенно непонятное стремление Ф. Броделя к несобытийной истории в то самое время, когда именно события терзали и весь мир, и его самого, вот откуда опять-таки необъяснимое на первый взгляд

его продолжительное, на все время пребывания в лагере, мысленное погружение в XVI век.

Явление в самом деле не совсем обычное: из лагеря для военнопленных особого режима идет поток школьных тетрадей со странными названиями: «В сердце Средиземноморья», «Доля среды», «Коллективные судьбы и общее движение», «Человеческое единство. Пути и города». «Мне необходимо было верить, — пишет в связи с этим Ф. Бродель, — что история, что судьбы человечества свершаются на более глубоком уровне... В невообразимой дали от нас и от наших повседневных бед творилась история, верша свой неторопливый оборот, такой же неторопливый, как та древняя жизнь Средиземноморья, чью неизменность и своего рода величавую неподвижность я столь часто ощущал»¹¹.

От обдумывания темы исследования до публикации книги о Средиземноморье прошло около 20 лет. В 1947 г. Ф. Бродель защитил диссертацию, а в 1949 г. вышла и книга, которая и по форме и по содержанию вписалась в представляемое «Анналами» историографическое направление. В ней, как писал Л. Февр, воплотилось все, «чего на протяжении 20 лет добивались все мы, будь то Марк Блок, Анри Пиренн, Жорж Эспинас или Андре Сайу, Альбер Деманжон, Анри Озе или Жюль Сион — я называю только умерших, — в нашем стремлении создать историю более живую, более продуманную, более действенную, более приспособленную к нуждам нашей эпохи»¹².

Эти слова Л. Февра воспроизведены здесь не только потому, что они наиболее точно передают, как было встречено и оценено броделевское «Средиземноморье» его сторонниками во Франции. Они как бы символизируют передачу эстафеты от первого ко второму поколению историков школы «Анналов». Олицетворением первого были Л. Февр и М. Блок (разумеется, как и все названные Февром имена), второго — безусловно, Ф. Бродель.

В послевоенный период Ф. Бродель какое-то время смотрелся как одна из трех вершин французской историографии; две другие — это Эрнест Лабрус (р. в 1895 г.) и Пьер Ренувен (1893–1974 гг.). Но примерно с середины 50-х годов к нему надолго перешло единоличное лидерство. В 1949 г. он становится заведующим кафедрой современной цивилизации в Коллеж де Франс и с этого же времени — председателем жюри по защите диссертаций по истории. С 1956 г., после кончины Л. Февра, он возглавляет журнал, который вскоре после войны обрел теперешнее его название — «Анналы. Экономика. Общества. Цивилизации». С этого же времени в журнале стало все отчетливее проявляться присущее Ф. Броделю видение истории.

Важное значение с точки зрения ориентации значительной части осуществлявшихся во Франции научных исследований имело назначение Ф. Броделя на пост президента VI Секции (исследования в области социальных и гуманитарных наук) Практической школы высших исследований в Париже. Все эти назначения дали Ф. Броделю большие возможности распространять свои идеи, определять направления научных поисков, ориентировать молодых ученых, публиковать книги, воодушевлять размышления о характере и содержании исторической науки, о ее

¹¹ Бродель Ф. Ук. соч., с. 178.

¹² Febvre L. *Un livre qui grandit*. — «Revue historique», 1950, vol. 3, p. 224. Цит по: Далин В. М. Указ. соч., с. 197.

месте в обществе, о ее отношениях с другими социальными науками. В 1962 г. Ф. Бродель становится главным администратором созданного по его инициативе «Дома наук о человеке». Появилась еще одна дополнительная возможность для утверждения того типа исторической науки, за которую вели битвы М. Блок и Л. Февр, науки, идущей навстречу другим отраслям знаний: примерно до середины 60-х годов она была обращена лицом прежде всего к географии, экономике и социологии, а в последние годы – к психологии, антропологии и лингвистике.

В 60–70-е годы работы Ф. Броделя и его разносторонняя деятельность как организатора научных исследований получают широкое международное признание. С его именем связывают окончательное утверждение заложенного уже в трудах М. Блока и Л. Февра нового типа исторической рефлексии, далеко за пределами Франции стали говорить о «феномене» «Анналов» и об их доктрине как о концепции истории, существенно отличающейся от всех остальных. Ф. Бродель становится почетным доктором университетов Брюсселя, Оксфорда, Мадрида, Женевы, Варшавы, Кембриджа, Лондона, Чикаго и др., его именем называют один из научно-исследовательских центров в США. В эти годы Ф. Бродель прилагал огромные усилия (и не только административные) для решения проблемы междисциплинарных связей. В лекциях и периодических публикациях он неутомимо доказывал необходимость междисциплинарного диалога, боролся против постоянной опасности фрагментации знания¹³.

Результатом этих усилий Ф. Броделя, как и всех, кто объединился вокруг «Анналов», стало теперь уже практически всеобщее среди французских обществоведов убеждение (зафиксированное в вышедшем в 1982 г. официальном коллективном издании «Науки о человеке и обществе во Франции»), что «в эпистемологическом смысле нельзя иметь социологию или антропологию, оторванную от истории, или историю, оторванную от экономики или антропологии, и психология не может развиваться в отрыве от лингвистики, социологии или биологии. По этим же причинам невозможно развивать собственно социальную науку в отрыве от других наук. Напротив, в рамках научной политики необходимо обеспечить развитие и взаимный обмен достижениями между всеми науками о человеке и обществе»¹⁴.

В 70-х годах произошел заметный поворот в общей ориентации историографического направления, представляемого «Анналами»¹⁵. Новые директора журнала – Э. Ле Руа Ладюри, М. Ферро, Ж. Ле Гофф и др. – стали осуществлять коллективное руководство, а Ф. Бродель, хотя формально он и продолжал оставаться одним из его директоров, фактически уже давно покинул свое детище. Все эти перемещения в руководстве журнала – лишь внешние проявления глубоких изменений в общенаучной проблематике, в теоретико-методологической оснащенности и идеологической направленности «Анналов» на третьем, современном этапе их развития.

В научно-исследовательской проблематике отчетливо наблюдается продвижение, как это квалифицируют сами предста-

¹³ Особенно характерны в этом отношении две публикации Ф. Броделя: *Histoire et sciences sociales. La longue durée*. – „*Annales E. S. C.*”, 1958, № 4, а также: *idem. Unité et diversité des sciences de l'homme*. – „*Revue de l'enseignement supérieur*”, 1960, № 1. Все наиболее важные статьи Ф. Броделя о теоретических проблемах исторической науки опубликованы им в сборнике «Записки об истории»: Braudel F. *Écrits sur l'histoire*. P., 1969.

¹⁴ *Les sciences de l'homme et de la société en France. Analyse et propositions pour une politique nouvelle*. P., 1982, p. 23.

¹⁵ См. об этом подробнее: Афанасьев Ю. Н. *Вчера и сегодня французской «новой исторической науки»*. – «*Вопросы истории*», 1984, № 8.

вители третьего поколения «Анналов», «от подвала к чердаку», т. е. от геоистории, от экономической и социальной исторической действительности в сферу духовной жизни общества, к истории *mentalités*. В теоретическом плане идет пересмотр всех наиболее важных понятий (глобальная история, социальное время, исторический факт, исторический источник), бывших основополагающими для историков первых двух поколений «Анналов». На уровне идейно-политическом отчетливо просматривается движение от сциентизма к идеологизации, к открытому антимарксизму и антикоммунизму. Все это и вынудило, очевидно, Ф. Броделя сделать признание: «Когда я их [т. е. «Анналы». – Ю. А.] оставил в 1970 г., они не соответствовали уже замыслу ни Блока, ни Февра, ни моему собственному. Я просто перестал лично ими заниматься, поскольку они стали для меня чужими»¹⁶. Что же касается самого Ф. Броделя, то основным предметом его забот в 70-е годы было завершение и подготовка к изданию «Материальной цивилизации» – труда, написанного в духе «классических», а не «обновленных» уже к тому времени «Анналов».

Первый том этой работы под названием «Возможное и невозможное: люди перед лицом их повседневной жизни» вышел в свет еще в 1967 г., а в 1979 г. были опубликованы все три тома этой работы. В соответствии с общим замыслом был несколько переработан и первый том, который в новом издании изменил свое название – «Структуры повседневности: возможное и невозможное».

Трехтомное сочинение Ф. Броделя – это итог тридцатилетнего труда, это фундаментальное, осуществленное в мировом масштабе исследование экономической истории с XV по XVIII в. Объектом исследования здесь является один из переломных периодов истории – период разложения феодального и становления капиталистического общества.

Работа изобилует фактическим материалом, в большинстве своем неизвестным нашему читателю. Она написана на основе архивных источников, с учетом практически всей имеющей отношение к теме литературы. В ней более 5500 сносок, более 500 иллюстраций, карт, графиков, схем, гравюр, фотографий. Излагаемый автором обширнейший фактический материал, охватывающий многие века мировой истории, разные страны и континенты, раскрывает перед читателем до этого неведомые ему многие интересные и значимые реальности из прошлого человечества. В этой связи можно сослаться на американского историка Гекстера, который писал о работах Ф. Броделя: «Его обширное видение, чудо его исторической эрудиции заставляет меня краснеть за мой узкий кругозор и ограниченные знания»¹⁷. По словам Гекстера, Ф. Бродель испытывает «огромное удовольствие» и от изложения крупнейших линий развития, и от изложения мельчайших подробностей, иногда подробностей ради подробностей. У него неудержимое стремление путешествовать повсюду, все видеть и обо всем рассказать, у него, как у Рабле, «интерес ко всему»¹⁸. «Методологически, – заметил в этой же связи советский историк В. М. Далин, – Бродель – сторонник широчайших обобщений, «глобальной истории», но как иссле-

¹⁶ *Les 80 ans du "pape" des historiens. Entretien avec Fernand Braudel.* – "L'Histoire", 1982, № 48, p. 75–76.

¹⁷ Hexter J. H. *Fernand Braudel and the Monde Braudélien.* – "Journal of Modern History", Chicago, 1972, № 4, p. 537.

¹⁸ *Ibid.*, p. 522–524.

дователь, как историк он, к величайшему счастью, «искатель жемчуга», пытливейший охотник за конкретными, мельчайшими деталями... Это счастливое сочетание и обеспечило Броделю то высокое место во французской исторической науке XX в., которое он занял, несмотря на все спорные стороны его исторической теории»¹⁹.

Эту же особенность в творчестве Ф. Броделя подчеркивают и многие его коллеги во Франции. «Среди историков моего поколения,— пишет один из крупнейших современных медиэвистов Ж. Дюби,— думаю, что мало таких, кто бы не был ему обязан чем-то главным. Есть много и таких, которые обязаны ему почти всем». Далее Ж. Дюби перечисляет некоторые свойства творческого почерка, профессионального мастерства Ф. Броделя — его терпеливое трудолюбие, пристрастие к сбору и обработке документов, его ненасытное чтение, дни и ночи в архивах, библиотеках, в его собственном обширном рабочем кабинете, заваленном книгами, ворохами книг²⁰. И сам Ф. Бродель на вопрос о том, что он главным образом читает, ответил: «Без всякого сомнения — архивы. У меня безудержная страсть к документу, который еще никто не знает, к кипам бумаг, которые еще никто не перелистывал. Я бесконечно предпочитаю рукопись печатному изданию. И еще у меня есть одна плохая привычка: я люблю побывать на месте, посмотреть на вещи с близкого расстояния»²¹.

Теперь мы имеем перед собой три тома, в которых воплотилась огромная, подавляющая эрудиция Ф. Броделя, где систематизированы собранные за многие десятилетия и во многих странах мира архивные документы. Уже только по одной этой причине работа представляет большой интерес не только для историков, экономистов, социологов, но и для тех, кто интересуется этнографией, исторической демографией, историей культуры.

В этом самом общем представлении «Материальной цивилизации» нельзя не сказать и о том, что Ф. Бродель неукоснительно следовал правилу: «Дать увидеть — так же важно, как дать понять». В его описаниях неторопливой повседневности есть нечто близкое и по форме, и по существу стилю импрессионистов с характерной для них прозрачной непосредственностью, эмоциональностью и красочностью, что в сочетании с глубоким анализом делает многие страницы работы Броделя яркими и впечатляющими.

И все-таки всякого, кто найдет время прочитать без малого две тысячи страниц трехтомника Ф. Броделя, ожидает не беззаботное удовлетворение любознательности, не легкая прогулка в прошлое, а сложный, труднопреодолимый путь, подобный путешествию на плотах по огромной, полноводной и в то же время извилистой и порожистой реке, которая, то замедляя течение, разливается так, что ее берега теряются из виду, то, оказавшись зажатой меж скал, углубляется, набирает огромную скорость.

Как преодолеть такую реку? Как достигнуть цели — глубже понять и на этой основе критически осмыслить результат многолетнего труда талантливого ученого?

¹⁹ Далин В. М. *Историки Франции XIX–XX веков*. 1981, с. 208.

²⁰ Duby G. *Le patron d'un grand atelier*. — *Le Monde*, 14 décembre 1979, p. 23.

²¹ *L'Histoire*, 1982, № 48, p. 71.

Для этого, очевидно, следует, во-первых, уяснить основные, наиболее важные теоретические принципы, которыми руководствовался Ф. Бродель, приступая к этому очередному своему исследованию, и, во-вторых, попытаться понять общую структуру и отыскать главную идею всей работы, ту ее центральную ось, доминанту, которая если не объясняет все, то все ставит на свои места, всему придает определенный смысл.

II

Во введении к своему сочинению Ф. Бродель написал, что оно задумано им «вне сферы действия теории, любых теорий – единственно под знаком конкретного наблюдения и одной только сравнительной истории. Истории, сравнительной во времени... сравнительной для возможно более обширного пространства, ибо исследование мое... охватывает весь мир, оно имеет «всемирный» масштаб. Как бы то ни было, на первом плане остается конкретное наблюдение»²².

²² См. настоящую работу, т. I, с. 35.

Очень многие зарубежные авторы, выступавшие с рецензиями на рассматриваемую работу Ф. Броделя, ухватились за эти слова – «конкретное наблюдение... вне каких бы то ни было теорий» – как за своего рода девиз, авторское кредо, как гарантию подлинной научности, непредвзятости, объективности. Однако ничего, пожалуй, не может быть более ошибочного, чем пытаться представить эту работу в виде образчика некоего ползучего эмпиризма. Собственно, и сам Ф. Бродель говорит, что конкретное наблюдение остается лишь на первом плане. А что представляет собой задний план?

Внимательное ознакомление с сочинением Ф. Броделя (на основе изучения его творчества в целом) дает все основания утверждать, что фундаментом этого труда, его каркасом является если и не одна, единая, методологически связанная теория, то, уж во всяком случае, некая совокупность основополагающих теоретических положений, над разработкой и обоснованием которых Ф. Бродель трудился многие годы. И начал он эти разработки задолго до того, как приступил к написанию «Материальной цивилизации».

Читателям работы Ф. Броделя, возможно, будет небезынтересно предварительно, хотя бы в самом общем плане, узнать, что представляют собой эти основополагающие, цементирующие его труд теоретические положения, как и когда они разрабатывались.

Так вот, первый и едва ли не один из решающих шагов в этом направлении был сделан Ф. Броделем в конце 30-х годов в процессе переосмысления темы своей диссертации.

Ближайшим видимым результатом этого стало то, что на первом месте в диссертации оказался не Филипп II с его средиземноморской политикой, а Средиземное море и мир Средиземноморья, история этого региона в XVI в. Казалось бы простая перестановка слов в названии темы, не более того. На самом же деле – это внешнее проявление глубокого переосмысления самого назначения исторического исследования, которое, как озарение, стало для Броделя – и не только для него одного – чем-то

вроде «Сезам, откройся!» и позволило совершенно другими глазами взглянуть на самый предмет научных изысканий, усмотреть невидимую ранее, но гораздо более удобную для исследователя обзорную площадку, неизмеримо расширившую исторические горизонты. Испанский монарх из всемогущего властелина, из центрального персонажа вселенной превратился в своего рода фигуранта. И произошло это вовсе не потому, что новый ракурс рассмотрения истории затмил или сделал менее примечательными деяния этого владыки. Просто они обрели новый, если и не вполне адекватный, то по крайней мере более соответствующий им масштаб. Политические события, если на них посмотреть с новой, броделевской точки обзора, выглядели как относительно мелкие свершения, лишь поднимающие пыль на очень тоненьком, поверхностном слое исторической реальности. Взору открылись глубинные, гораздо более мощные ее пласты, где зарождались и набирали силу все наиболее перспективные, жизнеопределяющие потоки, где медленно приспосабливались к естественной среде сменяющие одна другую ирригационные культуры, где оживали горы, изрезанные за столетия сетью троп и дорог.

В «Средиземноморье» отчетливо просматриваются все наиболее важные составляющие броделевского видения истории. Главная точка прицела здесь – это «конфронтация» географии и истории, диалектика пространства и времени, постигаемая в самом широком толковании этих двух категорий. Этот сюжет (по меньшей мере со времен Монтескье) давно и прочно удерживается во французской гуманитарной мысли. До Ф. Броделя он получил наиболее полное воплощение в «географии человека» П. Видаля де Лаблаша, которая, по словам Ф. Броделя, «помогает отыскать самые медлительные структурные реальности»²³: эти неустойчивые, но долговременные равновесия между людьми, между климатом и почвой, землей и морем, животными и растениями, равновесия, фиксирующие возможности и пределы цивилизации.

В трудах Ф. Броделя диалектика пространства и времени углубляется и получает дальнейшее развитие. Три основные части его книги о Средиземноморье – «Доля среды», «Коллективные судьбы и общее движение», «События, политика и люди» – это три разных плана, три уровня, в которых одна и та же историческая реальность схватывается по-разному, содержательные и пространственно-временные ее характеристики (быстротечные событийно-политические на самом верхнем уровне, значительно более долговременные социально-экономические на более глубоком и почти вневременные природно-географические на самом глубинном уровне) изменяются.

Различение этих трех уровней (фактически Ф. Бродель усматривает еще несколько уровней и в каждом из этих трех) – это не искусственное рассечение живой реальности, а рассмотрение ее в разных преломлениях. Во второй части книги, где речь идет об экономике, об обществах и цивилизациях, Ф. Бродель старается ответить на вопрос, как приходящие из этой глубины волны возбуждают всю совокупность средиземноморской жизни, каким образом все эти глубинные силы преломляются в таком, напри-

²³ Braudel F. *La Méditerranée...*, 2e éd., P., 1966, vol. I, p. 21.

²⁴ См.: Braudel F. *La Méditerranée...*, P., 1949, p. XIII.

мер, сложном феномене, как война²⁴. С учетом рассмотрения реальности в трех планах война – это область поверхностной, событийной истории, но в этом событии просматриваются и все остальные реальности. Война принимает относительно стабильные формы, которые придают ей сталкивающиеся между собой общества и цивилизации, с их людьми, техникой, финансовыми средствами. И даже такой природный фактор, как времена года, находит (точнее будет сказать, находил) свое проявление в войне: воюют летом, чтобы зимой торговать.

Многие темы, разработанные Ф. Броделем в «Средиземноморье», получили дальнейшее развитие в «Материальной цивилизации». Из всех наиболее важных в методологическом отношении концептуальных установок, руководствуясь которыми Ф. Бродель работал над сочинением «Материальная цивилизация, экономика и капитализм», обратим особое внимание на две: концепцию «глобальной истории» и категорию длительной временной протяженности – *la longue durée*.

Концепция «глобальной истории» получила теоретическое обоснование и конкретно-историческое насыщение в 30-е и последующие годы в трудах М. Блока, Л. Февра, Ф. Броделя и других историков школы «Анналов». Самим французским историкам эта концепция представляется примерно следующим образом. Прежде всего заметим, что ее приверженцы вовсе не требуют, чтобы было сказано «все обо всем», хотя слова «глобальная» и «тотальная» подводят как будто именно к такому толкованию. Чтобы видеть «глобально», вовсе не обязательно охватывать взором всю ойкумену. Глобальный взгляд возможен и на какой-то отдельный объект или определенную проблему с тем, однако, условием, что при этом не искажается жизнь всего общества, не нарушается единство, связность истории, а сам человек не расчленяется на *homo religiosus*, *homo oeconomicus*, *homo politicus* и т. д. Эпитет «тотальный» предполагает, что историческая наука охватывает все стороны жизни человека и общества, в том числе и такие, которые, казалось бы, не имеют, или почти не имеют, истории, – свадебные ритуалы, меню постоянных дворов, очертания полей, т. е. те исторические реальности, которые с трудом поддаются изменениям с течением времени и выступают в истории в роли своего рода инертного заполнителя, балласта, а зачастую даже тормоза исторического движения. Речь идет о ментальных, демографических структурах, технологических приемах.

«Глобальная история» предполагает, далее, наличие в исторической действительности нескольких уровней, т. е. ее эшелонированность в глубину, слоистость, ступенчатость. Эта история означает преодоление не только фрагментарности, но и плоскостного взгляда на историю. Это не фотография, а объемное изображение. В «Материальной цивилизации» есть глава, которая называется «Общество, или Совокупность систем», где говорится, что «глобальное общество» – «большая совокупность» – делится на несколько систем, в числе которых наиболее исследованными являются четыре: экономическая, социальная, политическая, культурная. Каждая из них в свою очередь делится на подсистемы, и так до бесконечности. «Согласно этой

²⁵ Braudel F. *Civilisation matérielle, économie et capitalisme, XV-XVIII siècle*. P., 1978, t. II, p. 409.

схеме,— пишет Ф. Бродель,— глобальная история (или, лучше сказать, история, имеющая тенденцию к глобальности, стремящаяся к тотальности, но никогда не могущая стать таковой)— это исследование по меньшей мере этих четырех систем самих по себе, потом в их взаимоотношениях, в их взаимозависимости, их чешуйчатости»²⁵. «Глобальная история»— это, наконец, еще и динамика взаимосвязанных уровней исторической действительности, которая осуществляется не в виде их едионаправленной и равноускоренной эволюции, а представляет собой неравномерные, смещенные во времени движения, поскольку каждой исторической реальности свойствен свой временной ритм.

Таким образом, «глобальная история» представляла собой шаг вперед по сравнению с французской буржуазной историографией начала XX в., для которой характерны были ограничение объекта исторических исследований, как правило, политической сферой, фрагментарность, упрощенное представление о характере исторических связей, сводимых к элементарной казуальности, и др. Концепция «глобальной истории» повлияла на самый характер мышления значительной части историков, на общую направленность их научного поиска, способствовала существенному расширению объекта исторической науки.

Если рассмотреть эту концепцию в общем течении исторической и социологической мысли, то мы увидим, что многое в ней восходит к Вольтеру и Э. Дюркгейму, к Ф. Гизо и А. Токвиллю, к Видалю де Лаблашу, М. Моссу и др.

На формировании концепции «глобальной истории» сказались и влияние марксизма, и просматривается оно по нескольким направлениям. Сказалось оно прежде всего в том, что предмет преимущественного внимания истории, которая строится по этой концепции,— история народных масс. Сам факт переориентации от истории героев и разрозненных событий к истории масс и длительным процессам является знаменательным. Именно повышенный интерес к народным массам побуждает обратить внимание на материальные условия их существования, ведет к исследованию социально-экономической истории. И пожалуй, самое главное— именно под влиянием марксизма французские историки пришли к осознанию значимости теории истории, к необходимости разработки теоретических подходов к конкретно-историческим изысканиям. Один из таких подходов они усмотрели в концепции «глобальной истории».

Однако читатель, руководствующийся марксистским материалистическим пониманием истории, увидит, что в рамках того историографического направления, олицетворением которого является Ф. Бродель, историки не смогли найти убедительного решения проблемы целостного охвата общества. Общий взгляд на историю у представителей этого направления лишен монизма: в истории, по их мнению, действует множество сил, факторов, которые способны переливаться друг в друга, и каждый может стать определяющим. Хотя при этом и делается акцент на материальных условиях, экономике, но сама история материальной жизни понимается эмпирически, упрощенно, в плане непосредственного вещного ее выражения. Из экономической и социальной истории выпадает важнейшее звено— отно-

шения людей в процессе производства. Особенно уязвимой в концепции «глобальной истории» является недооценка способа производства как основы общества, предпочтение отдается структурно-функциональному подходу в ущерб историческому, генетическому. Концепция «глобальной истории» представляет собой вполне определенный методологически и ценностно ориентированный подход к истории. Это одновременно и выбор, и ограничение: экономика за счет политики, структура за счет события, проблема за счет хронологии и т. п.

Идея «глобальной истории» достигла апогея в своем развитии в 60-е годы. Монографические исследования, осуществленные на ее основе²⁶, получили самое широкое признание, а сторонники этой идеи стали олицетворением школы «Анналов» или, как принято говорить в последнее время, французской «новой исторической науки». Позднее отдельные приверженцы этого направления стали развенчивать концепцию «глобальной истории» как познавательную категорию, а примерно с конца 60-х годов произошли изменения и в ориентации исторических исследований – предпочтение отдается локальной проблематике.

Из наиболее ярких примет броделевского видения истории на второе место после «глобальной истории» следует поставить категорию социального времени, и прежде всего такую его характеристику, как *longue durée* – длительную временную протяженность.

Основоположники школы «Анналов» М. Блок и Л. Февр стремились превратить историю в социальную науку. Это было сердцевиной их программы: история должна, по их убеждению, выйти за пределы учения о том, что было однажды, преодолеть стадию идиографического (индивидуализирующего) мышления и стать в один ряд с науками номотетическими (обобщающими). Непременным условием осуществления этой программы, по их мнению, был решительный отказ от истории-повествования о единичных событиях, от «историзирующей», событийной истории (так уничижительно называли они предшествующую им позитивистскую историографию). Нет науки без теории, история – это не повествование, это постановка и решение определенных проблем. Отсюда и концепция «глобальной истории» как первый шаг на пути превращения истории в науку. Но глобальный подход не есть монополия исторической науки. Он характерен, в частности, и для социологии. Поэтому главное условие самоутверждения истории в качестве равной, а точнее, даже в качестве лидера во всей совокупности социальных наук основатели «Анналов», и особенно их продолжатель Ф. Бродель, усмотрели в концепции социального времени.

В 1958 г. была опубликована статья Ф. Броделя «История и социальные науки. Длительная временная протяженность»²⁷, которая получила широкую международную известность. Эта статья представляет собой, с одной стороны, подведение итогов и теоретическое обобщение конкретно-исторических изысканий как основателей «Анналов», так и самого автора, а с другой стороны, своего рода программу, во многом определившую своеобразие творчества Ф. Броделя. В статье говорится, что начиная примерно с 30-х годов во французской историографии

²⁶ Среди первых из этих исследований см.: Bloch M. *Les Rois thaumaturges*. P., 1924; idem. *Les caractères originaux de l'histoire rurale française*. P., 1931; idem. *La société féodale*, t. I-II, P., 1939–1940.

Классическим примером «глобальной истории» считаются две главные работы Ф. Броделя. На базе этой концепции созданы труды таких наиболее видных представителей «новой исторической науки», как Ж. Дюби, Ш. Моразе, П. Губер, П. Шоню, Э. Леруа Ладюри, Ж. Ле Гофф.

²⁷ Braudel F. *Histoire et science. La longue durée*. – «*Annales E. S. C.*», 1958, № 4. Сокращенный перевод на русский язык этой статьи см.:

«Философия и методология истории». М., 1977.

коренным образом изменилось представление об историческом времени. Раньше оно воспринималось упрощенно и однозначно, как равномерно протекающее календарное время, как заранее данная шкала или ось, на которую историку надлежит лишь нанизать факты-события прошлого. На смену представлению о времени как о бессодержательной длительности пришло представление о социальном, содержательно-определенном времени, а точнее, о множественности времен, разнообразных временных ритмах, присущих разного рода историческим реальностям, о прерывности в течении социального времени.

Это более сложное и в то же время более соответствующее объективной реальности понимание времени по-разному воплотилось в работах французских историков. Труды самого Ф. Броделя пронизаны идеей о диалектике трех различных временных протяженностей, каждая из которых соответствует определенному глубинному уровню, определенному типу исторической реальности. В самых нижних ее слоях, как в морских глубинах, господствуют постоянства, стабильные структуры, основными элементами которых являются человек, земля, космос. Время протекает здесь настолько медленно, что кажется почти неподвижным; происходящие процессы – изменения взаимоотношений общества и природы, привычки мыслить и действовать и др. – измеряются столетиями, а иногда и тысячелетиями. Это очень длительная временная протяженность. Другие реальности из области экономической, социальной действительности имеют, подобно морским приливам и отливам, циклический характер и требуют для своего выражения иных масштабов времени. Это уже «речитатив» социально-экономической истории, этими же временными характеристиками отличаются общества и цивилизации. Наконец, самый поверхностный слой истории: здесь события чередуются, как волны в море. Они измеряются короткими хронологическими единицами; это политическая, дипломатическая и тому подобная «событийная» история.

Ф. Бродель понимал, что такая схематизация – упрощение исторической действительности, в которой, по его же мнению, можно выделить десятки, сотни различных уровней и соответствующих им временных ритмов. Кроме того, и внутри каждого данного уровня исторической действительности могут сосуществовать, переплетаться, накладываться одна на другую, как черепица на крыше, несколько временных протяженностей, поскольку они есть не что иное, как формы движения различных областей социальной действительности. Согласование времен, содержательное объяснение подлинных временных ритмов и есть, по мнению Ф. Броделя, надежнейшее средство проникновения в глубины исторической реальности.

Сам Ф. Бродель достаточно четко определил сферу своих личных интересов – эту «почти неподвижную историю людей в их тесной взаимосвязи с землей, по которой они ходят и которая их кормит; историю беспрерывно повторяющегося диалога человека с природой... столь упорного, как если бы он был вне досягаемости для ущерба и ударов, наносимых временем». Ф. Бродель категорически утверждает, что историю в целом

можно понять только в сопоставлении ее с этим необозримым пространством почти неподвижной реальности²⁸.

Вместе с Ф. Броделем в царство «неподвижной истории»²⁹ (так назвал Э. Леруа Ладюри свою вступительную лекцию, прочитанную в Коллеж де Франс в 1974 г.), которая просматривается лишь сквозь призму *longue durée*, целиком и надолго погрузилась почти вся французская «новая историческая наука». Практически все осуществленные в 60-е и 70-е годы изыскания посвящены выявлению долговременных процессов и явлений. Последствия этой переориентации противоречивы. Ф. Броделю и его коллегам, озабоченным превращением истории в науку, не уступающую другим дисциплинам по уровню доказательности и степени вооруженности современными средствами научного анализа, видимо, в наибольшей мере импонировала та сфера исторической реальности, где не было простора для случая, для внезапных зигзагов, где, пусть ценой огромных трудностей, но все-таки можно было отыскать прочные связи, стабильные структуры. В долговременной перспективе лучше просматриваются закономерности, продолжительные тенденции в сфере народонаселения, производства, семейных отношений, умонастроений.

Категорию *longue durée* можно рассматривать, с одной стороны, как определенное позитивное приобретение французской «новой исторической науки». Но, с другой стороны, эта категория, как составная часть концепции социального времени и различных его продолжительностей, далеко не всегда способствует решению кардинальных проблем теории исторического познания и, что еще более существенно, несет в себе значительный и вполне определенный идеологический заряд. Приверженцам концепции различных продолжительностей социального времени правомерно поставить вопрос, сформулированный в свое время К. Марксом по поводу учения Прудона: «Каким образом одна только логическая формула движения, последовательности, времени могла бы объяснить нам общественный организм, в котором все отношения существуют одновременно и опираются одно на другое?»³⁰

Для «новой исторической науки», в отличие от марксизма, этот вопрос остается не только не решенным, но даже и не сформулированным научно. Это относится и к тем трудам, которые считаются высшими достижениями этой науки. В них много говорится о прерывности и непрерывности времени, о разной длительности временных протяженностей, об их цикличности, «наложениях», «сосуществованиях», «переплетениях», «пульсациях» и т. п. Благодаря такому разнообразию временных оттенков воспроизводимая историческая реальность становится богаче, вырисовывается конкретнее, детали предстают перед читателем более образно, ярко. Но при этом, как правило, нет главного — ответа на вопрос, как же согласуются все эти времена, что является для них общим знаменателем.

Французские историки-марксисты неоднократно указывали на методологические слабости концепции различных продолжительностей социального времени. П. Вилар, например, отмечал, что иногда историю пытаются превратить в производное от

²⁸ Braudel F. *Écrits sur l'histoire*. P., 1969, p. 30, 54.

²⁹ Le Roy Ladurie E. "Histoire immobile". Leçon inaugurale au Collège de France.— Idem. *Le territoire de l'historien*, t. II, P., 1978.

³⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 134.

времени, а не наоборот – посмотреть на время, а именно на его дифференциацию, как на производное истории. Вилар ссылается в этой связи на французского философа-марксиста Л. Альтюссера, который однажды упрекнул историков в том, что они «довольствуются констатацией, что есть время большой, средней и короткой протяженности, и выводят из этого заключение об интерференциях как о продукте встречи этих протяженностей, вместо того чтобы увидеть в них продукт того, что их обуславливает, – способ производства»³¹.

Многие из реально существующих в истории противоречий (например, события и структуры, эволюция и революция, изменения и постоянства и др.) решаются на основе концепции *longue durée* не диалектически, не конкретно-исторически. «Вся историография, – пишет один из адептов «новой исторической науки» П. Нора, – обрела свой современный облик именно путем избавления от события, отрицания его значимости, путем его растворения»³². Налицо и реальные последствия этой модернизации. Событие – господин для традиционной историографии – превратилось в несобытийной «новой исторической науке» в пену на гребне волны, его можно теперь вовсе не замечать, оно, даже если таковым оказывается, например, революция, лишь отвлекает внимание от обозрения в перспективе *longue durée* суперструктур, неподвижностей, больших амплитуд, повторений и закономерностей, циклов и интерциклов.

Опираясь на эту концепцию *longue durée*, французская «новая историческая наука», как справедливо отметил современный французский историк-марксист М. Вовель, тяготеет вообще к неподвижности, «ставит под вопрос само понятие изменения, внезапных перемен в истории»³³. В конечном итоге исторический процесс, воссоздаваемый на основе этой концепции, предстает в урезанном виде, из него изымается ключевой элемент, источник движения общества – социальный конфликт, классовая борьба, революция.

III

Работа Ф. Броделя «Материальная цивилизация» отличается не только обширностью и необычностью замысла, но и сложностью, оригинальностью построения. В первых двух томах осуществляется типологическое исследование трех предварительно смоделированных автором пластов экономической истории – повседневной жизни, рыночной экономики и капитализма; в третьем томе исследованные типологически реальности выстраиваются в хронологический ряд. Вся работа Ф. Броделя можно образно представить в виде многоэтажного сооружения, вписанного в естественный и опять-таки разноплановый рельеф местности. Три пласта экономической жизни – материальная повседневность, рыночная экономика и капитализм – все располагаются лишь на одном из уровней исторической реальности, постоянно находящихся в обозрении Ф. Броделя: процессы, явления и течения на экономическом уровне постоянно соприкасаются, перемешивают воды, взаимодействуют с тем, что происходит на социальном, политическом и культурном уров-

³¹ Vilar P. *Histoire marxiste, histoire en construction.* – Faire de l'histoire. Vol. I, p. 190.

³² Nora P. *Le retour de l'événement.* – Faire de l'histoire. Vol. I, p. 227.

³³ Vovell M. *L'histoire et la longue durée.* – La Nouvelle histoire, p. 332.

нях. И еще один план в броделевском рельефе: наблюдения, констатации и выводы также имеют свою иерархию, существенно различаются по характеру, полноте и многогранности. При первом прочтении этой работы взгляд останавливается прежде всего на реальностях множества конкретных историй – истории пшеницы, риса, кукурузы, истории питания вообще, истории жилища и пр., словом, истории некоторых общих проявлений материальной культуры от эпохи Возрождения до промышленной революции. В этом же ряду рассматриваются история рынков, ярмарок, биржи, международной торговли, история социально-экономических образований, связанных множеством невидимых нитей, без четко очерченных пределов и как бы накладывающихся на существующие административные границы, и т. п. Все это – конкретно-исторический срез. Но в работе просматриваются еще по крайней мере два уровня теоретических обобщений. Один из них – это общий взгляд на мировую экономическую историю с XV по XVIII в.: общая конфигурация этого исторического периода, обоснованность его хронологических рубежей, отличительные сущностные характеристики. И наконец, самый высокий уровень теоретических обобщений: об историческом движении в целом, о социально-экономической структуре общества, о соотношении эволюции и революции, об обусловленности и общей направленности общественного развития и др.

Все сказанное призвано подчеркнуть, что к «Материальной цивилизации» Ф. Броделя можно отнести слова Л. Февра о «Средиземноморье»: это «книга, которую надо читать с карандашом в руках, книга, над которой надо долго размышлять»³⁴.

Какова же ее главная, стержневая идея? Поначалу кажется, что ключ к разгадке этого вопроса лежит на поверхности, в самом названии книги: три этажа экономической истории – материальная жизнь, экономика, капитализм. Все это действительно не обочина, а главное содержание работы, и на первый взгляд представляется вполне возможным принять эту тройственность за главную идею работы, тем более что и сам Ф. Бродель во введении как бы нацеливает читателя именно на этот сюжет как на центральный, все объясняющий. «Эта трехчастная схема, – пишет он, – которая мало-помалу вырисовывалась передо мной по мере того, как наблюдаемые явления почти сами собою „раскладывались по полочкам“...».

Однако не будем спешить. В Заключении ко всей работе автор говорит уже о капитализме как о главном звене, как о структурообразующем начале всех трех томов. «Можно ли, – задается он вопросом, – сделать из него главнейшую модель многовекового пользования?» И тут же отвечает: «Капитализм, такой, каким я его понял, проявил себя на протяжении всей этой работы хорошим индикатором».

Именно эти две темы: одна – тройственность, другая – капитализм, – подсказанные самим же Ф. Броделем, приняли за стержневые практически все рецензенты этого труда на Западе. Но пристальное его изучение, как и других работ Ф. Броделя, позволяет по меньшей мере усомниться в том, что именно эти

³⁴ Febvre L. *Pour une histoire à part entière*. P., 1962, p. 178.

темы могут прояснить общий замысел, сущность, центральную мысль «Материальной цивилизации».

Трехэтажная схема экономической жизни и капитализм действительно выполняют функции теоретических моделей, которые служат индикаторами. Но ведь проблема состоит в том, что выверяется с их помощью, на какие вопросы, кроме касающихся самих этих моделей, ищет ответы автор в ходе всего исследования.

Наиболее четко цель всего исследования сформулирована в предисловии, которое предпослано первому тому издания 1967 г. Отметив уже в самом начале предисловия, что всеобщая история всегда требует какой-то общей схемы, по отношению к которой выстраивается все объяснение, Ф. Бродель пишет: «Такая схема неизбежно навязывает себя сама: с XV по XVIII в. жизнь людей была отмечена некоторым прогрессом, если, конечно, не понимать это слово в современном его смысле непрерывного и быстрого роста. Длительное время имел место медленный, очень медленный прогресс, прерываемый быстрыми попятными движениями, и только в течение XVIII в., и опять-таки лишь в некоторых привилегированных странах, была найдена, чтобы уже никогда не потеряться из виду, хорошая дорога... Всестороннее исследование этого прогресса, дискуссии, которые он вызывает, отблески, которые его освещают, очевидно, и расположатся по главной оси этой работы» (р. 9).

Итак, основной целью всего исследования в 1967 г. Ф. Бродель считал выяснение того, «каким образом тот строй, та сложная система существования, которая ассоциируется с понятием Старого порядка, каким образом она, если ее рассматривать во всемирном масштабе, могла прийти в негодность, разорваться; как стало возможным выйти за ее пределы, преодолеть препятствия, свойственные этой системе? Как был пробит, как мог быть пробит потолок? И почему лишь в пользу некоторых, оказавшихся среди привилегированных на всей планете?» (р. 12).

В издании 1979 г. такой четкой постановки задачи уже нет. Почему? Трудно с полной определенностью ответить на этот вопрос. Возможно, это объясняется тем, что в 50–60-х годах усиленно разрабатывались и получили широкую популярность всевозможные теории экономического роста (У. У. Ростоу, Р. Арон, С. Кузнец, Ф. Перру и др.)³⁵. Все тогда буквально млели перед этим ростом. Не исключено, что и Ф. Бродель не устоял, откликнулся на эту захватывающую для того времени тему, о которой тогда еще можно было говорить во весь голос. В конце 70-х годов, когда капиталистический мир переживал глубокий структурный кризис, об экономическом росте уже не принято было говорить так громко. Четкой формулировки главной исследовательской задачи нет во втором издании, может быть, и потому, что только в ходе самого исследования Ф. Бродель стал в полной мере осознавать грандиозность первоначального своего замысла. В самом деле: поставить перед собой цель воспроизвести на основе конкретно-исторического материала общую картину экономической жизни мира продолжительностью более чем в четыре столетия, представить ее в виде единой сис-

³⁵ Критику буржуазных теорий экономического роста см., например: Блюмин И. Г. *Кризис современной буржуазной политэкономии*. М., 1959; Выгодский С. Л., Афанасьев В. С., Громеко В. И. *История экономических учений*. М., 1965; *История экономических учений*. Под ред. Рындиной М. Н. и др., М., 1983.

темы, установить моменты нарушения в этой системе, указать на узловые точки, в которых произошли разрывы, и при этом ответить на вопрос «почему» – такая задача кажется вообще непосильной для одного, пусть даже очень талантливого ученого. Может быть, все это и повлияло в какой-то степени на то, что формулировка основной задачи всего исследования во втором издании звучит более приглушенно, ее уже надо прочитывать на многих страницах, реконструировать по смыслу всего содержания работы. Но она все-таки осталась неизменной – вопрос о том, почему и как одна система пришла на смену другой, остался главным, а все содержание работы – это и есть попытка ответа на него. Чтобы убедиться в этом, достаточно обратить внимание, как формулируются главные задачи каждого из трех томов, и изучить содержание шестой главы третьего тома «Промышленная революция и экономический рост», которой принадлежит особое место во всей работе: она представляет собой не одну из множества глав, а скорее общее заключение, наиболее полный ответ на основной вопрос всего исследования.

В первых двух томах – «Структуры повседневности: возможное и невозможное» и «Игры обмена» – выявляются такие элементы общей структуры мировой экономики XV–XVIII вв., которые выступали в роли побудителя или тормоза исторического движения. Первый том – это «взвешивание мира», «попытка выявить пределы возможного в доиндустриальном мире» (т. I). Ф. Бродель рассматривает самые разнообразные сферы материальной, повседневной жизни людей – питание, одежду, жилище, технику, деньги – и всегда с одной целью: отыскать «правила, которые слишком долго удерживали мир в довольно трудно объяснимой стабильности» (т. I, с. 38). В этом томе внимательно исследуются и те медленные изменения отдельных элементов структуры мира, накопления, неравномерные продвижения вперед, которые незаметно, но все-таки создали ту критическую массу, взрыв которой в XVIII в. изменил облик мира.

Во втором томе («Игры обмена») «делается очная ставка» «рыночной экономики» с «капитализмом», дается объяснение этим двум пластам экономической жизни путем выявления того, как они перемешиваются между собой и как противостоят друг другу.

Это подразделение экономической жизни на рыночную экономику и капитализм, как полагает сам Ф. Бродель, читатели, вероятно, сочтут наиболее спорным моментом в его работе. Разве возможно, формулирует он сам предполагаемый вопрос оппонента, не только противопоставить рыночную экономику и капитализм, но даже провести слишком четкое различие между ними? После долгих колебаний, признается Ф. Бродель, он все-таки пришел к убеждению, что рыночная экономика развивалась в рассматриваемый период, встречая противодействия как снизу, так и сверху, т. е., с одной стороны, за пределами ее досягаемости оставалась огромная масса инфраэкономики – материальная, повседневная жизнь, которую рыночная экономика не могла ухватить, а с другой стороны, рыночная экономика противодействовала капитализму, которым в то время (как, впро-

чем, по мнению автора, и теперь) не охватывалась вся экономическая жизнь общества.

Так представляется спорность этой проблемы самому Ф. Броделю, он ее усматривает в самой правомерности различения этих двух пластов экономики. Здесь действительно есть тема для дискуссии. Но главная проблема все-таки не в этом. На уровне анализа такое различие допустимо, а вот на уровне синтеза, на уровне теоретических обобщений, на первый план выдвигается совсем другой вопрос: что представляет собой по существу капитализм, который, по мнению Ф. Броделя, отличается от рыночной экономики и противостоит ей? В ответах Ф. Броделя на этот вопрос, а он возвращается к нему многократно на протяжении всей работы, проявляются едва ли не самые слабые и, с марксистской точки зрения, наиболее ошибочные положения его видения истории. Типологически – в соответствии с построением второго тома – Ф. Бродель рассматривает капитал и капитализм как один из секторов экономической жизни, как ее третий, верхний этаж, и размещает его преимущественно в сфере спекуляции, торговли на дальние расстояния, в сфере банковского кредита. Производственной сфере Ф. Бродель существенного внимания в работе не уделяет. Даже с учетом того, что речь здесь идет о доиндустриальном периоде истории, необоснованность такого смещения акцентов налицо. Далее, капитал для Ф. Броделя – это главным образом «результат предшествовавшего труда и труд накопленный» (т. II, р. 207), а не результат определенных общественных производственных отношений, не результат эксплуатации наемных рабочих, лишенных средств производства и вынужденных продавать свою рабочую силу. Именно поэтому, очевидно, Ф. Бродель, говоря на протяжении всех трех томов о бедных и богатых, о роскоши и нищете, о социальном неравенстве вообще, отлично понимая, что благополучие немногих покоится на лишениях большинства, воспринимает эти реальности как вполне естественные явления, в лучшем случае как неизбежное зло, но не как состояние общества, которое должно и можно преодолеть.

Если вернуться к исходной проблеме второго тома – к сопоставлению рыночной экономики и капитализма, – то она разрешается в строгом соответствии с главной идеей всей работы. По существу, здесь делается попытка воссоздать складывающиеся в веках пространственно-временные конфигурации социально-экономической картины мира и представить этот процесс как необходимый этап на пути к смене одной экономической системы, в рамках которой возможен лишь традиционный рост, другой системой, характеризующейся современным типом экономического роста. Сопоставление рыночной экономики и капитализма позволяет увидеть, как формировался потенциал экономического роста, каким образом медленно, шаг за шагом устанавливалось и развивалось равновесие, «достигавшееся непрерывным взаимодействием различных факторов и агентов производства, трансформацией структурных отношений между землей, трудом, капиталом, рынком, государством и другими социальными институтами» (т. III, р. 512).

В третьем томе – «Время мира» – ставится задача «организо-

вать историю мира» во времени и пространстве (безусловно, при этом упрощая ее, как признает сам Ф. Бродель) так, чтобы «расположить экономику рядом, ниже и выше других соучастников деяния этого времени и пространства: политики, культуры, общества» (т. III, р. 8–9). В ходе реализации этого замысла третий том стал своего рода перекрестком, на котором встретились общие пространственно-временные характеристики из теоретического арсенала Ф. Броделя с конкретными реальностями из рассматриваемого периода. Приливы и отливы в истории мировой экономики, взаимозависимость производства и распределения материальных благ в разных регионах проявляются то в виде сравнительно кратковременных событий продолжительностью 3–4 года, 10, 25–30 лет, то в виде вековых циклов с кризисными вершинами в 1350, 1650, 1817 гг., то как вектор еще более длительной временной протяженности.

Все эти подвижки на уровне экономической истории, накладываясь на общую ось времени, иногда объединяются и дополняют одна другую, иногда, наоборот, вступают в противоречия и разбиваются друг о друга.

Новым словом Ф. Броделя в третьем томе является его попытка представить мировую экономическую историю как чередование на протяжении пяти-шести веков господства определенных экономически автономных – *économies-mondes* – регионов мира, выделение Дальневосточного, Уралоазиатского, Евроатлантического континентов, в которых не только чувствуется наличие единого центра, но и ощущаются единые временные ритмы для каждого из них. И все это, вместе взятое, опять-таки подчинено исходной, основной идее всей работы – высвечиванию «переходов от одной системы к другой» (т. III, р. 69); на каждом этапе истории – от подъема итальянских городов Венеции и Генуи до промышленной революции в Англии, – автор, анализируя причины подъемов и упадков *économies-mondes*, выверяет в конкретно-исторической хронологической последовательности основные свои гипотезы, изложенные им в первых двух томах.

Чтение многих разделов третьего тома доставляет настоящее удовольствие. По разным причинам. Прежде всего, автору удастся (разумеется, далеко не всегда и далеко не во всем) воссоздать почти зримый образ единого мира, связанного множеством самых разнообразных и иногда хорошо различимых нитей. Большую роль при этом играют не только теоретические рассуждения, цифровые выкладки, выявленные для многих регионов мира единые периоды подъемов и спадов (об их доказательности, убедительности опять-таки надо говорить особо), но и многочисленные, умело, с любовью подобранные иллюстрации – карты, схемы, фотографии. Немаловажное значение имеет здесь и авторский пафос. Ф. Бродель постоянно дает понять, что сокровенная цель истории, ее настоящее призвание – в объяснении современности. «Прошлое, – пишет он, – всегда в состоянии сказать свое слово. Неравенство мира [современного. – Ю. А.] воспроизводит структурные реальности, очень медленно утверждавшиеся и очень медленно сглаживающиеся» (т. III, р. 38).

³⁶ Braudel F. *Écrits sur l'histoire*. P., 1969, p. 82–83.

В одной из своих статей Ф. Бродель, говоря о тех возможных точках сопряжения, которые помогли бы всем наукам о человеке и обществе совместно продвигаться к единой цели постижения истины, назвал три направления: математизация, привязка к пространству, длительная временная протяженность³⁶. В третьем томе он продемонстрировал, как можно применить эти методы не только в теоретическом, но и в конкретно-историческом плане, и в этом, пожалуй, одно из наиболее значимых достоинств его работы. Пространство и время перестали у него выступать в роли запоздалых пришельцев со стороны в историческое исследование, уже после того, как что-то было увидено, проанализировано, воссоздано. Они обрели свой подлинный смысл: стали формой сосуществования и изменения всех составляющих исторического движения. Важная методологическая посылка Ф. Броделя: если время и не «создает свое содержание, оно на него воздействует, придает ему форму, реальность» (t. III, p. 68) – доказала свою плодотворность.

Но в этом отношении не все разделы третьего тома написаны ровно, есть в нем и такие положения и идеи, которые покажутся советскому читателю дискуссионными, недостаточно обоснованными. Иногда целые разделы в работе Ф. Броделя даны как бы в виде эскизов или объективистских констатаций, после прочтения которых невольно возникает вопрос: «Интересно, а что же по этому поводу думает сам Фернан Бродель?» Некоторые идеи Ф. Броделя будут, очевидно, восприняты советским читателем как неприемлемые в принципе, как не соответствующие марксистскому способу анализа и восприятия истории.

В этом можно еще раз убедиться, если взглянуть на работу Ф. Броделя через призму всей совокупности идей, концептуальной и терминологической оснащенности немарксистской французской историографии 60–70-х годов.

В области экономической истории большинство исследований в этот период было сконцентрировано вокруг одной крупной проблемы: общая эволюция экономики на отрезке времени с XIV по XIX в. Главная задача исследований состояла в том, чтобы разработать модели, соответствующие различным типам эволюции экономики так называемого «традиционного общества» и пришедшего ему на смену «общества экономического роста». Вторая задача, вытекающая из первой, сводилась к установлению (в зависимости от региона, отдельной страны или даже различных районов одной страны) моментов перехода, взлета, отрыва (take-off), от одного типа экономики данного общества к другому.

Общими почти для всех работ, посвященных исследованию указанной проблемы, стали такие понятия, как «структура», «конъюнктура», «модель», «цикл». Все эти понятия в свою очередь выступают в роли главных составляющих той части броделевской концепции «глобальной истории», в которой трактуется эшелонированность исторической действительности и циклический характер эволюции общества. Следует сказать, что в конкретных исследованиях, как правило, не дано обоснования названных понятий или развернутой их характеристики. Струк-

тура обусловлена безличными силами (география, климат, биосфера, плодородие почв) и так замкнута, что тысячелетиями не поддается изменениям. Структурой считается духовный склад или глубоко укоренившиеся обычаи, привычный образ мышления, этнические предрассудки и т. п. Под структурой иногда подразумеваются самые глубинные явления в экономике, обладающие такими свойствами, как устойчивость во времени, сопротивляемость изменениям. Такое понимание лежит, например, в основе утверждения, что в условиях Франции до 1860 г. (а в определенном смысле и до 1880–1890 гг.), бесспорно, сохранялись признаки экономики «старого типа». В других случаях понятие «структура» употребляют применительно к обществу в целом, имея в виду «традиционное общество» или «общество экономического роста». Конъюнктура понимается как определенный период эволюции с характерным именно для этого периода сочетанием различных тенденций (совокупность демографических изменений, технология производства, движение цен и заработной платы и даже духовные и культурные сдвиги), на основе сопоставления которых разрабатывается модель, соответствующая данному периоду. Понятие «цикл» употребляется применительно и к структуре, и к конъюнктуре. В зависимости от глубины, где протекают процессы, проявляющиеся в этих циклах, последние могут продолжаться и несколько лет, и несколько столетий.

В полном соответствии с этой общей ориентацией решается основной вопрос, сформулированный Ф. Броделем в предисловии к изданию 1967 г. Медленные накопления не только и не главным образом богатств, а прежде всего навыков, технических решений, соответствующих способов мышления, а также совершавшиеся столь же медленно в ходе традиционного роста структурные преобразования в отношениях между человеком и природой, между рынком и капиталом, капиталом и государством и т. д. и т. п., подготовили условия для промышленной революции. Все эти медленные накопления и структурные преобразования вписываются в перспективу *longue durée*. Что же касается собственно промышленной революции, в ходе которой осуществился отрыв, переход (take-off) к современному типу экономического роста, — это конъюнктурный момент, удел сравнительно короткого времени и стечения совсем иных обстоятельств, отличных от тех, что берут свое начало как минимум в XIII, а то и в XI в.

Таким образом, мы имеем перед собой еще одну хорошо знакомую, довольно типичную для немарксистской общественной мысли попытку экономико-технологического объяснения исторического процесса на основе методологии и идеологии «исторического континуума» (т. III, р. 465).

Не случайно поэтому Ф. Бродель, постоянно говоря на протяжении всей своей работы о капитализме, не отметил главное в исследуемом им историческом периоде — зарождение и становление капитализма как способа производства, как социально-экономического строя общества. Поскольку капитализм для Ф. Броделя — это всего лишь один из секторов экономики, он наделяет его к моменту промышленной революции уже почти

³⁷ Отношение Ф. Броделя к Марксу и марксизму довольно хорошо характеризует одно из его писем к известному советскому историку В. М. Далину. Вот выдержки из этого письма: «После 50-х годов во время продолжительной и без конца возобновляющейся работы по редактированию «Материальной цивилизации», после моих бесконечных размышлений, которые привели меня к ее публикации, я со всей серьезностью и вниманием прочел Маркса. Если я и сохранил мою независимость по отношению к нему, то могу сказать, что постоянно сопоставлял мои взгляды с его взглядами. Я спорил с ним, иногда даже признавая, что он ошибается. Например, Вы знаете, я не согласен, что «биография капитала начинается в XVI в.» Я избрал, со своей стороны, XIII век, а корни капитализма я усматриваю в невероятной продолжительности. Но и сам Маркс сильно колебался между XIII в. итальянских городов и расширением мира в XVI в. Я колебался, как и он, но заключил иначе. Разве это означает не признавать?.. Так я пересек океан «Капитала», так я пытался, пересекая его, выверить мои интерпретации, или же достоверность фактов, которые я без какого бы то ни было пристрастия собирал. Это мой способ почитать Маркса и в конце концов быть ему верным». (См.: Dalin V. *Hommes et idées*. М., Progrès, 1983, р. 428–429.)

восьмисотлетней биографией (т. III, р. 538). «История, — пишет Ф. Бродель, — есть кортеж, шествие, сосуществование способов производства, которые мы слишком склонны рассматривать в последовательности веков истории. Фактически же эти различные способы производства тесно связаны друг с другом. Самые передовые зависят от самых слабых, и наоборот: развитие — оборотная сторона отставания» (т. III, р. 55). В этих словах есть зерно истины.

Ф. Бродель очень часто ссылается на К. Маркса и, как правило, выражает согласие с ним³⁷.

Так, в Заключении к первому тому Бродель пишет: «Маркс прав: разве тому, кто владеет средствами производства, землей, судами, станками, сырьем, готовым продуктом, не принадлежит и господствующее положение?.. Это значит вернуться к языку Маркса, оставаться на его стороне, даже если отказаться от его точных выражений или слишком строгого порядка, в котором вынуждено двигаться всякое общество, переходя от одной из своих структур к другой» (т. I, с. 596).

Многое готов принять и принимает Ф. Бродель из марксизма. Но ему чуждо выработанное историческим материализмом понятие общественно-экономической формации, закономерного развития общества.

В итоге, видимо, не случайно общая панорама исторических событий XV–XVIII вв., пусть даже по преимуществу событий экономических, оказалась существенно обедненной. Последовательность мировой истории предстает в заключительном томе в виде перехода главенства от одного экономического региона — *économies-mondes* — к другому. Генуя, Венеция, Ганза, Антверпен, Амстердам, главенство голландское, английское, национальные рынки, промышленная революция и экономический рост — вот и все герои этого тома. Они представлены интересно, во многом очень интересно, некоторые из них, как, например, *économies-mondes*, впервые так полно, жизненно. И вместе с тем мировая история выглядит здесь все-таки однобоко. Она была в этот период более насыщенной, извилистой, разнообразной и в то же время более человечной.

Мы указали лишь на некоторые спорные и ошибочные, с нашей точки зрения, положения Ф. Броделя. Читатель обратит, очевидно, внимание и на другие. Но иную ситуацию было бы трудно себе представить. Задача, которую пытался решить Ф. Бродель, — поистине грандиозна. На многих дорогах и тропах исследования автор был первопроходцем, порой, наверное, было просто трудно справиться с огромным материалом, в каждом отдельном случае одинаково тщательно систематизировать и осмыслить его. Но путь все-таки пройден, и мы имеем перед собой три тома работы Ф. Броделя, о которой можем с полным основанием сказать: это крупное событие в мировой исторической науке и значительное приращение исторического знания. И в этом смысле работа Ф. Броделя представляет большой интерес и будет весьма полезной для советского читателя.

Афанасьев Ю. Н.

К СОВЕТСКОМУ ЧИТАТЕЛЮ

То, что эта объемистая книга – «Материальная цивилизация, экономика и капитализм» – переводится на русский язык, для меня и честь и радость. Я ожидаю множества критических замечаний по ее поводу, но и немалой доли согласия с нею. Единственное, о чем я сожалею, и глубоко сожалею, так это о том, что, увы, нет больше среди нас моих друзей, советских историков – А. А. Губера, Б. Ф. Поршнева, Э. А. Желубовской, М. М. Штранге, А. З. Манфреда, – которые бы поделились со мною своими мыслями и замечаниями. Им я и посвящаю ныне перевод этой книги на русский язык.

Что же касается читателя, не специалиста-историка, то ему, я полагаю, потребуется определенное усилие, чтобы увидеть, из каких предварительных посылок исходят мои наблюдения и мои умозаключения, и в особенности что означает для меня, так сказать, глобальная история, подкрепляемая всеми науками о человеке, которые все более ниспровергают старинные правила нашей профессии. То есть история, обретающая весь свой смысл только тогда, когда она рассматривается на вертикальном срезе: от повседневной жизни на уровне земли и до успехов, до достижений (и несправедливостей) общественной надстройки.

Я советую читателю поначалу довериться мне, дабы проследить мою мысль в ее развитии. Это позволит ему по завершении долгого чтения успешнее оспаривать мое видение фактов и мои выводы. Ведь коль скоро история – дочь своего времени, а значит, общества, в котором она создается, то вполне очевидно, что, когда изменяется первоначальная, исходная точка зрения, возникают и контрастные, противостоящие друг другу взгляды. Советское общество, советская историческая наука не совпадают с обществом, в котором я прожил жизнь, с той историей, основы которой были заложены с 1929 г. в журнале «Анналы» Марком Блоком и Люсьеном Февром, на мой взгляд, величайшими французскими историками этого столетия. А я хотел быть их наследником.

Мне бы хотелось также (хоть это и значит требовать слишком многого), чтобы читатель отдавал себе отчет в том, что для

меня не только различные науки о человеке «расшатывают» историю, но и она в свою очередь в силу достаточно логичной ответной реакции «расшатывает» их. В самом деле, лишь история способна объединить все науки о человеке, помочь им связать воедино их объяснения, наметить некую *междисциплинарную* общественную науку. Я много потрудился ради такой науки, разумеется не добившись полного успеха и чаще всего не сумев убедить своих современников. Но я хочу сказать, что общественные науки, по моему мнению, не могут дать плодотворных результатов, если исходят только из настоящего, которого недостаточно для их построения. Они должны вновь обрести и использовать историческое измерение. Вне его не может быть успеха!

Во всяком случае, я надеюсь, что читатель, согласится он с ходом моих мыслей или нет, будет по крайней мере увлечен теми примерами и картинками, какие я ему предлагаю. Наблюдение в «чистом виде» – это зрелище, доставляющее радость просто тем, что видишь, воображаешь, понимаешь прошлое. Сам я получил большое удовольствие, открывая его в архивах по всей Европе, в частности в Москве, когда читал великолепные отчеты русских консулов первой половины XVIII в. Желая тем, кому предназначается данный перевод, – огромной аудитории советской интеллигенции – хотя бы отчасти разделить это удовольствие.

26 марта 1985 г.

*Поль Бродель, подарившей мне
возможность создать и эту книгу*

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВПР – Архив внешней политики России
«Annales E.S.C.» – «Annales: Economies, Sociétés, Civilisations»
A.E – (Ministère des) Affaires Etangères
A.N. – Arhives Nationales
A.d.S. Firenze – Arhivio di Stato di Firenze
A.d.S. Genova – Arhivio di Stato di Genova
A.d.S. Venezia – Arhivio di Stato di Venezia
B.N. – Bibliothèque Nationale
PRO – Public Records Office

ВВЕДЕНИЕ

Когда в 1952 г. Люсьен Февр доверил мне написание этой работы для только что начатой им серии «Судьбы мира», я, конечно, не представлял себе, в какое нескончаемое предприятие ввязываюсь. В принципе речь шла о простом обобщении данных из трудов, посвященных экономической истории доиндустриальной Европы. Но, не говоря уже о том, что я часто испытывал потребность обратиться к источникам, признаюсь, что по ходу исследования меня разочаровывало прямое ознакомление с так называемыми экономическими реальностями в период между XV и XVIII вв. Разочаровывало по той простой причине, что эти реальности плохо укладываются, а то и вовсе не укладываются в традиционные классические схемы – ни в схему Вернера Зомбарта (1902 г.), снабженную обильными доказательствами, ни в ту, которую создал в 1928 г. Иосиф Кулишер. Не укладываются они и в теории самих экономистов, рассматривающих экономику как некую однородную реальность, которую допустимо извлечь из ее окружения и которую можно и должно оценивать такой, какова она есть: ведь ничего нельзя понять вне чисел. Развитие доиндустриальной Европы (рассматриваемой в отрыве от остального мира, как будто бы его и не существовало) предстало бы в виде ее ускоренного вступления в рациональный мир капиталистического рынка, капиталистических предприятий и инвестиций вплоть до самой промышленной революции, разделившей историю людей на две части.

На самом же деле доступная наблюдению действительность до XIX в. была намного сложнее. Разумеется, можно проследить эволюцию или, вернее сказать, *несколько* эволюций, которые соприкасаются друг с другом, стимулируют друг друга, даже противоречат друг другу. Иначе говоря, признать, что существует не *одна*, а *несколько* экономик. Та, которую описывают предпочтительно, – это так называемая рыночная экономика, т. е. механизмы производства и обмена, связанные с деятельностью людей в сельском хозяйстве, с мастерскими, лавками, с биржей, банками, ярмарками и, разумеется, с рынками. Именно с этих ясных, даже «прозрачных» реальностей и с легко улавливаемых процессов, которые их питают, и началось складывание понятийного аппарата экономической науки. Таким образом,

она с самого начала замкнулась, ограничив себя неким избранным полем зрения и исключив из рассмотрения все другие.

А ведь под рынком простирается непрозрачная для взгляда зона, которую зачастую трудно наблюдать из-за отсутствия достаточного объема исторических данных. Это та элементарная «базовая» деятельность, которая встречается повсеместно и масштабы которой попросту фантастичны. Эту обширную зону на уровне почвы я назвал, за неимением лучшего обозначения, *материальной жизнью*, или *материальной цивилизацией*. Двусмысленность такого выражения очевидна. Но я полагаю, если мой взгляд на вещи будет принят в отношении прошлого – как, по-видимому, разделяют его некоторые экономисты в отношении настоящего, – что рано или поздно отыщется более подходящая вывеска для обозначения этой инфраэкономики, этой второй, неформальной, половины экономической деятельности, этой экономики самодостаточности, обмена продуктов и услуг в очень небольшом радиусе.

А с другой стороны, над обширной поверхностью рынков – а не под нею – возвышаются активные иерархические социальные структуры. Они искажают ход обмена в свою пользу, расшатывают установившийся порядок. Стремясь к этому, а порой и не желая того специально, они порождают аномалии, «завихрения» и дела свои ведут весьма своеобразными путями. На этом верхнем «этаже» несколько крупных купцов Амстердама в XVIII в. или Генуи в XVI в. могли издать пошатнуть целые секторы европейской, а то и мировой экономики. Таким путем группы привилегированных действующих лиц втягивались в кругооборот и расчеты, о которых масса людей не имеет понятия. Так, например, *денежный курс*, связанный с торговлей на далекие расстояния и запутанным функционированием кредита, образует сложное искусство, открытое в лучшем случае немногим избранным. Эта вторая, непрозрачная зона, которая, находясь над ясной картиной рыночной экономики, образует в некотором роде верхний ее предел, представляется мне, и читатель это увидит, *сферой капитализма по преимуществу*. Без нее капитализм немислим; он пребывает и процветает в ней.

Эта трехчастная схема, которая мало-помалу вырисовывалась передо мной по мере того, как наблюдаемые явления почти сами собою «раскладывались по полочкам», и есть, вероятно, то, что мои читатели сочтут наиболее спорным в настоящей работе. Не ведет ли она в конечном счете к слишком жесткому разделению, даже к противопоставлению друг другу пункт за пунктом рыночной экономики и капитализма? Я и сам не сразу и не без колебаний принял такой взгляд на вещи. Но в конце концов пришел к выводу, что в период с XV по XVIII в., и даже гораздо раньше, рыночная экономика была принудительным, навязываемым порядком вещей. И как всякий навязываемый порядок, социальный, политический или культурный, она вызывала противодействие, развивала противоборствующие ей силы, которые действовали как сверху, так и снизу.

Что меня по-настоящему укрепило в этом мнении, так это то, что через ту же самую решетку я довольно быстро и довольно ясно разглядел членение современных обществ. В них рыноч-

ная экономика по-прежнему управляет всей массой обменов, *которые контролирует наша статистика*. Но кто стал бы отрицать, что конкуренция, которая представляет отличительный признак рыночной экономики, отнюдь не господствует над всей современной экономикой? Сегодня, как и вчера, существует особый мир, в котором пребывает капитализм как таковой — на мой взгляд, *истинный* капитализм, всегда многонациональный, родственный капитализму великих Ост- и Вест-Индских компаний и разного масштаба монополий, юридически оформленных и фактических, которые некогда существовали и в принципе, в основе своей аналогичны монополиям сегодняшним. Разве мы не имеем права утверждать, что дома Фуггеров и Вельзеров были *транснациональными*, как сказали бы сегодня? Ведь они были заинтересованы в делах всей Европы, а представителей имели и в Индии, и в Испанской Америке. И разве Жак Кёр веком раньше не вел дел аналогичного размаха на территории от Нидерландов до Леванта?

Но совпадения распространяются и дальше. Ибо вслед за экономической депрессией, последовавшей за кризисом 1973–1974 гг., начала вырисовываться новая, современная форма внерыночной экономики: едва прикрытый натуральный обмен, прямой обмен услугами, как говорят, «*travail au poig*», да плюс к этому еще многочисленные формы надомничества и самостоятельного «ремесла». Этот уровень деятельности, лежащий ниже рыночного, или за пределами рынка, достаточно значителен, чтобы привлечь внимание иных экономистов: разве он не дает самое малое от 30 до 40% национального продукта, которые таким образом ускользают от всякого статистического учета даже в индустриально развитых странах?

Вот таким образом трехчастная схема *сделалась* точкой отсчета труда, который я сознательно задумал вне сферы действия теории, любых теорий — единственно под знаком конкретного наблюдения и одной только сравнительной истории. Истории сравнительной во времени, с использованием языка, который меня ни разу не обманул, — языка длительной временной протяженности (*la longue durée*) и диалектики прошлого и настоящего. Истории сравнительной для возможно более обширного пространства, ибо исследование мое, в той мере, в какой это было в моих силах, охватывает весь мир, оно имеет «всемирный» масштаб. Как бы то ни было, на первом плане остается конкретное наблюдение. С самого начала и до конца моей целью было увидеть и показать, сохраняя за увиденным его объемность и сложность, его многообразие, которые суть отличительные черты самой жизни. Если бы можно было разъять живой организм и отделить друг от друга три уровня (думаю, они были бы полезной формой классификации этого организма), история была бы наукой объективной, каковой она, очевидно, не является.

Три тома, составляющие настоящий труд, носят такие названия: «Структуры повседневности: возможное и невозможное»; «Игры обмена»; «Время мира». Последний представляет хронологически построенное исследование последовательно сменявшихся друг друга форм и преобладающих аспектов международной экономики. Одним словом, это *история*. Первые два

тома, гораздо более сложные, много места отводят исследованию типологическому. Первый (уже публиковавшийся в 1967 г.) представляет, как выразился Пьер Шоню, своего рода «взвешивание мира» – попытку выявить пределы возможного в доиндустриальном мире. Один из таких пределов – место в истории «материальной жизни», бывшее тогда огромным. Второй том – «Игры обмена» – сопоставляет экономику и надэкономическую деятельность капитализма. Следовало различать эти две большие плоскости, объяснить их друг через друга, как через их взаимодействие, так и через их противостояние.

Смогу ли я убедить всех? Наверняка – нет. Но в таком диалектическом движении я нашел по крайней мере одно не имеющее равных достоинство: идя новым и в какой-то степени мирным путем, избежать чрезмерно страстных споров, которые вызывает все еще «взрывоопасное» слово «капитализм». К тому же третий том извлек пользу из тех объяснений и обсуждений, какие ему предшествовали: он никого не заденет.

Таким образом, вместо одной книги я просто-напросто напишу три. Но мое упорное стремление охватить в этом труде весь мир (“mondialiser”) поставило передо мною задачи, для решения которых я, специалист по истории Запада, был по меньшей мере плохо подготовлен. Продолжительное пребывание и ознакомление с материалами в мусульманских странах (10 лет в Алжире) и в Америке (4 года в Бразилии) сослужили мне добрую службу. Но Японию я увидел через пояснения и наставления Сержа Елисеева, Китай – благодаря помощи Этьенна Балажа, Жака Жерне, Дени Ломбара. Даниель Торнер, способный сделать из любого человека доброй воли начинающего индолога, взялся за меня со всем своим пылом и щедростью, перед которой невозможно устоять. Сколько раз он появлялся у меня по утрам с хлебом и рогаликами для завтрака и с книгами, какие мне следовало прочесть! Я ставлю его имя во главе длинного списка тех, кому я обязан признательностью, списка, который, будь он полным, оказался бы нескончаем. Мне помогали все – слушатели, ученики, коллеги, друзья. Не могу забыть сыновнюю помощь Альберто и Браниславы Тененти, сотрудничество Михаила Кёля и Жан-Жака Эмарденкера. Мари-Тереза Лабиньетт помогала мне в архивных разысканиях и в подготовке библиографических ссылок, Анни Дюшен – в бесконечной работе с примечаниями. Жозиана Очоа больше десятка раз терпеливо перепечатывала сменявшие друг друга варианты моего текста. Розелин де Айяла, сотрудница издательства Арман Колэн, тщательно и эффективно занималась проблемами редактирования и верстки. Я выражаю этим непосредственным моим сотрудникам свою самую сердечную дружескую благодарность.

Наконец, без Поль Бродель, которая повседневно участвовала в моем исследовании, мне не хватило бы мужества, для того чтобы переработать первый том и завершить два нескончаемых тома, последовавших за ним, для того чтобы выверить необходимые ясность и логику объяснений и выводов. Мы и на сей раз долго работали с ней бок о бок.

16 марта 1979 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

И вот я на пороге первой книги – самой сложной из трех томов этого труда. Дело не в том, что каждая из ее глав сама по себе может показаться читателю недоступной. Сложность незаметно возникает из множественности поставленных целей, из трудностей раскрытия необычных тем, которые все надо включить в связный рассказ, – по существу, из непростого сведения воедино рассуждений *параисторических*, обычно изолированных друг от друга и излагаемых в виде побочных сюжетов в традиционном повествовании: демографии, питания, костюма, жилища, техники, монеты, города. Но ради чего их соединять?

Главным образом ради того, чтобы очертить поле действия доиндустриальных экономик и охватить его во всей его объемности. Существует ли некий предел, «потолок», который ограничивает всю жизнь людей, очерчивая ее как бы более или менее широкой пограничной полосой, которую всегда трудно достичь и еще труднее преодолеть? Такой предел, возникающий в любую эпоху, даже в нашу, – это грань между *возможным* и *невозможным*, между тем, чего можно достигнуть, хоть и не без усилий, и тем, что остается для людей недостижимым. Вчера – потому, что питание людей было недостаточным, их численность – слишком малой или же слишком большой (в сопоставлении с их ресурсами), их труд – недостаточно производительным, а овладение природой едва наметилось. С XV до конца XVIII в. эта грань почти не изменилась и люди даже не достигли предела своих возможностей.

Особо подчеркнем эту медлительность, эту инертность. Например, наземный транспорт довольно рано обладал элементами, которые могли бы позволить его усовершенствовать. Впрочем, то тут то там можно заметить, как возрастает скорость сообщений благодаря строительству новых дорог, улучшению экипажей, перевозящих товары и пассажиров, учреждению почтовых станций. И все же этот прогресс станет всеобщим лишь около 1830 г., т. е. в преддверии железнодорожной революции. Только тогда перевозки по дорогам расширяются, упорядочи-

ваются, ускоряются и в конечном счете демократизируются; только тогда оказывается достигнут предел возможного. И это не единственная область, где подтверждается такое запаздывание. В конечном счете лишь с XIX в., с полной перестройкой мира наступит разрыв, обновление, революция на всем протяжении границы между возможным и невозможным.

Нашей книге это обеспечивает определенное единство: она представляет долгое путешествие за пределами тех удобств и привычек, какими нас щедро одаривает современная жизнь. Фактически книга уводит нас на другую планету, в другой человеческий мир. Конечно, мы могли бы отправиться к Вольтеру в Ферне (это воображаемое путешествие ничего не будет нам стоить) и долго с ним беседовать, не испытав великого изумления. В плане идей люди XVIII в. — наши современники; их дух, их страсти все еще остаются достаточно близки к нашим, для того чтобы нам не ощутить себя в ином мире. Но если бы хозяин Ферне оставил нас у себя на несколько дней, нас сильнее всего поразили бы все детали повседневной жизни, даже его уход за своей особой. Между ним и нами возникла бы чудовищная пропасть: в вечернем освещении дома, в отоплении, средствах транспорта, пище, заболеваниях, способах лечения ... Следовательно, нужно раз и навсегда отвлечься от окружающих нас реальностей, чтобы надлежащим образом проделать это путешествие вспять, в глубь веков, чтобы вновь обрести те правила, которые слишком долго удерживали мир в довольно трудно объяснимой стабильности, если вспомнить о тех фантастических переменах, которые должны были затем последовать.

Составляя этот перечень возможного, мы часто сталкивались с тем, что я во Введении назвал «материальной цивилизацией». Ибо у возможного есть не только верхний предел; оно ограничено и снизу — всей массой той «другой половины» производства, которая не входит целиком в движение обмена. Эта материальная жизнь, повсюду присутствующая, повторяющаяся, все заполняющая, протекает под знаком рутины. Хлеб сеют так же, как сеяли всегда; маис сажают так же, как его сажали всегда; рисовое поле выравнивают так же, как выравнивали его всегда; и по Красному морю плавают точно так же, как всегда плавали. Упорно отстаивающее свое присутствие прожорливое прошлое монотонно поглощает хрупкое время людей. И эта поверхность стагнирующей истории огромна: к ней в огромном своем большинстве относится сельская жизнь, т. е. жизнь 80–90% населения земного шара. Разумеется, было бы очень трудно определить точно, где она кончается и где начинается гибкая и подвижная рыночная экономика. Конечно же, эта цивилизация не отделена от экономики так, как отделяется вода от масла. К тому же не всегда возможно безоговорочно решить, по ту или иную сторону барьера находятся доступные наблюдению действующее лицо, фактор или явление. И следует показать *материальную цивилизацию*, что я и сделаю, одновременно с *цивилизацией экономической* (если можно так выразиться), которая существует, с нею бок о бок, возмущает ее и, противостоя ей,

объясняет ее. Но не подлежит сомнению, что барьер все же существует, а это влечет за собой огромные последствия.

Двойной отсчет, экономический и материальный, на самом деле возник в итоге многовекового развития. Материальная жизнь в промежутке между XV и XVIII вв. — это продолжение древнего общества, древней экономики, трансформирующихся очень медленно, незаметно. Мало-помалу они создали над собой — с достижениями и неудачами, которые легко себе представить, — общество более высокого, чем они, уровня, бремя которого им поневоле приходилось нести. И с тех пор всегда сосуществовали верхний и нижний уровни и бесконечно варьировало их соотношение. Разве не выиграла материальная жизнь в Европе в XVII в. с упадком экономики? Да и на наших глазах после регресса, начавшегося в 1973–1974 гг., материальная жизнь явно выигрывает. И таким образом, по обе стороны границы, нечеткой по самой своей природе, сосуществуют первый и второй «этажи»; и если более высокий продвигается вперед, то другой отстает. Так, хорошо мне знакомая деревня еще в 1929 г. жила чуть ли не в XVII или XVIII в. Такого рода отставание бывает либо невольным, либо преднамеренным. До XVIII в. рыночной экономике не хватало сил, чтобы овладеть и по своему усмотрению придать форму всей массе инфразкономики, зачастую защищаемой удаленностью и изоляцией. И наоборот, если сегодня имеется обширный внерыночный, «внеэкономический» сектор, то это объясняется скорее сопротивлением на базовом уровне, нежели небрежением или несовершенством обмена, организуемого государством, или же обществом. И тем не менее в силу ряда причин результат может быть только аналогичным.

В любом случае сосуществование «низа» и «верха» навязывает историку диалектический подход, многое проясняющий. Как понять города без деревень, денежное обращение без натурального обмена, распространение нищеты без роста роскоши, белый хлеб богачей без серого хлеба бедняков?

Мне остается оправдать последний выбор: ни более, ни менее как включение в сферу исторического изучения повседневной жизни. Было ли это полезно? Необходимо? Ведь повседневность — это мелкие факты, едва заметные во времени и в пространстве. Чем более сужаете вы поле наблюдения, тем больше у вас шансов очутиться в окружении материальной жизни: круги большого радиуса обычно соответствуют «большой» истории, торговле на далекие расстояния, сети национальных или городских экономик. Когда же вы сужаете наблюдаемое время до малых промежутков, то получаете либо какое-то событие, либо какой-то факт. Событие должно быть уникально и полагать себя единственным; какой-либо факт повторяется и, повторяясь, обретает всеобщий характер или, еще лучше, становится структурой. Он распространяется на всех уровнях общества, характеризует его образ существования и образ действий, бесконечно их увековечивая. Иной раз бывает достаточно нескольких забавных историй, для того чтобы разом высветить и показать образ жизни. На одном рисунке (созданном около 1513 г.) изображен император Максимилиан I, который берет

* Принцесса Палатинская – Шарлотта-Елизавета Баварская (1652–1722), жена брата Людовика XIV, мать будущего регента Филиппа Орлеанского. – *Прим. ред.*

¹ Первое издание этого тома входило в состав серии, выпускавшейся без ссылок. Издатель согласился с тем, чтобы второй и третий тома были снабжены примечаниями. Вполне очевидно, что это решение должно было коснуться и исправленного и расширенного повторного издания настоящего, первого тома. Десять лет назад сделать это было бы легко. Но сегодня, когда мои выписки слишком часто оказывались вынутыми из первоначальных картотек, мне пришлось разыскивать сотни, тысячи ссылок. И порой безуспешно. Я приношу извинения читающим меня историкам за те несколько случаев, когда помета «ссылка утеряна», к сожалению, заменяет ссылку, которую не удалось отыскать.

пищу с блюда рукой. А двумя столетиями позднее принцесса Палатинская* рассказывает, как Людовик XIV, впервые допустив своих детей к собственному столу, запретил им есть иначе, чем ел он сам, и пользоваться вилкой, как учил их чрезмерно усердный воспитатель. Так когда же Европа изобрела хорошие манеры поведения за столом? Я вижу японское одеяние XV в., а в XVIII в. я нахожу его почти таким же. Один испанец рассказывает о своей беседе с японским сановником, удивленным и даже шокированным тем, что не проходит и нескольких лет, как европейцы появляются в столь отличной от прежней одежде. Безумие моды – явление чисто европейское.

Так ли это неважно? Из маленьких происшествий, из путевых заметок вырисовывается общество. И никогда не бывает безразлично, каким образом на разных его уровнях едят, одеваются, обставляют жилище. Эти «мимолетности» к тому же фиксируют от общества к обществу контрасты и несходства во все не поверхностные. Воссоздавать такие картинки – увлекательная игра, и я не считаю ее пустым занятием.

Итак, я продвигался в нескольких направлениях: возможное и невозможное; первый и второй «этажи»; картины повседневной жизни. Вот что с самого начала усложняло структуру этой книги. В общем, следовало сказать о слишком многом. А тогда – как это сделать?¹

Материальная жизнь — это люди и вещи, вещи и люди. Изучить вещи — пищу, жилища, одежду, предметы роскоши, орудия, денежные средства, планы деревень и городов — словом, все, что служит человеку, — не единственный способ ощутить его повседневное существование. Численность тех, между кем делятся богатства земли, тоже имеет при этом свое значение. И внешний признак, который сразу же, с первого взгляда, отличает мир сегодняшний от человечества до 1800 г., — это как раз недавний и необычайный рост численности людей: в 1979 г. их в мире великое множество. За четыре столетия, охватываемые этой книгой, население мира, несомненно, удвоилось; зато в нашу эпоху оно удваивается каждые тридцать или сорок лет. Вполне понятно, что это следствие материального прогресса. Но в прогрессе этом самая численность людей в такой же мере причина, как и следствие.

Во всяком случае, она представляется нам в качестве великолепного «индикатора», подводя итог успехам и неудачам. Численность людей сама по себе намечает дифференциальную географию земного шара: здесь континенты едва заселенные, там — заселенные уже с избытком, здесь цивилизации, там — еще первобытные культуры. Она определяет решающее соотношение между разными массами живущих на земле людей. И что любопытно: именно эта дифференциальная география зачастую претерпевает наименьшие изменения от вчерашнего дня к сегодняшнему.

Но что, наоборот, изменилось, и изменилось совершенно, — это самый ритм роста населения. Сегодня это непрерывный подъем, более или менее быстрый в зависимости от общества и экономики, но непрерывный. Вчера же — это подъемы, затем спады наподобие сменяющих друг друга приливов и отливов. Это чередование, эти демографические приливы и отливы суть символ жизни минувших времен: следующие друг за другом спады и подъемы, причем первые упорно сводят почти на нет — но не до конца! — вторые. В сравнении с этими фундаментальными реальностями все (или почти все) может показаться второстепенным. Бесспорно, начинать следует с людей. А затем придет время поговорить и о вещах.

НАСЕЛЕНИЕ МИРА: ЦИФРЫ, КОТОРЫЕ ПРИХОДИТСЯ ВЫДУМЫВАТЬ

Беда в том, что даже сегодня мы никогда не знаем точную численность населения мира: колебания оценок достигают 10%. Так насколько же несовершенны наши знания о численности населения мира вчерашнего! Но ведь как для краткосрочного цикла, так и для долгосрочного, как на уровне местных реальностей, так и на огромной шкале реальностей всемирных – все связано с количеством, с колебаниями численности людей.

СИСТЕМА ПРИЛИВОВ И ОТЛИВОВ

С XV по XVIII в. население то увеличивается, то уменьшается и все изменяется. Если людей становится больше, происходит и увеличение производства и обмена; расширяется земледелие на целинных, лесистых, болотистых, гористых землях. Наблюдается рост мануфактур, увеличение размеров деревень и еще чаще – городов; возрастают масштабы передвижения людей. Усиливается и конструктивная реакция на давление, вызываемое ростом населения: это неизбежно. Конечно, наблюдается и рост войн и столкновений, набегов и разбоя. Раздуваются армии или вооруженные отряды; больше, чем обычно, общество порождает нуворишей и новых привилегированных. Процветают государства, представляющие одновременно и язву и благодеяние. И предел возможного достигается легче, нежели всегда. Таковы обычные признаки. Однако не будем безоговорочно превозносить демографические подъемы. Они бывали то благодетельными, то вредоносными. Растущее население обнаруживает, что его отношения с пространством, которое оно занимает, с теми богатствами, какими оно располагает, изменились. Попутно оно преодолевает «критические точки»¹, и каждый раз вся его структура оказывается под угрозой. Короче говоря, движение никогда не бывает простым и однозначным: возрастающая демографическая перегрузка нередко заканчивается – а в прошлом неизменно заканчивалась – тем, что возможности общества прокормить людей оказываются недостаточными. Эта истина, бывшая банальной вплоть до XVIII в., и сегодня еще действительна для некоторых отсталых стран. И тогда определенный предел повышения благосостояния оказывается непреодолим. Ибо, усиливаясь, демографические подъемы влекут за собой снижение уровня жизни, они увеличивают и без того всегда внушительное число недоедающих, нищих и бродяг. Эпидемии и голод – последний предшествует первым и сопутствует им – восстанавливают равновесие между количеством ртов и недостаточным питанием, между спросом и предложением рабо-

¹ Выражение Эрнста Вагемана. – См.: Wagemann E. *Economia mundial*. 1952, особенно v. I, p. 59 sq.

чей силы, и эти очень жестокие коррекции образуют сильную сторону эпохи Старого порядка.

Если необходимы какие-то конкретные данные, касающиеся Запада, то я отметил бы длительный рост населения с 1100 по 1350 г., еще один — с 1450 по 1650 г. и еще один, за которым уже не суждено было последовать спаду, — с 1750 г. Таким образом, мы имеем три больших периода биологического роста, срав-

Варшава в 1795 г.
Раздача похлебки
беднякам возле
колонны короля
Сигизмунда III.
(Фото А. Скаржинь-
ской.)

нимые друг с другом. Но за двумя первыми, в самой середине исследуемой эпохи, следуют спады — крайне резкий с 1350 по 1450 г. и менее резкий — скорее замедление темпов роста, чем спад, — с 1650 по 1750 г. Сегодня всякое увеличение роста населения в отсталых странах влечет за собой снижение уровня жизни, но, к счастью, без жесточайшего сокращения числа людей (по крайней мере после 1945 г.).

Каждый спад решает определенное число проблем, снимая напряжение и улучшая положение выживших; это, конечно, лекарство в лошадиной дозе, но все же лекарство. После Черной смерти середины XIV в. и последовавших за нею и усугубивших ее ударов эпидемий наследства концентрируются в немногих руках. Возделанными остаются только хорошие земли (меньше хлопот и больше продуктивность), уровень жизни и реальная заработная плата выживших повышаются. Именно таким образом начинается в Лангедоке столетие 1350–1450 гг., когда

Никола Пуссен «Чума филистимлян». До недавнего времени опустошения от эпидемий и голода прерывали всякий демографический подъем регулярными спадами и бедствиями. (Фото Жиродона.)

крестьянин со своей патриархальной семьей будет хозяином пустой земли; лес и дикie звери заняли место некогда процветавших здесь деревень². Но скоро численность людей возрастет и они отвоюют то, что отняли было у человека дикie животные и растения; люди очистят от камней поля, выкорчуют деревья и кустарники, но самый их прогресс ляжет тяжким грузом на их плечи и снова возродит нищету. С 1560 или с 1580 г. во Франции, как и в Испании, и в Италии, и, вероятно, повсюду на Западе, люди снова становятся слишком многочисленными³. Песочные часы переворачиваются, и снова возобновляется обычная, монотонная история. Следовательно, человек бывает счастлив лишь в краткие промежутки и замечает это, только когда бывает уже слишком поздно.

Притом эти длительные флуктуации обнаруживаются и за пределами Европы и примерно в то же время. Китай и Индия

² Le Roy Ladurie E. *Les Paysans de Languedoc*. 1966, I, p. 139 sq.

³ Braudel F. *La Méditerranée et le monde méditerranéen à*

l'époque de Philippe II.
1966, I, p. 368 sq.
В дальнейшем будет
даваться сокращенно:
Braudel F. *Médit.*

прогрессировали или переживали регресс в том же ритме, что и Запад, как если бы все человечество подчинялось велению некоей первичной космической судьбы, по сравнению с которой вся остальная его история была истиной второстепенной. Так всегда думал Эрнст Вагеман, экономист и демограф. Синхронность очевидна в XVIII в., более чем вероятна – в XVI в., и можно предположить ее наличие в XIII в. – на пространстве от Франции Людовика Святого до далекой монгольской державы в Китае. Это как бы «смещало» проблемы и одновременно их упрощало. Рост народонаселения, заключает Вагеман, следовало бы приписывать действию причин, весьма отличных от тех, которые определяют экономический и технический прогресс и успехи медицины⁴.

⁴ Wagemann E. *Op. cit.*, I,
p. 51.

Во всяком случае, эти флуктуации, более или менее синхронные от одного конца земной суши до другого, помогают вообразить, понять, что различные людские массы на протяжении веков находятся между собой в относительно устойчивом количественном соотношении: одна равна другой или же вдвое превосходит третью. Зная размер одной из них, можно вычислить весомость другой и, следуя таким путем, восстановить (с погрешностями, присущими такому методу расчета) цифру всей массы людей. Интерес, представляемый этой глобальной цифрой, очевиден: какой бы она ни была неопределенной и неточной по необходимости, она помогает обрисовать биологическое развитие человечества, рассматриваемого как единая масса, как единый фонд, как сказали бы статистики.

НЕДОСТАТОК ЦИФР

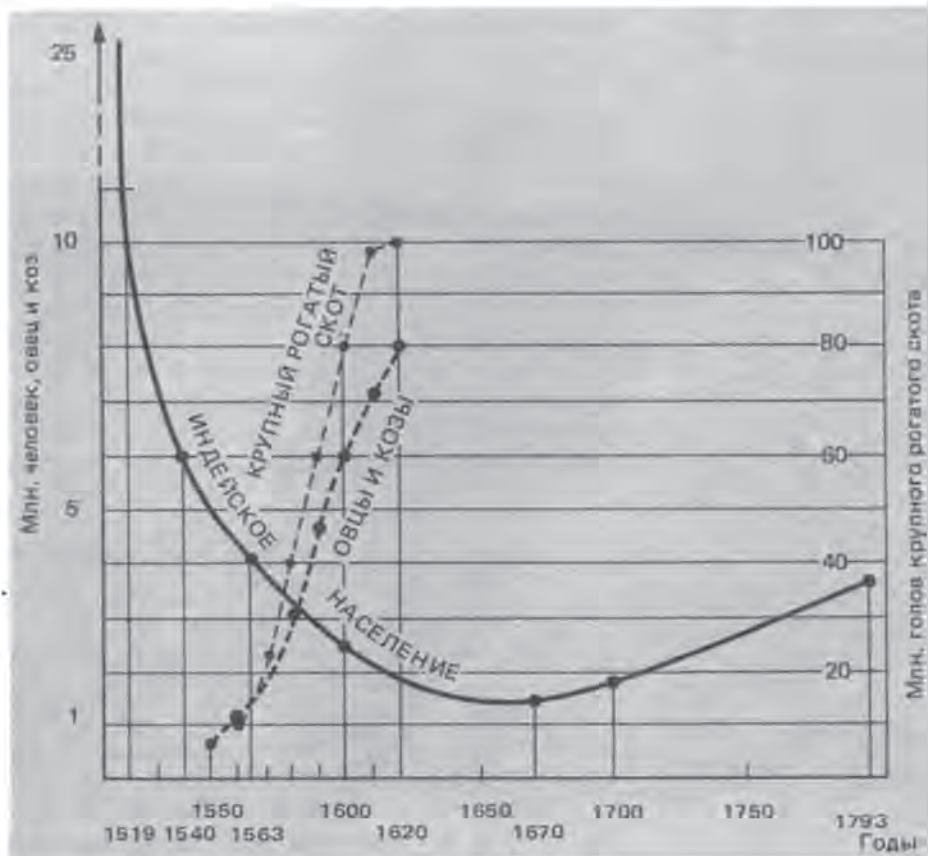
Никто не знает численности населения всего мира между XV и XVIII вв. Статистики не смогли прийти к единому мнению, основываясь на расходящихся между собой немногочисленных и ненадежных цифрах, какие предлагают им историки. На первый взгляд на этих сомнительных опорах ничего невозможно построить. Однако стоит попробовать.

Цифр мало, и они не очень надежны; они касаются одной Европы и, со времени появления некоторых отличных работ, Китая. Там у нас есть почти заслуживающие доверия переписи и оценки. Если почва и не слишком твердая, на нее все же можно ступить без большого риска.

Но как быть с остальным миром? Ничего или почти ничего нет об Индии, которая, не слишком заботясь о своей истории вообще, не больше беспокоилась и о цифрах, которые бы эту историю освещали. Об Азии за пределами Китая фактически нет никаких данных, за исключением Японии. Конечно, ничего нет об Океании, которой европейские путешествия XVII–XVIII вв. лишь слегка коснулись: Тасман достиг Новой Зеландии в мае 1642 г., а Тасмании, острова, который назовут его именем, – в декабре того же года. Кук добрался до Австралии веком позже, в 1769 г., а затем – в 1783 г., а Бугенвиль до Таити – Новой Цитеры, которую он так и не открыл, – в апреле 1768 г. Впрочем, нужно ли касаться этих редких, рассеянных человеческих групп?

Статистики попросту записывают за всей Океанией два миллиона душ, о каком бы моменте ни шла речь. О Тропической Африке, к югу от Сахары, тоже нет ничего достоверного, за исключением расходящихся между собой цифр работорговли начиная с XVI в., цифр, на базе которых, кроме того, даже если бы они и были надежными, невозможно было бы сделать все нужные выводы. Наконец, ничего определенного нет об Америке или, вернее, есть по меньшей мере два противоречащих друг другу подсчета.

Мексика: человек уступает место стадам.
(По данным П. Шоню: Chauu P. *L'Amérique latine. — Histoire universelle*. 3, *Encyclopédie de la Pléiade*.)

А. Розенблат признает единственный метод — регрессивный: отсчет назад, исходя из сегодняшних цифр⁵. Это означает, что для обеих Америк на следующий день после Конкисты мы получаем очень низкую цифру: от 10 до 15 млн. человеческих существ; и это немногочисленное население, считает он, в XVII в. еще уменьшилось — до 8 млн. Снова расти, и притом медленно, оно начнет только с XVIII в. Однако американские историки из Калифорнийского университета в Беркли (Кук, Симпсон, Бора)⁶ — для краткости их неверно именуют «берклийской школой» — занялись расчетами и интерполяциями, основываясь на частичных данных исследуемой эпохи, известных для некоторых областей Мексики сразу же после европейского завоевания. Результаты дают очень преувеличенные цифры: 11 млн. для

⁵ Rosenblat A. *La Población indígena y el Mestizaje en América*. I, 1954, p. 102–103.

⁶ Наиболее характерные работы: Cook S. F. et Simpson L. B. *The Population of Central Mexico in the 16th Century. — "Ibero-Americana"*, 1948; Borah W. *The Aboriginal Population of Central Mexico on the Eve of the Spanish Conquest. — "Ibero-Americana"*, 1963.

Цифровые данные берклийской школы сейчас оспариваются, в частности Ш. Верлинденом (Неделя Прато, 1979).

* Лас Касас, Бартоломе де (1474–1566) – испанский гуманист, историк и публицист. В 1511–1514 гг. – капеллан отрядов Веласкеса на Кубе, в 1519–1521 гг. – миссионер в Венесуэле, затем в Гватемале. Выступал в защиту угнетенных индейцев, обличал колониализм и рабство. Автор ряда трудов по истории и этнографии Центральной и Южной Америки. – *Прим. ред.*
 7 Chauvi P. *L'Amérique et les Amériques*. 1964, p. 105; Abbé Prévost. *Histoire générale des voyages*, XV, 1759, p. 9.
 8 Brading D. A. *Mineros y comerciantes en el México borbónico, 1763–1810*. 1975, p. 18; Sánchez-Albornoz N. *La Población de América latina desde los tiempos precolombinos*. 1973, p. 81; Chagny B.-N. *Variolè et chute de l'Empire aztèque*. (Машинописный текст диссертации.) Dijon, 1975.

1519 г. (оценка, предложенная в 1948 г.); но все документы, добавленные к расчетам или рассмотренные более детально в 1960 г., доводят эту уже сказочную саму по себе величину до 25 млн. жителей для одной только Мексики. Впоследствии численность населения будет постоянно сокращаться, и притом быстро: в 1532 г. – 16 800 тыс., в 1548 г. – 6 300 тыс., в 1568 г. – 2 650 тыс., в 1580 г. – 1 900 тыс., в 1595 г. – 1 375 тыс., в 1605 г. – 1 млн. человек. Медленный подъем наступает с 1650 г., а явный – с 1700 г.

Эти баснословные цифры заставили бы нас определить численность населения всей Америки около 1500 г. в 80–100 млн. человек. Никто не примет это на веру, невзирая на свидетельства археологов и многих историографов Конкисты, включая и отца Бартоломе де Лас Касаса*. Что абсолютно достоверно, так это то, что с европейским завоеванием Америка пережила колоссальный биологический крах, быть может и не уменьшивший число ее жителей в 10 раз, но, несомненно, огромный и сопоставимый с Черной смертью и сопровождавшимися ее катастрофами в Европе в страшном XIV в. Повинны в этом были и жестокости беспощадных войн, и беспримерные тяготы подневольного труда в колониях. Но в самом конце XV в. демографическое состояние индейского населения представлялось весьма хрупким, в частности из-за отсутствия какого бы то ни было молока животного происхождения, что заставляло мать кормить ребенка грудью до 3–4 лет и, исключая на время этого долгого кормления фертильность женщины, делало ненадежным любой быстрый демографический подъем⁷. И вот на эту массу американских индейцев, пребывавшую в неустойчивом равновесии, обрушилась серия ужасных вспышек заболеваний, вызывавшихся микробами, заболеваний, аналогичных тем, которые столь же драматическим образом были вызваны присутствием белых людей в бассейне Тихого океана в XVIII и особенно в XIX в.

Возбудители и переносчики болезней, т. е. вирусы, бактерии и паразиты, завезенные из Европы или Африки, распространялись быстрее, нежели животные, растения и люди, также прибывшие с другой стороны Атлантики. Индейское население Америки, адаптировавшееся только к своим собственным патогенным агентам, перед этими новыми опасностями было безоружным. Едва европейцы достигли Нового Света, как в 1493 г. оспа вспыхнула на Сан-Доминго. В 1519 г. она появилась в осажденном Мехико даже еще до того, как в него ворвался Кортес, а с 30-х годов XVI в. – в Перу, опередив прибытие испанских солдат. Бразилии оспа достигает в 1560 г., а Канады – в 1635 г.⁸ И это заболевание, против которого европейцы отчасти были уже иммунизированы, нанесло туземному населению тяжчайшие удары. То же можно сказать о кори, гриппе, дизентерии, проказе, чуме (первые крысы *доберутся* до Америки около 1544–1546 гг.), венерических болезнях (важный вопрос, к которому мы еще вернемся), тифе, элфантиазисе – обо всех этих заболеваниях, занесенных белыми или неграми, но приобретших, все без исключения, новую вирулентность. Конечно, остаются сомнения по поводу истинной природы некоторых болезней, но «нашествие» болезнетворных микробов не подлежит никакому

Идеальное представление о Конквите: в 1564 г. жители Флориды принимают французского исследователя Р. Де Лондоньера. Гравюра Теодора де Бри с картины Ж. Лемуан де Морга. (Фото Бю.1.10.)

⁹ Père Davilla A. *Historia de la fundación y discurso de la provincia de Santiago de México, 1596–1625.* p. 100, 118, 516–517.

¹⁰ Sánchez-Albornoz N. *Op. cit.*, p. 188.

¹¹ *Ibid.*, p. 121–122.

сомнению. Население Мексики жестоко пострадало от колоссальных эпидемий: в 1521 г. – оспы, в 1546 г. – плохо поддающегося определению «мора» (по-видимому, тифа или гриппа); вторая страшная вспышка этого мора унесла в 1576–1577 гг. два миллиона жизней⁹. Некоторые из Антильских островов полностью обезлюдели. Вполне понятно, что трудно отказаться от привычной мысли – считать желтую лихорадку эндемичной для тропических районов Америки; но она, вероятно, африканского происхождения. Во всяком случае, желтая лихорадка отмечается с запозданием: на Кубе – в 1648 г., а в Бразилии – в 1685 г. Оттуда она распространится по всей тропической зоне Нового Света; в XIX в. ее ареал будет простирается от Буэнос-Айреса до побережья Северной Америки, и она достигнет даже средиземноморских портов Европы¹⁰. Невозможно говорить о Рио-де-Жанейро XIX в., не упомянув эту смертоносную его спутницу. Характерная деталь: если до того массовые эпидемии истребляли коренное население, то на сей раз главными жертвами этого ставшего эндемичным заболевания оказываются пришельцы-белые. В 1780 г. в Портобельо болезнь поразила экипажи галионов, и этим большим кораблям пришлось отстоять дождливый сезон в гавани¹¹. Следовательно, Новый Свет страдает от этих чудовищных поветрий. И мы увидим, как они возродятся, когда европеец обоснуется на островах Тихого океана, в еще одном биологически изолированном ранее мире. Напри-

¹² Price A. G. *The Western Invasions of the Pacific and its Continents*. 1963, p. 167.

¹³ Woytinski W. S. and E. S. *World Population and Production, Trends and Outlook*. 1953;

Embree E. R. *Indians of the Americas*. 1939 (цит. по: Ladame P. A. *Le Rôle des migrations dans le monde libre*. 1958, p. 14).

мер, малярия в Индонезии и Океании появляется поздно: в 1732 г. она обрушивается на Батавию, опустошив ее¹².

Таким образом, расчеты А. Розенблата и историков из Беркли, осторожность первого и романтизм вторых можно примирить между собой. И те и другие цифры могут быть истинными или же правдоподобными в зависимости от того, говорим ли мы о времени до или после Конкисты. Так что оставим в стороне мнения Войтинских и Амбрэ. Последний утверждал, будто «ни в одну эпоху, предшествовавшую эпохе Колумба, на пространстве от Аляски до мыса Горн никогда не было более 10 млн. человеческих существ»¹³. Сегодня мы можем сомневаться в этом.

КАК СЧИТАТЬ?

Пример Америки показывает, какими простыми (даже слишком простыми) методами можно, отправляясь от некоторых относительно надежных цифр, вычислить и «домыслить» другие. Эти ненадежные пути с полным основанием тревожат историка, привыкшего удовлетворяться только тем, что доказано неопровержимым документом. У статистика нет ни этого беспокойства, ни этих страхов. «Нас могут упрекнуть, — не без юмора пишет социолог-статистик П. А. Ладам, — в том, что мы не возимся с подробностями. Мы ответим, что детали не важны — интерес представляет лишь порядок величин»¹⁴. Порядок величин, вероятный потолок или базис, максимальный или минимальный уровень.

В этом споре, где все участники и правы и не правы, мы оставим в стороне расчеты. Их действие неизменно предполагает, что между численностью населения различных частей земного шара существуют если и не постоянные, то по меньшей мере очень медленно изменяющиеся соотношения. Таково было мнение М. Хальбвакса¹⁵. Иными словами, население всего мира должно было иметь свою *структуру*, зачастую мало изменяющуюся: количественные соотношения между разными группами человечества *в общем и целом* сохранялись бы. Берклийская школа выводит общеамериканские цифры из цифр частных, относящихся к Мексике. Таким же способом, более или менее зная население района Трира около 800 г., К. Лампрехт, а затем К. Ю. Белох вычислили величину, действительную для всей Германии¹⁶. Проблема всегда останется одной и той же: основываясь на вероятных соотношениях, исходить из известных цифр, дабы перейти к цифрам более высокого ранга, правдоподобным и фиксирующим порядок величин. Этот порядок не всегда бесполезен, при условии, если его принимать за то, что он есть. Реальные цифры были бы лучше. Но их у нас нет.

РАВЕНСТВО КИТАЯ И ЕВРОПЫ

Вызывают сомнение относящиеся к Европе доводы, подсчеты и цифры великого предтечи исторической демографии К. Ю. Белоха (1854–1929 гг.), а также П. Момберта,

¹⁴ Ladame P. A. *Op. cit.*, p. 16.

¹⁵ “*Morphologie sociale*”, 1938, p. 70.

¹⁶ Lamprecht K. *Deutsche Wirtschaftsgeschichte*. 1891, I, S. 163; Beloch

K. J. *Die Bevölkerung Europas im Mittelalter*. — “*Zeitschrift für Sozialwissenschaft*”. 1900, S. 405–407.

¹⁷ Mombert P. *Die Entwicklung der Bevölkerung Europas seit der Mitte des 17. Jahr.* – "Zeitschrift für Nationalökonomie", 1936; Russel J. C. *Late ancient and medieval Population.* 1958; Reinhardt M., Armengaud A., Dupaquier J. *Histoire générale de la population mondiale.* 1968.

¹⁸ Usher A. P. *The History of Population and Settlement in Eurasia.* – "The Geographical Review", 1930, p. 122–127.

¹⁹ Dermigny L. *La Chine et l'Occident. Le commerce à Canton au XVIIIe siècle.* II, 1964, p. 472–475.

²⁰ *Ibid.*

Дж. К. Рассела и последнего издания книги М. Рейнара¹⁷. Эти цифры можно согласовать между собой: каждый старательно заимствовал их у соседа. Что касается меня, то я выбрал или же *домыслил* самый высокий уровень, чтобы всякий раз распространять Европу до Урала, включив в нее и «дикую Европу» на Востоке. Цифры, предлагавшиеся для Балканского полуострова, Польши, для Московского царства и Скандинавских стран, очень рискованны – едва ли они более правдоподобны, чем те, которые статистики предлагают для Океании или Африки. Такое расширение казалось мне необходимым: Европе, избранной в качестве единицы измерения, оно придает одни и те же пространственные размеры, какую бы эпоху мы ни рассматривали. Кроме того, это распространение до Урала лучше уравнивает чаши весов: расширенная Европа на одной стороне, Китай – на другой; это равенство подтверждается в XIX в., времени, начиная с которого мы располагаем если не достоверными, то по крайней мере приемлемыми цифрами.

В Китае цифры, основанные на официальных переписях, отнюдь не обретают от этого сразу же бесспорную ценность. Это – фискальные цифры, а говорящий о фиске говорит о мошенничестве или об иллюзии или о том и другом сразу. Э. П. Ашер справедливо полагает, что в целом это слишком заниженные цифры, и он их увеличил – со всею недостоверностью, какую заключает в себе любая операция такого рода¹⁸. То же проделал и последний из историков, пустившихся в далекие от совершенства подсчеты¹⁹. «Сырые» цифры, поставленные рядом, обнаруживают, кроме того, явно невозможное: падения и подъемы, аномальные по размаху даже для китайских масштабов. Несомненно, они часто суть мера «порядка и власти в империи в такой же степени, как и уровня населения». Так, в 1674 г. общая цифра снижается на 7 млн. против предыдущего года из-за обширного восстания вассалов – восстания У Саньгуя. Отсутствующие в переписи не умерли – они вышли из подчинения центральной власти. Как только они подчиняются снова, статистика делает скачок, необъяснимый естественным приростом населения, даже максимальным.

Добавим, что переписи не всегда покоятся на одной и той же основе. До 1735 г. подсчитывали *йен-тинов*, податное население – мужчин от 16 до 60 лет; следовательно, это число надобно соответственно увеличить, исходя из того расчета, что они составляли 28% всего населения. Напротив, с 1741 г. перепись касается реального числа людей и численность населения устанавливается в 143 млн., тогда как расчет на основе числа *йен-тинов* давал для 1734 г. 97 млн. Свести концы с концами можно, при подсчетах возможно немало огрублений, но кого это может удовлетворить²⁰? Однако в долгосрочном плане эти цифры сохраняют свою ценность – специалисты согласны в этом, – и самые старые из цифр, относящиеся к минскому Китаю (1368–1644 гг.), отнюдь не самые ненадежные, даже наоборот.

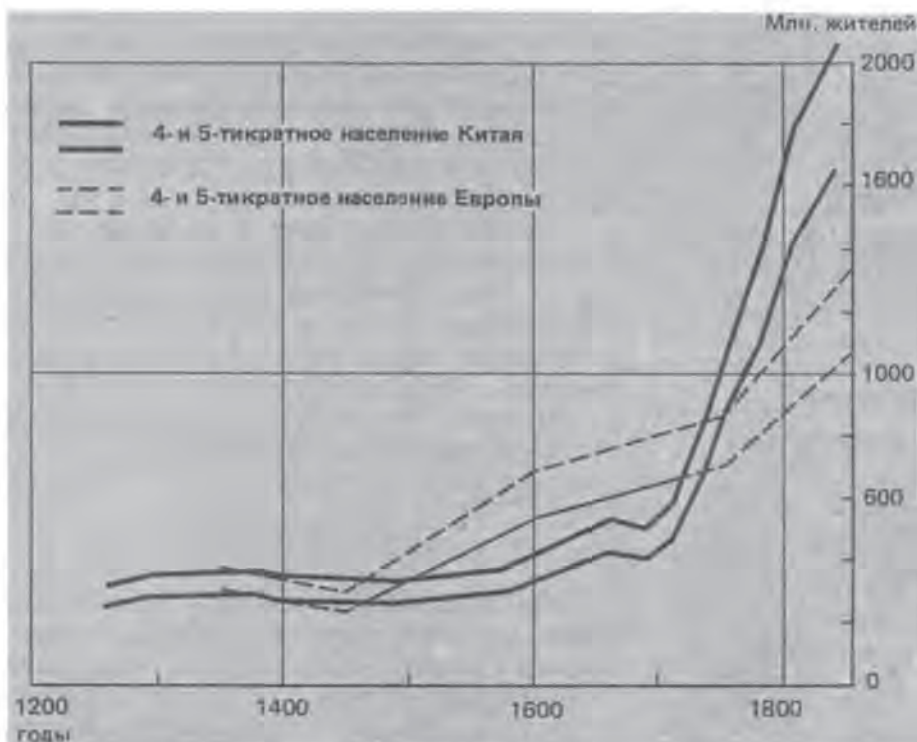
Короче говоря, вы видите, с каким материалом нам придется работать. При нанесении этих цифр на график устанавливается лишь приблизительное равенство между Европой до

Урала и Китаем, ограниченным территорией его коренных провинций. Впрочем, сегодня баланс все более и более изменяется в пользу Китая, принимая во внимание его превосходство в уровне рождаемости. Но это грубое равенство, приближенное или нет, остается при всех оговорках одним из самых ясных структурных элементов истории земного шара для последних пяти или шести столетий. И именно из него мы можем исходить при приближенном подсчете населения мира.

НАСЕЛЕНИЕ МИРА В ЦЕЛОМ

С момента, когда мы располагаем правдоподобными статистическими данными, т. е. с XIX в. (в 1801 г. — первая настоящая перепись по одной лишь Англии), Китай и Европа представляют каждый *приблизительно* четверть всего человечества. Очевидно, что законность такой пропорции, обращенной в прошлое, вовсе не гарантирована изначально. Вчера и сегодня Европа и Китай обладали наибольшим населением на земном шаре. Если оно росло быстрее, чем в остальных регионах, может быть, стоило бы для периода, предшествовавшего XVIII в., принять для каждого из этих массивов в сравнении с остальным человечеством пропорцию не 1:4, а 1:5. В конце концов эта предосторожность лишь указывает на нашу неуверенность в данных.

Итак, снабдим коэффициентом 4 или 5 две кривые — для Китая и для Европы, дабы получить четыре вероятные кривые дви-

жения населения мира, соответствующие, следовательно, 4 или 5 Европам, 4 или 5 Китаям. Предположим, что на сводном графике мы получаем сложную кривую, которая очерчивает между самыми низкими и самыми высокими цифрами пределы широкой зоны возможностей (и погрешностей). И между этими границами, по соседству с ними, вообразим себе линию, которая бы представляла население всего мира в его развитии с XIV по XVIII в.

В целом с 1300 по 1800 г. кривая роста этого населения при таком подсчете будет в долговременном плане идти вверх, понятно, не учитывая резких и краткосрочных падений, о которых мы уже говорили. Если для начальной точки отсчета, 1300–1350 гг., принять самую низкую оценку – 250 млн., а для конечной – самую высокую (1380 млн. – для 1780 г.), то рост составит больше 400%. Никто не обязан в это верить. Установив максимум для начальной точки отсчета – 350 млн., и минимум для конечной – 836 млн. (самая низкая цифра, предложенная Уилкоксом²¹), мы все еще получим увеличение на 138%. На протяжении полутысячелетия оно соответствовало бы среднему регулярному приросту порядка 1,73% (регулярность эта, понятно, есть нечто воображаемое), и, значит, – движение, едва заметное в течение лет, если оно было постоянным. Но тем не менее за этот огромный промежуток времени население мира, без сомнения, удвоилось. С этим продвижением вперед не смогли справиться ни экономические неурядицы, ни катастрофы, ни массовая смертность. Нет никакого сомнения, что это существеннейший факт мировой истории с XV по XVIII в., и не только в смысле уровня жизни: все должно было приспособливаться к такому всеохватывающему напору.

И это почти не удивит историков Запада: все они знают множество косвенных свидетельств (освоение новых земель, эмиграции, распашка целины, улучшение земель, урбанизация), которые подтверждают вычисленные данные. Но зато выводы и объяснения, какие эти историки делают на их основании, спорны, ибо они полагали, будто этот феномен ограничен Европой, тогда как остается фактом – и это самый важный, самый волнующий из всех фактов, которые нам предстоит отметить в настоящей книге, – что человек преодолел многочисленные преграды, препятствовавшие его количественному росту, *на всех территориях, какие он занимал*. Если этот человеческий напор – явление не только европейское, но и всемирное, следует пересмотреть многие перспективы и многие из объяснений.

Но прежде чем прийти к таким заключениям, важно возвратиться к некоторым подсчетам.

СПОРНЫЕ ЦИФРЫ

Мы позаимствовали у статистиков их метод, воспользовавшись самыми известными цифрами – теми, которые относятся к Европе и Китаю, – чтобы оценить на их основе численность населения земного шара. Статистикам нечего будет против этого возразить... Но, оказавшись перед той же проблемой, сами ста-

²¹ См. таблицу на с. 53.

тики избрали иную процедуру. Они расчленили операцию и последовательно вычислили население каждой из пяти «частей» света. До чего любопытное почтение к школьным формам подразделения! Но каковы же их результаты?

Напомним, что они раз и навсегда записали за Океанией 2 млн. жителей, что мало существенно: этот удельный вес заранее растворяется среди наших погрешностей. Точно так же за Африкой от одной ее оконечности до другой записано 100 млн. И вот об этом стоит поспорить, так как такое постоянство, приписываемое численности населения одной лишь Африки, на наш взгляд, маловероятно. А принудительная оценка возымеет несомненные последствия для оценки всеобщей.

Мы свели в таблицу оценки специалистов. Заметим, что все их расчеты начинаются с поздней даты – 1650 г. – и что они неизменно оптимистичны, включая и недавнее обследование, осуществленное Организацией Объединенных Наций. В целом эти оценки кажутся мне весьма завышенными, во всяком случае в том, что касается Африки, а затем Азии.

Рискованно с самого начала – 1650 г. – приписывать одну и ту же численность населения (100 млн.) динамичной Европе и тогда отсталой Африке (исключая, впрочем, ее присредиземноморские области). Также неразумно предлагать для Азии 1650 г. как самые низкие цифры этих таблиц (250 или 257 млн. человек), так и очень высокую цифру – 330 млн., пожалуй слишком поспешно принятую Карр-Саундерсом.

Африка в середине XVII в. определенно имела жизнестойкое население. С середины XVI в. оно выдержало все возрастающий

НАСЕЛЕНИЕ МИРА В МИЛЛИОНАХ ЖИТЕЛЕЙ (1650–1950 гг.)

	1650 г.	1750 г.	1800 г.	1850 г.	1900 г.	1950 г.
Океания	2	2	2	2	6	13*
Африка	100	100	100	100	120	199**
Азия	257*	437*		656*	857*	1272*
	330**	479**	602**	749**	937**	
	250***	406***	522***	671***	859***	
Америка	8*	11*		59	144	338*
	13**	12,4**	24,6**	59	144	
	13***	12,4***	24,6***	59	144	
Европа (включая Европейскую Россию)	103*	144*		274*	423*	594*
	100**	140**	187**	266**	401**	
	100***	140***	187***	266***	401***	
Всего	1	470	694	1091	1550	2416
	2	545	733,4	915,6	1176	1608
	3	465	660,4	835,6	1098	1530

Источники: * Бюллетень ООН, декабрь 1951 г.

** Данные Карр-Саундерса

*** Данные Кучинского.

Цифры без звездочек совпадают во всех трех источниках.

Цифры Карр-Саундерса для Африки округлены до 100.

отток людей, вызванный американской работоторговлей; этот отток добавляется к давним уже потерям в пользу стран ислама, потерям, которые должны были сохраниться до XX в. Так могло быть только благодаря определенной биологической стойкости. Другим доказательством такой стойкости служит сопротивление этого населения проникновению европейцев: «черный континент» не откроется в XVI в. для португальцев (несмотря на несколько их попыток), как открылась перед ними Бразилия – без сопротивления. У нас также имеется несколько свидетельств наличия довольно плотного земледельческого населения с красивыми, всесторонне развитыми деревнями – картина, которую испортит европейское вторжение в XIX в.²²

Однако если европеец не упорствует в стремлении захватить страны Тропической Африки, то потому, что с самого побережья его остановили «губительные» заболевания: перемежающаяся или постоянная лихорадка, «дизентерия, чахотка, водянка», не говоря уж о многочисленных паразитах – болезни, которым он выплачивает очень тяжкую дань²³. Эти болезни, как и отвага воинственных племен, стали препятствием. Кроме того, пороги и бары * закрывают реки: кто поднялся бы по диким водам Конго? С другой же стороны, американская эпопея и дальневосточная торговля требуют мобилизации всех деловых возможностей Европы, интересы которой оказываются связаны с другими регионами. «Черный континент» самостоятельно и дешево поставляет золотой песок, слоновую кость, людей. Чего с него требовать еще? А что до работоторговли, то она отнюдь не носила тех огромных масштабов, в которые чересчур охотно верят. Даже вывоз невольников в Америку был ограничен уже хотя бы транспортными возможностями. Для сравнения: вся ирландская иммиграция в Америку с 1769 по 1774 г. составила лишь 44 тыс. человек, т. е. меньше 8 тыс. в год²⁴. Точно так же в XVI в. из Севильи в Америку отправлялось в среднем 1–2 тыс. испанцев в год²⁵. Итак, даже приняв для работоторговли совершенно *немыслимую* цифру – 50 тыс. негров ежегодно (она будет достигнута разве что в XIX в., в последние годы торговли неграми), получаем численность африканского населения в крайнем случае только 25 млн. Короче говоря, масса в 100 млн. человеческих существ, приписываемая Африке, не имеет под собою никаких достоверных данных. Она, несомненно, повторяет первую глобальную и очень ненадежную оценку, предложенную Грегори Кингом в 1696 г. (95 млн.). Все удовлетворялись повторением этой цифры. Но откуда ее взял он сам?

А ведь у нас есть несколько оценок: например, Дж. Рассел²⁶ считает население Северной Африки в XVI в. равным 3,5 млн. (сам я без солидных доводов оценивал его в 2 млн.). О Египте XVI в. у нас вовсе нет данных. Можно ли говорить о 2 или 3 млн., принимая во внимание, что первые серьезные оценки, в 1798 г., дают для Египта 2,4 млн. жителей, а нынешнее соотношение делает Северную Африку и Египет равными в смысле численности жителей? Население каждого из этих регионов сегодня составляет само по себе десятую часть всех африканцев. Если мы примем то же соотношение для XVI в., население

²² Frobenius L. *Histoire de la civilisation africaine*. 1936, p. 14 sq.

²³ Père Labat J.-B. *Nouvelle Relation de l'Afrique occidentale*. 1728, V, p. 331 sq.

* Бар – намывная мель перед устьем реки со стороны моря.

Прим. ред.

²⁴ Итак, речь идет о периоде весьма крупной эмиграции. См.: Devèze M. *L'Europe et le monde à la fin du XVIIIe siècle*. 1970, p. 331 et note 586.

²⁵ Согласно официальным цифрам «pasajeros a Indias» – 100 тыс. человек в XVI в.; Г. Сеспедес де Кастильо (Cespedes de Castillo G. *Historia social y económica de España y América*, под ред J. Vicens Vives, III, p. 393–394) полагает, что эту цифру следует удвоить или утроить.

²⁶ Russel J. C. *Op. cit.*, p. 148.

Африки могло бы составить от 24 до 35 млн. человек, в зависимости от того, какую из трех вышеприведенных цифр мы выберем; последняя относится к концу XVIII в., а две другие – к XVI в. Цифра в 100 млн. весьма далека от этих приближенных расчетов. Это, конечно, не доказательство. Но даже и не рискуя остановиться с уверенностью на какой-либо цифре, мы тем не менее решительно против цифры 100 млн.

Слишком высоки и цифры, предлагаемые для Азии, но здесь споры не столь серьезны. Карр-Саундерс полагает, что Уилкокк ошибся, определив население Китая около 1650 г., т. е. шесть лет спустя после взятия Пекина маньчжурами, в 70 млн. человек²⁷, и отважно удваивает эту цифру (150 млн.). В этот переломный период китайской истории можно спорить обо всем и все ставить под сомнение (скажем, не были ли *йен-тины* просто нашими очагами – простыми фискальными единицами?). Со своей стороны Уилкокк основывался на тексте «Дун Хуа-лу» (в переводе Чан Ханшена). Предположим, что его цифра низковата; но все-таки надлежит учитывать ужасающие опустошения маньчжурского завоевания. Кроме того, для 1575 г. Э. П. Ашер реконструировал численность населения на уровне 75 млн., а для 1661 г. – 101 млн.²⁸ В 1680 г. официальная цифра составила 61 млн., а реконструированная – 98 млн. по данным одного и 120 млн. – по данным другого автора. Но это в 1680 г., т. е. тогда, когда наконец полностью установился «маньчжурский порядок». А около 1639 г. некий путешественник говорит приблизительно о 60 млн. жителей, да еще считает по 10 человек на очаг – коэффициент даже для Китая ненормальный.

Только накануне 1680 г., а вернее, повторного завоевания Тайваня в 1683 г., начинается, как длинная приливная волна, ошеломляющий демографический подъем в Китае. Страна оказывается защищена, прикрыта широкой экспансией на континенте, которая вскоре приведет китайцев в Сибирь, Монголию, Туркестан, Тибет. В границах собственно Китая страна переживает крайне интенсивную колонизацию. Осваиваются все низины, все поддающиеся орошению холмы, а затем и гористые области, где число пионеров, выжигающих лес, все возрастает. Новые культуры, ввезенные португальцами в XVI в., такие, как арахис, сладкий батат и в особенности маис, получают широкое распространение до того, как появится из Европы картофель, который приобретет значение лишь в XIX в. Эта колонизация продолжается без особых препятствий вплоть до 1740 г., после чего приходящийся на каждого клочок земли начинает понемногу сокращаться; вне всякого сомнения, население растет быстрее, чем возделываемые площади²⁹.

Эти глубокие перемены позволяют определенно говорить о «земледельческой революции» в Китае, сочетавшейся с мощной демографической революцией, которая ее обгоняла. Вероятные цифры таковы: 1680 г. – 120 млн., 1700 г. – 130, 1720 г. – 144, 1740 г. – 165, 1750 г. – 186, 1760 г. – 214, 1770 г. – 246, 1790 г. – 300, 1850 г. – 430 млн. человек³⁰... Когда в 1793 г. секретарь английского посла Джордж Стаунтон спросил у китайцев, каково население империи, они гордо, если даже и не откровенно, ответили ему: 353 млн.³¹

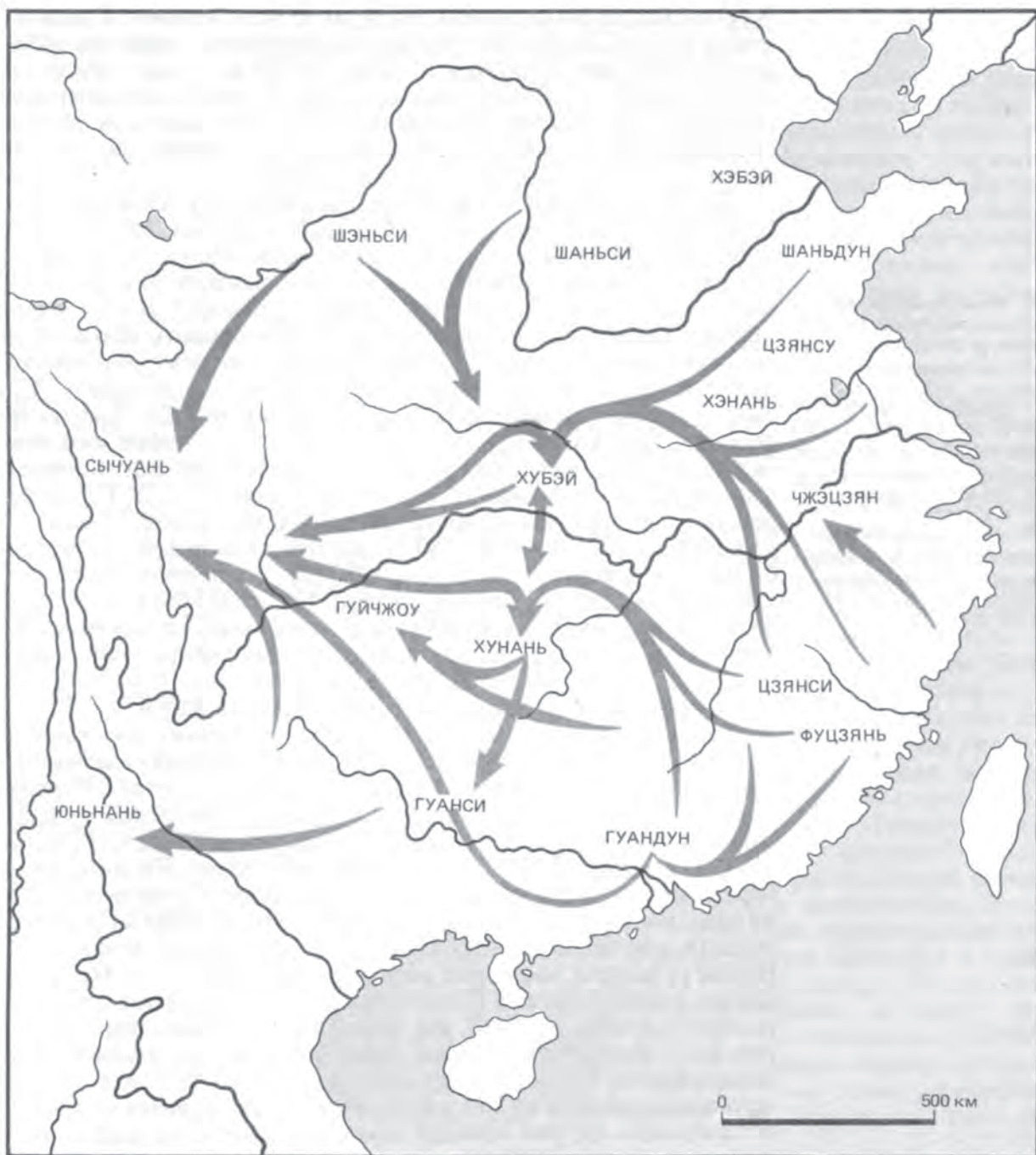
²⁷ *World Population, Past Growth and Present Trends*, 1937, p. 38–41.

²⁸ «*The Geographical Review*», 1930, p. 123.

²⁹ Dermigny L. *Op. cit.*, II, p. 477, 478–479, 481–482.

³⁰ *Ibid.*, таблица на с. 475 и обсуждение – с. 472–475.

³¹ Macartney G. *Voyage dans l'intérieur de la Chine et en Tartarie fait dans les années 1792, 1793 et 1794*, 1798, IV, p. 209.

Внутренние миграции в Китае в XVIII в.
 Интенсивный демографический подъем XVIII в. увеличивает в Китае миграцию между провинциями, общую картину которой дает эта карта.
 См.: Dermigny L.
Le Commerce à Canton au XVIIIe siècle.

Но вернемся к населению Азии. Обычно его оценивают вдвое или втрое выше, чем население Китая; скорее вдвое, чем втрое, ибо Индия не представляется равной китайскому массиву. Оценка населения Декана в 1522 г. (30 млн.), исходя из спорных документов, *дала бы* для Индии в целом цифру в 100 млн. жителей³² — уровень более высокий, чем современная ему «официальная» китайская цифра (во что никто не обязан верить). К тому же на протяжении этого столетия Индия будет страдать от тяжких голодовок, которые опустошат северные области³³. Но недавние исследования индийских историков отмечают в Индии в XVII в. процветание и сильный демографический подъем³⁴. И тем не менее неопубликованная французская оценка 1797 г. приписывает ей лишь 155 млн. жителей³⁵, в то время как с 1780 г. Китай *официально* заявляет о 275 млн. Статистические ухищрения Кингсли Дэвиса не дадут нам правильного представления об этом отставании Индии³⁶. Но их нельзя принимать на веру.

Во всяком случае, население Азии, которое, по нашим предположениям, было в два или три раза больше населения Китая, насчитывало бы 240 или 360 млн. человек в 1680 г. и 600 или 900 млн. — в 1790 г. Повторяю: мы предпочитаем, особенно для середины XVII в., более низкие цифры. А население мира около 1680 г. можно было бы подсчитать путем следующей операции сложения: 35 или 50 млн. — Африка, 240 или 360 млн. — Азия, 100 млн. — Европа, 10 млн. — Америка и 2 млн. — Океания. И мы оказались бы перед порядком величин, полученным при первом нашем расчете и с той же степенью недостоверности.

ВЕКА В СРАВНЕНИИ ДРУГ С ДРУГОМ

Уточнения по всем континентам в соответствии с их пространством не должны исключать более сложный контроль изменений во времени, от одного века к другому. П. Момберт дал первый его образец в применении к Европе в период 1650—1850 гг.³⁷ Он руководствовался двумя соображениями: во-первых, последние по времени цифры — наименее спорные из всех; во-вторых, если при обратном отсчете идти от самых недавних к наиболее удаленным в прошлое уровням, следует предполагать наличие между ними *приемлемых* градиентов роста. Это означает, в том что касается Европы, для 1850 г. принять цифру 266 млн. человек и вывести из нее (разумеется, при менее крутых градиентах, нежели применяемые, например, У. Ф. Уилкоксом) следующие цифры: 211 млн. для 1800 г., 173 млн. для 1750 г. и соответственно для 1650 и 1600 гг. — 136 и 100 млн. человек. А это значит придать большее значение XVIII в. в сравнении с принятыми оценками и часть прироста, обычно приписываемого XIX в., «возвратить» веку предыдущему (понятно, что данные цифры приводятся со всяческими оговорками).

Мы, таким образом, оказываемся перед *разумными* годовыми уровнями прироста, в целом подтвержденными некоторыми выборочными оценками: с 1600 по 1650 г. — 6,2‰, с 1650 по

³² Moreland W. H. *India at the Death of Akbar*. 1920, p. 16-22.

³³ Особенно в 1540, 1596, и 1630 гг.: *Ibid.*, p. 11, 22, note 1, 266.

³⁴ См. т. III настоящей работы.

³⁵ A. E., *Indes Or.*, 18, p. 257.

³⁶ *The Population of India and Pakistan*. 1951, p. 24-26.

³⁷ Mombert P. *Op. cit.*, S. 533-545.

1750 г.—2,4, с 1750 по 1800 г.—4, с 1800 по 1850 г.—4,6 ‰. Для 1600 г. мы возвращаемся к цифре К. Юлиуса Белоха: примерно 100 млн. жителей для *всей* Европы. Но у нас нет никаких серьезных данных, для того чтобы продолжить это движение вспять, от 1600 к 1300 г., через тот бурный период, на который, как мы знаем, приходится резкий спад между 1350 и 1450 гг., а затем быстрый подъем с 1450 по 1650 г.

Конечно, мы можем на собственный страх и риск принять облегчающий дело ход рассуждений П. Момберта. Наименее рискованная цифра для 1600 г.—100 млн. европейцев—есть вершина долгого подъема, в оценке которого можно колебаться между тремя градиентами: первым—6,2‰, как показывает движение с 1600 по 1650 г., вторым—2,4 ‰ между 1650 и 1750 гг. и третьим—4‰ с 1750 по 1800 г. Логически рассуждая, мы приняли бы по меньшей мере этот последний процент, чтобы учесть интуитивно ощущаемую (но не установленную) быстроту подъема между 1450 и 1600 гг. В результате в 1450 г. Европа насчитывала бы приблизительно 55 млн. жителей. Тогда, если в согласии со всеми историками считать, что из-за Черной смерти и ее последствий население континента потеряло по меньшей мере одну пятую своей численности, цифра для 1300—1350 гг. оказалась бы на уровне 69 млн. человек. Мне эта цифра не кажется неправдоподобной. Опустошения и неожиданные бедствия Восточной Европы, поражающее число деревень, исчезнувших по всей Европе во время кризиса 1350—1450 гг.,—все позволяет верить в возможность этого высокого уровня, близкого к благоразумной цифре Ю. Белоха (66 млн.).

Некоторые историки видят в быстром ускорении роста за «долгий XVI в.» (1451—1650 гг.) некое «восстановление» после предшествовавших спадов³⁸. Если держаться наших цифр, то сначала должна была произойти компенсация потерь, а затем превышение прежнего уровня. И конечно же, все это весьма спорно.

НЕДОСТАТОЧНОСТЬ СТАРЫХ ОБЪЯСНЕНИЙ

Остается проблема, отмеченная в самом начале: *общий* рост населения мира. Во всяком случае, такой подъем в Китае, столь же ярко выраженный и бесспорный, как и в Европе, обязывает пересмотреть старые объяснения. Пусть погрузят об этом историки—те, кто упорно пытается объяснить демографический прогресс Запада снижением смертности в городах (которая к тому же остается очень высокой)³⁹, прогрессом гигиены и медицины, отступлением оспы, многочисленными водопроводами, резким снижением детской смертности, а затем и общим снижением уровня смертности, понижением среднего брачного возраста. Все это весьма весомые доводы.

Но тогда требовалось бы, чтобы и для других регионов, а не для одного только Запада мы располагали аналогичными или столь же весомыми объяснениями. А ведь в Китае, где браки всегда были «ранними и многодетными», не удалось бы призвать на помощь ни снижение среднего брачного возраста, ни

³⁸ Chaunu P.
La Civilisation de l'Europe des Lumières. 1971, p. 42.

³⁹ Весьма многочисленны сведения такого рода в «*Gazette de France*». Так, например, в 1762 г. в Лондоне Париже, Варшаве, Копенгагене число смертей значительно превышало число рождений. В последнем из этих городов 4512 умерших приходилось на 2289 родившихся, тогда как по стране в целом наблюдалось равновесие.

скачок в уровне рождаемости. Что же касается гигиены в городах, то в 1793 г. огромный Пекин, по словам английского путешественника, насчитывал 3 млн. жителей⁴⁰. И он, несомненно, занимал меньшую площадь, чем Лондон, которому далеко было до этой фантастической цифры. В низеньких домишках наблюдалась невероятная скученность. И гигиена тут ничем не могла помочь.

Точно так же, если не выходить за пределы Европы, как объяснить быстрый рост численности населения в России (оно удваивается с 1722 по 1795 г.—с 14 до 29 млн.), притом что там нет врачей и хирургов⁴¹, а в городах отсутствует всякая гигиена?

А если выйти за пределы Европы, то как объяснить в XVIII в. рост населения—как англосаксонского, так и испано-португальского—в Америке, где нет ни врачей, ни сколько-нибудь заслуживающей внимания гигиены (уж во всяком случае, нет их в Рио-де-Жанейро, столице Бразилии с 1763 г., которую регулярно посещает желтая лихорадка и где, как и по всей Латинской Америке, свирепствует как эндемичное заболевание оспа, разрушая больных «до самых костей»)⁴²? В общем, в любой стране рост населения мог бы происходить по-своему. Но почему все случаи роста приходятся на одно и то же или почти на одно и то же время?

Несомненно, повсюду наблюдалось расширение пространств, доступных людям, особенно с возобновлением общего экономического подъема в XVIII в. и даже намного раньше. Во всех странах мира отмечается тогда внутренняя колонизация, заселение пустыющих или почти пустыющих областей. Европа выиграла от расширения жизненного пространства и избытка продовольствия благодаря заморским территориям, а также восточным областям Европы, которые, по выражению Мабли, выходят из своего «варварского» состояния как в Южной России, так, например, и в лесистых частях Венгрии, еще более заболоченных и неблагоприятных для проживания человека, там, где так долго удерживалась военная граница с Турецкой империей, с этого времени далеко отодвинутая к югу. Такое утверждение правильно и для Америки, и на этом нет нужды особо настаивать. Но оно справедливо и для Индии, где началась колонизация черноземов *регур* в окрестностях Бомбея⁴³. Но еще более верно это в отношении Китая, занятого в XVII в. заселением стольких незанятых и пустынных земель внутри страны или рядом с нею. «Как бы это ни показалось парадоксальным,—пишет Рене Груссе,—но если бы потребовалось сравнить историю Китая с историей какой-нибудь другой крупной человеческой общности, то на ум пришли бы Канада или Соединенные Штаты. В обоих случаях речь идет в основном о покорении огромных девственных территорий народом земледельцев, имевшим против себя лишь немногочисленное полукочевое население,—покорении, осуществляемом наперекор превратностям политической жизни»⁴⁴. И эта экспансия продолжается, а вернее, начинается снова с XVIII в.

Однако если по всему миру возобновилась всеобщая экспансия, так это потому, что число людей возросло. Речь идет скорее

⁴⁰ Macartney G. *Op. cit.*, IV, p. 113.

⁴¹ Public Records Office (PRO), London, 30.25.65, fol. 9, 1655. В Московии «нет никого, кто знал бы ремесло хирурга, за исключением нескольких иностранцев, приехавших из Голландии или Германии».

⁴² Sánchez-Albornoz N. *Op. cit.*, p. 188.

⁴³ Vidal de la Blache P. *Principes de géographie humaine*. 1922, p. 45.

⁴⁴ Grousset R. *Histoire de la Chine*. 1957, p. 23.

о последствии, нежели о причине. В самом деле, всегда существовали пространства, которые можно было занять (притом они были легко досягаемы) всякий раз, когда люди этого хотели или же когда у них была в том нужда. Еще и сегодня нет недостатка в незанятых площадях; а ведь это «конечный» мир, как уверял Поль Валери, заимствуя терминологию у математиков, мир, где, как заметил один благоразумный экономист, «человечество не имеет более в своем распоряжении ни второй долины Миссисипи, ни второй территории Аргентины»⁴⁵. Можно еще освоить экваториальные леса, степи, даже арктические области и настоящие пустыни, где современная техника может дать на удивление многое⁴⁶.

В сущности же, проблема не в этом. Настоящий вопрос выглядит так: почему «географическая конъюнктура» начинает работать в один и тот же момент, хотя доступное пространство в общем имелось всегда? Именно синхронность составляет проблему. Международная экономика, действенная, но столь еще хрупкая, не может одна считаться причиной столь всеобщего и столь мощного движения. Она в такой же мере причина, как и следствие.

КЛИМАТИЧЕСКИЕ РИТМЫ

Это более или менее полное единообразие поддается лишь единственному объяснению. Сегодня такое объяснение не вызовет более улыбки у ученых мужей: это — изменения климата. Новейшие тщательные исследования историков и метеорологов говорят о непрерывных колебаниях температуры, равно как зон атмосферного давления и режима осадков. Эти вариации влияют на деревья, водные потоки, ледники, уровень морей, на рост риса, как и на рост пшеницы, оливковых деревьев, как и виноградной лозы, на животных, как и на людей.

Так вот, между XV и XVIII вв. мир представляет все еще огромную крестьянскую страну, где от 80 до 90% людей живут плодами земли, и только ими. Ритм, качество, недостаточность урожаев определяют всю материальную жизнь. Из этого вытекают резкие потрясения, похожие на укусы, поражающие как заболонь деревьев, так и человеческую плоть. И некоторые из этих изменений проявляются повсюду в одно время, хоть их до сего времени еще объясняют гипотезами, которые отбрасываются одна за другой — так было еще вчера с гипотезой об изменении скорости реактивной струи (*jet stream*). Так, в XIV в. наблюдалось общее похолодание в северном полушарии — с наступлением ледников, образованием берегового припая на морях, с более суровыми зимами. С этого времени маршрут викингов в Америку перекрыт опасными для плавания льдами. «Ныне пришел лед ... Никто не может плавать по древнему пути, не рискуя жизнью», — пишет норвежский священник в середине XIV в. Эта климатическая драма, видимо, означала конец норманнских колоний в Гренландии. Свидетельством тому могли бы служить тела их последних обитателей, обнаруженные в мерзлом грунте⁴⁷.

⁴⁵ Röpke W. *Explication économique du monde moderne*. 1940, p. 102.

⁴⁶ См. выходящую из печати книгу П. Гуру (Gourou P. *Terre de Bonne Espérance*).

⁴⁷ В частности, по данным раскопок П. Норлунда и трудов Т. Лонгстаффа. См.: Le Roy Ladurie E. *Histoire du Climat depuis l'an mil*. 1967, p. 244–248.

Лед на реках, речках и озерах – драгоценное свидетельство превратностей климата. В 1814 г. как и в 1683 г., (см. т. II настоящей работы) на Темзе, замерзающей «от Лондонского моста до моста Блэк Фрайарз», была устроена обширная ярмарка. (Фото Снарк.)

Точно так же эпоха Людовика XIV – это, по выражению Д. Шоува, «малый ледниковый период»⁴⁸. И этот период – куда более самовластный дирижер, чем Король-Солнце, дирижер, воля которого так же проявляется в Европе, зоне зерновых культур, как и в Азии – зоне рисовых полей и степей, в оливковых рощах Прованса, как и в Скандинавских странах, где слишком позднее таяние снега и льда и слишком ранняя осень более не оставляют пшенице времени для созревания; так было в ужасные 90-е годы XVII в., самые холодные за семь столетий⁴⁹. И в Китае к середине XVII в. множатся стихийные бедствия – катастрофические засухи, нашествия саранчи, – а во внутренних провинциях, как и во Франции Людовика XIII, одно за другим следуют крестьянские восстания. Все это придает изменениям уровня материальной жизни дополнительный смысл и, *возможно*, объясняет их одновременность. Такая *возможность* физической взаимообусловленности в мире и определенной общности биологической истории в масштабах всего человечества как бы придавала земному шару его первоначальное единство задолго до Великих открытий, до промышленной революции и взаимопроникновения экономик.

Если, как я полагаю, это «климатическое» объяснение и содержит в себе долю истины, поостережемся все же от чрезмерных упрощений. Всякий климат – весьма сложная система, и его влияние на жизнь растений, животных и людей может проявляться лишь непрямым путем, различным в зависимости от места, от возделываемой культуры и времени года. В Западной Европе с ее умеренным климатом существует, скажем, «негатив-

⁴⁸ Discussion: post-glacial climatic Change. – «The Quarterly Journal of the Royal Meteorological Society», april 1949, p. 175.

⁴⁹ Jutikkala E. The Great Finnish Famine in 1696–1697. – «The Scandinavian Economic History Review», III. 1955, 1, p. 51–52.

⁵⁰ Slicher van Bath B. H. *Le climat et les récoltes au haut Moyen Age.* — «*Settimana... de Spoletto*», XIII, 1965, p. 402.

⁵¹ *Ibid.*, p. 403–404.

⁵² Carpenter R. *Discontinuity in Greek Civilization*. 1966, p. 67–68.

⁵³ Finé O. *Les canons et documents très amples touchant l'usage et pratique les communs. Almanachs que l'on nomme Ephémérides*, 1551, p. 35.

ная корреляция между количеством дождей, выпадающих с 10 июня по 20 июля», и числом зерен [в колосе] пшеницы и «позитивная корреляция между процентом [солнечных дней] в период с 20 марта по 10 мая и тем же числом зерен»⁵⁰. И если желаешь связать серьезные последствия с ухудшением климата, то нужно, чтобы такое ухудшение было бы доказано для стран этой умеренной зоны, самых населенных и некогда «самых важных для пропитания Западной Европы»⁵¹. Это самоочевидно. А ведь примеры непосредственного влияния климата на урожаи, которые приводили историки, слишком часто касаются маргинальных районов и культур, вроде возделывания пшеницы в Швеции. При нынешнем, еще «точечном» состоянии исследований невозможно делать широкие обобщения. Но не будем и предвосхищать их будущие заключения. И будем помнить об изначальной хрупкости человека перед лицом колоссальных сил природы. «Календарь», будь то благосклонный или нет, господствует над людьми. Вполне логично, что историки экономики при Старом порядке видят ее ритм обусловленным чередованием хороших, менее хороших и плохих урожаев. Эти повторяющиеся быстрые изменения приводят в движение огромные колебания цен, от которых будут зависеть тысячи вещей. И кто бы не подумал при этом, что эти настойчиво звучащие подспудно звуки частично зависели от переменчивой истории климата? И сегодня нам известно решающее значение муссона: простая его задержка влечет за собой непоправимые опустошения в Индии. Стоит этому явлению повториться два или три года подряд — и вот уже наступает голод. Здесь человек не освободился от этого ужасающего давления. Но не будем забывать и ущерб от засухи 1976 г. во Франции и Западной Европе или аномальное изменение ветрового режима, которое в 1964–1965 гг. вызвало катастрофическую засуху в Соединенных Штатах восточнее Скалистых гор⁵².

Утверждение, что людей минувших времен такое «климатологическое» объяснение, такое вовлечение в дело небес удивило бы, способно лишь вызвать улыбку. Они и так чересчур старались объяснить течение всех земных дел, индивидуальные или коллективные судьбы, болезни движением звезд... Оронций Финей, математик и в свое время оккультист, в 1551 г., опираясь на астрологию, предсказывал: «Если Солнце, Венера и Луна сойдутся под знаком Близнецов, писатели мало заработают в этом году, а слуги будут непокорны своим господам и сеньерам. Но на Земле будет великое изобилие пшеницы, а дороги будут небезопасны из-за обилия воров»⁵³.

ШКАЛА ОТСЧЕТА

Современное население мира (известное с точностью до 10%) составляет сегодня, в 1979 г., примерно 4 млрд. человек. Если его сопоставить с очень приблизительными цифрами, которые мы привели, то эта масса представляет 5–12-кратное увеличение населения прошлых времен, смотря по тому, берем мы

⁵⁴ Если придрерживаться цифры 350 млн. человек для 1300 г. и 1 млрд. для 1800 г. Этих цифр мы будем держаться при последующих расчетах.

за базу 1300 или 1800 г.⁵⁴ Эти коэффициенты – 1 : 12 и 1 : 5 – и их промежуточные значения отнюдь не золотое сечение, которое бы все разъяснило. Тем более что сопоставляются вовсе не одинаковые реальности: сегодняшнее человечество не образует в действительности увеличенного в 12 раз человечества 1300 или 1350 гг. даже с одной лишь биологической точки зрения, коль скоро возрастные пирамиды далеко не идентичны. Однако сравнение общих цифр само по себе открывает некоторые перспективы.

ГОРОДА, АРМИИ И ФЛОТЫ

⁵⁵ Bechtel H. *Wirtschaftsgeschichte Deutschlands* vom. 16. bis. 18. Jahrhundert. II, 1952, S. 25–26; Kellenbenz H. *Der Aufstieg Kölns zur mittelalterlichen Handelsmetropole.* – «Jahrbuch des kölnischen Geschichtsvereins», 1967, S. 1–30.

⁵⁶ Эти цифры оспаривал Робер Мантран: Mantran R. *Istanbul dans la seconde moitié de XVIIe siècle.* 1962, p. 44 sq.

* Пескара Франческо Ферранте, маркиз (1490–1525) – итальянский военачальник, сражался против французов на стороне императора Карла V; убит при Павии. Бурбон, Шарль (1490–1527 гг.) – герцог, коннетабль (главнокомандующий) французской армии при Франциске I. В итальянских войнах одержал победу при Мариньяно. Выступив против Франциска I, в 1524 г. возглавил вторжение имперских войск во Францию, в 1525 г. одержал победу над французскими войсками при Павии. Ланнуа, Карл де (1487–1527) – испанский полководец, победитель французов при Павии. Филиберт Шалонский, принц Оранский (1502–1530) – полководец Карла V, «прославился» зверским разграблением Рима его солдатами в 1527 г. – *Прим. ред.*
** Бонниве, Гийом де (1488–1525 гг.) –

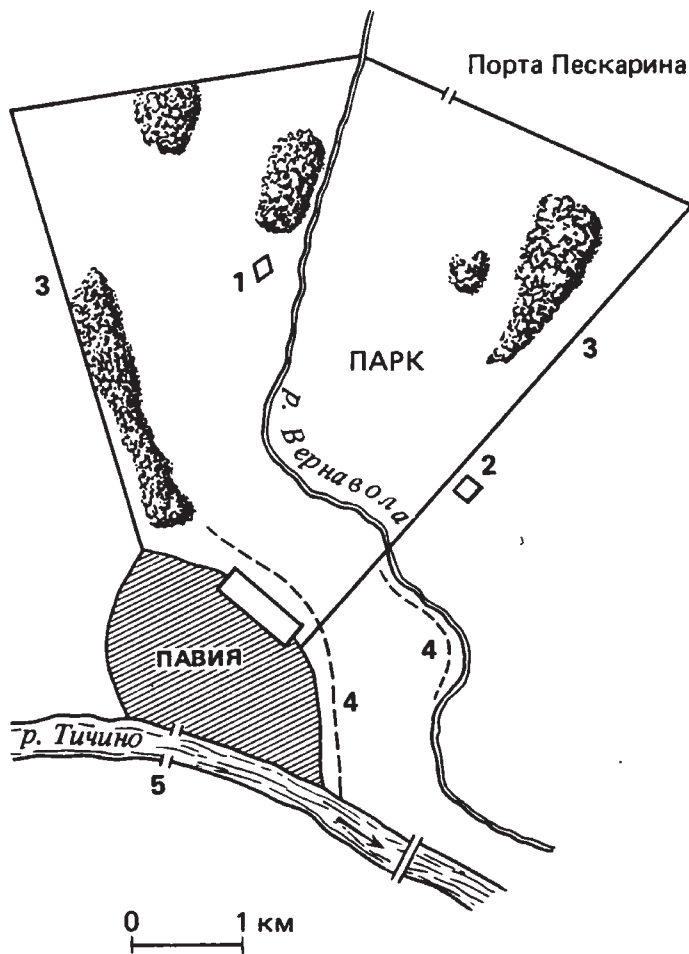
Так, в наших, историков, ретроспективных путешествиях (до XIX в.) мы встречаемся с маленькими, по нашим меркам, городами, а также и с маленькими армиями; и те и другие уместились бы на ладони.

Кёльн, в XV в. самый крупный город Германии на перекрестке двух потоков судоходства по Рейну – вверх и вниз по течению реки – и великих сухопутных путей⁵⁵, насчитывает лишь 20 тыс. жителей в ту пору, когда соотношение сельского и городского населения Германии составляло 10 : 1 и когда уже явно ощущалось давление урбанизации, каким бы низким оно нам ни показалось. Примем же, что группа в 20 тыс. жителей представляла тогда сосредоточение людей, сил, талантов и едоков куда более крупное – с учетом всех пропорций, – нежели агломерация в 100 или 200 тыс. человек сегодня. Вообразите, что могла значить в XV в. самобытная и активная культура Кёльна. Точно так же, говоря о Стамбуле XVI в., которому надлежит приписать по меньшей мере 400 тыс. жителей, а то и, что весьма вероятно, 700 тыс.⁵⁶, мы вправе утверждать, что это город-чудовище, сравнимый, при прочих равных условиях, с самыми крупными современными агломерациями. Чтобы существовать, ему требуются все овечьи отары Балкан, рис, бобы и пшеница Египта, пшеница и лес из стран Черного моря, быки, верблюды, лошади Малой Азии. А для воспроизводства населения – все наличное население империи да плюс еще рабы, которых доставляют благодаря татарским набегам из России и которых турецкие эскадры захватывают на берегах Средиземного моря; всех их продают на гигантском рабском рынке Бешистан в самом центре огромной столицы.

Скажем также, что, конечно же, армии наемников, которые в начале XVI в. оспаривают друг у друга Италию, очень невелики: 10–20 тыс. человек, 10–20 пушек. Эти императорские солдаты во главе со своими прославленными командирами, такими, как Пескара, коннетабль де Бурбон, де Ланнуа (Ланноа), Филиберт Шалонский *, громящие в свое удовольствие в наших школьных учебниках другие армии наемников, которыми командуют Франциск I, Бонниве или Лотрек **, – их и было в основном 10 тыс. человек, немецких ландскнехтов и испанских аркебузирив, 10 тыс. отборных людей. Отборных, но со временем быстро утрачивающих боеспособность, как это случилось позднее и с наполеоновской армией в период между Булонским лаге-

французский адмирал, фаворит Франсиска I, был убит под Павией. Лотрек, Оде де Фуа, виконт (1485–1528) – маршал, командовал французской армией, потерпевшей поражение под Бикоккой, был убит при осаде Неаполя в 1528 г. – *Прим. ред.* 57 Thom R. *Die Schlacht bei Pavia* (24 Februar 1525). 1907.

рем и войной в Испании (1803–1808 гг.). От Бикокки (1522 г.) до поражения Лотрека под Неаполем (1528 г.) они находятся на первом плане; их zenithом была Павия (1525 г.)⁵⁷. Но эти 10 тыс. человек – ловких, распущенных и беспощадных (именно они были, так сказать, «героями» разграбления Рима) – это намного больше, чем сегодняшние 50 или 100 тыс. Если бы в те старые времена они были более многочисленны, их невозможно было бы ни привести в движение, ни прокормить, разве что в сказочно богатой стране. Так что победа при Павии – это успех аркебузирова, но в еще большей мере – успех пустых желудков. Армию Франсиска I слишком хорошо кормили в ретраншемен-

Битва при Павии

- 1. Мирабелло.–
- 2. Псарня (Casa de levigieri).–
- 3. Кирпичная стена вокруг парка.–
- 4. Укрепления французов.–
- 5. Мост Сан-Антонио, разрушенный в начале осады.–
- 6. Деревянный мост, разрушенный герцогом Алансонским во время битвы. (По данным Р. Тома.)

тах, защищавших эту армию от пушек неприятеля и располагавшихся между стенами города Павии, который она осаждала, и герцогским парком, охотничьим угодьем, огороженным стеной, т. е. на очень ограниченном пространстве, где неожиданно развернулась баталия 24 февраля 1525 г.

И точно так же в страшную, решающую битву при Марстон-Муре 2 июля 1644 г., бывшую первым поражением королевской армии в ходе драматической гражданской войны в Англии, были вовлечены лишь ограниченные силы: 15 тыс. роялистов и

⁵⁸ Laslett P. *Un Monde que nous avons perdu*. 1969, p. 16.

⁵⁹ Braudel F. *Médit.*, II, p. 394–396. Точный подсчет невозможен (см. Hartlaub et Quarti), но турецкий флот насчитывал 230 галер, а христианский – 208 плюс 6 венецианских галеасов. Турки потеряли убитыми, ранеными и пленными 48 тыс. человек.

⁶⁰ Michaud J.-F. *Biographie universelle ancienne et moderne*. 1843, t. 44, статья «Wallenstein».

* Виллар, Клод де (1653–1734) – герцог, маршал Франции, полководец и дипломат, главнокомандующий французскими войсками в последний период Войны за испанское наследство. – *Прим. ред.*

⁶¹ Lavisse E. *Histoire de France*. 1911, VIII (1), p. 131.

⁶² Dupré d'Aulnay L. *Traité général des subsistances militaires*. 1744, p. 62.

⁶³ Benedit de Vassallieu dit Nicolay Lyonnais. *Recueil du règlement général de l'ordre et conduite de l'artillerie...* 1613. В. N., Ms. fr., 592.

⁶⁴ Lapeyre H. *Géographie de l'Espagne morisque*. 1960.

⁶⁵ Согласно Роберу Мандру (Mandrou R. *La France aux XVIIe et XVIIIe siècles*. 1970, p. 183–184), обычно принимают цифру в 300 тыс. А. Люти (Lüthy H. *La Banque protestante*, p. 26) отдает предпочтение цифре 200 тыс. У. Дж. Сквилл также считает, что ущерб для французской экономики переоценивали (Scoville W. G. *The Persecution of Huguenots and French Economic Development*. 1960).

⁶⁶ См. т. III настоящей работы.

27 тыс. парламентских войск. Вся армия парламента, замечает П. Ласлетт, могла бы «разместиться на пассажирских судах «Куин Мэри» и «Куин Элизабет»; и он заключает: «Миниатюрные размеры человеческих сообществ – это... факт, характерный для *того мира, который мы утратили*»⁵⁸.

Некоторые подвиги обретут в наших глазах свои подлинные размеры, если мы, учитывая это, отрешимся от цифр, которые с самого начала сделали бы их не заслуживающими внимания в наших глазах. Такие, например, подвиги, как деятельность испанского интендантства, способного, основываясь на своих крупных «распределительных портах» – Севилье, Кадисе (а позднее – Лиссабоне), Малаге, Барселоне, – перемещать галеры, флоты и полки-*tercios* на всех морях и землях Европы. Такой подвиг, как битва при Лепанто (7 октября 1571 г.), где столкнулись ислам и христианство, в общей сложности по меньшей мере 100 тыс. человек на двух неприятельских флотах в их полном составе – как на легких галерах, так и на сопровождавших их тяжелых кораблях с круглыми обводами⁵⁹. 100 тыс. человек – вообразим себе флот, который бы сегодня поднял на борт 500 тыс. или миллион человек! Пятьюдесятью годами позднее, около 1630 г., Валленштейн будто бы собрал под своими знаменами 100 тыс. солдат⁶⁰ – это еще большее достижение, предполагающее исключительную организацию службы снабжения, так сказать, рекорд. Армия Виллара*, которая одержит верх при Денене (1712 г.), насчитывает 70 тыс. человек, но ведь это армия отчаяния и последней попытки⁶¹. Позднее, как, скажем, в 1744 г., если судить по словам Дюпре д'Онэ, главного интенданта армии, цифра в 100 тыс. солдат, по-видимому, сделалась нормальной, по крайней мере в теоретическом плане. Каждый четыре дня, поясняет он, надлежит предусмотреть раздачу этому количеству людей 480 тыс. пайков, исходя из возможностей продовольственного склада, т. е. 120 тыс. рационов в день (так как есть и двойные пайки). Считая по 800 пайков на повозку, «потребовалось бы, – заключает он, – всего лишь 600 повозок и 2400 лошадей, запрягаемых четверней»⁶². Когда все это стало просто, появились даже железные печи на колесном ходу для выпечки пайкового хлеба. Но в начале XVII в. трактат об артиллерии, излагавший различные потребности армии, вооруженной пушками, избрал в качестве расчетной цифру 200 тыс. человек⁶³.

Эти примеры иллюстрируют доводы, которые было бы легко повторить для бесчисленного множества случаев. Размеры потерь, нанесенных Испании изгнанием морисков (1609–1614 гг.) (по довольно надежным расчетам, самое малое – 300 тыс. душ)⁶⁴, Франции – отменой Нантского эдикта⁶⁵, Черной Африке – неготорговлей для нужд Нового Света⁶⁶ и снова Испании – заселением этого Нового Света белыми людьми (в XVI в., быть может, тысяча человек уезжала ежегодно, всего 100 тыс.), относительная незначительность всех этих цифр ставит общую проблему. Дело в том, что Европа из-за своего политического разделения, из-за негибкости своей экономики неспособна отдавать больше людей. Без Африки она не смогла бы освоить Новый Свет по множеству причин, в частности из-за

климата, но также и потому, что не могла отдавать слишком большую долю своей рабочей силы. Бесспорно, современники легко преувеличивают, но все-таки последствия отъезда эмигрантов должны были быть ощутимы в Севилье, чтобы в 1526 г. Андреа Наваджеро мог сказать: «В Индии уехало столько мужчин, что город Севилья обезлюдел и оказался почти что во власти женщин»⁶⁷.

Аналогичные мысли высказывал и К. Ю. Белох, пытаясь определить подлинное значение Европы XVII в., разделенной между тремя оспаривавшими ее друг у друга великими державами: Оттоманской империей, Испанской империей и Францией Людовика XIII и Ришелье. Подсчитав человеческие массы, которыми эти державы располагали в Старом Свете – примерно 17 млн. человек на каждую из них, – он пришел к выводу, что это и был тот уровень, превысив который можно было надеяться на роль великой державы⁶⁸. Мы далеко ушли с тех пор...

ПРЕЖДЕВРЕМЕННО ПЕРЕНАСЕЛЕННАЯ ФРАНЦИЯ

Многие другие сравнения, сделанные попутно, дали бы столь же важные разъяснения. *Предположим*, что около 1600 г. население мира составляло одну восьмую современного, что население Франции (в ее сегодняшних политических границах) составляло 20 млн.; это вероятно, если даже и не вполне достоверно. Англия в то время насчитывала самое большее 5 млн. человек⁶⁹. Если бы население той и другой страны росло в среднемировом ритме, Англия должна бы была насчитывать сегодня 40 млн. жителей, а Франция – 160 млн. Можно сразу сказать по поводу Франции (или Италии, или даже Германии XVI в.), что это, вероятно, уже перенаселенные страны, что для своих возможностей того времени Франция обременена количеством людей, нищих, бесполезных ртов, нежелательных лиц. Уже Брантом говорил, что она «полна доверху»⁷⁰. Из-за отсутствия сознательной политики верхов эмиграция, худо ли, хорошо ли, организуется как придется: скажем, довольно широко – в Испанию в XVI и XVII вв., или позднее – на «острова» Америки, или же, в зависимости от превратностей религиозных гонений, «этого долгого кровопускания, которое начинается для Франции в 1540 г. с первыми систематическими гонениями на протестантов и заканчивается лишь в 1752–1753 гг., с последней крупной эмиграцией, последовавшей за кровавыми репрессиями в Лангедоке»⁷¹.

Одно историческое исследование показывает вчера еще неизвестный размах эмиграции из Франции в страны Иберийского полуострова⁷². Эту эмиграцию доказывают статистические подсчеты так же, как и настойчивые сообщения путешественников⁷³. В 1654 г. кардинал де Рец рассказывает, что был крайне удивлен, услышав, как в Сарагосе все говорят на его родном языке, в Сарагосе, где было бесчисленное множество французских ремесленников⁷⁴. Через десять лет Антуан де Брюнель будет удивляться огромному числу *гавачос* (уничжительное, на-

⁶⁷ Navagero A. *Il Viaggio fatto in Spagna*. 1563.

⁶⁸ Beloch K. J. *Art. cit.*, p. 783–784.

⁶⁹ *Ibid.*, p. 786.

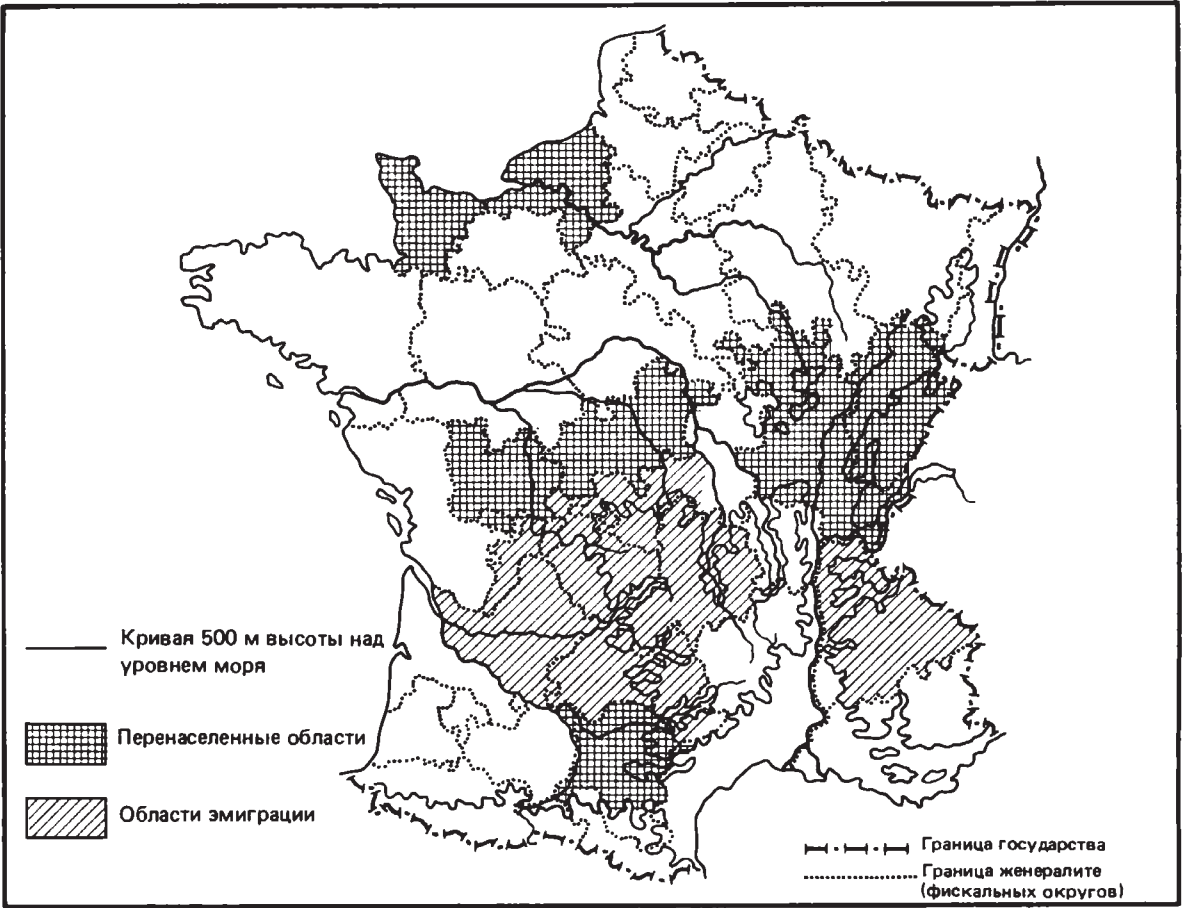
⁷⁰ Brantôme. *Œuvres*. 1779, IX, p. 249.

⁷¹ Lüthy H. *Op. cit.*, I, p. 26.

⁷² Nadal G. et Giralt E. *La Population catalane de 1553 à 1717*. 1960.

⁷³ Joly B. *Voyage en Espagne, 1603–1604*. P.p. L. Barreau-Dihigo, 1909, p. 13: все ремесленники в Фигерасе (Каталония), – «французы из Верхней Оверни».

⁷⁴ Cardinal de Retz. *Mémoires*, éd. 1949, III, p. 226.

Перенаселенные области и зоны эмиграции во Франции 1745 г.
 Карта Ф. де Дэнвиля в: «*Population*», 1952, № 1. См. комментарии в т. III настоящей работы.

⁷⁵ Brunel A. *Viaje de España*. 1665.—«*Viajes extranjeros por España y Portugal*», II, 1959, p. 427.

⁷⁶ Herauld J., sire de Gourville. *Mémoires...*, 1724, II, p. 79.

смешливое прозвище, даваемое французам) в Мадриде (их численность он оценивает в 40 тыс. человек), каковые «переряжаются испацами и утверждают, будто они валлоны или уроженцы Франш-Конте или Лотарингии, чтобы скрыть, что они французы, и избежать притеснения из-за этого»⁷⁵.

Это они поставляют испанской столице ее ремесленников, ее чернорабочих, ее мелких спекулянтов, которых привлекают высокие заработки и прибыли, на которые можно рассчитывать. Особенно это относится к каменщикам и строительным рабочим. Но и в сельских местностях полно эмигрантов: без крестьян, прибывших из Франции, испанские земли зачастую оставались бы невозделанными. Эти детали указывают на обильную, постоянную, смешанную в смысле социального состава эмиграцию. Это — очевидное свидетельство перенаселенности Франции. Жан Эро, сир де Гурвиль, в своих мемуарах рассказывает, что в Испании в 1669 г. находилось 200 тыс. французов — цифра огромная, но вполне правдоподобная⁷⁶.

И вот в стране, которая веками изнывала под бременем этой численности, возникает, а вернее, укрепляется с наступлением XVIII в. добровольное ограничение рождаемости. Как пишет Себастьян Мерсье в 1771 г., «в проявлениях своей страсти мужа сами следят за тем, чтобы избежать появления в доме ре-

⁷⁷ Mercier L.-S. *L'An deux mille quatre cent quarante, rêve s'il en fut jamais.* 1771, p. 335.

⁷⁸ Le Roy Ladurie E. *Démographie et funestes secrets: le Languedoc.* — «*Annales historiques de la Révolution française*», oct. 1965, p. 397–399.

бенка»⁷⁷. После 1789 г., в решающие годы Революции, резкое снижение уровня рождаемости явно обнаруживает распространение противозачаточных средств⁷⁸. Не следует ли рассматривать это как реакцию — во Франции более раннюю, нежели в других странах, — на столь долгие годы, отмеченные очевидной перенаселенностью?

ПЛОТНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ И УРОВНИ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Коль скоро поверхность суши составляет 150 млн. кв. км, средняя современная плотность населения земного шара с его 4 млрд. жителей равняется 26,7 человека на кв. км. Такой же расчет для времени между 1300 и 1800 гг. дал бы самое малое 2,3 человека на кв. км и самое большое — 6,6 человека на кв. км. Предположим, что далее мы подсчитали бы сегодняшнюю, 1979 г., площадь самых населенных зон (200 человек на кв. км и более), мы бы получили таким путем основную площадь *густо заселенных цивилизаций* наших дней, а именно — 11 млн. кв. км; такой подсчет делался снова и снова, и делался часто. Именно на этой узкой полосе сосредоточены 70% человеческих существ, почти 3 млрд. человек. Сент-Экзюпери это выразил на свой манер: мир фонтанов и домов — лишь узкая полоска на поверхности земного шара; стоило ему ошибиться первый раз, и его самолет затерялся среди парагвайского тропического леса; а стоило ему ошибиться вторично, и он приземлился в песках Сахары...⁷⁹ Подчеркнем эти образы, эту асимметрию, абсурдность населенного мира — *ойкумены*. Человек оставляет земной шар на $\frac{9}{10}$ пустым, часто бывая вынужден к тому, а то и по небрежности, а также и потому, что история — нескончаемая цепь его усилий — решила по-иному. «Люди, — писал Видаль де Ла Блаш, — не распространялись по земле, подобно масляному пятну, с самого начала они собирались вместе, как кораллы», т. е. нагромождались «последовательными слоями» в «определенных точках отместей человеческого населения»⁸⁰. С первого взгляда мы были бы склонны заключить, что между 1400 и 1800 гг. нигде не было тех по-настоящему густых человеческих масс, которые создают цивилизацию, — настолько низки плотности прошлых эпох. На самом же деле такая же асимметрия наблюдается в мире, разделенном на узкие, но плотно заселенные, и обширные, но пустые, с редким населением, области. И здесь тоже цифры следует привести к их действительному масштабу.

Итак, мы почти точно знаем, как размещались по всему свету около 1500 г., накануне того момента, как в Америке стали ощущаться результаты европейского завоевания, цивилизации, развитые культуры и культуры примитивные. Документы той эпохи, позднейшие сообщения, обследования этнографов вчера и сегодня дают нам ценную карту, ибо, как известно, культурные границы довольно мало изменяются на протяжении веков. Человек живет преимущественно в рамках собственного опыта и по мере движения поколений оказывается в ловушке своих прежних достижений. Человек — то есть группа, к кото-

⁷⁹ Saint-Exupéry A. de. *Terre des hommes.*

⁸⁰ Vidal de la Blache P. *Op. cit.*, p. 10–11.

рой он принадлежит: одни индивиды ее покидают, другие включаются в нее, но группа остается привязанной к данному пространству, к знакомым ей землям. Она в них выросла корнями.

Карта, которую мы воспроизводим (с. 70–71), составлена для всего мира, каким он был около 1500 г., этнографом Г. У. Хьюзом⁸¹; она говорит сама за себя. На ней выделены 76 цивилизаций и культур, т. е. 76 небольших участков, различных по форме и по площади, разделивших между собой 150 млн. кв. км суши. Поскольку карта эта очень важна и к ней придется часто обращаться, посмотрим на нее внимательно с самого начала. Эти 76 кусочков мозаики намечают определенную классификацию, начиная с участка № 1 – Тасмании, и до № 76, и последнего, – Японии. И классификация по восходящей линии просматривается без труда: 1) под номерами 1–27 размещены первобытные народы, собиратели, рыболовы; 2) с 28-го по 44-й номера – кочевники и скотоводы; 3) с 45-го по 63-й – народы с примитивным земледелием, в первую очередь мотыжным, рассеянные, что любопытно, в виде почти непрерывного пояса вокруг всего мира; 4) и, наконец, с 64-го по 76-й – цивилизации, народы, живущие относительно плотными массами и обладающие множеством технических средств и преимуществ: домашними животными, сохой, плугом, повозкой и особенно – городами... Вряд ли нужно доказывать, что именно эти последние 13 кусочков мозаики-объяснения и суть «развитые» страны, вселенная, *перенаселенная* людьми.

На вершине шкалы классификация оказывается, впрочем, в одном-двух случаях спорной. Не заслуживают ли с полным основанием быть помещенными на этом уровне №№ 61 и 62, т. е. цивилизация ацтеков, или мексиканская, и цивилизация инков, или перуанская? Безусловно, да, если вести речь об их достоинствах – их блеске, их искусстве, их самобытном мировоззрении; да, если речь идет о чудесах астрономических расчетов древних майя; и снова да, если подумать об их долговечности: они переживут страшный удар завоевания белыми людьми. И наоборот – нет, если учитывать, что они пользуются исключительно мотыгой и палкой-копалкой; что, за исключением ламы, альпака и вигони, они не знают крупных домашних животных; что им неведомы колесо, свод, повозка и металлургия железа, хотя ее на протяжении веков и даже тысячелетий знали весьма скромного уровня культуры Тропической Африки. В общем, если исходить из наших критериев материальной жизни, придется ответить отрицательно. Такие же колебания и такая же сдержанность возникают и когда идет речь по поводу № 63, т. е. финно-угорских групп Сибири, на которые только-только начало распространяться влияние соседних цивилизаций.

Но по завершении этого спора остаются 13 цивилизаций, которые образуют в мировом масштабе длинный и узкий пояс по всему пространству Старого Света – неширокую полосу фонтанов, распаханых земель, густозаселенных пространств, которые человек удерживает настолько прочно, насколько он тогда был в состоянии их удержать. К тому же, коль скоро мы оставили в стороне отклоняющийся от нормы американский случай, заметим, что там, где цивилизованный человек находил-

⁸¹ Hewes G. W.
A *Conspectus of the
World's Cultures in
1500 A. D.* – «University
of Colorado Studies»,
№ 4, 1954, p. 1–22.

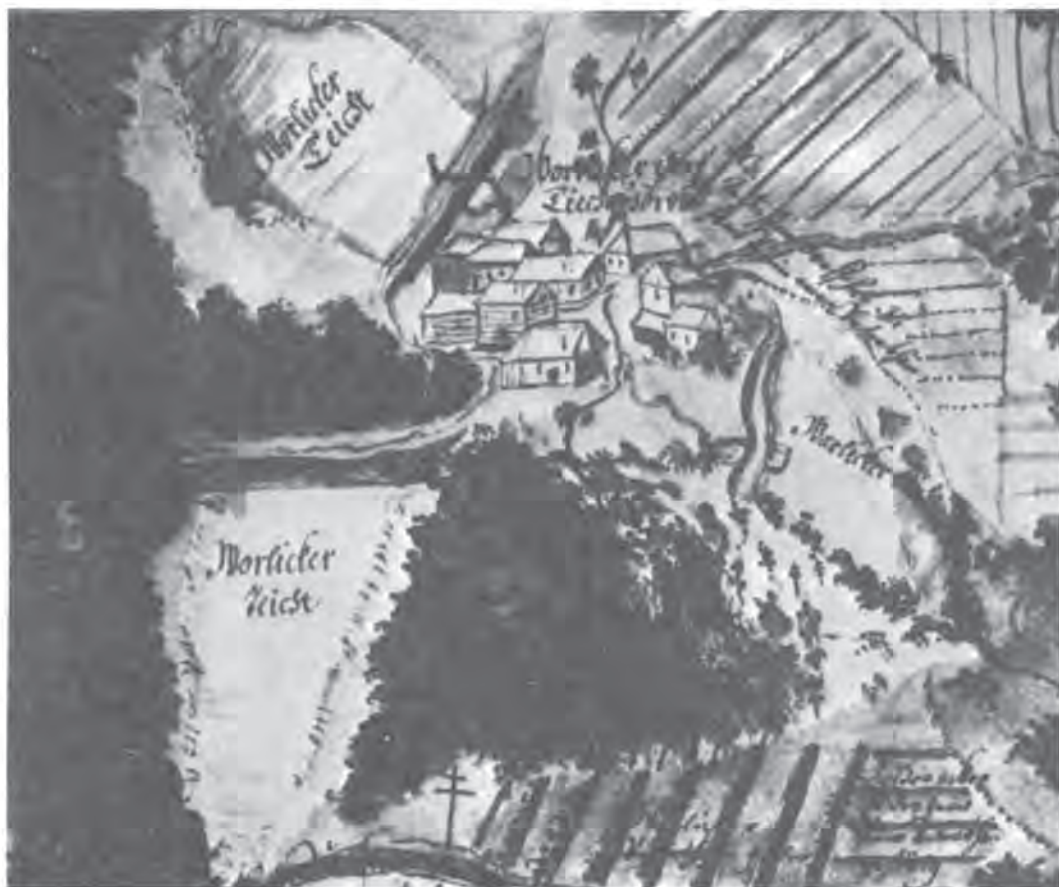

Цивилизации, «культуры» и первобытные народы около 1500 г.

1. Тасманийцы.-2. Пигмеи Конго.-3. Ведда (Шри Ланка).-4. Андаманцы.-5. Сенои и семанги.-6. Кубу.-7. Пунаны (Борнео).-8. Негритос Филиппин.-9. Сибоней (Антильские о-ва).-10. Же-ботокуды.-11. Индейцы Гран-Чако.-12. Бушмены.-13. Австралийцы.-14. Индейцы Большого Бассейна (США).-15. Индейцы Нижней Калифорнии.-16. Индейцы Техаса и северо-востока Мексики.-17. Патагонцы.-18. Индейцы южного побережья Чили.-19. Атапаски и алгонкины (север Канады).-20. Юкагиры.-21. Эскимосы центральные и восточные.-22. Эскимосы западные.-23. Камчадалы, коряки, чукчи.-24. Айны, нивхи, гольды.-25. Индейцы Северо-Западного побережья (США и Канада).-26. Индейцы Колумбийского плато.-27. Индейцы Центральной Калифорнии.-28. Оленеводческие народы.-29. Канарские о-ва (гуанчи).-30. Кочевники Сахары.-31. Кочевники Аравии.-32. Пастухи горных областей Ближнего Востока.-33. Пастухи Памира и Гиндукуша.-34. Казахи.-35. Монголы.-36. Пастухи Тибета.-37. Оседлые тибетцы.-

38. Западносуданские народы.- 39. Восточносуданские народы.- 40. Сомалийцы и галла Северо-Восточной Африки.- 41. Нилотские народы.- 42. Скотоводы Восточной Африки.- 43. Западные банту.- 44. Готтентоты.- 45. Папуасы Меланезии.- 46. Микронезийцы.- 47. Полинезийцы.- 48. Индейцы Америки (Восток США).- 49. Индейцы Америки (Запад США).- 50. Индейцы Бразилии.- 51. Индейцы Чили.- 52. Народы Конго.- 53. Народы Восточноафриканского Межозерья.- 54. Народы Гвинейского побережья.- 55. Народы нагорий Ассама и Бирмы.- 56. Племена нагорий Индонезии.- 57. Народы горных районов Индокитая и Юго-Западного Китая.- 58. Горные и лесные племена Центральной Индии.- 59. Малагасийцы.- 60. Карибы.- 61. Мексиканцы, майя.- 62. Перуанцы и андские народы.- 63. Финны.- 64. Кавказские народы.- 65. Эфиопы.- 66. Оседлые мусульманские народы.- 67. Народы Юго-Западной Европы.- 68. Народы Восточного Средиземноморья.- 69. Народы Восточной Европы.- 70. Народы Северо-Западной Европы.- 71. Индия (на карте не выделены мусульмане и индуисты).- 72. Народы равнинных областей Юго-Восточной Азии.- 73. Равнинные народы Индонезии.- 74. Китайцы.- 75. Корейцы.- 76. Японцы. (По Дж. У. Хьюзу.)

Деревня в Чехии (по дороге в Прагу) в окружении своих полей, леса и трех рыбоводных прудов. Около 1675 г., в ней всего десяток домов. Примерно таков же размер остальных деревень, изображенных на той же серии планов (Орлик, А14). (Официальная фотография Центрального картографического архива ЧССР.)

ся в 1500 г., он был уже в 1400 г., и там же он пребудет в 1800 г. и еще сегодня. Подвести итог несложно: это Япония, Корея, Китай, Индокитай, Индонезия, Индия, страны ислама; четыре разные Европы (самая богатая – романоязычное Средиземноморье; самая горемычная – греческая, которую затопило турецкое завоевание; наиболее активная – северная; самая неразвитая – русско-лапландская). Сюда же добавляются два любопытных случая: под № 64 – устойчивые цивилизации Кавказа, а под № 65 – неискоренимая цивилизация *хлебопашцев* Абиссинского нагорья...

В сумме они занимают, быть может, 10 млн. кв. км, почти 20-кратную площадь современной Франции, незначительное пространство. Это пояс высоких плотностей населения, четко индивидуализированный, насколько это возможно, пояс, который *mutatis mutandis* * можно проследить и в современной географии мира (где, повторяю, на 11 млн. кв. км живут 70% всех человеческих существ). Если мы примем это сегодняшнее соотношение между людской массой цивилизаций и всем человечеством, а именно – 70%, то плотность населения в этих избранных зонах повысилась, очевидно, с 1300 по 1800 г. (в соответствии с нашими крайними ориентирами) с 24,5 (минимум) до 63,6 (максимум) человека на кв. км⁸². А в 1600 г., если держаться точки зрения, которую избрал К. Ю. Белох, наш

* Внеся необходимые поправки (лат.). – Прим. ред.

⁸² В зависимости от того, считать ли население мира за 400 или 500 млн. человек.

средний показатель окажется между 28 и 35. Значит, это существенный «порог»: если в Европе того времени, чтобы считаться великой державой, необходимо было обладать 17 млн. человек населения, то в мировом масштабе уровень, на котором становится очевидным переполнение и наступает то ощущение локтя соседа, при котором живет и процветает цивилизация, составляет около 30 человек на кв. км.

Если по-прежнему будем рассматривать 1600 г., то Италия насчитывает 44 человека на кв. км, Нидерланды – 40, Франция – 34, Германия – 28, Пиренейский полуостров – 17, Польша и Пруссия – по 14, Швеция, Норвегия и Финляндия – около 1,5 человека на кв. км. Но последние три страны находятся в тот момент еще на стадии раннего средневековья; они расположены на периферии Европы, и в ее жизни участвуют лишь узкие полосы их территории⁸³. Что же касается Китая, 17-ти его провинций (18-я – Ганьсу – относилась тогда к Китайскому Туркестану), то плотность населения в нем едва превышает 20 человек на кв. км (в 1578 г.)⁸⁴.

Но эти уровни, такие низкие для нас, говорят уже об очевидном перенаселении. В начале XVI в. зоной набора ландскнехтов по преимуществу служит Вюртемберг, самая населенная область Германии (44 жителя на кв. км)⁸⁵. Франция образует обширную область эмиграции при уровне 34 человека на кв. км, а Испания – всего при 17 человеках на кв. км. Однако богатые и уже «индустриализованные» Италия и Нидерланды выдерживают и в целом сохраняют у себя более высокую демографическую нагрузку. Ибо перенаселение – функция одновременно и числа людей и ресурсов, которыми они располагают.

Э. П. Ашер различает в исторической демографии три уровня населенности. В нижней части шкалы – населенность зоны первопроходцев (ссылаясь на Соединенные Штаты, он говорит о «границе», *frontier*), т. е. самое начало заселения пространства, совсем не обработанного или мало обработанного человеком. Населенность на второй стадии (Китай, Индия до XVIII в., Европа до XII или XIII в.) колеблется между 15 и 20 человеками на кв. км. Затем наступает «густая» населенность – более 20 человек на кв. км. Эта последняя цифра, быть может, чересчур скромна. Но очевидно, что по традиционным нормам та плотность населения, которую мы отмечали в 1600 г. для Италии, Нидерландов и Франции (44, 40 и 34), уже соответствует состоянию демографической напряженности. Заметим, что, по подсчетам Жана Фурастье, для Франции времен Старого порядка, чтобы обеспечить пищей одного человека, требовалось, с учетом севооборота, 1,5 га пахотной земли⁸⁶. Это примерно столько же, сколько указывает Даниэль Дефо в 1709 г.: 3 акра доброй земли, или 4 акра земли среднего качества (т. е. от 1,2 до 1,6 га)⁸⁷. Всякая демографическая напряженность влечет за собой – и мы это увидим – либо выбор в пользу того или иного продукта питания, в особенности между мясом и хлебом, либо преобразование земледелия, либо же обращение к широкой эмиграции.

Эти замечания подводят нас лишь к преддверию существеннейших проблем истории населения. Среди всего прочего, нам

⁸³ Beloch K. J. *Art. cit.*, S. 36, note 11.

⁸⁴ Usher A. P. *Art. cit.*, p. 131.

⁸⁵ Bechtel H. *Op. cit.*, S. 25–26.

⁸⁶ Fourastié J. *Machinisme et bien-être*. 1962, p. 40–41.

⁸⁷ Defoe D. *A Review of the State of the British Nation*. 1709, p. 142, цит. по: Pollard S. et

Crossley D. W. *The Wealth of Britain 1085–1966*. 1968, p. 160.

⁸⁸ Georgi J. G. *Versuch einer Beschreibung der... Residenzstadt St. Petersburg*. 1790. S. 555, 561.

⁸⁹ Beckmann J. *Beiträge zur Oekonomie...* 1781, IV, S. 8. Бекман замечает в связи с осушением болот в герцогстве Бременском: «Малые деревни [в 25–30 очагов] легче привести к повиновению, нежели крупные, о чем говорит опыт».

следовало бы знать соотношение городского и сельского населения (это соотношение составляет важнейший индикатор истории роста в прежние времена) и лучше представлять себе форму сельских поселений в соответствии с нормами географии расселения. Скажем, в конце XVIII в. около Санкт-Петербурга разбросаны далеко друг от друга грязные хутора финских крестьян; дома немецких колонистов стоят небольшими группами; русские же деревни в сравнении с ними – крупные поселения⁸⁸. Центральная Европа к северу от Альп знает лишь довольно небольшие деревни. Получив возможность познакомиться с многочисленными поземельными планами старинных имений Розенбергов, а затем Шварценбергов в Чехии вблизи австрийской границы, в области, где в многочисленных искусственных прудах разводили карпов, щук и окуней, а также с документами центральных архивов в Варшаве, я был поражен крайне малыми размерами этих многочисленных деревенок Центральной Европы в XVII–XVIII вв.: зачастую всего десяток домов... Нам здесь далеко до городов-деревень Италии или до больших поселков между Рейном, Маасом и Парижским бассейном. И не была ли эта незначительность деревень в стольких странах Центральной и Восточной Европы одной из главных причин, определявших судьбы крестьянства? Оно оказывалось тем более безоружным перед лицом сеньера, что у него отсутствовало чувство локтя, присущее жителям крупных общностей⁸⁹.

КАКИЕ ЕЩЕ ИДЕИ Порождает карта Гордона Хьюза

Таких идей по меньшей мере три.

1. Большая устойчивость местоположения «культур» (первоначальных достижений человека) и «цивилизаций» (его дальнейших успехов), ибо это размещение было воссоздано, отправляясь от нынешних времен, простым регрессивным методом отсчета. Значит, их конфигурация стабильна, а их совокупность представляет некую географическую характеристику, столь же устойчивую, как Альпы, Гольфстрим или течение Рейна.

2. Эта карта также показывает, что до господства Европы весь мир уже был разведан и освоен человеком на протяжении веков или тысячелетий. Человек останавливался лишь перед великими препятствиями: необъятными просторами морей, труднодоступными горами, громадными лесными массивами (Амазонии, Северной Америки, Сибири) и огромными пустынями. И все же если взглянуть пристальнее, то не окажется морского пространства, которое бы очень рано не побудило людей к приключениям и не раскрыло бы свои тайны (муссоны Индийского океана известны со времен античной Греции). Не было ни одного горного массива, в котором не обнаружили бы свои проходы и перевалы; не было лесов, куда бы человек не проник; не было пустынь, которые бы он не пересек. Что касается «пригодного для обитания и плавания» пространства мира⁹⁰, то нет ни-

⁹⁰ Diderot D. *Op. cit. Supplément au voyage de Bougainville*. 1958, p. 322.

Бразильские экспедиции (бандейры) (XVI-XVIII вв.) Бандейры отправлялись главным образом из города Сан-Паулу. Паулисты прошли по всей внутренней Бразилии (По данным А. д'Эскраньоль-Тонэ.)

каких сомнений: любая мельчайшая его частичка уже до 1500 г. (да и до 1400 или 1300 г.) имела своего собственника, своих пользователей (*usufruitiers*). Даже суровые пустыни Старого Света дают приют воинственным объединениям кочевников (№ с 30-го по 36-й), о которых нам еще придется говорить в этой главе. Короче, Вселенная, «наше древнее обиталище»⁹¹, была открыта давно, задолго до Великих открытий. Самый перечень растительных богатств был составлен настолько точно «с самого начала писаной истории, что ни одно пищевое растение, имеющее значение для всех людей, не было прибавлено к перечню тех растений, что были известны раньше,— настолько внимательным и полным было обследо-

⁹¹ Diderot D. *Op. cit.*

⁹² Maurizio A. *Histoire de l'alimentation végétale*. 1932, p. 15–16.

* Так называли участников вооруженных отрядов, создававшихся для занятия и освоения новых земель португальскими колонистами.— *Прим. ред.*
⁹³ Escragnolle Taunay A. *Historia geral das bandeiras paulistas*. 1924, 5 vol.

** Сахель (араб., буквально—«берег») — природная (сухая саванна) и историко-культурная область вдоль южной границы Западной и Центральной Сахары.— *Прим. ред.*

ние, которому первобытные люди подвергли растительный мир»⁹².

Итак, вовсе не Европа открывает Америку или Африку, не она срывает покровы с этих таинственных континентов. Исследователи Центральной Африки в XIX в., которых так восхваляли еще вчера, путешествовали на плечах черных носильщиков. И большая их ошибка, ошибка всей тогдашней Европы заключалась в том, что они верили, будто открывают своего рода Новый Свет... Точно так же открывавшие Южноамериканский континент *бандейранты** из Сан-Паулу, города, основанного в 1554 г., эпопея которых заслуживает восхищения, в течение XVI, XVII и XVIII вв. лишь открывали заново старые тропы и доступные для пирога реки, использовавшиеся индейцами. И в основном именно португало-индейские метисы, эти *мамлюки* (*Mamelucos*), как бы вели их за ручку⁹³. Такая же история произошла и с французами, открывшими в XVII и XVIII вв. благодаря канадским метисам, этим «обугленным» („*Bois Brûlés*“), земли от Великих озер до Миссисипи. Европа открывала мир повторно, и очень часто чужими глазами, чужими ногами и чужим умом.

Что она сумела сделать сама, так это открыть Атлантику, овладеть ее трудными просторами, покорить ее течения и ветры. Эта поздняя победа открыла Европе двери и пути всех морей мира. С этого времени на службу белому человеку оказалось поставлено единство морей вселенной. Европа в ореоле славы — это флоты, корабли и еще раз корабли, пенные следы на водах морей. Это морские народы, порты, верфи. Петр Великий не заблуждался относительно этого во время первого своего путешествия на Запад (1697 г.): он отправляется в Голландию, на саардамские верфи возле Амстердама.

3. И последнее замечание. Узкие области с густым населением не всегда однородны. Наряду с прочно освоенными регионами (Западная Европа, Япония, Корея, Китай) Индонезия и Индокитай, по правде говоря, образуют зону, как бы лишь «засеянную» несколькими населенными областями. Да и сама Индия отнюдь не целиком освоена своими смешанного происхождения цивилизациями. Страны ислама — это ряд прибрежий, *сахеля*** по краям незанятых пространств и пустынь, по берегам рек, морей; они прилепились по бокам Черной Африки, на Рабском берегу (Занзибар), как и в излучине Нигера, где снова и снова создаются воинственные мусульманские империи. Даже Европа на востоке, за пределами диких пограничных районов, смотрит в пустоту.

КНИГА ДИКИХ ЛЮДЕЙ И ЗВЕРЕЙ

Соблазн видеть одни только цивилизации всегда велик: ведь они — главное. К тому же цивилизации проявили чудеса изобретательности, дабы воспроизвести свой древний облик, свои орудия, костюмы, дома, обычаи, даже свои традиционные песни. Нас ждут их музеи. Вследствие этого каждая их «клеточка» имеет хорошо известную окраску. Часто все тут самобытно:

ветряная мельница в Китае вращается в горизонтальной плоскости; в Стамбуле внутренняя сторона браншей ножиц изогнута, а роскошные ложки сделаны из перцового дерева. Японская наковальня, как и китайская, не похожа на нашу. Суда в Красном море и в Персидском заливе построены без единого гвоздя... И каждая «клеточка» имеет свои растения, своих домашних животных – во всяком случае, свои способы их использования, свои предпочтительные формы домов, исключительно свою местную пищу... Один запах кухни может воскресить в памяти облик целой цивилизации.

Однако цивилизации – это вовсе не вся соль земли людей и не вся ее краса. За их пределами, а иной раз прорезая сам их массив или окружая их по периметру, потихоньку идет первобытная жизнь, и обширные пространства образуют «окна». Именно в этих районах надлежит представить себе сюжеты книги о диких людях и зверях, или золотой книги древнего мотыжного земледелия, рая в глазах людей цивилизованных (ибо при случае они здесь охотно освобождаются от привычных ограничений).

Наибольшее число картин этих диких человеческих общностей даст нам Дальний Восток – на островах Индонезии, в горах Китая, в северной части японского острова Иессо [Хоккайдо. – *Ред.*], на Формозе или в самом центре такой контрастной Индии. У Европы нет таких «дикарей» – малых народов, выжигающих, «пожирающих» лес на высоких местах, чтобы на незатопляемой земле этих рощистей возделывать рис⁹⁴. Европа очень рано «приручила» своих горцев, одомашнила их, не относясь к ним как к париям. Напротив, на Дальнем Востоке не было ни этих связей, ни этих сложностей. Бесчисленные столкновения отличает здесь беспощадная жестокость. Китайцы беспрестанно воюют со своими дикими горцами – скотоводами, обитателями «вонючих домов». Такие же конфликты происходят в Индии. В 1565 г. в Декане конница и артиллерия мусульманских султанов с севера в битве при Таликоте нанесли смертельный удар индуистскому царству Виджаянагар. Победители не сразу заняли его огромную столицу, но город остался без защиты, без повозок и тягловых животных – все ушло с войском⁹⁵. И тогда на столицу обрушились дикие народы из соседних лесов и джунглей – бринджари, ламбади, куруба – и разграбили ее до основания.

Но эти дикари как бы заключены в кольцо враждебных им цивилизаций, окружены ими. Настоящие дикие люди находятся в других местах и вполне свободны, правда на ужасно неудобных территориях и у пределов населенных областей. Это маргинальные народы (*Randvölker*) Фридриха Ратцеля, «*неисторические*» («*geschichtlos*») народы немецких историков и географов (но справедливо ли такое утверждение?). Вчера на крайнем севере Сибири «12 тыс. чукчей жили на пространстве в 800 тыс. кв. км, а тысяча ненцев – на 150 тыс. кв. км обледеневшего полуострова Ямал»⁹⁶. Ибо «обычно именно наименее обеспеченные группы людей требуют наибольших пространств»⁹⁷, если только это утверждение не стоило бы перевернуть: на таких огромных, но враждебных человеку пространствах могут сохра-

⁹⁴ Condominas G. *Nous avons mangé la forêt de la Pierre-Cénie Gôo...*, 1957.

⁹⁵ Prasad I. *L'Inde du VIIe au XVIe siècle*. 1930. – «*Histoire du monde*». P.p. E. Cavaignac, VIIIe, p. 459–460.

⁹⁶ Sorre M. *Les Fondements de la géographie humaine*. III, 1952, p. 439.

⁹⁷ Vidal de la Blache P. *Op. cit.*, p. 35.

няться лишь простейшие формы общественной жизни, поддерживаемой выкапыванием из земли корней и клубней растений или устройством западней для диких животных.

Во всяком случае, там, где население становится редким, даже на пространствах, которые представляются мало удобными, а то и не поддающимися использованию, кишат дикие звери. Отдалиться от людей означает встретиться с ними. Когда читаешь рассказы путешественников, кажется, будто на тебя идут все звери земли разом. Вот азиатские тигры, рыщущие вокруг деревень и городов, и, по словам одного из путешественников XVII в., добирающиеся вплавь в дельте Ганга до рыбаков, уснувших в своих лодках, и нападающие на них. Еще в наше время на Дальнем Востоке вокруг горных поселков выжигают заросли, чтобы удержать на расстоянии страшного людоеда⁹⁸. С наступлением ночи никто не чувствует себя в безопасности, даже внутри жилищ. В маленьком городке близ Кантона, где пребывают в плену иезуит де Лас Кортес и его товарищи по несчастью (1626 г.), человек выходит из хижины и его утаскивает тигр⁹⁹. А китайская картина XIV в. изображает огромного тигра с розовыми пятнами на шкуре среди ветвей цветущих фруктовых деревьев; он здесь явно хорошо знакомое чудовище¹⁰⁰. Пожалуй, по правде говоря, слишком хорошо знакомое по всему Дальнему Востоку.

Сиам – это долина реки Менам; на реке – вереницы домов на сваях, рынки, жилища на лодках, переполненные своими обитателями. По краю долины – рисовые поля и два-три города, в том числе столица. А дальше – обширные леса, огромные пространства, залитые водами реки. На редких «пяточках» незаливаемых лесных земель обитают дикие тигры и слоны и даже, как утверждает Э. Кемпфер¹⁰¹, серны. Другое чудовище – лев – царит в Эфиопии, в Северной Африке, в Персии около Басры, да и на пути в Афганистан через Северо-Западную Индию. В реках Филиппин кишат крокодилы¹⁰², на прибрежных равнинах Суматры и Индии, на плоскогорьях Ирана хозяйничают кабаны. К северу от Пекина регулярно охотятся на диких лошадей, ловя их с помощью лассо¹⁰³. По словам Джемелли Карери, в горах вокруг Трапезунда выли дикие собаки, мешая ему спать¹⁰⁴. На небольших диких коров яростно охотятся в Гвинее, в то же время все бежит перед стадами слонов и гиппопотамов, этих «морских лошадей» (*sic!*), которые в тех же областях опустошают поля «риса, проса и прочей зелени... Порой видели их стада в триста-четыре ста голов разом»¹⁰⁵. В огромной Южной Африке, пустой и безлюдной за пределами районов, прилегающих к мысу Доброй Надежды, наряду с очень редкими людьми, «по образу жизни более напоминающими зверей, нежели людей», встречаются «свирепые» животные – множество львов и слонов, которые считаются самыми крупными в мире¹⁰⁶. Это удобный случай вспомнить о слонах в Северной Африке, во времена Карфагена и Ганнибала, перенесаясь мысленно на много веков назад и на другой конец континента. Можно также вспомнить и о настоящей охоте на слонов (тоже севернее, в центре Тропической Африки), которая с XVI в. давала европейцам огромное количество слоновой кости¹⁰⁷.

⁹⁸ Condominas G. *Op. cit.*, p. 19.

⁹⁹ P. de Las Cortes. *Relacion del viaje, naufragio y captiverio...*, 1621–1626, British Museum, Sloane, 1005.

¹⁰⁰ Амстердам. Национальный музей, Азиатский отдел.

¹⁰¹ *Beschreibung des japonischen Reiches*. 1749, S. 42.

¹⁰² Mandelslo J. A. *Voyage aux Indes orientales*. 1659, II, p. 388; Rapport W. Bolts, A. N., A. E., В III, 459, 19 messidor an V.

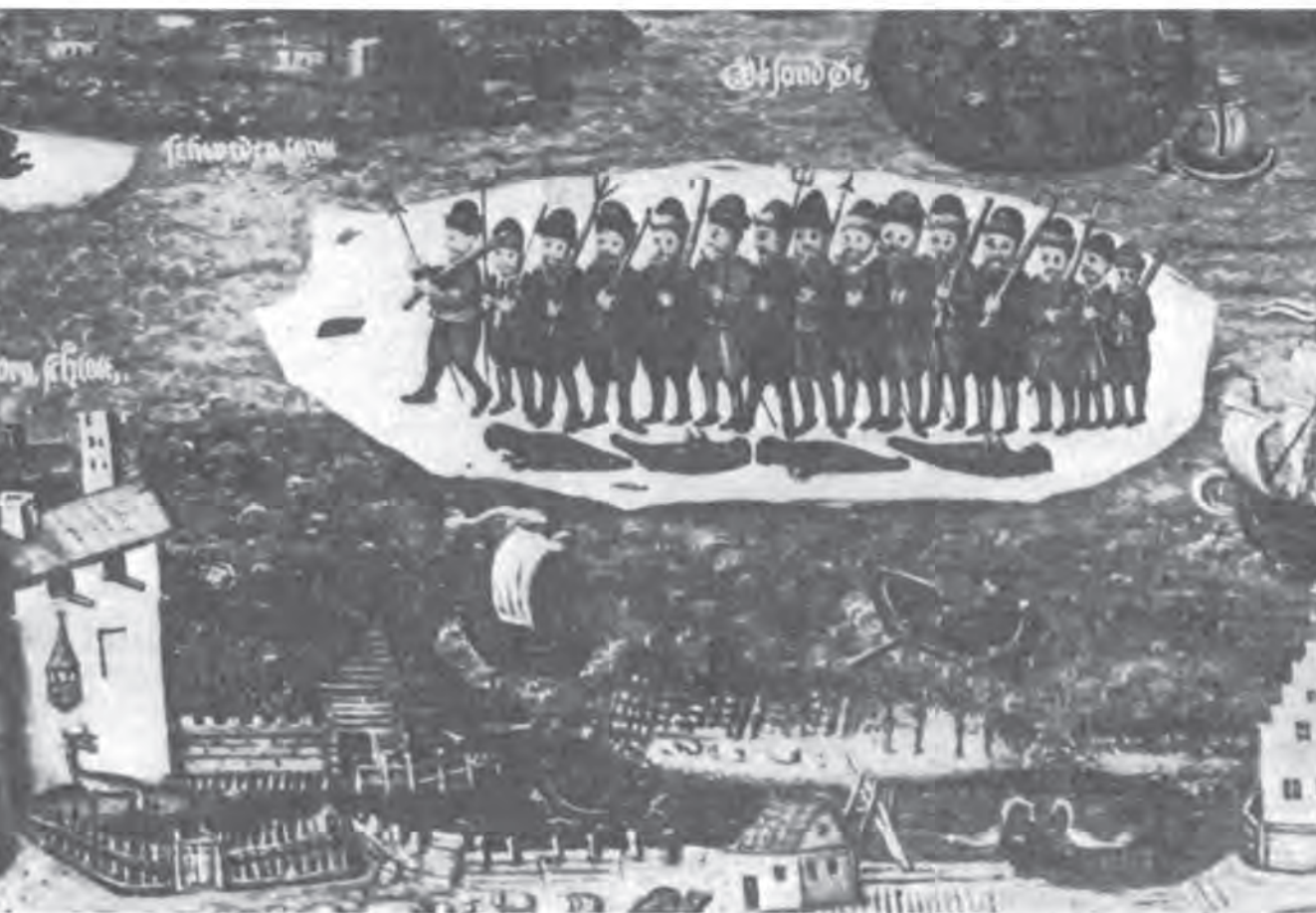
¹⁰³ Macartney G. *Op. cit.*, III, p. 12.

¹⁰⁴ Gemelli Careri G. F. *Voyage du tour du monde*. 1727, I, p. 548.

¹⁰⁵ Père Labat J.-B. *Op. cit.*, V, p. 276–278.

¹⁰⁶ Mandelslo J. A. *Op. cit.*, II, p. 530; Abbé Prévost. *Op. cit.*, V, 1748, p. 190 (Kolben).

¹⁰⁷ Abbé Prévost. *Op. cit.*, III (1747), p. 180–181 et 645; V, p. 79–80.

Охота на тюленя: этот рисунок 1618 г. изображает приключение шведских охотников, унесенных на льдине вместе со своей добычей в море. До суши они добрались лишь двумя неделями позднее. Стокгольм. Национальный музей. (Фотоотека издательства А. Колэн)

¹⁰⁸ *Journal d'un bourgeois de Paris, sous Charles VI et Charles VII.* 1929, p. 150, 304, 309.

¹⁰⁹ Rounnel G. *La Ville et la campagne au XVIIe siècle.* 1955, p. 38, note 117.

¹¹⁰ Babeau A. *Le Village sous l'Ancien Régime.* 1915, p. 345, note 4 et p. 346, note 3; Balmelle M. *La*

Что касается волков, то они распространены по всей Европе от Урала до Гибралтарского пролива, а в горах ее везде владычествуют медведи. Повсеместное наличие волков, озабоченность, которую они вызывают, делают охоту на них показателем «здоровья» деревень и даже городов, свидетельством минувших добрых лет. Как только ослабевает внимание к борьбе с ними, при экономическом спаде, при суровой зиме, волки делаются многочисленными. В 1420 г. стаи волков проникают в Париж через бреши в крепостных стенах или через плохо охраняемые ворота; а в сентябре 1438 г. они снова тут как тут и нападают на людей – на сей раз за пределами города, между Монмартром и Сент-Антуанскими воротами¹⁰⁸. В 1640 г., переправившись через реку Ду возле городских мельниц, волки появились в Безансоне и «поедали детей на улицах»¹⁰⁹. Учрежденные Франциском I около 1520 г. «великие егермейстеры» устраивают большие облавы, к которым привлекают сеньеров и обитателей деревень; так было еще в 1765 г. в Жеводане, где «опустошения, причиняемые волками, породили легенду о существовании какого-то чудовищного зверя»¹¹⁰. В 1779 г. один француз писал: «Кажется, что во Франции пытаются уничтожить самый вид волков, как сделали это более шестисот лет назад в Англии; но нелегко изловить их в такой обшир-

Bête du Gévaudan et le capitaine de dragons Duhamel. — Congrès de Mendé, 1955.

¹¹¹ A. N., Maurepas, A. P., 9.

¹¹² A. N., F 12, 721.

¹¹³ Blache J. *Les Massifs de la Grande Chartreuse et du Vercors*. 1931, II, p. 29.

¹¹⁴ *Viaje por España y Portugal (1494—1495)*. 1951, p. 42.

¹¹⁵ Ссылка утеряна, но несколько аналогичных указаний см. в кн.: Franz G. *Der deutsche Bauernkrieg*. 1972, S. 79 sq.

¹¹⁶ Tavernier J.-B.

Voyages en Perse. Ed. Cercle du bibliophile, s.d., p. 41—43.

¹¹⁷ Jossion H. et

Willaert L. *Correspondance de Ferdinand Verbiest, de la Compagnie de Jésus (1623—1688)*. 1938, p. 390—391.

¹¹⁸ Mandelslo J. A. *Op.*

cit., II, p. 523.

¹¹⁹ Coreal F. *Relation des voyages de François Coreal aux Indes occidentales... depuis 1666 jusqu'en 1697*. 1736, I, p. 40.

¹²⁰ Lizarraga R.

Descripción del Perú, Tucumán, Río de la Plata y Chile. — «Historiadores de Indias», 1909, II, p. 644.

¹²¹ *Voyage du capitaine Narborough (1669)*. — Abbé Prévost. *Op. cit.*, XI, 1753, p. 32—34.

ной и столь открытой со всех сторон стране, как наша, хотя это и оказалось осуществимо на острове вроде Великобритании»¹¹¹. Но разве не обсуждали депутаты торгового сословия в 1783 г. предложение, внесенное несколькими годами ранее, а именно: «Ввезти в Англию волков, в числе достаточном для уничтожения большей части населения»¹¹²! Даже в отношении волков Франция, связанная с землями континента, с далекими лесами Германии или Польши, не может избежать последствий своего географического положения перекрестка. Еще в 1851 г. в Веркоре было полно волков¹¹³.

Более приятную картину являли собой рябчики, фазаны, белые зайцы и белые куропатки в Альпах, красные куропатки, которых вспугнули около Малаги лошади Томаса Мюншера, нюрнбергского врача, путешествовавшего в 1494 г. вместе с друзьями в гористых глубинных районах Валенсии¹¹⁴. В начале XVI в. наблюдалось нашествие диких животных в вюртембергском районе Рауэ-Альб; но крестьянам было запрещено использовать против них крупных собак: на это имели право только лесничие¹¹⁵. В Персии полным-полно кабанов, оленей, косуль, газелей, львов, тигров, медведей, зайцев; а кроме того, огромное количество голубей, дикий гусей, уток, горлиц, воронов, цапель и два вида куропаток...¹¹⁶

Естественно, чем больше свободное от людей пространство, тем больше обитает там животных. Иезуит Вербист (1682 г.), путешествовавший по Маньчжурии в составе колоссальной, в 100 тыс. лошадей, свиты китайского императора, ворча и валясь с ног от усталости, присутствовал при фантастических охотах: за один только день было убито 1000 оленей и 60 тигров¹¹⁷. На острове Маврикий, в 1639 г. еще не имевшем населения, горлицы и зайцы настолько многочисленны и настолько непуганы, что их ловят руками¹¹⁸. Во Флориде в 1690 г. диких голубей, попугаев и прочих птиц было такое огромное количество, «что отсюда часто вывозят полными кораблями яйца и птицу»¹¹⁹.

Конечно же, в Новом Свете все выглядит как преувеличение. Здесь в изобилии существуют необитаемые зоны (*despoblados*), а между ними на огромных расстояниях друг от друга рассеяны немногие маленькие городки. На территории будущей Аргентины для переезда из Кордовы в Мендосу в 1600 г. Лисарраге, епископу Сантьяго-де-Чили, потребовалось 20 дней при той скорости, с какой двигались 12 больших деревянных повозок, влекомых 30 парами быков¹²⁰. Здесь было мало местных животных, если исключить страусов, лам и дальше к югу — морских коров¹²¹. Напротив, пустующие земли были заняты животными, завезенными из Европы (лошади, крупный рогатый скот), которые размножились в изобилии сами по себе. Огромные стада диких быков проложили по равнине постоянные пути сезонных передвижений; вплоть до XIX в. эти быки будут пастись на свободе. Табуны диких лошадей, сливаясь друг с другом, порой кажутся на горизонте какими-то холмами неопределенных очертаний. Разве не забавна воспринятая Лисаррагой всерьез история о промахах новичков в Америке (*chapetones*), над которыми всегда с полным правом потешается старожил (*baquiano*)? В пампе, где нет ни кусочка дерева, даже

Охота на кабана в Баварии с помощью рогатины и огнестрельного оружия (1531 г.)
Баварский Национальный музей, Мюнхен.

¹²² Lizarraga R. *Op. cit.*, II, p. 642.

¹²³ Kirchner W. *Eine Reise durch Sibirien* [relation de Fries]. 1955, S. 75.

¹²⁴ Русские начали ее обследовать с 1696 г. (Abbé Prévost. *Op. cit.*, XVIII, p. 71.)

«размером с мизинец», такой «новенький» вдруг замечает вдали небольшой холмик (*monte*) и приходит в восторг: «Скорее туда, нарубим дров!»^{122...}

Можно было бы ограничиться этим анекдотом. Но для охотников до ярких картинок есть истории и получше, скажем о Сибири, открывшейся для русских в то же самое время, когда Америка открылась для западных европейцев. Весной 1776 г. русские офицеры слишком рано выехали из Омска и оказались на пути в Томск, когда начали вскрываться реки. Пришлось спускаться по Оби на импровизированном суденышке из выдолбленных древесных стволов, связанных вместе. Это опасное плавание тем не менее оказалось, по словам описавшего его военного врача, швейцарца по происхождению, занимательным. «Я насчитал по меньшей мере 50 островов, на которых было так много лисиц, зайцев и бобров, что можно было видеть, как они подходят к самой воде... Мы имели удовольствие увидеть медведицу с четырьмя медвежатами, прогуливавшуюся вдоль реки». Прибавьте к этому «ужасающее количество лебедей, журавлей, пеликанов, диких гусей... разнообразных диких уток, особенно красных... Болота кишат выпями, бекасами, а в лесах полно водяных курочек, глухарей и другой птицы... После захода солнца эти тучи пернатых своими криками поднимали такой страшный шум, что мы не могли расслышать слов друг друга»¹²³. На окраине Сибири огромный, почти незаселенный полуостров Камчатка с начала XVIII в. начинает понемногу оживать¹²⁴. Пушнина привлекает сюда охотников и куп-

цов; эти последние доставляют шкурки в Иркутск, а оттуда меха попадают либо в Китай через расположенную по соседству ярмарку в Кяхте, либо в Москву, а оттуда на Запад. Мода на котиковый мех восходит к этому времени, прежде его использовали для одежды только аборигены и охотники. Как только цены подскочили, охота приобрела неожиданно гигантский размах. Около 1770 г. она превратилась в огромное организованное мероприятие. Суда, построенные и снаряженные в Охотске, имеют многочисленные экипажи, так как аборигены, с которыми слишком часто обходились жестоко, враждебны; случается, что они убивают людей, сжигают судно. С другой стороны, необходимо брать с собой продовольствие на четыре года, завозить издалека сухари и крупы. Отсюда – огромные затраты на продовольственное снабжение, что отдаст предприятие во власть далеких иркутских купцов: посредством системы паев они делят расходы и прибыли. Плавание охватывает район до дуги Алеутских островов и может продолжаться 4–5 лет. Охота производится в устьях рек, где котики буквально кишат. «Траппер» – *промышленник* – либо преследует в лодке животных, которым приходится подниматься на поверхность для вдоха, либо дожидается образования первого припая: на нем охотники и собаки легко достигают котиков, столь неповоротливых на суше, и, двигаясь от одного к другому, оглушают их на бегу, с тем чтобы потом добить. Иной раз участки припая отрываются от берега, унося в открытое море охотников, собак и туши котиков. Случается, что корабль, затертый льдами в северных морях, остается без дров и продовольствия. Команде приходится питаться сырой рыбой. Но эти трудности не останавливают нарастающего притока охотников¹²⁵. Около 1786 г. в северной части Тихого океана появляются английские и американские суда. В этих условиях Камчатка быстро теряет все поголовье этих прекрасных животных; охотникам придется идти все дальше, к американскому побережью, вплоть до широты Сан-Франциско, где в начале XIX в. русские столкнутся с испанцами. Но «большая история» не слишком этим заинтересуется.

Даже к концу XVIII в. на огромных пространствах мира встречается своего рода первобытная жизнь животного мира, и человек, появляющийся посреди этого рая, оказывается здесь трагической инновацией. Только меховой лихорадкой можно объяснить то, что 1 февраля 1793 г. корабль «Лайон», доставлявший в Китай посла Макартни, обнаружил на острове Амстердам в Индийском океане, почти на 40-м градусе южной широты, пятерых чудовищно грязных обитателей, трех французов и двух англичан. Бостонские суда, которые торгуют в Кантоне шкурами американских бобров или шкурами нерпы, добытыми на самом острове, высадили этих пятерых во время предыдущего рейса. И те устроили гигантское побоище: 25 тыс. животных за один летний сезон. Но тюлени были не единственными представителями островной фауны, здесь были также пингвины, киты, акулы плюс бесчисленные рыбы. «Несколько лесок с несколькими крючками на каждой было достаточно, чтобы добыть столько рыбы, что ее хватало для пропитания команды «Лайона» в течение целой недели». А у впадения в океан пресно-

¹²⁵ A. E., M. et D., *Russie*, 7, 1774, f°s 235–236; Georgi J. G. *Bemerkungen einer Reise im Russischen Reich*, 1, 1775, p. 22–24.

Охота в Персии
в XVII в. с
использованием
соколов, копий,
сабель и ружей.
Дичь в изобилии.
Фрагмент
миниатюры.
Музей Гиме.
(Фото Ж. А. Лаво.)

водных потоков было полным-полно линей, окуней, так же как и раков. «Матросы опускали в воду корзины с приманкой из акульего мяса и через несколько минут вытаскивали эти корзины, наполовину наполненные раками...» И прочие чудеса: пернатые – желтоклювые альбатросы, большие черные буревестники, так называемые «серебряные птицы», голубые буревестники – ночные птицы, их преследуют хищные птицы и охотники за тюленями, которые их приманивают, зажигая факелы, и «истребляют во множестве... они даже служат котиколовам основной пищей, и те говорят, что их мясо превосходно. Голубой буревестник размером примерно с голубя...»¹²⁶

По правде говоря, до XVIII в., пожалуй, где угодно можно было раскрыть «книгу джунглей». Разумно будет ее закрыть, чтобы в ней не заблудиться. Но какое же она свидетельство слабостей человека при расселении его по свету!

¹²⁶ Macartney G. *Op. cit.*,
I, p. 270–275.

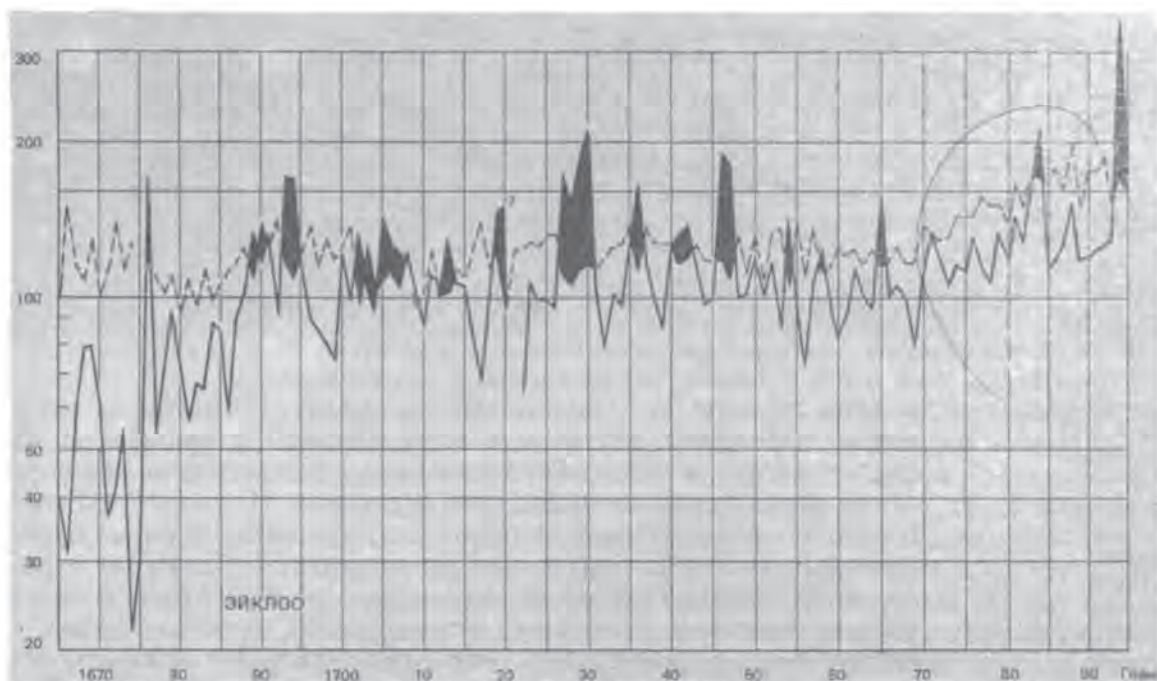
ЗАВЕРШЕНИЕ БИОЛОГИЧЕСКОГО СТАРОГО ПОРЯДКА С НАСТУПЛЕНИЕМ XVIII в.

Что в XVIII в. рухнуло как в Китае, так и в Европе, так это биологический Старый порядок – совокупность необходимостей, препятствий, структур, отношений, количественных показателей, которые до того были нормой.

РАВНОВЕСИЕ ВСЕГДА ТОРЖЕСТВУЕТ В ИТОГЕ

Между движением рождений и смертей происходит нескончаемая игра. В целом при Старом порядке все завершается равновесием: оба коэффициента – рождаемости и смертности – располагаются рядом, на уровне 40%. То, что приносит жизнь, отбирает обратно смерть. Если в 1609 г. в маленькой общине Ла-Шапель-Фужере, ныне вошедшей в состав предместий Ренна, по данным записей в церковных книгах, состоялось 50 крещений¹²⁷, то можно, исходя из цифры 40 рождений на 1000 жителей (т. е. умножив число крещений на 25), предположить, что

127 См. исследование П. Губера (Goubert P.) – неизданные труды Практической школы высших исследований, VI секции.

Демографические показатели в старину.

крещения и погребения

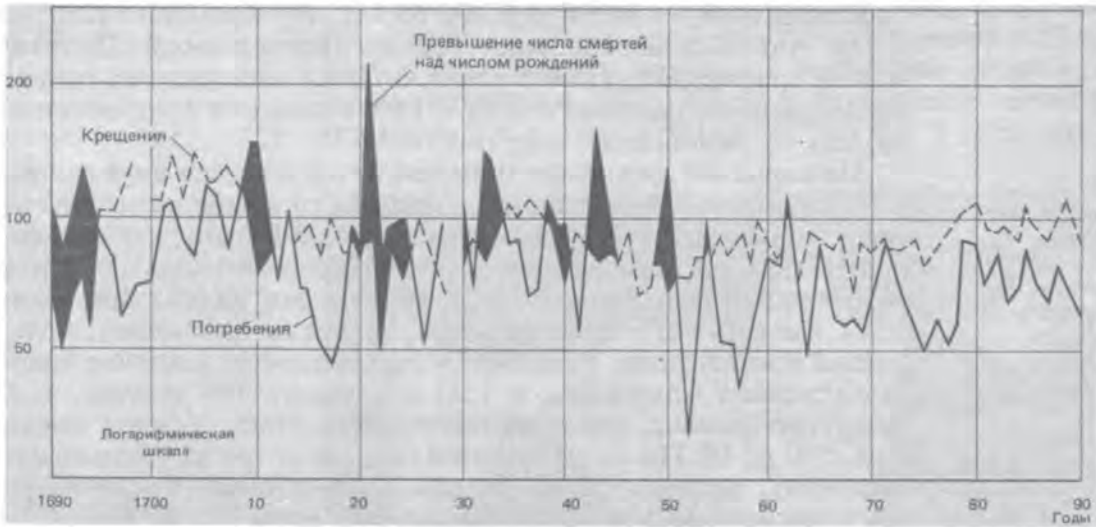
Три примера:

А – город во Фландрии

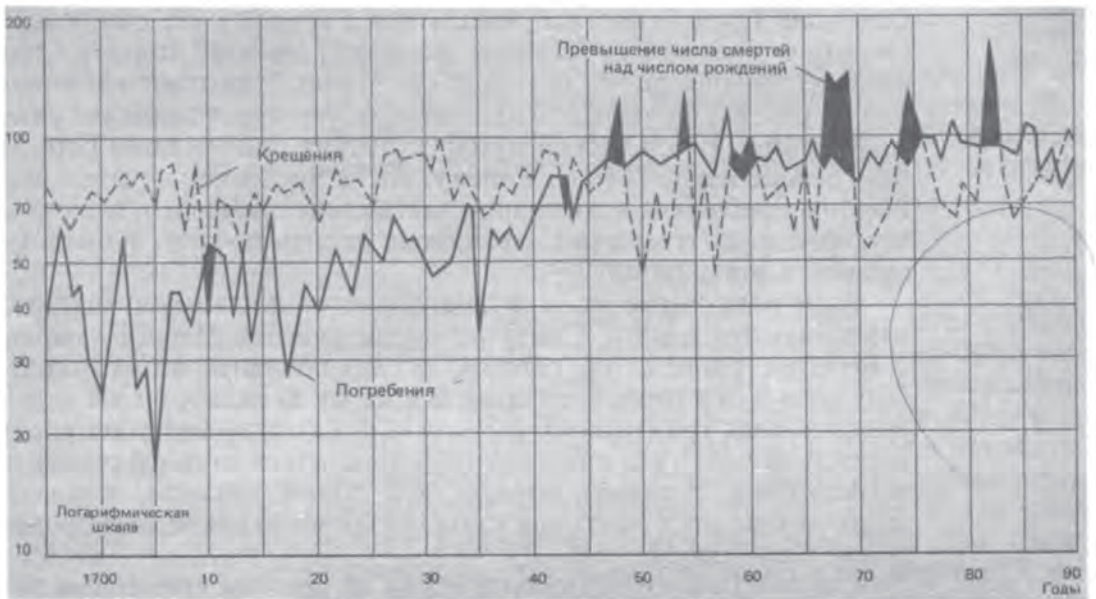
В – город в Нижнем Провансе

С – город в Бовези

А

B

C

Эти примеры среди сотен других показывают соотношение между смертностью и рождаемостью. Черные пики соответствуют периодам превышения смертности над рождаемостью.

С XVIII в. число их уменьшается, хотя и не без исключений, как, скажем, в Эраге (график В).

См. также скачки смертности во Франции в 1779 и 1783 гг. (график на с. 87).

[Графики составлены по данным М. Морино и А. де Во (А), Р. Баерели (В), П. Губера (С).]

население этой большой деревни составляло примерно 1250 человек. Английский экономист Уильям Петти в своей «Политической арифметике» (1690 г.) подсчитывал население на основе числа смертей, умножая его на 30 (что означает в конечном счете легкую недооценку смертности)¹²⁸.

На коротких временных отрезках актив и пассив идут голова в голову: если одерживает верх один из соперников, то другой сразу же реагирует. В 1451 г. чума унесла в Кёльне, как нам сообщают, 21 тыс. человек; а в последовавшие за этим годы здесь состоялось 4 тыс. браков¹²⁹. Даже если эти цифры преувеличены, как есть все основания полагать, все же наблюдается очевидная компенсация. В Зальцведеде, маленьком местечке бранденбургского Альтмарка, в 1581 г. умирает 790 человек, т. е. вдесятеро больше, чем в обычное время. Число браков снизилось с 30 до 10. Но на следующий год, несмотря на уменьшение населения, состоялось 30 браков, за которыми последовали многочисленные компенсирующие рождения¹³⁰. В Вероне в 1637 г., сразу же после чумы, которая, как говорят, унесла половину населения (правда, хронисты охотно преувеличивают), солдаты гарнизона, почти все – французы, и достаточно многочисленные, чтобы уцелеть при эпидемии, женятся на вдовах, и жизнь вновь вступает в свои права¹³¹. Сильно пострадавшая от бедствий Тридцатилетней войны вся Германия по окончании смутного времени переживает демографический подъем. Это феномен компенсации, который оказывает благотворное влияние на страну, на четверть или наполовину опустошенную ужасами войны. Итальянский путешественник, посетивший Германию вскоре после 1648 г., в эпоху, когда численность населения Европы пребывала в состоянии застоя или снижалась, отмечал, что «было мало мужчин, способных носить оружие, но ненормально много детей»¹³².

Если равновесие не восстанавливается достаточно быстро, вмешиваются власти. Сразу же после ужасной Черной смерти в Венеции, ранее столь ревниво ограничивавшей возможность обосноваться в городе, щедрый декрет от 30 октября 1348 г. даровал полное гражданство (*de intus et de extra*) любому лицу, которое прибудет туда в течение года поселиться со своей семьей и имуществом. Впрочем, города, как общее правило, и живут лишь за счет этих притоков извне. Но обычно последние происходят сами собой.

Следовательно, подъемы и спады на кратких временных отрезках регулярно компенсируют друг друга, как показывает это однообразная двойная кривая рождений и смертей до XVIII в., напоминающая зубья пилы, где бы она ни была вычерчена на Западе, в Венеции или в Бове. Что же до малолетних детей, которые всегда под угрозой, и всех тех, кого ставит под угрозу скудость их ресурсов, то эпидемия весьма быстро «позаботится» об их устранении. Бедняки всегда оказываются первыми жертвами. Эти века проходят под знаком бесчисленных примеров «социально обусловленного уничтожения беззащитных». В 1483 г. в Крепи, возле Санлиса, «третья часть [жителей] сего города нищенствует по стране, а старцы каждодневно умирают на гноищах»¹³³.

¹²⁸ Petty W. *Op. cit.*, p. 185.

¹²⁹ Keyser E. *Bevölkerungsgeschichte Deutschlands*. 1941, S. 302; Schönfelder W. *Die wirtschaftliche Entwicklung Kölns von 1370 bis 1513*. 1970, S. 128–129. Шёнфельдер говорит о 30 тыс. умерших.

¹³⁰ Franz G. *Der Dreissigjährige Krieg und das deutsche Volk*. 1961, S. 7.

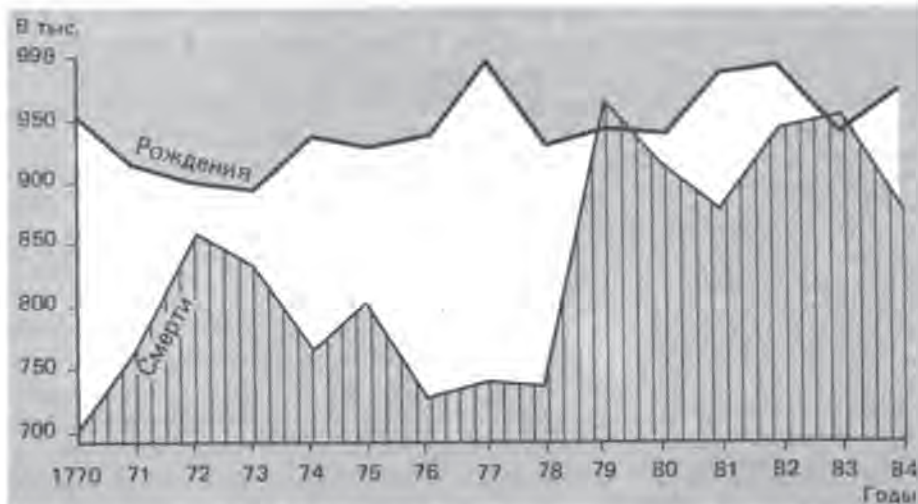
¹³¹ Moscardo L. *Historia di Verona*. 1668, p. 492.

¹³² Franz G. *Op. cit.*, p. 52–53.

¹³³ Guenée B. *Tribunaux et gens de justice dans le bailliage de Senlis à la fin du Moyen Age (vers 1380-vers 1550)*. 1963, p. 57.

Только с XVIII в. жизнь одержит верх над смертью, регулярно опережая с этого времени свою соперницу. Однако сохраняется возможность контратак последней – скажем, в той же самой Франции в 1772–1773 гг. или во время вырвавшегося из таинственных глубин кризиса 1779–1783 гг. (см. график). Эти

Движение французского населения перед Революцией (Извлечение из кн.: Reinhard M. et Armengaud A. *Histoire générale de la population mondiale.*)

еще памятные тревоги показывают ненадежность последующего улучшения, которое оказывается под угрозой, пребывая в зависимости от всегда рискованного равновесия между потребностями в продовольствии и производственными возможностями.

ГОЛОД

На протяжении веков голод возвращается с такой настойчивостью, что становится элементом биологического режима людей, одной из структур их повседневной жизни. Дороговизна и нехватка продовольствия фактически постоянны и хорошо знакомы даже Европе, хотя она и находится в привилегированном положении. Небольшое число чересчур хорошо питающихся богачей ничего не изменяет в этом правиле. И как могло бы быть иначе? Урожайность зерновых невелика. Два плохих урожая, следующих один за другим, ведут к катастрофе. В западном мире, возможно благодаря климату, такие катастрофы нередко смягчаются. То же имеет место и в Китае, где рано развившаяся техника земледелия, сооружение плотин и сети каналов, служивших одновременно для орошения и для перевозок, а затем тщательное устройство рисовых плантаций на Юге, с их двумя урожаями в год, долгое время давали возможность поддерживать некое равновесие, даже после большого демографического взрыва XVIII в. Но не так обстоит дело в Московской Руси, где климат суров и неустойчив, и в Индии, где наводнения и засухи приобретают характер апокалиптических бедствий.

Тем не менее культуры с «чудесной» урожайностью (кукуруза, картофель, к которым мы еще вернемся) прививаются в

Европе лишь с запозданием, да и методы современной интенсивной агрикультуры тоже осваиваются медленно. По этим и иным причинам голод непрерывно посещает и опустошает континент, оставляя после себя пустыни. Нет более печального зрелища, предвещающего катастрофические события середины века (Черную смерть), чем опустошения, вызванные тяжкими голодовками, следовавшими одна за другой с 1309 по 1318 г.: начавшись в Центральной, Северной и Восточной Германии, они распространяются на всю Европу – Англию, Нидерланды, Францию, Южную Германию, Прирейнскую область – и достигают ливонского побережья¹³⁴.

Любой национальный подсчет дает крайне тяжкую картину. Франция, страна привилегированная, если таковая вообще была возможна, познала 10 голодовок в *масштабе всей страны* в X в., 26 – в XI, 2 – в XII, 4 – в XIV, 7 – в XV, 13 – в XVI, 11 – в XVII и 16 голодовок – в XVIII в.¹³⁵ Этот перечень, составленный в XVIII в., естественно, требует всяческих оговорок, но рискует он оказаться лишь слишком оптимистичным. В нем не приняты во внимание сотни и сотни голодовок *локальных*, которые не всегда совпадают с общим бедствием: такие, как в Мене в 1739, 1752, 1770 и 1785 гг.¹³⁶, или такие, как на юго-западе в 1628, 1631, 1643, 1662, 1694, 1698, 1709 и 1713 гг.¹³⁷

То же самое можно было бы сказать о какой угодно стране Европы. В Германии голод настойчиво посещает города и деревни. Даже когда наступают смягчение и благоприятные условия XVIII и XIX вв., катастрофы следуют одна за другой: голод 1730 г. в Силезии, голод 1771–1772 гг. в Саксонии и Южной Германии¹³⁸, голод 1816–1817 гг. в Баварии и за ее пределами; 5 августа 1817 г. город Ульм благодарственными молебствиями отмечал возвращение к нормальной жизни после нового урожая.

Еще статистические данные: Флоренция, расположенная в краю не очень-то бедном, с 1371 по 1791 г. пережила 111 голодных лет против всего лишь 16 очень урожайных¹³⁹. Правда, Тоскана гориста, в ней преобладают виноградники и оливковые деревья, и до XIII в. благодаря своим купцам она могла рассчитывать на сицилийское зерно, без которого не смогла бы прожить.

Впрочем, не будем слишком легковерны, представляя себе, будто одни только города, привыкшие жаловаться, были подвержены этим ударам судьбы. В городах есть свои склады, свои запасы, свои «зерновые конторы» («offices du blé»), закупки за границей и вообще настоящая политика предусмотрительного муравья. Деревни, как это ни парадоксально, часто страдают гораздо больше. Крестьянин, живущий в зависимости от купцов, от городов, от сеньеров, почти не имеет запасов. В случае голода ему не остается другого выхода, как уйти в город, кое-как пристроиться там, нищенствовать на улицах, а часто и умирать там на площадях, как это и происходило еще в XVI в. в Венеции и Амьене¹⁴⁰.

Городам скоро пришлось обороняться от этих постоянных нашествий, в которых участвовали не одни только нуждающиеся из окрестностей, но которые приводили в движение настоящие армии бедняков, порой приходившие очень издалека. В

¹³⁴ Abel W. *Die Wüstungen des ausgehenden Mittelalters*. 1955, S. 74–75.

¹³⁵ Moheau. *Recherches et considérations sur la population de la France*. 1778, p. 264.

¹³⁶ Dornic F. *L'Industrie textile dans le Maine (1650–1815)*. 1955, p. 173.

¹³⁷ Bercé Y.-M. *Histoire des croquants: étude des soulèvements populaires au XVIIe siècle dans le Sud-Ouest de la France*. 1974, 1, p. 16.

¹³⁸ Blaich F. *Die Wirtschaftspolitische Tätigkeit der Kommission zur Bekämpfung der Hungersnot in Böhmen und Mähren (1771–1772)*. – «*Vierteljahrschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte*», 56, 3, oct. 1969, p. 299–331.

¹³⁹ «*Almanacco di economia di Toscana del anno 1791*». Firenze, 1791, цит. в: Braudel F. *Médit...*, I, p. 301.

¹⁴⁰ Что касается Венеции см.: A. d. S. Venezia, Brega, 51, f° 312 v°, 1540. Относительно Амьена см.: Deyon P. *Amiens, capitale provinciale. Étude sur la société urbaine au XVIIe siècle*. 1967, p. 114 et note.

1573 г. город Труа увидел, как на его полях и улицах появились нищие-«чужаки», изголодавшиеся, в отрепьях, покрытые вшами и паразитами. Им разрешили остаться там только двадцать четыре часа. Но вскоре буржуа забеспокоились, опасаясь «соблазна» для бедняков самого города и близлежащих деревень. «Дабы их заставить уйти, со всего города собрались в городском совете богатые жители и управители сказанного Труа, желая отыскать способ помочь этой беде. Постановление сего совета было таково, что их надо выставить прочь из города... Того ради повелели испечь весьма много хлеба, дабы раздать его сказанным бедным, коим бы велели собраться у одних из ворот города своего, не открывая тайны; и, выдав каждому по хлебу и по монете, заставили бы их выйти из города через сказанные ворота, каковые закрыли бы за последним из них. А им бы объяснили со стен, чтобы шли они с Богом искать пропитания в иных местах, в сказанный же Труа не возвращались до зерна нового урожая. Что и было сделано. Кто был сильно напуган после данного случая, так это бедняки, изгнанные из города Труа...»¹⁴¹

Эта буржуазная жестокость безмерно усилится в конце XVI в. и еще более в XVII в. Проблемой было лишить бедняков возможности причинить вред. В Париже больных и инвалидов

¹⁴¹ *Mémoires de Claude Haton.* — «Documents inédits de l'histoire de France». II, 1857, p. 727–728.

Джованни делла Роббиа. «Кормление голодающих». Одно из панно терракотового фриза, покрытого эмалью, изображающего различные формы благотворительности (XVI в.). Пистоя, больница Чеппо. (Фототека издательства А. Колэн.)

всегда помещали в госпитали, здоровых же использовали на тяжелых и изнурительных работах по бесконечной очистке городских рвов и канав, притом скованными по двое. В Англии в конце правления Елизаветы появляются «законы о бедных» («*poor laws*»), фактически — законы *против* бедных. Мало-помалу по всему Западу умножается число домов для бедняков и нежелательных лиц, где помещенный туда человек осужден на принудительный труд — в *работных домах* (*workhouses*), как и в немецких «воспитательных домах» («*Zuchthäuser*») или во французских «смирительных домах» («*maisons de force*»), вроде, например, того комплекса полутюрем, который объединила под своим управлением администрация парижского Большого госпиталя, основанного в 1656 г. Это «великое заточение» бедняков, душевнобольных, правонарушителей, сыновей, которых их родители таким способом помещают под надзор, — один из психологических аспектов общества XVII в., общества благоразумного, но беспощадного в своем благоразумии. Но это, быть может, почти неизбежная реакция на возрастание нищеты в том

трудном веке. Многозначительный факт: в Дижоне в 1656 г. городские власти пошли даже на то, чтобы запретить горожанам оказывать частную благотворительность и давать приют бедным. «В XVI в. чужака-нищего лечат или кормят перед тем, как выгнать. В начале XVII в. ему обрезают голову. Позднее его бьют кнутом, а в конце века последним словом подавления стала ссылка его в каторжные работы»¹⁴².

¹⁴² Roupnel G. *Op. cit.*, p. 98.

Испанские солдаты, оборванные и изголодавшиеся, во время осады Эр-на-Лисе; на заднем плане – укрепления города. Фрагмент картины Питера Снайерса, 1641 г. (Фото Орноз.)

Такова картина в Европе. В Азии – в Китае, в Индии – все обстоит гораздо хуже: там голодовки выглядят чуть ли не как конец света. В Китае все зависит от риса южных провинций, в Индии – от спасительного риса Бенгала, от пшеницы и проса северных областей; но все это надо доставлять на громадные расстояния. И каждый удар влечет за собой далеко идущие последствия. Голод 1472 г., который сильно ударил по Декану, вызвал широкую эмиграцию уцелевших от бедствия в Гуджарат и Малву¹⁴³. В 1555 и 1596 гг. во время сильного голода, охватившего всю Северо-Западную Индию, наблюдались, по словам хронистов того времени, сцены людоедства¹⁴⁴.

И такой же ужасный голод обрушился на Индию в 1630–1631 гг., охватив почти всю страну. Один голландский купец оставил нам ужасающее его описание. «Люди бродят тут и там, – пишет он, – не имея пристанища, покинув свой город или свою деревню. Их состояние видно сразу же: глубоко запавшие глаза, бесцветные губы, покрытые пеной, иссохшая кожа, под которой проступают кости, живот, висящий словно пустой мешок. Иные плачут или воют от голода. Другие в агонии валяются на земле». К этому добавляются обычные драмы: оставление жен и детей, продажа детей родителями, или же родители,

¹⁴³ Appadorai A. *Economic Conditions in Southern India (1000–1500 A. D.)*. 1936, p. 308.

¹⁴⁴ Moreland W. H. *Op. cit.*, p. 127–128.

чтобы выжить, продают себя сами, коллективные самоубийства... и тогда изголодавшиеся люди вскрывают животы мертвых или умирающих «и поедают их внутренности». Наш купец продолжает: «Сотни и сотни тысяч людей умирали, так что страна была вся покрыта трупами, остававшимися без погребения. От них шло такое зловоние, что воздух был наполнен и заражен им... в одной деревне человечина продавалась на рынке»¹⁴⁵.

Даже когда документы не содержат таких подробностей, довольно бывает одной детали, чтобы вызвать ужас. В 1670 г. персидский посол, посетивший могольского императора Аурангзеба, возвращается домой в сопровождении «бесчисленных рабов» (правда, всех их у него отнимут на границе), которых «он получил почти даром *по причине голода*»¹⁴⁶.

Если вернуться в привилегированную Европу, то туда прибываешь закаленным, утешенным или покорным судьбе, как будто возвратясь из путешествия на край ночи. Подобные ужасы действительно встречаются там лишь в ранние, темные века западного средневековья или же на восточных ее окраинах, где наблюдается подобное отставание. Если, как пишет один историк, мы хотим судить «о катастрофах истории по числу жертв, которые они уносят, то голод 1696–1697 гг. в Финляндии должно рассматривать как самое жуткое событие европейской истории»: тогда исчезла четверть или треть ее населения¹⁴⁷. Восток оказывается худшей частью Европы. Голод продолжает долго свирепствовать там и после XVIII в., невзирая на отчаянные попытки справиться с ним, прибегая к «пище голодных времен» – диким травам и плодам, одичавшим культурным растениям, которые находят среди полевых, садовых и луговых сорных трав или на лесных опушках.

Однако эта ситуация иной раз вновь возникает и в Западной Европе, особенно в XVII в., в «малый ледниковый период». В 1662 г. в районе Блуа, как сообщает один свидетель, «подобной нищеты не видели в течение пяти столетий». Пища бедняков состояла из «капустных кочерыжек с отрубями, вымоченных в тресковом рассоле»¹⁴⁸. Именно в том же году бургундские выборные* в своих ремонтрансах королю докладывали, что «голод этого года пресек или обрек на смерть более 10 тыс. семей Вашей провинции, а треть жителей даже добрых городов вынудил питаться травой»¹⁴⁹. Хронист добавляет к этому: «Некоторые из них там ели человечину»¹⁵⁰. Десятью годами раньше, в 1652 г., другой хронист, священник Машере, отмечал, что «народ Лотарингии и прочих окрестных мест доведен до столь великой крайности, что люди поедают траву на лугах, как животные, особенно жители деревень Пуйи и Парно в Бассиньи... и они черны и тощи как скелеты»¹⁵¹. Один бургундец сообщал, что в 1693 г. «дороговизна зерна по всему королевству была столь велика, что люди там умирали с голоду»; в 1694 г. около Мёлана урожай собрали до того, как созрели хлеба, ибо «множество людей жило, питаясь травой, как животные». В 1709 г. страшная зима выгнала на все дороги Франции бесчисленных бродяг¹⁵².

Конечно, эти черные картины не следует помещать одну

¹⁴⁵ Описание Ван Твиста, цит. по: Moreland W. H. *From Akbar to Aurangzeb*. 1923, p. 211–212.

¹⁴⁶ Bernier F. *Voyages... contenant la description des États du Grand Mogol...* 1699, I, p. 202.

¹⁴⁷ Jutikkala E. *Art. cit.*, p. 48.

¹⁴⁸ Clément P. *Histoire de la vie et de l'administration de Colbert*, 1846, p. 118.

* Выборные

(élus) – члены выборных коллегий (*élections*), были помощниками интенданта в раскладке податей. – *Прим. ред.*

¹⁴⁹ Roupnel G. *Op. cit.*, p. 35, note 104.

¹⁵⁰ *Journal de Gaudefet*.

Ms. 748, Bibl. Dijon,

p. 94, цит. в кн.:

Roupnel G. *Op. cit.*, p. 35, note 105.

¹⁵¹ *Journal de Clément Macheret... curé d'Horthes (1628–1658)*. P. p.

E. Bougard, 1880, II,

p. 142.

¹⁵² Saint-Jacob P. *Op. cit.*, p. 196.

Мурильо. «Милостыня
Диего де Алькала»
(1645 г.). В группе
детей и стариков
нищий протягивает
свою миску. (Фото
Андерсона – Жиродона.)

вслед за другой. И все же не будем слишком оптимистичны! Недостаток продовольствия и болезни, которые он за собой влечет, — цинга, особенно «расцветшая» с началом великих морских путешествий; пеллагра, в особенности в XVIII в., как следствие питания одной только кукурузой; бери-бери в Азии, — все это признаки безошибочные. Не может ввести в заблуждение и устойчивое сохранение похлебок и супов в питании народа или хлеб, смешанный с разными низкосортными добавками и выпекаемый лишь с большими, в один-два месяца, промежутками. Почти всегда он бывал плесневелым и черствым. В некоторых

¹⁵³ В миланских деревнях еще в 1867 г. его выпекали раз или два в месяц. (Mantegazza P. *Igiene della cucina*. 1867, p. 37).

областях его рубили топором. В Тироле хлеб с добавкой дробленого зерна, предназначенный для очень долгого хранения, выпекался дважды или трижды в году¹⁵³. «Словарь Треву» (1771 г.) без околичностей утверждает: «Крестьяне обычно довольно глупы, ибо питаются они лишь грубой пищей».

ЭПИДЕМИИ

Плохой урожай – это еще куда бы ни шло. Но дальше подсакивают цены, наступает голод, и он никогда не приходит один: рано или поздно он открывает путь эпидемиям, у которых, конечно же, есть и свой собственный ритм¹⁵⁴. Главным, наводящим ужас действующим лицом выступает чума – «многоглавая гидра», «странный хамелеон», – столь различная в своих формах, что современники, не слишком присматриваясь к ним, смешивают ее с другими заболеваниями. Самый видный персонаж пляски смерти, она – явление постоянное, одна из структур жизни людей.

¹⁵⁴ Замечание банальное, но получившее удачное подтверждение у Э. Флорескано (Florescano E. *Precios del maiz y crisis agricolas en México, 1708–1810*. 1969), который сопоставил (табл. на с. 161) даты голодовок и различных эпидемий в Мексике XVIII в.

¹⁵⁵ Tissot S. *Avis au peuple sur sa santé*. 1775, p. 221–222.

¹⁵⁶ Grmek M. D. *Préliminaires d'une étude historique des maladies*. – *Annales, E. S. C.*, 1969, № 6, p. 1473–1483.

¹⁵⁷ Roupnel G. *Op. cit.*, p. 28–29.

¹⁵⁸ Mercier L. S. *Op. cit.*, III, p. 186–187.

Но по правде чума – лишь одна из болезней среди множества других. Она примешивается к их странствиям и к частому заражению ими благодаря социальной скученности, крупным скоплениям людей, в которых болезнь затаивается и дремлет, а потом в один прекрасный день происходит новая ее вспышка. Можно было бы написать целую книгу о густонаселенных цивилизациях, эпидемиях и эндемиях и о ритме, в котором исчезают, а потом возвращаются эти свирепые путешественницы. Если говорить об одной только оспе, то медицинское сочинение 1775 г., когда уже говорили о прививках, оценивает ее как «самую распространенную из всех болезней»: из каждых 100 человек она поражает 95, и один из семи заболевших умирает¹⁵⁵.

Но сегодняшней медик почти не смог бы поначалу ориентироваться среди этих заболеваний, замаскированных их тогдашними названиями и порой вводящими в заблуждение описаниями их симптомов. Кстати сказать, ничто не дает нам права утверждать, что такие заболевания всегда были сопоставимы с теми, какие нам известны сегодня, ибо болезни видоизменяются, они имеют свою собственную историю, зависящую от возможной эволюции микроорганизмов и вирусов и от изменения человеческой среды, в которой они обитают¹⁵⁶. Только случай позволил недавно (1922 г.) Гастону Рупнелю с помощью одного паразитолога из числа его друзей обнаружить переносимый вшами сыпной тиф, свирепствовавший в XVII в. в Дижоне и других местах под названием «пурпурной (или алой) лихорадки»¹⁵⁷. Это та самая «алая лихорадка», которая около 1780 г. «косила сотнями бедных парижан в Сен-Марсельском предместье... У могильщиков опускались руки»¹⁵⁸. Но вопрос о «пурпуре» еще не решен окончательно.

Что бы подумал сегодняшней практикующий врач об описанной Ги де Шолиаком (чья «Великая хирургия» выдержит с 1478 по 1895 г. 69 изданий) «чуме» 1348 г., с ее двумя характерными периодами: первый, довольно длительный (до двух месяцев), – лихорадка и кровохарканье; второй – абсцессы и ле-

гочные явления? Или же об этой эпидемии 1427 г., получившей в Париже малопонятное прозвище «ладендо» и описываемой как неизвестное заболевание: «Начиналась она с почек, как будто человек испытывал очень сильную почечную колику, а затем следовали озноб и дрожь, так что неделю или десять дней он не мог как следует ни пить, ни есть, ни спать». К этому добавлялся «кашель, настолько сильный, что, находясь на проповеди, невозможно было слышать, что говорит проповедник, из-за громкого кашля прихожан»¹⁵⁹. Несомненно, речь шла о гриппе, вызванном особым вирусом, типа гриппа, прозванного «испанкой» после первой мировой войны, или «азиатского гриппа», обрушившегося на Европу в 1956–1958 гг. ...Или вот еще болезнь, которую описывает нам л'Этуаль: «В начале апреля [1595 г.] король [Генрих IV] сильно заболел острым воспалением слизистой, которое обезобразило все его лицо. Такие воспаления царили в Париже по причине больших холодов, стоявших несмотря на время года: от них воспоследовало несколько странных и внезапных смертей, с чумой [курсив наш], которая распространилась в разных частях города. Все сие были бичи господни, и от них не было спасения ни для великих, ни для малых»¹⁶⁰. Зато сегодня исчезла болезнь, которая опустошала Англию с 1486 по 1551 г., – *просяная лихорадка*. Она поражала разом как сердечное, легочное и ревматическое заболевание, и больные, страдавшие сильным ознобом и обильным потоотделением, часто умирали в несколько часов. Пять крупных эпидемий – в 1486, 1507, 1518, 1529 и 1551 гг. – унесли бесчисленные жертвы. Любопытно, что, начинаясь почти всегда в Лондоне, они не затронули на Британских островах ни Уэльс, ни Шотландию. И только особенно сильная эпидемия 1529 г. распространилась на континент, пощадив Францию, но обрушившись на Фландрию, Голландию, Германию, вплоть до швейцарских кантонов¹⁶¹.

Но какую болезнь можно узнать в «незаразной» эпидемии августа 1597 г. в Мадриде, которая вызывала, как нам сообщают, опухоли в паху, под мышками, в горле? Как только наступала лихорадка, больные через пять-шесть дней выздоравливали и медленно приходили в себя либо очень быстро умирали. Это, кстати сказать, были бедняки, жившие в сырых домах и спавшие прямо на земле¹⁶².

Другая трудность: болезни приходят вместе, «у них нет почти ничего общего между собой, кроме инфекции, – таковы дифтерит, холерина, брюшной тиф, «колючка» («picotte»), оспа, алая лихорадка, «шишка» («bosse»), «дендо» («dendo»), «так» («tac»), или «арион» («hagion»), европейская холера, или «горячка», да еще коклюш, скарлатина, гриппы, инфлуэнца...»¹⁶³. Этот перечень, составленный для Франции, с некоторыми вариантами можно обнаружить и в других странах. В Англии распространенные болезни – это перемежающаяся лихорадка, английская просяная лихорадка, хлороз, или «зеленая болезнь», желтуха, истощение, эпилепсия, ревматизм, мочекаменная болезнь, желчекаменная болезнь¹⁶⁴.

Представим себе слабую сопротивляемость плохо питающегося и плохо защищенного населения перед этим массиво-

¹⁵⁹ Pasquier E. *Les Recherches de la France*. 1643, p. 111.

¹⁶⁰ Lestoile P. *Mémoires et Journal...* – «*Mémoires pour servir à l'histoire de France*», 2e série, t. I, 1837, p. 261.

¹⁶¹ Haeser H. *Lehrbuch der Geschichte der Medicin*. III, 1882, S. 325 sq.

¹⁶² A. d. S. Genova, Spagna, 11, Cesare Giustiniano – Doge, Madrid, 21 agosto 1597.

¹⁶³ Stein H. *Comment on luttait autrefois contre les épidémies*. – «*Annuaire bulletin de la société de l'histoire de France*», 1918, p. 130.

¹⁶⁴ Jones-Davies M. T. *Un Peintre de la vie londonienne*. Thomas Dekker. 1958, p. 334–335.

ванным давлением! Признаюсь, меня наполовину убедила то-сканская поговорка, которую я часто приводил: «лучшее средство от малярии – хорошо наполненный котелок». Ведь по неопровержимому свидетельству очевидца, в России во время голода 1921–1923 гг. малярия вспыхнула по всей стране, обнаруживая одни и те же симптомы что в тропических областях, что рядом с Полярным кругом¹⁶⁵. Совершенно очевидно, что недоедание было «множителем» заболеваний.

Еще одно правило, не знающее исключений: эпидемия перескакивает от одного человеческого массива к другому. Алонсо Монтекуколи, которого великий герцог Тосканский отправил в Англию, проедет, как он пишет 2 сентября 1603 г., через Булонь, а не через Кале, куда, следуя логике торговых связей, только что «просочилась» чума из Англии¹⁶⁶. Это – лишь маленький пример наряду с теми мощными движениями, которые приносят на Запад чуму из Китая и Индии через всегда активно действующие транзитные пункты в Константинополе и Египте. Туберкулез тоже давно привычен для Европы: Франциск II (туберкулезный менингит), Карл IX (туберкулез легких), Людовик XIII (туберкулез кишечника) служат тому доказательством (1560, 1574, 1643 гг.). Но с XVIII в. в Европе обосновалась форма туберкулеза, пришедшая, вероятно, из Индии, – форма, которая окажется более вирулентной, чем та, что свирепствовала до того. Во всяком случае, она будет самым стойким заболеванием в Европе периода романтизма и всего XIX в. Опять-таки в Индии холера, существовавшая здесь как эндемическое заболевание (она вызывалась бациллой-вибрионом), в 1817 г. распространилась на весь полуостров, а затем вышла за его пределы, приняв масштабы сильной и страшной пандемии, вскоре докатившейся до самой Европы.

Вот еще один гость, и на сей раз именно на протяжении тех веков, которые служат нам объектом наблюдения: сифилис. В

Лечение сифилиса прижиганием. С гравюры на дереве конца XV в. Национальная библиотека, Кабинет эстампов.

сущности, он восходит к доисторической эпохе, его следы несут на себе еще первобытные скелеты. Клинические случаи известны до 1492 г. Но скачок в распространении сифилиса начинается со времени открытия доколумбовой Америки: как говорили, то был «подарок», мщение побежденных. Из четырех или пяти теорий, которых сегодня придерживаются медики, самой вероятной представляется, быть может, та, которая рассматривает создание или, вернее, «воссоздание» болезни как результат половых сношений между двумя расами (воздействие *treponema pertenue* на *treponema pallidum*)¹⁶⁷. Во всяком случае, болезнь в пугающих масштабах проявляется в Барселоне начиная с торжеств по случаю возвращения Колумба (1493 г.), а затем рас-

¹⁶⁷ Price A. G. *Op. cit.*, p. 162.

Китаец, пораженный сифилисом. Иллюстрация из «Картин различных видов оспы» — живопись на шелке, XVIII в. Национальная библиотека, Кабинет эстампов.

пространяется галопом; это эпидемическая, скорая и смертельная болезнь. За четыре или пять лет она обойдет всю Европу, переходя из страны в страну под обманчивыми названиями: неаполитанская болезнь, французская болезнь, *the french disease* или *lo mal francioso*. Эту терминологическую войну выигрывает Франция в силу своего географического положения. С 1503 г. цирюльники-хирурги Отель-Дье будут с большой претензией утверждать, будто они вылечивают заболевание с помощью прижигания каленым железом. В такой вирулентной форме сифилис достигнет в 1506–1507 гг. Китая¹⁶⁸. Затем благодаря применению ртути он примет в Европе свою классическую смягченную форму, медленно развивающуюся, против которой имеются свои лекарства и свои больницы (*The Spittle* в Лондоне)¹⁶⁹. С конца XVI в. болезнь распространится на всю массу населения, от «нищих» и «нищенок» до сеньеров и государей. Малерб, которого называли Отец Похоть, «похвалялся, что трижды выго-

¹⁶⁸ *Ibid.*, p. 172; Jones-Davies M. T. *Op. cit.*, p. 335, note 229.

¹⁶⁹ См.: Jones-Davies M. T. *Op. cit.*, p. 162.

¹⁷⁰ Цит. по: Grand-Carteret J. *L'Histoire, la vie, les mœurs et la curiosité par l'image... 1450–1900*. 1927, II, p. 322.

¹⁷¹ См.: Antonio Pérez. 1948, 2e édition, p. 50.

¹⁷² Jones-Davies M. T. *Op. cit.*, p. 335.

нял болезнь потом»¹⁷⁰. Знаменитый историк и врач Грегорио Мараньон добавил к обычному диагнозу, поставленному медиками прошлого Филиппу II, наследственный сифилитический фон, который без риска ошибиться можно задним числом приписать всем государям прошлого¹⁷¹. Персонаж театра Томаса Деккера (1572–1632 гг.) высказывает то, что знал в Лондоне каждый: «Насколько верно, что в толпе наверняка есть карманники, настолько наверняка шляхох подцепит клиента в праздник св. Михаила, а после этого – сифилис»¹⁷².

ЧУМА

Огромное «личное дело» чумы не перестает разрастаться, и объяснения накапливаются во все большем числе. Прежде всего, у болезни по меньшей мере две формы. С одной стороны – легочная чума, новая форма болезни, вырвавшаяся на историческую арену с пандемией 1348 г. в Европе. С другой – чума бубонная, более древняя (в паху образуются и загнивают бубоны). Это «метки господни» – *the God's tokens*, или чаще *tokens*, по-французски – *tacs*, напоминающие металлические или кожаные жетоны, которые пускают в обращение торговцы. «Случается, что и один бывает роковым...» Черная (легочная) чума обязана своим появлением вирусу, который переносят блохи крысы вида *Mus Rattus*. А этот вид, как говорили нам вчера, будто бы наводнил Европу и ее зернохранилища сразу же после крестовых походов. Он как будто отомстил за Восток, как в 1492 г. отомстила за едва только открытую Америку бледная спирохета.

Несомненно, нужно отказаться от этого слишком простого морализирующего объяснения. Черная крыса, *Mus Rattus*, отмечена в Европе с VIII в., т. е. с эпохи Каролингов. И точно так же была известна крыса-пасюк, *Mus Decumanus*, якобы вытеснившая черную крысу, изгнав таким образом виновницу эпидемий, ибо сама она не служит переносчиком возбудителей чумы. Наконец, сама черная чума в Центральную Европу пришла не в XIII в., как утверждали, а самое позднее в XI в. К тому же пасюк устраивается в подвалах домов, а домовая крыса живет преимущественно в зернохранилищах, по соседству с запасами, которыми она питается. И их нашествия скорее перекрывают, нежели исключают друг друга.

Все это не означает, что крысы и их паразиты не сыграли своей роли; наоборот, такую роль подтверждает очень тщательное исследование (с привлечением 30 тыс. документов), посвященное вспышкам чумы в Юльзене (Нижняя Саксония) в 1560–1610 гг.¹⁷³ Если отступление болезни в XVIII в. следует объяснять внешними условиями (экзогенными, как сказали бы экономисты), то напомним о замене деревянных домов каменными после больших городских пожаров XVI, XVII и XVIII вв., о возросшей чистоте внутри домов и личной гигиене и об удалении из жилых помещений мелких домашних животных – т. е. об устранении тех условий, которые позволяли вшам кишеть в домах. Но в этой области, где медицинские ис-

¹⁷³ См.: Woehlkens E. *Pest und Ruhr im 16. und 17. Jahr*. 1954.

Крестный ход против чумы, возглавляемый папой римским. Во время процессии падает и умирает один из монахов. «Très Riches Heures du duc de Berry», f° 71 verso. Музей Конде, Шантильи (Фото Жиродона.)

следования продолжают, даже после того, как Йерсен открыл в 1894 г. специфического возбудителя чумы, по-прежнему возможны неожиданности, которые могли бы опрокинуть наши объяснения. Сама бактерия сохраняется в почве некоторых областей Ирана, и именно там ею как будто заражаются грызуны. Итак, не оказались ли эти опасные области в XVIII в. в стороне от тех маршрутов, которые ведут в Европу? Я не решаюсь ни поставить такой вопрос, ни утверждать, что Индия и Китай, столь часто обвиняемые историками, имеют право на признание за ними смягчающих обстоятельств.

Каковы бы ни были причина или причины, но на Западе с XVIII в. бедствие смягчается. Последним ярким его проявлением станет знаменитая марсельская чума 1720 г. Но в Восточной Европе болезнь остается угрожающей: так, в 1770 г. Москва познакомилась с моровым поветрием. Аббат де Мабли напишет около 1775 г.: «Война, чума или Пугачев унесли столько людей, сколько не смог принести раздел Польши»¹⁷⁴. Страшная гостья еще появится в 1783 г. в Херсоне, а в 1814 г. — в Одессе. На территории Европы последние крупные нашествия чумы приходятся, насколько нам известно, не на Россию, а на Балканы — в 1828–1829 и 1841 гг. Речь идет о черной чуме, распространению которой вновь способствовали деревянные дома.

В свою очередь бубонная чума остается эндемичной для жарких и влажных областей: Южного Китая, Индии, для Северной Африки — у самых ворот Европы. Чума в Ороне, та, которую описал Альбер Камю, относится к 1942 г.

Предшествующее краткое изложение ужасающе неполно. Но слишком значительная документация своею массой бросает вызов отдельному историку. Необходима была бы требующая

¹⁷⁴ А. Е., М. et D., Russie, 7, f° 298.

обширных познаний подготовительная работа, для того чтобы составить погодные карты локализации болезни. Они отметили бы ее глубину, ее размах, ее единообразные порывы между 1439 и 1640 гг. Безансон встречался с чумой 40 раз; Доль испытал ее в 1565, 1586, 1629, 1632, 1637 гг., а Савойя – в 1530, 1545, 1551, 1564–1565, 1570, 1580, 1587 гг. В XVI в. она десять раз охватывала весь Лимузен, двадцать два раза находила приют в Орлеане. В Севилье, где бьется тогдашнее сердце мира, болезнь наносит удары удвоенной силы в 1507–1508, 1571, 1582, 1595–1599, 1616, 1648–1649 гг.¹⁷⁵ Всякий раз итог очень тяжел, даже если он и не достигает баснословных цифр, сообщаемых хрониками, даже если случаются «малые» вспышки чумы, а порой и ложные тревоги.

Точные подсчеты для Баварии дают с 1621 по 1635 г. впечатляющие средние цифры: на 100 смертей в нормальный год приходится в «ненормальный» 155 – в Мюнхене, 195 – в Аугсбурге, 487 – в Байрейте, 556 – в Ландсберге и 702 – в Штраубинге. И каждый раз болезнь особенно сильно поражает детей до одного года, и, как правило, больше женщин, чем мужчин.

Все эти цифры надлежит рассмотреть заново, сопоставить одни с другими, так же как важно сопоставить описания и изображения, ибо часто они рисуют одну и ту же картину, перечисляют одни и те же более или менее эффективные меры (карантины, стражу, надзор, ароматические курения, дезинфекции, заставы на дорогах, изоляцию, пропуск, свидетельства о состоянии здоровья – *Gesundheitspässe* в Германии, *cartas de salud* в Испании), те же безумные подозрения, ту же схему *социальных* отношений.

Как только объявляют о случаях заболевания, богачи, если могут, обращаются в поспешное бегство, направляясь в свои загородные дома. Всякий думает лишь о себе. «Эта болезнь делает нас более жестокими друг к другу, чем если бы мы были собаками», – писал в сентябре 1665 г. Семюзл Пепис¹⁷⁶. А Монтень рассказывает, как он, когда на его земли пришла эпидемия, «шесть месяцев служил жалким проводником» своему семейству, блуждавшему в поисках крыши над головой, «семейству, потерянному, внушавшему страх своим друзьям и себе самим и вызывавшему ужас всюду, где оно пыталось осесть»¹⁷⁷. Что касается бедняков, то они остаются одни, согнанные в зараженный город, где государство их кормит, изолирует, где оно их держит взаперти и надзирает за ними. «Декамерон» Боккаччо – это собрание бесед и рассказов, имевших место на вилле близ Флоренции во время Черной смерти. В августе 1523 г. мэтр Никола Версори, адвокат в Парижском парламенте, покинул свое жилище; но в местечке Гранж-Бательер, тогда еще за пределами Парижа, куда он приехал в деревенский дом своих воспитанников, болезнь унесет его жену в три дня – исключение, которое не оспаривает ценности применения обычных предосторожностей. В это лето 1523 г. чума снова ударила в Париже по беднякам. Как писал в своей «Книге разума» тот же самый Версори, «смерть обратилась главным образом против бедных, так что парижских грузчиков, поденщиков, каковые до этой превратности были в Париже во множестве, осталось очень мало... Что до

¹⁷⁵ См.: Chaunu P. *Séville et l'Atlantique*. VIIIe, 1959, p. 290, note 1; Nicolas J. et R. *La Vie quotidienne en Savoie...* 1979, p. 119.

¹⁷⁶ Pepys S. *The Diary*. Ed. Wheatley, 1897, V, p. 55–56.

¹⁷⁷ Montaigne M. *Les Essais*. Éd. Pléiade, 1962, p. 1018–1019.

178 Versoris N. *Livre de raison*. P.p. G. Fagniez, 1885, p. 23–24.

179 Ferrières E., цит. по: Caster G. *Le Commerce du pastel et de l'épicerie à Toulouse, 1450–1561*. 1962, p. 247.

180 Sartre J.-P. – «*Les Temps modernes*», octobre 1957, p. 696, note 15; Nicolas J. et R. *Op. cit.*, p. 123.

квартала Пти-Шан, то весь он был очищен от бедных людей, кои ранее жили там в большом числе»¹⁷⁸. Подобным же образом тулузский буржуа спокойно писал в 1561 г.: «Сказанный заразный недуг всегда набрасывается на бедных людей... Господь по милости своей этим изволит удовлетворяться... Богатые же принимают меры предосторожности»¹⁷⁹. Жан Поль Сартр имел основания написать: «Чума действует лишь как усилитель классовых отношений: она бьет по бедности и шадит богатых». В Савойе после окончания эпидемии богачи, прежде чем вновь поселиться в своих должным образом дезинфицированных домах, вселяют туда на несколько недель беднячку-«испытательницу», которая в качестве подопытной должна, рискуя собственной жизнью, проверить, устранила ли опасность¹⁸⁰.

Чума крупного рогатого скота в 1745 г. Голландский эстамп Й. Эрссена. (Роттердам, Фонд «Атлас ван Столк»)

Чума также усиливает то, что мы назвали бы бегством с постов: эшеваны, должностные лица, прелаты забывают о своих обязанностях. Во Франции парламенты бегут в полном составе – из Гренобля в 1467, 1589, 1596 гг.; из Бордо в 1471, 1585 гг.; из Безансона в 1519 г.; из Ренна в 1563 и 1564 гг. И выглядит вполне естественным, когда в 1580 г. кардинал д'Арманьяк покидает свой город Авиньон, пораженный болезнью, и уезжает в Бедаррид, а потом – в Сорг; и возвратится он в Авиньон лишь после десятимесячного отсутствия, когда всякая опасность исчезнет. Один авиньонский буржуа записывает в своем дневнике: «Он может сказать обратное сказанному в Евангелии – *Я пас-тырь и не знаю овец своих*»¹⁸¹. Так что не станем задним числом обвинять мэра Бордо Монтеня, который во время эпидемии 1585 г. не возвратился на свой пост, или Франсуа Драгоне де Фогасса, богатого авиньонца итальянского происхождения, который в своих арендных договорах предусматривал возможность того, что ему придется, оставив город, поселиться у своих

181 Stein H. *Art. cit.*, p. 133.

арендаторов (что он и сделает в 1588 г. во время новой вспышки чумы). «В случае заразы, каковой, не приведи Господь, они [арендаторы] обязуются предоставить мне комнату в доме... и я смогу поставить в конюшню своих лошадей для приезда и отъезда, а они обязуются предоставить кровать для меня»¹⁸². Когда в Лондоне в 1664 г. объявилась чума, двор покинул город, направившись в Оксфорд; самые богатые со своими семьями, слугами и наспех собранным багажом поспешили сделать то же самое. В столице больше не было тяжб: «все законники были за городом», 10 тыс. домов было покинуто, двери и окна иных из них были забиты накрест сосновыми досками, а дома, обреченные болезни, — помечены красными крестами¹⁸³. Подумать только, до какой степени рассказ Даниэля Дефо об этой последней лондонской чуме, излагаемый ретроспективно, в 1720 г., соответствует обычной схеме, однообразно повторявшейся тысячи раз: те же поступки (мертвецов «по большей части швыряют в телегу, как простой навоз»)¹⁸⁴, те же предосторожности, то же отчаяние и та же социальная дискриминация¹⁸⁵.

В современную эпоху ни одно заболевание, каковы бы ни были действительные опустошения от него, не влечет за собой подобного безумия и таких коллективных драм.

Так, посетим Флоренцию в обществе точного в своих описаниях мемуариста, который уцелеет от чумы 1637 г., по правде сказать самого большого приключения в его жизни. Читая его, видишь вновь забаррикадированные дома, закрытые для движения улицы, по которым ездит лишь служба, доставляющая продовольствие, или пройдет какой-нибудь священник, но чаще всего — безжалостные дозоры или, в виде исключения, проедет карета некоего избранного, которому было дано разрешение на какое-то время покинуть ограду собственного дома. Флоренция мертва: никаких дел, никаких религиозных служб, за исключением какой-нибудь случайной мессы, которую священник служит на перекрестке и за которой заточенные в домах тайком наблюдают из окон¹⁸⁶.

В «Милосердном капуцине» отца Мориса де Толона перечислены в связи с чумой в Генуе в 1656 г. необходимые предосторожности: не разговаривать с подозрительным горожанином, стоя так, чтобы на тебя дул ветер с его стороны; жечь ароматические вещества для дезинфекции; стирать, а того лучше — сжигать одежду и белье подозрительных на заболевание; в особенности же — молиться и, наконец, усилить полицию¹⁸⁷. Представим себе на фоне этих замечаний Геную, богатейший город, подвергающийся тайному разграблению, ибо его богатые дворцы покинуты. А груды мертвецов скапливаются на улицах, и нет иного средства избавиться от этих трупов, как грузить их на лодки, которые выводят в открытое море, чтобы там сжечь. Могу признаться, что я, специалист по XVI в., давно уже удивлялся и все еще удивляюсь зрелищу зачумленных городов следующего столетия и их страшным потерям. Невозможно отрицать, что ситуация ухудшалась от века к веку. В Амстердаме чума царит ежегодно с 1622 по 1628 г.; итог — 35 тыс. умерших. В Париже она присутствует в 1612, 1619, 1631, 1638, 1662 и в по-

¹⁸² Comte de Forbin. *Un gentilhomme avignonnais au XVIe siècle. Francois-Dragonet de Fogasses, seigneur de la Bastie (1536–1599).* — «Mémoires de l'Académie de Vaucluse», 2e série, IX, 1909, p. 173.

¹⁸³ Defoe D. *Journal de l'année de la peste, 1722.* Ed. Joseph Aynard, 1943, p. 24, 31, 32, 48, 66.

¹⁸⁴ *Ibid.*, préface, p. 23, цит. по: Grumble T. *La vie du général Monk.* 1672, p. 264.

¹⁸⁵ См. по этому поводу прекрасную статью: Baehrel R. *Épidémie et terreur: histoire et sociologie.* — «Annales historiques de la Révolution française», 1951, № 122, p. 113–146.

¹⁸⁶ Venezia, Marciana, Ms. ital., III, 4.

¹⁸⁷ Père de Tolon M. *Préservatifs et remèdes contre la peste, ou le Capucin charitable.* 1668.

¹⁸⁸ Предисловие Эйнара к кн.: Defoe D. *Op. cit.*, p. 13.

¹⁸⁹ Fosseyeux M. *Les épidémies de peste à Paris.*—«Bulletin de la Société d'histoire de la médecine», XII, 1913, p. 119, цитируется Эйнаром в предисловии к кн.: Defoe D. *Op. cit.*, p. 14.

¹⁹⁰ Carrière C., Courdurié M., Rebuffat F. *Marseille, ville morte. La peste de 1720.* 1968, p. 302.

¹⁹¹ Письмо монсиньора Бельсэна, епископа Марсельского, от 3 сентября 1720 г., цитируется Эйнаром в кн.: Defoe D. *Op. cit.*, p. 14.

¹⁹² Biraben J.-N. *Les Hommes et la peste en France et dans les pays européens et méditerranéens.* 1976, II, p. 185.

¹⁹³ Mac Neil W. H. *Le Temps de la peste. Essai sur les épidémies en histoire.* 1978.

следний раз в 1668 г.¹⁸⁸ Заметьте, что с 1612 г. в Париже «на- сильно забирали больных из их жилищ и свозили их в госпиталь св. Людовика и в больницу для умалишенных в Сен-Марсельском предместье»¹⁸⁹. В Лондоне чума повторялась пять раз с 1593 по 1664–1665 гг., унеся, как нам сообщают, в общей сложности 156 463 жертвы.

С XVIII в. наступит общее улучшение. И все же чума 1720 г. в Тулоне и Марселе будет на редкость вирулентной. По словам историка, погибла добрая половина марсельских жителей¹⁹⁰. Улицы были полны «трупов, наполовину сгнивших и объеденных собаками»¹⁹¹.

ЦИКЛИЧНАЯ ИСТОРИЯ БОЛЕЗНЕЙ

Болезни появляются, то усиливаются, то ослабевают, иногда исчезают. Так обстояло дело с проказой, которая начиная с XIV и XV вв. была побеждена на нашем континенте, возможно, драконовскими мерами по изоляции больных. Притом довольно странно, но сегодня находящиеся на свободе прокаженные никогда не вызывают заражения. Так же было и с холерой, которая исчезает в Европе в XIX в.; с оспой, по-видимому, уже несколько лет как угасшей в мировом масштабе; с туберкулезом или сифилисом, блокированными на наших глазах чудом антибиотиков; однако будущее пока еще невозможно предсказать, ибо, как утверждают, сифилис снова проявляется сегодня с несомненной вирулентностью. И так же обстоит дело и с чумой, которая после долгой ремиссии VIII–XIV вв. вдруг резко вспыхнула с Черным мором, начав новый чумной цикл, который пойдет на спад лишь в XVIII в.¹⁹²

А на самом-то деле, не происходило ли это попеременное обострение и смягчение из-за того, что человечество долгое время жило изолированно, как бы разделенное между различными планетами, так что обмен болезнетворными носителями инфекций между такими «планетами» привел к катастрофическим неожиданностям в той мере, в какой каждая из групп человечества обладала специфической для нее сопротивляемостью (или чувствительностью) по отношению к этим патогенным агентам? Именно это с удивительной ясностью доказывает недавняя книга Уильяма Мак-Нила¹⁹³. С того времени, как человек избавился от своей первичной животной сущности, с того момента, как он стал господствовать над остальными живыми существами, он по отношению к последним проявляет *макропаразитизм* хищника. Но одновременно, будучи подвержен нападениям бесконечно малых организмов—микробов, бактерий и вирусов,—он сам оказывается жертвой *миккропаразитизма*. Не образует ли эта гигантская борьба, в сущности, историю людей? Она продолжается через посредство живых связей: патогенный элемент, могущий в определенных условиях просуществовать сам по себе, обычно передается от одного живого организма другому. Человек, образующий цель для этой непрерывной бомбардировки, хотя и не единственную ее цель, приспособляется, вырабатывает антитела, добивается сносного равновесия с вне-

дряющимися в него чужаками. Но это спасительное приспособление требует большого времени. Едва возбудитель болезни выходит из своей «биологической ниши» и настигает не болевшую до того, а значит, беззащитную человеческую группу, как происходит взрыв, вспыхивают катастрофически большие эпидемии. Мак-Нил полагает, и он, может быть, прав, что пандемия 1346 г., Черный мор, поразивший всю или почти всю Европу, был следствием монгольской экспансии, которая привела к оживлению «шелкового пути» и облегчила движение патогенных элементов через Азиатский континент. И таким же образом, когда в конце XV в. европейцы создали единую сеть международных торговых обменов, доколумбова Америка в свою очередь подверглась убийственному воздействию неведомых ей болезней, пришедших из Европы. А взамен Европу поразил по меньшей мере трансформировавшийся сифилис; он даже в рекордное время достиг Китая: в первые годы XVI в., тогда как маис и батат, тоже «американцы» по происхождению, появятся там лишь в последние годы того же столетия¹⁹⁴. В более близкое к нам время, в 1832 г., такая же биологическая драма наблюдается при появлении в Европе холеры, пришедшей из Индии.

Но эти подъемы и спады болезней зависят не только от человека, его большей или меньшей уязвимости, большего или меньшего приобретенного иммунитета. Историки медицины без колебаний утверждают – и, я думаю, они целиком правы, – что каждый возбудитель заболевания имеет собственную историю, параллельную истории его жертв, и что эволюция болезней во многом зависит от изменения, порой от мутаций самих возбудителей. Отсюда и чередование сложных движений то в одну, то в другую сторону, и неожиданности – когда взрывы эпидемий, а когда продолжительные периоды дремоты или даже окончательного угасания. Из таких микробных или вирусных мутаций можно указать на хорошо известный сегодня случай с возбудителями гриппа.

Слово *грипп* со значением болезни, которая захватывает, захватывает в кулак, восходит, возможно, всего лишь к весне 1743 г.¹⁹⁵ Но грипп узнают (или считают, что узнали) уже в болезнях, объявившихся в Европе с XII в. Он окажется одной из тех болезней, которые, будучи ранее неизвестны в Америке, истребят индейцев. Когда в 1588 г. грипп уложил (хотя и не скосил) все население Венеции – вплоть до того, что опустел Большой Совет, чего никогда не случалось во времена чумы, – его волна на этом не остановилась, она затем дошла до Милана, до Франции, Каталонии, а потом и до Америки¹⁹⁶. Грипп уже тогда был той летучей, с легкостью превращающейся во всемирную эпидемию, какой он представляется ныне. 10 января 1768 г. Вольтер писал: «Обходя вокруг света, грипп прошел через нашу Сибирь [т. е. через Ферне, возле Женевы, где он жил] и овладел моей престарелой и хилой особой». Но сколь же разные симптомы сопрягаются с этим названием «грипп»! Если касаться одних только великих эпидемий, то грипп-«испанка» 1918 г., более смертоносный, чем первая мировая война, не похож на так называемый *азиатский* грипп 1957 г. В самом деле, существует несколько разных штаммов вируса, и если вакцины сегодня нена-

¹⁹⁴ Ping-Ti Ho. *The introduction of American Food plants into China.* – «*American Anthropologist*», v. 57, april 1955, p. 194–197.

¹⁹⁵ Barbier E. J. F. *Journal historique et anecdotique du règne de Louis XV.* 1847, p. 176.

¹⁹⁶ Braudel F. *Médit...*, I, p. 306.

дежны, так это потому, что неустойчивый вирус гриппа претерпевает постоянную и быструю мутацию. Вакцины почти всегда запаздывают по сравнению с инфекцией. Дошло до того, что некоторые лаборатории попытались, чтобы ее опередить, заставить в лабораторных условиях мутировать *in vitro** вирус протекающего в данный момент гриппа и объединить в единой вакцине тех мутантов, у которых есть шансы соответствовать будущим формам гриппа! Гриппозный вирус, несомненно, особенно нестабилен, но разве нельзя себе представить, что некоторое число возбудителей заболеваний тоже со временем изменяется? Таким образом можно было бы, пожалуй, объяснить перевоплощения туберкулеза, то незаметного, то вирулентного. Или затихание бенгальской формы холеры, которую сегодня, по-видимому, вот-вот сменит холера, пришедшая с Сулавеси. Или появление новых и сравнительно недолговечных заболеваний вроде английской *просяной лихорадки XVI* в.

* Буквально – «в стекле» (лат.) Научно – «в культуре». – *Прим. ред.*

БИОЛОГИЧЕСКИЙ СТАРЫЙ ПОРЯДОК В ПРЕДЕЛАХ ДЛИТЕЛЬНОЙ ВРЕМЕННОЙ ПРОТЯЖЕННОСТИ: 1400–1800 гг.

Итак, в жизни людей продолжается не имеющая конца борьба по меньшей мере на два фронта: против скудости и недостатка питания – это «макропаразитизм» человека – и против подстерегающей его коварной и многоликой болезни. И в обоих этих планах человек эпохи Старого порядка постоянно пребывает в неустойчивом положении. Где бы он ни жил, до XIX в. он может рассчитывать лишь на краткий срок жизни, плюс несколько лет дополнительно для богатых. Имея в виду Европу 1793 г., один английский путешественник писал: «Несмотря на болезни, которые вызывают у них слишком обильное питание, недостаток физической активности и порок, они живут на десять лет дольше, чем люди низшего класса, поскольку последних раньше срока изнуряют работа и усталость; а их бедность не дает им приобрести то, что необходимо для поддержания их существования»¹⁹⁷.

Эта отдельная демография богатых, довольно жалкое достижение, растворяется на уровне средних показателей. В XVII в. в Бовези от 25 до 33% новорожденных умирало в возрасте до одного года и лишь 50% доживали до 20 лет¹⁹⁸. Жизнь кратка и ненадежна – в далекие годы прошлого об этом говорят тысячи деталей. «Никто не удивится, видя, как в 1356 г. юный дофин Карл (будущий Карл V) управляет Францией в 17 лет и умирает в 1380 г. в возрасте 42 лет, имея репутацию мудрого старца»¹⁹⁹. Коннетабль Анн де Монморанси, умерший на коне в битве при Сен-Дени в 1567 г. в возрасте 74 лет, представляет исключение. 55-летний Карл V, когда он отрекается от престола в Генте в 1555 г., – уже старик. Его сын Филипп II, умерший в 1598 г. в возрасте 71 года, на протяжении 20 лет при любой тревоге, вызываемой его шатким здоровьем, порождал у своих современников самые большие надежды и самые страшные опасения. Наконец, ни одна из королевских фамилий не осталась незатро-

¹⁹⁷ Macartney G. *Op. cit.*, III, p. 267.

¹⁹⁸ Goubert P. *Beauvais et le Beauvaisis de 1600 à 1730. Contribution à l'histoire sociale de la France du XVIIe siècle.* 1960, p. 41.

¹⁹⁹ Mollat M., цит. по: Péroty E. *Le Moyen Age.* 1955, p. 308–309.

²⁰⁰ Brice G. *Nouvelle Description de la ville de Paris et de tout ce qu'elle contient de plus remarquable*. III, 1725, p. 120–123.

²⁰¹ Nickolls J. *Remarques sur les désavantages et les avantages de la France et de la Grande-Bretagne*. 1754, p. 23.

²⁰² Coreal F. *Relation des voyages aux Indes occidentales*. 1736, I, p. 95; Niebuhr C. *Voyage en Arabie et en d'autres pays de l'Orient*. 1780, II, p. 401; Chardin. *Voyage en Perse et aux Indes orientales*. 1686, IV, p. 46: «великие излишества с мясом и питьем смертельны в Индии» для англичан.

²⁰³ Grose J. H. *A voyage to the East Indies with observations of various parts there*. 1757, I, p. 33.

²⁰⁴ Ovington T. *A Voyage to Surat*. 1689, p. 87, цит. по: Spear P. *The Nabobs*. 1963, p. 5.

²⁰⁵ Macartney G. *Op. cit.*, I, p. 321. В командах кораблей Кука и Бугенвиля за время их стоянки в Батавии – «убийственной стране» – было больше умерших и больных, нежели за все остальное время их плавания. Abbé Prévost. *Supplément des voyages*. XX, p. 314 et 581.

²⁰⁶ Faÿ V. *George Washington gentilhomme*. 1932, p. 40.

²⁰⁷ Abbé Prévost. *Op. cit.*, IX, p. 250 (со ссылкой на рассказ Ла Лубера).

²⁰⁸ Flachet J.-C. *Observations sur le commerce et les arts d'une partie de l'Europe, de l'Asie, de l'Afrique...* 1766, I, p. 451.

нутой ужасающей смертностью той эпохи. «Новое описание города Парижа» 1722 г. перечисляет имена принцев и принцесс, упокоившихся с 1662 г. в монастыре Валь-де-Грас, основанном Анной Австрийской; в большинстве своем это дети в возрасте нескольких дней, нескольких месяцев, нескольких лет²⁰⁰.

Можно себе вообразить, насколько более сурова была участь бедняков. В 1754 г. некий «английский» автор заметил: «Французские крестьяне не то что не зажиточны – они не располагают даже необходимым. Это тот род людей, который начинает чахнуть до сорокалетнего возраста из-за отсутствия возможности восстанавливать свои силы соответственно их затрате. Чувство человечности страдает при сравнении их с другими людьми, особенно же – с нашими английскими крестьянами. Один внешний вид французских земледельцев говорит об истощении»²⁰¹.

А что сказать о европейцах, живущих за пределами своего континента, которым претит «подчиняться обычаям стран, в коих они – пришельцы, и которые упрямо придерживаются там своих фантазий и пристрастий... из чего проистекает, что зачастую они находят там свою могилу»²⁰². Это рассуждение испанца Кореала по поводу Портобельо повторяет мнения француза Шардена или немца Нибура. Последний, говоря о высокой смертности англичан в Индии, приписывает ее прежде всего их ошибкам, избыточному потреблению мяса и «крепких португальских вин», каковые те пьют в самые жаркие часы дня, их одежду облагающей одежде, изготовленной для Европы, – эту одежду он противопоставляет «широким и свободным» туземным одеяниям²⁰³. Но если Бомбей – «кладбище англичан», то в этом повинен в известной мере и климат города: он настолько убийствен, что пословица гласит: «Два муссона в Бомбее – вот и вся жизнь человека»²⁰⁴. В Гоа, городе удовольствий, где великолепно живут португальцы, в Батавии – другом городе наслаждений для европейца, ужасающая смертность оказывается оборотной стороной этого галантного и расточительного существования²⁰⁵. Суровые условия колониальной Америки были ничуть не лучше. По поводу отца Джорджа Вашингтона, Огастина, умершего в 49 лет, историк замечает: «Но умер он слишком рано. Чтобы преуспеть в Виргинии, нужно было пережить своих соперников, своих соседей и своих жен»²⁰⁶.

То же правило действовало и для неевропейцев. В конце XVIII в. один путешественник заметил относительно сиамцев: «Невзирая на царящую среди сиамцев умеренность... не видно, чтобы они жили дольше», чем живут в Европе²⁰⁷. О турках некий француз пишет в 1766 г.: «Хотя врачи и хирурги у турок и не обладали теми знаниями, какими обогатились за столетие [наши] медицинские и хирургические факультеты, по их собственным утверждениям, турки старятся, как и мы, когда им удастся избежать ужасного бича чумы, которая ежегодно опустошает эту империю»²⁰⁸. Осман-ага, турецкий толмач, живо, а порой и в стиле плутовского романа рассказавший нам о своей жизни в христианском мире (он выучил немецкий язык за время долгого пребывания в плену – в 1688–1699 гг.), был женат дважды. От первого его брака родились три дочери и пять сыновей,

²⁰⁹ Дневник Осман-аги, изданный Р. Кройтелем и О. Шписом под названием «*Der Gefangene der Giauren...*» (1962, р. 210–211).

²¹⁰ Keyser E. *Bevölkerungsgeschichte Deutschlands*. 1941, S. 381.

Как правило, демографический рост городов происходил не эндогенным путем. См.: Sombart W. *Der moderne Kapitalismus*. II, S. 1124.

²¹¹ Süßmilch J. P. *Die Göttliche Ordnung in den Veränderungen des menschlichen Geschlechts...* 1765, I, S. 521.

выжили только двое; от второго брака – трое детей, выжили двое ²⁰⁹.

Такова совокупность фактов, образующая тот биологический Старый порядок, о котором мы говорили: в целом это равные права жизни и смерти, очень высокая детская смертность, голодовки, хроническое недоедание, мощные эпидемии. Давление этого порядка едва смягчается во времена подъема в XVIII в., разумеется, по-разному, в зависимости от места. Лишь определенная часть Европы, даже не вся Западная Европа, начинает от него освобождаться.

Весь этот прогресс протекает медленно. Мы, историки, рискуем, говоря о нем, представлять его сверх меры ускоренным. Весь XVIII в. еще отмечен резкими подъемами смертности. Так было в той же самой Франции, о чем мы уже говорили; такие подъемы видны и по средним за десятилетия цифрам для Бремена – с 1709 по 1759 г. смертность постоянно была выше рождаемости. В Кёнигсберге, в Пруссии, число смертей с 1782 по 1802 г. составляло в среднем 32,8%, но достигало 46,5 в 1772 г., 45 – в 1775 г. и 46% в 1776 г. ²¹⁰ Вспомните о все повторяющемся трауре в семье Иоганна Себастьяна Баха... И. П. Зюсмилх, создатель социальной статистики, вновь пишет об этом в 1765 г.: «В Германии... крестьянин и бедняк умирают, ни разу не воспользовавшись каким бы то ни было лекарством. Никто и не помышляет о врачах – отчасти потому, что он слишком далеко, отчасти же... потому, что он слишком дорог...» ²¹¹ Такая же картина и в это же время в Бургундии: «Хирурги живут в городе и не выезжают оттуда даром». В Кассэ-ле-Витто посещение врача и лекарства стоят около 40 ливров, и «несчастные жители

Уличные сцены в Гоа конца XVI в. Национальная библиотека. Кабинет эстампов. (Фото Жиродона.)

²¹² Saint-Jacob P. *Les Paysans de la Bourgogne du Nord au dernier siècle de l'Ancien Régime*. 1960, p. 545.

²¹³ Согласно публикациям К. Виньяса и Р. Паса: Viñas C., Paz R. *Relaciones de los pueblos de España*. 1949–1963.

предпочитают ныне скорее погибнуть, чем приглашать на помощь хирургов»²¹².

Вдобавок к этому женщины страшно подвержены смертности из-за частых родов. И тем не менее, хотя мальчики рождаются в большем числе, нежели девочки (еще сегодня соотношение равно 102 к 100), из всех цифр, какими мы располагаем начиная с XVI в., явствует, что женщин больше, чем мужчин, в городах и даже в деревне (с несколькими исключениями, к числу которых относились одно время Венеция, а позднее – Санкт-Петербург). Деревни Кастилии, в которых в 1575 и 1576 гг. проводились обследования, все насчитывали повышенный процент вдов²¹³.

Если бы потребовалось обобщить главнейшие черты этого Старого порядка, то важно было бы, без сомнения, подчеркнуть его способность к компенсации в течение кратковременных циклов, столь же мощных, если и не столь же быстрых, как те неожиданные удары, какие обрушиваются на живущих. В долгосрочном плане компенсация происходит незаметно, но в конечном счете ей принадлежит последнее слово. Отлив никогда не уносит полностью то, что принес предшествовавший прилив. Этот долгосрочный подъем, трудный и удивительный, представляет триумф количества, от которого столько зависело.

МНОГОЧИСЛЕННЫЕ ПРОТИВ СЛАБЫХ ЧИСЛОМ

Количество разделяет мир, организует его, оно придает каждому массиву живущих на земле его удельный вес, с самого начала, или почти с самого начала, определяет его уровень культуры и его действенность, ритм его биологического (и даже экономического) роста и даже судьбу его заболеваний и сопротивления им: густое население Китая, Индии, Европы – это огромные резервуары болезней, действующих или дремлющих, всегда готовых распространиться.

Но количество давит и на взаимоотношения живых масс между собой, на те отношения, которые характеризуют не только мирную историю людей – обмена, торговлю, – но и бесконечную историю их войн. Можно ли закрывать на это глаза в книге, посвященной материальной жизни? Война – это многообразная деятельность, она присутствует всегда, даже на «нулевом уровне» истории. И так, количество заранее намечает ее очертания, силовые линии, повторения, очевидную ее типологию. В борьбе, как и в повседневной жизни, шансы отнюдь не у всех равны. Количество почти безошибочно разделяет группы людей на господ и подданных, на пролетариев и привилегированных в смысле их нормальных возможностей и шансов на успех в данный момент.

Несомненно, в этой области, как и в других, имеет значение не только количество. На войне, как и в мирное время, очень значителен вес техники. Но техника, если она и не дает преимуществ *всем* многочисленным группам населения в равной сте-

пени, все же всегда есть порождение численности. Человеку XX в. эти утверждения кажутся самоочевидными. Для него численность – это цивилизация, это мощь, это будущее. Но можно ли было так сказать вчера? На ум приходит множество примеров, сразу же заставляющих утверждать противное. Каким бы парадоксальным это ни казалось – а именно так представлялось дело Фюстель де Куланжу, когда он рассматривал судьбы Рима и Германии накануне вторжений варваров²¹⁴, – иногда выигрывает более грубый и менее многочисленный, или же *кажется, что он выигрывает*, как то покажет Г. Дельбрюк, подсчитав смехотворно малую численность варваров, победивших Рим²¹⁵.

²¹⁴ Fustel de Coulanges N.-D. *L'Invasion germanique et la fin de l'Empire*. 1891, II, p. 322 sq.

²¹⁵ Delbrück H. *Geschichte der Kriegskunst im Rahmen der politischen Geschichte*. 1900, I, S. 472 sq.

ПРОТИВ ВАРВАРОВ

Когда цивилизации проигрывают или по видимости проигрывают борьбу, победителем всегда предстает «варвар». Так принято говорить. Для грека варвар – это любой негрек; для китадца – любой некитаец; а совсем еще недавно основным оправданием европейской колонизации было несение «цивилизации» варварам и первобытным народам. Конечно же, именно цивилизованные создали варвару репутацию, которую он заслужил

Монгольские всадники на охоте (XV в.).
Музей Топкапы,
Стамбул. (Фото
Ролана Мишо-Рафо.)

²¹⁶ Saffet Atabinen Rechid. *Contribution à une histoire sincère d'Attila*. 1934.

²¹⁷ Pirenne H. *Les Villes et les institutions urbaines*. 1939, I, p. 306–307.

разве что наполовину. Однако никто не заставит нас кинуться в другую крайность и буквально воспринимать хвалебные речи [турецкого] историка Решиды Сафета Атабинена об Аттиле²¹⁶. Но что наверняка следует пересмотреть, так это миф о силе варваров. Всякий раз, когда варвар одерживает верх, это случается оттого, что он уже больше чем наполовину цивилизовался. Он всегда долго пребывал в приходе и, прежде чем проникнуть в дом, десять раз стучался в двери. Он если и не усвоил в совершенстве цивилизацию соседа, то по меньшей мере всерьез около нее потерялся.

Именно это доказывает классический пример германцев в их отношениях с Римской империей в V в.; но об этом же говорит и история арабов, тюрок, монголов, маньчжур, татар, ее однообразные повторы. Тюрки и туркмены были главным образом перевозчиками, караванщиками на путях из Центральной Азии к Каспию и в Иран. Они посещали часто соседние цивилизованные области и нередко бывали ими поглощены целиком. Монголы Чингисхана и Хубилая, едва только отошедшие от своего шаманизма (а то и сохранившие верность ему), не производят впечатления грубых варваров. И вот их вскоре привлекает на востоке китайская цивилизация, а на западе – миражи ислама; кочевники испытывают раздвоенность и порывают со своей прежней судьбой. Маньчжуры, которые в 1644 г. завоюют Пекин, а затем и весь остальной Китай, – народ смешанного состава. Среди них многочисленны монгольские элементы, но и китайские крестьяне уже очень рано проникали в Маньчжурию, за Великую китайскую стену. Маньчжуры – это, если угодно, варвары, но уже заранее китаизированные, подталкиваемые к завоеванию экономическими и социальными смутами в огромном Китае; эти смуты как бы осуществляют дистанционное управление завоевателями.

А главное – варвар торжествует лишь в кратковременном плане. Очень скоро его поглощает покоренная цивилизация. Германцы «варваризовали» империю, а затем растворились в странах виноделия²¹⁷. Тюрки с XII в. превратились в знаменосцев ислама. Монголы, а потом маньчжуры исчезли в массе китайцев. Ворота завоеванного дома захлопываются за варваром.

ПОСТЕПЕННОЕ ИСЧЕЗНОВЕНИЕ «ЧИСТЫХ» КОЧЕВНИКОВ ДО XVII В.

Надлежит еще заметить, что «варвары», которые и в самом деле опасны для цивилизаций, почти все относятся к одной разновидности людей: к кочевникам лежащих в центре Старого Света пустынь и степей. И только Старый Свет знал эту исключительную категорию в составе человечества. Цепь этих засушливых и обездоленных областей, протянувшаяся от Атлантики до прибрежных морей Тихого океана, образует бесконечной длины запальный шнур. При малейшей искре он воспламеняется и сгорает по всей своей длине. Когда у этих коневодов или верблюдоводов, которые так же суровы к самим себе, как и к прочим, начинаются столкновения, наступает засуха или демо-

графический подъем, это побуждает кочевников покинуть свои пастбища и вторгнуться к соседям. По мере того как проходят годы, последствия этого движения сказываются за тысячи километров.

В эпоху, как бы олицетворяющую медлительность, эти люди представляют самую быстроту, самую неожиданность. На границах Польши любая тревога, которую еще в XVII в. регулярно вызывает всякая угроза со стороны татарской конницы, почти немедленно предопределяет созыв массового ополчения. Нужно вооружить крепости, наполнить склады, обеспечить боеприпасами пушки (если еще есть время), собрать конников, установить заграждения между крепостями. Если, как бывало это множество раз, вторжение удастся – скажем, через горы и многочисленные пустые пространства Трансильвании, – оно обрушивается на села и города таким бедствием, с которым не сравнить даже турок. Эти по крайней мере имеют обыкновение уводить войска накануне зимы, после праздника св. Георгия. Татары же остаются на месте, зимуют здесь со своими семьями и разоряют страну до основания²¹⁸.

А ведь эти картины, ужас которых передают нам западные газеты тех времен, – ничто по сравнению с великими завоеваниями кочевников, покорявших Китай или Индию. У Европы было преимущество – она избежала этих завоеваний, несмотря на запечатлевшиеся в памяти отдельные эпизоды (гуннов, аваров, венгров, монголов). Ее прикрыли собой народы Востока: их беды сберегли ее спокойствие.

Сила кочевников заключалась и в беспечности, в относительной слабости людей, которые удерживали рубежи на подступах

²¹⁸ «Gazette de France», 1650, passim.

Караван, направляющийся в пустыню. Иллюстрация к «Макамам» ал-Харири. Национальная библиотека, (Ms. ar. 5847, f° 31). (Фото Национальной библиотеки.)

к цивилизованным областям. Так, Северный Китай, слабо заселенный до XVIII в., — это пустое пространство, куда проникает любой желающий. В Индии мусульмане очень рано, с X в., завладели Пенджабом; и с этого времени ворота страны на путях в Иран и к Хайберскому проходу так и не закрывались. В Восточной и Юго-Восточной Европе надежность ограждений в разные века бывала разной. Именно посреди такой беспечности, таких слабостей и такой порой неэффективной бдительности и движется кочевой мир. Физические законы толкают кочевников когда на Запад, когда на Восток, в зависимости от того, где встречает меньше сопротивления их взрывчатое существование, то в Европу, то в сторону стран ислама, Индии или Китая. Классическая работа Э. Фютера отмечает в 1494 г. существование зоны циклона, огромный приток воздуха в Италию, раздробленную между государями и городскими республиками: всю Европу притягивает эта область низкого давления, порождающего бури²¹⁹. Точно так же ураганный ветер увлекает степные народы, упорно толкая их на Восток или на Запад по линиям наименьшего сопротивления.

Так, минский Китай в 1368 г. изгнал монголов и сжег их главный центр — Каракорум в пустыне Гоби²²⁰. Но за этой победой последовал долгий период инерции, которая предопределила возвращение кочевников на восток. Пустое пространство, образовавшееся в итоге продвижения их первых волн, обнаруживало тенденцию привлекать к себе новых кочевников, которые продвигались все дальше и дальше с запада, с разрывом в год, два года, 10, 20 лет. Ногаи переправились через Волгу в восточном направлении около 1400 г., и это стало началом медленного изменения направления движений народов в Европе. Народы, которые более двух веков выплескивались на запад, в хрупкую Европу, с этого времени на протяжении двух или трех столетий стали двигаться на восток, привлекаемые слабостью далекого Китая. Наша карта обобщает картину этого переворота: решающими его эпизодами станут ошеломляющее завоевание Северной Индии Бабуром в 1526 г. и взятие Пекина маньчжурами в 1644 г. Ураган еще раз обрушился на Индию и Китай.

В итоге Европа на западе вздохнула с облегчением. Если русские взяли в 1551 и 1556 гг. Казань и Астрахань, то произошло это не только благодаря пороху и пищалям. Наметилось ослабление давления кочевников на юге России, и это облегчило продвижение русских в черноземные области Поволжья, Дона и Днестра. При этом древняя Московия теряла часть своих крестьян, которые бежали из-под тяжелой власти господ. А на эти покинутые земли в свою очередь приходили крестьяне из Прибалтики и Польши, пустые же пространства, оставшиеся после них, в свое время заполнили выходцы из Бранденбурга или Шотландии. В общем, это своего рода эстафета; именно такой видят эту молчаливую историю, это перемещение от Германии до Китая с его подводными течениями, как бы скрытыми под кожей исторического процесса, два великопепных историка — Александр и Эуген Кулишеры.

Позднее завоевание Китая маньчжурами завершится к 80-м годам XVII в. установлением нового порядка. Крепко удержи-

²¹⁹ Fueter E. *Geschichte des europäischen Staatensystems von 1492–1559*. 1919, S. 1 sq.

²²⁰ Подробности см.: Kulischer A. et E. *Kriegs- und Wanderzüge. Weltgeschichte als Völkerbewegung*. 1932.

ваемый и защищаемый Северный Китай начинает заселяться вновь под прикрытием спасительного продвижения в Маньчжурию, откуда пришли победители, затем в Монголию, Туркестан, в Тибет. Русские, которые беспрепятственно заняли Сибирь, натолкнутся на сопротивление китайцев вдоль течения Амура и вынуждены будут заключить 7 сентября 1689 г. Нерчинский договор. С этого времени китайцы продвинулись от Великой стены вплоть до областей, лежащих по соседству с Каспийским морем. Но даже еще до этих успехов многоликий мир пастухов двинулся в обратный путь на запад, пройдя в противоположном направлении узкие Джунгарские ворота, классическое «горлышко» всех миграций между Монголией и Туркестаном. Однако на сей раз его поток не встретит распахнутых ворот. На западе он натолкнулся на новую Россию – Россию Петра Великого, на крепости, укрепления и города Сибири и Нижнего Поволжья. Вся русская литература последующего столетия полна рассказами об этих постоянных стычках.

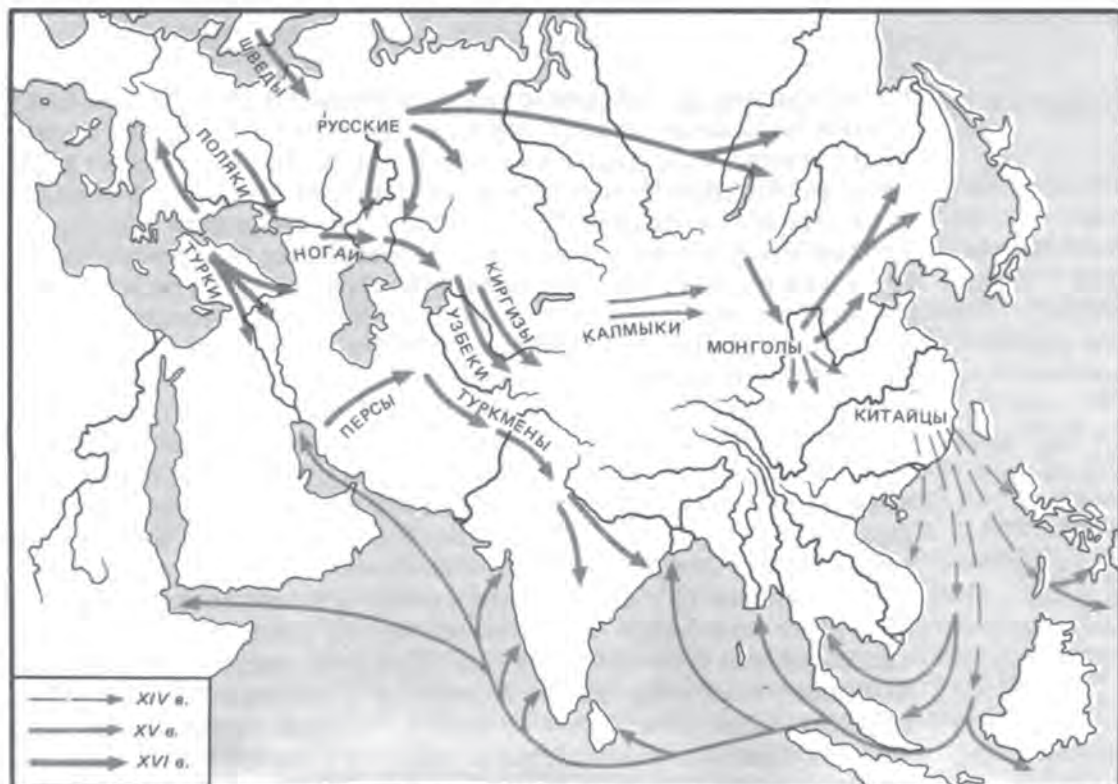
Фактически на этом и завершается «большая судьба» кочевников. Порох и пушки одержали верх над их быстротой, еще до окончания XVIII в. цивилизации одержали победу в Пекине, как и в Москве, в Дели, как и в Тегеране (после острой тревоги, вызванной здесь афганскими завоеваниями). Кочевники, обреченные оставаться у себя дома, предстанут тем, что они есть, – бедными группами человеческих существ, поставленными на место и смирившимися с этим. В целом же речь идет об исключительном случае – случае длительного паразитизма, который, однако, безвозвратно миновал. Случае почти абсурдном, невзирая на его огромный резонанс.

ЗАВОЕВАНИЕ ПРОСТРАНСТВ

Впрочем, обычное правило заключается в том, что цивилизации выигрывают игру. Они одерживают верх над «культурами», над первобытными народами; они овладевают и пустым пространством. В последнем случае, самом для них выгодном, цивилизациям приходится строить все, но именно в этом заключалась большая удача европейцев на трех четвертях пространства Америки, русских в Сибири, англичан в Австралии и Новой Зеландии. Какой «удачей» было бы для белых, если бы в Южной Африке до буров и англичан не появились негры!

В Бразилии с появлением португальца первобытный индеец исчезает: он уступает тому место. Паулистские экспедиции-*бандейры* (*bandeiras*) продвигаются почти что в пустоте: меньше чем за столетие искатели приключений, отправляющиеся из Сан-Паулу в погоне за рабами, драгоценными камнями и золотом, пройдут половину Южноамериканского континента – от Рио-де-ла-Платы до Амазонки и Анд, – не освоив ее. Им не оказывали сопротивления до тех пор, пока иезуиты не создали свои индейские резервации, которые *paulistas* будут без стеснения грабить.

Такой же процесс происходит и при продвижении французов или англичан в Северной Америке или испанцев на пустынном севере Мексики, где последние оказались лицом к лицу с немно-

Миграции в Евразии (XIV–XVIII вв.) Противоречие между двумя картами очевидно: на первой миграции по суше происходят с запада на восток, на второй – с востока на запад. Обратите внимание на первой карте на морскую экспансию китайцев, столь значительную в начале XV в., и на совпадение сухопутных миграций, направленных в сторону Индии и Китая. На второй карте заслуживает быть отмеченным умиротворение страны маньчжурами в XVIII в. (взятие Пекина в 1644 г.), вызвавшее широкую экспансию Китая на континенте и остановку продвижения русских. Кочевники отброшены к западу и в Европейскую Россию. (По данным А. и Э. Кулищевов.)

гочисленными и грубыми индейцами-чичимеками. На них еще в XVII в. ведется систематическая охота; ежегодно начиная с ноября их травят, «как диких зверей». В Аргентине и особенно в Чили дела обстояли более сложно, ибо индеец по крайней мере позаимствовал у завоевателя лошадь, и арауканы вплоть до начала XX в. будут упорными противниками колониста²²¹. По правде говоря, речь идет скорее о покорении пространства, а не людей (тех просто уничтожают). И поэтому победить нужно было прежде всего расстояния. В XVI в. медлительные повозки аргентинской пампы, запряженные парой быков; караваны мулов в Испанской Америке; наконец, в XIX в. фургоны переселенцев на Запад в США, фургоны, которые сделаются знаменитыми после *вестернов*, – таковы были орудия этого молчаливого завоевания, регулярно заканчивавшегося формированием фронта колонизации, зоны пионеров, откуда все возобновлялось с новой силой. На этих отдаленных окраинах жизнь колониста начинается с нуля: люди слишком малочисленны, для того чтобы над ними могла возобладать общественная жизнь, здесь каждый сам себе господин. Какое-то время такая привлекающая людей анархия продолжается, а потом устанавливается порядок. Однако к этому моменту граница продвинулась уже чуть дальше в глубь материка, принеся с собой все тот же дух анархии и временности. Это *подвижная граница* – *moving frontier*, в наличии которой романтическая концепция Ф. Дж. Тернера еще вчера, в 1921 г., усматривала самый генезис Америки и ее наиболее своеобразных отличительных черт²²².

Завоевание пустых или почти пустых пространств, легкость такого завоевания характерны и для великого продвижения русских в XVI в., когда солепромышленники, охотники за пушницей и казаки верхом на своих конях сумели покорить Сибирь. Отдельные вспышки сопротивления сразу же бывали сломлены. Вырастали города, остроги, постоянные дворы, мосты, почтовые станции с телегами, санями, лошадьми (в 1587 г. – Тобольск, в 1648 г. – Охотск, в 1652 г. – Иркутск по соседству с озером Байкал). Так, для военного лекаря русской службы, швейцарца по происхождению, Сибирь еще в 1776 г. – это перегоны, изнурительные дни поездок на лошадях, когда важно к концу дня добраться до непременно ночного пристанища – острога или города²²³. Зимой купец с санным обозом, не достигший подобного места назначения, рискует быть навсегда погребенным под снегом вместе со своими людьми, животными и товарами. Медленно складывается сеть дорог и городов. Русские землепроходцы добрались в 1643 г. до бассейна Амура, в 1696 г. они обследовали огромный полуостров Камчатку, а в следующем столетии достигли Аляски, где русские колонисты обосновались в 1799 г. Это было быстрое, хотя и хрупкое – но оттого тем более заслуживающее восхищения – мирное завоевание. Беринг, сделавший Охотск базой своих исследовательских плаваний, в 1726 г. нашел в этом укреплении лишь несколько русских семей. А Джон Белл, в 1719 г. путешествовавший по Сибири, двигаясь по главной дороге, «в течение шести дней не видел ни домов, ни жителей»²²⁴.

²²¹ Kotzebue O. *Reise um die Welt in den Jahren 1823, 24, 25 und 26*. 1830, I, S. 47.

²²² Turner F. J. *The Frontier in American History*. 1921.

²²³ Kirchner W. *Eine Reise durch Sibirien*. 1955 (Рассказ о путешествии врача Якоба Фриса).

²²⁴ Bell J. *Travels from St. Petersburg to diverse parts of Asia*. 1763, I, p. 216 [см.: *Беллевы путешествия через Россию в разные азиатские земли*, ч. 1–3, Спб., 1776. – Ред.]

КОГДА КУЛЬТУРЫ ОКАЗЫВАЮТ СОПРОТИВЛЕНИЕ

Все усложняется, и разговор принимает совсем иной оборот, когда продвижение происходит не в пустоте. Несмотря на яростные возражения компаративистов, нельзя смешивать пресловутую «германскую колонизацию» в странах Восточной Европы – *Ostsiedlung* – и подвиг продвижения американской «границы». С XII по XIII и даже по XIV в. колонисты из Германии в широком смысле (зачастую они были из Лотарингии или Нидерландов) обосновывались к востоку от Эльбы благодаря политическому и социальному поощрению, равно как и насильственным путем. Пришельцы ставили деревни посреди обширных лесных рощистей, размещали дома вдоль дорог. Они, вероятно, принесли [с собой] тяжелый плуг с железным лемехом, создали города и ввели в них, как и в славянских городах, немецкое право – магдебургское, если речь шла о внутриконтинентальных районах, любекское, если дело происходило в областях приморских. Мы имеем здесь дело с движением огромного масштаба. Но эта колонизация происходит на землях, уже занятых славянским населением с более или менее прочной организацией, которая призвана противостоять пришельцам и, если потребуется, поглотить их. Беда Германии была в том, что она сложилась поздно и свое продвижение на восток начала только после того, как там обосновались славянские народы, привязанные к земле и, как доказывают данные раскопок, опирающиеся на свои города гораздо прочнее, нежели это принято было утверждать в недалеком прошлом²²⁵.

²²⁵ О начальном этапе этих раскопок см.: Hensel W. et Gieysztor A. *Les Recherches archéologiques en Pologne*. 1958, p. 48, 66.

²²⁶ Nolde B. *La Formation de l'Empire russe*. 2 vol., 1952.

²²⁷ Braudel F. *Médit.*, I, p. 175.

* Москва была сожжена гатарами в мае 1571 г., а в 1572 г. они были разбиты русскими войсками в сражении при Молодях. – *Прим. ред.*

** Петр I потерпел неудачу под Азовом в 1695 г., а в 1696 г. Азов был взят русскими войсками. Подлинной же неудачей закончился Прутский поход 1711 г. – по условиям мира с Турцией Россия возвращала Азов и ликвидировала крепости на побережье Азовского моря и Днепра (Таганрог, Каменный Затон и др.). – *Прим. ред.*

И это же придется повторить, говоря о русском продвижении на сей раз не в сторону почти незаселенной Сибири, но к южным рекам – Волге, Дону, Днестру, – в том же самом XVI в., продвижении, также отмеченном внушительной свободной крестьянской колонизацией²²⁶. Степи между Волгой и Черным морем не были плотно заселены, но служили зоной передвижения кочевых народов – ногайцев и крымских татар. Эти внушавшие страх конники были как бы авангардом ислама и обширной Турецкой империи, которая их поддерживала и при случае толкала вперед. Турция даже помогла им в борьбе с русскими, предоставив огнестрельное оружие, которого не было у защитников Казанского и Астраханского ханств²²⁷. Так что пренебрегать этими противниками не следовало. Во время набегов татары доходили до самой Трансильвании, Венгрии, Польши, вторгались в Московское царство, которое они жестоко разоряли. Во время одного из своих набегов, в 1572 г., татары захватили Москву*. Славянских – русских и польских – пленников регулярно будут продавать на невольничьих рынках Стамбула. Известно также, что в 1696 г. Петр Великий потерпел неудачу в своей попытке «открыть окно» в Черное море** и что эта неудача была исправлена лишь сто лет спустя Екатериной II. Тем не менее это не означало удаления татар: они останутся на месте и далее.

Впрочем, русская крестьянская колонизация была бы немислима без крепостей, без засечной черты и без помощи бегущих от закона казаков. Как конные воины, они способны были ока-

зять сопротивление исключительно подвижному противнику. Обладая ладьями, они поднимались и спускались по рекам, перетаскивая челны волоком с одного плеса в другой; так, около 1690 г. казаки в числе 800 человек перетаскивали свои челны с Дона на Волгу, преследуя калмыков. А как мореходы, они на своих «чайках», снабженных парусом, с конца XVI в. занимают-ся морским разбоем в Черном море²²⁸. Так что в этом краю современная Россия строилась не на пустом месте, точно так же как не без усилий и не без неожиданностей придется ей продвигаться в XIX в. на Кавказе и в Туркестане, вновь противостоя исламу.

Наши объяснения можно было бы подкрепить и другими примерами. Так было, например, при запоздалой и эфемерной колонизации Черной Африки европейскими державами в XIX в. или при завоевании испанцами Мексики и Перу: эти хрупкие цивилизации, а по существу – культуры, рухнули под нажимом всего нескольких человек. Однако сегодня эти страны вновь становятся индейскими или африканскими.

Культура – это цивилизация, которая не достигла своей зрелости, своего социального оптимума и не обеспечила своего роста. А тем временем – и время это может затянуться – соседние цивилизации эксплуатируют ее тысячью способов; и это естественно, хотя и отнюдь не справедливо. Пусть читатель вспомнит о знакомой нам с XVI в. торговле на побережье Гвинейского залива. Она представляет типичный пример такой экономической эксплуатации, какими полна история. На побережье Индийского океана кафры Мозамбика утверждают, что если обезьяны «не говорят, так это потому, что они боятся, как бы их не заставили работать»²²⁹. Но сами эти люди имели несчастье говорить, покупать хлопковые ткани, продавать золотой песок... Действия сильных всегда очень просты, всегда одни и те же. Ничем не отличалось в этом смысле поведение финикийцев и греков в их факториях и колониях. Так же вели себя арабские купцы на Занзибарском берегу начиная с XI в.; венецианцы и генуэзцы в Кафе или в Тане в XIII в.; или же в Индонезии – китайцы, для которых страна была рынком золотого песка, пряностей, перца, невольников, ценного дерева и ласточкиных гнезд еще до XIII в. На хронологическом «пространстве» этой книги тучи китайских перевозчиков, купцов, ростовщиков и перекупщиков эксплуатируют «колониальные» рынки. И я сказал бы, что именно в силу широкого размаха и легкости этой эксплуатации Китай остался, невзирая на свой интеллектуальный потенциал и на свои открытия (бумажные деньги, например), столь мало предприимчивым, столь мало современным в смысле развития капитализма. Ему многое доставалось чересчур легко ...

От рынка до колонии всего один шаг. Достаточно того, чтобы эксплуатируемый стал хитрить или протестовать: завоевание не заставит себя ждать. Но все же доказано, что культуры, полувцилизации (это слово приложимо даже к крымским татарам) отнюдь не противники, которые не заслуживают внимания. Их устраняют, а они появляются снова, упорно стремясь выжить. Отнять у них будущее навсегда не удастся.

²²⁸ Braudel F. *Médit...*, I, p. 100–101 et note.

²²⁹ Gemelli Careri G. F. *Op. cit.*, III, p. 166.

ЦИВИЛИЗАЦИИ ПРОТИВ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Когда же цивилизации сталкиваются друг с другом, происходят драмы, и современный мир еще не освободился от них. Так, какая-то одна цивилизация может одержать верх над какой-то другой: именно это стало трагедией Индии после победы англичан при Плесси в 1757 г., оказавшейся началом новой эры для Англии и для всего мира. Не в том дело, что Плесси, вернее, Паласси, возле современной Калькутты, было победой, в чем-то исключительной. Без бахвальства можно сказать, что Дюплекс или Бюсси* справились бы ничуть не хуже. Но Плесси имело колоссальные последствия, и как раз по этому и узнаются великие события: у них бывает продолжение. Точно так же абсурдная опиумная война 1840–1842 гг. положила начало веку «неравенства» для Китая, который оказался в колониальной зависимости, не будучи колонией. А что касается мира ислама, то в XIX в. он терпит крушение, если исключить Турцию, да и то с оговорками... Но Китай, Индия, мир ислама в разных его частях вернули себе независимость в ходе цепного процесса деколонизации после 1945 г. Вот что при ретроспективном взгляде придает этим бурным событиям в глазах современного человека характер эпизодов, какой бы ни была их длительность. Они занимают свои места более или менее быстро. А затем в один прекрасный день рушатся, как театральные декорации.

Вся эта упрощенная картина исторических судеб, сведенная к одному и тому же уровню, развивается отнюдь не целиком под знаком количества, простой игры сил, разности потенциалов или просто притяжения. Но на протяжении веков количество сказало свое слово. Не будем забывать об этом. Материальная жизнь находит в этом одно из своих верных объяснений, точнее сказать, одну из своих принудительных границ и своих констант. Если забывать о роли войны, сразу же стирается весь социальный, политический и культурный (религиозный) пейзаж. И сами-то обмены утрачивают смысл, ибо зачастую это неравные обмены. Европу не понять без ее рабов и подчиненных ей экономик. Как не понять и Китай, если не напомнить о существовании внутри страны диких культур, которые ему противостояли, а вдали от него – стран, которые жили в его орбите и под его игом. Все это имеет значение в балансе материальной жизни.

В заключение скажем, что мы пользовались числами, чтобы нарисовать в первом приближении дифференцированную картину судеб мира между XV и XVIII вв. В ней люди разделялись на крупные массы, которые перед лицом нужд своей повседневной жизни были вооружены столь же неодинаково, как и разные группы внутри того или иного общества. Так мы представили в масштабах земного шара всех коллективных действующих лиц, с которыми будем встречаться на последующих страницах. И они еще ярче предстанут перед нами во 2 томе, посвященном преобладающим чертам экономической жизни и капитализму, которые, несомненно, еще резче, чем материальная жизнь, разделяют мир на развитые и отсталые регионы в соответствии с классификацией, знакомой нам по драматическим реальностям современного мира.

* Дюплекс Жозеф-Франсуа (1697–1763 гг.) – губернатор французских владений в Ост-Индии в 1741–1754 гг. Бюсси (Бюсси-Кастельно) Шарль (1720–1785 гг.) – французский колониальный администратор в Индии в 1741–1760 и 1781–1783 гг. Имеется в виду, что французские колониальные администраторы в принципе могли бы одержать военную победу, аналогичную одержанной при Плесси губернатором британских владений в Индии Робертом Клайвом (1725–1774). – *Прим. ред.*

В период с XV по XVIII в. питание людей состояло в основном из растительных продуктов. Эта истина очевидна для доколумбовой Америки, для Тропической Африки. Она неопровержима для азиатских цивилизаций риса вчера и еще сегодня: только незначительное потребление мясной пищи сделало возможным раннее появление, а затем – сенсационные успехи человеческих масс Дальнего Востока. И по очень простой причине: если судить об экономике по одному лишь арифметическому подсчету калорий, то при равных площадях земледелие намного превосходит животноводство. Худо-бедно оно может прокормить в десять, в двадцать раз больше людей, чем его соперник. Об этом говорил уже Монтескье, имея в виду рисоводческие страны: «Земля, которую в иных местах используют для прокорма животных, здесь используется непосредственно для поддержания жизни людей»¹.

Но так происходит повсюду, и не только в XV–XVIII вв.: всякий демографический подъем выше определенного уровня предполагает усиленное обращение к растительным продуктам питания. Зерновые или мясо – решение этой альтернативы зависит от числа людей. Это один из главных критериев материальной жизни: «Скажи мне, что ты ешь, и я скажу тебе, кто ты есть». На свой манер утверждает это немецкая пословица, построенная на игре слов: „*Der Mensch ist was er isst*“ («Человек есть то, что он ест»)². Его пища свидетельствует о его социальном ранге, об окружающей человека цивилизации или культуре.

Для путешественников переход от какой-либо культуры к какой-то цивилизации, от низкой плотности населения к сравнительно высокой (или наоборот) был связан со знаменательными изменениями в питании. Дженкинсон, первый купец *Московской компании*, приехавший в 1558 г. в Москву через далекий Архангельск, спустился по Волге. Неподалеку от Астрахани он заметил на берегах реки «огромное стойбище татар-ногайцев»: пастухов-кочевников, которые не имеют «ни городов, ни домов», которые грабят и убивают, которые не знают другого ремесла, кроме войны, не умеют ни обрабатывать землю, ни сеять и ко-

¹ Montesquieu. *De l'Esprit des lois*. Liv. XXII, chap. 14. – Montesquieu. *Œuvres complètes*. 1964, p. 690.

² Это ставшее поговоркой выражение принадлежит будто бы Л. Фейербаху.

Брейгель Младший.
«Обед жнецов».
Брюссель. Частная
коллекция. (Фото
Жиродона.)

³ Hackluyt's *Voyages*. Ed. 1927, I, p. 441, 448–449.

⁴ Goubert P. *Beauvais et le Beauvaisis de 1600 à 1730. Contribution à l'histoire sociale de la France du XVIIe siècle*. 1960, p. 108, III.

торые осыпают насмешками русских, против которых сражаются. Разве могут быть настоящими мужчинами эти христиане, которые едят пшеницу и ее же пьют (пиво и водка изготавливаются из зерна)? Ногайцы пьют молоко, едят мясо – и это совсем другое дело. Продолжая свое путешествие, Дженкинсон пересекает пустыни Туркестана, рискуя умереть там от голода и жажды, и, добравшись до долины Амударьи, он находит там пресную воду, кобылье молоко и конину, но не обнаруживает хлеба³. Эти различия и взаимные насмешки между скотоводами и земледельцами встречаются и в самом сердце Запада – между обитателями района Брэ и возделывающими зерновые жителями Бовези⁴, между кастильцами и скотоводами Беарна, этими «коровопасами», по поводу которых охотно злословят южане,

хотя злословие это и взаимно. Еще более разительна противоположность в образе питания (особенно бросающаяся в глаза в Пекине) монголов – а позднее маньчжур, – поедających мясо большими кусками, по-европейски, и китайцев, для которых кухня – искусство, почти ритуал; она должна сочетать зерновые продукты – *фан* – как основу, с добавками – *чай*, – где искусно соединены овощи, соусы, приправы и немного мяса или рыбы, обязательно мелко нарезанных⁵.

Что же до Европы, то она вся плотоядна: «Чрево Европы больше тысячи лет обслуживала мясная торговля»⁶. В средние века Европа на протяжении столетий знала заваленные мясом столы, потребление мяса было на пределе возможного, достойно Аргентины XIX в. Дело в том, что за пределами своего средиземноморского побережья Европа долго оставалась наполовину пустынной землей, с обширными площадями для выпаса животных, и как следствие европейское земледелие предоставило скотоводству широкие возможности. Но после XVII в. скотоводство быстро утрачивает это привилегированное положение, поскольку с увеличением числа людей в Европе как бы берет реванш общее правило потребностей в растительной пище; так продолжалось по меньшей мере до середины XIX в.⁷ Тогда, и только тогда, Европа будет освобождена от этого мясного воздержания научными формами животноводства и массовыми поставками американского мяса – соленого, а затем мороженого.

Впрочем, европеец, оставаясь верен этой старинной, всегда желанной привилегии, с самых первых контактов с заморскими странами неизменно требует ее там для себя: господа здесь питаются мясом. Они безудержно объедаются им в Новом Свете, который только что наводнили стада из Старого Света. На Дальнем Востоке свойственный европейцам вкус к мясу вызывает отвращение и удивление. Один путешественник XVII в. говорит: «Нужно быть очень большим барином, чтобы получить на Суматре, притом на целый день, вареную или жареную курицу. Так что они говорят, что две тысячи христиан [имеется в виду – приехавших с Запада] скоро переведут на их острове всех быков и домашнюю птицу»⁸.

Этот выбор питания и споры, которые он вызывает, суть результат процессов очень далекого прошлого. Маурицио даже напишет: «В истории питания тысяча лет почти что не приносит перемен»⁹. В действительности же судьбы питания людей наметили и определили в основных чертах две древние революции. В конце палеолита эти «всеядные» существа перешли к охоте на крупных животных: родилась «великая плотоядность», вкус к которой более уже не исчезает, «эта потребность в мясе и крови, этот «азотный голод» или, если угодно, жажда животных белков»¹⁰.

Вторая революция – это неолитическая революция VII или VI тыс. до н. э., принесящая земледелие и появление культурных злаков. Поля стали расширяться в ущерб охотничьим угодьям и экстенсивному скотоводству. Проходили века, и люди, все более и более многочисленные, оказались отброшены к растительной пище – сырой и вареной, зачастую безвкусной, всегда одно-

⁵ Chang K. C. – *Food in Chinese Culture*. 1977, p. 7.

⁶ Manceron C. *Les Vingt Ans du Roi*. 1972, p. 614.

⁷ Abel W. *Wandlungen des Fleischverbrauchs und der Fleischversorgung in Deutschland seit dem ausgehenden*

Mittelalter. – «*Berichte über Landwirtschaft*», XXII, 3, 1937, S. 411–452.

⁸ Abbé Prévost. *Histoire générale des voyages*, IX, p. 342 (voyage de Beaulieu).

⁹ Maurizio A. *Histoire de l'alimentation végétale*. 1932, p. 168.

¹⁰ Claudian J. *Rapport préliminaire de la Conférence internationale FIPAL*. Paris, 1964 (машинопись), p. 7–8, 19.

Жатва на
Малабарском берегу
(Индия) в XVI в.
(Фото Ф. Кулиси.)

¹¹ Granet M. *Danses et légendes de la Chine ancienne*. 1926, p. 8, 19, note.

¹² Claudian J. *Art. cit.*, p. 27.

¹³ Rutlige J. J. *Essai sur le caractère et les mœurs des François comparées à celles des Anglois*. 1776, p. 32.

¹⁴ Sorre M. *Les Fondements de la géographie humaine*. 1, p. 162–163.

¹⁵ Gourou P. *La civilisation du végétal. — «Indonésie»*, № 5, p. 385–396; см. рецензию Л. Февра в: «*Annales E. S. C.*», 1949, p. 73 sq.

образной, независимо от того, подвергалась она брожению или нет. Это каши, супы, хлеб. С этого времени через всю историю проходит противоположность между двумя группами человечества: редкими потребителями мяса и бесчисленными потребителями хлеба, каш, вареных корне- и клубнеплодов. Во II тыс. до н. э. в Китае «правителей крупных провинций называли ... пожирателями мяса»¹¹. В античной Греции говорили, что «у питающихся ячменной кашей нет никакой охоты воевать»¹². Много веков спустя, в 1776 г., один англичанин утверждал: «Больше отваги встречаешь у людей, которые досыта едят мяса, нежели у тех, кто довольствуется более легкой пищей»¹³.

Поэтому наше внимание с XV по XVIII в. будет обращено в первую очередь на преобладающие виды пищи, следовательно, на те, которые доставляет земледелие, древнейший из промыслов. Но земледелие всякий раз с самого начала ориентировалось, должно было ориентироваться, на то или иное господствующее растение, а потом строиться в зависимости от этого древнего первоначального выбора, от которого в дальнейшем будет зависеть все или почти все. У трех из таких растений — пшеницы, риса и кукурузы — оказалась блистательная судьба; они и сегодня оспаривают друг у друга обрабатываемые земли мира. Они были «растениями цивилизации»¹⁴, которые очень глубоко организовывали материальную, а порой и психическую жизнь людей, так что создавались почти необратимые структуры. Их история, тот «детерминизм цивилизации»¹⁵, тяжесть которого они взвалили на крестьянство и на всю жизнь человечества, — вот основной предмет настоящей главы. Переходя от одного из этих злаков к другому, мы как бы совершим кругосветное путешествие.

ПШЕНИЦА

Пшеница – это прежде всего Запад, но не один только Запад. Задолго до XV в. она соседствовала в Северном Китае с просом и сорго. Там ее «сажали в лунки» и не жали серпом, а «вырывали со стеблем» мотыгой. Ее вывозили по Юньлянхэ, «реке, несущей зерно», вплоть до Пекина. Эпизодически она встречалась даже в Японии и в Южном Китае, где, по словам де Лас Кортеса (1626 г.), крестьянину иногда удавалось получить урожай пшеницы между двумя урожаями риса¹⁶. И служила она просто дополнительным зерном, ибо китайцы «не более знакомы с замесом хлеба, чем со способом жарения мяса», а также и потому, что, будучи продуктом вспомогательным, «пшеница [в Китае] всегда дешева». Иногда из нее делали нечто вроде хлеба, выпекавшегося на пару над котлом и смешанного с «мелко нарубленным луком», а в общем, по словам западного путешественника, это «очень тяжелое тесто, которое лежит в желудке как камень»¹⁷. В XVI в. в Кантоне изготавливали сухари, но уже для Макао и Филиппин. Пшеница также обеспечила китайцев лапшой, кашами и пампушками на свином сале, но не хлебом¹⁸.

Прекрасная пшеница имела также на сухих равнинах бассейна Инда и верховий Ганга, и передвигавшиеся по всей Индии огромные караваны нагруженных быков обеспечивали обмен пшеницы на рис. В Иране простейший вид хлеба – пресные лепешки – продавался по дешевке повсеместно, будучи часто плодом невероятного крестьянского труда. Например, в окрестностях Исфахана «земли, отводимые под пшеницу, тяжелые, и, чтобы их вспахать, нужны четыре, а то и шесть быков. И на ярмо передней пары сажают мальчика, который погоняет быков палкой»¹⁹. Добавим к этому то, что всем известно: пшеницу выращивают повсюду вокруг Средиземного моря, даже в оазисах Сахары, а особенно в Египте, где, из-за того что нильские паводки приходятся на лето, обработка земли производится по необходимости зимой, на землях, с которых сошла вода, и в климатических условиях, едва ли благоприятных для тропических растений, но пригодных для пшеницы. Последняя встречается также в Эфиопии.

Начав с Европы, пшеница познала не один триумф вдали от нее. Русская колонизация принесла ее на восток, в Сибирь, дальше Томска и Иркутска. С XVI в. русский крестьянин искал свою судьбу на украинских черноземах, где в 1793 г. завершатся поздние завоевания Екатерины II. Задолго до этой даты пшеница там восторжествовала, хотя и не всегда к стати. В мемуаре от 1771 г. сообщается: «Еще сейчас в Подолии и на Вольни стоят огромные, как дома, бурты гниющей пшеницы, которой можно было бы прокормить всю Европу»²⁰. Такая же ситуация чрезмерного, катастрофического изобилия наблюдалась в 1784 г. Один из французских агентов отмечал: «Пшеница настолько дешева на Украине, что многие землевладельцы отказываются от ее выращивания. Однако обилие этого зерна уже таково, что оно кормит не только значительную часть Турции, но даже

¹⁶ P. de Las Cortes. *Relacion del viaje, naufragio y captiverio...* 1621–1626. British Museum, Sloane, f 75.

¹⁷ Abbé Prévost. *Op. cit.*, V., p. 486.

¹⁸ Gemelli Careri G. F. *Op. cit.*, IV, p. 79.

¹⁹ *Ibid.*, II, p. 59.

²⁰ Мемуар об Очаковском порте и о торговле, для коей он мог бы служить перевалочным пунктом. A. E., M. et D. Russie, 7. f° 229.

²¹ А. Е., M. et D. Russie, 17. f°s 78 et 194-196.

²² Dandolo V. *Sulle Cause dell'avvilimento delle nostre granaglie e sulle industrie agrarie...*, 1820, XL, p. 1 sq.

²³ *Histoire du commerce de Marseille*. Dir. par G. Rambert, 1954, IV, p. 625 sq.

обеспечивает экспорт в Испанию и Португалию»²¹. А равным образом – и во Францию, через Марсель; тамошние суда грузились черноморской пшеницей либо на островах Эгейского моря, либо в Крыму, например в Гёзлеве – будущей Евпатории; прохождение черноморских проливов было сопряжено со сложностями, о которых легко догадаться.

Но в действительности великий час «русской» пшеницы пробьет позднее. В 1803 г. в Италии приход русских судов, груженых украинской пшеницей, в глазах местных землевладельцев выглядел катастрофой. Чуть позже, в 1818 г., угроза со стороны этого зерна подчеркивалась в палате депутатов во Франции²².

Задолго до этих событий пшеница пересекла Атлантический океан. В Испанской Америке ей пришлось бороться с коварством слишком жаркого климата, с прожорливыми насекомыми, с культурами-соперницами (маисом, маниокой). Успех в Америке пшеница познает с запозданием в Чили, на берегах р. Св. Лаврентия, в Мексике, а еще больше – в английских колониях в Америке в XVII и особенно XVIII в. Тогда бостонские парусники повезли муку и зерно на выращивающие сахарный тростник Антильские острова, а потом и в Европу и в Средиземноморье. Начиная с 1739 г. американские суда выгружают пшеницу – зерно и муку – в Марселе²³. В XIX в. пшеница восторжествует в Аргентине, в Южной Африке, в Австралии, в прериях Канады и Среднего Запада США, утверждая повсюду своим присутствием экспансию Европы.

ПШЕНИЦА И ВТОРОСТЕПЕННЫЕ ЗЕРНОВЫЕ КУЛЬТУРЫ

Но вернемся в Европу. При первом же рассмотрении пшеница предстает там тем, что она есть на самом деле, – фигурой сложной. Лучше было бы говорить «хлеба», *los panes*, как это повторяется в стольких испанских текстах. Прежде всего, есть хлеб разного качества: во Франции лучший часто называли «главным хлебом». Наряду с ним продается хлеб среднего качества, «малый хлеб» – смесь пшеницы с другими зерновыми, чаще с рожью. К тому же пшеница никогда не выращивается одна. Древний злак, она соседствует с еще более древними. Полба, покрытосеменная зерновая культура, выращивается в Италии еще в XIV в. Около 1700 г. она встречается в Эльзасе, в Пфальце, в Швабии и на швейцарском нагорье в качестве хлебного злака, а в конце XVIII в. – в Гелдерне и в графстве Намюрском (где ее, как и ячмень, используют прежде всего на корм свиньям и для изготовления пива). Вплоть до начала XIX в. полба существовала в долине Роны²⁴. Просо занимало еще большее место²⁵. Если в 1372 г. осажденная генуэзцами Венеция выстояла, то это произошло благодаря запасам проса на ее складах. Еще в XVI в. Синьория охотно заполняла этим долго хранящимся (иной раз до 20 лет) зерном склады укрепленных городов в своих владениях на материке. И именно просо скорее, чем пше-

²⁴ Juillard E. *La Vie rurale dans la plaine de Basse-Alsace*. 1953, p. 29; Ruwet J., Hélin E., Ladrier F., van Buyten L. *Marché des céréales à Ruremonde, Luxembourg, Namur et Diest, XVIIe et XVIIIe siècles*. 1966, p. 44, 57 sq, 283-284, 299 sq.; Faucher D. *Plaines et bassins du Rhône moyen*. 1926, p. 317.

²⁵ Sorre M. *Op. cit.*, I, carte p. 241; ареал, охватывающий все Средиземноморье и Центральную и Южную Европу.

²⁶ Braudel F. *Médit...*, I, p. 539, 540.

²⁷ B. N., *Estampes*, Oe 74.

²⁸ Braudel F. *Médit...*, I, p. 223.

²⁹ Hausherr H.

Wirtschaftsgeschichte der Neuzeit, vom 14. bis zur Höhe des 19. J. 1954, S. 1.

³⁰ Braudel F. *Médit...*, I, p. 544 et note 1.

³¹ Lemery L. *Traité des aliments, où l'on trouve la différence et le choix qu'on doit faire de chacun d'eux en particulier...* 1702, p. 113.

³² См. таблицу в кн.:

Toutain J.-C. *Le produit de l'agriculture française de 1700 à 1958.*—«*Histoire quantitative de l'économie française*». Dir. par J. Marczewski, 1961, p. 57.

³³ Van Klaveren J.

Europäische Wirtschaftsgeschichte Spaniens im 16. und 17. Jahrhundert. 1960, S. 29, note 31.

* «Riso» по-итальянски означает не только «рис», но и «смех».—Прим. ред.

ницу, отправляли в далматинские крепости или на острова Леванта, когда там не хватало продовольствия²⁶. В XVIII в. просо еще сеяли в Гаскони и Италии, как и в Центральной Европе. Но речь идет об очень грубой пище, если судить по нижеследующему комментарию одного иезуита в конце того же века, который, восхищаясь пользой, какую китайцы извлекают из различных видов своего проса, восклицал: «При всех наших успехах в премудростях любопытства, тщеславия и бесполезности, наши крестьяне Гаскони и бордоских ланд столь же мало продвинулись вперед, как и три века назад, в способах приготовления из своего проса менее дикой и менее нездоровой пищи»²⁷.

У пшеницы есть и другие, более важные сотоварищи. Таков ячмень, конский корм в странах Юга. В XVI в. да и позднее на протяжении венгерской военной границы, где сражения между турками и христианами были немыслимы без конницы, можно было сказать: «Плох урожай ячменя—значит, не будет войны»²⁸. Дальше к северу твердая пшеница уступает место пшеницам мягким, ячмень—овсу, а еще больше—ржи, поздно появившейся на землях Севера: по-видимому, она пришла сюда не раньше великих вторжений V в. Впоследствии рожь обосновалась и распространилась там вместе с трехпольем²⁹. Голод в Европе очень рано побуждал балтийские корабли, груженные рожью в такой же мере, как и пшеницей, уходить все дальше и дальше: в Северное море и в Ла-Манш, потом в океанские порты Пиренейского полуострова, а затем, во время великого кризиса 1590 г., как массовое явление,—и в Средиземное море³⁰. Все эти зерновые использовались еще и в XVIII в. для приготовления хлеба там, где не было пшеницы. «Ржаной хлеб,—писал в 1702 г. врач Луи Лемери,—не так насыщает, как пшеничный и несколько отягощает желудок». Ячменный хлеб, добавляет он, «подкрепляет силы, но менее сытен, нежели хлеб пшеничный и ржаной». И только северяне готовят овсяный хлеб, «к коему они привыкли»³¹. Но остается суровым фактом, что на протяжении всего XVIII в. засеянные зерновыми земли распределялись во Франции примерно пополам между «bled» (т. е. хлебными злаками, пшеницей и рожью) и «мелким зерном» (ячменем, овсом, гречихой, просом) и что, с другой стороны, рожь, бывшая около 1715 г. на равных с пшеницей, в 1792 г. соотносилась с нею как 2:1³².

Другим вспомогательным злаком служил рис, ввозившийся из бассейна Индийского океана с классической античности, который средневековые торговцы получали в торговых конторах Леванта и даже в Испании, где арабы очень рано внедрили его культуру: в XIV в. рис с Мальорки продавался на ярмарках Шампани, а валенсийский рис вывозили даже в Нидерланды³³. С XV в. рис возделывали в Италии и он дешево продавался на рынке в Ферраре. О том, кто охотно смеялся, говорили, что он-де поел рисового супа, прибегая к не слишком сложной игре слов: «*Che aveva mangiato la minestra di riso*»*.

К тому же рис распространится во всех областях Апеннинского полуострова, дав впоследствии толчок развитию обширных поместий в Ломбардии, Пьемонте и даже в Венеции, в

34 Braudel F. *Médit...*, II, p. 116.

35 К 1740 г. самое малое 50 тыс. бочонков по 400 фунтов каждый. Savary J. *Dictionnaire universel de commerce, d'histoire naturelle et des arts et métiers*. 5 vol., 1759–1765, IV, col. 563.

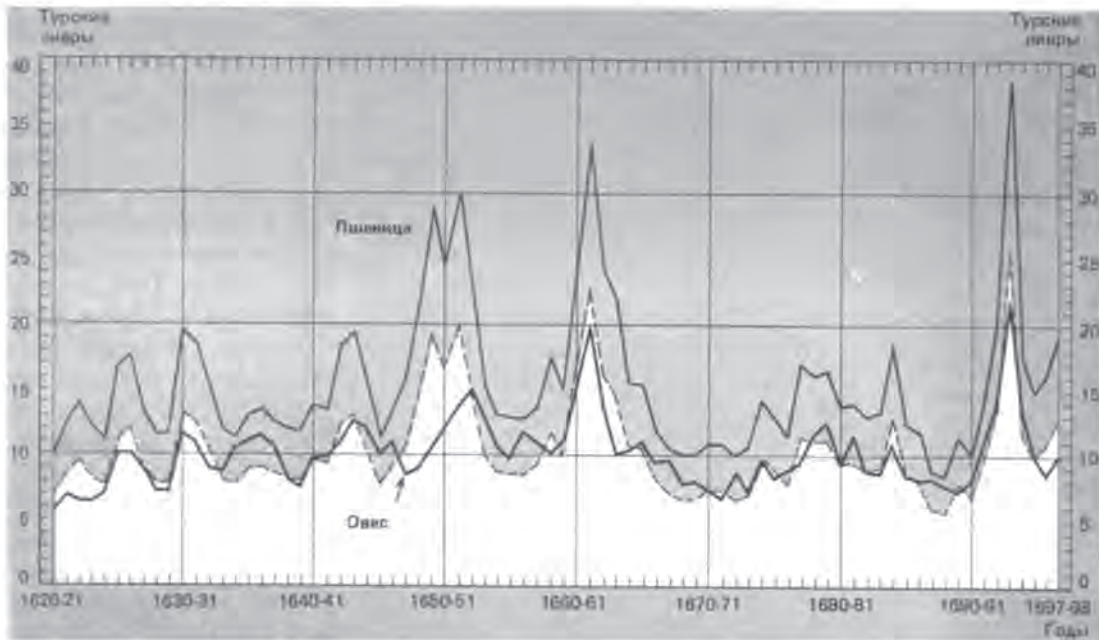
36 *Ibid.*, IV, col. 565; A. N., G7, 1685, f° 275; A. N., G7, 1695, f° 29.

37 Marciana, *Chronique de Girolamo Savina*, f° 365 sq.

38 Le Grand d'Aussy P. J. V. *Histoire de la vie privée des Français*. 1782, I, p. 109.

Романье, Тоскане, Неаполе и на Сицилии. Эти рисовые плантации, когда они станут процветать под эгидой капитализма, пролетаризуют крестьянскую рабочую силу. Это уже *горький рис* (*riso amaro*), тяжело достававшийся людям. Точно так же рис займет большое место в турецких владениях на Балканах³⁴. Он доберется и до Америки, где в конце XVII в. Каролина станет крупным его экспортером (через Англию)³⁵.

Однако на Западе рис оставался вспомогательной пищей, которая почти не соблазняла богачей, несмотря на некоторое распространение употребления в пищу риса, сваренного на молоке. Рис, погруженный на суда в Египте (Александрия) в 1694 и 1709 гг., обеспечил во Франции «питание для бедных»³⁶. В Венеции начиная с XVI в. рисовую муку в голодные годы подмешивали к другой муке для приготовления «народного хлеба»³⁷. Во Франции рисом кормили в больницах, в казармах, на кораблях. В Париже служители церкви часто раздавали беднякам «экономичный рис», смешанный с размятыми репой, тыквой и морковью и сваренный на воде в котлах, которые никогда не мылись ради сохранения остатков риса и «отстоя»³⁸. По мнению

Цены на пшеницу и овес согласно Парижскому преискуранту Пунктирная линия представляет предполагаемую кривую цен овса, которая была бы «естественной», по мнению Дюпре де Сен-Мора (2/3 цены пшеницы).

рассудительных людей, рис, смешанный с просом, позволял выпекать дешевый хлеб, опять-таки предназначенный для бедняков, «дабы таковые были сыты от одного приема пищи до другого». Это более или менее эквивалентно, при прочих равных условиях, тому, что имело место в Китае, где беднякам, «которые не могли купить чая», предлагалась горячая вода, в которой варились бобы и овощи, плюс лепешки «из теста, приготовленного из толченых бобов» — все тех же бобов, всегда используемых «для соуса, которым приправляют пищу»... Может быть, речь идет о сое? Но во всяком случае, о продукте низшего

³⁹ Abbé Prévost. *Op. cit.*, V, p. 486 (voyage de Gemelli Careri); VI, p. 142 (voyage de Navarrette).

⁴⁰ См. настоящую работу, т. II.

⁴¹ Dupré de Saint-Maur N. F. *Essai sur les monnoies ou Réflexions sur le rapport entre l'argent et les denrées...* 1746, p. 182 et note a.

* Старинная мера сыпучих тел, зерна, колебавшаяся в зависимости от времени и места (от 150 до 300 литров). – *Прим. ред.*

⁴² Вопрос остается открытым, ибо, согласно опубликованным преискурантам (см., в частности: Baulant M. et Meuvret J. *Prix des céréales extraits de la mercuriale de Paris, 1520–1698.* 1960), колебаниям цен на пшеницу весьма нерегулярно сопутствовали колебания цен на овес. См. график на с. 125.

⁴³ Braudel F. *Médit...*, I, p. 38 et note 4.

качества, предназначенном, как рис или просо на Западе, для утоления голода бедноты³⁹.

Повсюду между пшеницей и дополняющими ее зерновыми существует тесная корреляция. Кривые, которые можно построить, отправляясь от цен в Англии начиная с XIII в.⁴⁰, уже обнаруживают это. Эти цены при понижении ведут себя одинаково; при повышении единообразие несколько уменьшается, ибо рожь, пища бедняков, в периоды дороговизны знавала резкие пики, превосходя иной раз и пшеницу. Напротив, цены на овес отставали. «Цена хлебного зерна, – указывал в 1746 г. Дюпре де Сен-Мор, – всегда возрастает больше, чем цена на овес, [из-за] нашей привычки питаться пшеничным хлебом [внесем поправку: во всяком случае, у богатых], тогда как лошадей отправляют на выпас в деревню, как только поднимается цена на овес»⁴¹. Хлеб и овес: сказать это – значит сказать «люди и лошади». Для Дюпре де Сен-Мора нормальное (он говорит «естественное», подобно старинным экономистам, желавшим, чтобы между золотом и серебром непременно было соотношение 12:1) соотношение было 3:2. «Всякий раз, когда на протяжении определенного периода сетье * овса ... продается примерно на треть дешевле, нежели сетье пшеницы, вещи пребывают в своем естественном соотношении». Если данное соотношение нарушается, это означает голод; и чем более увеличивается разрыв, тем тяжелее голод. «В 1351 г. сетье овса стоил четверть цены сетье пшеницы, в 1709 г. – одну пятую, в 1740 г. – одну треть. Таким образом, дороговизна в 1709 г. была больше, чем в 1351 г., а в 1351 г. – больше, чем в 1740 г.»

Вероятно, эта аргументация применима к реальностям, которые были у автора перед глазами. Но совсем иное дело придавать ей силу закона для времени с 1400 по 1800 г. Так, между 1596 и 1635 гг. и, вероятно, в течение большей части XVI в. овес во Франции, видимо, стоил примерно наполовину дешевле пшеницы⁴². Лишь в 1635 г. начинает намечаться «естественное» соотношение 3:2. Было бы слишком просто вслед за Дюпре де Сен-Мором делать отсюда заключение о латентной дороговизне в XVI в. и искать ее корни в смутах этой эпохи, полагая, что нормализация наступила около 1635 г. с восстановлением относительного *внутреннего* мира. Можно было бы с таким же основанием вспомнить о том, что в 1635 г. Франция Ришелье вступала в период, который наши учебники именуют Тридцатилетней войной. Так что овес, без которого были бы немислимы ни лошади, ни кавалерия, ни артиллерийские запряжки, вполне естественно, повысился в цене.

И соединение друг с другом хлебных злаков никогда не создавало изобилия. Человек Запада должен был приспособливаться к хроническим нехваткам. Первой компенсацией ему служило привычное потребление бобовых или же псевдомуки из каштанов или гречихи, которую с XVI в. сеют в Нормандии и Бретани после уборки пшеницы и которая успевает созреть еще до зимы⁴³. Заметим мимоходом, что гречиха не злаковое растение, она принадлежит к роду *Polygonum*. Но это неважно! Для людей она – «черная пшеница». Из каштанов делают муку, лепешки – то, что в Севеннах и на Корсике громко именуют «дре-

⁴⁴ Deffontaines P. *Les Hommes et leurs travaux dans les pays de la Moyenne Garonne*. 1932, p. 231.

⁴⁵ Gachard L. P. *Retraite et mort de Charles Quint au monastère de Yuste*. I, 1854, p. 49.

⁴⁶ Свидетельство губернатора Дофине Ледигьера, приводимое в кн.: Sée H. *Esquisse d'une histoire économique et sociale de la France*. 1929, p. 250; Lémery L. *Op. cit.*, p. 110.

весным хлебом». В Аквитании (где их называли “ballotes”) и других местностях каштаны часто играли ту же роль, какую в XIX в. будет играть картофель ⁴⁴. В южных странах это был более важный ресурс, чем принято обычно говорить. Это подтверждает дворецкий Карла V в Харандилье возле Юсты, в кастильской Эстремадуре (1556 г.): «Что здесь хорошо, так это каштаны, а не пшеница: та, какую можно найти, ужасающе дорога» ⁴⁵.

Напротив, совершенно ненормальным выглядит употребление в пищу в Дофине зимой 1674/75 г. «желудей и кореньев»: это признак страшного голода. В 1702 г. Лемери сообщал, сам не веря в это, «что есть еще места, где эти желуди используются для той же надобности» ⁴⁶.

Настоящие вспомогательные виды зерна, стручковые, чечевица, бобы, черный, белый и серый горох, нут также представляют дешевый источник белков. Они суть «малое продовольствие» – *menudi*, или *minuti*, как именуют их венецианские

Сбор каштанов в XIV в. Иллюстрация к «*Tacuinum sanitatis in medicina*». (Фото из Национальной библиотеки.)

документы. Как только какая-либо местность на материке лишалась своих *menudi* в результате летнего урагана (что случалось нередко), сообщение о несчастье сразу же вызывало вмешательство венецианских властей. Ибо это «малое продовольствие» рассматривали как «зерновые» – это доказывают тысячи документов, которые ставят их наравне с самой пшеницей. Например, какому-нибудь кораблю из Венеции или Рагузы поруча-

лось загрузиться в Александрии либо пшеницей, либо бобами. Генерал-капитан Гранады 2 декабря 1539 г. пишет, что трудно будет найти нут и бобы в достаточном для флота количестве, а что касается цены, так они идут «по цене пшеницы»⁴⁷. В переписке одной из испанских «пресидиос» в Африке около 1570 г. утверждается, будто солдаты там предпочитали пшенице и сухарям нут – *garbanzos*⁴⁸. *Biave*, венецианское Зерновое ведомство, всегда учитывало в своих прогнозах и оценках урожая всю совокупность зерновых и бобовых. Например, в 1739 г. оно отмечало хороший урожай хлебов, но плохой сбор *minuti*, «мелкого зерна», которое в ту пору включало фасоль и просо⁴⁹. В Чехии раскопки поселений раннего средневековья выявили, что жители их в основном питались скорее горохом, нежели хлебным зерном. Бременский прейскуронт 1758 г. приводит вслед за ценами на зерновые и цены на бобовые (*Getreide* и *Hül- senfrüchte*). Точно так же прейскуронты в Намюре и Люксембурге XVII и XVIII вв. показывают наличие на рынке наряду с пшеницей ржи, гречихи, ячменя, овса, полбы и гороха⁵⁰.

ПШЕНИЦА И СЕВООБОРОТЫ

Пшеницу нельзя без большого ущерба сеять два года подряд на одной и той же земле. Ее должно сеять на других полях, необходим оборот. Так что жителю Запада казалось великим чудом то, что рис в Китае, как писал де Лас Кортес в 1626 г., произрастает «на одной и той же земле, которой они ни года не дают отдохнуть, как делают в нашей Испании»⁵¹. Возможно ли это, даже можно ли было такому поверить? В Европе, да и повсюду, где ее выращивают, пшеница ежегодно сменяет участки. Для ее выращивания требуется либо двойная, либо тройная площадь в сравнении с той, какую она занимает, в зависимости от того, раз в два или раз в три года можно возвращаться на одни и те же поля. Так что она включена в двух- или трехпольную систему.

В самых общих чертах, если исключить несколько небольших по площади зон с весьма развитым земледелием, почти без паров, Европа была разделена между двумя системами. На юге пшеница или прочие хлебные злаки по очереди занимают половину возделываемых земель, а вторая половина остается под паром – *en barbechos*, как говорят в Испании. На севере земля разделяется на три поля: поле озимых зерновых, поле яровых зерновых, высеваемых весной (эти культуры называли также *mars, marsage, carêmes, trémis, trémois...*), и, наконец, поле под паром. Еще недавно в Лотарингии пахотные земли общины, в центре которых лежит деревня, разделялись на эти три поля как секторы грубо очерченного круга, простирающегося до близлежащего леса: пшеница, овес, пар (который именуют *les versaines*). Затем пшеница занимала место паров, овес произрастал там, где была пшеница, а пары сменяли овес. Таков был трехгодичный севооборот: к исходу третьего года восстанавливалось исходное положение. Следовательно, имелись две системы: в одной земля, отводимая под пшеницу, отдыхала больше, в другой – пшеница, при сохранении всех пропорций, ежегодно зани-

⁴⁷ Archivo General de Simancas, Estado Castilla 139.

⁴⁸ Braudel F. *Médit...*, I, p. 518.

⁴⁹ Georgelin J. *Venise au siècle des Lumières*. 1978, p. 288.

⁵⁰ Ruwet J, et al. *Marché des céréales...* Op. cit., p. 57 sq.

⁵¹ P. de Las Cortes. *Document cité*, f° 75.

Пахота. Миниатюра из «Часослова Блаженной девы Марии». XVI в. (Фото Бюлло.)

мала большую площадь (при условии, что эту площадь целиком засевали пшеницей, чего не бывало, собственно говоря, никогда). На юге зерно было богаче клейковиной, а на севере была выше урожайность; к тому же влияли и качество земли, и климат.

Но такая схема верна лишь в самых общих чертах: на юге бывали земли, возделывавшиеся «по третям» (с двухлетними парами), точно так же, как на севере, например в Северном Эльзасе от Страсбурга до Виссамбура⁵², упорно сохранялись случаи двухпольного севооборота. Трехполье, развившееся позже, наследовало двухполью, которое сохраняется на довольно больших пространствах как древнее письмо, проступающее на палимпсесте.

Естественно, что смешение типов было правилом на границах между ареалами этих двух великих европейских систем. Обследование, проведенное для овернской области Лимань в XVI в., отмечает переплетение двух- и трехпольного севооборотов в зависимости от почв, рабочей силы, численности крестьянского населения...⁵³ Даже на крайнем юге «двухпольной» зоны, вокруг Севильи, имелся в 1755 г. небольшой район трехпольного севооборота, по-видимому аналогичного ротации культур на севере.

Но оставим в стороне эти вариации. В принципе неизменным остается то, что каждые два или три года в севообороте насту-

⁵² Juillard E. *Problèmes alsaciens vus par un géographe*. 1968, p. 54 sq.

⁵³ Derruau M. *La Grande Limagne auvergnate et bourbonnaise*. 1949.

пает «мертвый сезон», отдых от возделывания зерновых. Этот «мертвый сезон» позволяет почве под паром восстановить свои богатства минеральных солей. Тем более что землю унавоживали, а затем вспахивали: считалось, что повторные вспашки проветривают почву, избавляют ее от сорной травы и подготавливают обильный урожай. Джетро Талл (1674–1741 гг.), один из провозвестников революции в английском сельском хозяйстве, рекомендовал повторную вспашку наряду с внесением в почву навоза и ротацией культур⁵⁴. Документы говорят даже о семи вспашках, включая и предпосевные. В XIV в. в Англии, как и в Нормандии, уже шла речь о трех вспашках – весной, осенью и зимой. В 1328 г. в Артуа земля, предназначенная под пшеницу, «хорошо обрабатывается с четырьмя ораньями (вспашками), одной зимой и тремя – летом»⁵⁵. В Чехии в имениях Черниных в 1648 г. было правилом пахать четырежды или трижды, смотря по тому, под пшеницу или под рожь предназначается земля. Запомним слова одного савойского землевладельца, сказанные в 1771 г.: «В иных местах мы изнуряем себя бесконечной пахотой и пашем до четырех или пяти раз ради одного урожая пшеницы, зачастую весьма среднего»⁵⁶.

С другой стороны, культура пшеницы требует тщательного унавоживания, какого никогда не получают овес или любая иная из яровых культур, *mars*, *marsage*, или *trémois*; так что в отличие от современных результатов сбор овса, высевавшегося более часто, чем пшеница, бывал обычно наполовину ниже сбора последней. Навоз, предназначенный для пшеницы, настолько важен, что находится под неусыпным вниманием хозяина. На этот счет арендный договор, заключенный в Пикардии в 1325 г. монахами-картезианцами, предусматривал в случае разногласий арбитраж доверенных лиц. В Чехии в крупных (несомненно, слишком крупных) сеньериальных владениях имелась ведомость внесения навоза – *Düngerregister*. Даже вокруг Санкт-Петербурга «вносят в землю навоз, смешанный с соломой. Под все зерновые пахут дважды, а под *Winterroggen* [озимую рожь; пишет это свидетель-немец] – три раза»⁵⁷. В Нижнем Провансе в XVII и XVIII вв. постоянно считали и пересчитывали необходимые возы навоза, как те, что уже были разбросаны по полю, так и те, которые не предоставил *испольщик*. Иной арендный договор предусматривал даже, чтобы навоз, до того как его разбрасают по полю, был освидетельствован имеющими на это право или чтобы за его приготовлением осуществлялся надзор⁵⁸.

То, что существовали вспомогательные виды удобрений – зеленые удобрения, зола, перегной из листьев на крестьянском дворе или на деревенской улице, – не отменяло того обстоятельства, что главным источником удобрений оставался скот, а не жители деревень и городов, как на Дальнем Востоке. Однако городские нечистоты использовались для удобрения вокруг некоторых городов, как, скажем, во Фландрии, или в Испании – вокруг Валенсии, или даже вокруг Парижа⁵⁹.

Коротко говоря, пшеница и животноводство тесно связаны друг с другом, сопутствуют друг другу, тем более что необходимо использовать животных в упряжке. Нечего и думать о том, чтобы человек, способный взрыхлить киркой самое большее

⁵⁴ Tull J. *The Horse Hoeing Husbandry*... 1733, p. 21 sq.

⁵⁵ Richard J.-M. *Thierry d'Hireçon, agriculteur artésien (13...–1328)*. – «Bibliothèque de l'École des Chartes», 1892, p. 9.

⁵⁶ Vermale F. *Les Classes rurales en Savoie au XVIIIe siècle*. 1911, p. 286.

⁵⁷ Georgi J. G. *Versuch einer Beschreibung der...* 1790, S. 579.

⁵⁸ Baehrel R. *Une Croissance: la Basse-Provence rurale (fin du XVe siècle – 1789)*. 1961, p. 136–137.

⁵⁹ Slicher van Bath B. H. *Storia agraria... Op. cit.*, p. 353–356; Bourgoing J.-F. *Nouveau Voyage en Espagne*... 1789, III, p. 50.

Сев. Рукопись (Mss 90089) из Британского музея, XIII в. (Фото музея.)

один гектар за год⁶⁰ (в иерархии энергетических источников он стоит далеко позади лошади и быка), занялся один подготовкой обширных «хлебных» земель. Упряжка необходима – конная в северных странах, из быков или мулов (притом все больше и больше из мулов) – на юге.

Так на основе выращивания пшеницы и других зерновых в Европе сложилась (с региональными вариантами, которые легко себе представить) «сложная система взаимоотношений и привычек, настолько сцементированная, что в ней нет щелей, они невозможны», – как говорил Фердинан Ло⁶¹. Все здесь находится на своем месте – растения, животные и люди. В самом деле, ничто в ней немислимо без крестьян, без упряжек при плугах и без сезонной рабочей силы при жатве и обмолоте, коль скоро жатва и обмолот производятся вручную. Плодородные земли низин открываются для рабочей силы из бедных и очень часто суровых возвышенных областей. Об этой связи как твердом жизненном правиле свидетельствуют бесчисленные примеры – Южная Юра и Домб, Центральный массив и Лангедок... Нам даются тысячи возможностей увидеть такие «вторжения». В тосканскую Маремму, где царит лихорадка, каждое лето прибывает огромная толпа жнецов, ищущих высокой оплаты (в 1796 г. – до 5 паоли* в день). Бесчисленное множество их регулярно становится жертвами малярии. Тогда больных бросают одних, без ухода, в хижинах вместе со скотом, оставив им охапку соломы, небольшое количество гниющей воды и серого хлеба, луковицу и головку чеснока. «Многие умирают без врача и без священника»⁶².

Очевидно, однако, что земля под хлебами – упорядоченная, с открытыми полями (*openfields*), с регулярным и в целом ускоренным севооборотом, с антипатией крестьян к слишком большому сокращению площадей, занимаемых под зерновые, – оказывается в порочном круге. Чтобы увеличить ее продуктив-

⁶⁰ Poinso P. G. *L'Ami des cultivateurs*. 1806, II, p. 40.

⁶¹ См.: Bloch M. *Mélanges historiques*. II, 1963, p. 664.

* Старинная серебряная монета. – Прим. ред.

⁶² Мемуары 1796 г. цит. по: Imberciadori I. *La Campagna toscana nel'700*. 1953, p. 173.

ность, следует увеличить массу удобрений, т. е. количество крупного скота, лошадей и коров, а значит, расширять пастбища, по необходимости за счет хлебов. 14-я максима Кенэ рекомендует: «Способствовать умножению скота, ибо это он дает землям удобрения, рождающие богатые урожаи». Трехпольный севооборот, который дает землям, предназначенным под посев пшеницы, предварительно отдыхать в течение года, не больно-то позволяя выращивание «дополнительных» культур на парах, и который отдает абсолютное первенство зерновым, в общем обеспечивает лишь довольно низкие урожаи. Несомненно, земли под пшеницей – не то, что рисовые посадки закрытых, замкнутых в себе миров. Для скота, который они должны прокормить, есть еще леса, залежи, покосы, трава на обочинах дорог. Но эти ресурсы недостаточны. Существовало, однако, решение, открытое и применявшееся уже давно, но лишь в некоторых небольших районах: в Артуа, в Северной Италии и во Фландрии с XIV в., в некоторых областях Германии в XVI в., а затем в Голландии и, наконец, в Англии. Оно заключалось в чередовании зерновых и кормовых культур, с длительным севооборотом, который упраздняет или существенно сокращает пары. Это давало двойное преимущество: крупный рогатый скот получал корм, а урожаи зерновых возрастали за счет восстановленного таким образом минерального богатства земли⁶³. Но несмотря на рекомендации агрономов, число которых все возрастало, «земледельческой революции», начавшейся после 1750 г., потребовалось доброе столетие для того, чтобы завершиться в такой стране, как Франция, где, особенно севернее Луары, как известно, преобладают посевы зерновых. Потому что земледелие с преобладанием зерновых превращается там поистине в железный ошейник, в структуру, от которой отходят с трудом и с опаской. В Босе, где достижения зернового хозяйства можно было считать образцовыми, арендные договоры будут долго навязывать соблюдение системы трех «сезонов», или трех «полей». Здесь не сразу обучились «современной» агрикультуре.

Отсюда – пессимистические суждения агрономов XVIII в., которые видели первоочередное, если не единственное, условие прогресса агрикультуры в ликвидации паров и введении культурных лугов. Именно на основе такого критерия они неизменно определяли уровень модернизации сельского хозяйства. В 1777 г. автор «Топографического словаря Мена» отмечал: «В стороне Майенна черноземы трудны для обработки, и еще тяжелее они возле Лавалья, где ... лучшие пахари с шестью быками и четырьмя лошадьми могут вспахать за год только 15–16 арпанов. И поэтому землю оставляют отдыхать 8, 10, 12 лет подряд»⁶⁴. Та же беда наблюдалась в бретонском Финистере, где время пребывания под парами «может длиться 25 лет на худых землях и от 3 до 6 – на добрых». Артуру Юнгу, проезжавшему Бретань, казалось, что он находится ни более ни менее, как в стране гурунов⁶⁵.

А ведь речь идет здесь о фантастической ошибке в суждениях, об ошибке в оценке перспектив, что недавно убедительно показала статья Ж. Мюльье на огромном числе примеров и доказательств. В самом деле, во Франции, как и в других частях

⁶³ Slicher van Bath B. H. *Storia agraria dell'Europa occidentale*. 1972, p. 245–252, 338 sq.;

Abel W. *Crises agraires en Europe, XIII–XX siècles*. 1973, p. 146.

⁶⁴ Le Paige A. R. *Dictionnaire topographique du Maine*. 1777, II, p. 28.

⁶⁵ Mulliez J. *Du blé, «mal nécessaire», Réflexions sur les progrès de l'agriculture, 1750–1850.* – *Revue d'histoire moderne et contemporaine*, 1979, p. 30–31.

Европы, есть многочисленные и обширные области, где травы преобладают над зерновыми, где скот – это главное богатство, тот коммерческий «избыточный продукт», которым может жить каждый. Таковы кристаллические массивы, невысокие горы, сырые или заболоченные зоны, редколесья, прибрежные районы (во Франции – ее протяженный океанский фасад от Дюнкерка до Байонны). И там, где он имеет место, этот мир трав представляет другое лицо деревенского Запада, которое недооценивали агрономы XVIII и начала XIX в., ослепленные своим стремлением любой ценой увеличить урожайность зерновых и таким путем удовлетворить потребности растущего населения. Естественно, историки, не задумываясь, шли за ними. Однако же очевидно, что в таких областях пары, если они там были, оказывались активным элементом, а не «мертвым сезоном» или мертвым грузом⁶⁶. Трава здесь кормит стада, идет ли речь о поставках мяса, о молочных продуктах, о мясном скоте или рабочем – о жеребятках, лошадях, телятах, коровах, быках, ослах, мулах. Впрочем, как бы кормился Париж без этой «другой» Франции? Как снабжались бы крупные рынки скота в Со и Пуасси? Откуда взялись бы бесчисленные тягловые животные, в которых нуждались армия и транспорт?

Ошибка заключается в смешении паров в зерновых областях и в районах скотоводства. За пределами зерновых областей с правильным севооборотом непригоден самый термин «пар». Около Майенна или Лавалья, как и в других местах (даже в окрестностях Рима), периодическая распашка выгонов и засеивание их зерновыми в течение года или двух были лишь способом восстановить луга – прием, который, кстати, используется еще и сегодня. Так называемые пары в этом случае – далеко не «пустые», невозделанные пары, какими довольно часто бывали пары при трехпольном севообороте. Они включали естественные пастбища, время от времени восстанавливаемые вспашкой, а также и культурные пастбища. Например, в Финистере всегда сеяли разновидность утесника (*ajonc*), именуемую *jan*, которая, невзирая на свой внешний вид, есть просто-напросто кормовая трава. Этого не знал Артур Юнг, и он принял за безобразно заброшенную залежь эти настоящие культурные луга, какими и были *les ajoncières*. В Вандее или на пуатусском Гатине такую же роль играл дрок⁶⁷. Здесь опять-таки речь шла, несомненно, об очень древнем использовании местных растений. Но не приходится удивляться тому, что в этих так называемых «отсталых» районах стали широко применять кукурузу, культуру одновременно кормовую и используемую в пищу человеком, и относительно рано, во второй половине XVIII в., распространились репа, брюква, капуста, турнепс – короче говоря, современные кормовые растения, связанные с «земледельческой революцией»⁶⁸.

Следовательно, во Франции, и, без сомнения, по всей Европе, области, богатые скотом и бедные пшеницей, противостояли районам, богатым пшеницей, но бедным скотом. Существовали контраст и взаимодополняемость. Зерновые культуры нуждались в упряжном скоте и в навозе, а в скотоводческих районах не хватало зерна. Таким образом, «растительный детерминизм»

⁶⁶ Mulliez J., *Op. cit.*, passim.

⁶⁷ *Ibid.*, p. 32–34.

⁶⁸ *Ibid.*, p. 36–38.

Вверху: В. Ван Гог «Жнец» (Ньюен, 1885 г.). Фонд Ван Гога, Амстердам.
Внизу: жнец, из «Часослова Богоматери» (так называемого «Часослова Эннеси», XVI в.). Королевская библиотека, Брюссель.
Оба используют одним и тем же движением два одинаковых орудия – кирку и серп. Разрыв во времени более чем два столетия, правда, речь идет об одной и той же местности.

западной цивилизации проистекал не из одних только хлебов, но из сочетания хлебов и трав. И наконец, живая самобытность Запада заключалась во вторжении в жизнь людей скота – источника мяса и энергии. Такого необходимого и успешного включения животных в хозяйство рисоводческий Китай мог не знать, он мог даже пренебречь им, отказавшись тем самым от заселения и использования своих гористых местностей. Но, во всяком случае, относительно Европы мы должны изменить свою обычную точку зрения. Скотоводческие области, которые агрономы прошлого рассматривали как области с отсталой агрикультурой, осужденные на использование «худых земель», предстают, в свете статьи Ж. Мюллэ, более способными обеспечить благосостояние своих крестьян (правда, менее многочисленных), нежели «добрые земли» под зерновыми⁶⁹. Если бы нам пришлось ретроспективно выбирать для себя место проживания, мы, без сомнения, предпочли бы район от Брэ до Бовези, лесистый и поросший травами север Арденн, прекрасным равнинам юга и, может быть, даже, несмотря на зимние холода, окрестности Риги или Ревеля деревням и открытым полям Парижского бассейна.

⁶⁹ Mulliez J. *Op. cit.*, p. 30 et 47 (особенно).

НИЗКИЕ УРОЖАИ, КОМПЕНСАЦИЯ И КАТАСТРОФЫ

Непростительная «вина» хлебов – их низкая урожайность; они плохо кормят своих людей. Все последние исследования подтверждают это с удручающим обилием подробностей и цифр. С XV по XVIII в. результаты оказываются разочарывающими, где бы ни проводились обследования. Для высеянного зерна урожай часто бывал сам-пять, а иногда и намного меньше. Поскольку требовалось вычистить отсюда зерно для следующего посева, для потребления оставалось четыре зерна на одно посеянное. Что представляет такая урожайность с точки зрения нашей обычной шкалы урожайности, подсчитываемой в центнерах на гектар? Прежде чем приступить к этим простым подсчетам, следует предостеречь читателя от их простоты. В подобного рода делах правдоподобия было бы недостаточно, и к тому же все варьирует в зависимости от качества земли, приемов земледелия, годовых колебаний климата. *Производительность*, т. е. соотношение между тем, что произведено, и массой затраченных для этого усилий (речь идет не только о труде), – величина, трудно поддающаяся оценке и наверняка – переменная.

Сказав это, предположим, что высевали от 1 до 2 гектолитров пшеницы на гектар, как сегодня (не учитывая меньший размер зерна в прежние времена и, следовательно, большее число зерен на гектолитр), и будем исходить из среднего объема семенного материала в 1,5 гектолитра. При урожае сам-пять мы получим 7,5 гектолитра, или примерно 6 центнеров. Это очень низкая цифра. Между тем именно это говорил Оливье де Серр: «Хозяин может быть доволен, когда его владение приносит ему в целом, с учетом плохих и хороших лет, сам-пять – сам-шесть»⁷⁰. То же самое говорил в 1757 г. Кенэ по поводу «мелко-

⁷⁰ Serres O. *Le Théâtre d'agriculture et mesnage des champs...* 1605, p. 89.

⁷¹ François Quesnay et la physiocratie. Éd. de l'I. N. E. D., 1958, II, p. 470.

⁷² Saint-Jacob P. Les Paysans de la Bourgogne du Nord au dernier siècle de l'Ancien Régime. 1960, p. 152.

⁷³ Toutain J.-C. Art. cit., p. 87.

⁷⁴ Обо всех этих цифрах см.: Wächter H. H. Ostpreussische Domänenvorwerke im 16. und 17. Jahrhundert. 1958, S. 118.

⁷⁵ Richard J.-M. Art. cit., p. 17–18.

⁷⁶ François Quesnay et la physiocratie, p. 461 (статья «Зерновые» в Энциклопедии).

⁷⁷ Zytkowicz L. Production et productivité de l'économie agricole en Pologne. — «Troisième Conférence internationale d'histoire économique», 1965, p. 160.

го хозяйства» своего времени, системы, еще преобладавшей во Франции: «Каждый арпан, дающий в среднем сам-четыре за вычетом семян и без учета десятины...»⁷¹ По словам современного историка, в XVIII в. в Бургундии «нормальная производительность земли среднего качества составляла в общем, за вычетом семян, 5–6 центнеров с гектара»⁷². Такой порядок величин весьма правдоподобен. Около 1775 г. во Франции было, быть может, 25 млн. жителей. В целом она жила за счет собственного хлеба: считая хорошие и плохие годы, то, что она экспортировала, равнялось тому, что она ввозила. Если принять потребление хлебных злаков равным 4 гектолитрам на человека в год, то стране надо было производить 100 млн. гектолитров, или 80 млн. наших центнеров. В действительности же производство, которое, кроме того, должно было обеспечивать семенное зерно и зерно, предназначенное на корм животным, должно было намного превосходить эту цифру. По высокой оценке Ж.-К. Тутэна, оно было порядка 100 млн. центнеров⁷³. Если принять, что хлебами была засеяна площадь в 15 млн. гектаров, это вновь приведет нас к цифре урожайности в 6 центнеров. Следовательно, мы остаемся в пределах нашей первоначальной оценки, между 5 и 6 центнерами — это цифры пессимистические, но они почти не подлежат сомнению.

Но такой ответ, который кажется достаточно обоснованным, отнюдь не дает представления о всей реальности проблемы. Обращаясь к надежным счетным документам, мы обнаруживаем цифры, либо намного превосходящие эту приближенную среднюю величину в 5–6 центнеров с гектара, либо намного меньшие, чем она.

Впечатляющие подсчеты Г.-Х. Вехтера, относящиеся к *Vorwerk Domänen* — крупным имениям Тевтонского ордена, а впоследствии герцогов Прусских, касаются почти 3 тыс. цифр (с 1550 по 1695 г.) и показывают следующую среднюю урожайность (в центнерах с гектара): пшеница — 8,7 (но речь идет о крошечных участках); рожь — 7,6 (учитывая географическую широту места, культура ржи обнаруживает тенденцию стать первостепенной по важности); ячмень — 7; овес — всего 3,7. Лучшие, хотя все еще низкие цифры — те, что дает обследование для Брауншвейга, на сей раз для XVII и XVIII вв.: пшеница — 8,5; рожь — 8,2; ячмень — 7,5; овес — 5⁷⁴. Могут счесть, что это поздние рекорды. Но ведь с начала XIV в. такой землевладелец, как Тьерри д'Ирсон в Артуа, заботившийся о хорошем управлении собственными имениями, собирал в одном из своих владений в Роксторе (за семь известных лет — с 1319 по 1327 г.) на одно высеянное зерно 7,5; 9,7; 11,6; 8; 8,7; 7; 8,1 зерна соответственно, т. е. примерно от 12 до 17 центнеров с гектара⁷⁵. Точно так же Кенэ называет для «крупных хозяйств», защитником которых он был, урожайность в 16 и более центнеров с гектара — рекорд, который можно записать в актив современной, капиталистической агрикультуре (к ней мы еще вернемся)⁷⁶.

Но наряду с такими рекордами, которые суть никак не средние цифры, мы располагаем избытком печальных данных. Исследование Л. Житковича⁷⁷ установило низкий уровень урожайности в Польше. С 1550 по 1650 г. в среднем 60% сборов ржи

были сам-два – сам-четыре (а 10% были ниже сам-два). На протяжении последующего столетия эти цифры еще снижаются, и явное улучшение наступает лишь в конце XVIII в., когда сборы сам-четыре – сам-семь составили в среднем 50% всех урожаев. Для пшеницы и ячменя сборы были чуть бóльшими, но эволюция была сходной. Напротив, в Чехии со второй половины XVII в. наблюдалось определенное повышение урожайности. Но Венгрия и Словакия были такими же обделенными, как и Польша⁷⁸. И действительно, Венгрия только в XIX в. станет крупным производителем пшеницы. Не следует думать, будто на старых землях Запада урожайность всегда бывала лучшей. В XVI–XVIII вв. в Лангедоке у сеятеля была «тяжелая рука»: зачастую высевали на гектар 2 и даже 3 гектолитра⁷⁹. Овес, ячмень, рожь и пшеница росли слишком густо, угнетая самих себя, как отмечал это по всей Европе еще Александр Гумбольдт⁸⁰. Такой массовый высеv давал в Лангедоке XVI в. лишь жалкую урожайность: меньше чем сам-три в 1580–1585 гг.; в среднем от сам-четыре до сам-пять в лучшие годы XVII в., между 1660–1670 гг. Затем – новое падение и начиная с 1730 г. медленный подъем до средней цифры сам-шесть только после 1750 г.⁸¹

ПОВЫШЕНИЕ УРОЖАЙНОСТИ И РАСШИРЕНИЕ ПОСЕВНЫХ ПЛОЩАДЕЙ

Такие низкие средние цифры не исключали постоянного медленного прогресса, как это доказывает обширное исследование Б. Сликера ван Бата (1963 г.)⁸². В чем его заслуга? Он сгруппировал все известные цифры урожайности зерновых, которые, взятые в отдельности, не имели почти никакого смысла. Будучи соединены, они очерчивают *долгосрочный цикл* прогресса. В этой медленной гонке можно различить группы «бегунов», идущих с одинаковой скоростью. Головная группа – это Англия, Ирландия, Нидерланды (I). На втором месте – Франция, Испания, Италия (II); на третьем – Германия, Швейцарские кантоны, Дания, Норвегия, Швеция (III). И на четвертом – Чехия в широком смысле, Польша, Прибалтика и Россия (IV).

Если подсчитать урожайность для четырех главных злаков (пшеницы, ржи, ячменя и овса) в собранных зернах на одно высеянное, то оказывается возможным наметить в зависимости от группы и достигнутой урожайности четыре фазы – А, В, С и D.

Итак, налицо серия медленных, скромных продвижений от А к В, от В к С, от С к D. Они не исключают достаточно продолжительных отступлений, таких, как, приближенно говоря, с 1300 по 1350-й, с 1400 по 1500-й и с 1600 по 1700 г. Они также не исключают порой весьма сильных вариаций от года к году. Но главное – это запомнить *долгосрочный цикл* прогресса на 60–65%. Можно также заметить, что для прогресса в последней фазе, в 1750–1820 гг., характерно выдвигание вперед густонаселенных стран – Англии, Ирландии, Нидерландов. Вполне очевидно, что существовала корреляция между подъемом *урожайности* и ро-

⁷⁸ Zytkowicz L. *Grain yields in Poland, Bohemia, Hungary and Slovakia*. – «Acta Poloniae historica», 1971, p. 24.

⁷⁹ Le Roy Ladurie E. *Les Paysans de Languedoc...* Op. cit., II, p. 849–852; I, p. 533.

⁸⁰ Humboldt A. *Essai politique sur le royaume de la Nouvelle Espagne*. 1811, II, p. 386.

⁸¹ Le Roy Ladurie E. Op. cit., II, p. 851.

⁸² Sticher van Bath B. H. *Yield ratios, 810–1820*. 1963, p. 16.

Урожайность зерновых в Европе (1200–1820 гг.)		
A. До 1200–1249 гг. Урожайность от 3 : 1 до 3,7 : 1		
I. Англия, 1200–1249 гг.		3,7
II. Франция, до 1200 г.		3
B. 1250–1820 гг. Урожайность от 4,1 : 1 до 4,7 : 1		
I. Англия, 1250–1499 гг.		4,7
II. Франция, 1300–1499 гг.		4,3
III. Германия, Скандинавские страны, 1500–1699 гг.		4,2
IV. Восточная Европа, 1550–1820 гг.		4,1
C. 1500–1820 гг. Урожайность от 6,3 : 1 до 7 : 1		
I. Англия, Нидерланды, 1500–1700 гг.		7
II. Франция, Испания, Италия, 1500–1820 гг.		6,3
III. Германия, Скандинавские страны, 1700–1820 гг.		6,4
D. 1750–1820 гг. Урожайность выше 10 : 1		
I. Англия, Ирландия, Нидерланды, 1750–1820 гг.		10,6
По данным Б. Сликсга ван Бата		

стом населения. И последнее замечание: первоначальный прогресс был относительно наибольшим. Продвижение от А к В пропорционально больше продвижения от В к С. Переход от сам-три к сам-четыре представлял решающий шаг; в целом это означало выход на сцену первых городов Европы или новый подъем тех городов, что не исчезли за время раннего средневековья. Ибо ясно, что города зависели от избыточного производства зерна.

Падение сбора зерновых (1250–1750 гг.)			
		Урожайность на 1 высеванное зерно	Уменьшение (в %)
Англия	1250–1299	4,7	
—	1300–1349	4,1	16
	1350–1399	5,2	
	1400–1449	4,6	14
Англия	1550–1599	7,3	
Нидерланды	1600–1649	6,5	13
Германия	1550–1599	4,4	
Скандинавские страны	1700–1749	3,8	18
Восточная Европа	1550–1599	4,5	
—	1650–1699	3,9	17
По данным Б. Сликсера ван Бата			

Нет ничего удивительного в том, что посевные площади часто бывали обширны, особенно при каждом демографическом подъеме. Италия в XVI в. была охвачена интенсивными работами по улучшению земель, в которые генуэзские, флорентийские, венецианские капиталисты вкладывали огромные суммы. От-

воевание земли у рек, у морских лагун, у болот, лесов и ланд-вся эта медленная работа непрестанно терзает Европу, осуждая ее на нечеловеческие усилия; и слишком часто эта работа совершается в ущерб крестьянской жизни. Оставаясь рабом своих сеньеров, крестьянин оказывается и рабом самого хлеба.

Часто говорилось, что земледелие было самым крупным промыслом доиндустриальной Европы. Но это был промысел, сопряженный с бесконечными трудностями. Даже в северных странах, кормилицах континента, вновь вводимые в оборот земли представляют лишь крайнее средство, «экономический рынок», неэффективный в длительном плане. Расширение посевов пшеницы обрекало на постепенное снижение урожайности — мы мимоходом видели это на примере Польши, а график Г. Х. Вехтера определенно подтверждает это и для Пруссии⁸³. Верно это и для Сицилии. И наоборот, ориентируясь на кормовые культуры и животноводство, Англия в XVIII в. очень резко увеличила у себя урожайность зерновых.

⁸³ Wächter H. H. *Op. cit.*, p. 143.

ЛОКАЛЬНАЯ И МЕЖДУНАРОДНАЯ ТОРГОВЛЯ ХЛЕБОМ

Так как деревня жила своими урожаями, а город — избыточным продуктом, мудрость для города заключалась в том, чтобы снабжаться за счет близлежащей округи, «в своих собственных владениях», как уже в 1305 г. рекомендовал совет, собравшийся в Болонье⁸⁴. Это снабжение за счет узкой зоны радиусом в 20–30 км избавляло от дорогостоящих перевозок и от всегда ненадежного обращения к чужим. Оно было тем более надежным, что почти всегда города держали окрестные деревни в своих руках. Во Франции вплоть до времени Тюрго и «Мучной войны», даже до самой Революции, крестьянин обязан был продавать свою пшеницу на рынке близлежащего города. Во время волнений, сопутствовавших голодному лету 1789 г., бунтовщики сумеют захватить зерноторговцев, слывших спекулянтами: все их давно знали. Это, без сомнения, верно для всей Европы. Например, где в Германии XVIII в. обходились без мер против «ростовщиков», спекулянтов зерном, против *Getreidewucher*?

Жизнь этих локальных обменов протекала не без помех. Любой плохой урожай заставлял города прибегать к более благополучным житницам. Вне всякого сомнения, с XIV в. северные пшеница и рожь достигают Средиземноморья⁸⁵. До этого времени Италия получала византийскую, а потом турецкую пшеницу. Крупным поставщиком всегда была Сицилия, выступавшая как бы в роли нынешних Канады, Аргентины и Украины еще до появления этих названий.

Такие житницы, спасение для крупных городов, должны были быть легкодоступными, лежащими на берегах моря или судоходных рек, так как перевозки по воде этих тяжелых грузов были выгоднее. До конца XV в. в годы хорошего урожая Пикардия или Вермандуа вывозили хлеб во Фландрию по Шельде, а в Париж — по Уазе. Шампань и Барруа в XVI в. снабжали Париж, начиная от Витри-ле-Франсуа, по Марне, порой опасному судо-

⁸⁴ Glenisson J. *Une administration médiévale aux prises avec la disette. La question des blés dans les provinces italiennes de l'État pontifical en 1374–1375.* — «Le Moyen Age», t. 47, 1951, p. 303–326.

⁸⁵ Romano R. *À propos du commerce du blé dans la Méditerranée des XIVe et XVe siècles.* — «Hommage à Lucien Febvre», 1954, II, p. 149–156.

Перевозка хлеба на мулах в Италии. Пинакотекка Сиены. (Фото Скала.)

ходному пути⁸⁶. В ту же самую эпоху пшеница из Бургундии доставлялась в бочках по Соне и Роне, и для этих хлебных грузов с верховий рек Арль служил перевалочным пунктом. Как только Марсель опасается голода, он обращается к своим добрым друзьям – консулам Арля⁸⁷. Позднее, особенно в XVIII в., Марсель сам станет крупнейшим портом для заморского хлеба. Именно в Марсель будут обращаться все из Прованса в трудные времена. Но для собственного потребления город будет предпочитать импортируемой им пшенице, более или менее подпорченной при перевозке морем, добрую местную пшеницу⁸⁸. Точно так же Генуя питалась дорогой пшеницей, которую доставляли из Романьи, и реэкспортировала дешевую, которую покупала на Леванте⁸⁹.

С XVI в. северные хлеба стали занимать все большее место в международной торговле зерновыми. И часто – в ущерб самому экспортеру. Если вспомнить о большом количестве зерна, вывозимом Польшей ежегодно, поясняет торговый словарь (1797 г.), то можно подумать, что эта страна – одна из самых плодородных в Европе. Но тот, кто ее знает, эту страну и ее жителей, будет держаться иного мнения, ибо если там и встречаются плодородные и хорошо возделываемые области, то имеются и другие районы, еще более плодородные и еще лучше обрабатываемые, но тем не менее не экспортирующие зерна. «Истина заключается в том, что единственные собственники там – знать,

⁸⁶ Meuvret J. *Études d'histoire économique*. 1971, p. 200.

⁸⁷ Braudel F. *Médit...*, I, p. 302.

⁸⁸ Romano R. *Commerce et prix du blé à Marseille au XVIIIe siècle*. 1956, p. 76–77.

⁸⁹ A. N., A. E., V¹, 529, 4 février 1710.

а крестьяне – рабы, и первые, дабы поддержать свой статус, отчуждают пот и плоды труда вторых, составляющих самое малое семь восьмых населения и вынужденных питаться ячменным и овсяным хлебом. В то время как прочие народы Европы потребляют большую часть лучшего своего зерна, поляки оставляют себе столь малую долю своей пшеницы и ржи, что можно подумать, будто они собирают урожаи только для того, чтобы вывозить за границу. Экономные дворяне и буржуа сами едят ржаной хлеб, а пшеничный предназначается лишь для стола больших вельмож. Не будет преувеличением сказать, что один-единственный город в других государствах Европы потребляет больше пшеницы, чем все Польское королевство»⁹⁰.

Именно на своих окраинах, либо северной, либо восточной (Турецкая империя), либо даже южной (варварийские страны, Сардиния, Сицилия), находила Европа редконаселенные или слабообразованные страны, способные поставлять ей зерно, которого Европе не хватало. Этот маргинальный феномен часто видоизменялся. Закрывалась одна житница – открывалась другая; в первой половине XVII в. ею была Швеция (Ливония, Эстония, Скандинавия)⁹¹, затем, с 1697 и вплоть до 1760 г., – Англия под воздействием экспортных премий, которые благоприятствовали огораживанию, а в XVIII в. – английские колонии в Америке⁹².

Приманкой всякий раз служили наличные деньги. Ибо в хлебной торговле богатые всегда платили наличными, бедняк же, как и полагается, уступал искушению, к вящей выгоде посредников. Таковы были купцы-ростовщики, которые в Неаполитанском королевстве, как, впрочем, и в других местах, скупали хлеб на корню. Венеция уже в 1227 г. оплачивала свою пшеницу в Апулии золотыми слитками⁹³. Таким же образом в XVI и XVII вв. крохотные бретонские суденьшки обычно доставляли пшеницу, которой не хватало в Севилье и особенно в Лиссабоне, но увозили ее стоимость в серебре, а то и в португальском «червонном золоте», что для любой другой торговли было запрещено⁹⁴. В XVII в. вывоз хлеба через Амстердам во Францию и Испанию также оплачивался звонкой монетой. «В последние годы, – писал в 1754 г. некий псевдоангличанин, – как раз обилие нашей пшеницы и ее экспорт поддерживали наш денежный курс»⁹⁵. В 1795 г. Франция находилась на краю голода. Эмиссары, отправленные в Италию, не нашли иного способа получить хлеб, как отправить из Марселя в Ливорно ящики с серебряной посудой, «которую продали по весу, как серебро, не обращая внимания на искусную работу, которая стоила не меньше самого материала»⁹⁶.

Однако эта важнейшая торговля никогда не оперировала такими большими количествами зерна, как можно бы было *априори* предположить. В Средиземноморье в XVI в. жило примерно 60 млн. человек. Считая 3 гектолитра на душу, общее потребление составило бы 180 млн. гектолитров, т. е. 145 млн. центнеров. А грубый подсчет показывает, что морская торговля давала 1–2 млн. центнеров, т. е. около 1% всего потребления. И процент этот был бы еще меньшим, если предположить, что потребление составляло 4 гектолитра на человека.

⁹⁰ Metra A. *Il Mentore perfetto de'negozianti*. 1797. V, p. 15.

⁹¹ Nordmann Cl. *Grandeur et liberté de la Suède, 1660–1792*. 1971, p. 45 et note.

⁹² Sombart W. *Der moderne Kapitalismus*. 1921–1928, II, S. 1035.

Объемы вывоза из Англии после 1697 г. и из Америки в 1770 г.

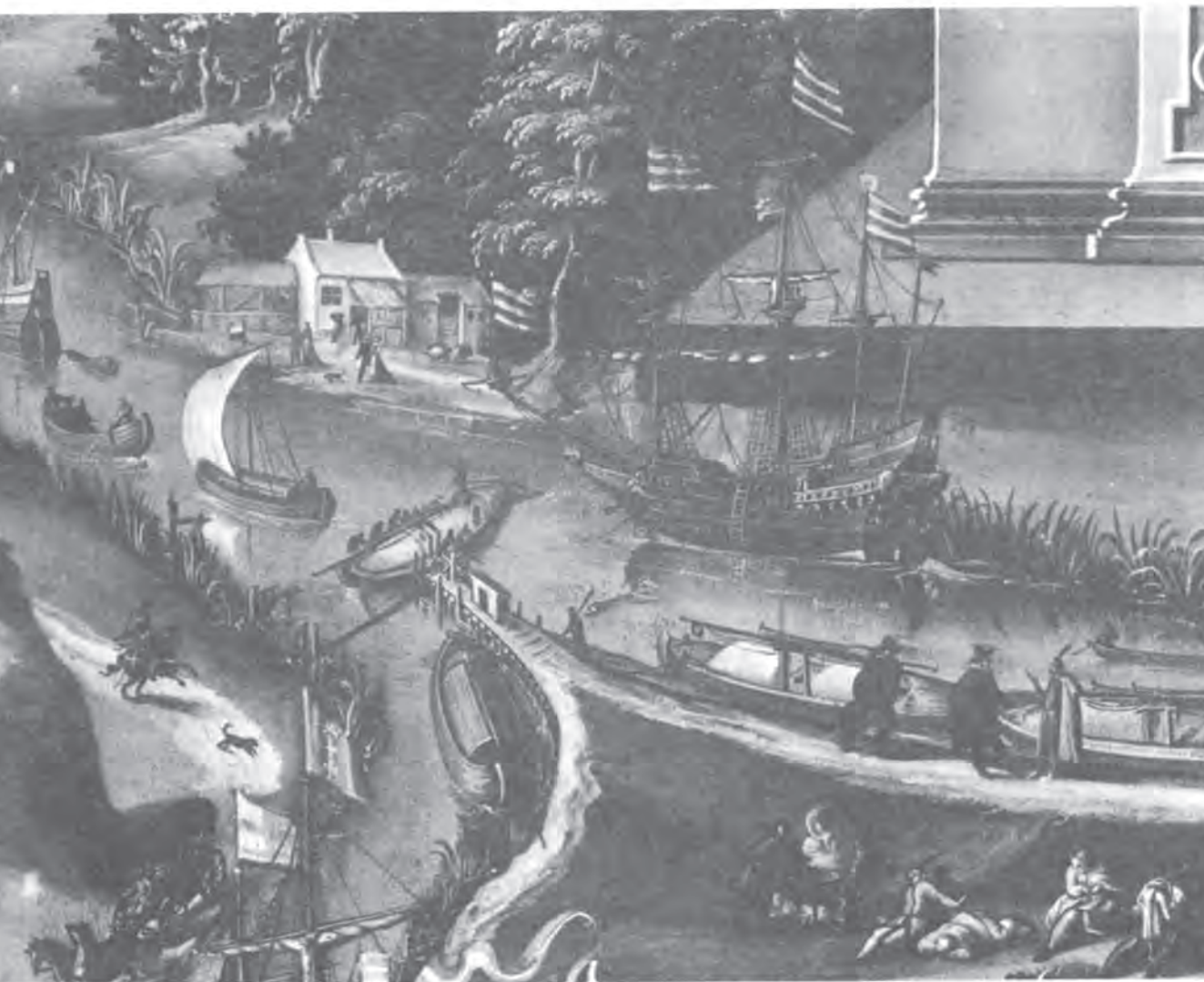
⁹³ «*Bilanci generali*», 2e série, I, 1, 1912, p. 35–37.

⁹⁴ Nicot J. *Correspondance inédite*. P.p. E. Falgairolle, 1897, p. 5.

⁹⁵ Nickolls J. *Remarques sur les désavantages et les avantages de la France et de la Grande-Bretagne*. 1754, p. 357.

⁹⁶ АВПР (ЦГАДА?), д. 8813–261, л. 21, Ливорно, 30 марта 1795 г.

Международная торговля хлебом: лодки, груженные польским зерном, отправляемым по Висле, прибывают в Гданьск. Фрагмент картины, воспроизведенной в томе III настоящей работы.

⁹⁷ Sombart W. *Krieg und Kapitalismus*. 1913, S. 137–138.

⁹⁸ Savary J. *Dictionnaire...*, V, col. 579–580.

⁹⁹ Sombart W. *Der moderne Kapitalismus...*, II, S. 1032–1033.

В XVII в. положение, без сомнения, оставалось тем же. Гданьск, главный зерновой порт, вывез 1382 тыс. центнеров в 1618 г. и 1200 тыс. центнеров – в 1649 г. (цифры округлены)⁹⁷. Если предположить, что весь Север Европы был равен в целом трем или четырем Гданьскам, то все же такое изобилие составило бы от 3 до 5 млн. центнеров. Следовательно, если прибавить сюда 1 млн. центнеров, который могло поставить Средиземноморье, это составило бы в целом максимально 6 млн. центнеров на всю европейскую торговлю хлебом. Это цифра огромная, но ничтожная в сравнении с 240 млн. центнеров, которые потребляют европейцы (100 млн. жителей по 3 гектолитра каждый). Притом эти рекордные показатели экспорта не сохраняются: так, в 1753–1754 гг. Гданьск вывозит всего 52 тыс. ластов, т. е. 624 тыс. центнеров⁹⁸. Тюрго оценивал международную хлебную торговлю в этот период в 4–5 млн. центнеров, и эту цифру Зомбарт считал чрезмерной⁹⁹. И наконец, не будем забывать, что эти дополнительные массы зерна пере-

возьются почти исключительно водным путем, так что только морским державам удавалось избежать повторяющихся голодовок¹⁰⁰.

Несомненно, принимая во внимание технические возможности того времени, можно и далее восторгаться торговлей на такие дальние расстояния. Можно удивляться тому, как по поручению папы Бенедикта XII флорентийский дом Барди сумел в 1336 г. отправить апулийскую пшеницу в Армению¹⁰¹. Или тому, что флорентийские купцы с XIV в. почти ежегодно могли оперировать 5–10 тыс. тонн сицилийского хлеба¹⁰². Или восхищаться тем, как великому герцогу Тосканскому, Венеции и Генуе удалось при посредничестве международных купцов и при помощи переводных векселей на Нюрнберг и Антверпен переправить с Балтики и Северного моря несколько десятков тысяч тонн зерна, чтобы восполнить дефицит его в Средиземноморье в бедственные 90-е годы XVI в.¹⁰³ Или поражаться тому, что богатая, но еще примитивная Молдова в XVI в. отправляла в Стамбул в хорошие и в плохие годы по 350 тыс. гектолитров зерна. Или тому, что в конце XVIII в. в Стамбул пришел бостонский корабль, груженный американскими мукой и зерном¹⁰⁴...

Подобным же образом мы с полным правом можем восхищаться доками и складами в сицилийских портах погрузки (*caricatori*)¹⁰⁵, Гданьске, Антверпене (ставшем важным зерновым портом с 1544 г.), Любеке или Амстердаме; или же в портах выгрузки – в Генуе или Венеции (в этом последнем городе в 1602 г. было 44 пакгауза). Или восторгаться организацией торговли зерном, которую облегчало хождение векселей, зерновых «расписок» (*cedola*) сицилийских *грузоотправителей*¹⁰⁶.

Однако в конечном счете такая торговля зерном оставалась маргинальной, эпизодической, будучи под «большим надзором», чем дела инквизиции. Пришлось дожидаться XVIII в., для того чтобы сложилось, да и тогда не без затруднений, несколько крупных систем закупок, складирования, перераспределения, без которых тяжелый и скоропортящийся товар не мог бы регулярно обращаться на большие расстояния. Еще в XVI в. ни в Венеции, ни в Генуе, ни во Флоренции (за исключением, быть может, да и то с оговорками, семейства Барди Корси) не было независимых оптовых купцов, хотя бы в какой-то степени специализировавшихся на торговле зерном. При случае они занимались ею во время сильных кризисов. Крупные португальские торговые дома, в том числе Хименесы, которые во времена огромного кризиса 1590 г. финансировали обширные перевозки северного хлеба к Средиземноморью, получили на этом, по мнению специалиста, не менее 300 или 400% прибыли¹⁰⁷. Но один случай – это не норма. Обычно оптовики усматривали мало выгоды в этой рискованной и связывающей руки торговле. По правде говоря, концентрация таких торговых операций наступит лишь с XVIII в. Торговля зерном (*bleds*) в Марселе во время голода 1773 г. была почти что монополизирована небольшим числом купцов, диктовавших свои условия¹⁰⁸.

Среди известных нам крупных сделок с зерном можно назвать крупномасштабные закупки хлеба в России Густавом-

¹⁰⁰ См. Wagner F.: *Handbuch der europäischen Geschichte*, hrsg. von Th. Schieder, 1968, IV, S. 107.

¹⁰¹ Renouard Y. *Une expédition de céréales des Pouilles... – Mélanges d'archéologie et d'histoire de l'École française de Rome*, 1936.

¹⁰² Sombart W. *Op. cit.*, II, S. 1032.

¹⁰³ Braudel F. *Médit...*, I, p. 543–545.

¹⁰⁴ Точная ссылка утеряна.

¹⁰⁵ Об организации *caricatori* см.: Braudel F. *Op. cit.*, I, p. 525–528.

¹⁰⁶ *Ibid.*, p. 527.

¹⁰⁷ *Ibid.*, p. 577.

¹⁰⁸ *Histoire du commerce de Marseille*, IV, p. 365 sq.

* Буассо – старинная мера сыпучих тел, равная приблизительно 13 литрам. – Прим. ред.

¹⁰⁹ Usher A. P. *The History of the grain trade in France, 1400–1710.* 1913, p. 125.

¹¹⁰ Люблинский В. С. *Вольтер и «Мучная война».* – В кн.: Сборник статей «В память акад. Е. В. Тарле». М., 1957.

¹¹¹ Abbé Mably. *Du commerce des grains.* – Abbé Mably. *Œuvres complètes*, XIII, 1795, p. 144–146.

Адольфом; закупки Людовика XIV на амстердамском рынке в 1672 г., накануне его вторжения в Голландию; или же приказание о немедленной закупке 150–200 тыс. буассо * ржи в Польше, Мекленбурге, Силезии, Гданьске и иных местах за границей (что стоило ему впоследствии осложнений с Россией), отданное Фридрихом II 27 октября 1740 г., на следующий день после того, как он узнал о смерти императора Карла VI. Многие из таких крупных сделок бывали связаны с военными предприятиями государств, и это показывает пример Фридриха II: в случае нужды следовало обращаться разом во все житницы, ибо рынок был ограничен. К тому же препоны для свободной торговли множились как нарочно, осложняя и без того трудное ее функционирование. Именно это показывает история Франции в последние годы Старого порядка. Стремясь сделать лучше, администрация монархии, устранив слишком свободную частную инициативу, создала к собственной выгоде монополию хлебной торговли, вернее – систему служивших ей купцов и агентов, все это на свои средства и на величайшую себе беду. Но старая система, неспособная справиться со снабжением крупных городов, открывала возможность для чудовищных злоупотреблений и бесконечных взяток, откуда и родилась легенда о «Пакте голодовки»¹⁰⁹. Сразу же заметим, что не было дыма без огня.

Все это очень серьезно. Хлеб – это жизнь Франции, как и жизнь всего Запада. Известна «Мучная война», следовавшая за несвоевременными мерами Тюрго, касавшимися свободной продажи зерна¹¹⁰. «Разграбив рынки и булочные, – говорит современник, – они могут разграбить наши дома, а нас перерезать». И добавляет: «Начинают грабить фермы, так почему бы не разграбить замки?»¹¹¹

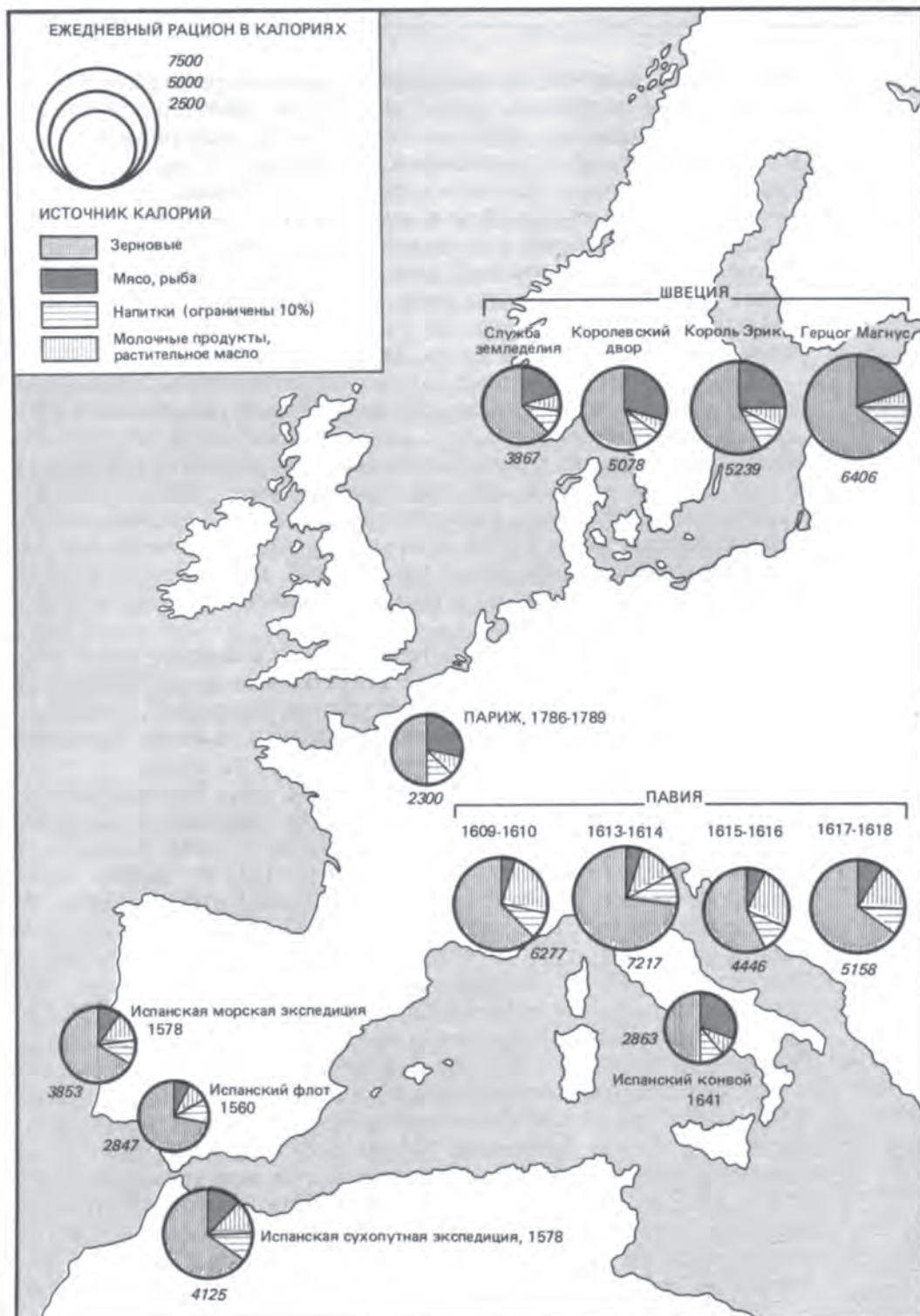
ХЛЕБ И КАЛОРИИ

Сегодня человеку требуется от 3,5 до 4 тыс. калорий в день, если он живет в богатой стране и принадлежит к привилегированному классу. Такой уровень был знаком и до XVIII в. Но еще менее, чем ныне, он составлял норму. Однако, коль скоро в наших вычислениях требуется точка отсчета, примем эту цифру – 3,5 тыс. калорий. Кстати, именно к такому высокому уровню приводят расчеты Дж. Хэмилтона по поводу питательности обычных рационов, которые получали экипажи испанского флота Индий около 1560 г.¹¹² Это, конечно, рекордный показатель, если, пренебрегая авторитетом и мудростью Куртелина *, с закрытыми глазами довериться цифрам интендантства, для которого выдаваемая им похлебка всегда хороша...

Заметим, что нам известны и более высокие показатели, когда речь идет о столе государей или привилегированных групп, как, скажем, в начале XVII в. в Павии, в коллегии св. Карла Борromeя. В действительности же такие отдельные рекорды не должны породить больших иллюзий. Как только мы обращаемся к средним величинам, например относящимся к большим массам городских жителей, уровень часто оказывается где-то около 2 тыс. калорий. Так обстояло дело в Париже накануне

¹¹² Earl Hamilton J. *Wages and Subsistence on Spanish Treasure Ships, 1503–1660.* – «*Journal of Political Economy*», 1929.

* Куртелин, настоящее имя Жорж Муано (1858–1929) – французский писатель. – Прим. ред.

Режим питания в прошлом (оценка в калориях)

Карта составлена на основе нескольких обследований и представляет относительно привилегированные наборы продуктов.

Чтобы составить подлинную карту для Европы, потребовалось бы отыскать тысячи примеров на всех социальных уровнях и в разные периоды.

(По данным кн.: Spooner F. *Régimes alimentaires d'autrefois.*)

Революции. Конечно же, имеющиеся в нашем распоряжении все еще немногочисленные цифры никогда не дают точного решения занимающих нас проблем. Тем более что оспаривается даже и самый критерий калорийности, на основе которого надлежит судить о здоровом питании, требующем сбалансированности между углеводами, белками и жирами. И следует ли учитывать в количестве калорий в рационе вино и спирт? Установилось правило никогда не приписывать им более 10% рациона в калориях; то, что выпивается сверх этого процента, в расчетах не учитывается. Это, однако, не означает, что такой излишек не влиял на здоровье или на расходы пьющих.

Тем не менее некоторые закономерности просматриваются. Так, соотношение между различными типами питательных продуктов делает очевидным либо разнообразие, либо, что гораздо чаще, — однообразие меню. Однообразие выявляется всякий раз, когда доля углеводов (скажем проще, даже с небольшой погрешностью, зерновых) *намного* превышает 60% рациона, выраженного в калориях. Тогда доля мяса, рыбы, молочных продуктов оказывается довольно ограниченной, и преобладает однообразие. Есть — это означает всю свою жизнь потреблять хлеб и снова хлеб (или каши).

Если держаться этого критерия, то оказывается, что Северную Европу отличало большее потребление мяса. Южная же Европа большую часть рациона отводила углеводам, исключая, конечно, те случаи, когда речь шла о военных конвоях, где бочки с солониной и тунцом улучшали обычное питание.

Ничего нет неожиданного и в том, что стол богачей был более разнообразен, нежели стол бедноты; признаком различия служило скорее качество, чем количество¹¹³. На роскошном столе семейства Спинола в Генуе в 1614–1615 гг. зерновые составляли только 53% калорий, тогда как около того же времени они достигали 81% в потреблении бедняков в больнице для хроников, — заметим, что 1 кг зерна эквивалентен 3 тыс. калорий, а 1 кг хлеба — 2500. Если сравнивать прочие виды пищи, то окажется, что Спинолы потребляли почти столько же мяса и рыбы, но зато вдвое больше молочных продуктов и жиров, чем вышеупомянутые большие, и их неизмеримо более разнообразное питание включало много фруктов, овощей и сахара (3% расходов). И точно так же можно быть уверенным, что воспитанники коллегии св. Карла Борромея (1609–1618 гг.), несмотря на их высокие пищевые рационы — почти что невероятные: от 5100 до 7 тыс. калорий ежедневно, — если и получали избыточное питание, то не слишком разнообразное. Зерновые продукты составляли до 73% общего количества калорий, и пища воспитанников не была, не могла быть очень изысканной.

Раньше или позже повсюду (где возможно обследование) в городах утверждалось более разнообразное питание, по крайней мере более разнообразное, чем в деревне. В Париже, где, как мы говорили, уровень потребления около 1780 г. установился на уровне примерно 2 тыс. калорий, зерновые составляли лишь 58% их общего количества, т. е. что-то около фунта хлеба в день¹¹⁴. Это, впрочем, соответствует и более ранним, и более поздним цифрам, дающим для *среднего* хлебного рациона пари-

¹¹³ Все последующие цифры вычислены Ф. Спунером: Spooner F. C. *Régimes alimentaires d'autrefois: proportions et calculs en calories.* — «Annales E. S. C.», 1961, p. 568–574.

¹¹⁴ Philippe R. *Une opération pilote: l'étude du ravitaillement de Paris au temps de Lavoisier.* — «Annales E. S. C.», XVI, 1961, таблицы, помещенные между с. 572 и 573; следует отметить ошибку в последней из них: вместо 50% следует читать 58%.

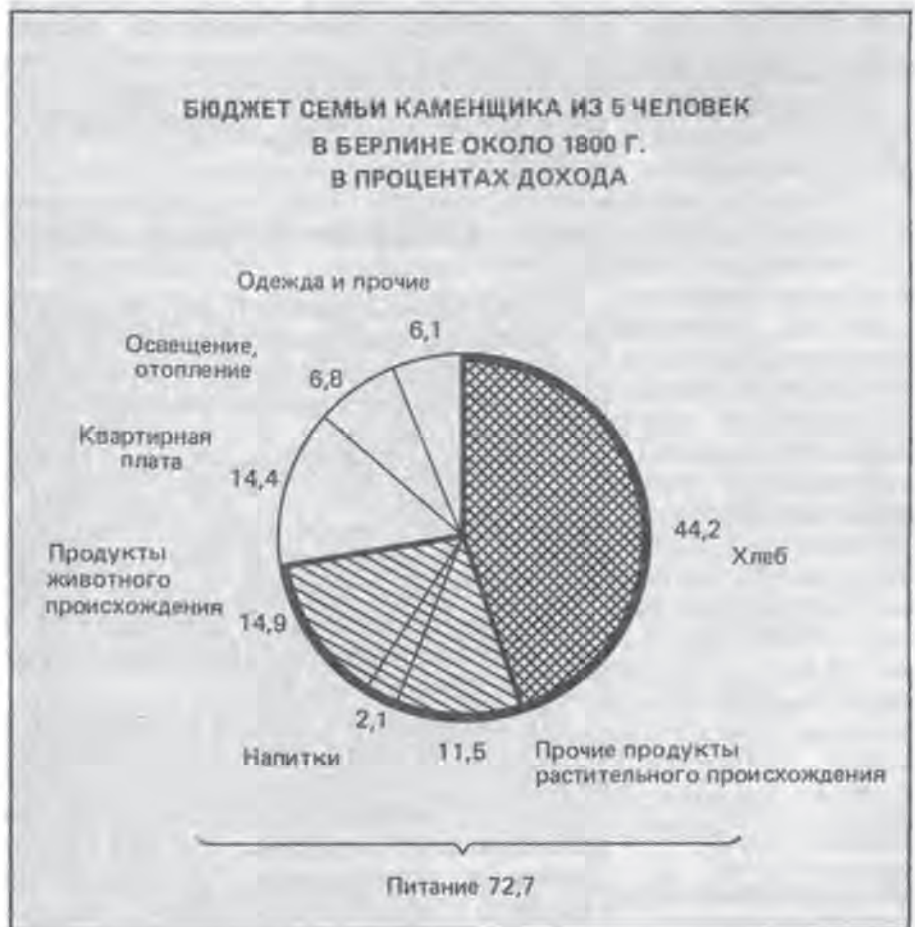
¹¹⁵ Husson A. *Les Consommations de Paris*. 1856, p. 79–106.

¹¹⁶ Расчет выполнен на основании документов Музея Котпер (Museo Cotter, Donà delle Rose, 218, f°s 142 sq). Исходя из подсчетов, сделанных для 1603–1604, 1604–1605 и 1608–1609 сельскохозяйственных годов, и учитывая баланс запасов зерновых, средняя величина потребления в Венеции составит около 450 тыс. стара. Население города составляло 150 тыс. человек, а потребление на душу 3 стара, т. е. 180 кг (стара равна 60 кг). Таковы, впрочем, и цифры, установленные официальным обследованием 1760 г. (3 стара пшеницы или 4,5 стара кукурузы) (Georgelin P. *Op. cit.*, p. 209).

жанина: 540 г в 1637 г., 556–в 1728–1730 гг., 462–в 1770., 587–в 1788 г., 463–в 1810 г., 500–в 1820 г. и 493 г в 1854 г.¹¹⁵ Конечно, точность этих величин не гарантирована, как не гарантирована цифра 180 кг на человека, до которой, согласно довольно спорному расчету, *по-видимому*, поднялось в начале XVII в. годовое потребление в Венеции¹¹⁶. Но по другим данным можно предположить существование в Венеции хорошо оплачиваемого и требовательного трудящегося класса и наличие у зажиточных людей дорогостоящих привычек, присущих горожанам «со стажем».

В целом нет никакого сомнения, что деревня потребляла хлеб в гораздо большей степени, чем город, притом по самым низким нормам шкалы потребления городских рабочих. В 1782 г., по словам Леграна д'Осси, потребление чернорабочего или крестьянина во Франции достигало 2–3 фунтов хлеба в день; «но тот, у кого есть другая еда, не потребляет его в таком количестве». Однако еще сегодня в Южной Италии можно увидеть на строительной площадке рабочих, обедающих огромной круглой буханкой хлеба с добавлением чуть ли не в качестве приправы нескольких помидоров и луковиц; знаменательно самое их название: *companatico*–то, что едят вместе с хлебом.

Бюджет семьи каменщика в Берлине около 1800 г. Напрашивается сравнение с вычисленными цифрами средних затрат парижанина на продовольствие в 1788 и 1854 гг. (с. 148). Хлеб составляет здесь намного больше 50% затрат семьи на еду – огромная доля, если учитывать относительные цены на зерновые. Таким образом, здесь перед нами точный образец того, каким мог быть однообразным и бедным режим питания. (По данным В. Абеля.)

Это торжество хлеба проистекало, разумеется, из того, что при равной калорийности зерно (а также и спирт из зерна, как добавляет польский историк, желая мимоходом оправдать склонность крестьян своей страны не только есть, но и пить свое зерно¹¹⁷) было относительно самой недорогой пищей. Около 1780 г. оно стоило в 11 раз дешевле мяса, в 65 раз дешевле свежей морской рыбы, в 9 раз дешевле рыбы речной, втрое дешевле соленой рыбы, вшестеро дешевле яиц, втрое дешевле животного и растительного масла... В бюджете же среднего парижанина, рассчитанном для 1788 и 1854 гг., хлеб, первый источник энергии, стоит лишь на третьем месте среди затрат, после мяса и вина, составляя в обоих случаях 17% всех расходов¹¹⁸.

Вот что оправдывает этот хлеб, о котором мы говорили и о котором следовало сказать столько плохого. Он был для бедняков как бы манной небесной, и «дороговизна его ... служила мерой цены на прочие продукты питания». Себастьян Мерсье писал: «И вот в 1770 г. хлеб дорог третью зиму подряд. Еще с прошлого года половине крестьян пришлось прибегать к помощи благотворительности. А эта зима доведет беду до предела, потому что у тех, кто до сего времени жил, продавая свое имущество, сейчас ничего более не остается на продажу»¹¹⁹. Для бедняков, если не было хлеба, не было ничего. Не будем забывать эту волнующую сторону вопроса, это рабство, в котором хлеб удерживал производителей, посредников, перевозчиков, потребителей. Они постоянно пребывали в напряжении, в военной тревоге. «Хлеб, который кормит человека, был в то же время и его мучителем», — говорит, вернее, повторяет Себастьян Мерсье.

ЦЕНЫ НА ЗЕРНО И УРОВЕНЬ ЖИЗНИ

Слова Мерсье едва ли были преувеличением. В Европе хлеб — это половина повседневной жизни людей. Цены на хлеб беспрестанно изменялись по прихоти переменчивой погоды, предопределявшей урожай и властвовавшей над ними, в зависимости от запасов и транспорта, в зависимости от самих урожаев, наконец, в зависимости от времени года. На наших ретроспективных графиках цены выглядят как колебания записей сейсмографа. Эти вариации в тем большей степени сказывались на жизни бедняков, что те редко могли себя обезопасить от сезонных подъемов цен, сделав крупные запасы в благоприятный момент. Можно ли рассматривать вариации как своего рода барометр, показывающий уровень жизни масс в пределах краткосрочного и долгосрочного циклов?

Представляются несколько решений, способных прояснить вопрос. Их немного, и все они несовершенно: сравнивать цены на хлеб и заработную плату (но часто она выплачивалась натурой или же частично натурой, частично деньгами); исчислять заработную плату в пшенице или ржи (так поступил В. Абель, чей график мы заимствовали); установить среднюю цену типовой «корзины с продуктами» (выход, предложенный Ф. Брауном и Ш. Хопкинсом)¹²⁰; наконец, принять за единицу часовой зарабо-

¹¹⁷ Kula W. *Théorie économique du système féodal...*, XVIe–XVIIIe siècles, 1970.

¹¹⁸ Philippe R. *Une opération pilote: l'étude du ravitaillement de Paris au temps de Lavoisier. — Pour une histoire de l'alimentation*, P.p.

J.-J. Hemardinquer, 1970, p. 65, tableau 5;

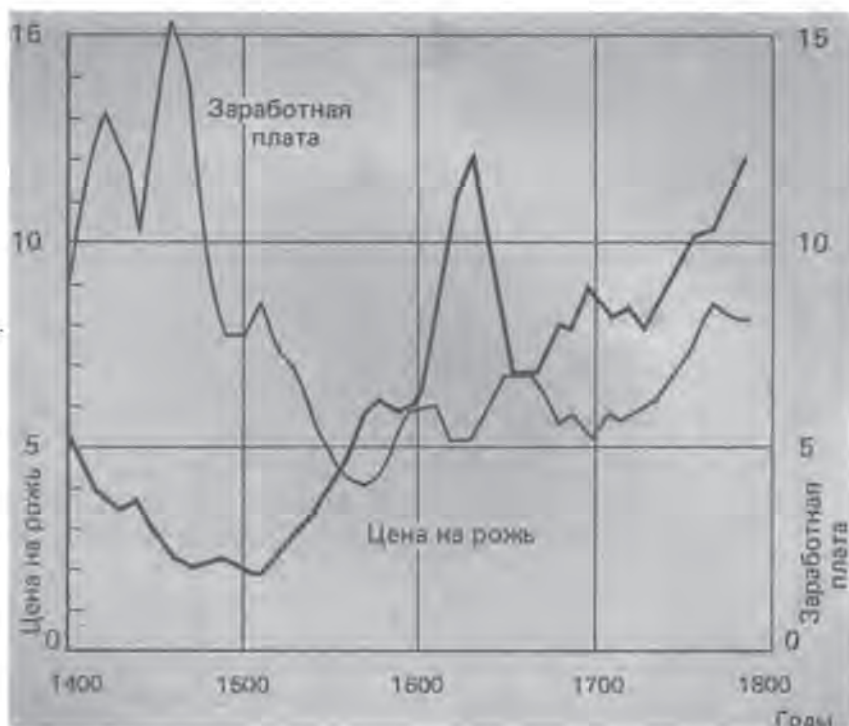
Husson A. *Op. cit.*, p. 106.

¹¹⁹ Mercier L.-S. *Tableau de Paris*, 1782, IV, p. 132.

¹²⁰ Brown E. H. Ph. et Hopkins S. V. *Seven Centuries of Building Wages. — «Economica»*, August 1955, p. 195–206.

Заработная плата и цена ржи в Геттингене (XV–XIX вв.)

Цена ржи вычислена в серебряных рейхсмарках, а заработная плата (заработок дровосека, трудившегося сдельно) выражена в килограммах ржи. Очевидна корреляция между ростом цен на рожь и снижением реальной заработной платы, и наоборот. (По данным В. Абеля.)

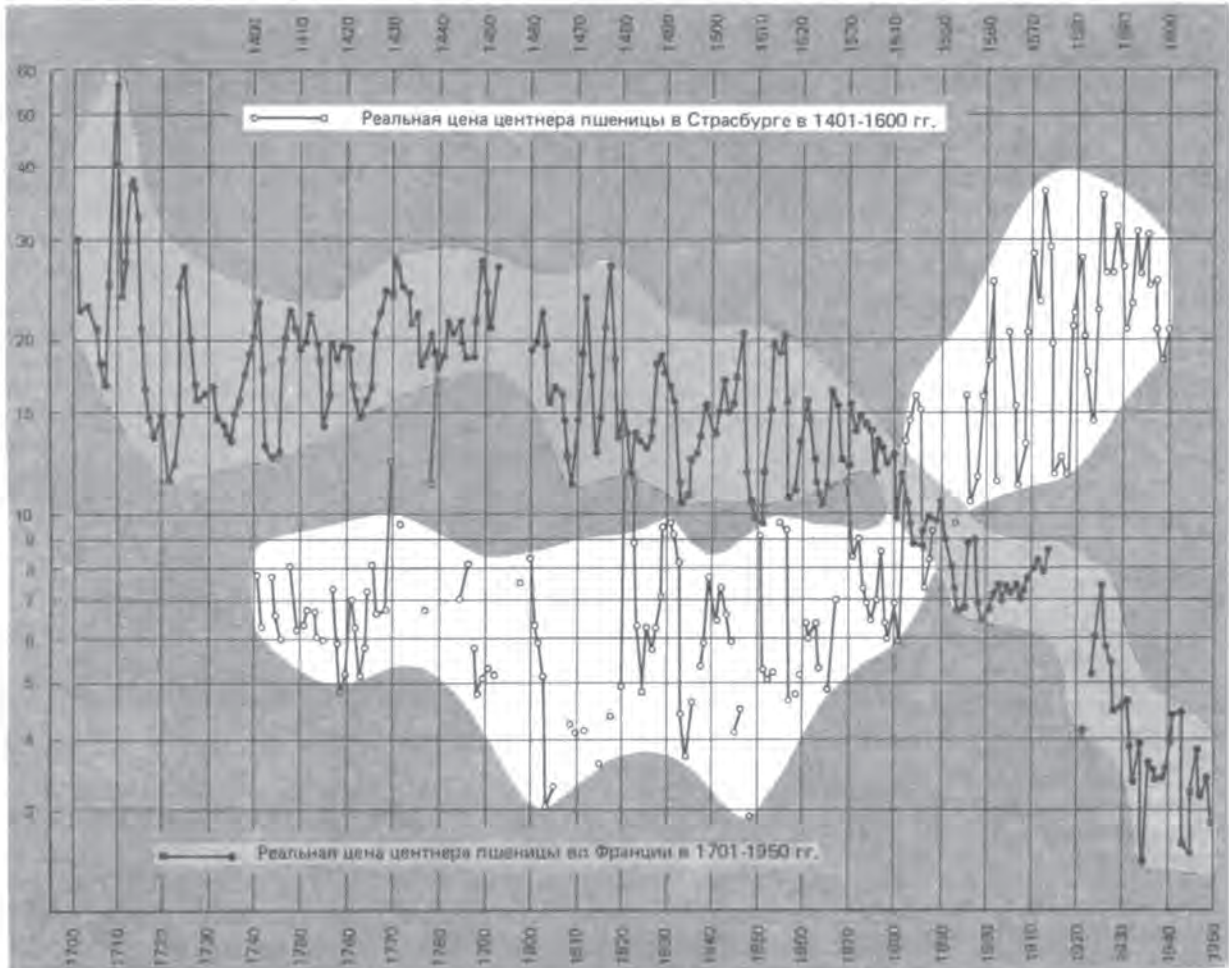
Два примера реальных цен на пшеницу

Этот график стремится подчеркнуть, что означает движение реальной заработной платы, выраженной в пшенице. Старинные меры приведены к современным центнерам, а цены зернового хлеба рассчитаны в десятках часов труда черноработного. Линия «10» (100 часов труда) представляет опасный уровень, за которым для работников начиналась трудная жизнь; при 200 часах она становилась катастрофической, а выше 300 наступал голод (рекордная цифра была достигнута в 1709 г.: более 500). Интерес графика заключается в пересечении двух кривых: линия 100 часов была пройдена в 1540–1550 гг., и возврат к такому низкому уровню произошел лишь в 1880–1890 гг., после очень долгого периода дорогой жизни.

ток самых низкооплачиваемых работников, обычно подручных каменщика или мешальщиков раствора. Этот последний метод – метод Ж. Фурастье и его учеников, в частности Р. Грандами, – имеет свои преимущества. О чем в конечном счете говорят такие «реальные» цены? Конечно, о том, что цена центнера хлеба (мы сочли за лучшее привести старинные меры к этой единице) вплоть до 1543 г. держалась ниже величины оплаты 100 рабочих часов, а затем примерно до 1883 г. оставалась выше этой критической линии. Это обрисовывает более или менее ситуацию во Франции, а сверх того, в *общих чертах*, – и сходную ситуацию на всем Западе. Работник отработывает ежегодно *приблизительно* 3 тыс. часов; его семья из четырех человек потребляет в год *приблизительно* 12 центнеров... Подъем выше линии, соответствующей 100 рабочим часам за центнер, всегда опасен; выше линии 200 часов – сигнал тревоги, а с пересечением линии 300 часов работы за центнер наступает голод. Р. Грандами полагает, что 100-часовая линия всегда преодолевалась по вертикали, т. е. наблюдались либо стремительный подъем, как было около середины XVI в., либо резкое падение, как в 1883 г. Движение всегда происходило в быстром темпе, как только эта линия бывала пересечена в том или другом направлении. Таким образом, для столетий, которым посвящена эта книга, реальные цены сдвинулись в плохом направлении. Единственным благодатным периодом окажется последовавший за Черной смертью, и это обязывает нас к систематическому пересмотру прежних точек зрения.

Вывод: нищета горожан, живущих на заработную плату. Нищета и деревенских жителей, где заработки в натуре следовали

Этот график — новое свидетельство относительного благосостояния народа в XV в., несмотря на несколько серьезных тревог, явно связанных с плохими урожаями. [По данным Р. Грандами (Grandamy R.) в кн.: Fourastié J. Prix de vente et prix de revient. 14e série.)

¹²¹ Saint-Jacob. P. *Op. cit.*, p. 539.

¹²² Prato G. *La Vita economica in Piemonte in mezzo a secolo XVIII*. 1908.

примерно такому же ритму. И так, закон для бедняков был достаточно ясен: они были вынуждены ограничиваться второстепенными зерновыми, «продуктами менее дорогими, но все же дающими достаточное количество калорий», и «отказаться от пищи, богатой белками, в пользу питания, основанного на крахмалосодержащих продуктах». В Бургундии накануне Французской революции «крестьянин, если исключить крупных земледельцев, ест мало пшеницы. Этот роскошный злак предназначается на продажу, для маленьких детей, для нескольких редких празднеств. Он в большей степени обеспечивает кошелек, чем стол ... Основу питания крестьян составляют второстепенные зерновые: *conseau*, или смесь пшеницы с рожью, рожь — в сравнительно богатых домах, в самых бедных — ячмень и овес, в Бресе и в долине Соны — кукуруза, в Морване — рожь и гречиха»¹²¹. В Пьемонте около 1750 г. среднее потребление в гектолитрах выглядело следующим образом: пшеница — 0,94, рожь — 0,91, прочие зерновые — 0,41, каштаны — 0,45, а всего — 2,71 гектолитра в год¹²². В этом, скорее, недостаточном рационе пшеница занимала скромное место.

ХЛЕБ БОГАЧЕЙ, ХЛЕБ И КАШИ БЕДНЯКОВ

Так же как существовали зерно и зерно, существовали хлеб и хлеб. В декабре 1362 г. в Пуатье, «когда цена сетье пшеницы достигала 24 су, имелось четыре разновидности хлеба: хлеб шуан без соли, соленый хлеб шуан, хлеб «safleur» и хлеб ребуле». Шуан, соленый или несоленый, был белым хлебом высшего качества из просеянной муки. Хлеб «safleur» (термин этот употребляют и в наши дни) выпекался из непросеянной муки. Что же касается «ребуле», то его, без сомнения, изготавливали из муки, состоявшей на 90% из обсевок и содержавшей мелкие отруби, «которые на пуатуском говоре все еще именуют *рибуле*». Эти четыре категории соответствовали спокойным периодам средней цены на пшеницу. Когда цены стояли низко, вернее – были умеренными, разрешалось выпекать только три категории хлеба. Но если цены поднимались, то можно было изготавливать 7 сортов очень разного качества; по сути дела, развертывался целый спектр разновидностей плохого хлеба¹²³. Ничто не может лучше показать, до какой степени неравенство было правилом (пример Пуату – лишь один среди сотен других). Порой в хлебе оставалось от хлеба одно название. Часто его не бывало вовсе.

Верная старинной традиции, Европа вплоть до XVIII в. продолжала питаться грубыми похлебками и кашами. Последние были древнее самой Европы. *Puls* этрусков и древних римлян приготавливался из проса; другая каша, *alica*, – из картофельной муки и даже из хлеба. Встречаются упоминания о карфагенской *alica* – праздничном блюде, в которое входили сыр, мед и яйца¹²⁴. *Полента*, до того как ее стали готовить из кукурузной муки, была кашей из поджаренных и размолотых ячменных зерен, зачастую смешанных с просом. В Артуа в XIV в. – несомненно, и раньше и уж наверняка в более поздние времена – овес служил «для приготовления грюмеля – каши, которую широко употребляло сельское население»¹²⁵. В XVI в. и вплоть до XVIII в. в Солони, в Шампани, в Гаскони была обычной просяная каша. В Бретани к ней часто добавлялась густая гречневая каша на воде или на молоке, называвшаяся *гру*¹²⁶. В начале XVIII в. во Франции врачи прописывали больным овсяную кашу при условии, что она «будет приготовлена из хорошо выращенного овса».

Эта старинная практика не вполне исчезла и ныне. Шотландская и английская *porridge* – это овсяная каша. В Польше и России приготавливают *кашу* из дробленой и поджаренной ржи, сваренной наподобие риса. Не приходится особенно сомневаться, что старой традиции следовал во время испанской кампании 1809 г., используя что бог послал, и тот английский гренадер, который рассказывал: «Мы готовили эту пшеницу, варя ее, как рис; или же, ежели нам так бывало удобнее, растирали зерно между двумя плоскими камнями и потом варили, так что получалась как бы густая каша»¹²⁷. Осман-ага, молодой турецкий *сипаху*, плененный австрийцами под Темешваром в 1688 г., к изумлению своих охранников, еще лучше справился с затрудне-

¹²³ Raveau P. *Essai sur la situation économique et l'état social en Poitou au XVIe siècle*. 1931, p. 63–65.

¹²⁴ André J. *Alimentation et cuisine à Rome*. 1961, p. 62–63.

¹²⁵ Richard J.-M. *Art. cit.*, p. 21.

¹²⁶ Meyer J. *La Noblesse bretonne au XVIIIe siècle*. 1966. p. 449, note 3.

¹²⁷ Ссылку не удалось восстановить.

Трапеза в голландской крестьянской семье. Единственная миска с кашей поставлена на табурет. Справа печь, слева приставная лесенка, служащая внутренней лестницей в доме. Гравюра А. Ван Остаде, 1653. Национальная библиотека, Кабинет эстампов. (Фото Национальной библиотеки.)

ниями. Когда казенный хлеб, *das Kommissbrot*, кончился, интенданство роздало солдатам (которые двое суток не получали вообще ничего) их пайки мукой. И один Осман-ага сумел замесить ее с водой и спечь в горячей золе. Он сообщает, что уже бывал раньше в аналогичных обстоятельствах¹²⁸. Но речь идет почти о хлебе, во всяком случае – о пресном хлебе без дрожжей, испеченном в золе, какой часто едят в Турции и Персии.

Следовательно, белый хлеб – это редкость и роскошь. Дюпре де Сен-Мор писал: «Во всех французских, испанских, английских населенных местах не более двух миллионов человек едят пшеничный хлеб»¹²⁹. Если этот выпад воспринимать буквально, то число едящих белый хлеб едва превышало 4% всего населения Европы. Еще в начале XVIII в. добрая половина деревенского населения питалась нехлебными злаками и рожью, и в муке «бедняцкого» помола оставалось много отрубей. Пшеничный хлеб и белый хлеб, хлеб шуан (имелся в виду, несомненно, «хлеб каноников», хлеб капитула) долгое время оставались предметом роскоши. Старая поговорка советовала: «Не съедать сразу

¹²⁸ Osman Aga. *Der Gefangene de Giauren*. P.p. R. Kreutel, Otto Spies. 1962, S. 64–65.

¹²⁹ Dupré de Saint-Maur N. F. *Op. cit.*, p. 23.

¹³⁰ Franklin A. *La Vie privée d'autrefois*. III. *La cuisine*. 1888, p. 91.

¹³¹ London, P. R. O. 30, 25, 157, *Giornale autografo di Francesco Contarini da Venezia a Madrid*.

¹³² Savary J. *Dictionnaire...*, IV, col. 10.
¹³³ Mercier L.-S. *Op. cit.*, XII, p. 242.

¹³⁴ A. N., AD XI, 38, 225.

¹³⁵ *Supplément à l'Encyclopédie*, II, 1776, p. 34 (статья Д. Дидро «Каша»).

¹³⁶ Mercier L.-S. *Op. cit.*, VIII, p. 154 sq.

¹³⁷ Mercier L.-S. *Op. cit.*, XII, p. 240.

же свой шуан»¹³⁰. Как бы ни назывался этот белый хлеб, он существовал давно, но исключительно для потребления богатых. В 1581 г. несколько молодых венецианцев, забравшихся по пути в Компостелу, в Испании, в стоявший на отшибе дом где-то возле Дуэро, дабы утолить свой голод, не обнаружили там «ни настоящего хлеба, ни вина – ничего, кроме пяти яиц и большого хлеба из ржаной муки с примесями, на который нельзя было смотреть; кое-кто смог съесть от него один-два кусочка»¹³¹.

В Париже, даже помимо белого хлеба, довольно рано началась карьера «мягкого хлеба» («pain mollet»), выпеченного из отборнейшей крупчатой муки с добавлением пивных дрожжей вместо «простой» закваски. Если в тесто добавляли молоко, то получался хлеб по-королевски (*pain à la Reine*), от которого была без ума Мария Медичи¹³². В 1668 г. Медицинский факультет тщетно осуждал использование дрожжей, ибо ими по-прежнему пользовались при выпечке булочек, и каждое утро женщины относили их булочникам целыми корзинами, «каковые они ставят себе на голову наподобие молочниц». Само собой разумеется, мягкий хлеб оставался роскошью. Как говорил в 1788 г. один парижанин, он «со своей хрустящей золотистой корочкой как будто оскорбляет лимузенский каравай... он выглядит как аристократ среди простонародья»¹³³. Впрочем, такая роскошь требует изобилия. Едва возникает «дороговизна», как, скажем, в Париже в сентябре 1740 г., как сразу же два постановления Парламента запрещают «выпекать иные виды хлеба, кроме *sero-belogo*» (*bis blanc*); мягкий хлеб и булочки подвергаются запрету, равно как и использование пудры на мучной основе, широко употреблявшейся в то время для париков¹³⁴.

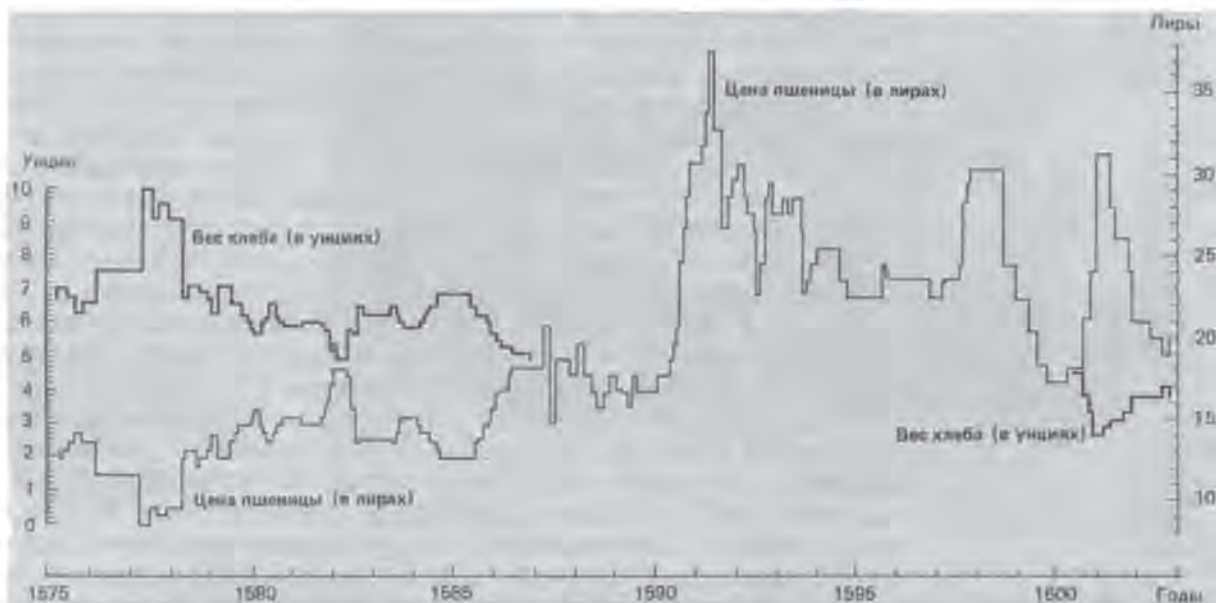
Лишь между 1750 и 1850 гг. произошла настоящая революция белого хлеба. В эти годы пшеница вытесняет прочие зерновые (так произошло в Англии); затем хлеб все больше и больше начинают изготавливать из муки, очищенной от большей части отрубей. Одновременно распространяется мнение, будто для здоровья потребителей годится только хлеб из дрожжевого теста. Для Дидро любая каша была несъедобна, «ежели еще не перебродила»¹³⁵. Во Франции, где хлебная революция началась рано, в 1780 г. была основана Национальная школа хлебопечения, и немного позже наполеоновский солдат станет распространителем этого «драгоценного блага – белого хлеба», по всей Европе¹³⁶. Тем не менее в масштабе континента эта революция будет на удивление медленной и, повторяем, завершится лишь к 1850 г. Задолго до полной своей победы – в силу традиционных требований богачей и новых претензий бедняков – она даст почувствовать свое давление на само распределение культур. С начала XVII в. пшеница господствовала вокруг Парижа, в Мюльсьене или Вексене, но в Валуа, Бри, Бовези ей пришлось ждать своего часа до конца столетия. А Западная Франция осталась во власти ржи.

Запомним это превосходство Франции в том, что касалось белого хлеба. А впрочем, где и есть белый хлеб, как не в Париже? – заявлял Себастьян Мерсье. «Я люблю добрый хлеб, я его знаю, угадываю с первого взгляда»¹³⁷.

ПОКУПАТЬ ХЛЕБ ИЛИ ПЕЧЬ СВОЙ?

В продаже цена хлеба не изменялась: варьировал его вес. В общих чертах правило изменчивости веса действительно для всего западного мира. В Венеции, как показывает прилагаемый график, составленный для последней четверти XVI в., средний вес хлеба, продававшегося в булочных на площади Св. Марка или на Риальто, изменялся обратно пропорционально ценам на пшеницу. Такую же практику обнаруживают и регламенты, обнародованные в Кракове в 1561, 1589 и 1592 гг.: цена неизменна, варьирует вес. То, что фиксируют регламенты, — это хлебные эквиваленты (при хлебе разного качества и веса) монеты в один *грош*, а именно для 1592 г. — 6 фунтов ржаного или 2 фунта пшеничного хлеба¹³⁸.

¹³⁸ По документам, с которыми я ознакомился в краковских архивах.

Вес хлеба и цены на пшеницу в Венеции в конце XVI в. (По данным кн.: Braudel F. *La vita economica di Venezia nel secolo XVI.* — «*La Civiltà veneziana del Rinascimento.*»)

Бывали исключения, во всяком случае им был Париж. Июльский регламент 1372 г. различал три вида хлеба: хлеб шайи; хлеб с высокой коркой, или городской; «украшенный» хлеб (этот последний — серый). При равной цене их вес составлял соответственно 1, 2 и 4 унции. Так что в этот момент мы пребываем в нормальных условиях — при постоянной цене и переменном весе. Но начиная с 1439 г. сравнительный вес трех сортов хлеба был закреплен раз и навсегда на уровне полуфунта, одного и двух фунтов¹³⁹. «С того времени именно цена хлеба изменяется вместе с ценою пшеницы». Все это произошло, несомненно, по причине того, что очень рано булочникам, жившим за пределами столицы — в Гонесе, Понтуазе, Аржантее, Шарантоне, Корбее и т. д., — было дано разрешение приезжать в город для продажи «печеного хлеба» на вес. В Париже, как и в Лондоне, хлеб покупали больше на одном из 10 или 15 рынков города, нежели в лавках булочников¹⁴⁰.

¹³⁹ Delamare N. *Traité de police*. П., 1710, р. 895.

¹⁴⁰ *Ibid.*, éd. 1772, II, р. 246–247; Husson A. *Op. cit.*, р. 80–81.

Продукция булочников предназначалась лишь для части потребителей, хотя булочки и были тогда по всей Европе важными персонами, даже более важными, чем сами мельники, поскольку они непосредственно покупали пшеницу и тем самым оказывались в положении купцов. Следует принимать во внимание также домашние хлебопекарные печи, даже в городах, выпечку и продажу домашнего хлеба. В XV в. в Кёльне, в XVI в. в Кастилии и даже еще сегодня крестьяне приезжают на рассвете из близлежащих деревень в города продавать хлеб. В Венеции привилегией послов было снабжение деревенским хлебом из окрестностей города: он считался лучшего качества по сравнению с хлебом венецианских булочников. И много было богатых домов в Венеции, Генуе и других местах, имевших собственный зерновой амбар и собственную хлебопекарную печь. Простые люди тоже часто сами пекли свой хлеб, если судить об этом по картине XVI в., изображающей городской рынок в Аугсбурге; зерно там продается маленькими мерками (последние к тому же тоже сохранились в городском музее).

По данным официальных подсчетов, вполне заслуживающих доверия, в Венеции в 1606 г. количество пшеницы, которую перерабатывали булочники, не превышало 182 тыс. *стара* при общем ее потреблении в 483 600 *стара*; из них рынки забирали 109 500 *стара*, а «дома, которые снабжали себя сами»¹⁴¹, — 144 тыс. *стара*. Остальное шло на изготовление сухарей, необходимых флоту. Таким образом, количество хлеба, выпекавшегося булочниками, едва превышало то, которое пекли в домашних печах, — и это в Венеции!¹⁴²

В Генуе, когда в августе 1673 г. зашла речь о том, чтобы запретить домашнюю выпечку хлеба, это вызвало большое возмущение. Французский консул пояснял: «Народ ворчит ... по видимому, [отцы города] хотели бы заставить всех покупать хлеб на рынках. И поговаривают, что здесь есть дворяне [читай: крупные купцы города], которые предлагают 180 тыс. экю в год за то, чтобы получить этот подряд на выпечку хлеба, ибо ... обычай таков, что каждый печет хлеб у себя дома, а если это постановление пройдет, никто больше не сможет этого делать, что повело бы к весьма большим расходам. Ибо хлеб, что продается на рынках... продается по цене 40 лир за *мину**, а стоит он примерно 18, помимо того что сказанный продажный хлеб хорош в день выпечки, а на следующий день становится кислым, и есть его невозможно. Дело это вызывает очень большой шум, и вчера на площади Сан-Сире, где собирается старинная знать, была обнаружена наклеенная листовка, каковая резко нападала на правительство и угрожала избавиться от его тирании»¹⁴³. Если верить словам Пармантье, то практика выпечки хлеба в домашних условиях исчезнет «в большинстве крупных городов» Франции только к 1770–1780 гг.¹⁴⁴ Жан Мейер отмечает полное прекращение индивидуальной выпечки в Нанте в 1771 г. и связывает это явление с переходом к белому пшеничному хлебу¹⁴⁵.

Могут спросить, где же мололи зерно, покупавшееся для домашней выпечки? В самом деле, города имели тогда мельницы прямо под рукой, потому что если зерно сохраняется сравни-

¹⁴¹ A. d. S. Venezia, Papadopoli, 12, f° 19 v°.

¹⁴² Museo Correr, Donà delle Rose, 218, f° 140 v°.

* Мера сыпучих тел, равная четверти литра.— Прим. ред.

¹⁴³ Переписка г-на де Компана, французского консула в Генуе. А. Н., А. Е., В¹, 511.

¹⁴⁴ Parmentier A. *Le Parfait Boulanger*. 1778, p. 591–592.

¹⁴⁵ Meyer J. *La Noblesse bretonne au XVIIIe siècle*, p. 447 et note.

Рынок на Перлахплац в Аугсбурге (XVI в.).

Сцены соответствуют отдельным месяцам. Слева: октябрь – продажа дичи; ноябрь – продажа дров, сена, тут же забивают свинью; декабрь – продажа зерна в розницу.

Справа: из ратуши выходит длинная черда буржуа, облаченных в меховые одежды.
На заднем плане—сельская местность. *Аугсбург, Городское художественное собрание.*

Хлебная печь
в Кракове, XV в.
Кодекс Бальтазара
Бема. Краков,
Библиотека
Ягеллонского
университета.
(Фото Марек
Ростворовского.)

тельно хорошо (к тому же хлеб зачастую закладывали на хранение в колосьях, возобновляя молотьбу в ригах по несколько раз в году), то мука, можно сказать, не может храниться совсем. Следовательно, надо было вести помол почти ежедневно на протяжении всего года на тех мельницах, которые тогда располагались на любом водном потоке в окрестностях всех деревень и всех городов, а часто даже посреди них. Всякая остановка мельниц – например, в Париже, едва только Сена замерзала или просто выходила из берегов, – влекла за собой немедленные затруднения со снабжением. Стоит ли удивляться тому, что на парижских укреплениях устанавливали ветряные мельницы и что продолжали существовать и даже имели сторонников мельницы ручные?

ИТАК, ЦАРСТВУЕТ ХЛЕБ

Эта троица – зерно, мука, хлеб – заполняет историю Европы. Она была предметом главной заботы городов, государств, купцов, людей, для которых жить означало «есть свой хлеб». В переписке того времени хлеб, поглощающий все мысли, неизменно оставался фигурой первого плана. Если начинался «паводок» цен на него, все приходило в движение и возникала угроза волнений. И так везде: в Лондоне ли, в Париже или в Неаполе. Так что Неккер был прав, говоря, что «народ никогда не станет внимать доводам рассудка по поводу дороговизны хлеба»¹⁴⁶.

¹⁴⁶ Necker. *Législation et commerce des grains*. Chap. XXIV.

При всякой тревоге мелкий люд из числа потребителей, те, кто страдал, не стеснялся прибегать к насилию. В 1585 г. крупномасштабный вывоз зерна в Испанию вызвал голод в Неаполе. Скоро пришлось есть хлеб *di castagne e legumi* – из каштанов и бобовых. Купец-спекулянт Джованни Виченцо Сторачи нагло ответил тем, кто, окружив его, кричал, что не желают есть такой хлеб: «Ешьте камни!» («*Mangiate pietre!*») Неаполитанцы набросились на него, убили, протащили по городу изуродованный труп и в конечном счете разрубили его на куски. За это вице-король повесил и четвертовал 37 человек, а 100 отправил на галеры¹⁴⁷. В Париже в декабре 1692 г. были разграблены лавки булочников на площади Мобер. Расправа была немедленная и жестокая: двоих мятежников повесили, остальные были осуждены на галеры, выпороты, выставлены к позорному столбу, и все успокоилось, или как будто успокоилось¹⁴⁸. Но с XV по XVIII в. можно обнаружить тысячи таких бунтов. Кстати, именно так начиналась Французская революция.

Зато очень хороший урожай воспринимался как благословение небес. 11 августа 1649 г. в Риме отслужили торжественную мессу, дабы возблагодарить бога за убранный наконец добрый урожай. Паллавичини, префект, ведавший продовольственным снабжением, одним махом превратился в героя: «Он велел наполовину увеличить хлеб»!¹⁴⁹ Читатель без труда поймет эту отнюдь не загадочную фразу: цена хлеба в Риме не изменялась, варьировал только вес, что было правилом почти везде. Следовательно, Паллавичини разом повысил на 50% (правда, очень ненадолго) покупательную способность самых бедных, тех, кто не ел почти ничего, кроме хлеба.

РИС

Рис, как и пшеница, и даже больше, чем она, – растение, господствующее безгранично и тиранически.

Многие читатели истории Китая, написанной крупным ученым¹⁵⁰, должно быть, улыбались, постоянно наталкиваясь на авторские сопоставления: такой-то император был – де китайским Гуго Капетом, а такие-то другие – Людовиком XI, или Людовиком XIV, или Наполеоном. Всякий человек Запада, чтобы ориентироваться в знании народов Дальнего Востока, вынужден обращаться к ценностям своей собственной культуры. Так что, говоря о рисе, мы станем говорить и о пшенице. Впрочем, оба растения – злаки, то и другое – выходцы из стран с сухим климатом. Впоследствии рис превратился в то полуводное растение, которое обеспечило себе высокие урожаи и успех. Но одна черта все еще обнаруживает его происхождение: густые корни риса, как и корни пшеницы, нуждаются в большом количестве кислорода, а этого стоячая вода им дать не может. Как следствие, не бывает рисового поля, на котором неподвижная на вид вода не приходила бы в определенные моменты в движение, чтобы стало возможным такое питание кислородом. И следовательно, гидротехнические устройства должны попеременно создавать движение воды и прекращать его.

¹⁴⁷ *Diari della città di Palermo dal secolo XVI al XIX*. P.p. Gioacchino di Marzo, vol. XIV, 1875, p. 247–248.

¹⁴⁸ Delamare N. *Op. cit.*, II, p. 1039.

¹⁴⁹ «*Gazette de France*», Rome, 11 août 1649, p. 749.

¹⁵⁰ Grousset R. *Histoire de la Chine*. 1957.

В сравнении с пшеницей рис – растение одновременно и более и менее господствующее над всем остальным. Более – потому что своим приверженцам рис обеспечивает питание не на 50–70%, как пшеница, а процентов на 80–90% и даже больше. Неочищенный, он сохраняется лучше пшеницы. Зато в мировом масштабе пшеница важнее. В 1977 г. она занимала 232 млн. гектаров, а рис – 142 млн. Но урожаи пшеница дает меньшие, чем рис (в среднем 16,6 центнера против 26 центнеров с гектара). Так что в общем сбор обеих культур почти уравнивается: 366 млн. тонн риса против 386 млн. тонн пшеницы (и 349 млн. тонн кукурузы)¹⁵¹. Но данные для риса спорны: они относятся к неочищенному зерну, которое теряет при очистке 20–25% своего веса. Следовательно, цифра, относящаяся к рису, падает ниже 290 млн. тонн, и он оказывается далеко позади пшеницы и даже кукурузы, у которых сохраняется оболочка зерна. Еще одно неудобство риса: от людей он требует рекордного количества труда.

Добавим, что рис, несмотря на некоторые очаги его культуры в Европе, Африке и Америке, в основном выращивают на Дальнем Востоке, который дает ныне 95% его сбора. Наконец, его чаще всего потребляют на месте, а посему не существует торговли рисом, которая была бы сопоставима с торговлей пшеницей. До XVIII в. существенная торговля велась лишь между Южным и Северным Китаем по Большому императорскому каналу и в интересах пекинского двора. Да еще вывозили рис из Тонкина, из современной Кохинхины или из Сиама, на сей раз преимущественно в Индию, которая всегда страдала от недостатка продовольствия. А в Индии единственным важным экспортным рынком для риса была Бенгалия.

РИС СУХОДОЛЬНЫЙ И РИС ПОЛИВНОЙ

Рис и пшеница, как и многие другие культурные растения, выходцы из сухих долин Центральной Азии. Но к пшенице успех пришел раньше, чем к рису: начало распространения риса восходит к 2000 г. до н. э., а пшеницы – по меньшей мере к 5000 г. до н. э. Следовательно, у пшеницы преимущество давности в несколько десятков веков. Среди суходольных растений рис долгое время был величиной ничтожной. Первая китайская цивилизация его не знала и строилась в Северном Китае, на этой бескрайней обнаженной равнине, на базе трех классических злаков, разводимых еще и сегодня: сорго с его метелками высотой в 4–5 метров, пшеницы и проса. Последнее, по мнению английского путешественника (1793 г.), есть «барбадосское просо, которое китайцы называют *гаолян*, т. е. великий хлеб. Во всех провинциях Северного Китая это зерно дешевле риса. Вероятно, оно было первым, которое здесь стали выращивать. Ибо из древних китайских книг видно, что емкость мер определялась числом зерен этого вида, которое такие меры содержали. Таким образом, сто зерен составляли *чжу...*»¹⁵². В Северном Китае европейские путешественники, которые в 1794 г., падая от усталости, прибыли в окрестности Пекина, нашли на постоялом

¹⁵¹ «*Annuaire F. A. O.*», 1977.

¹⁵² Macartney G. *Op. cit.*, II, p. 232.

Рисовый питомник
в Китае XIX в.
Национальная
библиотека.

¹⁵³ Guignes M. *Voyages à Pèkin, Manille et l'île de France...* 1784–1801. 1808, I, p. 354.

¹⁵⁴ Hsu V. et Hsu F., цит. по: *Food in Chinese Culture*. 1977, p. 300 sq.

дворе только «скверный сахар и тарелку полусырого проса»¹⁵³. Каши из пшеницы, проса и сорго наряду с соей и сладким бататом и сегодня еще здесь обычная пища¹⁵⁴.

По сравнению с этим ранним развитием тропический Южный Китай, лесистый и болотистый, долго будет областью захудалой, где человек, как он это делает еще и в наши дни на островах Тихого океана, питался иньямом – лианами, дающими клубни, из которых получают питательный крахмал, – или таро (колоказией). Это последнее растение родственно свекле; и сейчас еще в Китае листья таро – типичная черта небольших насыпных гряд, что доказывает, что некогда таро играло большую роль. К иньяму и колоказии не добавлялись ни сладкий батат, ни маниока, ни картофель, ни кукуруза – американские растения, которые перебрались через моря в Азию лишь после открытия европейцами Нового Света. Цивилизация риса, хорошо укоренившаяся к тому времени, оказала им сопротивление: маниока закрепилась в одной только области Траванкур в Декане, а сладкий батат – в Китае (XVIII в.), на Цейлоне и на далеких Сандвичевых островах, затерянных посреди Тихого океана. Сегодня на Дальнем Востоке клубнеплоды играют довольно скромную роль. Первенство принадлежит зерновым, и прежде

¹⁵⁵ Gourou P. *L'Asie*. 1971, p. 83–86.

¹⁵⁶ Sion J. *Asie des moussons*. 1ère partie, 1928, p. 34.

¹⁵⁷ Mote F. W., цит. по: *Food in Chinese Culture*, p. 199.

¹⁵⁸ Gourou P. *Op. cit.* p. 86.

всего рису: в 1966 г. его собрали по всем муссонным областям Азии 220 млн. тонн против 140 млн. тонн всякого другого зерна – пшеницы, проса, кукурузы, ячменя¹⁵⁵.

Поливной рис первоначально появился в Индии, а затем, вероятно между 2150 и 2000 гг. до н. э., достиг Южного Китая по суше или по морю. В Китае он постепенно закрепился в своей классической форме, какую мы знаем. С распространением риса гигантские «песочные часы» китайской истории перевернулись. Место древнего Севера занял новый Юг, тем более что Северу, на свою беду открытому в сторону пустынь и торговых путей Центральной Азии, пришлось познать вторжения и опустошения. Из Китая (и из Индии) культура риса распространилась в Тибете, Индонезии и Японии. Для стран, давших ему приют, рис служил «способом получить свои свидетельства о цивилизованности»¹⁵⁶. В Японии внедрение риса, начавшееся около I в. н. э., было особенно медленным, ибо в питании японцев неоспоримое первенство перейдет к рису только в XVII в.¹⁵⁷

И сегодня еще рисовые плантации занимают на Дальнем Востоке очень небольшое пространство – конечно, они составляют более 95% мировых площадей под орошаемым рисом, но это всего лишь 100 млн. гектаров в 1966 г.¹⁵⁸ За пределами этих привилегированных зон на обширных пространствах распространилась, худо ли, хорошо ли, культура *суходольного риса*. Этот низкоурожайный рис служит основой жизни слаборазвитых народов. Представим себе уголок вырубленного и выжженного леса на Суматре, на Цейлоне или в аннамской Кордильере (хребет Чыонгшон). На очищенную землю без всякой подготовки (пни не корчуют, никакой вспашки не производится, а удобрением служит зола) разбрасывают зерно. Через пять с половиной месяцев оно созревает. После него можно попробовать высадить некоторые другие культуры – клубневые, баклажаны, разные овощи. При таком режиме небогатые почвы совершенно истощаются. И на следующий год требуется «съесть» другой участок леса. При *десятилетней* ротации такого рода необходимо теоретически 1 кв. км на 50 жителей, а в действительности – примерно на 25, так как добрая половина горных почв не может быть использована. Если же срок ротации, при котором может восстановиться лес, составляет не 10, а 25 лет (самый частый случай), плотность населения составит 10 человек на один кв. км.

«Залежный» лес каждый раз предоставляет легко обрабатываемые скудные почвы, на которые можно воздействовать примитивными орудиями. Все уравнивается, но, совершенно очевидно, при условии, что население не будет чрезмерно расти, что сведенный лес сам будет восстанавливаться после этих повторяющихся пожаров. Такие системы земледелия носят местные названия: *ладанг* – в Малайзии и Индонезии, *рай* – в горах Вьетнама, *джунг* – в Индии, *тави* – на Мадагаскаре (куда арабские мореходы принесли рис около X в.). Все это простые режимы питания с «мучнистой мякотью саговой пальмы» или плодами хлебного дерева в качестве дополнения. Отсюда далеко до «методичного» выращивания риса на плантациях, но далеко и до изнурительного труда, которого они требуют.

ЧУДО РИСОВЫХ ПЛАНТАЦИЙ

Что касается рисовых плантаций, то мы располагаем столькими образами, свидетельствами и объяснениями, что должны были бы проявить полное отсутствие доброй воли, чтобы не понять всего. Рисунки в «Гэнчжеду» – китайском трактате 1210 г. – уже дают представление о расположенных в шахматном порядке плантациях, об их чеках по несколько аров каждый, об оросительных насосах с ножным приводом, о высадке рассады, о жатве и о таком же, как сегодня, плуге, запряженном одним буйволом¹⁵⁹. Картины остаются теми же, к какому бы времени они ни относились, даже сегодняшние. Как будто ничто не изменилось.

Что поражает с первого взгляда – необычайно полное использование этих лучших земель. В 1735 г. иезуит Дюальд писал: «Все равнины возделываются. Не увидишь ни изгородей, ни канав, почти нет деревьев – настолько они боятся потерять хотя бы пядь этой земли»¹⁶⁰. То же самое говорил столетием раньше, в 1626 г., другой блестящий иезуит, отец де Лас Кортес, и в тех же выражениях: «Что не было ни пяди земли... даже крохотного уголка, который бы не был возделан»¹⁶¹. Каждый чек рисовой плантации, ограниченный невысокими дамбами, имел стороны по полусотне метров. Сюда приходила и отсюда уходила вода – заиленная вода, и это было благом, потому что вода с илом возобновляет плодородие почвы и не подходит для комара-анофелеса, разносчика возбудителей малярии. Наоборот, для таких комаров благоприятна чистая вода холмов и гор; зоны *ладанг* или *рай* – области, где малярия эндемична вследствие ограниченного демографического прироста. Ангкор-Ват с его рисовыми плантациями, залитыми заиленной водой, был в XV в. блистательной столицей; разрушили его не сами по себе нападения сиамцев – они расстроили его жизнь, расстроили сельскохозяйственные работы. Вода каналов очистилась – и восторжествовала малярия, а вместе с нею и всепоглощающий лес¹⁶². Аналогичные драмы можно угадать и в Бенгалии XVII в. Едва рисовая плантация оказывается слишком узка, едва ее заливают соседние чистые воды, как происходят разрушительные вспышки малярии. Во впадине между Гималаями и Сиваликскими холмами, где бьет столько чистых источников, малярия вездесуща¹⁶³.

Конечно, вода – это большая проблема. Она может затопить растения: для того чтобы справиться с огромными перепадами уровня воды, в Сиаме и в Камбодже пришлось использовать небывалую гибкость плавающего риса, способного давать стебли длиной 9–10 метров. Жатву вели с лодки, срезая метелки и оставляя солому, которая бывает иногда невероятной длины¹⁶⁴. Еще одна сложность – дать на поле воду, а потом ее спустить. Так, воду приводили из высокорасположенных источников по желобам из стволов бамбука. Ее черпали из колодцев, как это делалось на равнине вдоль Ганга, а часто и в Китае. На Цейлоне воду брали из крупных резервуаров, *tanks*, но танки-водосборники почти всегда лежат низко, а порой глубоко вкопаны в землю. Однако то тут, то там оказывалось необходимо вести воду

¹⁵⁹ См. рисунки на с. 170–171.

¹⁶⁰ Du Halde J.-B.

Description géographique, historique, chronologique, politique et physique de l'Empire de la Chine et de la Tartarie chinoise. 1735, II, p. 65.

¹⁶¹ P. de Las Cortes. *Doc. cité*, f° 123 v°.

¹⁶² Gourou P. *L'Asie.* 1953, p. 32.

¹⁶³ *Ibid.*, p. 30–32.

¹⁶⁴ Для Сиамы см.:

Kämpfer E. *Histoire naturelle... de l'Empire du Japon.* 1732, I, p. 69. Для Камбоджи см.:

Porée-Maspéro E. *Études sur les rites agraires des Cambodgiens.* 1942, I, p. 28; Gourou P. *L'Asie,* p. 74.

на рисовую плантацию, расположенную выше, – отсюда те рудиментарные нории, или те насосы с ножным приводом, вид которых обычен и ныне. Заменить их паровым или электрическим насосом означало лишиться дешевого человеческого труда. Лас Кортес видел, как действовали такие водоподъемники. Он пишет: «Иногда они поднимают воду небольшой и удобной машиной, своего рода норией, которая не нуждается в лошадях. Все проще простого [это говорит Лас Кортес]: один-единственный китаец целый день крутит ногами этот механизм»¹⁶⁵. Требуется также, перекрывая затворы, перегонять воду с чека на чек. Разумеется, выбор системы орошения зависел от местных условий. Когда никакой способ ирригации не был возможен, дамбы рисовой плантации служили для задержания дождевой воды, которой в муссонных районах Азии довольно для того, чтобы поддержать значительную часть равнинного земледелия.

А в целом – огромная концентрация труда, человеческого капитала, и тщательное приспособление к местным условиям. Кроме того, ничто бы не срабатывало, если бы главные линии такой оросительной системы не были прочно связаны друг с другом и не контролировались сверху. Это предполагает крепкое общество, государственную власть и беспрестанные обширные работы. Большой императорский канал от Голубой реки [Янцзы] до Пекина был одновременно и крупной ирригационной системой¹⁶⁶. «Перегруженность» рисовыми плантациями предполагает и чрезмерное развитие государства. Предполагает она и обычную скученность деревень – как по причине принудительных коллективных работ по ирригации, так и из-за столь частого в китайских условиях отсутствия безопасности.

Таким образом, рисовые плантации повлекли за собой в тех зонах, где они процветали, высокую численность населения и крепкую социальную дисциплину. Если около 1100 г. центр тяжести Китая сместился к югу, то ответственность за это лежит на рисе. Около 1380 г. население Южного Китая, как утверждают официальные цифры, относилось к населению Северного как 2,5 : 1 – на Севере было 15 млн. жителей, на Юге – 38 млн.¹⁶⁷ Но настоящий «подвиг» рисовых плантаций заключался, впрочем, не в том, что под них использовалась без конца одна и та же возделываемая земля, и не в стабильных урожаях благодаря тщательным ирригационным работам, а в том, что с них удавалось снимать два, а то и три урожая в год.

Об этом можно судить по современному календарю Нижнего Тонкина: сельскохозяйственный год начинается там с высадки рассады в январе. Через пять месяцев следует жатва – так называемый «урожай пятого месяца», – и происходит это в июне. И надо торопиться, чтобы пятью месяцами позднее получить другой урожай, десятого месяца. Собранное зерно спешно свозят в житницы, и рисовые поля следует заново взрыхлить, выровнять, удобрить и залить. Не может быть и речи о том, чтобы высевать зерно разбрасыванием: его прорастание заняло бы слишком много времени. Молодые ростки риса берут из питомника, где они растут в крайней тесноте в щедро удобренном грунте. Затем их высаживают заново на расстоянии 10–12 см друг от друга. Решающую роль играет питомник, сверхобильно

¹⁶⁵ P. de Las Cortes. *Doc. cité*, n° 43 v°.

¹⁶⁶ Macartney G. *Op. cit.*, III, p. 287; *Dictionnaire archéologique des techniques*. 1964, I, p. 214–215; II, p. 520.

¹⁶⁷ Cartier M., Will P. E. *Démographie et institutions en Chine: contributions à l'analyse des recensements de l'époque impériale.* – «*Annales de démographie historique*», 1971, p. 212–218 et 230–231.

¹⁶⁸ Gourou P. *Les Paysans du delta tonkinois*. 1936, p. 382–387.

¹⁶⁹ Подробности заимствованы у Э. Поре-Масперо. См.: Povéе-Maspéro E. *Op. cit.*, I, 1942, p. 32 sq.

¹⁷⁰ Chardin J. *Voyages en Perse*. 1811, IV, p. 102–105.

¹⁷¹ Fourastié J. *Machinisme et bien-être*, p. 40.

удобряемый человеческими экскрементами или городскими нечистотами. Разгар жатвы десятого месяца – самой важной – приходится на ноябрь. И сразу же после этого снова начинается вспашка в предвидении январской высадки рассады¹⁶⁸.

Жесткий земледельческий календарь повсюду фиксирует последовательность этих поспешных работ. В Камбодже после дождей, оставивших лужи воды, первая вспашка «пробуждает рисовое поле»; один раз ее ведут от краев к центру, а в следующий раз – от центра к краям. Чтобы не оставить за собой углублений, которые наполнились бы водой, крестьянин, идя рядом со своим буйволом, проводит поперек борозд по диагонали одну или несколько канавок, чтобы удалить излишек воды ... А затем нужно будет выполоть траву, оставить ее гнить, выгнать крабов, которые наводняют неглубокую воду. И непременно вырывать сеянцы правой рукой и ударять ими по левой ноге, «дабы сбить землю с корней, которые еще очищают полосканием в воде»¹⁶⁹.

Эти следующие одна за другой работы находят отражение в пословицах, в привычных образах. В Камбодже пустить воду на поля с сеянцами означает «утопить воробьев и горлиц». При появлении первых метелок говорится, что «растение беременно»; тогда рисовое поле приобретает золотистый цвет – «цвет крыла попугая». Несколько недель спустя при сборе урожая, когда зерно, «которое налилось молоком, стало тяжелым», наступает игра или почти игра со складыванием снопов либо «тюфяком», либо «перемычкой», либо «взлетающим пеликаном», либо «собачьим хвостом», или «слоновьей ногой» ... Когда заканчивается обмолот, зерно отвеивают, чтобы удалить «голос риса (*nad-di*)», т. е. «шуршащую мякину, которую уносит ветер».

Для шевалье Шардена, человека западного, видевшего, как выращивают рис в Персии, главным была быстрота его роста: «Это зерно созревает за три месяца, хоть его и пересаживают после того, как пробились ростки ... Ибо его пересаживают по колоску в сильно увлажненную и илистую землю ... Через неделю, после того как рис подсох, он становится зрелым»¹⁷⁰. В быстроте заключен секрет двух урожаев – двух урожаев риса; или, если мы оказываемся слишком далеко к северу одного урожая риса, а другого – пшеницы, ржи или проса. Можно даже получить три урожая: два – риса и один, в промежутке между ними, – пшеницы, ячменя, гречихи или овощей (репы, моркови, бобов, нанкинской капусты). Рисовая плантация – это, таким образом, настоящая фабрика. Гектар земли под хлебами давал во Франции во времена Лавуазье в среднем 5 центнеров; гектар же рисового поля зачастую приносит 30 центнеров неочищенного риса-падди. Будучи очищены, они дают 21 центнер пищевого риса по 3500 калорий на килограмм, т. е. колоссальную цифру – 7350 тыс. калорий с гектара против 1500 тыс. калорий от пшеницы и всего 350 тыс. калорий животного происхождения, если этот же гектар земли, будучи отведен для животноводства, произвел бы 150 кг мяса¹⁷¹. Эти цифры демонстрируют огромное превосходство рисового поля и растительной пищи. И конечно же, не из идеализма цивилизации Дальнего Востока предпочли растительную пищу.

Чуть отваренный на воде, рис был повседневной пищей, как у людей Запада – хлеб. Нельзя не вспомнить итальянский *pane e companatico*, видя, насколько скудны добавления к рисовому рациону хорошо питавшегося крестьянина Тонкинской дельты в наши дни (1938 г.): «5 г свиного жира, 10 г *pius tam* [рыбного соуса], 20 г соли и некоторое количество зелени, не дающей калорий», на килограмм белого риса (последний давал 3500 калорий из общего их числа 3565)¹⁷². Средний повседневный рацион индийца, питающегося рисом, в 1940 г. был более разнообразным, но не менее растительным по характеру: «560 г риса, 30 г гороха и фасоли, 125 г свежих овощей, 9 г растительного масла и растительных жиров, 14 г рыбы, мяса и яиц плюс ничтожное количество молока»¹⁷³. Несомненно, столь же «немясным» было и питание тех пекинских рабочих, 80% расходов которых на еду в 1928 г. составляли зерновые, 15,8 – овощи и приправы и 3,2% – мясо¹⁷⁴.

Эти сегодняшние реальности перекликаются с реальностями вчерашними. В XVII в. на Цейлоне один путешественник удивлялся тому, что «посоленный рис, сваренный на воде, с небольшим количеством зелени и лимонным соком считается приемлемой трапезой». Даже «большие люди» ели очень мало мяса или рыбы¹⁷⁵. Отец Дювальд в 1735 г. отмечал, что китаец, проводящий день в непрерывной работе, «зачастую по колению в воде ... вечером будет счастлив, получив риса, вареной зелени, немного чая. Надо заметить, что в Китае рис всегда варят на воде и для китайцев он то же самое, что хлеб для европейцев, и никогда не вызывает отвращения»¹⁷⁶. Вот рацион китайца по сообщению отца де Лас Кортеса: «Маленькая мисочка риса, сваренного на воде, без соли, который есть повседневный хлеб здешних мест [на самом деле – четыре-пять таких чашек], коковую подносят ко рту левой рукой, держа в правой две палочки, и, подув сначала на рис, торопливо отправляют его в желудок, как будто бросают в мешок». С этими китайцами бесполезно было говорить о хлебе или сухарях. Если у них бывала пшеница, они ели ее в виде сваренных на пару пампушек, с топленным свиным салом¹⁷⁷.

Эти китайские «булочки» восхитили в 1794 г. де Гиня и его спутников. Они одобрили их «небольшим количеством сливочного масла» и сразу же, рассказывает он, «довольно хорошо справились с принудительными постами, которых нас заставляли придерживаться мандарины»¹⁷⁸. Разве нельзя здесь говорить о выборе, обусловленном своей цивилизацией, о господствующих вкусах и даже о пристрастиях в еде, которые все суть результат сознательного предпочтения, как бы чувства превосходства? Отказаться от культуры риса означало бы обречь себя на упадок. «Люди муссонных областей Азии, – говорит П. Гуру, – предпочитают рис клубнеплодам и зерновым в виде каши» (и в виде хлеба). Сегодня японские крестьяне сеют ячмень, пшеницу, овес, просо – но только между двумя сборами риса или же в условиях вынужденного суходольного земледелия. Лишь необходимость заставляет их потреблять эти зерновые, «которые они считают жалкими». Этим объясняется то, что в наше время рис продвинулся сколь возможно далеко на север Азии, до 49° се-

¹⁷² Gourou P. *L'Asie*, 1953, p. 55.

¹⁷³ Gourou P. *Les Pays tropicaux*, 4e éd., 1966, p. 95.

¹⁷⁴ См. статью Дж. Спенса (J. Spence) в кн.: *Food in Chinese Culture*. Р. р. К. С. Chang, 1977, p. 270.

¹⁷⁵ Abbé Prévost. *Op. cit.*, VIII, p. 536–537.

¹⁷⁶ Du Halde J.-B. *Op. cit.*, II, p. 72.

¹⁷⁷ P. de Las Cortes. *Doc. cité*, f°s 54 et 60.

¹⁷⁸ Guignes M. *Voyages à Pékin, Manille et l'île de France... 1784-1801*. I, p. 320.

¹⁷⁹ Gourou P. *L'Asie*. II, p. 74, 262.

¹⁸⁰ Mandelslo J. A. *Op. cit.* II, p. 268.

верной широты, в такие области, где другие культуры, несомненно, были бы более уместны¹⁷⁹.

На «рисовом режиме» (включая и побочные продукты переработки риса) находился весь Дальний Восток, даже европейцы, обосновавшиеся в Гоа. Мандельсло в 1639 г. констатировал, что португальские женщины этого города предпочитают хлебу рис, «как только они к нему привыкнут»¹⁸⁰. Из риса в Китае изготавливали также и вино, которое «пьянит так же сильно, как

Обмолот риса вручную. Рисунок Ичо Ханабуса (1652–1724 гг.) Париж. Галерея Жаннет Остье. (Фото Нелли Делэ.)

¹⁸¹ Savary J. *Op. cit.*, IV, col. 561.

¹⁸² P. de Las Cortes. *Doc. cité*, f° 55.

¹⁸³ Matsuyo Takizawa. *The Penetration of Money Economy in Japan...*, 1927, p. 40–41.

лучшие испанские вина», «вино янтарно-желтого цвета». Подражая этому или из-за низкой цены риса на Западе, но в XVIII в. «в некоторых местах Европы додумались гнать из него очень крепкую водку, но во Франции она запрещена, так же как водка из зерна и из жома»¹⁸¹.

Следовательно, много риса и мало мяса, а то и вовсе нет мяса. В таких условиях можно представить себе исключительно тираническую власть риса. Колебания его цен затрагивали в Китае всё, включая и дневное жалованье солдат, которое повышалось и снижалось вместе с ценой риса, как будто речь шла о скользящей шкале зарплаты¹⁸². В Японии было и того лучше: рис до реформы и решающих изменений XVII в. сам служил деньгами. Цена на рис на японском рынке с 1642–1643 по 1713–1715 гг. возросла в десять раз, чему способствовало обесценивание монеты¹⁸³.

Такую славу рису обеспечил второй урожай в год. К какому же времени он восходит? Наверняка ему было уже несколько веков, когда в 1626 г. отец де Лас Кортес восторгался несколько-

Обмолот риса
в Японии цепами.
Париж.
Галерея Жаннет
Остье. (Фото Нелли
Делэ.)

¹⁸⁴ P. de Las Cortes. *Doc. cité*, f° 75.

¹⁸⁵ Gernet J. *Le Monde chinois*. 1972, p. 281–282, 648; Eberhard W. *A History of China*. 4e éd., 1977, p. 255.

ми урожаями в год возле Кантона. На одной и той же земле, писал он, «они получают один за другим три урожая в год: два урожая риса и один – пшеницы, по сам-сорок и сам-пятьдесят, благодаря умеренной жаре, атмосферным условиям и великолепнейшей почве, намного лучшей и более плодородной, чем любая земля в Испании или Мексике»¹⁸⁴. Отнесемся скептически к сборам сам-сорок или сам-пятьдесят и, может быть, даже к третьему урожаю пшеницы, но запомним впечатление сверхизобилия. Что же касается времени этой решающей революции, то различные скороспелые сорта риса, созревающего зимой и позволяющего собирать два урожая в год, были ввезены из Тьямпы (Центральный и Южный Аннам) в начале XI в. Мало-помалу это новшество покорило одну за другой жаркие провинции Китая¹⁸⁵. С XIII в. все уже сложилось. Тогда-то и начался великий демографический подъем Южного Китая.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ РИСА

Успех риса и предпочтение, оказанное ему, ставят ряд проблем, как, впрочем, ставит их и пшеница, господствующее растение Европы. Рис, сваренный на воде – собственно, «каша», – как и печеный хлеб в Европе, был «основной пищей». Это означает, что все питание многочисленного населения строилось на однообразном использовании этой пищи, использовании каждодневном. Кухня – это искусство дополнять основную пищу, делать ее привлекательной. Итак, ситуации сходные. С той лишь разли-

Два аспекта выращивания риса. I. Вспашка поля плугом, запряженным буйволом, дабы «заставить воду впитаться и увлажнить землю».

цей, что для Азии нам зачастую не хватает исторических данных.

Успех риса имел многочисленные, широкие и очевидные последствия. Рисовые плантации занимают очень незначительные площади – это первый важный момент. Во-вторых, их очень высокая продуктивность позволяет им кормить многочисленное население с высокой плотностью. Если поверить одному, быть может чересчур оптимистичному, историку, то на протяжении шести или семи веков на каждого китайца будто бы приходилось ежегодно по 300 кг риса или другого зерна и по 2000 калорий в день¹⁸⁶. Даже если эти цифры, вероятно, слишком завышены и *непрерывность* такого благосостояния будет опровергнута – во всяком случае, недвусмысленными признаками нищеты и крестьянскими восстаниями¹⁸⁷, людям, питающимся рисом, была обеспечена определенная стабильность питания. Иначе как бы они выжили, будучи столь многочисленными?

Тем не менее концентрация рисовых полей и рабочей силы в низинных местностях логически влечет за собой некоторые «отклонения», как сказал бы П. Гуру. Так, в Китае, где, в отличие от Явы или Филиппин, горный рис по меньшей мере до XVIII в. оставался исключением, путешественник еще в 1734 г. пересекал между Нинбо и Пекином почти пустынные нагорья¹⁸⁸. В результате Дальний Восток с презрением отверг то, что нашла в своих горах Европа – активный человеческий капитал, стада, бурлящую жизнь – и что она сумела использовать. Какой же это был огромный проигрыш! Но как бы китайцы использовали гористые местности, если у них не было никакого представления о лесном хозяйстве или о скотоводстве, если они не употребляли в пищу ни молоко, ни сыр и очень мало мяса, если они не стреми-

¹⁸⁶ См. статью Ф. У. Моута (F. W. Mote) в кн.: *Food in Chinese Culture*. P. p. Chang K. C. p. 198–200.

¹⁸⁷ Spence J. *Ibid.*, p. 261, 271.

¹⁸⁸ Abbé Prévost. *Op. cit.*, VI, p. 452–453 (du Halde).

2. Орошение рисового поля.
Гравюры по рисункам
из «Гэнчжэду».
Национальная библиотека,
Кабинет эстампов.
(Фото из Национальной библиотеки.)

лись сделать своими союзниками горные народности, когда те существовали, – скорее наоборот! Перефразируя П. Гуру, представим себе Юру или Савойю без стад, с анархически сведенными лесами, с активным населением, концентрирующимся на равнинах, по берегам рек и озер. За это в какой-то степени несут ответственность культура риса, его обилие и пищевые традиции китайского населения.

Объяснение следует искать в долгой и пока еще плохо изученной истории. Если ирригация и не настолько древняя, как утверждает китайская традиция, она все же осуществлялась в широких масштабах уже в IV–III вв. до н. э. одновременно с государственной политикой интенсивного подъема целины и развитием более научной агрономии¹⁸⁹. Именно тогда Китай, обратившись к гидротехническим работам и интенсивному производству зерновых, определил в ханьскую эпоху классический облик своей истории. При том, что этот облик, наметившийся, если обратиться вновь к хронологии Запада, самое раннее – в век Перикла, окончательно утвердился во всей своей полноте лишь с широким распространением скороспелых южных сортов риса; а это приводит нас к периоду XI–XII вв., эпохе наших крестовых походов. В общем, соответственно ужасающе медленному ритму развития цивилизаций классический Китай, в его материальности, начался только вчера. Он вырастает из долгой земледельческой революции, которая сломала и обновила его структуры и которая, несомненно, была важнейшим фактом истории людей на Дальнем Востоке.

Ничего похожего не было в Европе, где задолго до гомеровских времен существовала аграрная цивилизация стран Средиземноморья – пшеница, олива, виноград и животноводство, где

¹⁸⁹ Gernet J. *Op. cit.*,
p. 65–66; *Dictionnaire
archéologique des
techniques*. 1964, II,
p. 520.

¹⁹⁰ Bérard V. *Les Navigations d'Ulysse. II. Pénélope et les Barons des îles.* 1928, p. 318, 319.

¹⁹¹ Gemelli Careri G. F. *Op. cit.*, IV, p. 102.

¹⁹² Samson G. B. *The Western World and Japan.* 1950, p. 241.

пастушеская жизнь бурлила на всех уровнях гор, вплоть до равнин у их подножия. Телемак вспоминал, как он жил среди грязных горцев Пелопоннеса, «пожирателей желудей»¹⁹⁰. Сельская жизнь Европы всегда опиралась на земледелие и скотоводство одновременно, на «пахоту и пастьбу». Последняя же поставляла наряду с удобрением, необходимым зерновым, широко применявшуюся тягловую силу животных и существенную часть питания. Но зато в Европе гектар пахотной земли с его севооборотах кормил намного меньше людей, чем в Китае.

На рисоводческом Юге, замкнувшемся в себе, китаец не то чтобы потерпел неудачу в освоении гор – он его просто не предпринимал. Избавившись, или почти избавившись, от домашнего скота и закрыв свои ворота перед жалкими горцами, возделывавшими суходольный рис, он процветал, но вынужден был практиковать все ремесла, при необходимости – тащить плуг, тянуть суда бечевой или поднимать их, чтобы они переходили из одного бьефа в другой, таскать деревья, бегать по дорогам, доставляя новости и послания. Буйволы на рисовых полях, которых держали на голодном пайке, едва работали, а лошадей, мулов и верблюдов, как на Севере, здесь не было; но Север – это отнюдь не Китай культуры риса. Рисоводческий Юг стал в конечном счете примером торжества замкнувшегося в себе крестьянства. Эта культура риса ориентировалась не вовне, на новые земли, а прежде всего на рано возникшие города. Именно городскими нечистотами, уличной грязью; эксcrementами городских жителей удобряли рисовые плантации. Отсюда это нескончаемое движение взад и вперед крестьян, приходивших в города собирать драгоценные удобрения, «которые они оплачивают зеленью, уксусом или деньгами»¹⁹¹. Отсюда и те непереносимые запахи, что витают над китайскими городами и полями. Такой симбиоз деревни и города был более прочен, нежели на Западе, а это немало значит. За все это нес ответственность не сам рис, но его успехи.

Потребовался резкий демографический подъем XVIII в., чтобы началось введение в сельскохозяйственный оборот холмов и некоторых горных склонов с распространением кукурузы и сладкого батата, ввезенных из Америки двумя столетиями раньше, – такое распространение было явлением революционным. Ибо рис, как бы ни был он важен, не исключает прочие культуры. И не только в Китае, но также и в Японии и в Индии.

Токугавская Япония (1600–1868 гг.) испытала в XVII в., когда с 1638 г. она была закрыта, или почти закрыта, для торговли с внешним миром, сенсационный рост экономики и населения: около 1700 г. насчитывалось 30 млн. жителей и одна только столица Эдо (Токио) имела их миллион. Такой прогресс стал возможен лишь благодаря постоянному росту земледельческого производства, поддерживавшего эти 30 млн. человек на небольшой территории, которая «в Европе дала бы возможность прокормиться всего 5 или 10 млн. жителей»¹⁹². Прежде всего, наблюдался медленный подъем производства риса как следствие улучшения семенного материала, усовершенствования оросительной сети и систем спуска воды и совершенствования крестьян-

¹⁹³ Vié M. *Histoire du Japon*. 1969, p. 99; Smith Th. C. *The Agrarian Origins of Modern Japan*. 1959, p. 102.

¹⁹⁴ Smith Th. *Op. cit.*, p. 82, 92 sq.

¹⁹⁵ *Ibid.*, p. 68 sq., 156, 208, 211; Matsuyo Takizawa. *The Penetration of money economy in Japan*. 1927, p. 34–35; 75–76, 90–92; *Recent trends in Japanese historiography: bibliographical essays*.—XIII

Международный конгресс исторических наук. М., 1970, т. I, с. 43–44.

¹⁹⁶ См. настоящую работу, т. III.

яньских ручных орудий (в особенности изобретения огромного деревянного гребня — *сенбакоки*, — предназначенного для обрушивания риса)¹⁹³, и, в еще большей мере по причине поступления в продажу более богатых и более обильных удобрений, нежели экскременты человека или животных, скажем, таких, как сушеные сардины, рапсовый, соевый или хлопковый жмых. Эти удобрения часто составляли от 30 до 50% эксплуатационных затрат¹⁹⁴. А с другой стороны, возраставшая товарность земледелия породила крупную торговлю рисом с ее купцами-скупщиками, а также вызвала расширение производства вспомогательных культур — хлопка, рапса, конопли, табака, бобовых, шелковицы, сахарного тростника, сезама, пшеницы ... Самыми важными были хлопок и рапс: рапс сочетался с культурой риса, хлопок — с пшеницей. Эти культуры увеличили валовые сборы в сельском хозяйстве, правда требуя удвоенного или утроенного количества удобрений по сравнению с рисовыми плантациями и вдвое больше рабочей силы. За пределами рисовых плантаций, на «полях», трехпольный севооборот часто сводил вместе ячмень, гречиху и репу. В то время как рис оставался обложен очень тяжелыми натуральными повинностями (сеньеру шло 50–60% урожая), эти новые культуры дали возможность появиться денежным податям, они связали деревенский мир с современной экономикой и ими объясняется появление если не богатых, то по крайней мере зажиточных крестьян — и на земельных участках, которые еще были и останутся крохотными¹⁹⁵. Вот что могло бы доказать, если бы была в том необходимость, что и рис — тоже сложное явление, особенности которого мы, специалисты по истории Запада, только начинаем разгадывать.

Существовало две Индии, как было два Китая. Рис держал в своих «объятиях» Индостанский полуостров, достигал нижнего течения Инда, покрывал обширную дельту и долину нижнего течения Ганга, но оставлял громадные площади для пшеницы и еще более — для проса, способного удовлетвориться малопродуктивными почвами. Согласно недавним работам историков Индии, огромный «взлет» земледелия, наступивший с созданием Могольской империи в Дели, был связан с расширением работ по подъему целины и орошению, с диверсификацией продукции и поощрением возделывания технических культур, таких, как индиго, сахарный тростник, хлопок, тутовые деревья для разведения шелковичного червя¹⁹⁶. Города переживали в XVII в. крупный демографический рост. Как и в Японии, выросло производство и начал складываться обмен, в особенности риса и пшеницы, на огромные расстояния по суше, по морю и по рекам. Но в отличие от Японии здесь, видимо, не наблюдалось прогресса земледельческой техники. Быки и буйволы играли значительную роль как тягловые и вьючные животные, но их высушенный навоз служил топливом, а не удобрением. По религиозным мотивам человеческие экскременты, в противоположность китайскому образцу, не использовались. Не использовалось для питания и огромное стадо коров, за исключением молока и топленого масла, производимых к тому же в малых количествах из-за скверного состояния поголовья, которое в общем не имело хлебов и которое, так сказать, не кормили.

¹⁹⁷ Samson G. B. *Op. cit.*,
p. 237.

В конечном счете рис и прочие зерновые недостаточно обеспечивали жизнь обширного субконтинента. Как и в Японии ¹⁹⁷, демографическая перегрузка XVIII в. выльется в Индии в трагические голодовки. Совершенно очевидно, что во всем этом виноват не один только рис, ибо он был не единственным творцом перенаселенности вчера и сегодня в Индии и в иных местах. Он только делал такую перенаселенность возможной.

КУКУРУЗА (МАИС)

Это увлекательный персонаж, которым мы и закончим изучение господствующих растений: по зрелом размышлении мы не стали включать в их число маниоку, которая в Америке послужила основой лишь для примитивных и, как правило, мало-значительных культур. Маис же, напротив, неослабно поддерживал блеск цивилизаций или полувцивилизаций инков, майя и ацтеков — этих самобытных творений. А затем он сделал единственную в своем роде карьеру в мировом масштабе.

НАКОНЕЦ-ТО ВЫЯСНЕНО ЕЕ ПРОИСХОЖДЕНИЕ

В случае с кукурузой все просто, даже проблема ее происхождения. Ученые XVIII в., основываясь на спорных чтениях и интерпретациях, сочли, что кукуруза (маис) пришла и с Дальнего Востока (и она тоже!), и из Америки, где европейцы ее открыли со времен первого путешествия Колумба ¹⁹⁸. Можно с уверенностью сказать, что первое объяснение не годится: именно из Америки маис покорила Азию и Африку, где определенные его следы, и даже некоторые скульптуры йоруба *, еще могли бы нас ввести в заблуждение. Последнее слово в этой области должно было принадлежать археологии, и она его сказала. Если в древних слоях и не сохраняются кукурузные початки, то не так обстоит дело с ее пылью, которая может сохраняться в окаменевшем виде. Окаменевшая пыльца была, таким образом, обнаружена в окрестностях Мехико, где закладывали глубокие шурфы. Некогда город находился на берегу осушенной впоследствии лагуны; от этого произошла значительная осадка грунта. В древних болотистых почвах города были пробурены скважины и на глубине 50–60 м (т. е. речь идет о нескольких тысячах лет до нашего времени) обнаружили крупинки пыльцы маиса. Эта пыльца принадлежала иногда возделываемым ныне видам, иногда дикому маису по меньшей мере двух видов.

Но вот проблему прояснили недавние раскопки в долине Те-хуакан, в 200 км южнее Мехико. Эта засушливая зона, каждую зиму обращаясь в огромную пустыню, из-за своей засушливости сохранила даже зерна древних видов маиса, его початки (от последних остались лишь остевые части) и изгрызенные листья. Растения, останки людей и бытовой мусор встречаются по соседству с выходами на поверхность подземных вод. Пещерные жилища дали археологам значительный материал и разом показали им всю ретроспективную историю маиса.

¹⁹⁸ Она описана в «*Vie de Colomb par son fils*» под датой 5 ноября 1492 г. как «вид хлебного зерна, именуемый маис, каковой весьма вкусен, варится в печи или высушивается и размалывается в муку». См.: Maurizio A.

Op. cit., p. 339.

* Йоруба — народ, живущий в западных и юго-западных районах Нигерии и в Народной республике Бенин. — *Прим. ред.*

Женщина,
растирающая маис
в муку.
Мексиканское
искусство,
Антропологический
музей в Гвадалахаре.
(Фото Жиродона.)

«В древнейших слоях один за другим исчезают все современные виды маиса... В самом древнем, насчитывающем 7–8 тыс. лет, присутствует лишь примитивный маис, и все указывает на то, что он еще не был культурным растением. Этот дикий маис невелик... Размер зрелого початка составлял всего 2–3 см; в нем было только с полсотни зерен, располагавшихся во впадинах мягких прицветных листьев. У початка была очень хрупкая ось, а листья, которые его окружали, не представляли прочного футляра, так что зерна должны были легко рассеиваться»¹⁹⁹. Таким путем дикий маис мог обеспечить свое выживание в отличие от маиса культурного, у которого зерна остаются «пленниками» листьев, не раскрывающихся при созревании. Здесь требуется вмешательство человека.

Конечно, завеса тайны еще не снята целиком. Почему исчез этот дикий маис? Можно обвинить в этом привезенные европейцами стада, в частности коз. Далее, где находилась родина этого дикого маиса? Принято считать, что ею была Америка, но потребуются дискуссии и поиски, дабы точно определить в Новом Свете родину растения, чудесно преобразованного человеком. Прежде называли Парагвай, Перу, Гватемалу. Всех их «обошла» Мексика. Но и в археологии бывают свои неожиданности и свои проблемы. Этим волнующим вопросам словно

¹⁹⁹ Mac Neish R. S. *First annual report of the Tehuacan archaeological-botanical project*. 1961; *Idem. Second annual report of the Tehuacan archaeological-botanical project*. 1962.

суждено оставаться без окончательного решения: специалисты говорят, по крайней мере мечтают, о дополнительном центре первоначального распространения маиса (кукурузы) – на азиатских нагорьях, колыбели почти всех зерновых культур мира, или в Бирме.

МАИС И АМЕРИКАНСКИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ

В любом случае с XV в., когда завершалось становление ацтекской и инкской цивилизаций, маис давно уже присутствовал в американском регионе в сочетании с маниокой, как это было, скажем, на востоке Южной Америки. Или же он встречался сам по себе и на суходоле, или сам по себе – на орошаемых террасах Перу и на берегах мексиканских озер. Что касается суходольной культуры, то сказанное нами по поводу риса относительно систем *ладанг* или *рай* позволяет быть краткими. Чтобы представить себе ротацию культуры маиса на богарных землях, каждый год на новом участке леса или зарослей, достаточно увидеть на мексиканском плато Анахуак крупные пожары саванны и огромные массы дыма, когда самолеты (над этим плоскогорьем они летают на высоте всего 600–1000 м) проваливаются во внушительные воздушные ямы из-за столбов горячего воздуха. Это способ *мильпа*. В 1697 г. Джемелли Карери заметил его, так сказать, в нескольких шагах от Мехико, в горах около Куэрнаваки. «Здесь была, – замечает он, – только трава, настолько сухая, что крестьяне ее выжгли, дабы удобрить землю»²⁰⁰.

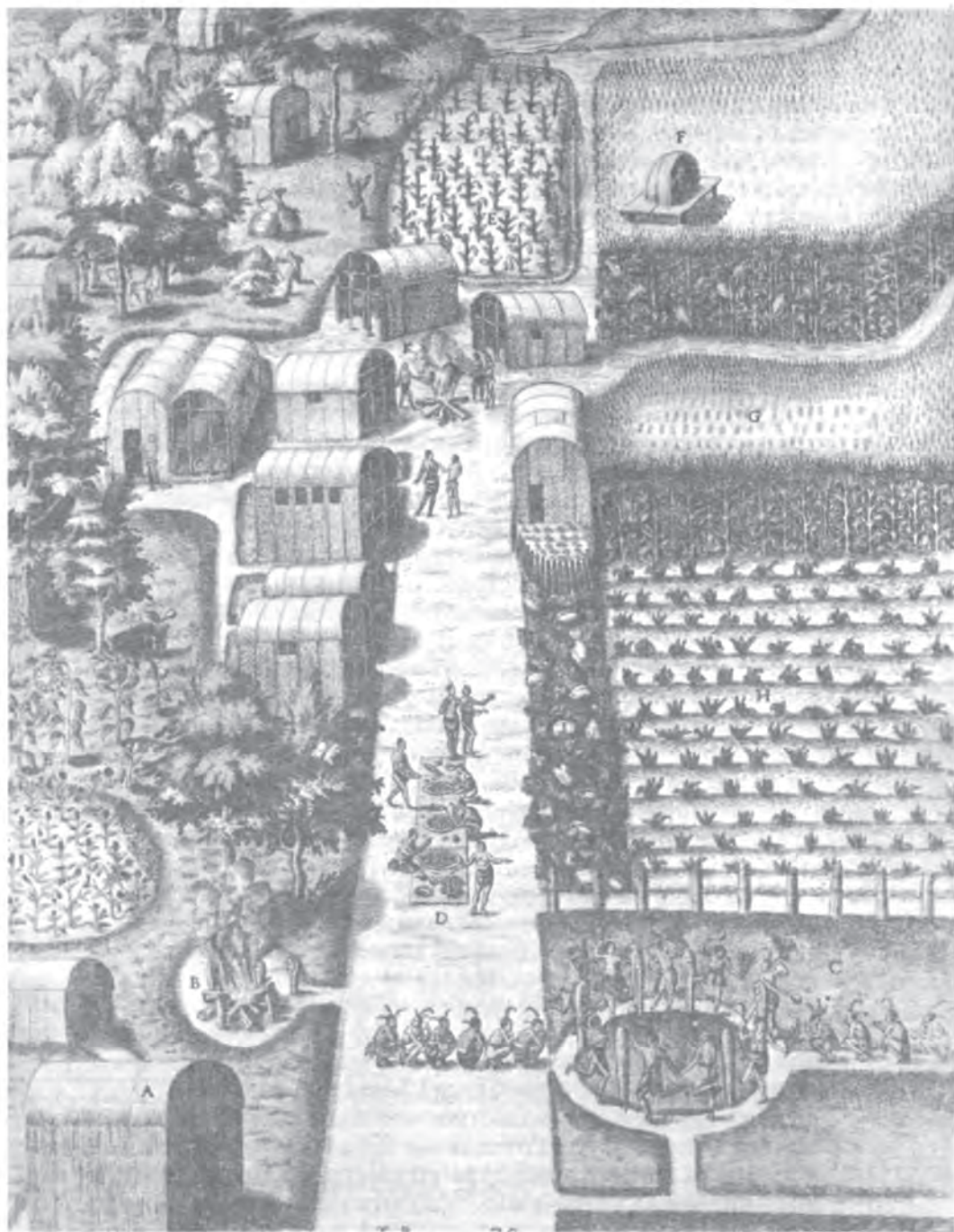
Интенсивная культура маиса встречалась по берегам мексиканских озер и в еще более эффективном виде – на террасных полях Перу. Придя с высот озера Титикака, инки, спускаясь по андским долинам, должны были найти земли для своего растущего населения. На склонах гор они устроили уступы, связанные между собой лестницами и, что всего важнее, орошавшиеся рядом каналов. Иконографические материалы без пояснений, весьма красноречиво говорят об этом земледелии. Вот крестьяне с палками-копалками и их жены, высаживающие семена. Вот быстро созревшее зерно, которое приходится защищать от птиц – бог знает, сколько их! – и от какого-то животного (несомненно, ламы), поедающего початок. Еще одна картинка – и вот уже жатва ... Теперь початки вырывают из земли вместе со стеблем (он содержит много сахара и представляет ценный пищевой продукт). Решающее значение имеет сравнение этих наивных рисунков Помы де Айяла с фотографиями, сделанными в горном Перу в 1959 г. Мы видим на них того же крестьянина, мощным движением вонзающего в землю огромную палку-копалку и поднимающего большие комья земли, в то время как крестьянка, как в прошлые времена, бросает зерно. В XVII в. Кореаль видел во Флориде, как туземцы производили пожоги и дважды в год, в марте и июле, оперировали «заостренными кусками дерева», чтобы зарыть семена²⁰¹.

Маис – определенно чудесное растение. Он быстро формируется, и фактически его зерна бывают съедобны даже еще до того, как созрели²⁰². Урожай в сухой зоне колониальной Мекси-

²⁰⁰ Gemelli Careri G. F. *Op. cit.*, VI, p. 30.

²⁰¹ Coreal F. *Relation des voyages aux Indes occidentales*. 1736, I, p. 23.

²⁰² Vidal de la Blache P. *Principes de géographie humaine*. 1922, p. 137.

Индийская плантация маиса: лагерь индейцев-секота в Виргинии. Мы видим его расположенным на опушке леса со всеми своими хижинами, охотниками, празднествами, со своими посадками табака (Е) и полями маиса (Н и G). Маис, объяснял де Бри, высажен с большими промежутками между грядками по причине важности этого растения «с широкими листьями, похожими на листья крупного камыша». T. de Bry. *Admiranda Narratio...*, 1590, pl. XX. (Фото Жиродона.)

ки составлял сам-семьдесят–сам-восемьдесят. В Мичоакане урожайность сам-полтора ста рассматривалась как низкая. Возле Керетаро на очень хороших землях отмечали рекордные цифры, в которые едва можно поверить: сам-восемьсот. В той же Мексике в жарких и умеренных районах удается даже получать два урожая – *риего* (с орошением) и *темпораль* (за счет осадков)²⁰³. Представим себе в колониальную эпоху урожайность, аналогичную современной в мелких хозяйствах, – от 5 до 6 центнеров с гектара. Их легко получить, так как культура маиса всегда требовала лишь небольших усилий. Ф. Маркес Миранда, археолог, проявивший внимание к таким реальностям, лучше кого бы то ни было показал в недавнем прошлом преимущества, которыми располагают крестьяне, выращивающие маис: он требует от них всего лишь 50 дней работы в году, один день из каждых семи или восьми, смотря по сезону²⁰⁴. И вот крестьяне свободны, слишком свободны. Маис орошаемых террас в Андах или побережий озер на мексиканских плато приводит (его ли это вина, или вина орошения, или обществ с высокой плотностью населения, которые имели угнетательский характер из-за самой численности этого населения?) в любом случае к теократическим государствам, которые тираничны сверх всякой меры. И весь этот деревенский досуг оказывается употреблен для колоссальных работ на египетский манер. Без маиса ничто не было бы возможно: ни гигантские пирамиды майя или ацтеков, ни циклопические стены Куско или удивительные чудеса Мачу-Пикчу. Чтобы их построить, требовалось в общем, чтобы производился один (или почти что один) маис.

В этом состоит проблема: с одной стороны, чудо, а с другой – жалкие человеческие результаты. И как всегда, нам придется спросить себя, кто же виноват. Конечно, люди. Но также и маис.

Что было вознаграждением за все эти труды? Маисовая лепешка, этот скверный повседневный хлеб, эти лепешки, которые выпекали на глиняных блюдах на медленном огне, или же обжаренное дробленое зерно. Ни то ни другое не было достаточным для питания. Нужно было бы добавление мяса, которое неизменно отсутствовало. Сегодняшний крестьянин-индеец в зоне возделывания маиса еще слишком часто бывает нищим, особенно в Андах. Чем он питается? Маисом, еще раз маисом и сушеным картофелем (известно, что наш картофель перуанского происхождения). Приготовление пищи происходит на открытом воздухе на очаге, сложенном из камней. Единственное помещение – низкая хижина – разделено между скотом и людьми. Одежда, которую не снимают, соткана на допотопных станках из шерсти ламы. Единственный выход – жевать листья коки, которая притупляет чувство голода, жажды, ощущение холода и усталости. А средство убежать от действительности – питье *чи-чи*, пива, изготовленного из проросшей или превращенной в жвачку кукурузы (с которым испанцы познакомились на Антильских островах и по крайней мере название которого они распространяют по всей индейской Америке), а то и крепкого перуанского пива – *сора*. То есть опасных напитков, тщетно запрещаемых благообразными властями. Такие напитки выводят из

²⁰³ Berthe J.-P. *Production et productivité agricoles au Mexique, XVIe-XVIIIe siècles.* – «Troisième Conférence internationale d'histoire économique», Munich, 1965.

²⁰⁴ Márquez Miranda F. *Civilisations précolombiennes, civilisation du maïs.* – *A travers les Amériques latines*, publ. sous la direction de Lucien Febvre. («Cahiers des Annales», N° 4, pp. 99–100).

²⁰⁵ Helmer M. *Les Indiens des plateaux andins.* — «Cahiers d'outremer», N° 8, 1949, p. 3.

²⁰⁶ Helmer M. *Note brève sur les Indiens Yuras.* — «Journal de la société des américanistes», 1966, p. 244–246.

²⁰⁷ Humboldt A. *Voyage aux régions équinoxiales du Nouveau Continent fait en 1799 et 1800.* Éd. de 1961, p. 6.

²⁰⁸ Saint-Hilaire A. *Voyages dans l'intérieur du Brésil.* 1re partie, I, 1830, p. 64–68.

²⁰⁹ Vivero R. *Du Japon et du bon gouvernement de l'Espagne et des Indes.* P.p. Juliette Monbeig, 1972, p. 212–213.

равновесия этих печальных недолговечных жителей, вызывая сцены опьянения, напоминающие образы Гойи²⁰⁵.

Серьезный недостаток заключался в том, что маис не всегда бывал под рукой. В Андах из-за холода он не поднялся выше середины горного склона. В других же местах он занимал небольшие районы. Следовательно, требовалось, чтобы зерно циркулировало, чего бы это ни стоило. Еще сегодня драматические сезонные перемещения индейцев-юре (живущих южнее Потоси) увлекают их вниз, к зонам произрастания маиса, с высоты 4 тыс. м. Средства оплаты дают им как бы ниспосланные небом месторождения соли, которые юре разрабатывают как каменные карьеры. Каждый год в марте они отправляются в путешествие, которое в обоих направлениях занимает по меньшей мере три месяца, на поиски маиса, коки и спиртного. Все идут пешком — мужчины, женщины, дети, — и мешки с солью образуют как бы вал вокруг их лагерей. Это небольшой, заурядный пример циркуляции маиса или извечно присутствовавшей кукурузной муки²⁰⁶.

В XIX в. такое перемещение грузов на мулах (со стоянками, ранчо, складами, с непременно выплатами на переправах) наблюдали Александр фон Гумбольдт в Новой Испании²⁰⁷ и Огюст де Сент-Илер — в Бразилии²⁰⁸. От этих перевозок зависело все, даже горные разработки с первых же ударов кирки. Впрочем, кто зарабатывал больше — горняки, искавшие серебро, золотоискатели или же торговцы продовольствием? Едва лишь в такой циркуляции происходила какая-то задержка, как ее последствия немедленно сказывались на ходе «большой истории». Свидетельство тому то, что докладывал в начале XVII в. Родриго Виверо, генерал-капитан порта Панама, куда прибывало из Арики, с перевалочным пунктом в Кальеа, серебро с рудников Потоси. Далее драгоценный груз пересекал перешеек на мулах, а потом на лодках по реке Чагрес и достигал Портобельо на Антильском (Карибском) море. Но погонщиков и лодочников надо было кормить, без этого не было бы никакого транспорта. А Панама жила только привозным маисом — либо из Никарагуа, либо из Кальдеры (Чили). В неурожайном 1626 г. только отправка из Перу корабля с 2 или 3 тыс. *фанега* (т. е. 100–150 т) маиса спасла положение и позволила перебраться белый металл через горы на перешейке²⁰⁹.

ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЕ РЕВОЛЮЦИИ XVIII в.

Культурные растения беспрестанно путешествуют и вносят возмущения в жизнь людей. Но их передвижения, происходящие как бы сами по себе, растягиваются на века, порой на тысячелетия. Однако после открытия Америки эти перемещения умножились и ускорились. Растения Старого Света достигают Нового, и наоборот, растения Нового Света добираются до Старого. В одном направлении двигались рис, пшеница, са-

²¹⁰ Граф Д. Хэмилтон (Hamilton J. *American Treasure and Price Revolution in Spain*. 1934, p. 213, note 1) обнаружил помидоры с 1608 г. в числе продовольственных закупок одной андалусийской больницы.

харный тростник, кофейное дерево, в другом – кукуруза, картофель, фасоль, томаты²¹⁰, маниока, табак...

Повсюду эти пришельцы наткнулись на враждебность местных культур и традиций питания: в Европе картофель считали пищей клейкой и неудобоваримой; в Юго-Восточном Китае, остающемся верным рису, и сейчас еще к кукурузе относятся с пренебрежением. И все же, невзирая на такое неприятие их как пищи и на медленность усвоения нового опыта, все эти растения в конечном счете размножились и заставили себя признать. В Европе и иных местах первой открыла им двери бедняцкая клиентура; демографический рост сделал их затем настоятельной необходимостью. Впрочем, если население мира увеличилось, смогло увеличиться, то не произошло ли это *отчасти* по причине того прироста производства продовольствия, который сделали возможным новые культуры?

КУКУРУЗА ЗА ПРЕДЕЛАМИ АМЕРИКИ

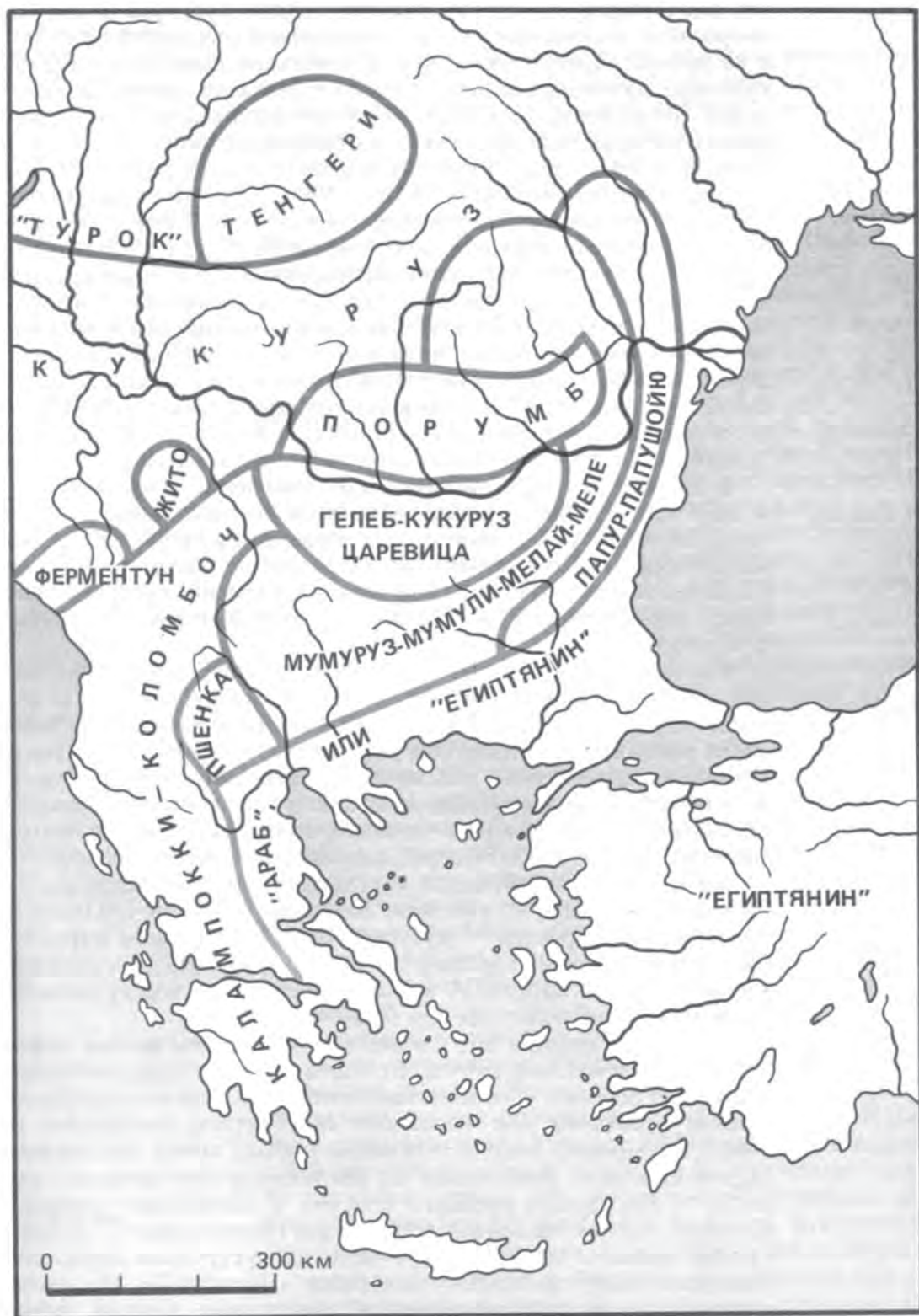
Какие бы аргументы ни выдвигались в пользу такого взгляда, маловероятно, однако, чтобы кукуруза вырвалась из своего американского «заточения» до плавания Колумба, который в 1493 г., в первое свое возвращение из Америки, доставил зерна маиса. Маловероятно также, чтобы она была африканского происхождения. Опираясь в таких спорах о происхождении на выдвигаемые по всему миру притязания на роль родины кукурузы едва ли убедительно, ибо в зависимости от времени и от региона маис «обряжали» во все возможные и вообразимые имена. В Лотарингии он был *родосским хлебом*; в Пиренеях – *испанским хлебом*; в Байонне – *индийским хлебом*; в Тоскане – *сирийской дуррой*; в остальных частях Италии – зачастую *турецким зерном*; в Германии и Голландии – *турецкой пшеницей*. В России маис называли *кукурузой*; слово это само по себе турецкое, но в Турции ее также именуют *румским* [христианским] *хлебом*. А во Франш-Конте ее называли *тюрки*. В долине Гаронны и в Лорагэ маис изменил свое название еще более непредвиденным образом. В самом деле, на рынках Кастильнодари в 1637 г. и Тулузы в 1639 г. он появился под именем *испанского проса*. Очень распространенное в этой зоне просо получило тогда в преискурантах наименование *французского проса*. Затем оба злака стали именоваться *крупным просом* и *мелким просом* до той поры, пока кукуруза, вытеснив культуру проса, не захватила и его название, став около 1655 г. просто «просом». Так продолжалось больше столетия, до самой Революции; тогда наконец в преискурантах появилось слово «маис»²¹¹.

После открытия Америки можно в *общих чертах* проследить за продвижением кукурузы в Европе и за ее пределами. Это была очень медленная «карьер», решающие успехи обозначились лишь в XVIII в.

Однако в гербариях крупных ботаников описания этого растения начали появляться с 1536 г. (Жан Рюэль), гербарий же Леонхарда Фукса (1542 г.) дает точное его изображение, добавляя, что растение тогда встречалось во всех огородах²¹². Но

²¹¹ Frêche G. et G. *Le Prix des grains, des vins et des légumes à Toulouse (1486–1868)*. 1967, p. 20–22.

²¹² Sauer C. O. *Maize into Europe. – «Akten des 34 Internationalen Amerikanischen Kongresses»*, 1960, S. 781.

Названия кукурузы на Балканах

(По данным Траяна Стояновича в: «Annales E.S.C.», 1966, p. 1031.)

что нас интересует, так это в какой момент кукуруза покинула огороды, т. е. опытные участки, и завоевала себе место на полях и на рынках. Требовалось, чтобы крестьяне привыкли к новой культуре, научились ее использовать и, что еще важнее, питаться ею. Часто кукуруза в пору этого завоевания сочеталась с фасолью, которая тоже пришла из Америки и позволяла восстанавливать почву: *fagioli* (фасоль) и *grano turco* (турецкое зерно) сообща наводнят Италию. Около 1590 г. Оливье де Серр констатирует их совместное прибытие в его родной Виварэ²¹³. Но все это потребует времени, много времени. Еще в 1700 г. один агроном удивлялся тому, что кукуруза так мало культивируется во Франции²¹⁴. Точно так же и на Балканах кукуруза обосновалась самое малое под десятком разных названий. Но чтобы избегнуть внимания фиска и сенъериальных повинностей, она ограничивалась огородами и теми землями, что лежали подальше от больших дорог. Крупные площади она займет в XVIII в., т. е. двести лет спустя после открытия Америки²¹⁵. И в общем только в XVIII в. она познает свой успех в Европе.

В целом такая задержка вызывает удивление, поскольку бывали и исключения, и ранние успехи, и внушительные результаты. Из Андалусии, где кукуруза встречается около 1500 г., из Каталонии, из Португалии, достигнутой ею около 1520 г., из Галисии, затронутой ею около того же времени, кукуруза пришла, с одной стороны, в Италию, а с другой – в Юго-Западную Францию.

Сенсационным был успех кукурузы в Венеции. Ее культура, появившаяся, как считают, около 1539 г., на рубеже XVI и последующего столетий распространилась по всей материковой части республики. И даже еще раньше она получила развитие в Полезине, небольшом районе близ Венеции, районе, где в XVI в. вкладывали крупные капиталы и где экспериментировали с новыми зерновыми на больших полях; естественно поэтому, что с 1554 г. здесь быстро распространилось *grano turco*²¹⁶.

В Юго-Западной Франции культура кукурузы пришла сначала в Беарн. С 1523 г. в районе Байонны, а около 1563 г. и в деревнях Наварренкса²¹⁷ кукуруза служила зеленым кормом. Ей потребуется еще немного времени, чтобы стать составной частью питания народа. А в районе Тулузы ее успеху способствовал упадок культуры пастеля²¹⁸.

В долине Гаронны, как и в Венеции, и в общем во всех районах, где внедрилась кукуруза, от хлеба в пользу кукурузной лепешки без особого удовольствия отказались, как и полагалось, бедные крестьяне или горожане. Мы читаем написанное в 1698 г. по поводу Беарна: «Миллок [читай: маис] – это разновидность хлеба, пришедшая из Индий, где ею питается народ»²¹⁹. По словам русского консула в Лиссабоне, кукуруза «служит главной пищей подлого народа Португалии»²²⁰. В Бургундии «*gaudes*, выпекаемые в печи из кукурузной муки, составляют пищу крестьян и вывозятся в Дижон»²²¹. Но нигде кукуруза не распространилась в зажиточных классах, реакция которых на нее, несомненно, была такой же, как и у некоего путешественника XX в. в Черногории на «эти тяжелые кукурузные колобки, которые везде встречаешь... и чей золо-

²¹³ Serres O. *Le Théâtre de l'agriculture. Op. cit.*, II, p. 4.

²¹⁴ Bourde A. *Agronomie et agronomes en France au XVIIIe siècle*. 1967, I, p. 185, note 5.

²¹⁵ Stoianovich T. *Le maïs dans les Balkans.* – «*Annales, E. S. C.*», 1966, p. 1027 et note 3, p. 1029 et note 1.

²¹⁶ Georgelin J. *Op. cit.*, p. 205.

²¹⁷ Anthony G. *L'Industrie de la toile à Pau et en Béarn*. 1961, p. 17.

²¹⁸ Frêche G. et G. *Op. cit.*, p. 20–22, 34–37.

²¹⁹ Памятная записка о Беарне и Нижней Наварре от 1700 г. В. N., Ms. fr. 4287, f. 6.

²²⁰ Москва, АВПР, ф. 72/5, д. 254, л. 29.

²²¹ Saint-Jacob P. *Op. cit.*, p. 398.

²²² Tharaud J. et J. La Bataille de Scutari, 24e éd., 1927, p. 101.

²²³ Georgelin J. *Op. cit.*, p. 205 et 225.

²²⁴ Frêche G. et G. *Op. cit.*, p. 36.

* Пигафетта Филиппо (1533–1604 гг.) – итальянский путешественник и историк. Труды Пигафетты – карта Африки того времени и описание государства Конго – принадлежат к числу наиболее ценных источников по истории средневековой Африки. – *Прим. ред.*

²²⁵ Pigafetta F. et Duarte Lopez. *Description du royaume de Congo*. 1591. Trad. de W. Bal, 1973, p. 76.

²²⁶ Verger P. *Dieux d'Afrique*. 1954, p. 168, 176, 180.

тисто-желтого цвета мякиш ласкает глаз, но отвращает желудок»²²².

Кукуруза имела на своей стороне неоспоримый довод: свою урожайность. Несмотря на связанные с нею опасности (питание, в составе которого преобладает кукуруза, вызывает пеллагру), разве не положила она конец бесконечно до того повторявшимся голодовкам в Венеции? *Мильяс Юга* Франции, итальянская *полента*, румынская *мамалыга* вошли, таким образом, в питание масс, которые по опыту знали – и не будем это забывать! – пищу времен голодовок, куда более отвратительную. Никакое пищевое табу не устоит перед голодом. Больше того, кукуруза, пища людей, но также и животных, обосновалась на парах и предопределила «революцию», сравнимую с тем успехом, какой выпал на тех же парах на долю кормовых культур. И наконец, возрастающая роль этого зерна в получении щедрых урожаев увеличила количество хлеба, *поступавшего для продажи*. Крестьянин ел свою кукурузу и продавал свою пшеницу, цена на которую была почти вдвое выше. Это ведь факт, что в XVIII в. в Венеции благодаря кукурузе экспорт составлял от 15 до 20% производства зерна, – масштабы, сопоставимые с вывозом из Англии 1745–1755 гг.²²³ Франция в ту эпоху потребляла почти все производимое в ней зерно, за исключением 1–2%. Но и в Лорагэ «в XVII, а особенно в XVIII в. кукуруза, обеспечивая главную долю пищи крестьянина, позволила пшенице стать культурой, предназначенной для крупной торговли»²²⁴.

Точно так же и в Конго кукурузу, ввезенную португальцами из Америки в начале XVI в. и носившую название *Masa ma Mputa*, «португальский колос», приняли не от хорошей жизни. Пигафетта* указывал в 1597 г., что ценили ее намного ниже, нежели другое зерно, что кормили кукурузой не людей, а свиней²²⁵. Такова была первоначальная реакция. Мало-помалу кукуруза заняла первое место среди полезных растений на севере Конго, в Бенине, в стране йоруба. И разве не говорит об ее бесспорном триумфе то, что ныне кукуруза там включена в исторические предания? Лишнее доказательство того, что питание – это не просто материальный акт²²⁶.

Покорить Европу, покорить Африку было сравнительно легко. Кукуруза совершила подвиг совсем иного масштаба, когда проникла в Индию, Бирму, в Японию и Китай. В Китай она пришла рано, в первой половине XVI в., одновременно и по суше, через бирманскую границу (тогда она и обосновалась в Юньнани), и морским путем, через Фуцзянь, порты которой поддерживали постоянные связи с Индонезией. Кстати, через эти же порты пришли в начале XVII в. арахис, а позднее – сладкий батат; посредниками на сей раз были либо португальцы, либо китайские купцы, торговавшие с Молуккскими островами. Тем не менее вплоть до 1762 г. культура кукурузы не имела большего значения, будучи ограничена Юньнанью и несколькими округами Сычуани и Фуцзяни. В сущности, она восторжествует лишь тогда, когда быстрый рост населения в XVIII в. сделает необходимой распашку склонов холмов и гор за пределами равнин, оставленных под рисовые плантации. И снова именно по необходимости, а не по доброй воле часть населения

Китая откажется от своей любимой пищи. Тогда-то кукуруза широко проникла на север и даже распространилась дальше, в Корею. Она добавилась к просу и сорго, традиционным культурам севера, и это ее распространение восстановило демографическое равновесие Северного Китая относительно Южного, гораздо более населенного²²⁷. И Япония тоже воспримет кукурузу плюс еще целый ряд новых растений, пришедших в нее отчасти через посредство Китая.

²²⁷ Ping-Ti Ho. *The Introduction of American food plants into China.*

ЕЩЕ ВАЖНЕЕ КАРТОФЕЛЬ

Картофель встречался в Южной Америке со 2 тыс. до н. э. на таких высотах, где уже не может процветать маис. Обычно высушенный, чтобы храниться подольше, он сделался спасительным ресурсом²²⁸.

²²⁸ Laufer B. *The American Plant Migration, the Potato.* 1938.

Распространение картофеля в Старом Свете будет совсем непохожим на распространение кукурузы: столь же или даже еще более медленное, оно не было повсеместным. Китай, Япония, Индия, мусульманские страны картофель почти не восприняли. Успешно закрепится он в Америке — он «покорил» фактически весь Новый Свет, — и еще больше — в Европе. Европа была им ко-

Инки сажают и собирают картофель. Их орудия: палка-копалка и мотыга. Перуанский кодекс XVI в. (Фототека издательства А. Колэн.)

- ²²⁹ Цит. по:
Hartwell R. M. *The Industrial Revolution and Economic Growth*. 1971, p. 127.
- ²³⁰ Краковский архив. Фонд Чарторыхских, л. 807, л. 19.
- ²³¹ Georgi J. G. *Op. cit.*, p. 585.

лонизована страна за страной: внедрение новой культуры приняло характер революции. Экономист В. Рошер (1817–1894 г.) утверждал даже (конечно, несколько поспешно), будто картофель оказался *причиной* роста европейского населения²²⁹. Скажем, самое большее – одной из причин, и внесем уточнения. Демографический подъем в Европе уже имел место, прежде чем новая культура могла оказать свое воздействие. В 1764 г. один из советников короля польского говорил: «Я бы хотел внедрить [в нашей стране] культуру картофеля, которая почти неизвестна»²³⁰. В 1790 г. вокруг Санкт-Петербурга его выращивали одни лишь немецкие колонисты²³¹. А ведь в России, как и в Польше, как и в иных местах, население росло задолго до этих лет.

Распространение новой культуры было очень медленным, но не представляет ли это общего правила? Испанцы познакомились с картофелем в Перу в 1539 г. Испанские купцы даже снабжали сушеным картофелем индейцев на рудниках Потоси, но появление нового растения на Иберийском полуострове не имело немедленных последствий. В Италии, проявившей больше внимания, чем Испания – ибо она была более населена, – это растение пробудило интерес к себе раньше, вызвало экспериментирование и получило одно из первых своих названий среди многих: *тартуффоли*. А там – *турма де тьерра, папа и патата* в

Испании; *батата*, *бататейра* в Португалии; *патата*, *тартуффо*, *тартуффола* в Италии; *картуфель*, *трюффт*, *патат*, *помм де терр* во Франции; *потейто оф Америка* в Англии; *айриш потейто* в Соединенных Штатах; *картоффель* в Германии; *эрдтаффель* около Вены; я уж не говорю о славянских, венгерских, китайских, японских названиях ...²³² В 1600 г. Оливье де Серр упоминает о картофеле и точно описывает способ его возделывания. В 1601 г. Каролус Клузиус дал его первое ботаническое описание в момент, когда, по собственному его свидетельству, картофель уже завоевал большую часть немецких огородов. Согласно традиции, немного раньше, около 1588 г., того самого года, когда к Англии шла Непобедимая армада, благодаря Уолтеру Рэли картофель будто бы «высадился» в Англии. Можно побиться об заклад, что это прозаическое событие имело гораздо большие последствия, нежели столкновение неприятельских флотов в водах Ла-Манша и Северного моря!

В целом в Европе картофель полностью выиграл партию лишь в конце XVIII в., а то и в XIX в. Но, как и кукуруза, он знал то там то тут и более ранний успех. Во Франции, особенно отстававшей в данном случае, такой ранний успех состоялся только в Дофине и в Эльзасе, где картофель завоевал поля с 1660 г.²³³, а затем – в Лотарингии, где он обосновался около 1680 г. и где, встречая критику и сопротивление еще в 1760 г., он в 1787 г. стал «главной и здоровой пищей» деревенских жителей²³⁴. Еще раньше, с первой половины XVII в., картофель оказался в Ирландии и здесь, вместе с небольшим количеством молочных продуктов, он сделался в XVIII в. почти исключительной пищей крестьян, познав всем известные успех, а затем катастрофу²³⁵. В Англии он также делал успехи, но долгое время картофель там разводили гораздо более для экспорта, чем для внутреннего потребления²³⁶. Адам Смит сожалел о пренебрежении англичан к пищевому продукту, явственно доказавшему свою диетическую ценность в Ирландии²³⁷.

Более откровенным был успех новой культуры в Швеции и Германии. Кстати, как раз находясь в плену в Пруссии во время Семилетней войны, Пармантье (1737–1813 гг.) «откроет» для себя картофель²³⁸. И все же в 1781 г. в приэльбских областях не было ни одного лакея, ни одного слуги, который согласился бы есть *tartoffeln*. Они охотнее меняли хозяев – “*Lieber gehn sie ausser Dienst*”²³⁹.

По существу, повсюду, где распространялась культура картофеля, предлагая этот клубень вместо хлеба, возникало сопротивление. Будут говорить, будто его употребление в пищу вызывает проказу. Будут утверждать, что он вызывает скопление газов; и в 1765 г. это признала «Энциклопедия», добавив: «Но что такое ветры для сильных органов крестьян и работников!» Так что нет ничего удивительного в том, что в тех странах, которые картофель завоевывал быстро и широко, это завоевание утверждалось под угрозой более или менее драматических трудностей... Под угрозой голода, как это было в Ирландии, поскольку тот же клочок земли, который давал хлеб для одного человека, прекрасно мог прокормить картофелем двоих²⁴⁰. И еще больше – под угрозой войн, которые опустошали зерновые

²³² Laufer B. *Op. cit.*, p. 102–105.

²³³ Julliard E. *Op. cit.*, p. 213.

²³⁴ Mathieu D. *L'Ancien Régime dans la province de Lorraine et Barrois*. 1879, p. 323.

²³⁵ Connell K. H. *The Potato in Ireland*. – *Past and Present*, № 23, November 1962, p. 57–71.

²³⁶ В Дюнкерк (1712 г.) (A. N., G7, 1698, f° 64); в Португалию (1765 г.) (A. N., F12, f°^{os} 143 sq.).

²³⁷ Smith A. *The Wealth of Nations*. 1937, p. 161.

²³⁸ Roze E. *Histoire de la pomme de terre*. 1898, p. 162.

²³⁹ Beckmann J. *Beiträge zur Oekonomie*, V, S. 280.

²⁴⁰ Vanderbroeke Ch. *Cultivation and consumption of the potato in the 17th and 18th Centuries*. – *Acta historiae neerlandica*, V, 1971, p. 35.

Картофель – пища простонародная. Помощь бедным в Севилье в 1645 г. состояла из котла картофеля. Фрагмент картины, воспроизведенной на с. 92.

поля. Землепашцы дорожат картофелем, пояснял один документ, говоря об Эльзасе, «ибо он никогда не подвергается ... военным опустошениям»: армия может простоять лето лагерем на картофельном поле, не уничтожив осенний урожай²⁴¹. В сущности, всякая война, по-видимому, стимулировала разведение картофеля: в Эльзасе – на протяжении второй половины XVII в.; во Фландрии – во время войны с Аугсбургской лигой (1688–1697 гг.), а затем войны за Испанское наследство и, наконец, войны за Австрийское наследство, которая совпала с зерновым кризисом 1740 г.; в Германии – во время Семилетней войны и особенно войны за Баварское наследство (1778–1779 гг.), которую и прозвали «картофельной войной»²⁴². И последнее преимущество: урожаи новой культуры в некоторых областях не облагались десятиной, и как раз по судебным процессам, которые затевали [крупные] землевладельцы, можно было очень точно проследить распространение картофеля в Южных Нидерландах начиная с 1680 г. и в Соединенных провинциях – примерно с 1730 г.

Революционный подъем потребления картофеля К. Ванденбрук рассчитал для тех же самых фламандских областей косвенным путем, по сокращению потребления зерновых, которое этот подъем повлек за собой. Последнее снизилось с 0,816 кг на человека в день в 1693 г. до 0,758 кг в 1710 г., 0,680 кг – в 1740 г., 0,476 кг – в 1781 г. и 0,475 кг – в 1791 г. Такое падение потребления означает, что в потреблении Фландрии картофель на 40% занял место зерна. И это подтверждает тот факт,

²⁴¹ Vanderbroeke Ch. *Op. cit.*, p. 21.

²⁴² *Ibid.*, p. 35.

²⁴³ *Ibid.*, p. 28.

²⁴⁴ Smith A. *The Wealth of Nations*. Éd. 1863, p. 35. Цит. в: Pollard and Crossley. *Op. cit.*, p. 157.

²⁴⁵ Simond L. *Voyage d'un Français en Angleterre pendant les années 1810 et 1811*, I, p. 160. Приведу на всякий случай маленькую подробность (Sagard G. *Le Grand Voyage du pays des Hurons*. 1976): в 1623 г. корабль, везший автора в Канаду, захватил небольшое английское судно, на котором был обнаружен бочонок бататов «в форме крупных брюквин, но гораздо лучших по вкусу» (с. 16).

что во Франции, в целом враждебной картофелю, хлебный рацион на протяжении XVIII в. скорее вырос, чем сократился²⁴³. «Картофельная революция» началась, как и во многих других частях Европы, только в XIX в.

В действительности она составила часть более обширной революции, которая выгнала с огородов на поля большое разнообразие овощей и бобовых и которая, будучи в Англии ранней, не ускользнула от внимания Адама Смита. В 1776 г. он писал: «Под картофель, репу, морковь, капусту – овощи, которые обрабатывали только лопатой, – ныне пахут плугом. Все виды продуктов огорода равным образом сделались намного дешевле»²⁴⁴. Тридцатью годами позднее один француз отмечал обилие свежих овощей в Лондоне, «которые вам подают во всей их прекрасной природной простоте, как задают овес лошадям»²⁴⁵.

ТРУДНО ЕСТЬ НЕПРИВЫЧНЫЙ ХЛЕБ

Чтобы убедиться в том, что в XVIII в. в Европе произошла настоящая революция в питании (даже если понадобилось около двух веков для ее завершения), достаточно посмотреть, какие острые конфликты могут произойти, когда сталкиваются две противоположные пищевые традиции, в общем, всякий раз, когда некто оказывается вне пределов своей страны, вне сферы своих обычаев и своей повседневной пищи и предоставлен чужому попечению. На сей счет европейцы дают нам наилучшие примеры – однообразные, постоянные, но всякий раз показательные – таких труднопреодолимых пищевых барьеров. Подумайте только: в странах, ставших доступными для их любознательности или для эксплуатации ими, европейцы никогда не отказывались от своих привычек: к вину, к водке, к мясу, к ветчине, которая, будучи доставленной из Европы и даже пораженная червями, была в Индии на вес золота... А что до хлеба, то делали все, чтоб иметь его по-прежнему под рукой. Преданность обязывала! Джемелли Карери, будучи в Китае, доставал для себя пшеницу и заставлял готовить из нее сухари и лепешки, «когда не бывало сухарей, ибо к рису, сваренному на пару, как его готовят в этой стране, и без всякой приправы, мой желудок не мог приспособиться»²⁴⁶. На Панамский перешеек, где хлеб не растет, муку привозили из Европы, и «она не могла быть там дешевой», а следовательно, хлеб представлял роскошь. «Он встречался лишь у европейцев, живущих в городах, да у богатых креолов, да еще они едят его только с шоколадом или с засахаренными фруктами». А для всех прочих трапез велят себе готовить кукурузные лепешки, разновидность поленты, и даже кассаву, «сдобренную медом»²⁴⁷.

Когда в феврале 1697 г. путешественник Джемелли Карери прибыл с Филиппин в Акапулько, он, естественно, не нашел там пшеничного хлеба. Этот приятный сюрприз ожидал его позднее, на пути в Мехико, в масатланской харчевне, *trapiche*, «где мы нашли... добрый хлеб, что немало в этих горах, где все жители едят только маисовые лепешки»²⁴⁸. Это лишний случай на-

²⁴⁶ Gemelli Careri G. F. *Op. cit.*, IV, p. 80.

²⁴⁷ Labat. *Nouveau Voyage aux isles de l'Amérique*. 1722, I, p. 353.

²⁴⁸ Gemelli Careri G. F. *Op. cit.*, VI, p. 25.

Пшеница, перенесенная в Америку испанцами. Индеец возделывает ее для себя теми же орудиями, что и европейский крестьянин. (Фото Мас.)

помнить нам, что в Новой Испании на орошаемых или неорошаемых землях (*riego* или *secano*) существовало заметное производство хлеба, предназначавшегося для отправки в города. И вот наконец мы, историки, можем быть удовлетворены: во вторник 12 марта 1697 г. Карери оказался в Мехико свидетелем народных волнений. «В тот день произошло нечто вроде восстания: чернь явилась под окна вице-короля требовать хлеба...» Немедленно были приняты меры, чтобы помешать народу сжечь дворец, «как он это сделал во времена графа Галоз в 1692 г.»²⁴⁹. Не состояла ли эта «чернь» из белых, как нам кажется? Допустим, что дело обстояло именно таким образом, чтобы сделать немного поспешное заключение: белый хлеб – белый человек. Разумеется, в Америке. Если же речь шла, напротив, о городских метисах, индейцах и черных невольниках, то можно держать пари, что то, чего они требовали под всегда многозначительным названием «хлеб», могло быть только кукурузой...

²⁴⁹ *Ibid.*, VI, p. 89.

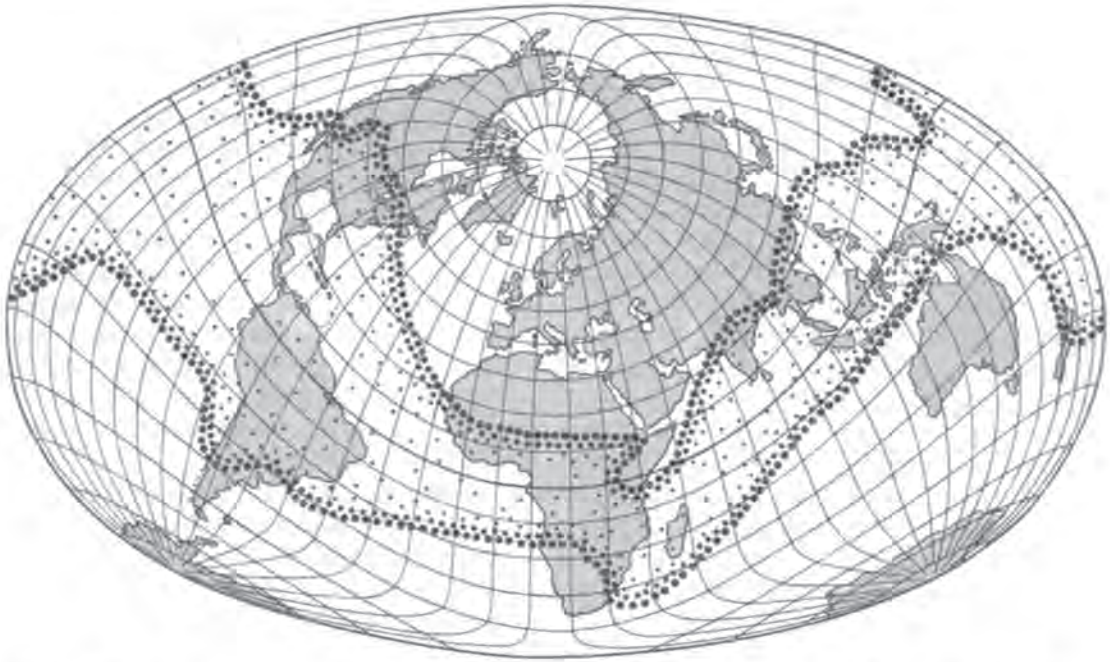
А КАК ЖЕ ОСТАЛЬНОЙ МИР?

В целом *доминирующие* растения, как бы важны они ни были, присвоили себе лишь небольшую часть мира – в точности ту самую, где было густое население, где сложились или же складывались цивилизации. Впрочем, выражение «доминирующие растения» не должно вводить нас в заблуждение: если они, принятые массой людей, вплетались в их образ жизни настолько, что определяли его и замыкали в рамках порой необратимого выбора, то не менее верно и противное – именно господствовавшие цивилизации закладывали основы их успеха и делали его возможным. Культуры пшеницы, риса, кукурузы, картофеля трансформировались по усмотрению того, кто их использовал. Доколумбовой Америке были известны пять или шесть разновидностей картофеля, а научное земледелие вывело из них тысячу. Нет ничего общего между кукурузой примитивных культур и кукурузой *зернового пояса* сегодняшних Соединенных Штатов.

Короче говоря, то, что мы рассматриваем как растительное богатство, есть также в большой степени богатство культурное. Для утверждения успеха такого порядка всякий раз требовалось, чтобы он был опосредован «технической средой» того общества, которое добивалось этого успеха. Если маниоке можно отказать в звании доминирующего растения, то не потому, что кассава – мука, полученная из корня маниоки после его резки, промывки, сушки и измельчения, – есть пища низшего качества. Напротив, во многих африканских странах она и сегодня – спасение от голода. Но будучи «взята на вооружение» примитивными культурами, она не избежала их дальнейшей судьбы. В Америке, как и в Африке, маниока осталась пищей коренного населения и не узнала такого социально обусловленного расцвета, какой испытали кукуруза или картофель. Даже на родной земле ей составили конкуренцию зерновые, ввезенные из Европы. Как и люди, растения бывают удачливы лишь благодаря обстоятельствам. В данном конкретном случае их предала сама история. Маниока, клубнеплоды тропических стран, кукуруза (определенная ее разновидность) и благословенные плодовые деревья – банан, хлебное дерево, кокосовая и масличная пальмы – служили человеческим коллективам, менее привилегированным, чем люди риса или пшеницы, но стойко занимающим очень большие пространства – скажем для краткости «мотыжным земледельцам».

МОТЫЖНЫЕ ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЫ

Что поражает еще сегодня, так это огромность территорий, на которых господствует работа либо палкой-копалкой (своего рода примитивной мотыгой), либо собственно мотыгой. Эти территории располагаются вокруг всей земли, как кольцо, «пояс», по выражению немецких географов, включающий Океанию, доколумбову Америку, Африку к югу от Сахары, значи-

«Пояс» мотыжных культур

Следует отметить исключительную ширину зоны на всем Американском континенте и на островах Тихого океана (по данным Э. Верта). По мнению Ю. Дешана (письмо автору от 7 января 1970 г.). Верт ошибается, включая Мадагаскар в зону мотыжного земледелия. На острове пользуются очень длинным заступом, *ангади*; он, по-видимому, индонезийского происхождения.

тельную часть Юга и Юго-Востока Азии (там, впрочем, они граничат с зонами пахотного земледелия, а порой и располагаются с ними чересполосно). Смещение этих двух форм земледелия характерно в особенности для Юго-Восточной Азии, для Индокитая в широком смысле слова.

Отметим же, во-первых, что эта сегодняшняя особенность земного шара – крайне древняя и сохраняла свою силу на протяжении всего периода, охватываемого данной книгой. Во-вторых, что речь идет о населении замечательно однородном за пределами неизбежных локальных вариаций. В-третьих, что по мере прохождения столетий оно, это население, оказывается, что вполне естественно, все более доступно внешним влияниям.

1. *Древняя особенность.* В самом деле, если мы поверим историкам первобытного общества и археологам, которые продолжают спорить по этому поводу, мотыжное земледелие возникло в итоге очень древней земледельческой революции, предшествовавшей той, которая около IV тысячелетия до н. э. породила плужное земледелие. Возможно, оно восходит к V тысячелетию, теряясь во мраке дописьменной истории. И подобно другой, эта земледельческая революция начиналась, видимо, в древней Месопотамии. В любом случае речь идет об опыте, пришедшем из глубины веков и длящемся благодаря однообразному повторению заученных уроков.

С нашей точки зрения, несущественно, что различие земледелия плужного и без плуга спорно, так как порождает-де некий технологический детерминизм. В своей оригинальной книге 1966 г. Э. Бозерап объясняет, что при описанной нами выше системе *ладанг* любое увеличение числа ртов, которые нужно кормить, наталкиваясь на ограниченность территории, влечет за собой сокращение *времени* под залежь, оставляемой ради восстановления леса²⁵⁰. И именно такое изменение ритма заста-

²⁵⁰ Boserup E. *Évolution agraire et pression démographique*. 1970, p. 23 sq. [Ориг. изд.: Boserup E. *The Conditions of Agricultural Growth*. L., 1965.]

вляет в свою очередь перейти от одного орудия к другому. При таком объяснении орудие—следствие, а не причина. Палки-копалки достаточно или она даже вовсе не нужна, когда речь идет о том, чтобы среди золы и обугленных деревьев (повторяю, стволы не корчуют) сеять разбрасыванием, закрывать семена или сажать черенки. Но если лес-залежь не восстанавливается из-за быстроты оборота культур, вырастает трава; а выжечь ее недостаточно, так как огонь не уничтожает корни. Тогда становится обязательной мотыга, которой выпалывают траву. Это хорошо видно в Африке к югу от Сахары, где выращивание культур ведут одновременно на пожоге и леса, и саванны. Наконец, появляются заступ или рало—тогда, когда на обширных открытых и освобожденных от кустарниковой растительности пространствах все более и более ускоряется ритм посевов ценой постоянной подготовки почвы.

А это означает, что наши мотыжные земледельцы—отсталые и что еще слабое демографическое давление не вынуждает их к подвигам и к гнетущему, тяжкому труду погонщиков упряжек. Отец Джованни Франческо Романо не заблуждался на сей счет, наблюдая в 1648 г. сельскохозяйственные работы конголезских крестьян во время дождливого сезона. Он писал: «Их способ обработки земли не требует большого труда по причине большого плодородия почвы [мы, очевидно, не примем этот довод]; они не пашут и не вскапывают землю, а слегка царапают ее мотыгой, чтобы прикрыть семена. При такой неумотительной работе они собирают обильные урожаи при условии, что будет достаточно дождя»²⁵¹. Скажем в заключение, что труд крестьянина с мотыгой более производителен (с учетом затрат времени и усилий), нежели труд пахотных земледельцев Европы или рисоводов Азии. Но он исключает наличие общества с густым населением. Такой примитивной работе благоприятствуют не почва или климат, а безграничность имеющейся в распоряжении залежи (по причине именно слабой населенности) и общественные формы, образующие трудноразрываемую сеть привычек, все то, что П. Гуру именуется «техническим обрамлением».

2. *Гомогенность комплекса.* Человеческий мир мотыжных земледельцев—и это самая впечатляющая деталь—соответствует довольно однородному комплексу имуществ, растений, животных, орудий, привычек. Настолько однородному, что можно заранее сказать почти без риска впасть в ошибку, что дом мотыжного крестьянина, где бы он ни находился, будет прямоугольным в плане и одноэтажным; что этот крестьянин умеет изготавливать грубую керамику; что он пользуется примитивным ручным ткацким станком, приготовляет и потребляет бродильные (но не алкогольные) напитки и разводит мелких домашних животных—коз, овец, свиней, кур, собак, а иногда и пчел (но никакого крупного скота). Свое питание этот крестьянин получает из привычного растительного мира, который его окружает: банан, хлебное дерево, масличная пальма, тыква-горлянка, таро, иньям. Что нашел в 1824 г. на Таити моряк русской службы? Хлебные деревья, кокосовые пальмы, плантации банана и «маленькие огороженные поля иньяма и сладкого батата»²⁵².

²⁵¹ P. Jean François de Rome. *La Fondation de la mission des Capucins au Royaume de Congo*. 1964, p. 89.

²⁵² Kotzebue O. *Reise um die Welt... Op. cit.*, I, S. 70–71 [см.: Коцебу О. Е. *Путешествия вокруг света*. Изд. 2-е. М., 1948.—Прим. ред.].

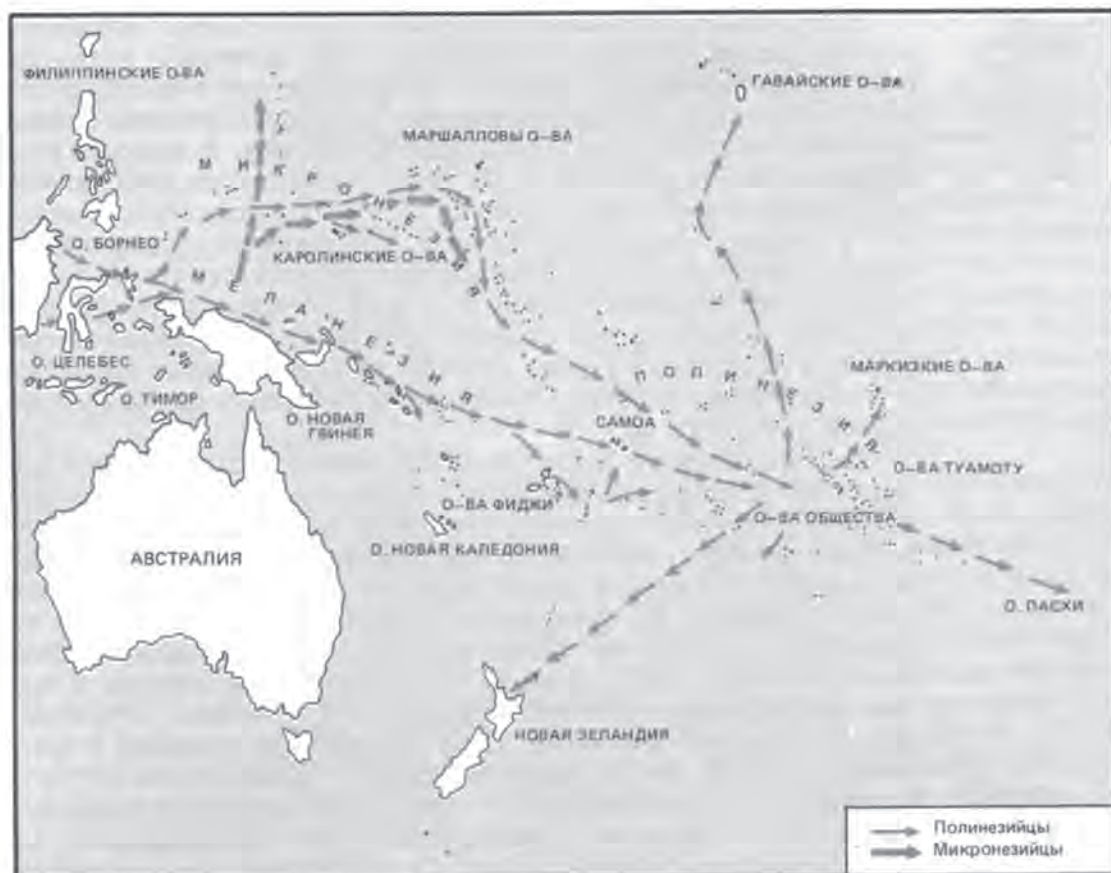
Естественно, что между крупными зонами такого мотыжного земледелия намечаются варианты. Так, наличие в африканских степях и саваннах крупного скота, буйволов и быков, видимо, связано с его распространением в древности, начиная с зоны пахотных земледельцев Абиссинского нагорья. А издавна возделываемый и характерный для зон мотыжного земледелия банан (то обстоятельство, что он не может размножаться семенами, а только саженцами, служит, по-видимому, доказательством древности его культивирования) отсутствует тем не менее в окраинных областях, скажем в Судане, к северу от Нигера, или в Новой Зеландии, чей климат поразил полинезийцев-маори (для них он оказался суров), которых их удивительные по смелости плавания на пирогах с балансиrom забросили на эти бурные берега в IX–XIV вв.

Но существенное исключение составляет доколумбова Америка. Мотыжные земледельцы, создавшие поздние и хрупкие цивилизации Анд и мексиканских плато, вели свое начало от народов азиатского происхождения, которые несколькими волнами пришли в Америку через Берингов пролив. Самые древние следы человека, обнаруженные до сего времени, восходят ко времени между 48 и 46 тысячелетиями до н. э. Но археологические раскопки продолжают, и эта датировка рискует в тот или иной момент быть поставленной под сомнение. Что, видимо, не подлежит дискуссии, так это древность человека в Америке, его явно монголоидный облик и невероятная глубина прошлого, предшествовавшего успехам американских индейцев. Охота и рыболовство обуславливали эти беспорядочные, на наш взгляд, передвижения мелких групп людей доисторического времени. Пройдя весь континент с севера на юг, они около 6 тысячелетия до н. э. достигнут Огненной Земли. Не удивительно ли, что здесь, на краю света, еще существуют лошади-дичь, которая уже столетия назад исчезла из прочих областей Нового Света²⁵³?

Люди, пришедшие с севера, к которым, вероятно, присоединились экипажи каких-то судов, отплывавших от китайских, японских или полинезийских берегов и угнанных штормами за Тихий океан, рассеялись на огромном пространстве Американского континента изолированными мелкими группками, которые замкнулись в своей изоляции, чтобы создать свои собственные культуры и языки, не связанные друг с другом. Удивительно, что некоторые из таких языков разбросаны в географическом плане островками посреди лингвистически чуждых им пространств²⁵⁴. Малочисленность первоначальных пришельцев из Азии позволяет понять, что все сложилось на месте, исключая отдельные черты культуры, напоминающие об отдаленном родстве. На протяжении этого долгого процесса новоприбывшие использовали и развили сырьевые ресурсы. Лишь с запозданием появилось земледелие, основанное на маниоке, сладком батате, картофеле и маисе. Особенно на последнем, который, несомненно, пришел из Мексики и повлек за собой ненормальное распространение мотыги в умеренных климатических зонах на севере и юге континента, далеко за пределами тропических или жарких районов зоны возделывания маниоки.

²⁵³ Gourou P. *L'Amérique tropicale et australe*. 1976, p. 29–32.

²⁵⁴ *Ibid.*, p. 32.

Миграции меланезийцев и полинезийцев до XIV в.

Отметим гигантские размеры треугольника полинезийских плаваний: от Гавайских островов до острова Пасхи и Новой Зеландии.

3. *Недавние смешения.* Однако даже в примитивном мире мотыги при том перемешивании культурных форм, какое вскоре воследовало из единства морских путей в мире, происходят новые смешения, и «вкрапления» становятся все более и более многочисленны. Скажем, я отмечал появление в Конго маниоки, сладкого батата, арахиса, кукурузы; это были счастливые находки, обязанные своим происхождением мореплаванию и торговле португальцев. Но новички росли как могли посреди прежних растений: кукуруза и маниока – наряду с просом разных цветов, белым или красным, из которого, разведя его водой, можно было получить своего рода *поленту*. Высушенная, она может храниться два-три дня. «Она служит хлебом и никак не вредит здоровью»²⁵⁵. Точно так же и ввезенные опять-таки португальцами овощи – капуста, тыква, латук, петрушка, цикорий, чеснок – обычно плохо приживаются рядом с автохтонными горохом и бобами, но не исчезают совсем.

Самым самобытным остается то «обрамление», которое обеспечивают африканские пищевые деревья: кола, бананы, а еще больше – пальмы, которые очень разнообразны и дают масло, вино, уксус, текстильное волокно, листья... «Повсюду мы встречаем дары пальмы: в оградах и кровлях домов, в ловушках для дичи и в вершах рыболовов, в казне [куски ткани в Конго служили деньгами], как и в одежде, косметике, терапии,

²⁵⁵ P. Jean François de Rome. *Op. cit.*, p. 90.

²⁵⁶ Balandier G. *La Vie quotidienne au royaume de Kongo du XVIe au XVIIIe siècle*. 1965, p. 77–78.

питании... В символике [пальма]—дерево *мужское* и в определенном смысле благородное»²⁵⁶.

Короче говоря, не будем недооценивать эти народы и эти общества, опиравшиеся на примитивное, но жизнестойкое земледелие. Подумаем, например, о полинезийцах, которые с XIII в. занимают огромный морской треугольник от Гавайев до о-ва Пасхи и Новой Зеландии: это немалый подвиг. Но человек цивилизаций отбросил их на второй план, оставив далеко позади себя. Он как бы сгладил, обесценил успехи этих народов.

А КАК ЖЕ ПЕРВОБЫТНЫЕ НАРОДЫ?

Мотыжные земледельцы еще не самая низкая из принятых нами категорий. Их культурные растения, их орудия, земледелие, жилища, мореплавание, скотоводство, их достижения говорят об уровне культуры, который ни в коем случае не заслуживает пренебрежения. Нижнюю ступень занимают человеческие коллективы, которые существуют без земледелия, живут собирательством, рыболовством, охотой. Эти «искатели добычи» занимают, впрочем, на карте У. Хьюза довольно обширные ареалы — с № 1 по № 27. Им принадлежат бескрайние пространства, но использованию ими этих пространств препятствуют леса, болота, блуждающие реки, дикие звери, тысячи птиц, льды и непогода. Такие группы не господствуют над окружающей их природой; самое большее, они прокрадываются среди созданных ею препятствий и ограничений. Эти люди находятся на нулевом уровне истории; говорили даже, что несправедливо, будто они не имеют истории.

Следует, однако, отвести им определенное место при «синхронном» рассмотрении мира между XV и XVIII вв. В противном случае наш спектр категорий и объяснений оказался бы развернут не полностью и утратил бы часть своего смысла. И все же насколько трудно рассматривать этих людей с позиций историка, так, например, как рассматриваем мы французских крестьян или русских поселенцев в Сибири! У нас нет никаких данных, помимо тех, какие могут предоставить этнографы прошлого, наблюдатели, которые, видя, как эти народы живут, пытались понять механизм их существования. Но такие первооткрыватели и путешественники недавнего прошлого, все-выходцы из Европы, искавшие еще неведомых или пикантных картин, не проецировали ли они слишком часто свой собственный опыт и свое видение мира на других? Они судили в сравнении и по контрасту. Но и такие спорные картины неполны, и их слишком мало. Да и не всегда легко их наблюдать, а тем более понять, точно ли речь идет о подлинно первобытных народах, живущих чуть ли не в каменном веке, или же о тех народах, использовавших мотыгу, о которых мы только что говорили, — людях, столь же далеких от «диких», как и от «цивилизованных» обществ с плотным населением. Индейцы-чичимеки Северной Мексики, доставившие испанцам столько хлопот, еще до прибытия Кортеса были врагами оседлых ацтеков²⁵⁷.

²⁵⁷ Abbé Prévost. *Op. cit.*, XII, p. 274.

Читать дневники знаменитых путешественников вокруг света от Магеллана до Тасмана, Бугенвиля и Кука – это значит затеряться в однообразных и беспредельных просторах морей, особенно Южного моря, которое одно только занимает половину поверхности нашей планеты. Это значит прежде всего услышать, как моряки рассказывают о своих заботах, о широтах, о продовольствии и пресной воде, о состоянии парусов и руля и о скачках в настроении команды ... Встреченные земли, увиденные во время случайных стоянок, часто «терялись», едва только бывали открыты или осмотрены. Их описания оставались ненадежными.

Не так было с островом Таити, раем в самом центре Тихого океана, открытым португальцами в 1605 г. и заново открытым англичанином Семьюэлем Уоллисом в 1767 г. В следующем году, 6 апреля 1768 г., к нему подошел Бугенвиль, годом позже, почти что день в день – 13 апреля 1769 г., – Джеймс Кук, и эти мореплаватели создали репутацию острова, первооснову «тихоокеанского мифа». Но разве же первобытны дикари, которых они описывают? Отнюдь нет! «Больше ста пирог разной величины и все с балансирами окружили оба корабля [Бугенвиля за день до того, как корабли бросили якорь у острова]. Они были нагружены кокосами, бананами и прочими плодами страны. Обмен этих восхитительных плодов на всякого рода безделушки с нашей стороны происходил с полным доверием»²⁵⁸. Такие же сцены происходили, когда пришел Кук на «Индевр»: «Едва мы бросили якорь, как туземцы во множестве отправились к кораблю на челноках, груженных кокосовыми орехами и другими плодами», – читаем мы в судовом журнале²⁵⁹. Они, как обезьяны, чересчур резво карабкались на борт, воровали, что могли, но согласны были и на мирный обмен. Такой благоприятный прием, обмен, сделки, заключаемые без колебаний, доказывают уже существование определенной культуры и развитой социальной организации. И действительно, таитяне не были «первобытными»; несмотря на сравнительное обилие диких плодов и растений, они выращивали тыкву и сладкий батат (ввезенные определенно португальцами), иньям и сахарный тростник; все это таитяне ели в сыром виде. Они во множестве разводили свиней и птицу²⁶⁰.

Настоящих первобытных людей «Индевр» встретит позже, проходя Магеллановым проливом или на пути к мысу Горн, а может быть, и останавливаясь у берегов южного острова Новой Зеландии. Наверняка обнаружил он их, когда бросал якорь у побережья Австралии для пополнения запасов воды и дров или для кренгования корабля. В общем, всякий раз, как покидал пояс мотыжных цивилизаций, окружающий земной шар.

Именно так заметили Кук и его люди в проливе Ле-Мер, у южной оконечности Америки, горстку жалких дикарей лишенных всего, с которыми они так и не смогли по-настоящему войти в контакт. Это были, одним словом, «может быть, самые несчастные создания, какие есть сегодня на земле»²⁶¹: одетые в тюленьи шкуры, не имевшие никаких орудий, кроме гарпунов и луков со стрелами, довольствовавшиеся хижинами, плохо защищавшими от холода. Двумя годами ранее, в 1767 г., Уоллис

²⁵⁸ Bougainville L.-A. *Voyage autour du monde*. Éd. 1958, p. 120 [см.: Бугенвиль Л. А. *Кругосветное путешествие на фрегате «Будёз» и транспорте «Этуаль»*. М., 1961. – Прим. ред.].

²⁵⁹ *Первое кругосветное плавание Джеймса Кука. Плавание на «Индевр» в 1768–1774 гг.* М., Географгиз, 1960, с. 119.

²⁶⁰ Там же, с. 153–154.

²⁶¹ Там же, с. 96.

Английский моряк в Новой Зеландии выменивает носовой платок на лангуста. Рисунок из дневника одного из членов экипажа Кука (1769 г.) (Фото из Британского музея.)

имел дело с этими же, лишенными всего дикарями. «Один [из наших матросов], удививший рыбу, дал одному из этих американцев живую рыбу, которую только что вытащил и которая была немного больше сельди. Американец схватил ее с жадностью собаки, которой бросили кость; сначала он убил рыбу, прикусив ее возле жабр, а затем принялся ее поедать, начав с головы и дойдя до самого хвоста, не выбрасывая ни костей, ни плавников, ни чешуи, ни внутренностей»²⁶².

Дикими были и те первобытные австралийцы, которых сколько угодно могли наблюдать Кук и его товарищи. Они вели бродячий образ жизни, не имея никакого имущества, жили немного охотой, но больше — ловлей рыбы, которую удавалось найти на илистом дне при отливе. «Ни разу мы не видели в их стране ни дюйма возделанной земли».

Вполне очевидно, что и в Северном полушарии мы могли бы обнаружить в глубине материков еще более многочисленные и не менее репрезентативные случаи. Сибирь, к которой мы впоследствии вернемся, оставалась бесподобным этнографическим музеем вплоть до наших дней.

Но разве не оставалась излюбленным полем для наблюдений густонаселенная Северная Америка, где свирепствовала европейская колонизация, разрушающая и просвещающая? Что до нее, то в качестве первого общего впечатления я не знаю ничего более убедительного, чем «Общие наблюдения об Америке» аббата Прево²⁶³. Потому что, по мере того как Прево сводит воедино труд отца де Шарлевуа, наблюдения Шамплена, де Лескарбо, де Лаонтана и де Потри, он набрасывает весьма широкую картину, где на необъятном пространстве, простирающемся от Луизианы до Гудзонова залива, выделяются отчетливые группы разных индейцев. Между ними существовали

²⁶² Abbé Prévost.
Supplément des voyages.
XX, p. 126.

²⁶³ *Ibid.*, XV, p. 1 sq.

«абсолютные различия», которые выражались в праздниках, верованиях, обычаях этих бесконечно разнообразных «диких наций». Для нас главнейшим различием служит не то, антропофаги они или нет, но то, возделывают ли они землю. Всякий раз, как нам показывают индейцев, выращивающих маис или другие растения (впрочем, такие занятия они оставляли на долю своих женщин); всякий раз, как мы обнаруживаем мотыгу, или простую палку, или длинный заступ, который нельзя назвать автохтонным; всякий раз, как описывают разные туземные способы приготовления маиса, или внедрение в Луизиане культуры картофеля, или даже тех индейцев на Западе, которые культивируют «дикий овес», перед нами – оседлые или полуседлые крестьяне, сколь бы примитивны они не были. И, с нашей точки зрения, крестьяне эти ничего общего не имеют с индейцами – охотниками или рыболовами. Кстати, рыболовами во все меньшей и меньшей степени, ибо европейское вторжение систематически, хотя и не стремясь к тому специально, оттесняло их с богатых рыбой берегов Атлантики и рек Востока, с тем чтобы в дальнейшем преследовать их на их же охотничьих территориях. Разве не обратились баски, отказавшись от своего изначального промысла – гарпунной охоты на китов, – к торговле пушниной, которая, «не требуя таких затрат и усилий, давала тогда больше прибыли?» И притом обратились довольно быстро²⁶⁴. А ведь то было время, когда киты еще поднимались по р. Св. Лаврентия, и «иной раз в большом числе». И вот индейцев-охотников начинают преследовать скупщики мехов. Индейцев начинают принуждать к обмену, опираясь на форты Гудзонова залива или на поселки на р. Св. Лаврентия; они переносят свои бедные бродячие поселения, дабы застать врасплох животных, «которых берут по снегу» ловушками и силками, – косуль, рысей, куниц, белок, горностаю, выдру, бобра, зайцев и кроликов. Именно так европейский капитализм завладел огромной массой американских шкур и мехов, которая вскоре могла уже поспорить с добычей охотников далеких сибирских лесов.

Мы могли бы еще увеличить число таких картин, чтобы лишний раз убедиться: история человеческая *едина* в своем обновлении на протяжении тысячелетий и в своих топтаниях на месте, синхрония и диахрония неразрывно связаны друг с другом. «Земледельческая революция» совершалась не только в нескольких избранных очагах, вроде Ближнего Востока в VII или VIII тысячелетиях до н. э. Ей нужно было распространиться, и продвижение ее осуществилось далеко не разом. Опыт человечества располагался вдоль одного и того же бесконечного пути, но с интервалами в столетия. Не изжил еще всех мотыжных земледельцев и сегодняшний мир. И еще живут тут и там немногочисленные первобытные люди, защищенные негостеприимными землями, которые служат им убежищем.

²⁶⁴ Abbé Prévost, *Op. cit.*
p. 87.

ИЗЛИШНЕЕ И ОБЫЧНОЕ: ПИЩА И НАПИТКИ

Пшеница, рис, маис, эта основная для большинства людей пища представляет еще сравнительно простую проблему. Но все усложняется, как только обращаешься к менее обычным видам пищи (и даже к мясу), а затем к разнообразным потребностям – одежде, жилищу. Ибо в этих областях всегда сосуществуют и беспрестанно друг другу противостоят необходимое и излишнее.

Может проблема предстанет более ясной, если с самого начала будут разграничены решения для большинства – пища для всех, жилище для всех, костюм для всех – и решения для меньшинства, служащие на пользу привилегированным, несущие печать роскоши. Отвести подобающие места средним показателям и исключениям означает принять необходимый диалектический подход, явно не простой. Это означает обречь себя на движение то в одном, то в противоположном направлении, от черного к белому, от белого к черному и так далее, ибо распределение никогда не бывает безупречным: невозможно раз и навсегда определить роскошь – изменчивую по природе, ускользающую, многоликую и противоречивую.

Так, сахар был роскошью до XVI в.; перец ею оставался еще до конца XVII в. Роскошью были спиртное и первые «аперитивы» во времена Екатерины Медичи, перины из лебяжьего пуха или серебряные кубки русских бояр – еще до Петра Великого. Роскошью были в XVI в. и первые мелкие тарелки, которые в 1538 г. Франциск I заказал золотых дел мастеру в Антверпене, и первые глубокие тарелки, так называемые итальянские, отмеченные в перечне имущества кардинала Мазарини в 1653 г. А в XVI и XVII вв. ею оказываются вилка (я подчеркиваю: вилка) или же обычное оконное стекло – и то и другое пришло из Венеции. Но изготовление оконного стекла (начиная с XV в. оно варилось не на базе поташа, а на соде, что давало более прозрачный, легче выравниваемый материал) в следующем столетии распространилось в Англии благодаря использованию при его варке каменного угля. Так что современный историк, обладающий некоторой долей воображения, предполагает, что вене-

цианская вилка шла через Францию навстречу английскому стеклу¹. Еще одна неожиданность: стул даже еще сегодня – редкость, небывалая роскошь в странах ислама или в Индии. Солдаты индийских частей, дислоцированных во время второй мировой войны в Южной Италии, были в восторге от ее богатства: подумать только, во всех домах имеются стулья! Предметом роскоши был и носовой платок. В своем «Достойном воспитании» Эразм поясняет: «В шапку или в рукав сморкается деревенщина; о предплечье или изгиб локтя вытирают нос кондитеры. И высморкаться в ладонь, даже если ты в тот же миг оботрешь ее об одежду, ненамного более воспитанно. Но добропорядочное поведение – собрать выделения носа в платок, слегка отвернувшись от почтенных людей»². Равным же образом в Англии еще во времена Стюартов были роскошью апельсинки; появлялись они под рождество, и их, как драгоценность, хранили до апреля или до мая. А мы еще не говорили о костюме – неисчерпаемой теме!

Так что роскошь в зависимости от эпохи, страны или цивилизации имела множество лиц. Но что почти не менялось, так это та социальная комедия без конца и без начала, в которой роскошь выступала одновременно и как ставка в игре и как цель, это столь привлекательное для социологов, психоаналитиков, экономистов и историков зрелище. Конечно же, требовалось, чтобы привилегированные и зрители, т. е. смотрящая на них масса, были в какой-то степени заодно. Роскошь – это не только редкость и тщеславие. Это и успех, социальный гипноз, мечта, которой в один прекрасный день достигают бедняки и которая сразу же утрачивает весь свой прежний блеск. Историк медицины писал недавно: «Когда какая-либо пища, долго бывшая редкой и возделенной, оказывается наконец доступной массам, следует резкий скачок в ее потреблении, можно сказать, как бы взрыв долго подавлявшегося аппетита. Но, оказавшись «популярным» (в обоих смыслах этого слова – и как «утратившим престиж», и как «распространенным»), этот вид пищи быстро потеряет свою привлекательность ... и наметится определенное насыщение»³. Таким образом, богачи осуждены подготавливать жизнь бедняков в будущем. И в последнем счете это служит им оправданием: они испытывают те удовольствия, которые немного раньше или немного позже станут достоянием массы.

Эти игры всегда изобиловали чепухой, претензиями, причудами. «У английских авторов XVIII в. мы находим экстравагантные похвалы черепаховому супу: он-де восхитителен, излечивает от истощения и слабости, возбуждает аппетит. Не было ни одного парадного обеда (вроде банкета у лорд-мэра города Лондона) без черепахового супа»⁴. Если оставаться в пределах того же Лондона, мы можем заказать себе ретроспективно *жареную баранину, фаршированную устрицами*. Экстравагантность экономическая: Испания оплачивала серебряной монетой парики, которые изготавливались для нее в сатанинских северных странах. «Но что мы можем поделать?» – констатировал в 1717 г. Устарис⁵. В это же самое время испанцы покупали верность некоторых североафриканских шейхов за черный табак из Брази-

¹ Nef J. *La Guerre et le progrès humain*. 1954, p. 24–25.

² Érasme. *La Civilité morale des enfans*. 1613, p. 11.

³ Claudian J. *Rapport préliminaire, de la Conférence internationale FIPAL*, Paris, 1964, p. 34.

⁴ Caraccioli L. A. *Dictionnaire critique, pittoresque et sententieux, propre à faire connoître les usages du siècle, ainsi que ses bizarreries*. 1768, I, p. 24.

⁵ Uztáriz G. *Theoria y practica de comercio y de marina*. 1724, p. 348–349.

Роскошь венецианского банкета.
П. Веронезе. «Свадьба в Кане Галилейской» 1563 г.
Фрагмент (Фото Жиродона.)

⁶ Laffemas B. *Reiglement général pour dresser les manufactures en ce royaume...* 1597, p. 17.

⁷ Abbé Prévost. *Supplément des voyages*, VI, p. 142 (voyage de du Halde).

⁸ Mercier L.-S. *L'An deux mille quatre cent quarante...*, p. 368, note a.

⁹ Sombart W. *Luxus und Kapitalismus*. 1922, S. 2.

лии. А если верить Лаффема, советнику Генриха IV, многие французы, сравнимые в этом с дикарями, «получают безделушки и чудные товары в обмен на свои сокровища»⁶.

И точно так же Индокитай и Индонезия поставляли золотой песок, драгоценное сандаловое или розовое дерево, рабов или рис в обмен на китайские безделушки: гребни, лаковые коробочки, монеты из меди с примесью свинца ... Однако утешимся: Китай в свою очередь совершал сходные безумства из-за ласточкиных гнезд Тонкина, Кохинхины и Явы или из-за «медвежьих лап и лап иных диких животных, которые туда доставляются засоленными из Сиамы, Камбоджи или Татарии»⁷. И наконец, если вернуться в Европу, в 1771 г. Себастьян Мерсье восклицал: «Сколь брэнна эта фарфоровая роскошь! Одним ударом лапы кошка может причинить больше убытка, чем опустошение двадцати арпанов земли»⁸. А ведь к этому времени цены на китайский фарфор падали, скоро он будет использоваться как заурядный балласт на судах, возвращающихся в Европу. Мораль не содержит в себе ничего неожиданного: всякая роскошь устареет, мода проходит. Но роскошь возрождается из собственного пепла, даже из самих своих неудач. В сущности, она есть отражение разницы социальных уровней, разрыва, который ничто не может заполнить и который воссоздается любым движением общества. Это бесконечная «классовая борьба».

Борьба классов, но также и борьба цивилизаций. Они без конца пытаются выглядеть «шикарно» в глазах друг друга, играют друг перед другом все ту же комедию роскоши, какую богачи играют перед бедными. Поскольку на сей раз игры взаимны, они создают потоки, вызывают ускоренные обмены на близком и дальнем расстояниях. Короче говоря, как писал Марсель Мосс, «общество обрело свой порыв не в производстве: великим ускорителем была роскошь». Для Гастона Башлара «завоевание излишнего дает больший духовный стимул, нежели завоевание необходимого. Человек создан желанием, а не потребностью». Экономист Жак Рюэф утверждал даже, что «производство – дочь желания». Несомненно, никто не станет отрицать эти порывы, эти необходимости даже в наших современных обществах и перед лицом завладевающей ими массовой роскоши. Фактически не бывает обществ без разных уровней. И как вчера, так и сегодня малейшее социальное неравенство выливается в роскошь.

Но надо ли вслед за Вернером Зомбартом, который в прошлом страстно отстаивал такую точку зрения⁹, утверждать, будто роскошь, начало которой положили дворы западных государей (а прототипом для них послужил папский двор в Авиньоне), была творцом ранних форм современного капитализма? Разве до XIX в. с его нововведениями многообразная роскошь не была скорее признаком двигателя, слишком часто работающего вхолостую, экономики, неспособной эффективно использовать накопленные капиталы, нежели элементом роста? В этой связи можно утверждать, что *определенная* роскошь была, и не могла не быть, действительностью или болезнью Старого порядка, что она была до промышленной революции, а иногда и сейчас остается, несправедливым, нездоровым, бьющим в гла-

за и антиэкономичным использованием «излишков», произведенных в рамках общества, неумолимо ограниченного в своем росте. Американский биолог Т. Добжански имел в виду именно безусловных защитников роскоши и ее творческого потенциала, когда говорил: «Что до меня, так меня не огорчает исчезновение форм общественной организации, которые использовали множество людей как хорошо удобренную почву, дабы на ней взращивать редкие и изящные цветы утонченной и изящной культуры»¹⁰.

¹⁰ Dobzhansky Th.
L'Homme en évolution.
1966, p. 369.

СТОЛ: РОСКОШЬ И МАССОВОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ

Что касается стола, то с первого взгляда легко различимы два края: роскошь и нищета, сверхизобилие и скудость. Отметим это, обратимся к роскоши. Это зрелище для сегодняшнего наблюдателя, сидящего в своем кресле, самое бросающееся в глаза, лучше всего описанное, да и наиболее притягательное. Другая сторона оказывается весьма грустной, сколь бы ни быть невосприимчивым к романтизму а-ля Мишле (в данном случае, однако, вполне естественному).

И ВСЕ-ТАКИ ЗАПОЗДАЛАЯ РОСКОШЬ

Хотя все это – вопрос оценок, скажем все же, что настоящей роскоши стола – или, если угодно, изысканности стола – в Европе не было до XV или XVI в. В этом отношении Запад отставал по сравнению с прочими цивилизациями Старого Света.

Китайская кухня, покорившая сегодня столько ресторанов Запада, имеет очень древнюю традицию с почти не изменившимися на протяжении более тысячелетия правилами, ритуалом, мудрыми рецептами, с огромным вниманием, как в ощущениях, так и в литературе, к многообразию вкусов и их сочетанию, с уважением к искусству есть, в котором, вероятно, единственно французы (и совсем в ином стиле) могут с нею поспорить. Прекрасная недавняя работа настоятельно подчеркивает неведомое нам богатство китайской диеты, ее разнообразие, ее уравновешенность и дает тому не одно доказательство¹¹. И все же я думаю, что в этом коллективном труде исполненная энтузиазма статья Ф. У. Моуга должна быть уравновешена статьями К. Ч. Чжана и Дж. Спенсера. Да, китайская кухня – здоровая, вкусная, разнообразная и изобретательная, она восхитительно умеет использовать все, что есть в ее распоряжении, и остается сбалансированной: свежие овощи и соевый белок компенсируют редкое употребление мяса, а искусство консервирования разного рода продуктов приумножает ее возможности. Но, го-

¹¹ *Food in Chinese Culture.*
P.p. K. C. Chang.

вора о Франции, тоже можно было бы перевозносить кулинарные традиции разных провинций и рассуждать, в отношении последних четырех или пяти столетий, о кулинарных открытиях, о вкусе, об изобретательности в использовании разнообразных даров земли: мяса, птицы и дичи, зерновых, вин, сыров, овощей и фруктов, не говоря уж о различии во вкусе сливочного масла, топленого свиного сала, гусиного жира, оливкового и орехового масла и не касаясь испытанных методов домашней консервации. Но вопрос в другом: было ли это питанием большинства? Во Франции – определенно нет. Крестьянин зачастую продавал больше, чем «излишек», а главное – он не ел лучшей части своей продукции: питался просом или кукурузой и продавал пшеницу; раз в неделю ел солонину, а на рынок нес свою птицу, яйца, козлят, телят, ягнят. Как и в Китае, праздничные пиры прерывали однообразие и нехватку повседневного питания. И конечно, они поддерживали народное кулинарное искусство. Но питание крестьян, т. е. огромного большинства населения, не имело ничего общего с тем, что предлагали поваренные книги на потребу привилегированным. Как ничего общего не имело оно и с тем списком лакомых изделий Франции, который в 1788 г. составил некий гурман: с перигорскими индейками, фаршированными трюфелями, с тулузским печеночным паштетом, с неракским паштетом из красных куропаток, с тулонским паштетом из тунца, с жаворонками из Пезенаса, студнем из кабаньих голов из Труа, домбскими бекасами, каплунами из Ко, байоннской ветчиной, вьерзонскими вареными языками и даже с кислой капустой по-страсбургски...¹² Нет сомнения, что так же обстояло дело и в Китае. Утонченность, разнообразие и даже простая сытость – это для богатых. Из народных поговорок можно заключить, что мясо и вино были равнозначны богатству, что для бедняка иметь средства к существованию означало иметь «рис, чтобы что-то пожевать». И Чжан со Спенсером сходятся во мнении, что Джон Барроу имел все основания утверждать в 1805 г., что в области кулинарии дистанция между бедным и богатым нигде в мире не была столь велика, как в Китае. В доказательство Спенсер приводит такой эпизод из знаменитого романа XVIII в. «Сон в красном тереме». Молодой и богатый герой случайно посещает дом одной из своих служанок. Последняя, предлагая ему блюдо, на котором она красиво разложила все лучшее, что у нее было – печенье, сушеные фрукты, орехи, – с грустью отдает себе отчет в том, что «там нет ничего, о чем можно было бы помыслить, что господин ее станет это есть»¹³.

Следовательно, когда мы говорим о «большой» кухне во вчерашнем мире, мы всегда оказываемся в сфере роскоши. И остается фактом, что эта изысканная кухня, которую знала любая зрелая цивилизация: китайская – с V в., мусульманская – примерно с XI–XII вв., – лишь в XV в. появилась на Западе, в богатых итальянских городах, где она стала дорогостоящим искусством со своими предписаниями и своим декорумом. Уже очень рано Сенат в Венеции возражает против расточительных пиров молодых аристократов и в 1460 г. запрещает банкеты с затратами более полдуката на каждого участника. Конечно же,

¹² Mercier L.-S. *Tableau de Paris*. 1782, XI, p. 345–346.

¹³ *Food in Chinese Culture*. p. 15, 271, 280.

banchetti продолжались. И Марино Сануто в своих «Дневниках» приводит меню и цены некоторых из этих княжеских трапез в дни карнавального веселья. И как бы случайно мы обнаруживаем там чуть ли не в виде ритуала блюда, запрещенные Синьорией: куропаток, фазанов, павлинов... Немного позже Ортенсио Ланди в своем «Комментарии относительно самых примечательных и чудовищных вещей в Италии», который снова и снова перепечатывался в Венеции с 1550 по 1559 г., затрудняется в выборе, перечисляя все, что могло бы усладить вкус гурмана в городах Италии: болонские колбасы и сервелаты, моденская *чампоне* (вид фаршированного окорока), феррарские круглые пироги, *cotognata* (айвовое варенье) Реджо, чесночные клецки и сыры Пьяченцы, сиенские марципаны, «мартовские сыры» (*caci marzolini*) Флоренции, «тонкие» сосиски (*luganica sottile*) и рубленое мясо (*tomarelle*) Монцы, *фазаны* и каштаны Кьявенны, венецианские рыба и устрицы и даже «превосходнейший» падуанский хлеб, который сам по себе был роскошью, не говоря уж о винах, слава которых будет расти и далее¹⁴.

Но в эту эпоху Франция уже стала страной отменной кухни *par excellence*, где будут изобретены, а заодно и собраны со всех концов Европы драгоценные рецепты, где будут совершенствоваться оформление и церемониал этих мирских праздников гурманства и хорошего тона. Обилие и разнообразие ресурсов Франции способны были удивить даже венецианца. В 1557 г. Джироламо Липпомано, посол в Париже, восторгался царящим повсюду изобилием: «Есть кабатчики, которые вас накормят за любую цену – за тестон* или за два, за экю, за четыре, десять, даже за двадцать экю с человека, ежели вы пожелаете. Но за двадцать пять вам подадут похлебку из манны небесной или жаркое из феникса, словом, все, что есть на земле самого дорогого»¹⁵. Однако французская «большая кухня» утвердилась, пожалуй, несколько позже, после смягчения, так сказать, «грубого обжорства», каким ознакомились Регентство и здоровый аппетит самого регента. Или даже еще позже, в 1746 г., когда «вышла наконец «*Cuisinière bourgeoise*» Менона, драгоценная книга, выдержавшая, обоснованно или без оснований, больше изданий, чем Паскалевы «Письма к провинциалу»¹⁶. С этого времени Франция, а точнее – Париж, станет претендовать на роль законодателя кулинарной *моды*. В 1782 г. некий парижанин утверждал, что «изысканно есть научились лишь полвека назад»¹⁷. Но, заявляет другой автор в 1827 г., «искусство кулинарии за тридцать лет достигло большего успеха, чем ранее на протяжении столетия»¹⁸. Он, правда, имел перед собой пышное зрелище нескольких больших парижских «ресторанов» («трактирчики» здесь не так уж давно превратились в «рестораторов»). И в самом деле: мода царит на кухне так же, как и в одежде. Знаменитые соусы в один прекрасный день теряют репутацию, и с этого времени о них не вспоминают иначе, как со снисходительной усмешкой. «Новая кухня вся держится на отваре и подливке», – писал в 1768 г. насмешник-автор «Нравоучительного словаря» («*Dictionnaire sentencieux*»). И к чему эти похлебки прошлых времен! «Суп. Иначе говоря, похлебка, – гласит этот же словарь, – которую прежде все ели и которую теперь от-

¹⁴ Landi O. *Commentario delle piu notabili e mostruose cose d'Italia*, s. d., p. 5–6.

* Старинная серебряная монета, стоимостью от 10 до 12 су, чеканившаяся при Людовике XII. – Прим. ред.

¹⁵ *Voyage de Jérôme Lippomano. – Relations des ambassadeurs vénitiens sur les affaires de France au XVIIe siècle*, II, 1838, p. 605. (Коллекция неизданных документов по истории Франции).

¹⁶ Franklin A. *La Vie privée d'autrefois*. III. *La cuisine*. 1888, p. 205.

¹⁷ Mercier L.-S. *Op. cit.*, V., p. 79.

¹⁸ Caillot A. *Mémoires pour servir à l'histoire des mœurs et usages des Français*. 1827, p. 148.

вергают с порога как слишком старое и слишком буржуазное блюдо под тем предлогом, что бульон расслабляет ткани желудка». Долой и «зелень» («herbes potagères»), овощи, которые «тонкость века почти что изгнала как пищу простонародную! Но капуста от этого не стала ни менее здоровой, ни менее прекрасной», и все крестьяне ее едят в течение всей жизни¹⁹.

Другие мелкие изменения происходили почти сами собой. Так, индейка пришла из Америки в XVI в. Голландский художник Йоахим Бюдкалер (1530–1573 гг.) был, без сомнения, одним из первых, кто ее изобразил на одном из своих натюрмортов, находящемся сегодня в Национальном музее в Амстердаме. Количество индюков и индюшек, говорят нам, возрастет во Франции с установлением внутреннего мира во времена Генриха IV! Не знаю, что следует думать по поводу этой новейшей версии пожелания великого короля о «курице в каждом горшке», но несомненно, во всяком случае, что так стало в конце XVIII в. Французский автор писал в 1779 г.: «Именно индейки в некотором роде заставили исчезнуть с нашего стола гусей, некогда занимавших на нем самое почетное место»²⁰. Следует ли рассматривать жирных гусей времен Рабле как пройденный этап европейского гурманства?

Моду можно было бы проследить еще и по очень показательной истории увековеченных языком слов, которые, однако, не единожды меняли свое значение: «перемена», «легкие закуски», «рагу» и т. д. Или обсуждать «добрые» и «плохие» способы жарения разных видов мяса! Но такое путешествие не имело бы конца.

ЕВРОПА ПЛОТОЯДНАЯ

Мы говорили, что до конца XV в. в Европе не было утонченной кухни. Пусть читателя не ослепляют задним числом те или иные пиршества, вроде, скажем, пиров пышного двора бургундских Валуа, — эти фонтаны вина, эти разыгрываемые представления, эти одетые ангелами дети, спускавшиеся с небес на канатах... Выставленное напоказ количество преобладает над качеством. В лучшем случае речь идет о роскоши обжорства. И типичной чертой этой роскоши — чертой, которой предстояло долгое время отличать стол богачей, — было расточительство в потреблении мяса.

Во всех своих видах, вареным и жареным, соединенным с овощами и даже с рыбой, мясо подавалось в виде смеси, наложенной «пирамидой» на огромных *блюдах*, получивших во Франции название *mets*. «Так что все разновидности жаркого, наваленные друг на друга, составляли единое блюдо, к которому отдельно подавали весьма разнообразные соусы. Бывало даже, что всю еду бестрепетно сваливали в одну посудину, и такая чудовищная мешанина тоже именовалась *блюдом (mets)*»²¹. Равным образом в 1361 и 1391 гг., для которых мы уже располагаем французскими поваренными книгами, говорится о *тарелках (assiettes)*. Трапеза из шести тарелок, или *блюд*, включала, как мы бы сказали, шесть перемен. И все они были обильные, а

¹⁹ Caraccioli L. A. *Op. cit.*, I, p. 349; III, p. 370; I, p. 47.

²⁰ Marquis de Paulmy. *Précis d'une histoire générale de la vie privée des Français*. 1779, p. 23.

²¹ Franklin A. *Op. cit.*, III, p. 47–48.

Пиршество, устроенное в Париже герцогом Альбой в 1707 г.
в честь рождения принца Астурийского.
Гравюра Ж. И. Б. Скотэна Старшего по Демаре.
(Фото Роже-Виолле.)

²² *Le Ménagier de Paris, traité de morale et d'économie domestique composé vers 1393*. 1846, II, p. 93.

²³ Montaigne M. *Journal de voyage et Italie*. Éd. de la Pléiade, 1967, p. 1131.

²⁴ Rabelais. *Pantagruel*. liv. IV, ch. LIX et LX.

²⁵ Mantellier Ph. *Mémoire sur la valeur des principales denrées... qui se vendaient... en la ville d'Orléans*. –

«*Mémoires de la société archéologique de l'Orléanais*». 1862, p. 121.

²⁶ «*Gazette de France*», 1763, p. 385.

²⁷ Van der Wee H.

Typologie des crises et changements de structures aux Pays-Bas (XVe–XVIe siècles). – «*Annales E. S. C.*», 1963, N° 1, p. 216.

зачастую и неожиданные для нас. Вот одно из *блюдов*, взятое из «*Ménagier de Paris*» (1393 г.) и выбранное из числа четырех, которые в книге предлагаются одно за другим: говяжий студень, слоеные пирожки, минога, две похлебки с мясом, белый рыбный соус плюс *arboulaistre* – соус, приготовленный на сливочном масле и сметане, с сахаром и фруктовым соком²². Каждое из этих кушаний сопровождается рецептом, которому сегодняшнему повару не стоило бы следовать буквально. Все эксперименты такого рода кончались плохо.

По-видимому, в XV и XVI вв. такое потребление мяса не было роскошью, предназначенной лишь для очень богатых людей. Еще в 1580 г. Монтень отмечал на южногерманских постоянных дворах те самые разделенные на секции подставки для горячего, которые позволяли прислужникам подавать разом как минимум два мясных блюда и легко их менять – вплоть до семи блюд, как он записывает однажды²³. Наблюдалось изобилие мяса в мясных лавках и харчевнях – говядины, баранины, свинины, курятины, голубей, козлятины, молодой баранины... А что до дичи, так кулинарный трактат, относящийся, возможно, к 1306 г., дает для Франции длинный перечень. В XV в. кабан был настолько распространен в Сицилии, что кабанина стоила дешевле мяса в лавках. Рабле без конца говорит о пернатой дичи: хохлатых и обычных цаплях, диких лебедях, выпях, журавлях, молодых куропатках, крупных куликах, перепелах, вяхирях, горлицах, фазанах, дроздах, полевых жаворонках, фламинго, водяных курочках, нырках²⁴... По данным долгосрочного (с 1391 по 1560 г.) преискуранта орлеанского рынка, помимо крупной дичи (кабаны, олени, косули), регулярно в изобилии была и дичь мелкая: зайцы, кролики, цапли, куропатки, бекасы, жаворонки, ржанки, утки-мандаринки...²⁵ Описание венецианских рынков XVI в. обнаруживает такое же богатство. И разве не логично это было на полузаселенном Западе? Разве не читаем мы в «*Gazette de France*» от 9 мая 1763 г. такое сообщение из Берлина: «Так как скот здесь весьма немногочислен», король повелел, чтобы в город доставляли «сто оленей и двадцать кабанов в неделю для пропитания жителей»²⁶?

Так что не будем воспринимать чересчур буквально жалобы (зачастую – литературного происхождения) по поводу питания бедных крестьян, у которых богачи «отнимают вино, пшеницу, овес, быков, баранов и телят, оставляя им один лишь ячменный хлеб». У нас есть доказательства противного.

В Нидерландах XV в. «мясо было настолько *обычным в употреблении*, что голодный кризис едва ли снизил спрос на него», а в первой половине XVI в. его потребление только росло (например, в больнице монастыря бегинок в Лире)²⁷. В Германии в 1482 г. указ герцогов Саксонских гласил: «Да ведает каждый, что ремесленники должны получать для своей полуденной и вечерней трапез в общей сложности четыре блюда. Ежели речь идет о скоромном дне – суп, два мясных и овощное; ежели речь о пятнице или о постном дне – суп, свежую или соленую рыбу, два овощных. Ежели пост должен продолжаться, то и пять блюд: суп, два вида рыбных, два гарнира из овощей. А сверх того – хлеб утром и вечером». К этому добавлялось еще легкое пи-

во –kofent. Могут сказать: это меню ремесленников, горожан. Но в 1429 г. в Оберхергхайме (Эльзас), если истребованный на барщину крестьянин не желал есть вместе с другими на ферме управляющего – *Maier*, – последний должен был послать ему «в собственный его дом два куска говядины, два куска жареного мяса, меру вина и на два *пфеннига* хлеба»²⁸. На этот счет у нас есть еще и другие свидетельства. В Париже, писал в 1557 г. один иностранный наблюдатель, «свинина – привычная пища бедных людей, тех, кто действительно беден. Но любой ремесленник, любой торговец, каким бы жалким он ни был, желает по скоромным дням есть косулю и куропатку так же, как и богачи»²⁹. Конечно, эти богачи – свидетели пристрастные – попрекают

²⁸ Abel W. *Wandlungen des Fleischverbrauchs und der Fleischversorgung in Deutschland...* – «Berichte über Landwirtschaft», S. 415.
²⁹ *Voyage de Jérôme Lippmano, op. cit.*, p. 575.

Торговля крупным рогатым скотом в Северной и Восточной Европе около 1600 г.

1. Зона скотоводства.–2. Сухопутные дороги.–3. Морской путь.
 Бакар–древний Буккари.

Около 1600 г. торговля крупным рогатым скотом, поставлявшая скот на бойни Центральной и Западной Европы по суше и по морю, была внушительной (400 тыс. голов). Но на парижских рынках в 1707 г. (см. т. II настоящей работы) ежегодно продавали почти 70 тыс. быков.

Это доказывает, что к этой дальней торговле добавлялась торговля местная и региональная, которая в основном и обеспечивала потребление мяса в Европе.

(Stromer W. *Wildwest in Europa.* – «Kultur und Technik». 1979, N. 2, S. 42. По данным О. Пикля.)

Обилие мяса и птицы на рынке XV в.

³⁰ Thoinot Arbeau. *Orchésographie* (1588), éd. 1888, p. 24.

³¹ Abel W. *Crises agraires en Europe, XIIIe-XXe siècles*, p. 150.

бедноту малейшей роскошью, которую та себе позволяет, как будто все заключается в этом! В 1588 г. Туано Арбо пишет: «Сейчас нет чернорабочего, который не желал бы иметь на своей свадьбе гобой и сакебюты [вид четырехрожковой волынки]»³⁰.

Столы, заваленные мясом, предполагают регулярное снабжение из близлежащих деревень или гористых областей (швейцарских кантонов), а в Германии и Северной Италии в дополнение к этому — и из восточных областей: Польши, Венгрии, Балканских стран, которые еще в XVI в. отправляли на Запад перегонном полудикий скот. В Буттштедте возле Веймара, на самой крупной скототорговой ярмарке в Германии, никто не удивлялся пригону «небывалых стад в 16, а то и 20 тыс. голов быков» разом³¹. В Венецию стада с Востока прибывали по суше или через далматинские морские порты; они располагались на острове Лидо, который служил одновременно и артиллерийским полигоном и местом карантина для подозрительных судов. Голье, в особенности трепуха, было одним из видов повсед-

невной пищи бедняков города Св. Марка. В 1498 г. марсельские мясники закупали баранов вплоть до Сен-Флура в Оверни. Из таких удаленных областей импортировали не только животных, но и мясников: в XVIII в. мясниками в Венеции частенько бывали горцы из Граубюндена, охотно жульничавшие с продажными ценами на голбе. На Балканах сначала албанцы, а затем, вплоть до нашего времени, эпироты уезжают далеко от родины в качестве мясников или торговцев трепухой³².

Несомненно, Европа знала с 1350 по 1550 г. период счастливой *индивидуальной* жизни. После катастрофической Черной смерти рабочая сила стала редкой и условия жизни для тех, кто трудился, были, само собой разумеется, хороши. Никогда *реальная* заработная плата не была такой высокой, как тогда. В 1388 г. нормандские каноники сетовали на то, что не могут найти для обработки земли «человека, который согласился бы работать за плату меньшую, чем зарабатывали в начале века шестеро слугителей»³³. Таков парадокс, на котором приходится настаивать, ибо часто преобладает упрощенное представление, будто чем дальше углубляемся мы в средневековье, тем больше погружаемся в несчастья. На самом деле, если говорить об уровне жизни *народа*, т. е. большинства людей, истинным оказывается противоположное. Вот безошибочная деталь: до 1520–1540 гг. в еще малонаселенном Лангедоке крестьяне и ремесленники ели белый хлеб³⁴. Ухудшение становится более выраженным по мере того, как мы удаляемся от «осени» средневековья, и сохраняется до самой середины XIX в., а в некоторых областях Восточной Европы, в частности на Балканах, падение продолжалось чуть ли не до самой середины XX в.

УМЕНЬШЕНИЕ МЯСНОГО РАЦИОНА НАЧИНАЯ С 1550 г.

На Западе это уменьшение проявляется с середины XVI в. В 1550 г. Г. Мюллер писал, что в Швабии «в крестьянском доме ели иначе, чем сейчас. Тогда каждый день бывало мясо и обилие еды; на ярмарочных гуляньях и на пирах столы ломились под ее тяжестью. А сегодня все очень изменилось. И право же, какие бедственные времена, какая дороговизна на протяжении нескольких лет! И пища самых зажиточных крестьян, пожалуй, хуже той, что была у поденщиков и слуг вчера»³⁵. Историки напрасно в конечном счете не принимали во внимание эти повторяющиеся свидетельства, упорно видя в них болезненную потребность людей в восхвалении прошлых времен. «О братья, — восклицал в 1548 г. старый бретонский крестьянин, — где то время, когда редко какой простой праздник проходил без того, чтобы кто-либо из жителей деревни не пригласил бы всех прочих отобедать, вкусить его курятины, его гусятины, его окорока, его первого барашка и потрохов его поросенка!»³⁶ Нормандский дворянин писал в 1560 г.: «Во времена моего отца каждый день было мясо, блюда были в изобилии, а вино поглощали так, словно это была вода»³⁷. Перед Религиозными войнами, замечает другой очевидец, «деревенские люди [во Франции] были

³² Tucci U. *L'Ungheria e gli approvvigionamenti veneziani di bovini nel Cinquecento*. — «*Studia Humanitatis*», 2; *Rapporti veneto-ungheresi all'epoca del Rinascimento*, 1975, p. 153–171; A. d. S. Venezia, Cinque Savii, 9, f° 162; *Histoire du commerce de Marseille*. III: 1481–1599, par R. Collier et J. Billioudé, 1951, p. 144–145.

³³ Delisle L. *Études sur la condition de la classe agricole et l'état de l'agriculture en Normandie au Moyen Age*. 1851, p. 26.

³⁴ Le Roy Ladurie E. *Les Paysans de Languedoc*. 2e éd., 1966, I, p. 177–179.

³⁵ Abel W. *Art. cité*. p. 430.

³⁶ Fail N. *Propos rustiques et facétieux*. Éd. 1856, p. 32.

³⁷ Gouberville G. *Journal...* 1892, p. 464.

Этот крестьянский ужин второй половины XVII в. включает только одно блюдо, и без мяса. Бывало и хуже – ужин из каши в той же Голландии (1653 г.) (см. выше, с. 152). Картина Эгберта ван Хемскерка. (Фото А. Денжьяна.)

столь богаты и имели столько всякого добра, их дома были так хорошо обставлены и настолько полны птицы и скота, словно эти люди были знатью»³⁸. Но обстоятельства сильно изменились. Около 1600 г. работники мансфельдских медных рудников в Верхней Саксонии могли на свой заработок питаться лишь хлебом, кашей и овощами. А нюрнбергские ткачи-подмастерья, находившиеся в очень благоприятном положении, жаловались в 1601 г., что получают теперь мясо, которое по регламенту положено им ежедневно, лишь трижды в неделю. На что хозяева отвечали, что 6 крейцеров платы за пансион не позволяют им каждый день набивать мясом утробу подмастерьев³⁹.

С этого времени первенство на рынках принадлежало зерновым. Коль скоро цена на них повышалась, недоставало денег для оплаты излишеств. Потребление мяса будет теперь снижаться в течение долгого времени – примерно до 1850 г. Странное падение! Конечно же, оно будет знать передышки и исключения. Так было в Германии сразу же после Тридцатилетней войны, где на земле, зачастую свободной от населения, быстро восстанавливалось поголовье скота. Так было и с 1770 по 1780 г.

³⁸ Haton C. *Mémoires...*
Op. cit., p. 279.

³⁹ Abel W. *Crises agraires en Europe...* *Op. cit.*,
p. 198–200.

в Оже и Бессене, важных областях Нормандии: при непрерывном подъеме цен на мясо и падении хлебных цен они все больше и больше заменяли животноводством выращивание зерновых, по крайней мере до великого кормового кризиса 1785 г. А тогда, как достаточно логичное следствие, наступила безработица, большая масса мелкого крестьянства – жертвы демографического подъема, чреватого тяжкими последствиями, – была обречена на нищенство и бродяжничество⁴⁰. Но такие эпизоды продолжались недолго, и исключения не опровергают правила. Безумие пахотных работ, одержимость ими и хлебом сохраняют свои права. В Монпеза, маленьком городке Нижней Керси, число мясников непрерывно уменьшалось: 18 – в 1550 г., 10 – в 1556 г., 6 – в 1641 г., 2 – в 1660 г. и один – в 1763 г. ... Даже если на протяжении этого периода уменьшилось число жителей, общее его сокращение не было 18-кратным⁴¹.

Цифры, вычисленные для Парижа, дают между 1751 и 1854 гг. размеры годового потребления мяса на душу населения, варьирующие от 51 до 65 кг; но Париж – это Париж. И Лавуазье, приписывавший ему в начале Революции высокий уровень потребления – 72,6 кг, оценивал среднее потребление во Франции на тот же момент в 48,5 фунта (по 488 г в фунте), т. е. 23,5 кг. Да и эту цифру все комментаторы находят еще оптимистичной⁴². Точно так же в XVIII в. годовое потребление мяса в Гамбурге, который расположен у границ Дании, поставляющей мясо, достигло 60 кг на человека (правда, из них лишь 20 кг свежего мяса). Но для всей Германии это потребление в начале XIX в. было ниже 20 кг на душу в год вместо 100 кг в конце средневековья⁴³. Важнейшим фактом оставалось неравенство между разными городами (например, Париж еще в 1851 г. занимал привилегированное положение) и между городом и деревней. В 1829 г. некий наблюдатель прямо говорит: «На девяти десятых территории Франции бедняк и мелкий земледелец питаются мясом лишь раз в неделю, да и то солониной»⁴⁴.

Таким образом, с наступлением новых времен плотоядная Европа стала утрачивать свое привилегированное положение, а действенные лекарства против этого появятся не ранее середины XIX в. благодаря повсеместному распространению в это время культурных лугов, развитию научных методов животноводства, а также использованию далеких пастбищ Нового Света. Европа долгое время будет пребывать в голоде... В 1717 г. в Бри из территории Мелёнского податного округа, занимающей 18 800 га, 14 400 были заняты под пашней против 814 га (т. е., иначе говоря ничего), отведенных под луга. И к тому же арендаторы оставляли «для нужд собственного хозяйства лишь строго необходимое», продавая корма за хорошую цену в Париже, на потребу многочисленным лошадям столицы. Правда, на пахотных землях пшеница давала при хорошем урожае от 12 до 17 центнеров с гектара. Так что невозможно было устоять перед такой конкуренцией и перед таким соблазном⁴⁵.

Мы говорили, что в таком попятном движении существовали разные варианты. Оно сильнее выражено в странах Средиземноморья, нежели в более северных областях, располагавших богатыми пастбищами. Поляки, немцы, венгры, англичане бы-

⁴⁰ Plaisie A. *La Baronnie du Neubourg*. 1961; Chauvin P. *Le Neubourg. Quatre siècles d'histoire normande, XIVe–XVIIIe*. – «Annales E. S. C.», 1961, p. 1152–1168.

⁴¹ Grandamy R. *La grande régression. Hypothèse sur l'évolution des prix réels de 1375 à 1875.* – «Prix de vente et prix de revient» (13e série), 1952, p. 52.

⁴² Husson A. *Les Consommations de Paris*. *Op. cit.*, p. 157; см. статью Ж.-К. Тутэна: Toutain J. -Cl. в: «*Histoire quantitative de l'économie française*», I, «*Cahiers de l'I.S.E.A.*», 1961, p. 164–165; Lavoisier. *De la richesse de la France*; idem. *Essai sur la population de la ville de Paris.* – *Mélanges d'économie politique*, I, 1966, p. 597–598, 602.

⁴³ Abel W. *Crises agraires en Europe...* *Op. cit.*, p. 353–354.

⁴⁴ Milleret J. *De la réduction du droit sur le sel*. 1829, p. 6–7.

⁴⁵ Mireaux E. *Une Province française au temps du Grand Roi, la Brie*. 1958, p. 131.

Продажа соленого мяса. «*Tacinum sanitatis in medicina*» (начало XV в.). Национальная библиотека, Париж.

ли, видимо, менее ограничены в потреблении, чем другие народы. А в Англии в XVIII в. произойдет даже подлинная «мясная революция» в рамках революции в земледелии. На крупном лондонском рынке Лиденхолл, по словам испанского посла, которому сообщили эти сведения, в 1778 г. будто бы продавали «за месяц больше мяса, чем потребляют его во всей Испании за год». И все же даже в такой стране, как Голландия, где «официальные данные» о рационе высоки⁴⁶ (если даже и не точны), до его улучшения в конце XVIII в. питание оставалось плохо сбалансированным: фасоль, немного солонины, хлеб (ржаной или ячменный), рыба, немного свиного сала и при случае – дичь... Но дичью обычно пользуются либо крестьянин, либо сеньер. Беднота городов ее почти не знает: «Для нее есть репа, жареный лук и сухой хлеб, если не плесневелый», или же клейкий ячменный хлеб да «слабое пиво» («*petite bière*») («двойное» достается богатым или пьяницам). Голландский горожанин жил скромно. Конечно же, национальное блюдо – *hutsepot* – состояло из мяса, говядины или баранины, но мелко нарубленного и всегда использовавшегося скупно. Вечерняя трапеза нередко заключалась в тюре из остатков хлеба, размоченных в молоке⁴⁷. Впрочем, в определенный момент возникла дискуссия между врачами по поводу того, хороша или вредна мясная пища. «Для себя, – писал в 1702 г. чрезмерно благоразумный Луи Лемери, – я полагаю, не вдаваясь во все эти споры, кои мне кажутся довольно бесполезными, что можно говорить о приемлемости употре-

⁴⁶ Morineau M. *Rations de marine (Angleterre, Hollande, Suède et Russie)*. – «*Annales E. S. C.*», 1965.

⁴⁷ Zumthor P. *La Vie quotidienne en Hollande au temps de Rembrandt*. 1959, p. 88 aq.

⁴⁸ Lémery L. *Traité des aliments*. Op. cit., p. 235–236.

⁴⁹ Saint-Jacob P. *Les Paysans de la Bourgogne*. Op. cit., p. 540.

⁵⁰ Grosley P. J. *Londres*. 1770, I, p. 290.

⁵¹ *Mémoires de Mademoiselle de Montpensier*. Éd. Cheruel, 1858–1859, III, p. 339.

⁵² Abbé Prévost. Op. cit., X, p. 128–129 (voyage de Tavernier).

бления мяса животных при условии, если оно будет умеренным...»⁴⁸

Уменьшение мясного рациона сопровождалось явным ростом потребления копченого или соленого мяса. В Зомбарт не без оснований говорил о «солонинной революции» конца XV в. в связи с питанием в море судовых команд. В не меньшей степени соленая рыба и еще более – традиционные сухари неизменно составляли в Средиземноморье главное меню моряков во время плавания. В Кадисе, на безбрежных просторах Атлантики, начиналась область почти безраздельного господства соленой говядины, *la vaca salada*, которую поставляло с XVI в. испанское интендантство. Засоленная говядина поступала главным образом с севера, в частности из Ирландии, одновременно экспортировавшей соленое масло. Но дело не ограничилось одним лишь интендантством. По мере того как мясо оказывалось роскошью, солонина становилась обычной пищей бедных (в скором времени в их число вошли и черные невольники в Америке). В Англии с концом лета за неимением свежего мяса «соленая говядина была стандартным зимним блюдом» («*the saltbeef was the standard winter dish*»). В Бургундии в XVIII в. «свинья дает большую часть мяса, которое потребляют в доме крестьянина. Редко когда подворные описи не упоминают нескольких кусков сала в засольной кадке. Парное мясо – это роскошь, предназначенная для больных, да к тому же оно столь дорого, что регулярно его покупать невозможно»⁴⁹. В Италии и Германии бродячие продавцы колбас (*Wursthändler*) составляли часть городского пейзажа. Соленая говядина и еще более – соленая свинина входили в скудный мясной рацион европейской бедноты от Неаполя до Гамбурга и от Франции до окрестностей Санкт-Петербурга.

Несомненно, здесь тоже бывали исключения. Главное из них, и притом крупное, – это англичане, которые, писал в 1770 г. П. Дж. Гросли, «живут только мясом. Количества хлеба, какое ежедневно съедает француз, могло бы хватить четверым англичанам»⁵⁰. В данном случае этот остров был единственной «развитой» страной в Европе. Но такую привилегию он разделял с немалым числом относительно отсталых областей. Говоря о своих домбских крестьянах, мадемуазель де Монпансье рассказывает нам в 1658 г., «что они хорошо одеты... [что они никогда не] платили талью». И добавляет: «Четыре раза в день они едят мясо»⁵¹. Это следовало бы еще доказать, но такая возможность сохраняется, ибо в XVII в. Домб была еще дикой и «неокультуренной» страной. И вот именно в областях, плохо освоенных человеком, было наибольшее изобилие животных, домашних или диких. Вероятно, впрочем, что нам, людям XX в., обычная жизнь в Риге во времена Петра Великого или в Белграде во времена Тавернье (все там было «превосходно», хотя и «по дешевке» – хлеб, вино, мясо и огромные щуки и карпы, которых ловили в Дунае и в Саве⁵²) показалась бы более удовлетворительной, чем в Берлине, Вене или даже Париже. С человеческой точки зрения, многие обездоленные страны были не беднее стран богатых. Уровень жизни все еще определяется соотношением между числом людей и массой имеющихся в их распоряжении ресурсов.

И ВСЕ ЖЕ ПРИВИЛЕГИРОВАННАЯ ЕВРОПА

Даже в урезанном виде привилегия Европы оставалась все же привилегией. В самом деле, достаточно представить себе иные цивилизации. В 1609 г. один испанец писал: «В Японии они едят мясо только дичи, которую убивают на охоте»⁵³. В Индии население, к счастью, испытывало ужас перед мясной пищей. По словам одного французского врача, солдаты Великого могола Аурангзеба были очень нетребовательны к повседневной пище: «Ежели они имеют свой *кишерис*, или смесь риса с прочими растительными продуктами, которую они поливают подливой из поджаренной муки и масла, — они довольны». Эта смесь готовилась как раз «из вареных риса, бобов и чечевицы, истолченных вместе»⁵⁴.

В Китае мясо было редкостью. Мясного скота не было, или почти не было. Домашняя свинья, откормленная на кухонных отходах (иногда с добавлением небольшого количества риса), птица, дичь, даже определенные породы собак, которых предлагали в особых мясных лавках или вразнос «обритых или со слегка пробивающейся шерстью», а то и в ивовых плетеных клетках — вроде того, как перевозят в Испании молочных поросят или козлят, — писал отец де Лас Кортес, — все эти немногочисленные животные не смогли бы удовлетворить аппетиты определенно плотоядного населения. За исключением монгольских народов, где вареная баранина — в порядке вещей, мясо никогда не выступало в качестве самостоятельного блюда. Нарезанное маленькими кусочками, «на один укус», порой даже рубленое, оно входило в состав *чай* — этих бесчисленных небольших добавок, в которых мясо или рыба смешаны с овощами, соусами и пряностями и которые традиционно сопровождают рис. Какой бы рафинированной и сбалансированной ни была на самом деле эта кухня, она поражала европейцев, в чьих глазах она казалась бедной. Даже богатые мандарины, замечает отец де Лас Кортес, «берут, словно для того чтобы возбудить свой аппетит, несколько кусочков свинины, или курятины, или какого-то другого мяса... Какие они ни богатые и великие, но мясо, которое они потребляют, ничтожно по количеству, а ежели бы они его ели, как мы, европейцы, то всех видов мяса, какими они располагают, никоим образом не хватило бы для этого ... этого не выдержало бы плодородие их Китая»⁵⁵. Неаполитанец Джемелли Карери, который в 1696 г. пересек Китай от Кантона до Пекина и обратно, выходил из себя из-за овощной пищи, плохо, по его мнению, сваренной, которую он встречал в харчевнях; и если повезет, то покупал на постоялых дворах или на рынках либо кур, либо яйца, фазанов, зайцев, окорока, куропаток...⁵⁶ Европейский наблюдатель заключает в 1735 г.: «Китайцы едят очень мало мяса крупного скота», — и добавляет: «И значит, им требуется меньше земли, чтобы прокормить животных». Сорока годами позднее миссионер в Пекине уточнял: «Избыток населения, неудобств и последствий которого не подозревали современные европейские философы», вынуждает китайцев «обходиться без помощи быков и скота, ибо земля, которая позволила бы их прокормить, необходима для существования людей». А отсюда нехватка

⁵³ Vivero R. *Du Japon et du bon gouvernement de l'Espagne et des Indes*, p. 269.

⁵⁴ Bernier F. *Voyages...* *Op. cit.*, 1699, II, p. 252.

⁵⁵ P. de Las Cortes. *Relación del viaje...* *Op. cit.*, p. 54.

⁵⁶ Gemelli Careri G. F. *Voyage du tour du monde*, IV, p. 474.

⁵⁷ *Mémoires concernant l'histoire, les sciences, les arts, les mœurs des Chinois, par les missionnaires de Pékin*, IV, 1779, p. 321–322.

⁵⁸ Ho Shin-Chun. *Le Roman des lettrés*. 1933, p. 74, 162, 178.

⁵⁹ Gemelli Careri G. F. *Op. cit.*, IV, p. 107; Magaillans P. *Nouvelle Relation de la Chine*. 1688 (написана в 1668 г.), p. 177–178.

⁶⁰ Mantran R. *Istanbul dans la seconde moitié du XVIIe siècle*. *Op. cit.*, p. 196.

⁶¹ Gemelli Careri G. F. *Op. cit.*, I, p. 63–64.

«удобрения для земли, мяса – для стола, лошадей – для войны» и «все больше и больше труда и людей, чтобы иметь то же количество зерна, что в других странах». И миссионер заканчивает так: «При прочих равных условиях во Франции приходится по меньшей мере десять быков на одного в Китае»⁵⁷.

Китайская литература свидетельствует о том же. Во времена Цинов гордый тесть разглагольствовал следующим образом: «На днях мой зять принес мне два фунта сушеной оленины – и вот они на этом блюде». Мясник будет полон восхищения высоким сановником, «у которого больше денег, чем у самого императора», и дом которого насчитывает по меньшей мере несколько десятков родственников и слуг. И вот неопровержимое доказательство: он берет у мясника «от 4 до 5 тыс. фунтов мяса в год, даже когда нет никаких торжественных церемоний!» Вот меню пира, включающее всего-то-навсего «ласточкины гнезда, курятину, уток, каракатиц, горькие огурцы Гуандуна...». И чего только не потребует из еды молодая капризная вдова! Каждый день – восемь *фыней* лекарств, сегодня утка, на следующий раз – рыба, другой раз – свежие овощи, бульон из побегов бамбука или еще апельсины, бисквит, кувшинки, жареные воробьи, соленые креветки и, конечно, вино – «вино ста цветов...»⁵⁸. Все это не исключало утонченности, и даже чрезмерной и дорогостоящей утонченности. Но если европейцы так плохо понимали величие китайской кухни, так это оттого, что для них синонимом роскоши было мясо. И никто не описывает нам обилие мяса нигде, кроме Пекина – перед императорским дворцом и на некоторых площадях города. И к тому же речь идет об огромном количестве дичи из Татарии, которая благодаря зимнему холоду сохранится два или три месяца и которая «столь дешева, что косулю или кабана отдадут за монету в восемь [реалов]»⁵⁹.

Та же умеренность и та же воздержанность наблюдались и в Турции, где сушеная говядина, построма (*pastermè*), служила пищей не только солдатам во время кампании. С XVI по XVIII в. в Стамбуле, если исключить колоссальное потребление баранины сералем, на каждого жителя в год приходился в среднем один баран и еще треть. А Стамбул – это Стамбул, город привилегированный...⁶⁰ В Египте, житнице первостепенной важности, «образ жизни турок, – как писал один путешественник в 1693 г., – сплошное наказание. Их трапеза, даже у самых богатых, состоит из скверного хлеба, чеснока, лука и кислого сыра. Когда же к этому добавляется вареная баранина – это для них хороший стол. Никогда они не едят ни кур, ни прочей птицы, хотя они и были бы дешевы в этой стране»⁶¹.

Если привилегия европейцев шла по убывающей на их собственном континенте, то она возрождалась для иных из них, с изобилием настоящего нового средневековья, либо на Востоке Европы – скажем, в Венгрии, – либо в колониальной Америке – в Мексике и Бразилии (в долине Сан-Франциско, кишевшей дикими стадами, где для белых и метисов установилась могучая «мясная цивилизация»), и того больше – южнее, вокруг Монтевидео или же Буэнос-Айреса, где всадники убивали дикое животное ради одного только обеда... Такое истребление не оставляет невероятно быстрого увеличения поголовья вольного

Утонченность
китайской кухни.
Живопись на шелке.
(Фото Роже-Виолле.)

скота в Аргентине, но очень быстро уничтожит этот живой провиант на севере Чили: к концу XVI в. вокруг Кокимбо выживут только одичавшие собаки.

Вяленое мясо (бразильское *carne do sol*) сразу же сделалось продовольствием для городов побережья и для черных рабов на плантациях. *Charque*, мясо, очищенное от костей и провяленное, изготовлявшееся в аргентинских *saladeros* (и предназначавшееся опять-таки для рабов и для Европы бедняков), было изобретено практически в начале XIX в. И как бы в виде справедливой кары в 1696 г. слабый здоровьем путешественник к концу бесконечного семи- или восьмимесячного обратного плавания из Манилы в Акапулько был просто-напросто осужден «в мясные дни» есть «ломти вяленной на солнце говядины или буйволятины... которые столь жестки, что их невозможно жевать, ежели прежде хорошенько не отбить их палкой (от коей они не больно-то отличаются), да и переварить без сильного слабительного». И еще дополнительное омерзение: в этой ужасающей пище кишит полным-полно червей⁶². Потребность в мясной пище, совершенно очевидно, не признавала, или же почти не признавала, законов. Так, невзирая на совершенно явное отвращение к ним, флибустьеры Антильских островов, как и африканские негры, убивали и ели обезьян (предпочтительно – молодых), а в Риме нищие и бедняки-евреи покупали в особых мясных лавках буйволя-

⁶² Gemelli Careri G. F.
Op. cit., I, p. 305.

⁶³ Baehrel R. *Une Croissance: la Basse-Provence rurale. Op. cit.*, p. 173.

⁶⁴ Simond L. *Voyage d'un Français en Angleterre... Op. cit.*, II, p. 332.

тину, перед которой остальное население испытывало ужас. Также и в Эксе лишь около 1690 г. стали забивать и есть «быков», это «крупное мясо», долго имевшее репутацию нездорового⁶³. И в то же время, сообщал с некоторым отвращением французский путешественник, в Дании «на рынке продается конина»⁶⁴.

ЕСТЬ СЛИШКОМ ХОРОШО, ИЛИ ПРИЧУДЫ ЗАСТОЛЬЯ

После XV и XVI вв. огромная роскошь стола существовала в Европе самое большое для немногих избранных. И будучи причудой, она вызывает сверхобильное потребление редких блюд. Потом ими питались слуги, а остатки, даже попорченные, перепродавались мелким торговцам. Разве не причуда: велеть привезти в Париж из Лондона черепаху — «это блюдо, стоящее [в 1782 г.] тысячу экю, а наслаждаются им семь или восемь гурманов». В сравнении с этим кабан *à la crapaudine*, распластанный на решетке, как цыпленок-табака, представляется весьма заурядным. Тот же самый свидетель рассказывает нам: «Да, я собственными глазами видел такого кабана на решетке для жаренья, и более крупного не бывало и на день св. Лаврентия. Кабана обкладывают горячими углями, шпигуют гусиной печенью, поливают горящим топленым салом, его орошают самыми изысканными винами и подают целиком вместе с головой...»⁶⁵ А потом сотрапезники едва притрагиваются к разным частям животного ... Таковы забавы государей. Для короля или для знатнейших домов поставщики наполняли свои корзины лучшим, что можно было найти на рынке, — мясом, дичью, рыбой. Мелкой сошке доставались худшие куски, да еще по ценам, превышавшим те, что платили богатые; а еще хуже то, что товары эти обычно бывали фальсифицированы. «Парижские мясники накануне Революции поставляли в знатные дома лучшие части бычьей туши; народу они продавали менее ценные ее части да еще добавляли костей, которые иронически именовались «развлечениями» (*rejouissances*)». Очень плохие куски, обрезки, крошки или отбросы, которые ели бедняки, продавались вне мясных лавок⁶⁶.

Еще примеры редких блюд: рябчики, а то и овсянки. По случаю замужества княгини Конти в 1680 г. их съели на 16 тыс. ливров⁶⁷. Овсянка, эта птичка с виноградников, в изобилии водилась на Кипре (который вывозил ее в XVI в. в Венецию консервированной в уксусе); встречается она также в Италии, в Провансе, в Лангедоке⁶⁸. Или свежие устрицы. Или молодые устрицы из Дьеппа или Канкаля, созревающие в октябре; или земляника; или ананасы, разводимые в оранжереях в Парижском районе. Для богатых же предназначались замысловатые, даже чересчур замысловатые, соусы, в которых смешивались все воображимые ингредиенты: перец, пряности, миндаль, амбра, мускус, розовая вода ... И не будем забывать о драгоценных лангедокских повах, в Париже ценившихся выше всех и нанимаемых на вес золота. Ежели бедняк желал принять уча-

⁶⁵ Mercier L.-S. *Op. cit.*, 1783, V, p. 77.

⁶⁶ *Ibid.*, p. 79.

⁶⁷ Franklin A. *Op. cit.*, III, p. 139.

⁶⁸ Braudel F. *Médit... I*, p. 139.

стие в этих празднествах, ему следовало договариваться с челядью или отправляться на версальский розничный рынок остатков, «*gegat*»; там продавались остатки с королевского стола, и четверть жителей сказанного города беспардонно ими кормилась. «Вот туда входит некто со шпагой на боку и покупает тюрбо и голову лосося, редкий и изысканный кусок»⁶⁹. Может быть, благоразумнее и более заманчиво было бы ему отправиться в харчевню на улице Ла-Юшетт в Латинском квартале или на набережную Ла-Валле (набережную, где продавались птица и дичь) и там побаловать себя грубо сваренным каплуном, выловленным из «постоянного котла», подвешенного на большом крюке; там этот каплун варился в массе других каплунов. А можно съесть его горячим и у себя дома «или в нескольких шагах оттуда, полив его бургундским...»⁷⁰. Но это же образ поведения буржуа!

⁶⁹ Mercier L. S. *Op. cit.*, V, p. 252.

⁷⁰ *Ibid.*, p. 85.

СЕРВИРОВКА СТОЛА

Роскошью были убранство стола, посуда, столовое серебро, скатерть, салфетки, светильники со свечами, обстановка столовой. В Париже XVI в. существовало обыкновение снимать хорошие дома (или, того лучше, попадать в них при оплаченном соучастии сторожей) и принимать в них друзей, угощая блюдами, доставленными трактирщиком на дом. Иной раз временный хозяин внедрялся настолько, что настоящему собственнику дома приходилось его оттуда выставлять. Как писал в 1557 г. один посол, «в мое время монсионьора Сальвиати, папского нунция, трижды заставляли переезжать на протяжении двух месяцев»⁷¹.

Как существовали роскошные дома, так существовали и роскошные постоялые дворы. В Шалоне на Марне в 1580 г., записывает Монтень, «размещались мы в «Короне», где прекрасное жилье и где на стол подавали серебряную посуду»⁷².

Но поставим вопрос сам по себе: как накрыть стол, скажем, на «компанию в тридцать персон высокого положения, коих желаешь потрактовать роскошно»? Ответ дан в поваренной книге Никола де Боннефона, носящей неожиданное название «Деревенские наслаждения» (“*Les Délices de la campagne*”) и изданной в 1654 г. Ответ: расположить четырнадцать приборов с одной стороны, четырнадцать – с другой; и, так как стол имеет прямоугольную форму, поместить одну персону «на верхнем конце» и «одну или две – на нижнем». Приглашенные окажутся «на расстоянии ширины стула друг от друга». Требуется, «чтобы скатерть со всех сторон свисала до пола и чтобы в середине стола находились несколько солонок с зубцами и подставок, дабы можно было ставить переносные большие блюда». Трапеза будет состоять из восьми перемен, и последняя, восьмая, будет состоять, например, из «жидких или сухих» варений, «глазури» на тарелках, мускатных орехов, верденских драже, сахара, «пропитанного мускусом и амброй»... Метрдотель при шпаге будет отдавать приказания о смене тарелок «по меньшей мере при каждой перемене, а салфеток – через каждые две». Но тщательное это описание, уточняющее даже то, как будут «переменять»

⁷¹ *Voyage de Jérôme Lippomano. Op. cit.*, II, p. 609.

⁷² Montaigne M. *Journal de voyage en Italie. Op. cit.*, p. 1118.

Стол, накрытый
для свадьбы в Кане.
Картина Х. Босха.
Музей Бойманса –
Ван Бёнингена,
Роттердам.

блюда на столе при каждой перемене, не говорит ничего о том, как разместить «прибор» для каждого сотрапезника. В ту эпоху последний наверняка включал тарелку, ложку и нож, менее уверенно можно говорить об индивидуальной вилке, и определенно перед участником трапезы не ставили ни стакана, ни бутылки. Правила благопристойности остаются неясными, поскольку автор рекомендовал в виде проявления изящных манер иметь глубокую тарелку для супа, с тем чтобы сотрапезники могли налить ее себе сразу «и не брать ложку за ложкой из супницы из-за отвращения, каковое они могут испытывать друг к другу».

Стол, накрытый описанным нами способом, манера поведения за ним – сколько было деталей, которые одну за другой медленно навязывала практика, притом по-разному в разных областях. Ложка и нож – довольно давняя привычка. Однако употребление ложки сделалось всеобщим лишь в XVI в., так же как и обыкновение подавать ножи: до этого сотрапезники приносили свои ножи. Точно так же как и стакан, стоящий перед каждым. Старинная вежливость требовала, чтобы ты опустошил свой стакан, прежде чем передать его соседу, который делал то же самое. Или же по требованию участников трапезы слуга приносил из буфетной или же с поставца, стоявшего неподалеку от стола, нужный напиток – вино или воду. Монтень объясняет, что в Южной Германии, через которую он ехал в 1580 г., «у каждого есть свои серебряные кубок или чашка против его места; тот, кто прислуживает, заботится о том, чтобы наполнить этот кубок, как только он опустеет, не сдвигая его с места и наливая в него вино издали из оловянной или деревянной посуды, имеющей длинный носик»⁷³. Решение изящное, экономящее труд обслуги; но в этом случае каждый «гость» должен был иметь перед собой (*endroit sa place*) персональный кубок. В той же самой Германии во времена Монтеня каждый сотрапезник имел также свою тарелку, или оловянную, или деревянную, а иногда – деревянную миску внизу и оловянную тарелку сверху. У нас есть свидетельства того, что деревянные тарелки сохраняются в некоторых немецких деревнях да, несомненно, и в других местах, вплоть до XIX в.

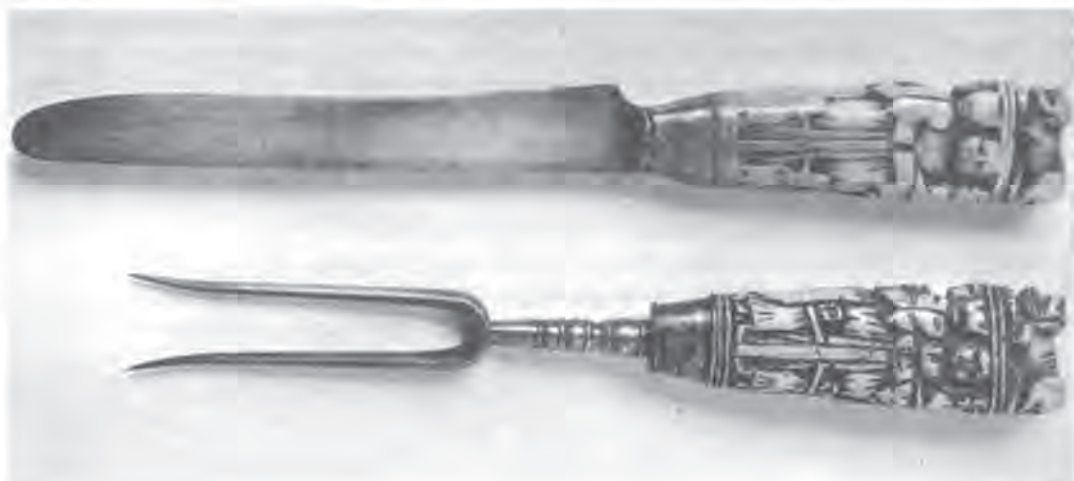
Но до этих более или менее запоздалых утонченных усовершенствований сотрапезники долгое время довольствовались деревянной дощечкой или же «*tranchoir*», ломтем хлеба, на который помещали свою порцию мяса⁷⁴. И тогда большого блюда хватало на все и на всех: всякий брал с него пальцами куски по своему выбору. По поводу «швейцарцев» («*Souisses*») Монтень замечает: «Они пользуются столькими деревянными ложками с обделанными серебром ручками, сколько есть людей [читай: у каждого сотрапезника своя ложка], и никогда швейцарец не бывает без ножа, коим они берут любые куски и почти не суют руки в блюдо»⁷⁵. В музеях хранятся деревянные ложки с металлическими (не обязательно серебряными) ручками и ножи разнообразной формы. Но это уже старинные орудия.

Не так обстояло дело с вилкой. Несомненно, старинным инструментом была большая двузубая вилка, служившая для того, чтобы подавать мясо гостям, передвигать его на плите или в

⁷³ Montaigne M. *Journal de voyage en Italie. Op. cit.*, p. 1131.

⁷⁴ Franklin A. *La Vie privée d'autrefois. IX: Variétés gastronomiques.* 1891, p. 60.

⁷⁵ Montaigne M. *Op. cit.*, p. 1136.

Столовый прибор с ручками из слоновой кости, XVII в., Баварский Национальный музей, Мюнхен.

кухне, но не вилка индивидуальная, невзирая на те или иные исключения.

Последняя восходит, в общем, к XVI в. и распространялась она из Венеции (и Италии в целом), но медленно. Некий немецкий проповедник осуждал эту дьявольскую роскошь: разве господь даровал бы нам пальцы, ежели бы желал, чтобы мы пользовались сим орудием? Монтень ею пренебрегал, так как осуждает себя за то, что ест быстро, настолько быстро, что «порой от поспешности я кусаю собственные пальцы». Впрочем, он признавал, что «мало помогает себе ложкой и вилкой»⁷⁶. А в 1609 г. сеньор де Вилламон, описывая со множеством подробностей кухню турок и их традиции застолья, добавлял: «Они вовсе не пользуются вилками, как делают это ломбардцы или венецианцы» (он не говорит «французы» и с полным основанием). В то же самое время некий английский путешественник, Томас Кориэйт, «открыл» вилку в Италии, позабавился ею, а потом принял ее, к вящим насмешкам своих друзей, каковые окрестят его *furciferus* – «вилконос», или, еще лучше, «вилонос»⁷⁷. Вынудило ли богатых сотрапезников к пользованию вилкой употребление земляники? Это сомнительно. Например, в Англии вилки не упоминаются в описях ранее 1660 г. Пользование ими станет общепринятым только около 1750 г. Анна Австрийская на протяжении всей своей жизни сохраняла привычку погружать пальцы в блюда с мясом⁷⁸. При венском дворе поступали точно так же по меньшей мере до 1651 г. А кто пользовался вилкой при дворе Людовика XIV? Герцог Монтозье, о котором Сен-Симон говорит как о личности «чудовишно опрятной». Но отнюдь не король, чье умение надлежащим образом есть пальцами рагу из птицы восхваляет тот же самый Сен-Симон! Когда герцог Бургундский и его братья были допущены к королевскому ужину и взялись за вилки, пользоваться которыми их обучили, король им запретил их употреблять. Этот анекдот с удовлетворением передает принцесса Палатинская, заявляющая со своей стороны, что она-де «всегда пользовалась при еде своим ножом и своими пальцами»⁷⁹. Отсюда и проистекло обилие предлагавшихся гостям салфеток в XVII в.; однако и

⁷⁶ Montaigne M. *Essais*. Éd. de la Pléiade, 1962, p. 1054, 1077.

⁷⁷ *Les Voyages du Seigneur de Villamont*. 1609, p. 473; *Coryate's Crudities*, (1611), éd. 1776, I, p. 107.

⁷⁸ Franklin A. *Op. cit.*, I: *La civilité, l'étiquette et le bon ton*. 1908, p. 289–291.

⁷⁹ Gottschalk A. *Histoire de l'alimentation et de la gastronomie...* 1948, II, p. 168, 184.

⁸⁰ Montaigne M. *Essais*.
Op. cit., p. 1054.

их использование распространилось у частных лиц лишь во времена Монтеня, судя по тому, что он сам говорит нам об этом⁸⁰. Отсюда же и обыкновение «омовения рук» (при помощи кувшина и тазика), повторявшегося несколько раз во время трапезы.

МЕДЛЕННО ПРИВИВАЮЩИЕСЯ ХОРОШИЕ МАНЕРЫ

Эти перемены, представлявшие новые хорошие манеры, прививались понемногу. Самая роскошь зала, предназначенного для трапез, во Франции стала обычной, и то у богачей, только во XVI в. До того времени сеньер ел в своей обширной кухне.

Весь церемониал трапез предполагал наличие слуг, умножение их числа на кухне, вокруг сотрапезников и не только в Версале, где суеетилось вокруг еды, или, как говорили, «мяса короля», множество великих и малых сих. Вся эта новая роскошь затронула всю Францию или всю Англию только с XVIII в. Около 1765 г. Дюкло писал: «Если бы люди, умершие 60 лет назад, воскресли, они не узнали бы Париж в том, что касается стола, одежды и нравов»⁸¹. Эти слова действительны, несомненно, для всей Европы, охваченной вездесущей роскошью, и для ее колоний, где Европа всегда стремилась воссоздавать свои привычки. С самого начала путешественники с Запада судили о нравах и обычаях обширного мира только свысока, оценивая их самым скверным образом. Джемелли Карери в 1694 г. поражался жестам своего хозяина, перса, почти что сеньера, который его принимал за своим столом, из-за того, что тот «вместо ложки пользовался правой рукой, каковою брал рис, чтобы положить его на блюдо [своих гостей]»⁸². Или прочтем то, что пишет в 1728 г. об арабах Сенегала отец Лаба: «У них не знают, что такое есть за столом...»⁸³ Эти требовательные судьи щадили лишь утонченных китайцев, сидевших за своими столами со своими лакированными чашками и носивших на поясе нож и – в специальном футляре – палочки, которыми они пользовались для еды. Около 1760 г. барон фон Тотт в Стамбуле юмористически описывает прием в загородном доме «госпожи жены первого драгомана» из числа богатых греков, служивших Великому турку, которые вполне восприняли местные нравы, но стараются от них отмежеваться. «Круглый стол, стулья вокруг него, ложки и вилки – всего хватало, кроме привычки этим пользоваться. Однако они не хотели ничем пренебречь из наших обычаев; эти обычаи у греков начинают пользоваться такою же благосклонностью, как у нас – обычаи англичан. И я увидел во время нашего обеда женщину, берущую пальцами маслины и затем насаживающую их на вилку, дабы съесть на французский манер»⁸⁴.

Однако еще в 1624 г. австрийский указ по ландграфству Эльзасскому уточнял для сведения молодых офицеров правила, каковые надлежало соблюдать, когда они бывают приглашены к столу эрцгерцога: являться чисто одетым, не приходиться полупьяным, не пить после каждого куска, а перед тем, как пить вытереть дочиста рот и усы, не облизывать пальцы, не плевать в свою тарелку, не сморкаться в скатерть, не пить слишком уж по-

⁸¹ Duclos C. *Mémoires sur sa vie*. – Duclos C. *Œuvres*. 1820, I, p. LXI.

⁸² Gemelli Careri G. F. *Op. cit.*, II, p. 61.

⁸³ Labat J.-B. *Nouvelle Relation de l'Afrique occidentale*. *Op. cit.*, I, p. 282.

⁸⁴ Baron de Tott. *Mémoires*, I, 1784, p. 111.

скотски... Такие инструкции оставляют читателя в недоумении по поводу изысканности манер в Европе во времена Ришелье⁸⁵.

⁸⁵ Gérard Ch. *L'Ancienne Alsace à table*. 1877, p. 299.

ЗА СТОЛОМ ХРИСТОВЫМ

В этом путешествии в прошлое нет ничего более поучительного, чем картины, написанные до вышесказанных поздних изысков. А картинам этим с изображением на них древних трапез несть числа. В особенности – последней трапезы Христа, Тайной

Тайная вечеря.
Фрагмент гобелена
из алтарной завесы
в Нюрнберге, XV в.
Баварский Национальный музей,
Мюнхен.

вечери, писанной тысячекратно с тех пор, как на Западе появились живописцы; или же трапезы Христа у Симона, или свадьбы в Кане Галилейской, или трапезы учеников в Эммаусе ... Если на мгновение отвлечься от трогательных персонажей, с тем чтобы видеть только стол, вышитые скатерти, сиденья (табуреты, стулья, скамьи) и особенно – тарелки, блюда, ножи, то мы заметим, что до 1600 г. на картинах не фигурировали ни вилки, ни (практически) ложки. Вместо тарелок – ломти хлеба, круглые или овальные деревянные дощечки, едва углубленные оловянные диски, их голубоватые пятна преобладают, как правило, на картинах, писанных в Южной Германии. Краюха, или ломоть черствого хлеба, часто расположена на деревянной или металлической пластинке; ее предназначение – выпитывать сок с отрезанного куска. Потом этот «хлеб-тарелку» раздавали бедным. Всегда есть по крайней мере один нож, иногда, когда он должен служить всем сотрапезникам, больших размеров, часто – малые индивидуальные ножи. Само собой разумеется вино, хлеб и барашек присутствуют на Тайной вечере. Совершенно очевидно, что речь идет не о пышной или роскошной трапезе: рассказ минует земную пищу и почти не задерживается на ней. И все-таки Христос и его апостолы едят как ульмские или аугсбургские бюргеры, потому что зрелище оказывается почти одинаковым, идет ли речь об изображении свадьбы в Кане Галилейской, пира Ирода или же трапезе какого-нибудь базельского мастера, окруженного семейством и заботливыми слугами, или нюрнбергского врача, празднующего с друзьями новоселье в 1593 г. Сколько мне известно, одна из первых вилок, фигурирующих в изображении Тайной вечери, будет написана Якопо Бассано в 1599 г.

ПОВСЕДНЕВНАЯ ПИЩА: СОЛЬ

Но перевернем страницу о роскоши, чтобы обратиться к повседневному. Соль может нам послужить хорошим призывом к порядку, ибо этот столь заурядный предмет зависит от всеобщей и обязательной торговли. Этот товар необходим для людей, для животных, для засолки мяса и рыбы, и он тем более важен, что в торговлю им вмешиваются правительства. Соль служила великим источником обогащения для государств и для купцов, как в Европе, так и в Китае – мы еще вернемся к этому. Будучи необходимостью, она преодолевала все преграды, обращала себе на пользу любые возможности. Так, будучи товаром тяжелым, она использовала речные пути (вверх по Роне) и услуги кораблей Атлантики. Не было ни одного месторождения каменной соли, которое бы не эксплуатировалось. Точно так же на Средиземном море или на Атлантическом океане солончаки, могущие существовать только в жарких районах, все находились в католических странах, и северные рыбаки-протестанты нуждались в соли Бруажа, Сетубала или Санлукары-де-Баррамеды. Невзирая на войны, обмен происходил всегда и к большой выгоде крупных объединений купцов. И таким же образом караваны верблюдов доставляли в Черную Африку пластины са-

харской соли, несмотря на пустыню, — правда, в обмен на золотой песок, слоновую кость или черных невольников. Ничто не может лучше показать неистребимую потребность в такой торговле.

Мы можем видеть это, уже в категориях экономических и с точки зрения расстояний, которые приходилось преодолевать, и на примере небольшого швейцарского кантона Вале (Валлис). В этой области по обе стороны долины Верхней Роны существовало полное равновесие между численностью населения и ресурсами, за исключением железа и соли. Особенно последней, которая требовалась жителям для их животноводства, сыроварения и засолки мяса. А соль в этот альпийский кантон приходила очень издалека: из Пеккэ (в Лангедоке) — за 870 км, через Лион; из Барлетты — за 1300 км, через Венецию; из Трапани, также через Венецию, — за 2300 км⁸⁶.

Соль, важнейшая и незаменимая, была священной пищей («в древнееврейском языке, как и в современном малагасийском, соленая пища — синоним пища священной»). В Европе с ее безвкусными мучнистыми кашами наблюдалось высокое потребление соли — 20 г в день на человека, вдвое против теперешнего. Историк медицины полагает даже, что крестьянские восстания на западе Франции в XVI в., направленные против габели, следует объяснить потребностью в соли, удовлетворению которой противоречила-де деятельность казны⁸⁷. Впрочем, та или иная подробность показывает или неожиданно подтверждает нам многочисленные сферы применения соли, о которых сразу и не подумаешь: например, при изготовлении провансальской *bou-targue* или при домашнем консервировании спаржи, зеленого горошка, шампиньонов, груздей, сморчков, артишоковых стеблей, которое распространилось в XVIII в.

ПОВСЕДНЕВНАЯ ПИЩА: МОЛОЧНЫЕ ПРОДУКТЫ, ЖИРЫ, ЯЙЦА

Роскоши не наблюдалось и в том, что касается сыров, яиц, молока, сливочного масла. Сыры доставлялись в Париж из Бри, из Нормандии (*angelots* из Брэ, ливаро, понлевек...), Оверни, Турени и Пикардии. Покупали их главным образом у мелких торговцев, продававших в розницу все что угодно и связанных с близлежащими монастырями и деревнями: через них сбывался монтрейский и венсеннский сыр — «свежествороженный и отжатый в маленьких корзиночках из ивовых прутьев или из тростника» (*jonchées*)⁸⁸. В Средиземноморье сардинские сыры (*cacio cavallo*⁸⁹ или *salso*) доставлялись куда угодно: в Неаполь, Рим, Ливорно, Марсель или Барселону; их вывозили целыми судами через Кальяри, и они продавались даже лучше голландских сыров, которые в XVIII в. в конечном счете наводнили рынки Европы и всего мира. С 1572 г. тысячи голландских сыров контрабандным путем поступали в Испанскую Америку. В Венеции продавались далматинские сыры и огромные круги сыра из Кандии (Крит). В 1543 г. в Марселе наряду с прочими потребляли и овернские сыры⁹⁰. Сыра в этой последней провин-

⁸⁶ См.: Dubois A. *Die Salzversorgung des Wallis 1500–1610.* — «*Wirtschaft und Politik*», 1965, S. 41–46.

⁸⁷ Dr. Claudian. — *Rapport préliminaire. Première Conférence Internationale F.I.P.A.L.* 1964, p. 39.

⁸⁸ Franklin A. *La vie privée d'autrefois. La cuisine.* *Op. cit.*, p. 32, 33, 90.

⁸⁹ Braudel F. *Méditerranée*, I, p. 138 et note 1.

⁹⁰ Archives des Bouches-du-Rhône, Amirauté de Marseille, B IX. 14.

ции было так много, что в XVI в. он служил главной основой питания. В предыдущем веке превосходным считался сыр из Гранд-Шартрез в Дофине, и его использовали расплавленным в запеканках и поджаренным на гренках. «Настоящий грюйер», швейцарский, еще до XVIII в. широко потреблялся во Франции. Около 1750 г. Франция ввозила его 30 тыс. центнеров в год. Его «подделывали ... во Франш-Конте, в Лотарингии, в Савоие и в Дофине»; и если фальсификации эти и не имели репутации оригинала и его цены, они все же были широко распространены. В противоположность этому попытка воспроизвести пармезан, скажем, в Нормандии, не удалась⁹¹.

Сыр – дешевый белок – был одним из главнейших предметов народного питания в Европе; для всякого европейца, вынужденного жить в дальних странах, оказывалось весьма огорчительно лишиться возможности его приобретать. Французские крестьяне в 1698 г. зарабатывали состояния на доставке сыров в армии, сражавшиеся в Италии и Германии. И тем не менее, в частности во Франции, сыр лишь медленно достиг своей кулинарной славы, признания своего «благородства». Поваренные книги уделяют ему мало места, не указывают ни его качеств, ни названий его разновидностей. К козьему сыру относились с пренебрежением, считая его худшим, нежели овечий и коровий. Еще в 1702 г. для врача Лемери заслуживали внимания только три «главных» сыра: «рокфор, пармезан и те сыры, что привозят из Сассенажа в Дофине ... их подают к самым изысканным столам»⁹². Рокфора тогда продавалось больше 6 тыс. центнеров ежегодно. Сассенаж – это смесь коровьего молока с козьим и овечьим, подвергнутая кипячению. Пармезан (как и флорентийский «марцолино», *marzolino*, вышедший затем из моды) был приобретением эпохи Итальянских войн, после возвращения Карла VIII. Однако, что бы ни говорил по этому поводу Лемери, что просил прислать себе из Парижа кардинал Дюбуа, когда, находясь в 1718 г. с посольством в Лондоне, писал своему племяннику? Три дюжины понлевекских сыров и по столько же сыров марольских и бри, а также парик⁹³. У сыров, изготавливавшихся в тех или иных местностях, уже были свои поклонники и любители.

В странах ислама и до самой Индии мы отметим видное место, занимаемое такими скромными, но богатыми с диетической точки зрения продуктами, как молоко, сливочное масло и сыр. Да, отмечает в 1694 г. один путешественник, персы почти ничего не тратят [на еду], они «довольствуются небольшим количеством сыра и кислого молока, в котором размачивают местный хлеб, который тонок, как просфора, безвкусен и очень серый; утром они добавляют к нему рис (или пилав), порой сваренный на одной только воде»⁹⁴. Да еще к тому же пилав, а часто – мясная приправа к рису говорят о столе зажиточных лиц. Так наверняка обстояло дело в Турции, где простые молочные продукты были почти единственной пищей бедняков: кислое молоко (*югурт*) в сочетании, в зависимости от времени года, с огурцами или дыней, луковицей, головкой лука-поррея, кашницей из сухих фруктов. Наряду с югуртом не следует забывать *каймак* – слегка подсолненные кипяченые сливки, плюс сыры, со-

⁹¹ Savary J. *Dictionnaire...*
Op. cit., II, col. 778.

⁹² Lémery L. *Op. cit.*,
p. 301.

⁹³ A. N., 315, AP 2, 47,
Londres, 14 mars 1718.

⁹⁴ Gemelli Careri G. F.
Op. cit., II, p. 77.

хранявшиеся в бурдюках (*тулум*), в виде кругов (*текерлек*) или шаров – вроде знаменитого *каскаваля* валашских горцев, вывозившегося в Стамбул и даже в Италию, овечьего сыра, проваренного несколько раз наподобие сардинского и итальянского *cacio cavallo*.

Но не будем забывать дальше к востоку обширное и упорное исключение – Китай. Он систематически игнорировал молоко, сыр и животное масло; коров, коз и овец там разводили единственно ради их мяса. Тогда – что же такое «сливочное масло», которое там, как сам он полагал, ел господин де Гинь?⁹⁵ В Китае его использовали почти в одних только редких кондитерских изделиях. Япония разделяла в этом вопросе отвращение китайцев: даже в деревнях, где быки и коровы служили как тягло при обработке земель, японский крестьянин еще и сегодня не потребляет молочных продуктов, которые ему кажутся «нечистыми». Небольшое количество необходимого ему растительного масла он извлекает из сои.

Напротив, в городах Запада молоко потреблялось в таких больших количествах, что создавало проблемы со снабжением. В Лондоне его потребление возрастало каждую зиму, когда все богатые семьи пребывали в столице. Летом в силу противоположных причин оно уменьшалось, но и летом и зимой это потребление давало место грандиозной фальсификации. Молоко в широких масштабах разбавляли перекупщики; разбавлялось оно даже и на фермах. «Крупный земельный собственник в Суррее, – рассказывают нам в 1801 г., – имеет [на своей молочной ферме] насос, известный под названием прославленной черной коровы, потому что он окрашен в этот цвет; уверяют, что насос дает больше молока, чем все коровы, вместе взятые»⁹⁶. Мы предпочтем, пожалуй, ежедневное зрелище улиц, забитых осликами (более 400), доставлявшими в Вальядолид столетием раньше молоко из окрестных деревень и снабжавшими город творогом, маслом и сметаной; некий португальский путешественник расхваливает нам их качество и дешевизну. Эта столица (которой, однако, Филипп III вскоре предпочтет Мадрид) – это-де город с молочными реками и кисельными берегами, где всего в изобилии: на птичьем рынке ежедневно продают больше 7 тыс. штук птицы, баранина здесь лучшая в мире, хлеб превосходен, вино прекрасно, а обеспеченность молочными продуктами великолепна для Испании, где поставки таковых особенно скудны⁹⁷.

Распространение сливочного масла, если исключить огромный ареал прогорклого масла – от Северной Африки до Александрии египетской и дальше, – оставалось ограничено Северной Европой. Остальная часть небольшого континента – область топленого сала, шпика, оливкового масла. Франция сама по себе олицетворяла это географическое разграничение основ кулинарии. Из луарских областей течет настоящая река сливочного масла. В Париже и дальше его использование становится правилом. «Во Франции не делают почти ни одного соуса, в который бы оно не входило, – говорит в 1702 г. Луи Лемери. – А голландцы и северные народы пользуются им еще чаще, чем мы, и утверждают, будто именно этим и объясняется их свежий цвет лица»⁹⁸. На самом же деле даже в Голландии употребление

⁹⁵ *Voyage... de M. de Guignes... Op. cit.*, I, p. 378.

⁹⁶ Colquhoun P. *Traité sur la police de Londres*. 1807, I, 128.

⁹⁷ Pinheiro da Veiga B. *La Corte de Felipe III. – Viajes de extranjeros por España y Portugal*, II, 1959, p. 136–137.

⁹⁸ Lémery L. *Op. cit.*, p. 295.

сливочного масла распространится по-настоящему только в XVIII в. Оно характеризовало кухню богачей. Выходцы из Средиземноморья, принужденные жить в этих чуждых странах или проезжать через них, сокрушались по поводу сливочного масла, считая, что оно способствует возрастанию числа прокаженных. Дошло до того, что богатый кардинал Арагонский, путешествовавший в 1516 г. по Нидерландам, позаботился о том, чтобы его сопровождал его повар, и вез в своем багаже достаточное количество оливкового масла⁹⁹.

Париж XVIII в., ни в чем себе не отказывавший, располагал обширными поставками сливочного масла – свежего, соленого (из Ирландии и Бретани) и даже топленого по лотарингской моде. Немалая доля свежего масла поступала сюда из Гурнэ, маленького городка возле Дьеппа, где купцы получали «сырое» масло и затем перерабатывали, дабы удалить пахтанье, которое еще могло в нем оставаться. «Тогда они скатывают его в большие куски, от сорока до шестидесяти фунтов, и отправляют в Париж»¹⁰⁰. Поскольку снобизм нигде не поступает своими правами, то, согласно «Нравоучительному словарю» (“*Dictionnaire sentencieux*”) 1768 г., «есть лишь два вида сливочного масла, о которых осмеливается упоминать большой свет, – масло ванврское (ванвское) и масло из Ла-Фревалэ»¹⁰¹, в окрестностях Парижа.

Очень распространено было употребление яиц. Врачи повторяли старые предписания школы Салерно: не варить их слишком крутыми, есть их свежими («*Si sumas ovum, molle sit atque povum*»). И ходили рецепты того, как сохранить яйца свежими. Во всяком случае, их рыночная цена имела большое достоинство: как цена популярного товара она точно следовала за колебаниями конъюнктуры. По нескольким проданным яйцам статистик восстанавливает движение стоимости жизни в XVI в.¹⁰² Действительно, цена яиц уже сама по себе оказывается убедительным тестом для определения уровня жизни или покупательной способности денег в том или ином городе, той или иной стране. В XVII в. в Египте был момент, когда можно было за «один соль выбирать между тремя десятками яиц, двумя голубями или одной пуляжкой»; на пути из Магнесии в Бруссу (1694 г.) «продовольствие недорого: за одну пару [что равно одному солло] можно получить семь яиц, за десять – курицу, добрую зимнюю дыню – за два, и за ту же цену столько хлеба, что за день не съесть». А в феврале 1697 г. этот же путешественник записал около Акапулько в Новой Испании: «Хозяин заставил меня заплатить восьмерную монету * [32 соля] за курицу и по солло за яйцо»¹⁰³. Таким образом, яйца составляли обычную пищу европейцев. Отсюда и удивление Монтеня по поводу немецких постоялых дворов: там, пишет он, «никогда не подают яиц иначе, как крутыми и разрезанными на четыре дольки в салатах»¹⁰⁴. Или удивление Монтескье, уезжающего из Неаполя и возвращающегося в Рим в 1729 г.: он поражался тому, «что в этом древнем Лациуме путешественнику не найти ни цыпленка, ни голубка, а часто и яйца»¹⁰⁵.

Но в Европе это были исключения, а не правило, как на вегетарианском Дальнем Востоке, где Китай, Япония, Индия почти

⁹⁹ Beatis A. *Voyage du*

cardinal d'Aragon...

(1517–1518). P.p.

Madeleine Havard de La Montagne, 1913, p. 119.

¹⁰⁰ Savary J. *Op. cit.*, V, col. 182; I, col. 465.

¹⁰¹ Caraccioli.

Dictionnaire... sentencieux.

Op. cit., I, p. 24.

¹⁰² Parenti G. *Prime*

Ricerche sulla rivoluzione dei prezzi in Firenze. 1939, p. 120.

* Речь идет о монете в 8 реалов, т. е. об испанском серебряном песо (*peso duro*). – Прим. ред.

¹⁰³ Gemelli Careri G. F.

Op. cit., VI, p. 21.

¹⁰⁴ *Journal de voyage en Italie.* *Op. cit.*, p. 1152.

¹⁰⁵ Montesquieu. *Voyages en Europe*, p. 282.

«Старуха с яйцами». Картина Веласкеса. 1618 г., до отъезда художника из своего родного города Севильи.

Национальная галерея Шотландии, Библиотека Купера Бриджмана.

не располагали этим богатым и обычным вкладом в питание. Яйцо там было редкостью и не входило в пищу простого народа. Знаменитые китайские утиные яйца, выдерживаемые в рассоле тридцать дней, — лакомство для богача.

ПОВСЕДНЕВНАЯ ПИЩА: ДАРЫ МОРЯ

И так огромная важность моря для питания людей могла бы быть еще большей. В самом деле, обширные регионы не знали — или почти не знали — пищевых даров моря, до которых, однако, было рукой подать.

Почти так же обстояло дело и в Новом Свете, несмотря на рыбные ловли Антильских островов и их полные рыбы отмели, где по пути в Веракрус корабли иной раз брали в спокойную погоду небывалые уловы; или невзирая на сказочное богатство берегов и отмелей Ньюфаундленда, которые служили источником пищи — почти исключительным, и во всяком случае первостепенным, — для Европы (хотя бочки с треской поступали в XVIII в. в английские колонии и на плантации американского

Юга); и на лососей, поднимающихся по холодным рекам Канады и Аляски; или несмотря на ресурсы внутренних вод небольшого залива Всех Святых около Баии, где движение на север холодных вод с юга объясняет активную охоту на китов и присутствие уже в XVII в. басков-гарпунеров ... В Азии только Япония и Южный Китай, от устья Янцзы до острова Хайнань, занимались рыболовством. В других местах речь шла, по видимому, лишь о небольшом числе судов – скажем, в Малайе или вокруг Цейлона. Или о таких редких явлениях, как ловцы жемчуга в Персидском заливе возле Бендер-Аббаса, которые (1694 г.) «более скупаемых купцами жемчужин ценят своих сардин [высушенных на солнце и представляющих их повседневную пищу], как нечто более надежное и легче вылавливаемое»¹⁰⁶.

¹⁰⁶ Gemelli Careri G. F.

Op. cit., II, p. 475.

¹⁰⁷ Franklin A. *Op. cit.*,

IX: *Variétés*

gastronomiques. 1891,

p. 135.

В Китае, где речное рыболовство и разведение рыбы приносили большие доходы (осетров ловили в озерах на Янцзы и в Бейхэ), рыбу часто консервировали в виде соуса, полученного прямым сбраживанием, как делают это в Тонкине. Но еще и сегодня потребление ее там ничтожно – 0,6 кг на человека в год; море не смогло проникнуть в массу материка. Лишь Япония широко потребляет в пищу рыбу. Это свое преимущество она сохранила, и ныне (при 40 кг рыбы на человека в год и втором после перуанского рыболовном флоте в мире) Япония образует пару плотоядной Европе. Рыбное богатство приходит к ней из Внутреннего моря, да к тому же японцам рукой подать до рыбных ловель Хоккайдо и Сахалина, где встречаются огромные массы холодной воды течения Оясио с теплыми водами Куро-сио, подобно тому как в Северной Атлантике около Ньюфаундленда сливаются Гольфстрим и Лабрадорское течение. Соединенные запасы планктона горячих и холодных вод обеспечивают богатый корм для кишачей [здесь] рыбы.

Европа, не будучи столь резко специализирована, имела многочисленные источники снабжения, ближние и дальние. Рыба была там тем более важна, что предписания религии умножали число дней поста (166 дней в год, включая великий пост, соблюдавшийся крайне строго до самого правления Людовика XIV). В течение этих сорока дней можно было продавать мясо, яйца и птицу только больным, притом при условии предъявления двойного свидетельства, от врача и священника. Чтобы облегчить контроль, продажа запретной пищи в Париже разрешена была только одному «великопостному мяснику» и в ограде Отель-Дьё¹⁰⁷. Откуда и проистекала огромная потребность в рыбе – свежей, копченой или соленой.

Однако рыба вовсе не всегда встречается в изобилии близ европейских берегов. Средиземное море, столь восхваляемое, располагало, за редкими исключениями, лишь ограниченными ресурсами: босфорским тунцом, икрой из русских рек – излюбленной пищей во время постов всего христианского мира вплоть до Эфиопии, – сушеными кальмарами и осьминогами, с незапамятных времен бывшими «добрым гением» греческих островов, сардинами и анчоусами Прованса ... Тунец попадался также в ставные невода Северной Африки, Сицилии, Прованса, Андалусии, португальской Алгарви: Лагос целыми

судами вывозил бочки соленого тунца в сторону Средиземного моря или на север.

Для сравнения следует сказать о сверхобильных ресурсах узких внутренних морей Севера – Ла-Манша, Северного моря, Балтики, а еще более – о рыбных запасах океана. В средние века Атлантика знала активную рыбную ловлю у берегов Европы (лосось, макрель, треска). В Балтийском и Северном морях с XI в. существовал крупный сельдяной промысел; он создал богатство Ганзы, а затем – рыбаков Голландии и Зеландии. Имен-

Охота на кита.
Дельфтская тарелка
XVIII в. Музей
Карнавале. (Фото
Морского
министерства.)

но голландец Виллем Бейкельзон *будто бы* открыл около 1350 г. способ быстро потрошить сельдь, засаливать ее на самом рыбацком судне и тут же плотно укладывать в бочки¹⁰⁸. Но на рубеже XIV и XV вв. сельдь ушла из Балтики¹⁰⁹. С этого времени голландские и зеландские суда станут выходить на лов к едва покрытым водой отмелям Доггер-банки, к английским и шотландским берегам до самых Оркнейских островов. Но на эти «счастливые» места пришли и другие суда, и «сельдяные перемирия», заключаемые должным образом и более или менее соблюдаемые, позволили Европе не остаться без этой провиденциальной пищи в разгар войн между Валуа и Габсбургами в XVI в.

Сельдь экспортировалась в Восточную и Южную Европу морским путем, по рекам, в повозках или на вьючных животных. До самой Венеции доходили сельдь *bouffi*, *sauret* или *blanc*: «белая», т. е. свежесоленая, *saur* или *sauret*, т. е. копченая, и *bouffi*, подвергшаяся *bouffissage*, т. е. слегка подкопченная и подсоленная... Часто к крупным городам, скажем к Парижу, спешат «*chasse-marées*», бедняки, гонящие перед собой жалкую

¹⁰⁸ Accarias de Sérionne J. *La Richesse de la Hollande*. 1778, I, p. 14, 192.

¹⁰⁹ Boissonnade P. *Le Mouvement commercial entre la France et les îles Britanniques au XVIe siècle.* – «*Revue historique*», 1920, p. 8; Bechtel H. *Op. cit.*, II, p. 53. Рыбные тони в Шонене были заброшены в 1473 г.

лошаденку, нагруженную рыбой и устрицами. В «Криках Парижа» композитора К. Жанекена мы еще слышим: «Свежая ночная сельдь!» В Лондоне это была совсем незначительная роскошь, которую мог себе позволить молодой и экономный Семюэл Пепис, — съесть с женой и друзьями бочонок устриц.

Но не подумайте, будто для удовлетворения голода в Европе хватало морской рыбы. По мере удаления от морских побережий в сторону континентальных областей Центральной или Восточной Европы все более и более требовалось прибегать к речной рыбе. Не было ни одной большой или малой реки, на которой бы не было рыбаков, имевших патент на лов, — они были даже на Сене в Париже. Колоссальным резервом была далекая Волга. Луара славилась своими лососями и карпами, Рейн — своими окунями. В начале XVII в. португальский путешественник нашел, что снабжение морской рыбой в Вальядолиде было скорее недостаточным, да и не всегда хорошим по качеству, принимая во внимание дальность перевозки. Круглый год продавались рыба соль, маринады с сардинами и устрицами, иногда судаки; а во время великого поста из Сантандера привозили великолепных дорад. Но нашего путешественника потрясло немислимое количество великолепной форели, привозимой из Бургоса и Медины-де-Рио-Секо, которую ежедневно продавали на рынках; иногда ее бывало столько, что можно было бы прокормить половину города, в то время столицы Испании¹¹⁰. Мы отмечали уже искусственные пруды в Чехии и рыбководство в богатых имениях Юга. Карпы были обычной пищей в Германии.

¹¹⁰ Pinheiro da Veiga B. *Op. cit.*, p. 137–138.

ЛОВ ТРЕСКИ

Крупномасштабный лов трески на ньюфаундлендских отмелях с конца XV в. стал настоящей революцией. Он вызвал столкновения между басками, французами, голландцами, англичанами, когда более сильные вытесняли менее защищенных. Таким-то образом и были вытеснены испанские баски, и доступ к ловлям остался за державами, имевшими сильные флоты, — Англией, Голландией и Францией.

Серьезной проблемой было то, как сохранять рыбу, как ее транспортировать. Треску либо потрошили и солили на борту ньюфаундлендского корабля, либо сушили на берегу. Свежесоленая треска — это *morue verte*, «которая только что засолена и вся еще сырая». Корабли, специализировавшиеся на приготовлении «соленой трески», были малотоннажными, с десятком или дюжиной рыбаков на борту плюс матросы, которые резали, потрошили, солили рыбу в трюме, зачастую заполненном до самых бимсов. Обычно, придя на отмель возле берегов Ньюфаундленда («*embanqués*»), они ложились в дрейф. Достаточно крупные парусники, напротив, возили сушеную, или готовую, треску. Придя к ньюфаундлендским берегам, они становились на якорь, а лов вели тогда с лодок. Рыбу сушили на берегу довольно сложным способом, который пространно описывает Савари¹¹¹.

¹¹¹ Savary J. *Op. cit.*, III, col. 1002 sq; La Morandière Ch. *Histoire de la pêche française de la morue dans l'Amérique septentrionale*. 1962, 3 vol., I, p. 145 sq. (о свежесоленой треске), p. 161 sq. (о сушеной треске).

Каждый корабль при выходе должен был «запастись» («s'avitailler») солью, продовольствием, мукой, вином, спиртом, лесой, крючками. Еще в начале XVII в. норвежские и датские рыбаки заходили за солью в Санлукар-де-Баррамеду около Севильи. Конечно, купцы им ее выдавали авансом; должник рассчитывался рыбой по возвращении из Америки¹¹².

Это происходило и в Ла-Рошели на протяжении XVI и XVII вв.—веков процветания. Каждую весну—туда заходили многочисленные парусные суда, часто в сотню тонн водоизмещением, потому что требовались довольно просторные трюмы: «Треска не так много весит, как требует много места». На борту находилось 20–25 человек, что указывает на важность рабочей силы при этой неблагоприятной работе. Горожанин—судовой агент («bourgeois avitaillieur») в кредит снабжал капитана мукой, инвентарем, напитками, солью в соответствии с условиями фрахтовых договоров («chartes-parties»), заверенных у нотариуса. Около Ла-Рошели один только небольшой порт Олонн снаряжал до сотни парусных судов и отправлял к противоположным берегам океана по нескольку тысяч человек ежегодно. Так как город насчитывал 3 тыс. жителей, капитанам приходилось нанимать своих матросов в других местах, вплоть до Испании. Во всяком случае, когда суда уходили, деньги судового агента, авансированные в форме бодмерей* («à la grosse» или «à l'aventure»), оказывались отданными на волю случайностей лова и мореплавания. Возмещение расходов наступит лишь по возвращении, начиная с июня. Впрочем, первым возвращающимся кораблям была обеспечена фантастических размеров премия. Капитана-победителя осаждали в его гостинице судовые агенты—спорящие, ссорящиеся, доходящие до рукопашной... Победа оказывалась исключительно выгодна. Все ожидали новой рыбы: «Разве не прекрасна она свежей?» Победителю случалось продавать *малую сотню* трески (по обычаю, 100–110 штук) и за 60 ливров, тогда как несколькими днями позднее *тысяча* будет продаваться не больше чем за 30 ливров. Обычно гонку выигрывало одно из судов Олонна, потому что они были привычны к двум плаваниям в год, к двум «сезонам»—«сезону премии» и «позднему». Поспешный уход с отмели в дурную погоду был сопряжен с риском¹¹³.

Рыболовные угодья были неистощимы: на большой ньюфаундлендской отмели, бескрайнем подводном плато, едва покрытом водой, у трески было «главное место сбора... Именно здесь она, так сказать, проводит свои праздники, и количество ее там таково, что рыбакам, что собираются там из разных стран, остается лишь с утра до вечера забрасывать лесы, вытаскивать, потрошить выловленную треску и насаживать ее внутренности на крючок, дабы поймать на них другую. Один-единственный человек иной раз берет их за день 300–400 штук. Когда корм, который их привлекает на это место, истощается, рыбы рассеиваются и отправляются воевать с мерланами, коими они весьма любят полакомиться. Последние от них бегут, и как раз охоте на них трески обязаны мы частым возвращением мерланов к нашим [европейским] берегам»¹¹⁴.

¹¹² А. N., série K (передана Испании), ссылка неполна.

* Бодмерей—заем под залог судна или груза или того и другого на случай непредвиденных обстоятельств плавания.—Прим. ред.

¹¹³ Trocmé E. et Delafosse M.

Le Commerce rochelais de la fin du XVe siècle au début du XVIe. 1952, p. 17–18, 120–123; Savary J. *Op. cit.*, III, col. 1000.

¹¹⁴ Savary J. *Op. cit.*, III, col. 997.

«Это бог послал нам треску возле Ньюфаундленда!» – воскликнул в 1739 г. один марселец. А веком раньше французский путешественник, столь же исполненный восхищения, утверждал, что «лучший вид торговли в Европе – это хождение на лов трески [*la molue* – такое написание было тогда более частым, нежели *la morue*], ибо, чтобы добыть сказанную треску, ничто не расходуется [имеется в виду – не тратятся деньги, что и верно, и неверно], и стоит она лишь труда ее выловить и сбыть. В Испании получают от нее немалые деньги, а во Франции ею живет миллион человек»¹¹⁵.

¹¹⁵ В. N., п. а., 9389,

шевалье де
Разийи – Ришелье, 26
ноября 1626 г.

¹¹⁶ А. N., А. Е., В III,
442.

¹¹⁷ Decharme P. *Le
Comptoir d'un marchand au
XVIIe siècle d'après une
correspondance inédite.*

1910, р. 99–110;

Delamare N. *Traité de
police. Op. cit.*, I, р. 607;

La Morandière Ch. *Op.*

cit., I, р. 1: Рыбаки

«говаривают обычно: Я

взял трески по 25 на

тысячу, что означает, что

тысяча этих рыбин весит

после засолки 25

квинталов (1

квинтал – 50 кг). Очень

крупная треска дает 60

квинталов на тысячу,

среднего размера – 25, а

мелкая – 10 квинталов».

Вполне очевидно, что последняя цифра весьма фантастична. Ведомость конца XVIII в. дает кое-какие разрозненные цифры, относившиеся к лову трески во Франции, Англии и Соединенных Штатах. В 1773 г. собрались на лове 264 французских судна (водоизмещением 25 тыс. т с 10 тыс. человек экипажа); в 1775 г. – 400 английских (соответственно 36 тыс. т и 20 тыс. человек) и 665 «американских» судов (25 тыс. т и 24 400 человек экипажа). То есть всего 1329 судов водоизмещением 86 тыс. т с 55 тыс. человек экипажа; их улов составил примерно 80 тыс. т рыбы. Если учитывать голландцев и других европейских рыбаков, мы, вероятно, придем самое малое к цифре 1500 судов и 90 тыс. т рыбы¹¹⁶.

Переписка одного онфлёрского купца¹¹⁷, современника Кольбера, познакомит нас с необходимыми различиями в качестве рыбы: «*gaffe*» – треска исключительно крупных размеров; «*marchande*», «*lingues*» и «*raguets*» – свежесоленная мелкая треска, которую, однако, предпочитали «*viciées*» – огромной массе «испорченной» рыбы, пересоленной, или недосоленной, или поврежденной каблуками укладчиков. Так как сырая треска продавалась поштучно, а не на вес (как сушеная), приходилось прибегать к услугам «сортировщиков», которые с одного взгляда отличали «добрый» товар от «дурного» и определяли его массу. Одной из проблем таких купцов, продававших треску, было воспрепятствовать появлению на онфлёрском рынке голландской сельди (облагавшейся «великой пошლიной», «*grands droits*») и еще более – сельди, которую вылавливали в запрещенное время, в особенности после рождества, некоторые несчастные нормандские рыбаки: в этот период рыба была неважного качества, но ловилась в больших количествах и продавалась по бросовой цене: «Едва лишь появится эта сельдь, не продашь и трескового хвоста». Отсюда и королевский запрет, который одобряли почтенные тресколовы.

Каждый порт специализировался на каком-то виде лова, смотря по предпочтительному спросу той зоны, снабжение которой он обеспечивал. Дьепп, Гавр, Онфлёр снабжали Париж, евский свежесоленную треску; Нант поставлял треску в области с разными вкусами, связанные с судоходством по Луаре и с дорогами, зависящими от него. Марсель в худой ли, хороший ли год поглощал половину французского улова сушеной трески, впрочем реэкспортируя добрую его часть в Италию. Но много было и судов из Сен-Мало, которые с XVII в. приходили прямо в итальянские порты, в частности в Геную.

Мы знаем тысячи деталей снабжения Парижа свежесолен-

ной треской (белой треской, как еще говорили). Первая путина (выход в январе, возвращение в июле), а затем вторая (выход в марте, возвращение в ноябре и декабре) предопределяли два этапа поставок. Первый был невелик, второй более обилен, но примерно к апрелю истощался и он. Тогда следовал (и притом по всей Франции) трехмесячный – апрель, май, июнь – период нехватки, а, «между тем, это пора, когда овощей еще мало, яйца дороги и мало едят речной рыбе». Этим и вызывались резкое увеличение значения свежесоленной трески, которую англичане вылавливали у своих берегов, и высокие цены на нее, – трески, которую отправлял Парижу порт Дьепп, в данном случае – простой посредник¹¹⁸.

Почти все суда прекращали лов во время больших войн на море за мировое господство – войны за Испанское наследство, войны за Австрийское наследство, Семилетней войны, Войны за независимость [в Северной Америке]... Потреблять треску продолжал только самый сильный, да и то с оговорками.

Можно отметить прогрессивное расширение лова (не имея возможности его измерить), и наверняка – увеличение среднего тоннажа, хотя время на дорогу – месяц или шесть недель в обоих направлениях – почти не менялось. Чудом Ньюфаундленда было то, что пища для рыбы непрерывно восстанавливалась и неизменно была в изобилии. Тресковые банки кормились планктоном, рыбой и теми самыми мерланами, до которых так охоча треска. Она регулярно отгоняла их из ньюфаундлендских вод к берегам Европы, где их ожидали рыбаки. По-видимому, некогда в средние века треска во множестве водилась и у европейских берегов, но затем, возможно, ушла в западном направлении.

Европа набросилась на эту манну небесную. Так, нам рассказывают, что в марте 1791 г. в Лиссабон прибыло 54 английских корабля, груженных 48 110 квинталами трески. «Какую огромную прибыль получают англичане на одном этом продукте!»¹¹⁹ Около 1717 г. затраты Испании только на приобретение трески превышали 2400 тыс. пиастров ежегодно¹²⁰. А ведь треска, как и всякая рыба, предлагаемая потребителю, портится при транспортировке и делается совершенно отвратительной. Даже вода, в которой вымачивали рыбу для обессоливания, быстро становилась зловонной, почему выливать ее в сточные канавы разрешалось только по ночам¹²¹. Так что мы можем понять злорадные фразы, влагаемые в уста служанки (1636 г.): «Я куда больше люблю скромные дни, чем великий пост... И куда больше люблю я у себя в котле свиную колбасу с четырьмя окороками, чем мерзкую тресковую боковину!»¹²²

Действительно, треска была либо неизбежным продуктом во времена великого поста, либо же пищей бедняков, «едой, какую оставляют для чернорабочих», – говорит автор XVI в. Как ею же были китовые мясо и жир, намного более грубые (исключая язык – «восхитительный», по словам Амбруаза Паре), и, однако, потреблявшиеся беднотой во время великого поста¹²³ до того момента, как этот жир, превращенный в ворвань, стал широко использоваться для освещения, при варке мыла и в различных других производствах. Тогда китовое мясо исчезло с рын-

¹¹⁸ Delamare N. *Op. cit.*, III, 1722, p. 65.

¹¹⁹ АВПР, № 7215–295, л. 28, Лиссабон, 15 марта 1791 г.

¹²⁰ Uztáriz G. *Op. cit.*, II, p. 44.

¹²¹ Delamare N. *Op. cit.*, I, 1705, p. 574 (1603 г.).

¹²² *Variétés. Op. cit.*, I, 316.

¹²³ Franklin A. *La Vie privée d'autrefois*, III: *La Cuisine. Op. cit.*, p. 19, et note. Paré A. *Œuvres*. 1607, p. 1065.

Лов трески.
Различные операции
по изготовлению на
берегу «сушеной
трески» (XVIII в.).
(Морской музей,
Биарриц.)

¹²⁴ Delamare N. *Op. cit.*,
III, 1719, p. 65.

¹²⁵ Accarias de Sérionne J.
La Richesse de la Hollande.
Op. cit., I, p. 14, 192.

¹²⁶ Cesau W. *Hamburgs
Grönlandsfahrt auf
Walfischfang und
Robbensschlag vom 17–19
Jahrhundert.* 1955.

ков. Его теперь потребляют в пищу, говорит один трактат 1619 г., только «кафры, живущие по соседству с мысом Доброй Надежды, люди полудикие». Но он же тем не менее свидетельствует об использовании в Италии соленого китового жира, так называемого «великопостного сала»¹²⁴. Во всяком случае, нужд промышленности было достаточно для того, чтобы поддерживать все более и более активную охоту. Так, с 1675 по 1721 г. голландцы отправили к Шпицбергену 6995 судов и загарпунили 32908 китов, опустошив прилегающие моря¹²⁵. Гамбургские корабли регулярно посещали гренландские воды в поисках китового жира¹²⁶.

ПОСЛЕ 1650 г. ПЕРЕЦ ВЫХОДИТ ИЗ МОДЫ

В истории питания перец занимает единственное в своем роде место. Простая приправа, которую мы сегодня далеко не считаем необходимой, он на протяжении веков был вместе с пряностями главным предметом левантинской торговли. Все зависело от него, даже мечты первооткрывателей XV в. Это была эпоха, когда поговорка гласила: «Дорого как перец»¹²⁷.

Дело в том, что Европа долго испытывала сильнейшую страсть к перцу и пряностям — корице, гвоздике, мускатному ореху, имбирю. Не будем спешить, говоря о мании. Помимо того что страны ислама, Китай и Индия разделяли этот вкус, всякое общество имеет свои гастрономические пристрастия, разнообразные, всегда живучие и как бы необходимые. Это потребность нарушить однообразие блюд. Один индийский писатель говорил: «Когда дворец возмущается преснотою вареного риса без всяких добавок, мечтают о жире, соли и пряностях»¹²⁸.

¹²⁷ Le Grand
d'Aussy J.-B. *Histoire de la
vie privée des Français.* *Op.
cit.*, II, p. 168.

¹²⁸ Markaniaga K. *Le Riz
et la mousson.* 1956.

Это факт, что сегодня охотнее всего прибегает к пряностям самая бедная и самая однообразная кухня развивающихся стран. Мы понимаем под пряностями все разновидности приправ, используемые в наше время, включая и пришедший из Америки стручковый перец под многочисленными названиями, а не одни только прославленные пряности Леванта. Стол бедняка в Европе располагал в средние века собственными пряностями — тимьяном, майораном, лавровым листом, чебрецом, анисом, кориандром и в особенности чесноком, который Арно де Вильнёв, знаменитый врач XIII в., называл крестьянским обезболивающим. Среди этих местных пряностей только шафран был предметом роскоши.

Римский мир со времен Плавта и Катона Старшего испытывал страсть к ливийскому *сильфиуму* (*silphium*), загадочному растению, исчезнувшему в первый век Империи. Когда в 49 г. до н. э. Цезарь изъял государственную казну, он обнаружил в ней 1500 фунтов, т. е. больше 490 кг *сильфиума*. Затем установилась мода на *асафетиду* (*asa foetida*), персидскую пряность, «зловонный чесночный запах которой принес ей прозвище помета дьявола — *stercus diaboli*»; еще и сегодня она применяется в персидской кухне. В Рим перец и пряности пришли поздно, «не раньше Варрона и Горация, а Плиний удивлялся благоприятному приему, оказанному перцу». Его употребление было распространенным, а цены — сравнительно скромными. По словам Плиния, тонкие пряности были будто бы даже менее дороги, чем перец, но так станет лишь позднее. Для перца в Риме будут в конечном счете заведены специальные амбары, *horrea piperataria*, и, когда в 410 г. Аларих взял город, он захватил в них 5 тыс. фунтов перца¹²⁹.

Запад унаследовал перец и пряности от Рима. Вполне вероятно, что и того и другого ему потом не хватало во времена Карла Великого и почти полного закрытия Средиземноморья для христианского мира. Но реванш был быстрым. В XII в. наступление «пряного безумия» не вызывает уже никакого сомнения. Запад жертвует ему своими драгоценными металлами и, чтобы добыть пряности, ввязывается в трудную левантинскую торговлю, которая охватывает половину земного шара. Страсть эта была такова, что наряду с настоящим перцем, черным или белым, смотря по тому, очищен он от своей темной кожицы или нет, приняли и длинный перец, который тоже пришел из Индии и служил заменителем — как станет им начиная с XV в. ложный перец, или *малагетта* (*malaguetta*), с Гвинейского побережья¹³⁰. Фердинанд Католик тщетно пытался воспротивиться ввозу португальских корицы и перца (что вело к оттоку денег), доказывая, что чеснока вполне достаточно как пряности — «*buena especia es el ajo*»¹³¹.

Свидетельства поваренных книг показывают, что эта мания пряностей затронула все — мясо, рыбу, варенья, супы, дорогие напитки. Кто посмел бы варить дичь, не прибегая к «горькому перцу» («*roivre chaut*»), как советовал уже Дуэ д'Арси в начале XIV в.? «*Ménagier de Paris*» (1393 г.) со своей стороны советует «класть [в еду] пряности как можно позже»; вот взятые из него предписания для приготовления кровяной колбасы: «Возьмите

¹²⁹ André J. *Alimentation et cuisine à Rome. Op. cit.*, p. 207–211.

¹³⁰ Savary J. *Op. cit.*, 1761, III, col. 704. Говорили также «манигетта» и даже «маникетта». A. N., F¹², 70, f° 150.

¹³¹ Sempere y Galindo. *Historia del luxo y de las leyes suntuarias*. 1788, II, p. 2, note 1.

имбирь, гвоздику и немного перца и растолките их вместе». А что касается *оля* (*oille*), «блюда, завезенного из Испании», — смеси говядины, баранины, свинины с мясом утки, куропатки, голубя, перепела, пулярки (совершенно явно это сегодняшняя популярная *оля подрида*), — то и она, по этой книжице, сдабривается смесью пряностей, «ароматических зелий», восточного или иного происхождения: мускатом, перцем, тимьяном, имбирем, базиликом... Пряности потребляли также в виде засахаренных фруктов и мудреных порошков для любых предусмотренных медициной случаев. Правда, все они имели репутацию «изгоняющих ветры» и «благоприятствующих зачатию»¹³². В Вест-Индии перец часто заменялся красным стручковым перцем, «ахи» или «chile», которым так щедро покрывали мясо, что новичку не проглотить было и кусочка¹³³.

Короче говоря, эти излишества несоизмеримы с запоздалым и умеренным потреблением, которое познал римский мир. Правда, этот последний потреблял и мало мяса — еще во времена Цицерона оно подпадало под действие законов против ро-

¹³² *Le Ménagier de Paris*.
Op. cit., II, p. 125.

¹³³ Brito G. *Historia tragico-maritima*. 1598, II, p. 416; Abbé Prévost. *Op. cit.*, XIV, p. 314.

Перевозка пряностей туземцами. G. Le Testu. *Cosmographie universelle*, f° 32 verso (XVI в.). Библиотека Военного музея, Париж. (Фото Жиродона.)

скоши. Средневековый же Запад, напротив, пользовался привилегией плотоядности. Итак, не следует ли думать, что не всегда свежее мясо, плохо сохраняющееся, требовало приправ, обильного перчения, пряных соусов? Это был способ смягчить скверное качество мясной пищи. Затем, не наблюдались ли, говоря словами современных врачей, весьма интересные психические явления, связанные с обонянием? По-видимому, существовало как бы своего рода взаимоисключающее отношение между вку-

¹³⁴ Dr. Claudian. *Rapport Préliminaire. (Article cité)*, p. 37.

¹³⁵ A. N., Marine B⁷ 463, f°s 65 sq.

¹³⁶ Mably. *De la situation politique de la Pologne*. 1776, p. 68–69.

¹³⁷ Boileau. *Satires*. Éd. Garnier-Flammarion, 1969, *Satire*, III, p. 62 sq.

сом к приправам «с острым и слегка физиологическим запахом – таким, как чеснок, лук ... и склонностью к более тонким приправам, с ароматическим запахом, нежным, напоминающим запах цветов»¹³⁴. Последние будто бы и возобладали в средневековье.

Несомненно, дело обстоит не так просто. Во всяком случае, в XVI в. с резким ростом поставок, последовавшим за путешествием Васко да Гамы, употребление в пищу пряностей (до того бывшее большой роскошью) возрастает, в особенности на Севере, где закупки пряностей намного превосходили такие закупки в Средиземноморье. Так что не просто капризы торговли и мореплавания заставили рынок, перераспределявший пряности, переместиться из Венеции с ее *Фондако деи Тедески* в Антверпен, перевалочный пункт для Лиссабона, а затем в Амстердам. Лютер, который, конечно, преувеличивал, утверждал, будто в Германии было больше пряностей, чем хлеба! В любом случае главные потребители находились на Севере и на Востоке. В Голландии считали в 1697 г., что лучшим товаром «для холодных стран» после денег были пряности, поглощаемые «в колоссальных количествах» в России и Польше¹³⁵. Может быть, перец и пряности были более привлекательны там, куда они в общем пришли позднее? Или же они были еще новым видом роскоши? Аббат Мабли, приехав в Краков, видит, как ему подают с венгерским вином «весьма обильный обед, который, пожалуй, был бы очень хорош, если бы русские и конфедераты истребили все эти ароматические травы, которых здесь потребляют несусветно много, как в Германии – корицы и мускатного ореха, которыми отравляют путешественников»¹³⁶. Таким образом, по видимому, в это время вкус к острым приправам и пряностям был на Востоке еще «средневековым», тогда как на Западе старинные кулинарные привычки были немного утрачены. Но ведь речь идет о впечатлениях, а не о достоверных данных.

Как бы то ни было, когда пряности, снижаясь в цене, начали появляться на всех столах и их употребление уже не было больше признаком богатства и роскоши, использование их сократилось одновременно с падением их престижа. Именно это дают понять поваренная книга 1651 г. (Франсуа-Пьера де Ла Варенна) и та сатира Буало (1665 г.), которая поднимает на смех злоупотребление пряностями¹³⁷.

С того момента, как голландцы достигли Индийского океана и Индонезии, они старались восстановить, а впоследствии сохранить к собственной выгоде монополию на перец и пряности, борясь против постепенно вытесняемой португальской торговли, а вскоре – против конкуренции английской и затем – французской или датской. Они пытались также удержать в своих руках снабжение Китая, Японии, Бенгалии, Персии, и им удалось компенсировать подъемом своей торговли с Азией то, чего им не удалось достичь в Европе. Вполне вероятно, что количество перца, поступавшего в Европу через Амстердам (и минуя здешний рынок), возрастало по меньшей мере вплоть до середины XVII в., а потом удерживалось на высоком уровне. В 1600 г., до голландских успехов, годовые поступления были, возможно, порядка 20 тыс. (нынешних) квинталов; следовательно, при

100 млн. европейцев на жителя приходилась ежегодная доля в 20 г. Можно ли рискнуть предположить около 1680 г. цифру потребления порядка 50 тыс. квинталов, и, значит, более чем вдвое бóльшую, чем во времена португальской монополии? По-видимому, как позволяют предположить продажи голландской Ост-Индской компании с 1715 по 1732 г., был достигнут предел. Что достоверно, так это то, что перец перестал быть господствующим товаром былых времен и увлек за собой пряности, как то было во времена Приули и Сануто*, в эпоху неоспоримого величия Венеции. С первого места, которое перец занимал в торговле Компании в Астердаме еще в 1648–1650 гг. (33% общего оборота), он в 1778–1780 гг. перешел на четвертое (11%) вслед за текстилем (шелк и хлопок – 32,66%), «тонкими» пряностями (24,43%), чаем и кофе (22,92%)¹³⁸. Было ли это типичным для окончания потребления как роскоши и начала обычного потребления? Или просто снижением неумеренного употребления?

Ответственность за такое снижение можно на законном основании возложить на успех новых предметов роскоши: кофе, шоколада, спирта, табака – и даже на увеличение числа новых овощных культур, которые мало-помалу разнообразили стол жителей Запада (спаржа, шпинат, салат-латук, артишоки, зеленый горошек, фасоль, цветная капуста, помидоры, стручковый перец, дыни). Все эти овощи чаще всего происходили из европейских огородов, в особенности итальянских (так, Карл VIII привез оттуда дыню), иногда из Армении – как канталупа, или из Америки – как помидор, фасоль, картофель.

Остается последнее объяснение, по правде говоря хрупкое. Начиная с 1600 г., даже еще раньше, наблюдалось общее уменьшение потребления мяса, разрыв с древней пищевой традицией. И в то же время у богатых устанавливается, по меньшей мере во Франции, более простая кухня. Может быть, немецкая и польская кухни запаздывают, к тому же они лучше были обеспечены мясом и, следовательно, испытывали бóльшую потребность в перце и пряностях. Но объяснение это имеет лишь облик правдоподобия, и могло бы хватить и предшествующих объяснений до получения более полной информации.

Доказательством того, что произошло определенное насыщение европейского рынка, служит то, что, по данным немецкого экономиста (1722 г.) и «английского» очевидца (1754 г.), голландцам случалось «порой сжигать или выбрасывать в море большие количества перца, мускатного ореха... дабы поддержать цену на них»¹³⁹. Впрочем, за пределами Явы у европейцев не было под контролем перечных плантаций, а опыты Пьера Пуавра на Иль-де-Франсе (Маврикий) и острове Бурбон (Реюньон), губернатором которых он был (1767 г.), по-видимому, представляли лишь эпизодический интерес. То же можно сказать и об аналогичных опытах во Французской Гвиане.

Поскольку ничто никогда не бывает просто, XVII в., уже поправший во Франции с пряностями, охватила страсть к ароматам. Они присутствуют в рагу, кондитерских изделиях, ликерах, соусах – это амбра, ирис, розовая вода и настойка на апельсиновом цвете, майоран, мускус... Представим себе только, что «ароматической водой» поливали яйца!

* По-видимому, речь идет о Франческо ди Джованни Приули (ок. 1430–1490), Великом адмирале венецианского флота, присоединившем в 1489 г. Кипр к владениям Венецианской республики.

Сануто (или Санудо) Младший Марино (1466–1536 гг.) – венецианский историк, член Большого совета и Сената Венецианской республики. – *Прим. ред.*

¹³⁸ Glamann K. *Dutch-Asiatic Trade, 1620–1740*. 1958, tableau N° 2, p. 14.

¹³⁹ Carl E. L. *Traité de la richesse des princes et de leurs États et des moyens simples et naturels pour y parvenir*. 1722–1723, p. 236; Nickolls J. *Remarques sur les avantages et désavantages de la France et de la Grande-Bretagne*. *Op. cit.*, p. 253.

САХАР ЗАВОЕВЫВАЕТ МИР

Сахарный тростник – уроженец берегов Бенгалии, от дельты Ганга до Ассама. Затем дикое растение переместилось в огороды, его долго выращивали ради извлечения из него сахарного сока, а потом – сахара, который в те времена рассматривался как лекарственное средство. Он фигурировал в прописях врачей сасанидского Ирана. Точно так же в Византии медицинский сахар соперничал с медом в обычных прописях. В X в. он фигурирует в фармакопее Салернской школы. Еще раньше этой даты началось его употребление в пищу в Индии и Китае, куда тростник ввезли около VIII в. н. э. и где он быстро акклиматизировался в холмистой зоне Гуандуна по соседству с Кантоном. Это было совершенно естественно. Кантон был уже крупнейшим портом Древнего Китая; его хинтерланд лесист, а ведь изготовление сахара требует много топлива. На протяжении столетий Гуандун будет давать основную часть китайского производства сахара, и в XVII в. голландская Ост-Индская компания без затруднений организует экспорт в Европу китайского и тайваньского сахара¹⁴⁰. В конце следующего столетия Китай сам ввозил сахар из Кохинхины по чрезвычайно низкой цене, и все же Северный Китай, по-видимому, не знал этой роскоши¹⁴¹.

В X в. тростник встречается в Египте, и сахар изготавливается там уже по сложной технологии. Крестоносцы встретились с ним в Сирии. После падения Сен-Жан-д'Акра и потери Сирии в 1291 г. христиане увезли сахар с собой, и он познал быстрый успех на Кипре. Красавица Катарина Корнаро, супруга последнего из Лузиньянов и последняя королева острова (в 1489 г. им завладели венецианцы), была потомком венецианских патрициев Корнаро, в свое время «сахарных королей».

Но и раньше этой удачи на Кипре сахар, завезенный арабами, обрел процветание на Сицилии, потом в Валенсии. В конце XV в. он оказывается в марокканском Сусе, появляется на Мадейре, потом на Азорских и Канарских островах, островах Сан-Томе и Принсипи в Гвинейском заливе. Около 1520 г. он добрался до Бразилии, и там его процветание утвердилось со второй половины XVI в. С этого времени наступил переломный этап в истории сахара. Сегодня, писал Ортелиус* в своем «Theater Orbis Terrarum» (1572 г.), «сахар, который раньше можно было достать только в лавках аптекарей, кои его держали лишь для больных, поглощают из обжорства ... Что некогда служило лекарством, ныне служит нам пищей»¹⁴².

Из-за изгнания голландцев из Ресифи в 1654 г. и преследования португальских марранов инквизицией¹⁴³ сахарный тростник и «устройства» для изготовления сахара попали в XVII в. из Бразилии на Мартинику, Гваделупу, на голландский Кюрасао, на Ямайку и Сан-Доминго, пора расцвета которых началась около 1680 г. Производство с этого времени непрерывно росло. Если я не ошибаюсь, счет кипрскому сахару в XV в. велся на сотни, самое большее – на тысячи «легких» – в 50 кг – квинталов¹⁴⁴. А один только Сан-Доминго в лучшие свои времена, в XVIII в., произведет его 70 тыс. т. В 1800 г. Англия как будто потребляла 150 тыс. т сахара в год, примерно в 15 раз больше,

¹⁴⁰ Glamann K. *Op. cit.*, p. 153–159. Китайский сахар исчезает с европейского рынка после 1661 г.

¹⁴¹ Macartney G. *Op. cit.*, II, p. 186.

* Ортелиус (Абрахам Ортель) (1527–1598) – фламандский картограф, составитель атласа мира с подробными географическими пояснениями к картам (1570).

¹⁴² Ortelius A. *Théâtre de l'univers*. 1572, p. 2.

¹⁴³ Canabrava A. P.

A industria do açúcar nas ilhas inglesas e francesas do mar das Antilhas

(1697–1755). 1946

(машинопись), ff. 12 sq.

¹⁴⁴ Я полагаюсь на прочитанное мною о Кипре. Огромные продажи в 1464 г. составили 800 квинталов: Mas-Latrie L. *Histoire de l'île de Chypre*. III, 1854, p. 88–90; 12 марта 1463 г. венецианская торговая галера не нашла сахара, чтобы загрузиться; это доказывает скромные размеры производства. A. d. S. Venezia, Senato mar, 7, f° 107 v°.

¹⁴⁵ Lord Sheffield. *Observations on the commerce of the American States*. 1783, p. 89.

¹⁴⁶ Эти цифры Лавуазье для Парижа даются по: Philippe R. *Art. cit.*, tabl. I, p. 569; Husson A. *Les Consommations de Paris*. *Op. cit.*, p. 330.

чем в 1700 г. И в 1783 г. лорд Шеффилд справедливо заметил: «Потребление сахара может значительно возрасти. В половине стран Европы он едва известен»¹⁴⁵. В Париже накануне Революции потребление сахара составляло будто бы 5 кг на человека в год (если принять, что население столицы насчитывало только 600 тыс. жителей, что, по нашему мнению, сомнительно); в 1846 г. потребление составило всего 3,62 кг, и эта цифра более надежна. Оценка для всей Франции дает среднее, теоретическое, потребление в 1 кг в 1788 г.¹⁴⁶ Можно быть уверенным, что, несмотря на благосклонность публики, на относительное снижение цены на него, сахар был еще предметом роскоши. Во многих крестьянских домах во Франции сахарная голова бывала подве-

Сахарные головы и приготовление сиропа в XV в. Библиотека д'Эсте, Модена. (Фото Жиродона.)

шена над столом. Способ употребления был таков: к голове подносили свой стакан, чтобы сахар несколько мгновений таял в нем. На самом деле, если составить карту потребления сахара, она оказалась бы очень пестрой. Например, в XVI в. в Египте существовало подлинное мелкое производство варений и засахаренных фруктов, а такая сахароносная материя, как жом сахарного тростника, использовалась для плавки золота¹⁴⁷. Но двумя веками позднее сахара не знали еще целые области Европы.

Скромные масштабы производства объяснялись также и поздним началом возделывания сахарной свеклы, хотя и извест-

¹⁴⁷ Belon P. *Les Observations de plusieurs singularitez et choses mémorables trouvées en Grèce, Asie, Judée, Egypte, Arabie et autres pays étranges*. 1553, p. 106, 191.

ной с 1575 г.; в 1747 г. немецкий химик Маргграф выделил из нее сахар в твердом состоянии. Свекла начала играть роль с континентальной блокады, но потребует еще почти столетие, чтобы она приобрела все свое значение.

Притом распространение сахарного тростника ограничено областями с жарким климатом (по этой причине он не продвинулся в Китае севернее Янцзы). Он предъявляет также свои требования к торговле и производству. Сахару нужно много рабочей силы (в Америке это были черные рабы), нужны дорогостоящее оборудование, сахарные заводы – *ingenios* – Кубы, Новой Испании и Перу, равнозначные им бразильские *engenhos de assucar*, сахарные мельницы, или *engins*, французских островов, английские *engines*. Тростник должен был размалываться валками, приводимыми в движение животными, силой воды или ветра, а иногда, как в Китае, и человеческими руками. Или даже без валков: его выжимали, выкручивали вручную, как в Японии. Сок растения требовал обработки, подготовки, деликатного обращения и долгой варки в медных чанах. Кристаллизованный в глиняных формах, он давал сахар-сырец, или *moscouade*. Или же, после фильтрования через белую глину, – *sucre terré* или *cassonade*. Дальше можно было получить десять разных продуктов плюс спирт. Часто сахар-сырец очищали в Европе – в Антверпене, Венеции, Амстердаме, Лондоне, Париже, Бордо, Нанте, Дрездене и т. д. Операция эта приносила почти такой же доход, что и производство сырья. Отсюда конфликты между сахарозаводчиками и плантаторами-колонистами, мечтавшими все производить на месте, или, как тогда говорили, «устроиться на белом» (белом сахаре). Следовательно, выращивание сахарного тростника и сахароварение требовали капиталов и цепочки посредников. Там, где таких цепочек не имелось, продажа почти не выходила за пределы местного рынка; так было в Перу, в Новой Испании, на Кубе до XIX в. И если сахарные острова и бразильское побережье процветали, то потому, что до них было рукой подать – они были расположены на приемлемом расстоянии от Европы, если исходить из быстроходности и грузоподъемности тогдашних кораблей.

Существовало и дополнительное препятствие. «Чтобы прокормить колонию в Америке, нужно возделывать целую провинцию в Европе», – объяснял аббат Рейналь¹⁴⁸. Ибо сахаропроизводящие колонии не могли прокормиться сами: тростник оставлял мало места для редких «квадратов» продовольственных культур. Это была драма монокультуры сахарного тростника на бразильском северо-востоке, на Антильских островах, в марокканском Сусе (где археологи находят обширные сахароварни былых времен). В 1783 г. Англия отправила в свои вест-индские владения, прежде всего на Ямайку, 16 526 бочек соленого мяса, говядины и свинины, 5188 боковин сала, 2559 бочек консервированного рубца¹⁴⁹. В Бразилии питание рабов обеспечивали бочки ньюфаундлендской трески, вяленое мясо – *carne do sol* – из внутренних районов (*сермана*), а вскоре и сушеное мясо, обмазанное яичным белком (*charque*), которое корабли доставляли из Риу-Гранди-ду-Сул. На Антильских островах «даром небесным» были соленая говядина и мука из

¹⁴⁸ Abbé Raynal. *Histoire philosophique et politique des établissements et du commerce des Européens dans les deux Indes*. 1775, III, p. 86.

¹⁴⁹ Sombart W. *Der Moderne Kapitalismus*. Op. cit., II², s. 1031.

американских колоний Англии: их получали в обмен на сахар и ром (которые, впрочем, эти колонии очень скоро смогут производить сами).

В общем, не будем торопиться и говорить о «сахарной революции». Правда, что она начинается рано; но она и развивается крайне медленно. На пороге XIX в. ей еще недоставало размаха. И, заканчивая разговор о сахаре, мы не можем сказать, что стол был накрыт для всех. Однако едва лишь это утверждение высказано, как начинаешь вспоминать брожение, которое во времена *максимума* вызвала в революционном Париже нехватка сахара.

НАПИТКИ И «ВОЗБУЖДАЮЩИЕ»

Даже для того, чтобы вкратце набросать историю напитков, требуется затронуть старинные и новые, народные и утонченные, с учетом различных изменений тех и других на протяжении веков. Напитки – это не только питание. Они всегда играли роль возбуждающих средств, средства забвения; порой, как у некоторых индейских племен, опьянение было даже средством общения со сверхъестественными силами. Как бы то ни было, в течение веков, которые нас занимают, алкоголизм в Европе не переставал расти. Затем к нему добавились экзотические возбуждающие средства: чай, кофе – и в не меньшей степени такой трудноклассифицируемый «возбудитель» – ни еда, ни питье, – как табак во всех его видах.

ВОДА

Как ни парадоксально, приходится начать с воды. Ее не всегда бывало вволю и, несмотря на точные рекомендации врачей, советовавших такую-то воду предпочитать такой-то в зависимости от заболевания, надо было довольствоваться той, какая есть под рукой: дождевой, речной, из фонтана, из водоема, колодца, бочки или из медного резервуара, в котором благо разумно держать запас воды во всяком предусмотрительном доме. В крайних случаях – морской водой, которую в испанских пресидиос в Северной Африке в XVI в. опресняли перегонкой, иначе бы пришлось доставлять воду из Испании или Италии. Еще одна крайность, окрашенная отчаянием случай с путешествовавшими по Конго в 1648 г.: изголодавшиеся, падавшие с ног от усталости, спавшие на голой земле, эти люди вынуждены были «пить воду, [каковая] напоминала конскую мочу»¹⁵⁰. Еще одно мучение – с пресной водой на борту кораблей. Сохранить ее в пригодном для употребления виде было неразрешимой задачей, невзирая на множество рецептов и ревниво охранявшихся секретов.

Впрочем, целые города, хоть и очень богатые, плохо снабжались водой. Так было в Венеции, колодцы на площадях или во

¹⁵⁰ Jean François de Rome. *Op. cit.*, p. 62.

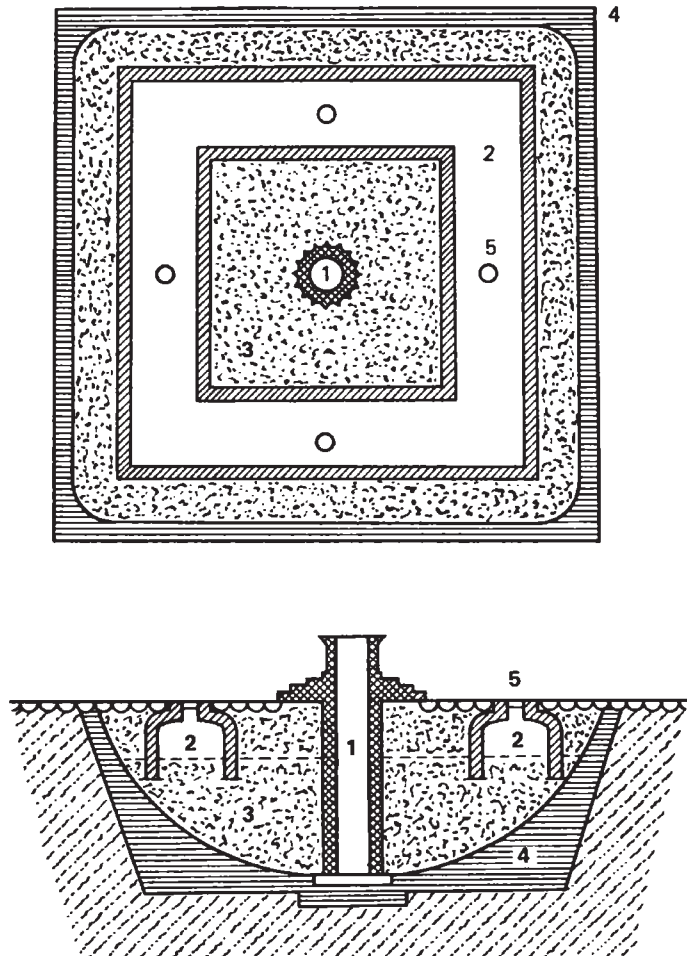
дворах дворцов которой не выкопаны, как обычно думают, до уровня пласта пресной воды, которого можно было бы достичь под дном лагуны, а представляют резервуары, до половины заполненные мелким песком, через который фильтруется и осветляется дождевая вода, затем собирающаяся в колодце, пронизывающем резервуар посередине. Если дождя не бывает в течение многих недель, резервуары высыхают, как это было во время пребывания в городе Стендаля. Если дует штормовой ветер, в них попадает соленая вода. В нормальное время их было недостаточно для огромного населения города. Пресная вода должна была поступать и поступала извне – не по акведукам, но в барках, наполнявшихся на Бренте и ежедневно приходивших по каналам в Венецию. И эти речные водовозы, *acquaroli*, даже образовывали в Венеции особый ремесленный цех. Такое же неприятное положение было и во всех голландских городах, располагавших только резервуарами для дождевой воды, мелкими колодцами и сомнительной чистоты водою каналов¹⁵¹.

В целом водопроводов было мало. Знамениты, и заслуженно, были стамбульские акведуки, да еще *Puente* в Сеговии (отремонтированный в 1841 г. и восходящий к римлянам), который

¹⁵¹ Pringle M. *Observations sur les maladies des armées, dans les camps et dans les prisons.* (Франц. перевод.) 1755, I, p. 6.

Колодец-водосборник в Венеции: разрез и план

1. Центральный колодец.
2. Резервуары-сборники дождевой воды.–
3. Песчаный фильтр.–
4. Глиняная обделка.–
5. Устья резервуаров-сборников, в просторечье именуемые *pilele* (буквально – «кропильница»).
Профильтрованная вода появляется в центральном колодце. Сегодня в Венеции есть водопровод, но венецианские колодцы все еще существуют на площадях или же внутри домов.
(По данным Э. Р. Тринканато.)

восхищает приезжих. В Португалии в XVII в. функционировали (и это было рекордом) водопроводы в Коимбре, Томаре, Вилладу-Конди, Элваше. В Лиссабоне новый водопровод Агуаш-Виваш, сооруженный в 1729–1748 гг., доставлял воду на удаленную от центра площадь Рату. И все наперебой стремились получить воду из этого фонтана, куда водоносы приходили наполнять свои красные бочки с железными ручками: такие бочки они носили на шее¹⁵². И вполне логично, что первой заботой папы Мартина V, вновь поселившегося в Ватикане после Великого раскола, было восстановление разрушенных римских акведуков. Позднее, в конце XVI в., чтобы обеспечить водой великий город, потребуется построить два новых водовода: *aqua Felice* и *aqua Paola*. В Генуе питание фонтанов обеспечивал в основном водопровод Скуффара, вода которого вращала мельничные колеса внутри городской стены, а затем расходилась между различными кварталами восточной части города. Ключи и подземные резервуары питали его западную часть¹⁵³. В Париже в 1457 г. был починен бельвильский водовод; вместе с акведуком Пре-Сен-Жервэ он будет снабжать город водой до XVII в. Аркёйский акведук, перестроенный при Марии Медичи, доводил воду из Рэнжи до Люксембургского дворца¹⁵⁴. Порой воду для снабжения горожан поднимали из рек большие водяные колеса (Тоledo, 1526 г.; Аугсбург, 1548 г.), и для этой же цели применяли мощные всасывающие и нагнетательные насосы. Насос у Самаритянки, построенный в 1603–1608 гг., ежедневно подавал 700 кубометров воды, взятой из Сены и распределенной между Лувром и Тюильри. В 1670 г. насосы у моста Нотр-Дам подавали из Сены 2 тыс. кубометров воды. Затем вода из акведуков и от насосов перераспределялась по глиняным (как в римские времена), или деревянным (из выдолбленных и состыкованных друг с другом древесных стволов – так было в Северной Италии с XIV в., во Вроцлаве – с 1471 г.), или даже свинцовым трубам; но свинцовые трубопроводы, отмеченные в Англии с 1236 г., не получают широкого распространения. В 1770 г. вода Темзы, «которая вовсе не хороша», поступала во все лондонские дома по подземным деревянным трубопроводам, но не так, как представляем себе мы проточную воду из водопровода. Она «регулярно распределяется трижды в неделю в соответствии с потреблением в каждом доме... ее получают и хранят в больших бочках с железными обручами»¹⁵⁵.

В Париже главным источником воды оставалась сама Сена. Ее вода, которую продавали водоносы, считалась обладающей всеми достоинствами: будучи заиленной и, следовательно, густой (что отмечал в 1641 г. португальский посланник), она лучше держит лодки (что, правда, мало интересовало пьющих ее), превосходна для здоровья – а вот в этом можно на законном основании усомниться. В 1771 г. очевидец писал: «В рукаве реки, омывающем набережную Пеллетье, и между двумя мостами многие красильщики три раза в неделю выливают свою краску... Изгиб реки, образующий набережную Жевр, – очаг заразы. Вся эта часть города пьет омерзительную воду»¹⁵⁶. Успокойтесь, это вскоре будет исправлено. И уж лучше вода из Сены, чем из колодцев левого берега, никогда не бывших защищенными

¹⁵² França J. A. *Une Ville des Lumières: la Lisbonne de Pombal*. 1965, p. 48; Chantal S. *La Vie quotidienne au Portugal après le tremblement de terre de Lisbonne de 1755*. 1962, p. 232.

¹⁵³ Delumeau J. *Vie économique et sociale de Rome dans la seconde moitié du XVIe siècle*. 1957, p. 331–339; Что касается Генуи, см.: Lalande J. *Voyage en Italie*. VIII, p. 494–495.

¹⁵⁴ *Variétés*, II, p. 223, note 1.

¹⁵⁵ Grosley J. *Londres*. *Op. cit.*, I, p. 138.

¹⁵⁶ Mercier L.-S. *L'An deux mille quatre cent quarante*. *Op. cit.*, p. 41, note a.

ми от фильтрации ужасающих нечистот, — вода, на которой булочники замешивали свой хлеб. Эта речная вода, естественно действовавшая послабляюще, была, несомненно, «непригодна для иностранцев»; но они могли в нее добавить несколько капель уксуса, покупать профильтрованную и «облагороженную» воду, даже так называемую королевскую или же ту, лучшую из всех воду, называвшуюся бристольской, «каковая к тому же еще и намного дороже». Вплоть до 1760 г. этими изысками пренебрегали: «Пили воду [Сены], не обращая на то особого внимания»¹⁵⁷.

¹⁵⁷ Mercier L.-S. *Tableau de Paris*, VIII, 1783, p. 340.

¹⁵⁸ Pinheiro da Veiga B. *Op. cit.*, p. 138.

Это парижское водоснабжение обеспечивало жизнь (впрочем, неважную) 20 тыс. водоносов, ежедневно поднимавших по три десятка «носок» (т. е. по два ведра за раз) вплоть до самых верхних этажей (по два су за носку). Так что когда в 1782 г. братья Перье установили в Шайо два паровых насоса, «прелюбопытные машинь», которые поднимали воду на 110 футов над меженным уровнем Сены «простым паром от кипящей воды», это означало революцию. То было повторение опыта Лондона, который уже несколько лет располагал девятью такими насосами. Первым обеспечили район Сент-Оноре, самый богатый и, следовательно, более всего способный оплатить такой прогресс. Но если число этих машин увеличится, беспокоились современники, что станется с 20 тыс. водоносов? Впрочем, это предприятие вскоре (в 1788 г.) обернулось финансовым скандалом. Но это неважно! С XVIII в. была ясно поставлена проблема подвода питьевой воды, наметились и порой оказались достигнуты ее решения. И не в одних лишь столицах: скажем, проект водоснабжения для Ульма (1713 г.) доказывает обратное.

Но, несмотря на все это, прогресс наступил поздно. До того во всех городах мира обязательно приходилось пользоваться услугами водоноса. Упоминавшийся уже португальский путешественник расхваливал великолепную воду, которая во времена Филиппа III продавалась в Вальядолиде в очаровательных бутылках или в глиняных кувшинах всех форм и расцветок¹⁵⁸. Водонос в Китае пользовался, как и парижский, двумя ведрами на двух оконечностях шеста, уравновешивая таким образом тяжесть ведер. Но на рисунке 1800 г. мы обнаруживаем, также в Пекине, большую бочку на колесах со втулкой сзади. Около того же времени одна гравюра показывает нам «способ, каким женщины носят воду в Египте», — двумя кувшинами, напоминавшими античные амфоры; большой ставился на голову и удерживался левой рукой, а маленький размещался на ладони изящным жестом изогнутой правой руки. В Стамбуле религиозные предписания, требовавшие многочисленных ежедневных омовений *проточной* водой, вызвали повсюду увеличение числа фонтанов. И несомненно, там пили более чистую воду, чем в других местах. Не по этой ли причине турки еще и сегодня гордятся тем, будто умеют распознавать вкус воды разных источников, как француз похвальному умению узнавать вина разных местностей?

Что до китайцев, так они не только приписывали воде разные достоинства в зависимости от ее происхождения — обычной дождевой воде, воде дождя грозового (она опасна), воде перво-

Комфорт в XVII в.
Воду черпают в кухне.
Картина Веласкеса.
(Фото Жиродона.)

¹⁵⁹ *Food in Chinese*

Culture. Op. cit.,

p. 229–230.

¹⁶⁰ *Ibid.*, p. 291.

¹⁶¹ Pinheiro B. *Op. cit.*,

p. 138.

¹⁶² A. N., A. E., B 1, 890,

22 juin 1754.

го весеннего дождя (благодетельной), талой воде из градин или зимнего инея, воде, собранной в сталактитовых пещерах (главнейшее лекарство), воде речной, из источника, из колодца, — но еще и обсуждали опасности загрязнения и полезность кипячения любой подозрительной воды¹⁵⁹. Впрочем, в Китае пили только горячие напитки (были даже продавцы кипятка на улицах), и, вне сомнения, эта привычка значительно способствовала поддержанию здоровья китайского населения¹⁶⁰.

Напротив, в Стамбуле летом повсюду продавали чашечками на улицах снеговую воду за мелкую монетку. Португалец Бартоломе Пиньейру да Вега восторгался тем, что в начале XVII в. в Вальядолиде тоже можно было за умеренную цену позволить себе в жаркие месяцы насладиться «холодной водой и замороженными фруктами»¹⁶¹. Но чаще всего снеговая вода была большой роскошью, предназначенной для зажиточных. Так было во Франции, например, где вкус к такой воде появился лишь в результате причуды Генриха III. И в прилегающих к Средиземному морю странах, где корабли, груженные льдом, порой совершали довольно продолжительные плавания. Скажем, мальтийские рыцари заставляли снабжать себя через Неаполь, и одна из их жалоб утверждала в 1754 г., что они-де умерли бы, не располагай они против своей лихорадки «этим превосходным лекарством»¹⁶².

ВИНО

Вино, если речь идет о его потреблении, затрагивало всю Европу; но только часть Европы, если дело касается его изготовления. Хотя виноградная лоза (если и не вино) знала успех в Азии, в Африке и еще более того – в Новом Свете, который со страстью переделывали, следуя навязчивому европейскому образцу, однако в том, что касается вина, в расчет нужно принимать только узкую полосу Европейского континента.

Европа – производительница вина – это совокупность ее средиземноморских стран плюс та область к северу, которую добавила к ней настойчивость виноградарей. Как сказал Жан Бодэн, «сверх того, виноградная лоза не может расти за 49-м градусом из-за холода»¹⁶³. Линия, проведенная от устья Луары, на Атлантическом океане, до Крыма и дальше – до Грузии и Закавказья, обозначает северную границу *товарного* виноградарства, или одного из главных звеньев экономической жизни Европы и ее ближайших соседей на Востоке. На широте Крыма ширина такой винодельческой Европы сужается до кромки, и притом кромки, на которой виноградарство вновь наберет силу и активность только в XIX в.¹⁶⁴ А это ведь очень давно внедрявшаяся отрасль. В античное время там закапывали на зиму нижние части лоз, чтобы защитить их от холодных ветров с Украины.

Вне Европы вино следовало за европейцами. Чтобы акклиматизировать лозу в Мексике, в Перу, в Чили, берегов которого достигли в 1541 г., в Аргентине, начиная со второго основания Буэнос-Айреса в 1580 г., были совершены настоящие подвиги. В Перу благодаря соседству богатейшего города Лимы виноградарники стали быстро процветать в ближних долинах, жарких и зараженных лихорадкой. Еще больших успехов добился виноград в Чили, где ему благоприятствуют почва и климат: лоза росла уже между первыми *cuadras*, группами домов зарождавшегося города Сантьяго. В 1578 г. Дрейк захватил на широте Вальпараисо корабль с грузом чилийского вина¹⁶⁵. Это же самое вино на спинах мулов или лам достигало высоты расположения Потоси. В Калифорнии пришлось дожидаться конца XVII в. и последнего рывка Испанской империи на север в XVIII в.

Но самые блистательные успехи были достигнуты посреди Атлантики, между Старым и Новым Светом – на островах, бывших одновременно как бы новой Европой и «Предамерикой». На первом месте среди них стоит Мадейра, где красное вино постепенно занимало место сахара; затем – Азорские острова, где международная торговля находила на полпути в Америку вина с высоким содержанием спирта и где, что еще важнее, вмешалась политика, дабы заменить этими винами французские из Ла-Рошели и Бордо (договор лорда Метуэна с Португалией восходит к 1704 г.). И наконец, Канарские острова, в частности Тенерифе, откуда широко экспортировали в англосаксонскую или Испанскую Америку, а то и в Англию белое вино.

К югу и востоку от Европы виноградная лоза встретила упорное сопротивление ислама. Правда, на контролируемых им пространствах лоза сохранялась, и вино оказывалось предметом оживленной подпольной торговли. В Стамбуле возле Арсе-

¹⁶³ Bodin J. *La Réponse... au Paradoxe de M. de Malestroit sur le fait des monnoyes*. 1568, f° 1 r°.

¹⁶⁴ Comte de Rochechouart. *Souvenirs sur la Révolution, l'Empire et la Restauration*. 1889, p. 110.

¹⁶⁵ Drake F. *Le Voyage curieux fait autour du monde...* 1641, p. 32.

«Пить для опьянения». Скамья в церкви в Монреаль-сюр-Серен. Работа братьев Риголэ, XVI в. (Фото Жиродона.)

нала хозяева харчевен постоянно сбывали его греческим морякам, а Селим, сын Сулеймана Великолепного, будет особенно любить ликерное кипрское вино. В Персии, где у капуцинов были свои шпалеры и свои вина, которые использовались отнюдь не только при богослужении, местные ширазские и исфаханские вина пользовались прочной репутацией и имели свою клиентуру. Эти вина доходили и до Индии в огромных стеклянных бутылках, оплетенных ивовыми прутьями и изготовлявшихся в самом Исфахане¹⁶⁶. Как жаль, что Великие Моголы, ставшие с 1526 г. преемниками делийских султанов, не удовольствовались этими крепкими персидскими винами, вместо того чтобы предаваться потреблению рисовой водки, арака!

Таким образом, Европа в самой себе заключала существо проблем, связанных с вином. И следует вернуться к северной границе лозы, к этой длинной цепи связей, тянущейся от Луары до Крыма. С одной стороны, крестьяне – производители и потребители, привычные к местному вину, к его капризам и благодеяниям. С другой – крупные клиенты, не всегда опытные питухи, но предъявляющие свои требования, предпочитающие обычно вина с высоким содержанием спирта. Так, англичане очень рано обеспечили высокую репутацию мальвазии и крепленым винам Кандии и греческих островов¹⁶⁷. Позднее они введут в моду портвейн, малагу, мадеру, херес, марсалу – знаменитые вина, все крепкие. Голландцы начиная с XVII в. обеспе-

¹⁶⁶ Gemelli Careri G. F. *Op. cit.*, II, p. 103.

¹⁶⁷ Hakluyt R. *The Principal Navigations, Voyages, Traffiques and Discoveries of the English Nation. 1599–1600*, II, p. 98.

чат карьеру всяческим водкам. То есть речь идет о том, чтобы напиться, не больно заботясь о вкусе. Южане с насмешкой смотрели на этих северных питухов, которые, на их взгляд, не умеют пить и свой стакан выпивают залпом. Так Жан д'Отон, хронист Людовика XII, увидел, как немецкие солдаты во время грабежа замка в Форли вдруг принялись пить, «dringuer» (*trinken*)¹⁶⁸. Да и кто бы не заметил их во время ужасающего разграбления Рима в 1527 г. – выбивающих днища у бочек и очень скоро мертвецки пьяных? На немецких гравюрах XVI и XVII вв., изображающих крестьянские праздники, почти непременно видишь одного из сотрапезников повернувшимся на скамейке, дабы избавиться от последствий чересчур обильного возлияния. Базелец Феликс Платтер, живший в Монпелье в 1556 г., признавал, что «все пропойцы» города были немцами. Их обнаруживали храпящими под бочками с вином, и они были неизменными жертвами постоянных грубых шуток¹⁶⁹.

¹⁶⁸ D'Auton J. *Histoire de Louys XII roy de France*. 1620. p. 12.

¹⁶⁹ Félix et Thomas Platter à Montpellier, 1552–1559 et 1595–1599, notes de voyage de deux étudiants bâlois. 1892. p. 48, 126.

Трапеза в монастыре: меню скудно, но оно не исключает вина, которое в Средиземноморье было частью повседневного. Фреска Синьорелли, XV в. Сиена, аббатство Монте-Оливето. (Фото Скала.)

¹⁷⁰ Braudel F. *Médit...* I. p. 180, 190.

Такое крупное потребление на Севере предопределяло крупную торговлю вином Юга: морем – из Севильи и Андалусии в Англию и Фландрию; или по течению Дордони и Гаронны – в Бордо и Жиронду; из Ла-Рошели или из устья Луары; по Йонне из Бургундии в Париж, а потом дальше, до Руана; по Рейну; через Альпы (итальянцы говорили, что сразу же после каждого сбора урожая винограда большие немецкие повозки – *carretoni* – приезжали за новым вином Тироля, Брешии, Виченцы, Фриули, Истрии); из Моравии и Венгрии – в Польшу¹⁷⁰; а вскоре – из Португалии, Испании и Франции Балтийским морем до Санкт-Петербурга: навстречу сильной, но неизощренной жажде рус-

ских. Конечно же, вино пило не все население Северной Европы, а только богатые. Такие, как какой-нибудь буржуа или какой-нибудь священник, живший доходами от церковного имущества, во Фландрии XIII в.; как какой-нибудь польский аристократ в XVI в., который почел бы себя униженным, если бы довольствовался пивом собственной варки, как его крестьяне. Когда в 1513 г. Баярд, бывший в плену в Нидерландах, держал там открытый стол, вино было таким дорогим, что «бывали дни, когда он издерживал двадцать экю на вино»¹⁷¹.

Таким образом путешествовало молодое вино – долгожданное и везде встречаемое с радостью. Ибо вино плохо сохраняется от года к году, оно прокисает, а сцеживание его, разлив в бутылки, регулярное употребление пробковых затычек в XVI в., а может быть, даже и в XVII, были неизвестны¹⁷². Так что около 1500 г. бочка старого бордо стоила лишь 6 турецких ливров, тогда как бочка хорошего молодого вина стоила 50¹⁷³. В XVIII же веке в порядке вещей было как раз обратное, и в Лондоне сбор старых пустых бутылок для виноторговцев был одним из доходных промыслов городского дна. И наоборот, с давних времен вино перевозилось в деревянных бочках (из клепки, с железными ободьями), а не так, как некогда во времена Рима – в амфорах (хотя тут и там сохранялась упорная верность традиции). Эти бочки, изобретенные в римской Галлии, не всегда хорошо сохраняли вино. Нет, советовал 2 декабря 1539 г. герцог де Мондехар Карлу V, не следует покупать для флота большое количество вин. Ежели они «должны сами по себе превратиться в уксус, лучше пусть останутся у своих хозяев, нежели у Вашего Величества»¹⁷⁴. Еще в XVIII в. торговый словарь выражал удивление по поводу того, что-де для римлян «старость вин» была как бы «свидетельством их доброго качества, в то время как во Франции полагают, что вина, даже из Дижона, Ньюи и Орлеана, самые пригодные для хранения, бывают испорчены, когда доходят до пятого или шестого листа» (т. е. года). В «Энциклопедии» говорится прямо: «Вина четырех- или пятилетней давности, кои некоторые лица так восхваляют, – это испорченные вина»¹⁷⁵. Однако когда Ги Патэн собрал тридцать шесть коллег, чтобы отпраздновать свое избрание деканом, то, рассказывает он, «я никогда не видел, чтобы серьезные люди столько смеялись и столько пили... Для этого пира я предназначил лучшее бургундское *старое вино*»¹⁷⁶.

Утверждение репутации лучших виноградников задержалось до XVIII в. Самые знаменитые из них, возможно, прославились не столько из-за своих достоинств, сколько из-за удобства пролегавших по соседству дорог и особенно из-за близости водных путей (это относится как к небольшим виноградникам Фронтиньяна на побережье Лангедока, так и к обширным винодельческим районам Андалусии, Португалии, Бордо или Ла-Рошели); или же из-за близости к крупному городу: один только Париж поглощал в 1698 г. около 100 тыс. бочек вина, произведенного на орлеанских виноградниках. Вина королевства Неаполитанского – *greco, latino, mangiaguerra, «лакрина кристи» (lacryma christi)* – имели под боком обширную клиентуру в Неаполе и даже в Риме. А что касается шампанского, то извест-

¹⁷¹ Le Loyal Serviteur. *La Très Joyeuse et très Plaisante Histoire composée par le Loyal serviteur des faits, gestes, triomphes du bon chevalier Bayard*. P.p. J.-C. Buchon, 1872, p. 106.

¹⁷² Beckmann J. *Beiträge zur Ökonomie*. Op. cit., V, S. 2. Согласно одному документу 1723 г., «с некоторого времени, как только появился обычай разливать вино в бутылки из толстого стекла, разного состояния лица принялись изготавливать и продавать пробковые затычки». А. Н., С 7, 1706, f° 177.

¹⁷³ *Histoire de Bordeaux*. P.p. Ch. Higounet, III, 1966, p. 102–103.

¹⁷⁴ Archivo General de Simancas, Guerra antigua, XVI, Мондехар – Карлу V, 2 декабря 1539 г.

¹⁷⁵ Savary J. Op. cit., V, col. 1215–1216; *Encyclopédie*, 1765, XVII, p. 290, статья «Вино».

¹⁷⁶ Patin G. *Lettres*. Op. cit., I, p. 211 (2 déc. 1650).

Самый знаменитый из парижских кабачков за пределами города в XVIII в. — «Кургий». (Фото Бю.лю.)

ность белого шипучего вина, которое начали изготавливать в первой половине XVIII в., только через некоторое время затмит известность старых сортов — красного, розового и белого. Но в середине XVIII в. это уже произошло: все нынешние знаменитые сорта уже обрели свои особые отличия. Попробуйте, писал в 1788 г. Себастьян Мерсье, «вина Романей, Сен-Вивана, Сито, Грава, как красные, так и белые... и нажмите на токайское, если оно вам встретится, ибо, на мой взгляд, это первейшее вино на земле, и пить его должны только хозяева земли»¹⁷⁷. «Торговый словарь» Савари, перечисляя в 1762 г. все французские вина, выше всех ставил вина Шампани и Бургундии. Он называет: «Шабли... помар, шамберген, бон, кло-де-вужо, воллене, романей, нюи, мюрсо»¹⁷⁸. Вполне очевидно, что с возрастающей дифференциацией сортов вино развивалось все более и более как предмет роскоши. В это же самое время (1768 г.) появляется, по утверждению «Нравоучительного словаря», выражение «залпом выпить шампанское» (*sabler le vin de champagne*), «модное выражение среди людей хороших манер для обозначения поспешного заглатывания»¹⁷⁹. Но больше, чем такая изысканность, история которой завела бы нас слишком далеко, нас интересуют здесь обыкновенные «пьющие», число которых не переставало возрастать. С XVI в. пьянство возросло везде: скажем, в Вальядолиде, где в середине века потребление вина достигло 100 литров на человека в год¹⁸⁰; в Венеции, где в 1598 г. Синьории пришлось снова принимать свирепые меры против пьянства в общественных местах; во Франции, где о росте пьян-

¹⁷⁷ Mercier L.-S. *Op. cit.*, VIII, 1783, p. 225.

¹⁷⁸ Savary J. *Op. cit.*, IV, col. 1222-1223.

¹⁷⁹ Caraccioli L. A. *Op. cit.*, III, p. 112.

¹⁸⁰ Bennisar B.

L'alimentation d'une capitale espagnole au XVIe siècle: Valladolid. — Pour une histoire d'alimentation. P.p. J.-J. Hemardinquer, p. 57.

ства в начале XVII в. определенно говорил Лаффема. А раз это широко развитое городское пьянство никогда не требовало высококачественных вин, в снабжавших города виноградниках сделались правилом высокоурожайные грубые сорта лозы. В XVIII в. это явление затронуло и сами деревни (там питейные заведения означали для крестьян разорение) и усилилось в городах. Массовое потребление вина стало нормой. Это триумфальная заря кабачков, открывавшихся у парижских ворот, за пределами городской стены – там, где за вино не платили *aides*, этого налога «в четыре су за ввоз бутылки, которая сама-то на деле стоит только три...»¹⁸¹.

¹⁸¹ Dion R. *Histoire de la vigne et du vin en France*. 1959, p. 505–511.

Мелкие буржуа, ремесленники и гризетки,
Выбирайтесь все из Парижа и бегите в кабачки,
Где вы получите четыре пинты за два су
На паре досок в лодке – без скатертей и салфеток.
В этих бахусовых местах вы выпьете столько,
Что вино польется у вас из глаз.

Этот рекламный проспект для бедняков под гравюрой того времени не был надувательством. А отсюда и богатство этих питейных заведений в ближних пригородах, в том числе и знаменитого «Куртий» возле бельвильской «заставы», основанного неким Рампоно, чье имя «для массы людей в тысячу раз более известно, чем имена Вольтера или Бюффона». Или «знаменитый салон нищих» в Вожираре, где женщины и мужчины босиком шумно плясали в пыли. «Когда «Вожирар» полон, [воскресная] публика перебирается в «Пти-Жантий», в «Поршерон» или в «Куртий» – и на следующее утро вы дюжинами видите перед лавками виноторговцев пустые бочки. Этот народ напивается на неделю»¹⁸². Равным же образом и в Мадриде «за пределами города пьют по дешевке хорошее вино, потому что там не платят пошлин, которые оказываются выше цены вина»¹⁸³.

¹⁸² Mercier L.-S. *Tableau de Paris*. *Op. cit.*, I, p. 271–272.

¹⁸³ Gemelli Careri G. F. *Op. cit.*, VI, p. 387.

¹⁸⁴ Husson A. *Op. cit.*, p. 214.

Пьянство? Винные «роскошества»? Сошлемся на смягчающие обстоятельства. Потребление вина в Париже накануне Революции было порядка 120 литров на человека в год – величина сама по себе еще не пугающая¹⁸⁴. В действительности вино, главным образом низкокачественное, сделалось дешевой составной частью питания. Его цена снижалась, даже относительно, всякий раз, как хлеб становился слишком дорог. Следует ли нам поверить вслед за историком-оптимистом В. Кулой, что вино могло (как и спирт) служить компенсацией, т. е. давать дешевые калории, всякий раз, когда недоставало хлеба? Или дело просто в том, что, когда кошелек опустошали высокие цены голодного времени, вино, у которого оставалось меньше потребителей, по необходимости падало в цене? Во всяком случае, не будем судить об уровне жизни по таким кажущимся излишествами. И подумаем о том, что вино, с калориями ли, без калорий, часто было средством забыться – тем, что еще и сегодня кастильская крестьянка называет «*quita-peñas*», «забвение забот», «прочь печаль». Это – красное вино двух веласкесовых куманьков (Будапештский музей) или же кажущееся еще более драгоценным золотисто-желтое вино голландской живописи – в высо-

ких фужерах и великолепных, цвета морской волны, утолщенных стаканах. Здесь с ним сочетаются, к радости пьющего, вино, табак, доступные девчонки и музыка тех скрипачей, которых ввел в моду именно XVII век.

ПИВО

Говоря о пиве, мы еще раз задержимся в Европе, если исключим то пиво из маиса в Америке, о котором говорили мимоходом; если не станем говорить о судьбах просяного пива, которое у негрского населения Африки играло ту же ритуальную роль, что хлеб и вино у людей Запада; и, наконец, если не будем сверх меры настаивать на далеких истоках этого очень древнего напитка. Действительно, пиво знали всегда в древней Вавилонии, как и в Египте. Оно было известно и в Китае во времена Шанской династии, с конца II тыс. до н. э.¹⁸⁵ Римская империя, не испытывавшая к пиву особой любви, сталкивалась с ним преимущественно подалеже от Средиземного моря – скажем, в Нуманции, осаждавшейся Сципионом в 133 г. до н. э., или в Галлии. Император Юлиан Отступник (361–363 гг.) выпил пива лишь однажды и смеялся над ним. Но вот в IV в. мы видим в Трире бочки с пивом, напитком бедняков и варваров¹⁸⁶. Во времена Карла Великого пиво присутствовало по всей его империи и даже в его дворцах, где на мастерах-пивоварах лежала обязанность изготовлять доброе пиво: *cervisam bonam... facere debeant*¹⁸⁷.

Пиво можно варить из пшеницы или из овса, из ржи или из проса, из ячменя и даже из полбы. Никогда не обходились только одним видом зерна: и сегодня пивовары добавляют к проросшему ячменю (солоду) хмель и рис. Но рецепты прошлого были многочисленны: добавляли еще мак, грибы, ароматические вещества, мед, сахар, лавровый лист ... Китайцы тоже примешивали к своим просяным или рисовым «винам» ароматические или даже лекарственные ингредиенты. Использование хмеля, сегодня общепринятое на Западе (хмель придает пиву его горьковатый вкус и обеспечивает его сохранность), началось якобы в монастырях в VIII или IX вв. (первое упоминание в 822 г.). Применение хмеля отмечено в Германии в XII в.¹⁸⁸, в Нидерландах – в начале XIV в.¹⁸⁹; в Англию он пришел с запозданием – в начале XV в., и, как говорится в одной песенке, которая слегка преувеличивает (хотя хмель был под запретом до 1556 г.):

Хмель, Реформация, лавровый лист и пиво –
Все пришли в Англию в один и тот же год¹⁹⁰.

Обосновавшись за пределами областей виноградарства, пиво, действительно, оказывается у себя дома в обширной зоне северных стран – от Англии до Нидерландов, Германии, Чехии, Польши и Московского государства. Его изготовляли в городах и в барских имениях Центральной Европы, где «пивовары обычно склонны обманывать своего господина». В польских поместьях крестьянин потреблял до 3 литров пива в день. Есте-

¹⁸⁵ Chang K. G. – *Food in Chinese Culture*, p. 30.

¹⁸⁶ P. Le Grand d'Aussy J.-B. *Op. cit.*, II, p. 304.

¹⁸⁷ *Ibid.*

¹⁸⁸ *Storia della tecnologia*. P.p. Ch. Singer ed altri, 1962, II, p. 144.

¹⁸⁹ *Ibid.*, p. 144–145;

Beckmann J. *Op. cit.*, S. 280.

¹⁹⁰ Trevelyan G. M. *History of England*. 1943, p. 287, note 1.

¹⁹¹ Passet R. *L'Industrie dans la généralité de Bordeaux...* 1954, p. 24 sq.

¹⁹² *Histoire de Bordeaux*. P.p. Ch. Higonnet, IV, p. 500, 520.

¹⁹³ P. Le Grand d'Aussy J.-B. *Op. cit.*, II, p. 307–308.

¹⁹⁴ *Ibid.*, p. 315.

¹⁹⁵ Husson A. *Op. cit.*, p. 212, 218.

¹⁹⁶ A. N., A. E., V¹, 757, 17 juillet 1687. Письмо Бонрепо–Сеньелэ.

¹⁹⁷ A. N., Marine. V⁷. 463, f° 75.

ственно, что «пивное царство» не имело точных границ на Западе или на Юге. Оно продвигалось, и даже довольно быстро, к югу, в особенности в XVII в., с голландской экспансией. В Бордо, царстве вина, где решительно противились внедрению пивоварен¹⁹¹, ввозное пиво лилось рекой в трактирах пригорода Шартрон, «колонизованного» голландцами и другими иностранцами¹⁹². И даже больше того: с 1542 г. в Севилье, еще одной винной столице, но также и столице международной торговли, имелась будто бы пивоварня. На Западе существовала широкая и неопределенная пограничная зона, здесь устройство пивоварен никогда не приобретало характера революции. Так было в Лотарингии с ее виноградниками среднего качества и нестабильной урожайностью. Так было вплоть до самого Парижа. Для Леграна д'Осси («Частная жизнь французов», 1782 г.) пиво было напитком бедняков, и всякий период затруднений расширял его потребление; и напротив, благоприятная экономическая конъюнктура превращала пьющих пиво в пьющих вино. Засим следуют несколько примеров из прошлого, и «разве не видели мы сами,— добавляет он,— как несчастья Семилетней войны (1756–1763 гг.) приводили к подобным результатам? Города, где до того знали только вино, научились использовать пиво, и сам я знаю такой город в Шампани, где за год были устроены сразу четыре пивоварни»¹⁹³.

Однако с 1750 по 1780 г. пиво познает в Париже продолжительный кризис (но противоречие лишь кажущееся, ибо в масштабах *долгосрочных* это был период быстрого экономического развития). Число пивоваров сократилось с 75 до 23, производство — с 75 тыс. мюидов (1 мюид = 286 литрам) до 26 тыс. Бедные пивовары: ведь каждый год им приходилось интересоваться урожаем яблок и пытаться за счет сидра вернуть то, что они теряли на пиве!¹⁹⁴ С этой точки зрения ситуация не улучшилась и накануне Революции, полная победа оставалась за вином: с 1781 по 1786 г. его потребление в Париже поднялось до 730 тыс. гектолитров (округленная годовая цифра) против 54 тыс. гектолитров для пива, т.е. соотношение составляло 13,5 к 1. Но вот то, что подтвердит тезис Леграна д'Осси: в период очевидных экономических трудностей — с 1820 по 1840 г. — потребление вина в том же самом Париже соотносилось с потреблением пива как 6,9 к 1. Наблюдался относительный успех пива¹⁹⁵.

Но пиво существовало не только под знаком бедности, вроде английского *small beer*, которое варили дома и которое ежедневно сопровождало холодное мясо (*cold meat*) и овсяное печенье (*oat cake*). Наряду с пивом за полгроша для народа Нидерланды с XVI в. знали ввоз из Лейпцига пива как предмета роскоши для богачей. В 1687 г. французский посол в Лондоне регулярно отправлял маркизу де Сеньелэ посылки с британским элем, «который именуют ламбетским элем», а не с «крепким элем, [коего] вкус совсем не нравится во Франции и [который] опьяняет, как вино, и стоит столь же дорого»¹⁹⁶. В конце XVII в. пиво высшего качества экспортировалось из Брауншвейга и Бремена до самой Ост-Индии¹⁹⁷. По всей Германии, в Чехии, в Польше бурный рост городского пивоварения, которое зачастую прини-

Пивоварня «Три лилии» («De Drie Lelien») в Гарлеме в 1627 г. Картина Я. А. Матама. Музей Франса Хальса в Гарлеме.

мало промышленные масштабы, отеснял на второй план легкое, порой приготовленное без хмеля барское и крестьянское пиво. На этот счет мы располагаем огромной литературой. Действительно, пиво стало объектом законодательства¹⁹⁸, как и сбыт в тех местностях, где его потребляли. Города следили за его изготовлением. Так, в Нюрнберге пиво можно было варить только со дня св. Михаила до вербного воскресенья. И печатались книги с восхвалением достоинств прославленных его сортов, число которых возрастало от года к году. Так, скажем, вышедшая в 1575 г. книга Генриха Кнауста дает список названий и прозвищ этих знаменитых сортов пива и рассказывает об их медицинских достоинствах для пьющих¹⁹⁹. Но всякой репутации суждено меняться. В Московской Руси, где все запаздывало, потребитель еще в 1655 г. доставал ячменное пиво («*cervoise*») и водку в казенных кабаках одновременно с покупкой (опять-таки в целях пополнения казны государства – торговца и монополиста) соленой рыбы, икры или черного каракуля, ввозившегося из Астрахани и Персии²⁰⁰.

Таким образом, в мире существовали миллионы «пивных утроб». Но пившие вина жители винодельческих стран насмехались над этим северным напитком. Так, испанский солдат, участник битвы при Нёрдлингене, испытывал к пиву только презрение и остерегался даже прикоснуться к нему, «так как оно мне всегда напоминало конскую мочу, да еще от коня, страдающего горячкой». Однако пятью годами позднее он отважился попробовать его в виде опыта. Увы, то, что он пил на протяжении всего того вечера, оказалось «кружками слабительного»

¹⁹⁸ См., например: Delamare N. *Op. cit.*, II, р. 975–976, или Постановление Парламентского суда от сентября 1740 г. о запрещении пива во время голода.

¹⁹⁹ Кнауст Н. *Vom Bierbrauen*. 1575.

²⁰⁰ Ссылка утеряна.

²⁰¹ Estebanillo-Gonzalez. *Vida y hechos.—La Novela picaresca española*. 1966, p. 1779, 1796.

²⁰² Gachard M. *Retraite et mort de Charles Quint...* *Op. cit.*, II, p. 114 (1er février 1557).

(«*potes de purga*»)²⁰¹. То, что Карл V был фламандцем, доказывает как раз его страсть к пиву, от которой он не отрешится даже во время своего уединения в Юсте, невзирая на рекомендации своего врача-итальянца²⁰².

СИДР

Два слова о сидре. Он родом из Бискайи, откуда пришли яблони соответствующих сортов. Они появились на Котантене, в сельской округе Кана и в крае Ож около XI или XII в. Упоминания о сидре в этих районах, где, заметим, наличествует виноградная лоза, хотя и севернее «товарной» границы вина, встречаются в следующем веке. Но новый пришелец обратился не против вина: он составил конкуренцию пиву, и успешную конкуренцию, ибо пиво — это зерно, и пить его означает порой лишиться себя хлеба²⁰³.

²⁰³ Plaisse A. *La Baronnie de Neubourg. Essai d'histoire agraire, étude géographique sur* 1961, p. 202; Sion J.

Les Paysans de la Normandie orientale: étude géographique sur les populations rurales du Caux et du Bray, du Vexin normand et de la vallée de la Seine. 1909, p. 154.

²⁰⁴ Sion J. *Op. cit.*

²⁰⁵ Musset R.

Le Bas-Maine, étude géographique. 1917, p. 304–305.

²⁰⁶ Husson A. *Op. cit.*, p. 214, 219, 221.

С этого времени яблоня и сидр отвоевывают себе почву. В Восточную Нормандию (низовья Сены и Пеи-де-Ко) они пришли в конце XV — начале XVI в. Еще в 1484 г. представитель этой провинции в Генеральных штатах мог сказать, что разница между Нижней и Верхней (Восточной) Нормандией заключается в том, что в первой есть яблони, отсутствующие во второй. Впрочем, в этой Верхней Нормандии пиво и особенно вино (скажем, с виноградников, разбитых в защищенных излучинах Сены) оказали сопротивление. Сидр одержит победу только к 1550 г. и, само собой разумеется, у простонародья²⁰⁴. В Нижнем Мене его успех будет более явным, потому что начиная с XV в. сидр станет там (по крайней мере на юго-западе провинции) напитком богатых, а пиво останется напитком бедноты. Однако в Лавале богачи будут сопротивляться до XVII в.; до того как капитулировать, они долго будут предпочитать скверное вино сидру, который они оставляли каменщикам, слугам, горничным²⁰⁵. Не был ли ответственным за эти небольшие новшества общий упадок в XVII в.? Нормандия расположена слишком близко от Парижа, и, естественно, этот успех сидра не мог не затронуть столицу. Но не будем преувеличивать: в хороший или плохой год парижанин между 1781 и 1786 гг. станет потреблять 121,76 литра вина, 8,96 литра пива и 2,73 литра сидра²⁰⁶. Сидр остается крохотным завершающим. А в Германии с ним соперничал также сидр из диких яблок, питье весьма среднее по качеству.

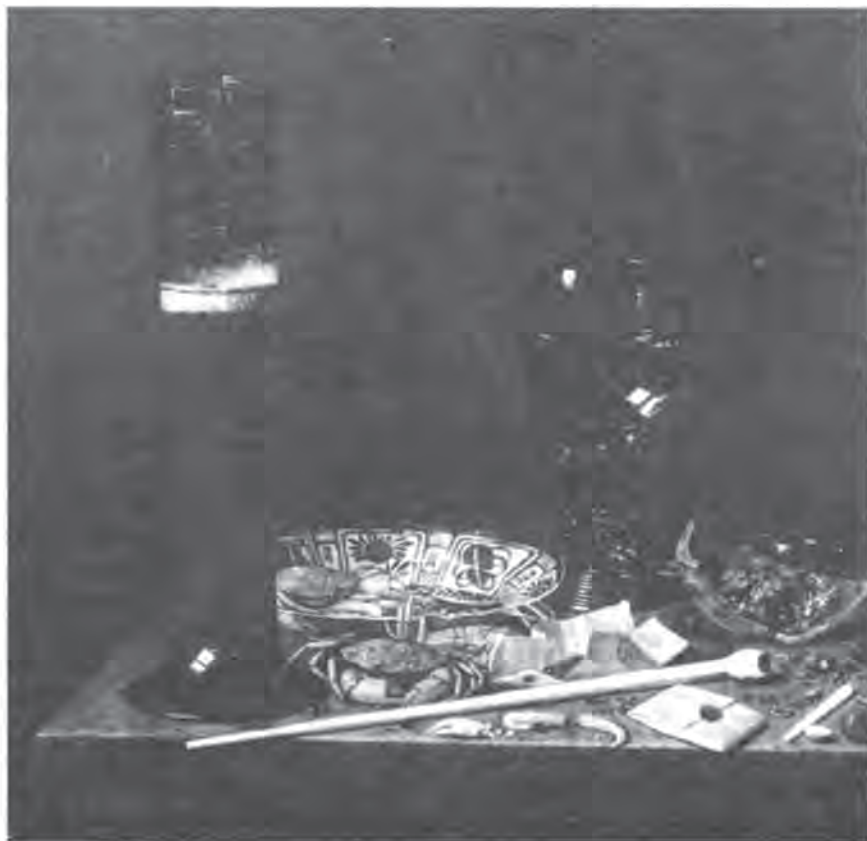
ЗАПОЗДАЛЫЙ УСПЕХ АЛКОГОЛЯ В ЕВРОПЕ

Большим новшеством, в некотором роде революцией, оказалось, опять-таки в Европе (мы лишь на мгновение выйдем за ее границы), появление водки и зерновых спиртов, одним словом — алкоголя. В XVI в. он, так сказать, создается, XVII в. обеспечивает ему продвижение, а XVIII в. его популяризирует.

Водку получают перегонкой, «выкуриванием» вина. Операция эта требует аппаратуры — перегонного куба («*alambic*» — от

арабского артикля «*al*» в сочетании с греческим «*ambicos*», сосуд с длинным горлышком, в котором можно перегонять жидкость), конструкцию которого в лучшем случае лишь наметили греки, а потом римляне. Сомнения не вызывает один только факт: на Западе перегонные кубы имелись до XII в., и, следовательно, существовала возможность перегонки в них всякого рода содержащих алкоголь жидкостей. Но перегонку вина долгое время осуществляли одни аптекари. Водка, результат первой перегонки, а затем винный спирт, полученный при второй и в принципе «избавленный от всякой влаги», были *лекарственными средствами*. Таким образом, алкоголь, возможно, был открыт около 1100 г. в Южной Италии, где в ту эпоху «медицинская школа Салерно была важнейшим центром химических исследований»²⁰⁷. Вне сомнения, баснями представляются сообщения, приписывающие первую перегонку то ли Раймунду Луллию, умершему в 1315 г., то ли Арно де Вильнёву – этому занятному странствующему врачу, который будет преподавать в Монпелье и Париже и умрет в 1313 г. во время путешествия из Сицилии в Прованс. Он оставил труд с прекрасным названием «Сохранение молодости». По его словам, водка – *aqua vitae*, совершает такое чудо, выводя излишнюю влагу, оживляя сердце, излечивая колики, водянку, паралич, перемежающуюся лихорадку. Она успокаивает зубную боль, предохраняет от чумы. Однако это чудо-лекарство в 1387 г. принесет страшный конец

²⁰⁷ «*Storia della tecnologia*». *Op. cit.*, p. 145.

Пиво, вино и табак.
Натюрморт Я. Янсзона
ван де Вельде
(1660 г.). Маурицхейс,
Гаага. (Фото
А. Дэнжбяна.)

²⁰⁸ *Chroniques de Froissart*, éd. 1868, XII, p. 43–44.

²⁰⁹ Malouin M. *Traité de chimie*. 1735, p. 260.

²¹⁰ *Storia della tecnologia. Op. cit.*, II, p. 147; Folg H. *Wem der geprant Wein nutz sey oder schad...* 1493, S. 147, note 73.

²¹¹ Sittler L. *La Viticulture et le vin de Colmar à travers les siècles*. 1956.

²¹² Passet R. *Op. cit.*, p. 20–21.

²¹³ «*Bilanci generali*», 1912, I^o, p. LXXVIII.

недоброй памяти Карлу Злому: врачи завернули его в сукно, пропитанное водкой, которое к тому же для большего эффекта зашили крупными стежками; слуга, желая разорвать одну из этих ниток, поднес к ней свечу – сукно и большой вспыхнули²⁰⁸ ...

Водка долго оставалась лекарством, в особенности от чумы, подагры, потери голоса. Еще в 1735 г. «Трактат о химии» утверждал, будто «кстати использованный винный спирт есть своего рода панацея»²⁰⁹. К этому моменту он уже долгое время служил также и для приготовления наливок. Но даже в XV в. наливки, изготовлявшиеся в Германии на отварах пряностей, все еще считались фармацевтическими средствами. Перемена наметится лишь в последние годы XV и в первые годы следующего столетия. В 1496 г. в Нюрнберге любители водки встречались не только среди больных; доказательство тому то, что город вынужден был запретить в праздничные дни свободную продажу спиртного. Около 1493 г. один нюрнбергский врач писал даже: «Имея в виду, что ныне любой и каждый завел обыкновение пить *aqua vitae*, было бы необходимо помнить о количестве, какое можешь себе позволить выпить, и научиться пить по возможностям своим, ежели желаешь вести себя как дворянин». Следовательно, нет никаких сомнений: к этому времени родилось выкуренное вино – *geprant Wein*, *vinum ardens*, или еще, как гласят тексты, «вино от возгонки» – *vinum sublimatum*²¹⁰.

Но водка ускользала от врачей и аптекарей очень мелкими шажками. Только в 1514 г. Людовик XII пожаловал корпорации торговцев уксусом привилегию гнать водку. Это означало, что лекарственное средство становилось всеобщим достоянием. В 1537 г. Франциск I разделил эту привилегию между уксусоварами и кабатчиками; отсюда произошли раздоры, доказывающие, что их причина уже того стоила. В Кольмаре все это произошло раньше: город надзирал за винокурами и торговцами водкой с 1506 г., и с этого времени их продукт фигурирует в его фискальных и таможенных ведомостях. Водка быстро приобрела масштабы национального производства, поначалу доверенного бочарам – мощной ремесленной корпорации в стране процветающего виноградарства. Но как раз потому, что бочары получали слишком большие доходы, купцы с 1511 г. пытаются овладеть этим производством. Это им удалось лишь пятьюдесятью годами позднее. Раздоры продолжались, поскольку в 1650 г. бочары снова получили право на винокурение, правда при условии поставки своей продукции купцам. Это хорошая возможность увидеть среди торговцев водкой все славнейшие фамилии кольмарского патрициата и убедиться в том, что вино-торговля уже занимала важное место²¹¹.

К сожалению, у нас мало обследований такого рода, чтобы наметить географию и хронологию первоначального промышленного производства водки. Некоторые указания, относящиеся к области Бордо, заставляют думать, что там уже рано, в XVI в., существовала винокурня в Гайяке и что с 1521 г. водку отправляли в Антверпен²¹². Но достоверно ли это? В Венеции водка (*acquavite*) появилась (по крайней мере в таможенных тарифах) только в 1596 г.²¹³ В Барселоне о ней почти что не было речи до XVII в. Помимо этих указаний, северные страны, Гер-

мания, Нидерланды, Франция севернее Луары, по-видимому, развивались в этом смысле более быстро, нежели средиземноморские страны. Роль если и не изобретателя, то по меньшей мере инициатора принадлежала явно голландским купцам и мореплавателям, которые в XVII в. сделали винокурение всеобщим явлением для атлантического «фасада» Европы. Занимаясь самой крупной оптовой торговлей вином в ту эпоху, они сталкивались с многочисленными проблемами, связанными с транспортом, хранением, креплением. Водка, добавленная к самым слабым сортам вина, делала их крепкими. Более дорогая, чем вино, она при равном объеме требовала меньших удельных транспортных расходов. Добавим сюда вкусы эпохи...

Под влиянием спроса и так как проблема транспорта имела для водки меньшую важность, чем для вин, винокурение утвердилось глубоко во внутренних районах, на виноградниках Луары, Пуату, Верхнего Бордела, Перигора и Беарна (жюрансонское вино — это смесь вина с водкой). Так, под влиянием внешнего толчка родилась в XVII в. слава коньяка и арманьяка. В этих успехах все имело значение: и сорта лозы (скажем, *Enrageant* и *Folle Blanche* в обеих Шарантах), и запасы дерева, и близость к водным путям. С 1728 г. через порт Тоннэ-Шарант отправлялось примерно 27 тыс. бочек водки из податного округа Коньяк²¹⁴. С 1690 г. (а может быть, и раньше) перегоняли даже скверное вино долины Мааса в Лотарингии, как равным образом и виноградные выжимки, и все эти продукты поступали по реке в Нидерланды²¹⁵. Мало-помалу водку стали производить повсюду, где было сырье. Разумеется, она будет бить ключом в винодельческих областях Юга: в Андалусии возле Хереса, в Каталонии, в Лангедоке.

Производство росло быстро. В 1698 г. Сет экспортировал всего 2250 гектолитров водки; в 1725 г. — 37 500 (т. е. 168 750 гектолитров перегнанного вина); в 1755 г. — 65 926 гектолитров (т. е. 296 667 гектолитров винного сырья), рекордная цифра в канун Семилетней войны, оказавшейся катастрофой для экспорта. Одновременно падали цены, 25 ливров за «прут» (*verge*) (равный 7,6 литра) в 1595 г., 12 — в 1698 г., 7 — в 1701 г., 5 ливров в 1725 г. Затем после 1731 г. последовал медленный подъем, и в 1758 г. цена достигла 15 ливров²¹⁶.

Вполне очевидно, что следовало бы учитывать различие в качестве²¹⁷ выше определенного низкого уровня, который фиксировала «голландская проба»: из продукта перегонки в ходе процесса бралась проба — наполовину заполненная склянка. Заткнув ее пальцем, склянку переворачивали и взбалтывали: если воздух, находившийся в жидкости, образовывал в ней пузырьки определенной формы, водка имела крепость, обеспечивавшую ей торговые качества, т. е. 47–50 градусов. Все, что ниже этой пробы, было «болтушкой» («*brouilli*»), которую надо либо выбрасывать, либо перегонять заново. Среднее качество носило название «трех пятых» (*trois-cinq*), спирт 79–80 градусов, а высшую ступень образовывали «три восьмые», «чистый спирт» 92–93 градусов.

Изготовление водки было трудным ремесленным производством. Перегонный куб подвергался лишь эмпирическим и не-

²¹⁴ Savary J. *Op. cit.*, V, col. 147–148.

²¹⁵ Мемуар относительно интендантства Трех епископств: Меца, Туля и Вердена, 1698 г. В. N., Ms. fr. 4285, f° 41 v° 42.

²¹⁶ Géraud-Parracha G. *Le Commerce des vins et des eaux de vie en Languedoc sous l'Ancien Régime*. 1958, p. 298, 306–307.

²¹⁷ Géraud-Parracha G. *Op. cit.*, p. 72.

²¹⁸ *Storia della tecnologia. Op. cit.*, III, p. 12.

²¹⁹ Girardin J. *Notice biographique sur Édouard Adam*. 1856.

²²⁰ Lémery L. *Op. cit.*, p. 509.

²²¹ Pringle J. *Observations sur les maladies des armées... Op. cit.*, II, p. 131; I, p. 14, 134–135, 327–328.

²²² Mercier L.-S. *Tableau de Paris. Op. cit.*, II, p. 19 sq.

²²³ Lémery L. *Op. cit.*, p. 512.

²²⁴ Patin G. *Lettres. Op. cit.*, I, p. 305.

²²⁵ Audiger. *La Maison réglée*. 1692.

²²⁶ Savary J. *Op. cit.*, II, col. 216–217.

достаточным модификациям вплоть до появления кубов Вейгерта, которые в 1773 г. ввели в обиход постоянное охлаждение противотоком²¹⁸. Но потребуются еще дожидаться решающих изменений, которые позволят перегонять вино в один прием, и тех изменений, которые внес в конструкцию Эдуард Адан, малоизвестный изобретатель, родившийся в 1768 г. Эти новшества снизят себестоимость и будут способствовать огромному распространению спирта в XIX в.²¹⁹

И однако же потребление возрастало очень быстро. Появилось обыкновение выдавать водку солдатам перед боем, что, по мнению, высказанному одним врачом в 1702 г., не имело «дурных последствий»!²²⁰ Коротко говоря, солдат становится привычным питухом, а изготовление водки при случае – военным производством. В 1763 г. английский военный врач уверял даже, что вино и спиртные напитки имеют тенденцию подавлять «гнилостные заболевания» и, таким образом, необходимы для доброго здоровья войск²²¹. Точно так же грузчики парижского Центрального рынка, мужчины и женщины, приохотились пить водку, разбавленную водой и «подкрепленную» стручковым перцем, – способ бороться с налогом, которым облагалось вино при ввозе в Париж. Так же поступали и клиенты «курилен», народных кабаков, где ублажали себя курящие рабочие, которых считали лентяями²²².

Другой канал сбыта – мода на ароматизированные спиртные напитки, так называемые *ратафии*, которые мы лучше будем называть ликерами. В своем «Трактате о пищевых продуктах» доктор Луи Лемери писал: «Воспламеняющиеся спирты имеют вкус немного едкий и зачастую неприятный... Именно для того, чтобы отбить у них этот неприятный вкус, были изобретены различные композиции, которым дали название «ратафия» и которые суть не что иное, как водка или винный спирт, смешанные с разными ингредиентами»²²³. Мода открыла ликеры в XVII в. Ги Патэн, всегда готовый насмешничать по поводу увлечений своих современников, не забыл отметить и знаменитый ликер «россоли», пришедший из Италии. «Эта *ros solis* [по-латыни – солнечная роса] ничего не содержит солнечного, помимо огня» («*nihil habet solarem sed igneum*»), – пишет он²²⁴. Но эти сладкие спиртные напитки окончательно вошли в обычай. И с конца столетия добрые буржуазные руководства, вроде «Упорядоченного дома», будут считать своим долгом описывать «подлинную методу изготовлять всякие сорта наливок... по итальянской моде»²²⁵. В XVIII в. уже не счесть настоянных на спирте наливок, которые продавались в Париже: сетская вода, анисовая, миндальная, клеретные (изготовлявшиеся как вино «клерет», т. е. подкрепленные вытяжкой из пряностей), ратафии на основе фруктов, барбадосские воды на основе сахара и рома, сельдерейная, укропная, тысячцветная, гвоздичная, божественная, кофейная ... Главным центром производства всех этих «вод» был Монпелье, по соседству с лангедокскими водками. Главным клиентом – вполне очевидно Париж. На улице Ла-Юшетт купцы из Монпелье устроили обширный склад, где кабатчики снабжались по полуоптовым ценам²²⁶. То, что в XVI в. было роскошью, сделалось обычным товаром.

Русский «квасник». Квас был в России спиртным напитком бедняков. Он получается ферментацией ячменя, а иногда даже остатков хлеба или кислых фруктов. Гравюра Ж.-Б. Ле Пренса. *Собственность автора.*

²²⁷ В 1710 г. нормандские купеческие старшины протестовали против постановления, запретившего любую водку, перегнанную не из вина: А. Н., G⁷, 1695, Г^o 192.

Не одна водка обошла Европу и весь мир. Прежде всего, антильский сахар породил ром; он познает большой успех в Англии, Голландии и в английских колониях в Америке, еще больший, чем в остальной Европе. Согласимся, что это был весьма почтенный соперник. В Европе водка из вина столкнулась с водкой из сидра (которая с XVII в. даст несравненный кальвадос²²⁷), грушевой, сливовой, вишневой. Кирш (вишневая водка), пришедший из Эльзаса, Лотарингии и Франш-Конте, около 1760 г. употреблялся в Париже как *лекарственное средство*. Мараскин из Задара, знаменитый в 40-х годах XVIII в., был ревниво оберегавшейся монополией Венеции. Менее высококачественными, но опасными соперниками были марк (виноградная водка) и спиртные напитки из зерна: тогда говорили о хлебных водках. Виноградные выжимки стали использовать для перегонки в Лотарингии около 1690 г. В отличие от такой водки, которая требует медленного огня, марк требует большого огня и, следовательно, большого количества дров. Обилие дров в Лотарингии сыграло свою роль. Но понемногу этот способ перегон-

ки распространится, например, в Бургундии, марк которой вскоре стал самым знаменитым из всех, а также во всех винодельческих районах Италии, из которых каждый имел собственную *grappa* (виноградную водку).

Крупными конкурентами (приблизительно такими же, как пиво по отношению к вину) были спиртные напитки из зерна: *Kornbrand* (хлебная водка), водка, виски, джин и можжевелевая настойка, появившиеся севернее «товарной» границы винограда; но когда в точности началось их распространение, мы не знаем²²⁸. Их преимуществом была скромная цена. В начале XVIII в. все лондонское общество, от самых низов до самых верхов, старательно «напивалось» джином.

Естественно, что вдоль северной границы виноделия протянулись области со смешанными вкусами: Англия, открытая для водки с континента так же, как и для американского рома (там начал свою карьеру *пуни*, *punch*), пившая свое виски и свой джин; или, еще больше, Голландия, находившаяся в самой зоне контакта между всеми виноградными водками и всеми спиртными напитками из зерна в мире, не исключая и ром Кюрасао и Гвианы. Все эти спиртные напитки котировались на амстердамской бирже: впереди всех шел ром, потом виноградная водка и далеко позади этих «больших господ» – спиртное из зерна. Германия между Рейном и Эльбой тоже знала потребление и тех и других: в 1760 г. в Гамбург поступило из Франции 4 тыс. бочек виноградной водки по 500 литров каждая, т. е. примерно 20 тыс. гектолитров. Области, потреблявшие исключительно, или почти исключительно, хлебный спирт, по-настоящему начинались лишь за Эльбой и вокруг Балтийского моря. В том же 1760 г. Любек импортировал всего только 400 бочек французской виноградной водки, Кёнигсберг – 100, Стокгольм – 100, Любек – «очень немного, да и та ... только для вывоза в Пруссию». Ибо, поясняет Савари, Польша и Швеция, хоть они и не обнаруживают большей «сдержанности по отношению к этому обжигающему напитку, чем другие ... предпочитают хлебные сорта водки водке виноградной»²²⁹.

В любом случае Европа, пожалуй, добилась слишком большого успеха в своей алкогольной революции. В алкоголе она нашла одно из повседневных своих возбуждающих средств, дешевые калории, легкодоступную роскошь с brutальными последствиями. А вскоре и государство, смотревшее на алкоголь настороженно, усмотрит в нем выгоду для себя.

АЛКОГОЛИЗМ ЗА ПРЕДЕЛАМИ ЕВРОПЫ

В реальности не было цивилизации, которая бы не нашла своего или своих решений проблемы напитков, в особенности напитков спиртных. Любое брожение растительного продукта дает алкоголь. Именно это обеспечивали канадским индейцам кленовый сок, мексиканцам до и после Кортеса – *пульке* из агавы, которая «опьяняет, как вино», самым обездоленным индейцам Антильских островов или Латинской Америки – маис

²²⁸ Согласно Деламару [Delamare N. *Op. cit.*, 1710, p. 975; см. также: Le Pottier de la Nestroy – A. N., G⁷, 1687, f° 18 (1704)], это «изобретение» якобы датировалось XVI в.
²²⁹ Savary J. *Op. cit.*, II, col. 208 (статья «Водка»).

²³⁰ Léry J. *Histoire d'un voyage faict en la terre du Brésil*. 1580, p. 124.

²³¹ Haedo D. *Topographia e historia general de Argel*. 1612, f° 38.

²³² Mandelslo J. A. *Op. cit.*, II, p. 122.

²³³ Kämpfer E. *Op. cit.*, III, p. 7–8; I, p. 72.

²³⁴ *Mémoires concernant l'histoire, les sciences, les mœurs, les usages, etc. des Chinois* (труды отцов-миссионеров в Пекине), V, 1780, p. 467–474, 478.

²³⁵ Macartney G. *Op. cit.*, II, p. 185.

²³⁶ Abbé Prévost. *Histoire générale des voyages*. XVIII, 1768, p. 334–335.

или маниока. Даже индейцы тупинамба залива Рио-де-Жанейро, с которыми в 1556 г. познакомился Жан де Лери, даже эти «простаки» имели для своих праздников питье из жеваной, а потом оставленной бродить маниоки²³⁰. В прочих местах пальмовое вино – это лишь перебродивший сок растения. У европейского Севера были: березовый сок, пиво из зерна; Европа, особенно Северная, до XV в. увлекалась медами (ферментированным водным раствором меда). Дальний Восток очень рано имел собственное рисовое вино, изготовлявшееся предпочтительно из клейкого риса.

Дал ли Европе перегонный куб преимущество перед всеми этими народами, возможность изготавливать сверхалкогольные напитки по выбору – ром, виски, *Kornbrand*, водку, кальвадос, марк, виноградную водку, джин, которые все должны были вытекать из охлаждаемой трубки куба? Чтобы знать это, надо было бы проверить у истоков рисовой или просяной водки Дальнего Востока, существовала ли она до или после появления на Западе перегонного куба, восходящего в общем к XI–XII вв.

Очевидно, что европейские путешественники не дают нам ответа на это. Они констатируют наличие в начале XVII в. арака (*arrequi*) в корсарском Алжире²³¹. Путешественник Мандельсло утверждал, что в Гуджарате в 1638 г. «*terri* [пальмовое вино], которое получают от пальм ... это жидкость сладкая и очень приятная для питья». Он добавляет: «Из риса, сахара и фиников они получают арак, каковой есть разновидность водки, намного более крепкой и более приятной, нежели та, какую делают в Европе»²³². Для опытного врача, такого, как Кемпфер, *сакэ* (*sacki*), которое он пил в Японии в 1690 г., есть вид рисового пива, «такого же крепкого, как испанское вино». Напротив, *лау*, которое он попробовал в Сиаме, было, по-видимому, разновидностью перегонного вина *Branntwein*, наряду с которым путешественники отмечали и *араку*²³³. Точно так же в переписке иезуитов говорится, что китайское вино, изготовленное из «большого проса», или из риса, – это «настоящее пиво». В него часто добавляют фрукты – «либо свежие, либо сваренные с сахаром, либо высушенные на солнце», откуда и их названия: «вина айвовые, вишневые, виноградные». Но китайцы пили также и водку, «перегнанную в кубе и настолько крепкую, что она горит, словно винный спирт»²³⁴. Немного позже, в 1793 г., Джордж Стаунтон пил в Китае «разновидность желтого вина», рисовое вино, «равно как и водку. Последняя кажется лучше изготовленной, чем вино, ибо оно, как правило, мутно, безвкусно и быстро скисает. Водка же была крепкая, прозрачная и редко обладала привкусом гари». Она бывала «иной раз такой крепкой, что ее проба оказывалась выше пробы винного спирта»²³⁵. Наконец, немец Гмелин, исследователь Сибири, дал нам описание перегонного куба, который использовали китайцы, однако это произошло только в 1738 г.²³⁶

Но весь вопрос в том, когда началась перегонка. Более или менее достоверно, что сасанидский Иран знал перегонный аппарат. В IX в. ал-Кинди не только говорит о перегонке благовоний, но и описывает устройства, использовавшиеся для этого. Он рассказывает о камфаре, получаемой, как известно, перегон-

²³⁷ По замечанию моего коллеги и друга Али Мазахери.

²³⁸ *Food in Chinese Culture*. P.p. K. C. Chang. p. 122, 156, 202.

²³⁹ Рукописная заметка Альваро Хары.

²⁴⁰ Ссылка утеряна.

кой камфарного дерева²³⁷. Но ведь камфару очень рано производили в Китае. Впрочем, ничто не исключает возможности того, что и водка была известна в Китае около IX в. Именно так можно, видимо, истолковать два стихотворения танской эпохи, в которых говорится о знаменитом *шао чжу* (*shao chiu*, обожженном вине) Сычуани в IX в. Но следует полагать, что вопрос остается еще невыясненным, ибо в том же самом коллективном труде 1977 г., где Э. Х. Шейфер знакомит с этим первым появлением перегонки, М. Фримэн датирует первоначальное развитие ее технологии началом XII в., а Ф. У. Моут отмечает эту технологию как новшество, восходящее к XII или XIII в.²³⁸

Итак, было бы трудно установить в данном вопросе приоритет либо Запада, либо Китая. Может быть, стоило бы остановиться на персидском происхождении, тем более что одно из китайских слов, обозначающих водку, скалькировано с арабского *арак*.

Напротив, нельзя отрицать, что виноградная водка, ром и *agua ardiente* (водка из сахарного тростника) были отравленным подарком Европы американским цивилизациям. По всей вероятности, так же обстояло дело и с *мескалем*, который получается перегонкой сердцевины агавы и отличается намного большим содержанием спирта, чем получаемая из этого же растения *пульке*. Индейские народы страшно пострадали от этого явившего им свою доступность алкоголизма. По-видимому, такая цивилизация, как сложившаяся на мексиканских плато, утратив свои древние структуры и запреты, без удержу предалась соблазну, который с 1600 г. произвел в ней невыносимые опустошения. Вспомним, что *пульке* смогла давать государству в Новой Испании половину того, что давали ему серебряные рудники!²³⁹ Впрочем, речь шла о сознательной политике новых господ. В 1786 г. Бернардо де Гальвес, вице-король Мексики, восхвалял результаты потребления *пульке* и, отмечая пристрастие индейцев к этому напитку, рекомендовал распространять его к северу от Мексики среди апачей, которые его еще не знали. Помимо ожидаемой [финансовой] выгоды, нет-де лучшего средства создать у них «новую потребность, которая их жестко принудит признавать вынужденную зависимость от нас»²⁴⁰. Так уже поступали англичане и французы в Северной Америке: первые распространяли ром, а вторые – водку, невзирая на все королевские запреты.

ШОКОЛАД, ЧАЙ, КОФЕ

Одновременно, или почти одновременно, с алкоголем Европа открыла среди мировых новшеств три новых возбуждающих и тонизирующих напитка: кофе, чай и шоколад. Все три были заимствованы из заморских стран: кофе – арабский (а поначалу – эфиопский), чай – китайский, шоколад – мексиканский.

Шоколад пришел в Испанию из Мексики, Новой Испании, около 1520 г. в форме голов и пластин. Не вызывает удивления, что в испанских Нидерландах он появился в 1606 г., немного раньше, нежели во Франции. Так что, может быть, и верен анек-

²⁴¹ Мемуары м-ль де Монпансье, цит. по: Franklin A. *La Vie privée d'autrefois, le café, le thé, le chocolat*. 1893, p. 166-167.

²⁴² D'Argonne B. *Mélanges d'histoire et de littérature*. 1725, I, p. 4.

²⁴³ Письма от 11 февраля, 15 апреля, 13 мая, 25 октября 1671 г. и от 15 января 1672 г.

²⁴⁴ Franklin A. *Op. cit.*, p. 171.

²⁴⁵ Archives d'Amsterdam. Koopmansarchief. Aron Colace l'Ainé.

²⁴⁶ Gemelli Careri G. F. *Op. cit.*, I, p. 140.

²⁴⁷ Dermigny L. *Le Commerce à Canton au XVIIIe siècle*. I, p. 379.

дот, изображавший Марию Терезу (ее брак с Людовиком XIV относится к 1659 г.) тайком пьющей шоколад – испанская привычка, от которой она никак не могла отрешиться²⁴¹. Действительным инициатором употребления шоколада в Париже был будто бы несколькими годами ранее кардинал де Ришелье – брат министра, архиепископ Лионский, которому суждено было умереть в 1653 г. Это возможно, но шоколад тогда рассматривали в такой же мере как лекарство, как и пищевой продукт. «Я слышал от одного из его слуг, что он [кардинал] пользовался шоколадом, дабы умерить болезни своей селезенки, и что секрет сей он узнал от каких-то испанских монахинь, которые привезли его во Францию», – сообщал позднее один очевидец²⁴². Через Францию шоколад около 1657 г. дошел до Англии.

Такие первые случаи его употребления были скромны и мимолетны. Письма г-жи де Севинье сообщают, что в зависимости от дней или от слухов шоколад то производил при дворе фурор, то пребывал в немилости²⁴³. Сама она была обеспокоена опасностями со стороны нового питья, приобретая, как и другие, обыкновение смешивать его с молоком. На самом деле придется дожидаться Регентства, чтобы шоколад одержал верх. Карьеру ему обеспечил регент. Тогда «прийти на шоколад» означало присутствовать при вставании принца, быть у него в милости²⁴⁴. Однако не будем преувеличивать этот успех. В 1768 г. нам сообщают, что в Париже «великие пьют его иногда, старцы – часто, народ – никогда». В конечном счете единственным краем, где шоколад имел триумфальный успех, была Испания: всякий иностранец насмехался над усладой мадридцев – густым шоколадом, ароматизированным корицей. Так что не без веских причин обосновался в Байонне около 1727 г. еврейский купец Аарон Колас, чья корреспонденция дошла до нас. Поддерживая связь с Амстердамом и рынком колониальных товаров (в частности, какао из Каракаса зачастую делало такой непредвиденный крюк), он из своего города следил за рынком на полуострове²⁴⁵.

В Смирне в декабре 1693 г. Джемелли Карери любезно предлагал шоколад турецкому аге. Но тот выпил его и «либо шоколад его опьянил [но для нас это сомнительно], либо такое действие оказало курение табака, но он сильно на меня разгневался, говоря, будто я ему дал выпить спиртного, дабы взволновать его и лишить ясности суждения...»²⁴⁶.

Чай прибыл из далекого Китая (где его употребление распространилось за десять или двенадцать веков до этого), привезенный португальцами, голландцами и англичанами. Перенесение было долгим и трудным: нужно было везти лист, чайники, фарфоровые чашки, а затем и вкус к этому экзотическому напитку, который европейцы узнали сначала в Индиях, где употребление чая было весьма распространено. Первый груз чая прибыл в Амстердам якобы в 1610 г. по инициативе Ост-Индской компании²⁴⁷.

Чайное дерево – в XVII и XVIII вв. говорили «чайница» (théier), но слово это плохо входило в употребление – это кустарник, листья которого собирал китайский крестьянин. Ранние листочки, мелкие и нежные, дают императорский чай, который це-

нится тем выше, чем мельче лист. Затем их сушат либо на огне (зеленый чай), либо на солнце: тут чай ферментируется и чернеет – это черный чай. Тот и другой свертывали вручную и отправляли дальше в больших ящиках, проложенных свинцом или оловом.

Во Франции появление нового напитка отмечено только в 1635 или 1636 г., по данным Деламара, но отсюда отнюдь еще не следует, что он уже получил права гражданства. Это хорошо дали почувствовать в 1648 г. соискателю медицинской степени, защищавшему диссертацию о чае. Ги Патэн писал: «Есть у нас несколько докторов, которые ее провалили, и декана упрекали

Шоколад в Испании.
«Завтрак с
шоколадом».
Картина Ф. Сурбарана
(1568–1664 гг.).
Безансонский музей.
(Фото Бюлло.)

за то, что он ее одобрил. Вы увидите эту диссертацию и посмеетесь над нею». Однако через десять лет, в 1657 г., еще одна диссертация, которой покровительствовал канцлер Сегье (сам пылкий приверженец чая), «осветила» достоинства нового напитка²⁴⁸.

В Англию чай пришел при посредстве голландцев и владельцев лондонских кофеен, которые около 1657 г. ввели его в моду. Семюзел Пепис впервые пил его 25 сентября 1660 г.²⁴⁹ Но английская Ост-Индская компания начала импортировать чай из Азии лишь в 1669 г.²⁵⁰ В действительности же потребление чая в Европе станет заметным только в 20–30-х годах XVIII в. Тогда началась прямая торговля между Европой и Китаем. До того времени большая часть такой торговли шла через Батавию, основанную голландцами в 1619 г. Китайские джонки доставляли туда свои обычные грузы и немного того грубого чая, который один только и сохраняется и может выдержать долгое путешествие. Какое-то время голландцам удавалось оплачивать этот фуцзяньский чай не деньгами, а шалфеем – в Европе шалфей так-

²⁴⁸ Patin G. *Lettres*, I, p. 383; II, p. 360.

²⁴⁹ Pepys S. *Journal*. Éd. 1937, I, p. 50.

²⁵⁰ Dermigny L. *Op. cit.*, I, p. 381.

²⁵¹ Franklin A. *Op. cit.*,
p. 122–124.

же служил для приготовления питья, восхвалявшегося за свои медицинские достоинства. Но китайцы не соблазнились; чай в Европе оказался более удачлив²⁵¹.

Англичане очень скоро превзошли голландцев. Экспорт из Кантона был в 1766 г. таков: на английских судах – 6 млн. фунтов, на голландских – 4,5 млн., на шведских – 2,4 млн. и на французских – 2,1 млн., т. е. всего 15 млн. фунтов, примерно 7 тыс. тонн. Мало-помалу организовались настоящие чайные флотилии. Все возрастающие количества сушеного листа выгружались во всех портах, которые имели «индийские пристани», – Лиссабоне, Лондоне, Остенде, Амстердаме, Гётеборге, иногда – в Ге-

Шоколад в Италии:
«La cioccolata».
Картина П. Лонги
(1702–1785 гг.). (Фото
Андерсон – Жиродона.)

²⁵² Dermigny L. *La Chine et l'Occident. Le commerce à Canton...* *Op. cit.*, альбом-приложение, табл. 4 и 5.

²⁵³ Macartney G. *Op. cit.*, I, p. 30–31; IV, p. 227.

нуе и Ливорно. Рост вывоза был огромным: с 1730 по 1740 г. из Кантона уходило ежегодно 28 тыс. «пиков» (1 *пикуль*, *picul*, равен приблизительно 60 кг), с 1760 по 1770 г. – 115 тыс., с 1780 по 1785 г. – 172 тыс. «пиков»²⁵². А если точкой отсчета избрать, как сделал Джордж Стаунтон, 1693 г., можно будет веком позднее сделать заключение об «увеличении в пропорции 1 : 400». В его время самые бедные англичане потребляли 5–6 фунтов чая в год²⁵³. И вот что придавало этой экстравагантной торговле ее подлинный облик: лишь ничтожная часть Западной Европы – Голландия и Англия – пристрастилась к новому напитку. Франция потребляла самое большее десятую часть собственного привоза, Германия предпочитала кофе, Испания пила чай еще меньше.

Правда ли, что в Англии новый напиток якобы принял эстафету от джина, который правительство освободило от налога на изготовление ради борьбы против наводнявшего страну импорта с континента? Правда ли, что во времена Георга II чай был лекарством от несомненного пьянства лондонского общества?

²⁵⁴ Pollard S. et Crossley D. *The Wealth of Britain. Op. cit.*, p. 166.

* Речь идет о графической серии Хогарта. – Прим. ред.
²⁵⁵ Macartney G. *Op. cit.*, IV, p. 218; Dermigny L. *Op. cit.*, II, p. 596 sq.

Или же внезапное обложение джина сбором в 1751 г., с одной стороны²⁵⁴, и общий подъем цен на зерно – с другой, благоприятствовали пришельцу, к тому же пользовавшемуся репутацией излечивающего насморк, цингу, лихорадку? Это как будто оказалось концом хогартовской «дороги джина»*. Во всяком случае, чай одержал верх, и государство заботливо обложило его фискальными сборами (как, например, в американских колониях, которые позже сочли это поводом для восстания). Однако расцвела и неслыханных размеров контрабанда; речь идет о 6 или 7 млн. фунтов чая, которые ежегодно прибывали с континента через Северное море. В такой контрабанде принимали участие все порты, все Индийские компании плюс крупные финансисты в Амстердаме и иных местах. В заговоре принимали участие все, включая и английского потребителя²⁵⁵.

Чай: деталь китайской картины XVIII в. Музей Гиме. (Фото Жиродона.)

В этой картине, затрагивающей одну только Северо-Западную Европу, отсутствует крупный клиент – Россия. Чай там был известен, возможно, с 1567 г., если даже его употребление почти не приобрело широкого характера до Нерчинского договора 1689 г. и даже до учреждения (гораздо позже – в 1763 г.) Кяхтинской ярмарки, к югу от Иркутска. В написанном по-французски документе конца этого столетия из архивов Ленинграда мы читаем: «[Товары], которые привозят китайцы ... это несколько видов шелковых тканей, кое-какие лаковые изделия, немного фарфора, крупные партии той кантонской ткани, что у нас называется *нанкой*, а у русских – *саржей*, и весьма большие количества зеленого чая. Он неизмеримо выше по качеству, чем тот, какой Европа получает из-за бескрайних морей, так что русские вынуждены платить до 20 франков за фунт, хотя они редко его продают дороже 15–16. Чтобы возместить себе эту потерю, они не упускают ни одной возможности поднять цену своих мехов, кои суть почти единственный товар, который они поставляют китайцам. Но такая хитрость идет им на пользу куда меньше, чем русскому правительству, взимающему 25-процентную пошлину со всего, что продается и покупается»²⁵⁶. Однако в конце XVIII в. Россия не ввозила и 500 тонн чая. Отсюда далеко до тех 7 тыс. тонн, что потреблял Запад.

²⁵⁶ ЦГИА (Ленинград). Точная ссылка утеряна.

Отметим в заключение этого опуса о чае на Западе, что Европа очень долго не могла завладеть растением. На Яве первые чайные кусты будут посажены только в 1827 г., а на Цейлоне – лишь после 1877 г., как раз после ураганов, практически уничтоживших кофейные плантации на острове.

Этот успех чая в Европе, пусть даже ограниченный Россией, Нидерландами и Англией, был беспримерной инновацией; но он утрачивает значимость, если об этом событии судить во всемирном масштабе. Еще и сегодня важнейший потребитель и производитель чая – это Китай. Там чай играет роль растения, связанного с высокой цивилизацией, в такой же степени, как виноградная лоза на берегах Средиземного моря. Оба они – виноград и чай – имеют свои географические ареалы, где их культура, очень древняя, мало-помалу была трансформирована и усовершенствована. Тщательные, непрерывные заботы были в самом деле необходимы, чтобы удовлетворить требования поколений искушенных потребителей. Известный в Сычуани еще до н. э. чай завоевал весь Китай в XIII в.²⁵⁷, и, как говорит П. Гуру, китайцы «до того изошрились свой вкус, что умеют различать чай из разных районов, устанавливать тончайшую его градацию... Все это странным образом напоминает виноградарство на другом конце Старого Света, тоже бывшее результатом тысячелетнего прогресса, достигнутого цивилизацией оседлых крестьян»²⁵⁸.

Свяское растение, связанное с определенной цивилизацией, накрепко поработает эту цивилизацию. Подготовить почву для чайных плантаций, посеять зерна, подрезать чайные деревья, чтобы они оставались на высоте кустов, вместо того чтобы расти как деревья, «каковые они и суть в диком состоянии», осторожно сорвать листья, затем обработать их в тот же день; высушить их естественным путем или с подогревом, скрутить, снова сушить... В Японии операция сушки и свертывания могла повторяться шесть-семь раз. И тогда чай определенного качества мог продаваться на вес золота – большая или меньшая нежность продукта зависит от его разновидности, от почв, еще больше – от времени сбора, потому что молодой весенний лист более ароматен, чем остальные, наконец, от обработки, которая отличает черные чаи от зеленых, и т. д. Именно лучший зеленый чай японцы используют для изготовления чая порошкового, который растворяется в кипятке (вместо простого настаивания), по старинной китайской методе, забытой в самом Китае и применяемой исключительно при знаменитой чайной церемонии *чжа-но-ю*. Церемонии настолько усложненной, что, как говорится в одном мемуаре XVIII в., для того чтобы толком этому искусству научиться, «в этой стране необходим учитель, как нужен учитель в Европе, дабы научиться в совершенстве танцевать, делать реверансы и т. д.»²⁵⁹.

Ибо, конечно же, чай имеет свои обряды, как имеет их вино и всякое растение, символизирующее уважающую себя цивилизацию. Даже в бедных домах Китая и Японии всегда, в любое время суток есть готовый кипяток для чая²⁶⁰. Никакой гость не бывает принят без предложенной ему чашки чая, а в зажиточных китайских домах, сообщают нам в 1762 г., «есть для этого весь»

²⁵⁷ *Food in Chinese Culture. Op. cit.*, p. 70, 122.

²⁵⁸ Gourou P. *L'Asie. Op. cit.*, p. 133.

²⁵⁹ Цит. по: Savary J. *Op. cit.*, IV, col. 992.

²⁶⁰ Macartney G. *Op. cit.*, II, p. 56.

Голландцы и китайцы, пьющие чай за столом. Такими их увидели японцы в Десиме в XVIII в. Национальная библиотека, Кабинет эстампов.

²⁶¹ Savary J. *Op. cit.*, IV, col. 993.

²⁶² Точная ссылка утеряна. Аналогичное замечание см.: Barrow J. *Op. cit.*, III, 1805, p. 57.

²⁶³ P. de Las Cortes. *Doc. cité.*

²⁶⁴ Savary J. *Op. cit.*, IV, col. 993.

ма удобные приборы, как-то: орнаментированный стол [традиционный низкий столик], рядом с ним небольшая жаровня, коробки с ящичками, миски, чашки, блюда, ложечки для варенья, леденцы в форме орешков, чтобы держать их во рту при питье чая, ибо так чай меньше изменяет свой хороший вкус и содержит меньше сахара. Все сие сопровождается разнообразными вареньями, сухими и жидкими — китайцы умеют их приготовить намного более нежными и аппетитными»²⁶¹, нежели европейские кондитеры. Добавим, однако, что, по словам одного путешественника XIX в., в Северном Китае, где чай растет плохо, «люди низших классов знают его только как роскошь и тянут горячую воду с таким же удовольствием, с каким люди достаточные пьют свою заварку из зеленого чая, — они удовлетворяются тем, что называют эту воду чаем»²⁶². Не распространился ли странный «эрзац» в виде горячей воды вследствие социального обычая пить чай? Или же в Китае, как и в Японии, было правилом пить горячим все: чай, сакэ, водку из риса или проса, да и саму воду? Отец де Лас Кортес, выпив чашку холодной воды, привел в изумление окружавших его китайцев, которые старались его отговорить от столь опасного поступка²⁶³. Если бы, говорится в одной весьма рассудительной книге 1762 г., «испанцы, имеющие пристрастие пить во все времена года [все] со льдом, поступали как китайцы, у них не свирепствовало бы такое множество болезней и не были бы они ни такими худыми, ни столь черствыми по характеру»²⁶⁴.

Чай, всеобщий напиток в Китае и Японии, завладел и остальным Дальним Востоком, но в гораздо менее всеобъемлющих масштабах. Для долгих перевозок его изготавливали в виде компактных плиток, которые караваны яков уже издавна доставляли из Янцзы в Тибет по самой ужасающей, вне сомне-

Интерьер турецкой кофейни в Стамбуле. Национальная библиотека, Кабинет эстампов.

ния, дороге, какая только есть на свете. Верблюжьи караваны везли их в Россию, когда не существовало железной дороги, а в некоторых районах СССР кирпичный чай и сегодня еще широко употребляется.

Чай сделал карьеру также и в странах ислама. Очень сладкий мятный чай стал в Марокко национальным напитком, но пришел он туда только в XVIII в. и при посредстве англичан. И широкое распространение он получит лишь в следующем столетии. Для прочих мусульманских стран маршруты чая нам известны плохо. Но разве не примечательно, что все успехи чая были отмечены в странах, не знавших виноградной лозы: на севере Европы, в России, в странах ислама? Следует ли из этого делать заключение, что эти олицетворяющие свои цивилизации растения исключают друг друга? Так думал Устарис, который в 1724 г. заявлял, что не опасается расширения потребления чая в Испании: Север-де его пьет для того лишь, «чтобы восполнить редкость вина»²⁶⁵. И обратное: европейские вина и спиртные напитки не покорили Дальний Восток.

История кофе рискует ввести нас в заблуждение. В ней огромное место занимает анекдотическое, живописное, малодоверное.

Как говорили в прошлом, кофейное дерево²⁶⁶ пришло, возможно, из Персии; более вероятно, что оно родом из Эфиопии.

²⁶⁵ Uztáriz G. *Op. cit.* (в переводе на французский), 1753, II, p. 90.

²⁶⁶ Дальнейшие подробности даны по: Galland A. *De l'origine et du progrès du café. Sur un manuscrit [arabe] de la Bibliothèque du Roy.* 1699; Abbé Prévost. *Op. cit.*, X, p. 304 sq.

Во всяком случае, кофейное дерево и кофе до 1450 г. почти незаметны. В это время кофе пили в Адене. В конце века он распространился на Мекку, но в 1511 г. его употребление было там запрещено. Новое запрещение последует в 1524 г. В 1510 г. кофе был отмечен в Каире. В Стамбуле он оказался в 1555 г., и с того времени его станут запрещать или разрешать с почти правильными интервалами. А пока что кофе широко распространился по Турецкой империи – в Дамаске, Алеппо, Алжире. Еще до окончания столетия он чувствовал себя как дома во всем, или почти по всем, мусульманском мире. Но в мусульманской Индии во времена Тавернье он еще был непривычен²⁶⁷.

Именно в мусульманских странах и встречали европейские путешественники кофе, а иногда и кофейное дерево. Так было с итальянским врачом Просперо Альпини, который жил в Египте около 1590 г.²⁶⁸, или с хвастливым Пьетро делла Валле в Константинополе в 1615 г. «У турок, – пишет последний, – есть также другое питье; оно черного цвета и летом весьма освежает, а в то же время зимою оно очень сильно согревает, не меняясь, однако, в своей сущности и оставаясь всегда одним и тем же напитком, каковой поглощают горячим... Пьют его долгими глотками, не во время еды, но после нее, как своего рода сладость, или мелкими глоточками, дабы продлить в свое удовольствие беседу в кругу друзей. У них не бывает почти ни одного сборища, где бы его не пили. Для этого специально поддерживают большой огонь, возле коего в постоянной готовности держат маленькие фарфоровые мисочки, наполненные этой смесью, и когда она достаточно горяча, то есть люди, приставленные к этой работе, каковые заняты только тем, что разносят эти мисочки всему обществу, сколь только можно горячими. А также дают каждому из присутствующих несколько семечек дыни, дабы жевать во время ожидания. И с такими семечками и этим питьем, каковое называют они *кахфе* (*cahié*), они развлекаются, беседуя ... иной раз по семь-восемь часов кряду»²⁶⁹.

В Венецию кофе пришел около 1615 г. В 1644 г. марсельский купец, некий де Ла Рок, доставил первые его зерна в свой город вместе с драгоценными чашечками и кофейниками²⁷⁰. С 1643 г. новое снадобье появилось в Париже²⁷¹ и, возможно, в 1651 г. – в Лондоне²⁷². Но все эти даты относятся лишь к первому мимолетному появлению, а не к началу известности или широкого потребления.

В сущности, как раз в Париже кофе встретил прием, который определил его успех. В 1669 г. турецкий посол Сулейман Мустафа Рача, надменный, но обходительный человек, принимал много гостей и угощал кофе своих парижских визитеров. Посольство не удалось, но кофе имел успех²⁷³. Как и чай, он поначалу считался чудодейственным лекарством. В трактате «Употребление кофе, чая и шоколада», увидевшем свет в Лионе в 1671 г. без имени автора (может быть, им был Якоб Спон), перечислялись все достоинства, каковые приписывали новому напитку: он-де «осушает любой насморк и излечивает простуду, избавляет от ветров, укрепляет печень, благодаря своим очищающим свойствам облегчает страдания больных водянкой; превосходное средство против чесотки и порчи крови; облегчает

²⁶⁷ Tavernier J.-B. *Op. cit.*, II, p. 249.

²⁶⁸ *De plantis Aegypti liber*. 1592, chap. XVI.

²⁶⁹ Della Valle P. *Les Fameux Voyages...* 1670, I, p. 78.

²⁷⁰ По свидетельству его сына Жана де Ла Рока (La Roque J. *Le Voyage de l'Arabie heureuse*. 1716, p. 364).

²⁷¹ Franklin A. *La Vie privée d'autrefois, le café, le thé, le chocolat*. *Op. cit.*, p. 33.

²⁷² *Ibid.*, p. 22.

²⁷³ *Ibid.*, p. 36.

сердце и жизненно важное биение такового, приносит облегчение страдающим болями в желудке и отсутствием аппетита; и равным же образом хорош от мозговых недомоганий вследствие холода, сырости и тяжести. Пар, который от него исходит, хорош против слезящихся глаз и шума в ушах; он отличное средство от одышки, от мокроты, от болей в селезенке, против глистов; и приносит чрезвычайное облегчение после того, как слишком много выпьешь или съешь. Нет ничего лучше для тех, кто ест много фруктов»²⁷⁴. Однако же другие медики и общественное мнение утверждали, будто кофе подавляет половую активность, что он – «пойло скопцов»²⁷⁵.

²⁷⁴ *De l'usage du café, du thé et du chocolate.* 1671, p. 23.

²⁷⁵ Franklin A. *Op. cit.*, p. 45, 248.

²⁷⁶ Относительно всего последующего см.: Leclant J. *Le café et les cafés à Paris (1644–1693)*. – “*Annales E.S.C.*”, 1951, p. 1–14.

Благодаря такой рекламе и невзирая на эти обвинения, кофе в Париже преуспел²⁷⁶. В последние годы XVII в. появились бродячие торговцы – армяне, одетые по-турецки, в тюрбанах, и таскавшие перед собой лоток с кофейником, горячей переносной печкой и чашками. Армянин Хатарюн, известный под именем Паскаль, открыл в 1672 г. первую лавку, где продавался кофе, в одной из палаток Сен-жерменской ярмарки, уже на протяжении веков проводившейся возле аббатства, которому она была подчинена, на месте нынешних улиц Дюфур и Сен-Сюльпис. Дела у Паскаля шли неважно, и он перебрался на правый берег, на набережную Эколь-дю-Лувр, где у него какое-то время была клиентура из нескольких левантинцев и мальтийских рыцарей. Потом он перебрался в Англию. Несмотря на неудачу Паскаля, открывались все новые кафе. Скажем, устроенное еще одним армянином, неким Малибьяном, сначала на улице Бюси, а потом переведенное на улицу Феру. Самым знаменитым кафе, учрежденным на новый лад, было заведение Франческо Прокопио Кольтелли, бывшего официанта у Паскаля: он родился на Сицилии в 1650 г. и впоследствии принял имя Прокопа Кутто. Он обосновался на Сен-жерменской ярмарке, а потом – на улице Турнон и, наконец, в 1686 г. – на улице Фоссе-Сен-Жермен. Это третье кафе – «Прокоп» (оно существует и сегодня) – располагалось поблизости от оживленного и элегантного центра города, каким был в те годы перекресток Бюси, а точнее – Новый мост (перед тем как этот центр в XVIII в. переместится в Пале-Руаяль). И еще одна удача: как только в 1688 г. кафе было открыто, напротив него обосновался театр «Комеди Франсэз». Успех сицилийца довершила его своевременность. Он снял стены и перегородки в двух прилегающих домах, увешал стены коврами и зеркалами, к потолку подвесил люстры и стал продавать не только кофе, но и засахаренные фрукты и ликеры. Лавка его сделалась местом встреч бездельников, болтунов, краснобаев, интеллектуалов (одним из столпов заведения был Шарль Дюффо, будущий секретарь Французской академии), хорошеньких женщин. Рядом был театр, и у Прокопа было там свое помещение, где он продавал прохладительные напитки.

Современное кафе не могло оставаться привилегией какого-то квартала или какой-то улицы. К тому же развитие города понемногу ставило в невыгодное положение левый берег к выгоде берега правого, более оживленного, как показывает это обобщенная карта размещения парижских кафе в XVIII в. – всего бы-

²⁷⁷ Franklin A. *Op. cit.*,
p. 255.

²⁷⁸ Chantal S. *La Vie
quotidienne au Portugal...*
Op. cit., p. 256.

ло от 700 до 800 заведений²⁷⁷. Тогда и утвердилась слава кафе Регентства, основанного в 1681 г. на площади Пале-Руаяль (когда последняя увеличится в размерах, кафе переедет на свое нынешнее место на улице Сент-Оноре). Мало-помалу слава кафе оттеснила на задний план кабаре. Мода была такой же в Германии, Италии, Португалии. В Лиссабоне кофе, поступавший из Бразилии, был дешев, так же как и молотая сахарная пудра, которую клали в кофе в таком количестве, что, как сообщает один англичанин, ложка стояла в чашке торчком²⁷⁸.

К тому же кофе – модный напиток, не останется напитком одних только щеголей. В то время как все цены росли, сверхобильное производство на [тропических] островах удерживало

Кафе «Прокоп», место встречи элегантной публики, с портретами его прославленных клиентов: Бюффона, Жильбера, Дидро, Д'Аламбера, Мармонтеля, Лекена, Ж.-Б. Руссо, Вольтера, Пирона, Гольбаха.
(Фото Национальной библиотеки.)

цену чашки кофе примерно на одном уровне. Легран д'Осси объяснял в 1782 г., что «потребление во Франции утроилось. Нет ни одного буржуазного дома, – добавляет он, – где бы вам не предложили кофе. Нет ни одной продавщицы, кухарки, горничной, которая бы не пила за завтраком кофе с молоком. На рынках, на определенных улицах и в переулках столицы обосновались женщины, продающие простонародью то, что они именуют кофе с молоком, т. е. скверное молоко, подкрашенное кофейной гущей, которую они купили у слуг из знатных домов или у хозяев кафе. Напиток этот находится в жестяной колонке, снабженной краном для разлива и печкой для поддержания

его в горячем состоянии. Возле маленькой лавки или ларька торговли обычно есть деревянная скамья. И вот вы с удивлением видите, как торговка с Центрального рынка или грузчик, придя к ларьку, требует кофе. Им его подают в одной из тех больших фаянсовых чашек, которые они прозвали «généieux». Эти почтенные особы пьют его стоя, с корзиной за спиной, ежели только, желая особо утонченно насладиться им, они не сохотят опустить свой груз на скамью и усесться на ней. Из своих окон, выходящих на прекрасную набережную, где я живу [Луврская набережная, по соседству с Новым мостом], я часто наблюдал это зрелище в каком-нибудь из тех деревянных балаганов, которых понастроили от Нового моста до самого Лувра. И иной раз видел картины, которые заставляли меня пожалеть о том, что я не Тенирс или Калло»²⁷⁹.

²⁷⁹ Le Grand d'Aussy J.-B. *Op. cit.*, III, p. 125–126.

²⁸⁰ Mercier L.-S. *Tableau de Paris. Op. cit.*, IV, p. 154.

²⁸¹ Martin G. *Nantes au XVIIIe siècle. L'ère des négriers, 1714–1774.* 1931, p. 138.

²⁸² Charlevoix P.-F.-X. *Histoire de l'Isle Espagnole ou de S. Domingue.* 1731, II, p. 490.

²⁸³ *Dictionnaire du commerce et des marchandises.* P.p. M. Guilaumin, 1841, I, p. 409.

Чтобы скорректировать эту картину, нарисованную самовольным парижским буржуа, скажем, что самым живописным зрелищем, или же самым трогательным, были, возможно, бродячие торговки на углах улиц ранним утром, когда рабочие шли трудиться. На спине у торговки жестяная колонка, и продает она кофе с молоком «в глиняных кружках за два су [порция]. Сахар в них отнюдь не преобладает». И тем не менее успех был огромен: рабочие «нашли это питье более экономным, более питательным и вкусным, нежели любое другое. В результате они пьют его в невероятных количествах; они говорят, что это их поддерживает часто до самого вечера. Таким образом, они едят только два раза в день: в обед и во время вечерней «петрушечницы» («persillade»)»²⁸⁰ – имеются в виду ломти холодной говядины с петрушкой, растительным маслом и уксусом.

Если потребление настолько увеличилось с середины XVIII в., и не только в Париже и во Франции, то это потому, что Европа сама организовала производство кофе. Пока мировой рынок зависел от одних только кофейных плантаций в окрестностях Мохи (Мокки) в Аравии, европейский импорт неизбежно был ограничен. Но вот в 1712 г. кофейные деревья стали сажать на Яве, с 1716 г. – на острове Бурбон, в 1722 г. – на острове Кайенна (т. е. кофе переправился через Атлантику), в 1723–1730 гг. – на Мартинике, в 1730 г. – на Ямайке, в 1731 г. – на Сан-Доминго. Это не даты начала производства кофе. Его импорт во Францию с островов начинается в 1730 г.²⁸¹ Нужно было, чтобы кофейные деревья выросли и умножились. Отец Шарлевуа пояснял в 1731 г.: «Нам лестно видеть, что кофе обогащает наш остров [Сан-Доминго] ... Дерево, которое его производит, уже становится таким красивым ... как будто оно было местным, но нужно дать ему время привыкнуть к почве»²⁸². Кофе Сан-Доминго, последним появившийся на рынке, останется самым обильным и наименее ценным из всех: в 1789 г. его производство достигло примерно 60 млн. фунтов, тогда как пятьюдесятью годами раньше потребление кофе в Европе составляло, может быть, 4 млн. фунтов. По качеству и по цене список всегда возглавляло мокко. Затем шел кофе Явы и острова Бурбон (высокое качество определялось так: «зерна мелкие и голубоватые, как у яванского кофе»), дальше – кофе Мартиники, Гваделупы и, наконец, кофе Сан-Доминго²⁸³.

²⁸⁴ О различного качества кофе см. переписку Аарона Коласа – Gemeente Archief Amsterdam, années 1751–1752.

²⁸⁵ Morineau M. *Trois contributions au colloque de Götingen. – De l'Ancien Régime à la Révolution française*. P.p. A. Cremer, 1978, p. 408–409.

²⁸⁶ См. статью Р. Пари (Paris R.) в кн.: *Histoire du commerce de Marseille*, dir. par G. Rambert, V, 1957, p. 559–561.

²⁸⁷ Mercier L.-S. *Op. cit.*, I, p. 228–229.

²⁸⁸ *Journal de Barbier*. P.p. A. de La Vigeville, 29 novembre 1721.

Поостережемся, однако, от преувеличения цифр потребления. К этому обязывает нас любая сколько-нибудь строгая проверка²⁸⁴. Франция в 1787 г. импортировала примерно 38 тыс. тонн кофе и реэкспортировала из них 36 тыс. тонн, и в Париже осталось для его собственного потребления около тысячи тонн²⁸⁵. Некоторые провинциальные города еще не восприняли новый напиток. В Лиможе горожане пили кофе только «как лекарство». Моде следовали лишь определенные социальные категории, скажем почтмейстеры на севере.

Значит, надо было выяснить возможную клиентуру. Через Марсель кофе Мартиники после 1730 г. завоевывает Левант в ущерб аравийскому²⁸⁶. Голландская Ост-Индская компания, которая снабжала кофе Персию и мусульманскую Индию, оставшихся верными мокко, желала бы сбыть там свои излишки кофе с Явы. Если к 150 млн. европейцев добавить 150 млн. мусульман, это даст все-таки для XVIII в. потенциальный рынок в 300 млн. человек (быть может, треть населения мира), пьющих кофе или же способных его пить. Это чистое умозрение. Но кофе, как и чай, вполне логично стал «королевским товаром» – средством сколотить состояние. В его производстве, распространении, успехе был заинтересован деятельный сектор капитализма. Отсюда серьезное воздействие кофе на общественную и культурную жизнь Парижа. Кафе-лавка, где осуществлялся сбыт нового напитка, стало местом встречи щеголей и праздношатающихся, но также и убежищем для бедняков. В 1782 г. Себастьян Мерсье писал: «Какой-нибудь человек приходит в кафе в десять часов утра, с тем чтобы выйти оттуда только в одиннадцать вечера [это обязательное время закрытия, за которым следила полиция], он обедает чашкой кофе с молоком, а ужинает холодными закусками (*bavaroise*)»²⁸⁷.

Оценить медленность роста популярности кофе позволяет анекдот. Картушу, которого собирались казнить 29 ноября 1721 г., судебный пристав (*garporteur*), сам пивший кофе с молоком, предложил чашку такого кофе: «Он ответил, что это не его напиток и что он бы предпочел стакан вина и немного хлеба»²⁸⁸.

ВОЗБУЖДАЮЩИЕ СРЕДСТВА: ВЕЛИЧИЕ ТАБАКА

Против новых напитков направлялось множество филиппик. Одна из них утверждала, что Англия будто бы будет разорена своими индийскими владениями, а в сущности, «глупой чайной роскошью»²⁸⁹. Себастьяна Мерсье во время его мысленной – еще бы! – прогулки по Парижу 2440 г. сопровождает «мудрец», каковой твердо ему говорит: «Мы запретили три яда, коими вы постоянно пользовались: табак, кофе, чай. Вы клали в нос скверный порошок, который лишал вас памяти, вас, французов, которые и так-то ее почти не имели. Вы обжигали ваши желудки ликерами, которые их разрушали, ускоряя их работу. Ваши столь обычные нервные заболевания были обязаны своим происхождением этому расслабляющему орошению, которое вымывало из вас жизненные соки»²⁹⁰...

²⁸⁹ Упомянуто у Исаака де Пинто: Pinto I. *Traité de la circulation et du crédit*. 1771, p. 5.

²⁹⁰ Mercier L.-S. *L'An deux mille quatre cent quarante*. *Op. cit.*, p. 359.

В действительности же всякая цивилизация нуждается в пищевых излишествах и в ряде стимулянтов, «возбуждающих». В XII и XIII вв. – безумие пряностей и перца; в XIV в. – первые алкогольные напитки, а потом – чай, кофе, не говоря уж о табаке. XIX–XX вв. будут иметь свои, новые излишества, свои снадобья, добрые или отвратительные. Во всяком случае, мне нравится тот венецианский фискальный документ, который в начале XVII в. вполне разумно и не без юмора уточнял, что налог на кофе, на воду со льдом (*acque gelate*), на шоколад, на «чайную траву» (*herba tè*) и прочие напитки (*bevande*) имеет в виду все подобные вещи, изобретенные или еще подлежащие изобретению (*«inventate, o da inventarsi»*)²⁹¹. Мишле, конечно, преувеличивал, усматривая в кофе со времен Регентства «напиток будущей Революции»²⁹², но столь же преувеличивают и благоразумные историки, которые говорят о «Великом веке» и о XVIII в., забывая о мясном кризисе, об алкогольной революции и – по-прежнему со строчного «р» – о кофейной революции.

Не искажаем ли мы со своей стороны перспективу? Нам представляется, что с нарастанием или по меньшей мере с сохранением весьма серьезных продовольственных затруднений человечество возымело нужду в компенсации в соответствии с неизменным житейским правилом.

Одной из таких форм компенсации был табак. Но куда его отнести? Луи Лемери – «врач, профессор медицинского факультета Парижского университета и Королевской Академии наук» – без колебания говорит о нем в своем «Трактате о пищевых продуктах» (1702 г.), уточняя, что растение это «потребляют либо [в виде] порошка в нос, либо в виде дыма или жвачки». Он также говорит о листьях коки, похожих на миртовый лист, которые «притупляют чувство голода, снимают боль и придают силу», но не упоминает хинное дерево, хотя и намекает на опиум, снадобье, «опасное для употребления», распространенное у турок еще более широко, чем на Западе²⁹³. Что ускользает от его внимания, так это огромное распространение опиума от Индии до Индонезии, вдоль одного из главных направлений экспансии ислама, и вплоть до самого Китая. Здесь великий поворот будет пройден после 1765 г., сразу же после завоевания Бенгалии, с установлением тогда монополии английской Ост-Индской компании на плантации мака, некогда служившие источником дохода Великому Моголу. Все эти реальности Луи Лемери в самом начале столетия по вполне понятным причинам не были известны. Не знал он и индийской конопли. Наркотики, пищевые или лекарственные, были там великой силой, призванной изменять, потрясать повседневную жизнь людей.

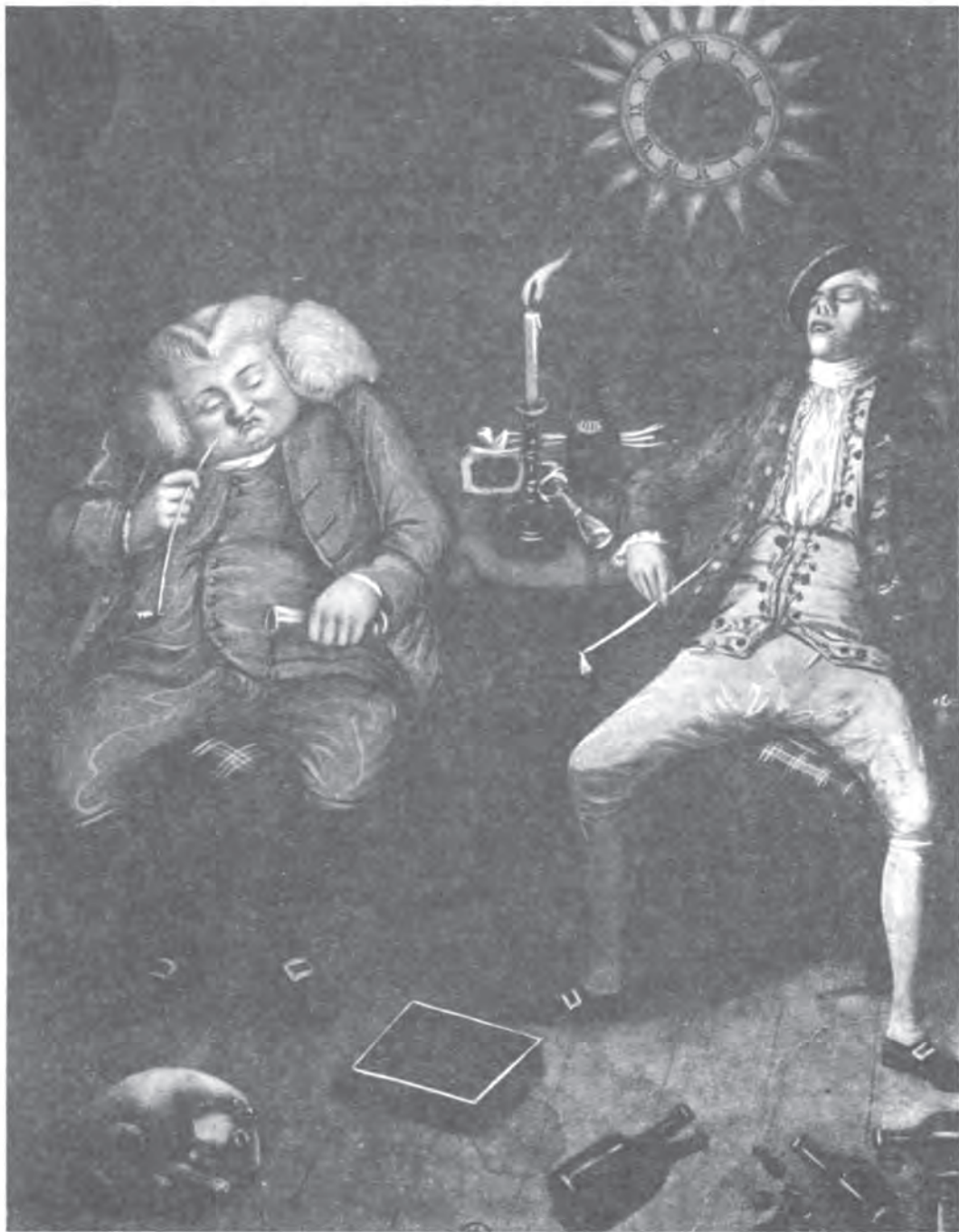
Поговорим только о табаке. В XVI–XVII вв. он овладеет всем миром, и карьера его будет еще более блестящей, чем у чая или кофе, – а это немало!

Табак – растение, пришедшее из Нового Света: прибыв 2 ноября 1492 г. на Кубу, Колумб заметил туземцев, куривших свернутые табачные листья. Растение придет в Европу со своим либо карибским, либо бразильским названием, оставаясь

²⁹¹ A.d.S. Venezia, Cinque Savii, 9, 257 (1693).

²⁹² Michelet J. *Histoire de France*. 1877. XVII. p. 171–174.

²⁹³ Lemery L. *Op. cit.*, p. 476, 479.

«Сплошное удовольствие от бутылки и общества приятеля». Английская гравюра 1774 г. Табак и портвейн заменили всякую беседу. (Фото Снарка.)

долгое время простым курьезом в ботанических садах или же будучи известно из-за лекарственных достоинств, которые ему приписывали. Жан Нико, посол христианнейшего короля в Лиссабоне (1560 г.), послал Екатерине Медичи нюхательный табак как средство от мигрени, следуя в этом отношении португальским обычаям. Андре Теве, еще один «приверженец» этого растения, ввезший его во Францию, уверял, будто бразильские туземцы пользуются табаком для удаления «излишка мозговой

²⁹⁴ Thevet A. *Les Singularitez de la France antarctique*. 1558, p.p. P. Gaffarel, 1878, p. 157–159.

²⁹⁵ *Storia della tecnologia*. Op. cit., III, p. 9.

²⁹⁶ Dermigny L. Op. cit., III, 1964, p. 1252.

²⁹⁷ По данным Джоан Тёрск (неопубликованное сообщение, Неделя Пра-то, 1979 г.).

²⁹⁸ По выражению А. Теве. См.: Thevet A. Op. cit., p. 158.

²⁹⁹ Savary J. Op. cit., V, col. 1363.

³⁰⁰ *Mémoire de M. de Monséguir* (1708), B.N., Ms. fr. 24 228, f° 206; Bulferetti L. et Costantini C. *Industria e commercio in Liguria nell'età del Risorgimento (1700-1861)*. 1966, p. 418–419;

La Lande J. *Voyage en Italie...* 1786, IX, p. 367.

³⁰¹ Sand G. *Lettres d'un voyageur*. Éd. Garnier-Flammarion, p. 76; *Petite Anthologie de la cigarette*. 1949, p. 20–21.

жидкости»²⁹⁴. Естественно, некий Жак Гоори (ум. в 1576 г.) в Париже одно время приписывал табаку свойства универсального лекарственного средства²⁹⁵.

Растение, с 1558 г. выращивавшееся в Испании, быстро распространилось во Франции, в Англии (около 1565 г.), в Италии, на Балканах, в России. В 1575 г. оно появилось на Филиппинах, прибыв на одном из «манильских галионов». В 1588 г. табак проник в Виргинию, где первые успехи его разведения скажутся только после 1612 г. В Японии он появился около 1590 г., в Макао – с 1600 г., на Яве – в 1601 г., а в Индии и на Цейлоне – между 1605–1610 гг.²⁹⁶ Такое распространение тем более примечательно, что табак первоначально не имел за собой поддерживавшего его рынка, читай – цивилизации, как имели у своих далеких истоков перец (Индия), чай (Китай), кофе (страны ислама), даже шоколад, который в Новой Испании опирался на «культуру» высокого уровня развития. Табак пришел от американских «дикарей», и, следовательно, надо было обеспечить разведение растения до того, как наслаждаться его благодеяниями. Но – и это единственное в своем роде преимущество – табак обладает высокой адаптивной способностью по отношению к самым разным климатам и почвам, и клочка земли достаточно, чтобы обеспечить прибыльный урожай. В Англии он получил особенно быстрое распространение в мельчайших крестьянских хозяйствах²⁹⁷.

Лишь с первыми годами XVII в. в Лиссабоне, Севилье и особенно Амстердаме начала вырисовываться история товарного табака, хотя карьера нюхательного табака началась в Лиссабоне самое позднее с 1558 г. Но из трех способов употребления табака (нюхания, курения и жевания) самыми важными были первые два. У «табака в виде порошка» быстро появятся несколько видов в зависимости от добавляемых ингредиентов: мускуса, амбры, бергамота, апельсинового цвета. Появится табак «на испанский манер», с «мальтийским запахом», так же как и с «римским», и «прославленные дамы станут нюхать табак так же, как важные господа». Однако продолжалась и карьера «табака в виде дыма», бывшего долгое время связанным с трубкой, позднее – с сигарами (свернутые листья «длиною со свечу»²⁹⁸, которые курили туземцы Испанской Америки, не сразу были восприняты в Европе, за исключением Испании, где Савари отмечал, видимо, как редкость, эти листья кубинского табака, «которые они курят без трубок, свернув их наподобие рожка»²⁹⁹), а еще позже – с сигаретами. Последние, несомненно, появились в Новом Свете, потому что французский мемуар 1708 г. отмечает «бесконечное количество бумаги», ввозимой из Европы для «маленьких трубочек, в которые они заворачивают резаный табак для курения»³⁰⁰. Сигарета распространится из Испании в эпоху наполеоновских войн: тогда появилось обыкновение заворачивать свой табак в кусочек бумаги малого формата – *papelito*. Затем *papelito* добирается до Франции, где она приобрела симпатии молодежи. Тем временем бумагу сделали более тонкой, и сигарета в эпоху романтизма вошла во всеобщее употребление. Жорж Санд воскликнула, говоря о враче, который пользовал Мюссе в Венеции: «Все его трубки не стоят одной моей сигареты»³⁰¹.

Первые случаи употребления табака известны нам по свирепым правительственным запретам (пока правительства не хватились, что табак дает превосходные возможности для роста фискальных поступлений; во Франции табачный налог был учрежден в 1674 г.). Эти запреты обошли вокруг света: в Англии – в 1604 г., в Японии – в 1607–1609 гг., в Османской империи – в 1611 г., в Могольской империи – в 1617 г., в Швеции и Дании – в 1632 г., в России – в 1634 г., в Неаполе – в 1637 г., на Сицилии – в 1640 г., в Китае – в 1642 г., в Папском государстве – в 1642 г., в Кёльнском курфюршестве – в 1649 г., в Вюртемберге – в 1651 г.³⁰² Разумеется, они остались мертвой буквой, особенно в Китае, где их возобновляли вплоть до 1776 г. С 1640 г. употребление табака в Чжили сделалось всеобщим. В

³⁰² Dermigny L. *Op. cit.*, III, p. 1253.

Весельчак – любитель выпить (1629 г.). И при нем снаряжение истинного курильщика: трубка, табак, лучинки для прикуривания и жаровня. Картина Ю. Лейстер. Государственный музей, Амстердам.

Фуцзяни в 1664 г. «каждый держит во рту длинную трубку, зажигает ее, вдыхает и выдыхает дым»³⁰³. Табаком засаживали обширные районы, и он экспортировался из Китая в Сибирь, в Россию. К концу XVIII в. в Китае курили все – мужчины и женщины, мандарины и беднота, «вплоть до малышей в два фута ростом. Как же быстро меняются нравы!» – так восклицал некий чжэцзянский грамотей³⁰⁴. Так же было с 1668 г. и в Корее, куда культура табака была завезена из Японии около 1620 г.³⁰⁵ Но разве не нюхали в XVIII в. табак лиссабонские мальчишки³⁰⁶? Все виды табака, все способы его употребления были известны и приняты в Китае, включая (с XVII в.) и потребление табака в смеси с опиумом, пришедшее из Индонезии и с Тайваня стараниями голландской Ост-Индской компании. «Лучший товар, какой можно везти в Ост-Индию, – это табак в порошке, как севильский, так и бразильский», – напоминало объявление 1727 г.

³⁰³ Упоминается в: Dermigny L. *Op. cit.*, III, p. 1253.

³⁰⁴ *Ibid.*, note 6.

³⁰⁵ Abbé Prévost. *Op. cit.*, VI, p. 536 (voyage de Hamel. 1668).

³⁰⁶ Chantal S. *La Vie quotidienne au Portugal...* *Op. cit.*, p. 256.

Во всяком случае, ни в Китае, ни в Индиях не возникнет такого движения против табака, по крайней мере курительного (не нюхательного!) табака, которое в XVIII в. какое-то время знала Европа и о котором мы плохо осведомлены. Само собой разумеется, «антитабачный» характер этого движения был лишь относительным: разве в Бургундии тогда не все крестьяне предавались удовольствиям курения³⁰⁷, а в Санкт-Петербурге – разве не курили все люди с достатком? Уже в 1723 г. количество табака, виргинского и мэрилендского, который импортировала Англия, чтобы реэкспортировать по меньшей мере две трети его в Голландию, Германию, Швецию, Данию, поднялось до 30 тыс. бочек в год и требовало для доставки 200 кораблей³⁰⁸.

Как бы то ни было, для Африки надлежит говорить о возросшей моде: там успех черного шнурового табака, третьесортного, но зато обмазанного патокой, вплоть до XIX в. непрерывно был «душой» оживленной торговли между Баией и Бенинским заливом, где активная подпольная работоторговля просуществовала примерно до 1850 г.³⁰⁹

³⁰⁷ Saint-Jacob P. *Op. cit.*, p. 547.

³⁰⁸ Abbé Prévost. *Op. cit.*, XIV, p. 482.

³⁰⁹ См. т. III настоящего издания.

ИЗЛИШНЕЕ И ОБЫЧНОЕ: ЖИЛИЩЕ, ОДЕЖДА И МОДА

В разделах предыдущей главы, охватывающих потребление – от потребления мяса до потребления табака, – мы попытались провести границу между излишним и обычным. Чтобы закончить такое путешествие, остается коснуться жилья и одежды; это снова дает возможность рассмотреть параллельно жизнь бедняков и богачей. Ведь где роскошь могла проявиться лучше, чем в этих предоставлявших большой выбор областях – в доме, в обстановке, в костюме? Насколько же эта роскошь делается назойливой! Казалось, все ей принадлежит по праву. И это еще один случай сравнить между собою цивилизации: ни одна из них не прибегала к тем же решениям, что другие.

ДОМА ВСЕГО МИРА

Что касается домов периода с XV по XVIII в., то мы едва можем выделить некоторые бесспорно общие, не чреватые неожиданностями черты. Увидеть, заметить все такие черты – об этом нечего и думать.

К счастью, в ста случаях против одного мы оказываемся перед стабильными реальностями, во всяком случае, перед медленной эволюцией. Многочисленные сохранившиеся или реставрированные дома переносят нас как в XVIII, так и в XVI и XV вв. и даже дальше – скажем, дома на Золотой улице пражских Градчан или в чудесной деревне Сантильяна, около Сантандера. В 1842 г. один наблюдатель заявил относительно Бове, что ни один город не сохранил такого числа старинных жилищ, и описал нам «штук сорок деревянных домов, восходящих к XVI и XVII вв.»¹.

Кроме того, всякий дом строился или перестраивался по традиционным образцам. Здесь сила прецедента ощущалась более чем где бы то ни было. Когда после чудовищного пожара 1564 г. в Вальядолиде строились заново дома богатых, строи-

¹ Goubert P. *Beauvais et le Beauvaisis de 1600 à 1730...* Op. cit., p. 230.

² Bennassar B. *Valladolid au Siècle d'or. Une ville de Castille et sa campagne au XVIe siècle*. 1967, p. 147–151.

³ Tavernier J.-B. *Les Six Voyages...* 1682, I, p. 350.

⁴ Собственная полевая документация автора.

тельство потребовало каменщиков, представителей, впрочем, бессознательных, старого мусульманского ремесла². Этим и объясняется реальный архаизм этих новых и таких красивых домов. Но привычки, традиции действовали повсюду: это старинное наследие, от которого никто не избавился. Такова, скажем, тенденция мусульманских домов к замкнутости. Некий путешественник, рассказывая о Персии 1694 г., резонно утверждал, что все зажиточные дома «там одной архитектуры. Посреди постройки всегда встретишь квадратный зал со стороной примерно в 30 футов, в центре которого заполненное водой углубление в виде маленького пруда, окруженного коврами»³. Для сельских жителей всего мира это постоянство характерно в еще большей степени. Увидеть в 1937 г. в районе Витории к северу от Рио-де-Жанейро строительство дома очень бедного крестьянина, *caboclo*, начинающееся с хрупкого деревянного каркаса, — значит получить в свое распоряжение документ, не имеющий возраста, действительный на протяжении сотен лет до сего времени⁴. И так же точно простые шатры кочевников из шерсти, зачастую сотканной на том же примитивном станке, что и в прежние времена, — они проходят без изменений через столетия.

Короче говоря, «дом», где бы он ни был, обладает устойчивостью во времени и неизменно свидетельствует о медлительности движения цивилизаций и культур, упорно стремящихся сохранить, удержать, повторить.

СТРОИТЕЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ БОГАТЫХ: КАМЕНЬ И КИРПИЧ

Повторение тем более естественно, что строительные материалы варьируют мало и навязывают в любом регионе некие вынужденные решения. Вне сомнения, это не означает, что цивилизации живут в условиях жесткого императива тесаного камня, кирпича, дерева или глины. Но здесь мы имеем дело с ограничениями, действующими в рамках длительной временной протяженности. Как замечает путешественник, «именно из-за отсутствия камня [добавим: и дерева] люди [в Персии] вынуждены строить стены и дома из глины». На самом деле речь идет о домах из кирпича, иногда обожженного, чаще — сырцового, высушенного на солнце. «Богатые лица украшают такие стены снаружи смесью извести, малахитовой зелени и камеди, которая придает им серебристый цвет»⁵. Тем не менее то были глиняные стены, и география объясняет это; но она объясняет не все. Людям тоже было что сказать.

За камень, который оказывался роскошью, приходилось, таким образом, платить высокую цену, в противном случае оказывались неизбежны компромиссы, увертки: перемежали камень с кирпичом — это делали уже римские и византийские каменщики и регулярно делают и ныне еще турецкие или китайские; или использовали дерево и камень; или камень оставляли только для резиденций государей и обиталищ богов. В инкском Куско камень восторжествовал безраздельно, но у майя такой привилегией пользовались только обсерватории, храмы, площадки для

⁵ Gemelli Careri G. F. *Voyage du tour du monde*, II, p. 15.

игры в мяч. Путешественник легко представит себе рядом с этими памятниками хижина из сучьев и глинобитные постройки для повседневной жизни, какие он еще и сегодня видит вокруг развалин Чичен-Ицы или Паленке на Юкатане. Точно так же в Индии, в Декане, блестящая каменная архитектура прямоугольных в плане городов простирается на север до рыхлых почв индо-гангской равнины.

На Западе и в Средиземноморье цивилизации камня, чтобы утвердиться, понадобились века. Нужно было разработать каменоломни, суметь отобрать виды камня, легкие для обработки и затем твердеющие на воздухе. Пришлось столетиями вкладывать средства.

Вокруг Парижа несть числа карьерам песчаника, песка, грубого известняка, гипса... Город заранее вел подкоп под свою территорию. Париж построился на огромных пустотах — «со стороны Шайо, Пасси и старой Орлеанской дороги», под «всем предместьем Сен-Жак, под улицей Лагарп и даже улицей Турнон»⁶. До самой первой мировой войны широко добывался грубый известняк: на крупных железнодорожных станциях «большого пригорода» его распиливали пилой, а потом развозили по всему Парижу на тяжелых ломовых дрогах. Однако такие образы не должны нас обманывать: Париж не всегда был каменным городом. Для этого потребуются начиная с XV в. колоссальная работа, которую вело бесчисленное множество плотников, приходивших из Нормандии, кровельщиков, каменотесов, лимузенских каменщиков (эти-то были привычны к крупным работам), обойщиков, отделочников, нескончаемые штукатуры. Во времена Себастьяна Мерсье по белым следам, которые оставлял каждый вечер эти штукатуры, можно было проследить дорогу, какую они возвращались в свои жилища⁷. А сколько домов в то время было построено только на каменном фундаменте, а верхние их этажи оставались еще деревянными? Во время пожара Малого моста 27 апреля 1718 г. деревянные дома пылали как факелы, подобно «огромной печи для обжига извести ... где рушились целые балки». Редкие каменные дома служили как бы защитными дамбами, которые огонь не смог преодолеть. Как отмечал очевидец, «Пти-Шатле, построенный весьма добротнo, спас улицу Ла-Юшетт и одну сторону улицы Галанд»⁸.

Таким образом, Париж долго был деревянным городом, похожим на столько других — на Труа, который запылал в мгновение ока во время большого пожара 1547 г., на Дижон, в котором еще в XVII в. дома были деревянными, с соломенной кровлей. Только позднее восторжествует камень, а с ним появится и черепица, в частности позолоченная⁹. В Лотарингии дома в городах и деревнях были покрыты гонтом, а круглая черепица придет поздно, хотя упорно сохраняющаяся и все же ошибочная традиция желает в ней видеть пережиток римской эпохи¹⁰. В некоторых деревнях района Веттерау на Майне в XVII в. придется запрещать крыть дома соломой или даже нестандартной дранкой, несомненно из-за опасности пожаров. Последние были настолько часты в Савойе, что в 1772 г. администрация короля сардинского предлагала оказывать по-

⁶ Mercier L.-S. *Tableau de Paris. Op. cit.*, I, p. 21; II, p. 281.

⁷ *Ibid.*, IV, p. 149.

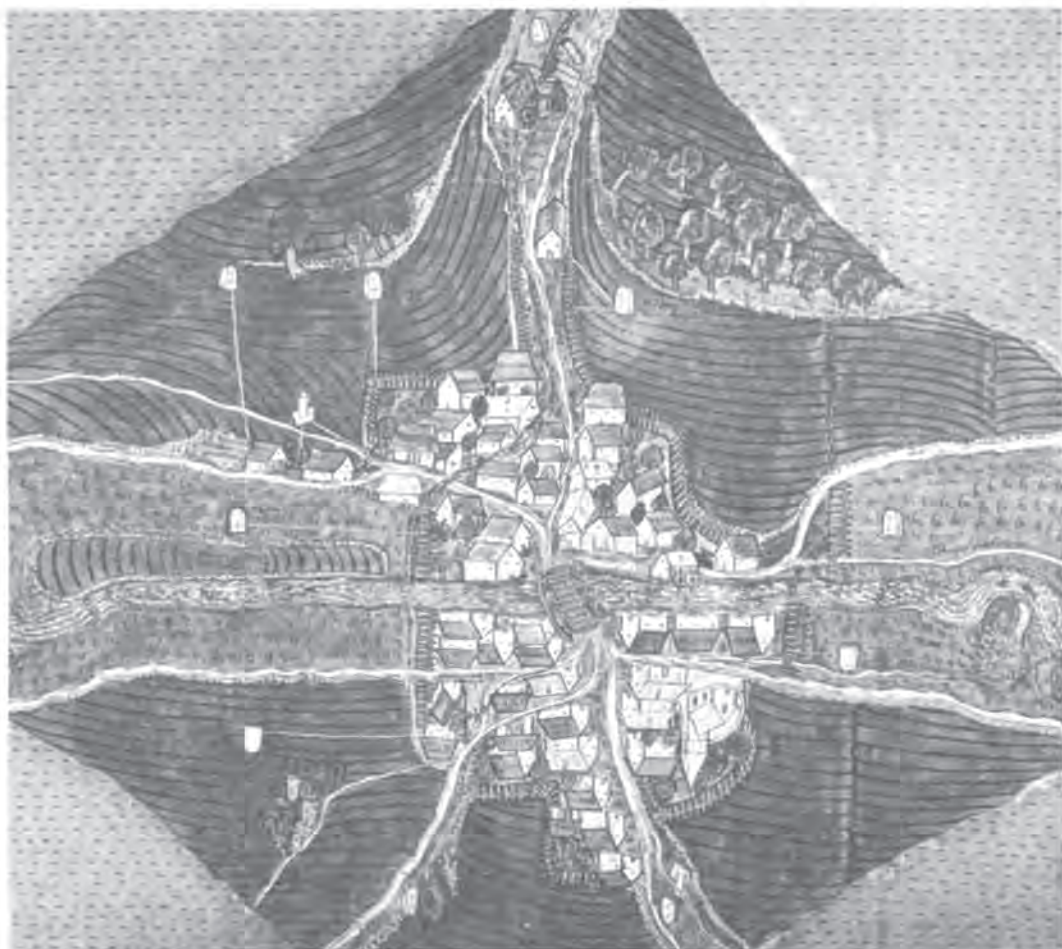
⁸ Barbier E. J. F. *Journal historique et anecdotique du règne de Louis XV. Op. cit.*, I, p. 4.

⁹ Roupnel G. *La Ville et la campagne au XVIIe siècle*. 1955, p. 115.

¹⁰ Planhol X. *Excursion de géographie agraire*. IIIe partie: *La Lorraine méridionale*. — «*Géographie et histoire agraires, actes du colloque international de l'Université de Nancy*», *Mémoire* № 21, 1959, p. 35–36.

Улица в Дельфте около 1659 г. Кирпичные дома, деревянные створки ставен, глухие остекленные поверхности окон. *Государственный музей, Амстердам.*

Крупная деревня около Нюрнберга в 1600 г.: полсотни домов, из них сорок с соломенными крышами (более темными) и десяток с черепичными (более светлыми); две мельницы (одна с двумя поставами), луга, распаханное поле. Деревня окружена частоколом. (Главное управление строительства Нюрнберга.)

мощь погорельцам «в городах, местечках и селах» в том только случае, если новые кровли будут черепичными или шиферными¹¹. Короче говоря, тут ли, там ли, но внедрение камня и черепицы совершалось принудительно, даже ценой выплаты премий. В XVIII в. в долине Соны черепичная кровля оставалась «символом достатка»¹², и еще в 1815 г. она была для жилища французского крестьянина чем-то исключительным¹³. На рисунке из Нюрнбергского музея, точно перечисляющем жилища деревни, кровли из черепицы окрашены в красный, а соломенные кровли – в серый цвета. Можно побиться об заклад, что то был способ сразу же отличить бедных крестьян от зажиточных.

Кирпич тоже не сразу восторжествовал от Англии до Польши. Обычно он занимал там место деревянных построек. В Германии его успех начался раньше – с XII в., хотя и развивался медленно.

В эпоху, когда Париж становится каменным городом, Лондон начиная со времен Елизаветы принимает кирпич. Трансформация завершилась после пожара 1666 г. (который истребил три четверти города, больше 12 тыс. домов) благодаря последовавшему затем массовому и беспорядочному новому строитель-

¹¹ Vermale F. *Les Classes rurales en Savoie au XVIIIe siècle*. 1911, p. 287–288 et notes.

¹² Saint-Jacob P. *Les Paysans de la Bourgogne du Nord...* Op. cit., p. 159.

¹³ Tresse R. *La Fabrica-*

tion des faux en France.—
 “*Annales E.S.C.*”, 1955,
 p. 356.

¹⁴ Mayerberg A. *Relation d'un voyage en Moscovie.* 1688, p. 105.

¹⁵ Guignes M. *Voyages à Pékin, Manille et l'Île de France... 1784–1801*, II, p. 174–175.

¹⁶ Abbé Prévost. *Histoire générale des voyages*, VI, p. 24.

¹⁷ *Ibid.*, p. 26.

¹⁸ *Ibid.*, p. 69–70.

ству, которое, несомненно, ничто не смогло бы упорядочить. Точно так же в XVII в. в Амстердаме все новые постройки возводились из кирпича – кирпича, темного от защитной обмазки дегтем и контрастировавшего с пятнами фронтонов или карнизов из белого камня. И в Москве в 1662 г. дома также обычно были еще деревянными, но вот уже несколько лет, «то ли из тщеславия, то ли чтобы более себя обезопасить от пожаров... весьма частых», строились «в довольно большом числе» кирпичные дома¹⁴.

Итак, материалы сменяли друг друга во времени, и смена эта обозначала линию успехов и обогащения. Но почти везде материалы и сосуществовали друг с другом. Например, в Китае наряду с широко использовавшимся деревом и с глинобитными постройками видное место в архитектуре городских жилищ и домов кое-каких привилегированных деревень занимал кирпич. Городские стены были обычно кирпичными, мосты – часто каменными, а некоторые дороги были замощены. В Кантоне низкие одноэтажные дома, что было правилом в Китае, слишком облегченные, почти без фундаментов, были из обожженного или сырцового кирпича, обмазанного раствором из соломы и извести¹⁵. Ни камня, ни мрамора: то было принадлежностью царской роскоши. В огромной ограде, окружающей пекинские дворцы, бесконечно чередуются террасы, лестницы и балюстрады из белого мрамора, и «все постройки возведены на фундаментах из красновато-серого мрамора» в рост человека¹⁶. Крыши с загнутыми краями, покрытые знаменитой лакированной черепицей, опираются на деревянные колонны и на «лес балок, лежней и брусьев из дерева, покрытых зеленых лаком с золотыми узорами»¹⁷. В китайской архитектуре такое сочетание мрамора и дерева почти не отмечено – за исключением императорского дворца, города «в себе», города исключительного. Описывая город Чжаоцзинфу в провинции Чжэцзян, «расположенный на одной из прекраснейших в мире равнин и очень напоминающий Венецию», с его перекрытыми мостами каналами и улицами, «вымощенными белым камнем», путешественник добавляет: «Часть домов построена из тесаного камня исключительной белизны, что почти не знает примера в других городах Китая»¹⁸.

ПРОЧИЕ СТРОИТЕЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ: ДЕРЕВО, ЗЕМЛЯ, ТКАНИ

В сочетании с глиной или с сырцовым кирпичом, или без такого сочетания, но дерево господствовало там, где географические условия и традиция благоприятствовали его использованию: в Пикардии, Шампани, в Скандинавских странах и Московии, в прирейнских областях – и повсюду, где его дальнейшему применению способствовало определенное отставание. Живописцы кельнской школы постоянно изображают в XV в. каркасные постройки с саманным заполнением стен. В Москве заранее срубленные деревянные дома могли быть собраны за несколько часов или перевезены туда, куда пожелает покупа-

¹⁹ Mayerberg A. *Op. cit.*,
p. 105–106.

тель¹⁹. Лес присутствовал везде; он был определяющей чертой окружавшего пространства и пейзажа, он предлагал и навязывал свои услуги. Чего же еще было искать? В Польше, где лес образовывал огромные дремучие массивы, как и в Московии, крестьянин, чтобы построить дом, «валит сосны, вывозит их стволы, которые раскалывает по длине пополам, укладывает их на четыре крупных камня, размещенные по углам квадрата и образующие основу; плахи он старательно укладывает плоской стороной внутрь. В оконечностях их он делает полукруглые выемки, чтобы перевязать плахи по углам, не оставив крупных щелей, и возводит таким способом сруб. в шесть футов высотой при двенадцати ширины, в котором прорубает два проема:

Деревянный мост
Турнель в Париже
около 1620 г.
Рисунок Матана.
(Собственность
автора.)

один для света, высоту примерно в фут, и другой – для прохода людей, высотой в четыре-пять футов. Два или три квадрата стекла или промасленной бумаги закрывают окошко. На одном из углов основания возвышаются четыре шеста, образующие ребра усеченной пирамиды, переплетенные обмазанными глиной сучьями; пирамида эта служит вытяжной трубой для дыма от печи, построенной внутри». Вся эта работа делалась с помощью «единственного инструмента» – топора²⁰. Этот образец не был ограничен Восточной Европой; он встречался во французских или итальянских Альпах, да и дома пионеров в Северной Америке, где условия были аналогичными, не очень от него отличались.

Там, где деревья не хватало – и где оно поэтому становилось роскошью, – единственным средством служили земля, глина и

²⁰ *La Pologne au XVIIIe siècle par un précepteur français*, Hubert Vautrin. P.p. Maria Cholewo-Flandin, 1966, p. 80–81.

²¹ Mandelslo J. A. *Voyage aux Indes orientales*, II, p. 270.

солома. В 1639 г. возле португальского Гоа дома «все из соломы и маленькие; в них нет других проемов, кроме узкой низенькой двери. Обстановка их состоит из нескольких камышовых циновок, на которых люди спят или принимают пищу ... Они обмазывают свои дома коровьим навозом, так как верят, что это выгоняет вшей»²¹. Эта картина подходит еще и сегодня для многих округов Индии: дом остается катастрофически крохотным, без очага, без окон, а деревенские улочки забиты скотом, для которого нет хлевов.

Сельские дома Северного Китая, какими их описывают Маркони или Гинь, по большей части «сделаны из сырцового кирпича или из земляной массы, недостаточно высушенной на солн-

Японский дом.
Древний китайский дом строился по такому образцу.
(Галерея Жанетт Остье.)

²² Macartney G. *Voyage dans l'intérieur de la Chine et en Tartarie fait dans les années 1792, 1793 et 1794...* III, p. 260; Guignes M. *Voyage à Péking...* 1808, II, p. 11, 180 et passim.

це и засыпанной между досками ... Порой стены просто из веток, обмазанных глиной. Кровли, как правило, соломенные. Изредка – из дернины. Помещения разделяются решетчатыми перегородками, и оклеены большими листами бумаги, на которых видны фигуры божеств или столбцы моральных поучений. Вокруг каждого дома имеется пустое пространство, огороженное изгородью или стеблями посадки *гаоляна* [сорго]»²². Модель современного дома напоминает эти старинные описания. Очень простая, она образует узкий прямоугольник, в лучшем случае два или три прямоугольника (тогда они расположены вокруг двора, огороженного стеной). Именно во двор выходят двери и, если они имеются, окна. Основным материалом – главным образом кирпич и черепица на Юге (признак богатства или традиция), глинобитные постройки и солома, сорговая или пшеничная, – на Севере.

Тем не менее кирпичный или глиняный, но дом почти всегда опирался на деревянный каркас. Разве постройку не называют в Китае вплоть до наших дней «предприятием из земли и де-

рева»? Но ведь дерево – редкость, особенно в столь лишенном лесов Северном Китае, и, если только постройка должна быть сколько-нибудь важной, обеспечение лесом требует «безумных затрат», денежных и трудовых. Так, чиновник XVI в. напоминает народную поговорку из Сычуани: «Из тысячи человек, уходящих в горы за лесом, возвращаются оттуда лишь пятьсот». И этот же очевидец рассказывает нам, что в Хубэе и Сычуани при любом объявлении о том, что для императорских построек требуется лес, крестьян «душили слезы отчаяния»²³.

В целом в Китае (и в тех областях, что находятся с ним по соседству и в некотором смысле под его культурным влиянием) строили на земле «из твердых материалов» – притом что *все относительно*. Напротив, Юго-Восточная Азия (Лаос, Камбоджа или Сиам, оставляя в стороне испытавшие китайское влияние районы Вьетнама) в большинстве случаев сохранила дома и амбары на сваях. Следовательно, неизбежны легкие постройки из дерева и бамбука с обрешеткой из дерева и самана и кровлей из «травы для хижин» – эквивалентом наших соломенных крыш²⁴. Не представляется ли эта относительная прочность китайских построек доказательством прочности его сельской экономики, его глубинной жизни?

Ислам также строил из твердого материала. И шевалье Шарден, с его тщательностью, которая попеременно то захватывает, то утомляет, показал это на примере Персии, где он оказался бесподобным наблюдателем, чему способствовали также его любовь к стране и энтузиазм. Хотя в Персии и не было недостатка в камне, там царил кирпич. И как фундамент, и сам по себе он годился для всего, тем более что и своды, венчавшие дома, исполнялись в кладке. Только крупные сооружения имели иногда потолки, поддерживаемые деревянными колоннами и пилястрами. Но кирпич этот – обожженный, красный и твердый (в этом случае за сто штук платили одно эку) или же только высушенный на солнце (в этом случае цена была всего два-три су) – был хрупким материалом. Так что дома, «весьма далекие от красоты наших», быстро ветшали, даже дворцы, если их не поддерживали. И люди, бедные или богатые, наследуя дом, обычно предпочитали его снести, дабы воздвигнуть свой собственный²⁵. Итак, мы хорошо видим, что в мире существовала иерархия строительных материалов, которая позволяла классифицировать архитектуры мира, сравнивая их между собой.

Самым хрупким из жилищ оставался шатер кочевников. Его материал варьировал – войлок, сукно из козьей или верблюжьей шерсти, – как варьировали и его форма, и пропорции. Но непрочное сооружение пережило века. Было это необходимостью или крайним средством? Достаточно бывало определенной конъюнктуры, случая, чтобы кочевник осел и изменил свое жилище. Так, несомненно, случилось в известной степени в конце Римской империи. И еще более верно, что так происходило во время турецких завоеваний и сопровождавшего их принудительного перевода на оседлость на Балканах. Так было в колониальном Алжире вчера и во всех мусульманских странах ныне.

²³ Yang L. S. *Les Aspects économiques des travaux publics dans la Chine impériale*. 1964, p. 38.

²⁴ Clément P., Charpentier S. *L'Habitation Lao, dans les régions de Vientiane et de Louang-Prabang*. 1975.

²⁵ *Voyage du Chevalier Chardin en Perse*. 1811, IV, p. 111 sq.

СЕЛЬСКОЕ ЖИЛИЩЕ ЕВРОПЫ

Нам издавна известны по всему миру две большие категории домов: сельские и городские. Вполне очевидно, что первые составляли большинство; они были скорее убежищами, чем домами, — убежищами, предназначавшимися для удовлетворения элементарных потребностей людей и домашних животных. Человеку Запада очень трудно себе представить сельские жилища стран ислама или остальной Азии в их повседневной реальности. Как и в иных отношениях, привилегированным континентом была здесь, на взгляд исторической науки, Европа. Хотя привилегия и была весьма умеренной.

Европейский крестьянский дом не фигурирует, если можно так выразиться, в памятниках литературы. Так, классическое его описание у Ноэля дю Фая — это всего лишь быстрый набросок бретонского дома в середине XVI в.²⁶ Так же обстоит дело и с относящимся к 1790 г. описанием финского хутора неподалеку от Санкт-Петербурга, хотя его и отличает довольно редкая точность: вот группа деревянных, большей частью разрушенных хибарок, образующая хутор; жилище — простая задымленная комната, два маленьких хлева, баня (*сауна*), печь для сушки пшеницы или ржи. А обстановка? Стол, скамья, чугунный котелок, котел, кадка, ведро, бочонки, ушаты, деревянные или глиняные тарелки, топор, заступ, сечка для капусты²⁷.

²⁶ Fail N. *Propos rustiques et facétieux*. Éd. 1856, p. 116–118.

²⁷ Georgi J. G. *Versuch einer Beschreibung der Russisch Kayserlichen Residenzstadt S. Petersburg...* 1790. S. 555–556.

Немецкие крестьянские дома с соломенными крышами (XVI в.); на переднем плане — телега и колодец с противовесом. Гравюра на дереве из «Космографии» Мюнстера, 1543 г. Германский национальный музей, Нюрнберг.

Обычно мы узнаем об этом доме немного больше по рисункам или картинам живописцев — об облике ли целых деревень, или об интерьере просторных домов, где жили вместе люди и скот. И еще больше узнаем мы, обращаясь к регламентации обычаев деревенского строительства.

В самом деле, в деревне дом строился или ремонтировался только с разрешения общины или сенъериальной администрации, контролирующей доступ к карьерам, откуда добывались камень или глина, и к лесам, откуда брали дерево «для домостроения». В XV в. в Эльзасе надлежало свалить пять крупных

Драси, деревня виноградарей на холмах Бургундии, заброшенная в 1400–1420 гг. Раскопки вскрыли примерно 25 жилищ. На снимке – два дома. На переднем плане типичный дом; он включает винный погреб, над которым располагается амбар, и большое жилое помещение с полом из утрамбованного грунта. Маленькие окна с большими откосами, ниша в кладке стены.

деревьев для постройки дома и столько же – для амбара²⁸. Эти же регламенты рассказывают нам также о том, каким способом на коньке крыши переплетали камыш, тростник или солому; о камнях, которые в горах укладывали на гонт (деревянную черепицу), чтобы ее не сорвало ветром; о сравнительно небольшой опасности пожара для соломенной кровли, долго подвергавшейся воздействию непогоды, и к тому же – о превосходном удобрении, каким может служить старая солома с кровли при ее замене; о корме из соломы (с кровли), который можно задавать скоту в пору бескормицы (как, скажем, в Савоие XVIII в.)²⁹; о способе сочетать дерево с глиной или располагать доски в главной комнате дома; об обыкновении наделять постоянный двор особой эмблемой – бочарным ли обручем, либо короной, как в Германии. Местоположение деревни, стена, часто огораживавшая всю совокупность домов, крепость, которой неоднократно бывала церковь, водоснабжение (речная вода, фонтан, колодец), распределение площади крестьянского дома между жильем для людей, помещением для скота и ригами – вот сколько известно деталей, притом сохранявшихся вплоть до XIX в. и даже позднее. В Варзи (Ньевр), маленьком бургундском городке, скорее деревенского облика, дома богатей оказываются крестьянскими, и описывающие их в XVII в. реестры почти не упоминают иных помещений, кроме единственной большой жилой комнаты – одновременно кухни, спальни и «гостиной»³⁰.

На протяжении примерно двадцати лет раскопки, проводимые на местах расположения покинутых деревень – в СССР, Польше, Венгрии, Германии, Дании, Голландии, Англии, а с недавнего времени и во Франции, – понемногу восполняют до того

²⁸ Kolesch H. *Deutsches Bauerntum im Elsass. Erbe und Verpflichtung*. 1941, S. 18. «Когда арендатор захочет построить себе дом, он подберет 5 лесин (Hölzer): одну на перемычку, одну – на лежень, одну – для конькового бруса и две – для коньковых опор».

²⁹ Vergmale F. *Op. cit.*, p. 253.

³⁰ Baron R. *La bourgeoisie*

de Varzy au XVII siècle.—
“Annales de Bourgogne”,
juil.-sept. 1964, p. 191.

³¹ Archéologie du village
déserté, 2 vol.—“Cahiers
des Annales”, № 27, 1970.

³² Planhol X. et Schneider
J. Excursion en Lorraine
septentrionale, villages et
terroirs lorrains.—
“Géographie et histoire
agraires, actes du colloque
international de l’Université
de Nancy”, Mémoire
№ 21, 1959, p. 39.

³³ Merle L. La Métairie et
l’évolution agraire de la
Gâtine poitevine. 1958,
chap. III, p. 75 sq.

³⁴ Ricerche sulle dimore
rurali in Italia. P.p. Centro
di Studi per la geographia
etnologica, Università di
Firenze (с 1938 г.).

³⁵ Raulin H. La Savoie.
1977 [первый том серии
“L’Architecture rurale
française. Corpus des
genres, des types et des
variantes”, серии, которая
обнаруживает данные
исследования,
проведенного
под руководством
П. Дюшартра и Ж. Ривье-
ра в 1942–1945 гг.].

³⁶ Baldacci O. La Casa
rurale in Sardegna.—
“Ricerche sulle dimore
rurali”, № 9, 1952
(вышеуказанная серия).

³⁷ Saibene C. La Casa
rurale nella pianura e nella
collina lombarda. 1955;
Vilar P. La Catalogne et
l’Espagne... Op. cit., II.

хроническую нехватку информации. Старинные крестьянские дома, обнаруженные в земле венгерской *пусты* или в иных местах, выявляют формы и детали — скажем, кирпичную печь, — которым суждено было быть увековеченными. Первые французские раскопки (1964 и 1965 гг.) коснулись трех заброшенных деревень: Монтегю (Аверон), Сен-Жан-ле-Фруа (Тарн) и Драси (Кот-д’Ор). Первая достаточно велика, в третьей найдено множество разнообразных предметов, а вторая достаточно раскопана, для того чтобы ее можно было реконструировать — с ее укреплением, рвом, крытым боевым ходом, мощеными и снабженными водосточными желобами улицами, с одним из ее жилых кварталов с двумя, а возможно и тремя церквями, построенными одна на месте другой и имеющими большие размеры, чем последняя, еще видимая на поверхности часовня...³¹

Урок этих раскопок заключен в относительной подвижности деревень и хуторов: они создавались, росли, уменьшались, а то и переезжали. Порой это бывало полное и бесповоротное оставление населенных мест, вроде тех *Wüstungen*, которые отмечали немецкие историки и географы. Чаше в пределах данной территории происходило просто перемещение центра тяжести, и из покинутой деревни подвижность, люди, животные, камни — все перебиралось за несколько километров. В ходе таких превратностей могла измениться и самая форма поселения. Плотная застроенная большая лотарингская деревня, *по-видимому*, восходит к XVII в.³² И в ту же эпоху рождались рощи в вандейской области Гатин — по мере образования изолированных друг от друга крупных хуторов, преобразивших пейзаж³³.

Но много деревень или домов дошло до нас, пусть и в измененном виде. Достаточно на них взглянуть. Наряду с городами-музеями есть и деревни-музеи, отправляясь от которых и двигаясь вспять, можно достигнуть далекого прошлого; главной проблемой при таком движении будет точно датировать этапы. Итак, обширные обследования — их результаты опубликованы для всей Италии³⁴ и должны быть опубликованы для Франции (всего 1759 неизданных монографических описаний)³⁵ — намечают возможные пути реконструкции. Там, где течение жизни не слишком убыстрилось, как, например, на Сардинии, часто встречаются нетронутые крестьянские дома, приспособленные по-разному, но приспособленные все сообразно достатку своих обитателей к своим задачам в зависимости от различных районов острова³⁶.

А впрочем, какой турист, какой путешественник не отыщет такие дома самостоятельно, без специального научного обследования? Скажем, интерьеры горных домов, сохраняемые в Инсбрукском музее, или какой-нибудь савойский дом, который еще стоит и до сего времени не разрушенным в угоду вкусам отпускников — дом с деревянной трубой, *la borne*, где копятся око-рока и колбасы. Подобным же образом в Ломбардии найдешь какие-нибудь большие крестьянские дома XVII в., а в Каталонии — великолепную усадьбу (*masia*) XV в. из прекрасного камня, со сводами, с арками³⁷. В последних двух случаях это означает наверняка встретить дома зажиточных крестьян. И конечно же, как редкость.

ГОРОДСКИЕ ДОМА И КВАРТИРЫ

Но, вне сомнения, легче нанести визит городским богачам, разумеется, в Европе, потому что вне Европы от старинных домов, за исключением княжеских дворцов, почти ничего не сохранилось: их подвел материал, из которого они были построены. И у нас нет надежных доказательств. Так что останемся в границах тесного континента.

Музей Клюни в Париже напротив Сорбонны – особняк клюнийских аббатов – был закончен в 1498 г. меньше чем за 13 лет Жаком д'Амбуазом, братом кардинала, долгое время бывшего министром Людовика XII. Некоторое время в 1515 г. он служил пристанищем молоденькой вдове Людовика XII, Марии Английской. Здание нашего Национального архива в квартале Марэ с 1553 по 1697 г. было резиденцией Гизов, тогда как Мазарини в 1643–1649 гг. жил, если можно так сказать, в Национальной библиотеке. Дом Жака-Самюэля, графа де Кубер (сына Самюэля Бернара, во времена Людовика XIV богатейшего купца Европы), на улице дю Бак, 46, в нескольких метрах от бульвара Сен-Жермен, был построен в 1741–1744 гг. Девятью годами позже, в 1753 г., его хозяин обанкротился, и даже Вольтер пострадал от этого³⁸ ... Но если вместо Парижа речь пойдет о таком великолепно сохранившемся городе, как Краков, то мы могли бы нанести визит либо князю Чарторьскому, либо Вежынеку, богатейшему купцу XIV в., чей дом, в котором еще сегодня можно позавтракать, находится на Рыночной площади (*Рынек*). В Праге мы могли бы, рискуя заблудиться, посетить огромный и слишком надменный дом Валленштейна на берегу Влтавы. В Толедо же музей герцогов Лерма, вне всякого сомнения, более подлинный, нежели дом Эль Греко...

Вот они – парижские квартиры XVI в., скромные и самое большее в два этажа; мы можем благодаря хранилищу Нотариального архива заново начертить их планы, как если бы они предлагались будущим клиентам-покупателям. Планы эти говорят сами за себя, но это отнюдь не жилища для всех³⁹. Потому что, даже когда развернулось непомерно широкое, по мнению парижан XVII–XVIII вв., строительство, бедняки по-прежнему жили в нищенских условиях – хуже, чем сегодня, а этим немало сказано.

Меблированные комнаты в Париже (их обычно держали виноторговцы или цирюльники) – грязные, полные вшей и клопов – служили прибежищем публичным женщинам, преступникам, чужеземцам, молодым людям без средств, только что приехавшим из своей провинции. Полиция без всяких церемоний производила в них обыски. Люди с чуть большим достатком жили на новых антресолях, построенных архитекторами со скидкой, в помещениях «вроде подвалов», или в последних этажах домов. Как правило, чем выше вы поднимались, тем ниже становилось социальное положение квартиранта. На седьмом, на восьмом этажах, в мансардах и на чердаках обитала нищета. Некоторые из нее выбивались; так жили Грез, Фрагонар, Верне и «не краснели из-за этого». Но остальные? В «Сен-Марсельском предместье», наихудшем из всех, в 1782 г. «целая семья за-

³⁸ Hilairt J. *Dictionnaire historique des rues de Paris*. 6e éd., 1963, I, p. 131, 453–454, 553, 554.

³⁹ Jurgens M. et Coupe-rie P. *Le logement à Paris aux XVIe et XVIIe siècles*. – *Annales E.S.C.*, 1962.

нимает [часто] одну комнату ... где убогие постели не занавешены, а кухонная утварь катается по полу вместе с ночными горшками». В конце каждого трехмесячного срока найма множились поспешные и постыдные переезды. Самым зловещим из них был переезд под рождество, в зимний холод. «Грузчик укладывает на свои крючья как раз весь домашний скарб бедняка: постель, тюфяк, стулья, стол, шкаф, кухонную утварь. Он спускает все его достояние с шестого этажа и вновь втаскивает на седьмой ... Так что справедливо, что в одном-единственном доме предместья Сент-Оноре [около 1782 г.] столько же денег, сколько во всем квартале Сен-Марсель, вместе взятом ...» А периодически этот квартал подвергался еще и наводнениям Бьевра – «речки мануфактуры Гобелен»⁴⁰. А что сказать по поводу притиснутых один к другому домов в маленьких городках, вроде Бове, каркасных, со скверным заполнением стен – «две комнаты внизу, две наверху и по семье в каждой комнате»⁴¹! Или о дижонских домах – «целиком вытянутых в глубину, которые на улицу выходят только узким фасадом», с заостренными коньками «в виде дурацкого колпака», тоже сделанных из балок и самана⁴².

То же положение везде, куда ни глянь. Так, в голландских городах и в самом Амстердаме беднота обитала в низких домишках или в полуподвалах. Такой бедный дом – а он был правилом до всеобщего расцвета XVII в. – это две комнаты: «передняя и задняя». Когда эти дома увеличивались в размерах, становясь отныне «буржуазными», они, оставаясь узкими по фасаду и вмещающая обычно только одну семью, вырастали насколько возможно в высоту и в глубину; наращивались полуподвалы, этажи, комнаты на консолях, все в закоулках и пристройках; комнаты соединялись между собой ступенями или лестницами шириной со стремянку⁴³. В доме Рембрандта позади парадной комнаты находилась комната с альковом и кроватью, на которой отдыхала больная Саския.

В XVIII в. решающей роскошью станет прежде всего отказ от привычной организации жилища у богатых. Беднота страдает от последствий такого отказа, но это уже другой вопрос. Появилось, с одной стороны, жилое помещение – место, где едят, спят, где воспитываются дети, где женщина исполняет лишь роль хозяйки дома и где скапливается, при огромном избытке рабочей силы, прислуга, которая трудится (или делает вид, что трудится), которая болтлива и вероломна, но и запуганна: одно слово, одно подозрение, одна-единственная кража означают тюрьму, а то и виселицу ... А с другой стороны, появился дом, в котором работают, лавка, где торгуют, даже кабинет, где проводят большую часть своих дней⁴⁴. До того времени существовала определенная нерасчлененность: лавка или мастерская помещались в собственном доме хозяина, и там же он поселял своих работников и подмастерьев. Отсюда и возникла характерная форма домов купцов и ремесленников в Париже, домов узких (по причине цен на землю) и высоких: внизу размещалась лавка, над нею – жилище хозяина, а выше – комнаты работников. И так же точно в 1619 г. каждый лондонский булочник давал у себя кров своим детям, слугам и подмастерьям

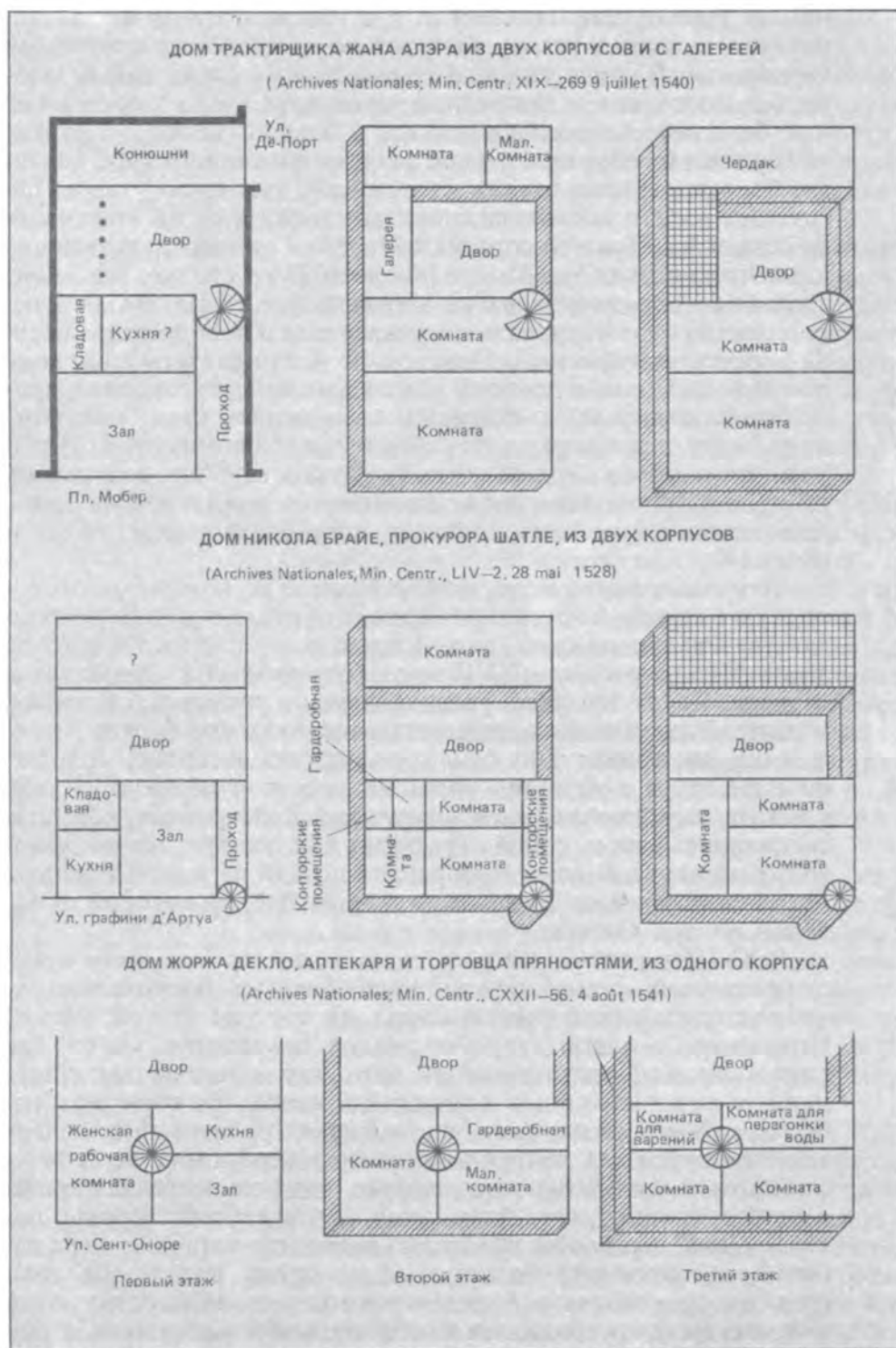
⁴⁰ Обо всем вышеизложенном см.: Mercier L.-S. *Op. cit.*, I, p. 11, 270.

⁴¹ Goubert P. *Op. cit.*, p. 230, note 34.

⁴² Roupnel G. *Op. cit.*, p. 114–115.

⁴³ Zumthor P. *La Vie quotidienne en Hollande...* *Op. cit.*, p. 55–56.

⁴⁴ Mumford L. *La Cité à travers l'histoire*. 1964, p. 485–486.

⁴⁵ Laslett P. *Un monde que nous avons perdu*, p. 7-8.

⁴⁶ Dermigny L. *Les Mémoires de Charles de Constant sur le commerce à la Chine*. 1964, p. 145; Guignes M. *Op. cit.*, III, p. 51.

ям; вся эта группа составляла «семейство» «*the family*», главой которого и был мастер-пекарь⁴⁵. Даже королевские секретари во времена Людовика XIV порой имели служебные кабинеты в собственных своих жилищах.

В XVIII в. все переменялось. И следует думать, что то было решение вынужденное, навязанное логикой большого города, ибо, к своему удивлению, мы с этим сталкиваемся в Кантоне в такой же мере, как в Париже или Лондоне. В XVIII в. у китайских купцов, связанных с европейцами, лавки существовали отдельно от жилых домов. То же самое было и в Пекине, где состоятельные торговцы каждый вечер покидали свою лавку, чтобы отправиться в квартал, где жили их жены и дети⁴⁶.

Какое же несчастье для справедливого осмысления нами мира, что образы, чуждые Европе, скрыты от нашей любознательности! Даваемые нами схемы и облики домов мусульманских стран, Китая, Индии рискуют показаться – и оказываются – вневременными. Даже города не обнаруживают перед нами своего подлинного лица – читатель может сослаться на то, что мы говорим в этой книге даже о Пекине. Тем более что путешественники, снабдившие нас сведениями, не обладали скрупулезной любознательностью Монтеня: они склонны были рисовать величественные картины, которых ожидали их возможные читатели, описывать не каирские дома, а пирамиды, не улицу или лавки и даже не жилища сановников в Пекине или Дели, а императорский «запретный город» с его желтыми стенами или дворец Великого Могола...

УРБАНИЗИРОВАННЫЕ ДЕРЕВНИ

Однако же вполне очевидно, что во всемирном масштабе разделение между домами городов и деревень чересчур категорично. На уровне богатых семей между ними происходило «смыкание», ибо, если исключить отдельные перемены, вроде тех, что в XVI и XVII вв. обновили целиком и очень заметно английскую деревню⁴⁷, изменения в деревнях были отражением и следствием самого блеска города. Едва только в последнем накапливалось слишком много денег, он помещал, вкладывал их в ближних деревнях. И он делал бы это даже в том случае, если бы богачей не привлекала земля, дававшая дворянство, не привлекали большие или по меньшей мере надежные доходы, право юрисдикции в деревне и удобства сеньериальных резиденций.

Такое возвращение к полям было сильной чертой Запада. В XVII в. с общей переменой конъюнктуры оно превратилось в охватившее всех безумие. Дворянская и буржуазная земельная собственность «расползалась» вокруг городов, как масляное пятно. Архаичными и «крестьянскими» оставались лишь окраинные области, защищенные от этих хищных appetitов. Ибо городской собственник следил за своим именем, оберегал свою ренту, свои права; с его земель к нему поступали хлеб, вино, птица. При случае он жил в имении и нередко перестраивал для собственного пользования часть строений, объединяя земельные участки, устраивая «огораживания»⁴⁸.

⁴⁷ Pollard S. and Crossley D. *The Wealth of Britain*. p. 97 sq.; Barley M. W. – в кн.: *The Agrarian History of England and Wales*. P.p. Joan Thirsk, IV, 1967, p. 745 sq.

⁴⁸ Venard M. *Bourgeois et paysans au XVIIe siècle. Recherches sur le rôle des bourgeois parisiens dans la vie agricole au sud de Paris*. 1957.

Этим и объяснялось существование вокруг Парижа такого количества господских мыз, барских домов, «загородных домов» («maisons des champs»). То же самое относится и к «деревенским домам» («bastides») в сельской местности Прованса; и к тем флорентийским загородным резиденциям, которые после

Вилла Медичи в Треббио (долина р. Сиеве, притока Арно) с церковью, садами, сельскими постройками. Укрепленный дом в средневековом стиле, прибежище «на всякий случай», принадлежал умершему в 1528 г. Джованни делле Банде-Нере, отцу Козимо, первого великого герцога Тосканского. (Фото Скала.)

XVI в. образовали за пределами города вторую Флоренцию, такую же богатую, как и настоящая; или к венецианским дачам в долине Brenty, заимствовавшим у старого города саму его сущность. В XVIII в. городскими дворцами пренебрегали ради сельских вилл. Совершенно очевидно, что во всем этом играли свою роль и соображения выгоды, будь то в окрестностях Лиссабона, Рагузы, Дижона, Марселя, Бордо, Милана, Нюрнберга, Кёльна, Гамбурга, Гааги и Лондона. По всей английской деревне в XVIII в. строились дорогостоящие господские дома. Сборник гравюр, вышедший в свет в 1779 г.⁴⁹ дает описание и изображение 84 из таких «замков», в частности дома герцога Орфордского в Хотоне, в графстве Норфолк (строительство которого было начато Уолполом в 1722 г. и закончено в 1735 г.), с его огромными залами, мрамором, галереями. Однако одно из самых прекрасных путешествий в поисках неоклассических вилл XVIII в. еще и сегодня (хотя уже становится поздно!) привело бы нас в окрестности Неаполя, вплоть до Торре-дель-Греко, виллы Барра в Сан-Джорджо, Кремано в Портичи, по соседству с Палаццо Реале, Резина в Торре-Аннунциата. Все это пышные виллы, великолепные летние резиденции между морем и склонами Везувия.

Эта колонизация городом деревни, очевидная в Европе, существовала повсюду. Так обстояло дело с теми господскими до-

⁴⁹ Watts W. *The Seats of the Nobility and Gentry in a collection of the most interesting and picturesque views...* 1779.

⁵⁰ Moryson F. *An Itinerary*. 1617, I, p. 265.

* Ренс (араб., раис в турецком произношении) – здесь: адмиралы пиратского флота. – *Прим. ред.*

⁵¹ Brito V. G. *Historia tragicomaritima*. VIII, 1905, p. 74.

⁵² Escalante B. *Primeira Historia de China* (1577). 1958, p. 37.

⁵³ Abbé Prévost. *Op. cit.*, V, p. 507–508 (*Voyage de Isbrand Ides*, 1693).

⁵⁴ *Mémoires...* (труды отцов-миссионеров в Пекине), *op. cit.*, II, 1777, p. 648–649.

мами, которые строили по обоим берегам Босфора стамбульские богачи⁵⁰, или алжирские реисы*, на холмах Алжирского побережья, где сады были «красивейшими в мире»⁵¹. Если на Дальнем Востоке это явление не было столь явным, то это объясняется отсутствием безопасности в деревнях и в еще большей мере – недостаточностью нашей документации. В 1577 г. Бернардино де Эскаланте рассказывал в своей книге (со слов других путешественников) о загородных домиках (*maisons de plaisir*) богатых китайцев «с их садами, купами деревьев, вольерами и прудами»⁵². Московский посол, прибывший в ноябре 1693 г. в окрестности Пекина, восхищался «множеством загородных домиков или великолепных замков, которые принадлежат мандаринам и жителям столицы ... с широким каналом перед каждым домом и маленьким каменным мостиком для перехода через него»⁵³. Здесь идет речь о старинной традиции. По меньшей мере с XI в. китайская литература восхваляла очарование и усладу этих домиков на родниковых водах, всегда возле искусственного пруда с «пурпурными и пунцовыми» цветами водяных лилий. Собрать там библиотеку, наблюдать там за лебедями и за «аистами, подстерегающими рыбу», или «подкарауливать вылезавших кроликов» и пронзать их своими стрелами «у входа в их норы» – разве может быть на сей земле большее наслаждение?⁵⁴

ИНТЕРЬЕРЫ

Первое дело – обрисовать внешний облик домов; второе – то, как выглядят они изнутри. Никто не сможет сказать, будто вторая задача проще первой. В самом деле, заново возникают все проблемы классификации, интерпретации, общей картины в масштабах всего мира. И на сей раз увидеть то, что сохраняется, то, что медленно изменяется, – означает наметить основные черты картины. Однако интерьеры почти не изменяются всякий раз, когда речь идет о бедноте, где бы она ни жила, или о цивилизациях, замкнутых в себе, почти неподвижных, – в общем, о бедных либо обедневших цивилизациях. Под знаком непрерывавшегося изменения оставался лишь Запад. Такова привилегия господ.

БЕДНЯКИ БЕЗ МЕБЕЛИ

Первое правило – нужда у бедных – подразумевается само собой. Если это установлено для самой богатой и всего быстрее изменяющейся цивилизации – европейской, то оно *a fortiori** действительно для других. А бедняки в деревнях и бедняки городские жили на Западе почти совсем без обстановки. Мебели у них не было или почти не было, по крайней мере до XVIII в., когда начала распространяться элементарная «избыточность» (стулья – ведь до того времени обходились скамьями⁵⁵, – шер-

* Тем более (лат.). – *Прим. ред.*

⁵⁵ Gonon M. *La Vie quotidienne en Lyonnais d'après les testaments, XIVe–XVIe siècles*. 1968, p. 68.

стяные тюфяки, перины), когда в отдельных районах появилась крестьянская парадная мебель, раскрашенная или старательно украшенная резьбой. Но это было исключение. Посмертные описи имущества, документ правдивый, говорят об этом в ста случаях против одного. В Бургундии еще в XVIII в., если отвлечься от столь малочисленных зажиточных крестьян, мебель у поденщика или у мелкого крестьянина была одинакова в своей бедности: «крюк для подвешивания котла, котелок в очаге, латки, сковороды («*quasses*»), квашня («*meix*») для замеса теста ... сундук, закрывающийся на ключ, деревянная кровать с четырьмя колонками, с перовым тюфяком и периной («*guédon*»), подушка-валик, иногда – «вышивка» (покрывало на кровати); дрогетовые панталоны, куртка, гетры; немногие орудия (лопаты, кирки)». Но до XVIII в. эти же самые описи ограничивались кое-каким скарбом: скамьей, столом, табуреткой, дощатой кроватью, тюфяком, набитым соломой... С XVI по XVIII в. в Бургундии полным-полно протоколов «с упоминанием людей, спящих на соломе... не имеющих ни кровати, ни мебели», которых «от свиней отделяет только загородка»⁵⁶. И давайте верить собственным глазам. На картине Адриана Броувера (1605–1638 гг.) четверо крестьян поют хором в бедно обставленной комнате: несколько табуреток, скамейка, бочонок, служащий столом, на котором рядом с тряпичей лежит хлеб и поставлен кувшин. Это не случайность. Старые бочки, распиленные пополам, даже превращенные в кресла со спинкой, использовались для любых надобностей в деревенских кабачках, столь дорогих сердцу голландских живописцев XVII в. А на полотне Яна Стена доска, положенная на бочку, превратилась для молодого крестьянина в конторку на время урока письма, который дает ему стоящая рядом мать. И он еще не принадлежал к самым обездоленным, раз вокруг него умели читать и писать! Несколько слов из старого текста XIII в. – сами по себе настоящая картина: в Гаскони, которая все же была «богата белым хлебом и превосходным красным вином», крестьяне, «усевшись вокруг огня, имеют обыкновение есть без стола и пить все из одной чарки»⁵⁷.

Все это довольно логично: нищета была повсеместной. Характерно, что французский ордонанс 1669 г. предписывал снести «дома, построенные на жердях бродягами и бездельниками», на опушках лесов⁵⁸. Эти шалаши заставляют вспомнить о тех, что построили несколько англичан, сбежавших в 1664 г. от лондонской чумы и укрывшихся в лесной чаще⁵⁹. В городах зрелище было таким же грустным: в Париже в Сен-Марсельском и даже в Сент-Антуанском предместьях достатком обладали только несколько столяров; в Ле-Мане или Бове рабочие-ткачи жили в полной нищете. Но и в Пескаре, маленьком городишке с тысячей жителей на берегу Адриатического моря, обследование 1564 г. отмечало, что три четверти семей, прибывших с соседних гор или с Балкан, практически не имели жилья и обитали в берлогах (уже тогда бидонвили!). И однако, город, при всей своей малости, имел собственную крепость, свой гарнизон, свои ярмарки, порт, соляные разработки и находился в той самой Италии второй половины XVI в., жизнь которой бы-

⁵⁶ Saint-Jacob P. *Op. cit.*, p. 553, 159

⁵⁷ *Le Guide du pèlerin de Saint-Jacques de Compostelle*. P.p. Jeanne Vieliard, 1963, p. 29.

⁵⁸ *Ordonnance de Louis XIV... sur le fait des eaux et forests, 13 août 1669*. 1703, p. 146.

⁵⁹ Defoe D. *Journal de l'année de la peste*. P.p. J. Aynard, 1943, p. 115 sq.

«Русский ужин». В этой избе XVIII в. почти совершенно отсутствует мебель, а зыбка подвешена. Гравюра Ле Пренса. Национальная библиотека, Кабинет estamp.

⁶⁰ Braudel F. *Médit...* I, p. 415.

⁶¹ *Ibid.*, p. 234.

ла связана с океанским величием и драгоценными металлами Испании⁶⁰. В богатейшей Генуе каждую зиму бездомные бедняки продавали себя на галеры как добровольных каторжников⁶¹. В Венеции нищие со своими семьями жили на сгнивших лодках у набережных (*fondamenta*) или под мостами на каналах – это были братья китайских ремесленников, без конца передвигавшихся в поисках работы вверх и вниз по рекам, протекавшим через города, на своих джонках или сампанах вместе со своими семьями, домашними животными и птицей.

ТРАДИЦИОННЫЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ, ИЛИ НЕИЗМЕННЫЕ ИНТЕРЬЕРЫ

Второе правило: традиционные цивилизации остаются верны своему привычному убранству. Если отвлечься от отдельных вариаций – фарфора, картин, бронзы, – то китайский интерьер может быть отнесен с таким же успехом к XV, как и к XVIII в. Традиционный японский дом был в XVI или XVII вв. таким же, каким мы можем его видеть еще и сегодня, за исклю-

чением цветных гравюр, которые стали его украшать в XVIII в. То же самое в Индии и Индонезии. А мусульманский интерьер прошлых времен можно себе вообразить по совсем недавним картинам.

Впрочем, неевропейские цивилизации, кроме китайской, были бедны мебелировкой. В Индии практически не было ни стульев, ни столов: слово *mései* в тамили восходит к португальскому *mesa* (стол). Не было стульев и в Черной Африке, где бенинские художники довольствовались имитацией стульев европейских. Также не было стульев и высоких столов в странах ислама или в тех странах, которые испытали его влияние. В Испании в «Антиалькоране» (1532 г.) Переса де Чинчона среди прочих инвектив против морисков фигурирует и такое несколько странное доказательство превосходства: «Мы, христиане, усаживаемся на доброй высоте, а не на земле, как животные»⁶². В сегодняшней мусульманской части Югославии, например в Мостаре, еще два десятка лет назад был обычным низкий столик, который окружали сидевшие на подушках сотрапезники. Такой столик сохраняется в некоторых семьях, приверженных традиции, и во многих деревнях⁶³. В 1699 г. голландским купцам рекомендовалось везти в Московию очень прочную бумагу, так как у русских-де мало столов, и, поскольку чаще всего приходится писать на колене, нужна бумага прочная⁶⁴.

Конечно же, у Запада были не только преимущества и превосходство над иными странами. Последние приняли для жилища и мебелировки решения остроумные и зачастую менее дорогостоящие, нежели западные. В своем активе и они имели преимущества: ислам – свои общественные бани (унаследованные, однако, от Рима), Япония – изящество и чистоту самых рядовых интерьеров, изобретательность в членении пространства.

Когда Осман-ага возвращался после своего нелегкого освобождения (десятью годами раньше при взятии Липовы его захватили в плен, а вернее – обратили в рабство австрийцы), он проезжал через Буду, отвоеванную христианами в 1686 г., и был совершенно счастлив той весной 1699 г., что смог отправиться «в великолепные бани этого города»⁶⁵. Разумеется, речь шла о тех турецких банях, построенных на берегу Дуная под стенами крепости, куда со времен османского господства имел бесплатный доступ каждый желающий.

В глазах Родриго Виверо⁶⁶, увидевшего японские дома в 1609 г., они со стороны улицы были не столь красивы, как испанские, но превосходили их красотой внутреннего убранства. В самом скромном из японских домов все с утра прибрано, как бы укрыто от нескромного взгляда – скажем, подушки от постелей. Повсюду циновки из рисовой соломы, светлые перегородки помещений, все расположено в строгом порядке.

Однако же сколько и отставания! Нет отопления. В основном, как и в средиземноморской Европе, рассчитывали, что об этом позаботится солнце. А оно подчас заботилось плохо. На всех землях турецкого ислама не было даже каминов, если исключить монументальный камин стамбульского сераля. Единственным решением служила жаровня («brasier»), когда можно

⁶² Цит. по: Cardaillac L. *Morisques et chrétiens. Un affrontement polémique.* 1977, p. 388.

⁶³ По свидетельству Б. Тененти, доцента

Практической школы высших исследований.

⁶⁴ Huet P. D. *Mémoire touchant le négoce et la navigation des Hollandais... en 1699.* P.p. P. J. Block, 1903, p. 243.

⁶⁵ См.: *Der Gefangene der Giaueren.* Hrsg. von Kreutel R., Spies O. 1962, S. 150.

⁶⁶ Vivero R. *Du Japon et du bon gouvernement de l'Espagne et des Indes.* P.p. Juliette Monbeig, p. 180.

Китайская чаша начала XVIII в.: ученый читает в беседке, сидя на стуле (по всей вероятности, изображение сцены из романа). Музей Гиме. (Фото М. Кабо.)

⁶⁷ Gemelli Careri G. F. *Op. cit.*, II, p. 17.

⁶⁸ *Le Japon du XVIIIe siècle vu par un botaniste suédois* P.p. Claude Gaudon, 1966, p. 241–242.

⁶⁹ Guignes M. *Op. cit.*, II, p. 178.

⁷⁰ Chardin. *Op. cit.*, IV, p. 120.

раздобыть для нее древесный уголь или каменноугольную мелочь. В современной Югославии мусульманские дома всегда без печей. Каминны существовали в Персии, притом во всех домах богатей, но были они узкими, «потому что персы, чтобы избежать дыма и сэкономить дрова, которые весьма дороги, сжигают их в стоячем положении»⁶⁷. Зато не было каминов ни в Индии, ни в Индонезии — где, впрочем, они никогда и не были нужны. Не было их и в Японии, где, однако, случаются и сильные холода: у дыма от кухонного очага «есть только один выход — через отверстие в крыше»; жаровни с трудом обогревали плохо огражденные помещения⁶⁸, и купание в деревянной кадке с почти кипящей водой, которая имелась в любом доме, было в такой же степени средством согреться, как и помыться.

В Северном Китае, таком же холодном, как и Сибирь, напротив, общую комнату согревали, «зажигая огонь в маленькой печи, каковая находится у подъема на возвышение, которое расположено в глубине помещения и на котором спят. В Пекине у богатых людей печи побольше: их дымоходы проходят под жилыми помещениями, а топят печи снаружи». В общем, некое подобие центрального отопления. Но в бедных домах часто довольствовались примитивной жаровней: «сковородой с раскаленными угольями»⁶⁹. Так же обстояло дело и в Персии, где нередко случаются сильные холода⁷⁰.

Следовательно, за очень немногими исключениями, отопление не было, или почти не было. Не было, или почти не было, и мебели. Страны ислама знали кое-какие сундуки из драгоценно-

го кедра, где хранили одежду, ткани и семейные ценности; самое большее там пользовались низким столиком, иногда – большим медным подносом, поставленным на деревянную раму. Ниши в стенах комнат играли роль шкафов, во всяком случае в турецких и персидских домах. Но «никаких кроватей или стульев, какие есть у нас; никаких зеркал, никаких столов или круглых столиков на одной ножке, никаких шкафчиков и никаких картин». Ничего, кроме тюфяков, которые расстилают вечером и сворачивают утром, обилия подушек и восхитительных яркоокрашенных шерстяных ковров, порой наваленных друг на друга⁷¹, ковров, к которым христианский мир всегда испытывал страсть. Но это же меблировка кочевников.

Богатства, которые видишь в стамбульских музеях, – это драгоценные ткани, нередко вышитые стилизованными тюльпанами, это витые стаканы (так называемые «соловьиный глаз»), великолепные ложки из горного хрусталя, слоновой кости, перечного дерева, инкрустированные медью, серебром, перламутром или кораллом; это кипрский, а то и того лучше – китайский фарфор, роскошные драгоценности и два или три изумительных трона, целиком покрытые рубинами, изумрудами, бирюзой и жемчугом. Такое же впечатление оставляет тщательный перечень сокровищ курдского князя, захваченного турецкими войсками в июле 1655 г., – сокровищ, пущенных в распродажу с аукциона: сундуков из слоновой кости, кипариса и эбенового дерева, ларцов, инкрустированных сверкающими драгоценными камнями, сияющих бриллиантами флаконов с розовой водой, курильниц для благовоний, книг, напечатанных на Западе, списков Корана, исполненных порой знаменитыми каллиграфами и украшенных драгоценными камнями, серебряных подсвечников, китайского фарфора, агатовых чаш, изникских * кубков и блюд, оружия, достойного «Тысячи и одной ночи», – сабли с клинками из драгоценных булатов в покрытых золотом ножнах, серебряные булавы, шитые золотом седла и, наконец, сотни тигровых шкур и бесчисленные ковры...⁷²

⁷¹ Chardin. *Op. cit.*, IV, p. 19–20.

* Изник – турецкое название Никея в Малой Азии, в античности и в средние века крупного политического, экономического и культурного центра Средиземноморья. – *Прим. ред.*

⁷² Arménag Sarkisian. *Abdal Khan, seigneur kurde de Bitlis au XVIIe siècle et ses trésors.* – “*Journal asiatique*”, avril–juin 1937, p. 255–267.

ДВОЯКАЯ КИТАЙСКАЯ МЕБЕЛЬ

На протяжении столетий, которые нас здесь занимают, в Китае не происходило резких перемен, но наблюдалось подспудное усложнение обстановки, отличающее Китай от прочих неевропейских стран. В самом деле, он представляет исключение со своей обильной изысканной мебелью, со своими драгоценными породами дерева, порой привезенными очень издалека, со своим лаком, своими шкафами, этажерками с хитроумно устроенными полками, высокими и низкими столами, стульями, скамейками и табуретами, со своими кроватями, обычно имевшими полог – примерно так же, как на Западе в прошлом. Самой заметной оригинальной чертой было употребление стола со стулом, табуретом или скамейкой (ибо это предполагает определенный образ жизни). Заметим, однако, что все это не было изобретением Древнего Китая. Когда Япония заимствовала все материальные предметы цивилизации танского Китая

(618–907 гг.), тщательно их скопировав, она не обнаружила там ни стула, ни высокого стола. Собственно говоря, нынешняя японская мебель в точности соответствует архаической китайской мебелировке: низкие столики, подлокотники, позволяющие более удобно сидеть на корточках, циновки (японские *татами*) на более или менее выступающих возвышениях, низкорасположенная мебель (этажерки и выстроенные в ряд сундуки), подушки – все здесь приспособлено для жизни на уровне земли.

Стул, вероятно, появился в Китае во II или III в. н. э., но ему потребовалось много времени для того, чтобы сделаться обычной мебелью (первое известное изображение стула относится к 535–540 гг. – резная стела в музее Канзас-Сити, США). Происхождение его, вероятно, европейское, какой бы кружной путь он ни проделал, чтобы добраться до Китая (через Персию, Индию или северные области Китая), к тому же первоначальное его китайское название, употребляемое еще и сегодня, означает «варварское ложе». Вполне возможно, что поначалу стул служил почетным сидением, светским или духовным. И даже совсем недавно стул в Китае берегли для почетных гостей, для пожилых лиц, а табурет использовался намного шире – как в средневековой Европе.

Но что по-настоящему важно, так это сидячее положение, которое предполагает употребление стула и табурета, следовательно, определенный образ жизни, ряд телодвижений, которые противны традиции телодвижений Древнего Китая, противоположны и традициям других азиатских стран, да, впрочем, и всех неевропейских стран. Если стул и прошел через Персию или Индию, то он не достиг по дороге успеха в народе. А ведь в XIII в., например, на китайском свитке, ведущем нас по сельской дороге, а затем через китайский город, можно увидеть, как на сельских постоянных дворах, так и в городских лавках, высокие столы со скамьями и разнообразными сиденьями.

Для Китая такое приобретение совпало с новой манерой жить, тем более самобытной, что она не исключила старинные способы существования. Так что в Китае сложатся два типа мебели – низкая и высокая. Большая общая комната, столь характерная для всего Северного Китая, окажется, впрочем, двуликой: на нижнем уровне стул, табурет и скамья будут сопровождаться высоким столом и высоким шкафом (зачастую – с выдвигаемыми ящиками), но шифоньера, или комода, целиком из таких ящиков Китай никогда не знал, разве только в позднее время и в отдельных случаях как подражание Европе в XIX в. Мебель древнего типа, или японская, располагалась на верхнем уровне – на просторном возвышении, построенном из кирпича и достигающем высоты скамейки, в другой части помещения. Это *кан*, обогреваемый внутренними дымоходами, устланный циновками или войлоком, подушками, яркими коврами, с низким столиком и такими же низкими шкафами и сундуками. Именно на нем спят зимой, не опасаясь холода, здесь же, сидя прямо на полу *кана*, и принимают гостей, поят их чаем. И здесь же женщины занимаются шитьем или ткут свои ковры. Китаец, прежде чем взойти на *кан*, разувается; на ногах у него остаются лишь «сапожки» из синего полотна, подшитые белым ватином, ко-

Две манеры сидеть.
Здесь изображен
миниатюрист;
персидская копия
портрета некоего турка,
приписываемого
Джентиле Беллини
(1424–1507 гг.).
Собрание Ж. Дусе.
(Фото Жиродона.)

торые человек должен всегда носить безупречно чистыми. В Южном Китае не было необходимости в отоплении, но и там имелись эти же два типа мебели. Отец де Лас Кортес, делая зарисовки увиденного им в начале XVII в. в районе Кантона, изображает китайцев, обедающих за квадратным столом, сидя на стульях. И когда он нам рисует паланкин, то как бы тот ни отличался своей легкой деревянной конструкцией, построен он был на том же принципе, что и европейский портшез.

Вышеприведенный беглый обзор ставит проблему этого все-таки впечатляющего видоизменения форм, однако не дает ее решения. Видеть в нем просто случайное распространение стула и многочисленные последствия его введения – одно из тех упрощенных объяснений, какими изобилуют истории техники прошлого. Реальность (к этому мы вернемся, рассматривая вопрос в целом в следующей главе) всегда была куда сложнее. В самом деле, в Китае – скажем грубо, уже до XIII в. – наблюдались значительная тяга [к двоякому образу жизни] и своего рода разделение между жизнью сидя и жизнью на корточках, прямо на земле. Последняя была обычной, первая же – официальной: престол государя, кресло мандарина, скамья и стулья в школах... Все это нуждается в объяснениях и исследованиях, находящихся за пределами наших возможностей. И тем не менее надлежит констатировать знаменательное обстоятельство: то, что по всему миру существовали две формы поведения в повседневной жизни – положения сидя и на корточках. Последнее распространено было повсеместно, за исключением Запада; и только в Китае обе формы уживались рядом. Поиски происхождения такой формы поведения в Европе привели бы к античности, к самым истокам западной цивилизации.

...А здесь –
нарисованный
Шарденом
писатель (XVIII в.)
Национальная
библиотека, Кабинет
эстампов.

Но вот несколько картинок как бы в виде резюме. В японской повозке, запрягаемой быками, нет сидений для путешественного, как будто так и полагается. На персидской миниатюре государь на своем обширном троне сидит по-турецки, скрестив ноги. Еще вчера в Каире египетские кучера на наемных экипажах, имея перед сиденьем охапку соломы, подгибали ноги под себя, хотя могли бы их вытянуть вперед. В конечном счете речь идет, пожалуй, о почти что биологическом различии⁷³: отдыхать по-японски, опустившись на колени, сидя на пятках, или скрестив ноги, как в Турции и других мусульманских странах, или же на корточках, как это столь часто делают индийцы, невозможно либо по меньшей мере трудно для европейцев. Европейская манера сидеть показала японцам до того удивительной, что они обозначили ее забавным выражением «вывешивать ноги» ... Но вот зимой 1693 г. путешественник Джемелли Карери едет в турецкой, точнее – болгарской «каруце» (пассажирской повозке) из Галлиполи в Адрианополь. В повозке не было сидений. «Так как я вовсе был непривычен сидеть на полу, скрестив ноги по-турецки, – пишет он, – я чувствовал себя очень скверно в этой каруце без сидений, сделанной так, что нет европейца, которого бы она не стеснила так же точно». Двумя годами позднее он же в индийском паланкине был «вынужден лежать, вытянувшись словно в кровати»⁷⁴. Нам такое вынужденное состояние покажется не столь уж тягостным! Но и в Пекине экипажи зачастую бывали без сидений, и Джон Барроу ворчит вслед за Джемелли Карери, «что для европейца это самый отвратительный вид повозки, какой только можно себе вообразить»⁷⁵.

⁷³ Слово «биология», показавшееся некоторым моим критикам преувеличением, явно не следует понимать в прямом смысле. Но любой взрослый европеец не способен без серьезного перечувствования часами сидеть, скрестив ноги по-турецки (Шарден, 10 лет проживший в Персии, в конечном счете к этому привык и чувствовал себя удобно). Верно и обратное: индийцы и японцы признавались мне, что в парижском кинотеатре они незаметно подтягивали ноги на кресло, принимая то единственное положение, какое для них удобно.

⁷⁴ Gemelli Careri G. F. *Op. cit.*, I, p. 257.

⁷⁵ Barrow J. *Voyage en Chine*. 1805, I, p. 150.

«Женщины Индостана» в часы трапезы – миниатюра-иллюстрация к «Истории Индии» Мануччи. Национальная библиотека, Кабинет эстампов.

Только китайцы были привычны к двум положениям без различия (хотя китайцы татарского происхождения, в сущности, мало восприняли стул и стол; с этой точки зрения в Пекине существовала даже разница в стиле жизни между татарским и китайским городом). Один француз, в 1795 г. принятый в Пекине в качестве члена голландского посольства, рассказывал: «Мандарины вздумали заставить нас усесться со скрещенными ногами. Но, видя, что такое положение причиняет нам большое неудобство, отвели нас в большой павильон, снабженный столами и стульями», обставленный с большей роскошью; «на возвышении был большой ковер, а внизу разожгли огонь»⁷⁶. На Западе аналогичную ситуацию в какой-то момент создало в Испании взаимное «наложение» иберийской и мусульманской культур. Приводившееся нами рассуждение Переса де Чинчона по поводу мусульман, которые «усаживаются на земле, как животные», повторено им в другой, на первый взгляд непонятной форме: «На земле, как женщины». И действительно, именно испанские женщины долгое время, до самого XVII в., продолжали сидеть по-арабски, на подушках. Отсюда и выражение «*tomar la almohadilla*» (буквально: взять подушку) для обозначения того, что какая-нибудь придворная дама получила право сидеть в присутствии королевы. Во времена Карла V в приемных залах для женщин предназначалось возвышение с подушками и низкой мебелью⁷⁷. Можно было подумать, что ты в Китае.

В ЧЕРНОЙ АФРИКЕ

Бедность людей или бедность цивилизаций – результат один. А для «культур»⁷⁸ они кумулируются; в итоге возникает двойная бедность, и нужда сохраняется на протяжении веков. Как раз такое зрелище представляет Черная Африка, на которой хотелось бы ненадолго задержаться, дабы получить быстрое и наглядное подтверждение.

⁷⁶ Guignes M. *Op. cit.*, 1795, I, p. 377.

⁷⁷ Sougez M.-L. *Styles d'Europe: Espagne*. 1961, p. 5–7.

⁷⁸ Я обычно употребляю это слово, дабы обозначить уровень более низкий, нежели уровень «цивилизации».

Охота на лань в Аранхуэсе в 1665 г.: на ней присутствуют придворные дамы, сидящие на мусульманский манер на подушках. Как раз под трибуной, на которой они расположились, будут забиты загнанные охотниками животные. Фрагмент картины Мартинеса дель Масо. Музей Прадо. (Фото Мас.)

На берегах Гвинейского залива, где обосновалась и внедрялась европейская работорговля, не было плотно заселенных городов по западному или по китайскому образцу. С первых же деревушек, ставших доступными нашей любознательности благодаря рассказам путешественников, мы видим крестьянские общества, не скажу «горемычные» (само по себе слово это почти бессмысленно), но, во всяком случае, наверняка испытывавшие лишения.

Действительно, здесь не было настоящих жилищ: глиняные хижины, сделанные из жердей, из тростника, «круглые, как голубятни», изредка обмазанные известью, без мебели (не считая глиняных горшков и корзин), без окон, каждый вечер тщательно окуриваемые дымом, чтобы выгнать болезненно жалящих москитов (*maringouins*). В 1728 г. отец Лаба писал: «Не все привыкли, как они [негры], коптиться наподобие окорока и пропитываться запахом дыма, от которого воротит тех, кто начинает посещать негров»⁷⁹. Оставим в стороне это «отвращение» и не будем придавать ему слишком уж большого значения. Бразильские историки и социологи определенно говорят нам (но в конце концов никто не обязан в это верить), что беглые негры, обосновывавшиеся в *сертане* (*sertão*), образуя независимые республики, и даже негры в своих городских трущобах (*mucambos*) в

⁷⁹ Labat J.-B. *Nouvelle Relation de l'Afrique occidentale*. Op. cit., II, p. 327-328.

⁸⁰ Freyre G. *Casa Grande e Senzala*. 1933; idem. *Sobrados e Mucambos*. 1936.

⁸¹ Labat J.-B. *Op. cit.*, IV, p. 380.

XIX в. вели более здоровый образ жизни, чем их господа на плантациях или в городах⁸⁰.

Немного больше внимания – и мы увидим в Африке рядом с обычными хижинами кое-какие белые постройки, обмазанные известью; и это уже было роскошью по сравнению с судьбой большинства, сколь бы незначительным ни было такое отличие. Еще больше выделяются дома «на португальский лад» (правда, очень немногочисленные), ибо образец пришел от прежних покорителей, на языке которых все еще изъяснялись «государь». Это дома с «открытыми вестибюлями», даже с «небольшими, очень чистыми деревянными сиденьями» (чтобы могли усестись посетители) и даже со столами, и наверняка пальмовое вино для избранных сотрапезников. Как раз в подобных домах жили прекрасные мулатки, владевшие сердцами местных королей или (что по сути то же самое) какого-нибудь богатого английского купца. Вроде той куртизанки, которая управляла «королем» Барре; она была одета «в небольшой сатиновый корсет на португальский манер» и носила «в виде юбки одну (*sic!*) из тех прекрасных набедренных повязок, что поступают с острова Сант-Яго или с Зеленого Мыса... повязку со значением, ибо пользуются ими лишь видные особы; повязки сии и в самом деле весьма красивы и тонки»⁸¹. Эта любопытная беглая картинка доказывает, что даже на обширном массиве африканских земель друг другу противостояли два привычных «берега»: хорошая и дурная стороны жизни, нужда и роскошь.

ЗАПАД С ЕГО РАЗНООБРАЗИЕМ МЕБЛИРОВКИ

Оригинальность Запада в сфере мебелировки и внутреннего убранства помещений в сравнении с самим Китаем и с остальным миром заключалась, несомненно, в его вкусе к переменам, в сравнительно быстрой эволюции, какой никогда не знал Китай. Здесь все менялось. Конечно, не ото дня ко дню. Но ничто не избежало многообразной эволюции. Еще один шаг в любом музее, новый зал – и вся картина переменялась. Это происходило бы совсем по-иному, если бы мы оказались в другом районе Европы. Общими были только крупные трансформации, перекрывавшие значительные сдвиги, подражания, более или менее сознательные заимствования.

Общая жизнь Европы смешивала, таким образом, упорно сохранявшиеся разные цвета: Север – это не Юг, европейский Запад – не Новый Свет, а старая Европа – не та новая Европа, которая распространяется на восток вплоть до дикой Сибири. Мебель же – свидетельница такого противостояния, такого самоутверждения крохотных «отечеств», на какие подразделялся западный мир. Нужно ли еще повторять, что характеру общества, непрерывно в этом процессе участвовавшего, принадлежало в нем свое слово. И наконец, мебелировка, вернее, все в целом убранство дома свидетельствует о широком экономическом и культурном движении, которое подталкивало Европу к тому, что сама она окрестила Просвещением, – к прогрессу.

ПОЛЫ, СТЕНЫ, ПОТОЛКИ, ДВЕРИ И ОКНА

Если исходить из привычной обстановки наших нынешних жилищ, то по зрелом размышлении все здесь оказывается старым наследием, давними завоеваниями: письменный стол, на котором я пишу, шкаф, где уложено белье, обои, наклеенные на стены, сиденья, деревянный паркет, оштукатуренный потолок, размещение комнат, камин, лестница, присутствие безделушек, гравюр, даже картин. Отталкиваясь от простого сегодняшнего интерьера, я могу восстановить в воображении древнюю эволюцию, «прокрутить» в обратную сторону фильм, который приведет читателя к старинной роскоши – старинной, однако зарождавшейся с опозданием. Это означает наметить опорные точки, описать «а», «b» и «с» истории мебелировки, и ничего более. Но начинать следует с начала.

Жилая комната всегда имела свои четыре стены, свой пол, потолок, одно или несколько окон, одну или несколько дверей.

Пол на первом этаже долго будет сделан из утрамбованной земли, затем его будут покрывать каменными плитами или [керамической] плиткой. И на старинных миниатюрах плиточный пол зачастую будет выглядеть роскошно: это была роскошь, нарисовать которую почти ничего не стоило. Впрочем, узорчатые плиты были в употреблении с XIV в., так называемые «свинцовые» плиты (покрытые эмалью свинцового цвета, на графитовой основе) появились в XVI в., а в XVII в. повсюду, даже в скромных жилищах, полы покрывали керамической плиткой. Однако мозаичных полов не было до конца XVII в., во всяком случае во Франции. Что же касается *паркета* в современном значении, так называемого «наборного», то появился он в XIV в., но только в XVIII в. наступила огромная мода на него, с многочисленными вариантами: «мозаичный», углом...⁸² Потребность в дереве возрастала. Вольтер мог написать: «Прежде дубы гнивали в лесу, ныне же их разделяют на паркетные полы».

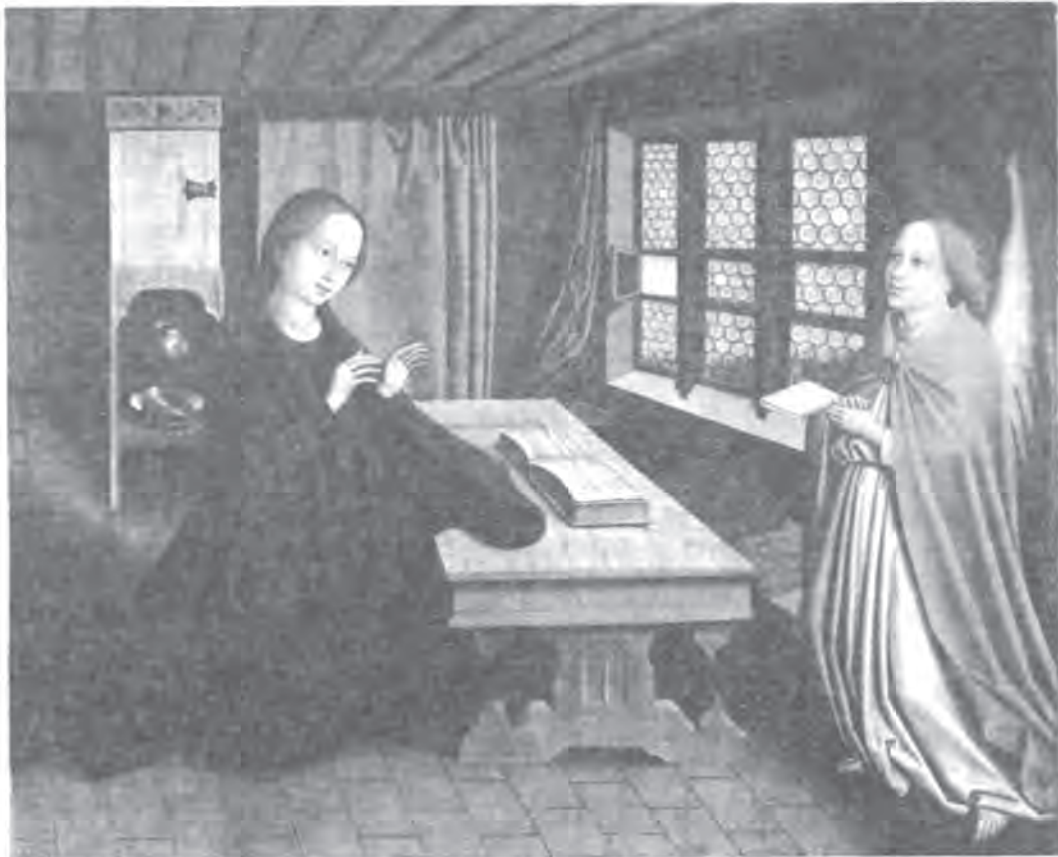
Потолок долгое время именовали «полом»: он и в самом деле был всего лишь полом чердака или вышележащего этажа; его поддерживали выступавшие наружу балки и лежни – необработанные в рядовых домах, отесанные, декорированные или обитые тканью – в богатых жилищах. В начале XVII в. пришедшая из Италии мода закрыла балки и лежни деревянными кессонами, резными, позолоченными или украшенными мифологическими сюжетами. Лишь в XVIII в. вошли в моду гладкие потолки. Штукатурка и искусственный мрамор «затопили» деревянную конструкцию, и случается, что сегодня под их слоем в некоторых старинных домах обнаруживают балки и лежни, три столетия назад расписанные орнаментом и гербами⁸³.

Самый любопытный обычай старины вплоть до XVI в. и даже позже заключался в том, чтобы покрывать полы первого этажа и жилых комнат соломой зимой и зелеными листьями и цветами – летом: «Улица Фуарр, колыбель наших факультетов словесности и естественных наук, обязана своим названием соломе, которой покрывали полы аудиторий»⁸⁴. Это же обыкновение имело место и в королевских покоях. Во время банкета,

⁸² Oulmont C. *La Maison*. 1929, p. 10.

⁸³ Havard H. *Dictionnaire de l'ameublement et de la décoration...* 1890, IV, p. 345; Wilhelm J. *La Vie quotidienne au Marais, au XVIIe siècle*. 1966, p. 65–66.

⁸⁴ Franklin A. *La Vie privée d'autrefois*. IX: *Variétés gastronomiques*, p. 16.

Интерьер бюргерского дома в Южной Германии XV в. Картина неизвестного мастера. Музей искусств, Базель.

⁸⁵ Franklin A. *Op. cit.*, p. 19.

⁸⁶ La Framboisière N.-A. *Œuvres...* 1613, I, p. 115.

который город Париж в июне 1549 г. давал Екатерине Медичи, устроители озаботились тем, чтобы «рассеять по залу нежные благоуханные травы»⁸⁵. На картине неизвестного автора 1581 или 1582 г., изображающей ночной бал по случаю бракосочетания герцога де Жуайеза, паркет усыпан цветами. И к тому же требовалось еще обновлять эти цветы, эти травы, этот камыш. В Англии не всегда бывало так, во всяком случае по словам Эразма Роттердамского, так что грязь и отбросы сами собой скапливались на такой подстилке. Невзирая на эти неудобства, некий врач еще в 1613 г. рекомендовал употреблять такие охапки зеленых трав «в красивой комнате, увешанной добрыми циновками или коврами, а внизу усыпанной розмарином, мятой, душицей, майораном, лавандой, шалфеем и прочими подобными травами»⁸⁶. Солома, трава, с добавлением камыша или шпажника, которые укладывали вдоль стен, — все эти деревенские украшения поблекли перед циновками из плетеной соломы (которые всегда были известны и которые вскоре научились изготавливать разноцветными и с узорами), а затем — перед коврами. Последние появились очень рано; яркие, плотные, они покрывали полы, столы (ножки которых не всегда можно было увидеть), сундуки и даже верх шкафов.

На покрытых масляной или клеевой краской стенах комнаты цветы, ветки, тростник уступают место обояным тканям, которые могли «изготавливаться из любого вида материи, скажем

из бархата, камчатной ткани, парчи, ее дешевой имитации, брюггского атласа, грубой рубчатой шерсти». Но, как советовал в 1762 г. Савари, следовало, быть может, обозначать таким названием только «*bergames*, позолоченную кожу [имеются в виду известные уже на протяжении столетий испанские *guadamecilles*], шерстяные обивочные ткани с ворсом, которые изготавливаются в Париже и Руане, и прочие обойные ткани, довольно недавно появившиеся и изготавливаемые из тика, каковой позволяет довольно хорошо воспроизводить в красках и с лошением персонажи и зелень»⁸⁷. Эти обойные ткани высокого лошения с изображением различных персонажей, мода на которые восходит к XV в. и должна быть признана заслугой фландрских ремесленников, мануфактура гобеленов позднее довела до технологического совершенства. Но против них была их высокая себестоимость. И к тому же увеличение количества мебели в XVIII в. ограничит их использование: поставишь перед ними комод или буфет, объяснял Себастьян Мерсье, – и вот уже прекрасные персонажи оказываются разрезаны пополам.

Бумажные обои – их называли «домино» – благодаря своей дешевизне одержали решающие успехи. «Доминотье» печатали их по той же самой технологии, которая служила для изготовления игральных карт. «Этот вид бумажных обоев ... долгое время использовался только деревенским людом и парижской мелко-той для украшения и, так сказать, обивки кой-каких углов в их хижинах и в их комнатах и лавках. Но ... к концу XVII в. их довели до такой степени совершенства и привлекательности, что, помимо крупных партий обоев, кои отправляют в чужеземные страны и в главные города королевства, в Париже нет ни одного дома, как бы великолепен он ни был, где бы не было какого-нибудь местечка – либо гардероба, либо еще более частного помещения, отделанного такой бумагой и довольно приятно ею украшенного» (1760 г.)⁸⁸. Дело дошло до того, что, когда снимали мансарды, они обязательно должны были быть оклеены расписными обоями, иногда очень простого рисунка, скажем в белую и черную полосу. Ибо существовали расписные обои и расписные обои; не все они так роскошны, как выполненный на китайские мотивы образец мюнхенского Национального музея, относящийся к 1770 г.

При случае стены обшивали и деревянными панелями. С XIV в. английские плотники изготавливали из датского дуба панели для обшивки стен, бывшие одновременно средством борьбы с холодом⁸⁹. Эти панели встречались как в небольшом рабочем кабинете дома Фуггеров в Германии (XVI в.) – простые и гладкие, так и в салонах французского XVIII в., чей декор послужит образцом для всей Европы, включая Россию, – отделанные пышной резьбой, окрашенные и вызолоченные.

Но подходит время открыть *двери и окна*. Вплоть до XVII в. дверь была узкой; открывалась она наружу, допуская проход только одного человека. Большие двустворчатые двери придут позже. Окно же рискует оказаться, стоит только нам возвратиться в прошлое (либо, если речь идет о каких-нибудь крестьянских домах, то еще и в XVIII в.), простой, целиком деревянной ставней. Когда же витраж, до того бывший привилегией

⁸⁷ Savary J. *Dictionnaire...*
Op. cit., IV (1762), col.
903.

⁸⁸ *Ibid.*, II (1760),
col. 114.

⁸⁹ Harrison W.
*An historical Description
of the Island of Britaine.*
Holinshed R. *Chronicles
of England, Scotland
and Ireland*. 1901, I, p. 357.

церковного здания, дошел до частных домов, неправильной формы стекло, оправленное в свинец, было чересчур тяжелым, да и слишком дорогим, для того чтобы створку делать подвижной. Тогда в неподвижном остекленном окне будет открываться одна-единственная створка – так решили проблему в Германии, – или же, например, объединят неподвижные остекленные переплеты с подвижными деревянными панелями, как в Голландии. Во Франции остекленные рамы зачастую бывали глухими, потому что Монтень отмечал, что «сильный блеск придает оконным стеклам [в Германии] то, что у них нет закрепленных наглухо окон, по нашей манере», так что они-де могут «весьма часто их протирать»⁹⁰. Существовали также и открывающиеся окна со створками из пергамента, проскипидаренной ткани, промасленной бумаги, из пластинок гипса. Только в XVI в. появится по-настоящему прозрачное стекло; дальнейшее его распространение будет неравномерным. Быстрым – в Англии, где с 60-х годов XVI в. оно появится в крестьянских домах вместе с резким возрастанием земледельческого богатства Англии и развитием стекольного производства⁹¹. Но примерно в это же время (1556 г.) Карл V, отправляясь в Эстремадуру из Фландрии, позаботился о закупке оконного стекла⁹² до прибытия к цели своего путешествия. Едучи по Германии, Монтень, начиная с Эпиналя, отмечал: «Нет даже самого маленького деревенского домишки, который не был бы остеклен»⁹³. Такое же замечание высказывал шестьюдесятью годами позднее страсбургец Бракенхоффер по поводу Невера и Буржа⁹⁴. Но два путешественника, выехавшие из Нидерландов в Испанию в 1633 г., проводят разграничительную линию южнее: оконные стекла в домах пропали, едва они переправились через Луару у Сомюра⁹⁵. Однако восточнее, в Женеве, самые видные дома довольствовались в это же время бумагой вместо остекления⁹⁶. И еще в 1779 г., когда в Париже свет проникал через остекленные окна в комнаты последних наемных рабочих, в Лионе и в некоторых провинциях сохранялось, добавляет наш информатор, употребление промасленной бумаги, особенно у рабочих-шелкоткачей, ибо свет от такого окна «более мягок»⁹⁷. В Сербии стекло в окнах стало обычным только в середине XIX в.: еще в 1808 г. оно было редкостью в Белграде⁹⁸.

Еще один аспект медленной эволюции: из-за размеров стекол и необходимости прочно закреплять их оконные рамы были с частыми деревянными переплетами. Пришлось дожидаться XVIII в., чтобы утвердилось большое окно, став, по меньшей мере в богатых домах, нормой.

Об этой запоздалой модернизации множество разнообразных свидетельств, как и следовало ожидать, дают художники. Типичное окно на голландский лад с неподвижным стеклом в верхней его части и открывающимися деревянными створками в нижней части не было в какой-то данный момент нормой для всей Европы от одного ее конца до другого. На «Благовещении» Мартина Шонгауэра мы видим окно, соответствующее такому образцу, но какая-нибудь другая картина той же эпохи показывает нам только узкую открывающуюся остекленную створку, а еще одна – наружный деревянный ставень, закрывающий глухое

⁹⁰ Montaigne M. *Journal de voyage en Italie...* Op. cit., p. 1154.

⁹¹ Pollard S. et Crossley D. *Wealth of Britain...* Op. cit., p. 98, 112.

⁹² Gachard M. *Retraite et mort de Charles Quint*, Op. cit., II, p. 11.

⁹³ Montaigne M. Op. cit., p. 1129.

⁹⁴ Brackenhoffer E. *Voyage en France, 1643–1644*. 1927, p. 143.

⁹⁵ British Museum. Ms. Sloane, 42.

⁹⁶ Brackenhoffer E. Op. cit., p. 10.

⁹⁷ Marquis de Paulmy. *Précis d'une histoire générale de la vie privée des Français*, 1779, p. 132.

⁹⁸ *Encyclopédie populaire serbo-croato-slovène*. 1925–1929, III, p. 447.

Этими сведениями в числе прочих я обязан г-же Б. Тененти.

окно. В разных случаях деревянная створка будет двойной или ординарной и т. д. Тут есть внутренние занавески, а там их нет. В общем, имелся ряд решений проблемы того, как проветривать и освещать дома, а также и защититься от холода и от яркого дневного света, могущего разбудить спящих. Все зависело от климата, да и от привычек: Монтень не одобрил в Германии то, что там не было «никакой защиты от прохлады или от ветра, кроме простого стекла, каковое нисколько не прикрыто деревом», т. е. окна не имели наружных или внутренних ставней. А у кровати на немецких постоянных дворах не было пологов!⁹⁹

⁹⁹ Montaigne M. *Op. cit.*, p. 1130.

КАМИН

Примерно до XII в. не существовало камина, расположенного у стены. До этого времени место круглого центрального очага ограничивалось кухней. Обогревались жаровнями или грелками, *chaufferettes*¹⁰⁰. Но очень быстро, начиная от Венеции, высокие трубы которой так часто изображали художники, и до Северного моря, от границ Московской Руси и до Атлантики, камин утвердился также и в главном помещении, где всякий искал убежища от холода.

Очаг изначально выкладывался из кирпича, а позднее, с XVII в., покрывался металлическим листом; поленья поддерживала подставка для дров. Заднюю стенку очага, его «сердце», покрывала вертикальная чугунная плита, нередко украшенная (встречаются и очень красивые), которая именовалась «противосердечником» (*contresoeur*). В самом камине крюк, прикрепленный к кольцу и снабженный ступенчатыми вырезами, чтобы изменять высоту подвеса, позволял укреплять над огнем котелок, а чаще всего – котел, где все время подогревалась вода. Пищу готовили на очаге перед огнем, используя близость пламени, а того лучше – горячие уголья, которыми можно было обложить даже поверх крышки чугунный котелок. Сковороды с длинными ручками также позволяли с удобствами использовать жар угольев.

Естественно, что в богатых домах камин сделался важнейшим декоративным элементом общей комнаты: колпак над очагом украсится барельефами, навес над камином – фресками, его опоры покроются лепниной и станут завершаться резными консолями и капителями. Вытяжной колпак одного камина в Брюгге в конце XV в. украшало «Благовещение» художника школы Жерара Давида¹⁰¹.

Но прекрасные эти камины долго оставались конструктивно примитивными, аналогичными в техническом отношении каминам крестьянских домов начала XX в.: слишком широкий вертикальный дымоход, позволявший в случае надобности пролезть двум трубочистам, создавал такую тягу, что, сидя возле огня, ты подвергался опасности зажариться с одного бока, тогда как противоположный бок замерзал. Отсюда проистекала тенденция все более увеличивать размеры камина, так чтобы поместить каменные скамьи под его навесом по обе стороны очага¹⁰². Именно здесь усаживались, когда поленья превраща-

¹⁰⁰ Maffei E. *Le Mobilier civil en Belgique au Moyen Age*, s.d., p. 45–46.

¹⁰¹ По поводу вышесказанного см.: Maffei E. *Op. cit.*, p. 48, 49.

¹⁰² См. статью Ш. Моразе (Morazé Ch.) в.: “*Éventail de l’histoire vivante*”, 1953, *Mélanges Lucien Febvre*, I, p. 90.

Испанская жаровня
«Рождение св. Элуа».
Фрагмент картины
П. Нуньеса.
*Каталонский музей
искусств, Барселона.*

лись в горячие угли, именно здесь, «под колпаком», беседовали.

Такая система, приемлемая для кухни (да и то не безоговорочно!), оставалась жалким отопительным средством. Зимой в ледяном доме только возле очага можно было укрыться от холода. Два камина на противоположных концах Зеркальной галереи в Версале не в состоянии были нагреть это огромное помещение. Надежнее было прибегнуть к спасительной меховой одежде. Но было ли это достаточно? Принцесса Палатинская записывает 3 февраля 1695 г.: «За королевским столом вино и вода замерзли в бокалах». Эта подробность лучше бесчисленного множества других способна напомнить, каким некомфортабельным был дом XVII в. В ту эпоху холод мог стать общественным бедствием — реки покрывались льдом, останавливались мельницы; по всей стране бродили опасные стаи волков, множились эпидемии. Когда его суровость возростала, как это случилось в 1709 г., «простолюдины мёрли от холода как мухи» (2 марта 1709 г.). С января из-за отсутствия отопления, продолжает принцесса Палатинская, «прекратились все зрелища, как и все процессы в судах»¹⁰³.

Однако же все переменится около 1720 г.: «Со времен регента люди действительно утверждают, что зимой пребывают в тепле». К этому придут благодаря успехам «каминологии», достигнутым трубочистами и печниками. Удалось раскрыть секреты «тяги». Очаг камина сузили, углубили, вытяжной кол-

¹⁰³ Записки принцессы Палатинской цит. по: Cabanès. *Moeurs intimes du passé*. 1re série, 1958, p. 44, 46.

¹⁰⁴ Morazé Ch. *Art. cit.*, p. 90–92.

* Ардуэн-Мансар Жюль (1646–1708 гг.) – главный архитектор Людовика XIV, по его проектам был построен Дом инвалидов, перестроен Версальский дворец и др. Габриэль Жак Анж (1698–1782 гг.) – знаменитый французский архитектор, по его проектам были сооружены отель Крийон и Малый Трианонский дворец. – *Прим. ред.*

¹⁰⁵ Mercier L.-S. *Tableau de Paris. Op. cit.*, XII, p. 336.

¹⁰⁶ Ссылка утеряна.

пак опустили ниже, сам по себе камин (т. е. дымоход) изогнули, так как прямой дымоход упрямо продолжал дымить¹⁰⁴. (Оглядываясь назад, можно даже спросить себя, как удалось великому Рафаэлю, которому было поручено заставить камин герцога д'Эсте не дымить, справиться с этим заданием.) К тому же успехи эти были тем более эффективны, что речь шла о том, чтобы отапливать помещения разумных размеров; не залы дворцов Мансара, но комнаты особняков, построенных Габриелем*. Камин с несколькими очагами (по меньшей мере с двумя – так называемые «поплиньеровские») позволяют отапливать дома, включая и комнаты прислуги. Таким образом, с запозданием, но произошла революция в отоплении.

Но это не означает, будто наступила и экономия топлива, как о том мечтал автор одной книги, «Сбережение дров» («L'Épargne-bois»), увидевшей свет столетием раньше, в 1619 г. Ибо очаги, став более эффективными, как по мановению волшебной палочки сделались и куда более многочисленными. К тому же с приближением зимы не бывало ни одного города, который не волновала бы проблема перевозки и пилки леса на дрова. Еще накануне Революции в Париже с середины октября «во всех кварталах города снова наблюдается суета. Улицы забиты тысячами нагруженных дровами повозок с развалом колес; пока с этих повозок сбрасывают дрова, пока их пилят, пока переносят, все прохожие подвергаются опасности быть раздавленными, опрокинутыми или поломать ноги. Деловитые грузчики грубо и поспешно сбрасывают поленья с повозки, мостовая гудит. Грузчики словно глухи, слепы, их занимает лишь одно – поскорее разгрузить свои дрова, пусть и с опасностью для голов проходящих мимо. Потом приходит пильщик, быстро работает пилой и разбрасывает дрова вокруг себя, ни на кого не глядя»¹⁰⁵.

Такое же зрелище наблюдалось во всех городах. В Риме – это торговец дровами со своим осликом, берущийся поставлять свой товар на дом клиенту. Хотя Нюрнберг и находился посреди обширных близлежащих лесов, но 24 октября 1702 г. крестьяне, пребывавшие под его юрисдикцией, получили распоряжение поставить на городской рынок половину своих дровяных запасов¹⁰⁶. А по улицам Болоньи ходили в поисках нанимателя дровоколы.

ПЕЧИ И ПЛИТЫ

Монтень немного поторопился, говоря, будто в Германии нет «ни одного камина». Уточним: никаких каминов в спальнях постоянных дворов или в общих комнатах. На кухне всегда был камин. Но прежде всего немцы «полагают, что заходить к ним в кухню весьма неприлично». Путешественнику остается обогреться только в обширной общей комнате, где постояльцы едят и где возвышается *Kachelhofen*, фаянсовая «печурка» (*poile*)¹⁰⁷. Далее, камин у них не «по нашей моде»: «Они возводят очаги посредине или в углу кухни, занимая чуть ли не всю ширину этой кухни под каменный дымоход: это большое квадратное от-

¹⁰⁷ Приводится у: Cabanès. *Op. cit.*, p. 32.

Женщина перед печкой (Голландия, XVII в.). Офорт Рембрандта. Национальная библиотека, Кабинет эстампов.

верстие со стороною в семь или восемь шагов, которое проходит через весь дом до самого его верха. Это им дает пространство, дабы разместить в одном месте свой большой «парус», каковой у нас, в наших трубах, занял бы столько места, что препятствовал бы прохождению дыма»¹⁰⁸. Такой «парус» – это мельничные крылья, которые приводил в движение поток дыма и горячего воздуха и которые вращали вертел... Но один взгляд на иллюстрацию на с. 323 избавит нас от необходимости более пространных объяснений если не по поводу самой этой механики, то по крайней мере по поводу вертела, высокой плиты и возможности заниматься приготовлением пищи, стоя прямо, а не в согнутом положении, как делалось во Франции, в Женеве¹⁰⁹ или в Нидерландах.

Отопительная печь встречалась далеко за пределами Германии – в Венгрии, Польше, России, а вскоре – и в Сибири. Это были обычные печи, сложенные из камня, из кирпича, иногда слепленные из глины. В Германии плиты с XIV в. делали более легкой конструкции: из гончарной глины (*Töpferthon*). Облицовывавшие ее фаянсовые плитки зачастую бывали расписанными. Перед плитой делалась лежанка, на которой можно было посидеть и поспать. В 1527 г. Эразм Роттердамский объяснял: «В печной [т. е. помещении, которое отапливает печь] вы снимаете сапоги, надеваете башмаки, меняете, ежели вам угодно, рубашку; возле печки вы вешаете свою сырую от дождя одежду

¹⁰⁸ Montaigne M. *Journal de voyage en Italie*. Op. cit., p. 1130–1132.

¹⁰⁹ Brackenhoffer E. Op. cit., p. 53.

Приготовление пищи не нагибаясь: немецкий камин с поднятым очагом (1663 г.). Иллюстрация к «Mendelsche Brüderbücher». Городская библиотека, Нюрнберг. (Фото Армина Шмидта).

¹¹⁰ Приводится у: Cabanès. *Op. cit.*, p. 32.

¹¹¹ *Ibid.*, p. 35.

¹¹² V. N., Ms. fr. n.a. 6277, f° 222 (1585).

¹¹³ Cabanès. *Op. cit.*, p. 37 et note.

¹¹⁴ Mercier L.-S. *Op. cit.*, XII, p. 335.

и устраиваетесь подле печки [сами], чтобы обсушиться»¹¹⁰. «По меньшей мере, — как говорит Монтень, — об нее не обожжешь ни лицо, ни сапоги и будешь избавлен от дыма, чего не скажешь о Франции»¹¹¹. В польских домах, где за отсутствием гостиниц принимали всякого приезжего, Франциск Павийский спал вместе со всеми членами семьи хозяина и проезжими гостями на широких лавках, покрытых подушками и мехами; лавки шли вокруг комнаты, где помещалась печка. Этим воспользовался некий итальянец Октавиан, выбравший себе местечко возле одной из дам хозяйского семейства, «коиными он порой бывал хорошо принят, а иной раз и оцарапан» — и все это потихоньку, никого не будя¹¹².

Во Франции печи из глазурованной глины появились около 1520 г., через пять лет после Мариньяно; но начало их успеха относится только к XVII в., а окончательно они утвердились в следующем столетии. Впрочем, еще в 1571 г. в Париже и камины-то были редкостью¹¹³. Часто приходилось обогреться жаровнями. В XVIII в. парижская беднота продолжала пользоваться «brasiers», в которых горел каменный уголь. От этого происходили нередкие отравления от угара¹¹⁴. Во всяком случае, во Франции камин в конечном счете будет играть большую

¹¹⁵ Mercier L.-S. *Op. cit.*, X, p. 303.

¹¹⁶ Comtesse d'Aulnoy. *La Cour et la ville de Madrid; relation du voyage d'Espagne*. Éd. Plon, 1874–1876, p. 487.

¹¹⁷ Wolf A. *A History of Science, Technology and Philosophy in the 18th Century*. 1952, p. 547–549.

роль, чем печи, которыми пользовались главным образом в холодных странах Востока и Севера. В 1788 г. Себастьян Мерсье отметил: «Какая же разница между печкой и камином! Вид печи гасит мое воображение»¹¹⁵.

Отметим, что в Испании не было ни печей, ни каминов «ни в единой квартире ... пользуются лишь жаровнями». Графиня д'Онуа, рассказывающая об этом, добавляет: «Неплохо, пожалуй, что при отсутствии дров в этой стране в них не испытываешь надобности»¹¹⁶.

Что же касается Англии, то в истории камина она занимает особое место, потому что начиная с XVI в. нехватка леса все больше и больше побуждала там к использованию в качестве топлива каменного угля. Это повлекло целую серию переделок очага; самой важной из них была предложенная Рамфордом в конце XVIII в. и имевшая целью отражать тепло камина в комнату¹¹⁷.

МЕБЕЛЬЩИКИ ПЕРЕД ТЩЕСЛАВИЕМ ПОКУПАТЕЛЕЙ

Сколь бы ни был силен у богачей вкус к переменам, интерьеры и мебель никогда не менялись очень быстро. Мода претерпевает изменения, но медленно. Тому было много причин: обновление означало огромные расходы. Еще более важная: производственные возможности оставались ограниченными. Так, по меньшей мере до 1250 г. не было механической пилы с водяным приводом¹¹⁸. В общем, не было вплоть до XVI в. и иного материала, кроме дуба; вот тогда-то и началась в Антверпене мода на орех и экзотические сорта дерева. Более того, все зависело от уровня ремесла, а он эволюционировал медленно. Между XV и XVI вв. от плотников отделились столяры (*menuisiers*) – именно те, кто работает с «малым деревом», т. е. со сравнительно небольшими изделиями. Затем в XVII в. из рядов самих столяров выделились краснодеревцы, которых долго именовали «столярами по облицовке и инкрустации»¹¹⁹.

На протяжении веков плотники сооружали дома и мебель. Отсюда и крупные размеры, прочность, определенная откровенная грубоватость «готической» мебели – тяжелых шкафов, прикреплявшихся к стенам, огромных узких столов, скамей, более частых, чем табуреты или «стулья» («*chaires*»), сундуков из плохо отесанных широких досок, «соединенных в стык и скрепленных железными полосами на гвоздях, *pentures*», с их огромными замками¹²⁰. Впрочем, сундуки были в такой же степени мебелью, как и обозным имуществом. Их доски тесали топором; рубанок, древний инструмент, известный в Египте, как и в Греции и Риме, в Северной Европе начал играть свою роль лишь с XIII в. Доски скреплялись железными гвоздями. Потом медленно распространяется соединение в паз, на шипах, в лапу; еще позже стали применять деревянные гвозди, нагели (позднее усовершенствование), наконец, железные шурупы, которые давно были известны, но стали широко использоваться только в XVIII в.

¹¹⁸ *Storia della tecnologia*. P.p. C. Singer et al., II, p. 653.

¹¹⁹ Maffei E. *Op. cit.*, p. 5; Savary J. *Dictionnaire*. *Op. cit.*, III, col. 840; II, col. 224.

¹²⁰ Maffei E. *Op. cit.*, p. 4.

Поставец XV в.
с золотой посудой.
«История Александра
Великого» («Histoire
du grand Alexandre»,
n° 88). Музей Пти-
Пале, Париж. (Фото
Бюлло.)

Инструмент: топоры, тесла, долота, колотушки, молотки, токарные станки с лучковым приводом (для крупных деталей, например для обточки ножки стола) или с ручным и педальным приводом (для мелких деталей) – все эти орудия, издавна известные, были наследием, пришедшим издалека, при посредстве римского мира¹²¹. Старинные инструменты и приемы работы сохранились, кстати, в Италии, где единственно и встречаются дошедшие до нас предметы мебели, относящиеся ко времени до 1400 г. И там же, в Италии, наблюдался прогресс и существовало [техническое] превосходство: она поставляла готовую мебель, распространяла образцы мебели, способы их изготовления. Чтобы в этом убедиться, достаточно взглянуть, например, в мюнхенском Национальном музее на итальянские сундуки XVI в., столь отличающиеся своей замысловатой резьбой, своими ножками, полированным деревом, изысканными формами от относящихся к той же эпохе сундуков из остальной Европы. Выдвижные ящики, поздно появившиеся к северу от Альп, при-

¹²¹ Haudricourt A. G. Contribution à l'étude du moteur humain. – «Annales d'histoire sociale», avril 1940, p. 131

шли туда тоже с юга по долине Рейна. Англия познакомится с ними только в XV в.

Вплоть до XVI и даже в XVII в. было правилом красить мебель, потолки и стены. Нужно вообразить себе старинную мебель с ее скульптурами, окрашенными в золотой, серебряный, красный, зеленый цвета, одинаково присущую как дворцам и домам, так и церквям. Это доказывает страстную приверженность к свету, к ярким краскам в темных помещениях, плохо общающихся с наружной средой. Порой мебель до окраски обтягивали тонкой тканью и штукатурили, дабы цвет не подчеркнул никакие недостатки дерева. С конца XVI в. мебель стали просто натирать воском или покрывать лаком.

Но как проследить сложную биографию каждого из этих предметов мебели? Они появляются, модифицируются, но почти не исчезают со временем. Они без конца испытывают на себе тираническое влияние архитектурного стиля и внутренней планировки дома.

Вполне вероятно, что скамья, расположенная перед камином, по необходимости требовала узкого прямоугольного стола. Сотрапезники сидели с одной его стороны, спиной к огню, грудью к столу. О том, что круглый стол устраняет проблему старшинства, говорит еще легенда о короле Артуре. Но такой круглый стол мог войти в обиход только вместе со стулом, который поздно приобрел свои права, свою форму и преимущество многочисленности. Первоначальный «стул» был монументальным, единственным, предназначавшимся для средневекового сеньера; для остальных были скамья, табуреты, скамеечки и очень поздно – стулья¹²².

В таком состязании одних видов мебели с другими арбитром служило общество, иными словами – зачастую тщеславие. Так, поставец – это мебель, созданная для кухни, вид столика для посуды, часто – простой стол, на который ставили «перемены» и многочисленную посуду, необходимую для трапезы, которую собирались подавать. В домах сеньеров второй поставец обосновался в парадном зале: в нем выставляли золотую, серебряную или вермелевую посуду, братины, кувшины, кубки. Он имел большее или меньшее количество горок, полочек, число которых определялось рангом хозяина дома: две – у барона, а дальше оно возрастало по мере продвижения по иерархической лестнице титулов¹²³. На картине, изображающей пир Ирода, поставец с восемью горками говорит о несравненном царском достоинстве, на самом вершине лестницы. И наконец, и того больше: поставец устанавливали прямо на улице в праздник тела господня «перед коврами, каковыми были увешаны дома». Томас Кориэйт, английский путешественник, увидев в 1608 г. на парижских улицах множество поставцов, уставленных серебряной посудой, пришел в восхищение¹²⁴.

В качестве примера можно кратко набросать историю *шкафа* – от старинных тяжелых образцов, скрепленных железными полосами, до изделий XVII в., уже «обуржуазивавшихся», по словам историка, не больно-то любящего «фронтоны, антаблементы, колонны и пилястры» стиля Людовика XIII¹²⁵. Шкаф мог тогда достигать значительных размеров, порой таких, что

¹²² Maffei E. *Op. cit.*, p. 14 sq.

¹²³ *Ibid.*, p. 27–28.

¹²⁴ Цит. по: Franklin A.

Op. cit., IX: *Variétés gastronomiques*, p. 8, 9.

¹²⁵ Maffei E. *Op. cit.*, p. 36.

¹²⁶ Oulmont Ch. *La Maison. Op. cit.*, p. 68.

принималось решение распилить его пополам, откуда и появился «низкий шкаф» – новая форма мебели, которая успеха не имела. Таким образом, шкаф превратился в престижную мебель, при случае богато украшенную резьбой и росписью. В XVIII в. он утратит это положение, по крайней мере в знатных домах, и, переведенный на роль гардероба (платяного шкафа), исчезнет из парадных комнат¹²⁶. Но на протяжении столетий он будет оставаться гордостью крестьянских домов и квартир простого люда.

Величие, а затем постепенный отход на задний план – такое находила для себя выгодным и мода. Именно это довольно хорошо показывает *кабинет* – вид мебели с ящичками или отделениями, где располагались предметы туалета, письменные принадлежности, колоды карт, драгоценности. Он был знаком готическому искусству. Первые его успехи относятся к XVI в. Ренессансные кабинеты, украшенные полудрагоценными камнями, или же кабинеты на немецкий манер были модны во Франции. При Людовике XIV некоторые из таких изделий приобретут весьма большие размеры. А в XVIII в. на заложенной им основе утвердится успех *секретера*.

Но еще большего внимания стоит история карьеры комода, который вскоре займет первое место; именно он по-настоящему свергнет шкаф с престола. Комод родился во Франции в самые первые годы XVIII в. И точно так же, как можно себе представить – на примере какой-нибудь бретонской крестьянской мебели или некоторых миланских мебельных изделий, – первые шкафы чем-то вроде сундуков, поставленных на попу, так и идею комода можно трактовать как решение поставить один на другой маленькие сундучки. Но и идея, и ее реализация – явления поздние.

Выдвинутый новой модой в век изысканного изящества, комод сразу же сделался роскошной мебелью затейливого рисунка. Его форма, прямолинейная или изогнутая, гладкая или выпуклая, массивная или изящная конструкция, инкрустации, драгоценные породы дерева, бронза, лак будут неотступно следовать за законами переменчивой моды, в том числе и моды на «китайское», с хорошо известными отличиями стиля Людовика XIV от стиля Людовика XV или Людовика XVI. Основной элемент мебелировки, мебель богатых, комоды только в XIX в. получат всеобщее распространение.

Но была ли многообразная история таких предметов мебели, взятых один за другим, также и историей мебелировки?

ВАЖНЫ ЛИШЬ АНСАМБЛИ

Нет, единичный предмет мебели, каким бы он ни был характерным, не создает и не выявляет ансамбля. А ведь важна только целостность¹²⁷. Обычно музеи с их отдельными предметами обучают нас лишь азбуке сложной истории. Главное – то, что лежит за пределами собственно мебели: ее размещение, свободное или несвободное, атмосфера, манера жить, как в комнате, в которой стоит эта мебель, так и вне ее, во всем доме, частью ко-

¹²⁷ В этом и заключен смысл прекрасной книги Марио Праца (Pratz M. *La Filosofia dell'arredamento*, 1964). Я широко ею пользовался на нескольких последующих страницах.

того эта комната была. Как жили, как ели, как спали в этом отдельном мирке, мирке, разумеется, роскошном?

Первые точные свидетельства касаются поздней готики, в особенности благодаря картинам голландских или немецких художников, где предметы и мебель выписаны с такой же любовью, что и персонажи, подобно серии запечатленных на холсте натюрмортов. «Рождение св. Иоанна» Яна ван Эйка или какое-нибудь «Благовещение» Ван дер Вейдена дают конкретное представление об атмосфере общей комнаты XV в. И достаточно открыть дверь в анфиладу других комнат, чтобы угадать кухню, где хлопочут слуги. Правда, этому благоприятствует и сюжет: изображения благовещения и рождения девы Марии, с их кроватями, сундуками, красивым открытым окном, скамьей перед камином, деревянной лоханью, в которой обмывают новорожденного, чашкой бульона, которую подают роженице, дают в такой же мере яркое изображение дома, в какой тема Тайной вечери отражала обряд трапезы, вне зависимости от того, написана ли картина Карпаччо, Гольбейном-старшим или Шонгауэром.

Несмотря на грубоватую непритязательность мебели и ее многочисленность, эти замкнутые комнаты поздней готики, по крайней мере в северных странах, создают ощущение теплого уюта комнат, укутанных в складки роскошных ярких тканей, переливающихся разными оттенками цвета. Единственная настоящая роскошь в таких помещениях: пологи и покрывала кроватей, настенные драпировки, шелковистые подушки. Обойные ткани XV в., с их сочными красками, их сияющим фоном, усеянным цветами и животными, тоже свидетельствуют о вкусе к цвету, о потребности в нем, как если бы дом того времени был реакцией на внешний мир и, подобно укрепленному «монастырю, замку, обнесенному стеной городу, огороженному саду», служил защитой от подспудно ощущаемых трудностей материальной жизни.

Однако в эпоху, когда Италия Возрождения, настолько обогнавшая остальных экономически, формировала новую роскошь кичливых княжеских дворов, мы видим, как на полуострове появляется совершенно отличное от обрисованного выше обрамление – торжественное и более величественное, в котором архитектура и мебель, повторяя в своих фронтонах, карнизах, медальонах и скульптурах одни и те же мотивы и одни и те же монументальные линии, стремятся к пышности, к грандиозности, к подчеркиванию социального статуса. Интерьеры итальянского XV в. с их колоннадами, с их огромными, украшенными резьбой ложами под балдахинами и их монументальными лестницами уже рождают странное предощущение Великого века, такой жизни двора, которая была своего рода парадом, театральным зрелищем. Совершенно очевидно, что роскошь тут становилась средством управления.

Перепрыгнем через двести лет. В XVII в. в убранстве дома, скажем, во Франции, в Англии, даже в католических Нидерландах, жертвуют всем в угоду мнению света, социальной значимости (конечно же, были и исключения, например среди прочих – в отличавшихся большей простотой Голландии и Германии).

Буржуазный интерьер XVII в., Голландия: много света, сдержанность, большая общая комната, где против кровати с пологом находится клавесин; комнаты расположены анфиладой. *Музей Бойманса – ван Бёнингена, Роттердам (Фото А. Фрекэна.)*

Приемная зала стала огромной, с очень высоким потолком, еще больше ориентированной на внешний мир, подчеркнуто торжественной; она перегружена орнаментами, скульптурой, парадной мебелью (украшенные тяжелой резьбой серванты и буфеты), которая уставлена такими же парадными предметами столового серебра. По стенам также развешивались тарелки, блюда, картины, стены расписывали сложными композициями (как в салоне Рубенса с его причудливым декором). А обоиные ткани, по-прежнему бывшие в большой моде, тоже изменили свой стиль в сторону некоторой помпезности и дорогостоящего и порой безвкусного усложнения бесконечных отенков.

И тем не менее эта большая парадная зала была и общей жилой комнатой. В этом торжественном декоре, запечатленном на стольких фламандских картинах, от Ван де Бассена до Абрахама Босса и Иеронимуса Янсена, ложе, располагавшееся обычно рядом с камином и скрытое за большим пологом, находится в том же самом зале, где нам показывают сотрапезников, собравшихся для обильного ужина. А с другой стороны, роскошь XVII в. не знала тысячи удобств, начиная с такого, как отопление. Не ведала она и интимности. Самому Людовику XIV в Версале при посещении мадам де Монтеспан обязательно приходилось проходить через комнату предыдущей фаворитки, м-ль де Лавальер¹²⁸. Точно так же в парижском особняке XVII в. на втором этаже, считавшемся этажом «благородным», предназначенным для хозяев дома, все комнаты, передние, салоны, галереи, спальни (которые иной раз мало отличались друг от друга) располагались анфиладой. И чтобы добраться до лестницы,

¹²⁸ Princesse Palatine. *Lettres*. Éd. 1964, p. 353 (письмо от 14 апреля 1719 г.).

Фламандский интерьер XVII в.: в огромном парадном зале с роскошным декором собрано все: большой камин, кровать с балдахином, стол, за которым пируют гости. *Музей декоративного искусства, Париж.*

всем, включая и слуг, занятых своими обычными хлопотами, нужно было пересечь все эти комнаты.

XVIII век принес новшества как раз в этой области. Тогдашняя Европа отнюдь не откажется от светского великолепия; жертвовать всем ради мнения света она будет более чем когда бы то ни было. Но индивидуум с этого времени будет стараться оградить свою частную жизнь. Жилище изменяется, изменяется мебель, потому что этого желают, к этому стремятся люди, а большой город им в том способствует. Было почти что достаточно отдаться на волю течения. В Лондоне, Париже, Санкт-Петербурге — этих быстро и самостоятельно росших городах — все дорожало и дорожало. Роскошь делалась безудержной, места не хватало, и требовалось, чтобы архитектор максимально использовал ограниченное пространство, покупавшееся на вес золота¹²⁹. В эту пору неизбежностью становились современный особняк и современные апартаменты, задуманные для менее грандиозной, но зато более приятной жизни. При Людовике XV можно встретить в Париже объявление о сдаче внаймы квартиры «из десяти комнат, включая переднюю, столовую, гостиную, вторую гостиную, оборудованную на зиму, [следовательно, с отоплением], маленькую библиотеку, салон и спальную половину с гардеробной»¹³⁰. Подобное объявление было бы немыслимо во времена Людовика XIV.

¹²⁹ Особняк на Вандомской площади в 1751 г. стоил 104 тыс. ливров; а в 1788 г. особняк на улице Тампль — 432 тыс. ливров. В эту сумму обошлись только основные работы. (*Oulmont Ch. La Maison. Op. cit., p. 5.*)

¹³⁰ *Ibid.*, p. 30.

Как пояснял один автор того времени, особняк с этих пор делился на три группы помещений: комнаты для «приличий», или для «общества», для приема друзей со всеми удобствами; комнаты парадные, или великолепные; наконец, личные покои, комнаты для семейного комфорта и уюта¹³¹. Впредь благодаря такому членению жилища всякий будет жить в известной мере по своему вкусу. Людские отделились от кухни, столовая – от салона, спальня превратилась в особое царство. Л. Мамфорд полагает, что с этого момента любовь, бывшая до того летним занятием, сделалась круглогодичной¹³². Этому никто не обязан верить (даты рождений в реестрах гражданского состояния доказывают даже противоположное), но правда, что около 1725 г. наметилось «внутреннее членение квартир», какого не знали ни Рим, ни Тоскана при Медичи, ни Франция Людовика XIV. Эта новая планировка помещений, «каковая столь искусно разделяет квартиру и делает ее столь удобной и для хозяина, и для слуги»¹³³, не была просто вопросом моды. В таких «небольших квартирах с большей наполненностью (т. е. с большим числом помещений) ... имеешь многое в малом пространстве»¹³⁴. Позднее С. Мерсье напишет: «Наши маленькие квартиры расположены и разделены, как округлые и гладкие раковины, и в них располагаешься на свету и приятно в пространствах, до того не использовавшихся и явно темных»¹³⁵. Впрочем, один благоразумный автор добавляет: «Прежний образ жизни [огромные дома] был бы слишком дорог; мы ныне не столько богаты»¹³⁶.

Взамен этого вся страсть к роскоши обратилась на мебель: бесконечное множество небольших ее образцов с затейливой отделкой, менее загромождавших помещения, чем прежние, приспособленных к новым размерам будуаров, небольших салонов и комнат, но в высшей степени специализированных, чтобы отвечать новым потребностям в комфорте и уюте. Так появились маленькие столики многообразных форм, столики с гнутыми ножками, ломберные, ночные, письменные столы, большие круглые столы, подставки и т. п. Пришествие комода и целого семейства мягких кресел также произошло в начале столетия. Для всех этих кресел-новшеств придумывались названия: «пастушка», «маркиза», «герцогиня», «турчанка», «полуночное», «дорожное», «афинянка», «кресло-кабриолет», или переносное...¹³⁷ Такой же изыск наблюдался и в декоре: скульптурная и расписная лепнина, роскошное и порой перегруженное украшениями столовое серебро, бронза и лаковые изделия в стиле Людовика XV, экзотические породы дерева, зеркала, подсвечники, трюмо, шелковые драпировки, китайский фарфор и саксонские безделушки. Это была эпоха франко-германского рококо, в той или иной форме оказавшего воздействие на всю Европу; в Англии – эпоха великих коллекционеров, арабесок из искусственного мрамора Роберта Адама и совместного царствования китайских безделушек и так называемого готического орнамента, «удачного сочетания двух стилей», как утверждала в 1774 г. статья в «Уорлд»¹³⁸. Короче говоря, простота новой архитектуры не повлекла за собой строгости во внутреннем убранстве. Наоборот: грандиозность исчезла, но зачастую уступила место вычурности.

¹³¹ Oulmont Ch. *Op. cit.*, p. 31.

¹³² Mumford L. *La Cité à travers l'histoire. Op. cit.*, p. 487.

¹³³ Gudin. *Aux mânes de Louis XV*, цит. по: Oulmont Ch. *Op. cit.*, p. 8.

¹³⁴ *Ibid.*, p. 9.

¹³⁵ Mercier L.-S. *Op. cit.*, II, p. 185.

¹³⁶ Автор неизвестен. *Dialogues sur la peinture*, цит. по: Oulmont Ch. *Op. cit.*, p. 9.

¹³⁷ Praz M. *Op. cit.*, p. 62–63, 148.

¹³⁸ Цит. по: Praz M. *Op. cit.*, p. 146.

РОСКОШЬ И КОМФОРТ

Эта роскошь не всегда сопровождалась тем, что мы назвали бы «истинным» комфортом. Отопление было еще скверным, вентиляция – смехотворной, пищу готовили на деревенский лад, порой на древесном угле на переносных печках «из кирпича, обложенного деревом». Квартиры не всегда имели уборную на английский лад, а ведь она была изобретена сэром Джоном Хэрингтоном в 1596 г. А когда она имелась, оставалось еще наладить работу клапана или сифона, или по крайней мере вытяжную трубу, дабы избавить дом от отвратительных запахов¹³⁹. Несовершенство очистки канав для нечистот в Париже породило проблемы, которыми в 1788 г. занялась сама Академия наук. А ночные горшки продолжали выливать в окна, как это было всегда: улицы представляли собой клоаки. Парижане долгое время «справляли свою нужду под тиссовыми посадками» в Тюильрийском саду. Когда швейцарские гвардейцы выгнали их оттуда, они перебрались на берега Сены, которые «были равно омерзительны для взора и обоняния»¹⁴⁰. Эта картинка относится к царствованию Людовика XVI. И все города – большие и малые, Льеж, как и Кадис, Мадрид, как и маленькие городки Верхней Оверни – как правило, их пересекал канал или поток, который «принимал в себя все, что людям угодно было ему доверить», так называемый «дерьмушник» (*«merdereb»*)¹⁴¹, – все они в большей или меньшей степени пребывали в одинаковом положении.

В этих городах XVII и XVIII вв. ванная комната была редчайшей роскошью. Блохи, вши и клопы кишели как в Лондоне, так и в Париже, как в жилищах богатых, так и в домах бедняков. А что касается освещения домов, то свечи разных сортов и масляные лампы сохранятся до того времени, когда появится – а будет это только в начале XIX в. – голубое пламя осветительного газа. Но тысячи хитроумных первоначальных способов освещения, от факела до фонаря, бра, подсвечника или люстры, такие, какими их нам показывают старинные картины, тоже были поздней роскошью. Исследование установило, что в Тулузе они по-настоящему распространились лишь около 1527 г.¹⁴² До того освещения почти что не существовало. И за эту «победу над ночью», бывшую предметом гордости и даже хвастовства, надо было дорого заплатить. Пришлось прибегнуть к воску, к салу, к оливковому маслу (вернее, к извлекаемому из него субпродукту, так называемому «адскому маслу»). А в XVIII в. все больше и больше – к китовому жиру, создавшему благосостояние голландских и гамбургских китобоев, а в более поздний период – тех портов Соединенных Штатов, о которых в XIX в. говорил Мелвилл.

Так что если бы мы непрошеными гостями появились в интрьерах минувших времен, мы бы быстро почувствовали себя там не в своей тарелке. Их излишеств, как бы красивы они ни были (а нередко они бывали восхитительны!), нам бы оказалось недостаточно.

¹³⁹ Mumford L. *Op. cit.*, p. 488.

¹⁴⁰ Mercier L.-S. *Op. cit.*, V, p. 22; VII, p. 225.

¹⁴¹ Viollet-le-Duc E. *Dictionnaire raisonné d'archéologie française du XIe au XVIe siècle*. 1854–1868, VI, p. 163.

¹⁴² Caster G.

Le Commerce du pastel et de l'épicerie à Toulouse. 1450–1561. Op. cit., p. 309.

КОСТЮМЫ И МОДА

История костюма менее анекдотична, чем это кажется. Она ставит много проблем: сырья, процессов изготовления, себестоимости, устойчивости культур, моды, социальной иерархии. Сколько угодно изменяясь, костюм повсюду упрямо свидетельствовал о социальных противоположностях. Законы против роскоши были, таким образом, следствием благоразумия правительств, но в еще большей степени — раздражения высших классов общества, когда те видели, что им подражают нувориши. Ни Генрих IV, ни его знать не могли бы смириться с тем, чтобы жены и дочери парижских буржуа одевались в шелка. Но никогда никто не мог ничего поделывать со страстью продвигаться по общественной лестнице или с желанием носить одежду, которая на Западе была знаком малейшего такого продвижения. И правители никогда не препятствовали показной роскоши важных господ, необычайной пышности туалетов венецианских рожениц или же выставкам туалетов, поводом для которых в Неаполе служили похороны.

Так же обстояло дело и в более заурядном мире. В Рюмежи, фландрской деревне возле Валансьенна, богатые крестьяне, записывает в 1696 г. в своем дневнике местный священник, жертвовали всем ради роскоши костюма: «Молодые люди в шляпах с золотым или серебряным галуном и соответствующих этому нарядах; девушки с прическами в фут высотой и в подходящих этим прическам туалетах». «С неслыханной наглостью посещают они каждое воскресенье кабачок». Но время идет, и тот же самый кюре сообщает нам: «Ежели исключить воскресные дни, когда они бывают в церкви или в кабаке, крестьяне [богатые и бедные] столь нечистоплотны, что вид девиц излечивает мужчин от похоти, и наоборот — вид мужчин отвращает от них девиц»...¹⁴³ И это восстанавливает порядок вещей, вводя их в повседневные рамки. В июне 1680 г. мадам де Севинье, полувосхищенная, полувозмущенная, принимает «красивую арендаторшу из Бодега [в Бретани], одетую в платье из голландского сукна на подкладке из муара, с прорезными рукавами», которая, увы, должна была ей 8 тыс. ливров¹⁴⁴. Но это все же исключение, каким служат и крестьяне в брыжах на изображении праздника местного святого в немецкой деревне, относящемся к 1680 г. Обычно же все ходили босиком, или почти босиком, а на самих городских рынках достаточно было одного взгляда, чтобы отличить буржуа от простолюдинов.

¹⁴³ *Journal d'un curé de campagne au XVIIe siècle.* P.p. H. Platelle, 1965, p. 114.

¹⁴⁴ *Marquise de Sévigné. Lettres.* Éd. 1818, VII, p. 386.

ЕСЛИ БЫ ОБЩЕСТВО БЫЛО НЕПОДВИЖНЫМ ...

Все было бы менее изменчивым, если бы общество оставалось более или менее стабильным. И так чаще всего и бывало, даже для верхушки местной иерархии. В Китае задолго до XV в. костюм мандаринов был одним и тем же — от окрестностей Пекина (с 1421 г. — новой столицы) до только еще осваиваемых

китайцами провинций Сычуань и Юньнань. И шелковый наряд с золотым шитьем, который нарисовал в 1626 г. отец де Лас Кортес,— это тот самый наряд, который мы еще увидим на стольких гравюрах XVIII в., с теми же «шелковыми разноцветными сапожками». У себя дома мандарины одевались в простую одежду из хлопка. Свой блистательный костюм они надевали при исполнении служебных обязанностей как социальную маску, как свидетельство подлинности своей особы. В обществе, воистину почти что неподвижном, такая маска практически не изменится на протяжении столетий. Даже потрясения маньчжурского завоевания начиная с 1644 г. не нарушили старинное равновесие, или же нарушили очень мало. Новые господа навязали своим подданным бритье головы (за исключением одной пряди) и видоизменили парадное одеяние прежних времен. И это все; не так-то много в общем. В Китае, замечал один путешественник в 1793 г., «покрой одежды редко меняется из-за моды или [чьего-нибудь] каприза. Одеяние соответствует статусу человека и времени года, в которое он его носит; и оно всегда шьется одинаково. Даже у женщин почти не бывает новых мод, разве что в размещении цветов и прочих украшений, какие они носят на голове»¹⁴⁵. Япония тоже была консервативна, может быть и против своего желания, из-за жесткой реакции Хидзёси*. Веками она оставалась верна *кимоно*, одежде домашней, мало отличавшейся от *кимоно* современного, и «*дзинбаори*, раскрашенной назади кожаной куртке», которую надевали обычно, когда выходили на улицу¹⁴⁶.

В таких обществах перемены происходили, как общее правило, лишь в результате политических потрясений, затрагивавших весь общественный порядок. В Индии, почти целиком завоеванной мусульманами, нормой, во всяком случае для богатых, сделался костюм победителей-моголов (т. е. *пижамы* и *чапкан**). «Все портреты раджпутских князей [за единственным, кажется, исключением] показывают их нам в придворном одеянии — неопровержимое доказательство того, что высшая индусская знать в целом переняла обычаи и манеры могольских государей»¹⁴⁷. То же самое можно констатировать и в отношении Турецкой империи: повсюду, где чувствовались сила и влияние османских султанов, их костюм становился непререкаемым у высших классов — как в далеком Алжире, так и в христианской Польше, где турецкая мода лишь поздно и с трудом уступит место французской моде XVIII в. Все эти подражания затем на протяжении столетий почти не претерпевали изменений; образец оставался неизменным. В своей «Общей картине Оттоманской империи», вышедшей в свет в 1741 г., Мураджа д'Оссон замечает: «Моды, кои суть тиран европейских женщин, почти не волнуют сей пол на Востоке: там почти всегда одна и та же прическа, тот же покрой одежды, тот же вид ткани»¹⁴⁸. Во всяком случае, в Алжире, ставшем турецким в 1516 г. и осужденном им оставаться до 1830 г., женская мода за три века мало изменилась. Краткое описание, которым мы обязаны отцу де Аэдо, находившемуся там в плену около 1580 г., «могло бы с очень незначительными поправками быть использовано для пояснения гравюр 1830 г.»¹⁴⁹.

¹⁴⁵ Macartney G. *Op. cit.*, III, p. 353.

* Хидзёси, Гоётоми Хидзёси (1536–1598) — фактический правитель Японии в 1582–1598 гг., один из создателей централизованного японского государства. — *Прим. ред.*

¹⁴⁶ Sion J. *Asie des moussons. Op. cit.*, p. 215.

** Род приталенного кафтана. — *Прим. ред.*

¹⁴⁷ Panikkar K. M. *Histoire de l'Inde*. 1958, p. 257.

¹⁴⁸ Mouradja d'Ohsson. *Tableau général de l'Empire ottoman*, цит. у:

Marçais G. *Le Costume musulman d'Alger*. 1930, p. 91.

¹⁴⁹ Marçais G. *Op. cit.*, p. 91.

Китайский мандарин,
XVIII в. Национальная
библиотека, Кабинет
эстампов.

ЕСЛИ БЫ СУЩЕСТВОВАЛИ ОДНИ БЕДНЯКИ

В этом случае не возник бы и самый вопрос. Все оставалось бы неподвижным. Нет богатства – нет и свободы выбора, нет возможности изменений. Игнорировать моду – участь бедноты, где бы она ни жила. Костюмы бедняков, сколь бы красивы или примитивны они ни были, останутся тем же, чем были. Красивый, т. е. праздничный, наряд зачастую переходил от родителей к детям; и столетиями он останется самим собой, без изменения, несмотря на бесконечное разнообразие национальной и провинциальной народной одежды. А примитивный, т. е. повседневный, рабочий костюм создавался на базе самых дешевых местных ресурсов и изменялся еще меньше, чем парадный.

Какими были индейские женщины Новой Испании во времена Кортеса в своих длинных, иногда вышитых хитонах из хлопка, а *позднее* – из шерсти, такими были они и в XVIII в. Мужской костюм, конечно, переменился, но лишь в той мере, в какой победители и их миссионеры требовали пристойного одеяния, скрывающего прежнюю наготу. Как были одеты туземцы в Перу в XVIII в., так же одеты они еще и сегодня: в *пончо*, квадратный кусок домотканого сукна из шерсти ламы с отверстием в центре, куда человек просовывает голову. Неподвижность ца-

Беседующие крестьяне, Фландрия, XVI в. (приписывается Брейгелю Старшему). Безансонский музей. (Фото Жиродона.)

¹⁵⁰ Magaillans P. *Nouvelle Relation de la Chine. Op. cit.*, p. 175.

¹⁵¹ Vivero R. *Op. cit.*, p. 235.

¹⁵² Volney. *Voyage en Syrie et en Égypte pendant les années 1783, 1784 et 1785.* 1787, I, p. 3.

¹⁵³ Labat J.-B. *Op. cit.*, I, p. 268.

рила и в Индии, притом всегда: сегодня, так же как вчера, как давным-давно, индиец одевается в *дхоти*. В Китае «деревенский люд и простонародье» всегда «изготавливали свою одежду из хлопчатой ткани... самых разнообразных цветов»¹⁵⁰; в реальности это была длинная рубаха, суженная в талии. Японские крестьяне в 1609 г. и, вне сомнения, столетиями раньше были одеты в подбитые хлопком кимоно¹⁵¹. В своем «Путешествии в Египет» (1783 г.) Вольней удивлялся костюму египтян — «этой сложной в несколько раз ткани, закрученной на бритой голове; этому длинному одеянию, ниспадающему от шеи до пят, [которое] скорее маскирует тело, нежели его облекает»¹⁵². Это была очень древняя одежда, еще более древняя, чем костюм богатых мамлюков, который в свою очередь был и в XII в. таким же. А что касается бедняков мусульман, описываемых в Черной Африке отцом Лаба, то как он оценивает их одеяние, когда оно почти полностью отсутствовало? «У них нет рубах, выше штанов они обертывают тело куском ткани, каковой подвязывают поясом; большинство ходит с непокрытой головой и босиком»¹⁵³.

Европейские бедняки были несколько более прикрыты, но и они не слишком тешили свою фантазию. В 1828 г. Жан-Батист Сэ писал: «Признаюсь вам, что мне несимпатична застывшая мода турок и прочих народов Востока. Она как будто увековечи-

¹⁵⁴ Say J.-B. *Cours complet d'économie politique pratique*. V, 1829, p. 108.

¹⁵⁵ Abbé Berthet M. *Études historiques, économiques, sociales des Rousses. — À travers les villages du Jura*, 1963, p. 263.

¹⁵⁶ Moheau. *Recherches et considérations sur la population de la France*. 1778, p. 262.

вает их тупой деспотизм ... Наши деревенские жители до известной степени турки в том, что касается моды: они рабы косности, и на старых картинах, изображающих войны Людовика XIV, вы видите крестьян и крестьянок изображенными в одежде, которая мало отличается от той, что мы на них видим ныне»¹⁵⁴. Такое же соображение можно высказать и о более раннем периоде. Если, например, сравнить картину Питера Артсена (1508–1575 гг.) и два полотна Яна Брейгеля (1568–1625 гг.) из Мюнхенской пинакотехи, которые все изображают толпу на рынке, то довольно забавно констатировать прежде всего, что во всех трех случаях с первого взгляда отличишь скромных продавцов или рыбаков от группы горожан, покупателей или праздничношающих: они сразу же различаются по костюму. Но второй вывод, еще более любопытный, заключается в том, что на протяжении примерно полувека, разделявшего двух художников, одежда буржуа сильно изменилась: высокие испанские воротники, окаймленные у Артсена простым жабо, сменились у Брейгеля настоящими брыжами, которые носят и женщины и мужчины. Однако народный женский костюм (с открытым отложным воротником, небольшим корсажем, передником на юбке в сборку) остался почти в точности таким же, исключая единственное различие в чепце, несомненно оригинальное. В 1631 г. в деревне Верхней Юры вдова будет получать по завещанию мужа «пару башмаков и рубашку, и сие каждые два года, и платье из грубой шерсти — каждые три года»¹⁵⁵.

Верно, однако, что, внешне оставаясь почти таким же, крестьянский костюм все же изменится в некоторых важных деталях. Так, около XIII в. во Франции и за ее пределами начали носить нательное белье. В XVIII в. в Сардинии было правилом в знак траура носить, не сменяя, одну и ту же рубашку на протяжении года, что по меньшей мере означает, что крестьянину рубашка была известна и что отказ от ее смены был определенной жертвой. А ведь нам известно, что некогда, и еще в XIV в., богатые и бедные, если судить по множеству известных картин, спали ночью нагишом.

Впрочем, один демограф XVIII в. заметил, что «чесотка, лишай и все кожные и иные заболевания, возникающие от недостаточной чистоплотности, в прошлые времена были столь распространены только из-за отсутствия белья»¹⁵⁶. В самом деле, как доказывают книги по медицине и хирургии, в XVIII в. эти болезни не исчезли полностью, но отступили. Тот же наблюдатель XVIII в. отмечал также всеобщее распространение в его время грубой шерстяной одежды среди крестьян. «Французский крестьянин, — пишет он, — плохо одет, и лохмотья, кои прикрывают его наготу, слабо защищают его от невзгод непогоды. Представляется, однако, ежели говорить об одежде, что положение крестьянина менее плачевно, нежели оно было раньше. Для бедняка платье не предмет роскоши, но необходимая защита от холода: холст, одежда многих крестьян, защищает их недостаточно... но вот уже несколько лет... как гораздо более стало крестьян, кои носят шерстяную одежду. Доказать это легко, ибо определено известно, что с некоторых пор в королевстве изготавливается большее количество грубых шерстяных тканей; и

¹⁵⁷ *Ibid.*, p. 261–262.

¹⁵⁸ Saint-Jacob P. *Op. cit.*, p. 542.

¹⁵⁹ Dal Pane L. *Storia del Lavoro in Italia*. 1958, p. 490.

коль скоро их вовсе не вывозят, то их неизбежно используют, чтобы одевать большее число французов»¹⁵⁷.

Это были поздние и ограниченные улучшения. Трансформация одежды французских крестьян явно отставала от такой же трансформации у крестьян английских. Не будем также поспешно заключать, будто она была всеобщей. Еще накануне Революции крестьяне в Шалонне и Бресе были одеты «только в выкрашенный в черный цвет холст», выкрашенный посредством дубовой коры. И «обычай сей столь распространен, что леса от него пришли в упадок». Да и «в Бургундии одежда [в ту пору] не составляет важной статьи [крестьянского] бюджета»¹⁵⁸. Так же точно и в Германии еще в начале XIX в. крестьянин оставался одет в холстину. В 1750 г. в Тироле те пастухи, что изображены в качестве персонажей поклонения пастухов, одеты в холщовую рубаху до колен, а голени и ступни оставались голыми или же на ногах были просто подметки, прикрепленные кожаным ремнем, завязанным вокруг икр. В Тоскане, области, которая считалась богатой, деревенский житель еще в XVIII в. одевался исключительно в домотканую материю, т. е. в холст из конопли или в холст из конопли и шерсти пополам (*mezzelane*)¹⁵⁹.

ЕВРОПА, ИЛИ БЕЗУМИЕ МОДЫ

Мы можем теперь подойти к Европе богачей, Европе меняющихся мод, не рискуя затеряться среди такого множества капризов. Прежде всего, мы знаем, что подобные капризы затрагивали лишь весьма небольшое число людей, производивших большой шум и пускавших пыль в глаза, потому, быть может, что остальные, и даже самые нищие, ими любовались и их поощряли в самом их сумасбродстве.

Мы знаем также, что такое безумное увлечение переменами от года к году утвердится по-настоящему поздно. Правда, уже венецианский посол при дворе Генриха IV сообщал нам: «Человека ... не считают богатым, ежели у него нет 25–30 туалетов разного фасона; и он их должен менять ежедневно»¹⁶⁰. Но мода означала не только обилие, количество, чрезмерность. Она заключалась и в том, чтобы все изменить на совершенно иное в желаемый момент: это было вопросом сезона, дня, часа. А такое царство *моды* едва ли утвердилось во всей своей неукоснительности раньше 1700 г., того момента, кстати, когда слово это, обретя вторую молодость, распространилось по всему миру в своем новом значении: не отставать от современности. Тогда-то все и приняло облик моды в сегодняшнем смысле. А до этого дело все-таки развивалось не так уж быстро.

В самом деле, если основательно возвратиться в прошлое, то обнаруживаешь в конечном счете как бы стоячую воду – древнюю ситуацию, аналогичную положению в Индии, Китае или странах ислама, каким мы его описали. Правило покоя целиком сохраняло действенность, ибо вплоть до начала XII в. костюм преспокойно оставался в Европе таким же, каким он был во вре-

¹⁶⁰ *Voyage de Jérôme Lippomano. Op. cit.*, II, p. 557.

* Ордерик Виталий (1075–1142 гг.) – нормандский хронист, почти всю жизнь провел в нормандском монастыре Сент-Эврүүл, автор хроники «Церковная история». – Прим. ред.

¹⁶¹ Orderic Vital. *Historiae ecclesiasticae libri tredecim*, 1845, III, p. 324.

** Гильом из Нанжи (ум. в 1300 г.) – французский хронист, монах монастыря Сен-Дени, автор жизнеописаний Людовика IX и Филиппа III, вошедших в латинский свод «Больших французских хроник». – Прим. ред.

¹⁶² Ary Renan. *Le Costume en France*. S.d., p. 107–108.

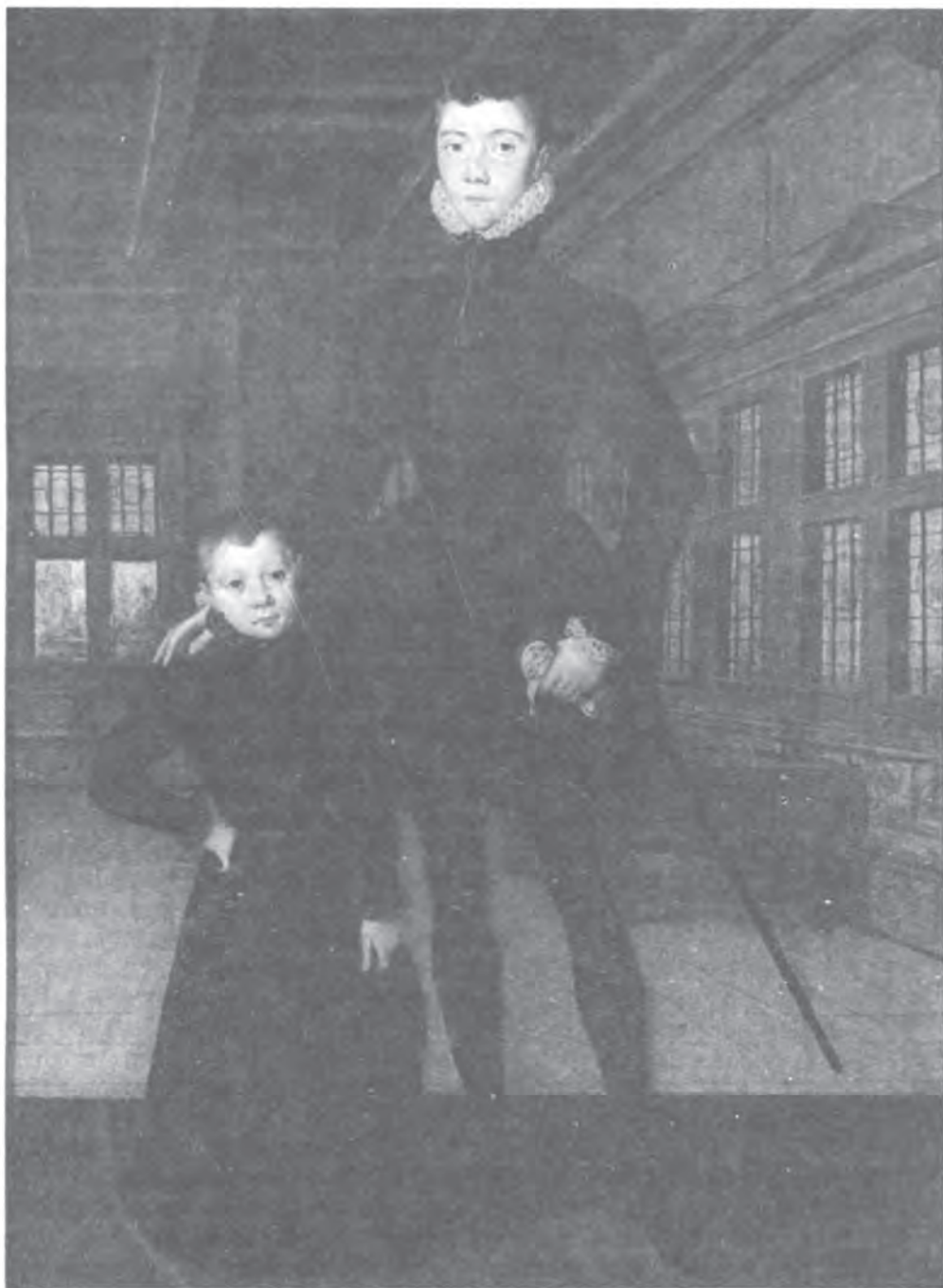
¹⁶³ Boucher F. *Histoire du costume en Occident*. 1965, p. 192.

мена галло-римские: длинные хитоны до пят у женщин, до колен – у мужчин. А в целом – столетия и столетия неподвижности. Когда происходило какое-нибудь изменение, вроде удлинения мужской одежды в XII в., оно подвергалось сильной критике. Ордерик Виталий * (1075–1142 гг.) скорбел о безумствах моды в туалете его времени, совершенно, по его мнению, излишних. «Старый обычай почти полностью потрясен новыми выдумками», – заявляет он ¹⁶¹. Утверждение сильно преувеличенное. Даже влияние крестовых походов было меньшим, чем это полагали: оно ввело в обиход шелка, роскошь мехов, но не изменило существенно формы костюма в XII–XIII вв.

Великой переменой стало быстрое укорочение около 1350 г. мужского одеяния – укорочение постыдное на взгляд лиц благонравных и почтенного возраста, защитников традиций. Продолжатель Гильома из Нанжи ** писал: «Примерно в этом году мужчины, в особенности дворяне, оруженосцы и их свита, некоторые горожане и их слуги, завели столь короткое и столь узкое платье, что оно позволяло видеть то, что стыдливость повелевает скрывать. Для народа сие было весьма удивительно» ¹⁶². Этот костюм, облегающий тело, окажется долговечным, и мужчины никогда более не вернуться к длинному платью. Что же касается женщин, то и их корсажи стали облегающими, обрисовывающими формы, а обширные декольте нарушили глухую поверхность платья – все это также вызывало осуждение.

В определенном смысле этими годами можно датировать первое проявление моды. Ибо впредь в Европе станет действовать правило перемен в одежде. А с другой стороны, если традиционный костюм был примерно одинаков по всему континенту, то распространение короткого костюма будет происходить неравномерно, не без сопротивления и его приспособления. И в конечном счете мы увидим, как формируются *национальные* моды, более или менее влияющие друг на друга: костюм французский, бургундский, итальянский, английский и т. д. Восточная Европа станет испытывать после распада Византии все возрастающее влияние турецкой моды ¹⁶³. Европа в дальнейшем останется многоликой по меньшей мере до XIX в., хотя и готовой довольно часто признавать *лидерство* (*leadership*) какого-то избранного региона.

Так в XVI в. у высших классов вошел в моду черный суконный костюм, введенный испанцами. Он служил как бы символом политического преобладания «всемирной» империи католического короля. На смену пышному костюму итальянского Возрождения, с его большими квадратными декольте, широкими рукавами, золотыми и серебряными сетками и шитьем, золотистой парчой, темно-красными атласами и бархатами, послужившему примером для значительной части Европы, пришла сдержанность костюма испанского с его темными сукнами, облегающим камзолом, штанами с пухами, коротким плащом и очень высоким воротником, окаймленным небольшим жабо. Напротив, в XVII в. восторжествовал так называемый французский костюм с его яркими шелками и более свободным кроем. Разумеется, долее всего сопротивлялась этому соблазну Испания. Филипп IV (1621–1665 гг.), враг барочной пышности,

Черный костюм по испанской моде, в который одеты лорд Дарнли и его младший брат. Портрет Ханса Эворта (1563 г.). Виндзорский дворец.

навязал своей знати суровую моду, унаследованную от времен Филиппа II. Долгое время при дворе существовал запрет на цветную одежду (*vestido de color*); чужеземец допускался туда лишь надлежащим образом «одетый в черное». Так посланец принца Конде, бывшего тогда союзником испанцев, смог добиться аудиенции, лишь сменив свой костюм на темное строгое одеяние. И только около 1670 г., после смерти Филиппа IV, иностранная мода проникнет в Испанию и в самое ее сердце – Мад-

¹⁶⁴ Klaveren J. *Europäische Wirtschaftsgeschichte Spaniens im 16 und 17. Jahrhundert*. 1960. (См. «мода» в указателе

и с. 160, прим. 142); *Viajes de extranjeros por España*. *Op. cit.*, II, p. 427.

¹⁶⁵ Frézier A. *Relation du voyage de la mer du Sud*. 1716, p. 237.

¹⁶⁶ Estebanillo-Gonzalez. *Vida y hechos...—La Novela picaresca española*. *Op. cit.*, p. 1812.

рид, где закрепить ее успех суждено было побочному сыну Филиппа IV, второму дону Хуану Австрийскому¹⁶⁴. Однако в Каталонию новшества в одежде пришли после 1630 г., за десять лет до восстания против власти Мадрида. В это же самое время увлечению поддался и двор статхаудера в Голландии, хотя нередко были противившиеся такой моде. Портрет бургомистра Амстердама Бикера (1642 г.) в Национальном музее изображает его в традиционном костюме на испанский лад. Это, несомненно, определялось также и принадлежностью к тому или иному поколению: так, на картине Д. ван Сантвоорта (1635 г.), на которой изображен со своею семьей бургомистр Дирк Баас Якобс, его жена и сам он носят брыжи по старинной моде, однако же все их дети одеты в соответствии с новыми вкусами (см. иллюстрацию на с. 354). Конфликт между двумя модами существовал и в Милане, но он имел иной смысл: Милан был тогда испанским владением, и на карикатуре середины того же века традиционно одетый испанец, по-видимому, читает нотацию миланцу, отдавшему предпочтение французской моде. Возможно ли усмотреть в распространении последней по всей Европе меру упадка Испании?

Это последовательное преобладание предполагает то же объяснение, которое мы выдвигали по поводу распространения могольской одежды в Индии или костюма османов в Турецкой империи: Европа, *невзирая* на свои ссоры или же *по их причине*, была одной единой семьей. Законодателем был тот, кем более всего восхищались, и вовсе не обязательно сильнейший, или, как полагали французы, любимейший, или же наиболее утонченный. Вполне очевидно, что политическое преобладание, оказывавшее влияние на всю Европу, как если бы она в один прекрасный день меняла направление своего движения или свой центр тяжести, не сразу же оказывало воздействие на все царство мод. Были и расхождения, и отклонения, и случаи неприятия, и медлительность. Французская мода, преобладавшая с XVII в., стала по-настоящему господствующей только в XVIII в. Даже в Перу, где роскошь испанцев была тогда неслыханной, мужчины в 1716 г. одевались «по французскому образцу, чаще всего — в шелковый камзол, [привезенный из Европы], с причудливым смешением ярких красок»¹⁶⁵. Во все концы Европы эпохи Просвещения мода приходила из Парижа в виде очень рано появившихся кукол-манекенов. И с того момента эти манекены царят безраздельно. В Венеции, старинной столице моды и хорошего вкуса, в XV и XVI вв. одна из старейших лавок называлась (и ныне еще называется!) «Французская кукла» («*La Piavola de Franza*»). Уже в 1642 г. королева польская (она была сестрой императора) просила испанского курьера, если он отправится в Нидерланды, привезти ей «куклу, одетую на французский манер, дабы она могла бы послужить образцом для ее портного», — польские обычаи в этой области ей не нравились¹⁶⁶.

Совершенно очевидно, что такое сведение к одной господствовавшей моде никогда не проходило без определенного замалчивания. Рядом существовала, как мы говорили, огромная инерция бедноты. Существовали также, выступая над непо-

Цокколи – своего рода миниатюрные ходули, которыми пользовались женщины, дабы уберечься от луж на венецианских улицах; мода на них одно время, в XVI в., распространилась и за пределами Венеции. *Баварский Национальный музей, Мюнхен.*

движной поверхностью моря моды, локальное сопротивление и региональная замкнутость. Историков костюма наверняка приводят в отчаяние отклонения, искажения в общем развитии. Двор бургундских Валуа был слишком близок к Германии, да и слишком самобытен, чтобы следовать моде французского двора. Там оказалось возможным в XVI в. всеобщее распространение фижм, и в еще большей степени и на протяжении веков – повсеместное ношение мехов, но и эти каждый носил по-своему. Брыжи могли варьировать от скромной рюши до огромных кружевных брыжей, какие мы видим на Изабелле Брандт на портрете, где Рубенс изобразил ее рядом с собой, или же на жене Корнелиса де Воса на картине из Брюссельского музея, где рядом с нею и двумя своими дочерьми изображен и сам художник.

Майским вечером 1581 г., после обеда (*doppo disnar*), в Сарагосу приехали трое молодых венецианцев – знатных, красивых, жизнерадостных, умных, обидчивых и самодовольных. Мимо проходит процессия со святыми дарами, за нею следует толпа мужчин и женщин. «Женщины, – ядовито записывает рассказчик, – крайне безобразны, с лицами, раскрашенными во все цвета, что весьма странно выглядело, в очень высоких башмаках, а вернее – в *цокколи (zoccoli)*¹⁶⁷ по венецианской моде, и в мантильях, какие модны по всей Испании». Любопытство побудило венецианцев приблизиться к зрелищу. Но тот, кто желает видеть других, в свою очередь становится предметом внимания, его замечают, на него указывают пальцами. Проходящие мимо венецианцев мужчины и женщины начинают хохотать, кричат им обидные слова. «И все это просто потому, – пишет тот же Франческо Контарини, – что мы носили «нимфы» [кружевные воротнички] большего размера, чем этого требует испанский обычай.

¹⁶⁷ Цокколи (ед. число *zoccolo*) – это довольно открытые башмаки на очень высоких деревянных подошвах, предохранявшие прогуливавшихся венецианок от соприкосновения с сырой землей.

Герцогиня Магдалина Баварская,
портрет работы Питера де Витте,
прозванного Кандид (1548–1628 гг.).
Пышный костюм:
шелк, золото, драгоценные камни,
жемчуг, дорогие вышивки и кружева.
Мюнхенская пинакотека.

Одни кричали: «Ба, да у нас в гостях вся Голландия!» [подразумевалось: все голландское полотно, либо игра слов, связанная с *olanda* – полотном, из которого делали простыни и белье], другие: «Что за огромные салатные листья!» Чем мы изрядно позабавились»¹⁶⁸. Аббат Локателли, приехавший в 1664 г. в Лион из Италии, оказался менее стоек и недолго сопротивлялся «детям, что бегали за ним» по улицам. «Мне пришлось отказаться от «сахарной головы» [высокой шляпы с широкими полями] ... от цветных чулок и одеться целиком по-французски» – со «шляпой Дзани» с узкими полями, «большим воротником, более подходящим для врача, нежели для священнослужителя, сутаной, доходившей мне до середины бедра, черными чулками, узкими башмаками... с серебряными пряжками вместо шнурков. В таком наряде ... я не казался себе более священником»¹⁶⁹.

БЫЛА ЛИ МОДА ЛЕГКОМЫСЛЕННА?

Внешне мода кажется свободной в своих проявлениях, своих причудах. На самом же деле ее путь во многом намечен заранее, а спектр возможностей для выбора в конечном счете ограничен.

Своим механизмом она вскрывает заимствование культурных явлений, во всяком случае правила их распространения. И всякое распространение такого рода медленно по самой своей природе, связано и с самим механизмом передачи, и с налагаемыми им ограничениями. Вот как потешался английский драматург Томас Деккер (1572–1632 гг.), вспоминая заимствования в одежде, сделанные его соотечественниками у других народов: «Гульфиг пришел из Дании, ворот камзола и его корсаж – из Франции, «крылья», [пуфы на плечах], и узкий рукав – из Италии, короткий жилет – от голландского перекупщика из Утрехта, огромные штаны – из Испании, а сапоги – из Польши»¹⁷⁰. Такие свидетельства о происхождении не обязательно будут точны, но они, вне сомнения, точно отражают разнообразие составляющих элементов. И потребовался не один сезон, чтобы выработать из них рецепты, которые были бы приемы для всех.

В XVIII в. все ускорило и, следовательно, оживилось, но легкомыслие отнюдь не сделалось общим правилом в этом безбрежном царстве, – легкомыслие, о котором охотно говорили свидетели и действующие лица. Выслушаем Себастьяна Мерсье, хорошего наблюдателя, способного бытописателя, хотя, конечно, не очень крупного мыслителя, притом выслушаем его, не принимая безоговорочно на веру. В 1771 г. он писал: «Я боюсь приближения зимы по причине суровости этого времени года ... Именно тогда зарождаются шумные и безвкусные сборища, где нелепо царят все ничтожные страсти. Вкус к легкомыслию диктует законы моды. Все мужчины превращаются в изнеженных рабов, целиком подчиненных женским капризам». И вот снова начинается «этот поток быстротечных мод, фантазий, развлечений». И еще: «Ежели бы мне пришла фантазия написать трактат об искусстве прически, в какое бы изумление привел я читателей, поведав им, что существует триста или четыреста способов

¹⁶⁸ London P. R. O. 30–25–157, Giornale autografo di Francesco Contarini da Venezia a Madrid.

¹⁶⁹ Locatelli S. *Voyage de France, moeurs et coutumes françaises, 1664–1665...* 1905, p. 45.

¹⁷⁰ Jones-Davies M. T. *Un Peintre de la vie londonienne, Thomas Dekker.* 1958, I, p. 280.

подстригать волосы приличного человека!» Цитаты эти вполне соответствуют обычному тону автора, охотно выступавшего в роли моралиста, но никогда не упускавшего случая и развлечь читателя. Более велико искушение принять Мерсье всерьез, когда он оценивает эволюцию женской моды своего времени. Фижмы «наших матерей», прорезная ткань оборок, «опоясывающие их обручи, все это множество мушек, из которых иные похожи подчас на настоящие заплата, — пишет он, — все это исчезло, за исключением неумеренной высоты дамских причесок: чувство смешного не смогло исправить сей последний обычай, но этот недостаток умеряется вкусом и изяществом, кои преобладают в структуре этого элегантно сооруженного. В целом женщины сегодня одеты лучше, чем когда-либо раньше, их убранство соединяет легкость, приличие, свежесть и изящество. Эти платья из легкой [индийской] ткани обновляются чаще, нежели платья, блиставшие золотом и серебром; они, так сказать, следуют за оттенками цветов разных времен года...»¹⁷¹

Вот вам прекрасное свидетельство: мода ликвидирует и обновляет — делает двойную работу, стало быть вдвойне трудную. Новшеством, о котором идет речь, были набивные индийские ткани из хлопка, относительно недорогие. Но ведь и они не за один день покорили Европу. И история тканей определенно говорит о том, что все неразрывно связано на этом карнавале моды, где приглашенные были менее свободны, чем это казалось на первый взгляд.

В самом деле, такая ли уж легкомысленная вещь мода? Или же она представляет, как мы полагаем, глубинную черту, характеризующую определенное общество, экономику, цивилизацию? Его порывы, его возможности, его требования, его радости жизни? В 1609 г. Родриго Виверо потерпел у японских берегов кораблекрушение, направляясь на большом, в 2 тыс. тонн водоизмещения, корабле в Акапулько (в Новой Испании) из Манилы, где Виверо временно исполнял обязанности генерал-капитана. Почти сразу же жертва кораблекрушения превратилась в почетного гостя на этих островах, полных любопытства ко всему иностранному, а затем — в своего рода чрезвычайного посла, который попытался (впрочем, тщетно) закрыть Японские острова для голландской торговли. И который будет также планировать — и тоже тщетно — отправку рудокопов из Новой Испании, дабы наладить более эффективную эксплуатацию серебряных и медных рудников архипелага. Добавим, что этот симпатичный персонаж был умен и оказался хорошим наблюдателем. Однажды в Йеддо он беседовал о том о сем с секретарем сёгуна. Секретарь ставил испанцам в упрек их гордость, их преувеличенное мнение о себе, а потом — слово за слово — коснулся их манеры одеваться, «разнообразия их костюмов — области, в коей испанцы столь непостоянны, что-де каждые два года одеваются на иной лад». Как же не приписать эти изменения их легкомыслию и легкомыслию правителей, допускающих такие злоупотребления? Что же касается секретаря, то он мог бы показать, «опираясь на свидетельства традиции и старинные бумаги, что его народ более тысячи лет не изменял своего костюма»¹⁷².

¹⁷¹ Mercier L.-S. *Op. cit.*, I, p. 166–167.

¹⁷² Vivero R. *Op. cit.*, p. 226.

Шарден, прожив в Персии десять лет, был столь же категоричен (1686 г.): «Я видел одеяния Тамерлана, кои хранят в сокровищнице в Исфахане; они скроены совершенно так же, как делают сегодня, без малейшего различия». «Ибо,— пишет он,— одежды людей Востока вовсе не подчиняются моде, они всегда сшиты по одному фасону. И ... персы ... остаются так же верны себе и в том, что касается цветов, оттенков и видов ткани»¹⁷³.

Я не осуждаю эти мелочные замечания. На самом-то деле будущее принадлежало, пусть даже в силу простого совпадения, обществам, достаточно беззаботным, чтобы беспокоиться об изменении цвета, материала и покроя костюма, а также порядка социальных категорий и карты мира,— иными слова-

¹⁷³ *Voyage du chevalier Chardin... Op. cit., IV, p. 1.*

Таких турок, зарисованных Беллини в XV в., можно было бы в почти неизменном виде увидеть на картинах XIX в. Лувр, собрание Ротшильда. (Фото Роже-Виолле.)

ми, обществам, порывавшим со своими традициями. Ибо все неразделимо. Разве не говорит Шарден об этих персах, что они «вовсе не заинтересованы в новых изобретениях и открытиях», что они «верят, будто обладают всем, что потребно для нужд и удобства жизни, и тем довольствуются»¹⁷⁴? Достоинства и оковы традиции... Быть может, чтобы открыть дорогу инновации, орудия всякого прогресса, требовалась определенная неугомонность, относившаяся и к одежде, к фасону обуви и прическам? А может быть, требуется и некоторый достаток, чтобы питать любое новаторство?

Но мода имела и иные значения. Я всегда думал, что в большой мере она возникает из желания привилегированных любой ценой отличаться от стоящей ниже их массы, воздвигнуть преграду, поскольку, как писал в 1714 г. один находившийся проездом в Париже сицилиец, «нет ничего, что заставило бы знатных

¹⁷⁴ *Voyage du chevalier Chardin... Op. cit., IV, p. 89.*

¹⁷⁵ Marana J.-P. *Lettre d'un Sicilien à un de ses amis*. P.p. V. Dufour, 1883, p. 27.

¹⁷⁶ Marquis de Paulmy. *Op. cit.*, p. 211.

¹⁷⁷ Schulin E. *Op. cit.*, p. 220.

¹⁷⁸ Poni C. *Compétition monopoliste, mode et capital: le marché international des tissus de soie au XVIIIe siècle* (сообщение на коллоквиуме в Белладжо, машинопись).

¹⁷⁹ Marana J.-P. *Op. cit.*, p. 25.

¹⁸⁰ Mercier L.-S. *Op. cit.*, VII, p. 160.

людей так презирать раззолоченные одежды, как увидеть их на теле презреннейших из людей на свете»¹⁷⁵. Значит, требовалось изобретать новые «раззолоченные одежды» или новые отличительные признаки, каковы бы они ни были, приходя в отчаяние всякий раз при виде того, что «все весьма переменилось и [что] новые буржуазные моды, как мужские, так и женские, воспроизводят моды, принятые у людей благородного происхождения»¹⁷⁶ (это сказано в 1779 г.). Совершенно очевидно, что нажим последователей и подражателей непрестанно вдохновлял гонку. Но если дело обстояло так, то потому, что привилегия богатства выталкивала на передний план определенное число нуворишей. Наблюдались подъем по социальной лестнице, утверждение определенного благосостояния. Существовал и материальный прогресс, без него ничто бы не менялось настолько быстро.

К тому же моду сознательно использовал мир купечества. В 1690 г. Николас Барбон пел ей хвалу: «*Мода, или изменение платья... суть дух и жизнь торговли*» («*Fashion or alteration of Dress ... is the spirit and life of Trade*»). Благодаря ей «великий корпус торговцев остается в движении» и человек живет как бы в вечной весне, «не видя никогда осени своей одежды»¹⁷⁷. Фабриканты лионских шелков воспользовались в XVIII в. тиранией французской моды, чтобы навязать за границей свою продукцию и устранить конкуренцию. Их шелковые изделия были великолепны, но итальянские ремесленники воспроизводили их без труда, в особенности когда распространилась практика высылки образцов. Лионские фабриканты нашли быстрый ответ: они стали содержать рисовальщиков, так называемых «иллюстраторов шелка», которые каждый год полностью обновляли образцы. Когда копии поступали на рынок, они оказывались уже старомодными. Карло Пони опубликовал переписку, не оставляющую никакого сомнения по поводу хитрой уловки лионцев в данном случае¹⁷⁸.

Мода была равным образом и поиском нового языка, чтобы отринуть прежний, способом для каждого поколения отрицать предыдущее и отличаться от него (по меньшей мере если речь шла об обществе, где существовал конфликт поколений). Текст, восходящий к 1714 г., утверждал: «От портных требуется больше труда для выдумки, нежели для шитья»¹⁷⁹. Но в Европе проблема в том как раз и заключалась, чтобы изобретать, оттеснять устаревший язык. Устойчивые ценности – церковь, монархия – тем более стремились сохранить прежнее лицо, по крайней мере ту же оболочку: монахини носили одеяние женщин средневековья; бенедиктинцы, доминиканцы, францисканцы остались верны своей очень древней одежде. Церемониал английской монархии восходит самое малое к войне Алой и Белой розы. Это было сознательное движение против течения. Себастьян Мерсье не заблуждался на этот счет, когда писал в 1782 г.: «Когда я вижу церковного служку, то говорю себе: вот так все были одеты в правление Карла VI»¹⁸⁰.

ДВА СЛОВА О ГЕОГРАФИИ ТКАНЕЙ

История костюма, прежде чем мы с нею покончим, должна нас привести к истории тканей и текстильных изделий, к географии производства и обмена, к медленной работе ткачей, к регулярным кризисам, которые влекло за собой отсутствие сырья. Европе не хватало шерсти, хлопка и шелка; Китаю – хлопка; Индии и странам ислама – тонкой шерсти. Тропическая Африка покупала иностранные ткани на берегах Атлантики или Индийского океана в обмен на золото и рабов. Таким вот способом бедные народы оплачивали тогда свои закупки предметов роскоши!

Разумеется, существовало определенное постоянство зон производства. Так, обрисовывается зона, ареал шерсти, довольно мало изменившийся с XV по XVIII в., если оставить в стороне опыт, свойственный Америке с ее очень тонкой шерстью вигони и грубой шерстью ламы. Этот ареал охватывал Средиземноморье, Европу, Иран, Северную Индию, холодный Северный Китай.

Следовательно, в Китае были свои овцы, «и шерсть там весьма распространена и дешева». Однако же «они совсем не умеют делать из нее сукна по европейскому образцу» и очень восторгаются английским сукном, хоть почти его не покупают, ибо в Китае «английские сукна стоят несравнимо дороже самых прекрасных шелковых тканей». Китайские плотные шерстяные ткани грубы, это своего рода власняница¹⁸¹. Тем не менее они изготавливали некоторые саржи, «весьма тонкие и весьма ценные ... в кои обычно облачаются зимой старцы и уважаемые особы»¹⁸². Так что у китайцев не существовало затруднений, связанных с выбором. У них были шелк, хлопок, да еще два или три вида легко поддающихся обработке, хотя и не особенно распространенных, растительных волокон. И когда на севере наступала зима, мандарины и большие господа одевались в соболя, а бедняки – в овчину¹⁸³.

Тканям, как самому скромному из благ культуры, удавалось перемещаться, внедряться в новых областях. Шерсть найдет свою землю обетованную в XIX в. в Австралии. Шелк появился в европейском мире, несомненно, в эпоху Траяна (52-117 гг.); хлопок покинул Индию и заполонил Китай начиная с XII в.; еще раньше, около X в., он добрался до Средиземноморья при посредничестве арабского мира.

Самыми яркими из этих странствий были путешествия шелка. Ему понадобились столетия, чтобы прийти в Средиземноморье из Китая, где секрет его ревниво оберегали. Поначалу китайцы не проявляли никакого желания помочь распространению шелка. Не больше доброй воли обнаружила и Сасанидская держава, лежавшая между Китаем и Византией и бдительно оберегавшая свои границы в обоих направлениях. Юстиниан (527–565 гг.) был не только строителем собора Св. Софии и создателем носящего его имя Кодекса; он стал и императором шелка, сумев после множества превратностей внедрить в Византии культуру шелкопряда, тутовое дерево, размотку коконов и

¹⁸¹ Savary J. *Op. cit.*, V, col. 1262; Abbé Prévost.

Op. cit., VI, p. 225.

¹⁸² Magaillans G. *Op. cit.*, p. 175.

¹⁸³ *Ibid.*

«Шерстяная Англия» — резная латунная пластина из Норслича (Глостер), изображающая умершего в 1501 г. купца Уильяма Мидуинтера: его ноги опираются на овцу и на тюк шерсти с товарным знаком купца. (Фототека А. Колзна.)

прядение драгоценной нити. Тем самым Византия приобрела богатство, которое она ревниво охраняла на протяжении веков.

И все же к XV в., с которого начинается эта книга, шелк уже почти четыреста лет существовал в Сицилии и Андалусии. В XVI в. шелк (и тутовое дерево — вместе с ним) распространился в Тоскане, Венеции, Ломбардии, Нижнем Пьемонте, по долине Роны. В качестве последнего своего успеха шелк в XVIII в. достиг Савойи. Без такого бесшумного продвижения деревьев и питомников для разведения шелковичного червя шелковая промышленность в Италии и за ее пределами не познала бы того исключительного успеха, который пришел к ней с XVI в.

Странствия хлопчатника и хлопка были не менее впечатляющими. Европа довольно рано узнает этот драгоценный вид тканей, особенно с XIII в., когда вследствие сокращения овцеводства шерсти стало не хватать. Тогда и распространилась ткань-эрзац: *бумазея* с льняной основой и хлопковым утком. На эти ткани была большая мода в Италии и еще большая — к северу от Альп, где в Ульме и Аугсбурге, в заальпийской зоне, над которой издавна доминировала и которую вдохновляла Венеция, начинается крупный успех хлопчатобумажного *бархата* (*Barchent*). В самом деле, великий город служил импортирующим портом для хлопка в виде пряжи или кип сырца (так называемый «хлопок под шерсть»). В XV в. из Венеции дважды в год уходили за ним в Сирию большие суда. Разумеется, хлопок обрабатывали и на месте, например в Алеппо и окрест него, вывозя затем в Европу. В XVII в. такая грубая синяя ткань из хлопка, аналогичная материи наших традиционных кухонных

передников, использовалась для простонародной одежды на юге Франции. Позднее, в XVIII в., на европейских рынках появляются индийские изделия из хлопка – тонкие набивные ткани, те самые ситцы («*indiennes*»), которыми женская клиентура будет наслаждаться вплоть до того дня, когда промышленный переворот позволит англичанам изготавливать их не хуже умелых индийских ткачей, а потом и разорить последних.

Лен и конопля остались примерно в тех же областях, где появились, слегка продвинувшись на Восток – в Польшу, Прибалтику и Россию, но почти не покидая Европы (конопля, однако, встречалась в Китае). За пределами стран Запада (включая и Америку) эти текстильные волокна не имели успеха, оказав, однако, немалые услуги: простыни, столовое белье, нательное белье, мешки, крестьянские рубахи и штаны, парусина, канатные изделия – все они вышли из этих растений, из одного или другого, а то и из обоих разом. В иных местах – в Азии, даже в Америке, – их неуклонно вытеснял хлопок, даже на корабельных мачтах, хотя на китайских и японских джонках ему предпочитали бамбуковые рейки, достоинства которых постоянно расхваливают специалисты по морскому делу.

Если бы мы принялись сейчас за историю изготовления тканей, а затем за характеристику разных и бесчисленных их видов, нам потребовались бы многие страницы плюс объемистый словарь используемых терминов, так как многие из терминов, дошедших до нас, не всегда обозначают те же самые изделия, а иногда имеют в виду и такие, о которых мы не знаем ничего определенного.

Но нам придется по необходимости возвратиться к обширной главе о текстильной промышленности во втором томе этого труда. Всему свое время.

МОДЫ В ШИРОКОМ СМЫСЛЕ И ИХ КОЛЕБАНИЯ В ПРЕДЕЛАХ ДЛИТЕЛЬНОЙ ВРЕМЕННОЙ ПРОТЯЖЕННОСТИ

Мода царила не в одной только одежде. «Нравоучительный словарь» («*Dictionnaire sentencieux*») так определял это слово: «Манера одеваться, писать и поступать, используемая французами и так и этак, тысячей разных способов, дабы придать себе более приятности и изящества, а порой и предстать в более смешном виде». Эта мода касалась всего: то был образец, на который ориентировалась всякая цивилизация. Ею в такой же мере было мышление, как и костюм; как меткое словцо, так и кокетливый жест, манера принимать гостей за столом, тщательность, с какой запечатывали письма. Модой была и манера разговаривать: так, в 1768 г. будут говорить, что «буржуа имеют слуг (*domestiques*), люди благородного происхождения – лакеев (*laquais*), а священники – прислужников (*valets*)». Моде следовала и манера есть: время еды варьировало в Европе в зависимости как от места и социального слоя, так и от моды. В XVIII в. словом «обед» (*diner*) обозначали то, что мы бы назвали завтраком: «Ремесленники обедают в девять часов [утра],

провинциалы – в двенадцать, парижане – в два, деловые люди – в половине третьего, а большие господа – в три». А что касается «ужина» (*soupe*), т. е. нашего обеда, то «в маленьких городках он происходит в семь часов, в крупных городах – в восемь, в Париже – в девять и при дворе – в десять. Большие господа и финансисты [т. е. самая верхушка] ужинают регулярно, люди мантии, судейские – никогда, чиновничья мелкота – как получится». Отсюда и ставшее почти что пословицей выражение «Мантия обедает, а Финансы ужинают»¹⁸⁴.

Мода – это и манера ходить, и, в неменьшей степени, манера приветствовать. Следует снимать шляпу или нет? По-видимому, обыкновение обнажать голову в присутствии короля пришло от неаполитанских аристократов, почтительность которых поразила Карла VIII; она и послужила образцом.

И наконец, к моде относится и то, как ухаживают за телом, за лицом, за волосами. Если мы немного остановимся на последних трех сюжетах, то потому, что они прослеживаются легче, нежели другие. По их поводу можно заметить, что и здесь в моде происходили очень медленные колебания, аналогичные тем тенденциям, тем *trends*, которые экономисты вскрывают под поспешным и несколько беспорядочным движением текущих цен. Такое медленное движение взад и вперед было еще одним из обличий, еще одной из реальностей европейской роскоши и моды XV–XVIII вв.

Чистоплотность во все времена и у всех людей оставляла желать лучшего. Очень рано привилегированные станут отмечать вызывающую отвращение неопрятность бедноты. Так, в 1776 г. один англичанин удивлялся «невероятной нечистоплотности» бедняков французских, испанских и итальянских: она-де «делает их менее здоровыми и более безобразными, чем бедные в Англии»¹⁸⁵. Добавим к этому, что повсюду, или почти повсюду, крестьянин прикрывался нищетой, которую он выставлял напоказ, защищаясь таким образом от сеньера или агента налогового ведомства. Но если говорить только о Европе, были ли столь чистыми сами-то привилегированные?

Практически только во второй половине XVIII в. установился обычай (для мужчин) носить вместо простых коротких штанов на подкладке «кальсоны, которые каждый день меняют и которые поддерживают чистоту». И мы уже отмечали: очень мало было бань, да и те в крупных городах. В том, что касается мытья в бане и чистоплотности, Запад в XV–XVII вв. познал фантастических масштабов регресс. Бани, давнее наследие Рима, были правилом по всей средневековой Европе – как частные, так и весьма многочисленные общественные бани, с их ваннами, парильнями и лежаками для отдыха, либо же с большими бассейнами, с их скученностью обнаженных тел, мужских и женских вперемежку. Люди встречались здесь столь же естественно, как в церкви; и рассчитаны были эти купальные заведения на все классы, так что их облагали сеньериальными пошлинами наподобие мельниц, кузниц и заведений питейных¹⁸⁶. А что касается зажиточных домов, то все они располагали «мыльнями» в полуподвалах; тут находились парильня и кадки – обычно деревянные, с набитыми, как на бочках, обручами. У Карла

¹⁸⁴ Mercier L.-S. – Цит по: Gottschalk A. *Histoire de l'alimentation...* Op. cit., II, p. 266.

¹⁸⁵ Rutledge J.-J. *Essai sur le caractère et les mœurs des François comparées à celles des Anglois*. 1776, p. 35.

¹⁸⁶ Docteur Cabanès. *Mœurs intimes du passé*. 2e série: *La vie aux bains*. 1954, p. 159.

Ванна XV в., или посредством какой хитрости Лизиар, граф де Форе, смог тайком увидеть через дырку, проделанную в стене неверной служанкой, прекрасную Эврианту во время купания. «Роман о фиалке». Национальная библиотека, Париж.

Смелого был редкостный предмет роскоши: серебряная ванна, которую за ним возили по полям сражений. После разгрома под Грансоном (1476 г.) ее обнаружили в герцогском лагере¹⁸⁷.

Начиная с XVI в. общественные бани становятся все более редки, почти что исчезают, по причине, как говорили, распространения заразы и страшного сифилиса. И несомненно, также по причине деятельности проповедников, католиков или кальвинистов, яростно обличавших бани как рассадник бесстыдства и угрозу морали. Тем не менее у частных лиц ванные комнаты сохранятся довольно долго. Но мало-помалу мытье в бане делается врачебным средством, но не привычкой к поддержанию чистоплотности. При дворе Людовика XIV к ней станут прибегать лишь в порядке исключения, в случае заболевания¹⁸⁸. К тому же в XVII в. общественные бани, которые сохранились, в конечном счете перешли в руки цирюльников-хирургов. И только в Восточной Европе практика пользования общественными банями со средневековым простодушием останется в силе вплоть до последних деревушек. На Западе же они зачастую становились публичными домами для богатых клиентов.

С 1760 г. мода ввела в обиход купания в Сене, устраивавшиеся на борту специально построенных судов. «Китайские бани», сооруженные возле острова Сен-Луи, впоследствии долго были модными. Однако репутация таких заведений оставалась сомнительной, и чистоплотность отнюдь не сделала решающих успехов¹⁸⁹. По словам Ретиф де Ла Бретонна (1788 г.), в Париже почти никто не купался, «а те, которые это делают, ограничиваются разом или двумя за лето, т. е. за год»¹⁹⁰. В Лондоне в 1800 г. не было ни единого банного заведения. И даже намного позднее леди Мэри Монтегю, весьма высокопоставленная и

¹⁸⁷ Docteur Cabanès. *Op. cit.*, p. 238–239.

¹⁸⁸ *Ibid.*, p. 284 sq.

¹⁸⁹ *Ibid.*, p. 332 sq.

¹⁹⁰ Pinset J. et Deslandres Y. *Histoire des soins de beauté*. 1960, p. 64.

¹⁹¹ Docteur Cabanès. *Op. cit.*, p. 368, note.

¹⁹² Mumford L. *Op. cit.*, p. 586.

¹⁹³ Caraccioli L. A. *Dictionnaire ... sentencieux. Op. cit.*, III, p. 126.

¹⁹⁴ Franklin A.

Les Magasins de nouveautés, II, p. 82-90.

¹⁹⁵ Rutlige J. J. *Op. cit.*, p. 165.

¹⁹⁶ Caraccioli L. A. *Op. cit.*, III, p. 217-218.

¹⁹⁷ По поводу последующих двух параграфов см.: Fangé A. *Mémoires pour servir à l'histoire de la barbe de l'homme*. 1774, p. 99, 269, 103.

очень красивая английская дама, рассказывала, что она как-то ответила лицу, обратившему внимание на сомнительную чистоту ее рук: «И это Вы называете грязью? А что бы Вы сказали, увидев мои ноги!»¹⁹¹

В таких условиях почти не приходится удивляться скромным масштабам производства мыла, а ведь оно восходит ко временам римской Галлии. Его редкость сама составляла проблему; она, возможно, была одной из причин высокой детской смертности¹⁹². Твердые мыла на содовой основе из стран Средиземноморья служили для личного туалета, в их число входили и душистые мыла, каковые должны были «иметь мраморный узор и быть надушенными, чтобы получить право касаться щек всех наших щеголей»¹⁹³. Жидкие поташные мыла (на севере) предназначались для стирки простынь и других тканей. В общем, баланс довольно скуден – а ведь Европа была континентом мыла «*rag excellence*». В Китае мыла не существовало, как не было (там) и нательного белья.

С тщательным уходом дам за своей красотой нам придется подождать до XVIII в. и его открытий, которые пополнят старинное наследие. Тогда кокетка свободно могла заниматься своим туалетом по пять-шесть часов кряду – сначала с помощью служанок, а того пуще – своего парикмахера, болтая со своим аббатом или своим «амантом». Главной проблемой были волосы, укладывавшиеся в такие высоченные сооружения, что глаза красоток сразу же казались расположенными посередине туловища. Более легкой работой было нарумянивание лица, тем более что тон наносился не без щедрости. И только ярко-красный цвет румян, которого требовали в Версале, определял выбор: «Скажи мне, какие ты употребляешь румяна, – и я скажу тебе, кто ты». Существовало множество духов: эссенции фиалковая, розовая, жасминная, нарциссовая, бергамотная, лилейная, ирисовая, ландышевая; а Испания уже давно ввела в моду крепкие духи, изготовлявшиеся на основе мускуса и амбры¹⁹⁴. Как заметил в 1779 г. английский автор: «Всякая француженка считает себя за своим туалетным столиком во всем убранстве гением вкуса и изящества. И она воображает, будто нет таких прикрас, какие можно изобрести для придания лицу человеческому большей красоты, на которые она не обладала бы исключительным правом»¹⁹⁵. Что такие подделки уже весьма распространились, подтверждает «Нравоучительный словарь», дающий следующую дефиницию: «Туалет – это набор всех пудр, всех эссенций, всех румян, потребных для того, чтобы преобразить внешность и сделать юной и очаровательной самое старость и самое безобразие. Именно при туалете исправляют недостаток роста, делают себе брови, вставляют зубы, создают себе лицо и, наконец, меняют фигуру и кожу»¹⁹⁶.

Но еще более легкомысленным сюжетом были моды на прически, даже у мужчин¹⁹⁷. Скажем, будут ли они носить длинные волосы или короткие? Примут ли они бороду и усы или не примут? И поразительно видеть, что в этой столь специфичной области индивидуальные причуды мода всегда держала в узде.

В начале Итальянских войн Карл VIII и Людовик XII были безбородыми и носили длинные волосы. Новая мода – борода и

Моды и поколения. На этом семейном портрете, выполненном в 1635 г. Д. ван Сант-воортом, бургомистр Дирк Якобс и его жена пребывают еще в «испанском» периоде моды: темные костюмы, брыжи, у него – длинная борода и пышные усы. Но все их дети одеты по новой франко-голландской моде: узкие цветные штаны, большие отложные воротники, полотняные и кружевные. Старший сын, как и полагается, носит небольшие усики и намек на бородку. *Государственный музей, Амстердам. (Фото Розже-Виолле.)*

усы, но при коротких волосах – пришла из Италии. Ввел ее, как нам рассказывают, папа Юлий II (в чем можно усомниться), которому-де позже стали подражать Франциск I (в 1521 г.) и Карл V (в 1524 г.). Никакой достоверности в этих датах нет. Достоверно известно лишь одно, что эта мода покорила всю Европу. «Когда Франсуа Оливье, который потом стал канцлером, явился в 1536 г. в парламент, дабы получить должность рекетмейстера, его борода напугала членов совместно заседавших палат и вызвала с их стороны протесты. Оливье был принят только на условии, что откажется от бороды». Но еще громче, чем парламенты, восстала против обычая «выращивать на лице шерсть» церковь. Вплоть до 1559 г. требовались даже королевские грамоты об утверждении (*lettres royales de jussion*), чтобы заставить строптивые капитулы, за которыми стояли традиция и старая мода, принять того или иного бородатого епископа или архиепископа.

Разумеется, капитулы не смогли одержать верх. Но и сами победители утомились собственными успехами. В самом деле, такие моды практически удерживались самое большое – столетие. С началом царствования Людовика XIII волосы снова становятся длиннее, а бороды и усы – короче. И опять-таки тем хуже для отстающих! Борьба пошла из-за иных предметов, но не изменила своего смысла. И вот очень быстро носители длинных бород «оказались в некотором роде чужеземцами в собственной стране. Глядя на них, люди склонны были считать, что те приехали из отдаленных областей. Именно такое испытал Сюлли... Когда он был призван ко двору Людовиком XIII, желавшим узнать его мнение по важному вопросу, молодые придворные не

могли удержаться от смеха, увидев героя с длинной бородой, в костюме, каких больше не носили, его важную осанку и манеры, свойственные старому двору». И борода, уже «скомпрометированная», вполне логично продолжала уменьшаться до того момента, когда наконец «Людовик XIV совершенно упразднил и небольшую, «клинышком», бородку. Братья-картезианцы были единственными, кто от нее не отказался» (это было сказано в 1773 г.). Ибо церковь по самой своей натуре, как всегда, испытывала отвращение к переменам; а единожды приняв, она их сохраняла и по истечении моды на них в силу не менее очевидной логики. Когда около 1629 г. началась мода на «искусственные волосы», которая вскоре приведет к парикам, а позднее – и к парикам пудренным, церковь вновь выступит против моды. Может ли священник совершать богослужение в парике, который скрывает его тонзуру? Это послужило предметом яростных споров. Но парики не перестали от этого существовать, и в начале XVIII в. Константинополь даже вывозил в Европу «козью шерсть, переработанную для париков»!

Главным во всех этих легкомысленных эпизодах была продолжительность таких сменявших друг друга мод – примерно по столетию. Борода, исчезнувшая при Людовике XIV, снова войдет в моду только с романтизмом, а затем после первой мировой войны – около 1920 г. – пропадет. Хватило ли этих перемен на столетие? Нет, потому что с 1968 г. вновь стали носить длинные волосы, бороду и усы. Не будем ни преувеличивать, ни преуменьшать значение всего этого. В Англии, где около 1800 г. не было и 10 млн. жителей, 150 тыс. носили парики (если правда то, что утверждало налоговое ведомство). А чтобы этот небольшой пример привести в соответствие с наблюдавшейся нами нормой, укажем на восходящий к 1779 г. текст, который, несомненно, верен, во всяком случае в масштабах Франции: «Крестьяне и простой народ ... всегда так или иначе брили бороду и носили довольно короткие и плохо ухоженные волосы»¹⁹⁸. Если даже и не принимать это заявление в буквальном смысле, можно побиться об заклад, что и на сей раз существует возможность того, что на одной стороне, среди большинства, наблюдалась неподвижность, а на другой, на стороне роскоши, существовало движение.

ЧТО СКАЗАТЬ В ЗАКЛЮЧЕНИЕ?

Все эти реальности материальной жизни: пища, напитки, жилище, одежда, мода, наконец, – не имели между собой тесной связи, не находились в корреляции, которую достаточно было бы отметить раз навсегда. Провести различие между роскошью и нищетой – это только первичная классификация, односторонняя и сама по себе недостаточно точная. По правде говоря, все эти реальности не были единственно продуктом вынужденной необходимости. Человек питается, строит жилье, одевается, потому что он не может поступать иначе. Но при всем том он мог бы питаться, устраивать жилище и одеваться по-иному, чем делал. Скачки моды говорят об этом в «диахронном» плане, а кон-

¹⁹⁸ Marquis de Paulmy.
Op. cit., p. 193.

трасты в мире, в любое мгновение прошлого и настоящего – в «синхронном». В самом деле, мы пребываем здесь не просто в сфере вещей, но и в сфере «вещей и слов», понимая этот последний термин шире его обычного смысла. Речь идет о языках культуры со всем тем, что человек в них привносит, вводит постепенно, бессознательно становясь пленником этих языков перед лицом своей повседневной чашки риса или своего ежедневного куска хлеба.

Чтобы понять новаторские книги, вроде книги Марио Праца¹⁹⁹, главное состоит в том, чтобы с самого начала себе представлять, что эти вещи и эти языки надо рассматривать как целостность. Это утверждение бесспорно для экономик в широком смысле. Оно несомненно и в рамках [отдельных] обществ. Если роскошь и не слишком подходящее средство, чтобы поддерживать или толкать экономику вперед, то она [все же] средство держать общество в руках, очаровывать его. Наконец, играют свою роль и цивилизации – странные совокупности материальных ценностей, символов, иллюзий, причуд и интеллектуальных построений ... Короче говоря, вплоть до самых глубинных пластов материальной жизни устанавливается нарочито усложненный порядок, в котором участвуют подсознание, склонности, неосознанное давление со стороны экономик, обществ, цивилизаций.

¹⁹⁹ Praz M. *La Filosofia dell'arredamento. Op. cit.*

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ТЕХНИКИ: ИСТОЧНИКИ ЭНЕРГИИ И МЕТАЛЛУРГИЯ

Техника — это все; как мощное, так и терпеливое и однообразное воздействие человека на внешний мир. Это быстрые изменения, которые мы, пожалуй, слишком поспешно именуем революциями (революция пороха, революция в океанском мореплавании, революции печатного дела, водяных и ветряных мельниц, машинного производства), но это также и медленные улучшения процесса и орудий труда и бесчисленные операции, конечно же не имеющие новаторского значения: движения моряка, тянущего снасти, крестьянина, идущего за плугом, рудокопа, роющего свою штольню, кузнеца за наковальней ... Все подобные операции и движения — плод накопленного умения. М. Мосс говорил: «Техническим я называю эффективный традиционный акт»¹, в общем акт, предполагающий работу человека над человеком, выучку, начатую и продолжаемую испокон веков.

Наконец, техника столь же обширна, как и сама история, и неизбежно обладает и ее медлительностью, и ее двойственностью. Техника объясняется историей и в свою очередь ее объясняет, хотя корреляция, в одном или в другом смысле, не бывает полной. В этой области, раздвинувшейся до крайних пределов истории в целом, существует не *единое* действие, но *многие* действия, многие отступления и многие «сложности» («engrenages»). Это никоим образом не прямолинейная история. Майор Лефевр дэ Ноэтт, чьи труды остаются достойными восхищения, был не прав, став на путь упрощенческого материализма. Не шейный хомут, сменивший с IX в. нагрудные построжки (от чего возросла сила конной тяги), упразднил постепенно рабство людей (Марк Блок считал неправильным такое произвольное «выпрямление» процесса)². И точно так же не поворотный руль, крепящийся к ахтерштевню, распространившийся поначалу в северных морях, начиная с XII в. подготовил, а затем обеспечил такое величайшее предприятие, как Великие открытия³. И опять-таки, воспримем в лучшем случае как забавную остроумную утверждение Л. Уайта, будто бы очки, сделавшись с XV в. явлением обычным и тем увеличив число чита-

¹ Mauss M. *Sociologie et anthropologie*. 1973, p. 371.

² Bloch M. *Problèmes d'histoire des techniques*. — Рец. на кн.: Lefebvre des Noëttes R. *L'Attelage, le cheval de selle à travers les âges. Contribution à l'histoire de l'esclavage*. — «*Annales d'histoire économique et sociale*», 1932, p. 483–484.

³ La Roërie G. *Les transformations du gouvernement*. — «*Annales d'histoire économique et sociale*», 1935, p. 564–583.

Жатва косой в Нидерландах: в конце XVI в. это было еще исключением. Картина Брейгеля Младшего (ок. 1565–1637 гг.). (Фото Жиродона.)

4 White L. *Cultural climates and technological advances in the Middle Ages*. – “Viator”, vol. II, 1971, p. 74.

телей, способствовали интеллектуальному взлету Возрождения⁴. А ведь сколько еще факторов можно затронуть! Не были ли причиной тому книгопечатание или с тем же успехом – острота за остроту! – внутреннее освещение в домах, тоже ставшее общим явлением: ведь сколько это часов, выигранных для чтения и письма! И все же в первую очередь следовало бы задаться вопросом о мотивах этой новой страсти к чтению и познанию, – экономисты сказали бы о «растущем спросе» на знания, – ибо разве не существовало задолго до победного шествия очков, еще со времен Петрарки, самозабвенных поисков древних рукописей?

Короче говоря, всеобщей истории или, если угодно, обществу в широком понимании этого слова всегда было что сказать в таком споре, где техника никогда не выступала сама по себе. Общество – это медленная, незаметная, сложная история; это память, упрямо повторяющая уже найденные, знакомые решения, которая избегает сложностей и опасных мечтаний о чем-либо ином. Всякое изобретение, постучавшееся в дверь, должно

было ждать годы или даже столетия, чтобы войти или быть внедренным в реальную жизнь. Существовало *inventio* (изобретение) – затем, много позже, его приложение – *usurpatio*, когда общество достигало нужной степени восприимчивости. Так было с косой. В XIV в. после эпидемий, которые нанесли населению Запада страшный урон, картина Смерти, вооруженной косой, «Смерть-косец» – *der Schnitter Tod*, – сделалась навязчивой идеей. Но эта коса служила тогда исключительно для того, чтобы косить траву на лугах; она редко бывала орудием жнеца. Колосья более или менее высоко срезали серпом, солому оставляли на корню на корм скоту, а на подстилку ему шли приносимые из леса листья и ветки. Несмотря на огромный рост городов, несмотря на превращение Европы в землю зерновых (то, что немецкие историки называли *die Vergetreidung*), коса, повинная якобы в том, что она-де осыпает зерно, начнет применяться повсеместно лишь в XIX в.⁵ Только тогда потребность в более быстрой работе и то, что потеря некоторого количества зерна стала допустимой, обеспечили преобладающее распространение этого быстрого орудия.

Сотня других примеров говорит о том же. Скажем, так было с паровой машиной, изобретенной задолго до того, как она послужила толчком к промышленной революции (или сама стала следствием ее?). Взятая сама по себе, событийная история изобретений оказывается, таким образом, игрой кривых зеркал. И смысл спора довольно верно выразила великолепная фраза А. Пиренна: «Америка, [открытая викингами], была утрачена сразу же по открытию, потому что Европа в ней еще не нуждалась»⁶.

Что же это означает, как не то, что техника порой бывала тем *возможным*, до чего люди не могли прийти и что не могли использовать в полном объеме по причинам прежде всего экономическим и социальным, но также и психологическим, а порой бывала и тем *потолком*, в который упирались усилия людей в материальном, «техническом» отношении? В этом последнем случае стоило в один прекрасный день проломить потолок, и технический прорыв делался исходной точкой быстрого ускорения. И тем не менее движение, низвергавшее преграды, никогда не было просто *внутренним* развитием техники или науки самих по себе, определенно нет, во всяком случае до XIX в.

КЛЮЧЕВАЯ ПРОБЛЕМА – ИСТОЧНИКИ ЭНЕРГИИ

В XV–XVIII вв. человек располагал своей собственной мускульной силой, силой домашних животных, энергией ветра, текущей воды, дров, древесного угля и угля каменного. В целом то были разнообразные, пока еще скромные источники энергии. Прогресс, как мы, просвещенные последовавшими событиями, знаем, должен бы был ориентироваться на каменный уголь, ис-

⁵ С 1730 по 1787 гг. целая серия постановлений Парижского парламента запрещала замену серпа косой. См.: Besnier R. *Cours de droit*. 1963–1964, p. 55; см. также статью Tresse R. в: “*Annales E. S. C.*”, 1955, P. 341–358.
⁶ Ссылка утеряна; возможно, речь идет о каком-то докладе Пиренна.

пользовавшийся в Европе с XI–XII вв., а в Китае, как заставляют считать источники, с IV тыс. до н. э. И особенно его следовало систематически использовать в виде кокса в черной металлургии. Но людям понадобится очень долгое время, чтобы разглядеть в угле нечто иное, нежели вспомогательное топливо. Да и само открытие кокса не повлекло за собою немедленного его применения⁷.

⁷ См. настоящую работу, т. III.

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПРИВОД

Человек со своими мышцами представляет отнюдь не лучший двигатель: его мощность, измеренная в лошадиных силах (подъем 75 кг на один метр за секунду), ничтожна – между тремя и четырьмя сотыми лошадиных сил против 27–57 сотых лошадиной силы у упряжной лошади⁸. Форэ де Белидор утверждал в 1739 г., что для выполнения работы одной лошади требовалось семь человек⁹. Другие измерения – в 1800 г. человек за день мог «вспахать 0,3–0,4 га, переворошить сено на 0,4 га луга, сжать серпом 0,2 га, намолотить примерно 100 литров хлеба»¹⁰ – говорят о несомненно низкой производительности.

Однако при Людовике XIII рабочий день одного человека оплачивался из расчета не $\frac{1}{7}$, а $\frac{1}{2}$ дня работы лошади (8 и 16 су)¹¹; такой тариф справедливо оценивал человеческий труд выше. Дело в том, что этот незначительный по мощности двигатель всегда был очень гибок. Человек располагал многочисленными орудиями, многими из них с самых отдаленных времен: молотом, топором, пилой, клещами, заступом – и элементарными приводами, использовавшими его собственную силу: буравом, воротом, блоком, журавлем, домкратом, рычагом, педалью, рукояткой, гончарным кругом. Для последних трех из этих инструментов, некогда пришедших на Запад либо из Индии, либо из Китая, Ж. Одриккур предложил удачное определение – «человеческий привод». Основанным на человеческом же приводе и самым сложным из всех был, понятно, ткацкий станок, где все было сведено к простым движениям: сначала одна нога, потом другая работали педалями, приподнимали сначала одну, потом другую половину основы, в то время как рука пробрасывала челнок с точной нитью.

Следовательно, человек сам по себе представлял немалые возможности. У него были ловкость и гибкость: по свидетельству 1782 г., в Париже носильщик таскал на спине «грузы, от которых бы лошадь сдохла»¹². П. Ж. Пуансо в «Друге земледельцев» (1806 г.) дает следующий совет, ошеломляющий, если принять во внимание позднюю дату: «Следовало бы определенно пожелать, чтобы все земли вскапывались лопатой. Эта работа была бы наверняка намного выгоднее, нежели вспашка плугом, и во многих кантонах Франции это орудие предпочитают, ибо значительная в тех местах привычка к лопате намного сокращает операцию: один человек может вскопать за 15 дней 487 [квадратных] метров земли на глубину 65 сантиметров, и одного такого вскапывания довольно. Тогда как вспашка плугом должна быть повторена четырехкратно, прежде чем можно будет

⁸ Usher A. : *Historia de las invenciones mecánicas*. 1941, p. 280.

⁹ Приводится у: Sorre M. *Les Fondements de la géographie humaine*, II, p. 220.

¹⁰ Ссылка утеряна.

¹¹ Le Roy Ladurie E. *Les Paysans de Languedoc*. Op. cit., I, p. 468.

¹² Mercier L.-S. *Tableau de Paris*. Op. cit., IV, p. 30.

сеять на твердых почвах; к тому же земля никогда не бывает так хорошо перекопана и измельчена, как после лопаты ... Вы увидите, что плохая экономия – пахать плугом, когда у нас нет значительного пространства для возделывания, и это главная причина, по коей разоряются почти все мелкие фермеры... Доказано, далее, что сборы с таким способом обработанных земель втрое выше, нежели с прочих. Заступ, каковой употребляют для возделывания полей, должен быть по меньшей мере вдвое длиннее и прочнее того, что используют при работе в огороде; последний бы ... не выдержал тех усилий, какие надлежит прилагать для того, чтобы вскопать плотно слежавшуюся землю и достаточно ее размельчить»¹³.

Не будем относиться ко всему этому просто как к умозрению. Зачастую поденщики в деревнях обрабатывали свои клочки земли если и не заступом, то по крайней мере киркой. Это была, как говорили в XVIII в., обработка «вручную», или «пахота руками» («cultiver à bras»)¹⁴. Проблема состоит в том, как рассчитать, что получится из такого абсурдного, на китайский манер, «введения в оборот», если бы вместо того, чтобы быть исключением, оно оказалось правилом. Смогли бы тогда просуществовать и даже сложиться города Запада? И что стало бы со скотом?

Только такой человек с голыми руками неизменно встречался в Китае нового времени. В 1793 г. один путешественник отмечал: там не только человеческий труд «стоит дешевле всего, но его вовсе и не щадят всякий раз, когда есть уверенность, что он будет неплохо использован»; причем верить последней оговорке необязательно. Человек работал киркой, тянул вместо буйвола плуг, разводил по полям воду, приводил в движение «щепные насосы», для помола зерна применял почти исключительно ручные мельницы («это занятие бесчисленного множества жителей»), переносил путешественников, поднимал огромные тяжести, перетаскивал на плечах с помощью коромысла грузы, вращал жернова бумажных мельниц, тащил бечевой суда, тогда как «во многих других странах для этого используют лошадей»¹⁵. На Великом канале, идущем от Янцзы до Пекина, самый высокий из шлюзов, именовавшийся «Тяньфицзя, т. е. Царица и госпожа Неба», действовал не путем открытия и закрытия ворот. Суда перетаскивали с одного бьефа на другой с помощью ворот и «некоторого числа канатов и снастей, каковые тянут на одной и на другой стороне канала 400 или 500, а то и больше человек, смотря по весу и размеру лодки». Так что же, отец де Магальянш был прав, говоря об этой операции (трудность и опасности которой подчеркивал) как о примере китайской привычки выполнять «всякого рода механические работы с куда меньшим количеством инструмента, чем мы, и намного легче»?¹⁶ Десятилетием позже, в 1695 г., Джемелли Керери тоже станет восторгаться скоростью носильщиков, которые двигаются со своими паланкинами все время бегом, и делают это столь же быстро, как и «маленькие татарские, [т. е. монгольские], лошади»¹⁷. В 1657 г. один иезуит построил в Пекине пожарный насос, способный выбрасывать воду «на сто ладоней вверх» и приводившийся в действие *человеческой силой* и ветром¹⁸. А ведь даже в

¹³ Poinso P. G. *L'Ami des cultivateurs. Op. cit.*, II, p. 39–41.

¹⁴ Мемуар П. Дюверна, А. N., F¹², 647–648 (предложение 1750 г. об освобождении от тали «земель, возделываемых вручную»).

¹⁵ Macartney G. *Op. cit.*, III, p. 368; Abbé Prévost. *Op. cit.*, VI, 126.

¹⁶ Magaillans G. de. *Nouvelle relation de la Chine*, p. 141, 148.

¹⁷ Gemelli Careri G. F. *Voyage du tour du monde*, IV, p. 487.

¹⁸ *Ibid.*, p. 460.

При тяге бечевой требовалось по шесть китайцев, дабы тянуть куждую из груженных драгоценными камнями лодок. Китайская картина XVIII в. Национальная библиотека, Кабинет эстампов.

¹⁹ Ваха J., Bruhns G. *Zucker im Leben der Völker*. 1967, S. 35. Зоннерат дал довольно точные зарисовки этих простых машин. См.: Sonperat. *Voyage aux Indes orientales et à la Chine*. 1782, I, p. 108, гравюра 25, пресс для отжима масла.

²⁰ *Mémoires ...* (труды отцов-миссионеров в Пекине), *op. cit.*, 1977, II, p. 431.

²¹ Bernier F. *Voyages*. *Op. cit.*, 1699, II, p. 267.

Индии нории, сахарные мельницы и маслоотжимные прессы вращали с помощью тягловых животных¹⁹. Однако же вот пример противоположной крайности: картина Хокусаи показывает нам в Японии и в XIX в. зрелище почти немыслимое: сахарный тростник толкут только вручную.

Еще в 1777 г. отцы-иезуиты поясняли: «Вопрос полезности машин и рабочего скота не так-то просто разрешить, по крайней мере в странах, где земли едва хватает для прокорма жителей. Чему послужили бы машины и рабочий скот? Тому, что часть обитателей стала бы философически настроенной [*sic!*], т. е. абсолютно ничего не делающими для общества и перекладывающими на него груз забот об их потребностях, их благосостоянии и, что еще хуже, груз своих смехотворных и нелепых идей. Люди в наших деревнях, [это аргументируют иезуиты-миссионеры в Китае], оказавшись в некоторых уездах либо в избыточном числе, либо без работы, решаются отправиться в поисках работы в Великую Татию, во вновь покоренные страны, где земледелие наше делает успехи...»²⁰ И по-видимому, это разумно. К тому же справедливо, что в то время для китайского земледелия была характерна мощная внутренняя и внешняя колонизация. Но как раз данный случай позволяет отметить, что земледельческий прогресс не способен был тогда сопутствовать демографическому росту, а тем более его опережать.

Нужно ли долго распространяться о труде людей в Тропической Африке или в Индии? Во время поездки Аурангзеба в Кашмир пришлось разгрузить верблюдов перед первыми же крутыми склонами Гималаев. Их сменили от 15 до 20 тыс. носильщиков — одних принудили служить, других «привлекла приманка в 10 экю за 100 фунтов груза»²¹. Расточительство, скажете вы. Другие же подумают: «Экономия, сбережение!» В 1788 г. в больнице Бисетр воду из колодца поднимали силой двенадцати лошадей, «но из соображений разумной экономии, каковая дает

Деталь изображения серебряного рудника в Кутной Горе (ок. 1490 г.).
 Корзины с рудой поднимает лебедка, которую приводят в движение два человека.
 На этом же руднике были и большие ворота с конным приводом.
 Но все это еще простейшие средства.
 Напротив, в эпоху Агриколы, пятьюдесятью годами позднее,
 подъем обеспечивали огромные водяные колеса.
 Вена. Архив изобразительных материалов
 Австрийской Национальной библиотеки.

²² Mercier L.-S. *Op. cit.*, VIII, p. 4.

еще большее преимущество, стали затем употреблять на этой работе сильных и крепких арестантов»²². И подумать только, что такие речи держал моралист Себастьян Мерсье! И точно так же позднее мы увидим в бразильских городах, как при случае черные невольники заменяли лошадей и тянули вручную тяжело нагруженные повозки.

Вне сомнения, условие прогресса – разумное равновесие между вездесущим трудом человека и другими, заменяющими его источниками энергии. Там же, где человек соперничал с ними сверх меры, как то было в античном мире или в Китае, где машинному производству преградил дорогу дешевый человеческий труд, выгода бывала иллюзорной; так было с рабами в Греции и Риме и с чересчур работоспособными и чересчур многочисленными кули в Китае. На самом деле прогресс невозможен без определенного повышения ценности человека. Как только он становится источником энергии с известной себестоимостью, приходится думать о том, как ему помочь или, вернее, как его заменить.

МУСКУЛЬНАЯ СИЛА ЖИВОТНЫХ

Замена человека стала возможна очень рано благодаря домашним животным; впрочем, эта роскошь очень неравномерно распределена по миру. История таких «двигателей» будет яснее, если с самого начала разграничить Старый и Новый Свет.

В Америке все кажется довольно простым. Единственным значительным наследием индийских цивилизаций была лама, «андская овца» – довольно неважное вьючное животное, но единственное, способное адаптироваться к разреженному воздуху высоких Кордильер. Все остальные животные, исключая вилку и индюка, пришли из Европы – быки, бараны, козы, лошади, собаки, домашняя птица. Самыми важными для хозяйственной жизни были мулы и лошаки, все более и более делавшиеся основными перевозчиками повсюду, кроме Северной Америки, отдельных районов колониальной Бразилии и особенно аргентинской пампы, где вплоть до XX в. оставались правилом повозки, запряженные быками.

По обширным пространствам Новой Испании двигались караваны мулов, оглашая округу шумным звоном своих колокольцев; Александр Гумбольдт отмечал в 1808 г. их значение для перевозки товаров и маисовой муки, без которой не смог бы прожить ни один город, в особенности богатейший Мехико²³. То же происходило и в Бразилии, где десятком лет позже Огюст де Сент-Илер внимательно наблюдал за такими караванами. Это движение с его обязательными привалами и переходами включало и «станции» со сменными мулами – скажем, в Португа-Эстрела у подножия гор Серра-ду-Мар, перед самым Рио-де-Жанейро²⁴. Хозяева караванов, бразильские *тропейрус* (*tropeiros*), финансировали производство хлопка, а вскоре и выращивание кофе. Они стали пионерами раннего капитализма.

В 1776 г. в обширном вице-королевстве Перу использовали 500 тыс. мулов для торговли в прибрежной зоне или в Андах

²³ Humboldt A. *Essai politique sur le royaume de la Nouvelle Espagne. Op. cit.*, II, p. 683.

²⁴ Saint-Hilaire A. *Voyages dans l'intérieur du Brésil*, I, p. 64 sq.

или в качестве упряжных животных для карет (в Лиме). Огромное королевство ежегодно ввозило около 50 тыс. мулов с юга, из аргентинской пампы. Там животные росли на воле, наблюдаемые издали, а затем конные *пеоны*, согнав их в огромные табуны по несколько тысяч голов, гнали их на север, до Тукумана и Сальты, где они подвергались жестокой дрессировке. В конечном счете мулы попадали либо в Перу, либо в Бразилию, в частности на огромную ярмарку в Сорокабе, в провинции Сан-Паулу²⁵. В глазах М. Батайона это производство и эта торговля напоминают сегодняшнюю автомобильную промышленность «и ее внутренний рынок на континенте, открытом для моторизации»²⁶.

Для неразвитой Аргентины такая торговля была способом приобщиться к перуанскому серебру или к бразильскому золоту: 500 тыс. мулов было в Перу, возможно, столько же – в Бра-

²⁵ Sánchez Albornoz N. *La Saca de mulas de Salta al Peru, 1778-1808* (издание Universidad Nacional del Litoral, Santa Fe, Argentine). 1965, p. 261-312.

²⁶ Concolorcorvo. *Itinéraire de Buenos Aires à Lima*. 1962, introduction de Marcel Bataillon, p. 11.

Караван лам в Перу. Картина Теодора де Бри. Национальная библиотека, Кабинет эстампов. (Фото Жиродона.)

зилии, мулы Новой Испании, да еще те, какие использовались в иных областях, в капитанствах Каракас или Санта-Фе-де-Богота, или в Центральной Америке, это наверняка составляло от одного до двух миллионов голов вьючных или верховых (редко – тягловых) животных. Скажем, одно животное на 5–10 жителей, т. е. высокая степень «моторизации», двигательной силы, обслуживавшей в зависимости от обстоятельств перевозки драгоценных металлов, сахара, маиса. Во всем остальном мире не существовало ничего сопоставимого, за исключением Европы. Да и то – где как. Испания 1797 г. имела всего 250 тыс. мулов на 10 млн. жителей, т. е. примерно на все население Латинской Америки²⁷. Даже если более точные исследования изменят цифры для Америки, диспропорция останется велика.

²⁷ *La Economía española según el censo de frutos y manufacturas de 1799*. 1960, p. VIII, XVII.

Другие европейские домашние животные, особенно быки и лошади, тоже расплодились в Новом Свете. Быки в ярме тащили за собой тяжелые телеги пампы, а в колониальной Бразилии – характерную *carro de boi* со сплошными колесами и скрипучими деревянными осями. Они же, дичая, образовывали целые стада. Так обстояло дело в долине Сан-Франсиску (в Бразилии), где «цивилизация кожи» напоминала аналогичные картины в аргентинской пампе и на Риу-Гранди-ду-Сул – то же изобилие мяса, жареного или съедавшегося полусваренным.

Что же касается лошади, то, несмотря на ее сверхизобилие, она, как и везде в мире, представляла здесь отличительную черту буйной и мужественной аристократии – аристократии господ и *неонов*, перегонявших табуны. Уже в конце XVIII в. по пампе скакали самые удивительные всадники мира – *гаучо*. А сколько тогда стоила лошадь? Два реала! Потеряв одну, находишь десять, дают ли их вам или вы их берете сами. А у быка даже не было продажной цены: он принадлежал тому, кто его поймает *лассо* или *бола*. Однако цена мула доходила в Сальте до 9 песо²⁸. Так как в Буэнос-Айресе черный невольник зачастую стоил 200 песо, Новый Свет таким тарифом повышал ценность человека, которому он, сверх того, предоставлял в распоряжение целый мир животных.

В Старом Свете такое развитие началось давно. Откуда и очень древние и осложненные ситуации.

И все же, оглядываясь назад, не было ничего более рационального, чем распространение двугорбого и одногорбого верблюда по всей аридной полосе Старого Света, этой нескончаемой цепи жарких и холодных пустынь, протянувшейся без перерыва от Западной Сахары до Гоби. Жаркие пустыни – царство верблюда-дромадера, животного зябкого, которому также никоим образом не подходят гористые области. Холодные степи и горы – область двугорбого верблюда. Линия раздела между ними проходит по Анатолии и Ирану. Как сказал в 1694 г. один путешественник: «Провидение создало два вида верблюда – один для жарких стран, другой для тех, кои холодны»²⁹.

Но потребовался долгий процесс, чтобы прийти к такому разумному распределению. Дромадер появился в Сахаре лишь на рубеже нашей эпохи³⁰, а распространился там только с арабским завоеванием в VII–VIII вв., и в дальнейшем – с приходом в XI и XII вв. «больших кочевников». Что касается продвижения верблюда в западном направлении, то оно совершалось с XI по XVI в. благодаря тюркскому нажиму в Малой Азии и на Балканах. Разумеется, двугорбый и одногорбый верблюды выходили за пределы своих соответствующих ареалов³¹. Дромадер прошел через Иран и появился в Индии, где продавался, как и лошади, по высокой цене; он проник и южнее Сахары, на окраины негрского мира, где его сменяли пироги и носильщики. Одно время он продвинулся на север, вплоть до меровингской Галлии, тогда как двугорбый верблюд на востоке хоть и не полностью покорил Балканские страны, но встречался там повсеместно вплоть до XIX в. В 1529 г. двугорбые верблюды обеспечивали снабжение турецкой армии под стенами Вены. Точно так же и на другом конце Старого Света наблюдалось

²⁸ Sánchez Albornoz N. *Op. cit.*, p. 296.

²⁹ Gemelli Careri G. F. *Op. cit.*, IV, p. 251.

³⁰ Demougeot E. *Le chameau et l'Afrique du Nord romaine.* – “*Annales E. S. C.*”, 1960, № 2, p. 244.

³¹ Planhol X. *Nomades et Pasteurs. I. Genèse et diffusion du nomadisme pastoral dans l'Ancien Monde.* – “*Revue géographique de l'Est*”, № 3, 1961, p. 295.

Египетская нория конца XVIII в. Гравюра из «Description de l'Égypte. État moderne», сборник материалов, собранных группой ученых, сопровождавших Бонапарта во время Египетского похода, и опубликованных в 1812 г. императорским правительством. Национальная библиотека.

массовое продвижение двугорбого верблюда в Северный Китай. В 1775 г. один путешественник отметил возле Пекина наряду с тачками и одного верблюда, «несущего [на спине] баранов»³².

Страны ислама практически располагали почти что монополией на это сильное животное для местных перевозок, для вспашки, для приведения в действие водоподъемных устройств (хотя в присредиземноморских районах можно было пользоваться «услугами» осла, применение которого восходит к очень давним временам) и, наконец, для караванных перевозок на дальние расстояния в Сахаре, на Ближнем Востоке, в Средней Азии – для всех связей, какие можно записать в актив древнего и гибкого капитализма³³. Дромадер и двугорбый верблюд поднимают довольно большой груз – по данным одного документа 1708 г., 700 фунтов для самых слабых животных, довольно часто – 800 (скажем, в районе Эрзерума) и от 1000 до 1500 фунтов – между Тебризом и Стамбулом³⁴. Речь явно идет о «легких» фунтах, менее 500 граммов; в общем, средний груз составлял приблизительно 4–5 наших центнеров. Караван из 6 тыс. верблюдов перевозил от 2400 до 3 тыс. тонн, т. е. в те времена – на грузку 4–6 солидных парусников. Страны ислама, долго бывшие хозяевами всех внутриконтинентальных сообщений Старого Света, обрели в этом перевозочном средстве решающий элемент для своего торгового первенства.

Что же касается быка (а также буйвола и зебу), то он распространен по всему Старому Свету, будучи остановлен только сибирскими лесами на севере, где находится ареал северного

³² Guignes M. *Op. cit.*, I, 1808, p. 355.

³³ Pérès H. *Relations entre le Tafilet et le Soudan à travers le Sahara.* – «Mélanges ... offerts à E. F. Gautier», 1937, p. 409–414.

³⁴ Точная ссылка не найдена (несомненно, A. N., A. E., B III). Во всяком случае, эти данные подтверждаются Тавернье. См.: Tavernier J.-B. *Les Six voyages...* 1682, I, p. 108.

олена, дикого или домашнего, и тропическим лесом – на юге, в частности в Африке, где ему преградила дорогу муха *цеце*.

В Индии, где бык порой выступал в роли бездельника, его, однако, запрягали в плуг, заставляли тянуть позолоченные повозки, вращать мельницу, служить верховым животным для воинов и даже для больших господ. Огромные караваны, насчитывавшие до 10 тыс. животных одновременно, перевозили там под предводительством погонщиков из любопытной касты мури даже пшеницу или рис. В случае нападения мужчины и женщины-мури защищались, стреляя из луков. Но когда на узких дорогах Северной Индии, окаймленных деревьями и стенами домов, встречались два каравана, эти потоки приходилось пропускать один после другого так, чтобы они не перемешались. А что до прочих путников, то они застревали на два-три дня, не имея возможности продвинуться среди этих животных ни вперед, ни назад³⁵. Этих индийских быков скверно кормили и никогда не содержали в хлеву. Китайский же буйвол (гораздо более редкий) если и работал мало, то ел еще меньше и должен был сам заботиться о пропитании; почти что дикий, он легко пугался путников.

Обычное зрелище, особенно в Европе: пара быков в ярме, а за ними – даже еще сегодня, например в испанской Галисии, – деревянная повозка со сплошными колесами. Быка можно также запрягать, как лошадь; подобным образом поступают японцы и китайцы (нагрудные постромки, а «не за рога») и иногда – северные европейцы (хомут). У быка как тяглового животного огромные возможности. Испанский агроном Алонсо де Эррера, чья книга увидела свет в 1513 г., выступал как защитник бычьих запряжек и противник мулов: последние-де быстрее на ходу, зато быки пашут глубже и более экономично³⁶. В противоположность этому во Франции Шарль Этьенн и Жан Льебо пели хвалу лошади: «Три добрых быка из лучших быков Бурбоннэ или Фореза не сделают столько, сколько одна добрая лошадь Франции [читай: Иль-де-Франса] или Боса», – писали они в 1564 г.³⁷ В 1758 г. Франсуа Кенэ продолжит старый спор: в его время капиталистическое земледелие, с использованием лошадей, вытесняло традиционную агрикультуру, использовавшую в основном быков³⁸. По современным меркам, тяга лошади равна тяге быка. Но с учетом всех обстоятельств (лошадь быстроходнее, продолжительность ее ежедневной работы больше, зато она больше ест и, старея, гораздо более обесценивается, нежели бык, предназначенный для бойни), так вот, повторяю, с учетом всех обстоятельств при равной работе бык обходится на 30% дороже своей соперницы. В Польше XVII в. единицей измерения земель служила площадь, которую можно обработать с помощью одной лошади или пары быков.

Лошадь – старинный исторический персонаж. Во Франции она присутствует с неолита, как о том свидетельствует обширное, простирающееся более чем на гектар скопление лошадиных костей в Солютре, возле Макона. В Египте она присутствовала с XVIII в. до н. э., а в римскую эпоху пересекла Сахару. Может быть, она происходит из областей, окружающих Джунгарские ворота, в самом сердце Азии? Во всяком случае, она настолько

³⁵ Abbé Prévost. *Op. cit.*, XI, p. 686.

³⁶ *Libro de agricultura*. Éd. de 1598, p. 368 sq.

³⁷ Estienne C. et Liébaud J. *L'Agriculture et maison rustique*. 1564, f° 21.

³⁸ François Quesnay et la physiocratie. *Op. cit.*, II, p. 431 sq.

успешно распространилась по всему пространству Европы, что в XVI и XVII вв. дикие, вернее, одичавшие лошади обитали в лесах и кустарниковых зарослях Северо-Западной Германии, в швейцарских горах, в Эльзасе и Вогезах. Картограф Даниэль Шпекле писал в 1576 г. об этих диких лошадях «в вогезских лесах; они плодятся и кормятся сами по себе круглый год. Зимой они находят убежище под утесами... Они крайне свирепы, а по узким и скользким скалам ступают весьма твердо»³⁹.

Так что лошадь – древний житель Европы. Такое многовековое знакомство с нею позволило постепенно создать для нее сбрую (хомут с IX в. на Западе и, раньше или позже, седло, стремяна, мундштук, поводья, упряжь, запряжка цугом, ковка). Во времена Рима плохо запряженная лошадь (нагрудные постромки мешали животному дышать) могла тянуть за собой лишь сравнительно небольшой груз и выполняла не большую работу, чем четверо рабов. И вот в XII в. она вдруг стала работать эффективнее – как двигатель при повышении его мощности в 4–5 раз – благодаря применению хомута. До того бывшая боевым конем, лошадь станет впредь играть очень большую роль в оборонении, в пахоте, в перевозках. Это важное изменение было составной частью в ряду других перемен: демографического подъема, применения тяжелого плуга, распространения трехполья в северных районах континента, роста урожайности и очевидного рывка вперед Северной Европы.

Однако распространение лошадей оставалось очень неравномерным. В Китае лошадей было сравнительно мало. В 1626 г. отец де Лас Кортес писал: «Мы видели их только в королевстве Чжанцзинфу, и это мелкие животные с коротким шагом. Китайцы их не подковывают и не пользуются шпорами. Их седла и их удила совсем не такие, как наши [еще в XVIII в. использовались деревянные седла и простые веревки вместо поводьев]. Немного более лошадей видели мы в «королевствах» Фуцзинсу и Кантон, но никогда не встречали их в большом числе. Мне сказали, что в горах есть много одичавших лошадей и что люди имеют обыкновение их ловить и укрощать»⁴⁰. А что касается мулов, сообщал еще один путешественник, то их там было мало и они были весьма мелки; хотя продавались мулы дороже лошадей, ибо их легче кормить и они лучше переносят усталость⁴¹. Ежели путник желает в Китае ехать на лошади, то пусть выберет доброе животное: поменять его он не сможет, коль скоро почтовые подставы предназначаются исключительно для императорской службы. Более благоразумно было по-прежнему использовать паланкин с носильщиками – легкий, быстрый, удобный, который несли, периодически сменяясь, 8 человек. К тому же транспортировка багажа и товаров, великолепно организованная через конторы, куда достаточно было их доставить (с тем чтобы по прибытии найти в другой соответствующей конторе), часто осуществлялась носильщиками или же на ручных одноколесных тележках, которые толкали один-два человека или же, реже, на вьючных мулах или ослах⁴². Несомненно, можно было утверждать, что «император Китая самый могущественный государь мира своей конницей», и в 1668 г. Магальянш называл, по всей видимости, точные цифры:

³⁹ B. N. Estampes, 1576 – cartes et plans, Ge D 16926 et 16937.

⁴⁰ P. de Las Cortes. *Relación del viaje, naufragio y captiverio...* 1621–1626, British Museum Sloane, 1005.

⁴¹ Guignes M. de. *Op. cit.*, III, p. 14.

⁴² Abbé Prévost. *Op. cit.*, VI, p. 212–213; Du Halde J.-B. *Description géographique, historique, cronologique, politique et physique de l'Empire de la Chine. Op. cit.*, II, p. 57.

⁴³ Magaillans G. *Op. cit.*, p. 53–54.

⁴⁴ Abbé Prévost. *Op. cit.*, VII, p. 525.

⁴⁵ См. настоящую работу, II.

⁴⁶ Braudel F. *Médit...* I, p. 427.

⁴⁷ Abbé Prévost. *Op. cit.*, VIII, p. 263–264

(*Voyage de Pyrard*, 1608 г.).

⁴⁸ *Les Six Voyages de Jean-Baptiste Tavernier. Op. cit.*, II, p. 59.

⁴⁹ Botero G. *Relationi universali*. Brescia, 1599, II, p. 31.

389 тыс. лошадей для войска, 175 тыс. – для почтовых станций, предназначавшихся по всей империи для государственной службы⁴³. Это, правда, не помешало реквизировать во время похода на элетского хана в 1690 г. всех лошадей частных владельцев в Пекине, будь те даже мандаринами⁴⁴. Можно, однако, задаться вопросом, располагали ли все подданные императора, вместе взятые, намного большим числом лошадей, чем их государь. В самом деле, за несколькими исключениями (вроде мелких сычуаньских лошадей), снабжение Китая лошадьми осуществлялось извне, благодаря специальным ярмаркам, организовывавшимся на границах с Монголией и Маньчжурией: ярмаркам в Кайюане или Гуанмине или же, с 1467 г., в окрестностях Фушуня⁴⁵. Итак, по сообщению, относящемуся к началу XVIII в., императорские закупки на таких ярмарках составляли будто бы 7 тыс. голов в год, а закупки «важных господ, гражданских и военных мандаринов» и всего остального населения лишь «вдвое или втрое превышали сие число». То есть на севере закупалось ежегодно самое большее 28 тыс. лошадей. Это немного.

Еще более редки были лошади в Индии или в Тропической Африке. Марокканские лошади, как истинный предмет величайшей роскоши, выменивались в Судане на золотой песок, слоновую кость, рабов; в начале XVI в. – 12 невольников за лошадь, а позднее – на пять рабов больше⁴⁶. Из Ормуза в Индию снаряжали целые флотилии с грузом лошадей, закупленных в Персии. В Гоа цена лошади доходила до 500 *пардойш* (*pardoes*), т. е. до 1000 могольских рупий, притом что в это же самое время молодой невольник стоил от 20 до 30 *пардойш*⁴⁷.

Как же сможет жить без ячменя и овса эта по такой дорогой цене купленная лошадь? В 1664 г. Тавернье писал: «В виде корма лошадям задают своего рода грубый рогатый горох, который размалывают меж двух небольших жерновов и который затем замачивают, ибо его твердость делает очень долгим переваривание. Этот горох дают лошадям вечером и утром; их заставляют съедать два фунта неочищенного черного сахара, смешанных с таким же количеством муки, и фунт сливочного масла, каковое им проталкивают кусками в глотку. После чего им тщательно моют рот, ибо лошади испытывают отвращение к такому корму. Днем им дают лишь некоторые разновидности полевых трав, кои вырывают с корнем и тщательно обмывают, дабы на них не осталось земли или песка»⁴⁸. В Японии, где в повозки запрягали, как правило, быков (привозимых из Кореи), лошадь была преимущественно верховым животным для знатных.

В мусульманских странах лошадь была среди домашних животных аристократом. Она служила ударной силой ислама почти с самого его возникновения и в еще большей мере – после его первых крупных успехов. Джованни Ботеро около 1590 г. признавал превосходство валашской, венгерской, польской, турецкой конницы. «Ежели они тебя опрокинули, от них не спасешься бегством, а ежели под твоим ударом они рассеялись, их не догонишь, ибо, будучи подобны соколам, они либо на тебя набрасываются, либо ускользают в мгновение ока»⁴⁹. Кроме того, лошади в странах ислама были в изобилии: некий путеше-

⁵⁰ Gemelli Careri G. F. *Op. cit.*, II, p. 72.

⁵¹ *Relazione di Gian Francesco Morosini, bailo a Costantinopoli. 1585. – Le Relazioni degli ambasciatori veneti al Senato.* P.p. E. Albreri, série III, vol. III, 1855, p. 305.

ственник в 1694 г. видывал в Персии караваны в 1000 лошадей⁵⁰. Османская империя в 1585 г. с военной точки зрения – это 40 тыс. коней в Азии и 100 тыс. в Европе; а враждебная ей Персия будто бы обладала, по словам посла, 80 тыс. коней⁵¹. Следовательно, внушительным «депо». В действительности Азия обладала превосходством в этом воспроизводстве боевых коней: это доказывает уже один вид Скутари в Азии, куда стогнали огромные табуны лошадей; специальные суда с открывающим-

Маньчжурия, XVIII в.: диких лошадей ловят арканом, как в аргентинской пампе. Именно так производился ремонт императорской конницы. В Китае практически совсем не разводили лошадей. *Музей Гуме.*

ся бортом для перевозки лошадей (*naves huissières*) везли их затем в Стамбул⁵².

Еще в XIX в. Теофиль Готье, находясь в Стамбуле, восторгался при виде стольких чистокровных коней из Неджда, Хиджаза и Курдистана. Но перед пристанью напротив Скутари была стоянка «турецкой разновидности фиакра» – *ароб*, – «вызолоченных и раскрашенных повозок», покрытых «натянутой на обручи тканью», но запряженных «черными буйволами или же серебристо-серыми быками»⁵³. По правде говоря, в XIX в. лошадь оставалась еще предназначенной для солдата, для богача, для «благородных» нужд. Конечно же, лошади могли в Стамбуле приводить в движение мельницы, а на Западных Балканах мелкие лошади, подкованные на все копыто, обеспечивали перевозки. Но это была, так сказать, прислуга. И не о таких лошадях еще недавно, в 1881 г., рассказывал один путешественник: в Мазагане, в Марокко, они стоили 40–50 дукатов, тогда как 18-лет-

⁵² Braudel F. *Médit...* I, p. 318.

⁵³ Gautier Th. *Constantinople.* 1853, p. 166.

⁵⁴ Leclercq J. *De Mogador à Biskra, Maroc et Algérie*. 1881, p. 123.

⁵⁵ Babeau A. *Le Village* ..., *op. cit.*, p. 308, 343–344.

⁵⁶ Об этих закупках в Англии, Ирландии, Испании, Алжире, Тунисе, Марокко, Аравии, Неаполе, Сардинии, Дании, Норвегии см.: A. N., O 1, cartons 896–900.

⁵⁷ A. d. S. Mantova, A° Gonzaga, Genova 757.

⁵⁸ Я почерпнул эти данные, насколько помню, из документов фонда Медичи в Государственном архиве Флоренции.

ний черный невольник – 16, а невольник-ребенок – 7 дукатов ⁵⁴. И только после первой мировой войны, около 1920 г., в Малой Азии лошадь наконец сменила на пахоте быка и верблюда.

Перед лицом этого конного мира Европа развивала свои ресурсы медленно. И за этот опыт должна была дорого заплатить. После битвы при Пуатье (732 г.) ей пришлось умножить число лошадей и конных воинов, чтобы защитить себя и выжить: завести крупных боевых коней (*destrier*), на которых вооруженный рыцарь садился в бою, коней парадных (*palefroi*), которые его несли в обычных условиях, и коней попроще (*roussin*) для рыцарского слуги. И с мусульманской, и с христианской стороны речь шла в данном случае об усилиях, обусловленных войной, имевших свои напряженные периоды, а порой и свои передышки. Победа швейцарцев над конницей Карла Смелого ознаменовала на Западе возврат к пехоте – пикинерам, а вскоре после этого и к аркебузирам. Испанский полк XVI в. (*tercio*) был триумфом пехотинца. Точно так же с турецкой стороны янычар открывает царствование пешего воина. Однако рядом с ним сохраняла свое значение турецкая конница-спахии, долго бывшая несравненно лучше конницы стран Запада.

Хорошие лошади продавались в Европе на вес золота. Когда в 1531 г. Козимо Медичи, вернувшись к власти во Флоренции, сформировал гвардию из 2 тыс. всадников, он разорился на такой кичливой роскоши. В 1580 г. испанская кавалерия в два счета и без труда завоевала Португалию, но сразу же после этого герцог Альба жаловался на нехватку лошадей и повозок. Такой же недостаток лошадей существовал и в следующем столетии, например во время Каталонской войны (1640–1659 гг.), и на всем протяжении царствования Людовика XIV, когда французская армия зависела от 20 или 30 тыс. лошадей, которых можно было закупить за границей в среднем за год. Организация Людовиком XIV французских конных заводов с систематической покупкой производителей во Фрисландии, Голландии, Дании, Варварии ⁵⁵ не устранила необходимости закупки на всем протяжении XVIII в. иностранных лошадей ⁵⁶.

Прекрасных лошадей выращивали в Неаполе и в Андалусии: крупных неаполитанских коней и небольших испанских лошадок. Но без соизволения короля неаполитанского или испанского никто не мог их приобрести даже на вес золота. Само собой разумеется, как с той, так и с другой стороны существовала активная контрабанда; на каталонской границе «перегонщик лошадей» (*passador de cavalls*) даже рисковал попасть в лапы инквизиции, которой было доверено несколько необычное наблюдение за этим делом. Во всяком случае, нужно было быть очень богатым, таким, как маркиз Мантуанский, чтобы иметь своих агентов, которые занимались разведкой рынков в Кастилии и дальше, вплоть до Турции и Северной Африки, дабы закупать хороших лошадей, породистых собак, соколов ⁵⁷. Великий герцог Тосканский, чьи галеры (галеры основанного в 1562 г. ордена св. Стефана) занимались пиратством в Средиземном море, нередко оказывал услуги варварийским корсарам в обмен на подарки в виде прекрасных коней ⁵⁸. Когда в XVII в. сношения с Северной Африкой упростились, североафриканские варварий-

ские лошади, привезенные в Марсель, спокойно продавались на ярмарках в Бокере. Вскоре Англия (с правления Гериха VIII), затем, со времени Людовика XIV, Франция, а за нею и Германия, где в XVIII в. возросло число конных заводов, попытаются наладить разведение кровных лошадей на основе ввезенных арабских⁵⁹. «Именно от них, [т. е. арабских лошадей], выводят либо напрямую, либо путем скрещивания прекраснейших лошадей в мире», — объяснял Бюффон. Наблюдалось и успешное улучшение западных пород. И плюс к этому росло поголовье. Австрийская кавалерия начала XVIII в., сделавшая возможными блистательные победы принца Евгения над турками, отчасти была порождением этого прогресса.

Одновременно с расширением на Западе разведения верховых лошадей для кавалерии развивалось и использование упряжной лошади, необходимой для снабжения армии и перевозки артиллерийских орудий. Армия герцога Альбы, которая вторглась в Португалию в 1580 г., продвигалась быстро благодаря реквизиции многочисленных повозок⁶⁰. Уже в сентябре 1494 г. армия Карла VIII удивляла население Италии своей полевой артиллерией, орудия которой ездили быстро, причем тянули их не быки, а крупные лошади, «стриженные по-французски — без хвоста и ушей»⁶¹. Руководство времен Людовика XIII⁶² перечисляет все, что было необходимо для движения 20-тысячной армии, снабженной артиллерией. Среди прочего — огромное число лошадей: для кухонной утвари, для багажа и посуды различных офицеров, для инвентаря полевой кузницы, для плотницкого инструмента, для чемоданов медика, но особенно для орудий и боеприпасов к ним. Самые крупные из пушек, батареинные, требовали не меньше 25 лошадей, чтобы гасить само орудие, да еще по меньшей мере дюжину для перевозки пороха и ядер.

Это была работа для тяжелых северных лошадей, которые все больше и больше будут вывозиться в южном направлении. Милан их закупал у немецких купцов по крайней мере с начала XVI в. Франция их получала от перекупщиков-евреев Меца. Таких лошадей требовал Лангедок. Во Франции наметились зоны коневодства: Бретань, Нормандия (ярмарка в Гибрэ), Лимузен, Юра...

Нам не известно, произошло ли в XVIII в. относительное снижение цен на лошадей. Тем не менее в Европе наблюдалось насыщение, даже перенасыщение ими. В начале XIX в. в Англии конокрады и скупщики краденых лошадей образуют самостоятельную социальную категорию. Во Франции накануне Революции Лавуазье насчитывал 3 млн. быков и 1780 тыс. лошадей, в том числе 1560 тыс. занятых в сельском хозяйстве (чуть больше 960 тыс. в областях, где использовали только лошадей, и 600 тыс. — там, где работы выполнялись также и на быках)⁶³. И это для Франции с ее 25 млн. жителей. При равных пропорциях Европа должна была бы располагать 14 млн. лошадей и 24 млн. быков. Это следует записать в актив ее мощи.

Мул также играл свою роль в Европе — в испанском земледелии, в Лангедоке, в иных местах. Кикран де Божё говорил по поводу своего Прованса о мулах, «цена которых зачастую превы-

⁵⁹ Le Couteux de Canteleu J.-B.-H. *Étude sur l'histoire du cheval arabe*. 1885, p. 33–34.

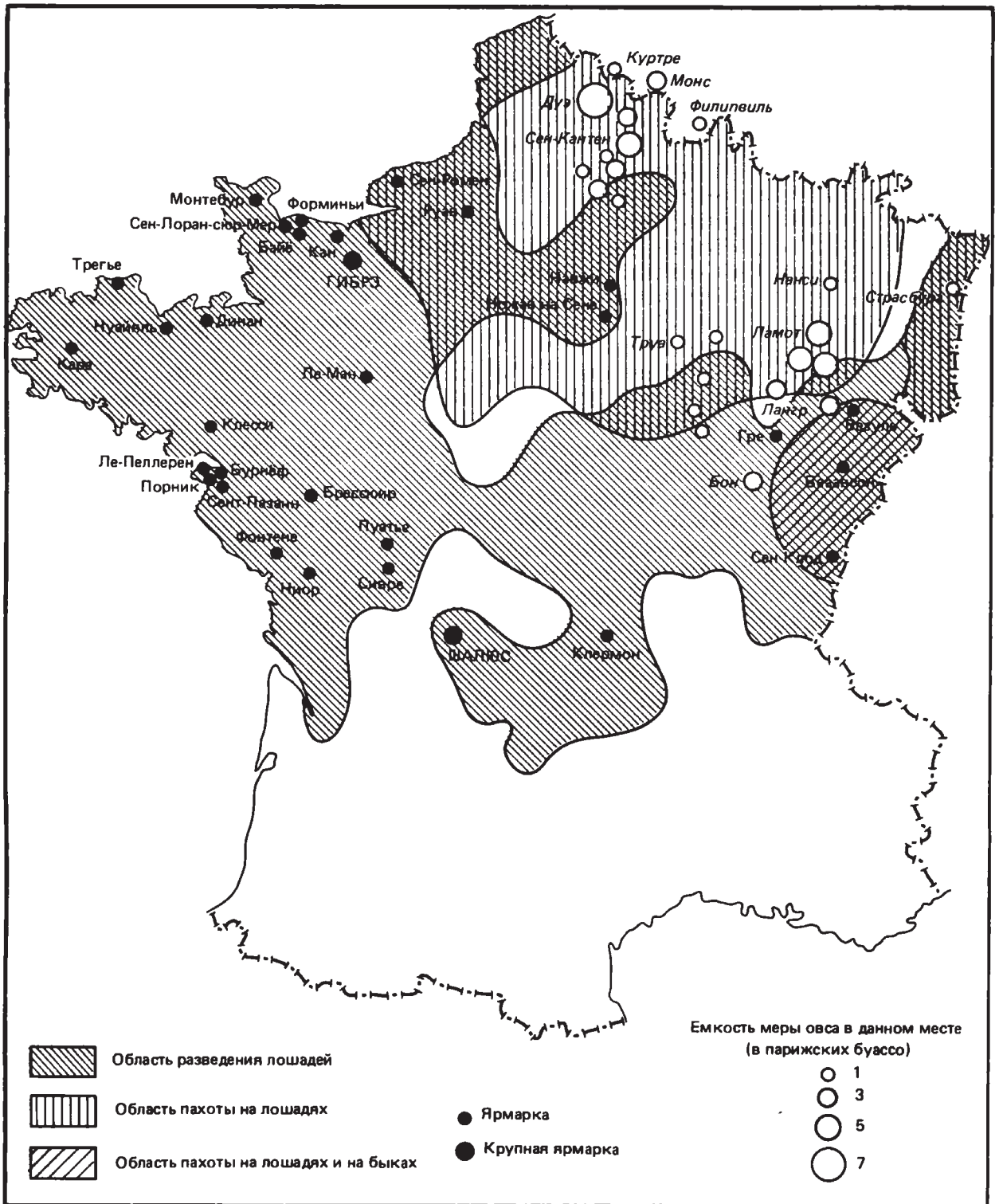
⁶⁰ Braudel F. *Médit...* I, p. 260.

⁶¹ Michelet J. *Histoire de France*. Éd. Rencontre, V, 1966, p. 114.

⁶² Vasselieu, dit Nicolay. *Règlement général de l'artillerie ...* 1613

⁶³ Lavoisier. *De la richesse territoriale du royaume de France*. — “Collection des principaux économistes”, XIV, 1966, p. 595.

Коневодство во Франции в XVIII в.

Отметим, во-первых, зону коневодства, во-вторых, примерные границы Северо-Востока, региона открытых полей, трехпольного севооборота, крупных рынков овса и преобладающего использования лошади для пахоты.

Эти две зоны вполне четко выделяются, но были и зоны взаимного наложения (Нормандия, Юра, Эльзас и др.). За пределами Северо-Восточной Франции господствующим правилом была пахота на быках. Исключениями, когда для пахоты использовали главным образом мула, были Прованс, отдельные регионы Лангедока и Дофине.

⁶⁴ Quiqueran de Beaujeu P. *La Provence louée*. 1614. Разница в ценах возросла позднее, с распашкой холмов. В 1718 г. мул стоил вдвое дороже лошади. См.: Baehrel R. *Une Croissance: la Bassa-Provence rurale*. *Op. cit.*, p. 173.

⁶⁵ Baehrel R. *Op. cit.*, p. 65–67.

⁶⁶ Lavoisier. *Op. cit.*, p. 595; *Réflexions d'un citoyen-propriétaire*. 1792, B. N., Rp 8577.

⁶⁷ Mercier L.-S. *Op. cit.*, I, p. 151; IV, p. 148.

шает цену лошадей»⁶⁴. И, зная число мулов и их погонщиков и развитие дел последних, историк определяет на их основе ритмы экономической жизни Прованса XVII в.⁶⁵ И наконец, поскольку повозки пересекали Альпы только по определенным, особо выбранным дорогам, вроде перевала Бреннер, все прочие дороги были исключительной сферой перевозок на мулах. В Сузе и во всех остальных перевалочных пунктах таких альпийских перевозок на мулах об этих животных говорили даже, что они суть «большие повозки». В числе важных районов разведения ослов и мулов назовем и французскую область Пуату.

Не было ни одного города, который бы не зависел от лошадей в своем повседневном снабжении, в своих внутренних связях, со своими каретами или наемными экипажами. Около 1789 г. в Париже насчитывалась примерно 21 тыс. лошадей⁶⁶. И эту массу постоянно требовалось обновлять. Непрерывно прибывали караваны так называемых «транспортных лошадей» («voitures de chevaux»), включавших по 10–12 связанных между собой животных (каждая следующая лошадь была привязана к хвосту шедшей перед нею), покрытых попонами и несших по бокам полки для вьюков. Караваны эти собирались в районе Сен-Виктор или на холме св. Женевьевы; долгое время существовал конный рынок и на улице Сент-Оноре.

Сена почти не использовалась для общественного транспорта, которого, впрочем, можно сказать, и не существовало; разве что по воскресеньям не всегда надежные суденышки – *galioles* и *bachots* – возили зевак до Севра или Сен-Клу. Для тех, кто спешил, большой подмогой был наемный экипаж. В конце века по городу разъезжали две тысячи скверных фиакров, влекомых списанными лошадьми и управляемых сквернословыми-кучерами, которые ежедневно должны были платить 20 су, «дабы иметь право ездить по мостовой». В эту эпоху Париж славился своими «затруднениями» и заторами, и у нас есть тысячи конкретных их зарисовок. «Натошак, – говорил один парижанин, – кучера фиакров довольно покладисты; к полудню иметь с ними дело труднее, а вечером – невозможно договориться». Да их еще и не найдешь в часы пик, скажем около двух часов пополудни, во время обедов (подчеркиваю, я говорю обедов – *dîners*). «Вы открываете дверцу фиакра, другой делает то же самое с другой стороны; вы садитесь, садится и он. И [потом] приходится ехать к комиссару [полиции], дабы он решил, за кем останется фиакр». В такие вот часы можно было увидеть раззолоченную карету, которой закрывал проезд тащившийся перед нею медленно, мелкими шажками, фиакр, «весь разваливающийся, покрытый выцветшей на солнце кожей, с досками вместо стекол»⁶⁷.

Но не был ли настоящим виновником таких заторов сам по себе старый Париж – это переплетение узких улочек, зачастую окаймленных грязными домами со скученным населением, тем более что Людовик XIV указом 1672 г. запретил расширение города? Этот самый Париж – такой же, каким он был во времена Людовика XI. Может быть, городу недоставало катаклизма, который бы стер с лица земли старый городской центр, – такого, какими были пожар 1666 г. для Лондона и землетрясение 1755 г.

для Лиссабона? Этой мысли мимоходом касается Себастьян Мерсье, когда, напоминая о «неизбежном», рано или поздно, разрушении Парижа, говорит о Лиссабоне, обширном и безобразном городишке, для которого хватило трех минут, чтобы разрушить «то, что уже так давно должны были снести человеческие руки ... Город поднялся вновь, пышный и великолепный»⁶⁸.

⁶⁸ Mercier L-S. *Op. cit.*, III, p. 300–301, 307–308.

⁶⁹ *Ibid.*, IX, p. 1–2:

⁷⁰ *Ibid.*, X, p. 72.

⁷¹ Barbier E. J. F. *Journal historique et anecdotique du règne de Louis XV.* *Op. cit.*, I, p. 1–2.

По дороге из Парижа в Версаль и обратно катились более свободно экипажи, которые тащили тощие, но безжалостно погоняемые, «все взмыленные» лошади. Это были «бешеные». Впрочем, «Версаль – это страна лошадей». Между ними существовало «такое же различие, как и между жителями города: одни – упитанные, хорошо накормленные, в хорошей упряжи... другие же ... с понурым видом перевозящие лишь слуг двора или провинциалов»⁶⁹.

Такое же зрелище можно было бы наблюдать в Санкт-Петербурге, в Лондоне. В последнем случае достаточно было бы проследить день за днем прогулки и поездки Семьюэла Пеписа в наемных каретах во времена Карла II. Позже он позволит себе роскошь в виде личного экипажа.

Трудно себе представить, что означали эти транспортные проблемы как при грузовых, так и при пассажирских перевозках. И так во всех городах было полно конюшен. У кузнецов были там собственные дома; это было нечто вроде сегодняшнего гаража. Не будем также забывать проблему снабжения овсом, ячменем, соломой, сеном. В Париже, пишет в 1788 г. Себастьян Мерсье, «тот, кто вовсе не любит запах свежескошенного сена, тот не знает самого приятного из ароматов. А тот, кто этот запах любит, пусть ходит дважды в неделю к Порт-д'Анфер [эти ворота сохранились и поныне к югу от площади Данфер-Рошро]. Там вытянулись длинными рядами телеги, доверху нагруженные сеном; они ... ждут покупателей ... Поставщики домов, располагающих собственными экипажами, уже тут, изучают качество товара; они вдруг выдергивают пук сена, щупают его, нюхают, жуют – это столыники лошадей госпожи маркизы»⁷⁰. Но главным каналом снабжения оставалась Сена. Именно барка с загоревшимся сеном, зацепившись за арки Малого моста, стала 28 апреля 1718 г. причиной пожара стоявших на мосту домов и соседних жилых построек⁷¹. В Лондоне сено покупали на рынке прямо за заставой Уайтчепль. Точно так же было в Аугсбурге, если судить по большому полотну, изображающему четыре времени года на рынке Перлахплац в XVI в.: рядом с дичью и запасами дров для зимы мы видим там в октябре привозимое крестьянами сено. А изображение Нюрнберга показывает нам странствующего торговца, торгующего с тачки соломой, в которой нуждаются городские конюшни.

ВОДЯНЫЕ ДВИГАТЕЛИ, ВЕТРЯНЫЕ ДВИГАТЕЛИ

В XI, XII и XIII вв. Запад узнал свою первую революцию в механике. Что означает эта революция? Будем понимать под нею совокупность изменений, какие повлекло за собой умноже-

⁷² Makkai L. *Productivité et exploitation des sources d'énergie, XIIe-XVIIe*; неопубликованный доклад, Неделя Прато, 1971.

⁷³ Affagart G. *Relation de Terre Sainte (1533-1534)*. P.p. J. Chavanon, 1902, p. 20.

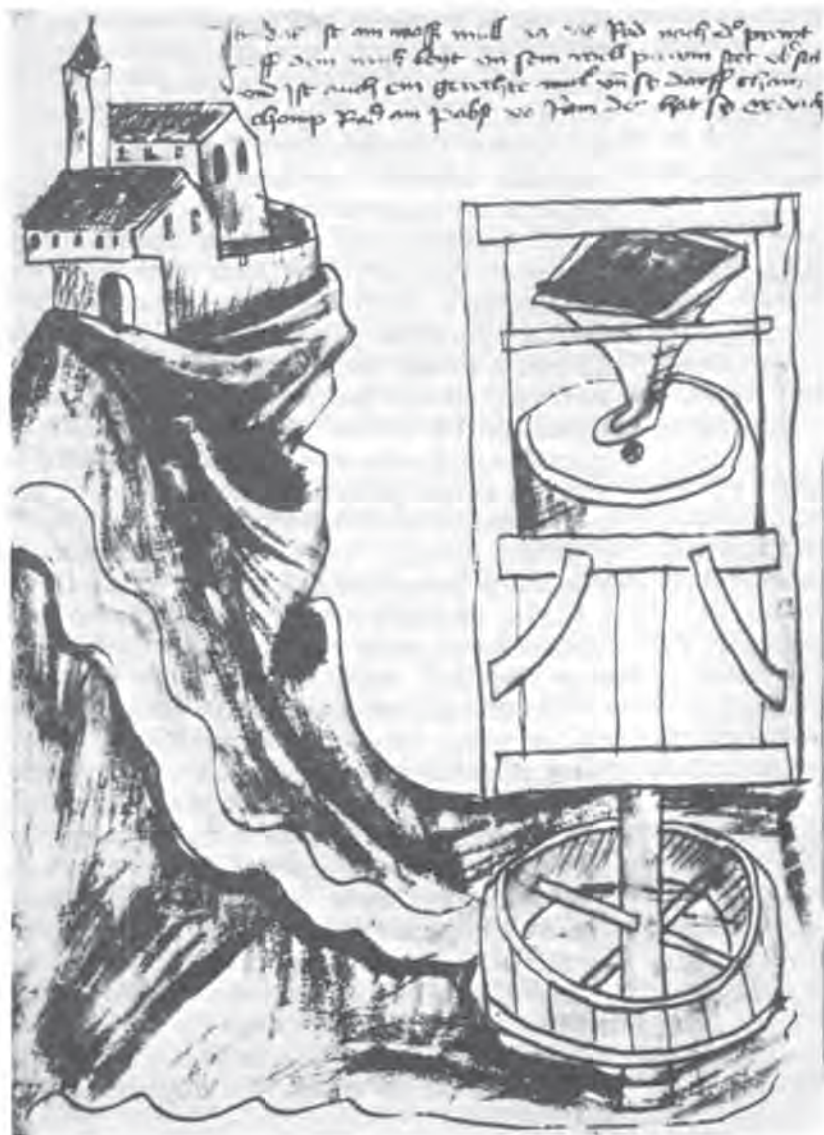
ние числа водяных и ветряных мельниц. Эти «первичные двигатели», несомненно, весьма скромны по мощности: от 2 до 5 лошадиных сил на водяное колесо ⁷², иногда 5 и самое большее 10 лошадиных сил для крыльев ветряной мельницы. Но в экономике, плохо обеспеченной энергией, они представляли значительный прирост мощности и сыграли определенную роль в первом экономическом подъеме Европы.

Водяная мельница, более древняя, имела намного большее значение, чем ветряная. Она не зависит от непостоянства ветра, а использует воду, в общем менее капризную. Она была более широко распространена в силу своей древности, большого числа рек и речек, водохранилищ, отводных каналов, водоводов, которые могли заставить вращаться колесо с лопастями или плечами. Не будем забывать и прямое использование течения судами-мельницами – на Сене в Париже, на Гаронне в Тулузе и т. д. Не стоит забывать также и о силе прилива и отлива, которую нередко использовали как в мусульманских странах так и в странах Запада, даже там, где приливы и отливы незначительны. В венецианской лагуне у французского путешественника в 1533 г. вызвала восторг единственная водяная мельница, увиденная на острове Мурано, которую приводил в движение «напор морской воды, когда море прибывает или убывает» ⁷³.

Первая водяная мельница была с горизонтальным колесом, своего рода простейшей турбиной; иногда ее называли *греческой* (ибо она появилась в античной Греции) или *скандинавской* (так как она долго сохранялась в Скандинавии). С тем же успехом можно было говорить о китайской, корсиканской, бразильской, японской, фарерской или среднеазиатской, потому что в них водяное колесо вращалось иной раз до XVIII, а то и до XX в. в горизонтальной плоскости, развивая при этом минимальную мощность, которая позволяет *медленно* вращать мельничный жернов. Ничего нет удивительного, что такие примитивные колеса встречались в Чехии еще в XV в. или около 1850 г. – в Румынии. Возле Берхтесгадена мельницы этого типа с горизонтальным колесом с лопастями функционировали почти до 1920 г.

«Гениальным» решением стал поворот колеса в вертикальную плоскость, осуществленный римскими инженерами в I в. до н. э. Движение, передаваемое зубчатой передачей, затем становится горизонтальным при окончательном вращении жернова, который к тому же будет вращаться впятеро быстрее приводного колеса; бывали и передачи с понижением числа оборотов. Такие первые двигатели отнюдь не всегда бывали примитивными. В Барбегале, около Арля, археологи обнаружили великолепное римское сооружение: акведук с «искусственным напором воды» длиной более 10 км, а в конце его – 18 поставленных одно за другим колес, настоящие последовательно включенные двигатели.

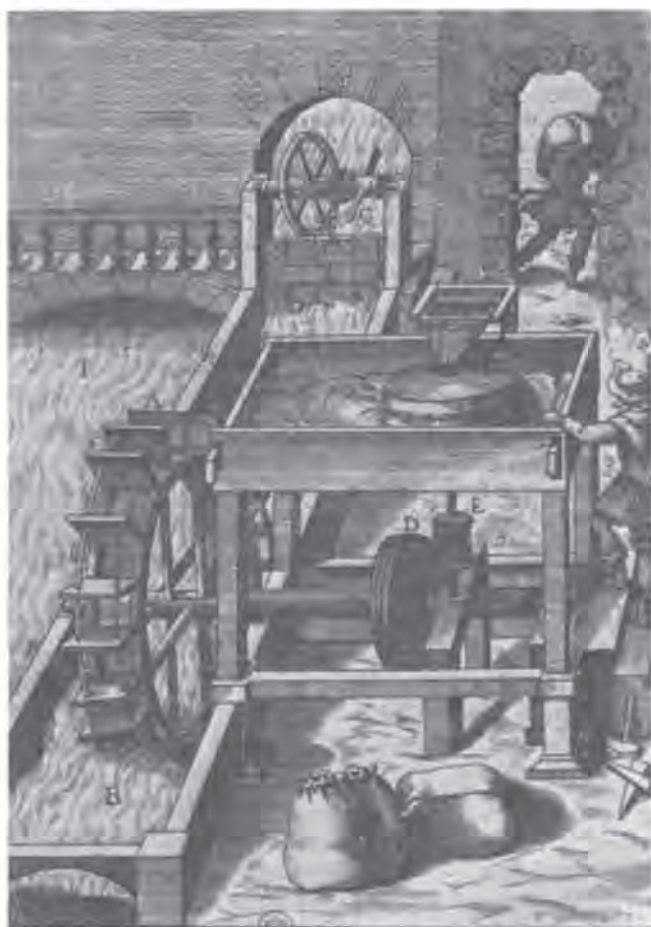
Тем не менее применение таких позднеримских устройств было ограничено несколькими пунктами Империи, и использовались они единственно для размолва хлеба. Зато революция XII–XIII вв. не только умножила число водяных колес, она распространила их применение на другие области. Цистерцианцы распространили эти колеса одновременно со своими кузницами

Любопытное изображение мельницы с горизонтальным водяным колесом, относящееся к сравнительно позднему времени (1430 г.). Но речь идет о мельнице в Чехии, где долго удерживалась горизонтальная схема. См. иллюстрацию к французской библии, воспроизведенную в томе III настоящей работы (глава 5), где колесо уже вертикальное.

по Франции, Англии, Дании. Прошли века – и в Европе от Атлантики до Московского государства уже не было деревни, которая не имела бы собственного мельника и водяного колеса, вращаемого потоком, а то и наливного.

Применение водяного колеса сделалось многообразным; оно приводило в движение толчеи для руд, тяжелые качающиеся молоты, которыми ковали железо, огромные била сукновален, мехи металлургических печей, а также насосы, точила, дубильные мельницы и, наконец, последнее новшество – мельницы бумажные. Прибавим к этому механические пилы, которые появляются с XIII в., как доказывает это сделанный около 1235 г. чертеж такого любопытного «инженера», каким был Виллар де Оннекур. С необычайным расцветом горного дела в XV в. самые лучшие мельницы стали работать на рудниках: лебедки с реверсом для подъема бадей с рудой, мощные машины для вен-

Механизм водяной мельницы (1607 г.): превосходное изображение превращения движения колеса в вертикальной плоскости в горизонтальное вращение жернова (к этому времени такое открытие насчитывало уже несколько столетий). Из книги: Zonca V. *Novo teatro di machine*. (Фото Национальной библиотеки.)

тиляции штолен или для откачки воды норями (непрерывной цепью с черпаками) и даже всасывающими и нагнетательными насосами, установки для забивки свай, где рычаги давали возможность приводить в движение уже сложные механизмы, которые почти такими же сохранятся до XVIII в., даже позднее. Эти великолепные механизмы (их огромные приводные колеса порой достигали 10 м в диаметре) можно видеть на очень хороших иллюстрациях к [трактату] «О горном деле и металлургии, в 12 книгах» («De re metallica») Георга Агриколы (Базель, 1556 г.), который обобщает предшествующие труды, представляя их читателю.

В пильных станах, в билах сукновален, в молотах и мехах металлургических печей проблема заключалась в том, чтобы преобразовать движение вращательное в прямолинейное, переменное по направлению; это делалось возможным благодаря применению кулачковых валов. По поводу необходимых зубчатых передач можно написать целую книгу (и она пишется). Удивительно в наших глазах то, что дерево позволяло осуществлять самые сложные решения. Это, однако, отнюдь не означает, что такие шедевры механики были привычным зрелищем для современников. Если им приходилось с ними встречаться, они поражались и восхищались, даже в позднейшие времена.

Когда в 1603 г. Бартеlemi Жоли, направляясь в Женеву, пересек Юру, он заметил у истока Силанского озера в долине Нейроль такие мельницы, которые обрабатывали «сосновую и еловую древесину, каковую спускают сверху, с крутых гор; славное устройство, при котором от одного колеса, вращаемого водою, происходит множество движений снизу вверх, и наоборот [это движение пилы], а бревно продвигается под пилу по мере того, как она работает... и следующее дерево сменяет его с такой упорядоченностью, как если бы все сие делалось человеческими руками»⁷⁴. Вполне очевидно, что зрелище было все же необычное, заслуживавшее упоминания в путевых записках.

⁷⁴ Braudel F. *Genève en 1603. – Mélanges d'histoire... en hommage au professeur Anthony Babel.* 1963, p. 322.

Мельница, однако, сделалась универсальным устройством, так что сила рек, использовалась она полностью или нет, была необходима повсеместно и настоятельно. «Промышленные» города (а какой город в те времена не был таким?) приспособлялись к течению рек, приближались к ним, обуздывали текущую воду, принимая вид городов наполовину венецианских, во всяком случае на протяжении трех или четырех характерных улиц. Таков типичный случай Труа; в Бар-ле-Дюке все еще существует его улица Дубильщиков на отведенном рукаве реки. «Сукновал» Шалон сделал то же самое с Марной (на которой есть мост, называемый мостом Пяти мельниц), а Реймс – с рекой Вель, Кольмар – с Илем, Тулуза – с Гаронной, на которой уже очень давно и очень долго существовала флотилия «плавающих мельниц», читай: лодок с водяными колесами, вращаемыми течением. Так же поступала Прага, расположенная на нескольких излучинах Влтавы. Нюрнберг усилиями Пегница вращал свои многочисленные колеса внутри городских стен и по всем прилегающим деревням (из них 180 еще работали в 1900 г.). В Париже и вокруг Парижа подспорьем служили десятка два ветряных мельниц; но даже предположив, что они ни на один-единственный день в году не останавливались бы из-за безветрия, все они, вместе взятые, не дали бы и двадцатой доли той муки, которую потребляли парижские булочники. Вдоль Сены, Уазы, Марны и малых рек, вроде Ивет и Бьевр (на которой в 1667 г. обосновалась королевская гобеленовая мануфактура), работало 1200 водяных мельниц, большая часть которых предназначалась для помола зерна. Действительно, у малых рек, вытекающих из источника, есть то преимущество, что зимой их очень редко сковывает лед.

Был ли такой «захват» мельниц городами в целом вторым этапом в их использовании? В своей еще не изданной диссертации Робер Филипп показал предшествующую фазу – первоначальное распространение мельниц, располагавшихся (сообразно законам, диктуемым используемой водой) в сельской местности, возле деревень, где таким образом утвердился, и на века, источник энергии. Мельница, предназначенная прежде всего для размола зерна, была тогда важнейшим орудием *домениального хозяйства*. Именно сеньер решал ее построить, покупал жернова, предоставлял дерево и камень; вклад крестьян заключался в труде. Домениальное хозяйство представляло ряд самодовлеющих базовых единиц. Но товарное хозяйство, концентрировавшее и перераспределявшее товары, работало на город и заканчивалось городом, и именно оно навязет свою систему,

⁷⁵ Philippe R. *Histoire et technologie*. 1978, p. 189 (машинопись).

⁷⁶ Kämpfer E. *Op. cit.*, I, p. 10.

⁷⁷ *Storia della tecnologia*. P.p. C. Singer et al., II, p. 621. Статистика для Польши обнаружена не была. Неполные данные см.: Rutowski T. *L'Industrie des moulins en Galicie*. 1886 (на польском языке).

⁷⁸ Такова, кстати, была и оценка Вобана: Vauban. *Projet d'une dime royale*. 1707, p. 76–77.

⁷⁹ Makkai L. *Article cité*.

наложив ее на предшествовавшую, и создаст новую плотность размещения мельниц, отвечающую его многочисленным потребностям ⁷⁵.

Наконец, мельница была своего рода стандартной мерой энергетической оснащенности доиндустриальной Европы. Оцените мимоходом замечание вестфальца Кемпфера, врача-путешественника, который, пристав в 1690 г. к маленькому острову в Сиамском заливе и желая дать представление о стоке реки, говорит: она достаточно полноводна чтобы вращать три мельницы ⁷⁶. В конце XVIII в. в Галиции, ставшей австрийской, статистика дает на 2 тыс. кв. лье и на 2 млн. жителей цифру 5243 водяных мельницы (и лишь 12 ветряных). Цифра, на первый взгляд, чрезмерная, но в 1086 г. «Книга Страшного суда» («Domesday Book») отмечала и 5624 мельницы всего на 3 тыс. общин к югу от рек Северн и Трент ⁷⁷. И достаточно присмотреться внимательно к бесчисленным небольшим колесам, видимым на стольких картинках, рисунках, планах городов, чтобы понять, сколь они были всеобщим явлением. Во всяком случае, если в других местностях соотношение между водяными мельницами и численностью населения было такое же, как в Польше, их должно было бы насчитываться накануне промышленного переворота 60 тыс. во Франции ⁷⁸ и примерно 500–600 тыс. в Европе.

Ласло Маккаи в детальной и, на мой взгляд, такой же блестящей статье, как и классическая работа Марка Блока о водяной мельнице, примерно подтверждает эти цифры: «...от 500 до 600 тыс. мельниц, что равно 1,5–3 млн. лошадиных сил (HP)». Эти подсчеты делались на основе арендных договоров с учетом размеров колес (от 2 до 3 м в диаметре), количества лопастей и плиц на них (в среднем около 20), количества получаемой в час муки (порядка 20 кг на постав), числа колес на каждой мельнице (одно-два или более) и путем сравнения восточно- и западноевропейских мельниц, в общем аналогичных, по крайней мере что касается зерновых мельниц; причем принимается почти постоянное соотношение между водяными мельницами и численностью населения (в среднем на основании точно известных случаев 1 к 29). Так как число мельниц или величина приводных колес возрастали в таком же темпе, в каком росло население, между XII и XVIII вв. энергетическая оснащенность должна была бы возрасти вдвое. В принципе каждая деревня имела собственную мельницу. Там, где такая мельница не могла быть повсеместной из-за отсутствия ветра и достаточно мощных водяных потоков (как на Венгерской равнине), подспорьем служила мельница с конным и даже с ручным приводом ⁷⁹.

Ветряная мельница появилась намного позже водяного колеса. До недавнего времени ее считали «уроженкой» Китая; более вероятно, что она пришла с нагорий Ирана или из Тибета.

В Иране, по-видимому, с VII в. н. э. и уж наверняка в IX в. мельницы вращались, приводимые в движение парусами, установленными вертикально на колесе, которое само двигалось в горизонтальной плоскости. Движение этого колеса, передаваемое на центральную ось, приводило во вращение жернов для размола зерна. Что могло быть проще: не было нужды ориен-

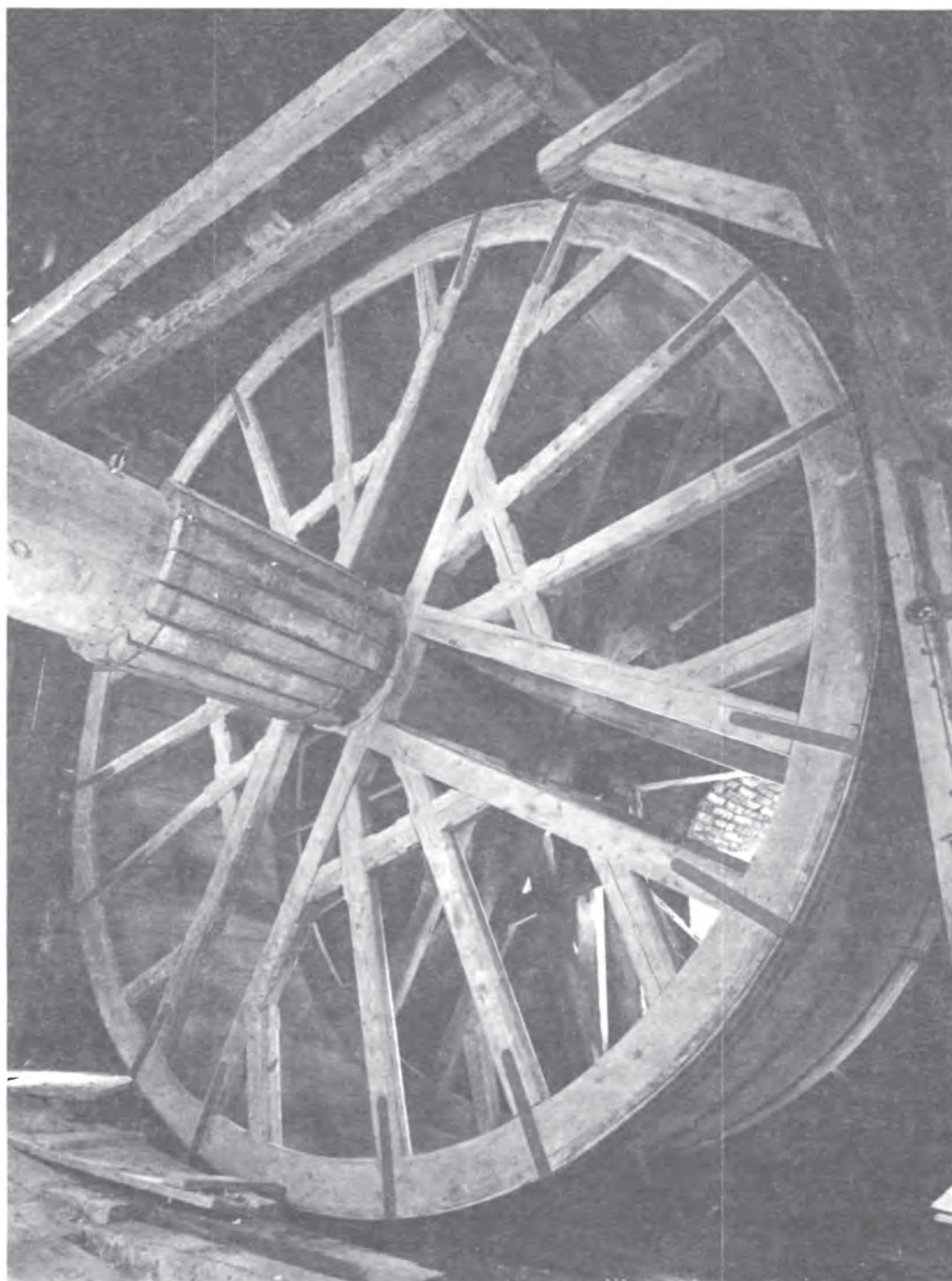
Ветряная мельница.
Деревянная скамья
XIV в. Музей Клуни.
(Фото Ж. Рубье.)

тировать мельницу, она всегда находилась в воздушном потоке. И еще одно преимущество: связь между движением ветряка и вращением жернова не требовала никаких зубчатых передаточных устройств. В самом деле, в случае мельницы для зерна проблема всегда заключалась в том, чтобы привести в движение жернов, вращающийся в горизонтальной плоскости – *mola versatilis* – и раздавливающий зерно на расположенном под ним неподвижном (лежащем) жернове. По-видимому, от мусульман такие мельницы распространились в Китае и в Средиземноморье. Ветряные мельницы как будто имелись в Таррагоне, на северной границе мусульманской Испании, с X в.⁸⁰ Мы, однако, не знаем, как они вращались.

Ибо, в отличие от того, что произошло в Китае, где мельница на протяжении столетий будет вращаться в горизонтальной плоскости, великим событием на Западе стало превращение ветряка в колесо, установленное вертикально, наподобие того, как случилось это с водяными мельницами. Инженеры утверждают, что модификация была гениальной, так как мощность резко увеличилась. Именно такая мельница нового образца, сама по себе крупное изобретение, распространилась в христианском мире.

Арльские статуты фиксируют ее наличие в XII в. В это же самое время она встречается в Англии и во Фландрии. В XIII в.

⁸⁰ *Storia della tecnologia*, II, p. 625–627; Payen J. *Histoire des sources d'énergie*. 1966, p. 14.

Машины и зубчатые передачи из дерева.
Это огромное колесо горизонтального ворота было клеткой,
которую приводили в движение
помещавшиеся внутри нее три человека.
*Мюнхен. Немецкий музей,
собрание фотоматериалов.*

ее приняла вся Франция. В XIV в. ветряная мельница уже есть в Польше и даже в Московском государстве, попав туда через Германию. Небольшая деталь: как утверждают, крестоносцы не обнаружили в Сирии ветряных мельниц, они принесли их туда⁸¹. Случаев разрыва во времени много, но в целом Северная Европа в этом отношении опередила Южную. Так, скажем, в определенные области Испании, в частности в Ламанчу, ветряная мельница придет поздно, так что, как убеждает нас историк, испуг Дон Кихота был вполне естественным: для него эти большие чудовища были чем-то небывалым. В Италии было не так: в Дантовом «Аде» (1319 г.) Сатана простирает свои огромные руки, «как мельница вдали крылами бьет» («*come un molin che il vento gira*»)⁸².

Ветряная мельница, более дорогая в эксплуатации, чем ее родственница, требовала больших расходов при равной работе, в частности на помол зерна. Но ее использовали и по-иному. Огромная роль этих мельниц (*Wipmolen*) в Нидерландах с XV в. (и еще более – после 1600 г.) заключалась в приведении в движение бесконечных цепей с черпаками, которые собирали грунтовые воды и сбрасывали их в каналы⁸³. Таким образом, они станут одним из орудий терпеливого отвоевывания нидерландских земель под защитой дамб, прикрывающих от моря и от тех озер, что образовались на слишком долго разрабатываемых в прошлом торфяниках. И еще одна причина того, чтобы Голландия стать родиной ветряной мельницы: страна лежит в центре обширного пространства с постоянными западными ветрами, дующими с Атлантики в направлении Балтийского моря.

Первоначально всю мельницу поворачивали вокруг ее оси, чтобы сориентировать крылья по ветру, как, скажем, бретонские мельницы с характерным названием «подсвечники»⁸⁴. Вся мельница монтировалась на центральной мачте, и поворотный брус позволял поворачивать весь комплекс. Так как крылья выгодно располагать сколь возможно выше над землей, дабы они ловили самый сильный ветер, механизм передачи и жернова располагались высоко (отсюда потребность в подъемнике для мешков). Маленькая подробность: ось крыльев никогда не бывала строго горизонтальной, ее наклон регулировали эмпирическим путем. Схемы еще существующих мельниц (вроде схем Рамелли, относящихся к 1588 г.) позволяют понять эти простые механизмы: передачу движения, системы торможения, возможность установить вместо единственной пары центральных жерновов две пары боковых...

Едва ли более сложно было бы объяснить действие *Wipmolen*, которая получала движение наверху и передавала его вниз, туда, где работала цепь с черпаками, игравшая роль насоса. Движение передавалось валом через *полю* центральную опору. Отсюда возникали некоторые затруднения, впрочем не непреодолимые, когда при случае *Wipmolen* вновь переделывали для помола зерна.

Довольно рано, по достоверным данным – в XVI в., благодаря голландским инженерам распространилась *башенная* мельница: для перемещения крыльев достаточно было передвигать только подвижный верх постройки. В таких мельницах, иногда

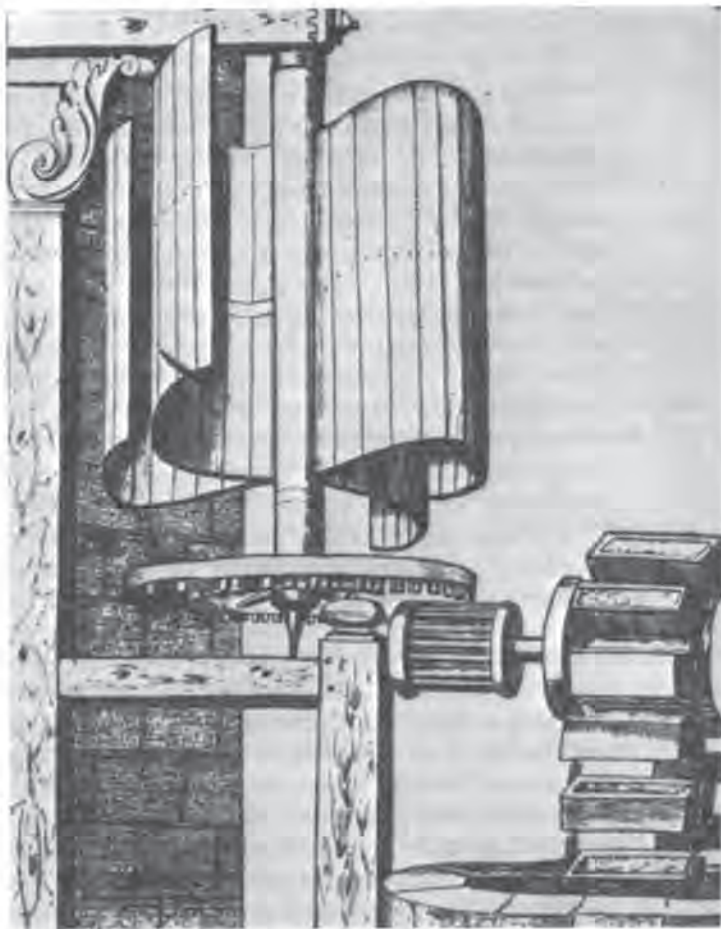
⁸¹ White L. *Technologie médiévale*. 1969, p. 108.

⁸² Cervantes. *Don Quichotte*, цит. у: White L. *Op. cit.*, p. 109; *Divine Comédie. Inferno, XXXIV.* – *Ibid.*, p. 109; *Divine Comédie. Inferno, XXXIV, 6.* [См.: Данте. *Божественная комедия*. М.-Л., 1950, с. 141.]

⁸³ *Storia della tecnologia. Op. cit.*, p. 630.

⁸⁴ Для двух последующих абзацев см.: *Ibid.*, III, p. 94 sq.

Ветряная мельница с весьма своеобразными крыльями, вращавшимися вокруг вертикальной оси и, следовательно, не нуждавшимися в ориентации их по ветру. Преобразование движения было здесь обратным тому, какое имело место в водяной мельнице: поначалу горизонтальное, оно в конечном счете приводило в движение вертикальное колесо с черпаками, поднимавшее воду (речь идет об осушительных устройствах, разработанных в 1652 г. для осушения болот вокруг Линкольна и Кембриджа в Англии). В голландских мельницах преобразование движения происходило дважды: сначала оно вертикальное (в соответствии с вращением крыльев), затем горизонтальное при вращении главного вала и снова вертикальное у водоотливного колеса. Рисунок взят из кн.: Blith W. *The english Improver improved. L., 1652.* (Фототека издательства А. Колэн.)

называемых «мельницами в блузах» (потому что издали они напоминали крестьянина, одетого в рабочую рубашу), сложность была в том, чтобы облегчить движение «шапки» по неподвижной части мельницы, используя деревянные полозья или же подшипники разных конструкций. Внутри мельницы требовавшие решения проблемы оставались теми же: управлять – останавливать движение крыльев, изменять положение их лопастей, обеспечить медленное оседание из бункера зерна, которое через «окно» («lumière») проходит сквозь верхний вращающийся жернов, а главное – изменять посредством зубчатой передачи направление движения, которое должно преобразовываться из вертикального движения крыльев в горизонтальное вращение жерновов.

В более общем смысле великим прогрессом было открытие, что один-единственный двигатель, одно-единственное колесо, будь то водяная или ветряная мельница, могло передавать свое движение нескольким орудиям: не одному жернову, но двум или трем; не одной только пиле, но пиле и молоту; не одной толчее, но целому ряду, как в той занятой модели (в Тироле), что «толкла» зерно, вместо того чтобы его молотить (в этом случае грубо измельченное зерно используют для изготовления отрубного хлеба, напоминающего более сухарь, чем хлеб)⁸⁵.

⁸⁵ Образец, экспонированный в Ульме. Немецкий музей хлеба (Deutsches Brotmuseum).

ПАРУС: ПРИМЕР ЕВРОПЕЙСКИХ ФЛОТОВ

Речь идет здесь не о том, чтобы поставить во всей ее полноте проблему парусного вооружения судов, но о том, чтобы представить себе ту энергию, которую ставил на службу людям парус, один из самых мощных двигателей, бывших в их распоряжении. Это безошибочно доказывает пример Европы. Около 1600 г. ее обслуживали торговые суда водоизмещением от 600 до 700 тыс. тонн – цифра, выдвигаемая с обычными оговорками, т. е. *самое большое – порядок величин*. А согласно данным серьезной статистики, учрежденной во Франции, вне сомнения, в 1786–1787 гг., водоизмещение этого европейского флота достигло накануне Революции 3 372 029 тонн⁸⁶, т. е. за два столетия оно выросло, пожалуй, впятеро. При трех плаваниях в среднем в год это составило бы торговый оборот в 10 млн. тонн, т. е. грузооборот одного сегодняшнего крупного порта.

Из этих цифр мы не можем вывести мощность ветряных двигателей, перемещавших эти количества грузов, с той относительной уверенностью, какую мы могли бы иметь, если бы речь шла о паровом грузовом флоте. Правда, около 1840 г., когда существовали суда парусные и суда паровые, считалось, что при равном тоннаже пароход выполняет работу примерно пяти парусников. Таким образом, европейский флот имел пароходов вместимостью 600–700 тыс. тонн или по крайней мере в эквивалентных этому масштабах. И мы можем рискнуть предположить величину (конечно, никоим образом не гарантированную) между 150 и 233 тыс. лошадиных сил в зависимости от того, как оцениваем мы мощность, требовавшуюся около 1840 г. для перевозки одной тонны груза морем, – в одну четверть или в одну треть лошадиной силы. Эту цифру потребовалось бы немало увеличить, для того чтобы включить в расчет военные флоты⁸⁷.

ПОВСЕДНЕВНЫЙ ИСТОЧНИК ЭНЕРГИИ: ДЕРЕВО

Сегодня сравнительные подсчеты энергетической оснащенности оставляют в стороне работу животных, а в определенном смысле – и ручной труд людей; зачастую исключается и дерево с его производными. А ведь до XVIII в. дерево, первейший из доступных материалов, было важным источником энергии. Цивилизации эпохи, предшествовавшей XVIII в., были цивилизациями дерева и древесного угля, так же как цивилизации XIX в. станут цивилизациями каменного угля.

Если взглянуть на Европу, то все говорит об этом. Дерево широко присутствует в постройках, даже каменных; из дерева изготавливаются сухопутные и морские транспортные средства, машины и орудия (металлические части, которые они включали, были всегда легкими); из дерева изготавливались ткацкие станки и прялки, отжимные прессы и насосы. Так же обстояло дело и с большей частью пахотных орудий: соха была деревянная целиком, а плуг чаще всего представлял деревянный сошник, снабженный тонким железным режущим краем. Для наших взоров

⁸⁶ Romano R. *Per una valutazione della flotta mercantile europea alla fine del secolo XVIII.* – “*Studi in onore di Amintore Fanfani*”, 1962, V, p. 573–591.

⁸⁷ Все вышеприведенные подсчеты были выполнены по данным, которые мне сообщил Ж.-Ж. Эмарденкер (J. J. Hemardinquer).

нет ничего более необычного, чем такие сложные зубчатые передачи, в которых все деревянные детали точно подогнаны и которые можно увидеть, например, в Немецком музее, в мюнхенском музее техники. Там есть даже несколько стенных часов XVIII в., изготовленных в Шварцвальде, часов, все зубчатые колеса которых сделаны из дерева, и, что еще более редко, круглые часы, где тоже использован только этот хрупкий материал.

Повсеместное присутствие дерева в прошлом имело огромное значение. Европа, столь хорошо наделенная лесными ресурсами, обретала в них одну из основ своей мощи. И по сравнению с Европой страны ислама (в долговременном плане) ослабляли нехватка таких ресурсов и их прогрессирующее истощение⁸⁸.

Нас, несомненно, должно было бы здесь интересовать лишь то дерево, которое, сгорая, превращалось непосредственно в энергию для отопления домов, для «горячих» производств – плавильен, пивоварен, сахарных, стекольных и черепичных заводов, для мастерских углежогов, да еще и для солеварен, которые часто пользовались нагревом. Но помимо того что имевшиеся запасы дерева на топливо ограничивались другими формами его использования, эти последние в широком масштабе навязывали и изготовление всех энергопроизводящих устройств.

Лес одинаково служил человеку для обогрева, для сооружения жилищ, для изготовления мебели, орудий, для постройки экипажей и судов.

Смотря по обстоятельствам, ему требовалось дерево того или другого качества. Дуб – для домов; десять разных видов, от сосны до дуба или ореха, – для галер⁸⁹; вяз – для орудийных лафетов. Отсюда – огромные опустошения. Так, для арсеналов никакие перевозки не бывали ни слишком дальними, ни слишком дорогими: в их распоряжении были все леса. Доски и брусья, отгруженные в Прибалтийских странах и в Голландии, с XVI в. доставлялись в Лиссабон и Севилью; строили даже целые корабли, тяжеловатые, но дешевые, которые испанцы отправляли в Америку, не имея в виду их возвращение в Испанию. Эти корабли заканчивали свою карьеру на Антильских островах, а то и сразу же по прибытии продавались на слом: то были зараннее «обреченные» корабли (*los navios al través*).

Таким образом, ради строительства всякого флота, неважно в какой стране, уничтожаются огромные лесные массивы. Для судостроения во времена Кольбера были предоставлены для регулярной рубки лесные запасы всего королевства; транспортировка этих ресурсов производилась по всем судоходным путям, даже по таким незначительным, как Адури или Шаранта. Доставка сосны из Вогезов осуществлялась молевым сплавом по реке Мёрт, затем гужом до Бар-ле-Дюка, где стволы собирались в плоты – *brelles* – на Орнене, а оттуда сплавлялись по Со и Марне, а потом по Сене⁹⁰. Что касается мачт для военных кораблей, деталей, имевших решающее значение, то Франция оказалась отстранена от торговли на Балтике, которая через Ригу, а вскоре через Санкт-Петербург снабжала преимущественно Англию. Французам не пришло в голову использовать леса Нового Света, в особенности леса Канады (что позднее сделали англичане).

⁸⁸ Lombard M. *L'Islam dans sa première grandeur*. 1971, p. 172 sq.

⁸⁹ Crescentio B. *Nautica mediterranea*. 1607, p. 7.

⁹⁰ "Annuaire statistique de la Meuse pour l'An XII".

Стало быть, французский флот был вынужден применять «составной рангоут». А такие искусственные мачты – их изготавливали, соединяя несколько бревен и стягивая их железными обручами, – были недостаточно гибкими и ломались, когда ставили слишком много парусов. Французские корабли никогда не будут располагать преимуществом в скорости перед англичанами. Об этом определенно свидетельствует сложившаяся одно время обратная ситуация: во время войны английских колоний в Америке за независимость вооруженный нейтралитет закрыл Балтийское море для англичан, им пришлось обратиться к составным мачтам, и преимущество перешло к их противникам⁹¹.

⁹¹ Bamford P. W. *Forests and French Sea Power, 1660–1789*. 1956, p. 69, 207–208 *et passim* (данные, приведенные в двух предшествующих абзацах).

⁹² Lemaire F. *Histoire et antiquités de la ville et duché d'Orléans*. 1645, p. 44; Devèze M. *La Vie de la forêt française au XVIe siècle*. 2 vol., 1961.

⁹³ Sion J. *Les Paysans de la Normandie orientale...* *Op. cit.*, éd. 1909, p. 191.

Такое расхищение лесных ресурсов не было ни единственным, ни даже самым опасным в долговременном плане. Крестьянин, особенно в Европе, без конца корчевал деревья, «расчищал» земли под пашню. Врагом леса были общинные права на лесные угодья. Во времена Франциска I Орлеанский лес покрывал 140 тыс. арпанов, а столетием позже, как нам сообщают, всего лишь 70 тыс. Цифры эти ненадежны, но можно быть уверенным, что с конца Столетней войны (которая способствовала наступлению леса на поля) и до правления Людовика XIV активная распашка рощистей свела лесные массивы к более узким, примерно к нынешним границам⁹². Годились любые поводы: в 1519 г. ураган, «на который списали многое», свалил от 50 до 60 тыс. деревьев в Блёском лесу, который в средние века соединял лионские лесные массивы с Жизорскими лесами. В образовавшуюся брешь ворвалась пашня, и единство этих лесных массивов более не восстановилось⁹³. Еще и сегодня при перелете из Варшавы в Краков, глядя на землю, можно увидеть, как длинные ленты полей откровенно врезаются в лесные массивы. Если в XVI и XVII вв. французские леса стабилизировались, то отчего это произошло – вследствие ли тщательных законодательных мер (скажем, Большого ордонанса 1573 г. или мер Кольбера) или же из-за естественно достигнутого равновесия, когда земли, которые еще можно было освоить, не стоили этого труда, ибо были слишком бедными?

Те, кто ведет подсчеты, могли бы утверждать, особенно имея в виду Новый Свет, что пожары леса, создание за их счет обрабатываемых участков были самообманом, что разрушитель обменивал имеющееся богатство на такое, которое еще предстояло создать, и не обязательно второе оказывалось более ценным, чем первое. Такое умозаключение явно ложно: лесные богатства существуют, лишь будучи включены в экономику благодаря присутствию кучи посредников – пастухов, пригоняющих свои стада (и не только свиней в поисках желудей), дровосеков, угольщиков, подводчиков, народа дикого, вольного, ремесло которого в том и заключается, чтобы эксплуатировать, использовать, разрушать. Лес имеет ценность, только если его используют.

До XIX в. за пределами власти цивилизаций оставались еще огромные массивы леса: леса Скандинавии и Финляндии; почти непрерывный лес между Москвой и Архангельском, пересеченный тонким пучком дорог; канадские леса; леса Сибири, ко-

Дровосеки за работой. Прорезное изображение на белом фоне, по-видимому, из Нижней Бретани, около 1800 г. Париж. Музей народных искусств и обычаев. (Фототека издательства А. Колэн.)

торые охотники приобщали к рынкам Китая или Европы; тропические леса Нового Света, Африки и Индонезии, в которых за отсутствием пушного зверя охотились за драгоценными сортами дерева – кампешевым в современном Гондурасе, «бразильским» («*rau brasil*», которое дает красную краску и которое рубят на побережье бразильского Северо-Востока), тиковым в Декане, сандаловым, розовым в иных местах...

Наряду со всеми этими способами использования дерева служило для приготовления пищи, для отопления домов, для всех «горячих» производств, спрос которых на лес еще до XVI в. рос с пугающей быстротой. Поразительный пример: в 1315–1317 гг. возле Дижона в лесу Лезэ работали 423 дровосека и 334 погонщика быков перевозили дрова для питания шести печей, изготавливавших терракотовые плитки⁹⁴. В целом на это богатство, яростно оспариваемое (ибо оно только казалось сверхобильным), претендовало много дольщиков. В качестве источника топлива лес даже в те времена не шел в сравнение с очень скромной угольной шахтой. Чтобы срубленный лес восстановился, нужно ждать 20–30 лет. Во время Тридцатилетней войны шведы, чтобы добыть денег, вырубали в Померании огромные массивы леса, так что обширные районы превратились потом в пески⁹⁵. Когда в XVIII в. положение дел во Франции обострилось, утверждали, что одна-единственная нагревательная печь потребляет столько же дров, сколько такой город, как Шалон на Марне. Приходившие в ярость деревенские жители жаловались на кузницы и плавильни, которые пожирали леса и не оставляли топлива даже для хлебопекарных печей⁹⁶. В Польше начиная с 1724 г. зачастую приходилось отказываться от выпаривания рассола на огромных коях в Величке и удовлетво-

⁹⁴ Philippe R. *Op. cit.*, p. 17.

⁹⁵ Lütge F. *Deutsche Sozial-und Wirtschaftsgeschichte*. 1966, S. 335.

⁹⁶ Gille B. *Les Origines de la grande métallurgie en France*. 1947, p. 69, 74.

⁹⁷ Keck A. в: *Précis d'histoire des mines sur les territoires polonais* (на польском языке), 1960, p. 105; Keskowa A. *Les Salines de la région de Cracovie, XVIe-XVIIIe siècles*. 1969 (на польском языке, резюме на немецком).

⁹⁸ Для предшествующего абзаца см. данные, сообщенные М. Болан (M. Baulant) по материалам обсуждений в бюро статистики города Парижа.

⁹⁹ Devèze M. – неизданный доклад, Неделя Прато, 1972.

¹⁰⁰ Magaillans G. *Op. cit.*, p. 163.

¹⁰¹ Braudel F. *Médit...* I, p. 112, 354, 158.

¹⁰² Platter T. *Op. cit.*, p. 204.

¹⁰³ Guevara A. *Épistres dorées, morales et familières*. – “Biblioteca de autores españoles”, 1850, XIII, p. 93.

ряться использованием пластин каменной соли из-за опустошений в окружающих лесах⁹⁷.

Дерево как топливо, материал, занимающий много места, и в самом деле должно находиться под рукой. Перевозить его на расстояние, превышающее 30 км, – это разорение, если только перевозка не осуществляется сама собой, речным путем или по морю. В XVII в. стволы деревьев, спущенные в Ду, путешествовали до самого Марселя. В Париж «новый» лес привозили целыми судами, а с 1549 г. начали «придумывать и сплав леса» – сначала из Морвана по течению рек Кюр и Йонна, а лет двенадцать спустя – из Лотарингии и Барруа по Марне и ее притокам. Проворство, с каким проводили под арками мостов караваны плотов, имевшие до 250 футов в длину, вызывало восхищение парижских зевак. Что же касается древесного угля, то с XVI в. он поступал в столицу из Санса, из леса От, а в XVIII в. – из всех доступных лесов, иногда на повозках и вьючных животных, но чаще всего по «речкам» – Йонне, Сене, Марне, Луаре – на судах, «нагруженных доверху, да еще с несколькими выгородками [на палубе], дабы удерживать уголь выше бортов»⁹⁸.

С XIV в. огромные плоты спускались по польским рекам до Балтийского моря⁹⁹. Такое же зрелище, только еще более грандиозное, можно было наблюдать в далеком Китае: плоты сычуаньского леса, в которых бревна были связаны между собой ивовыми канатами, сплавляли до Пекина. Они были большими или меньшими «сообразно богатству купца, но самые длинные были немногим более полулье»¹⁰⁰.

На большие расстояния лес доставляли морем. Так, «черные парусники» везли древесный уголь от мыса Корсо в Геную, а истрийские и кварнерские барки доставляли в Венецию дрова, которые она сжигала каждую зиму. Иной раз парусники тащили за собой на буксире древесный ствол из Малой Азии, которая снабжала Кипр и Египет. Даже изящные галеры привозили дрова в Египет, где нехватка топлива носила характер драматический¹⁰¹.

Однако такие формы снабжения имели свои пределы. И большая часть городов должна была довольствоваться тем, что находила поблизости. Базелец Т. Платтер, который в 1595 г. заканчивал в Монпелье свое медицинское образование, отметил отсутствие лесов вокруг города: «Самый ближний – лес сенпольских стекольных заводов, в добрых трех милях в сторону Сельнёва. Именно оттуда в город доставляют дрова, продавая их на вес. Можно задать себе вопрос, где бы они взяли их, будь зима долгой, ибо сжигают они в своих каминах огромное количество дров, все равно дрожа от холода рядом с ними. Отопительные печи в этой местности неизвестны; пекари набивают свои печи розмарином, средиземноморским дубом и прочими кустарниками, настолько им не хватает леса в противоположность тому, что наблюдается у нас»¹⁰². Чем дальше к югу, тем более нарастала эта нехватка. Испанский гуманист Антонио де Гевара был прав: топливо в Медина-дель-Кампо стоило дороже, чем то, что варится в котелке¹⁰³. В Египте за неимением лучшего жгли отжатый сахарный тростник, на Корфу – жом от оли-

вок: из него делали брикеты, сразу же укладывавшиеся для сушки.

Это огромного масштаба снабжение топливом предполагало широкую организацию перевозок, поддержание в порядке водных путей, служивших для сплава, плюс наличие обширной торговой сети и надзора за запасами, относительно которых непрерывно возрастало число правительственных регламентов и запретов. Однако даже в странах, богатых лесом, он с каждым днем становился все более редким. Дело было в том, чтобы лучше его использовать. А ведь, по-видимому, ни в стекловарнях, ни на металлургических заводах не стремились экономить топливо. Самое большее — старались перенести «огненный завод» в другое место, как только радиус его снабжения слишком увеличивался. Или же сокращали на нем производство. Скажем, домна, «построенная в 1717 г. в Долгайне в Уэльсе», будет задута только четыре года спустя, когда «накопят достаточно древесного угля для 36 с половиной недель работы». В среднем она будет работать лишь 15 недель в году, и все из-за топлива. Впрочем, перед лицом этой постоянной «негибкости» снабжения доменные печи, как правило, «действовали только один год

Лион в XVII в. имел еще деревянные мосты. Рисунок Йоханнеса Лингельбаха. Вена. Альбертина.

из двух или трех, а то и один год из пяти, семи или десяти»¹⁰⁴. По расчетам одного эксперта, в эти предшествовавшие XVIII в. времена средний металлургический завод, печь которого давала плавки в течение двух лет, один только пожирал за два года 2 тыс. га леса. Отсюда и напряженность, которая непрестанно усугублялась с подъемом экономики в XVIII в. «Торговля дровами сделалась в Вогезах промыслом всех жителей: всякий рубит как можно больше, и в скором времени леса будут совершенно уничтожены»¹⁰⁵. Именно из этого кризиса, для Англии латентного с XVI в., в конце концов родится каменноугольная революция.

И, разумеется, существовала также напряженность в ценах.

¹⁰⁴ Johnson B. L. C. *L'influence des bassins houillers sur l'emplacement des usines à feu en Angleterre avant circa 1717*. — "Annales de l'Est", 1956, p. 220.

¹⁰⁵ Ссылка утеряна.

Сюлли в своей «Economies royales» дошел даже до утверждения, будто «все необходимые для жизни припасы будут постоянно расти в цене и все возрастающая редкость дров станет тому причиной»!¹⁰⁶ Начиная с 1715 г. рост цен ускорился, он «стремительно поднимается в последнее двадцатилетие Старого порядка». В Бургундии «более не найти дерева для поделок», и «бедняки обходятся без огня»¹⁰⁷.

В таких областях довольно трудно вычислить даже порядок величин. Однако мы располагаем по крайней мере грубыми оценками. В 1942 г. Франция, вынужденная обратиться к дровяному отоплению, видимо, использовала 18 млн. тонн дерева, примерно половину из которых в виде дров. В 1840 г. потребление во Франции доходило, очевидно, до 10 млн. тонн дров и древесного угля без учета дерева для строительства¹⁰⁸. Около 1789 г. оно было порядка 20 млн. тонн. В одном Париже древесного угля и дров потребляли тогда больше 2 млн. тонн¹⁰⁹, т. е. больше 2 тонн на жителя. Это чрезвычайно высокая цифра, но в ту пору привоз в Париж каменного угля был ничтожен: в 140 раз меньше, чем дров (разница между 1789 и 1840 гг. вызвана, вполне очевидно, возросшей ролью в потреблении каменного угля). Если предположить, что соотношение между Францией и Европой равнялось 1 : 10, то последняя сжигала 200 млн. тонн дров около 1789 г. и 100 млн. тонн около 1840 г.

Как раз исходя из этой цифры — 200 млн. тонн, — следует попробовать провести рискованный подсчет масштабов такого источника энергии, как дерево, в лошадиных силах (HP). Две тонны дров соответствуют одной тонне каменного угля. Примем гипотезу, что одну лошадиную силу в час дает сжигание 2 кг угля. Примем также гипотезу, что энергия использовалась в течение примерно 3 тыс. часов в год. Тогда доступная для использования мощность будет порядка 16 млн. лошадиных сил. Эти расчеты, которые я показал специалистам, дают лишь очень грубый порядок величин, а сведение к лошадиным силам одновременно и устарело, и ненадежно. К тому же необходимо учитывать и довольно низкий коэффициент полезного действия — самое большее 30% от затраченной энергии, т. е. между 4 и 5 млн. лошадиных сил. По доиндустриальным энергетическим меркам такая цифра остается сравнительно высокой, но в этом нет ничего ошибочного: отметим, что, согласно более серьезным, нежели наши, расчетам, каменный уголь в экономике США возобладал над деревом только в 1887 г.!

КАМЕННЫЙ УГОЛЬ

Ни в Китае, ни в Европе каменный уголь не был чем-то неизвестным. В Китае его употребляли для отопления домов (по утверждению отца де Магальянша, на протяжении 4 тыс. лет), для приготовления пищи в домах знати и мандаринов; использовали его также и «кузнецы, пекари, красильщики и им подобные»¹¹⁰. В Европе уголь добывали с XI—XII вв., скажем, в мелкозалегающих бассейнах Англии, в районе Льежа, в Сааре, в мелких угольных бассейнах Лионнэ, Фореза, Анжу, добывали и

¹⁰⁶ Приведено у: Mercier L.-S. *Op. cit.*, VII, p. 147.

¹⁰⁷ Saint-Jacob P. *Les Paysans de la Bourgogne du Nord. Op. cit.*, p. 488.

¹⁰⁸ *Dictionnaire du commerce et des marchandises*. P.p. M. Guillaumin, 1841, I, p. 295.

¹⁰⁹ Toutain J.-C. *Le produit de l'agriculture française de 1700 à 1958*, I: Estimation du produit au XVIIIe s.—*Cahiers de l'I. S.E.A.*, juillet 1961, p. 134; Lavoisier. *Op. cit.*, p. 603.

¹¹⁰ Magaillans G. *Op. cit.*, p. 12-13.

для известковых печей, и для отопления домов, и для некоторых операций металлургического производства (не для всего их комплекса, кроме тех случаев, когда речь шла об антраците или о коксе, но карьера последнего началась поздно, в конце XVIII в.). Но задолго до этого времени каменный уголь занял то незначительное место – в кузнечных горнах, в «резках» («fenderies», где рубили – «резали» – железо), в волочильном производстве, изготовлявшем железную проволоку, – какое оставил ему уголь древесный. И каменный уголь перевозился на довольно большие расстояния.

В 1543 г. марсельские таможи отметили поступление по Роне «бадей» («brocz») с углем, несомненно из Алеса¹¹¹. В это же самое время эксплуатировавшиеся крестьянами копи поставляли в Ла-Машин около Десиза бочки с углем (их называли «рыбами» – «poissons» – или «возами» – «charretées»), которые везли до небольшого порта Ла-Лож на Луаре. Оттуда их на судах отправляли дальше, до Мулена, Орлеана и Тура¹¹². По правде говоря, незначительные примеры. Так же как и использование каменного угля с XVI в. на солеварнях в Соно (Saulnot) возле Монбельяра. Осенью 1714 г., когда в Париже не хватало дров, негоцианты-импортеры Галабэн и компания провели в ратуше публичные испытания «шотландского горючего» («flambant d’Ecosse»). Они получают привилегию на ввоз этого иностранного угля¹¹³. Даже в самом Руре придется дожидаться первых лет XVIII в., чтобы уголь начал играть свою роль. Точно так же только тогда стали вывозить анзенский уголь далее Дюнкерка – до Бреста и Ла-Рошели. И тогда же уголь из копей Булоннэ начали использовать в Артуа и во Фландрии для отопления караулен, на кирпичных заводах, в пивоварнях, в известковых печах и горнах кузнецов-ковалей. И в ту же пору уголь из копей Лионнэ стал быстрее доходить до Лиона благодаря постройке после 1750 г. Живорского канала. Самой трудной оставалась перевозка на телегах и вьючных животных¹¹⁴.

В общеевропейском масштабе наблюдались лишь два сколько-нибудь заметных ранних успеха каменного угля: в льежском бассейне и в ньюкаслском бассейне в Англии. С XV в. Льеж был «арсеналом», городом металлургии, и его уголь служил для окончательной отделки его изделий. Производство в первой половине XVI в. утроилось или учетверилось. А затем нейтралитет города (Льежем управлял его епископ) благоприятствовал его промышленной деятельности во времена последовавших позднее войн. Уголь, добываемый уже в глубоких штольнях, вывозили по Маасу к Северному морю и к Ла-Маншу¹¹⁵. Успех Ньюкасла был еще большим по размаху и оказался связан с той революцией каменного угля, которая начиная с 1600 г. обновила Англию, позволив использовать это топливо в ряде крупнотоннажных производств: при получении соли из морской воды, выпаривавшейся подогревом, листового стекла, кирпича, черепицы; при рафинировании сахара; при переработке квасцов, которые некогда везли из Средиземноморья, а с этого времени стали добывать на йоркширском побережье, не говоря уже о хлебопекарных печах, пивоварнях и огромных масштабах угольного отопления домов, которое веками наполняло Лондон

¹¹¹ Braudel F. *Méditerranée* I, p. 200.

¹¹² Thuillier G. *Georges Dufaure et les débuts du grand capitalisme dans la métallurgie, en Nivernais au XIXe siècle*. 1959, p. 122 (и ссылки в примечаниях). Другие примеры см.:

Trenard L. *Charbon et Sciences humaines*. 1966, p. 53 sq.

¹¹³ Prinnet M. *L’industrie du sel en Franche-Comté avant la conquête française. – Mémoires de la société d’émulation du Doubs*, 1897, p. 199–200.

¹¹⁴ Rouff M. *Les Mines de charbon en France au XVIIIe siècle*. 1922, p. 368–386, 418.

¹¹⁵ Lejeune J. *La Formation du capitalisme moderne dans la principauté de Liège au XVIe siècle*. 1939, p. 172–176.

Медеплавильня в Тюрингии, принадлежавшая нюрнбергскому семейству Пфинцингов. Топливом в 1588 г. служил древесный уголь. Дрова уложены огромными штабелями. Нюрнберг. Государственный архив.

зловонием и станет наполнять еще больше. Стимулируемое таким возраставшим потреблением производство угля в Ньюкасле не переставало расти: с 30 тыс. тонн в 1563–1564 гг. до 500 тыс. тонн в 1658–1659 гг. К 1800 г. производство, без сомнения, приближалось к 2 млн. тонн. Эстуарий Тайна был постоянно забит судами-угольщиками, курсировавшими прежде всего из Ньюкасла в Лондон; их грузоподъемность в 1786–1787 гг. поднялась до 348 тыс. тонн при шести плаваниях туда и обратно за год. Часть этого угля экспортировалась, то был «морской уголь» («sea coal»), отправляемый весьма далеко, по крайней мере до Мальты с XVI в.¹¹⁶

Очень рано пришли к мысли, что для использования каменного угля в железодельном производстве следует очищать его, как очищали дерево, сжигая его в примитивных, покрытых землей печах, где его сгорание давало древесный уголь. Коксование стало известно в Англии с 1627 г., и на него даже была выдана привилегия. Первое выжигание каменного угля в Дербишире датируется 1642–1648 гг. Почти сразу же местные пиво-

¹¹⁶ Braudel F. *Médit...* I, p. 561.

¹¹⁷ Nickolls J. *Remarques sur les avantages et les désavantages de la France et de la Grande-Bretagne*. *Op. cit.*, p. 137.

¹¹⁸ *Ibid.*, p. 136.

¹¹⁹ См. настоящую работу, т. III.

¹²⁰ Nef J. U. *Technology and civilization*. – “*Studi in onore di Amintore Fanfani*”, 1962, V, в частности p. 487–491.

вары стали использовать кокс вместо соломы и обычного угля при сушке и разогревании солода. Это новое топливо придаст пиву из Дерби «прозрачность и мягкость, кои создали ему славу»¹¹⁷, избавив от скверного запаха обычного угля. Пиво Дерби сделалось тогда первым пивом Англии.

Но в металлургии торжество кокса наступило не сразу. В 1754 г. один экономист писал: «[Каменный] уголь можно огнем очистить от смолы и серы, кои в нем заключены; так что, потеряв две трети своего веса и очень мало утратив в объеме, он остается горючим веществом, но свободен от тех частей, что испускают неприятный дым, каковой углю ставят в упрек»¹¹⁸. Однако же первых своих успехов в металлургии этот «каильный жар» добьется лишь около 1780 г. На этом с первого взгляда труднообъяснимом запоздании нам придется остановиться. Это прекрасный пример инерции в отношении любого новшества¹¹⁹.

В этом смысле китайский пример еще более показателен. Мы указывали, что каменный уголь играл там свою роль в отоплении домов, быть может, еще за тысячелетия до н. э., а в железоделательном производстве – с V в. до н. э. В самом деле, использование в печах каменного угля очень рано сделало возможным производство и применение чугуна. Такое огромное преимущество во времени не привело к систематическому использованию кокса во время необычайного подъема Китая в XIII в., хотя и вероятно, что оно было тогда известно¹²⁰. Вероятно, но не наверняка известно. Иначе какой великолепный довод в пользу нашего тезиса: энергичный Китай XIII в. имел средства к тому, чтобы открыть главные ворота промышленному перевороту, но не сделал этого! Он якобы оставил эту привилегию Англии конца XVIII в., которой самой потребовалось время, чтобы воспользоваться тем, что, однако же, было у нее под руками. Техника – только инструмент, и человек не всегда умеет им пользоваться!

И ЧТОБЫ ЗАКОНЧИТЬ ...

Возвратимся к Европе конца XVIII в., чтобы сформулировать два связанных друг с другом замечания: первое – по поводу энергетических ресурсов, взятых в их совокупности: второе – относительно машинной техники, служившей Европе.

1. Без риска ошибиться мы можем расположить по убывающей важности источники энергии, бывшие в распоряжении Европы: прежде всего, тягловая сила домашних животных, 14 млн. лошадей, 24 млн. быков; считая каждое животное за $\frac{1}{4}$ лошадиной силы, в общем 10 млн. лошадиных сил. Затем дрова, эквивалентные, возможно, 4 или 5 млн. лошадиных сил. Далее, водяные колеса – между 1,5 млн. и 3 млн. лошадиных сил. Затем сами люди – 50 млн. работников, т. е. 900 тыс. лошадиных сил. И наконец, парус – самое большее 233 тыс. лошадиных сил, без учета военного флота. Нам далеко до цифр современного энергетического баланса, мы знали это с самого начала. И не в этом интерес таких несовершенных подсчетов

(мы еще не считали ни ветряные мельницы, ни речные суда, ни древесный, ни даже каменный уголь). В самом деле, важно то, что тягловые животные и дрова бесспорно занимают два первых места (ветряные двигатели, менее многочисленные, чем водяные колеса, могли составлять лишь одну треть или одну четверть мощности покоренной воды). Если [техническое] решение мельницы не получило дальнейшего развития, то отчасти по причинам техническим (широкое использование дерева, а не железа), но, главное, потому, что на месте расположения мельниц невозможно было использовать бóльшую мощность, а энергия в ту эпоху *не передавалась на расстояние*. Нехватка энергии была главным препятствием для экономик Старого порядка. Средняя водяная мельница представляла своего рода революцию: она обладала пятикратной производительностью ручной мельницы, приводимой в движение двумя людьми. Но первая же паровая мельница даст производительность впятеро большую, нежели у водяной¹²¹.

¹²¹ Это рискованные и, значит, спорные подсчеты. Всю проблему следует рассмотреть заново в соответствии с предложениями Ж. Лакоста (см.: Lacoste J. *Rétrospective énergétique mondiale sur longue période (mythes et réalités)*. – “*Informations et réflexions*”, avril 1978, № 1), который опирается на книгу Патнема (Putnam. *Energy in the future*). Он не ставит под сомнение классификацию энергетических ресурсов, предлагаемую мною, но полагает, во-первых, что энергия, бывшая в распоряжении людей доиндустриальной эпохи, была более значительной, нежели это утверждают, но растрчивалась ими; а во-вторых, что обозначившийся с XVI в. «дровяной кризис» по своему воздействию сравним с переживаемым нами нефтяным кризисом.

¹²² *Histoire générale des techniques*. P.p. M. Daumas, 1965, II, p. 251.

¹²³ Abbé Prévost. *Op. cit.*, VI, p. 223.

2. Тем не менее «по эту сторону» промышленной революции существовала подготовительная стадия. Упряжки, огонь горящего дерева, потом эти элементарные двигатели, использующие речной и воздушный потоки, наконец, увеличение числа работающих людей – все эти элементы вызвали в период XV – XVII вв. определенный подъем Европы, медленное накопление и возрастание сил, мощи, практического ума. Именно на это старое продвижение опирался все более и более ускоряющийся прогресс 30–40-х годов XVIII в. Таким образом, происходила еле заметная зачастую, а то и вовсе незаметная, промышленная «предреволюция», т. е. накопление открытий, технического прогресса, из которых одни бросались в глаза, другие же приходилось как бы открывать с лупой в руках. Это разнообразные зубчатые передачи, домкраты, коленчатые передачи, это «гениальная система шатун–кривошип», это маховик, придающий правильность всякому движению, прокатные станы, все более и более сложное машинное оборудование горных предприятий ... А сколько других инноваций: вязальный станок, лентоткацкий станок (называвшийся станком с поперечиной), химические процессы. «Именно во второй половине XVIII в. были сделаны первые попытки приспособить для промышленного использования токарные, сверлильные, расточные станки», орудия давно известные. В это время началась и автоматизация движений ткача и прядильщика, которая окажется решающей для «взлета» английской экономики¹²². Для того чтобы в полной мере использовать такие задумываемые или построенные машины, не доставало как раз избытка энергии, которую к тому же было бы легко мобилизовать – я хочу сказать, передавать на расстояние по своему желанию. Но орудия существовали и непрестанно совершенствовались. Очень показательно, как все европейские путешественники удивляются рудиментарным орудиям Китая и Индии, контрастирующим с качеством и тонкостью их продукции. «Поражаешься простоте инструментов, которые служат для изготовления самых прекрасных китайских шелковых изделий», – писал один из них¹²³. Рассуждение, которое почти в тех же выражениях встречаем мы у другого

¹²⁴ См. настоящую работу, т. III.

автора по поводу знаменитых хлопчатобумажных муслинов Индии ¹²⁴.

Придет пар, и все ускорится на Западе, словно по волшебству. Но это волшебство объяснимо: оно было подготовлено, сделано возможным заранее. Перефразируя историка (Пьера Леона), скажем, что существовали эволюция, т. е. медленный подъем, а потом революция, т. е. ускорение: два вида движения, связанные один с другим.

БЕДНЫЙ РОДСТВЕННИК – ЖЕЛЕЗО

Я уверен, что оценка железа как бедного родственника не показалась бы ни серьезной, ни истинной людям всего мира уже начиная с XV в., а уж тем более – в XVIII в. Что сказал бы об этом Бюффон, хозяин металлургических заводов в Монбаре? А на самом-то деле как раз нам, людям XX в., эта эпоха, и далекая и близкая, кажется удивительной и как бы жалкой в этом отношении.

Французский рудник около 1600 г.: «Чтобы добиться успеха, надо выдержать» (чугунная плита в камине). Мюнхен. Немецкий музей, собрание фотоматериалов.

В целом железоделательное производство использовало те же основные процессы, что и сегодня, с доменными печами и механическими молотами; вся разница – в количестве. В то время как сегодняшняя домна «может за 24 часа поглотить три железнодорожных состава кокса и руды», в XVIII в. самая усовершенствованная из таких установок прежде всего работала с перерывами, а затем она, к примеру при очистной установке с двумя

горнами, давала всего лишь 100–150 тонн железа в год. В наше время выпуск считается на тысячи тонн. Двести же лет назад говорили о «ста пезанах», т. е. современных квинталах по 50 кг. Такова разница в масштабах. Она разделяет две разные цивилизации. Как писал Морган в 1877 г.: «Когда железу удалось стать самым важным предметом производства, это было величайшим событием в развитии человечества»¹²⁵. Польский экономист Стефан Куровский утверждает даже, что пульс всей экономической жизни ощущается в привилегированной сфере металлургического производства: оно всему подводит итог и всему предшествует¹²⁶.

Но вплоть до начала XIX в. «величайшее событие» все еще не свершилось. В 1800 г. мировое производство железа в разных его формах (чугун, поковки, сталь) достигало лишь 2 млн. тонн¹²⁷, и эта наполовину обоснованная цифра нам, с нашей точки зрения, кажется очень преувеличенной. Экономическая цивилизация в гораздо большей мере находилась тогда под господствующим влиянием текстиля (в конце концов именно хлопок положит начало английской промышленной революции), нежели железа.

И в самом деле, металлургия оставалась традиционной, архаической, слабо уравновешенной. Она находилась в зависимости от природы, от ее ресурсов – от руды, которая, к счастью, была в изобилии, от леса, которого никогда не хватало, от переменчивой силы водных потоков. В Швеции крестьяне в XVI в. изготавливали железо, но только в пору весеннего паводка; всякий спад рек в тех местностях, где возвышались печи, вызывал перерывы в работе. Наконец, мало было (а то и вовсе не бывало) рабочих-специалистов: часто то были простые крестьяне, что в Эльзасе, что в Англии, что на Урале. Не было и предпринимателей в современном смысле слова. Сколько было в Европе хозяев металлургических предприятий, которые были прежде всего земельными собственниками, а в том, что касалось железоделательных заводов, полагались на управляющих или на арендаторов! И последний риск: спрос был непостоянным, связанным с войнами, которые то вспыхивали, то угасали.

Конечно же, современникам вещи представлялись не в таком свете. Они охотно провозглашали, что железо – самый полезный из металлов, и все они имели случай видеть кузницу (деревенскую по меньшей мере или у коваля), домну, кочегарку, плавильню. В самом деле, правилом оставалось местное распыленное производство или снабжение сырьем на короткие расстояния. В XVII в. Амьен привозил железо из Тьераша, менее чем за 100 км от своих городских рынков, и перераспределял эти изделия в своих окрестностях в радиусе от 50 до 100 км¹²⁸. Что же касается предшествующего столетия, то у нас есть дневник одного из купцов маленького австрийского городка Юденбург в Верхней Штирии – купца, который скупал железо, сталь и металлические изделия на близлежащих железоделательных заводах или в активном металлургическом центре – Леобене, чтобы затем их переправить дальше¹²⁹. Можно день за днем проследить подробности закупок, продаж, перевозок, цены, меры и заблудиться в перечислении разнообразнейших изделий, от «сырого»

¹²⁵ Morgan L. *Ancient Society*. 1877, p. 43.

¹²⁶ Kurowski S. *Historyczny proces wyrostu gospodarczego*. 1963.

¹²⁷ Wagemann E. *Economia mundial. Op. cit.*, I, p. 127.

¹²⁸ Deyon P. *Amiens, capitale provinciale. Op. cit.*, p. 137.

¹²⁹ Tremel F. *Das Handelsbuch des Judenbürger Kaufmannes Clemens Körber, 1526–1548*. 1960.

железа, железа в слитках, до различных сталей и железной проволоки (грубой – «немецкой», и тонкой – «*вельш*», «*welsch*»), не считая игл, гвоздей, ножниц, сковород, жестяных изделий. Но ничто из всего этого не уходило далеко: даже сталь, правда дорогая, не пересекала Альпы в направлении Венеции. Изделия металлургии не были «путешественниками», которых можно бы было сравнить с тканями, если исключить из рассмотрения предметы роскоши – толедские шпаги, оружие из Брешии или, если вернуться к нашему юденбургскому купцу, охотничьи арбалеты, которых требовал от него Антверпен. Дальний обмен металлургической продукцией (в XVI в. – с Иберийского п-ва, в XVII в. – из Швеции, в XVIII в. – из России) использовал речные и морские пути и касался, как мы увидим, лишь скромных товарных масс.

Короче, до XVIII и даже до XIX в. железо в Европе неспособно было, ни по масштабам его производства, ни по масштабам применения, заставить склониться в свою пользу материальную цивилизацию (и, естественно, это было еще более верно за пределами Европы). Мы рассматриваем эпоху, еще не знавшую выплавки стали, открытия пудлингования, всеобщего распространения выплавки чугуна на коксе, не ведавшую еще и длинного ряда прославленных имен и процессов: Бессемера, Сименса, Мартена, Томаса... Мы все еще находимся как бы на другой планете.

НАЧАЛЬНАЯ СТАДИЯ ПРОСТЕЙШЕЙ МЕТАЛЛУРГИИ (ЗА ИСКЛЮЧЕНИЕМ КИТАЯ)

Металлургия железа, открытая в Старом Свете, распространилась там (вне сомнения, из района кавказского центра) очень рано, с XV в. до н. э. Все цивилизации Старого Света научились этому простейшему ремеслу раньше или позже, лучше или хуже. Впечатляющими окажутся только два примера успешного развития: ранний – в Китае, который представляется вдвойне загадочным чудом (своим ранним характером, с одной стороны, и своим застоєм после XIII в. – с другой), и поздний, но зато решающий – в Европе.

Китай имел неоспоримое преимущество первенства во времени: плавку железа он знал уже около V в. до н. э.; он рано начал применять каменный уголь и, *может быть*, с XIII в. н. э. плавил руду на коксе, хотя последнее и остается весьма проблематичным. А Европа получит железо в жидком состоянии не раньше XIV в., выплавка же чугуна с применением кокса, хоть над нею и задумывались в XVII в., получит в Англии всеобщее распространение лишь после 80-х годов XVIII в.

Такое раннее развитие в Китае ставит перед нами проблему. Несомненно, применение каменного угля позволило достичь высоких температур; к тому же и использовавшиеся руды с высоким содержанием фосфора плавилась при сравнительно низкой температуре. Наконец, поршневые мехи, приводимые в движение людьми или водяным колесом с плечами, делали возможным постоянное дутье и высокие температуры внутри

печей. Печей, ничего общего не имевших с нашими; в самом деле, это были «прямоугольные канавы, выложенные огнеупорным кирпичом», в них размещали *тигли*, и каменный уголь насыпали кучами между этими тиглями, в которых содержалась руда. Таким образом, последняя не вступала в непосредственное соприкосновение с топливом, и при желании к ней можно было добавлять то или иное вещество, в том числе и древесный уголь. Последовательные плавки в тигле позволяли получить либо ковкое железо, почти целиком свободное от углерода, либо железо, содержащее в той или иной степени углерод, т. е. более или менее мягкую сталь. Продукт, полученный после двух последовательных плавков в тигле, позволял китайцам серийно отливать плужные лемехи или котлы. Запад узнает это искусство только восемнадцатую, а то и двадцатую столетиями позже. Отсюда и возникла опирающаяся на данные филологии гипотеза А. Одрикура, а именно: будто чугуноплавильная печь (*Flussofen*), сменившая в XIV в. штирийскую и австрийскую

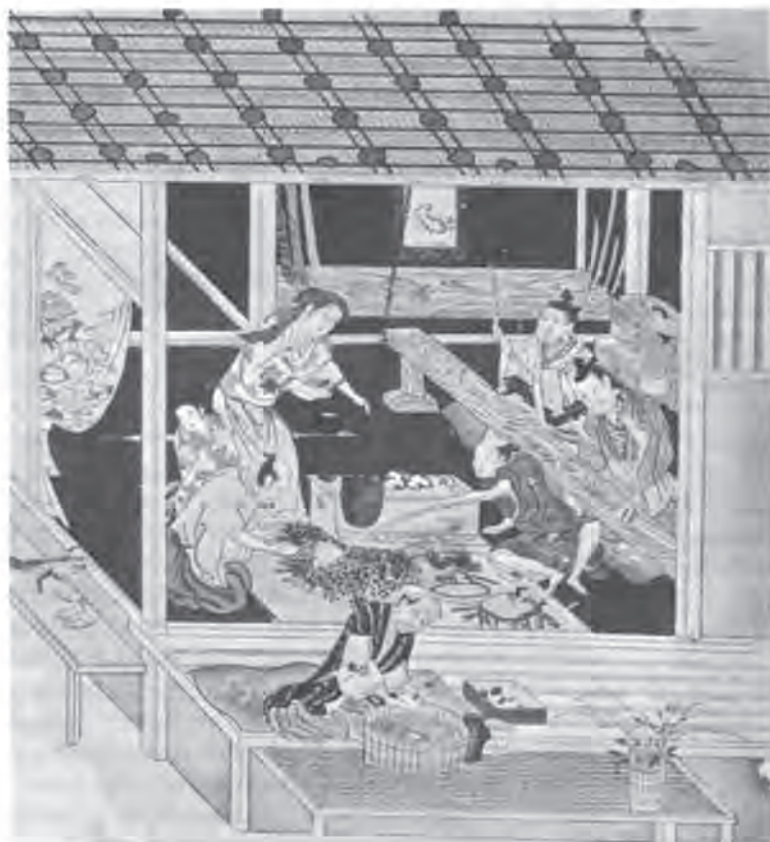

Японская кузница
в XVII в. (Фото
Национальной
библиотеки.)

шахтную печь (*Stückofen*), была не чем иным, как завершающим этапом передачи китайской технологии, попавшей поначалу в Среднюю Азию, а потом пришедшей в Сибирь, к туркам и в Россию¹³⁰.

Азиатская плавка в тиглях имеет в своем активе и еще одно достижение (одни его считают индийским по происхождению, другие – китайским) – изготовление особой стали, «высококачественной углеродистой», равной лучшим сегодняшним дозвектоидным сталям. Вплоть до XIX в. ее природа и изготовление оставались для европейцев тайной. Сталь эта, известная в Европе под названием дамасской стали, в Иране – как «волнистая

¹³⁰ Haudricourt A.-G. *La fonte en Chine: Comment la connaissance de la fonte de fer a pu venir de la Chine antique à l'Europe médiévale.* – *Métaux et civilisations*, II, 1946, p. 37–41.

Изготовление мечей в Японии. Ковка и полировка (XVIII в.). (Фото Н. Буве.)

сталь» (*пулад джаухердер*), в России — как *булат*, а позже окрещенная англичанами «*вутз*» («*wootz*»), служила прежде всего для изготовления сабель с необыкновенной остроты клинками. Ее уже изготовляли в Индии, в царстве Голконда, когда там появились европейцы, и продавали слитками, имевшими, по описанию Тавернье, размеры небольшого хлебца и вес в 600–700 граммов. Слитки широко экспортировались — на Дальний Восток, в Японию, Аравию, Сирию, в Россию и Персию. Шарден объяснял в 1690 г., что персы ценили свою собственную сталь «менее, нежели эту, а нашу — ниже своей»¹³¹ и именно из такой стали изготовляли лучшие свои сабельные клинки. Вот характеристики этой стали: переливчатый блеск, волнистый узор, возникающий в момент, когда охлаждение в тигле кристаллизует в массе металла белые прожилки цементита, очень твердого карбида железа. Слава этой очень дорогой стали была такова, что португальцы захватили в 1591 г. у индийского побережья судно с ее грузом; но ни один кузнец, лиссабонский или испанский, не смог ее ковать. Такая же неудача постигла Реомюра (1683–1757 гг.), который заказал из Каира образец и поручил его парижским ремесленникам. В самом деле, будучи нагрет докрасна, булат ломается под молотом, а его переливчатый блеск исчезает. Ковать его можно только при низкой температуре или же переплавленным в тигле и отлитым. В первые десятилетия XIX в. немало западных ученых и русских металлургов увлечен-

¹³¹ *Voyage du chevalier Chardin. Op. cit., IV, p. 137.*

Индийский кинжал с рукояткой в виде конской головы (XVII в.). Сталь булатной выработки и серый нефрит. Лувр. Отдел восточных древностей.

¹³² Belaïew N. T. *Sur le "damas" oriental et les lames damassées. — Métaux et civilisations*, I, 1945, p. 10–16.

¹³³ Mazaheri A. *Le sabre contre l'épée ou l'origine chinoise de "l'acier au creuset"*. — *Annales E.S.C.*, 1958.

но искали секреты булата, и считается, что их исследования даже заложили основы металлографии¹³².

Такая совокупность фактов объясняет, почему Индию признали неоспоримой родиной дамасской стали. Но в блестящей статье, построенной на арабских и персидских источниках IX и XI вв. и на более древних китайских источниках, Али Мазахери выдвигает гипотезу китайского происхождения индийской стали, изготавливаемой — заметим это! — в тигле, как китайский чугун. И, ставя знак равенства между саблей и отлитой в тигле азиатской сталью, а на Западе — между мечом и прокованной и закаленной сталью, исследователь излагает невероятную историю булатной сабли, распространившейся по всей Азии, дошедшей до Туркестана и (в ходе скифских завоеваний) до Индии, а затем — до Персии, стран ислама и даже до Московского государства. Сенсационные победы сасанидского Ирана над римскими легионами, вооруженными коротким прямым мечом из плохого железа, покоились будто бы прежде всего на использовании конными воинами сабли из дамасской стали, намного превосходившей по качеству вооружение Запада. И в конечном счете — именно «сабле (и Китаю) следовало бы приписать военное превосходство азиатских орд, которые обрушились ... на римский мир и на средневековую Европу»¹³³.

При таком приоритете во времени застой в Китае после XIII в. — какая-то нелепость. Не наблюдалось никакого прогресса, а деяния китайских литейщиков и кузнецов были лишь повторением уже достигнутого. Плавка чугуна на коксе, если она и была известна, не получила развития. Все это трудно уловить и объяснить. Но и судьба Китая, взятая в целом, ставит ту же проблему, запутанную и еще плохо изученную.

УСПЕХИ XI–XV вв.: ШТИРИЯ И ДОФИНЕ

Другая проблема — это поздний успех Европы. Начатки средневековой металлургии заметны в долине Зига, в Саарской долине или же между Сенной и Йонной. Железная руда встречается почти повсюду; редкостью было лишь почти чистое, метеоритное железо, которое в Европе использовали с латенских времен*. Руду, истолченную, промытую, а при случае — и обожженную, укладывали в горны последовательными слоями,

* Латенское время — период с начала V в. до н. э. по I в. н. э., когда в Западной и Центральной Европе существовала развитая археологическая культура железного века, созданная кельтскими племенами; названа по селению Латен на западе Швейцарии, где были открыты первые ее памятники. — *Прим. ред.*

пережевавшимися со слоями древесного угля; горны бывали разной формы. Скажем, в лесу От между Сенной и Йонной ямы, вырытые в склонах холмов, образовывали рудиментарные горны, без стен, «ветряные печи» («fours à vent»). После задува через два-три дня получали небольшую массу губчатого железа с множеством включений шлака, которую затем приходилось проковывать вручную, вновь нагревать (подвергать нескольким «подогревам» – «chaudes»), а потом ковать на наковальне¹³⁴.

Более сложные горны – со стенами, но еще открытые – появились рано; они уже не довольствовались естественной тягой (вроде тяги в простом камине). Так, обнаруженная при раскопках ланделтальская печь в Сааре, которая работала между 1000 и 1100 г. и имела стены из обожженной глины на дранке, будучи 1,5 м в высоту и с максимальным диаметром (при конической форме) 0,65 м, была снабжена двумя мехами¹³⁵. Так же выглядит, с некоторыми вариациями, и ряд корсиканских, каталонских и нормандских горнов (последние строились для переработки шведской руды – *ossmurd*): они целиком окружены стенами, но не перекрыты сверху, дутье осуществлялось среднего размера мехами, и в целом вся система была малопродуктивна. Вот порядок величин: руда с 72% содержания железа должна была давать металлическую массу порядка 15% своего веса. Разумеется, такое же зрелище представляли и после XI в. примитивные металлургические производства, вроде столь живучих крестьянских в Европе или же у отстававших в своем развитии народов Старого Света¹³⁶.

Начиная с XI–XII вв. применение в Европе водяного колеса повлекло за собой решающие успехи – успехи очень медленные, но которые так или иначе будут достигнуты во всех крупных металлопроизводящих районах. Железодельные заводы на берегах рек пришли на смену заводам, стоявшим в лесу. Вода приводила в движение огромные мехи, толчеи, измельчавшие руду, молоты, проковывавшие железо после разных его «подогревов». Этот прогресс сопровождал становление доменной печи в конце XIV в. Появившись в Германии (или, быть может, в Нидерландах), она рано проникает в Восточную Францию, скажем в долину верховьев Марны, тогда как в Пуату, Нижнем Мёне и во всей Западной Франции вплоть до XVI в. сохраняются в глубине лесов железодельные заводы с ручной обработкой¹³⁷.

Хороший пример новых успехов – Штирия. В XIII в. появилась *Rennfeuer* – печь, полностью окруженная кладкой, с ручными мехами; в XIV в. – *Stückofen*, шахтная печь, более высокая, нежели предыдущая, и с водяным дутьем; а в конце того же столетия – доменные печи, похожие на *Stückofen*, но еще более высокие, с лёточным приямком и объединенные в «дутьевой дом», *Blähhaus* (название это появляется в документе 1389 г.). Появление огромных кожаных мехов, приводившихся в движение водой, и горна в доменных печах важно тем, что впервые пришли к плавке; иными словами, чугун оказался «открыт» в XIV в. С этого времени на основе чугуна, единого исходного материала, будут получать по желанию либо железо – путем максимального удаления углерода, либо сталь – при неполном его удалении. В Штирии будут стараться изготавливать сталь¹³⁸. Но вплоть до

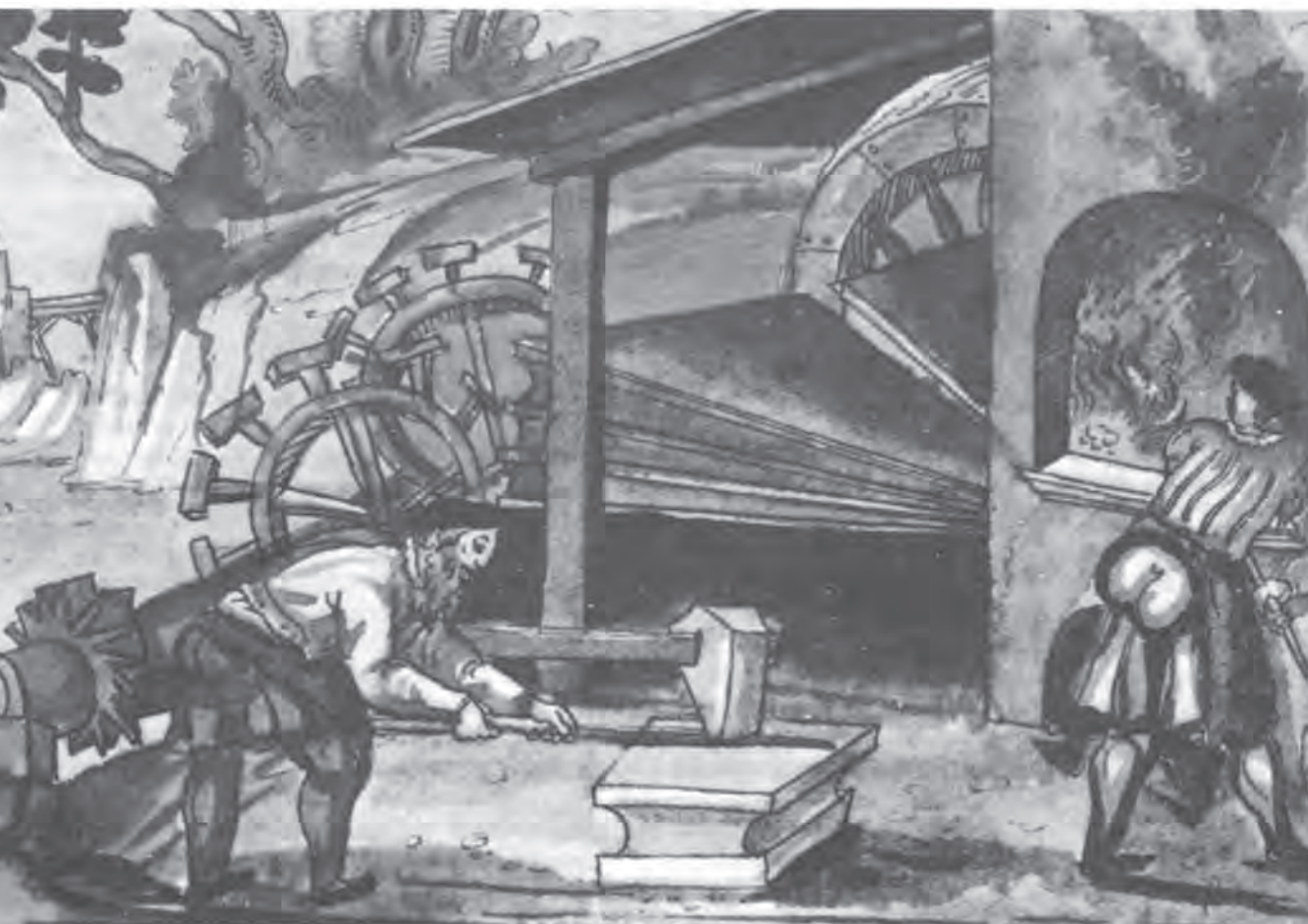
¹³⁴ Gilles J. W. *Les fouilles aux emplacements des anciennes forges dans la région de la Sieg, de la Lahn et de la Dill. – Le Fer à travers les âges*. 1956; Hure A. *Le fer et ses antiquités exploitées dans le Senonais et le Jovinien.* – “Bulletin de la société des sciences historiques... de l’Yonne”, 1933, p. 3; *Origine et formation du fer dans le Senonais.* – *Ibid.*, 1919, p. 33 sq; Goudard A. *Note sur l’exploitation des gisements de scories de fer dans le département de l’Yonne.* – “Bulletin de la Société d’archéologie de Sens”, 1936, p. 151–188.

¹³⁵ Gilles J. W. *Art. cit.*

¹³⁶ Labat J. B. *Op. cit.*, II, p. 305.

¹³⁷ *Histoire générale des techniques.* *Op. cit.* P. p. M. Dumas, II, p. 56–57.

¹³⁸ Tremel F. *Der Frühkapitalismus in Innerösterreich*. 1954, S. 52 sq.

Механизированная кузница в Тироле: мехи и качающийся молот приводятся в движение водяным колесом; на переднем плане кулачковый вал (XVI в.). Вена. Архив изобразительных материалов австрийской Национальной библиотеки.

новых изобретений конца XVIII в. старая металлургия чаще всего могла производить не сталь, а «сталистое железо».

Однако, отделившись от доменного производства, кузнечный цех сдвинулся вниз по течению, ибо завод, сохраняя свою целостность, становился слишком крупным потребителем топлива и испытывал затруднения в снабжении им. Чертеж 1613 г. показывает нам только один *Blähhaus*, отделенный от его кузнечного цеха, который работал в тесной связи с ним ниже по течению. Эта кузница имела большой молот с водяным приводом — «немецкий», качающийся молот; огромный дубовый брус служил ему рукоятью; железная болванка, служившая собственно молотом, могла весить 500–600 фунтов. Ее поднимало кулачковое колесо, которое затем опускало молот на наковальню. Такая огромная ударная сила сделалась необходимой для обработки сырого металла, производившегося с того времени в больших количествах. Однако, поскольку железо следовало обрабатывать бесконечно снова и снова, существовали также и малые молоты, так называемые «молоты по-итальянски», с повышенной частотой ударов; прототип их, вероятно, пришел из Брешии, старинной «столицы железа», через посредство фриульских рабочих¹³⁹.

¹³⁹ Tremel F. *Op. cit.*, s. 53 und Abb. 87.

Другой пример, иллюстрирующий этот прогресс, приведет в Западные Альпы; он интересен тем, что показывает значительную роль картезианцев во всем этом первоначальном подъеме металлургии. С XII в. они обосновались в Штирии, Ломбардии, Каринтии и Пьемонте и были «тесно связаны с самим изобретением [до-] современной черной металлургии». Они, видимо, стали изобретателями чугуна в Дофине, в Альваре, с XII в., во всяком случае явно раньше, чем в Штирии или в других районах, благодаря раннему применению грубого дутья с помощью огромных водяных труб (*trompes*), которые перехватывали всю воду альпийского потока. С прибытием с 1172 г. тирольских рабочих способ очистки чугуна посредством сжигания древесного угля и добавки железного лома якобы позволил производить так называемую «натуральную» сталь. Но вся эта хронология малонадежна¹⁴⁰.

В действительности же всякий центр металлургии имел свои особые этапы эволюции, свои методы (в частности, для очистки металла), свои секреты, своих клиентов и свою возможность выбирать между выпуском разных изделий. Однако же технические приемы, откуда бы они ни брались, имели тенденцию превращаться во всеобщие, пусть даже это происходило только за счет перемещения скорых на подъем ремесленников. Маленький пример: около 1450 г. двое рабочих, «уроженцев Льежа», получили на реке Авелон, возле Санлиса, место «для сооружения запруды, дабы воздвигнуть плавильню или железоделательный завод»¹⁴¹.

Все доменные печи, какие чуть раньше, какие чуть позже, станут постоянно действующими; после каждого выпуска плавки печь сразу же будут вновь загружать рудой и древесным углем. Перерывы в работе для ремонтов или снабжения становились все более и более редкими. Увеличились и размеры домен: между 1500 и 1700 гг. они удвоили свой объем, доведя его до 4,5 куб. м, и давали ежедневно до двух тонн жидкого чугуна¹⁴². Повсеместно распространилось и обыкновение погружать железо в жидкий чугун, дабы повысить содержание в нем углерода.

ЭПИЗОДИЧЕСКАЯ КОНЦЕНТРАЦИЯ ПРОИЗВОДСТВА

Благодаря войнам возростал спрос на кирасы, мечи, пики, аркебузы, пушки, железные ядра... Этот повышенный спрос, конечно, бывал разовым. Реконверсия производства оставалась трудной, но железо и чугун служили и для изготовления кухонной утвари, котлов и котелков, колосников, подставок для дров, чугунных плит для каминов, плужных лемехов. Такие многочисленные потребности, нарастая, влекли за собою концентрацию, или, вернее, эпизодическую концентрацию, производства, еще несколько слабую, ибо транспорт, топливо, движущая сила, доступная лишь в определенном месте, снабжение продовольствием, прерывистый ритм деятельности делали невозможным слишком развитое сосредоточение производств.

¹⁴⁰ Bouchayer A. *Les Chartreux, maîtres de forges*. 1927.

¹⁴¹ Guenée B. *Tribunaux et gens de justice dans le bailliage de Senlis à la fin du Moyen Age (vers 1380–vers 1550)*. *Op. cit.*, p. 33, note 22.

¹⁴² *Storia della tecnologia*. P.p. C. Singer, *op. cit.*, III, p. 34; François M. *Note sur l'industrie sidérurgique. – Mémoires de la société nationale des antiquaires de France*. 1945, p. 18.

Брешиа в конце XV в. насчитывала, возможно, 200 оружейных фабрик (*botteghe*), речь идет о мастерских с одним хозяином и 3–4 работниками. Один текст говорит о 60 тыс. человек, обрабатывавших железо. Цифра преувеличенная, хоть и следовало бы включить в нее (учитывая всю округу, вплоть до отдаленной долины Валь-Камоника) рабочих у печей (*forni*), в кузницах (*fucine*), у водяных колес (*mole*), землекопов и рудокопов, которые добывали руду, повозочников, которые обеспечивали ее доставку, — всех этих людей, рассеянных вокруг города в радиусе 20 или 30 км от него¹⁴³.

¹⁴³ Я не обнаружил использованного мною в Венеции (A. d. S. или музей Коррер) документа, который указывает численность рабочих, обрабатывавших железо. Хорошее описание этого производства в 1527, 1562 и 1572 гг. см.:

“Relazioni di rettori veneti in Terraferma”, XI, 1978, p. 16–17, 78–80, 117.

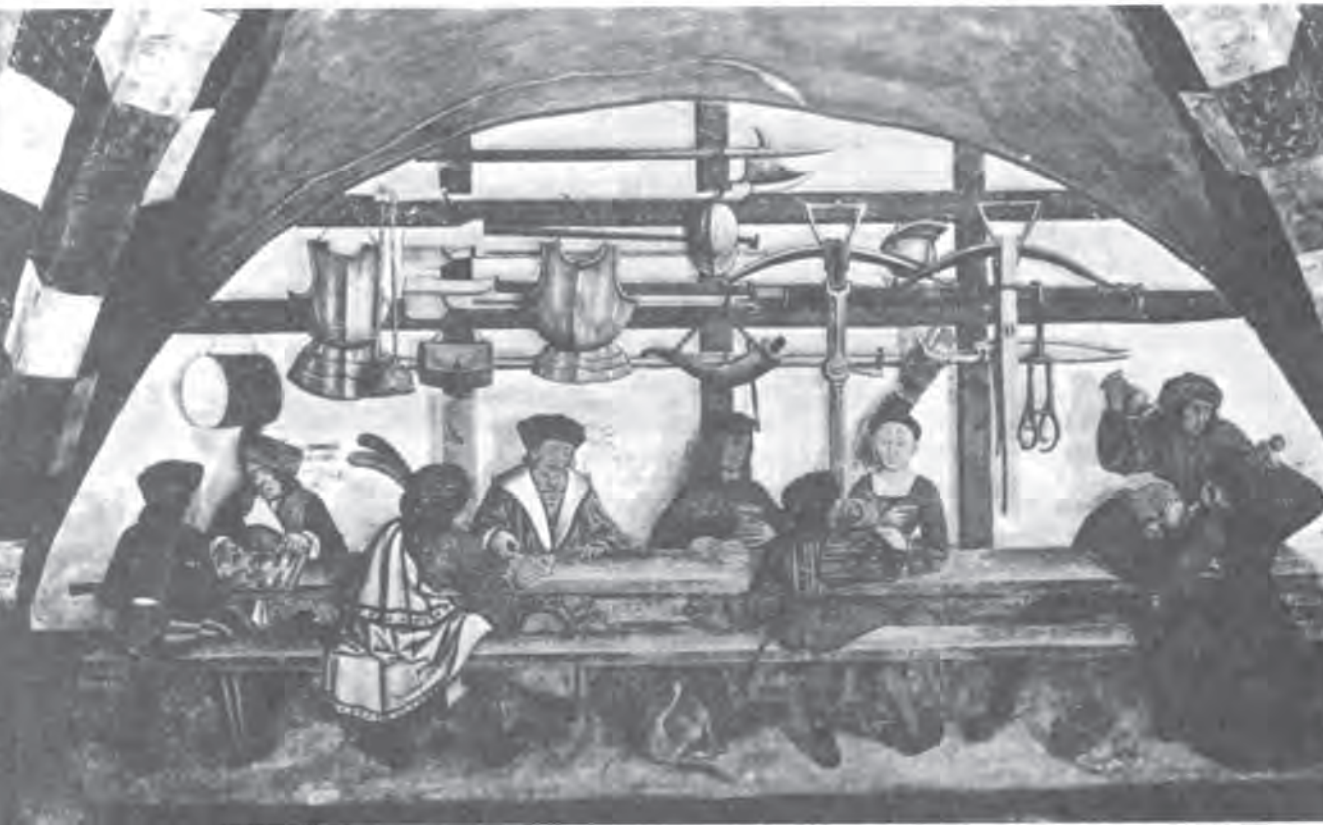
¹⁴⁴ Gascon R. *Grand commerce et vie urbaine au XVIe siècle; Lyon et ses marchands*. 1971, p. 133–134.

¹⁴⁵ Heckscher E. *Un grand chapitre de l'histoire du fer: le monopole suédois*. — “Annales d'histoire économique et sociale”, 1932, p. 131–133.

Таково же было в XVI в. положение и в Лионе, который собирал изделия множества небольших центров металлургического производства, разбросанных вокруг него в радиусе более 100 км. В Сент-Этьенне ими были, в порядке важности: скобяной товар, аркебузы, алебарды и, в меньшем количестве, наборы шпаг и кинжалов-даг; в Сен-Шамоне — скобяные изделия, аркебузы, застежки на крючках, петли, шпоры, напильники и утварь, необходимая для сучения или окраски шелка: медные тазы, «сучильные веретена»... Второстепенные центры посвящали свои усилия производству гвоздей (скажем, Сен-Поль-ан-Жаре, Сен-Мартен, Сен-Ромен, Сен-Дидье); в Тернуаре изготовлялся скобяной товар; в Сен-Сенфорьене — «ulles, или чугунные горшки»; в Сент-Андре — земледельческие орудия: заступы, металлические части для сох. Чуть дальше, в Вивероле, производились «колокольцы для мулов» (возможно, именно отсюда происходили те колокольчики, что вывозили за пределы королевства итальянские купцы в Лионе). Славу Сен-Бонне-ле-Шато составило изготовление «ножниц для стрижки» (овец)¹⁴⁴.

Ремесленники, например гвоздильщики, сами доставляли свой товар в большой город на вьючных животных, дополняя их груз небольшим количеством угля. Это доказывает, что данное производство использовало каменный уголь, что Лион знал его применение для отопления домов (и даже для известковых печей квартала Вэз), что готовые изделия металлургического производства обращались лучше (или менее плохо), нежели полуфабрикат, сырое железо.

Рассмотрим ли мы многочисленные предприятия по производству скобяных изделий в Нюрнберге и вокруг города, работу шведской металлургии в XVII в., взлет уральской промышленности в XVIII в. или особенности металлургического производства Бискайи или района Льежа, везде мы в состоянии констатировать одно и то же — незначительные размеры производственных единиц, их относительную распыленность и транспортные трудности. Концентрация существовала только там, где имелся речной или морской путь, — на Рейне, на Балтике, на Маасе, в Бискайском заливе, на Урале. Расположение Бискайи на берегу океана, наличие гор с их быстрыми водными потоками, буковых лесов и богатых месторождений руды объясняет существование там значительного металлургического производства. Вплоть до середины XVIII в. Испания еще продавала свое железо Англии, и, как раз используя испанское железо, англичане снаряжали корабли, которые сражались на морях с испанским флотом¹⁴⁵.

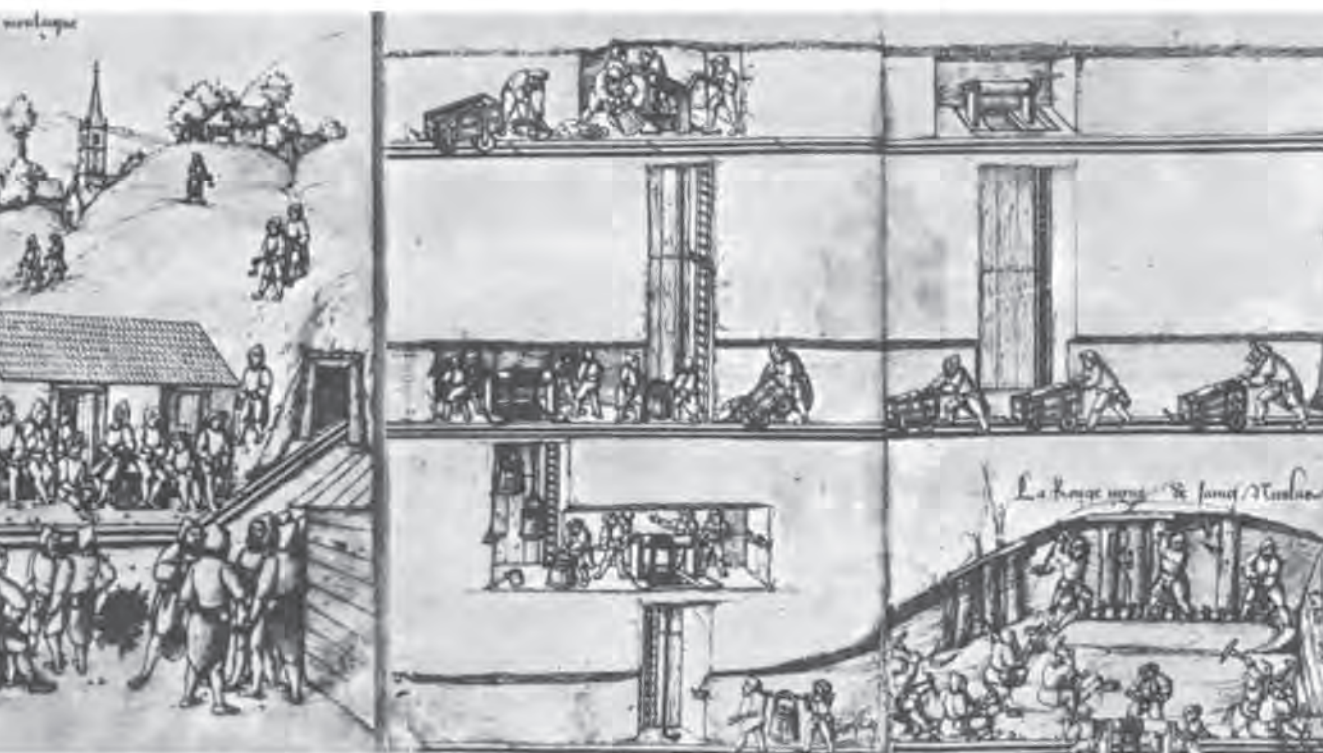
Постоялый двор XV в.
Сидящие за столом
люди развесили позади
себя свое вооружение.
Фреска из замка Иссонь.

НЕМНОГО ЦИФР

Мы говорили, что называемая примерно для 1800 г. величина в 2 млн. тонн для мирового производства железа наверняка чрезмерно велика. Если предположить, что до промышленной революции такое мировое производство вдвое или втрое превосходило европейское, то ведь последнее лишь ненамного превышало около 1525 г. 100 тыс. тонн (по данным Дж. Нефа); около 1540 г., по мнению С. Куровского (у которого мы заимствовали также и последующие цифры), оно составило 150 тыс. тонн; в 1700 г. — 180 тыс. тонн (из них 12 тыс. тонн приходилось на Англию и 50 тыс. — на Швецию); в 1750 г. — 250 тыс. тонн (в том числе 22 тыс. — в Англии и 25 тыс. — в России); около 1790 г. — 600 тыс. тонн (из них 80 тыс. — в Англии, 125 тыс. — во Франции, 90 тыс. — в Швеции и 120 тыс. тонн в России)¹⁴⁶. В 1810 г. все европейское производство не превышало еще 1100 тыс. тонн, а в 1840 г. — 2800 тыс. тонн, из которых примерно половину давала Англия. Но тогда первая промышленная революция была уже в разгаре.

В 70-х годах XX в. Европа в *широком смысле* давала 720 млн. тонн стали. Это все равно, что сказать, что на всем хронологическом отрезке, охватываемом настоящей книгой, еще не наступил железный век. Возвратиться назад, за великий порог промышленной революции, и продолжать двигаться в глубину времени означает увидеть уменьшение роли железа и отвести

¹⁴⁶ Heckscher E. *Op. cit.*, статистическая таблица вне текста.

Серебряные рудники в Ла-Круа-де-Лоррэн в Вогезах, первая половина XVI в. Шахты, лестницы, лебедки, тележки для перевозки руды. Эти рудники в поселке Ла-Круа разрабатывались до 1670 г. Национальная библиотека, Кабинет эстампов.

ему то скромное место, которое представляется нам при Старом порядке правилом. И в конечном счете обнаружить в начале пути гомеровскую эпоху, когда панцирь воина «стоил три пары быков, меч – семь, а удила для лошади – больше, чем само животное»¹⁴⁷. «Наша» эпоха, та, которую рассматривает эта книга, была еще от одного своего конца до другого под властью вездесущего дерева.

ПРОЧИЕ МЕТАЛЛЫ

Как историки, мы имеем обыкновение ставить на первое место предметы массового производства или обмена – не пряности, а сахар или, еще лучше, пшеницу, не редкие или драгоценные металлы, а железо, основу повседневной жизни даже в те века, когда еще мало были заинтересованы в его применении. Взгляд этот справедлив в отношении редких, да к тому же и очень незначительно употреблявшихся металлов: сурьмы, олова, свинца, цинка; последний вообще стали использовать лишь в конце XVIII в. Но не разрешен – и далек от разрешения! – спор относительно драгоценных металлов, золота и серебра. Они стали объектом таких спекуляций, таких предприятий, каких не знало железо, этот своего рода «пролетарий». Именно ради серебра были проявлены чудеса изобретательности, о которых нам повествуют прекрасные схемы к книге Агриколы о горном деле или какой-нибудь впечатляющий разрез шахт и штолен в Сент-Мари-о-Мин, в Вогезах. Ради серебра были обустроены ценнейшие ртутные месторождения в Альмадене в Испании (ме-

¹⁴⁷ Uccelli A. *Storia della tecnica*. 1945, p. 87.

тод амальгамирования сделал из серебра с XV, а особенно с XVI в. металл, добываемый в промышленных масштабах). Серебро служило стимулом прогресса в горном деле (штольни, водоотлив, вентиляция).

Можно было бы даже утверждать, что медь играла тогда равную роль с железом, даже была более важна. Бронзовые орудия были «аристократами» среди артиллерийских орудий. В XVIII в. стала общепринятой обшивка медью корабельных корпусов. С XV в. двойной переплав меди с использованием свинца выделял серебро, примешанное к медной руде. Медь была третьим монетным металлом наряду с золотом и серебром. Ей благоприятствовала к тому же сравнительная легкость металлургической переработки (отражательная печь может давать ежедневно 30 тонн меди). Способствовал распространению меди и ранний капитализм, чем объяснялись стремительный рост мансфельдских медных рудников в Саксонии в XVI в., позднее, в XVII в., — бум шведской меди и, наконец, колоссальная спекуляция, объектом которой стала в тот же период японская медь, перевозку которой монополизировала голландская Ост-Индская компания. Жак Кёр и в еще большей степени Фуггеры были «медными королями». Даже в последующие столетия на амстердамской бирже можно было играть на медь, что называется с закрытыми глазами.

ТЕХНИЧЕСКИЕ РЕВОЛЮЦИИ И ТЕХНИЧЕСКАЯ ОТСТАЛОСТЬ

Такова была косность технических основ. Инновации пробились между ними медленно. Изобретение артиллерии, книгопечатания, начало океанских плаваний были в XV–XVIII вв. великими техническими революциями. Но это только говорится так. Ни одна из этих революций не свершалась, так сказать, га-лопом. И только последняя из них в конечном счете нарушила равновесие, создала в мире некую «асимметрию». Обычно все в конце концов распространялось: и арабские цифры, и порох, и компас, и бумага, и шелковичный червь, и книгопечатание ... Ни одна из инноваций не оставалась на службе какой-то одной человеческой группы, одного государства, одной цивилизации, либо требовалось, чтобы другие не испытывали в ней настоящей необходимости. Технические нововведения утверждались так медленно, что у соседа бывало время и подивиться им, и по-лучше с ними познакомиться. Артиллерия появилась на Западе *незадолго* до битвы при Креси, а вернее – при осаде Кале в 1347 г., однако важнейшим средством ведения европейских войн она станет лишь начиная с Итальянского похода Карла VIII в сентябре 1494 г., после полутора столетий знакомства понаслы-шке, «вынашивания», экспериментов.

Отдельные секторы экономики оставались особенно подвер-жены застою. Снова и снова мы будем сталкиваться с замед-ленными темпами, с приводящей в отчаяние неспособностью к быстрым переменам видоизмененного, но еще не ликвидиро-ванного Старого порядка – как в сфере транспорта (хотя на-чиная с Магеллана мир впервые осознал свое морское един-ство), так и в области земледелия, где успехи революционного характера затронули лишь ограниченные секторы и терялись среди массы рутинных приемов.

ТРИ ВЕЛИКИХ ТЕХНИЧЕСКИХ НОВШЕСТВА

ИЗОБРЕТЕНИЕ ПОРОХА

«Западный» национализм побуждает историков науки и техники отрицать или преуменьшать заимствования Европы у Китая. Что бы ни утверждал Альдо Миели, прекрасный, впрочем, специалист по истории точных наук, изобретение китайцами пороха вовсе не «легенда»¹. С IX в. н. э. они изготавливали его из селитры, серы и толченого древесного угля. Равным образом первые образцы китайского огнестрельного оружия, по всей видимости, восходят к XI в.; но первая датированная китайская пушка относится лишь к 1356 г.²

Имело ли место независимое параллельное открытие на Западе? Изобретение пороха бесосновательно приписывали самому великому Роджеру Бэкону (1214–1293 гг.). С полной достоверностью пушка появилась во Фландрии около 1314 или 1319 г., в Меце – в 1324 г., во Флоренции – в 1326 г., в Англии – в 1327 г.³, при осаде Чивидале во Фриуле – в 1331 г.⁴ Может быть, она уже применялась на поле битвы при Креси (1346 г.), где, по словам Фруассара, «бомбардиры» англичан только «повергли в изумление» французов Филиппа VI Валуа. Более достоверно, что Эдуард III применил ее на следующий год у Кале⁵. Но новое оружие пошло в ход по-настоящему лишь в следующем веке, во время полных драматизма гуситских войн в самом центре Европы: с 1427 г. у повстанцев были повозки с легкими артиллерийскими орудиями. Наконец, артиллерия сыграла решающую роль в конце войн Карла VII против англичан – на сей раз к выгоде прежних побежденных и спустя доброе столетие после Кале. Такое возросшее значение ее связано было с изобретением около 1420 г. зернистого пороха, обеспечивавшего мгновенное

¹ Mieli A. *Panorama general de historia de la ciencia*. II, 1946, p. 238, note 16.

² Cipolla C. M. *Guns and sails in the early Phase of European Expansion 1400–1700*. 1965, p. 104.

³ *Storia della tecnologia*.

P.p. C. Singer, II, p. 739.

⁴ Lütge F. *Deutsche Sozial-und Wirtschaftsgeschichte*. 1966, S. 209.

⁵ *Storia della tecnologia*. P.p. C. Singer, p. 739.

Только что
родившаяся
артиллерия в упор
бомбардирует стены
городов. Миниатюра
из: Martial de Paris
(dit d'Auvergne). *Vigiles
de Charles VII*. 1484 г.
Национальная
библиотека. Париж

и надежное сгорание, чего не давали прежние смеси, в которых плотность вещества исключала даже малейший доступ воздуха⁶.

Не будем, однако, воображать, будто речь шла о постоянном применении. Нам более или менее известно, что с XIV в. артиллерия играла какую-то роль в Испании и в Северной Африке. Но вот мы оказываемся в 1457 г. в стенах Сеуты на марокканском побережье, в этом имевшем решающее значение городе, который португальцы удерживали с 1415 г. и который снова и снова атаковали мавры. Послушаем солдата – искателя приключений, добравшегося сюда, дабы сразиться с неверными: «Мы достаточно успешно стреляли в них из наших машин камнями... Мавры со своей стороны имели стрелков, вооруженных луками и пращами... И в течение всего дня они еще стреляли из нескольких катапульти»⁷. И тем не менее четырем годами раньше, в 1453 г., турки под стенами Константинополя применили против города чудовищную бомбарду... Но в самой Испании во время осады Бургоса в 1475–1476 гг. все еще использовали камнеметы-требуше. К этим подробностям можно добавить, что в Египте около 1248 г. знали селитру под названием «китайского снега», пушки наверняка были в употреблении в Каире с 1366 г., а в Александрии – в 1376-м, что в 1389 г. они были обычным явлением в Египте и Сирии. Такая хронология (Кале – 1347 г., Китай – 1356 г. и т. д.) все же не устанавливает приоритета того или другого партнера в том, что касается изобретения пушки. Однако Карло Чиполла считает, что в начале XV в. китайская пушка не уступала европейской и даже превосходила ее. Но к концу века европейская артиллерия стала намного лучше всего, что смогла изготовить Азия. Отсюда и тот смешанный с удивлением страх, который вызвало в XVI в. появление на Дальнем Востоке европейских орудий⁸. В целом китайская артиллерия не сумела или не смогла перестроиться, приспособиться к потребностям войны. Один путешественник отмечал в 1630 г., что в предместьях китайских городов «льют пушки, но не имеют ни опыта, ни сноровки в пользовании ими»⁹.

Артиллерия становится мобильной

Поначалу артиллерийские орудия были короткоствольным легким оружием, скупо обеспеченным порохом (последний был редок и стоил дорого). И не всегда точно известно, что на самом деле следует понимать под обозначавшими их названиями. Скажем, термин «*рибадекен*» («*ribaudequin*») будет обозначать комплект соединенных друг с другом стволов, аналогичных стволам аркебузы, так что его сравнивали с митральезой!

Затем орудия увеличились в размере: в среднем со 136 до 272 кг в правление Ричарда II (1376–1400 гг.), судя по образцам, сохранившимся в лондонском Тауэре. В XV в. это бывали иной раз огромные бомбарды, вроде немецких «*громовых ружей*» (*Donnerbüchsen*) – чудовищных бронзовых труб, уложенных на деревянные люльки, орудий, передвижение которых ставило по-

⁶ White L. *Medieval Technology and Social Change*. 1962, p. 101.

⁷ Ehingen J. *Viage... – Viajes extranjeros por España y Portugal*. P.p. J. Garcia Mendoza, 1952, p. 245.

⁸ Cipolla C. M. *Op. cit.*, p. 106–107.

⁹ Renneville C. *Voyages*. *Op. cit.*, V, p. 43.

Артиллерия становится мобильной. Полевые пушки Карла VIII, установленные на подвижный лафет, сопровождают армию, движущуюся по итальянским дорогам. Национальная библиотека. Париж.

что неразрешимые задачи. Чудо-пушка «Страус» (*der Strauss*), которую в 1499 г. город Страсбург предоставил в распоряжение императора Максимилиана для приведения к повиновению швейцарских кантонов, двигалась настолько медленно, что едва ускользнула от рук противника. И более обыденный пример: в марте 1500 г. Лодовико Моро заказал в Германии «шесть стволов тяжелой артиллерии» — по пути в Милан два из них разбились¹⁰.

Еще до этого времени зародилась сравнительно мобильная артиллерия значительного калибра, способная следовать за передвижениями войск: таковы были пушки братьев Бюро, орудие побед Карла VII при Форминьи (1450 г.) и при Кастильоне (1453 г.). Подвижная артиллерия с бычьими запряжками существовала в Италии: мы видим ее в незначительной стычке у Молиначелы в 1467 г.¹¹ Но только в сентябре 1494 г., вместе с Карлом VIII, пришла в Италию пушка, поставленная, к ужасу благоразумных людей, на лафет, с запряжкой сильных лошадей. Она стреляла чугунными ядрами, не каменными; применение

¹⁰ Sanudo M. *Diarii*, III, 170 sq.

¹¹ См. раздел, написанный М. Молла (Mollat M.), в: *Histoire du Moyen Age*. Éd. p. E. Perroy, p. 463.

таких ядер быстро сделалось всеобщим, и снаряды эти нацеливались уже не только на дома осажденного города, но и на его стены. Ни один укрепленный город, где до того все дело заключалось в том, чтобы защитить или сдать ворота, не мог выстоять перед такими бомбардировками в упор. Ибо орудия подвозили к самому подножию стен, на внешний край рва, и сразу же помещали в укрытия — «под навесь», как говорит Жан д'Отон, хронист Людовика XII.

Появление этой силы означало для укрепленных городов более трех десятков лет хронической слабости: их укрепления рушились, как театральные декорации. Но мало-помалу нашлись и контрмеры, хрупкие каменные укрепления уступили место толстым земляным сооружениям, чуть приподнятым над поверхностью земли; ядра увязали в них, не причиняя никакого вреда. А на самых высоких площадках, *кавальерах*, стали размещать оборонительную артиллерию. Около 1530 г. Меркурио Гаттинара, канцлер Карла V, утверждал, что достаточно 50 артиллерийских орудий, чтобы обезопасить от посягательств французов превосходство императора в Италии¹². Разве же в 1525 г. крепость Павия не задержала армию Франциска I, которую 24 февраля имперские войска внезапно атаковали с тыла? Точно так же устоял Марсель перед Карлом V в 1524 и 1536 гг., Вена — перед турками в 1529 г., а позднее, в 1552–1553 гг., — Мец перед имперской армией. Не то чтобы города нельзя было уже брать внезапной атакой, как, скажем, Дюрен в 1544 г., Кале в 1558 г. или Амьен в 1596 г. Но уже как бы предчувствовался реванш крепости, наступление эпохи научно разработанной тактики осады и обороны, с которой резко (но намного позднее) поворот стратегия Фридриха II, а затем Наполеона, которых интересовало прежде всего не взятие городов, а уничтожение живой силы противника.

Однако артиллерия понемногу совершенствовалась. Она стала рациональнее, будучи сведена Карлом V в 1544 г. к семи калибрам, а Генрихом II — к шести. Самые крупные, предназначавшиеся для осад и обороны городов, стреляли на 900 шагов; прочие, так называемые «полевые», — только на 400¹³. Дальнейшее развитие будет медленным: например, во Франции система генерала де Вальера, восходящая к временам Людовика XV, продержится вплоть до реформы Грибовала (1776 г.), чьи великолепные пушки пройдут через все войны Революции и Империи.

Артиллерия на борту кораблей

Пушка очень рано обосновалась на кораблях, но и здесь — каким-то причудливым, озадачивающим образом. Уже в 1338 г., следовательно до Креси, орудия были на борту английского корабля «Мэри оф Тауэр». Но три десятилетия спустя, в 1372 г., на траверзе Ла-Рошели «40 больших кастильских нефов» уничтожили огнем своих пушек английские корабли, все лишённые артиллерии и неспособные защищаться¹⁴. Но ведь, как считают специалисты, артиллерийское вооружение английских кораблей

¹² Brandi K. *Kaiser Karl V*. 1937, p. 132.

¹³ Sombart W. *Krieg und Kapitalismus*. *Op. cit.*, S. 84–85.

¹⁴ *Chroniques de Froissart*. Éd. 1888, VIII, p. 37 sq.

Артиллерия на борту кораблей: неф под флагом с гербом адмирала Луи Мале, сьера де Гравиля (ум. в 1516 г.). Миниатюра из: Olivier de la Marche. *Le Chevalier délibéré*, Ms. №507. Музей Конде. Шантильи. (Фото Жиродона.)

стало правилом около 1373 г.! Ничто не доказывает, что на борту галер венецианской Синьории во время беспощадных войн с Генуей около 1378 г. была корабельная артиллерия. Но к 1440 г., а может быть, и раньше, это было уже свершившимся фактом, как, вне сомнения, и на турецких кораблях. Во всяком случае, в 1498 г. около острова Митилена турецкий корабль (*schierazo*) водоизмещением более 300 *botte* (150 тонн), столкнувшись с четырьмя венецианскими галерами, обстрелял их из бомбард и благодаря более действенному огню трижды поразил цели каменными ядрами, в том числе одним весом в 85 фунтов¹⁵.

Конечно же, такое внедрение происходило не в один день и не без затруднений. До 1550 г. (дата приблизительная) на море не было длинноствольных пушек для стрельбы прямой наводкой и настильного огня; орудийные порты в XVI в.

¹⁵ Sanudo M. *Op. cit.*, I, 1879, col. 1071–1072.

еще не устраивались регулярно в бортах кораблей с круглыми обводами. Какой бы ни бывала опасность, вооруженные суда существовали рядом с невооруженными. Я говорил о неудаче англичан перед Ла-Рошелю в 1372 г. Но в то время как французские каперы в Атлантике имели около 1520 г. артиллерию, португальские торговые суда были ее лишены. И это в 1520 г.!

Однако рост каперства в XVI в. в скором времени заставит все корабли иметь собственные орудия и артиллеристов специально для их обслуживания. Военные корабли и торговые суда почти не отличались друг от друга: вооружены бывали все. Отсюда проистекали в XVII в. странные споры о морской этикете. Ибо во времена Людовика XIV военные корабли имели право на особый салют при входе в порты при условии (о котором и шли споры) не иметь на борту товара, а ведь все они имели коммерческий груз.

Это сделавшееся всеобщим корабельное вооружение скоро стало подчиняться более или менее твердым правилам: столько-то человек экипажа и столько-то стволов на тонну водоизмещения. С XVI в. и даже еще в XVII в. это составляло одно орудие на 10 тонн. Так что об английском корабле, ставшем в апреле 1638 г. на якорь у Бендер-Аббаса, у пышущего жаром побережья Ирана, мы можем сказать, что он был недовооружен: всего 24 пушки на 300 тонн водоизмещения. Вполне очевидно, что то была грубая норма: бывает корабль и корабль, пушка и пушка; есть и много других критериев вооруженности, пусть это будет хотя бы число людей на борту. На Средиземном море, а вскоре и на бесконечных путях в Индию английские корабли с конца XVI в. обычно бывали сверхвооружены, имея на борту больше людей и пушек, чем остальные; не загроможденные товарами, их коридоры позволяли защищаться с большим проворством. Таковы были некоторые причины их успехов¹⁶.

Были и другие. Долгое время крупный корабль господствовал на морях, ибо был более надежен, лучше защищен и имел больше пушек, притом большего калибра. А в XVI в. небольшие корабли проделали головокружительную карьеру как *торговые суда*, потому что они быстро грузились и не дремали в портах, и как *военные корабли*, потому что смогли лучше вооружиться. Именно это объяснял кардиналу Ришелье в ноябре 1626 г. шевалье де Разийи: «Ежели кто ставил на первое место устрашающие крупные корабли, так это потому, что они несут крупные пушки, а корабли среднего размера могли нести лишь небольшие, каковые не могут пробить борт большого корабля. Но ныне сие [крупные пушки на среднетоннажных кораблях] образует квинтэссенцию морской мощи, настолько, что корабль в две сотни тонн несет пушки такого же крупного калибра, что и корабль восьмисоттонный»¹⁷. В случае столкновения крупный корабль даже рисковал быть побежденным: легче управляемый и более быстроходный малый корабль мог его поражать по своему усмотрению с его мертвых курсовых углов. На всех морях мира удача голландцев и англичан была удачей кораблей не-большого и среднего тоннажа.

¹⁶ Davis R. *Influences de l'Angleterre sur le déclin de Venise au XVIIe siècle. — Decadenza economica Veneziana nel secolo XVII*. 1957. p. 214–215.

¹⁷ Памятная записка шевалье де Разийи — кардиналу де Ришелье, 26 ноября 1626 г. (В. N., Ms. n.a., 9389, f° 66 v°).

Ощетинившийся пушками флагманский корабль адмирала де Рюйтера (1607–1676 гг.) «Де Зевен Провинсиен». Государственный музей. Амстердам.

АРКЕБУЗЫ, МУШКЕТЫ, РУЖЬЯ

Невозможно сказать, когда точно появилась аркебуза, несомненно к концу XV в., а практически – в первые годы XVI в. По словам *Le Loyal Serviteur*, при осаде Брешии в 1512 г. ее защитники «начали стрелять из своих пушек и аркебутов [sic!] так, что ядра и пули летали, как мухи»¹⁸. Именно аркебузы, а не бомбарды или кулеврины одержали верх над рыцарями былых времен. Укрепленным замкам и одно время – городам приходилось плохо от артиллерии. Благородного сеньера Баярда уложил в 1524 г. именно аркебузный выстрел. «Да сотворил бы господь так, чтобы это злосчастное орудие никогда не было изобретено!» – воскликнул позднее Монлюк, который рассказывает, что в 1527 г. он набирал в Гаскони 700–800 человек для экспедиции де Лотрека против Неаполя, которой предстояло так плохо закончиться. «Что мне и удалось сделать, – продолжает он, – за несколько дней... И было среди них четыре или пять сотен аркебузирова, какого их числа в те времена почти что и не было во Франции»¹⁹.

Эти замечания, да и другие создают впечатление, что армии, служившие Франции, в начале этих перемен отставали от немецких, итальянских и особенно – испанских войск. Прежде всего,

¹⁸ *Le Loyal Serviteur. La Très Joyeuse et Très Plaisante Histoire... de Bayard. Op. cit., éd. 1872, p. 280.*

¹⁹ *Monluc B. Commentaires. Éd. Pléiade, 1965, p. 34, 46.*

французское название было с самого начала скалькировано с немецкого слова *Hackenbüchse* – это дало форму «гакебют» (*haquebute*), а затем с итальянского *archibugio*, давшего форму «аркебуз». Может быть, такие колебания терминологии были характерными. Самые разнообразные причины объясняют разгром французов при Павии в 1525 г., в том числе и тяжелые пули испанских аркебузирив. В дальнейшем французы увеличат число аркебузирив (до одного на двух пикинеров). Герцог Альба пойдет еще дальше и разделит свою пехоту в Нидерландах на две равные по численности группы: столько же аркебузирив, сколько пикинеров. В Германии в 1576 г. это соотношение составляло пять пикинеров на трех аркебузирив.

И в самом деле, невозможно было отказаться от пики, «царицы оружия», как называли ее еще в XVII в., потому что аркебузы, которые требовалось опирать на сошку, заряжать и перезаряжать, у которых следовало зажигать фитиль, были слишком медленны в употреблении. Даже когда аркебузу сменил мушкет, Густав-Адольф еще сохранил на каждом двух мушкетеров одного пикинера. Перемены станут возможны лишь после появления ружья – усовершенствованного мушкета, изобретенного в 1630 г. и поставленного на вооружение французской армии в 1703 г.; после введения в употребление бумажного патрона, который армия Великого Электора знала с 1670 г., а французская – только с 1690 г.; наконец, с принятием на вооружение штыка, который устранил принципиальную двойственность в рядах пехоты. В конце XVII в. вся европейская пехота будет иметь ружье и штык, но на такую эволюцию потребовалось два столетия²⁰.

В Турции дело развивалось еще медленнее. В битве при Лепанто (1571 г.) на турецких галерах было куда больше лучников, нежели аркебузирив. И даже в 1603 г. португальский торговый корабль, подвергшийся нападению турецких галер на траверзе Негропонта (Эвбеи), оказался «до самых марсов утыкан стрелами»²¹.

ПРОИЗВОДСТВО И БЮДЖЕТ

Артиллерия и вообще огнестрельное оружие повлекли за собой огромные изменения в войнах между государствами, в хозяйственной жизни, в капиталистической организации производства вооружения.

Мало-помалу наметилась некоторая концентрация промышленности, хотя и не определившаяся окончательно, ибо военная промышленность оставалась многоотраслевой: тот, кто изготовлял порох, не производил стволы для аркебуз, или холодное оружие, или же крупные артиллерийские орудия. Затем нельзя было по своему желанию сконцентрировать энергию в заданном пункте; за нею приходилось идти по течению рек, через лесистые зоны.

Только богатые государства были способны выдержать баснословные издержки на войны нового образца. Они устранят со сцены независимые крупные города, которые долго удержива-

²⁰ Для двух предшествующих абзацев см.: Sombart W. *Op. cit.*, p. 78 sq.

²¹ Castro M. *Vida del soldado español Miguel de Castro*, 1949, p. 511.

²² Montaigne M. *Journal de voyage en Italie. Op. cit.*, p. 1155.

²³ Braudel F. *Méditerranée*, II, p. 167.

²⁴ Отчет Саворньяна де Бразза для последних лет XVI в. Он находится либо в Государственном архиве, либо в музее Коррер в Венеции.

лись на высоте стоявших перед ними задач. Еще в 1580 г., будучи проездом в Аугсбурге, Монтень восхищался тамошними складами оружия²². В Венеции он мог бы восхищаться Арсеналом — огромной мануфактурой, насчитывавшей в то время до 3 тыс. рабочих, которых ежедневно созывал на работу большой колокол собора св. Марка. Само собой разумеется, что все государства имели свои арсеналы (Франциск I основал их 11, а к концу его царствования в королевстве насчитывалось 13 арсеналов).

Все государства располагали крупными оружейными складами: в Англии в правление Генриха VIII главными из них были лондонский Тауэр, Вестминстер и Гринвич. Политика католических королей в Испании опиралась на арсеналы в Медина-дель-Кампо и в Малаге²³. У Великого Турка были свои — в Галате и в Топ-Хане.

Но до промышленной революции европейские арсеналы чаще всего останутся скорее совокупностью мастерских, ремесленных производств, нежели мануфактурами с рационально организованным производством. Часто ремесленники даже работали на арсенал у себя дома, на более или менее значительном расстоянии от него. Разве не было разумной предосторожностью держать пороховые мельницы подальше от городов? Такие мельницы устраивались обычно в гористых или слабо заселенных местностях, скажем в Калабрии, в Эйфельском лесу возле Кёльна, в Берге. В 1576 г., накануне восстания против испанцев, в Мальмеди только что были построены 12 пороховых мельниц. И все эти предприятия, даже те, что в XVIII в. располагались по течению Вуппера, притока Рейна, получали свой древесный уголь из ломкой крушины (*Faulbaum*), которой оказывалось предпочтение перед другими породами деревьев. Уголь надо было растереть с серой и селитрой, а затем просеять, в результате чего получали либо крупный, либо мелкозернистый порох.

Всегда экономные венецианцы упорно использовали менее дорогой крупный порох. Однако было бы лучше, объяснял в 1588 г. суперинтендант крепостей [Республики], «применять один мелкозернистый, как делают англичане, французы, испанцы и турки, у которых, таким образом, есть только один порох для аркебуз и для пушек». У Синьории было тогда на складах 6 млн. фунтов такого крупного пороха, т. е. по 300 выстрелов на каждую из 400 пушек ее крепостей. Чтобы довести запас до 400 выстрелов на орудие, потребовалось бы еще 2 млн. фунтов, а значит, затрата 600 тыс. дукатов. Просеивать этот порох, дабы получить из него мелкозернистый, означало бы увеличение затрат на четверть, т. е. еще на 150 тыс. дукатов. Но, поскольку заряд мелкозернистого пороха был на треть меньше, чем при крупном, замена была бы выгодна и при таких условиях²⁴.

Читатель извинит нас за то, что мы вовлекаем его в эти безнадежно устаревшие бухгалтерские расчеты. Попутно он узнает, что безопасность Венеции требовала пороха самое малое на 1800 тыс. дукатов, т. е. суммы, превышавшей годовые поступления собственно венецианского бюджета. Вот что говорит об

Аркебузиры. Фрагмент фантастического изображения битвы при Павии (1525 г.), картины Рупрехта Хеллера, работавшего в Германии около 1529 г. Национальный музей. Стокгольм.

²⁵ Sombart W. *Op. cit.*, р. 88.

* Тилли Иоганн Церклас (1559–1632 гг.), граф – полководец Тридцатилетней войны 1618–1648 гг. После отставки Валленштейна (1630 г.) был назначен главнокомандующим имперской армии. – Прим. ред.

²⁶ *Ibid.*, р. 93.

огромности военных расходов, даже когда войны не было. И эти цифры с годами росли: в 1588 г. *Непобедимая армада*, отправляясь на север, имела 2431 пушку, 7 тыс. аркебуз, тысячу мушкетов, 123 790 ядер – следовательно, по 50 на орудие – плюс необходимое количество пороха. Но в 1683 г. Франция имела на борту кораблей своего флота 5619 чугунных пушек, а Англия – 8396²⁵.

Появилось металлургическое производство для нужд войны – в Брешии, на венецианской территории, с XV в.; очень рано – в Штирии, вокруг Граца; вокруг Кёльна, Регенсбурга, Нёрдлингена, Нюрнберга, Зуля (здешний германский арсенал вплоть до его разрушения Тилли * в 1634 г. был самым значительным центром военного производства в Европе)²⁶; в Сент-Этьенне, где в 1605 г. в «мощном арсенале хромого супруга Венеры» насчитывалось больше 700 рабочих. Не говоря уже о шведских доменных печах, построенных в XVII в. с участием голландского или английского капитала; тамошние заводы де Геера окажутся способны сразу же, или почти сразу, поставить 400 артиллерийских орудий, которые позволят Соединенным Провинциям в

²⁷ Breedvelt van Veen F. *Louis de Geer 1587–1655*

(на нидерландском языке), 1935, р. 40. 84.

²⁸ Около 1555 г. (?)

Прежняя серия «К» Национального архива в Париже, переданная в Симанкас.

²⁹ Braudel F. *Médit...*, II, р. 168.

1627 г. остановить продвижение испанцев к югу от Рейнской дельты²⁷.

Расцвет огнестрельного оружия стимулировал рост производства меди, пока пушки лили из бронзы, используя те же приемы, что и при литье церковных колоколов (с XV в. был уже известен отличавшийся от колокольного добрый сплав: 8 частей олова на 92 части меди). Однако с XVI в. появились железные, на самом деле – чугунные пушки. Из 2431 пушки *Непобедимой армады* 934 были чугунные. Эта дешевая пушка заменит дорогостоящие бронзовые орудия и будет изготавливаться в больших масштабах. Существовала связь между развитием артиллерии и развитием доменных печей (например, тех, что Кольбер построил у нас в Дофине).

Но артиллерия требует расходов не только на свое производство и снабжение боеприпасами; дорого стоит и ее содержание, ее перемещение. *Ежемесячные* эксплуатационные затраты на те 50 орудий – пушек, полупушек, кулеврин, серпантин, – которые испанцы в 1554 г. имели в Нидерландах, составляли больше 40 тыс. дукатов. Так вот для того, чтобы привести эту массу в движение, требовались «малый обоз» из 473 лошадей для одних только всадников плюс «большой обоз» с 1014 лошадьми да еще 575 повозок, запряженных каждая четверней; следовательно, всего 4777 лошадей, что дает почти 90 лошадей на орудие²⁸. Заметим, что в это же время содержание одной галеры стоило приблизительно 500 дукатов в месяц²⁹.

Артиллерия в масштабах всего мира

В мировом масштабе техника имеет значение сама по себе, но важен также и способ ее использования. Турки, столь искусные в земляных работах, не знавшие себе равных в минной войне во время осад, такие хорошие артиллеристы, не смогли около 1550 г. освоить тяжелые одноручные кавалерийские пистолеты³⁰. Больше того, по словам очевидца, наблюдавшего их в 1565 г. при осаде Мальты, они «не так быстро перезаряжают свои аркебузы, как перезаряжаются наши». Родриго Виверо, восхищавшийся японцами, отмечал, что они не умели пользоваться своей артиллерией, и добавлял, что японская селитра превосходна, но порох у японцев неважный. Это же писал в 1626 г. отец де Лас Кортес о китайцах: они выпускают пули из своих аркебуз, используя недостаточный заряд пороха³¹. А порох этот, скажет позднее другой очевидец, плохой, грубый, пригодный самое большее для салютов. В Южном Китае (речь идет о 1695 г.) торговля с европейцами привела к появлению «ружей в семь ладоней длиною, каковые стреляют весьма малой пулей; но то скорее для развлечения, нежели для дела»³².

На Западе сразу же оценили важность артиллерийских школ, которые были часты в городах, особенно в тех, которые знали, что находятся под угрозой. Обучавшиеся в них подмастерья-пушкари каждое воскресенье отправлялись на стрельбище и возвращались оттуда с оркестром во главе. Несмотря на огромный спрос, Европа никогда не будет испытывать недостатка в артил-

³⁰ *Ibid.*, II, р. 134.

³¹ P. de Las Cortes.

Relación del viaje, naufragio y captiverio ... 1621–1626. British Museum, Sloane, 1005.

³² Gemelli Careri G. F. *Voyage du tour du monde*, IV, р. 374.

леристах, аркебузирах, литейщиках. Иные из них странствовали по свету, появляясь в Турции, в Северной Африке, в Иране, Индии, Сиаме, Индонезии, в Московской Руси. В Индии вплоть до смерти Аурангзеба (1707 г.) канонирами Великих Моголов были европейские наемники. Только после этого они будут заменены мусульманами, и притом замена окажется неравноценной.

Благодаря такому ходу событий техника в конечном счете служила и тем и другим. Это более или менее верно для Европы, где успехи компенсировали неудачи. Если в 1643 г. битва при Рокруа ознаменовала триумф французской артиллерии (в чем я не уверен), то в самом лучшем случае это была выплата долга – вспомните об аркебузах при Павии. Артиллерия, конечно же, не создавала постоянного неравенства военной мощи к выгоде того или иного государя. Она способствовала увеличению стоимости войны, следовательно, эффективности государственной власти и наверняка – доходам предпринимателей. В мировом масштабе она обеспечила Европе преимущество на дальневосточных морских окраинах и в Америке, где пушка использовалась мало, но зато аркебузный порох сказал свое слово.

Тем не менее что касается стран ислама, то они разделяли успехи с европейцами. Применению артиллерии были обязаны испанцы взятием Гранады (1492 г.) и занятием североафриканских пресидиос (1497, 1505, 1509–1510 гг.). Точно так же использованию артиллерии был обязан отвоеванием у мусульман Казани (1552 г.) и Астрахани (1556 г.) Иван Грозный. Но были и ответные удары со стороны турок: взятие Константинополя (1453 г.), Белграда (1521 г.), победа при Мохаче (1526 г.). Турецкие воины снабжались за счет христианской артиллерии – с 1521 по 1541 г. в Венгрии было захвачено 5 тыс. орудий. Турки использовали свою огневую мощь ужасающим для того времени образом: при Мохаче турецкая артиллерия, сосредоточенная в центре боевого порядка, разорвала надвое венгерский строй. В 1565 г. на защитников Мальты было обрушено 60 тыс. ядер, а на Фамагусту в 1571–1572 гг. – 118 тыс. И более того, артиллерия дала туркам подавляющее превосходство над остальным мусульманским миром (Сирией в 1516 г., Египтом в 1517 г.) и в их борьбе с Ираном: в 1548 г. крупный персидский город Тебриз пал после восьмидневной бомбардировки. Запишем в актив артиллерии и поход Бабура, который в 1526 г. в битве при Панипате благодаря своим пушкам и аркебузам разгромил Делийский султанат. И небольшое происшествие 1636 г.: три португальские пушки, установленные на Великой китайской стене, обращают в бегство маньчжурское войско, продлив существование минского Китая примерно на десять лет.

Этот перечень неполон, однако мы можем подвести итоги. Принимая во внимание все продвижения и отступления, артиллерия не поколебала границы крупных культурных комплексов: ислам остался там же, где он и был, Дальний Восток не был глубоко затронут, а Плесси – это ведь уже 1757 г. Главное, что артиллерия сама собой мало-помалу распространилась повсюду, вплоть до того, что с 1554 г. она появилась на кораблях японских пиратов. А в XVIII в. не было такого малайского пирата, который не имел бы пушек на борту.

ОТ ИЗОБРЕТЕНИЯ БУМАГИ
К КНИГОПЕЧАТАНИЮ

- ³³ Blum A. *Les Origines du papier, de l'imprimerie et de la gravure*. 1935.
- ³⁴ Febvre L., Martin H. J. *L'Apparition du livre*. 1971. p. 41–42.
- ³⁵ *Ibid.*, p. 42, 47.
- ³⁶ *Ibid.*, p. 47.
- ³⁷ *Ibid.*, p. 20.
- ³⁸ *Ibid.*, p. 36.

Бумага пришла очень издавека, опять-таки из Китая, пройдя через мусульманские страны³³. Первые бумажные мельницы работали в Испании в XII в. Однако европейское бумажное производство по-настоящему началось с Италии в первые годы XIV в. С XIV в. вокруг Фабриано водяное колесо стало приводить в движение толчеи – огромные деревянные песты, или колотушки, снабженные резаками и гвоздями, которые измельчали тряпье³⁴.

Вода служила одновременно и движущей силой, и ингредиентом. Так как изготовление бумаги требует огромных количеств чистой воды, производство ее будут устраивать на быстрых потоках, выше городов, которые угрожают загрязнить эту воду. Венецианская бумага изготовлялась вокруг озера Гарда; очень рано появились бумажные мельницы в Вогезах; так же происходило в Шампани, где крупным центром изготовления ее стал Труа, и еще в Дофине³⁵. В этом расширении бумагоделательного производства большую роль играли итальянские рабочие и итальянские капиталисты. К счастью, старого тряпья в качестве сырья было изобилие: с XIII в. в Европе расширилось выращивание льна и конопли, полотняное белье заняло место прежнего белья из шерсти (когда таковое существовало). Для этих целей могли послужить также и старые канаты (как, скажем, в Генуе)³⁶.

И тем не менее новая отрасль промышленности настолько процветала, что возникали кризисы в снабжении сырьем; между бумагоделами и тряпичниками вспыхивали тяжбы; последние странствовали, привлекаемые большими городами или же славой тряпья той или иной области, например Бургундии.

Бумага не отличалась ни такой прочностью, ни такой красотой, как пергамент; единственное ее преимущество заключалось в ее стоимости. Рукопись в 150 страниц на пергаменте требовала кож дюжины овец³⁷, «что означает, что сама переписка была наименьшей из затрат на изготовление рукописи». Но верно и то, что мягкость нового материала, его однородная поверхность заранее предлагали его в качестве единственно возможного решения проблемы книгопечатания. А что до последнего, то его успех заранее подготавливался всем. С XII в. число читателей в университетах Запада и даже вне их значительно выросло. Жадная до книг клиентура вызвала быстрый рост мастерских переписчиков и настолько увеличила количество правильных списков, что это повлекло за собой поиски способов быстрого их размножения – скажем, воспроизведение миниатюр на кальке, по крайней мере их рисованной основы. Благодаря таким средствам увидели свет настоящие «издания»: до нас дошло 250 списков законченного в 1356 г. «Путешествия де Мандевиля», в том числе 73 – на немецком и голландском, 37 – на французском, 40 – на английском языках, 50 – на латыни³⁸.

ИЗОБРЕТЕНИЕ ПОДВИЖНОГО ШРИФТА

Не так уж важно, кто стал на Западе около середины XV в. изобретателем типографского набора – житель ли Майнца Гутенберг со своими сотрудниками (что остается вероятным), пражанин ли Проккоп Вальдфогель, обосновавшийся в Авиньоне, Костер ли из Гарлема (если он вообще существовал) или, может быть, кто-то неизвестный. Задача заключается скорее в том, чтобы узнать, было или не было это открытие спонтанным изобретением, подражанием или открытием повторным.

Ибо Китай знал книгопечатание с IX в., а в Японии буддистские сочинения печатались в XI в. Но такое раннее книгопечатание с резных деревянных досок, каждая из которых соответствовала одной странице, было бесконечно долгим процессом. Между 1040 и 1050 гг. у некоего Би Шэна родилась революционизирующая идея подвижных литер: эти керамические литеры крепились воском к металлической форме. Они почти не получили распространения, так же как и последовавшие за ними литеры, отлитые из олова, которые слишком быстро снашивались. Но в начале XIV в. использование подвижных деревянных литер сделалось обычным и дошло даже до Туркестана. Наконец, в первой половине XV в., на протяжении полустолетия, предшествовавшего «изобретению» Гутенберга, металлические литеры, усовершенствованные то ли в Китае, то ли в Корее, получили широкое распространение³⁹. Были ли они перенесены на Запад? Именно это предположил Л. Ле Руа, правда в 1576 г., т. е. очень поздно. Португальцы, «которые плавали по всему свету», писал он, привезли из Китая «книги, напечатанные письмом той страны, утверждая, что там их используют давно. Сие побудило иных думать, будто это изобретение было принесено в Германию через Татарию и Московию, а затем передано прочим христианам»⁴⁰. Такая преемственность не доказана. Но было достаточно путешественников, и образованных путешественников, которые совершили поездку в Китай и обратно, для того чтобы европейское происхождение изобретения в принципе оказалось в высшей степени сомнительным.

В любом случае примерно в 1440–1450 гг. сложилось европейское книгопечатание – было ли оно подражанием или повторным открытием, – сложилось не без труда, путем внесения последовательных исправлений, так как подвижные литеры должны были изготавливаться из сплава с правильной дозировкой свинца, олова и сурьмы, чтобы быть достаточно прочными, не будучи чересчур жесткими (а месторождения сурьмы были, по видимому, открыты лишь в XVI в.). Требовались три непрерывные операции: из очень твердой стали изготовить пунсоны, на которые наносится рельеф литеры; проделать ими в медной, изредка – свинцовой, матрице углубление по форме литеры; наконец, залив матрицу сплавом, получить литеру, которая будет исползоваться. Затем нужно будет «набрать», закрепить строки и интерлиньяж, покрыть строки краской и оттиснуть их на бумажном листе. Печатный пресс с поперечиной появился около середины XVI в.; далее, вплоть до XVIII в., он почти не изменится. Главным затруднением было то, что литеры быстро

³⁹ Carter T. F. *The Invention of printing in China and its spread westward*. 1925, *passim*, и в частности, p. 211–218.

⁴⁰ Le Roy L. *De la Vicissitude ou Variété des choses en l'Univers*. 1576, p. 100, цит. по: Etiemble R. *Connaissions-nous la Chine?* 1964, p. 40.

incipit epistola sancti Ieroni-
mi ad Paulinum presbiterum
de omnibus diuine histo-
rie libris

Capitulum
Primum.
Hæc am-
brosius mi-
hi tua munuscula perfectius de-
culis sumul. et suauissimas lite-
ras: que a principio amicitias
fitem iam pbare fidei et veteris
amicitie noua precebebant: De-
ra tñ illa uersatudo est. et xpi
glutius copulata. quã nō uil-
itas rei familiaris. non presen-
tia tantū corporū. non subdola
et palpās adulaō: s; dei timor
et diuinas scripturas studia cō-
niliāt. legim⁹ i ueterib; histori-
is quosdā iustrasse. p̄ntias.
nouas adisse p̄los maria trā-
sisse: ut eos quos ex libris no-
uerant corā q̄ uiderēt. Sic p̄ta-
goras memphiticus uares. sic
plato egipti et archita tarenti-
num tamq; orā p̄talie que quō-
dam magna grecia dicebat. la-
boriosissime pagrauit. ut qui
athenis ingē erat et potens. tu-
ius; doctinas achademiē ḡig-
ualia p̄sonabāt. fieret p̄gein⁹
atq; discipulus malens aliena
uerecūte discere quã sua impu-
denter ingere. Deniq; nū literas
quasi toto orbe fugientes. p̄seq-
tur. raptus apyratis i uenūda-

nis. etiã orāno crudelissio pa-
ruit ductus captiuis uinctus
i secu⁹: Tamē q̄a philosoph⁹:
maior emere se fuit. Ad tyri li-
uū lacteo eloquēcie fonte ma-
natem. de uleimis hispanie gal-
liarūq; s̄ribus quosdā uenisse
nobiles legim⁹. et quos ad cō-
templacionem sui roma non
traxerat. unius hominis fama p-
duxit. Habuit illa etas in audi-
um omnibus sc̄lis celebrādūq;
miraculū: ut urbem tantā in ḡ-
li. aliud exera orbem querecent
Apollonius s̄ue ille magus
ut uulgus loquitur s̄ue philo-
sophus ut pythagorici tradūt: i-
trauit p̄las. p̄ntiuit taurcalū.
albanos. sc̄tas. massagetas.
opulētissima regna indie uene-
rūt. i ad exterritū laūssio philō
ante finitimo puenit ad brag-
manas: ut hyarcas in throno
sedent aureo. et de cantali fōte
porant: inter pauos discipu-
los de natura. de morib; de die-
rū ac syderū cursu. audiret docē-
rem. Inde p̄ elamitas. babiloni-
os. chaldeos. medos. assrios.
parthos. syros. phenices. ara-
bes. palestinos. reuisus alexan-
driā: p̄ regit ethiopiā: ut ḡig-
nosophistas et famosissimam
solis mentā uideret in labulo:
Inuenit ille uir ubiq; qd̄ discē-
ret: i sepe. p̄ficiēs. semp se me-

Первый лист I тома «Библии»,
так называемой тридцатишестистрочной Библии
с живописным орнаментом.
Бамберг, работа Гутенберга, около 1458–1459 гг.
(Фото Национальной библиотеки.)

снашивались; чтобы их заменить, приходилось вновь обращаться к пунсонам, а те изнашивались в свою очередь, и, следовательно, надо было все начинать сначала. Это была настоящая ювелирная работа⁴¹. Ничего нет удивительного в том, что новое изобретение возникло в среде ювелиров, а не пошло, как это считали, от изготовителей ксилографов, этих печатных страниц, оттиснутых с резной деревянной доски, покрытой краской. Наоборот, одно время такие торговцы народными картинками вовевали с новым изобретением. Около 1461 г. Альбрехт Пфистер, бамбергский типограф, в первый раз включил в напечатанную книгу гравюру на дереве. С этого времени конкуренция стала невозможна⁴².

Медленно совершенствовавшееся ремесло печатника еще в XVIII в. было таким же, как при своем появлении, или очень мало от этого отличалось. «Потому что способ, каким печатали в 1787 г., к моменту, когда Франсуа I Амбруаз-Дидо придумал печатный станок, который позволял за один поворот винта отпечатывать *целый лист*,— этот способ был таким, что, приди воскресший Гутенберг в типографию тех времен, когда начинал царствовать Людовик XVI, он бы сразу почувствовал себя там, как дома, если исключить незначительные детали»⁴³.

Изобретение обошло весь мир. Как и канониры в поисках работы, подмастерья-печатники с подручным материалом путешествовали наудачу, где-то обосновываясь при случае и вновь отправляясь в путь, приняв приглашение какого-нибудь нового мецената. Первая напечатанная в Париже книга появилась в 1470 г., в Лионе— в 1473-м, в Пуатье— в 1479-м, в Венеции— в 1470-м, в Неаполе— в 1471-м, в Лувене— в 1473-м, в Кракове— в 1474 г. Больше 110 европейских городов были известны в 1480 г. печатными станками своих типографов. С 1480 по 1500 г. типографское дело завоевало Испанию, распространилось по Германии и Италии, пришло в Скандинавские страны. В 1500 г. 236 городов Европы имели свои печатни⁴⁴.

Для так называемых *инкунабул*— имеются в виду книги, изданные до 1500 г.,— подсчеты дают общий тираж в 20 млн. экземпляров. В Европе тогда было, возможно, 70 млн. жителей. В XVI в. движение ускорилося: 25 тыс. изданий в Париже, 13 тыс.— в Лионе, 45 тыс.— в Германии, 15 тыс.— в Венеции, 10 тыс.— в Англии и, по-видимому, 8 тыс. изданий— в Нидерландах. На каждое издание следует принять средний тираж в тысячу экземпляров, что составит для 140–200 тыс. изданий от 140 до 200 млн. книг. А ведь к концу столетия Европа, до самых ее московских окраин и включая их, едва ли насчитывала намного больше 100 млн. жителей⁴⁵.

Европейские книги и печатные станки вывозились в Африку, в Америку, на Балканы (куда из Венеции пришли бродячие черногорские типографы), в Константинополь, куда беженцы-евреи привезли западные печатные станки. Благодаря португальским плаваниям печатный станок и подвижный шрифт достигли Индии и, конечно же, столичного Гоа (1557 г.), затем, в 1588 г.,— Макао, рядом с Кантоном, и в 1590 г.— Нагасаки⁴⁶. Если это изобретение, действительно, и пришло первоначально из Китая, то в тот момент круг замкнулся.

⁴¹ Febvre L., Martin H. J. *Op. cit.*, p. 60 sq., 72–93.

⁴² *Ibid.*, p. 134.

⁴³ *Ibid.*, p. 15.

⁴⁴ *Ibid.*, p. 262 sq.

⁴⁵ *Ibid.*, p. 368.

⁴⁶ *Ibid.*, p. 301.

КНИГОПЕЧАТАНИЕ И БОЛЬШАЯ ИСТОРИЯ

Книга, предмет роскоши, с самого начала была подчинена жестким законам прибыли, предложения и спроса. Оборудование у типографа обновлялось часто, рабочая сила стоила дорого, затраты на бумагу больше чем вдвое превышали все остальные, фонды окупались медленно. Все ставило типографию в зависимость от кредиторов, скоро сделавшихся хозяевами сети сбыта. С XV в. мир издателей имел своих маленьких «фуггеров»: некоего Бартелеми Бюе (ум. в 1483 г.) в Лионе; Антуана Верара в Париже (хозяин каллиграфической и миниатюрной мастерской, он принял новую технологию и специализировался на выпуске иллюстрированной книги для Франции и Англии); династию Джунта, выходцев из Флоренции; Антона Кобергера в Нюрнберге, возможно самого могущественного издателя своего времени, который с 1473 по 1513 г. выпустил по меньшей мере 236 сочинений; Жана Пти, хозяина парижского книжного рынка в начале XVI в.; Альда Мануция в Венеции (ум. в 1515 г.) или же, в виде последнего примера, Плантагена, который родился в 1514 г. в Турени, а в 1549 г. обосновался в Антверпене, чтобы сделать там хорошо известную карьеру⁴⁷.

⁴⁷ Febvre L.,
Martin H. F. *Op. cit.*,
p. 176–188.

Будучи товаром, книга была связана с дорогами, с перевозками, с ярмарками: Лионской и Франкфуртской в XVI в., Лейпцигской – в XVII в. В целом она была средством господства на службе Запада. Всякая мысль живет контактами, обменом. Книга расширила и ускорила потоки, которые подготовила старинная рукописная книга. Отсюда вытекало и некоторое ускорение, невзирая на сильное противодействие. В XV в., во времена инкунабул, преобладала латынь, а вместе с нею – благочестивая религиозная литература. Лишь в начале XVI в. издания античной литературы на латинском и греческом языках станут служить наступательным целям гуманизма. Несколько позднее книгу взяли на вооружение Реформация, а затем и Контрреформация.

Короче говоря, нельзя сказать, что книга по-настоящему служила. Она все расширила и всему придала дополнительную энергию. Выделить стоит, возможно, одно из последствий. Великим открытием, которое стало начальным толчком математической революции XVII в., оказалось, говоря словами О. Шпенглера, открытие числа-функции – выражения $y = f(x)$ на нашем современном языке. Не могло бы быть функции, если бы не принимались во внимание понятия *бесконечно* малого и *предела*, понятия, которые оба присутствуют уже в архимедовых идеях. А кто знал Архимеда в XVI в.? Немногие избранные. Леонардо да Винчи раз или два гонялся за одной из его рукописей, о которой ему рассказали. Книгопечатание, медленно обращавшееся лицом к научным трудам, понемногу взяло эту задачу на себя: оно постепенно вернуло миру греческую математику и сверх трудов Евклида и Аполлония из Перги (о конических сечениях) сделало доступной для всех всепобеждающую мысль Архимеда.

Лежит ли на таких сравнительно поздних сроках издания ответственность за медленное развитие современной математики в конце XVI и в начале XVII в.? Вполне вероятно. Но без них прогресс мог бы ждать и дольше.

ПОДВИГ ЗАПАДА: ПЛАВАНИЕ В ОТКРЫТОМ ОКЕАНЕ

Покорение открытого океана дало Европе всеобщее превосходство на столетия. На сей раз техника – дальние плавания, создала «асимметрию» во всемирном масштабе, создала привилегированное положение. Распространение Европы по всем морям мира, подобное взрыву, действительно ставит важную проблему: как получилось, что умение плавать в открытом море, будучи однажды продемонстрировано, не стало *общим достоянием* всех морских цивилизаций мира? В принципе все они могли вступить в соревнование. А осталась на «дистанции» одна только Европа.

ФЛОТЫ СТАРОГО СВЕТА

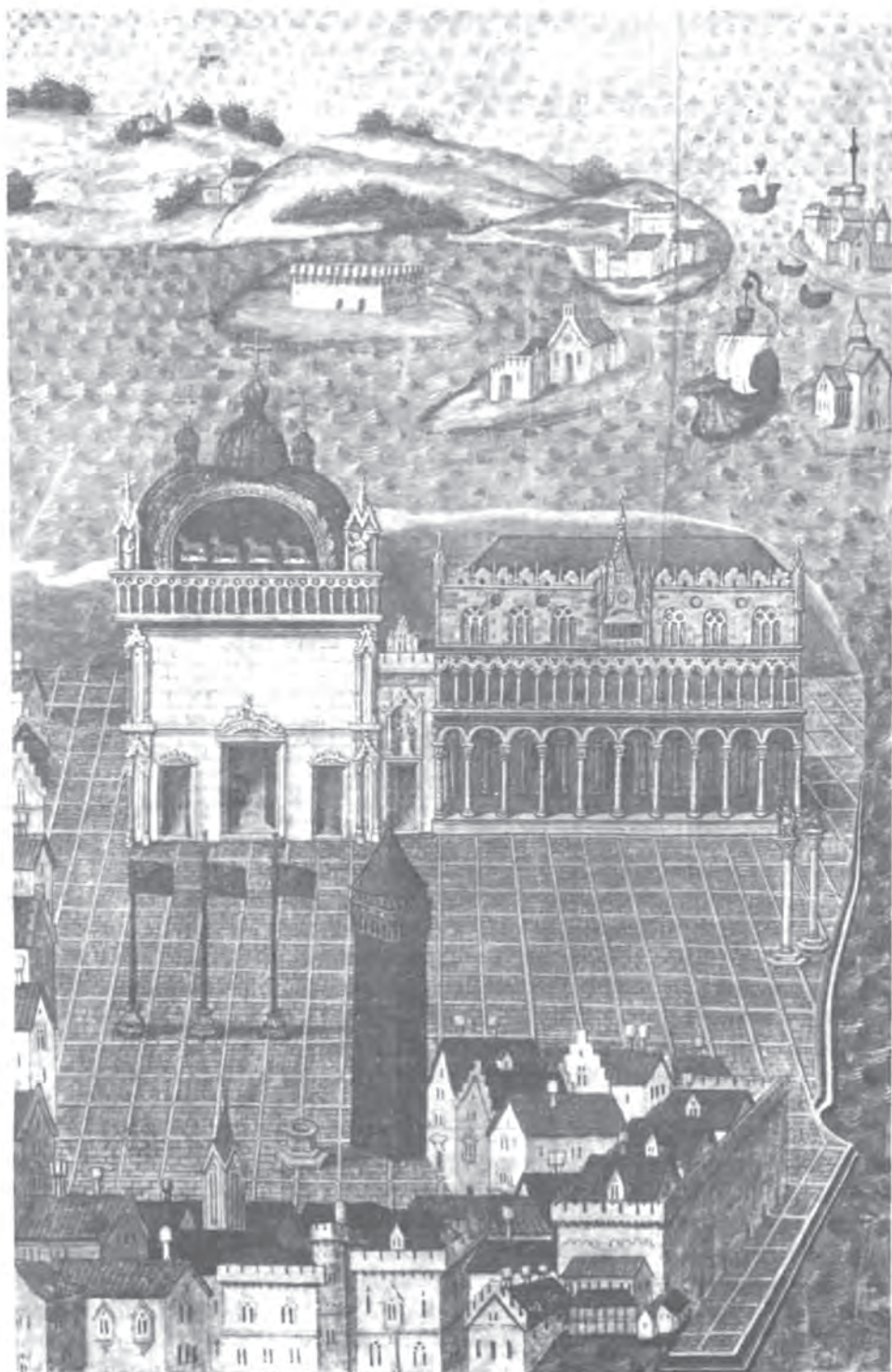
Факт этот тем более неожидан, что морские цивилизации с незапамятных времен знали друг друга, и, примыкая одна к другой, они шли через весь Старый Свет сплошной полосой от европейской Атлантики до Индийского океана, Индонезии и прибрежных морей Тихого океана. Жан Пужад считает, что Средиземное море и Индийский океан образуют лишь обширную часть [единого] моря, то, что он определяет удачным выражением «путь в Индии»⁴⁸. В самом деле, «путь в Индии», мореходная ось Старого Света, начинался на Балтике и Ла-Манше и шел до Тихого океана испокон веков.

Суэцкий перешеек не разрезал его надвое. К тому же на протяжении веков один из рукавов Нила соединялся с Красным морем, связывая его таким образом со Средиземным, – это был так называемый канал Нехо, тот «Суэцкий канал», что функционировал еще во времена Людовика Святого и был засыпан немного позднее. В начале XVI г. Венеция и египтяне подумывали о том, чтобы открыть его вновь. А кроме того, люди, животные и суда (в разобранном виде) пересекали перешеек. Так было с флотом, который турки спускали в Красное море в 1538, 1539 и 1588 гг.: эти флотилии были доставлены на верблюдах в виде деревянных деталей, которые собрали на месте⁴⁹. Плавание Васко да Гамы (1498 г.) не разрушило эту древнюю общность Европы и Индийского океана, оно прибавило к ней новый путь.

Такое соседство вовсе не обязательно предполагало смешение. Никто больше моряка, где бы он ни находился, не привязан к своей собственной практике. Китайские джонки, несмотря на столько их преимуществ (паруса, поворотный руль, корпус, разделенный на водонепроницаемые отсеки, наличие компаса с XI в., огромные размеры начиная с XIV в.), достигли Японии, но в южном направлении распространились не дальше Тонкин-

⁴⁸ Poujade J. *La Route des Indes et ses navires*. 1946.

⁴⁹ Braudel F. *Méditerranée*, I, p. 499.

Фантастическое изображение Венеции (конец XV в.), на котором, однако, можно узнать Пьяцетту (площадь св. Марка) с двумя ее колоннами, Кампаниллой и Дворцом дождей. Вдали среди вымышленных островов и там, где, по-видимому, изображен вход в лагуну—суда с квадратными парусами. Музей Конде. Шантильи. (Фото Жиродона.)

ского залива. От широты Дананга и до отдаленных африканских берегов господствуют незначительных размеров суда с треугольным парусом – индонезийские, индийские или арабские. Дело в том, что *морские* границы цивилизаций были столь же устойчивы (кто бы мог это подумать!), как и их континентальные границы. В море, как и на земле, каждая цивилизация стремилась оставаться в своих пределах. Тем не менее соседи посещали друг друга: китайские джонка и парус оказались в Тонкинском заливе, потому что Тонкин фактически находился под китайским владычеством. Если же Суэцкий перешеек не был такой границей, хотя имел такую видимость и возможность, то это потому, что [разные] цивилизации регулярно перешагивали через него. Скажем, ислам, обосновавшись на значительной части Средиземноморья, ввел там так называемый латинский парус, именуемый также *аурика* – индийский по происхождению, появившийся в Оманском заливе, где его и обнаружили мусульмане. И потребовалась такая историческая трансгрессия, чтобы треугольный парус утвердился на Внутреннем море, настоящим символом которого он сделался в наших глазах⁵⁰.

И все же он был целиком заимствованным и сменил квадратный парус, которым пользовались все народы Средиземноморья, от финикийцев до греков, карфагенян и римлян. Он, впрочем, встречал и сопротивление, в частности у берегов нашего Лангедока. Это незначительная подробность. Но еще большим было сопротивление в греческих странах, пока там господствовала Византия благодаря силе своих эскадр и высокоэффективному внезапному применению «греческого огня». Во всяком случае, нечего удивляться тому, что такой треугольный парус оказался в Португалии, которая испытала сильное мусульманское влияние.

Напротив, в Северной Европе, которая еще до XIII в. познала мощное возрождение мореплавания, остался правилом квадратный парус. Корпус, исключительно прочный, строили из досок, перекрывавших одна другую, как черепицы на кровле (обшивка борта *внахлестку*). И наконец, чудом из чудес Северной Европы был вертикальный навесной руль, управляемый изнутри судна, который по названию кормового подзора корпуса называется у специалистов *ахтерштевневый* рулем.

В целом существовали два типа европейских флотов – средиземноморский и североευропейский, – которые экономические (не политические!) завоевания противопоставят друг другу, а потом смешают. В самом деле, начиная с 1297 г., с первого прямого торгового плавания в Брюгге, генуэзские нефы⁵¹, крупные средиземноморские суда, захватили лучшую из линий сообщения с северными странами. Происходил захват чужих судов, устанавливалось господство на море и попутно с этим шло обучение. Расцвет Лиссабона в XIII в. был расцветом промежуточного порта, который мало-помалу усваивал уроки активного хозяйствования – морского, периферически ориентированного и капиталистического. В этих условиях длинные корабли Средиземноморья послужили образцом для флотов Северной Европы, предложив им драгоценный латинский парус. И наоборот, через ряд посредников, в том числе басков, на средиземно-

⁵⁰ Вопрос остается спорным, пусть даже в глазах одного такого специалиста, как Поль Адан. Однако же на египетской фреске, изображающей торговую экспедицию царицы Хатшепсут в Пунт (на Красном море), меня поразило изображение наряду с египетскими кораблями с квадратным парусом небольшой *местной* лодки с *треугольным парусом*. Объяснение этой детали я безуспешно пытался получить у египтологов.

⁵¹ См. настоящую работу, III.

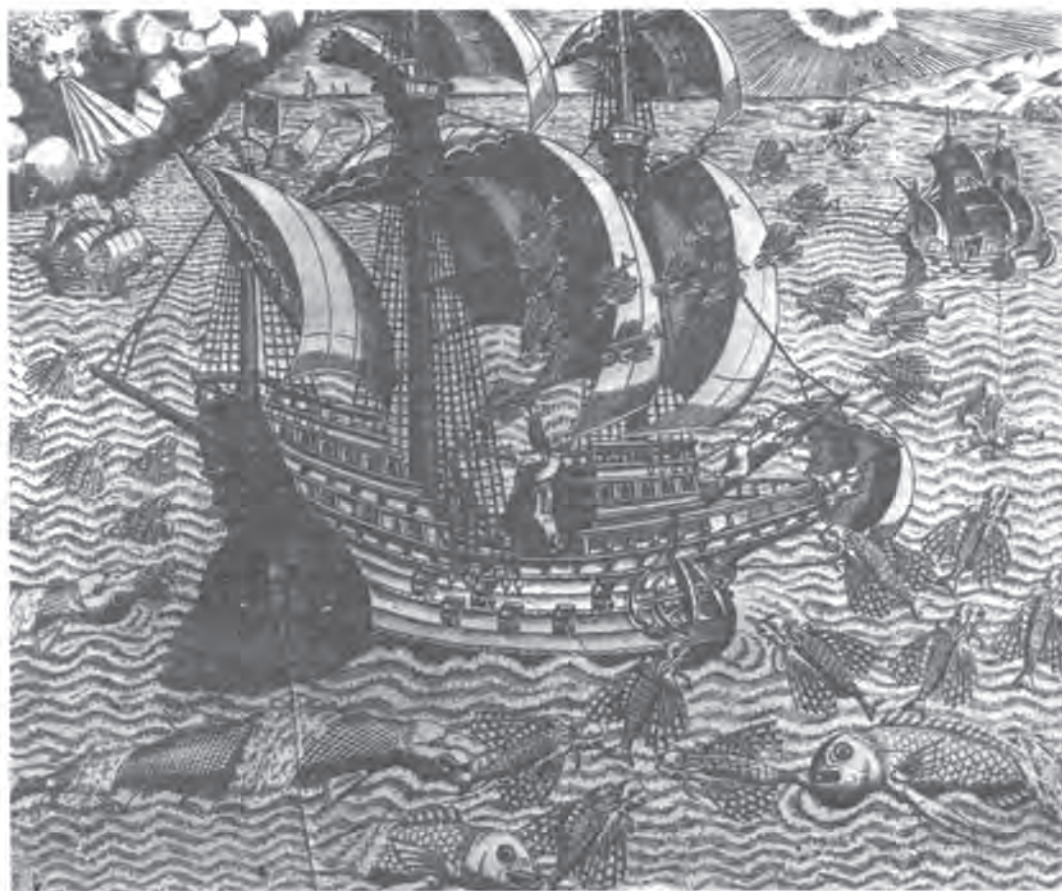
Корабль с
треугольными
парусами: рисунок на
византийской тарелке.
Коринфский музей.
(Фото Роже-Виолле.)

морских верфях понемногу прижились конструкции обшивки борта внахлестку, и особенно вертикальный навесной руль, позволяющий идти круче к ветру. Происходили обмены, смешение; и они уже сами по себе говорили о том, что складывается новая, единая цивилизация – Европа.

Португальская каравелла, родившаяся около 1430 г., была дочерью от таких «браков»: небольшой парусник с бортами внахлестку имел навесной вертикальный руль и три мачты – две с квадратными парусами, одну с латинским. Латинский парус располагался в продольной плоскости асимметрично по отношению к несшей его мачте (рея с одной стороны была длиннее и выше, чем с другой); он ориентировал судно, заставляя его легко поворачивать. Прямые паруса, располагавшиеся в поперечной плоскости судна, могли использовать попутный ветер. Когда время «ученичества» в Атлантике закончится, каравеллы и другие европейские корабли, дойдя до Канарских островов, будут спускать треугольные паруса, чтобы поднять прямые, в которые до самого Карибского моря будет постоянно дуть пассат.

МОРСКИЕ ДОРОГИ МИРА

Что же было ставкой? Завоевание морских путей всего мира. Ничто не указывало на то, что какой-нибудь один из многочисленных морских народов был бы более других способен вы-

Вооруженный
пушками торговый
корабль начала XVII в.
на пути в Индию;
дождь летающих рыб.
Миниатюра из:
Théodore de Bry.
Admiranda Narratio.
Francfort, 1590,
«*Navigatio in Brasiliam*
Americae».
Национальная
библиотека.

играть в столь часто предпринимавшейся погоне за этой целью. Все же финикийцы по просьбе египетского фараона осуществили плавание вокруг Африки больше чем за 2 тыс. лет до Васко да Гамы. За несколько веков до Колумба, в 690 г., ирландские мореходы открыли Фарерские острова, а ирландские монахи около 795 г. высадились в Исландии, которую в 860 г. повторно откроют викинги. В 981 или 982 г. Эрик Рыжий достиг Гренландии, где норманнское присутствие сохранится до XV–XVI вв. Недавно обнаружили поразительную карту, которая якобы показывала в 1440 г. позади Гренландии («Винланд») побережье Американского континента. В 1291 г. братья Вивальди прошли на двух галерах через Гибралтарский пролив, направляясь в Индию, и затем пропали без вести за мысом Джуби. Если бы им удалось обогнуть Африку, они бы на два столетия ускорили начало процесса Великих открытий⁵².

Все это было в Европе. Но благодаря применению с XI в. компаса и располагая с XIV в. «большими четырехпалубными джонками, разделенными на водонепроницаемые отсеки, оснащенными четырьмя-шестью мачтами, могущими нести 12 больших парусов, и с командой в тысячу человек», китайцы кажутся при ретроспективном взгляде не имевшими себе равных. При южных Сунах (1127–1279 гг.) они изгнали арабские суда с мор-

⁵² Hennig R. *Terrae incognitae*, III, 1953, p. 122.

ских путей в Южно-Китайском море; так сказать, решительно вывели улицу перед домом. В XV в. китайские эскадры совершают поразительные плавания под командованием великого внука Чжэн Хэ, мусульманина родом из Юньнани. Во время первой экспедиции (1405–1407 гг.) он с 62 крупными джонками дошел до Индонезии. Вторая (1408–1411 гг., 27 тыс. человек, 48 кораблей) завершилась покорением Цейлона, третья (1413–1417 гг.) – завоеванием Суматры, четвертая (1417–1419 гг.) и пятая (1421–1422 гг.) были мирными и закончились обменом дарами и послами. Четвертая достигла Индии, пятая – Аравии и Эфиопского побережья. В ходе быстро закончившегося шестого плавания было доставлено императорское послание правителю и господину Палембанга на Суматре. Последнее, седьмое и, может быть, самое сенсационное плавание началось из гавани Лунван в Нанкине 19 января 1431 г. Остаток этого года флот простоял в расположенных южнее портах Чжэцзяна и Фуцзяни; в 1432 г. путешествие было продолжено через Яву, Палембанг, Малаккский полуостров, остров Ланка и Каликут до Ормуза, который был целью экспедиции и где 17 января 1433 г. флот высадил китайского посла, мусульманина родом, который, быть может, доберется до Мекки. В Нанкин флот возвратился 22 июля 1433 г.⁵³

Дальше, насколько нам известно, все приостановилось. Несомненно, минскому Китаю нужно было противостоять возродившейся угрозе со стороны кочевников севера. В 1421 г. столица была перенесена из Нанкина в Пекин. И страница оказалась перевернута. А все-таки можно на мгновение вообразить себе, что дало бы возможное продвижение китайских джонок в сторону мыса Доброй Надежды или, лучше, до мыса Игольного, южных ворот между Индийским и Атлантическим океанами.

Еще одна упущенная возможность. На протяжении столетий арабские географы (первым был в X в. ал-Масуди, знавший арабские города Занзибарского берега) в противоположность мнению Птолемея говорили о том, что возможно обойти Африканский континент морем. Они присоединились к непоколебимому мнению христианской церкви, которая в соответствии с библией провозглашала единство водных масс морей. Во всяком случае, сообщения арабских путешественников или мореходов просочились в христианский мир. Александр Гумбольдт полагал, что следует считать реальностью то странное путешествие, которое будто бы проделал около 1420 г. некий арабский корабль и о котором говорит легенда к карте Фра Мауро (1457 г.), венецианского «несравненного географа» («*geographus incomparabilis*»). Корабль якобы прошел в открытом океане 2 тыс. миль по «Морю мрака», как арабы именовали Атлантический океан, за 40 дней, а возвратился к исходной точке за 70 дней⁵⁴.

И однако же именно Европе была предначертана заслуга решения проблемы Атлантики, проблемы, которая разрешала все остальные.

⁵³ По этому поводу появилась значительная литература со времени выхода статьи

П. Пеллио: Pelliot P. *Les grands voyages maritimes chinois au début du XVe siècle.* – "Toung Pao", XXX, 1933, p. 237–452.

⁵⁴ Humboldt A. *Examen critique de l'histoire de la géographie du nouveau continent et des progrès de l'astronomie nautique aux siècles.* 1836. I, p. 337.

ПРОСТАЯ ПРОБЛЕМА АТЛАНТИКИ

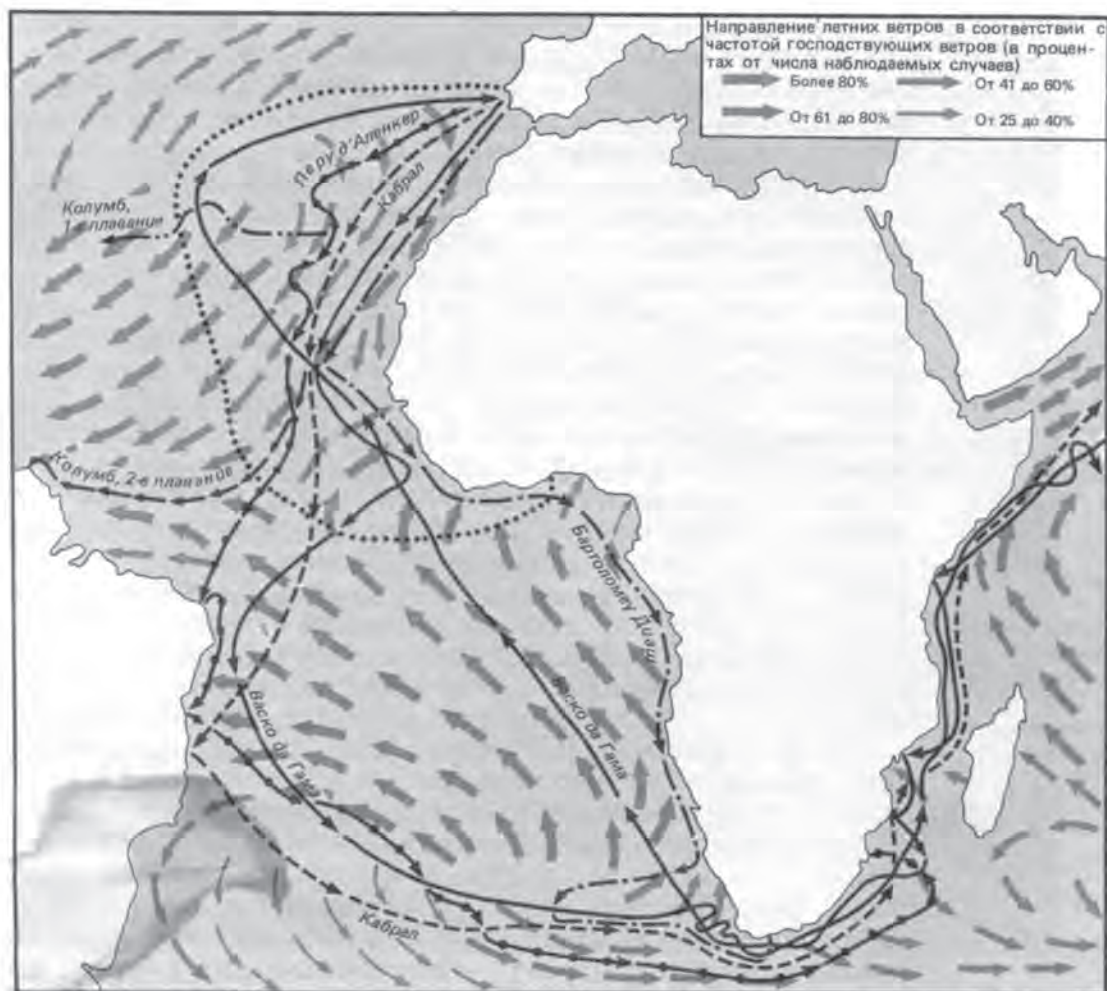
На карте Атлантика – это три больших течения, воздушных и морских, три обширных «эллипса». Для того чтобы по ней плавать без затраты усилий, достаточно разумно использовать направления течений и ветра: тогда они вас приведут к месту назначения, а потом доставят обратно. Таково, скажем, течение, использовавшееся викингами в Северной Атлантике; таково и использованное Колумбом: три его корабля течение донесло до Канарских островов, а затем и до Антильских. А ветры средних широт весной 1493 г. пригнали их обратно через Азорские острова после того, как провели вблизи от Ньюфаундленда. В Южной Атлантике великое течение ведет к американским берегам, а затем сносит вплоть до широты мыса Доброй Надежды, южной оконечности Африки. Все это возможно, правда, при одном условии: найти нужный ветер, а уж найдя его, не терять... Так обычно бывало в открытом море.

Ничего бы не было проще, если бы плавание в открытом океане было для моряков чем-то естественным. Но ведь ранние подвиги ирландцев и викингов затерялись во тьме веков. И для того чтобы Европа их совершила снова, нужно было, чтобы она пробудилась к более активной материальной жизни, соединила технические достижения Севера и Юга, познакомилась с компасом, с портуланами* и в особенности чтобы она преодолела свои инстинктивные страхи. Португальские первооткрыватели были на Мадейре в 1422 г., на Азорских островах – в 1427 г.; они следовали вдоль африканских берегов. Проще простого было дойти до мыса Бохадор, но возвращение оказалось трудным, требовалось идти против ветра, навстречу северному пассату. Точно так же легче легкого было добраться до Гвинейского побережья с его рынками рабов, золотого песка и перца; но на обратном пути надо было пересечь пассат и поймать ветры, дующие с запада на восток, которые можно найти только на широте Саргассова моря после месячного плавания в открытом океане. И так же точно при возвращении из Эльмины (Сан-Жоржи-да-Мина был основан в 1487 г.) приходилось целыми днями идти против встречного ветра до Азорских островов.

Воистину самой большой трудностью было решиться на предприятие, «предаться», согласно поэтическому французскому выражению того времени. Это был необычный подвиг, о смелости которого мы забыли так же, как наши внуки, вне сомнения, не будут ведать о смелости подвига сегодняшних космонавтов. Как писал Жан Боден, «довольно хорошо известно, что короли Португалии, вот уже сто лет посылая корабли под парусом в открытый океан», завладели «величайшими богатствами Индии и наполнили Европу сокровищами Востока»⁵⁵. Одно вытекало из другого.

Даже в XVII в. было правилом сколь возможно менее отдаляться от берегов. Томе Кано, чья книга вышла в Севилье в 1611 г., говорил об итальянцах: «То не мореходы открытого океана»⁵⁶. Правда, для моряков Средиземноморья, в общем ходивших от одного до другого приморского «постоялого двора», «предаться» означало самое большее пройти от Родоса до

* Морские карты первых навигаторов (XIII–XVI вв.) – Прим. ред.
⁵⁵ Bodin J. *La République*. 1576, p. 630.
⁵⁶ Cano T. *Arte para fabricar... naos de guerra y merchante*. 1611, p. 5 v°.

Великие географические открытия: плавания по Атлантическому океану на Юг и обратно

Эта схематическая карта показывает направление северного и южного пассатов летом. Мы знаем, что связанные с ними воздушные массы перемещаются в зависимости от времени года.

Маршруты плаваний в Индию или из Индии в Европу подчинялись довольно простым правилам.

Направляясь в Индию, надо идти с северным пассатом, а затем под действием пассата южного — повернуть к бразильским берегам.

На обратном пути — надо использовать попутный южный пассат, а затем пересечь зону пассата северного до зоны ветров средних широт.

В этом смысле пунктирная линия пути возврата из Гвинейского залива (или, как говорили португальцы, возвращения «из Мины» — «da Mina») демонстрирует необходимость ухода от африканских берегов

в открытый океан

при возвращении в Европу.

Бартоломеу Диаш, чье плавание предшествовало экспедиции Васко да Гамы,

совершил ошибку, направляясь к югу вдоль африканского побережья.

Трудности в мало-помалу выяснившихся эти правила первых плаваний

в открытом океане были в реальности еще большими, чем говорят наши обычные схемы.

К тому же для полноты картины не следует забывать о роли океанских течений,

тоже бывшей немаловажной: течения эти как представляли удобство,

так и создавали препятствия.

Александрии: четыре дня открытого моря, водной пустыни (если все пойдет хорошо); или от Марселя до Барселоны по хорде той опасной дуги, что образует Лионский залив; или от Балеарских островов прямо до Италии мимо Сардинии, а иногда и до Сицилии. Однако самым лучшим прямым плаванием по водным пространствам, омывающим Европу, было при прежнем состоянии кораблей и мореплавания путешествие от Иберийского полуострова к устью Ла-Манша и обратно. Оно несло с собой драматические неожиданности бурного Бискайского залива и длинную зыбь Атлантики. Когда в 1518 г. Фердинанд расстался со своим братом Карлом V, флот, который его вез из Ларедо, проскочил вход в «канал» Ла-Манша и оказался в Ирландии⁵⁷. В 1522 г. Дантышек, посол короля польского, проделал самое драматичное в своей жизни плавание из Англии в Испанию⁵⁸. Переход через Бискайский залив на протяжении веков, бесспорно, был школой плавания в бурном открытом море. Той школой, которая наряду с некоторыми другими была, возможно, предварительным условием завоевания мира.

Но почему только Европа?—задавали себе вопрос уже в XVI–XVIII вв. европейские наблюдатели и моряки, имевшие перед своими глазами столь отличные [от европейских] флоты Китая или Японии. В 1577 г. отец Мендоса сразу же категорически заявил: китайцы боятся моря, как люди, непривычные к тому, чтобы «предаваться»⁵⁹. Дело в том, что и на Дальнем Востоке ходили от одного приморского «постоялого двора» до другого. Родриго Виверо, плававший по японскому Внутреннему морю между Осакой и Нагасаки (т. е. в течение 12–15 дней), заявлял, что, «находясь в море, почти каждый день спят на суше»⁶⁰. Отец Дюальд в 1693 г. утверждал по поводу китайцев: «Хорошие прибрежные лоцманы, но довольно скверные судоводители в открытом море»⁶¹. «Они прижимаются к берегу, насколько возможно,—пишет Барроу в 1805 г.,—и уходят из пределов видимости земли лишь тогда, когда их к тому побуждает непреодолимая необходимость»⁶².

В конце XVIII в. Джордж Стаунтон, имевший случай сколько угодно наблюдать китайские джонки в Чжилийском заливе, за пределами Желтого моря, пошел в своих размышлениях дальше. «Поразительным контрастом выглядели высокий рангоут и сложная оснастка двух английских кораблей [«Лайона» и «Джакала», везших посольство Макартни] среди китайских джонок—низкобортных, простых, грубо построенных, но прочных и вместительных, грузоподъемностью каждая примерно 200 тонн». Он отметил деление корпуса на отсеки, необычную толщину двух мачт, «сделанных каждая из цельного ствола или цельного бруса»; на каждой—«большой квадратный парус, обычно из расщепленного бамбука или из соломенных или камышовых циновок. Джонки почти одинаково плоски с обеих оконечностей, на одной из которых расположен руль шириной с те, что стоят на лондонских баржах, и привязанный концами, проходящими с одного борта джонки на другой». «Джакал», меньший по размерам, чем линейный корабль «Лайон», имел водоизмещение только в 100 тонн. И вот он в Чжилийском заливе конкурирует с джонками, которые его, оказывается, превос-

⁵⁷ Vital L. *Premier Voyage de Charles Quint en Espagne*. 1881, p. 279–283.

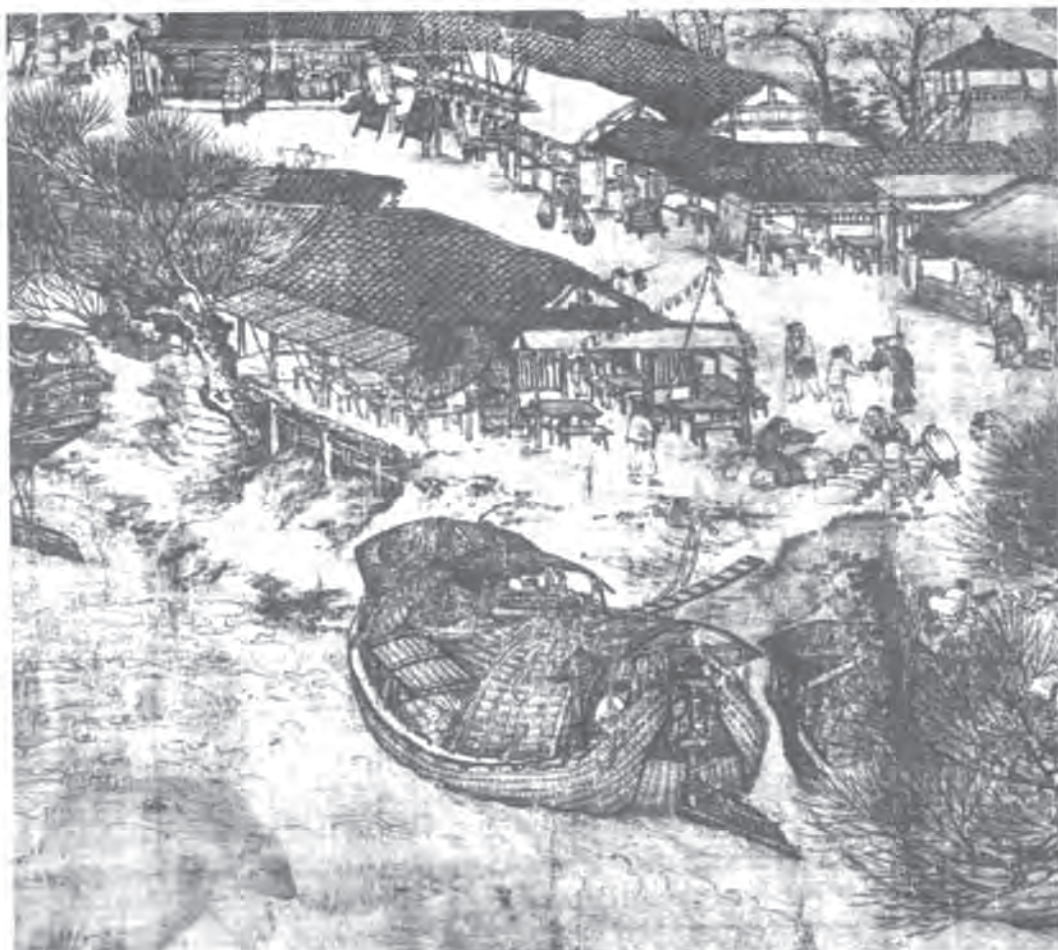
⁵⁸ Краков. Музей Чарторыских, 35, л. 35 и 55.

⁵⁹ Mendoza G. *Histoire du grand royaume de la Chine...* 1606, p. 238.

⁶⁰ Vivero R. *Du Japon et du bon gouvernement de l'Espagne*. *Op. cit.*, p. 194.

⁶¹ Du Halde J.-B. *Description géographique*. *Op. cit.*, II, p. 160.

⁶² Barrow J. *Voyage en Chine*. *Op. cit.*, I, p. 62.

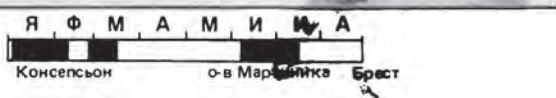
Китайские суда на реке. Национальная библиотека, Кабинет эстампов.

ходят. «Правда, — поясняет Стаунтон, — бриг этот был построен для плавания с переменным и зачастую противным ветром, дующим в европейских морях, и вследствие этого вытесняет двойное количество воды, т. е. сидит в воде вдвое глубже, чем китайские джонки равной с ним грузоподъемности. Неудобство утратить преимущества бокового ветра — неудобство, коему подвержены европейские корабли, имеющие слишком плоское дно, — не особенно ощущается в этих китайских морях, где корабли в общем плавают лишь с благоприятным муссоном [понимай: с попутным ветром]. Кроме того, паруса китайских джонок сделаны так, чтобы легко поворачиваться вокруг мачт, и образуют с бортом кораблей столь острый угол, что весьма хорошо ловят ветер, невзирая на малую осадку джонок».

Вывод: «У китайцев то же преимущество, что и у греков. Их моря похожи на Средиземное ограниченностью своих пределов и множеством островов, кои виднеются со всех сторон. Надлежит также заметить, что совершенствование мореплавания у европейцев восходит к той же поре, когда их страсти и их нужды принудили их предпринимать долгие путешествия по беспредельному океану»⁶³.

⁶³ Macartney G. *Voyage dans l'intérieur de la Chine*. Op. cit., II, p. 74–75.

Время стоянок
 Время плавания

Плавание корабля «Сент-Антуан» под командованием де Фрондада, длившееся 55 месяцев. Проследить ход этого путешествия с исследовательскими целями – в некотором роде способ показать бескрайность мира еще в XVIII в. Как все корабли тех времен, «Сент-Антуан» больше времени проводил в портах, нежели в море. (По данным документа из фондов Национальной библиотеки.)

Вы хорошо видите, что тем эти наблюдения и заканчиваются. Мы снова у исходной точки, ничуть при этом не продвинувшись. Мореплавание в открытом океане – это ключ ко всем морям мира. Но никто мне не докажет, что китайцы или японцы неспособны были овладеть этим ключом и использовать его, если иметь в виду техническую сторону вопроса.

В самом деле, в своих исследованиях современники и историки остаются в плену *технических* решений, от которых следовало бы любой ценой отвлечься. Ведь решение, быть может, вовсе не было в первую очередь техническим. Некому португальскому лоцману, который утверждал пред лицом короля Жуана II, что с побережья Эльмины можно возвратиться «в добром здравии на любом корабле», король велел помалкивать, пригрозив бросить в тюрьму, если тот будет болтать. Не менее показательный пример относится к 1535 г.: Диогу Ботелью вернулся из Индии на простой фюсте, которую португальский король повелел немедленно сжечь⁶⁴.

Этим примерам мы можем предпочесть еще и другой – плавание той японской джонки, которая в 1610 г. самостоятельно пришла из Японии в Акапулько в Мексике. Она везла Родриго Виверо и его товарищей по кораблекрушению, которым японцы подарили корабль; правда, команда корабля была европейская. Но две другие джонки, на сей раз с японскими командами, проделали затем то же самое путешествие⁶⁵. Этот опыт доказывает, что в техническом отношении джонка вполне способна была помериться силами с открытым океаном. Короче, объяснение чисто техническое ничего нам не объясняет.

Сегодня историки даже начинают думать, что каравелла своим успехом была обязана не столько своему парусному вооружению и своему навесному рулю, сколько своей малой осадке, которая «позволяла ей заходить в прибрежные зоны и эстуарии», и еще более другому факту: «так как она была судном небольших размеров, снарядить ее стоило относительно дешево»⁶⁶. Это уже умаление ее роли.

Ничуть не легче объяснить несостоятельность мусульманских кораблей. Их плаванья по Индийскому океану напрямик, хотя, несомненно, они и были легкими при переменных муссонах, предполагали тем не менее солидные познания, использование астролябии или же «посоха Иакова» – и это были суда хороших мореходных качеств. История арабского лоцмана Васко да Гамы, который принял маленькую португальскую флотилию в Малинди и напрямую привел ее в Каликут, весьма показательна. Как же при таких условиях приключения Синдбада-Морехода и его последователей не привели к арабскому господству над миром? Как вышло, что арабское мореплавание к югу от Мадагаскара и Занзибара практически остановилось, если заимствовать слова Видаля де Лаблаша, перед «страшным Мозамбикским течением, которое неистово несет на юг», к вратам «Моря мрака»?⁶⁷ Я отвечу прежде всего, что эти арабские плаванья в старину позволили исламу доминировать в Старом Свете вплоть до XV в., как у нас уже был случай показать; и итог не так уж незначителен. Затем, зачем бы арабы стали искать путь вокруг мыса Доброй Надежды, располагая в XII–XIII вв. Суэцким каналом? Что бы они там нашли? Золотом, слоновой костью и невольниками мусульманские города и купцы уже завладели на Занзибарском берегу и в излучине Нигера, на другой стороне Сахары. В этой Западной Африке должна была возникнуть «надобность». Тогда было ли заслугой Запада то, что он, зажатый на своем тесном «мысу» Евразии, возымел потреб-

⁶⁴ См. статью (Heers J.) в: *Les grandes voies maritimes dans le monde, XVe–XIXe siècles.– XIIe Congrès... d'histoire maritime*, 1965, p. 22.

⁶⁵ Vivero R. *Op. cit.*, p. 22.

⁶⁶ Heers J. *Art. cit.*, p. 22.

⁶⁷ Vidal de la Blache P. *Principes de géographie humaine. Op. cit.*, p. 266.

⁶⁸ Выступление
Дж. Нидэма в Сорбонне.

ность в остальном мире, потребность выйти за пределы своего дома? Ничто не было бы возможно, повторяет специалист по китайской истории, без давления *капиталистических* городов Запада...⁶⁸ Они оказались движущей силой, без которой техника осталась бы бессильной.

Это не значит утверждать, будто именно деньги, капитал создали океанское мореплавание. Напротив: в то время Китай и мусульманские страны были обществами богатыми, имевшими то, что мы сегодня назвали бы колониями. Рядом с ними Запад был еще «пролетариетом». Но важно было напряжение в течение длительной временной протяженности, которое начиная с XIII в. подняло его материальную жизнь и трансформировало всю психологию западного мира. То, что историки назвали жадой золота, или жадой увидеть мир, или жадой пряностей, в области техники сопровождалось постоянными поисками *новшеств* и их *утилитарного* приложения, т. е. использования на службе людям, ради того, чтобы обеспечить как облегчение их усилий, так и большую их эффективность. Накопление практических открытий, свидетельствовавших о сознательной воле к овладению миром, возросший интерес ко всему, что представляет источник энергии, дали Европе задолго до окончательного успеха ее подлинный облик и предпосылки ее превосходства.

МЕДЛИТЕЛЬНОСТЬ СООБЩЕНИЙ

Победа в океанском мореплавании, бывшая колоссальной победой, колоссальной инновацией, создала всемирную систему связей. Но она завершилась, ничего не изменив в медлительности и несовершенстве самих сообщений, которые оставались одним из постоянных ограничений экономики при Старом порядке. Вплоть до XVIII в. плаванья были нескончаемы, а наземный транспорт как будто поражен параличом. Нам могут сколько угодно говорить, что с XIII в. Европа создала огромную сеть действующих путей, но достаточно взглянуть, например, на серию небольших полотен Яна Брейгеля в Мюнхенской пинакотеке, дабы отдать себе отчет в том, что еще в XVII в. дорога, даже на равнине, не была «лентой», по которой само собой текло движение. Обычно ее трасса едва заметна. И ее наверняка бы не замечали с первого взгляда, если бы не было движения путников. А путники — это часто пешие крестьяне, тележка, которая везет на рынок жену фермера с ее корзинами, пешеход, тянущий за недоуздок скотину... Иногда, конечно, есть и лихие наездники, и экипажи, запряженные тремя лошадьми, бодро везущими целое буржуазное семейство. Но на следующей картине рытвины полны водой, всадники плетутся по грязи, их лошади проваливаются в нее по самый скакательный сустав, повозки ползут с трудом, колеса утопают в грязи. Пешеходы, пастухи, свиньи благоразумно выбирают более надежные придорожные откосы. Такое же, а может быть, даже и худшее зрелище — в Северном Китае. Ежели дорога «испорчена» или ежели она «дает поря-

⁶⁹ Guignes M. *Voyage à Peking*. Op. cit., I, p. 353–354.

⁷⁰ Abbé Prévost. *Histoire générale des voyages*, VI, p. 170.

дочный крюк», повозки, лошади и пешеходы «движутся по возделанным землям, чтобы сократить путь и проложить себе дорогу получше, мало заботясь о том, взошли ли посевы или уже созрело зерно»⁶⁹. Привожу эту цитату, дабы внести поправку к изображению других больших дорог Китая, поддерживаемых в великолепном состоянии, посыпанных песком, порой и замощенных, о которых с восхищением говорили европейские путешественники⁷⁰.

В этой области со времен сунского Китая или Римской империи до Европы Ришелье или Карла V ничто не изменится или изменится ничтожно мало! И все это давит, утяжеляет торговый обмен и даже просто человеческие отношения. Почта тех времен тратила недели, даже месяцы на то, чтобы добраться до адресатов. Только начиная с 1857 г., с прокладкой первого межконтинентального океанского кабеля, говоря словами Эрнста Вагемана, «пространство потерпит поражение». Железная дорога, паровое судно, телеграф, телефон очень поздно создадут настоящие массовые коммуникации в мировом масштабе.

УСТОЙЧИВОСТЬ МАРШРУТОВ

Стало быть, какая-нибудь дорога в какой-нибудь период. На этой дороге – повозки, вьючные животные, немногие всадники, постоянные дворы, кузница, деревенька, город. Не подумайте, будто то была недолговечная линия, сколь бы слабо намеченной она ни казалась, даже в аргентинской пампе или в Сибири XVIII в. Перевозчики и путешественники оставались пленниками ограниченного выбора. Возможно, они предпочтут тот или иной маршрут какому-то другому, чтобы избежать дорожной пошлины или обойти таможеню, вплоть до того, что возвратятся в случае затруднений. Они поедут одной дорогой зимой, а другой – весной, в зависимости от гололедицы или рытвин. Но никогда они не могут отказаться от дорог, устроенных раньше. Путешествовать значило пользоваться услугами других.

В 1776 г. швейцарский врач Якоб Фрис, майор русской армии, за 178 часов проделал долгий путь от Омска до Томска (890 км) со средней скоростью 5 км в час, регулярно меняя лошадей на каждой станции, чтобы быть уверенным, что благополучно доберется до следующей⁷¹. Зимой не достигнуть ее означало быть погребенным под снегом. Во внутренних областях Аргентины еще в XVIII в. дело заключалось в том, чтобы так рассчитать свое движение – вне зависимости от того, совершалась ли поездка на запряженных быками тяжелых телегах, которые приходили в Буэнос-Айрес с грузом пшеницы или кож и отправлялись дальше порожняком в Мендосу, Сантьяго-де-Чили или Жужуй, в сторону Перу, или же предпочитали путешествовать верхом на муле или лошади, – чтобы в нужное время пересечь пустыни, *despoblados*, и в определенном пункте найти дома, поселки, источники воды, продавцов яиц и свежего мяса. Если путешественнику надоест тесная будка его повозки, пусть он возьмет двух верховых лошадей – одну для себя, другую, чтобы нагрузить на нее «довольно спальных принадлежно-

⁷¹ *Voyage du médecin J. Fries*. Éd. par W. Kirchner. Op. cit., p. 73–74.

Дорога в XVII в. едва намечена. Фрагмент картины Яна Брейгеля «Ветряные мельницы». (Фото Жиродона.)

⁷² Concolorcorvo. *Op. cit.*, p. 56–57.

стей»—и скачет впереди каравана быстрым галопом (предпочтительно—между 2 часами ночи и 10 часами утра, дабы избежать жары). «Лошади настолько привычны совершать такие *перегоны* в короткое время, что несутся галопом во весь опор сами, без понукания». Каков же выигрыш? Быстро добраться до «почтовых станций, каковые суть наилучшие пристанища, где путешественник может отдохнуть в свое удовольствие»⁷². Здесь питались, здесь спали. Такие подробности помогают понять нижеследующие слова автора XVIII в. о первом отрезке пути, от Буэнос-Айреса до Каркараналья: «В те-

Дорожная станция и одновременно место встреч и торговли. («The Roadside Inn». Акварель Томаса Роулэндсона, 1824 г.). В XVI–XVII вв. постоялый двор играл в Англии большую роль в развитии свободного рынка, не подчинявшегося городской регламентации (см. настоящую работу, т. II). Уитворт Арт Галлери. Манчестер.

чение этих трех с половиной дней пути (за исключением двух *перегонов*) вы найдете в изобилии и по дешевой цене коров, овец или кур»⁷³.

Такие поздние описания «новооткрытых» стран – Сибири, Нового Света – довольно точно обрисовывают и картину путешествий по «старым» цивилизованным странам в предшествовавшие столетия.

Чтобы через Балканы добраться до Стамбула, советовал Пьер Лескалопье (1574 г.), «надобно будет ехать с утра до вечера, ежели какой-нибудь ручеек или луг не дадут вам возможности спешиться и достать из переметной сумы немного холодного мяса, а со спины лошади или с луки вашего седла – бутылочку вина, дабы слегка перекусить около полудня, в то время как лошади ваши, разнузданные и стреноженные, будут пастись или есть то, что им зададут». К вечеру надлежало доехать до ближайшего караван-сарая, где можно найти съестные припасы и напитки. Это были «госпитали» (в значении «приют», «странно-приимный дом»), «построенные как бы в виде межевых столбов каждого дня пути... За неимением лучшего, в них останавливаются богатый и бедный; они напоминают большие амбары, а свет поступает в них через бойницы, проделанные вместо окон». Людей помещают на «помостах» («*reliefz*»), расположенных во-

⁷³ Concolorcorvo. *Op. cit.*, р. 56.

⁷⁴ *Voyage fait par moy Pierre Lescolopier*. Publié, partiellement par E. Cléray. — “*Revue d'histoire diplomatique*”, 1921, p. 27–28.

⁷⁵ Gemelli Careri G. F. *Op. cit.*, I, p. 256.

⁷⁶ Magaillans G. *Nouvelle Relation de la Chine*. *Op. cit.*, p. 47 sq.

⁷⁷ Gemelli Careri G. F. *Op. cit.*, III, p. 22–23.

⁷⁸ Friederici G. *El Caracter del descubrimiento y de la conquista de América* (испанск. изд.). 1973, p. 12.

⁷⁹ Gemelli Careri G. F. *Op. cit.*, VI, p. 335.

круг такого крытого двора, и к помостам привязывают животных. «И таким образом каждый видит свою лошадь и задает ей корм с помоста; а чтобы задать лошади овес и ячмень, они [турки] используют кожаные мешки, из коих лошадь и ест, а ляжки мешка пропущены за уши лошади»⁷⁴. В 1693 г. один неаполитанский путешественник описывал эти постоянные дворы и того проще: «Они суть не что иное ... как длинные конюшни, в коих лошади занимают середину; боковые стороны остаются [их] хозяевам»⁷⁵.

В Китае «Государственный дорожник» («*Itinéraire public*»), напечатанный в XVII в., указывал дороги, начиная от Пекина — с их трассами и станциями, где мандаринам, находившимся в служебных поездках, оказывали различные услуги за счет императора: их размещали, кормили, давали им новых лошадей, новые суда, новых носильщиков. Этими станциями, лежавшими на расстоянии дневного перехода одна от другой, были большие или второстепенные города, или замки, или те «Йе» или «Цзин», места «постоя и караула», «некогда построенные в сих местах, где не было никакого города...». Часто там позднее вырастали города⁷⁶.

В конечном счете путешествовать было приятно лишь в местностях, где города и деревни лежали близко друг от друга. Такой путеводитель («*Guide Bleu*»), как «Французский Улисс» (1643 г.), укажет хорошие постоянные дворы — «Королевский сокол» в Марселе, трактир «Кардинал» в Амьене — и посоветует вам (из благоразумия или же в отместку хозяину?) не останавливаться в Перонне в трактире «Олень»! Удобства, скорость — все это были привилегии стран густонаселенных, с надежным порядком, цивилизованных: Китая, Японии, Европы, стран ислама. В Персии «каждые четыре лье находишь добрые караван-сарайи», и путешествие там обходится «дешево». Но в следующем, 1695 г. тот же самый путешественник, покинув Персию, жалуется по поводу Индостана: нет харчевен, нет караван-сараяев, нет сменных животных для повозок, продовольствия нет нигде, кроме «крупных поселков на землях Могола», и «спишь под открытым небом либо под каким-нибудь деревом»⁷⁷.

Еще более удивительно то, что морские маршруты устанавливались заранее. Однако же корабль привязан к ветрам, течениям, промежуточным портам. В прибрежных морях Китая, как и в Средиземном море, каботаж был неизбежен; берег притягивал, служил ориентиром каботажным мореходам. Что же касается плаваний в открытом море, то и они имели свои правила, продиктованные опытом. Путь между Испанией и «Кастильскими Индиями» и обратно был с самого начала зафиксирован Христофором Колумбом; в 1519 г. его чуть улучшит Аламинос⁷⁸, и с тех пор до самого XIX в. этот маршрут останется неизменным. При возвращении он на севере шел вдоль 33-й параллели, что давало путешественникам случай повстречаться внезапно с суровостью северных областей. Один из них отмечал в 1697 г.: «Холод начинал сильно чувствоваться, и некоторые кавалеры, одетые в шелка и не имевшие плащей, переносили его с немалым трудом»⁷⁹. Точно так же Урданета в 1565 г. открыл и определил раз и навсегда путь от Акапулько до Манилы, из

Новой Испании на Филиппины и обратно. Плавание туда было легким (3 месяца), а обратное – трудным и нескончаемым, от 6 до 8 месяцев, и пассажир платил за него в 1696 г. до 500 «восьмерных» монет [т. е. по восемь реалов]⁸⁰.

Если все бывало хорошо, то корабли шли и останавливались там, где было правилом идти и останавливаться. На общепринятых стоянках пополняли запасы продовольствия и воды; в случае необходимости можно было кренговать корабль, отремонтировать его, заменить мачту и долго отстаиваться в спокойных гаванях. Все было предусмотрено. На широте Гвинейского побережья, где лишь малотоннажные суда могли подойти к самому берегу, если вас застигал шквал прежде, чем паруса бывали взяты на рифы, вы рисковали потерять мачту. Тогда следовало, ежели было возможно, идти к португальскому острову Принсипи – *a ilha do Principe*, – заменить сломанную мачту, забрать сахар и рабов. В Зондском проливе благоразумие советовало идти как можно ближе к побережью Суматры, а потом добираться до Малаккского полуострова: гористый берег огромного острова защищал от неожиданного шквального ветра, а воды [там] были неглубокие. Когда настигал ураган (как это случилось с кораблем, который вез в Сиам Кемпфера в 1690 г.), следовало отдать якоря и, подобно кораблям, видневшимся по соседству, зацепиться за неглубокое морское дно, пережидая порыв ветра.

ПРЕВРАТНОСТИ ИСТОРИИ ДОРОГ: ИХ ЗНАЧЕНИЕ

А главное – не будем преувеличивать значение событий дорожной истории. Эти события возникают, противоречат одни другим, зачастую друг друга нейтрализуют. Если мы к ним приглядимся, они все объяснят. Нет, однако, никакого сомнения в том, что вовсе не мелкие придирки на дорогах, ведущих на ярмарки Шампани, – придирки, которые чинили французские власти, и особенно Людовик X Сварливый (1314–1316 гг.), – объясняют упадок ярмарок. И даже не установление с 1297 г. прямых и регулярных морских сообщений между портами Средиземного моря и Брюгге, начало которым положили большие генуэзские корабли. Тогда, в начале XIV в., изменялась структура крупной торговли: странствующий торговец становился более редким, товары путешествовали сами по себе, а письменные документы издали регулировали их передвижение между Италией и Нидерландами, двумя «полосами» европейской экономики, и отныне отпадала надобность встречаться и что-то обсуждать друг с другом на полпути. Перевалочные центры Шампани утратили полезность. Карьера же ярмарок генуэзских, другого центра международных расчетов, начнется только в XV в.⁸¹

Точно так же не будем искать мелких объяснений закрытию около 1350 г. великого пути через Монголию. С XIII в. монгольское завоевание привело к установлению прямой связи по

⁸⁰ Heers J. *Les grandes voies maritimes...* Art. cit., p. 16–17; Schurz W. L. *The Manila Galleon*. 1959.

⁸¹ Bergier J.-F. *Les Foires de Genève et l'économie internationale de la Renaissance*. 1963, p. 218 sq.

суше между Китаем, Индией и Западом. Мусульманский мир оказался обойден. И члены семейства Поло, отец и дядя Марко, а потом и сам Марко, были не единственными, кто достигал далекого Китая или Индии по бесконечным, но на удивление безопасным дорогам. Нарушение этой связи следует отнести на счет огромного упадка середины XIV в. Ибо пришло в упадок все сразу, как на Западе, так и в монгольском Китае. И не будем также воображать, будто открытие Нового Света сразу же изменило важнейшие товарные потоки земного шара. Спустя столетие после Колумба и Васко да Гамы Средиземноморье все еще оставалось средоточием международной жизни; спад наступит позднее.

Что же касается хроники дорожной жизни на коротких странственных отрезках, то конъюнктура обычно загодя определяла успех и неуспех в зависимости от приливов и отливов. Сомнительно, чтобы «политика свободной торговли» графов Брабантских была в такой степени определяющей, как это утверждают; по-видимому, она была эффективна в XIII в., когда ярмарки Шампани находились в полном расцвете. Так же увенчались успехом соглашения Милана с Рудольфом Габсбургским (1273–1291 гг.), имевшие целью обеспечить миланцам не обремененный дорожными сборами путь от Базиля до Брабанта. Кто бы тогда не преуспел? Но впоследствии, когда между 1350 и 1460 гг. серия договоров сохраняла за этой же самой дорогой таможенные привилегии, когда в 1332 г. город Гент за свой счет отремонтировал в районе Санлиса ту дорогу, что вела из Гента на ярмарки Шампани⁸², в этом следует видеть, скорее, поиски выхода из ставшей неблагоприятной конъюнктуры. Но зато около 1530 г., когда возвратились хорошие времена, епископу Зальцбургскому удалось сделать доступной для гужевого транспорта выючную тропу через Тауэрн, не заменив, однако, дороги через перевалы Сен-Готард и Бреннер, за которыми стояли Милан и Венеция⁸³. Все дело в том, что тогда хватало дела для всех дорог.

⁸² Postan M., в: *The Cambridge Economic History of Europe*, II, p. 140, 147.

⁸³ Stolz O. Zur *Entwicklungsgeschichte des Zollwesens innerhalb des alten Deutschen Reichs*. – *Vierteljahrschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte*, 1954, S. 18 (и примечание).

РЕЧНОЕ СУДОХОДСТВО

Немного воды – и посреди земельных массивов все оживало. Такую старинную жизнь легко себе вообразить повсюду. Кто бы не вспомнил в Грэ, при виде широкой и пустынной Соны, активное лодочное судоходство прошлых времен, когда вверх везли «лионский товар» и вино, а вниз – пшеницу, овес, сено? Без Сены, Уазы, Марны, Йонны Париж бы не ел, не пил и даже не имел бы отопления, отвечавшего его потребностям. Без Рейна Кёльн не был бы еще до XV в. крупнейшим городом Германии.

Если в XVI в. географ описывает Венецию, он сразу же заводит речь о море и о великих водных путях, которые сходятся в ее лагунах, о Бренте, По, Адидже. По этим путям и каналам барки и шестовые плашкоуты непрерывно приходили в великий город. Но и самые незначительные водные потоки использовались повсеместно. На плоскодонных судах, которые спускались по Эбро «от Туделы до Тортосы и до моря», еще в начале XVIII в. перевозили порох, пули, гранаты и прочие боеприпасы, что из-

Механизмы шлюза, изображенные В. Дзонкой в 1607 г. По мнению Т. С. Уиллена, изобретение шлюза столь же важно, как и открытие возможности использования пара; во всяком случае, это признак значительного технического прогресса Запада. (Фото Национальной библиотеки.)

готовлялись в Наварре, – и это невзирая на тысячи сложностей, в частности на «Флишский водопад, где товары выгружают, с тем чтобы ниже по течению погрузить вновь»⁸⁴.

Классической областью речного судоходства в Европе в еще большей мере, чем Германия, были страны за Одером – Польша и Литва, где еще в средние века развилось активное плавание по рекам на огромных плотках из бревен; на каждом плоту строилась будка для сплавщиков. Этот обширнейший транспортный поток положил начало речным портам Торунь, Ковно (Каунас), Брест-Литовск; он же вызывал и бесконечные споры⁸⁵.

Однако в мировом масштабе ничто не могло сравниться с судоходством Южного Китая, от Голубой реки [Янцзыцзян] до границ Юньнани. Очевидец отмечал около 1733 г.: «От этого судоходства зависит огромная [внутренняя] торговля Китая, коей нет подобной во всем мире... Повсюду видишь непрерывное движение судов, лодок, плотов (среди плотов случается видеть такие, что длиною до полулье, которые ловко изгибаются на речных излучинах); в любом месте все это образует чуть ли не плавающие города. Шкиперы лодок так и живут на них вместе со своими женами и детьми, так что можно прекрасным образом убедиться в справедливости сообщений большинства путешественников, будто там, в этой стране, почти столько же народу живет на воде, сколько в городах и деревнях»⁸⁶. Уже отец де Магальянш писал: «В мире нет ни одной страны, которая в отношении навигации [понимай: речного судоходства] могла бы сравниться с Китаем...», где «имеются две империи – одна на воде, другая на суше, и столько же Венеций, сколько го-

⁸⁴ Uztáriz G. *Théorie et pratique du commerce et de la marine*. 1753, p. 255.

⁸⁵ Postan M. *Art. cit.*, p. 149–150.

⁸⁶ Du Halde J.-B. *Op. cit.*, II, p. 158–159.

⁸⁷ Magaillans G. *Op. cit.*,
p. 158–159, 162, 164.

⁸⁸ Gemelli Careri G. F.
Op. cit., IV, p. 319.

родов»⁸⁷. Вот суждение очевидца: в 1656 г. он в течение четырех месяцев поднимался до самой Сычуани по Янцзы, «каковую именуют Сыном моря», по «Янцзыцзян, которая, как море, беспредельна и бездонна». Немного лет спустя, в 1695 г., один путешественник утверждал, будто китайцы в принципе «любят жить на воде, подобно уткам». Он поясняет: часами, целыми днями плывешь «посреди плотов», каналы и участки рек в городах приходится проходить, «пробираясь сквозь огромное количество лодок», с приводящей в отчаяние медлительностью⁸⁸.

АРХАИЧНОСТЬ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ: НЕИЗМЕННОСТЬ, ОТСТАВАНИЕ

Если бы мы собрали воедино серию картинок, изображающих транспорт во всем мире в XV–XVIII вв., и так, чтобы картинки эти были бы представлены читателю без тщательно добавленных легенд, он смог бы безошибочно разместить их в пространстве. Кто бы не узнал китайский паланкин с носильщиками или ручную тележку с навесом; индийских вьючных быков и боевого слона; или турецкую *арбу* на Балканах (или даже в Тунисе), или караваны верблюдов в мире ислама, цепочки африканских носильщиков, двух- или четырехколесные повозки Европы с их быками или лошадьми?

Но если бы потребовалось эти картинки датировать, затруднение оказалось бы неразрешимым: транспортные средства почти не менялись. В 1626 г. отец де Лас Кортес видел в районе Кантона бегущих китайцев-носильщиков, «поднявших кресло путешественника на длинных бамбуковых шестах». В 1793 г. Дж. Стаунтон описывал тех же тощих кули «с их лохмотьями, соломенными шляпами и сандалиями». По пути в Пекин ему нужно было перебраться с одного канала на другой; лодку подняли вручную с помощью воротов «и таким способом... ее перетасили за меньшее время, чем потребовалось бы для шлюзования. Правда, приходится использовать больше людей; но в Китае эта сила всегда наготове, стоит мало и ее неизменно предпочитают всякой другой»⁸⁹. Точно так же описание африканского или азиатского каравана у Ибн Баттуты (1326 г.) можно было бы заменить описаниями некоего безымянного английского путешественника XVI в., или Рене Кайе (1799–1838 гг.), или немецкого исследователя Георга Швейнфурта (1836–1925 гг.). Зрелище оставалось тем же, как бы вневременным. В ноябре 1957 г. я еще видел на дорогах Польши в окрестностях Кракова тьму направлявшихся к городу крестьянских узких четырехколесных телег, нагруженных людьми и усталыми сосновыми ветками, иглы которых, словно волосы, мели дорожную пыль позади телег. Зрелище это, которое ныне, несомненно, переживает свои последние дни, в такой же мере было реальностью и в XV в.

То же самое было и на море: китайские или японские джонки, пироги с балансиrom малайцев или полинезийцев, арабские суда на Красном море или в Индийском океане – все это были почти не менявшиеся исторические персонажи. Эрнст Захау, специалист по истории Вавилона (1897–1898 гг.), описал эти араб-

⁸⁹ Macartney G. *Op. cit.*,
IV, p. 17; III, p. 368.

ские суда из досок, связанных пальмовыми веревками, без единого железного гвоздя, так же хорошо, как и Белон из Мана (1550 г.) или Джемелли Карери (1695 г.). Последний записывал по поводу судна, которое строилось в Дамане (Индия) у него на глазах: «Гвозди были деревянные, а конопатили хлопком»⁹⁰. Такие парусники во множестве сохраняются до появления английских пароходов; и даже еще сегодня они то тут, то там оказывают такие же услуги, что и во времена Синдбада-Морехода.

⁹⁰ Gemelli Careri G. F. *Op. cit.*, III, p. 29.

В ЕВРОПЕ

Вполне очевидно, что в Европе провести хронологическое разграничение возможно. Мы знаем, что экипажи с поворотной передней тележкой, ведущие свою родословную от артиллерийских повозок, стали употребляться *по-настоящему* лишь около 1470 г.; что кареты, в своем зачаточном виде, появились только во второй половине или в конце XVI в. (а стекла появятся в них

Варшава на левом берегу Вислы. Вдоль реки — непрерывная череда судов: грузовые парусники, баржи, плоты. Рисунок З. Фогеля, конец XVIII в. (Фото А. Скаржинской.)

лишь в XVII в.); что дилижансы восходят к XVII в.; что почтовые экипажи для путешественников и итальянские наемные кареты (извозчики-*vetturini*) в большом количестве появятся лишь в эпоху романтизма и что первые шлюзы датируются XIV в. Но эти новшества не могут скрыть бесчисленных проявлений постоянства в основах повседневной жизни. Точно так же и в изменчивом мире судостроения имелись непреодолимые верхние пределы — пределы тоннажа, скоростей; они составляли нечто постоянное, «потолок».

С XV в. генуэзские каракки имели водоизмещение в 1500 тонн. Венецианские корабли водоизмещением в тысячу тонн грузились объемистыми кипами сирийского хлопка. Рагузинские грузовые парусники XVI в. водоизмещением в 900–1000 тонн специализировались на соляной торговле, на перевозке шерсти, зерна, ящиков сахара, занимавших много места кип кожи⁹¹. В XVI в. морские гиганты – португальские каракки – водоизмещением до 2 тыс. тонн могли брать на борт больше 800 человек команды и пассажиров⁹². И тогда, если использованное при их постройке дерево было недостаточно сухим, если в борту открывалась течь, если буря выбрасывала их на мели Мозамбикского побережья и если более легкие корсарские корабли окружали такого мастодонта, захватывали его и сжигали, – все это означало огромные материальные потери. «Божья мать» («*Madre de Dios*»), захваченная англичанами в 1592 г., не смогла подняться по Темзе из-за своей осадки. Ее водоизмещение превышало 1800 тонн, и взявший ее сэр Джон Бэрроу, помощник Рэли*, описывал ее как чудовище⁹³.

В общем, в течение доброго столетия до *Непобедимой армады* 1588 г. искусство морских верфей достигло своего рекордного уровня. Только многотоннажные, или дальние, перевозки, гарантированные фактической или узаконенной монополией, позволяли роскошь такого крупного тоннажа. Водоизмещение величественных «индийских кораблей» (*indiamen*) конца XVIII в., специализировавшихся, несмотря на свое название, на торговле с Китаем, почти никогда не бывало больше 1900 тонн. Это был предел, predeterminedный конструкционным материалом, парусным вооружением, установленными на борту пушками, – он налагал свои ограничения. Но верхний предел – это противоположность средней величине. Вплоть до последних дней парусного мореходства по морям плавали очень небольшие суда – в 30, 40, 50 тонн. Только около 1840 г. применение железа позволит строить более крупные корпуса. До этого корпус водоизмещением в 200 тонн был правилом, в 500 – исключением, а в 1000 или 2000 тонн – курьезом.

СМЕХОТВОРНЫЕ СКОРОСТИ И ПРОПУСКНАЯ СПОСОБНОСТЬ ДОРОГ

На плохих дорогах – ничтожные скорости. Так рассуждает человек 1979 г., и его точка зрения имеет свой резон. Он видит огромные препятствия для любой активной жизни в прошлом лучше, нежели современник, для которого это было повседневной действительностью. Поль Валери уже говорил: «Наполеон шел так же медленно, как и Юлий Цезарь». Именно это доказывают три карты-схемы (с. 454–455), которые позволяют измерить скорость доставки новостей в направлении Венеции: между 1497 и 1537 г. – по «Дневникам» Марино Сануто, венецианского патриция, который день за днем отмечал даты поступления получаемых Синьорией писем и даты их отправки; затем с 1686 по 1701 и с 1733 по 1735 г. – по рукописным газетам, издававшимся в Венеции, настоящим «рукописным новостям», как говаривали

⁹¹ Heers J. *Gênes au XVe siècle*. 1961, p. 274 sq.; Braudel F. *Médit...*, I, p. 527.

⁹² *ibid.*, p. 277.

* Рэли Уолтер (1552–1618) – английский мореплаватель, организатор пиратских экспедиций к берегам Америки, поэт, драматург и историк. – *Прим. ред.*

⁹³ Отчет сэра Джона Бэрроу о захвате корабля см.: Hakluyt R. *The Principal Navigations...*, ed. 1927, V, p. 66 sq; Sternbeck A. *Histoire des flibustiers*. 1931, p. 158 sq.

в Париже. Другие расчеты привели бы к тем же выводам, а именно: что, как правило, использовали ли лошадей, экипажи, суда или скороходов, делали самое большее 100 км в сутки. И это были рекорды: превосходящие их результаты были редки и оставались роскошью. В Нюрнберге в начале XVI в. можно было, уплатив соответствующую цену, доставить в Венецию заказ в четыре дня. Если крупных городов новости достигали быстро, то потому только, что те платили за скорость их доставки, и потому, что всегда были средства преодолеть пространство. Одним из таких средств станет, вполне очевидно, постройка усыпанных щебнем или мощенных камнем дорог; но последние надолго останутся исключением.

Скажем, мощенная камнем на всем своем протяжении дорога от Парижа до Орлеана обеспечила, невзирая на разбойников, которых еще в XVII в. опасались возле леса Торфу, быструю связь с Орлеаном – важнейшим речным портом Франции, равным, или почти равным, Парижу. К тому же Луара была самым удобным водным путем королевства, «самой широкой в своем русле, самой протяженной ... по коей можно под парусом пройти по королевству больше ста шестидесяти лье, чего не найдешь ни на какой [другой] реке Франции». Эта дорога из Парижа в Орлеан была «королевской мощеной» большой дорогой, пригодной для движения карет, «повозочной дорогой» («*strada di carri*»), как говорил уже в 1581 г. один итальянец. Точно так же и Стамбул-Йол – дорога из Стамбула в Белград через Софию – с XVI в. имела свои повозки, а в XVIII в. – и свои роскошные арбы⁹⁴.

Прогресс XVIII в. выразился, например, во Франции в расширении сети благоустроенных больших дорог. Откупная стоимость аренды французской почты поднялась с 1220 тыс. ливров в 1676 г. до 8800 тыс. ливров в 1776 г. Бюджет дорожного ведомства (Ponts et Chaussées), составлявший при Людовике XIV 700 тыс. ливров, достигал в преддверии Революции 7 млн.⁹⁵ А ведь бюджет этот обеспечивал только расходы на строительство, открытие новых дорог; поддержание в порядке старых осуществлялось за счет дорожной повинности, введенной административным путем около 1730 г., упраздненной Тюрго в 1776 г., в том же году восстановленной и переставшей существовать только в 1787 г. Во Франции насчитывалось тогда примерно 12 тыс. лье (т. е. 53 тыс. км) построенных дорог и 12 тыс. лье строившихся⁹⁶.

И вот в свой час появились дилижансы и в их числе – знаменитые «тюрготины». Современники находили их дьявольской, опасной затеей. Их «кузов узок, – говорил один из них, – и места там настолько тесные, что каждый просит соседа вернуть ему его ногу или руку, когда требуется выходить... Ежели на беду окажется путешественник с большим животом или широкими плечами... приходится кряхтеть или удирать»⁹⁷. Скорость их безрассудна, несчастных случаев множество, и никто не возмещает пострадавшим ущерб. На больших дорогах замощена была, впрочем, лишь узкая средняя полоса; два экипажа не могли разъехаться без того, чтобы одно из колес не попало на глинистую обочину.

⁹⁴ Braudel F. *Medit...*, I, p. 254, 260.

⁹⁵ Cavailles H. *La Route française, son histoire, sa fonction*. 1946, p. 86–94.

⁹⁶ Sée H. *Histoire économique de la France*, I, 1939, p. 294.

⁹⁷ Mercier L.-S. *Tableau de Paris*. *Op. cit.*, V, p. 331.

Отдельные редкостные по глупости комментарии уже предвещали те, которыми позднее встретят первые железные дороги. Когда в 1669 г. дилижанс покрыл путь от Манчестера до Лондона за один день, вспыхнули протесты: это означало конец благородного искусства верховой езды, крах тех, кто изготовлял седла и шпоры, и исчезновение лодочников с Темзы⁹⁸.

Тем не менее движение вперед продолжалось. Между 1745 и 1760 гг. наметилась первая революция в дорожных перевозках: снизились цены перевозок, да к тому же еще воспользовались этим «племя мелких капиталистов-спекулянтов». Они предвещали наступление новых времен.

И все же эти скромные рекорды касались только больших дорог. Во Франции вне «почтовых» дорог, вызвавших восхищение у Юнга⁹⁹, большую часть года невозможно было с удобствами перевозить тяжеловесные грузы и даже, как добавлял Адам Смит, «путешествовать верхом; единственное средство спасти свою шкуру — использовать мулов»¹⁰⁰. Далеко отстоявшие от дорог деревни оставались осуждены на некое полуудуше.

ПЕРЕВОЗЧИКИ И ПЕРЕВОЗКИ

По завершении жатвы или сбора винограда или в зимние месяцы перевозки были вторым ремеслом для миллионов крестьян на Западе, довольствовавшихся довольно скромной платой. Ритм их свободного времени определял верхние и нижние точки транспортной активности. Перевозки, организованные или неорганизованные, всегда были занятием бедных или по крайней мере имевших весьма скромные доходы человеческих групп. Равным образом и на море команды набирались из бедняков Европы и всего мира. Голландские корабли, господствовавшие в XVII в. на всех морях, не составляли исключения из этого правила. Так же обстояло дело и с удивительными американскими моряками, «англичанами второго сорта», как их называли китайцы, начавшими в конце XVIII в. покорять моря на крохотных, иногда в 50–100 тонн водоизмещением, кораблях, ходивших из Филадельфии или из Нью-Йорка в Китай. Говорили, что эти люди бывали пьяны при малейшей к тому возможности¹⁰¹.

Добавим к этому, что предприниматели-перевозчики обычно не бывали капиталистами крупного масштаба: прибыли их были невелики. Мы к этому еще вернемся¹⁰².

Но ведь, несмотря на умеренность цен и доходов, перевозки сами по себе были сопряжены с большими затратами: для средневековой Германии — в среднем 10% *ad valorem* [от цены товара], как считает один историк¹⁰³. Но такая средняя величина варьировала в зависимости от страны и периода. Мы знаем для 1320 и 1321 гг. цены на сукна, закупувавшиеся в Нидерландах и отправляемые во Флоренцию. По шести известным счетам транспортные издержки колебались от 11,7% *ad valorem* (нижний предел) до 20,3%, что составляло наивысший уровень¹⁰⁴. Это — для товаров немассовых и весьма дорогостоящих. Другие же почти не перевозились на далекие расстояния. В XVII в. прихо-

⁹⁸ Маколей (Macaulay), цит. по: Kulischer J. M. *Storia economica...* *Op. cit.*, II, p. 552.

Sir Besant W. *London in the time of the Stuarts*. 1903, p. 338–344.

⁹⁹ Young A. *Voyage en France*. 1793, I, p. 82.

¹⁰⁰ Smith A. *Op. cit.*, II, p. 382.

¹⁰¹ Dermigny L. *La Chine et l'Occident. Le commerce à Canton au XVIIIe siècle, 1719–1833*. *Op. cit.*, III, p. 1131 sq.

¹⁰² См. настоящую работу, т. II.

¹⁰³ Bechtel H. *Wirtschaftsgeschichte Deutschlands*. *Op. cit.*, I, p. 328.

¹⁰⁴ Saporì A. *Una Compagnia di Calimala ai primi del Trecento*. 1932, p. 99.

дилось «платить от 100 до 120 ливров, чтобы доставить из Бона в Париж бочку с вином, которая часто стоит не больше сорока ливров»¹⁰⁵.

Эти издержки в общем были на суше бóльшими, нежели на море. Отсюда проистекала известная вялость перевозок по суше на далекие расстояния; это, правда, способствовало оживлению перевозок по речным путям, но города и сеньеры увеличивали на них транзитные пошлины. А отсюда – задержки, досмотры, взятки, потеря времени. Даже в долине По или на Рейне купца доводили до того, что он предпочитал зачастую путь по суше таким водным путям, перекрытым цепями таможенных постов, протянутыми с одного берега на другой. Прибавим сюда немалый риск разбойничьих нападений, которые по всему свету были обычным делом, *маргинальным* признаком постоянного экономического и социального недуга.

В противоположность этому дорога по морю означала в некотором роде всплеск облегченной жизни, «свободу торговли». Существовала как бы премия для экономики, связанной с перевозками морем. С XIII в. стоимость зерна в Англии возрастала на 15% всякий раз, когда его перевозили по суше на расстояние 80 км, в то время как гасконское вино прибывало из Бордо в Халл или в Ирландию всего с 10-процентным увеличением цены, невзирая на долгое путешествие морем¹⁰⁶. В 1828 г. Жан-Батист Сэ объяснял своим слушателям в Коллеж де Франс, что жители приатлантических городов Соединенных Штатов «отапливают свои дома английским каменным углем, который привозят к ним более чем за тысячу лье, предпочитая его дровам из своих собственных лесов, которые находятся в десяти лье. Перевозка на десять лье по суше обходится дороже, нежели на тысячу лье морем»¹⁰⁷. Когда Ж.-Б. Сэ внушал эти элементарные понятия (повторяя аналогичные замечания Адама Смита), паровых судов еще не было в эксплуатации. И тем не менее морской транспорт, начиная с дерева, паруса и навесного руля, уже давно достиг своего совершенства, мы бы сказали предела *возможного*, вне сомнения потому, что орудие совершенствуется в употреблении.

И это в силу контраста подчеркивает и делает еще более удивительным отставание дорожного хозяйства. Последнему, чтобы достигнуть своего совершенства, пришлось дожидаться первого взлета промышленной революции, бурного времени 30–40-х годов XIX в., чтобы оказаться на пороге расцвета железных дорог. В самом деле, незадолго до того, как последние пришли на смену, невероятное преобразование дорожного хозяйства, начиная с «тюрготин» на рельсовом ходу, продемонстрировало, что было возможно *с точки зрения техники* совершить намного раньше. В те времена наблюдалось расширение дорожной сети: в США, где все уже тогда принимало грандиозные размеры, она выросла в восемь раз в 1800–1850 гг., в Австрийской империи в 1830–1847 гг. – больше чем вдвое; совершенствовались экипажи и улучшились почтовые станции; произошла демократизация перевозок. Эти изменения обязаны были своим зарождением не какому-то конкретному техническому открытию. Они просто оказались следствием крупных

¹⁰⁵ Saint-Jacob P. *Les paysans de la Bourgogne du Nord*. Op. cit., p. 164.

¹⁰⁶ *Storia della tecnologia*. P. p. C. Singer, op. cit., II, p. 534.

¹⁰⁷ Say J.-B. *Cours complet d'économie politique pratique*. Éd. 1966, II, p. 497, note 2.

Как приходили в Венецию новости

Изохронные линии в общем виде показывают, неделя за неделей, время, потребное для доставки писем;

на всех трех картах письма направляются в Венецию.

Первая карта составлена по данным трудов П. Сарделлы (1500 г., точнее: 1496-1534 гг.).

Вторая и третья — по материалам венецианских рукописных газет, хранящихся в лондонском Record Office.

Анализ их проделал для меня Ф. Спунер.

Радиусы серого цвета тем шире, чем выше средняя скорость доставки.

Различия от одной карты к другой могут показаться весьма значительными для той или иной оси.

Эти различия объясняются увеличением числа курьеров сообразно требованиям момента.

В общем продолжительные сроки доставки на третьей карте сходны со сроками на первой,

тогда как на второй такие сроки иногда бывают явно меньшими.

Такое доказательство отнюдь не может считаться бесспорным.

В принципе сравнение скоростей следовало бы производить, исходя из размеров площадей,

ограничиваемых изохронными кривыми того же порядка.

Но площади эти не очерчены с должной точностью.

Однако, если попытаться наложить их друг на друга, они представляются в весьма общих чертах одного размера;

то или иное увеличение уравнивается тем или иным сокращением.

Едва ли следует говорить, что переход к площадям в кв. км и к скорости в днях производился с необходимыми предосторожностями.

вложений, целенаправленных систематических улучшений, ибо экономический рост того времени сделал их и «рентабельными», и необходимыми.

ТРАНСПОРТ КАК ТОРМОЗ ЭКОНОМИКИ

Приведенные выше краткие пояснения не преследовали цели дать описание транспорта; они не смогли бы, например, обобщить весьма обширный комментарий классического труда В. Зомбарта¹⁰⁸. Впрочем, я еще вернусь к некоторым аспектам этого вопроса¹⁰⁹. Я стремился бегло показать, в какой мере обмен, представляющий орудие любого прогрессирующего экономического общества, оказывался стеснен пределами, которые устанавливал транспорт: его медлительностью, слабой пропускной способностью, нерегулярным характером и, наконец, его высокой себестоимостью. Все упиралось в это «невозможное». Чтобы привыкнуть к этой реальности прошлого длительной временной протяженности, напомним уже приводившиеся слова Поля Валери: «Наполеон передвигался так же медленно, как Юлий Цезарь».

На Западе лошадь, олицетворение скорости, была средством борьбы с расстояниями *par excellence* – средством, которое ретроспективно представляется нам смехотворным. Но Запад старался усовершенствовать ее службу: лошадей становилось больше, упряжки в пять, шесть, восемь лошадей позволили применять тяжелые экипажи, подставы на дорогах для почты и спешащих путешественников позволяли использовать свежих лошадей, да и сама дорога становилась лучше... Если это было так, то, возможно, потому, что наземный транспорт превосходил – и намного превосходил! – транспорт речной и перевозки по каналам, неизменно очень медленные¹¹⁰. Даже для транспортировки угля на севере Франции в XVIII в. чаще еще пользовались гужевым транспортом, нежели услугами лодочников¹¹¹.

Эта как бы заранее проигранная война с пространством наблюдается во всех регионах мира. Отправиться в Китай или в Персию значило *a contrario* убедиться в значении лошади, потому что там чаще всего прибежали к силе человека. В Китае, как утверждали, носильщик идет столь же быстро, как и мелкие татарские лошади. В Персии лошади были великолепны, но прежде всего как боевые кони и предмет роскоши, «их сбрую украшали золото, серебро и драгоценные камни». Их почти не использовали для перевозок и доставки срочных сообщений. Прибежали именно к человеку, именно ему доверяли срочные письма, векселя, драгоценные товары. «Таких скороходов, – сообщает нам в 1690 г. Шарден, – называют *шати́р*, каковое название дают выездным лакеям и всем тем, кто умеет хорошо бегать и быстро ходить. На дороге их узнаешь по бутылке с водой и небольшому мешку за плечами, каковой им служит котомкой, дабы нести в ней еду на тридцать или сорок часов, потребных на дорогу. Ибо, чтобы идти быстрее, они оставляют большую дорогу и идут проселками. И еще их можно узнать по обуви и по большим колокольцам на поясе, которые звенят как колоколь-

¹⁰⁸ Sombart W. *Der moderne Kapitalismus*. *Op. cit.*, II, p. 231–420.

¹⁰⁹ См. настоящую работу, т. II.

¹¹⁰ См. настоящую работу, т. II.

¹¹¹ Rouff M. *Les Mines de charbon en France au XVIIIe siècle (1744–1791)*. 1922, p. 368 sq.

чки мулов и которые они носят, чтобы поддерживать себя в бодрствующем состоянии. Эти люди потомственно занимаются своим ремеслом. С семи- или восьмилетнего возраста их обучают ходить крупным шагом на одном дыхании». И так же точно «королевские повеления в Индии переносятся двумя пешими гонцами, которые движутся все время, бегом и сменяются каждые два лье. Пакет они совершенно открыто несут на голове. Об их приближении узнают по их колокольчикам, как узнают о почте по рожку фореитора. И когда они достигают подставы, то падают ничком на землю, и с них снимают пакет, каковой тут же уносят два человека, стоящие в полной готовности». Такие гонцы делали в день от 10 до 20 лье¹¹².

¹¹² *Voyage du Chevalier Chardin... Op. cit.*, IV, p. 24, 167–169.

НЕСПЕШНАЯ ИСТОРИЯ ТЕХНИКИ

Ускорение, торможение... Техника – это и тот и другой из этих процессов, зачастую сначала один, потом другой. Она подталкивает жизнь людей вперед, потихоньку достигает нового равновесия, лежащего на более высоком уровне, затем надолго там задерживается. Ибо она незаметно стагнирует или движется вперед от одной «революции» к другой, от одной инновации к следующей. Все происходит так, словно все время включены тормоза, и я хотел бы сильнее, чем я это делал, подчеркнуть их влияние. Но всегда ли это возможно? И в том и в другом смысле, в движении или в неподвижности, техника есть сама толща человеческой истории. И именно поэтому историки, считающие себя специалистами по истории техники, почти никогда не оказываются способными охватить ее в целом.

ТЕХНИКА И ЗЕМЛЕДЕЛИЕ

Так, несмотря на жесты доброй воли и объемистые главы, где пытаются побыстрее сказать по крайней мере то, что следует об этом знать, специалисты-историки уделяли очень малую долю внимания технике земледелия. Однако на протяжении тысячелетий земледелие было великой «индустрией» человека. Но историю техники чаще всего изучали как предысторию промышленной революции. И в этом случае механика, металлургия, источники энергии выступают на первый план, даже если земледельческая техника и своими рутинными приемами, и своими изменениями (потому что земледелие изменяется, какими бы медленными ни были его изменения) влечет за собой величайшие последствия.

Расчищать землю под пашню – это одна технология. Распахивать многолетнюю залежь – это другая технология: здесь нужны тяжелые плуги, мощные упряжки и увеличение количества рабочей силы, требуется помощь соседей (работа *por favor*

на распашке нови в Португалии). Расширять пахотные земли означает сводить на них лес, корчюя пни или оставляя их, выжигать, опаживать деревья; или же осушать земли, строить дамбы, орошать – все это технические приемы, применявшиеся в Китае так же, как в Голландии или Италии, где по меньшей мере с XV в. «бонификации» земель стали крупными предприятиями, в которых вскоре начали регулярно участвовать *инженеры*.

К тому же, как мы уже видели, всякое движение человечества вперед, любое умножение числа людей следовали за каким-то преобразованием в земледелии или по крайней мере ему сопутствовали. В Китае, как и в Европе, новые растения, выходцы из Америки (в первом случае – маис, арахис, батат; во втором – маис, картофель, фасоль), отметили крупнейшие повороты в истории. Но ведь новые растения – это, несомненно, технология, которую надлежит изобрести, приспособить, усовершенствовать; и все это всегда медленно, и даже очень медленно, но в конечном счете происходит в массовом масштабе, ибо земледелие, обработка земли, – это, можно сказать, «массовое из массового». А инновация никогда не имела ценности сама по себе, а лишь в зависимости от общественных сдвигов, которые ее поддерживали и навязывали.

ТЕХНИКА КАК ТАКОВАЯ

Следовательно, если мы зададим вопрос: существует ли техника сама по себе? – ответ определенно будет отрицательным. Мы это уже говорили и повторяли в применении к векам, предшествовавшим промышленной революции. Но вот недавняя работа¹¹³ дает такой же ответ и относительно нашего времени: конечно же, сегодня наука и техника объединяются, чтобы господствовать над миром, но подобный союз неизбежно предполагает определенную роль современных обществ, которые способствуют прогрессу или тормозят его совсем как в прошлом.

Кроме того, до XVIII в. наука еще мало заботилась о [практических] решениях и их применении. Такие исключения, как открытия Гюйгенса (маятник – в 1656–1657 гг., пружинный часовой механизм – в 1675 г.), означавшие переворот в часовом деле, или труд Пьера Бугера «Трактат о корабле, его строении и его движении» (1746 г.), лишь подтверждают правило. Технология, т. е. совокупность наставлений, основанных на опыте ремесленного производства, кое-как складывалась и неспешно развивалась. Запаздывают с появлением превосходные руководства: «О горном деле и металлургии» («*De Re Metallica*») Георга Бауэра (Агриколы) относится к 1556 г., книга Агостино Рамелли «Разнообразные и искусно устроенные машины» («*Le Diverse et Artificiose Machine*») – к 1588 г., труд Витторио Дзонки «Новое представление машин и сооружений» («*Nuovo Teatro di machine ed edifici*») – к 1621 г., а справочник Бернара Форэ «Карманный словарь инженера» («*Le Dictionnaire portatif de l'ingénieur*») – к 1755 г. Медленно возникало ремесло «инженера». В XV и XVI вв. «инженер» занимался военным делом, предлагал свои

¹¹³ Gaudin T. *L'Écoute des silences*. 1978.

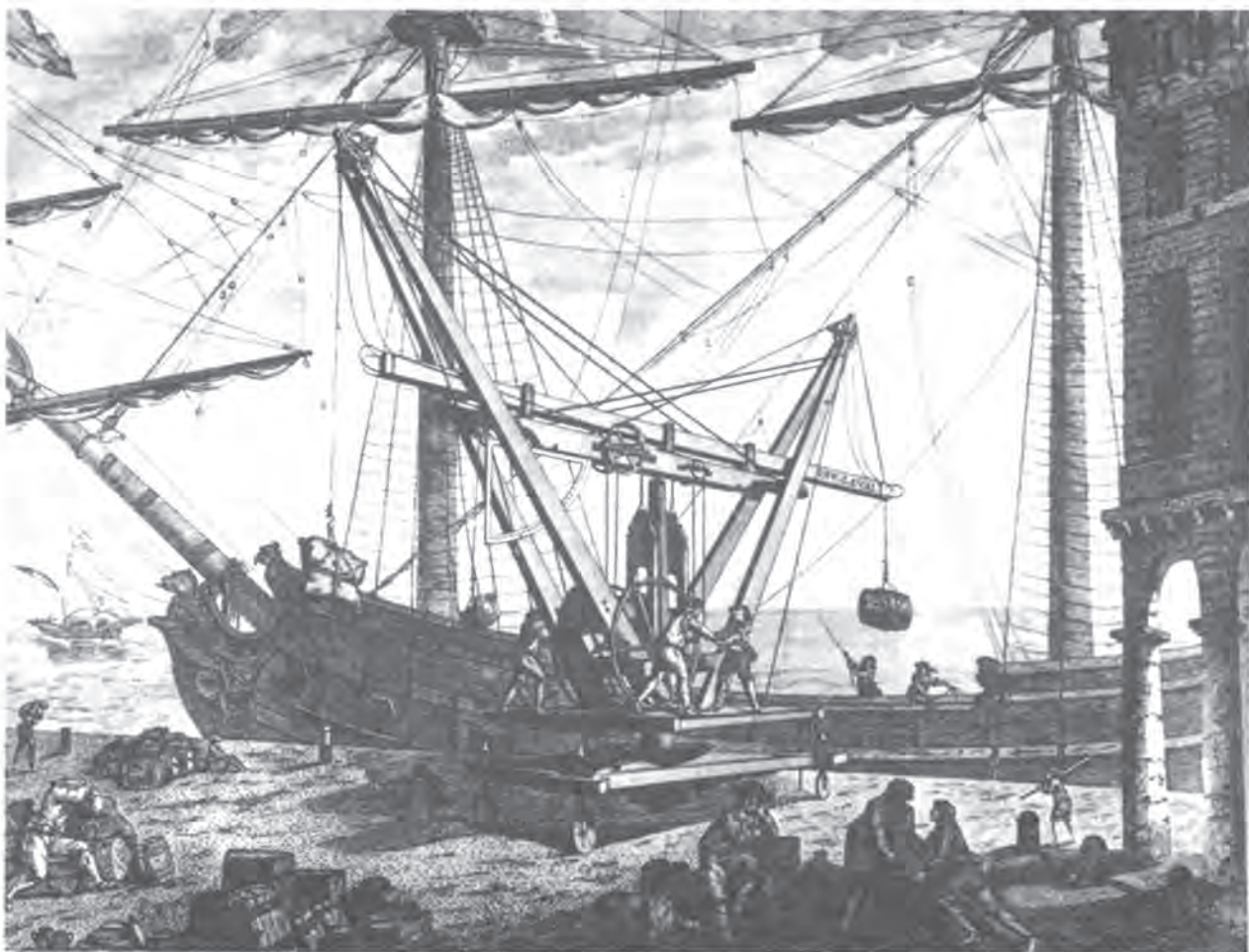

Средневековый подъемный кран в Брюгге: массивное деревянное сооружение с большим колесом, которое приводили в движение три человека. Баварская Государственная библиотека. Мюнхен.

услуги в качестве архитектора, гидротехника, скульптора, живописца. Здесь до XVIII в. тоже не было систематического образования: Школа мостов и дорог была создана в Париже в 1743 г.; Горная школа была открыта в 1783 г. и построена по образцу саксонской Горной академии (*Bergakademie*), созданной в 1765 г. во Фрейберге, старом горнопромышленном центре Саксонии, откуда выйдет столько инженеров, в частности приглашенных работать в России.

Несомненно, что на производственном уровне ремесла сами собой все более специализировались. В 1568 г. швейцарский ремесленник Йост Амман перечисляет 90 различных ремесел; «Энциклопедия» Дидро называет 250; а в 1826 г. каталог фирмы «Пигот» в Лондоне дает для великого города список 846 разных профессий – некоторые из них выглядят забавно и определенно маргинальны¹¹⁴. И все это, несмотря ни на что, происходило очень медленно. Технические решения на местах служили препятствием. В середине XVI в. забастовки рабочих-печатников во Франции были вызваны модификацией печатного станка, которая повлекла за собою сокращение числа рабочих. Не менее характерным было и сопротивление рабочих введению «колотушки» (*mailloche*) – усовершенствования, облегчавшего работу *forces* – огромных ножниц для стрижки ворса сукон. Больше того,

¹¹⁴ *Storia della tecnologia*. P.p. C. Singer, III, p. 121.

Двойной подъемный кран в дюнкеркском порту в 1787 г. Понижающая передача, легкость перемещения устройства, поставленного на колеса и поворачивающегося вокруг своей оси; конструкция выполнена частично в металле. Это огромный прогресс в сравнении с брюггским краном, но пока еще все приводит в движение сила человеческих рук.
 Национальная библиотека.
 (Фото М. Кабо.)

если текстильная промышленность с XV до середины XVIII в. мало развивалась, то это потому, что ее экономическая и социальная организация, далеко продвинувшееся разделение труда и нищета ее рабочих позволяли ей, такой, какая она была, удовлетворять потребности рынка. Сколько было препятствий! Дж. Уатт имел основание признаться своему другу Снеллу (26 июля 1769 г.): «В жизни ничего нет более безумного, чем изобретательство» («*That in life there is nothing more foolish than inventing*»). Потому что всякий раз, для того чтобы преуспеть в этой сфере, требовалось получить разрешение общества.

В Венеции патенты на изобретения, серьезные или несерьезные, зафиксированные в сводах реестров и дел Сената¹¹⁵, в девяти случаях из десяти решали насущные проблемы города: делали доступными для плавания водные потоки, впадающие в лагуну; прокладывали каналы; поднимали воду; осушали заболоченные земли; заставляли работать мельницы без применения энергии воды — и не без основания, ибо все происходило в мире стоячих вод; приводили в движение пилы, жернова, молоты для измельчения в порошок танина или же сырья, из которого изготовлялось стекло. Общество диктовало свою волю.

¹¹⁵ A.d.S. Venezia, Senato terra.

Изобретатель, которому повезло увлечь государя, мог получить «патент на изобретение или, точнее говоря, привилегию, позволявшую монополюльно эксплуатировать какое-либо изобретение». Правительство Людовика XIV раздавало в большом количестве такие привилегии, «относившиеся к самым разным областям техники. Таков был, к примеру, способ экономичного отопления, в которое мадам де Ментенон вложила кое-какие капиталы»¹¹⁶. Но с тем же успехом подлинные открытия оставались на бумаге, потому что никто не имел в них надобности и не мог себе такую надобность вообразить.

Вот так вот наивный изобретатель первых лет царствования Филиппа II Бальтасар де Риос тщетно предлагал построить пушку крупного калибра, которую в разобранном виде перенесли бы на себе несколько сотен солдат¹¹⁷. В 1618 г. прошла незамеченной «Естественная история источника, который горит возле Гренобля» («*Histoire naturelle de la fontaine qui brûle près de Grenoble*»); и однако же ее автор Жан Тарден, врач в Турноне, исследовал в ней «естественный газометр на источнике» и привлек внимание к перегонке каменного угля в закрытом объеме за два столетия до триумфа осветительного газа. В 1630 г., больше чем за столетие до Лавуазье, перигорский врач Жан Рэ объяснял увеличение веса свинца и олова после прокаливания «включением весомой составной части воздуха»¹¹⁸. В 1635 г. Швентер изложил в своих «Физико-математических досугах» («*Délassements physico-mathématiques*») принцип электрического телеграфа, благодаря которому «два индивидуума могут сообщаться друг с другом при помощи магнитной стрелки». Что до магнитной стрелки, то нужно будет дожидаться опытов Эрстеда в 1819 г. «И подумать только, что Швентер известен меньше, чем братья Шапп!»¹¹⁹ В 1775 г. американец Бюшбелл изобрел подводную лодку, французский военный инженер Дюперрон – митральезу, «военный орган».

И все это впустую. Так же точно и Ньюкомен изобрел свою паровую машину в 1711 г. Тридцатью годами позднее, в 1742 г., в Англии действовала единственная такая машина, и две были установлены на континенте. Успех пришел в последующие 30 лет: в Корнуолле было построено 60 машин для откачки воды из оловянных рудников. И тем не менее в конце XVIII в. во Франции использовалось в черной металлургии только пять таких машин. Не менее показательна и задержка выплавки металла на коксе, о которой мы говорили.

Прогресс задерживали тысячи причин. Что пришлось бы делать с рабочей силой, которая рисковала остаться без применения? Монтескье уже упрекал мельницы в том, что они лишили работы сельскохозяйственных рабочих. Посол Франции в Голландии маркиз де Боннак в письме от 17 сентября 1754 г. требовал себе «добротного механика и притом способного раскрыть секрет различных мельниц и машин, кои употребляются в Амстердаме и избавляют от употребления труда множества людей»¹²⁰. Но как раз эти-то затраты, это употребление – надо ли их сокращать? И «механик» отправлен не будет.

Оставался, наконец, вопрос себестоимости: он в высшей степени интересовал капиталиста. Промышленная революция в

¹¹⁶ Bloch M. *Mélanges historiques*. 1963, II, p. 836.

¹¹⁷ Arch. Simancas. E° Flandes, 559.

¹¹⁸ Wolf A. *A History of Science, technology and philosophy in the 16th and 17th centuries*, p. 332 sq.

¹¹⁹ Schwenter D. *Deliciae physico-mathematicae oder mathematische und philosophische*

Erquickstunden. 1636.

¹²⁰ A. N., A. E., B^{III}, 423, La Haye, 7 sept. 1754.

хлопкопрядении уже широко продвинулась, а английские предприниматели, организовавшие прядение на фабриках, продолжали прибегать к ручному ткачеству. В самом деле, трудность всегда заключалась в том, чтобы снабжать ткачей нитью. С устранением этого «узкого места» зачем было стараться в свою очередь механизировать ткачество, благо труд на дому покрывал спрос? Потребуется, чтобы последний сильно возрос и в то же время усилились требования об увеличении заработной платы ткачей, для того чтобы решение вопроса о механизации ткачества стало неизбежным. Но поскольку тогда вознаграждение за ручное ткачество катастрофически упало, то можно было еще долго видеть, как предприниматели предпочитали ручной труд новой технике из простых соображений себестоимости. Можно задать себе вопрос, что бы произошло, если бы английский хлопковый бум остановился на полдороге... Так что любая инновация десятков, сотню раз оказывалась перед препятствием, которое надо было преодолевать. То была война упущенных возможностей. У меня будет случай еще раз повторить это по поводу невероятно медленного внедрения плавки чугуна на коксе, существенной, но неосознанной перипетии английской промышленной революции.

И все же, отметив пределы техники, ее очевидные возможности, не будем недооценивать ее роль, которая была первостепенной. В конечном счете в тот или иной момент все начинает зависеть от нее, от ее вмешательства, делающегося необходимым. Покуда повседневная жизнь без особых трудностей вращается на своей орбите, в рамках своих унаследованных структур, покуда общество довольствуется своим одеянием и чувствует себя в нем удобно, никакие экономические мотивы не побуждают к переменам. Проекты изобретателей (а они были всегда) остаются в эскизах. Но как раз тогда, когда дела больше не идут, когда общество упирается в потолок возможного, и делается само собой обязательным обращение в технике, пробуждается интерес к тысяче и одному лежащему втуне изобретению, среди которых нужно узнать наилучшее, то самое, которое разрушит препятствия и откроет иное будущее. Ибо всегда имеются сотни возможных новшеств, в общем и целом дремлющих, которые в один прекрасный день становятся действительно необходимым разбудить.

Но не заслуживает ли лучшего объяснения картина сегодняшнего дня со времен спада 70-х годов? В числе прочих трудностей (сочетание безработицы и инфляции) – обнаружившаяся ненадежность нефтяной энергии, которая, как справедливо говорит Менц, рекомендует единственное решение: прибегнуть к инновации¹²¹. Но пути, по которым направляются исследования и капиталовложения, были известны задолго до 1970 г.: солнечная энергия, использование битуминозных сланцев, геотермальной энергии и газа, получаемого от ферментации растений, или спирта в виде эрзаца бензина – все они были использованы во время последней войны, будучи быстро доведены умельцами до работоспособного состояния. Потом их забросили. Разница заключается в том, что сегодня великий всеобщий кризис (один из тех «кризисов века», к которым мы еще вернемся) поставил

¹²¹ Mensch G. *Das technologische Patt*. 1977.

все развитые экономики в безвыходное положение: обновляй, либо умри, либо окажись в застое! Наверняка эти экономики выберут обновление. Подобный ультиматум, вне сомнения, предшествовал каждому из больших подъемов экономики, которые из века в век всегда имели поддержку со стороны техники. В этом смысле техника царит: именно она изменяет мир.

Коснуться денег означает подняться на более высокий уровень, на первый взгляд выйти за рамки плана этой книги. Однако же, если рассматривать всю совокупность фактов в более общей перспективе, денежное обращение предстает как инструмент, как структура и глубокая закономерность всякой слегка продвинувшейся системы обменов. И в особенности, где бы это ни происходило, деньги наслаивались на все экономические и социальные отношения. А вследствие этого они чудесный «индикатор»: по тому, как они обращаются, как их обращение затрудняется, по тому, как денежная система усложняется, или же по тому, как денег не хватает, можно довольно уверенно судить обо всей деятельности людей, вплоть до самых скромных явлений их жизни.

Деньги – это древняя реальность, или, лучше сказать, древнее техническое средство, предмет вожеланий и внимания; и тем не менее они не переставали удивлять людей. Они казались последним таинственными и вызывающими тревогу. Прежде всего, они были сложны сами по себе: сопутствующая им денежная экономика нигде не сложилась окончательно, даже в такой стране, как Франция XVI и XVII вв., и даже еще в XVIII в. Она проникла лишь в определенные области и в отдельные секторы и продолжала затруднять функционирование других. Будучи новшеством, такая экономика была еще более непривычна тем, что она несла с собой, нежели сама по себе. Что же она принесла? Резкие колебания цен на товары первой необходимости; непонятные взаимоотношения, в которых человек больше не узнавал ни себя, ни свои привычки, ни свои старые ценности: его труд становился товаром, а сам он – «вещью».

Бретонские старики крестьяне в речах, что вкладывает в их уста Ноэль дю Фай (1548 г.), выражают свое удивление и свою растерянность. Если столь уменьшилось благосостояние в крестьянских домах, так это оттого, что «ни курам, ни гусям, считайте, не позволяют дорасти до наилучшего качества, что их не носят на продажу [т. е. определенно на городской рынок] иначе, как для того, чтобы отдать деньги либо господину адвокату,

Мартин ван Реймерсваде
«Сборщики податей»
(XVI в.). Национальная
галерея. Лондон.
(Фото Жиродона.)

либо врачу (лицам ... почти что неизвестным вчера): одному – дабы напакостить своему соседу, лишить его наследства или засадить в тюрьму; другому – чтобы излечить человека от лихорадки, прописать ему кровопускание (какового, благодарение богу, я ни разу не испытал) или же клистир. А от всего этого блаженной памяти покойная Тифэн Ла-Блуа (знахарка-костоправка) исцеляла без такой нескончаемой пачкотни, болтовни и противоядий, чуть ли не одним только «Отче наш». Но вот «заносят из городов в наши деревни» все эти пряности и кондитерские товары, от перца до «засахаренных груш», совершенно «неведомых» нашим предкам и вредных человеческому телу, но

¹ Fail N. *Propos rustiques et facétieux. Op. cit.*, p. 32, 33, 34.

² Marquise de Sévigné, *Lettres. Op. cit.*, VII, p. 386.

³ A. N., Н 2933, ф 3.

«без коих, однако, в нашем веке и пир не пир – невкусен, худо устроен и лишен приятности». И один из собеседников отвечает: «Богом клянусь, куманек, вы говорите истинную правду, мне сдается, будто очутился я в новом мире»¹. Речи туманные, но не лишённые ясности, и перечень таких высказываний можно продолжить по всей Европе.

По правде сказать, всякое общество старинной «постройки», которое открывает двери деньгам, рано или поздно утрачивает достигнутое равновесие и высвобождает силы, которые с этого момента слабо поддаются контролю. Новая игра смешивает карты, даёт преимущество немногим, а остальных отбрасывает в неудачники. Под таким воздействием любое общество должно было обрести новый облик.

Расширение денежной экономики – это была все вновь и вновь возобновляющаяся драма как в странах, давно к ней привычных, так и в таких, куда она проникает заново, хоть они и не сразу это осознают: в османской Турции в конце XVI в. («бенефиции» спахийев – *тимары* – уступают место «чистой» частной собственности), в токугавской Японии, в то же время или около того ставшей жертвой типично городского и буржуазного по характеру кризиса. Но, коротко говоря, можно было бы прекрасно представить себе эти важнейшие процессы, изучив то, что происходит еще сегодня на наших глазах в некоторых развивающихся странах – скажем, в Тропической Африке, где в зависимости от случая больше 60 или 70% обмена остается вне сферы денежного обращения. Какое-то время человек еще может там жить вне рыночной экономики, «как улитка в своей раковине». Но он оказывается как бы осужденным с отсрочкой приведения приговора в исполнение.

И именно таких условно осужденных, которым, впрочем, не избежать своей судьбы, прошлое беспрестанно нам показывает. То были довольно наивные осужденные, удивительно терпеливые. Жизнь была по ним со всех сторон – справа, слева, – а они не понимали порой, откуда нанесен удар. Существовали арендная плата, плата за жилье, пошрины, обложенная габелью соль, обязательные закупки на городских рынках, подати. И эти требования так или иначе надлежало оплачивать звонкой монетой, а если не было серебряной монеты, то по меньшей мере медной. Бретонский арендатор г-жи де Севинье 15 июня 1680 г. доставил ей свою арендную плату: тяжелейший груз медных денег, всего на сумму 30 ливров². Пошрины на соль, долгое время взимавшиеся натурой, стали во Франции в обязательном порядке выплачиваться в деньгах после эдикта от 9 марта 1547 г., принятого по наущению оптовых торговцев солью³.

«Звонкая» монета тысячами путей внедрялась в повседневную жизнь. Государство нового времени было крупным ее поставщиком (налоги, денежные выплаты наемникам, жалованье должностным лицам) и извлекало (не одно оно!) немалую выгоду из смены ее владельцев. Обладателей выгодных мест было довольно много: тут и сборщик чрезвычайного налога, и сборщик габели, и ростовщик, и собственник, и крупный купец-предприниматель, и «финансист». Их сети были раскинуты повсюду. И естественно, такие богачи нового рода, как и сегодняшние, не

вызывали симпатии. В музеях на нас смотрят с картин лица тех, кто оперировал деньгами; и не единожды художник выражал ненависть и презрение к ним простого человека. Но эти чувства, эти приглушенные или громко высказанные требования, питавшие постоянное народное недоверие к деньгам как таковым (недоверие, от которого нелегко было избавиться первым экономистам),— все это в конечном счете почти не изменяло хода вещей. По всему миру крупные денежные потоки образовали маршруты, привилегированные перевалочные пункты, выгодные точки сопряжения с торговлей «королевскими товарами», приносившей огромные прибыли. Магеллан и Элькано совершили кругосветное плавание в трудных и драматических условиях. Но Франческо Карлетти и Джемелли Карери — первый с 1590 г., а второй с 1693 г.— объехали вокруг земного шара с мешком золотых и серебряных монет и с тюками отборных товаров. И возвратились домой⁴.

Разумеется, деньги были признаком (так же как и причиной) изменений и переворотов в денежной экономике. Они были неотделимы от того движения, которое ее порождало и создавало. В объяснениях, которые в старину давались на Западе, деньги слишком часто рассматривались сами по себе, а определение им давалось путем сравнения. Деньги суть «кровь общественного организма» (банальный образ, бытовавший задолго до открытия Гарвея)⁵, они — «товар»; эта истина повторялась на протяжении столетий. По словам Уильяма Петти (1655 г.), «они, так сказать, жир в политическом организме: избыток вреден для подвижности последнего, а недостаток вызывает заболевание»⁶, — это, скорее, суждение медика. В 1820 г. один французский негодант объяснял, что деньги «вовсе не плуг, с помощью которого мы возделываем землю и взращиваем плоды». Они лишь помогают обращению товаров «наподобие масла, которое облегчает движение машины; когда ее колеса достаточно притерлись, избыток смазки только вредит их работе»⁷; а это взгляд механика. Но такие образы все же более подходят, нежели весьма спорное утверждение Джона Локка, относящееся к 1691 г.: хороший философ и неважный экономист, он, как мы бы сказали, отождествлял деньги и капитал⁸; это примерно то же, что смешивать деньги и богатство, меру и измеряемую величину. Все эти определения оставляли в стороне главное, а именно — самую денежную экономику, в действительности давшую смысл существованию денег. Она утверждалась только там, где люди испытывали в ней надобность и могли выдержать ее издержки. Подвижность денег, их усложнение были функцией подвижности и усложнения экономики, которая влекла их за собой. В конечном счете будет столько видов монеты и монетных систем, сколько будет экономических ритмов, систем и ситуаций. В конце концов все занимает определенное место в единой игре без всяких тайн. При одном условии: все время, или почти все время, повторять себе, что существовала отличная от нынешней многоэтажная денежная экономика Старого порядка, незавершенная и не распространявшаяся на всех.

Между XV и XVIII вв. на огромных пространствах правилом оставался *прямой обмен (troc)*. Но всякий раз, когда это тре-

⁴ Gemelli Careri G. F. *Voyage du tour du monde*. I, p. 46, 10 sq. et passim.

⁵ Дата открытия

Гарвеем
кровообращения — 1628 г.

⁶ Petty W. *Verbum Sapienti*. (1691) — *Les Œuvres économiques*, I, 1905, p. 132.

⁷ Tollenare L. F. *Essai sur les entraves que le commerce éprouve en Europe*. 1820, p. 193, 210.

⁸ Я имею в виду *Some Considerations on the Consequences of the Lowering of Interest and Raising the Value of Money*. 1691; см.: Heckscher E. *La Époque mercantilista*. 1943, p. 648 sq.

бывалось, на помощь ему (в качестве самого первого усовершенствования) приходило обращение, так сказать, примитивных денег, «несовершенной монеты», всех этих каури и прочих, которые, однако, несовершенны лишь в наших глазах; экономические системы, которые их воспринимали, практически не могли выдержать иных денег. А зачастую и сами металлические монеты Европы имели свои недостатки. Как и прямой обмен, металлы не всегда отвечает стоящей перед ним задаче. И тогда, будь что будет, предлагала свои услуги бумага, вернее, кредит, *господин кредит* (*Herr Credit*), как его в насмешку именовали в Германии в XVII в. В основе своей это был один и тот же процесс на разном уровне. В самом деле, любая живая экономика исходит из собственного «денежного языка», новшества вводятся в соответствии с ее движением, и тогда все такие инновации выступают в роли теста. Система Лоу или современный ей скандал с английской Компанией Южных морей были совсем иным делом, чем финансовые ухищрения послевоенного времени, бессовестные спекуляции или разделение сфер влияния между «группами давления»⁹. Во Франции рождение кредита было трудным и шло с большими перебоями, оно было очевидным, но определенно мучительным. Принцесса Палатинская восклицала: «Часто я желала, чтобы адский огонь пожрал все эти векселя» – и клялась, что ничего в этой ненавистной системе не понимает¹⁰. Это беспокойство означало осознание необходимости пользоваться новым языком. Ибо денежные системы – это языки (пусть и нам простят образные выражения!), они призывают к диалогу, они его делают возможным. Они и существуют лишь постольку, поскольку существует последний.

Если в Китае не было сложной денежной системы (за исключением странной и затяжной «интермедии» с его бумажными деньгами), то потому, что он в ней не нуждался при контакте с соседними регионами, которые эксплуатировал, – Монголией, Тибетом, Индонезией, Японией. И если средневековый ислам столетиями доминировал на Старом континенте, от Атлантики до Тихого океана, то потому, что никакое государство, за исключением Византии, не могло соперничать с его золотой и серебряной монетой – *динарами* и *дирхемами*. Они служили орудием его могущества. И если средневековая Европа наконец усовершенствовала свою монету, то потому, что ей надлежало «штурмовать» стоявший перед нею мусульманский мир. Точно так же денежная революция, мало-помалу захлестнувшая в XVI в. Турецкую империю, проистекала из вынужденного вступления последней в «европейский концерт», что означало не один только пышный обмен послами. Наконец, Япония с 1638 г. закрыла свои двери для внешнего мира, но это только говорилось так: она оставалась открыта для китайских джонок и для голландских кораблей, имевших разрешения. Брешь была достаточно широка для проникновения в Японию товаров и денег, что заставляло принимать ответные меры, разрабатывать свои месторождения серебра и меди. Эти усилия оказались связаны в то же время с ростом городов в Японии XVII в. и с процветанием в привилегированных городах «настоящей буржуазной цивилизации». Все взаимосвязано.

⁹ Klaveren J. van. *Rue de Quincampoix und Exchange Alley, die Spekulationsjahre 1719 und 1720 in Frankreich und England.* – «*Vierteljahrschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte*», okt. 1963, S. 329–359.
¹⁰ Princesse Palatine. *Lettres... de 1672 à 1722.* 1964, p. 419, письмо от 11 июня 1720 г.

Одна из многочисленных карикатур XVII в., изображающая кончину «Господина Кредита», чей труп покоится на переднем плане. Вокруг него — безутешные люди. Речь идет о повседневном кредите, предоставлявшемся лавочниками мелкому люду и прерванном за неимение звонкой монеты. На сопровождающей гравюру подписи булочник говорит клиенту: «Когда у тебя будут деньги, у меня будет хлеб!» («Wann du Geld hast, so hab ich Brod»).
Германский Национальный музей. Нюрнберг.

Вот что делает очевидной своего рода внешнюю политику монетных систем, в которой ведущей силой порой оказывалась граница, навязывавшая «свою игру» либо своей силой, либо же своей слабостью. Беседовать с другим означало непременно найти общий язык, почву для соглашения. Заслугой «дальней торговли», *крупного торгового капитализма*, было умение говорить на языке всемирного обмена. Если даже, как мы увидим в нашей второй книге, такие обмены не имели приоритета по своему объему (торговля пряностями была, даже в стоимостном выражении, куда меньше хлебной торговли в Европе)¹¹, они играли решающую роль в силу своей эффективности, своей конструктивной новизны. Они были источником любого быстрого «накопления». Они вели за собой мир Старого порядка, и деньги служили им. Они могли идти за обменом или опережать его. Они *ориентировали* экономику.

НЕСОВЕРШЕННЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ДЕНЕЖНЫЕ СИСТЕМЫ

Описание элементарных форм денежного обмена было бы бесконечным. Картин много, и их следует классифицировать. Более того, диалог между деньгами совершенными (если таковые существуют) и несовершенными освещает до самых корней стоящие перед нами проблемы. Если история — это объяснение,

¹¹ См. настоящую работу, т. II.

то она должна здесь проявиться в полной мере. При условии, что будет избегать определенных ошибок: не следует считать, что совершенство и несовершенство не шли бок о бок и не сливались при случае; что два эти ряда не составляли одну и ту же проблему и что не обязательно всякий обмен (даже еще и сегодня) живет за счет разности потенциалов. Деньги – это также и способ эксплуатировать других у себя дома и за границей, способ «ускорять игру».

Что это было так еще в XVIII в., с очевидностью доказывает «синхронный» взгляд на мир. На бескрайних пространствах и среди миллионов людей мы оказываемся еще в гомеровской эпохе, где цена ахиллесова щита исчислялась в быках. Об этой картине вспоминал и Адам Смит. Он писал: «По словам Гомера, вооружение Диомеда стоило лишь девять быков, зато вооружение Главка – сотню». Такие «простые» человеческие общности составляли то, что сегодня экономист назвал бы «третьим миром»: какой-то «третий мир» существовал всегда. И постоянной его бедой было принятие диалога, который всегда был неблагоприятным для него. А ежели возникала надобность, этот мир принуждали к такому диалогу.

ПРИМИТИВНЫЕ ДЕНЬГИ

Как только происходит обмен товарами, немедленно же раздается и лепет денег. Роль денег, эталона всех обменов, старается играть тот товар, на который есть наибольший спрос, или же тот, что есть в изобилии. Так, соль была деньгами в «королевствах» бассейнов Верхнего Сенегала и Верхнего Нигера и в Эфиопии, где, по словам французского автора 1620 г., кубы соли «распиливали наподобие горного хрусталя: на кусочки в палец длиною», и они служили в равной мере и деньгами и пищей, «так что о них можно сказать с достаточным основанием, что деньги свои они поедают в натуре». Как же велика опасность, восклицал тут же осторожный француз, «что однажды их деньги окажутся растаявшими и обращенными в воду!»¹². Хлопковые ткани играли ту же роль на берегах Мономотапы* и на побережье Гвинейского залива; здесь при торговле неграми будут говорить «индийская штука», обозначая этим выражением количество хлопковой ткани (из Индии), которое обозначало цену одного человека, а потом и самого этого человека. Под «индийской штукой», будет вскоре говорить эксперты, понимается невольник в возрасте от 15 до 40 лет.

На этом же побережье Африки монетой служили также *маниллы* – медные браслеты, золотой песок *на вес* и лошади. Отец Лаба говорит о тех великолепных конях, которых мавры перепродают черным. «Они их оценивают, – писал он в 1728 г., – по пятнадцати рабов за голову. Это довольно забавная монета, но у каждой страны своя мода»¹³. Английские купцы, дабы вытеснить конкурентов, установили с первых лет XVIII в. непревзойденный тариф: «Они положили за индийскую штуку – невольника [цену] в четыре унции золота, или тридцать [серебряных] пиастров, или три четверти фунта коралла, или семь штук шот-

¹² Grammont S. *Le Denier royal*. 1620, p. 20.

Некоторые авторы говорят о такой соляной монете в форме маленьких брусков, размеры которых, по их словам, были различны в зависимости от места.

* Имеются в виду внутренние районы междуречья Замбези и Лимпопо, где существовало государство народа шона, которое европейцы именовали Мономотапа (от *Mwene mutapa* – господин Мутапа, по имени одного из правителей XV в.). – *Прим. ред.*

¹³ Labat J.-B. *Nouvelle Relation de l'Afrique occidentale*. III, p. 235.

ландской ткани». И однако же, в какой-нибудь негритянской деревне во внутренних районах куры – «такие жирные и нежные, что вполне стоят каплунов и пулярок в других странах», – были так многочисленны, что цена их составляла лист бумаги за курицу¹⁴.

Другая монета африканских берегов – более или менее крупные раковины разных цветов, из которых более всего известны *зимбо* (на берегах Конго) и *каури*. «*Зимбо*, – писал в 1619 г. один португалец, – это определенный вид морских улиток, очень мелких и сами по себе никакой ценности или цены не имеющих. Варварство прошлых времен ввело в обиход эту монету, каковую используют и по сие время»¹⁵. А впрочем, еще и сегодня, в XX веке! *Каури* – это тоже небольшие голубые, с красными бороздками раковины, из которых делают снизки. На затерянных в Индийском океане Мальдивских и Лакадивских островах ими загружали целые корабли, направлявшиеся в Африку, Северо-Восточную Индию и Бирму. В XVII в. голландцы специально ввозили их в Амстердам, дабы ими воспользоваться в дальнейшем. Некогда *каури* имели хождение в Китае на путях, вдоль которых продвигался буддизм, завоеывая здесь adeptов своего учения. К тому же отступление *каури* перед мелкой медной китайской монетой оказалось неполным, ибо в Юньнани, стране леса и меди, они, видимо, удержались в употреблении вплоть до 1800 г. Недавние исследования отмечают здесь относящиеся к поздней эпохе контракты по найму и купчие, заключенные в *каури*¹⁶.

Не менее странной оказывается и та монета, которую с удивлением обнаружил один из журналистов, недавно сопровождавших королеву Елизавету II и герцога Эдинбургского в Африке. «Туземцы внутренних районов Нигерии, – писал он, – покупают скот, оружие, сельскохозяйственную продукцию, ткани и даже своих жен не на фунты стерлингов Ее британского величества, но за странную монету из коралла, отчеканенную, [а лучше сказать, изготовленную], в Европе. Эти деньги ... рождаются в Италии, где их именуют *olivette*; их специально изготавливают в Тоскане, в одной ливорнской коралловой мастерской, которая сохранилась до наших дней». Эти «*оливетте*», просверленные в центре коралловые цилиндрики с желобками на внешней поверхности, сегодня имеют хождение в Нигерии, в Сьерра-Леоне, на Береге Слоновой Кости, в Либерии и даже дальше. Покупатель в Африке носит их на поясе в виде снизок; всякий может собственными глазами (*de visu*) оценить его состояние. В 1902 г. Гбеханзин купил за тысячу фунтов стерлингов нестандартную *оливетта* весом в килограмм и великолепного цвета¹⁷.

Но составить исчерпывающий перечень таких неожиданных форм монеты нам не удалось бы. Они скрываются повсюду. Исландия, согласно регламентам 1413 и 1426 гг., на столетия установила настоящий преysкурant на оплату товаров в сушеной рыбе: одна рыба за подкову, три – за пару женских башмаков, 100 – за бочку вина, 120 – за бочонок сливочного масла и т. д.¹⁸ На Аляске или в России Петра Великого эта роль выпала на долю пушнины: порой речь шла просто о квадратных кусках

¹⁴ *Ibid.*, p. 307.

¹⁵ *Monumenta missionaria africana, Africa ocidental.*

VI (1611–1621), p. p.

Antonio Brasio, 1955,

p. 405.

¹⁶ Статья Ли Цзяжуя

(Li Chia-Jui) (на

китайском языке)

отмечена под № 54

в «*Revue bibliographique*

de sinologie», 1955.

¹⁷ Статья в итальянских

газетах.

¹⁸ Einzig P. *Primitive*

money in its ethnological,

historical and economical

aspects. 1948,

p. 271–272.

Завоеватель Китая, император Хубилай повелел «чеканить» деньги из коры тутового дерева, на которую наносилась императорская печать. «*Livres des Merveilles*», Mss. fr. 2810, f° 45. (Фото Национальной библиотеки.)

¹⁹ Einzig P. *Op. cit.*, p. 47 sq.; Ingersoll E. Wampum and its history.—«*American Naturalist*», 1883.

²⁰ Randles W. G. *L'Ancien Royaume du Congo des Origines à la fin du XIX siècle*. 1968, p. 71–72.

²¹ Balandier G. *La Vie quotidienne au royaume de Kongo...* *Op. cit.*, p. 124.

меха, которые в отдельных случаях загромаждали кассы царских военных казначейств. Но в Сибири подати собирались именно драгоценными и имевшими хороший сбыт мехами, и именно мехами, «мягкой рухлядью», царь производил многочисленные платежи, в частности своим чиновникам. В колониальной Америке в зависимости от района деньгами служили табак, сахар, какао. В Северной Америке индейцы использовали маленькие цилиндрики белого и голубого цвета, выточенные из раковин и нанизанные как бусы: то были *вампумы*, которыми европейские колонисты будут на законном основании пользоваться до 1670 г. и которые фактически сохранятся по меньшей мере до 1725 г.¹⁹ Точно так же в XVI–XVIII вв. в Конго (в широком смысле, включая и Анголу) зародилась сеть рынков и активных обменов; и то и другое, несомненно, обслуживало главным образом «меновую торговлю» белых и их агентов-*помбейруи*, зачастую обосновывавшихся очень глубоко во внутренних областях. Здесь имели хождение две псевдомонеты: *зимбо* и куски ткани²⁰. Для раковин существовал эталон: на мерном сите мелкие отделялись от крупных (1 крупная равнялась 10 мелким). Что же касается тканей-денег, то их размер варьировал: *лубонго* был величиной с лист бумаги, а *мнусу* — со скатерть. Эти деньги, которые обычно считались на десятки, образовывали, таким образом, как и металлическая монета, шкалу ценностей с кратными и дробными величинами. Могли мобилизовываться и крупные суммы: в 1649 г. король Конго собрал 1500 тюков ткани, стоивших примерно 40 млн. португальских реисов²¹.

Всякий раз, когда возможно проследить судьбу таких псевдоденег после европейского проникновения, эволюция оказы-

²² Magalhães-Godinho V. *L'Economie de l'Empire portugais au XVe et XVIe siècles*. 1969, p. 390 sq.

²³ Balandier G. *Op. cit.*, p. 122–124.

ваается одной и той же, идет ли речь о *каури* в Бенгале²², о *вампумах* после 1670 г. или о конголезских *зимбо*,— она приводит к чудовищной инфляции, катастрофической из-за накопления запасов, из-за ускоряющегося, а то и вовсе обезумевшего обращения и из-за сопутствующего этому обесценения по отношению к доминирующим европейским валютам. А сюда добавляется еще и примитивная «фальшивая монета»! В XIX в. изготовление европейскими мастерскими фальшивых *вампумов* из стеклыруса повлекло за собой полное исчезновение старинной монеты. Португальцы оказались более изобретательны: около 1650 г. они завладели у берегов острова Луанда «денежными ловлями», т. е. местами добычи *зимбо*. А ведь последние с 1575 по 1650 г. уже обесценились в десять раз²³.

Из всего этого надлежит заключить, что всякий раз, когда первобытные деньги и в самом деле были деньгами, они обнаруживали все повадки и нравы, присущие деньгам. Их превращения сводят воедино историю столкновения между примитивными и развитыми экономиками, столкновения, какое означало появление европейцев на всех морях мира.

МЕНОВАЯ ТОРГОВЛЯ В САМОМ ЦЕНТРЕ ДЕНЕЖНОЙ ЭКОНОМИКИ

Что нам известно хуже, так это то, что почти такие же неравные отношения сохранялись внутри самих «цивилизированных» стран. Под довольно тонкой кожей денежной экономики сохранялась первобытная деятельность, смешивавшаяся и сталкивавшаяся с другими видами деятельности, например при регулярных встречах на городских рынках и в не меньшей степени — принудительно, на многолюдных ярмарках. В сердце Европы выжили рудиментарные формы экономики, со всех сторон окруженные экономикой товарно-денежной, которая их не упраздняла, сохраняя их для себя как бы в качестве внутренних колоний, находящихся под рукой. В 1775 г. Адам Смит говорил о шотландской деревушке, «где нередко видишь, как работник приносит булочнику или торговцу пивом гвозди вместо денег»²⁴. Около того же времени в некоторых глухих местах каталонских Пиренеев деревенские жители отправлялись в лавку с мешочками зерна для оплаты своих покупок²⁵. Но имеются примеры и более поздние, и более убедительные. По свидетельству этнографов, на Корсике по-настоящему эффективная денежная экономика утвердилась лишь после первой мировой войны. В отдельных горных районах «французского» Алжира этих перемен почти что не наблюдалось до второй мировой войны. Такова одна из глубинных драм Ауреса вплоть до 30-х годов XX в.²⁶, и эта драма позволяет представить себе бесчисленные крохотные замкнутые мирки в Восточной Европе, в каких-нибудь сельских или горных кантонах, или на американском Западе, пока понемногу в разное время их не подчинила себе в итоге весьма сходных процессов (сходных, невзирая на хронологическую отдаленность) товарно-денежная форма современности.

²⁴ Smith A. *Recherches sur la nature et les causes de la richesse des nations*. Éd. 1966, I, p. 29.

²⁵ Vilar P. *Or et monnaie dans l'histoire*. 1974, p. 321.

²⁶ Chiva I.— машинописный доклад о Корсике; см. также: Tillion G. *Dans l'Aurès: le drame des civilisations archaïques*.— «Annales E.S.C.», 1957, p. 393–402.

Франсуа Ла Буллэ, путешественник XVII в., сообщает, скажем, что в Черкесии и Мегрелии, т. е. между южными районами Кавказа и Черным морем, «чеканная монета вовсе не имеет хождения». Там практиковали лишь натуральный обмен, и дань, которую государь Мегрелии ежегодно выплачивает Великому Турку, — это дань «тканями и рабами». Посол, которому поручалось доставить эту дань в Стамбул, стоял перед специфической проблемой: как оплатить расходы на свое пребывание в турецкой столице? Действительно, свита его состояла из тридцати или сорока невольников, которых он продавал одного за другим, за исключением своего секретаря, с которым разлучается лишь при последней крайности, добавляет Ла Буллэ. После чего посол «возвращается в свою страну в одиночку»²⁷.

²⁷ La Boullayе F. *Les Voyages et observations du Sieur de la Boullayе...* 1653, p. 73–74.

Бронзовый жетон с клеймом флорентийских купцов Перуши (две груши). Г-н Бернокки, подаривший его мне, собрал в своей коллекции множество аналогичных монеток, которые, видимо, выпускали флорентийские фирмы для своих внутренних надобностей, так как зачастую на них бывают клейма двух семейств, совместно ведших дела (диаметр 20 мм). (Фото М. Кабо.)

Столь же многозначителен и пример Руси. В начале XV в. в Новгороде «пользовались еще ... только мелкой татарской монетой, частями куньих шкурок, кусками кожи с тисненной печатью. Лишь в 1425 г. начали чеканить *очень грубую* серебряную монету. А ведь Новгород опережал экономику Руси, внутри которой обмен долгое время совершался в натуральной форме»²⁸. Пришлось дожидаться XVI в., когда появились немецкая монета и слитки (ведь торговый баланс Руси был положительным), чтобы приступили к регулярной чеканке монеты. Притом в скромных размерах, а нередко чеканка монеты зависела еще от частной инициативы. В необъятной стране тут и там сохранялся натуральный обмен. И только с царствования Петра Великого области, до того изолированные, вступили в контакт друг с другом. Отставание России от Запада отрицать невозможно: имевшие решающее значение золотые запасы Сибири стали настоящему разрабатываться лишь с 1820 г.²⁹

В высшей степени примечательное зрелище представляла и колониальная Америка. Денежная экономика утвердилась только в крупных городах горнодобывающих стран — Мексики, Перу — и в районах, лежащих ближе к Европе, — на Антильских островах и в Бразилии (последняя вскоре оказалась в привилегированном положении из-за своих месторождений золота). Это не была совершенная денежная экономика, — отнюдь нет! — но цены в ней колебались, что было признаком уже определенной экономической зрелости, тогда как до XIX в. цены не колебались ни в Аргентине, ни в Чили (которая, однако, поставляла серебро и медь)³⁰. Эти цены обнаруживали необыкновенную устойчивость, их можно было бы назвать мертворожденными.

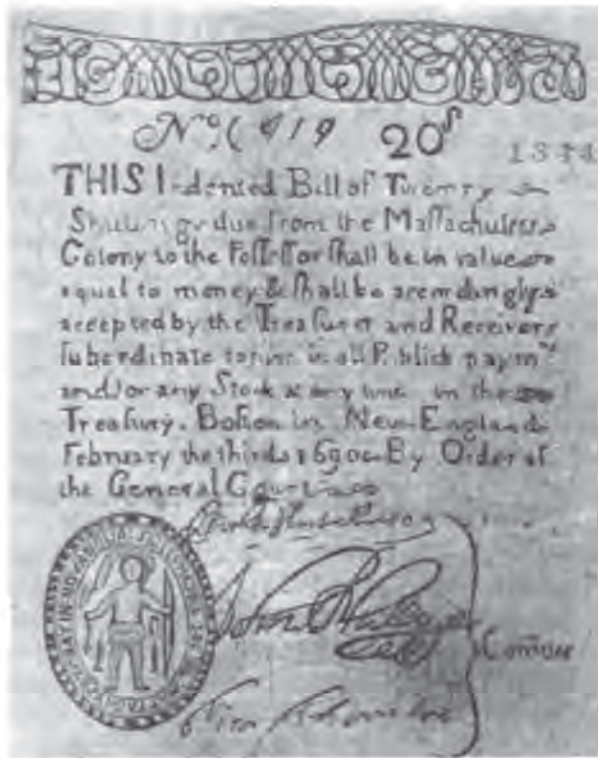
²⁸ Lesur C. L. *Des progrès de la puissance russe.* 1812, p. 96, note 4.

²⁹ Lexis W. *Beiträge zur Statistik der Edelmetalle.* — «Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik», 1879, S. 365.

³⁰ Romano R. *Une économie coloniale: le Chili au XVIIIe siècle.* — «Annales E.S.C.», 1960, p. 259–285.

По всему Американскому континенту товары зачастую обменивались на товары. Феодалные или полуфеодалные пожалования колониальных правительств служили признаком слабого распространения звонкой монеты. Естественно, что играли свою роль несовершенные денежные знаки: куски меди – в Чили, табак – в Виргинии, «деньги-карточки» («*argent de carte*») – во французской Канаде, *тлакос* (*tlacos*) – в Новой Испании³¹. Такие «*тлакос*» (слово мексиканское) считались за $\frac{1}{8}$ реала. То были мелкие монеты, созданные розничными торговцами, хозяевами тех *mestizas*, мелких лавочек, в которых продавали все: от хлеба и водки до китайских шелковых тканей. Каждый из таких лавочников выпускал свою разменную монету с собственным клеймом – деревянную, свинцовую, медную. При случае такие же-

³¹ Romero de Terrero M. *Los Tlacos coloniales. Ensayo numismático*. 1935, p. 4 et 5.

Денежный билет, выпущенный 3 февраля 1690 г. колонией Массачусетс в Новой Англии. Из Архива фирмы Молсон в Монреале, которая любезно предоставила мне его копию.

тоны обменивались на настоящие серебряные *песо* и обращались среди мелкоты; иные из них терялись, и все они годились для спекуляций, нередко грязных. Если дело происходило таким образом, то потому, что серебряные деньги были только крупного достоинства; они, по правде говоря, обращались выше уровня, доступного простым людям. А кроме того, каждая эскадра, приходившая в Испанию, изымала из американских владений весь их белый металл. И наконец, попытка создать медную монету в 1542 г. провалилась³². Так что приходилось вынужденно довольствоваться порочной системой, почти что первобытными деньгами. Не то ли самое произошло во Франции в XIV в.? Выплаты выкупа за Иоанна Доброго оказалось доста-

³² Romero de Terrero M. *Op. cit.*, p. 13–17. Медной монеты в Мексике не будет до 1814 г.

точно, чтобы лишить страну ее наличных денег. И тогда король стал выпускать кожаную монету, которую он выкупит несколькими годами позднее!

Те же трудности были и в английских колониях, как до, так и после их освобождения. В ноябре 1721 г. филадельфийский купец писал одному из своих корреспондентов, обосновавшемуся на Мадейре: «Я намеревался отправить немного пшеницы, но здешние кредиторы колеблются, а деньги настолько редки, что мы попадаем, а вернее сказать, уже некоторое время находимся в тисках из-за отсутствия платежных средств, без коих торговля — это занятие, полное неожиданностей»³³. В повседневном обмене стремились избегать таких «неожиданностей». В 1791 г. Клавьер и Бриссо, более чем известные действующие лица нашей Революции, отметили в своей книге о Соединенных Штатах чрезвычайную распространенность натурального обмена. «Вместо денег, все время уходящих и возвращающихся в одни и те же руки, — писали они с восхищением, — там в деревнях взаимно удовлетворяют потребности друг друга прямым обменом. Портной, кожевник приезжают изготавливать изделия своего ремесла к земледельцу, который имеет нужду в этих изделиях и который чаще всего доставляет им материал и оплачивает труд продовольствием. Этот вид обменов распространяется на многие предметы; с той и с другой стороны записывают, что дают и что получают, и в конце года с очень небольшим количеством наличности рассчитываются за великое множество разных обменов, которые в Европе производились бы только с большим количеством денег». И таким вот образом создавалось «великое средство обращения без наличности»³⁴.

Такое похвальное слово натуральному обмену и оплате услуг натурой как свидетельству прогрессивного своеобразия молодой Америки довольно забавно. В XVII и еще в XVIII в. оплата натурой была еще весьма частой в Европе, где она была пережитком прошлого, когда такие обмены были правилом. Невозможно перечислить вслед за Альфредом Допшем³⁵ всех этих золингенских ножовщиков, горняков, пфюрцгеймских ткачей, шварцвальдских крестьян-часовщиков — и те и другие оплачивались натурой: продовольствием, солью, тканями, латунной проволокой, мерами зерна; все такие продукты оценивались по крайне завышенной цене. То была *Trucksystem* (в общем, натуральный обмен), которую в XV в. столь же хорошо, как и Германия, знали Голландия, Англия, Франция. Даже немецкие «должностные лица» Империи, и *уж тем более* муниципальные служащие, получали часть своего жалованья натурой. А сколько школьным учителям еще в прошлом столетии платили птицей, сливочным маслом, пшеницей!³⁶ В индийских деревнях тоже во все времена оплачивали своих ремесленников (в ремесленных кастах дело наследовалось от отца к сыну) продовольствием, а в портах Леванта *baratto*, натуральный обмен, с XV в. был благоразумным правилом всех крупных купцов, во всяком случае всякий раз, когда им представлялась для этого возможность. И несомненно, что, именно следуя этой традиции натурального обмена, такие специалисты в области кредита, как генуэзцы XVI в., сообразили превратить *так называемые* безан-

³³ Ссылка утеряна.

³⁴ Clavière E. et Brissot J.-P. *De la France et des États-Unis*. 1787, p. 24 et note 1.

³⁵ Dopsch A.

Naturalwirtschaft und Geldwirtschaft in der Weltgeschichte. 1930.

³⁶ Как, скажем, на Корсике. См.: Braudel F. *Médit...*, I. p. 351, note 2.

сонские ярмарки, где оплачивались векселя со всей Европы, в подлинные *центры клиринговых расчетов* еще до того, как появилось само это слово. В 1604 г. некий венецианец был поражен теми миллионами дукатов, что переходили из рук в руки в Плезансе, где проводились такие ярмарки, притом что в завершение не видно было ничего, кроме нескольких горсточек экю, «золотых и в золоте»³⁷, т. е. реальных денег.

³⁷ Museo Correr, *Dona delle Rose*, 181, f.º 62.

ЗА ПРЕДЕЛАМИ ЕВРОПЫ: ЭКОНОМИКИ И МЕТАЛЛИЧЕСКАЯ МОНЕТА В МЛАДЕНЧЕСКОМ ВОЗРАСТЕ

Япония, страны ислама, Индия и Китай занимают промежуточное положение между Европой и первобытной экономикой — на полпути развития активных и завершенных товарно-денежных отношений.

В ЯПОНИИ И ТУРЕЦКОЙ ИМПЕРИИ

В Японии денежная экономика расцвела с наступлением XVII в. Однако обращение золотых, серебряных и медных монет почти не затронуло там массы населения. Древние деньги, представленные рисом, продолжали функционировать, грузы селетки по-прежнему обменивались на грузы риса. Но трансформация шла своим путем. У крестьян скоро оказалось достаточно медной монеты для того, чтобы платить ею подати с полей, засеянных не рисом (на остальных действовала старинная система барщинных работ и натуральной ренты). В западной части Японии во владениях *сёгуна* треть крестьянских повинностей будет оплачиваться деньгами. Некоторые *даймё* (крупные князья) вскоре располагали такой большой массой золота и серебра, что платили своим *самураям* (служившим у них дворянам) белой или желтой монетой. Это развитие шло медленно из-за грубого вмешательства властей, из-за того, что умы были настроены враждебно по отношению к новой системе, а самурайская этика запрещала своим приверженцам думать и даже говорить о деньгах³⁸. Крестьянскому и феодальному миру противостояла Япония по меньшей мере тройной денежной системы — правительственная, купеческая и городская, Япония на самом-то деле революционная. Бесспорными признаками достижения определенной зрелости были колебания цен (о которых нам известно), в особенности цен на рис, и колебания денежных повинностей крестьян, или, если угодно, резкая девальвация 1695 г., на которую *сёгун* решился в надежде «приумножить монету»³⁹.

³⁸ Takizawa M. *The Penetration of Money economy in Japan...* *Op. cit.*, p. 33 sq.

³⁹ *Ibid.*, p. 38–39.

Страны ислама, лежавшие между Атлантикой и Индией, располагали денежной системой, однако старинной и остававшейся замкнутой в своих традициях. Развитие ее происходило лишь к выгоде Ирана, активного перекрестка торговых путей, Османской империи и города, бывшего исключением, — Стамбула. В XVIII в. в этой огромной столице преискуранты фиксировали в национальных валютах цены товаров и таможенные пошлины *ad valorem*; здесь осуществлялись переводные операции на Амстердам, Ливорно, Марсель, Лондон, Венецию, Вену...

В обращении были золотые монеты — *султанины*, именовавшиеся еще *фондук*, или *фондукки* (*fonduc, fonducchi*): целая монета, половина и четверть ее; серебряные монеты — турецкие *пиастры*, так называемые *груш*, или *круш* (*grouch, grouch*); разменными монетами служили *пара* (*para*) и *аспре* (*aspre*). *Султаннин* стоил 5 *пиастров*, *пиастр* — 40 *пара*, *пара* — 3 *аспре*; самой мелкой реальной монетой (серебряной и медной) в обращении был *менкир* (*menkir*), или *гедуки* (*gieduki*), стоивший четверть *аспре*. Это стамбульское денежное обращение сказывалось далеко — в Египте и в Индии через Басру, Багдад, Мосул, Алеппо, Дамаск, где оживленную торговлю вели колонии армянских купцов. Все это не вызывает сомнений. Наблюдавшая с очевидностью определенная порча монеты, монеты иноземные ценились выше османских: венецианский золотой *цехин* стоил пять с половиной *пиастров*, голландский *талер* и *рагузинское скудо* (серебряные монеты) котировались в 60 *пара*, а за прекрасный австрийский *талер*, называвшийся *кара груш* («черный *груш*»), давали при обмене 101, а то и 102 *пара*⁴⁰. Уже в 1668 г. один венецианский документ отмечал, что можно выгадать до 30% на испанских *реалах*, отправленных в Египет. Другой документ, от 1671 г., сообщает, что на отправке в Стамбул *цехинов*, или *онгарри*, купленных в Венеции, можно было получить прибыль от 12 до 17,5%⁴¹. Таким образом, Турецкая империя расставляла силки на западную монету, та была необходима ей для ее собственного надежного обращения; турки предъявляли спрос.

Вступал в игру и дополнительный интерес: на Леванте «все [прибывающие] монеты без разбора идут в переплавку и, превращенные в слитки, отправляются в Персию и в Индию»; впоследствии они появятся в форме отчеканенных персидских *лариннов* или индийских *рупий*⁴². По крайней мере так утверждал один французский текст 1686 г. Тем не менее как до, так и после этой даты западные монеты целехонькими приходили что в Исфахан, что в Дели. Для купцов трудность состояла в том, что в Персии вся монета, какую они ввозили, должна была доставляться на монетный двор и перечеканиваться в *ларины*. В этом случае купцы теряли на стоимости самой чеканки. Вплоть до 1620 г. *ларин*, своего рода международная монета на Дальнем Востоке, ценился там выше реальной стоимости, так что одно уравнивало другое. Но на протяжении XVII в. *ларин* все больше утрачивал такое преимущество в пользу *реала*, так что во времена Тавернье многие купцы старались накопить в Персии *реалы* и контрабандой вывозили их для своих операций в Индии, что благоприятствовало обширной караванной торговле и морской торговле в Персидском заливе⁴³.

⁴⁰ Metra A. *Il Mentore perfetto de'negozianti*. *Op. cit.*, III, p. 125.

⁴¹ Venezia. Marciana, *Scrittura... oro et argento*. VII-MCCXVIII, 1671; Tucci U. *Les émissions monétaires de Venise et les mouvements internationaux de l'or*. — «*Revue historique*», 1978.

⁴² A.N., A.E., V III, 265 (1686).

⁴³ Magalhães-Godinho V. *L'Economie de l'Empire portugais au XVe et XVIe siècles*. *Op. cit.*, p. 512–531.

ИНДИЯ

Индийский субконтинент давно, еще до нашей эры, был знаком с золотыми и серебряными монетами. На протяжении тех столетий, что нас занимают, там произошли три подъема денежной экономики – в XIII, XVI и XVIII вв. Ни один не стал завершенным и объединяющим, и худо ли, хорошо ли, но сохранилась противоположность между Севером (который, начиная с долин Инда и Ганга, был зоной мусульманского господства) и Югом полуострова, где выжили индуистские царства, в том числе и долго процветавшее царство Виджаянагар. На Севере существовал (когда он существовал) биметаллизм серебра и меди; нижний уровень, «медный», был куда более важен. Серебряные монеты, рупии или их части, когда круглые, когда квадратные, появились в XVI в. Они затрагивали лишь верхушку экономической жизни: ниже функционировала медь, да еще горький миндаль, любопытная примитивная монета, происходившая из Ирана. Чеканенные Акбаром золотые монеты – *мохуры* (*mohurs*), – по существу, в обращение не поступали⁴⁴. Не так обстояло дело на Юге, где золото служило основной монетой в Декане; на более низком уровне небольшое количество серебра и меди дополняло монеты-раковины⁴⁵. Золотые монеты – это были, выражаясь языком Запада, «пагоды»: монеты малого диаметра, но большой толщины, которые «стоят [в 1695 г.] столько же, сколько венецианский цехин», и металл которых чище, нежели «металл испанских пистолей»⁴⁶.

В XVIII в. в монетном обращении сохранялся хаос. Чеканка распределялась между бесчисленными монетными дворами: самым важным, но не единственным, был монетный двор в Сурате, крупном порту на Гуджаратском побережье. При равной пробе металла монете местной чеканки оказывалось предпочтение перед прочими. Так как чеканка производилась часто, небескорыстное вмешательство государей искусственно завышало цену новой монеты, даже если она бывала хуже старой, что случалось нередко. Так что в 1695 г. Джемелли Карери советовал купцам перечеканивать их серебряную монету «на здешних монетных дворах ... а особенно, чтобы клеймо было этого же года, иначе потеряешь полпроцента. Такие услуги по чеканке серебра встречаешь во всех городах, кои находятся на границах владений Великого Могола»⁴⁷.

И наконец, Индия практически не производила ни золота, ни серебра, ни меди, ни *каури*. Чужая монета приходила в страну через ее никогда не закрывавшиеся ворота и поставляла Индии основную долю ее «монетного сырья». Португальцы, ободренные этим хаосом, станут чеканить монету, конкурировавшую с монетой индийской. Точно так же вплоть до 1788 г. будут существовать батавийская рупия, да еще и персидские рупии. Но систематический отток драгоценных металлов со всего мира к выгоде Великого Могола и его державы продолжался. «Читателю надлежит принять во внимание, – пояснял в 1695 г. некий путешественник, – что все золото и серебро, что обращается в мире, в конечном счете устремляется к Моголу как к своему центру. Известно, что то, что вывозят из Америки, обойдя не-

⁴⁴ Magalhães-Godinho V.

Op. cit., p. 353–358.

⁴⁵ *Ibid.*, p. 358 sq.

⁴⁶ Gemelli Careri G.F.

Op. cit., III, p. 278.

⁴⁷ *Ibid.*, III, p. 2.

сколько европейских королевств, идет через Смирну по шелковому пути частью в Турцию, а частью в Персию. Но турки не могут обойтись без кофе, каковое поступает из Йемена или Счастливой Аравии; арабы, персы и турки не могут обходиться также и без индийских товаров. Это ведет к тому, что они отправляют крупные денежные суммы по Красному морю в Моху (Мокка) возле Баб-эль-Мандебского пролива, в Басру, в глубине Персидского залива, в Бендер-Аббас и Гоммерон (Камрун), а оттуда везут их на своих кораблях в Индию». Точно так же все закупки голландцев, англичан и португальцев в Индии производились на золото и серебро, ибо «только за наличные деньги можно купить у индийцев товары, которые хочешь везти в Европу»⁴⁸.

⁴⁸ Gemelli Careri G. F.
Op. cit., III, p. 226.

⁴⁹ Magalhães-Godinho V.
Op. cit., p. 357, 444 sq.

⁵⁰ *Ibid.*, p. 323, 407 sq.

Это едва ли преувеличенная картина. Но, так как ничто не достается даром, Индия должна была без конца расплачиваться своими драгоценными металлами. Это служило одной из причин ее трудной жизни, а также и расцвета «компенсировавших» производств, в частности текстильного в Гуджарате, подлинной движущей силы индийской экономики еще до появления Васко да Гамы. Происходил активный вывоз товаров в близлежащие и отдаленные страны. Гуджарат с его хлопчаткачеством следует себе представлять выглядевшим по образу и подобию производящих шерстяные ткани Нидерландов в средние века. С XVI в. это ткачество вызвало огромный подъем ремесленного производства, который захватил и районы, прилегающие к Гангу. В XVIII в. хлопковые ткани, ситцы («*indiennes*»), ввозимые в больших количествах купцами, будут наводнять Европу до той поры, пока она не предпочтет изготавливать их сама и не сделается их конкурентом.

Денежная история Индии довольно логично следовала за продвижением Запада: ее монетой управляли на расстоянии. Все происходило так, словно для того, чтобы возобновить после 1542 г. чеканку серебра в Индии, понадобилось дождаться прибытия в Европу, а затем утечки из нее американского белого металла. В. Магальяйс Годинью подробно рассказал, как рупии чеканили из испанских реалов и персидских ларинов (которые часто сами бывали переплавленными реалами). Так же точно золотая монета — это повторно использованное португальское золото, происходившее из Африки, испанское золото из Америки, а всего более — венецианские *цехины*⁴⁹. Этот новый приток потряс старую ситуацию в денежной сфере, опиравшуюся на сравнительно скромное обеспечение драгоценными металлами азиатско-африканского происхождения (золото из Китая, Суматры и Мономотапы, японское и персидское серебро) и средиземноморского (венецианские золото и серебро). Плюс к этому — тоже скромные количества меди, приходившей с Запада по Красному морю. И плюс обилие псевдоденег: каури в Бенгалии и других местах, горький миндаль, ввозившийся в Гуджарат из Ирана. Медное обращение, как и циркуляция золота и серебра, было нарушено, в данном случае — массовым ввозом меди из Португалии, который весь поглощала могольская Индия. И так до того времени, когда медь стала редкостью в Лиссабоне, а затем после 1580 г. полностью пропала⁵⁰. Тогда мы увидим в Ин-

дии медный голод, несмотря на замену прежних поставок поставками китайской и японской меди. После правления Джахангира, около 1627 г., выпуск медной монеты в могольской Индии, до того обильный, замедлился, и серебро стало играть все большую роль в сделках, тогда как роль каури вновь возросла из-за необходимости частично заменить медные *пайсы* (*paysahs*)⁵¹.

⁵¹ Magalhães-Godinho V.
Op. cit., p. 356–358.

КИТАЙ

Будучи сам по себе огромным массивом, Китай может быть понят лишь в окружении соседствующих с ним примитивных экономик, от которых он зависит: Тибета, Японии (почти что до XVI в.), Индонезии, Индокитая. Как исключения, подтверждающие правило, следует изъять из такой общей оценки окружающих его примитивных хозяйственных систем Малакку – узел торговых связей, куда деньги стекались сами собой; западную оконечность Суматры с ее городами, золотом и пряностями; довольно густо уже заселенный остров Ява, где медная монета *саихас*, была сделана по китайскому образцу. Хотя Ява только вступала еще в начальную стадию своей денежной системы.

Итак, Китай жил рядом со странами, пребывавшими в «детском» возрасте: в Японии деньгами долго служил рис; в Индонезии и Индокитае ими были китайские *саихас*, привозные или воспроизведенные на месте, или медные «гонги», или золотой песок на вес, или же оловянные или медные гирьки; а в Тибете эту роль играл наряду с золотым песком привезенный с далекого Запада коралл.

Все это объясняло отставание самого Китая и в то же время известную замкнутость его денежной системы, занимавшей «господствующее» положение. Китай мог без угрозы для себя позволить себе неторопливое развитие денежного обращения: ему достаточно было стоять выше своих соседей. Выделим, однако, гениальное решение – бумажные деньги, которые в целом продержались с далекого IX и по XIV в.; решение это было особенно действенным в монгольские времена, когда Китай на путях через Центральную Азию оказался открыт одновременно для мира степей, для мусульманских стран и для Запада. Бумажные деньги, помимо тех внутренних удобств, какие они представляли при платежах между провинциями, позволили сохранить серебро для тех затрат металла, каких требовала эта торговля со Средней Азией и с европейским Западом (заметим мимоходом как отклонение, что Китай тогда *экспортировал* белый металл). Именно бумажными деньгами император взимал определенные налоги, бумажными деньгами, на которые, как напоминает Пеголотти, иноземные купцы должны были обменивать свою звонкую монету, каковую им возвращали при выезде из страны⁵². Использование бумаги станет ответом китайцев на конъюнктуру XIII–XIV вв., способом преодолеть трудности, присущие архаичной форме обращения тяжелых медных или железных *саихас*, и оживить внешнюю торговлю на шелковом пути.

⁵² Balducci Pegolotti F.
Pratica della mercatura.
1766, p. 3–4.

Слева: китайская «банкнота» XIV в. Выпущена первым императором династии Мин. Собрание Ж. Лиона. (Фото Жиродона.)
Справа (сверху вниз): монеты минской эпохи XIV, XV, XVII вв. Музей Чернуски, Париж.

Но со спадом XIV в. и с победой крестьянской «жакерии», которая привела к власти национальную династию Мин, великий монгольский путь на Запад был нарушен. Эмиссия бумажных денег продолжалась, но стала ошугимой инфляция. В 1378 г. 17 бумажных *caixas* стоили 13 *caixas* медью. А через семьдесят лет, в 1448 г., требовалось отдать тысячу бумажек за 3 *caixas* в монете. Такая инфляция с тем большей легкостью нанесла удар бумаге, что последняя напоминала о ненавистном режиме монголов. Государство от нее отказалось, и только местные банки еще поддерживали бумажные деньги в обращении для локальных надобностей. С того времени в Китае была только одна монета – его *caixas*, или *caches*, или, как говорили европейцы, медные *sapèques*. Будучи старым изобретением, появившимся за двести лет до н. э., они на протяжении веков несколько видоизменились и устояли против сильной конкуренции со стороны соли, зерна и еще более серьезной – со стороны шелка (в VIII в.), и против вновь возникшей конкуренции со стороны риса в XV в., когда исчезли бумажные деньги⁵³. В начале минской эпохи это были монеты из смеси меди со свинцом (4 части свинца на 6 частей меди), «что приводит к тому, что их легко

⁵³ Для предшествующих абзацев см.: Magalhães-Godinho V. *Op. cit.*, p. 399–400.

можно сломать пальцами», с клеймом на одной только стороне, круглые по форме, с квадратной дыркой, через которую пропускалась бечевка, позволявшая собирать их в снизки по 100 или по 1000 штук. Отец де Магальянш, который умер в 1677 г. и книга которого вышла в 1688 г., отмечал: «Обычно за одно эю, или китайский *таэль*, дают связку в тысячу денье; и такой обмен производится в банках и в уличных будках, для сего предназначенных». Вполне очевидно, что китайские «денье» не могли использоваться для всех операций, будучи слишком мелкой единицей. Своего рода более крупной монетой, стоявшей над ними, было весовое серебро. Речь шла (что касается золота, игравшего весьма ограниченную роль, и серебра) не о монетах, а о слитках «в форме маленькой лодочки; в Макао их называют *раес*, золотыми или серебряными *хлебцами*». Те и другие, продолжал отец де Магальянш, имеют различную ценность. «Золотые хлебцы стоят одно, два, десять и даже двадцать эю; а серебряные существуют в пол-эю, одно эю, десять, двадцать, пятьдесят, а иногда – в сто и триста эю»⁵⁴. Португальский иезуит упорно говорит о *денье* и *эю*, но язык его вполне ясен. Уточним только, что *таэль* («эю») был чаще всего *расчетной монетой (monnaie de compte)*; к этому выражению мы через несколько страниц вернемся.

В действительности на этом верхнем уровне значение имел только серебряный слиток. «Белый как снег», потому что к нему примешивали сурьму, такой слиток был в Китае важнейшим средством при крупных обменах, настолько, что при Минах (1368–1644 гг.) оживилась товарно-денежная экономика, стремившаяся расширить свою сферу и умножить число своих услуг. Вспомним о лихорадке, связанной с китайскими угольными копиями (1596 г.), и об огромном скандале, который из нее воспоследовал в 1605 г. Спрос на серебро был тогда таков, что оно обменивалось на золото по курсу, доходившему до 5:1. Когда манильские галионы установили связь с Новой Испанией через Тихий океан, китайские джонки спешили им навстречу. В Маниле любой товар обменивался только на белый металл Мексики, в целом на миллион песо в год⁵⁵. Китайцы, писал Себастьян Манрике, «сошли бы в преисподнюю, чтобы найти там новые товары для обмена их на столь страстно вожаделенные реалы. Они доходят до того, что на своем скверном испанском языке говорят *«plata sa sangre»*, т. е. «серебро – это кровь»⁵⁶.

В повседневной реальности серебряные хлебцы не могли каждый раз быть использованы целиком. Покупатели «разрезают их стальными ножницами, которые носят для сей цели, и делят хлебцы на более крупные или более мелкие монетки, [т. е. кусочки], смотря по цене покупки». Каждый такой кусочек должен был взвешиваться; и покупатель и продавец пользовались небольшим безменом. Один европеец говорил между 1733 и 1735 гг.: «Нет почти ни одного китайца, каким бы нищим он ни был, который не носил бы с собой ножницы и маленькие весы. Первые служат для разрезания золота и серебра и называются *трапелин (trapelin)*, а вторые, которые служат для взвешивания металлов, именуются *лидань (litan)*. Китайцы столь ловки в таких делах, что зачастую отрезают на два лиара серебра или на

⁵⁴ Magaillans G.

Nouvelle Relation de la Chine. Op. cit., p. 169.

⁵⁵ Magalhães-Godinho V. *Op. cit.*, p. 518.

⁵⁶ Manrique M. *Itinerario de las Misiones que hizo el Padre F. Sebastián Manrique*. 1649, p. 285.

На пекинских улицах: купец с огромными ножницами для резки серебряных слитков и безмен для взвешивания кусочков серебра.

⁵⁷ B.N., Ms. fr. n. a. 7503, f° 46.

⁵⁸ P. de Las Cortes. *Doc. cit.*, f° 85 et 85 v°.

⁵⁹ Цитируемый документ, прим. 57.

пять су золота настолько точно, что вторично резать не приходится»⁵⁷.

Те же самые детали мы находим и столетием раньше у отца де Лас Кортеса, который в 1626 г. поражался удивительному знакомству всех китайцев с таким странным платежным средством. Нет ребенка, говорит он, который не умел бы определить стоимость металла в слитке и большую и меньшую его чистоту. Мельчайшие крохи металла подбираются при помощи наполненного воском своего рода бубенчика, который они носят на поясе. Когда стружка собирается в нем в довольно большом количестве, достаточно велеть растопить воск⁵⁸. Следовало ли восторгаться такой системой? Первый наш очевидец не колебался. «Ежели поразмыслить о множественности видов нашей европейской монеты, — писал он, — то я полагаю, что для китайцев не иметь ее ни в золоте, ни в серебре — большое преимущество. Причина сего, по моему мнению, заключена в том, что, коль скоро металлы эти считаются в Китае товарами, количество их, каковое туда ввозится, не может вызвать столь большого роста цен на продовольствие и прочие товары, как в стране, где весьма обычны деньги в виде чеканенной монеты...» И наш энтузиаст добавлял: «А впрочем, цены всех вещей в Китае так хорошо отрегулированы, что там почти не покупают вещи по цене, превышающей обычную их цену. Только европейцы становятся жертвами собственной доверчивости. Ибо китайцы постоянно им продают то, что те покупают, дороже обычных местных цен»⁵⁹.

Правда, слишком обширный Китай не был наводнен серебром, что бы ни говорили об этом многие историки, описывавшие его как «всасывающий насос» для белого металла со всего мира. Доказательства? Да огромная покупательная способность простой монетки в восемь реалов! Что такая монетка стоила от 700 до 1100 *caixas* (в зависимости от провинции и от разной, но все же единой имеющей там хождение монеты), мало что нам говорит. Но на одну такую мелкую серебряную монету

Торговец бечевками для нанизывания мелкой монеты (*sarèques*). См. на иллюстрации (с.482) такие монетки с отверстием в центре и их изображение на «банкноте» в виде нанизанных на бечевку связок. Национальная библиотека, Кабинет эстампов.

в 1695 г. «можно в течение шести месяцев иметь лучший хлеб в мире»: речь явно шла о потреблении одного человека, в данном случае – путешественника с Запада, который использовал к своей выгоде необычайно низкую цену пшеничной муки, которая в Китае мало ценилась. Но в конце концов за такую маленькую серебряную монетку, выплачиваемую ежемесячно, тот же самый путешественник мог бы нанять и китайского слугу, «дабы готовить пищу», а за один *таэль* (т. е. 1000 *саixas*, в то время примерно эквивалентные «восьмерной» монете) обеспечить себе услуги китаец-слуги «зрелого» возраста, который получал сверх того одновременно «четыре восьмерные монеты на пропитание своего семейства», пока он будет сопровождать нашего путешественника, а именно Карери, до Пекина⁶⁰.

Надлежит учитывать также небывалую тезаврацию, просто колоссальную со стороны императорского казначейства (не говоря уж о накоплении сокровищ богачами и чиновниками-казнокрадами). Тем не менее эта неподвижная масса серебра частично зависела от решений и мер правительства, а оно ее использовало для воздействия на цены. Именно это объясняет переписка отцов-иезуитов в 1779 г. По их словам, ценность серебра по отношению к вещам при династии Цин изменилась, читай – цены в общем возросли. А кроме того, было ли серебро монетой в строгом смысле слова или не было (а оно, конечно, ею не было), но Китай жил в условиях некоей разновидности серебряно-медного биметаллизма. Внутренним курсом был тот,

⁶⁰ Gemelli Careri G.F. *Op. cit.*, IV, p. 43.

что устанавливался между «сапеками», с одной стороны, и китайской «унцией» серебра, или серебряным песо в восемь реалов, которое продавал западный купец, – с другой. И ведь такой курс обмена серебра на медь варьировал в зависимости от дней, времен года, лет, а прежде всего – от выпуска в обращение серебра или меди по распоряжению императорского правительства. Целью последнего было поддерживать нормальное денежное обращение и всякий раз, когда это бывало необходимо, вводить соотношение меди и серебра в обычные рамки, выпуская из императорской казны серебро, если оно делалось слишком дорогим, или медь – в противоположном случае. Китайские иезуиты говорили: «Наше правительство понижает или повышает курс серебра и монеты по отношению друг к другу ... Оно обеспечило себе контроль над этим богатством во всей империи». Такой контроль был тем более легок, что государство владело в Китае всеми медными рудниками⁶¹.

Следовательно, нельзя сказать, будто деньги в Китае были индифферентным, нейтральным орудием, а цены – всегда поразительно стабильными. Известно, что некоторые цены находились в движении, и в частности цены на рис. В XVIII в. цены в Кантоне поднимутся под воздействием европейской торговли вследствие двойной – в сфере монеты и бумажных денег – революции, которая исподволь, глубоко внедрилась во всей старинной экономике Срединной империи⁶². Хозяйство прибрежных районов – «экономика пиастра» – опрокинуло хозяйство внутренних областей – «экономику сапека». А последняя в основе своей отнюдь не была такой инертной и спокойной, как это обычно предполагают.

После сказанного читатель, несомненно, примет наш взгляд на вещи: с точки зрения денежного обращения Китай был более примитивным, менее утонченным, нежели Индия. Но его система отличалась совсем иной устойчивостью и очевидным единством. У Китая были не такие деньги, как у всех.

НЕКОТОРЫЕ ПРАВИЛА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ДЕНЕГ

Европа стояла особняком, была уже из ряда вон выходящим случаем. Она знала всю гамму денежных систем: в самом низу, в гораздо большей мере, чем это обычно принято говорить, – натуральный обмен, натуральное хозяйство, примитивные деньги, старинные уловки, обходные пути ради того, чтобы сберечь звонкую монету. А над этим – металлические деньги, золото, серебро и медь, которых в Европе наблюдалось сравнительное обилие. И наконец, множество форм кредита, от ссуд под залог, предоставлявшихся «ломбардцами» или еврейскими купцами, до вексельного обращения и спекуляций в крупных торговых городах.

⁶¹ *Mémoire sur l'intérêt de l'argent en Chine.* – *Mémoires concernant l'histoire, les sciences,*

etc. (труды отцов-миссионеров в Пекине), IV, 1779, p. 309–311.

⁶² Dermigny L. *La Chine et l'Occident. Le commerce à Canton...* *Op. cit.*, I, p. 431–433.

И игры эти не ограничивались Европой. Именно в мировом масштабе проявляется и объясняется эта система – обширная сеть, наброшенная на богатства других континентов. То, что с XVI в. «сокровища» Америки вывозились вплоть до Дальнего Востока, превращаясь там в местную монету или в слитки к выгоде Европы, – деталь отнюдь не малозначительная. Европа начинала пожирать и поглощать весь мир. Так что возразим некоторым экономистам прошлого, да и сегодняшним, которые делают вид, что сомневаются в ее здоровье, и задним числом жалуются на то, что она будто бы страдала от постоянного денежного «кровотечения» к выгоде Дальнего Востока. Прежде всего, Европа от него не умрет. А потом это примерно то же, что сказать о генерале, бомбардирующем город, который будет взят, что он тратит в операции свои ядра, порох и труды.

И наконец, все деньги мира были соединены друг с другом, хотя бы в силу того, что в любой зоне денежная политика сводилась к тому, чтобы привлечь или отбросить наружу тот или иной драгоценный металл. И такое движение денег иногда ощущалось на огромных расстояниях. В Магальяйс Годинью доказал, что уже в XV в. деньги Италии, Египта и Дальнего Востока образовывали сообщавшиеся друг с другом системы, совсем как сами европейские монеты. Европа не имела возможности перестроить такую организованную денежную структуру всего мира по своему вкусу. Ей приходилось играть по местным правилам повсюду, где она желала утвердиться. Но в той мере, в какой Европа и до завоевания Америки располагала сравнительно крупной массой драгоценных металлов, она очень часто добивалась того, чтобы игра развивалась к ее выгоде.

СПОР МЕЖДУ ДРАГОЦЕННЫМИ МЕТАЛЛАМИ

Металлические деньги – это совокупность связанных между собою монет: такая-то составляет десятую, или шестнадцатую, или двадцатую и так далее такой-то другой. Обычно одновременно использовали несколько металлов, будь то драгоценных или нет. Запад сохранил три из них – золото, серебро и медь со всеми неудобствами и преимуществами такого разнообразия. Преимущества: оно отвечало различным потребностям размена; всякий металл с соответствовавшими ему монетами использовался для определенного круга операций. При системе, состоящей из одних золотых монет, было бы трудно оплачивать ничтожные повседневные покупки, а если бы речь шла о системе, ограниченной медью, возникали бы немалые неудобства при крупных платежах. Действительно, каждый металл играл свою собственную роль: золото предназначалось для государей, крупных купцов (даже церкви); серебро – для обычных операций; медь, как и полагается, – для самых низов: это были «черные» деньги простонародья и бедняков. К ней иногда добавляли немного серебра, и она быстро чернела и всегда заслуживала своего названия.

Направленность экономики и состояние ее здоровья угадываются почти что с первого взгляда по тому, какой металл в ней

доминировал. В 1751 г. золото в Неаполе тезаврировали, серебро утекало из королевства, а медью, невзирая на небольшое ее количество (1500 тыс. дукатов против 6 млн. дукатов в серебре и 10 млн. в золоте), оплачивали большинство сделок, поскольку она обращалась быстро и, какой бы плохой ни была, «она оставалась на месте»⁶³. Та же картина наблюдалась в Испании: в 1724 г. «главная доля платежей производится ... биллоном [медь с небольшой примесью серебра]; перевозка его очень обременительна и дорогостояща, к тому же обыкновенно его принимают по весу»⁶⁴. Жалкий обычай, ведь в это же время во Франции или в Голландии биллон служил только вспомогательным средством. Но Испании, остававшейся, по видимости, хозяйкой серебра Нового Света, другие державы позволяли владеть этими далекими сокровищами лишь при условии, что она даст последним обращаться в качестве денег, «общих для всех наций», т. е. буквально потроша себя к выгоде других. Как и Португалия, в том, что касается золота, Испания стала «просто каналом» для белого металла своих колоний. С флотом галионов Карери прибыл в Кадис в 1694 г., и он увидел, как за один-единственный день в бухту вошло «больше ста кораблей, которые явились за серебром [в оплату] товаров, кои они доставили в Индии; большая часть того металла, что приходит на галионах, — заключает он, — поступает в кошелек иностранных наций»⁶⁵.

Напротив, в странах, бывших на подъеме, утверждалось в роли денег либо золото, либо серебро. В 1699 г. Лондонская торговая палата, правда, описывала серебряную монету «как более полезную и более употребительную, нежели золото». Но вскоре наступил быстрый рост количества золота в XVIII в. В 1774 г. Англия *de facto* признала желтый металл в качестве законной и всеобщей монеты, а серебро с тех пор играло лишь вспомогательную роль⁶⁶. Франция, однако, продолжала пользоваться белым металлом.

Нечего говорить, что то были грубые правила с очевидными исключениями. В то время как крупные торговые центры с начала XVII в. боялись медной монеты как чумы, Португалия охотно брала ее, но для того только, чтобы по своему обыкновению вывезти за мыс Доброй Надежды, в Индию. Так что не будем доверять некоторым видимостям. Даже золото может нас обмануть: так, османская Турция с XV в. принадлежала к зоне золота (на базе африканского желтого металла и египетской монеты). Но до 1550 г. золото в Средиземноморье и Европе было в относительном изобилии; и если так же обстояло дело и в Турции, то в той лишь мере, в какой последняя служила европейской серебряной монете одним из этапов на ее пути в направлении Дальнего Востока.

Впрочем, преобладание той или иной монеты (золота, серебра, меди) проистекало главным образом из взаимоотношений разных металлов друг с другом. Структура системы предполагала их соперничество. Вполне очевидно, роль меди обычно была самой незначительной, ибо мелкая монета имела цену без точного соответствия металлу, который в ней содержался; она зачастую носила «бумажный характер», играла роль мелких купюр, как сказали бы мы. Но и неожиданности оставались воз-

⁶³ Abbé Galiani F. *Della Moneta*. 1750, p. 214.

⁶⁴ Uztáriz G. *Theoria y práctica de comercio y de marina*. 1724, p. 171.

⁶⁵ Gemelli Careri G.F. *Op. cit.*, VI, p. 353–354 (éd. 1719).

⁶⁶ См. настоящую работу, т. III.

«Чеканка монеть», картина Ганса Хессе (1521 г.). Картина, вне сомнения, писалась в момент, когда город Аннаберг получил на вечные времена право чеканить монету, используя исключительно металл из своих рудников. Эта картина находится в городском кафедральном соборе неподалеку от алтаря ремесленной корпорации горняков. (Фототека издательства А. Колэн.)

можно: из-за самой своей низкой ценности медь в XVII в. была удобным проводником для мощных первоначальных инфляционных скачков по всей Европе, в особенности в Германии⁶⁷ и вплоть до 1680 г. – в Испании⁶⁸, т. е. в экономически нездоровых странах, которые не нашли иного средства для выхода из своих затруднений. Даже за пределами Европы, скажем в Персии, около 1660 г. мелкая медная монета, «наполовину стертая, красная, как сорочье мясо», наводнила рынки, и «ото дня ко дню деньги [читай: серебро] становятся в Хиспане [Исфахане] редкостью»⁶⁹.

Сказав об этом, оставим медь вне обсуждения. Остаются золото и серебро – грозные владыки. Производство их было нерегулярным и никогда не отличалось большой гибкостью, так что в зависимости от случая один из двух металлов оказывался в большем обилии, нежели другой, а затем более или менее медленно положение менялось на противоположное, и так раз за разом. От этого происходили завихрения, катастрофы, а еще более того – медленные и мощные пульсации, которые были одной из черт Старого порядка в денежной сфере. «Серебро и золото – братья-враги», эта истина хорошо известна. Карл Маркс воспринял эту формулу. «Там, – писал он, – где на основании закона в качестве денег, т. е. меры стоимости, параллельно функционируют и золото и серебро, всегда делаются тщетные попытки рассматривать их как одно и то же вещество»⁷⁰. Спор так никогда и не кончился.

Теоретики прошлого желали бы, чтобы при равном весе постоянное соотношение давало бы золоту 12-кратную стоимость серебра. Это наверняка не было правилом, с XV по XVIII в. курс,

⁶⁷ Об этом Kipper-und Wipperzeit см.: Lütge F. *Deutsche Sozial-und Wirtschaftsgeschichte*. *Op. cit.*, S. 289 sq.

⁶⁸ Earl Hamilton J. *American Treasure and Andalusian Prices, 1503–1660.* – «*Journal of Economic and Business History*», I, 1928, p. 17, 35.

⁶⁹ Mans R. du. *Estat de la Perse en 1660*. P.p. Ch. Schefer, *op. cit.*, p. 193.

⁷⁰ Маркс К. *Kanumal*, т. I. – Маркс К., Энгельс Ф., *Соч.*, т. 23, с. 103, прим. 55.

Банковский
воротила – Якоб
Фуггер. Деталь
картины Лоренцо
Лотто. Музей
изобразительных
искусств, Будапешт.
(Фото Снарк.)

ratio, часто варьировал вокруг, вернее, выше такого «естественного» (или считавшегося таковым) соотношения. В долговременном плане баланс колебался то в пользу одного, то в пользу другого металла, не учитывая краткие или локальные вариации, на которых мы не можем сейчас задерживаться.

Таким образом, в плане долговременном белый металл будет в цене с XIII по XVI в., в целом примерно до 1550 г. Несколько искажая значение слова, можно было бы сказать, что тогда на протяжении веков наблюдалась инфляция золота. То золото, что чеканилось на монетных дворах Европы, поступало из Венгрии, с Альп, из далеких промывален Судана, а затем из первых колониальных владений в Америке. Тогда золотые монеты легче всего было скопить; так что именно золотыми монетами пользовались государи при осуществлении своих замыслов, — золотыми монетами, которые Карл VIII повелел чеканить накануне

⁷¹ Spooner F. *L'Économie mondiale et les frappes monétaires en France, 1493–1680*. 1956, p. 254.

⁷² *Ibid.*, p. 21.

⁷³ Kulischer J. *Allgemeine Wirtschaftsgeschichte des Mittelalters und der Neuzeit*. 1965, II, p. 330.

⁷⁴ Saint-Jacob P. *Les Paysans de la Bourgogne du Nord...* *Op. cit.*, p. 306.

не своего похода в Италию ⁷¹, которыми Франциск I и Карл V оплачивали свои войны.

Кто же выиграет при таком относительном обилии золота? Само собой разумеется – обладатели серебряных монет или серебра [в слитках], т. е. аугсбургские купцы, хозяева серебряных рудников в Чехии и в Альпах, а среди них – Фуггеры, некоронованные короли. Из двух металлов серебро было тогда надежной ценностью.

И наоборот, начиная с 1550 и до 1680 г. наступит избыток белого металла: американские серебряные рудники использовали новую технологию – амальгамирование. И в свою очередь серебро стало двигателем мощной и неослабной инфляции. Золото сделалось сравнительно редким и поднялось в цене. Тот, кто раньше начал играть на золото, как генуэзцы в Антверпене с 1553 г., ставил на выигрышную карту ⁷².

После 1680 г., с началом эксплуатации промывален золота в Бразилии, баланс вновь слегка качнулся в обратную сторону. Вплоть до конца века наблюдалась скорее стабильность, затем легкое движение обретает более выраженный характер. На Франкфуртской и Лейпцигской ярмарках в Германии соотношение между двумя металлами (золото к серебру) с 1701 по 1710 г. составляло в среднем 1 : 15, 27; между 1741 и 1750 гг. оно дошло до 1 : 14, 93 ⁷³. Серебро по меньшей мере не обесценивалось больше, как это было до выпуска в обращение бразильского золота. Дело в том, что в мировом масштабе производство желтого металла с 1720 по 1760 г. самое малое удвоилось. Небольшая, но многозначительная деталь: около 1756 г. золото снова появилось в Бургундии в руках у крестьян ⁷⁴.

В этой медленной игре, игре долговременной, всякое изменение в положении одного из металлов влекло за собой изменение положения другого, управляло им. Таков был простой закон. Сравнительное обилие золота в последние годы XV в. «привело в действие» серебряные рудники Германии. И так же первый всплеск добычи бразильского золота около 1680 г. стимулировал работу серебряных рудников Потоси (которые к тому же очень в этом нуждались) и даже в еще большей степени – горных предприятий Новой Испании, где широко прославились Гуанахуато и богатейшая жила Вета-Мадре.

На самом-то деле такие колебания подчиняются так называемому закону Грешэма, первооткрывателем которого, впрочем, никоим образом не был [этот] советник Елизаветы Английской. Его высказывание хорошо известно: плохие деньги вытесняют хорошие. В зависимости от длительной конъюнктуры белые или желтые монеты будут по очереди играть в руках спекулянтов или в шерстяном чулке накопителей богатств роль менее «добрых» денег, изгоняющих другие, лучшие. Естественно, такая спонтанная игра могла ускоряться вследствие бурной деятельности государственных властей, которые непрестанно упорядочивали денежную систему, повышали цену золотых или серебряных монет в соответствии с рыночными колебаниями, в редко оправдывавшейся надежде восстановить равновесие.

Если повышение было экономически оправданным, ничего не происходило или ничто не ухудшалось. Если повышение было слишком велико, например в случаях, когда оно относилось к золотым деньгам, все желтые монеты соседних стран начинали стекаться туда, где на них был повышенный спрос, будь то Франция Генриха III, или Тицианова Венеция, или Англия XVIII в. Если ситуация затягивалась, эти золотые деньги, оцененные сверх меры высоко, играли роль плохих денег: они вытесняли серебряную монету. Так часто будет в Венеции, а с 1531 г. такой постоянно будет причудливая обстановка на Сицилии⁷⁵. Поскольку было выгодно отправлять белый металл из Венеции или с Сицилии в Северную Африку и, того пуще – на Левант, можно биться об заклад, что эти передвижения, по видимости абсурдные, никогда не бывали беспричинными, что бы об этом ни думать, что бы нам об этом ни говорили теоретики того времени.

В этой сфере в зависимости от обстоятельств в любой момент могло произойти все что угодно. В июле 1723 г. в Париже Эдмон Жан Франсуа Барбье записывал в своем дневнике: «В торговле встречаешь только золото; дошло до того, что ... разменять луидор [на серебряные деньги] стоит до 20 су... С другой же стороны, луидоры взвешивают ... и это большая помеха. Приходится иметь в кармане маленький безмен»⁷⁶.

УТЕЧКА, НАКОПЛЕНИЯ И ТЕЗАВРАЦИЯ

Денежная система в Европе и за ее пределами страдала двумя неизлечимыми болезнями. С одной стороны, наблюдалась утечка драгоценных металлов за границы континента; с другой стороны, эти металлы переставали обращаться из-за накопленных и старательной тезаврации. В результате двигатель без конца терял часть своего горючего.

Прежде всего, драгоценные металлы непрерывно уходили из потоков обращения на Западе – в первую очередь в Индию и Китай – уже в далекие времена Римской империи. Серебром или золотом приходилось платить за шелк, за перец, пряности, благовония и жемчуг Дальнего Востока; это было единственное средство заставить их двигаться на запад. Поэтому платежный баланс Европы в этом направлении сводился с дефицитом приблизительно вплоть до 20-х годов XIX в., если говорить о Китае⁷⁷. Речь шла о постоянной, однообразной утечке, о некоей структуре: драгоценные металлы сами по себе утекали в сторону Дальнего Востока через Левант, вокруг мыса Доброй Надежды и даже через Тихий океан в XVI в. – в виде испанских монет в восемь реалов (*reales de a ocho*); в XVII и XVIII вв. – в виде «твердых песо» (*pesos duros*) (тех самых «твердых пиастров», которые, впрочем, – и это еще одно проявление постоянства – были идентичны *reales de a ocho*, изменилось лишь название). И неважно, происходил ли отток металла из Кадисского залива, столь обширного, что он был благоприятен для контрабанды, из Байонны и путем активной контрабанды – через Пиренеи, или же из Амстердама и Лондона, где встречалось все серебро мира.

⁷⁵ Rovere A. della. *La Crisi monetaria siciliana (1531-1802)*. P. p. Carmelo Trasselli, 1964, p. 30 sq.

⁷⁶ Barbier E.J.F. *Journal historique et anecdotique du règne de Louis XV...* Op. cit., I, p. 185.

⁷⁷ См. настоящую работу, т. II, гл. II.

Даже американскому белому металлу случалось отправляться на французских судах от перуанского побережья в Азию.

Другое направление «бегства» металлов – в Восточную Европу по Балтийскому морю. В самом деле, мало-помалу Запад оживлял денежное обращение этих отстававших стран, поставщиц пшеницы, леса, ржи, рыбы, кож, мехов, но зато неважных покупателей. Именно это наметилось в XVI в. в торговле с Нарвой, окном Московской Руси на Балтику, открытым в 1558 г., а затем закрытым в 1581 г. Или в торговле, начатой англичанами в 1553 г. на Белом море через Архангельск. Таков же был и смысл торговли Санкт-Петербурга еще в XVIII в. Требовались такие вливания иностранной монеты, чтобы в ответ организовывался ожидавшийся экспорт сырья. Голландцы, которые упорствовали в оплате поставок текстильной продукцией, тканями и сельдью, в конечном счете утратили первое место в России⁷⁸.

Еще одна трудность: металлические деньги, на которые был такой спрос, должны были бы обращаться все быстрее. Но ведь часто наблюдалась стагнация (и в самой Европе) из-за многообразных форм накопления, против которых будут возражать Франсуа Кенэ⁷⁹ и остальные физиократы (значительно позже – лорд Кейнс), а также из-за такого алогичного, отклоняющегося от нормы вида накоплений, как тезаврация – постоянно открытая пропасть, сравнимая разве что с такой бездной, как «жадная до серебра» Индия.

В Европе в средние века существовала страсть к драгоценным металлам, к золотым украшениям, а потом, примерно с XIII в., самое позднее с середины XIV в. – новая, «капиталистическая» страсть к чеканной монете. Но сохранялось и старинное пристрастие к драгоценным предметам. В эпоху Филиппа II гранды Испании завещали своим наследникам сундуки золотых монет, бесчисленные золотые и серебряные изделия: даже герцог Альба, умерший в 1582 г. и не имевший репутации богача, оставил своим наследникам 600 дюжин тарелок и 800 блюдов из серебра⁸⁰. Двумя столетиями позднее, в 1751 г., Галиани оценивал тезаврированные запасы металла в Неаполитанском королевстве как вчетверо превышающие количество металла, находившегося в обращении. Он объяснял: «Роскошь сделала настолько обычными все серебряные предметы – часы, табакерки, эфесы шпаг и рукояти тростей, приборы, чашки, тарелки, что в это трудно поверить. Неаполитанцы, похожие на испанцев прошлого почти во всем, что касается нравов, находят величайшее удовольствие в том, чтобы сохранять в своих сундуках, которые они именуют *scrittori* и *scarabattoli*, старинные серебряные вещи»⁸¹. Себастьян Мерсье аналогичным образом реагировал на «ничтожное и праздное» богатство Парижа «в отделанной золотом и серебром мебели, драгоценностях, в столовом серебре (*vaisselle plate*)»⁸².

По этому поводу нет никаких надежных цифр. У. Лексис в старой своей работе допускал для начала XVI в. соотношение 3:4 между тезаврированным драгоценным металлом и находившейся в обращении чеканной монетой⁸³. В XVIII в. пропорция должна была измениться, хотя, может быть, и не до

⁷⁸ О подробностях, приведенных в этом абзаце, см. настоящую работу, т. III.

⁷⁹ *Maximes générales.* – François Quesnay et la physiocratie, éd. I.N.E.D., II, p. 954 et note 7.

⁸⁰ Sombart W. *Le Bourgeois*. 1926, p. 38–39.

⁸¹ Galiani F. *Della Moneta*. *Op. cit.*, p. 56.

⁸² Mercier L.-S. *Tableau de Paris*. *Op. cit.*, I, p. 46.

⁸³ Lexis W. *Beiträge zur Statistik der Edelmetalle*. (*Art. cité.*).

⁸⁴ Lexis W. *Op. cit.*

⁸⁵ Montanari G. *La Zecca*. 1683.— *Economisti del Cinque e Seicento*. P. p. A. Graziani, 1913, p. 264.

⁸⁶ Pinto I. *Traité de la circulation et du crédit...* *Op. cit.*, p. 14.

уровня 4 : 1, о котором говорил Галиани, стремившийся доказать, что спрос на драгоценные металлы зависит не только от их использования в качестве денег. Правда, общая масса этих металлов с XVI по XVIII в. небывало увеличилась: согласно данным У. Лексиса, по грубому расчету, в пропорции 1 : 15⁸⁴. Известные факты не опровергают этого: в 1670 г. денежное обращение во Франции было порядка 120 млн. ливров; веком позже, накануне Революции, оно составляло 2 млрд. В Неаполе в 1570 г. запасы монеты составляли 700 тыс. дукатов, а в 1751 г.— 18 млн. В XVII и XVIII вв. Неаполь и Италия были переполнены неиспользуемой наличной монетой. Около 1680 г. банкиры Генуи за неимением лучшего предлагали иностранцам свои деньги из 2 и 3%. И сразу же многие религиозные ордена воспользовались таким чудесным источником, дабы избавиться от старых долгов из 5, 6 и 7%⁸⁵.

В это вмешивались и правительства: посредством накопленной в замке св. Ангела казны Сикста V, казны Сюлли в Арсенале, казны короля-фельдфебеля [Фридриха-Вильгельма I Прусского], которой тот сумеет воспользоваться не больше, чем своей армией, всегда готовой нанести удар (*schlagfertig*), но так его ни разу и не нанесшей. Все эти примеры известны и не раз приводились. Существуют и другие, скажем пример осмотровых банков, созданных (или воссозданных) в конце XVI и начале XVII в., в том числе даже прославленного Амстердамского банка. По поводу последнего внимательный наблюдатель писал в 1761 г.: «Все серебро в виде монеты действительно находится в банке ... Здесь не место рассматривать вопрос, не является ли похороненное там серебро столь же бесполезным для обращения, как если бы оно было зарыто в рудниках. Я убежден, что, не ухудшая кредита и не разрушая доверия, можно было бы заставить его обращаться к пользе коммерции»⁸⁶. Такого упрека заслуживали все банки, за исключением, как мы увидим, по-своему революционного Английского банка, основанного в 1694 г.

РАСЧЕТНЫЕ ДЕНЬГИ

Жизнь, связанная с деньгами, сама собой требовала создания счетной, так сказать «воображаемой», монеты. Ничего нет более логичного: деньгам требовалась единая мера. Такой единицей измерения, вроде часа, минуты и секунды на наших часах, и стала расчетная монета (*monnaies de compte*).

Когда в какой-нибудь день 1966 г. мы говорим, что золотой наполеондор стоит на Парижской бирже 44,70 франка, мы не изрекаем истины, сложной для понимания. Но, во-первых, среднего француза обычно почти не заботит этот курс и он не сталкивается каждый день со старинными золотыми монетами; во-вторых, франк, монета для реальных расчетов, лежит в его бумажнике в виде банковских билетов. А если какой-нибудь парижский буржуа указывал, что в такой-то месяц 1602 г. золотое экю стоило 66 су, или, если угодно, 3 ливра 6 су, то прежде всего такой буржуа куда как чаще встречался в своей повседневной

Некоторые золотые монеты. Слева направо: флорентийский флорин, около 1300 г.; золотой флорин Людовика Анжуйского, XIV в.; золотой генуэзский дженовино XIII в. (Фото из Фототеки издательства А. Колэн.)

жизни с золотыми и серебряными монетами, чем современные французы. Для него это была ходячая монета. С ливром же он, наоборот, не встречался никогда – ни с ним, ни с су, составлявшим двадцатую долю ливра, ни с денье, двенадцатой частью су. Это были воображаемые монеты, служившие для расчета, для оценки сравнительного достоинства монет, для фиксации цен и заработков, для торговой отчетности, например, которая может выражаться затем в любых реальных деньгах, местных или иностранных, когда дело переходит от отчетности к действительной выплате. Долг в 100 ливров сможет быть оплачен столькими-то золотыми монетами, столькими-то серебряными, а в случае нужды – вспомогательной медной монетой.

Ни один современник Людовика XIV или Тюрго никогда не держал на ладони турецкий ливр или турецкое су (последние турецкие денье были отчеканены в 1649 г.). Чтобы найти монеты, соответствовавшие расчетным деньгам, пришлось бы вернуться далеко вспять. В самом деле, нет ни одной расчетной единицы, которая бы некогда, в определенный момент, не была реальной монетой. Таковы были турецкий ливр, парижский ливр, фунт стерлингов, лира итальянских городов или венецианский дукат, ставший расчетной единицей в 1517 г., или испанский дукат, который, что бы по этому поводу ни писали, перестал существовать как реальная монета с 1540 г., или же «грос», фландрская расчетная монета, которая восходила к старинному серебряному grosу, который в 1266 г. чеканил Людовик Святой. Взглянем, чтобы выйти за пределы Европы, на следующую, относящуюся к Индии купеческую запись – и обнаружим ту же самую проблему: «По всей Индии расчеты ведутся в обычных рупиях стои-

мостью в 30 су» (так как пишет француз, то речь идет о 30 турецких су). И он добавляет: «Это воображаемая монета, подобная французскому ливру, английскому фунту стерлингов или большому ливру Фландрии и Голландии. Эта идеальная монета служит для расчетов по заключаемым сделкам, и надобно при этом пояснять, ходячая ли то рупия или рупия какой-либо иной страны...»⁸⁷

Объяснение будет полным, если прибавить, что реальные монеты не переставали повышаться в цене: правительства безостановочно *поднимали* цену реальной монеты, следовательно обесценивая монету расчетную. Если читатель проследит за нашей аргументацией, он легче поймет превращения турецкого ливра.

Пример Франции доказывает, что уловки с расчетной монетой можно было бы избежать. В 1577 г. Генрих III, один из тех королей, которых поносили более всего, решил под давлением лионских купцов ревальвировать турецкий ливр. Ничего не было проще, чем привязать расчетную монету к золоту. Именно это и удалось сделать слабому правительству, когда оно решило, что впредь расчеты будут производиться в *экю*, а не в *ливрах*; *экю*, реальная золотая монета, «звонкая и полновесная», будет считаться за 3 ливра, или 60 су. Результат был бы тот же самый, если бы завтра французское правительство решило, что наш 50-франковый билет будет отныне равен золотому луидору и что все расчеты будут вестись в луидорах (правда, удалось ли бы ему это?). Операция 1577 г. будет успешной вплоть до мрачных лет, последовавших за убийством Генриха III в 1589 г. А потом все расстроилось, как о том свидетельствуют внешние обмены. Настоящее *экю* отделилось от *экю* расчетного: последнее всегда оставалось равным 60 су, а первое котировалось в 63, 65 и даже выше 70 су. Возврат к расчету в турецких ливрах в 1602 г. был признанием инфляции. Расчетная монета снова отделилась от золота⁸⁸.

И так оно будет до 1726 г. Правительство Людовика XV не только положило конец длинному ряду изменений монеты, оно снова привязало турецкий ливр к золоту, и система более не менялась, если исключить незначительные модификации. Последняя из них – декларация от 30 октября 1785 г., которая под предлогом утечки желтого металла подняла отношение золота к серебру, до того установленное в 1 : 14,5, на один пункт – 1 : 15,5.

Таким образом, Франция не слишком отказывалась от предпочтения, оказываемого белому металлу, ибо в Испании, как и в Англии, курс был 1 : 16. Это не было безделицей. Золото во Франции было дешевле, чем в Англии, и ввозить его на Британские острова с французского рынка для чеканки на английских монетных дворах было прибыльной операцией. И наоборот, по тем же причинам Англию покидал белый металл: как утверждали, с 1710 по 1717 г. на огромную сумму – 18 млн. фунтов стерлингов⁸⁹. С 1714 по 1773 г. английские монетные дворы отчеканят в 60 раз больше (по стоимости) золотой монеты, чем серебряной⁹⁰.

Европа XVIII в. могла наконец позволить себе роскошь такой стабилизации. До того времени расчетные деньги, как

⁸⁷ B. N., Ms. fr., 5581,

f° 83; см также:

Il Mentore perfetto

de'negozianti. Op. cit.,

V, article «Surate», p. 309.

⁸⁸ Spooner F. *Op. cit.,*

p. 170 sq.

⁸⁹ Kulischer J. *Op. cit.,*

p. 344–345.

⁹⁰ *Ibid.*

крупные, так и мелкие по действительной стоимости, испытывали постоянные девальвации, причем некоторые – как турецкий ливр или польский грош – обесценивались быстрее других. Несомненно, такие девальвации не были случайны; в странах, главным образом экспортировавших сырье, как Польша и даже Франция, наблюдался своего рода экспортный демпинг.

В любом случае девальвация расчетной монеты регулярно стимулировала подъем цен. Экономист Луиджи Эйнаути подсчитал, что в повышении цен во Франции с 1471 по 1598 г. (627,6%) доля, обязанная обесценению турецкого ливра, составляла не меньше 209,6%⁹¹. Расчетные деньги не переставали обесцениваться до самого XVIII в. Уже Этьенн Паскье писал в своем труде, изданном в 1621 г., через шесть лет после его смерти, что ему отнюдь не кажется удачной пословица «Его хулят, как старую монету» по отношению к человеку с дурной репутацией... ибо при том, как идут дела наши во Франции, старая монета лучше новой, которая на протяжении сотни лет постоянно обесценивалась»⁹².

ЗАПАСЫ МЕТАЛЛОВ И СКОРОСТЬ ДЕНЕЖНОГО ОБРАЩЕНИЯ

Накануне Революции Франция располагала, возможно, денежными запасами в 2 млрд. турецких ливров, т. е. при около 20 млн. жителей по 100 ливров на душу. С небольшим искажением цифр в Неаполитанском королевстве было в 1751 г. 18 млн. дукатов и 3 млн. жителей; на каждого жителя пришлось бы 6 дукатов. До появления американского металла в 1500 г. в Европе было, возможно, 2 тыс. тонн золота и 20 тыс. тонн серебра – цифры эти заимствованы из *крайне* спорных расчетов⁹³. При оценке в серебре это примерно 40 тыс. тонн на 60 млн. жителей, т. е. чуть больше 600 г на душу, – цифра ничтожная. По *официальным* данным, флоты из Индии с 1500 по 1650 г. выгрузили в Севилье 180 тонн золота и 16 тыс. тонн серебра. Это и огромная, и одновременно скромная величина.

Но величины относительно. Речь идет об оживлении слабого денежного оборота, что бы ни воображали современники. Монета в особенности переходила из рук в руки, «лилась водопадом», как выразился в 1761 г. португальский экономист⁹⁴; количество денег увеличивалось за счет быстроты оборота, той самой быстроты обращения, о которой подозревал Даванцати (1529–1606 гг.) и которую выявили Уильям Петти и Кантийон (который и употребил впервые это выражение)⁹⁵. При каждом обороте оплачивались новые счета, а деньги увенчивали все обмены, «как стержень, скрепляющий конструкцию», по выражению современного экономиста. И никогда не оплачивалась вся стоимость покупок или вся стоимость продаж, а только простая разница между ними.

В 1751 г. в Неаполе были в обращении 1,5 млн. дукатов в медной монете, 6 млн. – в серебряной и 10 млн. – в золотой монете (в том числе 3 млн. – золотом в банках), т. е. почти 18 млн. дукатов. Годовая масса закупок и продаж может оцениваться

⁹¹ Предисловие Луиджи Эйнаути (Einaudi L.) к изданию:

Paradoxes inédits du seigneur de Malestroit. 1937, p. 23.

⁹² Pasquier E. *Les Recherches de la France*. *Op. cit.*, p. 719.

⁹³ Braudel F. et Spooner F. *Prices in Europe from 1450 to 1750.* – Cambridge economic history of Europe, IV, p. 445; цифры для американских золота

и серебра вполне очевидно принадлежат графу Хэмилтону.

⁹⁴ Pinto I. *Op. cit.*, p. 33.

⁹⁵ Schumpeter J. A. *Storia dell'analisi economica*. 1959, I, p. 386.

Ростовщик. При какой угодно денежной системе и во всех странах мира ростовщик был в центре повседневной жизни. «Часослов Рогана. Март» (*Heures de Rohan, mois de mars*). (Фото Национальной библиотеки.)

около 288 млн. дукатов. Если принять во внимание собственное потребление, зарплату натурой, обменные торговые операции, если подумать, как объясняет Галиани, «что крестьяне, кои составляют три четверти нашего народа, и десятой доли своего потребления не оплачивают наличными деньгами», то цифру эту можно снизить на 50%. Отсюда возникает следующая задача: как осуществить платежи на 144 млн., располагая 18 млн. денежной массы? Ответ: если каждая монета восемь раз сменит своего владельца⁹⁶. Скорость обращения есть, следовательно, частное от деления суммы платежей на денежную массу, циркулирующую в обращении. Следует ли думать, что деньги станут «сыпаться» быстрее, если возрастет объем платежей?

Поставить эту проблему помогает закон Ирвинга Фишера. Если массу обмениваемого продукта обозначить через Q , его среднюю цену – через P , денежную массу – через M , а скорость ее обращения – через V , то уравнение для начинающих экономистов, коротко говоря, примет следующий вид: $MV = PQ$. Если

⁹⁶ Galiani F. *Op. cit.*, p. 278.

объем платежей возрастает, то, для того чтобы денежные запасы остались постоянными, требуется, чтобы возросла скорость их обращения, ежели в данной конкретной экономике все остается в равновесии, будь то экономика Неаполитанского королевства или какая-либо другая.

Таким образом, мне представляется, что во время экономического подъема, сопровождавшегося «революцией цен» в XVI в., скорость обращения возросла в таком же темпе, как и прочие элементы уравнения Фишера. Если в конечном счете производство, денежная масса и цены возросли в пять раз, вне сомнения, и скорость обращения тоже увеличилась в пять раз. Вполне очевидно, что речь идет о средних цифрах, которые отбрасывают вариации кратковременной конъюнктуры (вроде тяжелого спада в делах в 1580–1584 гг.) или вариации локальные.

Наоборот, в определенных пунктах обращение могло достигать ненормальных, исключительных скоростей. Как говорил современник Галиани, в Париже эку могло за двадцать четыре часа полсотни раз перейти из рук в руки: «Во всей вселенной нет и половины тех денег, в которых выражается расход, каковой за год производит один только город Париж, ежели подсчитать все осуществленные затраты, оплачиваемые деньгами, с первого января по последний день декабря во всех сословиях государства, начиная с королевского дворца и кончая нищими, что потребляют на одно су хлеба в день»⁹⁷.

Такое обращение монеты беспокоило экономистов, они видели в нем источник, так сказать, «Протей» * всякого богатства, объяснение абсурдных парадоксов. Один из них пояснял: «Во время осады Турне в 1745 г. и за некоторое время до этого сообщения были прерваны, командование было в затруднении из-за отсутствия денег для выплаты жалованья гарнизону. Догадались взять займы из войсковых лавок 7 тыс. флоринов – это было все, что там имелось. К концу недели эти 7 тыс. флоринов вернулись в лавки, откуда они еще раз были позаимствованы. Затем это повторялось в течение семи недель до сдачи города, так что одни и те же 7 тыс. флоринов произвели эффект 49 тыс.»⁹⁸. Можно было бы привести множество иных примеров, скажем майнцские «осадные деньги» в мае–июле 1793 г.⁹⁹

ЗА ПРЕДЕЛАМИ РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКИ

Но возвратимся к Неаполитанскому королевству в 1751 г. Обращавшаяся денежная масса, по всей видимости, оплачивала половину сделок, но остальная часть была огромна. Без денег обходились крестьяне, без них выплачивали жалованья натурой (топленным салом, солью, солониной, вином, растительным маслом). Лишь мимоходом затрагивало денежное обращение заработную плату рабочих текстильных предприятий, мыловарен, винокурен в Неаполе и других местностях. Работники этих отраслей, правда, принимали участие в распределении денег, но последние немедленно расходовались, уходя тут же на покупку продовольствия, буквально «из рук в рот» (*della mano alla bocca*). Немецкий экономист фон Шрёттер еще в 1686 г. говорил, что

⁹⁷ Pinto I. *Op. cit.*, p. 34.

* Протей, сын Посейдона – в греческой мифологии морское божество, обладавшее способностью изменять свой облик. – *Прим. ред.*

⁹⁸ *Ibid.*, p. 34, note.

⁹⁹ A. N., F12, 2175, III. Документы 1810 и 1811 гг. о неуплате долгов, сделанных во время осады.

¹⁰⁰ Schrötter F. W. *Fürstliche Schatz und Rent-Cammer*. 1686, цит. по: Heckscher E. *Op. cit.*, p. 652–653.
¹⁰¹ Saint-Jacob P. *Op. cit.*, p. 212.

одна из заслуг мануфактур – «заставлять переходить из рук в руки больше денег, ибо таким способом они дают пропитание большому числу людей»¹⁰⁰. Сколь бы дешево ни оплачивались перевозки, но за них платили наличной монетой. Все это не мешало ни в Неаполе, ни в иных местах существованию экономики натурального обмена и простого воспроизводства на равных правах с подвижной рыночной экономикой.

Ключевым выражением было зачастую *baratto*, или *barattare*, или *dare a baratto*. *Baratto* – это натуральный обмен, как правило широко использовавшийся в самом центре левантинской торговли: искусство заключалось здесь задолго до XV в. в том, чтобы обменивать на пряности, перец или чернильные орешки ткани и стеклянные изделия Венеции, следовательно, не платить наличными. В XVIII в. в Неаполе обычен был обмен товаров на товары, причем каждый полагался на цены, которые позднее будут зафиксированы властями (так называемые цены «объявленные», *alla voce*). Тогда каждую партию товара стали оценивать в деньгах, а затем их обменивали в соответствии со стоимостью товаров. Какой это был кладезь задач для школяров, которые бледнели при виде вышедшей в Риме в 1714 г. «Практической арифметики» («*Arithmetica Pratica*») Алессандро делле Пурификационе! *Barattare* – это значит применить тройное правило (*la regola di tre*), но к одному из следующих случаев: простому натуральному обмену, например воска на перец; полунатуральному-полуденежному обмену; натуральному обмену на срок, «когда назначают дату для окончательного расчета» ... То, что операция эта фигурировала в учебнике арифметики, показывает, что и купцы тоже занимались меновой торговлей, а последняя, как нам известно, позволяла (так же как и вексель) «замаскировать размер процента».

Все это – свидетельство недостатков денежной экономики даже в активном XVIII в., который мы, двигаясь от более ранних эпох, рассматривали чуть ли не как рай. Ведь денежные и рыночные узы не связывали там всю жизнь людей, бедняки оставались вне ячей их сети. К 1713 г. можно было сказать, что «колебания монеты почти не интересуют подавляющее большинство [бургундских] крестьян, кои не имеют наличных денег»¹⁰¹. Такова была крестьянская действительность везде и почти всегда.

Напротив, другие секторы хозяйства, очень преуспевшие, уже боролись со сложностями кредита. Но то были очень узкие секторы.

БУМАЖНЫЕ ДЕНЬГИ И ОРУДИЯ КРЕДИТА

Рядом с металлическими деньгами обращались деньги бумажные (банковские билеты) и деньги «бухгалтерские» (платежи через счетные книги, переводы с одного банковского счета на другой, то, что немец назовет удачным словом *Buchgeld*,

«книжные деньги»; с точки зрения историков экономики, увеличение массы *книжных денег* наблюдалось с XVI в.).

Деньги во всех их формах и кредит, рассматриваемый во всей совокупности его орудий, разделяет четкая грань. Кредит — это обмен двух поставок, разделенных во времени: я тебе оказываю услугу, ты мне ее возместишь позднее. Сеньер, который авансирует крестьянина семенной пшеницей с условием выплаты долга из урожая, открывает кредит; и так же точно — кабатчик, который не требует сразу же со своего клиента платы за его заказы, а записывает ее на счет пьющего в виде меловой черты на стене (так называемые *меловые деньги* — *l'argent à la craie*), или булочник, который поставляет хлеб и записывает его стоимость насечками на двух кусочках дерева: один остается у дающего, другой — у берущего. Купцы, что скупают у крестьян пшеницу на корню или же у животноводов — шерсть до стрижки овец, скажем в Сеговии и иных местах, поступают таким же образом. И на этом же принципе основан вексель¹⁰². Дающий его в каком-либо месте, например в XVI в. на ярмарке в Медина-дель-Кампо, сразу же получает деньги; а получатель векселя вернет свои деньги в другом месте через три месяца и в соответствии с обменным курсом на момент платежа. Он сам обеспечивает свою прибыль и сам оценивает степень риска.

Если уж обычные деньги для большинства современников были «кабалистикой, доступной разумению немногих»¹⁰³, то такие деньги и в то же время не-деньги и такой денежный механизм, смешанный с простым письмом и сливающийся с ним, представлялись им не просто сложными, но «дьявольскими», служа источником беспрестанного изумления. Итальянский купец, который около 1555 г. обосновывался в Лионе со столом и письменным прибором и создавал себе состояние, был совершенно скандальной фигурой даже в глазах тех, кто достаточно хорошо понимал, как оперируют деньгами и как функционирует механизм обменных операций. Еще в 1752 г. человек такого интеллектуального масштаба, как Дэвид Юм (1711–1776 гг.), философ, историк и сверх того экономист, был решительным противником «новоиспеченных бумаг», этих «акций, банковских билетов и бумаг казначейства», а также и противником государственного долга. Он предлагал не более и не менее как ликвидировать на 12 млн. бумажных денег, которые, как он считал, обращаются в Англии наряду с 18 млн. фунтов стерлингов в монете; по его словам, то было бы верное средство вызвать приток в королевство новых масс драгоценных металлов¹⁰⁴. Какое же несчастье для нашей любознательности (но, конечно, не для Англии), что такая система, противоположная системе Лоу, не была испытана экспериментально! Со своей стороны Себастьян Мерсье сожалел, что Париж не «последовал примеру Лондонского банка». Он описывал старомодное зрелище платежей наличными в Париже: «Десятого, двадцатого и тридцатого числа каждого месяца с десяти часов и до полудня встречаешь носильщиков с мешками, полными денег, сгибающихся под этой тяжестью. Они бегут так, словно на город только что напала неприятельская армия. И это доказывает, что у нас не создали удачного политического символа [читай: банковского билета],

¹⁰² См. настоящую работу, т. II, гл. II.

¹⁰³ Malestroit M. *Mémoires sur le fait des monnoyes. — Paradoxes inédits du seigneur de Malestroit*. P.p. Luigi Einaudi, 1937, p. 105.

¹⁰⁴ Hume D. *Essai sur la balance du commerce. — Mélanges d'économie politique*. Op. cit., p. 93.

каковой бы заместил эти металлы, кои вместо того, чтобы путешествовать из кассы в кассу, должны были бы быть лишь недвижимым символом. Беда тому, кто должен уплатить по векселю в такой вот день и у кого нет средств!» Зрелище это было тем более впечатляющим, что сосредоточивалось на одной-единственной улице Вивьенн, где, как заметил наш информатор, «имеется больше денег, нежели во всей остальной части города: это карман столицы»¹⁰⁵.

¹⁰⁵ Mercier L.S. *Op. cit.*, IX, p. 319–320.

ЭТО СТАРИННАЯ ПРАКТИКА

«Превышения» объема денежной массы над реальными деньгами в строгом смысле – явление древнее, даже очень древнее; это изобретение теряется в глубине веков. То была техника, которую в лучшем случае следовало открыть заново. Но в общем в силу самого факта ее древности она более «естественна», чем это кажется.

По правде говоря, со времени, когда люди научились писать и им пришлось оперировать звонкой монетой, они заменили ее письмами, записками, обязательствами, платежными ордерами. За двадцать веков до нашей эры в Вавилоне, среди городских купцов и банкиров использовались записки и чеки; но, восхищаясь их изобретательностью, нет необходимости преувеличивать их современность. Те же приемы существовали в Греции или в эллинистическом Египте, где Александрия сделалась «наиболее посещаемым центром международного транзита». Рим знал текущий счет, актив и пассив в книгах продавцов серебра (*argentarii*). И наконец, все орудия кредита – вексель, платежное распоряжение, заемное письмо, банковский билет, чек – были знакомы купцам мусульманских стран, мусульманам и немусульманам, какими их нам показывают начиная с X в. н. э. документы, так называемые *генизы* (*geniza*), обнаруженные главным образом в синагоге Старого Каира¹⁰⁶. А Китай использовал банковские билеты с IX в. н. э.

¹⁰⁶ Gotein S.D. *The Cairo Geniza as a source for the history of Muslim civilization.* – «*Studia islamica*», III, p. 75–91.

¹⁰⁷ Laurent H. *La Loi de Gresham au Moyen Age.* 1932, p. 104–105.

Это отдаленное прошлое должно избавить нас от несколько наивных восторгов. Скажем же, что, когда Запад вновь обрел эти старые орудия, речь не шла об открытии вроде открытия Америки. На самом деле всякая экономика, испытывавшая затруднения с обращением металлических денег, как бы в силу самой своей природы и своего развития почти неизбежно сама собой приходила довольно быстро к орудиям кредита: они вытекали из ее обязательств и в не меньшей степени – из ее несовершенства¹⁰⁷.

Следовательно, в XIII в. Запад заново открыл переводной вексель, средство для платежа на далеких расстояниях, которое с успехом крестовых походов распространилось вдоль всего Средиземного моря. Раньше, нежели это обычно принято думать, этот вексель будет *переводным*: получатель подписывает его и уступает [другому]. Вполне очевидно, что при первом известном переводе векселя в 1410 г. такой вид обращения не был [еще] тем, чем он станет впоследствии. Дальнейший прогресс: вексель более не будет ограничиваться простым переездом из

одного места в другое, как то было при первоначальном его использовании. Деловые люди станут его пересылать с места на место, с ярмарки на ярмарку – это то, что во Франции именовалось «обменом и переобменом» (*«change et rechange»*), а в Италии – подписанием нового векселя (*ricorsa*). Такие приемы, означавшие «продление» кредита, сделались всеобщими в период затруднений XVII в. Тогда при попустительстве деловых людей повсюду разъезжали многочисленные «авантюристы»; стало даже вполне обычным переводить векселя на себя, что широко распахивало ворота для множества злоупотреблений. По правде говоря, эти злоупотребления предшествовали XVII в.: нам известны с 1590 г. переводы векселей в пользу Фуггеров, а в 1592 г. – на лионские банки; более того, в Генуе, городе новшеств, они известны с XV в.

Банковский билет
Лоу. Национальная
библиотека. Париж.
(Фото Жиродона.)

Не будем также говорить, будто банковский билет появился в 1661 г. в кассах Стокгольмского банка (там его употребление, впрочем, прекратилось быстро – в 1668 г.) или же, что более реально, в конторах Английского банка в 1694 г. Были билеты и билеты. Прежде всего с 1667 г. в Англии умножилось число платежных ордеров (*orders*), прототипа банковских билетов, а еще раньше, в середине века, обычным делом было использование *goldsmiths' notes*, позднее прозванных *banker's notes*: золотых дел мастера в Лондоне принимали на хранение деньги в обмен на векселя. В 1666 г. только у одного из таких золотых дел мастеров было в обращении 1200 тыс. фунтов стерлингов в векселях. К их кредиту прибегал и сам Кромвель. Банковский билет почти спонтанно родился из коммерческого обихода. То был вопрос жизни или смерти: в 1640 г. король Карл I захватил в Тауэре

слитки ценных металлов, сданные на хранение купцами Сити, и купцы нашли для своих авуаров убежище у золотых дел мастеров (*goldsmiths*), создавая тем их состояния (вплоть до основания Английского банка).

Но Англия не обладала в этой области монополией на раннее развитие. «*Casa di San Джорджо*» («*Casa di San Giorgio*») по меньшей мере с 1586 г. имела свои билеты (*biglietti*), которые начиная с 1606 г. будут оплачиваться золотой или серебряной монетой, в зависимости от того, какой вклад их гарантировал. В Венеции банки «*di scritta*» («*письменные*») с XV в. имели свои билеты, которые могли обмениваться и оплачиваться.

Но нововведением Английского банка было то, что к функциям банка – хранению средств и их переводу со счета на счет – он добавил роль настоящего, сознательно организованного эмиссионного банка, способного предложить обширный кредит в билетах, фактическая стоимость которых намного превосходила его реальные денежные запасы. Как говорил Лоу, проделав это, банк совершил величайшее благодеяние для торговли и для государства, ибо он «увеличил количество монеты»¹⁰⁸.

Что касается «*письменных*» денег, то мы к ним вернемся; они появляются вместе с самым началом ремесла банкира: по желанию клиента один счет компенсирует другой. Существовало даже то, что мы бы назвали счетами без обеспечения, благо банкир на это соглашался. И следовательно, такие деньги существовали в самом начале периода, который охватывает эта книга.

ДЕНГИ И КРЕДИТ

Конечно же, не всегда банковские билеты и бумажные деньги имели широкое хождение. Следует запомнить рассуждение Д. Юма. Во Франции даже после запоздалого основания Французского банка (1801 г.) эти билеты интересовали лишь нескольких парижских купцов и банкиров, но почти никого – в провинции: вне сомнения, по причине неизгладимых жгучих воспоминаний о банкротстве Лоу.

Однако бумажные деньги и кредит то в одной форме, то в другой не переставали участвовать в денежном обращении, смешиваться с его течением. Вексель переведенный (то есть уступленный своим владельцем посредством передаточной надписи за его подписью – не на обороте листа, на котором он выписан, а на его лицевой стороне, в противоположность тому, как мы делаем с нашими чеками) с этого момента вступал в обращение как настоящие деньги. Продавались даже облигации государственного займа, где бы мы их ни встретили – в Венеции, во Флоренции, в Генуе, в Неаполе, в Амстердаме, в Лондоне. И так же точно во Франции с ее учрежденными в 1522 г. рентами на парижскую Ратушу, рентами, испытанными немало превратностей. Коннетабль де Монморанси 1 ноября 1555 г. купил землю (сеньерию Мариньи), оплатив ее рентами на Ратушу¹⁰⁹. Филипп II и его преемники в десяти случаях против одного будут расплачиваться с деловыми людьми *en juro* – государственно-

¹⁰⁸ Law J. *Premier mémoire sur les banques.* – Law J. *Œuvres...* contenant les principes sur le Numéraire, le Commerce, le Crédit et les Banques. 1790, p. 197.

¹⁰⁹ Schnapper B. *Les Rentes au XVIe siècle. Histoire d'un instrument de crédit.* 1957, p. 163.

ми рентами, пересчитанными по номиналу. Получая такого рода возмещение, деловые люди в свою очередь оплачивали той же «монетой» свои долги третьим лицам, перекладывая на ближнего риск и неприятности своего ремесла. Что до них, то дело заключалось в том, чтобы превратить краткосрочные долги (*asientos*, их займы королю) в консолидированную вечную или пожизненную ренту. Но и само участие в *асьентос* уступалось, наследовалось, перераспределялось, оно обращалось на рынке, каким бы скромным он ни был¹¹⁰. В свое время там существовали также и «акции» Амстердамской биржи. Существовали и бесконечные ренты, которые во всех странах Запады учреждались на городские деньги – ренты полей, виноградников, с крестьянских усадеб. То было необъятное зрелище, которое мы отмечаем всякий раз, как имеем дело с более или менее точными наблюдениями. Продавались даже *cedole*, обязательства, которые хлебные склады (*caricatori*) Сицилии выдавали собственникам хранившегося в них зерна, а сверх того обращались и поддельные *cedole* – при пособничестве владельцев складов и высоких властей¹¹¹. И последняя деталь: в Неаполе вице-король выпускал *tratte* – разрешения на вывоз зерновых и даже овощей; выпускал он их слишком много, и для венецианских купцов было обычным делом скупать их ниже номинала и таким образом оплачивать таможенные пошлины со скидкой¹¹². Представим себе также в этом движении взад и вперед огромную массу прочих бумаг всякого названия и всякого характера. Всякий раз, как недоставало металлической монеты, приходилось пользоваться любыми средствами – и появлялись или выдумывались деньги бумажные.

Что касается Парижа, то «стоит заметить, что в 1647, 1648 и 1649 гг. деньги в торговле были столь редки, что для производства платежей только четвертую их часть давали наличными деньгами, а три четверти – билетами или векселями, подписанными на предъявителя, что служило для их перевода, но не способствовало порядку. Таким образом, купцы, негоцианты и банкиры завели между собой обыкновение расплачиваться друг с другом подобным способом»¹¹³. Этот текст требовал бы комментариев – скажем, в том, что касается векселей на предъявителя, – но интерес, который представляет данный документ, заключается не в этом. Наличности не хватает и прибегают к кредиту, а он импровизируется. И в общем именно это советовал Уильям Петти в своем причудливом «*Quantulumcumque concerning money*» (1682 г., в вольном переводе: «Самое малое, что можно бы сказать о деньгах»), где он рассуждает в форме вопросов и ответов. Вопрос 26-й: «*Какое есть лекарство, ежели у нас слишком мало денег?*» Ответ: «*Нам надлежит устроить банк*». Нужно создать банк, машину для производства кредита, для усиления эффекта существующих денег. Так как Людовик XIV, занятый постоянными войнами, не смог создать банк, ему пришлось жить за счет помощи финансистов – «откупщиков и их сторонников» («*traitants et partisans*»), которые под векселя ссужали деньги на огромные затраты его армий за границей. В действительности эти займодавцы ссужали свои деньги и деньги, помещенные у них на хранение третьими лицами.

¹¹⁰ См. настоящую работу, т. II, гл. V.

¹¹¹ Braudel F. *Médit...*, I, p. 527.

¹¹² *Ibid.*, p. 528.

¹¹³ Ссылка утеряна.

А затем они сами себя вознаграждали за счет королевских доходов. Что же касается короля, то как бы он мог действовать иначе, если запасы благородных металлов в его королевстве были исчерпаны?

Ибо, заметим, дело всегда шло о том, чтобы активизировать или заменить по возможности звонкую монету, выполнявшую свою задачу медленно или отсутствовавшую (бездействовавшую). Непрерывная, и необходимая, эта работа осуществлялась стихийно при нехватках или в случае затруднений со звонкой монетой. И такая работа влекла за собой размышления и гипотезы о самой природе звонкой монеты. О чем шла речь? Вскоре уже – об искусственном изготовлении денег, так сказать *эксаца* денег или, если угодно, денег, «поддающихся управлению». Все эти учредители банков и в конечном счете шотландец Джон Лоу мало-помалу отдавали себе отчет «в экономических возможностях того открытия, в соответствии с которым деньги (и капитал, понимаемый как деньги) оказывались пригодными для изготовления или для создания по нашему желанию»¹¹⁴. То было сенсационное открытие – куда более сенсационное, нежели открытия алхимиков, – и каков соблазн! И какая отдушина для нас! Именно своей, так сказать, медлительностью, словно бы забавляясь медленным поджиганием запала, тяжелые металлические деньги на заре экономической жизни создали необходимую профессию банкира. Он – тот человек, который исправлял или пробовал исправить испортившийся двигатель.

¹¹⁴ Schumpeter J.A. *Op. cit.*, I, p. 392.

ПОСЛЕДУЕМ ЗА ШУМПЕТЕРОМ: ВСЁ – ДЕНЬГИ И ВСЁ – КРЕДИТ

И вот мы подошли к последнему, самому трудному из наших споров. Имелась ли действительно принципиальная разница между существом монеты металлической, вспомогательных денег и средств кредита? То, что их различают с самого начала, это нормально. Но не следует ли затем сблизить, а то и, может быть, слить их воедино? Это проблема, которая открывает дорогу стольким контроверзам; это также и проблема современного капитализма, который развертывался в этих сферах, нашел там свои орудия и даже решился определить их как «осознание своего собственного существования». Само собою разумеется, что это спор, который я открываю, не имея намерения его вести бесконечно. Мы возвратимся к этому позднее.

По меньшей мере вплоть до 1760 г. все экономисты будут внимательно анализировать феномен денег, взятый в его первоначальном обличье. Впоследствии, на протяжении всего XIX в. и даже позднее – до того как Кейнс все перевернул, – они будут проявлять тенденцию рассматривать деньги как некий нейтральный элемент экономического обмена или, вернее, как некую завесу. Разорвать эту завесу и наблюдать то, что ею скрыто, будет одним из обычных подходов при «реальном» экономическом анализе. И изучать в дальнейшем не деньги и их собственный механизм функционирования, но ниже лежащие реальности: обмен товаров и услуг, потоки затрат и прибыли.

Первый период: примем более или менее прежний, «номиналистский» взгляд на вещи, свойственный времени до 1760 г., и намеренно останемся на старинной меркантилистской точке зрения, господствовавшей несколько столетий. Эта точка зрения уделяла исключительное внимание деньгам, рассматриваемым в качестве богатства как такового, как река, сила которой сама собой завязывает и завершает обмены, масса которой их убыстряет или замедляет. Деньги, вернее, денежные запасы суть одновременно и масса и движение. Увеличивается ли масса или ускоряется общее движение, результат оказывается примерно тот же: всё – цены, заработная плата (она – помедленнее), объем сделок – идет на повышение; в противном же случае все приходит в упадок. Стало быть, при таких условиях следовало бы заключить, что происходит просто-напросто увеличение находящейся в движении массы, все равно, производится ли прямой обмен товаров (натуральный обмен), или вспомогательные деньги позволяют заключать соглашения, не прибегая к собственно деньгам, или же делку облегчает кредит. Короче, как только все используемые капитализмом инструменты вступают таким образом в денежную игру, они становятся псевдоденьгами или даже деньгами настоящими. И отсюда воспоследует всеобщее примирение, первый урок которого дал Кантйон.

Но если можно утверждать, будто всё – деньги, то с таким же успехом можно, наоборот, утверждать, что всё – кредит, т. е. обещание, превращающееся в реальность по истечении некоего срока. Даже этот золотой луидор мне дают как обещание, как чек (известно, что настоящие чеки – снятие денег с определенного счета – в Англии стали обычной практикой только около середины XVIII в.); это чек на всю совокупность доступных мне материальных ценностей и услуг, среди которых я бы завтра или позже [что-либо] выбрал. И только тогда эта монета выполнит свое предназначение в рамках моей жизни. Как говорит Шумпетер, «деньги в свою очередь суть не что иное, как орудие кредита, право, которое дает доступ к единственным средствам окончательного платежа, а именно: потребительским товарам. Сегодня [1954 г.] эта теория, которая, естественно, способна обретать множество форм и требует многочисленных доработок, находится, можно сказать, на пути к торжеству»¹¹⁵. Короче говоря, дело может быть рассмотрено в одном направлении, а затем – в другом. И без обмана.

¹¹⁵ Schumpeter J. A.
Op. cit., p. 392.

ДЕНЬГИ И КРЕДИТ – ЭТО ОПРЕДЕЛЕННЫЙ ЯЗЫК

Деньги и кредит, как и плавание в открытом море, как книгопечатание, суть технические средства, которые сами собой воспроизводятся и увековечиваются. Они образуют один и тот же язык, на котором всякое общество говорит по-своему, который обязан понимать любой индивид. Он может не уметь читать и писать, только высокая культура живет под знаком письменности. Но не уметь считать означало бы осудить себя на невозможность выживания. Повседневная жизнь – это обязательная школа цифр: словарь дебета и кредита, натурального обмена,

цен, рынка, колеблющихся курсов денег захватывает и подчиняет любое мало-мальски развитое общество. Такие технические средства становятся тем наследием, которое в обязательном порядке передается путем примера и опыта. Они определяют жизнь людей день ото дня, на протяжении всей жизни, на протяжении поколений и веков. Они образуют окружающую среду человеческой истории во всемирном масштабе.

И так же точно, когда какое-то общество становится слишком многочисленным, когда его обременяют требовательные города, расширяющиеся обмены, этот язык усложняется, дабы разрешить возникающие проблемы. Это то же самое, что сказать, что эти во все вторгающиеся технические средства воздействуют прежде всего на самих себя, что они рождаются сами собой, что они трансформируются в ходе своего собственного движения. Если вексель, давно известный в странах победоносного ислама IX–X вв., родился на Западе в XII в., то это потому, что деньги тогда должны были перемещаться на огромные расстояния, через все Средиземноморье и от итальянских городов до ярмарок Шампани. Если ордер с обязательной оплатой, перевод векселя, биржи, банки, дисконт появились впоследствии один за другим, так это оттого, что система ярмарок с платежами, отсроченными на определенное время, не обладала ни гибкостью, ни частотой, необходимыми для ускорявшей свое движение экономики. Но на востоке Европы такое экономическое давление стало ощутимым гораздо позднее. Около 1784 г., в момент, когда марсельцы попробовали завязать торговлю с Крымом, один из них на основе *личных впечатлений* констатировал: «Чеканенные деньги совершенно отсутствуют в Херсоне и в Крыму: здесь видишь лишь медную монету и бумажные деньги, которые не обращаются из-за отсутствия средств дисконтирования». Дело было в том, что русские только-только заняли Крым и добились от Турции открытия проливов. И понадобятся еще годы, чтобы украинская пшеница стала регулярно экспортироваться по Черному морю. А до того кому бы пришлось в голову организовать в Херсоне учет векселей?

Денежная техника, как и все виды техники, отвечает, следовательно, на *потребности*, длительно, упорно и ясно выражаемые. Чем более страна была развита экономически, тем более расширяла она гамму своих денежных и кредитных инструментов. И в самом деле, в международном денежном единстве общества имели каждое свое место: одни – привилегированное, другие тащились в хвосте, а третьи терпели тяжкую кару. Деньги – единство мира, но они и мировая несправедливость.

Люди не так уж не осознавали это разделение и последствия, какие оно за собой влекло (ибо деньги стекаются на службу к владеющим технологией их обращения), как можно было бы думать. Эссеист Ван Аудермелен заметил в 1778 г., что, читая авторов его времени, «можно было бы сказать, что есть нации, каковые со временем должны стать крайне могущественными, и такие, что совершенно обнищают»¹¹⁶. А полутора столетиями раньше, в 1620 г., Сципион де Грамон писал: «Деньги, говорили семь греческих мудрецов, суть кровь и душа людей; и тот, у кого их нет, свершает свой путь, подобно мертвецу среди живых»¹¹⁷.

¹¹⁶ *Recherches sur le commerce*. 1778, p. VI.

¹¹⁷ Gramont S. *Le Denier royal*. 1620, p. 9.

Города – это как бы электрические трансформаторы: они повышают напряжение, ускоряют обмен, они беспрестанно вершат жизнь людей. Разве не родились они из самого древнего, самого революционного из всех разделений труда: полей, с одной стороны, и так называемых городских видов деятельности, с другой? «Противоположность между городом и деревней начинается вместе с переходом от варварства к цивилизации, от племенного строя к государству, от местной ограниченности к нации и проходит через всю историю цивилизации вплоть до нашего времени...» К. Маркс написал это во времена молодости¹.

Город – как бы цезура, разрыв, [новая] судьба мира. Когда он возникает, неся с собою письменность, то открывает двери того, что мы называем историей. Когда с наступлением XI в. город возродился в Европе, началось возвышение небольшого континента. Как только он расцветает в Италии, наступает Возрождение. Так было со времен мекки в эпоху мусульманского завоевания и до наших дней. Все поворотные моменты роста выражались во взрыве урбанизации.

Что же касается постановки вопроса о том, были ли города причиной, истоком роста, то он в такой же мере бесполезен, как и вопрос о том, несет ли капитализм ответственность за экономический подъем XVIII в. или за промышленную революцию. Здесь в полной мере действовала столь дорогая сердцу Жоржа Гурвича «обоюдность перспектив». Город настолько же порождал подъем, насколько бывал порожден последним. Но что несомненно, так это то, что, даже когда город и не порождал подъем целиком, он обращал его к своей выгоде. И что такая игра в городе обнаруживается легче, нежели в любом ином месте.

ГОРОД КАК ТАКОВОЙ

Город, где бы он ни находился, всегда предполагает определенное число реальностей и процессов, притом с несомненной регулярностью. Не существовало города без неперемного раз-

¹ Маркс К., Энгельс Ф.
Немецкая идеология. –
Маркс К., Энгельс Ф.
Соч., 2-е изд., т. 3,
с. 49–50.

деления труда и не бывало сколько-нибудь продвинувшегося разделения труда без вмешательства города. Не бывало города без рынка и не было региональных или национальных рынков без городов. Часто говорят о роли города в развитии и диверсификации потребления, но очень редко — о таком важнейшем, несмотря ни на что, факте, что даже самый бедный горожанин обязательно снабжался через рынок, что город в целом делал рынок всеобщим явлением. Но ведь как раз там и проходил фундаментальный водораздел между обществами и экономиками, где они оказывались по одну или по другую сторону границы рынка (я еще вернусь к этому). Наконец, не существовало городов без власти, одновременно и защищающей и принуждающей, какова бы ни была форма такой власти, какая бы социальная группа ее ни воплощала. А если власть существовала вне пределов города, то в нем она приобретала дополнительное измерение, получала совершенно иное по характеру поле деятельности. И наконец, не бывало выхода в [окружающий] мир, не бывало дальних обменов без городов.

Именно в этом смысле я мог написать с десятков лет назад² — и придерживаюсь такого взгляда и сегодня, невзирая на изящную критику Ф. Абрамса³, — что «город всегда город», где бы он ни располагался как в пространстве, так и во времени. Это никоим образом не означает, что все города были похожи друг на друга. Но если отвлечься от очень разных самобытных черт, все они обязательно говорили на одном и том же в своей основе языке: это был непрерывный диалог с деревней, первая необходимость повседневной жизни: пополнение людьми было столь же необходимо для города, как вода для мельничного колеса; одними и теми же были неизменное высокомерие городов, их стремление отличаться от других, их обязательное расположение в центре сети более или менее дальних связей, их сочленение со своими предместьями и с другими городами. Ибо никакой город никогда не предстает перед нами без «сопровождения» других. Одни города были господами, другие — слугами или даже рабами; они образовывали и сохраняли определенную иерархию, как в Европе, так и в Китае или других странах.

ОТ НЕЗНАЧИТЕЛЬНОЙ РОЛИ ГОРОДОВ К ИХ ГЛОБАЛЬНОМУ ЗНАЧЕНИЮ

Как необычная концентрация людей, домов, близко друг к другу расположенных, порой примыкающих стена к стене, город был аномалией в смысле населенности. Не то чтобы он всегда бывал полон народу или выглядел «волнующимся человеческим морем», как говорил Ибн Баттута, восхищаясь Каиром, с его 12 тыс. водоносов и тысячами наемных погонщиков верблюдов⁴. Существовали города, едва зарождавшиеся, и иные поселки превосходили их числом жителей, как, скажем, огромные деревни России в прошлом и ныне, как «сельские городки» итальянского Юга (*Mezzogiorno*) или юга Андалусии, или созвездия яванских деревушек, образующих неплотную ткань на этом и «поныне деревенском острове». Но таким раз-

² См. первое издание настоящей работы (р. 370).

³ *Towns and societies*. P.p. Abrams Ph. and Wrigley E.A., 1978, p. 9, 17, 24–25.

⁴ *Voyages d'Ibn Battûta*. P.p. Monteil V., 1969, I, p. 67–69.

Вид г. Брив
(департамент Коррез)
с воздуха: пример
города с запутанными
улочками, наследием
средневековья. (Фото
Министерства
жилищного
строительства.)

бухшим и даже сливавшимся друг с другом деревням не обязательно суждено было сделаться городами.

Ибо значение имело не только количество. Город существует как город лишь в противопоставлении образу жизни, более низкому, чем его. Это правило не знает исключений, и никакие привилегии его заменить не в состоянии. Не было ни одного города, ни одного городишки, у которого не было бы своих де-

ревень, своего подчиненного клочка сельской жизни, который бы не навязывал своей округе услуги своего рынка, пользование своими лавками, своими мерами и весами, своими ростовщиками, своими законниками и даже своими развлечениями. Чтобы существовать, ему нужно было господствовать над какой-то «империей», пусть даже крохотной.

Варзи, в сегодняшнем Ньевре, в начале XVIII в. насчитывал едва 2 тыс. жителей. Но это был самый настоящий город со своей буржуазией: юристы были в нем настолько многочисленны, что невольно задаешься вопросом, чем они могли быть заняты даже среди неграмотного и потому, вполне очевидно, вынужденного прибегать к перу ближнего крестьянского населения. Но эти законники были также и собственниками; другие горожане владели кузницами, дубильными мастерскими, торговали дровами. Последняя категория собственников пользовалась таким благоприятным обстоятельством, как торговля «потерянными поленьями» вдоль рек; порой они принимали участие в чудовищных масштабах снабжении дровами Парижа, расплагая лесосеками подчас в далеком Барруа⁵. То был вполне типичный случай небольшого городка на Западе, какие встречались тысячами.

Для ясности следовало бы иметь очевидный и неоспоримый нижний порог, который бы определял начальный уровень городской жизни. Но по этому поводу нет согласия, да его и не может быть. Тем более что такая граница менялась со временем. Для французской статистики город — это (еще и сегодня) поселение с минимум 2 тыс. жителей, т. е. как раз величина Варзи около 1700 г. Для английской статистики исходная цифра составляла 5 тыс. Так что, когда утверждают, что в 1801 г. города насчитывали 25% населения Англии⁶, следует знать, что, если берутся за основу общины, превышавшие 2 тыс. человек, процент поднимется до 40.

Со своей стороны Ришар Гаскон, имея в виду XVI в., считает, что «шестьсот дворов (т. е. в целом от 2 тыс. до 2500 жителей) были бы, несомненно, довольно удачной нижней границей»⁷. Я же думаю, что по крайней мере для XVI в. такая граница чересчур высока; возможно, на Р. Гаскона произвело чрезмерное впечатление сравнительное обилие городов, тяготеющих к Лиону. Во всяком случае, в конце средних веков на всю Германию насчитывалось лишь 3 тыс. населенных мест, получивших права города. А ведь их население составляло в среднем 400 человек⁸. То есть обычный порог городской жизни был для Франции, и вне сомнения для всего Запада (исключения лишь подтверждали правило), намного меньше населения Варзи. Так, например, в Шампани в Арси-сюр-Об, которому Франциск I в 1546 г. разрешил окружить себя стенами, — месте расположения соляных складов и центре архидиаконата, — в начале XVIII в. все еще насчитывалось только 228 дворов, т. е. 900 жителей. Шаурс, где были госпиталь и коллеж, в 1720 г. имел 227 дворов, Эруа — 265, Вандёвр-сюр-Барс — 316, Пон-сюр-Сен — 188⁹.

Именно до таких низких пределов должны распространять свои исследования историки города. Ибо, как заметил О. Шпенглер, малые города в конечном счете «побеждали» прилегаю-

⁵ Baron R. *La bourgeoisie de Varzy au XVIIe siècle.* — «*Annales de Bourgogne*», art. cit., p. 161–208 (особенно с. 163–181, 208).

⁶ Deane P., Cole W. A. *British Economic Growth*. 1964, p. 7–8.

⁷ См. статью Р. Гаскона (Gascon R.) в: *Histoire économique et sociale de la France*. P. p. Braudel et Labrousse, 1¹, p. 403.

⁸ Bechtel H. *Wirtschaftsstil des deutschen Spätmittelalters. 1350–1500*. 1930, p. 34 sq.

⁹ *Cahiers de doléances des paroisses du bailliage de Troyes pour les états généraux de 1614*. P. p. Y. Durand, 1966, p. 7.

щую сельскую местность, они наполняли ее «городским сознанием», хотя и сами бывали «пожраны» и порабощены более населенными и более активными поселениями, чем они¹⁰. Таким образом, эти города оказывались включены в системы городов, которые регулярно функционировали вокруг какого-нибудь «города-солнца». Но было бы ошибочно учитывать только города-солнца – Венецию или Флоренцию, Нюрнберг или Лион, Амстердам или Лондон, Дели или Нанкин или Осаку... Повсюду города образовывали иерархию, и одна только вершина пирамиды, сколь бы ни была она значительна, не составляла всего. В Китае иерархия городов фиксировалась в частице, которая добавлялась к названию (*фу* – город первого ранга, *чжоу* – второго, *ян* – третьего), и иерархия эта не учитывала на еще более низком уровне простейшие городки, которые строились в бедных провинциях из-за «необходимости сдерживать полудикие народы, кои с трудом переносят иго власти»¹¹. Но как раз такой уровень элементарных городских поселений, связанных с деревенским окружением, виден нам хуже всего, что в Китае, что на остальном Дальнем Востоке. Немецкий врач, который в 1690 г. проехал по йедоской (токийской) дороге через небольшой городок, насчитал в нем 500 домов, т. е. самое малое 2 тыс. жителей, включая и предместья¹². Эта последняя деталь сама по себе доказывает, что то был именно город. Но подобные заметки встречаются редко. Важно было бы, однако, суметь оценить всю массу городских систем, их общий вес, т. е. опять-таки опуститься до нижнего их предела, до взаимодействия города и деревни. Такие общие цифры подошли бы нам куда больше, нежели цифры частные: можно было бы положить на одну чашу весов все города, а на другую – все население либо империи, либо нации, либо экономического региона, а затем вычислить соотношение между тем и другим весами. И это был бы довольно надежный способ оценки определенных экономических и социальных структур наблюдаемой единицы.

Или же то был бы по крайности довольно надежный способ, если бы такие процентные отношения было легко установить с достаточной точностью. Те, что предлагает книга Й. Кулишера¹³, представляются, таким образом, чрезмерно высокими, чересчур оптимистическими в сравнении с современными оценками. Не будем уж говорить об утверждении Кантйона, писавшего: «В общем полагают, что половина жителей государства зарабатывает себе пропитание и проживает в городах, другая же половина – в деревне»¹⁴. Недавний расчет М. Рейнара дает для Франции времен Кантйона всего лишь 16% городского населения. К тому же все зависит от уровня, принятого за базу. Если под словом «город» понимать поселения, имевшие более 400 жителей, то Англия в 1500 г. имела 10% городского населения, а в 1700 г. – 25%. Но ежели нижней отметкой считать 5 тыс. человек, то в 1700 г. процент составит только 13, в 1750 г. – 16 и в 1801 г. – 25. Вполне очевидно, таким образом, что пришлось бы переделать все расчеты, исходя из единого критерия, прежде чем мы сможем с должной убедительностью сравнивать степень урбанизации различных регионов Европы. Сейчас же можно самое

¹⁰ Spengler O. *Le Déclin de l'Occident*. 1948, II, p. 90 sq.

¹¹ Du Halde J. B. *Description géographique, historique, chronologique, politique et physique de l'Empire de la Chine et de la Tartarie chinoise*. 1785, I, p. 3.

¹² Kämpfer E. *Histoire naturelle...*, *Op. cit.*, III, p. 72.

¹³ Kulischer J. *Op. cit.* (итальянское издание), II, p. 15–16.

¹⁴ Cantillon R. *Op. cit.*, p. 26; Reinhardt M. *La population des villes...* – «Population», avril 1954, 9, p. 287.

большее только наметить какие-то особенно высокие или особенно низкие уровни.

Если обратиться к нижнему уровню, то самые скромные цифры в Европе относятся к России (2,5% в 1630 г., 3 – в 1724 г., 4 – в 1796 г. и 13% в 1897 г.)¹⁵. Следовательно, 10-процентный уровень для Германии в 1500 г. отнюдь не представлялся бы незначительным в сравнении с цифрами для России. Нижний уровень – это и английские колонии в Америке в 1700 г., когда Бостон насчитывал 7 тыс. жителей, Филадельфия – 4 тыс., Нью-порт – 2600, Чарлстон – 1100, Нью-Йорк – 3900 жителей. И тем не менее с 1642 г. в Нью-Йорке, тогда Новом Амстердаме, голландский кирпич «на современный манер» сменил дерево в строительстве домов: очевидный признак возросшего богатства. Кто бы не признал городской характер этих еще незначительных центров? В 1690 г. они представляли то «городское напряжение», какое допускало общее население в 200 тыс. человек (плюс еще какое-то его число, рассеянное по обширному пространству), всего 9% этого населения. К 1750 г. населения Японии, уже тогда многочисленное (26 млн. жителей), включало будто бы 22% горожан¹⁶.

Для высокого уровня более чем вероятно превышение 50% отметки для Голландии (140 180 горожан из общего населения в 274 810 человек, т. е. 51% в 1515 г., 59 – в 1627 г., 65% в 1795 г.). По данным переписи 1795 г., даже провинция Оверэйссел, определено не самая передовая, достигла уровня 45,6%¹⁷.

Чтобы интерпретировать такую гамму цифр, остается узнать, с какого момента (быть может, около 10%?) урбанизация населения достигает «первичного уровня эффективности». Не было ли в дальнейшем и другого значимого порога, около 50 или 40%, а то и меньше? В общем, не существовало ли порогов à la Вагеман, начиная с которых все обнаруживало бы тенденцию изменяться само собой?

ПОСТОЯННО ВОЗОБНОВЛЯЮЩЕЕСЯ РАЗДЕЛЕНИЕ ТРУДА

При зарождении и на всем протяжении жизни городов в Европе и в других регионах важнейшей была и оставалась одна и та же проблема: речь идет о разделении труда между деревней и городскими центрами, разделении, которое никогда окончательно не определялось и неизменно вновь и вновь возобновлялось. В принципе в городе располагались торговцы, сосредоточивались функции политического, религиозного и экономического управления, ремесленное производство. Но только в принципе, ибо такое разделение продолжало колебаться, склоняясь то в одну, то в другую сторону.

В самом деле, не будем думать, что такая разновидность *классовой борьбы* разрешалась *сама собою* (*ipso facto*) в пользу города, который был сильнейшим из двух партнеров. Не нужно также думать, будто деревня, как это обычно говорится, по необходимости предшествовала городу во времени. Конечно, часто бывало, что развитие «сельского окружения в силу прогрес-

¹⁵ Kulischer J. *Op. cit.*;

для России

Б. Ц. Урланис (М., 1966,

на русск. яз.) дает цифру

3,6% (городское население в 500 тыс.

человек), эти данные

приводятся в кн.:

Павлов В. И.

Социально-экономическая

структура

промышленности Индии.

Исторические

предпосылки генезиса

капитализма (конец

XVIII–середина XIX в.)

М., 1978.

¹⁶ Bridenbauch C. *Cities*

in the Wilderness. 1955,

р. 6, 11; для Японии см.

данные проф. Фуросимы,

приводимые у:

Smith T. C. *The Agrarian*

origins of modern Japan.

1959, р. 68.

¹⁷ Vries J. *The Dutch rural*

economy in the golden age,

1500–1700. 1974, tableau

р. 86.

Город нуждался в близлежащей деревне. Сцена на рынке, картина Жана Мишлена (1623–1696 гг.): продавцы – это крестьяне, доставившие свои продукты. (Фото Жиродона.)

са производства делало возможным появление города»¹⁸, но последний не всегда был вторичным продуктом. В своей восхитительной книге Дж. Джекобс утверждает, что город появляется по крайней мере одновременно с сельскими поселениями, если не раньше¹⁹. Так, в VI тыс. до н. э. Иерихон и Чатал-Хююк в Малой Азии были городами, создававшими вокруг себя деревни, которые, забегая вперед, можно было бы назвать современными. Это, конечно, происходило в той мере, в какой земля тогда была доступна как незанятое и свободное пространство, где можно было создавать поля почти что в любом месте. Такая ситуация могла повториться в Европе XI–XII вв. А еще ближе к нашему времени ее можно было увидеть в Новом Свете, где Европа воссоздавала города, как бы сброшенные на парашюте

¹⁸ Clouscard M. *L'Étre et le code*. 1972, p. 165.

¹⁹ Jacobs J. *The Economy of cities*. 1970.

на пустое место, — города, где жители либо сами, либо с помощью аборигенов создавали деревни-кормилицы. В созданном заново в 1580 г. Буэнос-Айресе аборигены были либо враждебны, либо их не было вовсе (что не менее серьезно), так что жители были вынуждены добывать хлеб в поте лица своего (и жаловались на это). В общем, им пришлось создавать свою деревню в соответствии с потребностями города. Почти сходный процесс в связи с «американским» продвижением на Запад описывал в 1818 г. в Иллинойсе Моррис Беркбек. Он пояснял: «В тех местах, где несколько новых колонистов купили у правительства земли для распашки по соседству друг с другом, собственник, немного более дальновидный в том, что касается потребностей страны и ее будущего развития, предположив, что его местоположение благоприятно для размещения нового города, делит свою землю (землю, уступленную ему правительством) на небольшие участки, разделенные удобно проложенными проездами, и продает их по мере того, как представляется случай. На них строят жилища. И прежде всего приезжает лавочник (так именуют торговца любыми предметами) с несколькими ящиками товаров и открывает лавку. Рядом появляется постоянный двор и становится резиденцией врача и юриста, каковой выполняет функции нотариуса и поверенного в делах; лавочник ест на постоялом дворе, и здесь же останавливаются все приезжие. Вскоре, по мере того как в том начинает ощущаться нужда, появляются кузнец и прочие ремесленники. Непременный член зарождающейся общины — школьный учитель, служащий и священником для всех христианских сект... Там, где раньше можно было увидеть только людей, одетых в шкуры, теперь являются в церковь в хорошем синем костюме, а женщины — в коленкорových платьях и соломенных шляпках... Как только зародился город, быстро распространяется культура [читай: агрикультура], получая немалое разнообразие в его окрестностях. Наступает изобилие продовольственных товаров»²⁰. Не так ли бывало и в Сибири, этом еще одном Новом Свете? Иркутск зародился в 1652 г., раньше близлежащих деревень, которые будут его кормить.

Все это шло само собой. Деревни и города подчинялись «реципрокности перспектив»: я создаю тебя, ты создаешь меня; я господствую над тобой, ты владычествуешь надо мной; я эксплуатирую тебя, ты эксплуатируешь меня — и так далее в соответствии с вечными правилами сосуществования. Разве деревни, близко расположенные к городам, даже в Китае, не извлекали выгоду от такого соседства? Когда в 1645 г. Берлин возвращался к жизни, его Тайный совет (*Geheimer Rat*) заявил: «Главная причина сегодняшних весьма низких цен на зерно проистекает как раз из того, что почти все города, за немногими исключениями, опустошены и не нуждаются в хлебе округи, а потребности немногих своих жителей покрывают за счет собственных земель». Такие городские земли — разве не была эта деревня, воссоздаваемая городом в последние годы Тридцатилетней войны?²¹

Конечно, перемены бывали обратимыми: города урбанизировали деревни, но последние делали города деревенскими. Как пишет Р. Гаскóй, с «конца XVI в. деревня — это бездна, погло-

²⁰ Цит. по: Say J.-B. *Cours d'économie politique. Op. cit.*, IV, p. 416–418.

²¹ Lütge F. *Deutsche sozial-und Wirtschaftsgeschichte. Op. cit.*, p. 349.

²² *Histoire économique et sociale de la France*. P.-p. Braudel et Labrousse, I¹, p. 360.

²³ По данным В. Абеля (ссылку и обсуждение вопроса см. в настоящей работе, т. III).

²⁴ Steinhausen G. *Geschichte der deutschen Kultur*. 1904, p. 187.

²⁵ *La Civiltà veneziana del Settecento*. P.-p. la Fondation Giorgio Cini, 1960, с. 257.

²⁶ Ссылка утеряна.

щающая городские центры»²², пусть даже только в смысле скупки земель, создания сельскохозяйственных имений или бесчисленных загородных домов. Венеция в XVII в. отвернулась от выгод морской торговли и все свои богатства вкладывала в свои деревни. Все города мира – Лондон и Лион, Милан и Лейпциг, Алжир и Стамбул – знавали в тот или иной момент такие перемещения центра тяжести.

Фактически город от деревни никогда нельзя было отделить так, как отделяется вода от масла: в одно и то же время существовали разделение и сближение, разграничение и воссоединение. Даже в мусульманских странах город не исключал деревни, невзирая на резкий разрыв, отделявший его от нее. Город развивал вокруг себя огородничество, некоторые арыки на городских улицах тянулись в сады близлежащих оазисов. Такой же симбиоз наблюдался и в Китае, где деревня использовала как удобрение нечистоты и отбросы города.

Но зачем же доказывать то, что ясно самой собой? Вплоть до недавнего времени всякому городу приходилось иметь источники питания у самых своих ворот. Хорошо знакомый с расчетами историк-экономист считает, что с XI в. центру с 3 тыс. жителей, для того чтобы прожить, нужно было располагать территориями десятка деревень, т. е. в общем 8,5 кв. км, «имея в виду низкую производительность земледелия»²³. В действительности деревня должна была содержать город, чтобы ему не приходилось опасаться за свое существование: крупная торговля могла его прокормить лишь в исключительных случаях. Так было единственно в нескольких привилегированных городах: Флоренции, Брюгге, Венеции, Неаполе, Риме, Генуе, Пекине, Стамбуле, Дели, Мекке...

К тому же до самого XVIII в. даже крупные города сохраняли у себя различные виды сельскохозяйственной деятельности. Они давали приют пастухам, сельским стражникам, хлебопашцам, виноградарям (даже в Париже). Они имели *внутри* и *вне* своих стен пояс садов и огородов, а чуть дальше – поля, иной раз с трехпольным севооборотом, как было, скажем, во Франкфурте-на-Майне, в Вормсе, Базеле или Мюнхене. В средние века щелканье бича погонщика было слышно в Ульме, Аугсбурге или Нюрнберге рядом с самой ратушей, а свиньи свободно разгуливали по улицам, настолько грязным и ухабистым, что переходить их приходилось на ходулях либо же перебрасывать деревянные мостки с одной стороны на другую. Во Франкфурте накануне ярмарок поспешно устилали главные улицы соломой или стружкой²⁴. И кто бы подумал, что в Венеции еще в 1746 г. приходилось запрещать разведение свиней «в городе и в монастырях»?²⁵

Что же касается бесчисленных маленьких городков, то они едва отделялись от деревенской жизни; говорили даже о «сельских городках». В винодельческой Нижней Швабии Вейнсберг, Гейльбронн, Штутгарт, Эслинген все-таки отправляли к Дунаю изготовленное в них вино; впрочем, вино само по себе было отраслью промышленности²⁶. Херес-де-ла-Фронтера, неподалеку от Севильи, в 1582 г. отвечал на опросный лист, что «у города есть лишь его сборы винограда, пшеницы, оливкового масла и

²⁷ Archivo General de Simancas. *Expedientes de hacienda*, 157.

²⁸ *Saco de Gibraltar – Tres Relaciones históricas*,

Colección de libros raros o curiosos, 1889.

²⁹ Braudel F. *Médit...* I, p. 245.

³⁰ Pussot J. *Journalier ou mémoires*. 1857, p. 16.

* Речь идет

о Католической лиге и короле Генрихе IV

(Генрихе

Наваррском). – *Прим. ред.*

³¹ Carl E. L. *Traité de la richesse des princes et de leurs états*. 1723, II,

p. 193, 195.

мясо», чего-де достаточно для его благосостояния и для оживления его торговли и ремесленного производства²⁷. Когда в 1540 г. алжирские корсары внезапно захватили Гибралтар, то произошло это потому, что они, хорошо зная обычаи города, выбрали для нападения время сбора винограда: все жители находились вне стен города и ночевали на своих виноградниках²⁸. Повсюду в Европе города ревностно следили за своими полями и виноградниками. Ежегодно сотни и сотни магистратов, как, скажем, в баварском Ротенбурге или в Бар-ле-Дюке, объявляли об открытии сезона сбора винограда, когда «листья виноградной лозы приобретут тот желтый цвет, что говорит о зрелости». И даже сама Флоренция каждую осень заполнялась сотнями бочек, превращаясь в огромный рынок молодого вина.

Городские жители тех времен зачастую лишь наполовину были горожанами. В пору уборки урожая ремесленники и все добрые люди оставляли свои ремесла и свои дома ради полевых работ, как, скажем, в предприимчивой и перенаселенной Фландрии XVI в. Или же в Англии еще перед самой промышленной революцией. Или во Флоренции, где в XVI в. столь важное суконное производство (*Arte*) было главным образом зимним видом занятий²⁹. Реймский плотник Жан Пюссо в своем дневнике проявлял более интереса к сбору винограда, к урожаю, количеству вина, ценам на пшеницу и на хлеб, нежели к событиям политической жизни или промыслам. Во время наших Религиозных войн жители Реймса и Эпернэ принадлежали к разным лагерям и на сбор винограда те и другие отправлялись под доброй охраной. Но, замечает наш плотник, «эпернэские воры угнали городское стадо свиней [Реймса] ... они его отвели в сканзанный Эпернэ во вторник, 30 марта 1593 г.»³⁰. Дело было не только в том, чтобы знать, кто одержит верх – сторонники Лиги или беарнца *, а кто будет солить и есть мясо. В 1722 г. положение почти не изменилось, коль скоро некий трактат по экономике скорбел по поводу того, что в малых городах Германии, даже в центрах княжеств, ремесленники предавались земледелию как и крестьяне. Лучше было бы, если бы каждый «оставался в своей сфере». Города, избавленные от скотины и от «больших скоплений навоза», стали бы чище и здоровее. Решение-де заключалось в том, чтобы «изгнать из городов ... земледелие и передать его в руки тех, кому то подобает»³¹. У ремесленников было бы то преимущество, что они продавали бы свои изделия деревенским жителям соразмерно тому, что последние могли бы с уверенностью регулярно продавать городу. И все выиграла бы от этого.

Если город не оставил деревне совершенную монополию возделывания сельскохозяйственных культур и разведения скота, то и деревня в свою очередь не отступилась от всякой промысловой деятельности в пользу близлежащих городов. Она имела в ней свою долю, хотя обычно это бывала та доля, какую ей соблаговолили оставить. Прежде всего, деревня никогда не оставалась без ремесленников. Колесо повозки изготовлял и ремонтировал на месте, здесь же в деревне, тележник; ошиновку его делал кузнец (техника горячей ошиновки распространилась в конце XV в.), в каждой деревне был свой коваль, и такие ра-

Снабжение Бильбао с помощью судов и караванов мулов. Товары разгружают и укладывают в склады. Деталь гравюры Франсиско Антонио Рихтера (конец XVIII в.). «Вид благороднейшего города Бильбао» (*Vista de la muy noble villa de Bilbao*). (Коллекция автора.)

боты просуществовали во Франции вплоть до начала XX в. Больше того, во Фландрии и в других местах, где в XI и XII вв. установилась своего рода промышленная монополия городов, с XV–XVI вв. возник обширный отток городских производств к сельским окраинам в поисках более дешевой рабочей силы и за пределы досягаемости городских цехов, их опеки и мелочного контроля. Город, который контролировал таких жалких сельских ремесленников и за пределами своих стен и господствовал над ними, ничего при таком «исходе» не терял. С XVII в. и еще более в следующем столетии деревня снова возьмет на свои слабые плечи весьма большую долю ремесленных занятий.

Такое же разделение происходило и в других районах, скажем в России, в Индии, в Китае, только шло оно по-другому. В России решение преобладающей части промышленных задач оставалось за деревнями, жившими натуральным хозяйством. Городские поселения не господствовали над ними и не тревожили их, как то делали города Запада. Здесь еще не было подлинной конкуренции между горожанами и крестьянами. Причина этого очевидна: медленный подъем городов. Конечно, существовало несколько крупных городов, невзирая на те беды, что на них обрушивались (Москва, спаленная татарами в 1571 г. и выжженная поляками в 1611 г., тем не менее в 1636 г. насчитывала 40 тыс. домов)³², но в слабоурбанизованной стране деревни по необходимости вынуждены были все делать сами. А кроме того, крупные земельные собственники устраивали, используя своих крепостных, рентабельные промышленные заведения, и не одна только долгая русская зима была ответственна за оживленную деятельность этих сельских жителей³³.

Точно так же была самодостаточной деревня в Индии: активная община, способная в случае необходимости переместиться целиком, чтобы избежать той или иной опасности или

³² Mayerberg A. *Relation d'un voyage en Moscovie*. 1688, p. 220–221.

³³ См. настоящую работу, т. III.

слишком тяжкого угнетения. Она платила городу общую дань, но прибегала к нему лишь в поисках немногих товаров (например, железных орудий). Аналогичным образом и в Китае деревенский ремесленник находил в обработке шелка или хлопка дополнительный источник дохода в своей нелегкой жизни. Его низкий жизненный уровень делал его опаснейшим конкурентом городского ремесленника. В 1793 г. в окрестностях Пекина английский путешественник поражался и восторгался невероятной работой крестьянок, что при разведении шелковичного червя, что при прядении хлопка: «И наконец, они изготовляют их [китайцев] ткани, ибо женщины эти – единственные ткачи в Империи»³⁴.

³⁴ Macartney G. *Voyage dans l'intérieur de la Chine...* Op. cit., II, p. 316.

ГОРОД И ПРИШЛЫЙ ЛЮД, ОСОБЕННО НИЩИЕ

Если бы город не обеспечивал своего пополнения новыми людьми, он бы перестал жить. Он притягивал новичков. А зачастую они приходили сами по себе, привлекаемые его просвещенностью, его реальными или кажущимися вольностями, его лучшими заработками. Новые люди прибывали и потому, что сначала деревни, а потом также и другие города более в них не нуждались и попросту их отторгали. Обычным и прочным было сочетание бедной области эмиграции и оживленного города: Фриули и Венеции (*фриулы – Furlani* – давали ей черноработчих и слуг), обеих Кабилий и корсарского Алжира (горцы приходили возделывать огороды и сады города и его окрестностей), Марселя и Корсики, городов Прованса и альпийских горцев (*gavots*), Лондона и ирландцев... Но у всякого огромного города будет десять, сто источников набора рабочей силы одновременно.

В 1788 г. в Париже «те, кого именуют черноработчими, почти все – чужие [*sic!*]. Савояры – чистильщики сапог, полотеры и пильщики дров; овернцы ... почти все водоносы; уроженцы Лимузена – каменщики; лионцы обычно крючники и носильщики портшезов; нормандцы – каменотесы, мостильщики улиц и корбейники, починщики фаянсовых изделий, торговцы кроличьими шкурками; гасконцы – цирюльники или карабены [т. е. ученики брадобреев]; лотарингцы – странствующие сапожники, известные под названием холодных сапожников. Савояры живут в предместьях; они расселяются по комнатам, из коих каждая возглавляется начальником, или старым савояром, который состоит экономом и воспитателем этих ребятишек, покуда они не достигнут такого возраста, чтобы позаботиться о себе самим». Какой-нибудь овернец, торгующий кроличьими шкурками, скупающий их в розницу и перепродающий оптом, ходит туда-сюда «до того перегруженный, что тщетно пытаешься углядеть его голову и руки». И вся эта беднота, как и полагается, одевалась у тряпичников набережной Ла-Феррай или Ла-Межиссери, где все выменивалось: «Кто-нибудь входит в лавчонку черным, как ворон, а выходит оттуда зеленым, как попугай»³⁵.

³⁵ Mercier L.-S. *Tableau de Paris*, IX, p. 167–168; VI, p. 82–83; V, p. 282.

Города принимали не только нищих. Они пополнялись и «высококачественным» материалом в ущерб буржуазии сосед-

них или дальних городов: богатыми купцами, мастерами и ремесленниками, чьих услуг иной раз добывались наперебой, наемниками, судовыми лоцманами, прославленными учителями и врачами, инженерами, архитекторами, живописцами... Можно было бы, скажем, зафиксировать на карте Центральной и Северной Италии пункты, откуда приходили в XVI в. во Флоренцию подмастерья и мастера ее суконного производства (*Arte della Lana*); в предыдущем столетии они постоянно прибывали из далеких Нидерландов³⁶. Равным образом можно было бы нанести на карту места, откуда появлялись новые граждане оживленных городов, будь то, например, Мец³⁷ или даже Амстердам между 1575 и 1614 гг.³⁸ Всякий раз это бросало бы свет на обширное пространство, связанное с жизнью такого города. Быть может, в конечном счете то самое пространство, которое можно бы было ограничить радиусом его торговых связей, отметив деревни, города, рынки, принявшие его систему мер, или его монету, или и то и другое, либо же при случае говорившие на его особом диалекте.

То было вынужденное и непрерывное пополнение. С биологической точки зрения до XIX в. город почти не знал превышения рождаемости над смертностью. В нем наблюдалась чрезмерно высокая смертность³⁹. Если город рос, то он не мог этого делать сам по себе. Да и с социальной точки зрения он оставлял «низкие» работы для пришлого люда; как и нашим современным перенапряженным экономиком, ему нужен был для услуг североафриканец или пуэрториканец, пролетариат, который быстро расходовался и который должен был быстро восстанавливаться. «Деревенские подонки становятся городскими», — писал Себастьян Мерсье по поводу парижской прислуги, ее, как сообщают нам, 150-тысячной армии⁴⁰. Существование такого приниженного нищего пролетариата было отличительной чертой любого большого города.

Еще в 80-х годах XVIII в. в Париже ежегодно умирало в среднем 20 тыс. человек. Из этого числа 4 тыс. кончали свои дни в больницах — в Отель-Дьё либо в Бисетре. Этих покойников, «защитых в дерюгу», как попало зарывали в Кламаре в общем рву, который засыпали негашеной известью. По правде говоря, что могло быть более зловещего, чем влекомая вручную телега, которая каждую ночь вывозила к югу мертвецов из Отель-Дьё? «Забрызганный грязью священник, колокольчик и крест» — это были воистину бедняцкие похоронные дроги. Больница, «Божий дом? Все здесь сурово и жестоко»; 1200 кроватей на 5 или 6 тыс. больных. «Новоприбывшего положат рядом с умирающим или с трупом»⁴¹.

Да и с самого начала жизнь была не щедрее. В Париже около 1780 г. примерно на 30 тыс. новорожденных насчитывалось 7 или 8 тыс. брошенных детей. Доставлять таких детей в больницу было ремеслом. Человек нес их за плечами «в обитой изнутри коробке, куда можно вместили троих детей. Их в свивальниках размещают в стоячем положении, дышат они через верх коробки... Когда носильщик открывает свой ящик, он нередко находит одного ребенка мертвым и завершает свой маршрут с двумя живыми, с нетерпением ожидая избавления от груза... И

³⁶ Braudel F. *Médit...*, I, p. 313.

³⁷ Perrin C.-E. *Le droit de bourgeoisie et l'immigration rurale à Metz au XIIIe siècle.* — *Annuaire de la Société d'histoire et d'archéologie de la Lorraine*, XXX, 1921, p. 569.

³⁸ Brugmans H. J. *Geschiedenis van Amsterdam*. 8 vol., 1930–1933.

³⁹ См. выше, гл. I. Прим. 39.

⁴⁰ Цит. у: Montbas H. *La Police parisienne sous Louis XVI*. 1949, p. 183.

⁴¹ Mercier L.-S. *Tableau de Paris*, III, p. 226–227, 232, 239.

⁴² Mercier L.-S. *Op. cit.*,
p. 239.

сразу же отправляется обратно, дабы снова приступить к тому же занятию, каковое дает ему пропитание»⁴². Среди таких брошенных детей немало было тех, что происходили из провинции. Довольно странные иммигранты!

ВЫСОКОМЕРИЕ ГОРОДОВ

Любой город был – хотел быть – отдельным мирком. Бросающееся в глаза обстоятельство: почти все города в XV–XVIII вв. имели укрепления. И вот они оказывались заключенными в принудительные геометрические очертания, укрепившимися и отделенными тем самым даже от непосредственно принадлежавшего к ним пространства.

Речь шла прежде всего о безопасности. Лишь в нескольких странах такая защита была излишней, но исключение подтверждает правило. Например, на Британских островах практически не было городских укреплений; таким образом они обошлись, говорят нам экономисты, без крупных бесполезных вложений. В Лондоне старые городские стены играли лишь роль административной границы, хотя в 1643 г. испуг парламентариев одно время заставил их окружить город наспех построенными фортификационными сооружениями. Не было укреплений и на Японском архипелаге, тоже защищенном морем, или в Венеции, которая сама была островом. Не было крепостных стен в странах, уверенных в своей мощи, таких, как обширная Османская империя, которой ведомы были укрепленные города только на угрожаемых пограничных территориях: в Венгрии – против Империи, в Армении – против персов. В 1694 г. Эривань, где было немного артиллерии, и стесненный предместьями Эрзерум были окружены тот и другой двойной крепостной оградой, правда, без насыпных сооружений. Во всех остальных областях турецкий мир (*pax turcica*) повлек за собой разрушение старинных укреплений; они будут приходить в упадок, как приходят в упадок стены заброшенных домовладений – даже великолепные крепостные стены Стамбула, унаследованные от Византии. Напротив города, в Галате, в 1694 г. «стены наполовину разрушены, и не похоже, чтобы турки помышляли об их восстановлении»⁴³. С 1574 г. в Филиппополе на Адрианопольской дороге больше не было даже «подобия ворот»⁴⁴.

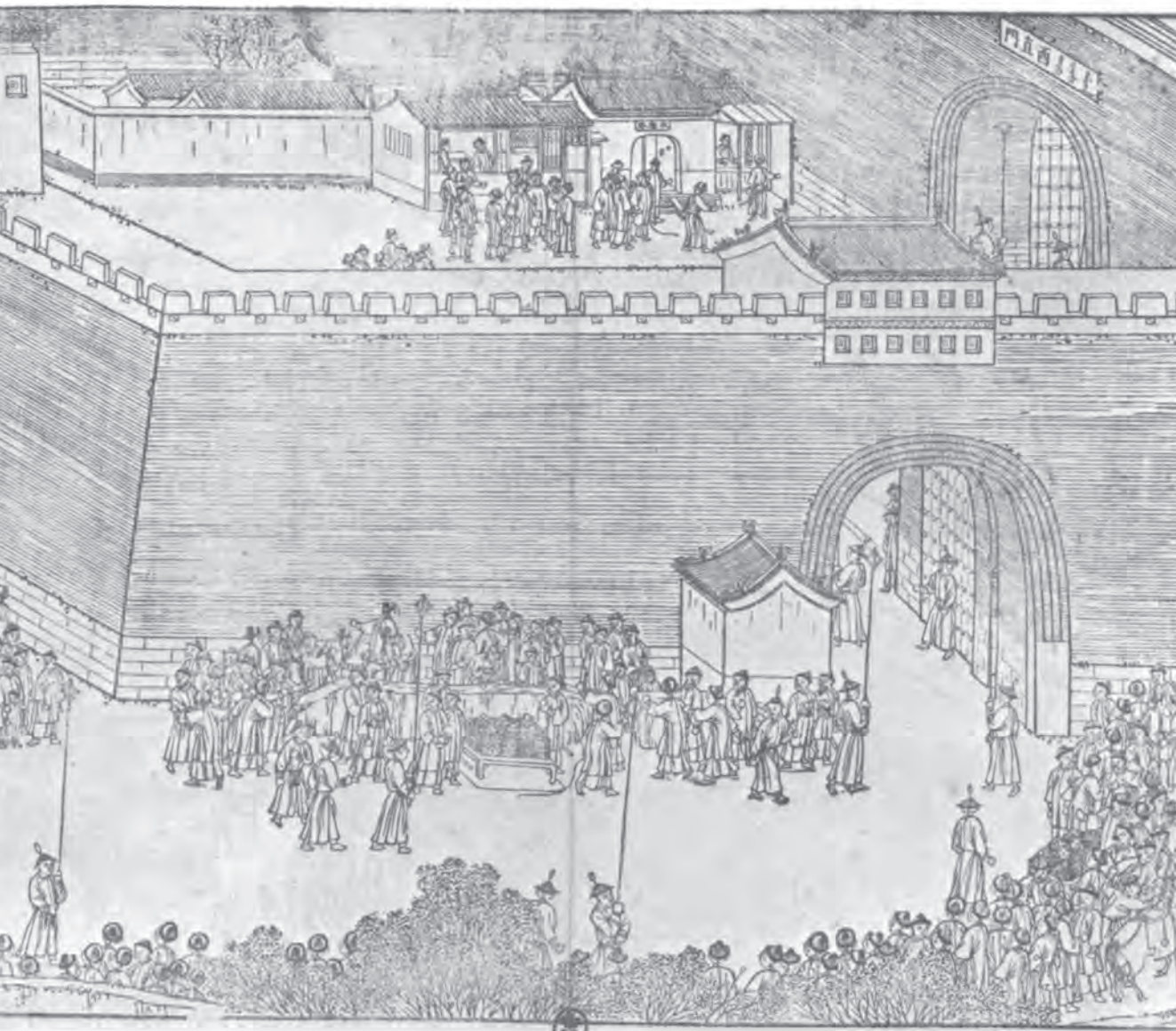
Но в других местах не было ничего похожего на такую уверенность. По всей континентальной Европе (в России более или менее укрепленные города опирались на [внутренние] крепости вроде того, как Москва опиралась на Кремль), по всей колониальной Америке, в Иране, Индии, Китае фортификационные сооружения городов были обязательным правилом. «Словарь» Фюретьера (1690 г.) так определял понятие «город»: «место обитания достаточно многочисленных людей, обычно замкнутое стенами». Для многих городов Запада такое «каменное кольцо», построенное в XIII–XIV вв., было «внешним символом сознательного стремления к независимости и свободе», который был отмечен рост городов средневековья. Но зачастую

⁴³ Gemelli Careri G. F. *Voyage du tour du monde*. 1727, I, p. 370.

⁴⁴ *Voyage... de Pierre Lescapier. Op. cit.*, p. 32.

План Милана после сооружения в XVI в. новых испанских укреплений. Они прибавили к старому городу (закрашенная темным цветом часть) мало урбанизованную территорию, где еще привольно простираются сады и поля. Каstellо, цитадель, которая держала город под контролем, представляла самостоятельный город.
(Государственный архив, Милан.)

Городская стена и
ворота Пекина
в начале XVIII в.
*Национальная
библиотека, Кабинет
эстампов.*

⁴⁵ Mauersberg H.
*Wirtschafts- und
Sozialgeschichte
Zentraleuropäischer Städte
in neueren Zeit.* 1960,
S. 82.

оно было в Европе и иных местах созданием государя, защитой от внешнего врага⁴⁵.

В Китае только у мелких или пришедших в упадок городишек не бывало больше или не было стен. Обычно укрепления бывали внушительными, настолько высокими, что скрывали от взоров «кровли домов». В 1639 г. один путешественник писал: «Все города построены на один манер: квадратом, с добрыми кирпичными стенами, кои они обмазывают той же глиной, из какой делают фарфор; и со временем она настолько твердеет, что ее невозможно разбить молотком... Стены весьма широки и фланкируются башнями, выстроенными на античный лад, почти таким же образом, как можно видеть в укреплениях римлян. Две широкие большие улицы обычно пересекают город накрест, и улицы эти столь прямые, что хоть и тянутся они во всю длину

города, как бы велик тот ни был, с перекрестка неизменно видишь все четверо ворот». Пекинская стена, говорит тот же путешественник, в куда большей степени толста, чем европейские стены, «столь толста, что по ней могли бы рядом скакать во весь опор двенадцать лошадей, на задевая одна другую. [Не будем верить ему на слово: другой очевидец говорит о «20 футах ширины у подошвы и дюжине футов поверху»⁴⁶]. По ночам там стоит стража, как если бы город находился в состоянии войны, но днем ворота охраняют только евнухи, кои там находятся более для сбора ввозных пошлин, нежели ради безопасности города»⁴⁷. 17 августа 1668 г. колоссальное наводнение затопило прилежавшие к столице деревни, унеся «буйством вод... большое число деревень и загородных домов». Новый город потерял при этом треть своих домов, и «бесконечное множество несчастных утонуло или было погребено под развалинами», но старый город остался цел: «Быстро закрыли [его] ворота и законопатили все отверстия и все щели в оных смесью извести и смолы»⁴⁸. Отличная картина и отличное свидетельство почти полной герметичности этих ограждений китайских городов!

Любопытно, что в эти столетия [китайского мира] (*pax sinica*), когда ничто более не угрожало городам извне, стены сделались почти что системой надзора за самими горожанами. Со своими широкими пандусами они позволяли мгновенно собрать пеших и конных солдат, которые с высоты стен господствовали над городом. Нет сомнения, что соответствующие власти крепко его удерживали. К тому же в Китае, как и в Японии, каждая улица имела собственные ворота, свою собственную внутреннюю юрисдикцию. При каком-либо инциденте, в случае преступления ворота улицы закрывали и происходило немедленное (и часто кровавое) наказание виновного или задержанного. Эта система была в Китае тем более строгой, что рядом со всяким китайским городом возвышался квадрат города татарского [маньчжурского], который внимательно надзирал за первым.

Часто бывало, что стена вместе с городом охватывала часть полей и огородов. Происходило то по вполне очевидным причинам: ради снабжения в случае войны. Таковы были, скажем, укрепления, быстро строившиеся в Кастилии в XI–XII вв. вокруг группы отстоявших друг от друга деревень и оставлявшие между деревнями достаточно места, чтобы в случае тревоги собрать там стада⁴⁹. Правило это действовало повсюду, где крепостная ограда в предвидении осады окружала луга и сады, как во Флоренции, или пахотные поля, огороды и виноградники, как в Пуатье, который еще в XVII в. обладал почти такими же развитыми укреплениями, как и Париж; только городу так и не удалось заполнить эту чересчур просторную оболочку. Точно так же и Прага не заполнит пустое пространство между домами Мала-Страны и новыми крепостными стенами, построенными в середине XIV в. Так же будет обстоять дело и в Тулузе к 1400 г.; и в Барселоне, которая достигнет пояса укреплений, воздвигнутых вокруг нее в 1359 г. (на их месте находятся современные Рамбла, *Rambblas**), лишь двумя столетиями позже, к 1550 г.; и в Милане внутри испанских укреплений.

⁴⁶ *Voyage de M. de Guignes. Op. cit.*, I, p. 360.

⁴⁷ Mandelslo J. A. 1659. *Op. cit.*, II, p. 470.

⁴⁸ Magaillans G. *Nouvelle Relation de la Chine. Op. cit.*, p. 17–18.

⁴⁹ Torres Balbas L. *Algunos Aspectos del mudejarismo urbano medieval*. 1954, p. 17.

* *Ramblas* – от араб. «ар-рамаль» (песок). Открытое пространство перед воротами городских укреплений. – Прим. ред.

Та же картина и в Китае: например, город на Янцзы «имеет стену протяженностью в десять миль, каковая включает холмы, горы и незаселенные равнины, ибо в городе мало домов, а его обитатели предпочитают жить в предместьях, кои весьма протяженны». В том же самом 1696 г. столица Гуанси заключала в своей верхней части «много полей и огородов и мало жителей»⁵⁰.

⁵⁰ Gemelli Careri G. F.

Op. cit., IV, p. 105.

⁵¹ Lavedan P. et

Hugueney J. *L'Urbanisme*

au Moyen Age. 1974,

p. 84–85, fig. 279.

На Западе безопасность долгое время обеспечивалась с небольшими затратами: ров плюс вертикальная стена. Это мало стесняло расширение города, намного меньше, чем то обычно утверждают. Когда город начинал испытывать нужду в пространстве, стена перемещалась, как театральная декорация, и столько раз, сколько требовалось, — как, скажем, в Генте, во Флоренции, в Страсбурге. Стена была как бы корсетом по мере. Город растет — и изготовляет себе другой.

Но построенная и перестраиваемая стена не переставала окружать город, определяя его территорию. Защитное сооружение, она в то же время была и границей, пределом. Города вытесняли на свою периферию максимум своих ремесленных промыслов, особенно производств, требовавших много места; так что стена, помимо всего прочего, была и линией экономического и социального водораздела. Обычно город, разрастаясь, присоединял к себе некоторые из своих предместий, трансформируя их и отбрасывая чуть подальше формы деятельности, чуждые собственно городской жизни.

Именно поэтому города Запада, расширявшиеся понемногу и как попало, имели такой запутанный план — с извилистыми улицами и непредсказуемыми [их] коленами, — целиком противоположный плану римского города, такого, каким он сохранился в нескольких городах, возникших в античности: Турине, Кельне, Кобленце, Регенсбурге. Но Возрождение отмечено первым подъемом сознательного градостроительства, когда наступил расцвет целой серии геометрических планов, повторявших шахматную доску или образывавших концентрические круги и предлагавшихся в качестве «идеального плана». И как раз в таком духе широкое градостроительство, происходившее на Западе, переделает города или же заново перестроит кварталы, отвоеванные у предместий: их четкая прямоугольная планировка соседствовала с беспорядочными центрами средневековых городов.

Такое единообразие и такая рациональность непринужденно утвердятся в новых городах, где для строителей было свободное поле деятельности. Примечательно, впрочем, что в некоторых случаях западные города с «шахматной» планировкой и до XVI в. строились сознательно на пустом месте (*ex nihilo*). Таков был Эгморт, небольшой порт, который Людовик Святой купил и перестроил, дабы иметь выход к Средиземному морю. Таков и крохотный городок Монпазье (в департаменте Дордонь), воздвигнутый в конце XIII в. по повелению короля английского: одно из полей его «шахматной доски» занимает церковь, а другое — рыночная площадь, окруженная аркадами и снабженная колодцем⁵¹. Так же обстояло дело и с «новыми землями» (*terre nuove*) Тосканы в XIV в.: Скарперия, Сан-Джованни-Валь-

Париж во времена Революции.

Пример западного города с запутанной уличной сетью.

На этом старинном плане несколько современных магистралей, намеченных более толстыми линиями

(бульвары Сен-Мишель и Сен-Жермен),

помогут читателю ориентироваться в старом Париже:

от Сорбонны до ярмарки Сен-Жермен

и аббатства Сен-Жермен-де-Пре и от Люксембургского дворца до Нового моста.

Кафе «Прокоп», основанное в 1684 г., располагается на улице Фоссе-Сен-Жермен напротив того места, где в 1689 г. обосновался (на этой же улице, ныне — улице Старой комедии) театр «Комеди Франсез».

⁵² Higounet Ch. *Les "terre nuove" florentines du XIVe siècle.*— Studi in onore di Amintore Fanfani, III, 1962, p. 2–17.

дарно, Террануова-Браччолини, Кастельфранко-ди-Сопра⁵². Но с XVI в. список [городов] новой планировки быстро удлиняется; можно было бы дать длинный перечень таких городов, застраивавшихся по геометрическому плану, вроде нового Ливорно, начиная с 1575 г., Нанси, перестраивавшегося с 1588 г., или Шарлевиля—начиная с 1608 г. А самым исключительным случаем остается Санкт-Петербург, к которому мы еще вернемся. Почти все города Нового Света, основанные поздно, равным образом строились по заранее намеченному плану: они и образуют самое многочисленное семейство городов с прямоугольной планировкой. Особенно характерны города Испанской Америки с их пересекающимися под прямым углом улицами, делящими город на кварталы (*cuadras*); две главные улицы оканчивались там на главной площади (*Plaza Mayor*), где возвышались собор, тюрьма и *Cabildo*—городской совет.

В связи с прямоугольным планом застройки возникает в мировом масштабе любопытная проблема. Так были спланированы все города Китая, Кореи, Японии, Индостанского п-ва, колониальной Америки (не будем забывать и города римские и некоторые из греческих полисов). Только две цивилизации в широком масштабе создавали города с запутанной и беспорядочной застройкой—страны ислама (включая и Северную Индию) и средневековый Запад. Можно было бы утонуть в эстетических или психологических объяснениях такого выбора. Что касается Запада, несомненно одно—американское градостроительство XVI в. вовсе не означало для него вынужденного возврата к чертам римского военного лагеря. То, что он создавал в Новом Свете, было отражением устремлений градостроителей новой Европы, настойчивой потребности в порядке. И стоило бы потрудиться над поиском корней этого стремления за пределами многочисленных его проявлений.

НА ЗАПАДЕ: ГОРОДА, АРТИЛЛЕРИЯ И ЭКИПАЖИ

Начиная с XV в. города Запада испытывали большие затруднения. Их население выросло, а артиллерия сделала иллюзорной [защиту], которую им обеспечивали их старые стены. Такие стены следовало, чего бы то ни стоило, заменить обширными, наполовину заглубленными в землю укреплениями, которые обретали форму бастионов, валгангов, кавальеров, где рыхлая земля уменьшала возможные разрушения от ядер. Такие растянутые по горизонтали укрепления уже не удавалось перенести без огромных затрат. А перед этими линиями фортификационных сооружений надлежало сохранять свободное пространство, необходимое при оборонительных действиях, и, следовательно, запретить там сооружение построек, закладку садов и посадку деревьев. Или же при необходимости восстанавливать пустыри, вырубая деревья и снося дома, что и было сделано в Гданьске в 1520 г. во время войны Польши с Тевтонским орденом, и в 1576 г. во время конфликта города с королем Стефаном Баторием.

Генуя, зажатая между
горами и морем
и вынужденная расширяться вверх по горам,
напоминала собой лавину
прижатых друг к другу домов,
низвергающуюся вниз по склону
от линии укреплений до порта.
Деталь картины XV в.
Морской музей. Пельи.

Таким образом, город оказывался блокирован в своем расширении и нередко осужден расти в вертикальном направлении в гораздо большей степени, нежели в недавнем прошлом. Очень рано в Генуе, Париже, Эдинбурге стали строиться дома в 5, 6, 8 и даже в 10 этажей. Учитывая непрерывный рост цен на земельные участки, высокие дома повсеместно делались необходимостью. Если в Лондоне дерево долгое время предпочитали кирпичу, то объяснялось это среди прочего также и тем, что оно позволяло возводить менее толстые и более легкие стены тогда, когда дома в 4–6 этажей сменяли старинные, обычно двухэтажные постройки. В Париже «потребовалось ограничить непомерную высоту домов ... ибо иные частные лица на самом деле строили на доме еще один дом. Высота была ограничена [накануне Революции] 70 футами [почти 23 м], не считая крыши»⁵³.

⁵³ Mercier L.-S. *Op. cit.*, XI, p. 4.

* Осман Жорж (1809–1891 гг.) – французский политический деятель, в 1853–1870 гг. – префект департамента Сена.

Под его руководством была проведена перестройка Парижа на основе новой планировки. – *Прим. ред.*

** Ферранте – Фердинанд I Арагонский (1431–1494 гг.), король неаполитанский в 1458–1494 гг. – *Прим. ред.*

Венеция, имевшая преимущество в том, что была лишена стен, могла расширяться сколько угодно: забивали несколько деревянных свай, на лодках привозили камень – и в лагуне воздвигался новый квартал. Очень рано стало возможно вытеснить на периферию стеснявшие город производства – живодеров и дубильщиков на остров Джудекка, Арсенал – на край нового квартала Каstellо, стекольные заводы (с 1255 г.) – на остров Мурано ... Кто бы не пришел в восторг от современности такого зонирования? И однако же, Венеция располагала своими великолепными постройками, общественными и частными, на Канале Гранде – необычно глубокой древней речной долине. Единственный мост, мост Риальто, с разводным пролетом (бывший деревянным до самой постройки в 1587 г. нынешнего каменного моста) соединял берег Фондако деи Тедески (теперешний почтамт) с площадью Риальто, намечая заранее оживленную ось города – от площади Св. Марка к мосту по модной улице Мерчериа. И так, город просторный, широко раскинувшийся. Но в гетто, городе искусственно созданном и огражденном стенами, пространства не хватало и дома тянулись вверх своими 5 или 6 этажами.

Когда в XVI в. в Европе вошел в массовое употребление экипаж, он породил неотложные проблемы, вынуждая к градостроительной «хирургии». Браманте, снесший в 1506–1514 гг. старинный квартал вокруг римского собора св. Петра, был одним из первых в истории баронов Османов*. Города по необходимости обретали, по крайней мере на какое-то время, некоторую упорядоченность, больший простор, облегчение уличного движения. Такой же была и перестройка Неаполя Пьетро ди Толедо (1536 г.), проложившим несколько широких улиц через весь город, в котором, как некогда говаривал король Ферранте**, «узкие улицы были опасны для государства». Или завершение прямой, пышной и короткой Страда Нуова в Генуе в 1547 г., или же те три магистрали от Пьяцца дель Пополо, которые волею папы Сикста V были проложены через весь Рим. И не без основания одна из них, Корсо, сделалась главной торговой улицей Рима. В города проникали повозки, а вскоре – и мчавшиеся на всем скаку кареты. Джон Стоу, бывший свидетелем первых перестроек в Лондоне, в 1528 г. предрекал: «Вселенная обрела

колеса». А в следующем столетии Томас Деккер повторил то же самое: «На любой лондонской улице телеги и кареты производят такой грохот, что можно подумать, будто весь мир движется на колесах»⁵⁴.

⁵⁴ Jones-Davies M. T. *Un Peintre de la vie londonienne. Op. cit.*, I p. 190.

ГЕОГРАФИЯ ГОРОДОВ И СВЯЗИ МЕЖДУ НИМИ

Всякий город вырастает в каком-то определенном месте, закрепляется на нем и уже не покидает, за очень редкими исключениями. Такое местоположение бывало более или менее удачным, а первоначальные его выгоды и неудобства сохранялись навсегда. Скажем, путешественник, прибывший в 1684 г. в Баию (Сан-Салвадор), тогдашнюю столицу Бразилии, отмечал великолепие города и [большое] число рабов в нем, рабов, с которыми, добавляет он, «обращаются крайне варварски». Отметил он и органические пороки топографии города: «Уклон улиц столь крут, что лошади, запряженные в повозки, не смогли бы на нем удержаться»; следовательно, не было повозок, а были выючные и верховые животные. Еще более серьезный недостаток: крутой обрыв отделяет собственно город от торговых кварталов на берегу океана, так что приходилось «пользоваться некоей разновидностью крана, дабы поднимать товары из порта в город (и наоборот)»⁵⁵. Ныне подъемники сократили время такого подъема или спуска, но необходимость в нем по-прежнему сохраняется.

⁵⁵ Coreal F. *Relation des voyages aux Indes occidentales. Op. cit.*, I, p. 152, 155.

* Испанские владения в Америке.— *Прим. ред.*

Точно так же Константинополь, расположенный на Золотом Роге, Мраморном море и Босфоре, разделен слишком широкими пространствами морских вод и вынужден был содержать [целый] народец лодочников и перевозчиков ради непрерывных и не всегда безопасных переездов морем.

Но такие неудобства уравновешивались серьезными преимуществами, иначе никто не согласился бы принять и терпеть эти стеснения. Как правило, то были преимущества отдаленного местоположения: географы имеют обыкновение называть его «положением» города по отношению к соседним областям. На огромных пространствах бурных морей Золотой Рог был единственной защищенной гаванью. И таким же образом и обширная бухта Всех Святых перед Сан-Салвадором — это как бы Средиземное море в миниатюре, хорошо укрытое за своими островами, а на бразильском побережье — это один из легче всего достижимых пунктов для идущего из Европы парусника. И лишь в 1763 г. столица будет перемещена южнее, в Рио-де-Жанейро, ввиду развития золотых приисков в нынешних штатах [Минас-Жераис и Гояс].

Разумеется, все такие привилегии бывали в долговременном плане преходящими. Малакка знала столетия настоящей монополии: «Она повелевает всеми кораблями, какие проходят через ее пролив». А в один прекрасный день в 1819 г. возникает из небытия Сингапур. Но куда лучший пример — смена Севильи Кадисом в 1685 г. (с начала XVI в. Севилья располагала монополией на торговлю с «Кастильскими Индиями»)*

из-за того, что корабли со слишком большой осадкой не могли более пройти бар у Санлукара-де-Баррамеды при входе в Гвадалквивир. Это была техническая причина и предлог для перемен, возможно и разумных, но обеспечивших удачу активной международной контрабанде в слишком просторном Кадисском заливе.

Преходящие или нет, но такие преимущества местоположения, во всяком случае, были необходимы для процветания городов. Кёльн находился там, где встречались два разных потока перевозок по Рейну: один – в сторону моря, другой – вверх по реке, и встречались у его городских пристаней. Регенсбург на Дунае был перевалочным пунктом для грузов со слишком глубоко сидящих судов, которые приходили в город из Ульма, Аугсбурга, из Австрии, Венгрии и даже из Валахии.

Быть может, нигде в мире нет места, дающего бóльшие преимущества при дальних и ближних перевозках, чем то, где расположен Кантон. Город «в 30 лье от морских берегов все еще ощущает на своих водных пространствах пульсацию приливов. И таким образом, там возможна встреча морских кораблей, джонок или же европейских трехмачтовиков, с речными сампанами, которые достигают всех, или почти всех, внутренних областей Китая благодаря каналам». «Я довольно часто любовался прекрасными видами Рейна и Мааса в Европе, – писал брабантец Ж.-Ф. Мишель в 1753 г., – но обе эти реки, вместе взятые, не могут представить и четверти [того], чем восхищаешься на одной этой реке в Кантоне»⁵⁶. И однако же, своим великим успехом в XVIII в. Кантон был обязан только желанию Маньчжурской империи убраться торговлю с европейцами насколько возможно дальше на юг. Европейские купцы, имея они свободу выбора, предпочли бы добираться до Нинбо и до Янцзы: они предчувствовали взлет Шанхая и понимали выгоду от проникновения в самое сердце Китая.

И опять-таки именно география, определенным образом связанная со скоростью, а вернее, с медленностью перевозок того времени, объясняла возникновение тысяч мелких городков. Те 3 тыс. городов разных размеров, что насчитывала Германия в XV в., были в такой же мере и этапными пунктами на дорогах: в 4–5 часах пути один от другого на юге и на западе страны, в 7–8 часах пути – на севере и на востоке. И такие этапные пункты приходились не только на гавани – соединявшие пути по суше (*venuta terrae*) и пути по морю (*venuta maris*), как говорили в Генуе, – но иной раз и на точки, в которых сходились повозка и речные суда, или же «вьючный транспорт, употреблявшийся на горных тропах, и повозка, используемая для равнин». Так же верно и то, что любой город принимал [такие] перевозки, создавал их заново, рассеивая товары и людей, с тем чтобы сызнова собрать другие и других, и так далее.

Как раз передвижение внутри стен и за их пределами служило признаком настоящего города. Карери, прибывший в Пекин в 1697 г., жаловался: «В этот день нам пришлось туго по причине того множества повозок, верблюдов, лошадей, каковое прибывает в Пекин и убывает из него и каковое столь велико, что продвигаешься с трудом»⁵⁷.

⁵⁶ Cordier H. *La Compagnie prussienne d'Embsden au XVIIIe siècle. – T'oung Pao* XIX, 1920, p. 241.

⁵⁷ Gemelli Careri G. F. *Op. cit.*, IV, p. 120.

Повсюду эту функцию перевозок делал осязаемой городской рынок. О Смирне тот же путешественник мог сказать в 1693 г., что она «всею лишь единый базар и единая ярмарка»⁵⁸. Но всякий город, каким бы он ни был, — это прежде всего рынок. Если последний отсутствовал, город был немислим. Напротив, рынок мог располагаться возле какой-нибудь деревни, даже на пустом пространстве торгового рейда, на обычном перекрестке дорог без того, чтобы от этого сам собой возник город. В самом деле, любой город нуждается в том, чтобы укорениться за счет земли и людей, которые его окружают.

Еженедельные или ежедневные городские базары питали повседневную жизнь близлежащей округи. Я ставлю это слово во множественном числе, думая, к примеру, о разных рынках Венеции, которые перечисляет «Малая хроника» («*Cronachetta*») Марино Сануто. Имелся большой рынок на площади Риальто, возле которого каждое утро собирались в построенной для них открытой галерее (*loggia*) торговцы. Постройка ломилась от обилия фруктов, овощей, дичи; чуть поодаль продавалась рыба. На площади Св. Марка был другой рынок. Но каждый квартал имел и свой собственный — на своей центральной площади. Снабжение продовольствием обеспечивали окрестные крестьяне, падуанские садовники и лодочники, которые доставляли из Ломбардии [все], вплоть до овечьего сыра.

Целую книгу можно было бы написать об одном только парижском Центральном рынке (*Halles*) и его филиале на набережной Валле, специализировавшемся на торговле дичью; о регулярном наводнении города на рассвете булочниками из Гонеса, а посреди ночи — 5 или 6 тыс. крестьян, приехавших полусонными на своих повозках, «грузенных овощами, фруктами, цветами», или о бродячих торговцах, выкрикивающих: «*Вот макрель, еще живая! Вот она, вот она!*», «*Свежая сельдь!*», «*Печеные яблоки!*», или о продавцах устриц с их криком: «*Подходи за устрицами!*», или о торговцах апельсинами: «*Португаль! Португаль!*» Служанки с верхних этажей обладали достаточно натренированным слухом, для того чтобы ориентироваться посреди этого шума и не спускаться несвоевременно. Во время «Ярмарки окороков», устраивавшейся во вторник Святой недели, «толпа крестьян из окрестностей Парижа с раннего утра собирается на паперти и на улице Нёв-Нотр-Дам с огромным количеством окороков, сосисок и кровяных колбас, каковые они украшают и венчают лаврами. Какая профанация венца Цезаря и Вольтера!» Само собой разумеется, это говорит Себастьян Мерсье⁵⁹. Но целую книгу можно было бы написать и о Лондоне с его многочисленными, мало-помалу упорядоченными рынками: перечисление этих *markets* занимает более четырех страниц путеводителя «Поездка по острову Великобритания» («*A Tour through the Island of Great Britain*»), составленного Даниелем Дефо и его продолжателями и в 1775 г. переизданного в восьмой раз.

Самая близкая к городу территория, откуда в него поступали, как, скажем, в Лейпциг, превосходные яблоки или спаржа, была лишь первым из многочисленных обволакивавших его кругов⁶⁰. В самом деле, не бывает города без огромного стече-

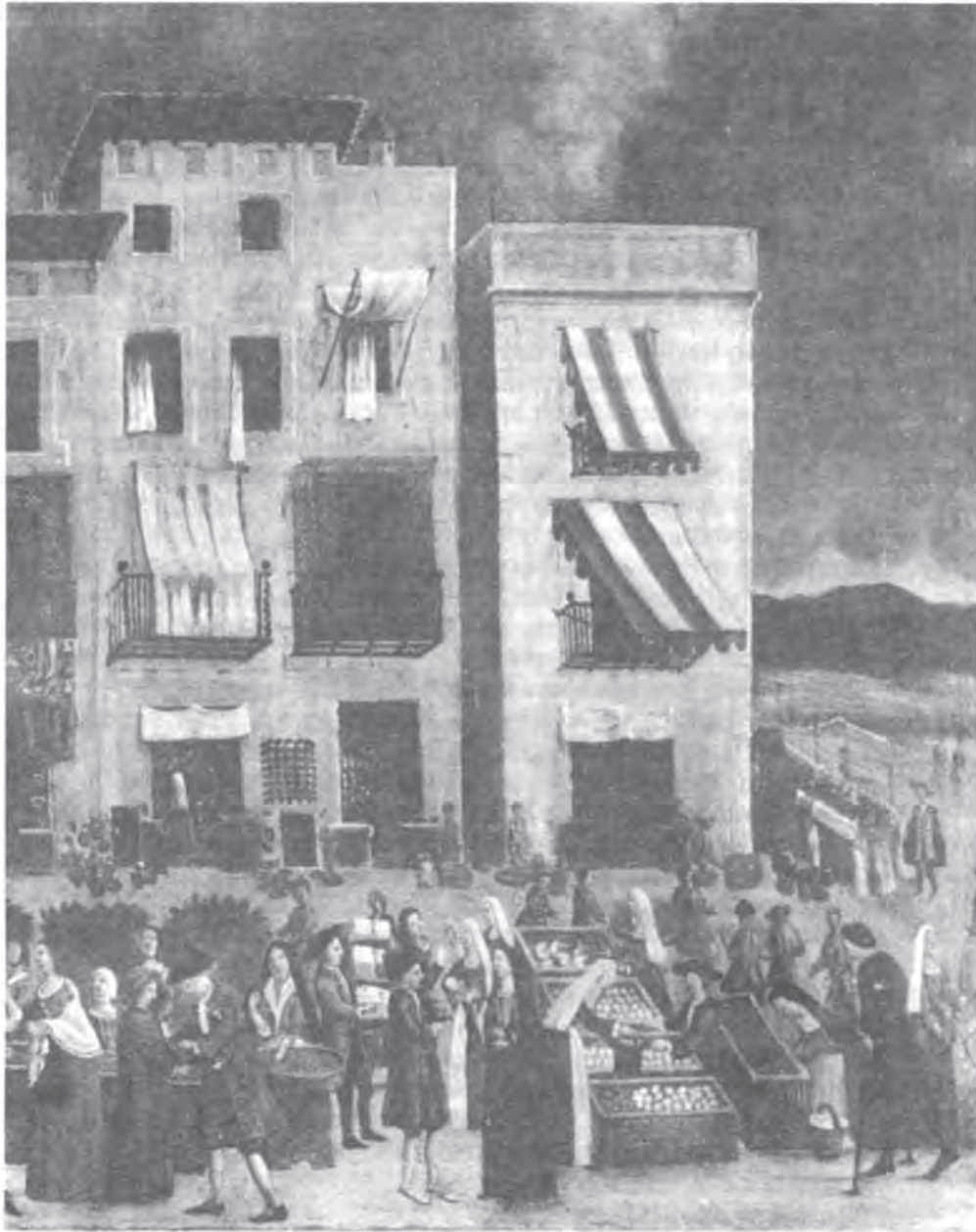
⁵⁸ Gemelli Careri G. F.

Op. cit., I, p. 230.

⁵⁹ Mercier L.-S. *Tableau de Paris*, VI, p. 221; V, p. 67, IX, p. 275.

⁶⁰ Savary J. *Dictionnaire*. *Op. cit.*, V, col. 381.

Рынок – Меркадо дель Борне – в Барселоне. Картина неизвестного художника XVIII в. (Фото Мас.)

ния людей и разного добра, и каждое такое скопление бывало связано с особой территорией вокруг города, зачастую на большом расстоянии от него. Всякий раз это доказывало, что городская жизнь привязана к разным пространствам, которые только частично перекрывали друг друга. Могущественные города очень скоро, наверняка уже с XV в., охватят непомерные пространства; они были орудием связей на далекие расстояния, до самых пределов некоего *Weltwirtschaft*, мировой экономики, которой они давали жизнь и из которой извлекали прибыль.

Все такие «распространения» зависят от комплекса взаимосвязанных проблем. В связи с теми или иными событиями го-

род в зависимости от его размеров функционировал на переменной величине пространстве: он попеременно то «раздувался», то пустел соответственно своим жизненным ритмам. В XVII в. вьетнамские города, «в обычные дни малолюдные», обнаруживали весьма заметное оживление в дни «большого рынка», дважды в месяц. В Ханое, тогдашнем Ке-Шо, «торговцы соответственно своему избранному товару группировались на разных улицах: Шелковой, Медной, Шляпной, Пеньковой, Железной». Среди подобного столпотворения невозможно было пройти. Некоторые из таких торговых улиц бывали поделены между жителями нескольких деревень, которые «одни только имели привилегию держать там лавки». Эти города были «скорее рынками, нежели городами»⁶¹, или скорее ярмарками, чем городами. Но были ли то города или рынки, рынки или города, ярмарки или города, города или ярмарки, они представляли одно и то же: движение, сопряженное с концентрацией, а затем с рассредоточением, без чего не могла бы сложиться сколь-нибудь ранняя экономическая жизнь ни во Вьетнаме, ни на Западе.

Все города мира, начиная с городов Запада, имели свои предместья. Не бывает здорового дерева без побегов от того же корня, не бывает и города без предместий. Они суть свидетельство его силы, даже если речь идет о жалких пригородах, о «бидонвилях». Уж лучше трущобные предместья, чем вообще никаких.

Предместья – это беднота, ремесленники, моряки, это шумные и дурно пахнущие ремесленные производства, это дешевые харчевни, почтовые станции, конюшни для почтовых лошадей, жилища носильщиков. В XVII в. Бремен «менял кожу»: его кирпичные дома покрывались черепицей, замащивались улицы, было проложено несколько проспектов. А вокруг города дома предместий сохраняли соломенные кровли⁶². Приехать в предместье всегда означало опуститься на одну ступень, что в Бремене, что в Лондоне, что в иных местах.

Триана – предместье, вернее, продолжение Севильи, о котором так часто упоминал Сервантес, – сделалась местом скопления воров, жуликов, девиц легкого поведения, продажных полицейских, источником материала для полицейского романа, разумеется из черной серии. Предместье начиналось на правом берегу Гвадалквивира на уровне наплавного моста, который перегораживал реку примерно так же (со всеми необходимыми оговорками), как Лондонский мост перегораживает Темзу. Здесь заканчивался самостоятельный подъем морских кораблей, использовавших прилив, кораблей, приходивших в Севилью из Санлукара-де-Баррамеды, Пуэрто-де-Санта-Мария или Кадиса. Конечно же, Триана не была бы такой колоритной и не имела бы своих кабачков под навесами из виноградной лозы, не будь рядом с нею – рукой подать! – Севильи с ее иноземцами, «фламандцами» или иными, с ее нуворишами-«перуанцами» (*peruleros*), возвращавшимися из Нового Света, чтобы насладиться своим богатством. Перепись 1561 г. указывает для Трианы 1664 дома и 2666 семей из расчета 4 человека на семью, т. е. солидное скопление жилищ и больше 10 тыс. жите-

⁶¹ См. Vu Quoc Thuc в: *Les Villes...* . P.p. Société Jean Bodin, 1954–1957, II, p. 206.

⁶² Ссылка не найдена.

⁶³ Согласно переписи («*Padrón*») 1561 г. (Archivo General de Simancas, *Expedientes de hacienda*, 170).

⁶⁴ Gemelli Careri G. F. *Op. cit.*, VI, p. 366–367.

лей, по существу самостоятельный город⁶³. Поскольку сомнительных видов деятельности было недостаточно, чтобы город смог существовать, Триана имела своих ремесленников, изготавливавших плитки из поливного фаянса (*azulejos*) – синие, зеленые, белые с геометрическим рисунком, который говорит о влиянии ислама (такие *azulejos* вывозились во все концы Испании и в Новый Свет). В ней были и мыловаренные мастерские, изготавливавшие белое, хозяйственное и жидкое мыло. И тем не менее это было только предместье! Проехавший в 1697 г. через Триану Карери заметил: в городе «нет ничего примечательного, помимо картезианского монастыря, дворца и тюрем Инквизиции»⁶⁴.

ИЕРАРХИЯ ГОРОДОВ

На определенном расстоянии от крупных центров обязательно вырастал малый город. Скорость перевозок, которая формировала пространство, определила последовательный ряд регулярных этапных пунктов. Стендаль удивлялся снисходительности больших итальянских городов по отношению к городам средним и малым. Но если они не уничтожили своих соперников, с которыми вели ожесточенную борьбу – в 1406 г. Флоренция захватила наполовину вымершую Пизу, а Генуя в 1525 г. засыпала гавань Савоны, – то произошло это по той простой причине, что они не могли это сделать, ибо нуждались в побежденных, ибо крупный город с необходимостью предполагает окружение из городов второстепенных: один для нужд ткацкого производства, для стрижки ворса сукон, другой – для организации гужевых перевозок, третий – как морской порт (как, скажем, для Флоренции Ливорно, который она предпочла слишком далекой от моря и враждебной Пизе; как Александрия или Суэц для Каира, Триполи и Александретта для Алеппо и Джидда для Мекки).

В Европе это явление выступало особенно отчетливо и малые города были многочисленны. Р. Хепке первым употребит прекрасное выражение «архипелаг городов» по поводу Фландрии, показав тем самым, как ее города были связаны друг с другом, а еще больше – с Брюгге в XV в., а позднее – с Антверпеном⁶⁵. «Нидерланды, – вторит ему А. Пиренн, – это пригород Антверпена», пригород, полный активно действовавших городов. Тем же самым (правда, в меньшем масштабе) были рынки вокруг Женевы в XV в., локальные ярмарки вокруг Милана в это же время, а в XVI в. – череда портов провансальского побережья, связанных с Марселем, от Мартига на заливе Бер до Фрежоса, или комплекс крупных городских поселений, который объединял с Севильей Санлукар-де-Баррамеду, Пуэрто-де-Санта-Мария, Кадис; или ожерелье городов вокруг Венеции; или связи Бургоса с его аванпортами (в частности, с Бильбао), над которыми он, даже утратив значение, долго сохранял свой контроль; или Лондон в сочетании с портами на Темзе и в Ла-Манше; или же, наконец, сверхклассический пример Ганзы. На ниж-

⁶⁵ См.: Häpke R. *Brügger Entwicklung zum mittelalterlichen Weltmarkt...* 1908.

⁶⁶ Guenée B. *Tribunaux et gens de justice dans le bailliage de Senlis... Op. cit.*, p. 48.

⁶⁷ Mercier L. S. *Op. cit.*, III, 1782, p. 124.

⁶⁸ Газетная статья, точная ссылка утеряна.

нем пределе можно было бы указать Компьень, имевший в 1500 г. единственный город-спутник – Пьерфон; Санлис, который располагал одним только Крепи⁶⁶. Эта деталь сама по себе позволяет судить о масштабах Компьеня и Санлиса. Можно было бы также составить серию органограмм, рисующих эти связи и функциональные зависимости: правильные круги, линии или их пересечения, простые точки.

Но такие схемы действительны лишь на определенное время. Стоило только обращению [людей, товаров и денег] ускориться, даже не изменяя свои излюбленные пути, как промежуточные пункты оказывались несостоятельны, переставали служить своей цели и приходили в упадок. В 1782 г. Себастьян Мерсье заметил, что «города второго и третьего порядка незаметно обезлюдывают» из-за оттока жителей в столицу⁶⁷. Ф. Мориак говорит о госте-англичанине, которого он принимал у себя в Юго-Западной Франции: «Он переночевал в гостинице «Золотой лев» в Лангоне и ночью прошелся по спящему городку. Он сказал мне, что в Англии подобных городков больше нет. Наша провинциальная жизнь – это и в самом деле пережиток, то, что осталось от исчезающего (а впрочем, уже исчезнувшего) мира. Я отвез моего англичанина в Базас. Какой же контраст между этим сонным местечком и его обширным собором, свидетелем тех времен, когда столица Базадэ была процветающей епархией! Мы не представляем себе больше это время, когда любая провинция составляла мир, говоривший на своем языке, воздвигавший свои памятники, утонченное и иерархизованное общество, которое игнорировало Париж и его моды – чудовищный Париж, который будет кормиться этой восхитительной субстанцией и исчерпает ее»⁶⁸.

Очевидно, что Париж в данном случае виноват не больше чем Лондон: ответственность лежит единственно на общем развитии экономической жизни. Оно «выкачивало» [содержимое] второстепенных пунктов сети городов ради городов важнейших. Но такие главные города в свою очередь создавали между собой сеть связей, расширенную до мирового масштаба. И все начиналось снова. Даже у Томаса Мора столица острова Утопия – Амаурот – окружена 53 городами. Какая же то великолепная городская сеть! Каждый находится на расстоянии менее 24 миль от своих соседей, т. е. менее одного дня пути. Но весь этот порядок изменился бы, если хотя бы немного ускорились перевозки.

ГОРОДА И ЦИВИЛИЗАЦИИ: МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР

Другая черта, общая всем городам и, однако, лежащая в основе глубоких различий в их облике, – это то, что все они суть продукт своих цивилизаций. У каждого из них был прототип. Это охотно повторял в 1735 г. отец Дювальд: «Я уже говорил в другом месте, что нет почти никакой разницы между большинством городов Китая и что они довольно схожи, так что чуть ли не довольно увидеть один из них, дабы составить представление

Севильский порт.
Деталь картины,
приписываемой
Козльо (XVI в.).
(Фото Жиродона.)

⁶⁹ Du Halde J.-B. *Op. cit.*,
I, p. 109.

⁷⁰ Для последующих
разъяснений
я использовал
неизданные материалы
коллоквиума «Города»
проведенного
Практической школой
высших исследований в
1958 г.

⁷¹ Mantran R. *Istanbul
dans la seconde moitié du
XVIIe siècle. Op. cit.*, p. 27.

⁷² Mans R. *Estat de la
Perse en 1660...* P.p.
Ch. Schefer, 1890, p. 33.

⁷³ Gemelli Careri G. F.
Op. cit., II, p. 98.

обо всех прочих»⁶⁹. Кто бы не согласился с этой быстрой, но не лишенной основания оценкой в применении к городам Московской Руси, колониальной Америки, мусульманских стран (Турции или Ирана) и даже (правда, с куда большими колебаниями) Европы?

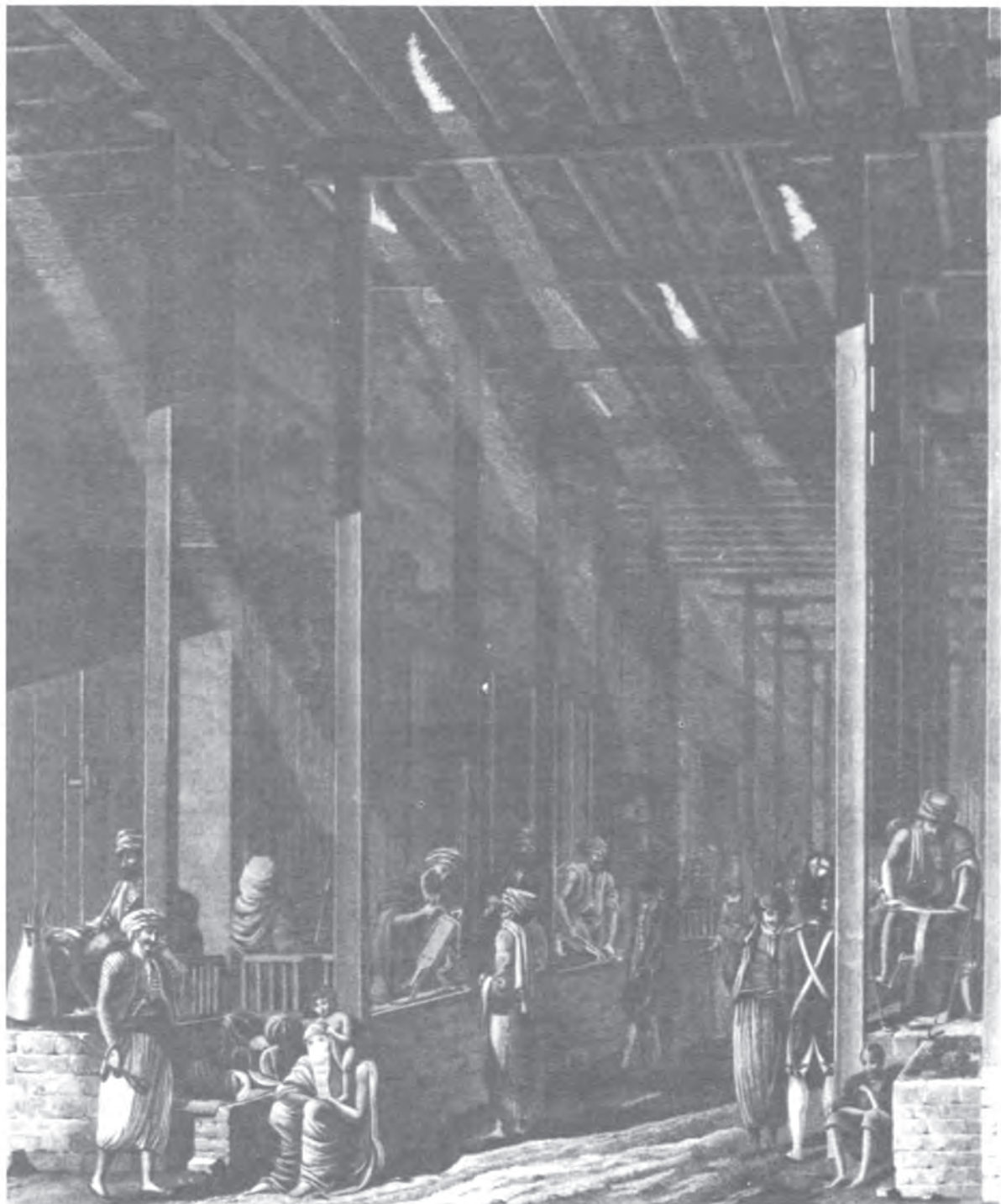
Нет никакого сомнения, что по всему миру ислама, от Гибралтара до Зондских островов, существовал определенный тип мусульманского города, пример, который сам по себе может быть достаточен для нас в качестве иллюстрации таких очевидных связей между городами и цивилизациями⁷⁰.

Обычно это бывали города огромные, расположенные далеко один от другого. Низенькие дома были там так скучены, как зерна в плоде граната. Ислам запрещал (за некоторыми исключениями: в Мекке, ее порте Джидде, или в Каире) высокие дома, признак ненавистной ему гордыни. Не имея возможности расти вверх, постройки заполняют проезжую часть улиц, что мусульманское право практически не запрещает. Улицы становились улочками и в случае встречи двух ослов с их выюками оказывались перекрыты.

В Стамбуле, писал в 1766 г. один французский путешественник, «улицы узки, как в наших старинных городах; они обычно весьма грязны и в дурную погоду были бы весьма неудобны, ежели бы не имеющиеся с обеих сторон тротуары. Когда два человека сталкиваются на тротуаре, с него приходится сходить либо втискиваться в дверной проем. Здесь же укрываешься от застигнувшего тебя дождя. Дома большей частью двухэтажные, и верхний этаж выступает над первым. Почти все дома выкрашены масляной краской; такое убранство делает стены менее мрачными и печальными, но само оно почти всегда бывает роковым. Все эти дома, не исключая даже принадлежащие большим господам и самым богатым туркам, построены из дерева с кирпичом и оштукатурены известью; отчего и случается, что огонь за малое время производит столь великие опустошения»⁷¹.

Несмотря на огромное различие в характере местоположения, такой же была и картина в Каире, как описывал его Вольней в 1782 г., или в тех городах Ирана, которые столетием раньше, в 1660 г., рассматривал без особого благожелательства другой француз, Рафаэль дю Ман: «Улицы городов ... извилистые, неровные, полны канав, каковые эти негодяи копают, дабы в них мочиться в соответствии с законом: чтобы моча не обрызгала их и не сделала нечистыми»⁷². Впечатления Джемелли Карери тридцатью годами позднее, в 1694 г., были такими же: в Исфахане-де, как и по всей Персии, улицы незамощенные, откуда происходят грязь зимой и пыль летом. «Эта великая нечистота еще увеличивается обыкновением выбрасывать на площади павших животных и сливать кровь тех, что забиты мясниками, и публично отправлять свои [естественные] надобности повсюду, где ни окажешься». Нет, это был не Палермо, как можно было бы предположить, — тот Палермо, где «наихудший дом ... превосходит лучшие дома Исфахана»⁷³.

Вполне справедливо, что всякий мусульманский город был запутанным переплетением плохо ухоженных улочек. В лучшем

«Вид большого базара, или главного рынка» Александрии конца XVIII в. Гравюра 1812 г., «Description de l'Égypte». Национальная библиотека.

случае использовался уклон, чтобы дождь и ручьи одни только и занимались очисткой улиц. Но такая запутанная топография предполагала довольно постоянную планировку: в центре — Большая мечеть, а вокруг нее — торговые улицы (*сук-суаqs*), склады (*ханы-khans*, или караван-сарай), а дальше расположенные концентрическими кругами ремесленные ряды в со-

ответствии с традиционным порядком, который всегда учитывал понятия «чистый» и «нечистый». Таким образом, торговцы благовониями и ладаном – «по мнению специалистов канонического права, чистые, ибо посвятили себя священному [товару]», – размещались ближе всего к мечети. Возле них – шелкоткацкие мастерские, ювелиры и так далее. Ближе к внешней границе города находились живодеры, кузнецы и ковали, гончары, кожевники, красильщики, босоногие погонщики ослов, крикливо носящие своих животных. А затем, у самых ворот, деревенские жители, приходившие продавать мясо, дрова, прогорклое масло, овощи, зелень – все плоды своего труда или «своего мелкого воровства». Еще одна постоянная черта: разделение кварталов по расовому и религиозному признакам. Почти всегда имелись христианский и еврейский кварталы; последний обычно состоял под покровительством государя и поэтому иногда помещался в самом центре города, как в Тлемсене.

Разумеется, каждый город был какой-то вариацией на эту тему – в силу ли своего происхождения или своего торгового или ремесленного значения. В Стамбуле главный базар – два сооруженных в камне *беиштан* – был городом в городе. Христианские кварталы Пера и Галата составляли другой город на другом берегу Золотого Рога. В центре Адрианополя возвышалась «Биржа». «Поблизости от этой Биржи обнаруживаешь [речь идет о 1693 г.] улицу Сераки длиною в милю, заполненную добрыми лавками для всякого товара. Биржа покрыта досками внахлестку, оставляющими по бокам некоторое количество отверстий для света». А возле мечети – «крытая улица, где находятся золотых дел мастера»⁷⁴.

⁷⁴ Gemelli Careri G. F. *Op. cit.*, I, p. 262.

СВОЕОБРАЗИЕ ГОРОДОВ ЗАПАДА

Запад довольно рано стал своего рода «роскошной» частью мира. Накал городской жизни был там доведен до температур, которые почти не встречаются в других областях. Города принесли небольшому континенту величие; но эта проблема, хоть и хорошо знакомая, отнюдь не проста. Точно выразить превосходство – это значит напомнить либо о более низком уровне, либо о средней величине, по отношению к которой оно есть превосходство; это значит рано или поздно проделать тягостное и разочаровывающее сравнение с остальным миром. Говорим ли мы о костюме, о деньгах, о городах, о капитализме, мы, следуя за Максом Вебером, не сможем избежать сравнений, ибо Европу всегда объясняют «в сопоставлении с прочими континентами».

Каковы же были отличия и своеобразие Европы? Ее города существовали под знаком не знавшей себе равных свободы; они развивались как автономные миры и по-своему. Они перехитрили государство, построенное на территориальном принципе: это государство будет складываться медленно и вырастет лишь при небескорыстной помощи городов и притом будет увеличен-

ной и зачастую бесцветной копией их судеб. Города господствовали над своими деревнями, составлявшими для них подлинные колониальные миры задолго до появления самого термина и подвергавшимися соответствующему обращению (и государства будут впоследствии поступать так же). Города через созвездия городов и нервную сеть городских перевалочных пунктов вели собственную экономическую политику, политику, зачастую способную сломить преграды, и всегда – создать или воссоздать привилегии или убежище. Если бы мы вообразили, что современные государства упразднены, а торговые палаты крупных городов вольны действовать по своему усмотрению, то нам бы удалось увидеть многое.

Эти старинные реальности бросаются в глаза даже и без помощи такого весьма вольного сравнения. А ведь они приводят к ключевому вопросу, который может быть сформулирован двумя-тремя разными способами: почему другие города мира не знали такой относительно свободной судьбы? Кто или что мешало им всем развиваться свободно? Или же еще один аспект той же проблемы: почему судьба западных городов развивалась под знаком изменений (они трансформировали даже свой физический облик), в то время как другие города в сравнении с ними были словно лишены истории, как бы погружены в длительную неподвижность? Почему, если переиначить терминологию Леви-Стросса, одни из них были схожи с паровыми машинами, а другие – с башенными часами? Короче говоря, сравнительная история обязывает нас ответить на все «почему», связанные с такими различиями, и попытаться создать некую «модель» (которая была бы моделью динамической) городского развития, столь бурного на Западе, тогда как история городов остальных частей света протекала во времени вдоль длинной прямой, без особых событий.

СВОБОДНЫЕ МИРЫ

Вольности городов Европы – это сюжет классический и довольно хорошо освещенный. Начнем же с него.

Несколько упрощая, мы можем сказать что:

1. Запад утратил, именно утратил, свою городскую структуру с концом Римской империи; последняя, впрочем, испытывала прогрессирующий упадок своих городов еще до вторжения варваров. После очень относительного оживления в меровингские времена наступил, где раньше, где позже, полный застой, своего рода «чистое полотно» (буквально: «чистая доска», *tabula rasa*).

2. Возрождение городов начиная с XI в. ускорилось, накладываясь на подъем деревни, на многообразный рост полей, виноградников, садов. Города росли вместе с деревнями, и зачастую городское право с его четко определенными контурами выходило из общинных привилегий групп деревенских жителей. Город был во множестве случаев вновь воспринятой, заново сформированной деревенской материей. В топографии Франкфурта, оставшегося «деревенским» до самого XVI в., многие

⁷⁵ См.: Abel W.
*Geschichte der Deutschen
 Landwirtschaft*. 1962,
 S. 48, 49.

улицы сохранили в своих названиях память о лесах, о купах деревьев, о болотах, посреди которых вырос город⁷⁵.

Такая перегруппировка сельского населения логически привела в зарождавшийся город представителей политической и социальной власти в округе – сеньеров, светских и церковных князей,

3. Ничто из всего этого не будет возможным без общего возврата к здоровью, к расширяющейся денежной экономике. Деньги – это путник, который, возможно, и пришел издалека (по мнению М. Ломбара – из мусульманского мира), но оказался деятельным и решающим фактором. За два столетия до Фомы Аквинского Алэн де Лиль говорил: «Ныне все – это не Цезарь, а деньги». Сказать «деньги» – это то же, что сказать «города».

Тогда родились тысячи и тысячи городов, но лишь немногим суждено было блестящее будущее. И значит, только определенные регионы, урбанизированные «вглубь» и тем самым сразу же выделившиеся среди прочих, играли вполне очевидную роль ускорителей движения: зона между Луарой и Рейном, верхняя и средняя Италия, решающие пункты на средиземноморском побережье. Купцы, ремесленные цехи, промышленность, торговля на далекие расстояния, банки – все это зарождалось там быстро. И зарождалась буржуазия, определенная буржуазия, и даже определенный капитализм. Судьба таких «особых» городов была связана не с одним только подъемом деревни, но с международной торговлей. К тому же они выделяются из деревенских обществ и избавятся от прежних политических уз. Разрыв происходил насильственным путем или по хорошему, но всегда он бывал признаком силы, обилия денег и [экономического] могущества.

Вокруг таких избранных городов вскоре не стало государств. Так произошло в Италии и в Германии в ходе политических потрясений XIII в. На сей раз, [в противоположность тому, как обстояло дело в сказке], заяц опередит черепаху. В других местах – во Франции, в Англии, в Кастилии, даже в Арагоне – государство на обширных территориях возродилось довольно рано; и именно это и тормозило развитие городов, притом располагавшихся в не слишком оживленных экономических зонах. Эти города «бежали» медленнее, чем в прочих местах.

Но главное и непредвиденное заключалось в том, что отдельные города совершенно «взрывали» политическое пространство, конституировались в самостоятельные миры, в города-государства, закованные в латы полученных или вырванных привилегий, которые служили им как бы «юридическими укреплениями». На таких «причинах, относящихся [к области] права», историки в прошлом, быть может, чересчур настаивали, ибо если такие резоны могли порой оказываться выше причин, обусловленных географией, социологией или экономикой, или наравне с ними, то последние [все равно] играли величайшую роль. Что такое привилегия без материального содержания?

На самом деле чудом на Западе было не столько то, что сначала все, или почти все, было уничтожено во время катастрофы V в., а затем скачком возродилось начиная с XI в. История заполнена такими вековыми неторопливыми движениями взад и

вперед, такими разрастаниями, рожденьями и возрождениями городов: так было в Греции в V–II вв. до н. э., если угодно – в Риме, в мире ислама – начиная с IX в., в сунском Китае. Но всякий раз при таких повторных подъемах существовали два «бегуна»: государство и город. Государство обычно выигрывало, и тогда город оставался подчиненным его тяжелой руке. Чудом было то, что в первые великие века городского развития Европы полнейшую победу одержал именно город, во всяком случае в Италии, Фландрии и Германии. Он приобрел довольно длительный опыт совершенно самостоятельной жизни – это колоссального масштаба событие, генезис которого отнюдь не удастся очертить с полной достоверностью. Тем не менее ясно видны огромные его последствия.

НОВИЗНА ГОРОДОВ

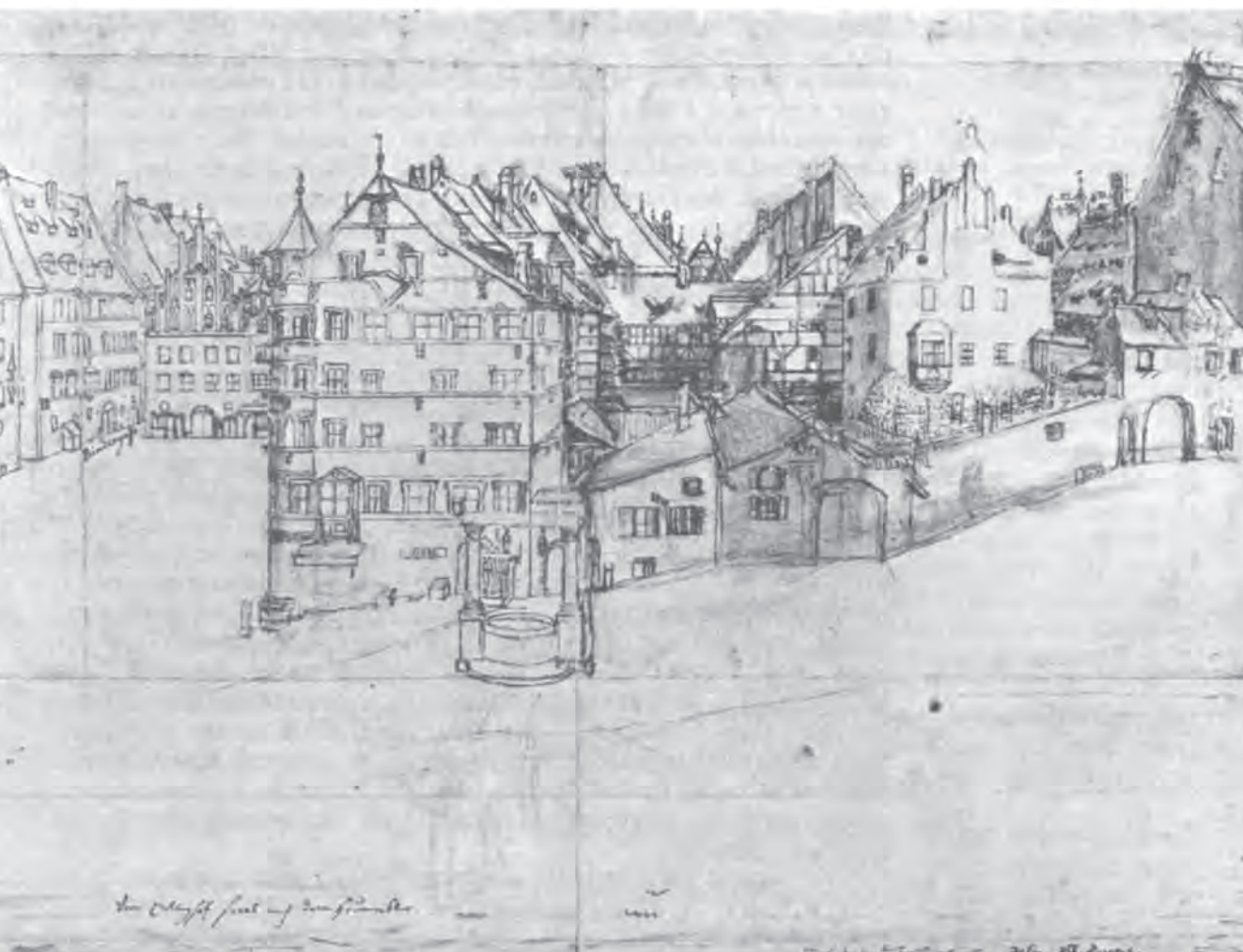
Основываясь на этой свободе, крупные городские общины и другие города, с которыми они были связаны, которым служили примером, построили самобытную цивилизацию, распространявшую новую или обновленную технологию (или даже заново открытую через столетия – но это неважно!). Этим городам дано было до конца проделать довольно редкий политический, социальный и экономический эксперимент.

В финансовой сфере города организовали налоги, финансы, общественный кредит, таможни. Они изобрели государственные займы: можно было бы даже сказать, что Монте-Веккьо в Венеции на самом деле восходит к первому выпуску [ценных бумаг] в 1167 г., а банк «Каса ди Сан-Джорджо» (раннего образца) – к 1407 г. Один за другим города заново изобретали золотую монету вслед за Генуей, которая чеканила *дженовино*, возможно, с конца XII в.⁷⁶ Они организовали промышленность, ремесла, изобрели (или открыли заново) торговлю на дальние расстояния, вексель, первичные формы торговых компаний и бухгалтерии. Они также породили – и очень быстро – свои формы классовой борьбы. Ибо если города и были, как говорят, «общинами», то были они и «обществами» в современном смысле слова – со своими напряжениями, своими братоубийственными войнами: знати против буржуа, бедных против богатых («тощий народ» – *popolo magro* – против «жирного народа» – *popolo grasso*). Борьба во Флоренции куда больше, чем конфликты на римский манер (разумеется, в античном Риме), в сущности своей находилась уже в преддверии нашего раннего промышленного XIX в. Это доказывает даже одна только драма *чомпи* в 1378 г.*

Но это общество, разделенное внутри, выступало единым фронтом против врагов внешних, против мира сеньеров, государей, крестьян – всех, кто не были его гражданами. Такие города были на Западе первыми «отечествами», и патриотизм их был наверняка более органичным, намного более осознанным, чем был и долго еще будет патриотизм территориальный, медленно проявлявшийся в первых государствах. Можно поразмыслить по этому поводу перед забавной картиной, изображающей сра-

⁷⁶ См.: Pecle G. et Felloni G. *Le Monete genovesi*. 1975, p. 27–30.

* Крупнейшее в Италии восстание предпролетариата, во время которого бесправные рабочие – чомпи захватили правительственные здания и пытались установить свою власть. – *Прим. ред.*

Площадь Эгидиен-Терезиенплац в Нюрнберге. Рисунок Альбрехта Дюрера. Альштадтмузеум, Нюрнберг.

жение нюрнбергских горожан с напавшим на город маркграфом Казимиром Бранденбург-Ансбахским 19 июня 1502 г. Не приходится спрашивать, была ли она написана для нюрнбергских буржуа. Последние изображены большей частью пешими, в обычных своих костюмах, без лат. Их предводитель в черном костюме, сидящий на коне, совещается с гуманистом Виллибальдом Пиркхеймером. На Пиркхеймере огромная шляпа со страусовыми перьями, столь типичная для той эпохи, и он – тоже многозначительная деталь! – привел отряд на поддержку правого дела подвергшегося нападению города. Нападающие бранденбуржцы – тяжеловооруженные конные латники с лицами, закрытыми забралами шлемов. Как на символ городских вольностей, противостоящих власти государей и сеньеров, можно указать на группу из трех человек: двое горожан с открытыми лицами гордо сопровождают в плен очень этим смущенного рыцаря в латах.

«Буржуа», маленькие городские отечества – абсурдные, «удобные» расхожие слова. В. Зомбарт очень настаивал именно на зарождении некоего нового общества и в еще большей мере –

⁷⁷ Sombart W.

Le Bourgeois.

Op. cit., p. 129.

⁷⁸ Bec S. *Les Marchands*

écrivains à Florence,

1375–1434, 1967, p. 319.

⁷⁹ См.: Mumford L.

La Cité à travers l'histoire.

Op. cit., p. 328–329.

нового образа мышления. Он писал: «Если я не ошибаюсь, как раз во Флоренции к концу XIV в. впервые встречается законченный буржуа»⁷⁷. Что же, если угодно ... На самом-то деле захват власти в 1293 г. главными цехами (*Arti maggiori*) – цехами суконщиков и красильщиков (*Arte di Calimala*) – был во Флоренции победой старых и новых богачей, победой духа предпринимательства. Зомбарт, как обычно, предпочитал ставить проблему в «ментальном» плане, рассматривая эволюцию рационального мышления, вместо того чтобы заниматься эволюцией общества или даже экономики из-за боязни при этом последовать по пути, проложенному Марксом.

Сложился новый образ мышления, в общих чертах – образ мышления еще раннего западного капитализма, совокупность правил, возможностей, расчетов, умения жить и обогащаться одновременно. То была и рискованная игра: ключевые выражения торгового языка «удача», «случай», «благоразумие», «осмотрительность», «обеспечение» (*fortuna, ventura, ragione, prudenza, sicurtà*) устанавливают пределы риска, от которого надлежит себя обезопасить. Конечно же, не было больше речи о том, чтобы жить по образу и подобию знати только сегодняшним днем, худо ли, хорошо ли стараясь поднять свои доходы до уровня расходов; притом все определялось именно расходами. А потом – будь что будет! Купец будет беречь свои деньги, будет рассчитывать затраты в соответствии с доходами, вложения – в соответствии с прибылью от них. «Песочные часы» перевернулись должным образом. Купец будет экономить и свое время: уже тогда один купец заявил, что *chi tempo ha e tempo aspetta, tempo perde*⁷⁸. Переведем вольно, но логически правильно: «Время – деньги».

На Западе капитализм и города – это было в основе своей одно и то же. Л. Мамфорд считает, что «зарождающийся капитализм», заменив власть «феодалов и цеховой буржуазии» властью новой торговой аристократии, взорвал узкие рамки средневековых городов. Да, несомненно – но с тем, чтобы в конечном счете объединиться с государством, победившим города, но унаследовавшим их учреждения, их образ мышления и совершенно неспособным без них обойтись⁷⁹. Важно то, что, даже придя в упадок как община, город продолжал занимать почетное место и управлять всем, действительно или хотя бы по видимости служа государю. Богатство государства все еще будет его богатством: Португалия сводилась к Лиссабону, Нидерланды – к Амстердаму, первенство Англии – это первенство Лондона, столицы, которая после бескровной революции 1688 г. сделала Англию своим подобием. Органический порок экономики имперской Испании заключался в том, что она свелась не к [какому-то] могущественному городу, свободному, способному производить что ему угодно и самому обеспечивать подлинную экономическую политику, а к Севилье, пребывавшей под надзором, разлагаемой казнокрадами-«чиновниками» и давно уже находившейся под господством иностранных капиталистов. И точно так же, если Людовику XIV не удалось основать «королевский банк», несмотря на различные проекты (1703, 1706, 1709 гг.), то потому, что перед лицом монархической власти Па-

риж не представлял города-убежища, свободного в своих действиях и отвечающего сам за себя.

ПОДДАЮТСЯ ЛИ МОДЕЛИРОВАНИЮ ФОРМЫ ЗАПАДНОГО ГОРОДА?

Говоря об этом, представим себе историю городов Европы, включающую все их формы – от греческого города до города XVIII в., т. е. все, что [Западная] Европа смогла построить у себя и за своими пределами, в московской Восточной Европе и по другую сторону Атлантики. Существует тысяча способов классифицировать этот материал в соответствии с его политическими, экономическими или социальными характеристиками. Политический подход: выделять столицы, крепости, *административные* центры в полном смысле этого последнего слова. Подход экономический: выделять порты, центры караванной торговли, торговые города, промышленные города, финансовые центры. Социальный подход: составить перечень городов-рантье, церковных, княжеских резиденций, ремесленных центров... Это означает принять ряд хорошо знакомых категорий, подразделяемых на субкатегории, которые способны отразить всякого рода местные вариации. Классификация такого рода имеет свои преимущества не столько для изучения проблемы города, взятой в целом, сколько для изучения той или иной экономической системы, четко ограниченной во времени и в пространстве.

Напротив, некоторые различия, более общие и рассматриваемые в контексте прошлой эволюции, предоставляют нам возможность классификации, более полезной для наших целей. Говоря упрощенно, Запад в ходе своего исторического опыта знал три основных типа городов: города открытые, т. е. не отличавшиеся от своей округи и даже смешивавшиеся с нею (А); города, замкнутые в себе, закрытые в самом точном значении этого слова, стены которых в гораздо большей степени определяли границы сущности, нежели владений (В); наконец, города, находившиеся под опекой, понимая под последней целую гамму известных форм подчинения государю и государству (С).

А в общем предшествовало В, В предшествовало С. Но этот порядок не имел ничего общего со строгой последовательностью. Речь шла скорее о направлениях, о масштабах, в которых развертывалась сложная судьба западных городов – городов, которые вовсе не развились все в одно время или одинаковым образом. Далее мы увидим, подводит ли эта «решетка» для классификации городов всего мира.

Тип первый: город античного образца, греческий или римский, открытый в сторону своих деревень и на равной ноге с ними⁸⁰. В своих стенах Афины принимали как полноправных граждан не только всадников-эвпатридов, но и дорогих сердцу Аристофана мелких крестьян-виноградарей. Как только над Пниксом* поднимался дым маяка, крестьянин по этому сигналу являлся в город и в народное собрание, где он будет заседать среди равных. В начале Пелопоннесской войны вся сельская Ат-

⁸⁰ Следующие два абзаца вдохновлены идеями Макса Вебера.

* Место народного собрания. – Прим. ред.

Вид моста Нотр-Дам в Париже, с его высокими домами, которые снесут только в 1787 г. На правом берегу близ Гревской площади — огромный и разнообразный торг: пшеница, дрова и сено. Гравюра XVIII в. Музей Карнавале, Париж. (Фото Бюлло.)

тика сама искала укрытия в великом городе и обосновывалась там, пока спартиаты уничтожали поля, оливковые рощи и дома. Когда спартиаты с приближением зимы уходили, мелкий деревенский люд отправлялся назад, к прежним местам обитания. Фактически греческая городская община представляла соединение какого-то города с его обширной сельской округой. Если это выглядело так, то потому, что города *едва только зародились* (для такого масштаба одно-два столетия – очень мало), едва выделились из деревенской туманности. Больше того, не было речи о выделении ремесленного производства, этого яблока раздора, которое узнают в будущем. Афины, правда, имели предместье горшечников, где жили их гончары, но у тех были лишь небольшие лавчонки. Пирей служил для Афин портом, где кишели метеки*, вольноотпущенники и рабы и где утвердились ремесла (не будем говорить о промышленности или о предындустррии). Этой деятельности противостояли предрассудки презиравшего ее земледельческого общества; и, следовательно, она оставалась занятием чужаков или рабов. А главное, процветание Афин длилось недостаточно долго, для того чтобы там на зрели и выдвинулись на передний план политические и социальные конфликты «на флорентийский манер». Можно лишь едва заметить некоторые симптомы. К тому же в деревнях были свои ремесленники, свои кузницы, куда зимой приятно было зайти погреться. Короче, индустрия была зачаточной, чуждой обществу и скромной. И точно так же, если пройтись по развалинам старых римских городов, то, выйдя из ворот, сразу же оказываешься в совершенно сельской местности: не было предместий, а это значит, не было промыслов, не было активного ремесла, хорошо организованного на собственной территории.

Тип закрытого города, замкнутой в себе крохотной и самодостаточной единицы, – это средневековый город. Пройти за его крепостные стены – это было то же, что пересечь государственную границу в сегодняшнем мире. По другую сторону преграды вы могли потешаться над соседом: он больше ничего не мог вам сделать. Крестьянин, который отрывался от земли и добирался до города, сразу же становился там другим человеком: он был свободен, т. е. отбрасывал известные ненавистные ограничения (ради того, чтобы признать другие, смысл которых он далеко не всегда угадывал заранее). Но это было неважно! Пусть его сеньер требует его выдачи: если город принял крестьянина, последний может посмеиваться над этим. В XVIII в. в Силезии, а в России вплоть до XIX в. еще можно было столкнуться с такого рода претензиями, вышедшими из употребления в иных местах.

Правда и то, что если города и легко открывали свои ворота, то еще недостаточно было в них войти, чтобы сразу же стать истинной частицей общины. Полноправные граждане были меньшинством, ревниво [оберегавшим свои права], маленьким городом в самом городе. В 1297 г. Венеция стала как бы цитаделью богачей благодаря «закрытию Большого Совета» (*la serrata*)**. Венецианские *нобили* сделались замкнутой кастой, и на века. И врата этой цитадели открывались перед кем-либо в редчайших случаях. Ниже *нобилей* категория простых *граждан* (*cittadini*)

* Лично свободные, но лишенные политических и некоторых экономических прав люди. – Прим. ред.

** В 1297 г. была проведена реформа (так называемое «закрытие Большого Совета»), устранившая от дела управления даже часть богатых купеческих фамилий. Венецианская республика превратилась в олигархическую республику. – Прим. ред.

была, несомненно, более доступна. Но Синьория очень рано создала два типа гражданства: *de intus* и *de intus et extra*; первое – «частичное», последнее – полноправное. Да еще требовалось 15 лет постоянного проживания в городе, чтобы иметь право добиваться первого, и 25 лет – для получения последнего. Из этого правила мало было исключений; оно было не только формальным, но и отражало определенные подозрения. Сенатский декрет 1386 г. даже запретил новым горожанам (в том числе и полноправным) непосредственно торговать в Венеции с немецкими купцами в «Немецком дворе» (*Fondego dei Tedeschi*) или вне его. Городской мелкий люд был не менее недоверчив и враждебен по отношению к новоприбывшим. По словам Марино Сануто, в июне 1520 г. престонародье ругалось с крестьянами, которые только что прибыли с материка, завербованные в качестве гребцов на галеры или солдат. Им кричали: «*Лодыри! Убирайтесь пахать!*» («*Poltroni! Ande arar!*»)»⁸¹.

Разумеется, Венеция – это крайний пример. К тому же сохранением своей конституции до 1797 г. она будет обязана своему аристократическому и отчаянно реакционному режиму и в меньшей степени завоеванию в начале XV в. *Terre Ferme* – материковых областей, которое распространило ее власть вплоть до Альп и до Брешии. Венеция будет последним *полисом* Запада. Но и в Марселе XVI в., чтобы получить скупое жаловавшееся гражданство, нужно было иметь «десять лет постоянного проживания, владеть недвижимым имуществом, жениться на городской девице». В противном случае вы оставались в общей массе неграждан города, «*manans*», деревенщины. Такое узкое понимание гражданства было правилом повсюду.

На всем протяжении этого обширного исторического опыта без конца замечаешь яблоко раздора: кому принадлежали промышленность, ремесла, их привилегии, прибыли от них? Фактически – городу, его властям, его купцам-предпринимателям. Они станут решать, следует ли лишить (или попытаться лишить) сельскую зону города права прясть, ткать, красить, или же наоборот, выгода заключается в том, чтобы его предоставить. Как показывает история любого города, взятого самого по себе, в этом движении туда и обратно все бывало возможно.

В городских стенах все, что касалось труда (не решаешься без оговорок сказать «промышленности»), регулировалось или должно было регулироваться так, чтобы ублажить ремесленные цехи, которые обладали монопольными правами, исключительными и нечетко разграниченными, правами, которые во время смехотворных конфликтов, легко возникавших из-за этой нечеткости, [люди] отстаивали с яростью и ожесточением. Городские власти не всегда сохраняли контроль над положением. Чуть раньше или чуть позже цехи с помощью денег закрепляли за собой преимущества – явные, общепризнанные, почетные и освященные деньгами и властью. В Париже «Шесть корпораций» (суконщики, бакалейщики, галантерейщики, меховщики, чулочники и золотых дел мастера) с 1625 г. были городской купеческой аристократией. Во Флоренции ее составили цех суконщиков (*Arte della Lana*) и цех красильщиков (*Arte di Calimala*), занимавшийся крашением привозимых с Севера суровых сукон.

⁸¹ Sanudo M. *Diarii*, XXVIII, 1890, col. 625.

Но ничто не показывает эти старинные реальности лучше, чем музеи германских городов. Например, в Ульме каждая корпорация имела своего рода картину, выполненную в виде триптиха: на боковых панно – сцены, характерные для ремесла, а в центре, как в драгоценном семейном альбоме, бесчисленные маленькие портреты, напоминающие о поколениях мастеров, которые на протяжении веков сменяли друг друга в этой корпорации.

И даже более выразительный пример: еще в XVIII в. город Лондон и подчиненные ему поселения, прилегавшие к его стенам, были владением мелочных, безнадежно устаревших, но могущественных цехов. В 1754 г. осведомленный экономист отмечал: если Вестминстер и предместья пребывают в состоянии непрерывного подъема, то причина этого очевидна. «Эти предместья свободны и предоставляют открытое поле деятельности любому предприимчивому гражданину, тогда как Лондон вскормил в своих стенах 92 такие компании с исключительными правами всякого рода, [корпорации], многочисленных членов которых ежегодно можно увидеть украшающими бестолковой пышностью шумное торжество лорд-мэра»⁸². Остановимся на этой прекрасной картине. И оставим в стороне, по другую сторону границ организации труда (вокруг Лондона или в иных местах) свободные ремесла, вне сферы влияния глав ремесленных цехов и их должностных лиц, одновременно служивших и стеснением и защитой.

Последняя категория: города, находящиеся под опекой центральной власти, первые города современного типа. В самом деле, с того момента, как государство прочно укрепилось, оно насильственным или ненасильственным путем заставило города повиноваться, делая это с инстинктивным упорством, – и так по всей Европе, куда бы мы ни обратили взор. Таким образом без лишних слов действовали Габсбурги и Святой престол, немецкие князья и Медичи или французские короли. И за исключением Нидерландов и Англии, города были приведены к покорности.

Взгляните на Флоренцию. Медичи подчиняли ее не торопясь: во времена Лоренцо Великолепного все делалось чуть ли не с изяществом. Но после 1532 г., с возвратом Медичи к власти, дело ускорилося. В XVII в. Флоренция уже только резиденция двора великого герцога: последний завладел всем – деньгами, правом распоряжаться, распределением почестей. Галерея, бывшая, в общем-то, потайным ходом, позволяла государю из дворца Питти на левом берегу Арно перейти через реку и явиться в Уффици. Эта изящная галерея, которая и сегодня существует на Понте-Веккьо, была той нитью паука, которая ему позволяла, находясь на краю сети, контролировать опутанный им город.

В Испании *коррехидоры*, как бы «интенданты» городов, подчинили «коммуны» воле короны. Конечно, последняя оставила мелкой местной знати отнюдь не малые прибыли и суетные почести местной администрации. Король созывал делегатов городских советников – *рехидоров* (на которых «работала» продажность должностей) всякий раз, как собирались кортесы, чопорные сборища, которые, правда, охотно представляли ко-

⁸² Nickolls J. *Remarque sur les avantages de la France...* Op. cit., p. 215.

ролю свои жалобы, но зато единодушно вотировали королевские налоги. Во Франции «добрые города» держались за привилегии своих муниципалитетов и свои многообразные фискальные льготы, но и они были покорны. Декларацией от 21 декабря 1647 г. королевское правительство повелело удвоить их ввозные пошлины... и присвоило добрую их половину. Париж, такой же послушный, часто заставляли помогать королевской казне; он стал и базой обширной финансовой операции с так называемыми рентами на Ратушу. Даже Людовик XIV не покидал столицу: по правде говоря, Версаль не был отделен от близлежащего огромного города, а королевская власть всегда имела обыкновение кружить вокруг могучего города (которого она также побаивалась). Она пребывала в Фонтенбло, в Сен-Жермене, в Сен-Клу; в Лувре она находилась на краю, а в Тюильри – почти что вне пределов самого Парижа. Не правда ли, управлять этими чересчур населенными городами было удобно издали, во всяком случае время от времени? Филипп II все время находился в Эскуриале, а Мадрид только начинался. Позже герцоги Баварские пребывали в Нимфенбурге, Фридрих II – в Потсдаме, императоры – рядом с Веной, в Шенбрунне. Впрочем, возвращаясь к Людовику XIV, заметим, что он тем не менее не забывал укреплять свою власть в самом Париже и поддерживать там свой престиж. Это в его правление были построены две главные королевские площади: Виктуар и Вандомская; при нем предприняли «величайшее строительство» Дома инвалидов. Благодаря ему Париж открылся в сторону близлежащей сельской местности по образцу городов барокко, когда проложили широкие подъездные дороги, по которым тянулись экипажи и на которых устраивались военные парады. И фактически еще важнее, с нашей точки зрения, было учреждение в 1667 г. должности лейтенанта полиции с широчайшими полномочиями. Второй обладатель этого звания, маркиз д'Аржансон, назначенный на этот высокий пост тридцать лет спустя, в 1697 г., создал, как объяснял Себастьян Мерсье, «механизм – не такой, какой действует ныне; но он первым изобрел главные пружины и передачи. Говорят даже, будто ныне этот механизм действует сам собой»⁸³.

⁸³ Mercier L.-S. *Tableau de Paris. Op. cit.*, VIII, p. 163.

ИНЫЕ ВАРИАНТЫ РАЗВИТИЯ

Но, разумеется, развитие городов происходило не само собой, оно не было *эндогенным* явлением, протекавшим в замкнутом сосуде. Оно всегда было выражением того или иного общества, которое накладывало на него ограничения и изнутри, и снаружи. В этом плане наша классификация, повторяю, слишком проста. С учетом этого, посмотрим, как она «работает» за пределами строго ограниченного региона Западной Европы?

а) *Города колониальной Америки*. Нам следовало бы сказать – Испанской Америки, ибо английские города оставались особым случаем: они должны были жить сами по себе, выйти из своей «глуши» (*wilderness*), чтобы соединиться с широким миром. Если можно так сказать, то были города средневековые. Судьба же городов Испанской Америки была проще и более

ограниченна. Это были гарнизоны, затерянные среди огромных враждебных пространств, выстроенные как римские военные лагеря внутри четырех земляных стен; связь между ними поддерживалась медленно двигавшимся транспортом – медленно, потому что проходил он по огромным незаселенным пространствам. Любопытно, что в эпоху, когда средневековый город привилегированных граждан восторжествовал практически во всей Европе, по всей испано-португальской Америке за пределами крупных городов, резиденций вице-королей, т. е. организмов административных и уже паразитических – Мехико, Лима, Сантьяго-де-Чили, Сан-Салвадор (Баия), – преобладал античный образец.

В такой вот Америке почти что не было по-настоящему торговых городов или же они находились в неравном положении. Скажем, Ресифи, город купцов, вырос рядом с аристократической Олиндой, городом крупных плантаторов, *senhores de engenhos*, и рабовладельцев. Если угодно, он был тем же, чем Пирей или Фалер для Афин Перикла. Буэнос-Айрес после своего второго, удачного, основания в 1580 г. тоже был торговым поселком, чем-то вроде Мегары или Эгины. Ему не повезло в том смысле, что вокруг города были только дикари, индейские *bravos*, и жители его жаловались на то, что в той самой Америке, где белые были заняты только использованием чужого труда, они вынуждены зарабатывать «свой хлеб в поте лица своего». Но со стороны Анд из Лимы приходили караваны мулов или приезжали большие деревянные повозки, и это было способом приобщиться к серебру [рудников] Потоси. Из Бразилии парусники доставляли сахар, а вскоре и золото; а благодаря контрабанде, которой занимались корабли, перевозившие черных невольников, город поддерживал связи с Португалией и Африкой. Но Буэнос-Айрес оставался исключением среди «варварства» нарождавшейся Аргентины.

Обычно американский город бывал невелик, без всех этих «благ» издалека. Он имел самоуправление, судьбой его никто не интересовался. Земельные собственники были хозяевами города, здесь находились их дома с закрепленными вдоль уличного фасада кольцами для привязывания лошадей. То были «почтенные люди» – *os homens bons* – бразильских городских палат или хозяева поместий (*haciendados*) испанских городских советов (*Cabildos*). Это было нечто вроде малых Спарт или малых Фив времен Эпаминонда. Так и хочется сказать, что в Америке история западных городов заново начиналась с нуля. Естественно, не было различия между ними и их округой и не было производств, которые надо было бы делить между ними. Там, где возникала промышленность, например в Мехико, она была делом рабов или полурабов. А средневековый город был бы немислим с крепостными ремесленниками.

б) Куда отнести русские города? На первый взгляд города, что сохранились или выросли заново в Московской Руси после ужасающей катастрофы татаро-монгольского нашествия, жили уже не по европейскому западному времени. Это были, однако, крупные города, как Москва или Новгород; но власть держала их в руках, порой с помощью жестоких мер. Еще в XVI в. пого-

Вид Старой площади
(*Plaza Vieja*), главного
рынка Гаваны.

«Топографический
альбом Америки»
«*Album topographique
de l'Amérique*»
XVIII в.

Национальная
библиотека, Кабинет
эстампов.

ворка утверждала: «Кто может противиться богу и Господину Великому Новгороду?» – но поговорка неверна. Этот город круто приводили к повиновению в 1427 г., затем в 1477 г., когда ему пришлось выдать 300 телег золота. Казни, ссылки, конфискации следовали непрерывной чередой. А главное – то были города, включенные в медленные потоки торговли на беспредельных, уже азиатских и все еще диких пространствах. В 1650 г., как и в прошлом, речные, санные перевозки, караваны телег – все это двигалось с чудовищной потерей времени. Зачастую бывало даже опасно приближаться к деревням и приходилось каждый вечер останавливаться под открытым небом, как на дорогах Балкан, расположив телеги в круг в полной готовности к обороне.

По всем этим причинам русские города не господствовали над своею огромной деревней; скорее она двигала ими, чем они навязывали свою волю исключительно сильному в биологическом отношении крестьянскому миру, пусть нищему, беспокойному и постоянно подвижному. Главный факт – это то, что «урожай с гектара в странах Восточной Европы с XVI по XIX в. остались в среднем неизменными», и притом на низком уровне⁸⁴. Не было значительного деревенского избыточного продукта; следовательно, не было и настоящих городов. Не было у городов Руси и тех второстепенных городов, которые бы их обслуживали и которые были одной из характерных черт Запада и его оживленных торговых потоков.

Так что имелись бесчисленные практически безземельные крепостные крестьяне, несостоятельные с точки зрения их господ или даже государства. Оставалось предоставить им возможность либо уйти в город, либо стать батраками в богатых крестьянских домах. В городе они становились нищими, крючниками, мелкими ремесленниками, иногда – разбогатевшими купцами и хозяевами мануфактур. Оставаясь на месте, они делали ремесленниками в собственных деревнях или искали необходимый добавочный источник средств к существованию в торговле вразнос и в извозе, этом [типично] крестьянском промыс-

⁸⁴ Slicher van Bath В. Н.
Yield Ratios, 810–1820.
Op. cit., p. 16.

⁸⁵ См. настоящую работу, т. III.

ле. Это неодолимое стремление уйти на заработки ничто не могло сдержать, тем более что все происходило зачастую с благословения барина, который видел свою выгоду в том, чтобы такие ремесленники и купцы, оставаясь в крепостном состоянии, по-прежнему несли свои повинности, каким бы ни было их продвижение по социальной лестнице⁸⁵.

Эти и другие картины рисуют судьбу, которая тем не менее напоминает то, что Запад мог познать в начале своей урбанизации, нечто сравнимое (и более выраженное) с «паузой» XI–XIII вв., некую интермедию, во время которой все выросло из деревни, из жизненных соков крестьянства. Мы могли бы сказать о промежуточном положении между А и С, когда не сложился средний этап эволюции. И государь сразу же оказался тут как тут наподобие людоеда из сказки.

в) *Императорские столицы Востока и Дальнего Востока.* Когда покидаешь Европу, направляясь на Восток, возникают те же проблемы и те же двусмысленности, только более глубокие.

В мире ислама города, аналогичные городам средневековой Европы, появлялись, на какое-то время становясь хозяевами своей судьбы, только тогда, когда рушились империи. Тогда-то наступали лучшие времена мусульманской цивилизации; но подобные передышки были краткими, и пользовались ими города, лежавшие на периферии, – такой была, несомненно, Кордова, или же такие настоящие городские республики XV в., как Сеута до португальской оккупации в 1415 г., или Оран до захвата испанцами в 1509 г. Но правилом был город государя, часто халифа, огромный город – либо Багдад, либо Каир.

Императорскими или в отдельных случаях королевскими столицами были и города далекой Азии – огромные, паразитические, роскошные и вялые: что Дели, что Виджаянагар, что Пекин или до него Нанкин (хотя последний как будто довольно отличался от них). Нас не удивит огромное влияние государей. Едва лишь кто-нибудь из них бывал свергнут своим городом, вернее – своим двором, как появлялся другой, и зависимость возобновлялась. Не удивит нас и то, что такие города были неспособны отобрать у деревень всю массу их ремесел: то были города одновременно и открытые и подчиненные. Кроме того, социальные структуры как в Индии, так и в Китае стесняли свободное развитие города. Если последний не добился независимости, то тому причиной не только палочные расправы мандаринов или жестокости государей по отношению к купцам или к простым горожанам: дело было и в том, что общество уже прошло предварительно определенную кристаллизацию.

В Индии кастовая система разделяла и дробила заранее любую городскую общину. В Китае культ предков рода (*gentes*) противостоял смеси представлений, аналогичной той, которая породила город Запада. Последний был настоящей машиной для ломки старых связей, для уравнивания индивидов; прибытие иммигрантов создавало в нем, если угодно, среду «американского образца», где тон задавали люди с положением, определявшие образ жизни (*way of life*). А с другой стороны, никакая независимая власть не представляла китайский город как целое перед лицом государства или очевидной мощи деревень. Эти последние

Стамбул в XVI в. Вид на залив Золотой Рог (фрагмент).
Национальная библиотека,
Кабинет эстампов.

были «полюсом» живого, активного и мыслящего Китая. Город, резиденция чиновников и больших господ, не был средоточием ни ремесла, ни купечества; в нем не могла расти свободно никакая буржуазия. Как только такая буржуазия появлялась, она уже думала о том, как бы переметнуться, очарованная великолепием жизни мандаринов. Города зажили бы своей жизнью, наметили бы ее, если бы индивид и капитализм имели там свободу деятельности. Но государство-опекун почти не допускало этого. Вольно или невольно, оно на какие-то периоды ослабляло свое внимание. В конце XVI в. появилась буржуазия и вспыхнула деловая лихорадка, влияние которых можно угадать в создании крупных железодельных заводов около Пекина, в

⁸⁶ Gernet J. *Le Monde chinois. Op. cit.*, p. 371.

фарфоровых мастерских Цзиньжоу и в еще большей мере – в подъеме шелкового производства в Сучжоу, столице провинции Цзянсу⁸⁶. Но то была лишь кратковременная вспышка. С маньчжурским завоеванием в XVII в. китайский кризис разрешится не в пользу городских свобод.

И только Запад явственно склонился в сторону городского развития. Его города толкали его вперед. Повторяю: это было огромной важности событие, но оно пока еще плохо объяснено с точки зрения его глубинных причин. Можно себя спросить, что стало бы с китайскими городами, если бы в начале XV в. китайские джонки открыли мыс Доброй Надежды и в полной мере использовали бы этот шанс завоевать мир.

КРУПНЫЕ ГОРОДА

Долгое время большие города существовали только на Востоке и на Дальнем Востоке. Об этом свидетельствует восхищение Марко Поло: Восток был тогда зоной [больших] империй и огромных городов. В XVI в. и еще больше – в последующие два столетия на Западе вырастают крупные города; они захватывают первые роли и с этого времени с блеском будут их удерживать. Таким образом Европа нагнала отставание и устранила [свою] неполноценность (если таковая была). Во всяком случае, тогда она уже приобщилась к роскоши, к новым радостям и к горечи крупных, и уже слишком крупных, городов.

НА ЧЬЕЙ ЭТО СОВЕСТИ? ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ГОСУДАРСТВ

Такой запоздалый подъем был бы немислим без постоянно прогресса государства. Государства присоединились к галопирующему ритму городов. В привилегированном положении, заслуживали они того или нет, оказались с тех пор их столицы. И отныне они соперничали друг с другом в обновлении: где появятся первые тротуары, первые уличные фонари, первые паровые насосы, первые целостные системы подвода и распределения питьевой воды, первая нумерация домов? Все эти вещи Лондон и Париж узнали примерно накануне Революции.

И неизбежно город, который не воспользовался таким шансом, оказывался на обочине. Чем более нетронутой оставалась старая скорлупа, тем больше было вероятности, что город этот запустеет. Еще в XVI в. демографический подъем работал на пользу всех городов без различия, какими бы ни были их размеры, великими или малыми. А в XVII в. шансы на политический успех закрепляются за несколькими городами, а остальные исключаются. Такие немногие города росли не переставая, притягивая к себе людей, приобретая привилегии, несмотря на безотрадную конъюнктуру.

Во главе движения стояли Лондон и Париж, но также и Неаполь, издавна бывший привилегированным городом и к концу

XVI в. уже насчитывавший 300 тыс. жителей. Население Парижа, которое французские неурядицы сократили, вероятно, до 180 тыс. в 1594 г., видимо, удвоилось во времена Ришелье. А за этими большими городами тянулись другие: Мадрид, Амстердам, затем Вена, Мюнхен, Копенгаген и в еще большей мере – Санкт-Петербург. Только Америка с опозданием присоединилась к этому движению, но общее ее население было еще очень невелико. Бурный расцвет Потоси (100 тыс. жителей к 1600 г.) был преходящим успехом горнопромышленного поселка. Сколь бы ярки ни были Мехико, Лима или Рио-де-Жанейро, они запаздывали в отношении концентрации значительных масс людей. Около 1800 г. в Рио было самое большее 100 тыс. жителей. Что же касается трудолюбивых и независимых городов Соединенных Штатов, то им было далеко до таких «королевских» успехов.

Этот рост крупных городских поселений, совпадавший с появлением первых современных государств, в определенном смысле объясняет древний феномен великих городов Востока и Дальнего Востока: они соответствовали не плотности населения, которая должна была бы быть выше, чем в Европе (известно, что истина состоит как раз в обратном), но масштабам могущественных политических объединений. С XVI в. в Стамбуле, несомненно, было до 700 тыс. жителей, но за огромным городом стояла огромная Османская империя. Позади Пекина, где в 1793 г. насчитывалось, вероятно, 3 млн. жителей, был целый Китай. За Дели – почти что целая Индия.

Пример Индии показывает, насколько такие официального характера города были связаны с государем, вплоть до абсурда. Политические затруднения и даже капризы правителя по нескольку раз переселяли, «пересаживали» столицы. За несколькими исключениями, лишь подтверждающими правило – Бенарес, Аллахабад, Дели, Мадур, Тричинополи, Мултан, Гандхар, – они на протяжении столетий кочевали на довольно большие расстояния. Даже Дели дважды или трижды перемещался – на малое расстояние, в самом районе своего расположения, но все же перемещался в некое подобии танца на месте. Столица Бенгала была в 1592 г. в Раджинахале, в 1608 г. – в Дакке, а в 1704 г. – в Муршидабаде. И в такой же мере город хирел, приходил в упадок, а в иных случаях и умирал, как только его государь оставлял его. В случае же удачи он расцветал снова. В 1664 г. в Лахоре дома были «намного выше домов Дели и Агры, но в отсутствие двора, каковой не совершал поездок сюда более двадцати лет, большая их часть обратилась в развалины. Осталось лишь пять или шесть значительных улиц, из коих две или три имели в длину более большого лье и где тоже можно было увидеть множество обрушившихся построек»⁸⁷.

К тому же можно безошибочно утверждать, что Дели был городом Великого Могола куда больше, чем Париж – городом Людовика XIV. Как бы ни бывали порой богаты там банкиры и хозяева лавок на главной улице Чандни Чоук, они ничего не значили в сравнении с государем, его двором, его войском. Когда в 1663 г. Аурангзеб предпринял поездку, направляясь в Кашмир, за ним последовал весь город, ибо он не сумел бы прожить без

⁸⁷ Abbé Prévost.
Voyages... Op. cit., X,
p. 104.

⁸⁸ Abbé Prévost. *Op. cit.*, p. 103.

⁸⁹ Vivero R. *Du Japon et du bon gouvernement de l'Espagne et des Indes*. P.p. Juliette Monbeig, 1972, p. 66-67.

⁹⁰ Yasaki. *Social Change and the City in Japan*. 1968, p. 133, 134, 137-139.

⁹¹ Sieffert R. *La Littérature japonaise*. 1961, p. 110 sq.

⁹² Vivero R. *Op. cit.*, p. 58, 181.

императорских милостей и щедрот. Образовалось неправдоподобно огромное сборище, которое французский врач, принимавший участие в экспедиции, оценит в 300 или 400 тыс. человек⁸⁸. Можно ли вообразить себе Париж, следующий за Людовиком XIV во время его похода в Голландию в 1672 г. или за Людовиком XV в 1744 г., во время его поездки в Мец?

Что более напоминает всплеск европейских городов, так это современный ему расцвет городов Японии. Когда в 1609 г. Родриго Виверо проезжал по архипелагу и восхищался им, самым большим городом был уже не Киото, древняя столица, где угасало величие микадо⁸⁹. Его примерно 400 тыс. жителей ставили город на второе место после Эдо (500 тыс. жителей да плюс огромный гарнизон, который с учетом семей воинов более чем удваивал численность населения, т. е. она в целом превышала миллион). Третье место досталось Осаке с 300 тыс. жителей. Однако Осака, центр японского купечества, находилась накануне большого роста: 400 тыс. жителей в 1749 г., 500 тыс. – в 1783 г.⁹⁰ XVII век будет в Японии веком Осаки, веком «буржуазным», если угодно, на флорентийский лад, с определенным упрощением жизни патрициата и расцветом реалистической литературы, некоторыми своими сторонами народной, написанной на национальном языке, а не на китайском (языке ученых людей), литературой, которая охотно черпала вдохновение в скандальной хронике Цветочного квартала⁹¹.

Но вскоре первенство перейдет к Йеддо – столице сёгуна, авторитарному городу с его административными учреждениями, наплывом богатых земельных собственников – *даймё*, обзаванных жить там половину года в некотором роде под надзором. Они регулярно приезжали в город или возвращались из него, сопровождаемые пышным кортежем. Со времени сёгунской перестройки управления в начале XVII в. даймё построили свои дома в отдельном квартале, изолированном от прочего населения и предназначенном для знатных, «единственных, кто водружает свои раскрашенные и вызолоченные гербы над своими воротами». Некоторые из таких «гербовых» ворот стояли, по словам нашего очевидца-испанца (1609 г.), больше 20 тыс. дукатов⁹². С того времени Токио (Йеддо) будет неизменно расти. В XVIII в. он равнялся, быть может, двум Парижам, но в ту эпоху Япония имела более многочисленное население, чем Франция, и, вне всякого сомнения, такое же авторитарное правительство, одержимое идеей централизации, как и правительство в Версале.

ЧЕМУ СЛУЖИЛИ СТОЛИЧНЫЕ ГОРОДА?

По законам простой и убедительной политической арифметики оказывается, что чем государство обширнее и централизованнее, тем больше шансов у его столицы быть многонаселенной. Это правило действительно для императорского Китая так же, как и для Англии при Ганноверской династии или для Пари-

жа Людовика XVI и Себастьяна Мерсье. И даже для Амстердама, подлинной столицы Соединенных Провинций.

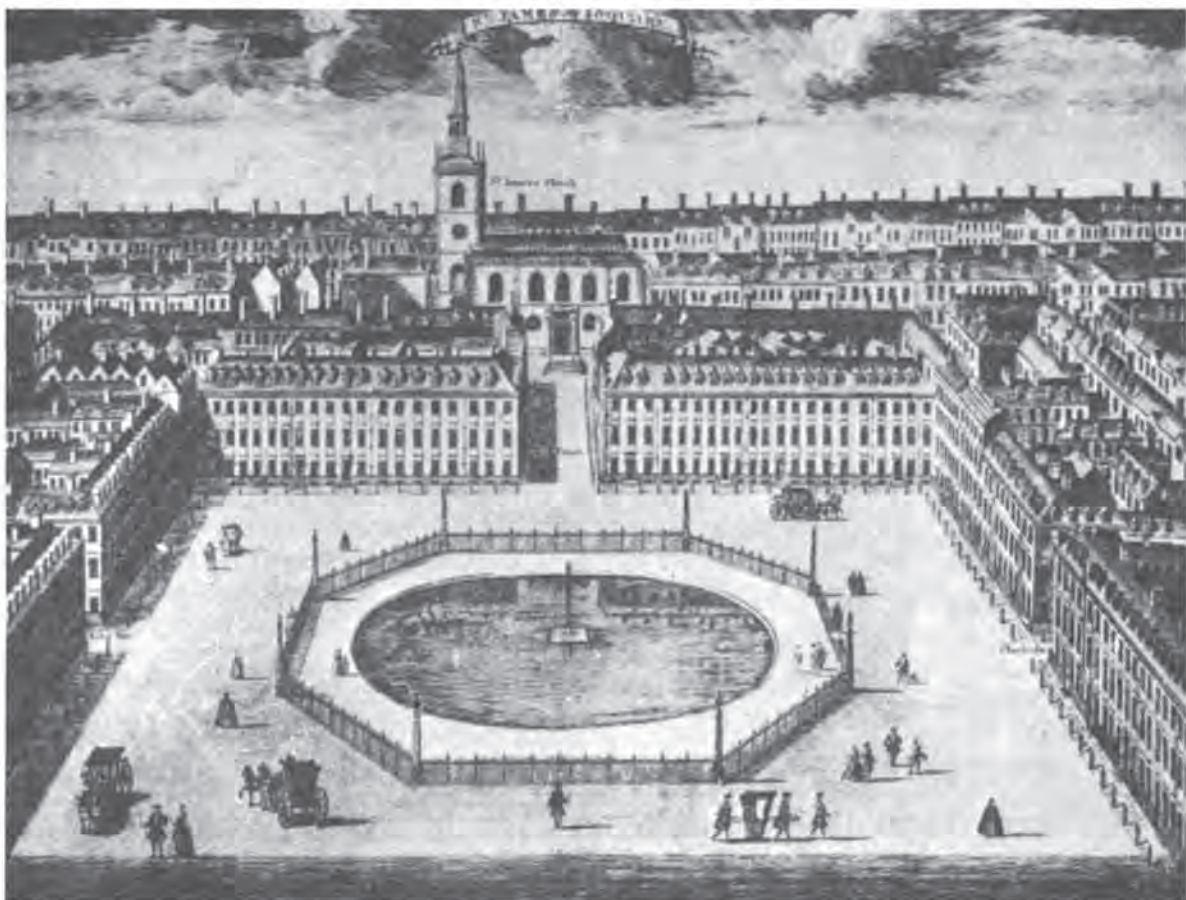
Такие города означали огромные затраты; их экономика удерживалась в равновесии лишь за счет внешних связей, за их роскошь должны были платить другие. Тогда чему же служили такие столицы на Западе, где они так быстро возникли и столь настойчиво навязывали свое первенство? Они создавали современные государства – то была огромная задача и огромная работа. Эти столицы знаменовали поворот в мировой истории. Они создавали тот национальный рынок, без которого современное государство было бы чистой фикцией. Ибо, по правде говоря, британский рынок родился не только по причине политической унии Шотландии с Англией в 1707 г. или акта об унии Ирландии с Британией (*Union Act*) 1801 г., и не вследствие самой по себе благодетельной отмены такого множества внутренних дорожных пошлин, и не от оживления перевозок, «безумия каналов» и само собой разумеющейся свободы торговли на морях, окружающих острова. Он сложился в куда большей мере из притока и оттока товаров в Лондон, бывший как бы огромным сердцем, все подчинявшим своему биению, все возмущавшим и все успокаивавшим. Прибавьте к этому культурную, интеллектуальную и даже революционную роль этой «теплицы»: она была огромна. Но за нее же приходилось платить, и платить очень дорогую цену.

МИРЫ, УТРАТИВШИЕ РАВНОВЕСИЕ

За все приходится расплачиваться – внутри города и вне его, а лучше сказать – там и тут сразу. Скажем, Амстердам – восхитительный город. Он быстро рос: 30 тыс. жителей в 1530 г., 115 тыс. – в 1630 г., 200 тыс. – в конце XVIII в. Город больше будет стремиться к благосостоянию, нежели к роскоши; он умно осуществил расширение своих кварталов, а его четыре полуциркульных канала с 1482 по 1658 г. были материальным выражением широкого роста города наподобие концентрических колец древесного ствола. Хорошо проветриваемый, светлый, со своей зеленью, набережными, водными просторами, он сохранил свой оригинальный облик. И совершена была только одна, впрочем показательная, ошибка: на юго-западе кварталы района Йордан были отданы не слишком щепетильным компаниям дельцов. Фундаменты [здесь] делались плохо, каналы отрывались узкими, и весь район оказался ниже [общего] уровня города. И разумеется, именно здесь обитал «пролетариат», перемешанный с марранами – еврейскими иммигрантами из Португалии и Испании, гугенотами-беженцами из Франции, нищими самого разного происхождения⁹³.

В Лондоне, крупнейшем городе Европы (860 тыс. жителей в конце XVIII в.), тот, кто пожелал бы проделать путешествие в глубь веков, рискует разочароваться. Город не воспользовался в полной мере, если можно так выразиться, опустошениями от пожара 1666 г., чтобы перестроиться рациональным образом,

⁹³ Mumford L. *La Cité à travers l'histoire. Op. cit.*, p. 554–557.

Площадь
Сент-Джеймс-сквер
в Лондоне (XVIII в.)
Английская гравюра.
(Фото Роже-Виолле.)

невзирая на предлагавшиеся проекты, в частности прекрасный проект Рена. Он восстанавливался беспорядочно и «похорошел» лишь к концу XVII в., когда в западной его части были разбиты большие площади: Голден-сквер, Гровнор-сквер, Беркли-сквер, Ред-Лайон-сквер и Кенсингтон-сквер⁹⁴.

Вполне очевидно, что торговля была одной из движущих сил огромной агломерации. Но В. Зомбарт показал, что в 1700 г. доходами от торговли могло жить самое большее 100 тыс. человек. И все вместе взятые они бы не набрали по статье доходов 700 тыс. фунтов – суммы гражданского листа, предоставленного королю Вильгельму III. На самом-то деле Лондон жил главным образом за счет короны, высших, средних и низших чиновников, которых она содержала, причем высшие чиновники получали княжеские оклады в 1000, 1500 и даже 2 тыс. фунтов. Город жил также за счет аристократии и *джентри*, которые в нем обосновались, за счет тех членов палаты общин, которые с правления королевы Анны (1702–1714 гг.) завели обыкновение пребывать в Лондоне вместе с женами и детьми, за счет с годами все более и более многочисленных получателей государственной ренты. Праздный «третий» сектор расширялся, пользовался своими рентами, своим жалованьем, своими излишками и нарушал в пользу Лондона равновесие мощной экономиче-

⁹⁴ Lavedan P.
et Hugucney J. *Histoire
de l'Urbanisme. Op. cit.*,
p. 383.

⁹⁵ Sombart W. *Luxus und Kapitalismus*. *Op. cit.*, p. 37 sq.

⁹⁶ Mercier L.-S. *Tableau de Paris*, VIII, p. 192.

⁹⁷ Mirabeau (père). *L'Ami des Hommes ou Traité de la population*. 1756. 2-е partie, p. 154.

⁹⁸ Mercier L.-S. *Op. cit.*, I, p. 286.

⁹⁹ Lavoisier. *De la richesse territoriale du royaume de France*. Éd., 1966, p. 605–606

¹⁰⁰ Quesnay F. *Questions intéressantes sur la population, l'agriculture et le commerce...*—F. Quesnay et la physiocratie. *Op. cit.*, II, p. 664.

¹⁰¹ Metra A. *Il Mentore perfetto...* *Op. cit.*, V, p. 1, 2.

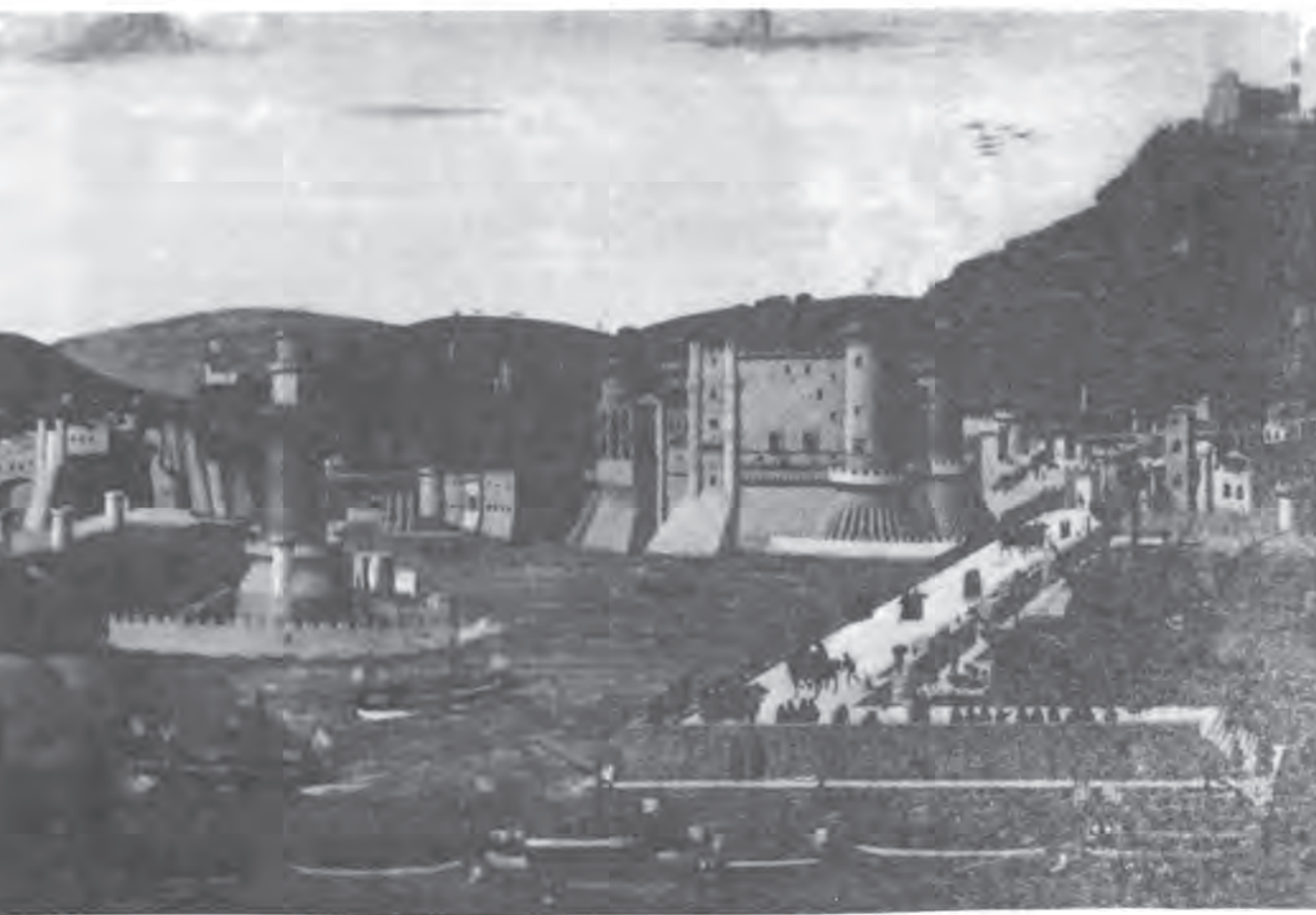
¹⁰² Sombart W. *Op. cit.*, p. 30.

ской жизни Англии, создавая внутри нее общность и бесполезные потребности⁹⁵.

В Париже наблюдалась та же картина. Процветавший город разрушил свои стены, приспособил улицы для движения экипажей, благоустроил свои площади — и собрал огромную массу праздных потребителей. С 1760 г. мы видим в городе бесконечные строительные площадки; издалека видны огромные колеса их подъемников, «поднимающие в воздух огромные камни», — возле церкви св. Женевьевы и в «приходе церкви Мадлен»⁹⁶. «Друг людей» Мирабо-отец хотел бы изгнать из города 200 тыс. человек, начиная с королевских чиновников и крупных собственников и кончая сутягами, которые, быть может, больше всего хотели бы возвратиться домой⁹⁷. Правда, эти богачи или такие расточители поневоле обеспечивали средства к жизни «множеству купцов, ремесленников, слуг, чернорабочих» и стольким же священнослужителям и «носящим тонзуру клирикам»! «В иных домах, — рассказывает Себастьян Мерсье, — встречаешь аббата, которого именуют другом дома, но который всего лишь честный прислужник ... Затем идут воспитатели, которые тоже аббаты»⁹⁸. Не считая епископов, сбежавших из своих епархий. Лавуазье составил баланс финансовых операций в городе: по статье расходов — 250 млн. ливров на людей и 10 млн. на лошадей; а в активе — 20 млн. торговых прибылей, 140 млн. государственных рент и казенных жалований, 100 млн. ливров земельной ренты или доходов с предприятий вне Парижа⁹⁹.

Ничто из этих реальностей не ускользнуло от внимания наблюдателей и экономистов-теоретиков. «Богатства городов притягивают [к себе] удовольствия», — говорит Кантийон; Кенэ заметил: «Большие господа и богачи перебрались в столицу»¹⁰⁰, а Себастьян Мерсье рисует бесконечную картину «непроизводительных» жителей огромного города. Итальянский текст 1797 г. гласит: «Нет, Париж не настоящий торговый город, он слишком занят собственным снабжением, ценят в нем только книги, произведения искусства или моды, огромные количества денег, которые там обращаются, и не знающую себе равных [по размаху], если исключить Амстердам, игру на вексельных операциях. Вся промышленность там обращена исключительно на предметы роскоши: ковры мануфактуры Гобелен или мануфактуры Ла-Савоннери, богатые покрывала с улицы Сен-Виктор, шляпы, вывозившиеся в Испанию, Ост- и Вест-Индию, шелковые простыни, тафта, позументы и ленты, церковные одеяния, зеркала (большие куски зеркального стекла доставляют из Сен-Гобена), золотые изделия, печатную продукцию»¹⁰¹.

Та же картина наблюдалась в Мадриде, в Берлине или же в Неаполе, Берлине в 1783 г. насчитывал 141 283 жителя, в том числе гарнизон в 33 088 человек (вместе с семьями) и 13 тыс. служащих бюрократического аппарата (чиновники и их семьи) плюс 10 074 слуги, т.е., если прибавить двор Фридриха II, 56 тыс. государственных «служащих»¹⁰². В общем, случай патологический. А что касается Неаполя, то на нем стоит остановиться.

Неаполь в XV в. — уже значительный город. Слева — замок Каstellъ дель Ово на островке, большая крепость Каstellъ Нуово, построенная анжуйцами, и мол, который разделяет надвое порт, куда входит после освобождения Искья эскадра галер. На холме Вомеро — картезианский монастырь Сан-Мартино. (Фото Скала.)

НЕАПОЛЬ: ОТ ПАЛАЦЦО РЕАЛЕ ДО МЕРКАТО

Накануне Французской революции Неаполь, город одновременно грязный и прекрасный, нищий и богатейший, но определенно живой и веселый, насчитывал 400, а то и 500 тыс. жителей. После Лондона, Парижа и Стамбула то был наравне с Мадридом четвертый город Европы. С 1695 г. он благодаря широкой пробивке новых артерий расширился в сторону Борго-ди-Кьяя. Последний, лежащий на втором неаполитанском заливе (первый — это Маринелла), использовал на благо одним лишь богачам данное в 1717 г. разрешение строить за пределами городских стен; это разрешение и затронуло почти исключительно богатых.

Что же до бедноты, то ее район начинался на просторном Ларго-дель-Каstellло, где происходили шутовские потасовки из-за бесплатных раздач продовольствия, и тянулся вплоть до *Меркато* (Рынка), бывшего владением бедняков и лежавшего перед равниной Палуди, которая начинается за городскими укреплениями. Бедняки были там до того скученны, что их жизнь вылезала, выплескивалась на улицу: как и сегодня, там сушилось белье на веревках, протянутых через улицу от окна к

окну. «Большая часть нищих не имеет крова, на ночь они находят приют в каких-нибудь пещерах или конюшнях, в разрушенных домах или в ночлежках, которые, пожалуй, не лучше и хозяева которых, предоставляя в виде всей обстановки фонарь и немного соломы, за один *грано* [мелкая неаполитанская монета] или за чуть большую сумму впускают их на ночь ... Их видишь там, — продолжает князь Стронголи (1783 г.), — спящими вповалку, подобно грязным животным, без различия возраста и пола. Можно себе представить все мерзости, какие из сего воспоследуют, и прекрасных отпрысков, зачатых там»¹⁰³. Эти бедняки, эта предельная нищета в лохмотьях, составляли к концу XVIII столетия самое малое 100 тыс. человек. «Они буквально кишат там, не имея семей, с государством их не связывает ничто, кроме виселицы, а живут они так беспорядочно, что один только бог мог бы в них разобраться»¹⁰⁴. Во время долгого голода 1763–1764 гг. люди умирали прямо на улицах.

Беда заключалась в их слишком большой численности. Неаполь притягивал бедняков, но прокормить их всех не мог. Они здесь перебивались, да и то с трудом! Рядом с ними кое-как прозябали и полуголодные ремесленники, малочисленная мелкая буржуазия. Великий Джамбаттиста Вико (1668–1744 гг.), один из последних всеохватывающих умов Запада, способный рассу-

¹⁰³ Prince de Strongoli. *Ragionamenti economici, politici e militari*. 1783, I, p. 51. — Pane L. dal. *Storia del lavoro in Italia*. *Op. cit.*, p. 192–193.

¹⁰⁴ *Ibid.*

ждать *de omni re scibili* (обо всех познаваемых вещах), получал, как профессор Неаполитанского университета, 100 дукатов в год и мог жить, только давая многочисленные частные уроки, осужденный «ходить вверх и вниз по чужим лестницам»¹⁰⁵.

А над этой массой всего лишенных людей вообразим себе «суперобщество» придворных, крупных земельных собственников, прелатов, чиновников-казнокрадов, судей, адвокатов, сутяг ... В квартале юристов находилась одна из самых гнусных точек города – Капель Капуаро, где заседала *Vicaria*, своего рода парламент Неаполя, где правосудие продавалось и покупалось и «где карману и кошельку угрожали [бесчисленные] жулики». Как же получается, спрашивал себя чересчур благоразумный француз, что вся социальная постройка еще держится, притом что она «обременена чрезмерным населением, многочисленными нищими, несусветным количеством прислуги, значительным черным и белым духовенством, воинством в 20 тыс. человек, [целым] народом знати и армией в 30 тыс. судейских»?¹⁰⁶

А ведь система держалась, как держалась она всегда, как держалась в других странах, и с небольшими затратами. Прежде всего, не все эти избранные имели такие уж доходные теплые местечки. Было бы немного денег – и ты оказывался в числе знати. «Мясник, чьими услугами мы пользуемся, с тех пор как он сделался герцогом (читай: купил себе аристократический титул), торгует только руками своих приказчиков»¹⁰⁷. Но вы не обязаны лишней раз верить на слово президенту де Броссу. Главным было то, что благодаря государственной власти, благодаря церкви, благодаря знати и купечеству этот город притягивал к себе весь избыточный продукт Неаполитанского королевства, располагавшего множеством крестьян, пастухов, моряков, горняков, ремесленников и погонщиков, работавших не покладая рук. Город всегда кормился за счет такого внешнего по отношению к нему труда со времен Фридриха II, Анжуйской династии, испанцев. Церковь, против которой историк Джанноне написал в 1723 г. свой объемистый памфлет «Гражданская история королевства Неаполитанского» («*Istoria civile del Regno di Napoli*»), владела самое малое двумя третями земель королевства, аристократия – двумя девятыми. Вот что восстанавливало баланс Неаполя. Правда, «деревенскому люду более низкого состояния» («*gente piu bassa di campagna*») оставалась всего одна девятая¹⁰⁸.

Когда в 1785 г. король Неаполитанский Фердинанд и его супруга Мария-Каролина нанесли визит великому герцогу Тосканскому Леопольду (в Тоскану эпохи Просвещения), несчастный неаполитанский король, бывший более *ладзароне*, бездельником, нежели просвещенным государем, раздражался из-за уроков, которые ему преподносили, и реформ, которые ему расхваливали. В один прекрасный день он заявил своему шурина великому герцогу Леопольду: «Право же, не могу понять, зачем нужна тебе вся твоя наука: ты без конца читаешь, твой народ поступает, как ты, и, однако, твои города, твоя столица, твой двор – все здесь выглядит печальным и мрачным. А я ничего не знаю, и все-таки мой народ – самый веселый из всех народов»¹⁰⁹. Но Неаполь, старинная столица – то было ко-

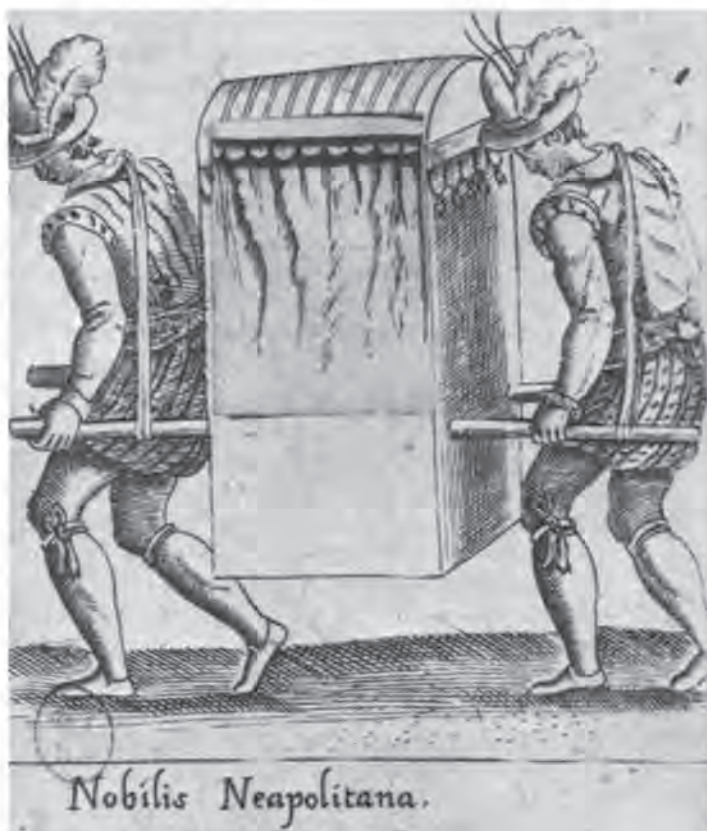
¹⁰⁵ Bouvier R. et Laffargue A. *La Vie napolitaine au XVIIIe siècle*. 1956, p. 84–85.

¹⁰⁶ *Ibid.*, p. 273.

¹⁰⁷ Brosset C. *Lettres historiques et critiques sur l'Italie*. An VII, II, p. 145.

¹⁰⁸ Bouvier R. et Laffargue A. *Op. cit.*, p. 273.

¹⁰⁹ *Ibid.*, p. 237.

«*Nobilis Neapolitana*» – знатная неаполитанка не видна за занавесками своего портшеза (1594 г.). (Фото Национальной библиотеки.)

ролевство Неаполитанское плюс Сицилия. По сравнению с ним Тоскана была пяточком, который мог бы поместиться в горсти.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ В 1790 г.

Санкт-Петербург, новый город, выросший по воле царя, прекраснейшим образом демонстрирует почти чудовищные структурные аномалии и неуравновешенность таких больших городов начала современной эпохи. У нас есть то преимущество, что мы располагаем для 1790 г. хорошим путеводителем по городу и его окрестностям, посвященным его автором, немцем Йоганном Готлибом Георги, царице Екатерине II¹¹⁰. Нам будет достаточно его перелистать.

Наверняка немного найдется менее благоприятных и более невыгодных для застройки мест, чем то, где Петр Великий 16 мая 1703 г. заложил первый камень будущей знаменитой Петропавловской крепости. Потребовалась его несгибаемая воля, чтобы возник город на этих островах, на болотистых землях, окаймлявших берега Невы и четырех ее рукавов – Большой и Малой Невы, Большой и Малой Невки. Берег немного вышлся лишь к востоку, в направлении Литейного двора и Александр-Невской лавры, а на западе он настолько низок, что на-

¹¹⁰ Georgi J. G. *Versuch einer Beschreibung der... Residenzstadt, St. Petersburg.* Op. cit.; эта книга была использована для написания последующих абзацев.

воднения были неизбежны. Тревожный уровень воды в реке влек за собой ряд [ставших] обычными сигналов: пушечные выстрелы, белые флаги днем и зажженные фонари на башне Адмиралтейства ночью, непрерывный колокольный звон. Но опасность не побеждали, о ней [просто] сигнализировали. В 1715 г. город был целиком затоплен, в 1775 г. это повторится. Ежегодно он бывал под угрозой. И ему требовалось как бы приподняться над этой смертельной угрозой, которая существовала для него на уровне земли. Естественно, едва только углублялись в землю на 2 фута, редко когда на 7, как выступала вода, и иметь подвалы под домами было невозможно. Повсеместно необходимы были каменные фундаменты, невзирая на их стоимость, даже для деревянных сооружений, принимая во внимание то, насколько быстро гнивали брусья в сыром грунте. Потребовалось также вырыть каналы по всему городу, укрепить их края фашинами, замостить береговые откосы гранитными блоками; таковы были Мойка и Фонтанка, которые использовались для движения судов, доставлявших дрова и продовольствие.

Улицы и площади в свою очередь должны были быть подняты в зависимости от местности на 2–5 футов за счет фантастического объема земляных работ, кирпичной и каменной кладки, за счет сводов, поддерживавших вымощенную проезжую часть и в то же время дававших возможность воде с улиц стекать к Неве. Эта колоссальная работа систематически велась с 1770 г., начиная с «парадных районов» Адмиралтейской части вдоль Большой Невы, и вел ее генерал-лейтенант фон Бауэр по повелению Екатерины II и на средства императорского казначейства.

Таким образом, городское строительство было медленным и дорогостоящим. Пришлось заново спланировать сеть улиц и площадей, ввести в границы бурное строительство домов, перестроить в камне общественные здания и церкви, такие, как отдаленную Alexandro-Невскую лавру, перестроить и многие дома, хотя дерево и оставалось долгое время самым ходовым материалом. У него были такие драгоценные достоинства: сравнительная теплота внутри деревянного здания, отсутствие сырости, дешевизна, быстрота строительства из него! Стены делали не из тесаных брусьев, как в Стокгольме, а из бревен. Только фасад иногда обшивали досками: тогда можно было украсить его карнизами, покрасить поярче. И последнее преимущество таких деревянных домов: они легко перепланируются, их даже целиком перевозили из одной части города в другую. В более дорогих каменных домах первый этаж, часто облицованный гранитными плитами, служил погребом, а в крайности и скверным жильем. Предпочтение оказывали высоким покоем, так что такие дома имели обычно два, зачастую три, а иногда (изредка) четыре этажа.

Таким образом, Санкт-Петербург был весьма оживленной строительной площадкой. По Неве приходили баржи, груженные известью, камнем, мрамором (его добывали у Ладожского озера или около Выборга), гранитными блоками. Сосновые балки доставлялись сплавом, и оттого, как говорили, их качество ухудшалось. Самым же любопытным зрелищем на этих строительных площадках были рабочие – сплошь крестьяне из север-

План Санкт-Петербурга в 1790 г.
 А и В – Большая и Малая Нева; С и D – Большая и Малая Невка. В центре, на северном берегу Невы – Петропавловская крепость. На Западе – большой Васильевский остров, связанный с Адмиралтейством наплавным мостом. Продвижение города к югу отмечено тремя полукружными каналами.

ных губерний, каменщики или плотники. Последние (буквально сборщики плотов; по-немецки они наименованы *Flossbauer*) не имели почти никакого другого инструмента, кроме топора. Чернорабочие, плотники, каменщики – все они приходили наниматься в хорошее время года. Довольно бывало нескольких недель, чтобы на до того пустой площадке «появились фундаменты каменного дома, коего стены растут на глазах и усеяны работниками, меж тем как везде вокруг наподобие настоящей деревни разбросаны землянки, где сии работники живут».

Местоположение Санкт-Петербурга, разумеется, имело и свои достоинства, пусть даже одни только транспортные удобства и несравненную красоту реки, более широкой, чем Сена, более оживленной, чем даже сама Темза, и представляющей между Петропавловской крепостью, Васильевским островом и Адмиралтейской частью одну из самых прекрасных в мире градостроительных перспектив с видом на реку. Нева предоставляла свои лодки и баржи, она соединяла город с Кронштадтом, а

начиная с Васильевского острова, где располагались торговые кварталы, Биржа и таможня, невский плес превращался в очень оживленный порт у моря. Так что Санкт-Петербург был именно тем окном в Европу, которое Петр Великий пожелал открыть для неудержимо развивающейся жизни своего народа. Кроме того, Нева дает городу питьевую воду, которую считают безупречной.

С приходом зимы скованная льдом река превращалась в санный путь и место народных гуляний. На *масленой* на реке строились искусственные ледяные горы на каркасе из досок и брусьев, и с вершины этих горок по длинной открытой дорожке пускались легкие санки, на которых седок мчался с бешеной скоростью, «так что перехватывало дыхание». Аналогичные горки устраивались более или менее везде – в парках или во дворах домов, но те, что были на Неве, собирали под надзором полиции огромное скопление народа: весь город приходил полюбоваться зрелищем.

Через реку и разные ее рукава вели лишь наплавные мосты. Из них два – через Большую Неву. Самый важный мост, возле площади, где и сегодня рядом с Адмиралтейством высится грандиозная и живая статуя Петра Великого (созданная Фальконе или, лучше сказать, *по замыслу* Фальконе), вел на торговый Васильевский остров. Он состоял из 21 понтона, которые с обоих концов удерживались груженными и крепко заякоренными баржами. Подъемные пролеты между этими понтонами позволяли проходить судам. В начале каждой осени этот мост, как и все остальные, обыкновенно разводили; но с 1779 г. его оставляли на месте, и он вмерзал в лед. Когда же начинался ледоход, мост сам собой разрывался, и тогда дожидались чистой воды для его восстановления.

По замыслу своего основателя, город должен был развиваться к югу и к северу от реки, начиная от Петропавловской крепости. Но развитие шло асимметрично: замедленно на правом и довольно быстро на левом берегу Невы. На этом более удачливом берегу Адмиралтейская часть и Петровская [позднее – Сенатская площадь] образовали центр города (до Мойки, последнего протока в южном направлении, с одетыми в камень набережными). То была самая небольшая часть города, но и самая богатая и самая красивая, единственная, где, не говоря уж о постройках императорского двора, каменные дома были правилом (30 общественных зданий и 221 частный дом, нередко дворцового типа). Именно здесь находились знаменитые Малая и Большая Миллионная улицы, Невская набережная, начальная часть Невского проспекта, Адмиралтейство, Зимний дворец со своей огромной Дворцовой площадью, галереи Эрмитажа, Сенат, мраморный Исаакиевский собор, который так долго (1818–1858 гг.) сооружали на одноименной площади¹¹¹.

Сознательное, преднамеренное *зонирование* разделило богатых и бедных, отбросив на периферию города «неудобные» виды деятельности и промыслы, например извозный. У извозчиков был свой отдельный город за Лиговским каналом – нищий, со множеством пустырей, со скотопригонным рынком. К востоку от Адмиралтейства Литейный двор (деревянное здание,

¹¹¹ *Guide Baedeker Russie*, 1902, p. 88.

построенное в 1713 г. и перестроенное в камне в 1733 г.) соседствовал с Арсеналом, построенным в 1770–1778 гг. графом Орловым. В городе был и Монетный двор, были и свои мельницы на Неве ниже и выше города; городские ремесленники питались лучше, нежели ремесленники шведские и немецкие: они могли позволить себе кофе каждый день и водку перед обедом. В городе изготавливали великолепные ткани того же типа, что голландские, а в его окрестностях Шпалерная мануфактура, созданная по образцу мануфактуры Гобеленов, поставляла прекрасные ковры. Более всего споров вызовет сосредоточение розничных лавок в обширных Гостиных дворах, как в Москве. С 1713 г. один такой Гостиный двор существовал на «Петербургском острове», возле Петропавловской крепости, потом возник другой возле Адмиралтейства. В результате пожара, уничтожившего в 1736 г. первый рынок, он был перенесен и расположен в 1784 г. по обеим сторонам «большой Перспективы». Такая концентрация вынуждала петербуржцев к дальним поездкам. Но цель была достигнута: за парадными кварталами был сохранен их официальный и жилой характер.

Вполне очевидно, что это не устраняло определенного беспорядка: случалось, убогие лачуги соседствовали с дворцами, а огороды, на которые стекались ростовские мужики-огородники, – с парками, где по праздничным дням играла военная музыка. Да и могло ли быть иначе в быстрорастущем городе, располагавшем такими преимуществами, как высокие цены, большой спрос на рабочую силу, большие средства и желание правительства строить. В Санкт-Петербурге насчитывалось 74 273 жителя в 1750 г., 192 486 – в 1784 г., 217 948 жителей в 1789 г. В городе было в 1789 г. 55 621 человек матросов, солдат и кадет с их семьями, т. е. больше четверти его населения. Эта искусственная сторона характера агломерации проявлялась в огромной разнице между численностью мужского и женского населения: 148 520 мужчин на 69 428 женщин. Петербург был гарнизонным городом, городом служилого люда и молодежи. Если верить цифрам крещений и смертей, в городе, видимо, время от времени наблюдалось превышение числа рождений; но неполные данные рискуют ввести в заблуждение. Во всяком случае, преобладание смертей в возрасте от 20 до 25 лет показывает, что город притягивал немалое число молодых людей и что они нередко платили дань климату, лихорадке, туберкулезу.

Этот поток иммигрантов отличался разнообразием: чиновники или знать, жаждущие продвижения, младшие сыновья дворянских семей, офицеры, матросы, солдаты, инженеры, учителя, художники, петрушечники, повара, иностранцы-воспитатели, гувернантки, а всего более – крестьяне, которые целыми толпами приходили в город из окружающих его нищих местностей. Они прибывали как извозчики, как розничные торговцы продовольствием (и их даже обвиняли – какая грустная ирония! – в том, будто они несут ответственность за дороговизну на рынках). Зимой они появлялись как пильщики льда на Неве (это было работой финнов): выпиленные блоки служили для снабжения ледников, которые имелись на первом этаже всякого большого дома; или как уборщики снега и льда за полтинник в день, [но]

им никогда не удавалось целиком очистить пространство вокруг богатых домов. Или еще как кучера на санях, за копейку или за две доставлявшие клиента, куда он пожелает, через весь огромный город и стоявшие на перекрестках, сменяя размещавшихся тут летом извозчиков на пролетках. Что же касается финнок, то они легко устраивались горничными или кухарками и часто удачно выходили замуж.

«Сии жители ... столь разного роду и племени ... сохраняют свой особенный образ жизни» – и этому можно поверить. Православные церкви соседствовали с протестантскими храмами и с молитвенными домами *раскольников*. Наш очевидец (1765 г.) продолжает: «Не найти другого такого города в мире, где, так сказать, всякий житель говорил бы на стольких языках. Даже среди слуг самого низкого ранга нет таких, что не говорили бы по-русски, по-немецки и по-фински, а среди лиц, получивших какое-то образование, нередко встречаются такие, которые говорят на восьми или девяти языках ... Иной раз они из этих языков образуют довольно забавную смесь»¹¹².

¹¹² Savary J. *Dictionnaire*, V, col. 639.

Своеобразие Санкт-Петербурга заключалось именно в таком смешении. Дошло до того, что в 1790 г. Георги задавался вопросом: а не существует ли особый петербургский характер? Он признавал за петербуржцем вкус к новому, к переменам, к чинам, к благосостоянию, к роскоши и тратам. Переведем это на обычный язык: вкусы столичного жителя, сформировавшиеся во всех отношениях по образу и подобию вкусов двора. Последний задавал тон своими запросами, своими празднествами, бывшими в такой же степени торжествами всеобщими, с великолепной иллюминацией на здании Адмиралтейства, на официальных зданиях, на богатых домах.

Огромный город в середине бедной области без конца создавал проблемы со снабжением. Конечно, ничего не было проще, чем доставить в живорыбных садках на лодках живую рыбу с Ладожского или Онежского озера. Но быков и баранов пригоняли на бойни с Украины, из Астрахани, с Дона, с Волги, т. е. за 2 тыс. верст, и даже из Турции, со всеми вытекавшими отсюда последствиями. Хронический дефицит покрывался за счет императорской казны и огромных доходов барства. Все деньги империи стекались в княжеские дворцы и в богатые дома, где множилось число ковров, комодов, ценной мебели, позолоченной резьбы по дереву, потолков, расписанных в «классическом» стиле. Дома эти делились на множество отдельных комнат, как в Париже и в Лондоне, и количество прислуги в них возрастало с такую же невероятной быстротой, как и там.

Пожалуй, самым характерным зрелищем на улицах города и на ведущих к нему сельских дорогах было шумное движение телег и экипажей, необходимых в городе огромных размеров, с грязными улицами и с коротким световым днем с наступлением зимы. В этом отношении императорский указ строго фиксировал права каждого на пышность. Только генерал-аншефы или особы соответствующего ранга могли запрягать свою карету шестерней при двух фореиторах помимо кучера. Ступенька за ступенькой вниз – и мы доходим до лейтенанта или купца, имевших право на парную упряжку, и до ремесленника или торговца,

«Дрожки санкт-петербургского горожанина». Гравюра XVIII в. Национальная библиотека. (Коллекция Виоле.)

которые должны были удовлетворяться одной лошадью. Серия предписаний регламентировала также и ливреи слуг в зависимости от ранга их хозяина. Когда происходил императорский прием, прибывшие на место кареты делали небольшой дополнительный круг, что позволяло каждому себя показать и других посмотреть. И кто бы тогда осмелился иметь только наемный экипаж с лошадьми в бедной сбруе или кучера, одетого по-крестьянски? И закончим одной деталью: когда придворных приглашали в Петергофский дворец, расположенный, как и Версаль, за пределами города, к западу от него, в Санкт-Петербурге, как говорили, невозможно было найти ни единой лошади.

ПРЕДПОСЛЕДНЕЕ ПУТЕШЕСТВИЕ: ПЕКИН

Мы бы могли умножить число путешествий, приходя к неизменному заключению: всегда требовалось, чтобы блеск столиц ложился на плечи других. Ни одна из них не смогла бы жить собственным трудом. Упрямый крестьянин, папа Сикст V (1585–1590 гг.) плохо понимал Рим своего времени: он желал заставить его «работать», укоренить в городе промышленность – проект, который реальность отвергла без того, чтобы людям пришлось особенно прилагать к этому усилия¹¹³. Себестьен Мерсье вместе с некоторыми другими мечтал превратить Париж в морской порт, дабы ввести в нем неизвестные до

¹¹³ Delumeau J. *Vie économique et sociale de Rome...* Op. cit., p. 501 sq.

того вида деятельности. Разве возможно, чтобы Париж, наподобие Лондона, в то время крупнейшего порта мира, оставался бы городом-паразитом, живущим на чей-то счет!

Так обстояло дело со всеми столицами, со всеми городами, где сиял свет цивилизации и расцвели ее излишества, излишества вкуса и досуга,—с Мадридом и Лиссабоном, с Римом и Венецией, упорно старавшейся удержать свое бывшее величие, с Венной, которая в XVII—XVIII вв. поднялась на вершину европейского «изящного мира». А также с Мехико, Лимой, с Рио-де-Жанейро, новой столицей Бразилии с 1763 г., которая настолько расцветала от года к году, что ее не узнавали путешественники, и становилась по-человечески прекрасной в своем и без того роскошном природном обрамлении. То же и с Дели, где сохранялось великолепие Великих Моголов, и с Батавией, где ранний голландский колониализм взрастил свои прекраснейшие—но уже ядовитые—цветы.

Что может быть лучшим примером, чем Пекин, столица маньчжурских императоров, расположенная у самых ворот Севера, шесть месяцев в году испытывающая ужасающий сибирский холод—страшные ветры и снег с градом вперемежку! Огромное население (наверняка 2 млн., а возможно, и 3 млн. человек) кое-как приспособилось к суровому климату, который никто бы не смог выдержать без обилия «каменного угля, который горит и сохраняет тепло в пять или шесть раз дольше, нежели древесный»¹¹⁴, а также без меховой одежды, обязательной в зимнее время. В тронном зале императорского дворца отец де Магальянш, книга которого появится только в 1688 г., увидел собравшимися одновременно до 4 тыс. мандаринов, покрытых «с головы до ног куньими и собольими мехами невероятной дороговизны». Богачи буквально заворачивались в меха, делая меховые подкладки у сапог, обшивая седла и стулья, подбивая мехом палатки; те, кто не так богат, довольствовались мягкой, а бедняки—грубой овчиной¹¹⁵. С наступлением зимы все женщины «носят колпаки и шапки, едут ли они верхом или в паланкине; и они имеют основание так поступать,—признавал Джемелли Карери,—ибо холод был переносим, несмотря на мою подбитую мехом одежду». «Холод,—добавляет он,—был для меня слишком сильным, и я решил покинуть сей город [19 ноября 1697 г.]»¹¹⁶. Веком позже, в 1777 г., отец-иезуит записывал: «Зимой холод таков, что нельзя открыть окна на северную сторону, а лед больше трех месяцев сохраняет толщину в полтора фута»¹¹⁷. Большой императорский канал, который обеспечивал снабжение города, был скован льдом с ноября до марта.

В 1752 г. император Цяньлун организовал торжественный въезд в Пекин в честь шестидесятилетия своей матери. Все было подготовлено для поездки на пышно украшенных судах по рекам и каналам, но ранние холода испортили празднество. Тщетно тысячи слуг били по воде, чтобы помешать ей замерзнуть, или вытаскивали образовавшиеся куски льда: императору и его свите пришлось «сменить суда на сани»¹¹⁸.

Пекин развернул свои два правильно спланированных города, старый и новый, и свои многочисленные предместья (в прин-

¹¹⁴ Magaillans G. *Op. cit.*, p. 12.

¹¹⁵ *Ibid.*, p. 176–177.

¹¹⁶ Gemelli Careri G. F. *Op. cit.*, IV, p. 142, 459.

¹¹⁷ Missionnaires de Pèkin, *Mémoires concernant l'histoire, les sciences, les mœurs...* *Op. cit.*, III, 1778, p. 424.

¹¹⁸ Письмо отца Амю из Пекина от 20 октября 1752 г. в: *Lettres édifiantes et curieuses écrites des missions étrangères*, XXIII, 1811, p. 133–134.

萬壽盛典初集

卷四十一

三十四

Пекинская улица
в праздник,
в ожидании проезда
императора. Первая
четверть XVIII в.
Национальная
библиотека, Кабинет
эстампов.

ципе каждое из них лежало против определенных ворот; самое развитое предместье располагалось на западе, откуда подходила к городу большая часть императорских дорог) посреди обширной низкой равнины, открытой всем ветрам и, что еще хуже, подверженной бурным наводнениям рек окружавшей его сельской местности: Байхэ и ее притоков. В паводок реки могли про-

рвать дамбы, изменить течение, переместиться на расстояние [многих] километров.

Новый город (на юге) имел форму не слишком правильного прямоугольника и сливался со старым своей широкой северной стороной. Старый же представлял правильный квадрат со стороной меньшей, чем примыкающая к нему длинная сторона прямоугольника. Квадрат был образован старым минским городом с императорским дворцом в центре. В 1644 г. во время взятия города дворец сильно пострадал, многочисленные разрушения были долго заметны, хотя победители и исправляли их более или менее быстро. В частности, для того чтобы заменить отдельные громадные балки, приходилось обращаться к отдаленным рынкам юга – все это с задержками, которые легко себе вообразить, и не всегда успешно.

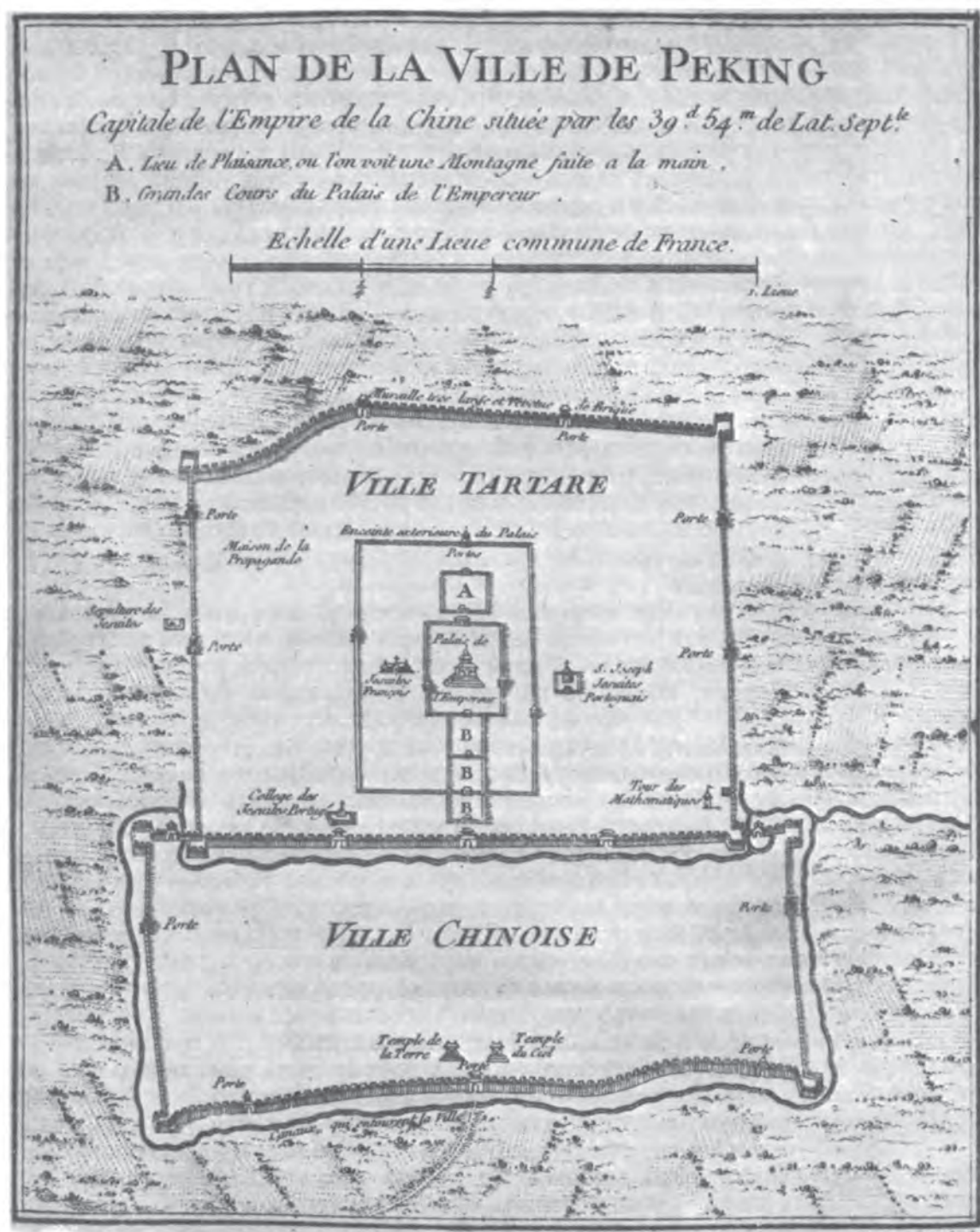
Уже в минскую эпоху старого города оказалось недостаточно, чтобы вместить все возрасставшее население столицы, так что прямоугольный город с южной стороны образовался задолго до завоевания 1644 г. «С 1524 г. он имел земляные стены, а с 1564 г. – стены и воротные башни из кирпича». Но после завоевания победители оставили за собой старый город; с того времени он станет «татарским» [маньчжурским] городом, а китайцы будут выброшены в южный город.

Отметим, что и старый и новый города, оба прямоугольной планировки, восходят к недавнему времени, что видно по необычной ширине улиц, в особенности идущих с юга на север; те, что тянутся с востока на запад, обычно более узки. Каждая улица имела свое название, «как, скажем, улица Королевских родственников, улица Белой башни, Железных львов, Сушеной рыбы, Водочная и таким же образом прочие. Продается книга, трактующая лишь о названиях улиц и их местоположении, коей пользуются слуги, сопровождающие мандаринов при их визитах и в их суды и разносящие их подарки, их письма и распоряжения в разные места города... Самая красивая из всех этих улиц [хоть она и проходит с востока на запад] – та, которую они называют *Чанганцзэй*, т. е. улица Вечного спокойствия ... ограниченная с северной стороны стеною дворца короля, а с южной – разнообразными присутственными местами и дворцами больших господ. Она столь просторна, что имеет в ширину более 30 туазов [почти 60 м], и столь знаменита, что ученые люди употребляют ее название в своих сочинениях для обозначения всего города, беря часть за целое. Ибо это то же самое: сказать, что некто пребывает на улице Вечного спокойствия или что он находится в *Пе-киме*»¹¹⁹.

На этих широких и хорошо проветриваемых улицах было полно людей. Отец де Магальянш объяснял: «В сем городе такое великое множество народа, что я не решаюсь сказать это и не знаю даже, как сделать, чтобы мне поверили. Все улицы старого и нового города забиты народом, как большие, так и малые, как расположенные в центре, так и те, что идут к окраинам. И повсюду скопление людей столь велико, что сравнить его можно лишь с ярмарками или с церковными процессиями в нашей Европе»¹²⁰. В 1735 г. отец Дювальд в свою очередь констатировал наличие этого «бесчисленного множества народа,

¹¹⁹ Magaillans G. *Op. cit.*, p. 176–177.

¹²⁰ *Ibid.*, p. 278.

Пекин в XVIII в.

Схематический план, который показывает расположение трех городов — старого, нового и императорского.

А — искусственный холм во дворце;

Б — парадные дворы

(из «Histoire générale des Voyages», t. V. P., 1748)

каковой заполняет эти улицы, и заторы, кои образуются из-за удивительного количества лошадей, мулов, ослов, верблюдов, тачек, повозок, паланкинов, не считая разные сборища в сотню или две сотни человек, что скапливаются то тут, то там, чтобы послушать гадальщиков, плутов, певцов и прочих, читающих или рассказывающих истории, способные насмешить и развеселить, или же разного рода шарлатанов, торгующих своими лекарственными снадобьями и расхваливающих их замечательный эффект. Человека, не принадлежащего к простонародью, могут остановить в любой момент, ежели перед ним не будет ехать всадник, разгоняющий толпу и требующий дать дорогу»¹²¹. В 1577 г. один испанец, чтобы дать представление о том, насколько забиты народом китайские улицы, не нашел ничего лучшего, чем заявить: «Ежели бы вы бросили пшеничное зерно, оно не смогло бы упасть на землю»¹²². Двумя столетиями позднее английский путешественник отмечал: «Повсюду, кругом видишь рабочих со своими инструментами, ищущих нанимателя, и торговцев вразнос, предлагающих свои товары»¹²³. Такая многолюдность улиц явно объяснялась большой численностью населения в 1793 г. Тогда Пекин далеко не достигал по площади Лондона, но был, видимо, вдвое или втрое более населен.

При этом дома еще были низкими, даже дома богачей. Если в них, как это часто бывало, оказывалось пять или шесть квартир, то последние будут размещены не одна над другой, как в Европе, но «одна за другой и разделены большими дворами»¹²⁴. Так что не следует воображать себе на великолепной *Чанганцзяй* следующие друг за другом многоэтажные фасады, дерзко смотрящие в сторону императорского дворца. Прежде всего, было бы неприлично демонстрировать этакую роскошь перед домом императора, а затем любой из таких частных дворцов по обыкновению выходил на улицу одними только воротами; ворота обрамлялись двумя довольно низкими строениями, которые занимали слуги, лавочники или работники. Так что улицы были окаймлены лавчонками и лавками с вывесками на высоких столбах, часто украшенных матерчатыми флажками. Высокие дома больших господ располагались внутри усадеб, улица же оставалась чисто торгово-ремесленной. Как заметил отец де Магальянц, «такой обычай удобен для публики. Ибо в наших [европейских] городах добрая часть улиц обрамлена домами важных особ; а посему, дабы снабдить себя всем необходимым, надобно ходить далеко – на рынок или в Гавань, тогда как в Пе-кима (и так же обстоит дело во всех прочих городах Китая) имеешь возможность купить у самых своих ворот все, чего только можно пожелать для домашнего хозяйства и для того, чтобы прокормиться, и даже для развлечения, ибо сии маленькие дома суть склады, кабачки или же лавки»¹²⁵.

Такую картину являли все без исключения китайские города. Возьмешь ли какую-нибудь картинку XVIII в., которая показывает цепь низеньких лавок вдоль нанкинской улицы или обращенные в сторону двора дома Тяньцзиня, или же какой-нибудь драгоценный [шелковый] «свиток» XII в., – везде видишь вновь и вновь те же самые сцены, те же кабачки с их скамьями, те же

¹²¹ Du Halde J.-B. *Op. cit.*, I, p. 114.

¹²² Mendoza G. *Histoire du grand royaume de la Chine...* *Op. cit.*, p. 195.

¹²³ Macartney G. *Op. cit.*, III, p. 145.

¹²⁴ Sonnerat P. *Voyage aux Indes orientales et à la Chine*. 1781, II, p. 13.

¹²⁵ Magaillans G. *Op. cit.*, p. 277–278.

лавки, тех же переносчиков грузов, тех же тачечников с завешенными тканью тележками, те же бычьи упряжки. Повсюду «жизнь бегом», в которой человек едва оставляет место для другого человека (и то не всегда!), где каждый расталкивает других локтями, существуя лишь благодаря труду, ловкости и умеренности. Люди эти живут почти ничем, «у них есть восхитительные изобретения для поддержания своего существования... Сколь бы гадкой и бесполезной ни казалась какая-то вещь, она находит свое применение и из нее извлекают выгоду. Например, в одном только городе Пе-киме есть больше тысячи семейств [около 1656 г.], у коих нет иного занятия, чтобы заработать на жизнь, кроме продажи спичек и фитилей для зажигания огня. И есть по меньшей мере столько же [семей], живущих только за счет собирания на улицах и у метельщиков шелковых, хлопчатых и конопляных тряпок, кусочков бумаги и прочих подобных вещей, кои они моют и чистят, а потом продают другим, каковые их используют для разных целей и получают от того прибыль»¹²⁶. Точно так же отец де Лас Кортес видел в 1626 г. в Южном Китае около Кантона носильщиков, которые в дополнение к своей работе возделывали крохотный огороδικ. А продавцы супа из зелени были классическим персонажем на любой китайской улице. Пословица гласит: «В китайском царстве не выбрасывают ничего». Все такие картины показывают меру неизменной и вездесущей бедности. Именно над нею блистала роскошь императора, знати, мандаринов; эта роскошь, казалось, принадлежала к другому миру.

Путешественники с выразительными подробностями описывали в старом городе тот отдельный город, каким был императорский дворец, заново построенный на месте дворца монгольской династии Юань и почти целиком унаследовавший пышность Минов (хоть его и пришлось поднять из руин в 1644 г.). Две ограды, одна внутри другой и обе «в форме вытянутого прямоугольника», обе солидные и очень высокие, изолируют дворец от старого города. Внешняя ограда «изнутри и снаружи покрыта красным цементом или известью, а поверху идет кровля из поливных кирпичей золотисто-желтого цвета». Внутренняя ограда была сделана «из крупных одинаковых кирпичей и украшена регулярно чередующимися зубцами»; перед нею располагался длинный и глубокий ров, заполненный водою, «в который запустили великолепных рыб». Между оградами размещались разного назначения дворцы и речка с мостами, а в западной части этого пространства – довольно большое искусственное озеро¹²⁷.

Сердце дворца находилось за второй оградой, в запретном Желтом городе, где под защитой своей гвардии, стражей у ворот, протокола, укреплений, рвов и просторных угловых башен *цзяолю* с прихотливо изогнутыми кровлями жил император. Любое строение, любые ворота, любой мост имели свое название, свои, если можно так выразиться, обычаи, связанные с ними. Размеры запретного города составляли 1000 метров на 780 метров. Но легче описать его пустые и обветшавшие залы такими, какими они предстали после 1900 г. перед любопытными европейцами, нежели изобразить старинную жизнь дворца,

¹²⁶ Abbé Prévost. *Op. cit.*, VI, p. 126.

¹²⁷ Magaillans G. *Op. cit.*, p. 278 sq.

Пекинские лавки: они тянутся почти непрерывно одна за другой, скрывая жилые дома; последние всегда низкие, их фасады смотрят не на улицу, а во внутренние дворы и сады. Национальная библиотека, Кабинет эстампов.

огромные масштабы которой угадываются: весь город замыкался на этом источнике могущества и благоденствия.

Жизнь эту можно представить в должном масштабе по бесконечному перечислению доходов императора деньгами и натурой (обратите внимание на этот двойной счет). Мы едва ли можем оценить, что могли представлять «восемнадцать миллионов шестьсот тысяч экю серебром» – сумма, которой достигала к 1668 г. главная часть императорских денежных доходов, не считая тех поступлений, опять-таки денежных, которые добавляли к этому конфискации, косвенные налоги, коронные имения или домен императрицы. Более «ощутима» и более любопытна масса повинностей натурой, от которых обширные дворцовые склады чуть не лопались: 43 328 134 «меш-

ка риса и зерна», или же больше миллиона соляных голов, или же огромные количества киновари, лака, сушеных фруктов, штук шелка, легких шелков, шелка-сырца, бархата, атласа, узорчатых шелков, тканей из хлопка или конопли, мешков с бобами (для императорских лошадей), бесчисленные охапки соломы, живые звери, дичь, растительное и животное масло, пряности, дорогие вина, всяческие виды фруктов¹²⁸.

Отец де Магальянш приходил в восторг от этой колоссальной массы продуктов, равно как и перед нагромождениями золотых и серебряных блюд, заполненных съестными припасами и возвышавшихся друг над другом во время императорских торжеств. Так было, к примеру, 9 декабря 1669 г. после церемонии погребения отца Жана Адана¹²⁹ – того отца-иезуита, который вместе с отцом Вербистом, «к великому удивлению двора», сумел в 1661 г. поднять на верхушку одной из башен дворца огромный колокол, более крупный, чем эрфуртский, который (несомненно, несправедливо) пользовался славой самого тяжелого и большого колокола Европы и мира. Установка его потребовала сооружения машины и тысяч рабочих рук. Часовые били в этот колокол по ночам с правильными интервалами, дабы отмечать часы. На вершине другой башни часовой ударял в ответ по огромному медному барабану. Колокол без языка, по которому ударяли молотом, «имеет столь приятный и мелодичный звук, что кажется, будто порождает его не колокол, а скорее какой-то музыкальный инструмент»¹³⁰. Тогда в Китае время измеряли горением палочек или фитилей, изготовлявшихся из опилок определенной породы дерева, горящей равномерно. Человек Запада, с полным правом гордящийся своими башенными часами, проявит в отличие от отца де Магальянша лишь умеренное восхищение таким «изобретением, достойным поразительной ловкости сей [китайской] нации»¹³¹.

Беда в том, что нам лучше известны такие пышные картины дворцовой жизни, чем рыбный рынок, куда живой товар доставляли в чанах с водой, или те рынки дичи, где какой-нибудь путешественник мог сразу увидеть огромное количество коскуль, фазанов и куропаток ... Здесь необычное скрывало повседневное.

ЛОНДОН: ОТ ЕЛИЗАВЕТЫ ДО ГЕОРГА III

Но возвратимся же из этого дальнего путешествия в Англию; здесь пример Лондона позволит нам завершить эту главу, а с ней и настоящий том¹³². Об этом чудесном случае городского развития все известно или все можно узнать.

Со времен правления Елизаветы наблюдатели видели в Лондоне особый мир. Для Томаса Деккера то был «цвет всех городов», несравненно более прекрасный своею рекой, нежели сама Венеция: чудесная перспектива Канале Гранде – довольно-де жалкое зрелище рядом с видом Лондона¹³³. Семюзл Джонсон (20 сентября 1777 г.) будет настроен еще более лирично: «Но ведь устать от Лондона – значит устать от жизни: ибо Лондон заключает в себе все, что жизнь может предложить»¹³⁴.

¹²⁸ Magaillans G. *Op. cit.*, p. 268–271.

¹²⁹ *Ibid.*, p. 272–273.

¹³⁰ *Ibid.*, p. 150–151.

¹³¹ *Ibid.*, p. 153–154.

¹³² При дальнейшем изложении я пользовался следующими трудами: Besant W. *London in the Eighteenth Century*. 1902; Parreaux A. *La Vie quotidienne en Angleterre au temps de George III*; Peillard L. *La Vie quotidienne à Londres au temps de Nelson et de Wellington, 1774–1852*. 1968; Lemonnier. *La Vie quotidienne en Angleterre sous Elizabeth*; Reddaway T. F. *The Rebuilding of London after the Great Fire*. 1940; *The Ambulator or the stranger's Companion in a tour of London*. 1782; Rude G. *Hanoverian London*. 1971; Dorothy George M. *London Life in the Eighteenth Century*. 1964.
¹³³ Jones-Davies M. T. *Op. cit.*, I, p. 193.
¹³⁴ *Ibid.*, p. 149.

Лондонский порт и Тауэр;
вдали – собор св. Павла.
Конец XVIII в.
Национальная библиотека. Париж.

Королевское правительство разделяло такие иллюзии, и тем не менее огромная столица неизменно внушала ему страх. В глазах правительства город был чудовищем, и надлежало любой ценой ограничить его нездоровый рост. По правде говоря, правителей и имущих беспокоило как раз нашествие бедняков, а вместе с тем расширение трущоб, размножение паразитов, что представляло угрозу для всего населения, включая и богатых, «и, таким образом, опасность для собственной жизни королевы и угрозу роста смертности во всей нации» («and so a danger to the Queen's own life and the spreading of a mortality over the whole nation»), – писал Стоу, опасаясь за здоровье королевы Елизаветы и всего населения¹³⁵. В 1580 г. появилось первое запрещение нового строительства (кроме исключений в пользу богачей), за ним последовали другие – в 1593, 1607 и 1625 гг. Результатом было умножение числа разделов существовавших домов и строительство тайком, из скверного кирпича, во дворах старых домов, в стороне от улиц и даже второстепенных переулков, т. е. настоящее подпольное разрастание трущоб и лачуг на сомнительных с точки зрения прав собственности участках. Если та или иная из таких построек попадала под удар закона, потеря была невелика. И значит, всякий пытал счастье, а отсюда рождались переплетения, лабиринты улочек, переулков, домов с двумя, тремя, четырьмя входами или выходами. В 1732 г. Лондон будто бы насчитывал 5099 улиц (*streets*), переулков (*lanes*) и площадей (*squares*) и 95 968 домов. Следовательно, поднимавшийся прилив лондонского населения не был ни ограничен, ни остановлен. Город насчитывал (что вполне вероятно) 93 тыс. жителей в 1563 г., 123 тыс. – в 1580 г., 152 тыс. – в 1593–1595 гг., 317 тыс. – в 1632 г., 700 тыс. – в 1700 г. и 860 тыс. – к концу XVIII в. Тогда он был крупнейшим городом Европы, сравнить с ним можно было только Париж.

Лондон зависел от своей реки. Ей он был обязан своим расположением в виде полумесяца («*like a half-moon*»). Лондонский мост, соединяющий Сити с Саутуоркским предместьем, единственный мост, перекрывавший реку (в 300 м от современного *London Bridge*), был примечательной чертой городского ландшафта. До высоты его расположения можно было использовать приливное течение – настолько, что ниже моста располагался бассейн (*pool*), т. е. Лондонский порт с его многочисленными причальными стенками, пристанями, с его лесом мачт. В 1798 г. здесь побывало 13 444 судна. В зависимости от мест выгрузки эти парусники подходили к набережной Сент-Кэтрин, куда обычно прибывали угольщики из Ньюкасла, к набережной Биллингсгейт – если везли свежую рыбу или если совершали регулярные рейсы между Биллингсгейтом и Грейвсендом. Тендеры, баржи, лодки с тентом (*tilt boats*), паромы, барки обеспечивали переезд с одного берега реки на другой, с морских судов до соответствующих набережных, что бывало неизбежно, когда такие набережные находились выше порта по течению; так обстояло дело с причалом Винтри-Уорф, который принимал бочки с вином, приходившие с Рейна, из Франции, Испании, Португалии, с Канарских островов. Неподалеку от него возвышался Стильярд, или Стилльярд, до 1597 г. бывший штаб-квартирой

¹³⁵ Stow J. *A Survey of London* (1603). 1720, II, p. 34.

Лондон: Вестминстер во времена Стюартов. Гравюра У. Палласа, 1643 г. (Коллекция Виолле.)

¹³⁶ Jones-Davies M. T. *Op. cit.*, I, p. 177.

ганзейских купцов, который «после изгнания иноземных купцов отведен для дегустации рейнских вин». И действующее лицо пьесы Томаса Деккера скажет просто: «Встретимся нынче после полудня в доме рейнских вин, в Стилльярде»¹³⁶.

Использование реки [в качестве порта] обнаруживало тенденцию распространяться все дальше вниз по течению, к морю, тем более что «доки» – внутренние бассейны на ее излучинах – еще не были выкопаны, за исключением Брансуик-дока, который с 1656 г. использовала Ост-Индская компания. Второй док, Гринленд-док, будет сооружен в 1696–1700 гг. для китобоев. Но крупные приливные бассейны датируются последними годами XVIII в. Панораму торгового порта можно было увидеть либо от Биллингсгейта, либо от Тауэрской пристани, либо, еще лучше, от главного «замка» на реке – от Кастомхауза, таможни, сгоревшей в 1666 г., но сразу же восстановленной в 1668 г. Карлом II. Эта панорама тянулась до Рэтклифа, «бесстыдного места сбора девок и воров», до Лаймхауза с его печами для обжига извести и дубильнями, до Блэкуолла, где удовольствие полюбоваться на суда сопряжено было с необходимостью терпеть «весьма сильный запах дегтя»... Лондонский Ист-Энд, район моряков, ремесленников и воров, не больно приятно было видеть, а его зловоние было, пожалуй, чересчур ощутимым.

Нищее население видело, как проходят перед ним богатства, выгружаемые с причаливающих судов. Какое же это было искушение! В 1798 г. «ужасающий разбой, ареной которого сделалась Темза... и объектом коего сделались все виды коммерческой собственности, особенно же изделия из Ост-Индии, рассматривается ... как едва ли не самый страшный бич». Самыми опасными из этих воров были даже не «речные пираты», организованные в шайки и кравшие при случае какой-нибудь якорь или бухту каната, а ночные стражники, грузчики, матросы с лихтеров и габар, «тинные жаворонки», обшаривавшие реку в поисках якобы старых снастей, старых железных деталей или потерянных кусков угля, и, наконец, в конце цепочки – скупщики

¹³⁷ Colquhoun P. *Traité sur la police de Londres*. 1807, I, p. 293–327.

краденого¹³⁷. Все эти морализирующие сетования, почерпнутые из «Трактата о полиции» (1801 г.), великолепно показывают место подозрительного мира доков, обширной зоны воды, дерева, парусов, дегтя, нищенски оплачиваемого труда, мира, как бы находящегося за пределами жизни столицы, но связанного с нею многими узами; лондонец же видел чаще всего одни лишь следствия таких связей.

Как я сказал, вплоть до постройки Вестминстерского моста, законченного в 1750 г., через Темзу вел единственный мост. Обрамленный лавками, он был своего рода торговой улицей, по которой не просто было проехать. Правда, на юге он выходил к Саутворку, жалкому предместью с несколькими тавернами, 5 тюрьмами с мрачной репутацией, несколькими театрами, где были созданы пьесы Шекспира (но театры эти не пережили Революцию), и двумя или тремя цирками (Биар-гарден, Пэрис-гарден). На севере, на левом, чуть более высоком, чем противоположный, берегу реки простирался настоящий город, как бы «предмостное укрепление, обращенное на север», с двумя выдающимися высотными ориентирами – собором св. Павла и Тауэром. В самом деле, именно в северном направлении шло движение по ряду дорог, улочек, переулков, которыми Лондон был связан с графствами и с английской «большой землей». Главные дороги вели к Манчестеру, Оксфорду, Данстеблу и Кембриджу; все это были старинные римские дороги. По ним происходило своего рода триумфальное движение экипажей, повозок, а в скором времени – и дилижансов и почтовых лошадей. Вдоль этих осей сухопутная жизнь Лондона распространялась по расходящимся от города дорогам с твердым покрытием.

Таким образом, вдоль реки, если оборотиться к ней спиной, располагалось сердце Лондона – Сити, 160 га пространства, заполненного скоплением домов, улиц, площадей в пределах старых городских стен. Эти стены, возведенные на древней римской крепостной ограде, к XII в. исчезли со стороны реки – там, где набережные, пристани, понтонные мосты уже очень рано прорвали их бесполезное прикрытие. Напротив, вдоль ломаной линии, очень грубо очерчивающей дугу, проходящую от Блэк-Фрайерсстепс или от Бердуэлл-дока до Тауэра, стены сохранились. Они имели семь ворот: Ладгейт, Ньюгейт, Олдерстейт, Криплгейт, Мургейт, Бишопстейт и Олдгейт. Перед каждым из них далеко выдвинутые в предместье шлагбаумы показывали границу, до которой распространялась власть Лондона. Присоединенные таким образом предместья образовывали округа вне городских стен (*liberties*), порой обширные: шлагбаум перед Бишопстейтом находился почти около Смитфилда, к западу от Холборна. Точно так же, выйдя через ворота Ладгейт, нужно было пройти целиком Флит-стрит, чтобы добраться наконец до Темпл-Бара у оконечности Стрэнда, возле бывшего храма тамплиеров. Долгое время Темпл-Бар будет просто деревянными воротами. Вот так Лондон, а вернее, Сити, задолго до царствования Елизаветы выплеснулся из своих тесных границ, распространившись на прилежавшие к нему деревни и соединившись с ними серией дорог и улиц, застроенных домами.

Во времена Елизаветы и Шекспира сердце города билось именно внутри городских стен. Центр этой жизни располагался вдоль оси, протянувшейся от Лондонского моста к северу и ведущей к воротам Бишопсгейт по улицам с разными названиями. Ось запад–восток проходила по нескольким улицам от Ньюгейта на западе до Олдгейта на востоке. При Елизавете «перекрестие» осей находилось по соседству со Стокс-Маркет, у западной оконечности Ломбард-стрит.

В двух шагах отсюда, на Корнхилл, возвышалась Ройял-Эксчейндж, основанная в 1566 г. Томасом Грешэмом и поначалу названная в память антверпенской Биржи – Королевской биржей (легенда на гравюре XVII в. гласит: Лондонская биржа, в просторечии Ройял-Эксчейндж – *Byrsa Londinensis, vulgo the Royal Exchange*). Это последнее название ей принудительно «пожаловала» Елизавета в 1570 г. Очевидцы говорят, что то было настоящее вавилонское столпотворение, особенно около полудня, когда туда приходили купцы для своих взаимных расчетов. Но и вокруг дворов Биржи самые шикарные лавки [города] постоянно привлекали богатую клиентуру. Неподалеку от Биржи находятся сразу и Гилдхолл, т. е. в общем и целом лондонская Ратуша, и первый Английский банк, который поначалу, до того как перебрался в 1734 г. в свое пышное здание, размещался в Гро-серсхолле, складах пряностей.

Интенсивность лондонской городской жизни проявлялась также и на рынках города, например на обширном пространстве Уэст-Смитфилда, рядом с городскими стенами, где по понедельникам и пятницам продавали лошадей и скот. Или на рыбном рынке Биллингсгейт на Темзе, или же в самом сердце Сити, в покрытом свинцовой кровлей Лиденхолле, бывшем ранее хлебным складом, где в больших масштабах продавались свежее мясо и кожи. Но невозможно было бы все рассказать об этих важнейших центрах, о тавернах, ресторанах, о театрах, обычно находившихся на окраинах и потому любимых среди простого люда, или о кофейнях (*coffee houses*), которые уже в XVII в. были настолько посещаемыми, что правительство станет подумывать о том, чтобы их запретить. А что до зланных мест, то благодаря злословию и заблуждениям их приписывали всем улицам, а не только тем упраздненным монастырям, где нищие выступали в роли *сваттеров*. Лондону доставляло большое удовольствие злословить о самом себе.

Но не одно только Сити было центром оживленной жизни на берегах Темзы. По сравнению с ним у Парижа была одинокая судьба. Лежащий выше Лондона Вестминстер был совсем иным явлением, чем Версаль (создание позднее и возникшее из ничего, *ex nihilo*); то был попросту старый и оживленный город. Вестминстерский дворец рядом с аббатством, покинутый Генрихом VIII, сделался местом заседаний парламента и главных судов; здесь встречались юристы и тяжущиеся. Королевская резиденция обосновалась немного дальше на берегу Темзы, в Уайтхолле, «Белом дворце».

Таким образом, Вестминстер был одновременно Версалем, Сен-Дени и, дабы все уравновесить, Парижским парламентом*. Все это говорится для того, чтобы отметить чрезвычайную при-

* Высший суд в королевской Франции. – Прим. ред.

тягательность этого второго полюса развития Лондона. Так, Флит-стрит, которая подчинялась юрисдикции Сити, была кварталом законников, адвокатов и прокуроров, а также начинающих юристов; она упорно глядела на запад. Более того, Стрэнд, лежащий за пределами Сити и ведущий (на некотором удалении от Темзы) к Вестминстеру, сделался районом знати; она построила там свои дома, и вскоре там открылась в 1609 г. еще одна Биржа: скопление роскошных лавок. С правления Якова I там производили фурор модные товары и парики.

В XVII и XVIII вв. бурное развитие раздвинуло город сразу во всех направлениях. На окраинах образовались ужасающие кварталы, зачастую бидонвили, с отвратительными лачугами, с обезображивающими лицо города производствами (в частности, с многочисленными кирпичными заводами), со свинарниками, где животные кормились городскими отбросами, с кучами нечистот, с грязными улицами – как, скажем, в Уайтчепеле, где работали отверженные – кожевники. В других местах это были шелкоткачи или суконщики.

За исключением западных районов, где сельские пейзажи и зелень вклинивались в город зелеными массивами Гайд-парка и Сент-Джеймс-парка, а также садов при богатых домах, деревня бежала из непосредственных окрестностей Лондона. Во времена Шекспира и Томаса Деккера город еще был окружен зелеными местностями с чистым воздухом, полями, деревьями, настоящими деревнями, где можно было поохотиться на уток, побывать в настоящих сельских харчевнях, чтобы выпить пива и отведать печенья с пряностями (в Ходждоне) или *Islington white pot* – своего рода желе, составлявшее славу деревни Айлингтон. В те годы, как писала последняя из исследователей Т. Деккера, «воздух, которым дышишь во внешних кварталах столицы, не всегда тяжел и нечист; на юге, на севере и на северо-западе вместе с театрами в предместья проникает вся веселость доброй старой Англии (*Merry England*), но также и ее тонкое и взволнованное воображение ... а из предместий – и за город». *Merry England* – это значит Англия простодушно деревенских столетий средневековья; восприятие романтическое и не обязательно ложное. Но такое счастливое сочетание продлится недолго¹³⁸.

Весь этот лондонский ансамбль, непрерывно расширявшийся, расколется на два города, или, лучше сказать, такой раскол завершится. Развитие в этом направлении, начавшееся задолго до того, ускорилось после Большого пожара 1666 г., который практически уничтожил сердце Сити, если не сказать, почти все Сити целиком. Уже в 1662 г., до этой катастрофы, Уильям Петти объяснял, что Лондон-де растет в западном направлении, дабы избежать «дыма, паров и зловония всех этих людских скоплений в восточной части, ибо господствующие ветры дуют с запада... Так что дворцы наиболее важных лиц и дома тех, кто от них зависит, перемещаются в сторону Вестминстера, а старинные большие дома в Сити становятся складами купеческих компаний или же превращаются в наемное жилье»¹³⁹. Так происходило «соскальзывание» лондонских богатств к западу. Если еще в XVI в. центр города находился по соседству с Корнхилл, то сегодня, в 1979 г., он располагается неподалеку от Черинг-

¹³⁸ Jones Davies M. T.

Op. cit., I, p. 166.

¹³⁹ Petty W. *Traité des taxes et contributions. – Les œuvres économiques de Sir William Petty*. 1905, I, p. 39–40.

Кросс, то есть у западной оконечности Стрэнда. Какой же путь он прошел!

А Ист-Энд и отдельные окраинные районы все больше и больше пролетаризировались. Бедность утверждалась в лондонском мире везде, где находилось местечко, вращалась в этот мир. Наиболее мрачные фрагменты картины относятся к двум категориям самых что ни на есть обездоленных, к ирландцам и к евреям из Центральной Европы.

Ирландская иммиграция, шедшая исподволь из самых голодных округов острова, организовалась рано. То были крестьяне, которых дома обрекали на жалкую долю структура земельных отношений и в не меньшей степени – быстрый демографический рост, который довел остров до катастрофы 1846 г. Привыкшие жить вместе с животными в одних лачугах, они питались небольшим количеством молока и картофелем. Трудолюбивые, не отказывавшиеся ни от какой работы, они регулярно нанимались каждый год в пору сенокоса сельскохозяйственными рабочими в деревни в окрестностях Лондона. Оттуда некоторые из них добирались до Лондона и оседали там. Они теснились в мерзких трущобах прихода Сент-Джайлс (севернее Сити), ставшего ирландским кварталом, жили по 10–12 человек в одной комнате без окон, соглашались на оплату значительно ниже обычной, нанимаясь крючниками, разносчиками молока, рабочими кирпичных заводов и даже сборщиками арендной платы. По воскресеньям во время попок между ними происходили стычки; но в еще большей степени были распространены массовые драки с английскими пролетариями, которые с радостью избивали этих конкурентов, которых не могли устранить.

Такой же была трагедия евреев из Центральной Европы, изгнанных в 1744 г. из Чехии, а в 1772 г. – из Польши и бежавших от преследования. В 1734 г. их было в Англии 5 или 6 тыс., а в 1800 г. – 20 тыс. в одном только Лондоне. Против них бывали обращены самые безобразные проявления народного гнева. Попытки синагог остановить эту шедшую через Голландию опасную иммиграцию оказались бесполезны. А что могли делать эти несчастные потом? Местные евреи им помогали, но они не могли ни удалить иммигрантов с острова, ни обеспечить их существование. Лондонские гильдии евреев не принимали, отталкивая их. И по необходимости они становились старьевщиками, скупщиками металлолома, с криком бродившими по дворам, иногда с дрянной старой повозкой; они делались мошенниками, грабителями, скупщиками краденого. Их запоздалые успехи в качестве профессиональных боксеров и даже изобретателей бокса «по-научному» не восстановили репутацию евреев, хотя знаменитый чемпион Даниэль Мендоса создал целую школу¹⁴⁰.

И, по правде говоря, именно отправляясь от этого «нижнего этажа» бедноты, можно понять драму Лондона, кишевшую в нем преступность, его «дно», его трудное биологическое существование. Однако скажу, что с замощением улиц, с созданием водопровода, введением строительного контроля и успехами городского освещения материальное положение в общем улучшилось, как то было и в Париже.

¹⁴⁰ Colquhoun P. *Op. cit.*, I, p. 166–168, 250–251.

Что сказать в заключение? Что Лондон наряду с Парижем был хорошим примером того, чем могла быть столица времен Старого порядка: блеск, расплачиваться за который приходилось другим, скопление немногих избранных, многочисленных слуг и нищих, которые тем не менее были связаны друг с другом определенной общей судьбой [обитателей] крупной городской агломерации.

Какой общей судьбой? Например, невероятной грязью улиц, чье зловоние было так же хорошо известно большому барину, как и простолюдину. Конечно же, создавала эту грязь и зловоние масса простонародья, но отражались они на всех. Вполне вероятно, что в самый разгар XVIII в. многие деревни были относительно менее грязны, чем крупные города, так что позволили себе средневековый город более приятным для жизни и более чистым, нежели они, как то предлагает Л. Мамфорд¹⁴¹. Средневековый город не сгибался под бременем численности, бывшей одновременно и славой и бедой больших городов, он был широко открыт для своей сельской местности; воду свою он находил внутри городских укреплений и не должен был далеко ее искать. Действительно, огромный город не мог разрешить непрестанно возрастающие задачи и в первую очередь – обеспечить свою элементарную чистоту: приоритет принадлежал вопросам безопасности, борьбы с пожарами и наводнениями, снабжения продовольствием, организации полиции. Да кроме того, если бы такой город и пожелал это сделать, у него не было бы к тому средств. И самые худшие позорные материальные явления оставались правилом.

Все проистекало из численности, из слишком большого количества людей. Но большой город притягивал их. Каждый человек по-своему получал какие-то крохи от его паразитического существования и был в нем получающей стороной. Что в таких привилегированных городах всегда можно было подобрать эти крохи, свидетельствует самый их уголовный мир: он неминуемо собирался в наиболее славных из них. Колхаун сетовал в 1798 г.: «Положение ... совершенно изменилось после свержения прежнего французского правительства. Все жулики и злодеи, кои до того времени стекались в Париж со всей Европы, рассматривают [отныне] Лондон как главное место сборища, как арену, где они с наибольшей выгодой могут применять свои таланты и упражняться в воровстве». Париж был разорен, и крысы бежали с корабля. «Незнание ими английского языка, которое было для нас защитой ... более не представляет преграды: язык наш никогда не пользовался столь всеобщим распространением и никогда в этой стране не было столь обычным употребление французского языка, особенно среди молодых»¹⁴².

УРБАНИЗАЦИЯ – ПРЕДВЕСТИЕ ПОЯВЛЕНИЯ НОВОГО ЧЕЛОВЕКА

Нет речи о том, чтобы присоединяться к грустящему консерватору, каким был Колхаун. У огромных городов были свои пороки и свои заслуги. Повторяю: они создали современное госу-

¹⁴¹ Mumford L. *La Cité à travers l'histoire. Op. cit.*, p. 375 sq.

¹⁴² Colquhoun P. *Op. cit.*, II, p. 301–302.

дарство в такой же мере, в какой [сами] были созданы им. Под их воздействием росли национальные рынки и сами нации. Эти города находились в центре капиталистического развития и той современной цивилизации в Европе, в которую каждый день добавлял все новые и новые краски. Для историка большие города – это прежде всего великолепный «тест» для анализа развития Европы и прочих континентов. Надлежащим образом интерпретировать этот тест – означает расчистить место общему взгляду на всю историю материальной жизни и выйти за ее обычные рамки.

В общем, данная проблема – это проблема роста в экономике Старого порядка. Города представляли в ней образец глубокой неуравновешенности, асимметричного развития, нерациональных и непроизводительных вложений в национальном масштабе. Были ли повинны в том роскошь, аппетиты этих огромных паразитов? Именно это говорит в «Эмиле» Жан Жак Руссо: «Как раз большие города истощают государство и составляют его слабость: богатство, которое они производят, – это богатство кажущееся и иллюзорное, много денег с малым эффектом. Говорят, будто город Париж стоит французскому королю целой провинции; я же полагаю, что он стоит нескольких. Дело в том, что провинции питают Париж во многих отношениях, что большая часть их доходов идет на выплаты в этом городе и там остается и никогда не возвращается ни народу, ни королю. Непостижимо, как это в наш век расчетливых людей не находится ни одного, который бы смог увидеть, что Франция была бы куда более могущественной, если уничтожить Париж»¹⁴³.

Замечание несправедливое, но лишь отчасти. И проблема поставлена верно. К тому же разве не вправе был человек конца XVIII в., внимательно вглядывавшийся в картину своего времени, задаться вопросом, не предвещают ли эти города-чудовища Запада появления препятствий развитию, аналогичных тем, что существовали в Римской империи, сводившейся к Риму, к этому мертвому грузу, или тем, что существовали в Китае, содержавшем далеко на севере инертную массу Пекина? Препятствий, задержек развития. Мы-то знаем, что дело обстояло совсем не так. Ошибка какого-нибудь Себастьяна Мерсье, рисовавшего мир 2440 г.¹⁴⁴, заключалась в том, что он считал, будто этот мир будущего не изменит своих масштабов. Будущее он видел в «оболочке» настоящего, бывшего у него перед глазами, т. е. Франции Людовика XVI. Он и не подозревал тех безграничных возможностей, которые откроются еще перед чудовищными агломерациями его времени.

На самом деле многонаселенные и отчасти паразитические города не образовывались сами собой. Они были такими, какими им позволяли быть, какими заставляли их быть общество, экономика, политика. Они служили мерой, шкалой отсчета. Если в городах настойчиво распространялась роскошь, то это потому, что так были устроены общество, экономика, культурные и политические порядки; потому, что излишки продукта за отсутствием отчасти лучшего применения предпочитали копить. А главное – о большом городе нельзя судить по нему одному:

¹⁴³ Rousseau J.-J. *Emile*. – Rousseau J.-J. *Œuvres complètes*, IV, éd. Pléiade, 1969, p. 851.

¹⁴⁴ Mercier L.-S. *L'An deux mille quatre cent quarante*. *Op. cit.*

он включен в целую массу систем городов и дает им жизнь, но они определяют его характер. То, что происходило в конце XVIII в.,— это поступательная урбанизация, которая в следующем столетии ускорится. За внешней картиной Лондона и Парижа происходил переход от определенной манеры, от определенного образа жизни к новому образу и к другой манере. Мир Старого порядка, больше чем на три четверти деревенский, медленно, но верно распадался. К тому же не одни только большие города обеспечивали трудное становление новых порядков. Ведь факт, что в промышленной революции, которая вот-вот начнется, столицы будут участвовать в качестве зрителей. Не Лондон, а Манчестер, Бирмингем, Лидс, Глазго и бесчисленные пролетарские городки дадут начало новым временам. И даже вкладываясь в новые предприятия будут не капиталы, скопленные патрициями XVIII в. Лондон овладеет этим движением к собственной выгоде, связав его денежными путями, лишь около 1830 г. Новая промышленность на какое-то время слегка затронет Париж, потом отвернется от него в ходе своего действительного становления ради угля Севера [Франции], водопадов на эльзасских реках или лотарингского железа. Все это произойдет сравнительно поздно. Французские путешественники, посещавшие Англию XIX в. и столь часто настроенные критически, приходили в ужас от концентрации и уродств современной индустрии, «последнего круга ада», как скажет Ипполит Тэн. Но разве знали они, что Англия, сделавшаяся жертвой урбанизации, скопления людей в плохо построенных городах, мало пригодных для хорошей жизни и не для этого созданных,— разве знали они, что это будущность Франции и всех стран, вступивших на путь индустриализации? Те, кто видят сегодня Соединенные Штаты или Японию,— всегда ли они сознают, что перед их глазами разворачивается картина более или менее близкого будущего их собственных стран?

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Законченная книга, будь то даже историческое сочинение, ускользает из-под власти автора. Эта книга ушла далеко от меня. Но как сказать, что именно из ее непокорства, из ее причуд, даже из собственной ее логики серьезно и имеет ценность? Наши дети поступают по-своему. И, однако же, мы в ответе за их поступки.

Я предпочел бы то тут, то там дать больше объяснений, аргументации, примеров. Но книгу невозможно «растянуть» по желанию, главное же, чтобы очертить все многосложные сюжеты материальной жизни, потребовались бы систематические, тщательные обследования, не считая множества уточнений. Все это пока еще отсутствует. Сказанное в тексте или представленное в виде образов потребовало бы обсуждений, дополнений, продолжений. Мы не говорили ни обо всех городах, ни обо всех видах техники, ни обо всех простейших реальностях жилища, одежды, стола.

Маленькая лотарингская деревушка, где я вырос, жила еще в весьма давнем времени: деревенский пруд приводил в движение старое мельничное колесо, каменная дорожка, древняя как мир, лежала прямо перед моим домом. И самый-то дом построили заново в 1806 г., в год битвы при Иене, и в ручейке (*roises*) в луговой низине некогда вымачивали коноплю. Достаточно мне об этом подумать, и для меня снова раскрывается эта книга. Любой читатель может ее заполнить личными впечатлениями, зависящими от какого-то воспоминания, какой-то поездки, чего-то прочитанного. Персонаж из «Зигфрида и Лимузена», едущий ранним утром по Германии 20-х годов XX в., чувствует себя так, словно он живет еще во времена Тридцатилетней войны. За поворотом дороги, за углом улицы всякий может проделать такой вот возврат в прошлое. И даже в передовых экономиках присутствуют остаточные формы старинного материального прошлого. Они исчезают на наших глазах, но медленно, и никогда это не происходит одинаковым образом.

Этот первый том трехтомного труда, конечно же, не претендовал на то, чтобы представить всю материальную жизнь во

всем мире с XV по XVIII в. То, что в нем предложено,— это попытка увидеть *совокупность* всех таких картин, от пищи до мебелировки, от техники до городов, и по необходимости разграничить то, чем была материальная жизнь, и то, какова она сегодня. В сущности, это трудное разграничение; мне приходилось даже сознательно нарушать границы, чтобы лучше их распознать, например в том, что касается решающих реальностей: денег и городов. И вот это придавало моему предприятию его первоначальный смысл: если и не все увидеть, то по крайней мере все выявить, и непременно в мировом масштабе.

Вторая задача—попытаться классифицировать, привести в какой-то порядок, свести разрозненный материал к его основным чертам, упростить его, сделав тем самым возможным его историческое объяснение,— и все это на основе серии картин, которые историки в конце концов показывают лишь изредка и которые явно отмечены бессвязностью описания. Такое стремление и бросает свет на данный том, придает ему его значение, даже если программа в отдельных случаях оказалась скорее намеченной, нежели выполненной, отчасти потому, что книга, предназначенная широкой публике,— это дом, который следует освободить от строительных лесов. Но также и потому, что речь идет, повторяю, о плохо исследованной области, области, самые источники которой надлежит снова отыскивать и проверять по одному.

Разумеется, материальная жизнь предстает прежде всего в «анекдотической» форме тысяч и тысяч различных фактов. Или, может быть скажем, событий? Но нет, это значило бы преувеличить их значение и не понять их природы. То, что Максимилиан, император «Священной Римской империи германской нации», во время пиршества (как показывает нам рисунок) запускал руку в блюда с едой,— это заурядный факт, а не событие. Или же то, что Картуш перед казнью предпочитает предложенному ему кофе стакан вина... Это, так сказать, историческая пыль, микроистория в таком же точно смысле, в каком Ж. Гурвич говорил о микросоциологии: мелкие факты, которые утверждаются как последовательная реальность, правда, при бесконечном повторении. И всякий из них свидетельствует о тысячах других фактов, которые *длятся*, пронизывая молчаливую толщу времени.

Именно такие последовательности, такие «ряды», такие «факты длительной временной протяженности» (*longues durées*) привлекали мое внимание: они рисуют линии, идущие к горизонту, и самый горизонт всех таких картин минувшего. Они вносят туда порядок, они предполагают некое равновесие, вскрывают постоянные свойства — в общем, то, что там есть более или менее объяснимого в этом кажущемся беспорядке. Ж. Лефевр говорил: «Закон — это постоянная величина». Разумеется, здесь речь идет о константах в течение определенного срока, длительного или средней продолжительности. И мы задерживались на первых дольше, чем на вторых, касаясь пищевых растений, одежды, домов, древнего и решающего разделения между городом и деревней. Материальная жизнь легче поддавалась такой медленной эволюции, чем прочие секторы человеческой истории.

Читатель заметит, что среди закономерностей я выдвигал на передний план те, что зависели от [характера] цивилизаций и культур. Эта книга не без причины называется «*Материальная цивилизация*» – то сознательно выбранный язык. В самом деле, цивилизации создают связи, т. е. порядок, между тысячами благ культуры, фактически разношерстных, на первый взгляд чуждых друг другу, – от тех, что связаны с духовной жизнью и разумом, до предметов и орудий повседневной жизни.

По словам англичанина, ездившего в Китай в 1793 г., «самые обычные орудия имеют [там] некоторые особенности в конструкции. По правде говоря, часто это легкое отличие, но оно ясно указывает, что орудия, более или менее пригодные для выполнения той же работы, что и орудия других стран, не послужили образцом одни для других. Скажем, верхняя поверхность наковальни, которая повсюду в других местах плоская и слегка наклонная, в Китае имеет выпуклую форму». И такое же замечание по поводу кузнечных мехов: «Мех выполнен в виде коробки с настолько хорошо пригнанной подвижной крышкой, что, когда эту крышку оттягиваешь назад, пустота, каковая возникает в коробке, заставляет воздух бурно врываться через отверстие вроде клапана и в то же время выходить из противоположного отверстия»¹. Отсюда далеко до больших кожаных мехов европейских металлургических заводов.

¹ Macartney G. *Voyage dans l'intérieur de la Chine...* Op. cit., III, p. 159.

* Ла Палис, Жак де Шабань (1470–1525 гг.) – французский полководец, убит в сражении при Павии. В солдатской песне о нем есть такие строки: «За четверть часа до смерти он был еще жив» (в том смысле, что он сражался до последнего дыхания). Но со временем первоначальный смысл этих строк был забыт и выражение «une vérité de La Palisse» стало употребляться в смысле «старой песни, избитой истины». Журден – персонаж из комедии Мольера «Мещанин во дворянстве». – Прим. ред.

Это факт, что каждый мир с густым населением выработал ряд простейших ответов [на свои потребности] и обнаруживает прискорбную тенденцию держаться за эти ответы в силу инерции, одной из великих работниц истории. И тогда – что такое цивилизация, как не становление в древности определенной человеческой общности в определенном месте? Это одна из категорий истории, необходимый вид классификации. Человечество стало проявлять тенденцию к превращению в *единую общность* (и оно еще не достигло этого) лишь с конца XV в. До того времени и во все большей и большей степени, по мере того как мы продвигаемся в глубь веков, оно разделялось как бы между разными планетами, каждая из которых давала приют особой цивилизации или особой культуре со своим своеобразием и своим длительным по времени выбором. Даже будучи близки одни к другим, решения проблем не могли бы слиться воедино.

Длительная временная протяженность (*longue durée*) и цивилизация, эти две предпочтительные категории, требуют наряду с собой и дополнительной классификации, присущей [всем] обществам, которые также присутствовали повсеместно. Все связанное с людьми – социально: для историка или социолога то в конечном счете мысль, достойная Ла Палиса или г-на Журдена*. Но банальные истины тоже кое-что значат. Целыми страницами говорил я о богатых и бедных, о роскоши и нищете, о двух [противоположных] «берегах» жизни. Эти истины однообразны – что в Японии, что в Англии эпохи Ньютона, что в доколумбовой Америке, где еще до прихода испанцев очень строгие запреты регулировали ношение одежды, дабы она отличала народ от его господ. Когда европейское владычество свело тех и других к статусу покоренных «туземцев», регламентация и различия исчезли (или почти исчезли). Ткань одежды –

грубая шерсть, хлопок или материя из волокна агавы (мы бы сказали, мешковина) – теперь лишь с трудом позволяла отличать их друг от друга.

Но еще более, чем об *обществах* (слово это, несмотря ни на что, весьма расплывчато), следовало бы говорить о *социоэкономиках*. Маркс прав: разве тому, кто владеет средствами производства, землей, судами, станками, сырьем, готовым продуктом, не принадлежит и господствующее положение? Остается, однако, очевидно, что одних только этих двух координат, общества и экономики, недостаточно. Государство во множестве форм, будучи одновременно и причиной и следствием, навязывало свое присутствие, нарушало отношения, вольно или невольно вносило в них отклонения. Оно играло свою, часто весомую роль в тех сооружениях, которые с помощью определенной типологии можно сгруппировать в различные социоэкономики мира: одни – с рабством, другие – с сервами и сеньерами, третьи – с деловыми людьми и предкапиталистами. Это значит вернуться к языку Маркса, оставаться на его стороне, даже если отказаться от его точных выражений или слишком строгого порядка, при котором всякое общество должно было бы плавно переходить от одной из своих структур к другой. Проблема остается проблемой классификации, проблемой продуманной иерархии обществ. И никому не уйти от этой необходимости, притом начиная с уровня материальной жизни.

* * *

Уже один тот факт, что такие проблемы – долговременные циклы развития, общество, экономика, государство, иерархия «социальных» ценностей – оказываются неизбежны на уровне скромных реальностей материальной жизни, доказывает, что уже там история предстает со своими загадками, своими сложностями – теми же самыми, с которыми сталкиваются все общественные науки, имея дело со своим предметом. Человек никогда не сводился к персонажу, который можно было бы с приемлемым упрощением охватить весь [целиком]. Это тщетная мечта многих. Едва только его поняли в самом простом его аспекте, как человек снова утверждает себя в обычной своей сложности.

Да и не потому посвятил я годы работы этому уровню истории, что считал его более простым или более ясным. И не потому, что он якобы важнейший с количественной точки зрения или им обычно пренебрегает «большая» история. И не потому (хотя такое соображение и имело в моих глазах вес), что этот уровень обрекал меня на занятия чем-то конкретным в нашу современную эпоху, когда, что вполне логично, философия, социальные науки и математизация обезчеловечивают историю. Такой возврат к питающим корням соблазнял меня, но не был решающим. А разве возможно добиться хорошего понимания экономической жизни, взятой в целом, не исследовав прежде всего самые основы ее здания? Именно эти основы я желал наметить в настоящей книге, и именно на них будут построены два тома, которые следуют за ней и завершают предприятие.

С экономической жизнью мы выйдем из рамок рутины, из рамок неосознанной повседневности. Но экономическая жизнь – это снова закономерности. Древнее и прогрессивное разделение труда вызвало необходимые разграничения и контакты, которыми питается активная и сознательная каждодневная жизнь с ее ничтожными прибылями, с ее микрокапитализмом, который, едва оторвавшись от обыкновенного труда, даже еще не кажется ненавистным. А еще выше, на последнем «этаже», мы поместим капитализм с его широкой ориентацией, с его механизмом функционирования, который тогда уже казался большинству смертных дьявольским. Что общего имеет такое усложнение, спросят меня, со скромной жизнью в нижней части шкалы измерения? Может быть, все, ибо оно включает эту жизнь в свое движение. С первой же главы этой книги я старался это показать, подчеркивая перепады уровней *лишенного равенства мира* людей. Как раз такие неравенства, несправедливости, противоречия, большие или крохотные, оживляли мир, непрестанно его преобразовывая в верхних, единственных по-настоящему подвижных его структурах. Ибо один только капитализм обладал относительной свободой движения. В разные времена он мог предпринять удачную операцию там или тут, мог обратиться (попеременно или одновременно) к прибылям от торговли или от мануфактуры, даже к доходам от земельной ренты, от государственных займов или от ростовщичества. Перед лицом малогибких структур материальной жизни (и в не меньшей степени – обычной экономической жизни) ему дано было выбирать области, куда он желает и может вторгнуться, и те, какие он предоставит их собственной судьбе, без конца воссоздавая из своих первичных элементов свои собственные структуры и мимоходом понемногу трансформируя чужие.

Именно это сделало из предкапитализма экономическое «воображение» мира, источник или признак всякого великого материального прогресса и всех самых тяжелых форм эксплуатации человека человеком. И не только по причине присвоения «прибавочной стоимости», труда людей. Но также и благодаря той диспропорции в силах и положении, которая ведет к тому, что, как в национальном масштабе, так и в масштабе всего мира, всегда имелись, в зависимости от обстоятельств, то ли место, которое можно занять, то ли сектор, более выгодный для эксплуатации, нежели другие. Какой же колоссальной привилегией было выбирать, иметь возможность выбирать, даже если на деле выбор бывал довольно ограниченным!

СПИСОК ГРАФИКОВ

- 46 – Мексика: человек уступает место стадам
- 51 – Население мира (XIII–XX вв.)
- 64 – Битва при Павии
- 84–85 – Демографические показатели в старину: крещения и погребения
- 87 – Движение французского населения перед Революцией
- 125 – Цены на пшеницу и овес согласно Парижскому преискуранту
- 145 – Режим питания в прошлом
- 147 – Бюджет семьи каменщика в Берлине около 1800 г.
- 149 – Заработная плата и цена ржи в Геттингене (XV–XIX вв.)
- 150 – Два примера реальных цен на пшеницу
- 154 – Вес хлеба и цены на пшеницу в Венеции в конце XVI в.
- 247 – Колодец-водосборник в Венеции
- 300 – Парижские жилища в XVI в.
- 527 – План Парижа во время Революции

СПИСОК КАРТ И СХЕМ

- 56 – Внутренние миграции в Китае в XVIII в.
- 67 – Перенаселенные области и зоны эмиграции во Франции 1745 г.
- 70–71 – Цивилизации, «культуры» и первобытные народы около 1500 г.
- 75 – Бразильские экспедиции (бандейры) (XVI–XVIII вв.)
- 113 – Миграции в Евразии (XIV–XVIII вв.)
- 181 – Карта названий кукурузы на Балканах
- 191 – «Пояс» мотыжных культур
- 194 – Миграции меланезийцев и полинезийцев до XIV в.
- 209 – Торговля крупным рогатым скотом в Северной и Восточной Европе около 1600 г.
- 374 – Коневодство во Франции в XVIII в.
- 435 – Великие географические открытия: плавание по Атлантическому океану на Юг и обратно
- 438 – Плавание корабля «Сент-Антуан»
- 454–455 – Как приходили в Венецию новости

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

- 43 – Варшава в 1795 г.
- 44 – «Чума филистимлян»
- 48 – Идеальное представление о Конкисте
- 61 – Лед на Темзе в 1814 г.
- 72 – Деревня в Чехии в 1675 г.
- 79 – Охота на тюленя шведских охотников в XVII в.
- 81 – Охота на кабана в Баварии
- 83 – Охота в Персии в XVII в.
- 89 – «Кормление голодающих» (XVI в.)
- 90 – Оборванные и изголодавшиеся испанские солдаты (1641 г.)
- 92 – «Милостыня Диего де Алькала»
- 95 – Лечение сифилиса прижиганием
- 96 – Китаец, пораженный сифилисом (XVIII в.)
- 98 – Крестный ход против чумы (XV в.)
- 100 – Чума крупного рогатого скота (1745 г.)
- 106 – Уличные сценки в Гоа конца XVI в.
- 108 – Монгольские всадники на охоте (XV в.)
- 110 – Караван, направляющийся в пустыню
- 119 – «Обед жнецов»
- 121 – Жатва в Индии в XVI в.
- 127 – Сбор каштанов в XIV в.
- 129 – Пахота (XIV в.)
- 131 – Сев (XIII в.)
- 134 – «Жнец» В. Ван Гога
- 134 – Жнец, из «Часослова Богоматери»
- 140 – Перевозка хлеба на мулах в Италии
- 142 – Международная торговля хлебом на Висле
- 152 – Трапеза в голландской крестьянской семье
- 156–157 – Рынок на Перлахплац в Аугсбурге (XVI в.)
- 158 – Хлебная печь в Кракове (XV в.)
- 159 – Плотность расположения мельниц
- 162 – Рисовый питомник в Китае (XIX в.)
- 168 – Обмолот риса вручную
- 169 – Обмолот риса цепами
- 170–171 – Два аспекта выращивания риса
- 175 – Женщина, растирающая маис в муку
- 177 – Индейская плантация маиса
- 184–185 – Инки сажают и собирают картофель
- 187 – Картофель – пища простонародная
- 189 – Пшеница в Америке
- 197 – Обмен в Новой Зеландии
- 201 – Венецианский банкет в XVI в.
- 207 – Пиршество в Париже в XVIII в.
- 210 – Обилие мяса и птицы на рынке XV в.
- 212 – Крестьянский ужин (XVII в.)
- 214 – Продажа соленого мяса
- 218 – Утонченность китайской кухни
- 221 – Стол, накрытый для свадьбы в Кане
- 223 – Столовый прибор с ручками из слоновой кости (XVII в.)
- 225 – Тайная вечеря (XV в.)
- 231 – «Старуха с яйцами»
- 233 – Охота на кита
- 238 – Лов трески
- 240 – Перевозка пряностей
- 244 – Сахарные головы и приготовление сиропа

- 250 – Кухня в XVII в.
- 252 – «Пить для опьянения»
- 253 – Трапеза в монастыре
- 255 – Парижский кабачок в XVIII в.
- 259 – Пивоварня «Три лилии» в Гарлеме (XVII в.)
- 261 – Пиво, вино и табак
- 265 – Русский торговец квасом в XVIII в.
- 270 – «Завтрак с шоколадом»
- 271 – Шоколад в Италии
- 272 – Чай в Китае
- 274 – Голландцы и китайцы, пьющие чай в Десиме в XVIII в.
- 275 – Турецкая кофейня в Стамбуле
- 278 – Кафе «Прокоп»
- 282 – Табак и портвейн в Англии в XVIII в.
- 284 – Весельчак – любитель выпить
- 289 – Улица в Дельфте
- 290 – Деревня около Нюрнберга в 1600 г.
- 292 – Мост Турнель в Париже около 1620 г.
- 293 – Японский дом
- 295 – Немецкие крестьянские дома в XVI в.
- 296 – Драси – деревня, заброшенная около 1400 г.
- 302 – Вилла Медичи в Треббико
- 305 – «Русский ужин» в XVIII в.
- 307 – Китайский ученый
- 310 – Персидская миниатюра (XV в.)
- 311 – Французский писатель (XVIII в.)
- 312 – «Женщины Индостана» в часы трапезы
- 313 – Испанские придворные дамы, наблюдающие за охотой
- 316 – Интерьер бюргерского дома в Германии XV в.
- 320 – Испанская жаровня
- 322 – Женщина перед печкой
- 323 – Приготовление пищи не нагибаясь
- 325 – Поставец с золотой посудой
- 329 – Буржуазный интерьер в Голландии (XVII в.)
- 330 – Фламандский интерьер (XVII в.)
- 335 – Китайский мандарин (XVIII в.)
- 336 – Крестьяне Фландрии в XVI в.
- 340 – Черный костюм по испанской моде
- 342 – Цокколи
- 343 – Герцогиня Магдалина Баварская
- 346 – Турки в XV в.
- 349 – Английский торговец шерстью
- 352 – Ванна XV в.
- 354 – Бургомистр Дирк Якобзон и его семья
- 358 – Жатва косой в XVI в.
- 362 – Китайцы, тянущие лодки бечевой
- 363 – Деталь изображения серебряного рудника в Кутной Горе около 1490 г.
- 365 – Караван лам в Перу
- 367 – Египетская нория в XVIII в.
- 371 – Ловля диких лошадей в Маньчжурии в XVIII в.
- 378 – Мельница с горизонтальным водяным колесом (XV в.)
- 379 – Механизм водяной мельницы (1607 г.)
- 382 – Ветряная мельница
- 383 – Машины и зубчатые передачи из дерева
- 385 – Английская ветряная мельница (1652 г.)
- 389 – Дровосеки за работой около 1800 г.
- 391 – Лион в XVII в.
- 394 – Медеплавильня в Тюрингии
- 397 – Французский рудник около 1600 г.
- 400 – Японская кузница в XVII в.
- 401 – Изготовление мечей в Японии
- 402 – Индийский кинжал XVII в.
- 404 – Механизированная кузница в Тироле
- 407 – Постоялый двор XV в.
- 408 – Серебряные рудники в Ла-Круа-де-Лоррэн (XVI в.)

- 411 – Артиллерия бомбардирует городские стены (XV в.)
- 413 – Перевозка пушек (XV в.)
- 415 – Артиллерия на борту кораблей
- 417 – Адмиралский корабль (XVII в.)
- 420 – Аркебузиры в XVI в.
- 425 – «Библия» Гутенберга, так называемая тридцатистрочная Библия
- 429 – Венеция и вход в лагуну (XV в.)
- 431 – Корабль с треугольными парусами
- 432 – Торговый корабль XVII в.
- 437 – Китайские суда на реке
- 442 – Дорога в XVII в.
- 443 – Дорожная станция в XIX в.
- 447 – Механизмы шлюза (рисунок 1607 г.)
- 449 – Варшава в XVIII в.
- 459 – Средневековый подъемный кран в Брюгге
- 460 – Двойной подъемный кран в дюнкеркском порту
- 465 – Сборщики податей
- 469 – Кончина «Господина Кредита»
- 472 – Деньги из коры тутового дерева
- 474 – Бронзовый жетон купцов Перуцци
- 475 – Денежный билет, выпущенный колонией Массачусетс
- 482 – Китайская «банкнота» XIV в.
- 482 – Монеты минской эпохи
- 484–485 – Купцы на пекинских улицах
- 489 – Чеканка монеты (1521 г.)
- 490 – Руки купца Якоба Фуггера
- 495 – Золотые монеты XIII и XIV вв.
- 498 – Ростовщик
- 503 – Банковский билет Лоу
- 511 – Вид г. Брив с воздуха
- 515 – Сцена на рынке
- 519 – Снабжение Бильбао
- 523 – План Милана
- 524 – Городская стена и ворота Пекина в начале XVIII в.
- 529 – Генуя в XV в.
- 534 – Рынок в Барселоне (XVIII в.)
- 538 – Севильский порт (XVI в.)
- 540 – Базар в Александрии в конце XVIII в.
- 545 – Нюрнберг в XV в.
- 548–549 – Париж, мост Нотр-Дам и пристань, где торгуют пшеницей (XVIII в.)
- 555 – Вид Старой площади в Гаване
- 557 – Стамбул в XVI в.
- 562 – Площадь Сент-Джеймс-сквер в Лондоне (XVIII в.)
- 564–565 – Неаполь в XV в.
- 567 – Портшез в Неаполе в XVI в.
- 569 – План Санкт-Петербурга в 1790 г.
- 573 – Дрожки санкт-петербургского горожанина (XVIII в.)
- 575 – Пекинская улица в начале XVIII в.
- 577 – Пекин в XVIII в.
- 580 – Пекинские лавки
- 582–583 – Лондонский порт в конце XVIII в.
- 585 – Вестминстер во времена Стюартов

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абель В. 148
Абрамс Ф. 510
Агрикола (Бауэр) Георг 379, 408, 458
Адам Роберт 331
Адан Жан 581
Адан Эдуард 264
Айяла Розелин де 36
Акбар Джелаль-ад-дин (Акбар Великий) 479
Аламинос 444
Аларих 239
Алессандро делле Пурификационе 500
Ал-Кинди 267
Альба, герцог 372, 373, 418, 493
Альпини Просперо 276
Амбруз-Дидо Франсуа 1 426
Амбрэ 49
Амман Йост 459
Анна Австрийская 105, 223
Анна, королева Англии 562
Аполлоний из Перги 427
Арагонский, кардинал 230
Арбо Туано 210
Аржансон, маркиз д' 553
Аристофан 547
Арманьяк, кардинал д' 100
Артсен Питер 337
Артур, король 326
Архимед 427
Атабинен Решид Сафет 109
Аттила 109
Аурангзеб 91, 231, 362, 422, 559
Аэдо Диего де 334
Ашер Э. П. 50, 55, 73
- Бабур Захиреддин 111, 422
Балаж Этъенн 36
Барбон Николас 347
Барбье Эдмон Жан Франсуа 492
Барди, семейство 143
Барроу Джон 204, 311, 436
Бассано Якопо 226
Батайон Марсель 365
Баторий Стефан 528
Бауэр, генерал-лейтенант фон 568
Бауэр Г. – см. Агрикола
Бах Иоганн Себастьян 106
Башлар Гастон 202
Баярд 254, 417
Бейкельсзон Виллем 233
Белл Джон 114
- Белох К. Юлиус 49, 58, 66, 72
Бенедикт XII, папа Римский 143
Беринг Витус 114
Беркбек Моррис 516
Бернар Жак-Самюэль 298
Бессемер 399
Беханзин 471
Би Шэн 424
Блок Марк 5, 7, 8, 357, 381
Бодэн Жан 251, 434
Бозерап Эстер 191
Боккаччо Джованни 99
Боннак, маркиз де 461
Боннефон Никола де 220
Бонниве Гийом де 63
Бора 46
Босс Абрахам 329
Ботелью Диогу 439
Ботеро Джованни 370
Бракенхоффер 318
Браманте 530
Брандт Изабелла 342
Брантом 66
Браун Ф. 148
Брейгель Ян 337, 440
Бриссо Жак Пьер 476
Бродель Поль 36
Бросс Шарль де 566
Броувер Адриан 304
Брюнель Антуан де 66
Буало 241
Бугенвиль Луи-Антуан де 45, 196
Бугер Пьер 458
Бурбон коннетабль де 63
Бургундский, герцог 223
Бэкон Роджер 411
Бэрроу Джон (Burgough) 450
Бюдкалер Йоахим 206
Бюйе Бартеlemi 427
Бюро, братья 413
Бюсси (Бюсси-Кастельно) Шарль 117
Бюффон Жорж-Луи 256, 373, 397
Бюшнелл 461
- Вагеман Эрнст 45, 441, 514
Валери Поль 60, 450, 456
Валленштейн И. 65, 298
Валуа 233
Валуа, бургундские 206, 342
Вальдфогель Прокоп 424
Вальер, генерал де 414
Ван Аудермелен 508
Ван де Бассен Б. 329
- Ванденбрук К. 187
Ван дер Вейден Рогир 328
Ван Сантвоорт Д. 341
Ван Эйк Ян 328
Варрон 239
Васко да Гама 241, 428, 432, 439, 446, 480
Вашингтон Джордж 105
Вашингтон Огастин 105
Вебер Макс 541
Вежънек 298
Вейгерт 264
Вельзеры, семейство 35
Верар Антуан 427
Вербист Фердинанд 80, 581
Верне Клод-Жозеф 298
Версори Никола 99
Вехтер Г.-Х. 136, 139
Вивальди, братья 432
Виверо Родриго 179, 306, 345, 421, 436, 439, 560
Видал де Лаблаш Поль 68, 439
Вико Джамбаттиста 565
Вилламон, сеньер де 223
Виллар Клод, маршал де 65
Виллар де Оннекур 378
Вильгельм III 562
Вильнёв Арно де 239, 261
Виталий Ордерик 339
Войтинский 49
Вольтер Франсуа Мари Аруз 38, 103, 256, 298, 315, 533
Вольней Константен-Франсуа 336, 539
Вос Корнелис де 342
- Габриель Жак 321
Габсбурги 233, 552
Галиани, аббат 493, 494, 498, 499
Галоз, граф де 189
Гальвес Бернардо 268
Ганнибал Барка 78
Гарвей Уильям 467
Гаскон Ришар 512, 516
Гаттинара Меркурио 414
Гевара Антонио де 390
Генрих II 414
Генрих III 250, 492, 496
Генрих IV 94, 333, 202, 206
Генрих VIII 373, 419, 587
Георг II 271
Георги Йоганн Готлиб 567, 572
Гизы 298

- Гильом из Нанжи 339
 Гинь М. де 167, 229, 293
 Главк 470
 Гмелин Иоганн Георг 267
 Гойя Франсиско 179
 Гольбейн Ганс Старший 328
 Гомер 470
 Гоори Жак 283
 Гораций 239
 Готье Теофиль 371
 Грамон Сципион де 508
 Грандами Р. 149
 Грез Жан-Батист 298
 Греко, Эль Греко (Теотокопули Доменико) 298
 Грешэм Томас 491, 587
 Грибоваль Жан-Батист Вакетт де 414
 Гросли П. Дж. 215
 Груссе Рене 59
 Гуго Капет 160
 Гумбольдт Александр 137, 179, 364, 433
 Гурвич Жорж 509, 594
 Гуру Пьер 167, 170, 171, 192, 273
 Густав-Адольф 143–144, 418
 Гутенберг 424, 426
 Гюйгенс Х. 458
- Даванцати Бернардо 497
 Давид Жак-Луи 319
 Дантышек 436
 Деккер Томас 97, 344, 531, 581, 585, 588
 Деламар Никола 270
 Делла Валле Пьетро 276
 Дельбрюк Ганс 108
 Дефо Даниэль 73, 101, 533
 Джанноне Пьетро 566
 Джекобс Дж. 515
 Джемелли Карери Джованни Франческо 78, 176, 188, 189, 216, 224, 269, 311, 361, 449, 467, 479, 485, 532, 536, 539
 Дженкинсон Энтони 118, 119
 Джахангир 481
 Джованни Франческо Романо 192
 Джонсон Сэмюэл 581
 Джунта, династия 427
 Дзонки Витторио 458
 Дидро Дени 153, 459
 Диомед 470
 Добжански Т. 203
 Дон Кихот 384
 Допш Альфред 476
 Драгоне де Фогасс Франсуа 100
 Дрейк Фрэнсис 251
 Дуэ д'Арси 239
 Дюваль Жан-Батист 164, 167, 436, 537, 576
 Дюбуа, кардинал 228
 Дюкло Шарль 224
 Дюплекс Жозеф-Франсуа 117
 Дюперон 461
 Дюпре де Сен-Мор 126, 152
- Дюпре д'Онэ 65
 Дюфло Шарль 277
 Дюшен Анни 36
 Дэвис Кингсли 57
- Евгений, принц 373
 Евклид 427
 Екатерина II 115, 122, 567, 568
 Елизавета I, королева Англии 89, 290, 491, 581, 584, 586, 587
 Елизавета II 471
 Елисеев Серж 36
- Жак д'Амбуаз 298
 Жаннекен Клеман 234
 Жерне Жак 36
 Житкович Л. 136
 Жоли Бартеlemi 380
 Жуайез, герцог де 316
 Жуан II 439
 Журден 595
- Захау Эрнст 448
 Зомбарт Вернер 33, 142, 202, 215, 545, 546
 Зюсмилх Й. П. 106
- Ибн Баттута Абу Абдаллах Мухаммед 448, 510
 Иван Грозный 422
 Иоанн Добрый 475
 Ирод 226, 326
 Ирсон Тьерри д' 136
- Йерсен 98
- Кайе Рене 448
 Калло Жак 279
 Камю Альбер 98
 Кано Томе 434
 Кантйон Р. 497, 507, 513, 563
 Карл Великий 239, 257
 Карл Злой 262
 Карл Смелый 351, 372
 Карл I, король Англии 503
 Карл II, король Англии 376, 585
 Карл V, король Франции 104
 Карл V, император, король Испании 104, 127, 254, 260, 312, 318, 354, 414, 436, 441, 491
 Карл VI, император 144, 347
 Карл VII, король Франции 411, 413
 Карл VIII 228, 351, 353, 373, 410, 413, 491
 Карл IX, король Франции 95
 Карлетти Франческо 467
 Карпаччо Витторе 328
 Карр-Саундерс 53, 55
 Картуш 280, 594
 Катон Старший 239
 Кейнс, лорд 493, 506
 Кель Михаль 36
 Кемпфер Э. 78, 267, 381, 445
 Кенэ Франсуа 135, 136, 368, 493, 563
- Кёр Жак 35, 409
 Кикран де Божэ 373
 Кинг Грегори 54
 Клавьер Этьенн 476
 Клузиус Каролус 186
 Кнауст Генрих 259
 Кобергер Антон 427
 Колас Аарон 269
 Колумб Христофор 49, 96, 174, 180, 281, 432, 434, 444, 446
 Колхаун 590, 591
 Кольбер Жан-Батист 236, 387, 388, 421
 Кольтелли Франческо Прокопио (Куто Прокоп) 277
 Колэн Арман 36
 Конде, принц де 340
 Контарини Франческо 342
 Конти, княгиня де 219
 Кореаль 105, 176
 Коризйт Томас 223, 326
 Корнаро 243
 Корнаро Катарина 243
 Кортес Фернан 47, 195 266, 335
 Костер 424
 Кромвель Оливер 503
 Кук Джеймс 45, 196, 197
 Кула Витольд 256
 Кулишер Александр 111
 Кулишер И. 33, 513
 Кулишер Эуген 111
 Куровский Стефан 398, 407
 Куртелин (Жорж Муано) 144
- Лаба Жан-Батист 224, 313, 336, 470
 Лабиньетт Мари-Тереза 36
 Ла-Блуа Тифан 465
 Лабрус Эрнест 9
 Ла Буллэ Франсуа 474
 Лавальер, мадемуазель де 329
 Ла Варенн Франсуа-Пьер 241
 Лавуазье Антуан-Лоран 166, 213, 373, 461, 563
 Ладам П. А. 49
 Ланди Ортенцио 205
 Ланнуа (Ланноа) Карл де 63
 Лампрехт Карл 49
 Лаонтан, барон де 197
 Ла Палис Жак де Шабань 595
 Ла Рок де 276
 Лас Касас Бартоломе де 47
 Лас Кортес П. де 79, 122, 128, 164, 165, 167, 168, 216, 274, 310, 334, 369, 421, 448, 484, 579
 Ласлетт Петер 65
 Лаффема Бартеlemi 202, 256
 Леви-Стросс К. 542
 Легран д'Осси 147, 258, 278
 Лексис У. 493
 Лемери Луи 124, 127, 214, 228, 229, 264, 281
 Леон Пьер 397
 Леопольд, герцог Тосканский 566
 Лери Жан де 267

- Лерма 298
 Ле Руа Л. 424
 Лескалопье Пьер 443
 Лескарбо Марк 197
 Лефевр Жорж 594
 Лефевр дэ Нозтт, майор 357
 Лиль Алэн де 543
 Липпомано Джироламо 205
 Лисаррага 80
 Ло Фердинанд 131
 Лодовико Моро 413
 Локателли, аббат 344
 Локк Джон 467
 Ломбар Дени 36
 Ломбар Морис 543
 Лотрек Оде де Фуа, виконт 63, 64, 417
 Лоу Джон 468, 501, 504, 506
 Лузиньяны, династия 243
 Луллий Раймунд 261
 Людовик IX (Людовик Святой) 45, 428, 495, 526
 Людовик X Сварливый 445
 Людовик XI 160, 375
 Людовик XII 253, 262, 298, 353, 414
 Людовик XIII 61, 66, 95, 326, 354, 360, 373
 Людовик XIV 40, 61, 144, 160, 223, 232, 269, 298, 301, 327, 329-331, 337, 352, 355, 372, 373, 375, 388, 416, 451, 461, 495, 505, 546, 553, 559, 560
 Людовик XV 327, 330, 331, 414, 496, 560
 Людовик XVI 327, 332, 426, 561, 591
 Лютер Мартин 241
 Льебо Жан 368

 Мабли Габриель Бонно де, аббат 59, 98, 241
 Магальяйс-Годинью В. 480, 487
 Магальянш Габриель де 361, 369, 392, 447, 483, 574, 576, 578, 581
 Магеллан 196, 410, 467
 Мазарини Джулио 199, 298
 Мазохери Али 402
 Макартни 82, 293, 436
 Маккаи Ласло 381
 Мак-Нил Уильям 102, 103
 Максимилиан I, император 39, 413, 594
 Малерб 96
 Малибян 277
 Мамфорд Левис 331, 540, 546, 590
 Мандельсло Иоганн Альбрехт 168, 267
 Манрике Себастьян 483
 Мансар Жюль 321
 Мануций Альд 427
 Мараньон Грегорио 97
 Марграф 245
 Мария, королева Англии 298
 Мария-Каролина 566
 Мария Тереза 269
 Маркс Карл 489, 509, 546, 596
 Маркес Миранда Фернандо 178
 Мартен Пьер 399
 Мартин V, папа Римский 248
 Масуди (ал-Масуди) 433
 Маурицио 120
 Машере 91
 Медичи 331, 552
 Медичи Екатерина 199, 282, 316
 Медичи Козимо 372
 Медичи Лоренцо (Лоренцо Велликолепный) 552
 Медичи Мария 153, 248
 Мейер Жан 155
 Мелвилл Герман 332
 Мендоса Даниэль 589
 Мендоса Педро де 436
 Ментенон, мадам де 461
 Менш 462
 Мерсье Себастьян 67, 148, 153, 202, 255, 280, 288, 317, 324, 331, 344, 345, 364, 376, 493, 500, 521, 533, 553, 561, 563, 573, 591
 Метуэн, лорд 251
 Миели Альдо 411
 Мины, династия 482, 483, 579
 Мирабо Виктор Рикети, маркиз де 563
 Мишель Ж.-Ф. 532
 Мишле Жюль 203, 281
 Момберт Пауль 49, 57, 58
 Мондехар, герцог де 254
 Монлюк Блез де 417
 Монморанси Анн де, коннетабль 104, 504
 Монпансье, мадемуазель де 215
 Монтегю Мэри, леди 352
 Монтекукколи Алонсо 95
 Монтень Мишель де 99, 100, 208, 220, 222-224, 230, 301, 318, 319, 321, 323, 419
 Монтескье Шарль-Луи 118, 230, 461
 Монтеспан, мадам де 329
 Монтозье, герцог де 223
 Мор Томас 537
 Морган Жак-Жан-Мари 398
 Мориак Франсуа 537
 Мосс Марсель 202, 357
 Моут Ф. У. 203, 268
 Мюллер Генрих 211
 Мюльье Жак 132, 135
 Мюнцер Томас 80
 Мюссе Альфред 283

 Наваджеро Андреа 66
 Наполеон I Бонапарт 414, 450, 456
 Неккер Жак 158
 Неф Джон 407
 Нибур К. 105
 Нико Жан 282
 Ньюкомен Томас 461
 Ньютон Исаак 595

 Одрикур Ж. 360, 400
 Орфордский, герцог 302
 Октавиан 323
 Оливье Франсуа 354
 Онуа, графиня д' 324
 Орлов Г. Г., граф 571
 Ортелий (Абрахам Ортель) 243
 Осман Жорж 530
 Осман-ага 105, 151, 152, 306
 Оссон Мураджа д' 334
 Очоа Жозиана 36

 Палатинская принцесса (Шарлотта-Елизавета Баварская) 40, 223, 320
 Паллавичини 160
 Паре Амбруаз 237
 Пармантье Антуан-Огюстен 155, 186
 Паскаль Блез 205
 Паскье Этьенн 497
 Патэн Ги 254, 264, 270
 Пеголотти Франческо 481
 Пепис Семюэл 99, 234, 270, 376
 Перикл 171, 554
 Перье, братья 249
 Пескара Франческо Ферранте, маркиз 63
 Петр Великий 76, 112, 115, 199, 215, 471, 474, 567, 570
 Петрарка Франческо 358
 Петти Уильям 86, 467, 497, 505, 588
 Пигафетта Филиппо 183
 Пиньейру да Вега Бартоломе 250
 Пиренн Анри 359, 536
 Пиркхеймер Виллибальд 545
 Плавт 239
 Плантэн Кристоф 427
 Платтер Томас 390
 Платтер Феликс 253
 Плиний 239
 Поло Марко 445, 446, 558
 Пома де Айяла 176
 Пони Карло 347
 Потри 197
 Прац Марио 356
 Прево, аббат 197
 Приули 242
 Пти Жан 427
 Птолемей 433
 Пуавр Пьер 242
 Пуансо П. Ж. 360
 Пугачев Емельян 98
 Пужад Жан 428
 Пфистер Альбрехт 426
 Пюссо Жан 518

 Рабле Франсуа 206, 208
 Разийи, шевалье де 416
 Рамелли Агостино 384, 458
 Рампоно 256
 Рамфорд (Бенжамин Томсон), граф 324
 Рассел Дж. К. 50, 54

- Ратцель Фридрих 77
 Рафаэль дю Ман 539
 Рафаэль (Рафаэлло Санти) 321
 Рача Сулейман Мустафа 276
 Рейналь, аббат 245
 Рейнар М. 49, 513
 Рембрандт 299
 Реомюр 401
 Ретиф де Ла Бретонн Никола 352
 Рец Франсуа Поль де Гонди, кардинал де 66
 Риос Бальтасар 461
 Ричард II 412
 Ришелье Арман Жан дю Плесси 66, 126, 225, 269, 416, 441, 559
 Розенблат А. 46, 49
 Розенберги, семейство 74
 Рошер Вильгельм 185
 Рубенс 329, 342
 Рудольф Габсбург 446
 Рупнель Гастон 93
 Руссо Жан-Жак 591
 Рэ Жан 461
 Рэли Уолтер 186, 450
 Рюэль Жан 180
 Рюэф Жак 202
- Савари дэ Брюлон Жак 234, 255, 266, 283, 317
 Сальвиати, монсиньор 220
 Санд Жорж 283
 Сануто (Санудо) Марино 205, 242, 450, 533, 551
 Сартр Жан Поль 100
 Саския 299
 Севинье, мадам де 269, 333, 466
 Сегье Пьер, канцлер 270
 Селим 252
 Сен-Симон, герцог де 223
 Сент-Илер Огюст де 179, 364
 Сент-Экзюпери 68
 Сеньелэ, маркиз де 258
 Сервантес 535
 Серр Оливье де 135, 182, 186
 Сикст V, папа Римский 494, 530, 573
 Сименс 399
 Симпсон 46
 Синдбад-Мореход 439, 449
 Сликер ван Бат Б. 137
 Смит Адам 186, 188, 452, 453, 470, 473
 Снелл 460
 Спенсер Дж. 203, 204
 Спинола, семейство 146
 Стаунтон Джордж 55, 267, 271, 436, 437, 448
 Стен Ян 304
 Стендаль (Бейль Анри) 247, 536
 Сторачи Джованни Виченцо 160
 Стоу Джон 530, 584
 Стронголи, князь 565
 Стюарты, династия 200
 Сулейман Великолепный 252
 Суны, династия 432
- Сципион 257
 Сэ Жан-Батист 336, 453
 Сюлли 354, 392, 494
- Тавернье Жан-Батист 215, 276, 370, 401, 478
 Талл Джетро 130
 Тамерлан 346
 Тарден Жан 461
 Тасман Абель Янсон 45, 196
 Теве Андре 282
 Телемак 172
 Тененти Альберто 36
 Тененти Бранислава 36
 Тенирс Давид 279
 Тернер Ф. Дж. 114
 Тилли Иоганн Церклас 420
 Токвиль Алексис де 16
 Толедо Пьетро ди 530
 Толон Морис де 101
 Томас 399
 Горнер Даниель 36
 Тот, барон фон 224
 Траян 348
 Тутэн Ж.-К. 136
 Тэн Ипполит 592
 Тюрго Анн Робер Жак 139, 142, 144, 451, 496
- Уайт Л. 357
 Уатт Джеймс 460
 Уилкокс У. Ф. 52, 55, 57
 Уоллис Семюэл 196
 Уолпол 302
 Урданета 444
 У Сангуй 50
 Устарис Херонимо де 200, 275
- Фай Ноэль дю 295, 464
 Фальконе Этьенн-Морис 570
 Февр Люсьен 5, 7, 8, 33
 Фердинанд Католик 239
 Фердинанд, король Неаполя 566
 Ферранте, король Неаполя 530
 Филиберт Шалонский, принц Оранский 63
 Филипп II 7, 97, 104, 340, 461, 493, 504, 553
 Филипп III 229, 249
 Филипп IV 339, 341
 Филипп VI Валуа 411
 Филипп Робер 380
 Финей Оронций 62
 Фишер Ирвинг 498, 499
 Фома Аквинский 543
 Форэ де Белидор Бернар 360, 458
 Фрагонар 298
 Фра Мауро 433
 Франциск I 63, 64, 79, 199, 262, 354, 388, 414, 419, 491, 512
 Франциск II 95
 Фридрих II 144, 412, 414, 553, 563, 566
 Фридрих-Вильгельм I 494
- Фримэн М. 268
 Фрис Якоб 441
 Фруассар 411
 Фуггеры, дом 35, 317, 409, 491, 503
 Фукс Леонхард 180
 Фурастье Жан 73, 149
 Фюретьер Антуан 522
 Фюстель де Куланж Ньюма Дени 108
 Фютер Э. 111
- Хальбвакс М. 49
 Хатарюн (Паскаль) 277
 Хепке Рудольф 536
 Хидэси, Гоётоми Хидэси 334
 Хименесы, торговый дом 143
 Хокусаи 362
 Хопкинс Шейла 148
 Хуан Австрийский 341
 Хубилай 109
 Хьюз Гордон 69, 74, 195
 Хэмилтон Дж. 144
 Хэрингтон Джон 332
- Цезарь Гай Юлий 239, 450, 456, 533, 543
 Цины, династия 217, 485
 Цицерон Марк Туллий 240
 Цяньлун, император 574
- Чан-Ханшен 55
 Чарторьский, князь 298
 Чернины 130
 Чжан К. Ч. 203, 204
 Чжэн Хэ 433
 Чингисхан 109
 Чинчон Перес де 306
 Чиполла Карло 412
- Шамплен Самюэль 197
 Шап, братья 461
 Шарден 105, 166, 294, 346, 401, 456
 Шарлевуа Пьер-Франсуа-Ксавье де 197, 279
 Шварценберги 74
 Швейнфурт Георг 448
 Швентер 461
 Шейфер Э. Х. 268
 Шекспир Уильям 586–588
 Шеффилд, лорд 244
 Шолиак Ги де 93
 Шонгауэр Мартин 318, 328
 Шоню Пьер 36
 Шоув Д. 61
 Шпекле Даниэль 369
 Шпенглер Освальд 427, 512
 Шрёттер 499
 Штранге М. М. 29
 Шумпетер Йозеф Алоис 507
- Эдуард III 411
 Эйнауи Луиджи 497

- Эмарденкер Жан-Жак 36
Эпаминонд 554
Эразм Роттердамский 200, 316, 322
Эрик Рыжий 432
Эро Жан, сир де Гурвиль 67
Эррера Алонсо де 368
- Эрстед 461
Эскаланте Бернардино 303
Эсте, герцог д' 321
Этуаль Пьер де л' 94
Этьенн Шарль 368
- Юань, династия 579
- Юлиан Отступник 257
Юлий II, папа Римский 354
Юм Дэвид 501, 504
Юнг Артур 132, 133, 452
Юстиниан 348
- Янссен Иероним 329

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

- Абиссиния 72, 193
Авелон, река 405
Авиньон 100, 202, 424
Австралия 45, 112, 123, 196, 348
Австрия 453, 532
Агра 559
Аден 276
Адидже, река 446
Адрианополь 311, 541
Адриатическое море 304
Адур, река 387
Азия 45, 53, 57, 61, 90, 92, 102, 162, 163, 167, 170, 174, 190, 192, 193, 232, 241, 251, 270, 295, 350, 368, 371, 372, 402, 412, 493, 556
Азия Центральная 109, 161, 163, 481
Азия Юго-Восточная 190, 191, 294
Азорские острова 243, 251, 434
Акапулько 188, 218, 230, 345, 439, 444
Аквитания 127
Алгарви 232
Александретта 536
Александрия 125, 128, 229, 412, 436, 502, 536
Алеппо 276, 349, 478, 536
Алес 393
Алеутские острова 82
Алжир 36, 267, 276, 294, 295, 334, 473, 517, 520
Аллахабад 559
Альвар 405
Альмаден 408
Альпы 74, 80, 253, 292, 325, 349, 375, 399, 405, 490, 491, 551
Альтмарк 86
Аляска 49, 232, 471
Амазония 74
Амазонка 112
Америка 35, 36, 46–48, 54, 57, 59, 60, 66, 68, 76, 80, 81, 96, 97, 102, 103, 105, 112–114, 118, 123, 125, 141, 161, 172, 174, 175, 178–180, 182–184, 189, 190, 193, 196, 197, 206, 215, 217, 227, 235, 239, 242, 245, 251, 257, 265, 266, 283, 348, 350, 359, 364, 365, 388, 422, 426, 432, 458, 472–476, 479, 480, 487, 490, 502, 514, 522, 528, 539, 553, 554, 559, 595
Америка Северная 48, 112, 197, 237, 268, 364, 472
Америка Южная 76, 176, 184
Амстердам 34, 76, 101, 141, 143, 206, 241, 242, 245, 269, 271, 272, 283, 291, 299, 341, 461, 471, 478, 492, 504, 505, 513, 521, 546, 559, 561, 563
Амстердам, остров 82
Амударья, река 119
Амур, река 112, 114
Амьен 88, 398, 414, 444
Анатолия 366
Анахуак, плато 176
Ангкор-Ват 164
Англия 51, 64, 66, 79, 80, 88, 94, 95, 116, 125, 126, 130, 132, 137, 139, 141, 153, 183, 186, 188, 199, 214, 215, 223, 224, 234, 236, 243, 245, 246, 248, 251, 253, 257, 265, 266, 269–271, 273, 277, 280, 283–285, 290, 296, 316, 318, 324, 326, 328, 331, 347, 351, 355, 373, 378, 382, 387, 391–395, 398, 406, 407, 411, 419, 420, 426, 427, 436, 453, 461, 476, 488, 492, 496, 501, 503, 504, 507, 512, 513, 518, 522, 537, 543, 546, 552, 560, 561, 563, 581, 588, 589, 592, 595
Ангола 472
Андалусия 182, 232, 253, 254, 263, 349, 372, 510
Анды 112, 178, 179, 193, 364, 554
Анжу 392
Аннам 163, 169
Антверпен 143, 199, 241, 262, 324, 399, 427, 491, 536
Антильские острова 48, 123, 178, 218, 231, 245, 266, 387, 434, 474
Ашенинский полуостров 124
Апулия 141
Аравия 279, 401, 433
Арагон 543
Аргентина 60, 80, 120, 123, 139, 218, 251, 365, 441, 474
Арденны 135
Аржантёй 154
Арика 179
Арль 140, 377, 382
Арль, река 140
Армения 143, 242, 522
Арно, река 552
Арси-сюр-Об 512
Артуа 132, 136, 151, 393
Архангельск 118, 388, 493
Ассам 243
Астрахань 111, 115, 118, 259, 422, 572
Атлантика (Атлантический океан) 47, 76, 109, 123, 198, 215, 226, 232, 233, 251, 279, 319, 348, 378, 384, 399, 416, 428, 431, 433, 434, 436, 468, 478, 547
Аттика 547, 550
Аугсбург 99, 155, 248, 376, 419, 517, 532
Аурес 473
Афганистан 78
Афины 547, 550
Африка 47, 50, 53, 54, 57, 65, 76, 128, 161, 174, 183, 190, 192, 251, 257, 285, 314, 368, 389, 426, 432–434, 470, 471, 480, 554
Африка Западная 439
Африка Северная 54, 78, 98, 229, 232, 246, 292, 372, 412, 422, 492
Африка Центральная 76
Африка Черная (Африка Тропическая) 46, 54, 65, 69, 76, 78, 116, 118, 226, 306, 312, 336, 348, 362, 370, 466
Африка Южная 78, 112, 123
Баб-эль-Мандебский пролив 480
Бавария 88, 99
Багдад 478, 556
Базальдэ 537
Базас 537
Базель 379, 446, 517
Баия, залив 232, 285, 554
Байкал 114
Байонна 133, 180, 182, 269, 492
Байрейт 99
Байхэ, река 232, 575
Балеарские острова 436
Балканы 50, 63, 98, 125, 182, 211, 283, 294, 304, 366, 371, 426, 443, 448, 555
Балтика 143, 233, 253, 266, 384, 387, 388, 390, 406, 428, 493
Барбегаль 377
Бар-ле-Дюк 380, 387, 518
Барлетта 227
Барре 314
Барруа 139, 390, 512
Барселона 96, 227, 262, 436, 525
Басра 78, 478

- Бассиньи 91
 Батавия 49, 105, 270, 574
 Беарн 119, 182, 263
 Бедаррид 100
 Безансон 79, 99, 100
 Белград 215, 318, 451
 Белое море 493
 Бен-Бонне-ле-Шато 406
 Бенгал 90, 559
 Бенгалия 161, 164, 241, 243, 480
 Бендер-Аббас 232, 416
 Бенин 183
 Бенинский залив 285
 Бер, залив (Этан-де-Бер) 536
 Берг 419
 Берег Слоновой Кости 471
 Берингов пролив 193
 Беркли 46, 49
 Берлин 208, 215, 516, 563
 Берхтесгаден 377
 Бессен 213
 Бикокка 64
 Бильбао 536
 Бирма 176, 183, 471
 Бирмингем 592
 Бискайя 260, 406, 436
 Ближний Восток 198, 367
 Блуа 91
 Бове 86, 286, 299, 304
 Бовези 104, 119, 135, 153
 Бодога 333
 Болонья 139, 321
 Бомбей 59, 105
 Бон 453
 Борделе 263
 Бордо 100, 245, 251, 253, 254, 258, 262, 302, 453
 Бос 132, 368
 Босфор 303
 Бохадор, мыс 434
 Брабант 446
 Бразилия 36, 47, 48, 54, 59, 65, 112, 179, 201–202, 217, 243, 245, 278, 364–366, 389, 474, 491, 531, 554
 Бранденбург 111
 Брауншвейг 136, 258
 Бремен 106, 258, 535
 Бреннер, перевал 375, 446
 Брента, река 247, 302, 446
 Бресе 150, 338
 Брест 393
 Брест-Литовск 447
 Бретань 126, 132, 151, 230, 333, 373
 Брешиа 253, 399, 404, 406, 417, 420, 551
 Бри 153, 213, 227
 Бруаж 226
 Брусса 230
 Брэ 119, 135, 227
 Брюгге 430, 445, 517, 536
 Булоннэ 393
 Булонь 95
 Бурбон /Реюньон/, остров 242, 279
 Бурбоннэ 368
 Бургос 234, 412, 536
 Бургундия 106, 136, 140, 150, 182, 215, 253, 255, 266, 285, 304, 338, 392, 423, 491
 Бурж 318
 Буттштедт 210
 Буэнос-Айрес 48, 217, 251, 366, 441, 442, 516, 554
 Бьевр, река 299, 380
 Вавилония 257, 449, 502
 Валансьенн 333
 Валахия 532
 Вале /Валлис/ 227
 Валенсия 80, 130, 243
 Валуа 153
 Валь-Камоника 406
 Вальпараисо 251
 Вальядолид 229, 234, 249, 255, 286
 Вандёвр-сюр-Барс 512
 Вандея 133
 Варвария 372
 Варзи 296, 512
 Варшава 74, 388
 Веймар 210
 Вейнсберг 517
 Вексен 153
 Великие озера 76
 Величка 390
 Вель, река 380
 Вена 186, 366, 414, 553, 559, 574
 Венгрия 59, 115, 137, 210, 217, 253, 296, 322, 381, 422, 490, 522, 532
 Венеция 86, 88, 103, 107, 123–125, 127, 141, 143, 147, 154, 155, 182, 183, 199, 204, 205, 210, 211, 219, 223, 227, 233, 241, 242, 245–247, 255, 262, 265, 276, 291, 305, 319, 341, 349, 390, 399, 419, 426–428, 446, 447, 451, 460, 478, 492, 500, 504, 513, 517, 520, 522, 530, 533, 536, 544, 550, 551, 574, 581
 Веракрус 231
 Веркор 80
 Вермандуа 139
 Верона 86
 Версаль 224, 320, 329, 353, 376, 560, 573, 587
 Вест-Индия 240, 563
 Веттерау 288
 Виварэ 182
 Вивероль 406
 Виджаянагар 77, 479, 556
 Византия 243, 339, 348, 349, 430, 468, 522
 Вила-ду-Конди 248
 Виргиния 105, 283, 475
 Виссамбур 129
 Витория 287
 Витри-ле-Франсуа 139
 Виченца 253
 Влтава, река 298, 380
 Вожирар 256
 Вогеzy 369, 387, 391, 408, 423
 Волга 111, 115, 116, 118, 234, 572
 Вольнь 122
 Вормс 517
 Вроцлав 248
 Вупшер, река 419
 Вьетнам 163, 294, 535
 Выборг 568
 Вюртемберг 73, 234
 Гаага 302
 Гавайи 195
 Гавр 236
 Гайяк 262
 Галата 419, 522, 541
 Галисия 182, 368, 381
 Галлиполи 311
 Галлия 254, 257, 353, 366
 Гамбург 213, 215, 266, 302
 Ганг, река 78, 122, 164, 173, 243, 479, 480
 Гандхар 559
 Ганьсу 73
 Гарда, озеро 423
 Гарлем 424
 Гаронна, река 180, 182, 253, 377, 380
 Гасконь 124, 151, 417
 Гатин 133, 297
 Гвадалквивир 532, 535
 Гваделупа 243, 279
 Гватемала 175
 Гвиана 266
 Гвиана Французская 242
 Гвинейский залив 116, 243, 313, 470
 Гвинея 78, 239, 434, 445
 Гданьск 141, 143, 528
 Гёзлев 123
 Гейльбронн 517
 Гелдерн 123
 Гент 104, 446, 526
 Генуя 34, 101, 140, 143, 146, 155, 236, 248, 271, 305, 390, 415, 423, 494, 504, 517, 530, 532, 536, 544
 Германия 49, 63, 73, 80, 86, 88, 94, 99, 106, 108, 111, 115, 132, 137, 139, 180, 186, 187, 208, 210, 212, 213, 215, 222, 226, 228, 234, 241, 257, 258, 260, 262, 263, 266, 271, 278, 285, 290, 296, 317–322, 328, 338, 342, 373, 384, 403, 413, 418, 424, 426, 446, 447, 452, 468, 476, 489, 491, 512, 514, 518, 532, 543, 544, 593
 Гётеборг 271
 Гибралтар 79, 432, 518, 539
 Гибрэ 373
 Гималаи 164, 362
 Глазго 592
 Гоа 105, 168, 293, 426
 Гоби 111
 Голконда 404
 Голландия 94, 132, 144, 180, 214, 229, 233, 234, 241, 265, 266, 271, 285, 296, 318, 328, 341, 344, 372,

- 384, 387, 458, 461, 476, 488, 496,
514, 560, 589
Гольфстрим 74, 232
Гоммерон 480
Гондурас 389
Гонес 154, 533
Горн, мыс 49, 196
Гояс 531
Граната 422
Гранж-Бательер 99
Грансон 352
Граубюнден 211
Грац 420
Гре 446
Гренада 128
Гренландия 60, 432
Гренобль 100, 461
Греция 74, 121, 324, 364, 377, 502,
509, 544
Гринвич 419
Грузия 251
Гуанахуато 491
Гуандун 217, 243
Гуанмин 370
Гуанси 526
Гуджарат 90, 267, 479, 480
Гудзонов залив 197, 198
- Дальний Восток 77, 78, 118, 120,
130, 160–163, 166, 168, 171, 174,
230, 267, 274, 275, 303, 401, 412,
422, 436, 478, 487, 488, 493, 513,
556, 558, 559
Дакка 559
Даман 449
Дамаск 276, 478
Дананг 430
Дания 137, 213, 219, 284, 285, 296,
344, 372, 378
Данстелл 586
Декан 77, 90, 162, 288, 389, 479
Дели 112, 173, 301, 478, 513, 517,
556, 559, 574
Денен 65
Десиз 393
Дерби 395
Дербишир 394
Джидда 536, 539
Джуби, мыс 432
Джудекка, остров 530
Джунгарские ворота 112, 368
Дижон 90, 93, 182, 254, 288, 302,
389
Днестр 111, 115
Доброй Надежды мыс 78, 238,
433, 434, 439, 488, 492, 558
Доггер-банка 233
Долгайн 391
Доль 99
Домб 131, 215
Дон 111, 115, 116, 572
Дордонь, река 253, 526
Дофине 127, 186, 228, 402, 405,
421, 423
Драси 297
Дрезден 245
- Ду, река 79, 390
Дунай 215, 306, 517, 532
Дуэро 153
Дьепп 219, 230, 236, 237
Дюнкерк 133, 393
Дюрен 414
- Евпатория 123
Европа 33, 39, 40, 44, 45, 47–55,
57–59, 61, 65, 66, 72–77, 84,
86–91, 94–98, 102–107, 110, 111,
120, 122–124, 128, 131, 133, 135,
137–141, 148, 151–153, 155, 158,
161, 168–172, 180, 182, 183, 186,
188, 190, 192, 195, 202, 203, 205,
206, 211, 213, 215–219, 224,
226–234, 236–239, 241, 243–246,
251, 252, 257, 260, 263, 265–268,
270, 272, 273, 279 283, 285, 295,
298, 301, 302, 306, 309, 310, 314,
317, 318, 325, 331, 338, 339, 341,
345, 347–351, 353–355, 359, 360,
364, 365, 368, 369, 371–373, 377,
378, 381, 386–389, 392, 395, 396,
398–400, 402, 403, 407, 411, 420,
422, 423, 426, 428, 431–434, 436,
440, 441, 444, 447–449, 452, 458,
466, 468, 469, 471, 473, 474, 476,
477, 480, 486, 487, 489, 490, 492,
493, 495–597, 509, 510, 513–515,
518, 522, 530–532, 536, 541, 542,
544, 547, 552, 554, 556, 558, 559,
561, 570, 578, 581, 584, 590, 591
Европа Восточная 58, 59, 74, 98,
111, 115, 233, 234, 292, 339, 352,
473, 493, 508
Европа Западная 62, 271, 547, 553
Европа Северная 142, 146, 267,
275, 324, 369, 384, 430
Европа Южная 146, 233, 384
Европа Центральная 74, 97, 124,
234, 257, 589
Египет 54, 63, 95, 122, 125, 217,
230, 243, 244, 249, 257, 276, 324,
336, 368, 390, 412, 422, 478, 487,
502
- Жеводан 79
Желтое море 436
Женева 318, 322, 380, 536
Жиронда 253
Жужуй 441
- Задар 265
Закавказье 251
Зальцведель 86
Занзибар 76, 116, 433, 439
Зеландия 233
Зеленый мыс, острова 314
Зиг, долина 402
Золотой Рог 531, 541
Зондские острова 539
Зондский пролив 445
Зуль 420
- Иберийский полуостров 185, 436
- Ивет, река 380
Игольный мыс 433
Иена 593
Иерихон 515
Иесо (Хоккайдо) 77
Иллинойс 516
Иль, река 380
Иль-де-Франс (Маврикий),
остров 80, 242
Инд, река 122, 173, 479
Индийский океан 74, 82, 116, 124,
241, 348, 428, 433, 439, 448, 471
Индия 35, 44, 45, 57, 59, 62, 66, 72,
73, 76–78, 87, 90, 95, 98, 105,
107, 110, 111, 117, 122, 161, 163,
172–174, 182–184, 188, 200, 216,
228, 230, 238, 239, 243, 252, 269,
276, 280, 281, 283, 285, 287, 293,
301, 306, 307, 309, 334, 336, 338,
341, 348, 360, 362, 366, 368, 370,
396, 397, 401, 402, 416, 422, 426,
428, 432–434, 439, 444, 446, 449,
457, 470, 471, 477–481, 486, 488,
492, 493, 496, 497, 519, 522, 528,
556, 559
Индия Северная 111, 348, 368,
528
Индокитай 72, 76, 191, 202, 481
Индонезия 49, 72, 76, 77, 116, 163,
183, 202, 241, 281, 284, 306, 307,
389, 422, 428, 433, 468, 481
Иран 78, 98, 109, 111, 122, 243,
267, 348, 381, 400, 402, 416, 422,
478–480, 522, 539
Иркутск 82, 114, 122, 272, 516
Ирландия 137, 186, 215, 230, 453,
561
Исландия 432, 471
Испания 44, 64–67, 99, 123, 124,
128, 130, 137, 153, 160, 169, 179,
185, 200, 214, 216, 229, 230,
234–237, 240, 246, 251, 253,
268–271, 275, 283, 305, 306, 312,
318, 324, 339–342, 344, 353, 365,
382, 384, 387, 406, 408, 412, 419,
423, 426, 436, 444, 475, 488, 489,
493, 496, 536, 546, 552, 561, 563,
584
Истрия 253
Исфахан 122, 252, 346, 478, 489,
539
Италия 44, 63, 66, 73, 74, 111, 123,
124, 137–141, 182, 185, 205, 210,
215, 219, 223, 228, 229, 236, 238,
246, 264, 266, 278, 283, 297, 304,
315, 325, 328, 344, 349, 354, 373,
384, 413, 414, 423, 426, 436, 445,
458, 471, 487, 491, 494, 503, 509,
521, 543, 544
Италия Северная 132, 248, 521
Италия Южная 147, 200, 261
- Йедло 345, 560
Йемен 480
Йонна, река 253, 390, 402, 403,
446

- Кавказ 72, 474
 Кадис 65, 215, 332, 488, 492, 531, 532, 535, 536
 Казань 111, 115, 422
 Каир 276, 311, 401, 412, 502, 510, 536, 539, 556
 Кайенна 279
 Калабрия 419
 Кале 95, 410, 412, 414
 Каликут 433, 439
 Калифорния 251
 Кальдера 179
 Калькутта 117
 Кальяо 179
 Кальяри 227
 Камбоджа 164, 166, 202, 294
 Камчатка 81, 82, 114
 Кан 260
 Канада 47, 59, 139, 232, 387
 Канарские острова 243, 251, 431, 434, 584
 Кандия – см. Крит
 Канзас-Сити 309
 Канкаль 219
 Кантон 82, 122, 169, 216, 243, 271, 291, 301, 310, 369, 426, 448, 486, 532, 579
 Каракорум 111
 Каракас 269
 Каринтия 405
 Карфаген 78
 Каспий 109, 112
 Кассэ-ле-Витто 106
 Карибское (Антильское) море 179, 431
 Каркараналь 442
 Каролина 125
 Кастильнодари 180
 Кастильфранко-ди-Сопра 528
 Кастилия 107, 155, 372, 525, 543
 Кастильоне 413
 Каталония 103, 182, 263, 297, 341
 Кафа 116
 Кашмир 559
 Кёльн 63, 86, 155, 284, 302, 419, 420, 446, 526, 532
 Кембридж 586
 Кёнигсберг 106, 266
 Керетаро 178
 Керси 213
 Киото 560
 Кипр 219, 243, 390
 Китай 36, 44, 45, 50–52, 55, 57–59, 61, 72, 73, 76, 77, 82, 84, 87, 90, 95, 96, 98, 103, 107, 109–111, 116, 117, 121, 122, 125, 128, 135, 160, 162–165, 167–173, 180, 183, 184, 188, 202, 204, 216, 217, 226, 229, 230, 232, 238, 241, 243, 245, 249, 250, 257, 267–270, 273, 274, 281, 283–285, 291, 293, 294, 301, 308–310, 312, 333, 334, 336, 338, 348, 350, 353, 360–362, 364, 369, 370, 381, 382, 389, 390, 392, 395, 399, 402, 411, 412, 422–424, 426, 433, 436, 440, 441, 444, 446–448, 450, 452, 458, 468, 471, 477, 480–486, 502, 510, 513, 516, 517, 519, 520, 522, 524–526, 528, 532, 537, 544, 556, 559, 560, 581, 591, 595
 Китай Северный 111, 112, 122, 161, 165, 184, 243, 274, 293, 294, 307, 309, 348, 367, 440
 Китай Южный 98, 122, 161–163, 165, 169, 232, 310, 421, 447, 579
 Ко 204
 Кобленц 526
 Ковно (Каунас) 447
 Коимбре 248
 Кокимбо 218
 Кольмар 262, 380
 Компьень 537
 Компостела 153
 Конго 54, 183, 194, 246, 471, 472
 Константинополь 95, 276, 355, 412, 422, 426, 531
 Коньяк 263
 Копенгаген 559
 Корбей 154
 Кордильеры 364
 Кордова 556
 Корея 72, 76, 184, 284, 370, 424, 528
 Корнуолл 461
 Корсика 126, 473, 520
 Корсо, мыс 390
 Корфу 390
 Котантен, полуостров 260
 Кот-д'Ор 297
 Кохинхина 161, 202, 243
 Краков 154, 241, 298, 388, 426, 448
 Красное море 38, 77, 428, 448, 480
 Крепи 86, 537
 Креси 410, 411, 414
 Крит 227, 252
 Кронштадт 570
 Крым 123, 251, 252, 508
 Куба 48, 245, 281
 Курдистан 371
 Куроисио, течение 232
 Куско 178, 287
 Куэрнавака 176
 Кюр, река 390
 Кюрасао 266
 Къвенна 205
 Кяхта 82, 272
 Лабрадорское течение 232
 Лаваль 132, 133, 260
 Лагос 232
 Ладожское озеро 568, 572
 Лаккадивские острова 471
 Ла-Лож 393
 Ламанча 384
 Ла-Манш 186, 233, 393, 428, 436, 536
 Ла-Машин 393
 Лангедок 44, 66, 131, 137, 211, 219, 227, 263, 373, 430
 Лангон 537
 Ландсберг 99
 Ланка, остров 433
 Лаос 294
 Ларедо 436
 Ла-Рошель 251, 253, 254, 393, 416
 Ла-Фревалэ 230
 Лахор 559
 Лациум 230
 Ла-Шапель-Фужере 84
 Левант 35, 123, 124, 140, 239, 280, 476, 478, 492
 Лейпциг 258, 427, 491, 517, 533
 Ле-Ман 304
 Ле-Мер, пролив 196
 Ленинград 272
 Леобен 398
 Лепанто 65, 418
 Либерия 471
 Ливония 141
 Ливорно 141, 227, 271, 478, 528, 536
 Лидо, остров 210
 Лидс 592
 Лима 251, 365, 554, 559, 574
 Лимань 129
 Лимож 280
 Лимузен 99, 373, 520
 Лион 227, 318, 344, 393, 406, 426, 427, 501, 512, 513, 517
 Лионнэ 392
 Лионский залив 436
 Липова 306
 Лир 208
 Лиссабон 65, 141, 182, 237, 241, 248, 271, 278, 282, 283, 302, 376, 387, 430, 480, 546, 574
 Литва 447
 Ломбардия 124, 254, 297, 349, 405, 533
 Лондон 59, 94, 96, 101, 102, 154, 158, 188, 200, 219, 228, 234, 245, 249, 254, 258, 271, 276, 290, 301, 302, 330, 332, 352, 375, 376, 393, 394, 452, 459, 478, 503, 504, 517, 520, 522, 530, 531, 533, 535–537, 546, 552, 558, 561, 562, 564, 572, 574, 578, 581, 584, 586–590, 592
 Лорагэ 180, 183
 Лориан 271
 Лотарингия 67, 91, 115, 128, 180, 186, 228, 258, 263, 265, 288, 390
 Луанда 473
 Луара, река 234, 236, 251–253, 263, 318, 390, 451, 543
 Лувен 426
 Луизиана 197, 198
 Любек 266
 Люксембург 128
 Льеж 332, 392, 393, 405, 406
 Маас, река 74, 263, 399, 406, 532
 Маврикий, остров – см. Иль-де-Франс
 Магелланов пролив 196
 Магнесия 230
 Мадагаскар 163, 439
 Мадейра 243, 251, 434, 476

- Мадрид 67, 94, 229, 256, 332, 340, 341, 553, 559, 563, 564, 574
 Мадурa 559
 Мазаган 371
 Майенн 132, 133
 Майн, река 288
 Майнц 424
 Макао 122, 283, 426, 483
 Макон 368
 Малага 65, 80, 419
 Малайзия 163
 Малайя 232
 Малакка 433, 445, 481, 531
 Малая Азия 63, 366, 372, 390, 515
 Малая Нева 567
 Малая Невка 567
 Малва 90
 Малинди 439
 Мальдивские острова 471
 Мальмеди 419
 Мальорка, остров 124
 Мальта, остров 394, 421, 422
 Манила 218, 345, 444, 483
 Манчестер 452, 586, 592
 Маньчжурия 80, 109, 112, 370, 532
 Маремма 131
 Мариньяно 323
 Марна, река 139, 380, 387, 389, 390, 403, 446
 Марокко 275, 371
 Марсель 123, 140, 141, 227, 236, 280, 302, 373, 390, 414, 436, 444, 478, 520, 536, 551
 Марстон-Мур 64
 Мартиг 536
 Мартиника 243, 279, 280
 Мачу-Пикчу 178
 Мегара 554
 Мегрелия 474
 Медина-дель-Кампо 390, 419
 Медина-де-Рио-Секо 234
 Мекка 276, 433, 517, 536, 539
 Мекленбург 144
 Мексика 46-49, 116, 123, 169, 175-178, 193, 195, 217, 251, 268, 439, 474, 483
 Мёлан 91
 Мен 88, 260, 403
 Менам, река 78
 Мендоса 80, 441
 Мёрт, река 387
 Месопотамия 191
 Мехико 47, 174, 176, 188, 189, 364, 554, 559, 574
 Мец 373, 411, 521
 Милан 103, 302, 341, 373, 413, 446, 517, 525, 536
 Минас-Жераис 531
 Миссисипи, река 60, 76
 Мичоакан 178
 Мозамбик 116, 439, 450
 Мойка, река 568, 570
 Мокка /Моха/ 279, 480
 Молдова 143
 Молиначела 413
 Молюккские острова 183
 Монбар 397
 Монбельяр 393
 Монголия 55, 112, 370, 445, 468
 Мономотапа 470, 480
 Монпазые 526
 Монпеза 213
 Монпелье 253, 261, 264, 390
 Монтевидео 217
 Монтегю 297
 Монца 205
 Моравия 253
 Морван 150, 390
 Москва 82, 98, 112, 115, 118, 291, 388, 519, 522, 554, 571
 Московия (Московская Русь) 50, 87, 111, 115, 257, 259, 291, 292, 306, 319, 378, 384, 402, 422, 424, 493, 539, 547, 554
 Мостар 306
 Мосул 478
 Моха - см. Мокка
 Мохач 422
 Мраморное море 531
 Мулен 393
 Мултан 559
 Мурано, остров 377, 530
 Муршидабад 559
 Мюльсен 153
 Мюнхен 99, 517, 559
 Наварра 447
 Нагасаки 426, 436
 Намюр 123, 128
 Нанкин 433, 513, 556
 Нанси 528
 Нант 155, 236, 245
 Нарва 493
 Неаполь 64, 124, 141, 158, 160, 227, 250, 254, 302, 372, 426, 488, 494, 497-500, 504, 505, 517, 530, 558, 563-567
 Нева 567-571
 Невер 318
 Негропонт (Эвбея) 418
 Неджд 371
 Нёрдлинген 259, 420
 Нидерланды 35, 73, 88, 115, 124, 137, 187, 208, 230, 254, 257, 258, 263, 268, 273, 284, 318, 322, 341, 384, 403, 418, 421, 426, 445, 452, 480, 521, 546, 552
 Нигер, река 76, 193, 439, 470
 Нигерия 471
 Нил, река 428
 Никарагуа 179
 Нимфенбург 553
 Нинбо 170, 532
 Новая Зеландия 45, 112, 193, 195, 196
 Новая Испания 179, 189, 230, 245, 268, 283, 335, 345, 364, 365, 445, 475, 483, 491, 528
 Новгород 474, 554, 555
 Новый Свет 47, 48, 65, 76, 80, 120, 162, 175, 179, 184, 193, 213, 251, 281, 283, 314, 364, 366, 387-389, 443, 446, 488, 515, 516, 528, 535, 536
 Норвегия 73, 137
 Нормандия 126, 130, 213, 227, 228, 260, 288, 373
 Норфолк 302
 Нуманция 257
 Ньювр 296, 512
 Нью-Йорк 452, 514
 Ньюкасл 393, 394, 584
 Ньюпорт 514
 Ньюфаундленд 231, 232, 234, 236, 237, 434
 Ньюи 254
 Нюрнберг 143, 259, 262, 302, 321, 376, 380, 406, 420, 427, 451, 513, 517
 Оберхергхайм 209
 Обь, река 81
 Овернь 211, 227, 332
 Огненная земля 193
 Одер, река 447
 Одесса 98
 Ож 213, 260
 Океания 45, 46, 49, 50, 53, 57, 190
 Оксфорд 101, 586
 Олинда 554
 Олонн 235
 Омск 81
 Онежское озеро 572
 Онфлёр 236
 Оран 98, 556
 Оркнейские острова 233
 Орлеан 99, 254, 388, 393, 451
 Ормуз 370, 433
 Орнен, река 387
 Осака 436, 513, 560
 Остенде 271
 Ост-Индия 258, 284, 585
 Охотск 82, 114
 Оясио, течение 232
 Павия 64, 144, 414, 418, 422
 Палембанг 433
 Паленке 288
 Палермо 539
 Панама 179
 Панамский перешеек 188
 Панипат 422
 Парагвай 175
 Париж 79, 89, 94, 99, 101, 102, 105, 125, 130, 133, 139, 144, 146, 153, 154, 158, 160, 205, 209, 213, 215, 219, 224, 227, 229, 230, 232-234, 236, 237, 244-246, 248, 253, 254, 258, 260, 261, 264, 265, 269, 276, 277, 279, 280, 283, 288, 298, 299, 301, 302, 304, 316-318, 321, 323, 330, 332, 341, 346, 351, 352, 360, 375-377, 380, 390, 392, 393, 426, 427, 446, 451, 453, 459, 492, 493, 499, 501, 505, 512, 517, 520, 521, 525, 530, 533, 537, 547, 551, 553, 558-

- 561, 563, 564, 572, 574, 584, 587, 590–592
Парижский бассейн 74
Парно 91
Пасхи, остров 195
Пегниц, река 380
Пезенас 204
Пеи-де-Ко, река 260
Пекин 55, 59, 78, 109, 111, 112, 120, 122, 161, 165, 170, 216, 217, 249, 301, 303, 307, 311, 312, 333, 361, 367, 370, 390, 433, 444, 448, 485, 517, 520, 525, 532, 556, 557, 559, 573, 574, 576, 578, 579, 591
Пеккэ 227
Пелопоннес 172
Пенджаб 111
Перигор 263
Персия 78, 80, 152, 166, 241, 252, 259, 275, 280, 287, 294, 307, 309, 346, 370, 371, 401, 402, 444, 456, 478, 480, 489, 539
Персидский залив 77, 232, 478, 480
Перу 47, 116, 175, 176, 179, 185, 245, 335, 341, 364, 365, 441, 474, 493
Пескара 304
Пиза 536
Пикардия 130, 139, 227, 291
Паласи – см. Плесси
Пирей 550, 554
Пиренеи 180, 473, 492
Пиренейский полуостров 73, 124
Плезанс 477
Плесси 117, 422
По, река 446
Поволжье 111, 112
Подолія 122
Полезине 182
Польша 73, 80, 98, 110, 111, 115, 136, 137, 139–141, 151, 185, 210, 241, 253, 257, 258, 266, 290, 292, 296, 322, 344, 350, 368, 381, 384, 389, 447, 448, 497, 528, 589
Померания 389
Пон-сюр-Сен 512
Понтуаз 154
Портичи 302
Портобельо 48, 105, 179
Португалия 123, 182, 186, 248, 251, 253, 254, 278, 372, 373, 430, 434, 458, 480, 488, 546, 554, 561, 584
Порту-да-Эстрела 364
Потоси 179, 185, 251, 481, 554, 559
Потсдам 553
Прага 286, 380, 525
Прибалтика 111, 137, 350, 387
Принсипи, остров 243, 445
Прирейнская область 88
Прованс 61, 130, 140, 219, 232, 261, 302, 373, 375, 520
Пруссия 73, 105, 139, 186, 266
Пуасси 133
Пуату 263, 375, 403
Пуатье 151, 372, 426, 525
Пуйи 91
Пуэрто-де-Санта-Мария 535, 536
Пфальц 123
Пьемонт 124, 150, 349, 405
Пьерфон 537
Пьяченца 205
Рагуза 127, 302
Раджинахал 559
Рауэ-Альб 80
Ревель 135
Регенсбург 420, 526, 532
Реджо 205
Реймс 380, 518
Рейн, река 63, 74, 234, 253, 266, 326, 406, 419, 421, 446, 532, 543, 584
Ренн 84, 100
Ресифи 243, 554
Реюньон, остров – см. Бурбон, остров
Рига 135, 215, 387
Рим 64, 108, 133, 160, 218, 227, 230, 239, 253, 254, 294, 306, 321, 324, 331, 351, 364, 369, 500, 502, 517, 530, 542, 544, 573, 574, 591
Рио-де-Ла-Плата 112
Рио-де-Жанейро 48, 59, 267, 287, 364, 531, 559, 574
Риу-Гранди-ду-Сул 245, 366
Родос 434
Рокруа 422
Рокстор 136
Романея 255
Романья 124, 140
Рона, река 140, 226, 227, 349, 393
Россия 63, 95, 98, 111, 112, 116, 137, 143, 144, 151, 180, 185, 241, 272, 273, 275, 283, 284, 317, 322, 350, 399–401, 407, 471, 474, 493, 510, 514, 519, 522, 550, 555
Ротенбург 518
Руан 253, 317
Румыния 377
Рур 393
Рюмежи 333
Саар 392, 402, 403
Сава, река 215
Савойя 99, 100, 171, 228, 288, 296, 349
Савона 536
Саксония 88, 97, 212, 409, 459
Салерно 230, 261
Сальта 365, 366
Сандвичевы острова 162
Сан-Джованни-Вальдарно 526
Сан-Джорджо 302
Сан-Доминго 47, 279
Сан-Жоржи-да-Мина – см. Эль-мина
Санкт-Петербург 74, 107, 130, 185, 215, 253, 285, 295, 330, 376, 387, 493, 528, 559, 567–573
Санлис 86, 405, 446, 537
Санлукар-де-Баррамеда 226, 235, 532, 535, 536
Сан-Паулу 76, 112, 365
Санс 390
Сан-Салвадор 531, 554
Сантандер 234, 286
Санта-Фе-де-Богота 365
Сантьягу-де-Куба 286
Сан-Томе, остров 243
Сант-Яго, остров 314
Сантьяго-де-Чили 80, 251, 441, 554
Сан-Франсиску 366
Сан-Франциско 82, 217
Сарагоса 66
Саргасово море 434
Сардиния 141, 297, 337, 436
Сассенаж 228
Сахалин 232
Сахара 46, 68, 122, 190, 366–368, 439
Св. Лаврентия река 123, 198
Севенны 126
Северн, река 381
Северное море 124, 186, 233, 272, 319, 393
Севилья 54, 65, 66, 99, 129, 141, 235, 253, 258, 283, 387, 434, 497, 517, 531, 535, 536, 546
Севр 375
Сеговия 247, 501
Сельнёв 390
Сена, река 158, 234, 248, 249, 260, 332, 352, 375–377, 380, 387, 390, 402, 403, 446, 569
Сен-Виван 255
Сен-Готард 446
Сен-Дени 104
Сен-Дидье 406
Сенегал 224, 470
Сен-Жан-д'Акр 243
Сен-Жан-ле-Фруа 297
Сен-Жермен 553
Сен-Клу 375, 553
Сен-Луи, остров 352
Сен-Мало 236
Сен-Мартен 406
Сен-Поль-ан-Жаре 406
Сен-Ромен 406
Сен-Сенфорьен 406
Сент-Андре 406
Сент-Мари-о-Мин 408
Сент-Этьенн 406, 420
Сен-Флур 211
Сен-Шамон 406
Сербия 318
Серру-ду-Мар, горы 364
Сет 263
Сетубал 226
Сеута 412, 556
Сиам 78, 161, 164, 202, 294, 422, 445
Сиамский залив 381
Сибирь 55, 69, 74, 77, 81, 103, 112, 115, 195, 197, 267, 284, 307, 314,

- 322, 384, 388, 400, 401, 441, 443, 472, 474, 516
Сиваликские холмы 164
Силанское озеро 380
Силезия 144, 550
Сингапур 531
Сирия 243, 349, 412, 422
Сито 255
Сицилия 124, 139, 141, 208, 232, 243, 261, 277, 284, 349, 436, 492, 505, 567
Скалистые горы 62
Скандинавия 50, 61, 291, 377, 388, 426
Скарперия 526
Скутари 371
Словакия 137
Смирна 269, 480, 533
Со 133, 387
Соединенные провинции 187, 420, 561
США 59, 62, 73, 114, 123, 186, 190, 236, 309, 332, 392, 453, 476, 559
Сольнь 151
Солютре 368
Сомюр 318
Сона, река 140, 150, 290, 446
Соно 393
Сорг 100
Сорокаба 365
София 451
Спарга 554
Средиземноморье 63, 72, 122–124, 139, 141–143, 171, 213, 215, 226, 227, 230, 232, 239, 241, 250, 263, 273, 288, 348, 353, 372, 382, 393, 416, 428, 430, 434, 444–446, 488, 502, 508, 526, 531
Средняя Азия 367, 400, 481
СССР 296
Стамбул 63, 77, 115, 143, 217, 224, 229, 249–251, 276, 367, 371, 443, 451, 474, 478, 517, 522, 539, 541, 559, 564
Старый Свет 66, 69, 75, 109, 179, 184, 203, 251, 273, 364, 366, 367, 399, 403, 428, 439, 468
Стокгольм 266, 568
Страсбург 129, 413, 526
Судан 193, 370, 490
Сулавеси 104
Суматра 78, 120, 163, 433, 445, 480, 481
Сурат 479
Суррей 229
Сус 243, 245
Сучжоу 558
Суэц 536
Суэцкий канал 428, 439
Суэцкий перешеек 428, 430
Сычуань 183, 268, 273, 294, 333, 448
Сьерра-Леоне 471
Таити 45, 192, 196
Тайвань 55, 284
Тайн, река 394
Таликота 77
Тана 116
Тарн 297
Таррагона 382
Тасмания 45, 69
Татария 202, 217, 362, 424
Тебриз 367, 422
Тегран 112
Темешвар 151
Темза, река 248, 450, 452, 535, 536, 569, 585–588
Тенерифе, остров 251
Тернуар 406
Террануова – Браччолини 528
Техуакан 174
Тибет 55, 112, 163, 274, 381, 468, 481
Тироль 93, 253, 385
Титикака, озеро 176
Тихий океан 47, 48, 82, 109, 162, 196, 428, 468, 483, 492
Тлемсен 541
Тобольск 114
Токио 172, 345, 560
Толедо 248, 298
Томар 248
Томск 81, 122, 441
Тонкин 161, 165, 167, 202, 430
Тонкинский залив 428–430
Тоннэ-Шарант 263
Торре-Аннуциата 302
Торре-дель-Греко 302
Тортоса 446
Торунь 447
Тоскана 88, 124, 180, 331, 338, 349, 471, 566, 567
Траванкур 162
Трансильвания 110, 115
Трапани 227
Трапезунд 78
Трент, река 381
Триана 535, 536
Триполи 536
Трир 257
Тричинополи 559
Труа 89, 204, 288, 380, 423
Тудела 446
Тукуман 365
Тулон 102
Тулуза 180, 182, 332, 377, 380, 525
Тунис 448
Тур 393
Турень 227
Турин 526
Туркестан 55, 112, 119, 402, 424
Туркестан Китайский 73
Турне 499
Турнон 461
Турция (и Турецкая империя) 59, 115, 117, 123, 141, 152, 180, 217, 228, 276, 311, 334, 341, 371, 372, 422, 466, 468, 480, 488, 508, 522, 539, 559, 572
Тьераш 398
Тьямпа 169
Уаза, река 139, 380
Украина 122, 139, 251, 572
Ульм 88, 349, 517, 532, 552
Урал 50, 51, 79, 398, 406
Утрехт 344
Уэльс 94, 391
Фабриано 423
Фалер 554
Фамагуста 422
Фарерские острова 482
Ферне 38, 103
Феррара 124
Фивы 554
Филадельфия 452, 514
Филиппины 78, 122, 170, 188, 283, 445
Филиппополь 522
Финистер 132, 133
Финляндия 73, 91, 388
Фландрия 94, 130, 132, 139, 187, 253, 318, 393, 411, 496, 518, 519, 536, 544
Флиш 447
Флоренция 88, 99, 101, 143, 205, 302, 372, 411, 427, 452, 504, 513, 517, 518, 521, 525, 526, 536, 544, 546, 551, 552
Флорида 80, 176
Фонтанка, река 568
Фонтенбло 553
Форез 368, 392
Форли 253
Форминьи 413
Формоза 77
Франкфурт на Майне 427, 491, 542
Франция 44, 45, 61, 62, 65–68, 73, 79, 80, 87, 91, 94, 96, 100, 103, 104, 106, 123–126, 132, 133, 136, 137, 139, 141, 144, 147, 149, 151, 153, 155, 166, 168, 182, 183, 186–188, 200, 204–208, 211, 213, 215, 217, 224, 227–229, 234, 236, 237, 242, 244, 250, 253–255, 258, 263, 268–271, 278–280, 282–284, 296, 297, 315, 318, 323, 327, 328, 331, 337, 344, 350, 355, 360, 368, 373, 378, 381, 382, 386, 387, 389, 392, 407, 414, 417, 420, 451, 452, 459, 461, 464, 466, 468, 475, 476, 488, 492, 494, 496, 497, 503, 504, 512, 513, 543, 553, 560, 561, 584, 591, 592
Франция Восточная 403
Франция Западная 153, 403
Франция Северная 456, 592
Франция Юго-Западная 182
Франш-Конте 67, 180, 228, 265
Фрежюс 536
Фрейберг 459
Фрисландия 372
Фриули 253, 411, 520

- Фронтиньян 254
 Фуцзинсу, королевство 369
 Фуцзянь 183, 284, 433
 Фушунь 370
- Хайберский проход 111
 Хайнань, остров 232
 Халл 453
 Ханой (Ке-Шо) 535
 Харандилья 127
 Херес 263
 Херес-де-ла-Фронтера 517
 Херсон 98, 508
 Хиджаз 371
 Хоккайдо 232
 Хотон 302
 Хубэй 294
- Цейлон 162–164, 167, 232, 273, 283, 433
 Центральный массив 131
 Цзиньчжоу 558
 Цзянсу 558
- Чагрес, река 179
 Чарлстон 514
 Чатал-Хююк 515
 Черкессия 474
 Черногория 182
 Черное море 63, 115, 116, 474, 508
 Чехия 74, 128, 130, 137, 234, 257, 258, 377, 491, 589
 Чжанцзинфу 369
 Чжаоцзинфу 291
 Чжили 284
 Чилийский залив 436
 Чжэцзян 291, 433
- Чивидале 411
 Чили 114, 123, 179, 218, 251, 474, 475
 Чичен-Ица 288
 Чыонгшон, хребет 163
- Шалон на Марне 220, 389
 Шалоннэ 338
 Шампань 124, 139, 151, 255, 258, 291, 423, 445, 446, 508, 512
 Шанхай 532
 Шаранта, река 263, 387
 Шарантон 154
 Шарлевиль 528
 Шаурс 512
 Швабия 123, 211, 517
 Шварцвальд 387
 Швейцария 137
 Швеция 62, 73, 137, 141, 186, 284, 285, 398, 399, 407
 Шельда, река 139
 Шенбрунн 553
 Шпицберген 238
 Штирия 398, 403, 405, 420
 Штраубинг 99
 Шотландия 94, 111, 151, 561
 Штутгарт 517
- Эбро, река 440
 Эгейское море 123
 Эгина 554
 Эгморт 526
 Эдинбург 530
 Эдо – см. Токио
 Экс 219
 Элваш 248
 Эльба, река 266
- Эльзас 123, 129, 186, 187, 209, 224, 265, 295, 369, 398
 Эльмина 434, 439
 Эммаус 226
 Эпернэ 518
 Эпиналь 318
 Эрзерум 367, 522
 Эривань 522
 Эскуриал 553
 Эслинген 517
 Эстония 141
 Эстремадура 127, 318
 Эфиопия 78, 232, 275, 433, 470
- Югославия 306, 307
 Юденбург 398
 Южное море 196
 Юкатан 288
 Юльзен 97
 Юньлянхэ, река 122
 Юньнань 183, 333, 433, 447, 471
 Юра 131, 171, 337, 373, 380
 Юста 127, 260
- Ява 170, 202, 242, 273, 279, 280, 283, 433, 481
 Ямайка 243, 245, 279
 Ямал 77
 Янцзы, река 165, 232, 245, 274, 361, 447, 448, 526, 532
 Япония 36, 45, 69, 72, 76, 122, 163, 168, 172–174, 183, 184, 216, 229–232, 241, 245, 267, 273, 274, 283, 284, 306–308, 334, 345, 362, 370, 401, 424, 428, 436, 439, 444, 468, 474, 481, 514, 522, 525, 528, 560, 592, 595